

- [История Русской Церкви \(1917–1997\)](#)
 - [ГЛАВА I. Поместный собор 1917—1918 гг](#)
 - [ГЛАВА II. Русская Церковь при Святейшем Патриархе Тихоне \(1917—1925\)](#)
 - [Сейчас позднее, чем ты думаешь \(2003\)](#)
 - [ГЛАВА IV. Русская Церковь при Местоблюстителе патриаршего престола митрополите Петре и заместителе Местоблюстителя митрополите Сергии \(1925—1936\)](#)
 - [ГЛАВА V. Церковная жизнь на канонической территории](#)
 - [ГЛАВА VI. Русская Православная Церковь при Местоблюстителе патриаршего престола митрополите Сергии \(1936—1943\)](#)
 - [ГЛАВА VII. Русская Православная Церковь при патриархе Сергии \(Страгородском\)](#)
 - [ГЛАВА VIII. Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Алексии I \(Симанском\) \(1944—1970\)](#)
 - [ГЛАВА IX. Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Пимене \(1970—1990\)](#)
 - [ГЛАВА X. Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Алексии II](#)
 - [ГЛАВА XI. Церковная диаспора](#)
 - [ГЛАВА XII. Религиозное просвещение](#)
 - [Епархии Русской Православной Церкви](#)
 - [Архиереи Русской Православной Церкви \(1917—1997\)](#)
 - [Основные события церковной и государственной истории новейшего периода](#)
 - [Хронологический список явлений Пресвятой Богородицы и Ее прославления в знамениях, чудесах и иконах Русской Православной Церкви](#)
 - [Действующие монастыри Русской Православной Церкви \(на 1 марта 1997 г.\)](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)

- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)

- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)

- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)

- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)

- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)

- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)

- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)

- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)

- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)

- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)

- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)

- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)

- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)

- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)

- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)

- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)

Введение

От редакции

Книга «Истории Русской Церкви» посвящена судьбе православия в России в XX столетии, времени небывалом в истории нашего Отечества по интенсивности и сложности исторических событий: революционные перевороты 1917 г., превратившие крупнейшую православную империю в страну, где правили безбожники, восстановление патриаршества после двухсотлетней «синодальной» зависимости от власть предержащих и ни с чем не сравнимые гонения, направленные на тотальное истребление православных и полное уничтожение Церкви; сонмы мучеников и исповедников веры Христовой; Великая Отечественная война и разгром фашизма; новые гонения после короткого периода патриотического и духовного подъема; крушение тоталитарного атеистического режима, возрождение Церкви и духовной жизни в обнищавшей и раздираемой на части России; попытки извне и изнутри разделить единую Церковь, ее противостояние усилившимся в конце столетия соблазнам сектантства, еретических уклонений и просто пропаганде насилия и разврата — все это в неполные 80 лет. В то же время эти события создают единую уникальную эпоху в судьбе Русской Церкви, которая до сих пор еще не завершена: мы все время обращаемся к постановлениям Собора 1917–1918 гг. как к действующему источнику церковного права, до сих пор боремся с обновленчеством, принимающим иные формы, чем в 20-х гг., еще не прославлены в сонме святых царская семья, и многие мученики за веру и исповедники, не преодолены окончательно и негативные явления ушедшей в прошлое зависимости Церкви от враждебного ей государства. Именно поэтому задача исследователя, взявшего на себя труд описания живой, продолжающейся церковно-исторической эпохи, существенно отлична от задач, стоящих перед исследователями завершённых периодов истории,— здесь не может быть ни всеобъемлющих обобщений, ни окончательных выводов и приговоров. Вполне сознавая это, автор настоящего исследования [протоиерей Владислав Цыпин](#) стремится к более точному и продуманному описанию событий, фактов и людских судеб, предпочитая не давать им оценку, а представить суждения о них самих участников событий. В этом смысле настоящая книга является, несомненно, лишь введением в историю Русской Церкви XX в., материалом для будущих капитальных исследований, собранным и систематизированным одним из свидетелей этой эпохи.

От редакции

Учебник издан как 9 книга (приложение) истории Церкви митр. Макария Булгакова: Москва, Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

Девятая, заключительная, книга «Истории Русской Церкви» посвящена судьбе православия в России в XX столетии, времени небывалом в истории нашего Отечества по интенсивности и сложности исторических событий: революционные перевороты 1917 г., превратившие крупнейшую православную империю в страну, где правили безбожники, восстановление патриаршества после двухсотлетней «синодальной» зависимости от власть предержащих и ни с чем не сравнимые гонения, направленные на тотальное истребление православных и полное уничтожение Церкви; сонмы мучеников и исповедников веры Христовой; Великая Отечественная война и разгром фашизма; новые гонения после короткого периода патриотического и духовного подъема; крушение тоталитарного атеистического режима, возрождение Церкви и духовной жизни в обнищавшей и раздираемой на части России; попытки извне и изнутри разделить единую Церковь, ее противостояние усилившимся в конце столетия соблазнам сектантства, еретических уклонений и просто пропаганде насилия и разврата — все это в неполные 80 лет. В то же время эти события создают единую уникальную эпоху в судьбе

Русской Церкви, которая до сих пор еще не завершена: мы все время обращаемся к постановлениям Собора 1917–1918 гг. как к действующему источнику церковного права, до сих пор боремся с обновленчеством, принимающим иные формы, чем в 20-х гг., еще не прославлены в сонме святых царская семья, и многие мученики за веру и исповедники, не преодолены окончательно и негативные явления ушедшей в прошлое зависимости Церкви от враждебного ей государства. Именно поэтому задача исследователя, взявшего на себя труд описания живой, продолжающейся церковно-исторической эпохи, существенно отлична от задач, стоящих перед исследователями завершенных периодов истории,— здесь не может быть ни всеобъемлющих обобщений, ни окончательных выводов и приговоров. Вполне сознавая это, автор настоящего исследования протоиерей Владислав Цыпин стремится к более точному и продуманному описанию событий, фактов и людских судеб, предпочитая не давать им оценку, а представить суждения о них самих участников событий. В этом смысле настоящая книга является, несомненно, лишь введением в историю Русской Церкви XX в., материалом для будущих капитальных исследований, собранным и систематизированным одним из свидетелей этой эпохи.

Книга начинается описанием Поместного Собора 1917–1918 гг. и завершается решениями архиерейского Собора 18–23 февраля 1997 г. Придерживаясь хронологического принципа, автор избирает деление на главы по времени служения первоиерархов Русской Православной Церкви, отступая от него только в главах 5 и 11, посвященных церковной истории русской эмиграции и зарубежных епархий, и в главе 12, в которой развитие духовного образования и науки представлено как единый исторический процесс. Исходя из доступных сегодня материалов, автор описывает преимущественно историю епископата и высшего церковного управления, причем, как специалист в области церковного права, протоиерей Владислав уделяет большое внимание канонической и церковно-юридической стороне. В то же время за пределами его исследования, ограниченного объемом издания, неизбежно остаются важнейшие стороны жизни Церкви — судьба монастырей, приходская жизнь и т. д., требующие своих историков.

Помимо авторского текста в книге представлены традиционные для настоящего издания справочно-библиографические материалы, с небольшими, однако, изменениями. Учитывая, что в 20–50-х гг. одной из форм гонений на Церковь было требование постоянных перемещений епископата на кафедрах (часто за год архиерей менял 2–3 кафедры), хронологический принцип составления списка архиереев по кафедрам был заменен на более простой — алфавитный. Список монастырей, составленный по времени их открытия, заменяется алфавитным списком действующих монастырей на 1 марта 1997 г.

* * *

Автор настоящего труда — протоиерей Владислав Цыпин, доцент Московской Духовной Академии, автор книг: «История Русской Православной Церкви. 1917–1990 «Учебник для православных духовных семинарий» (М., 1994), «Русская Церковь. 1917–1925» (М., 1996), «Церковное право» (М., 1996), многочисленных статей в сборниках, журналах, других периодических изданиях. Протоиерей Владислав Цыпин исполняет обязанности ответственного секретаря Учебного комитета при Священном Синоде, является членом синодальных комиссий по канонизации святых, богословской и др.

ГЛАВА I. Поместный собор 1917—1918 гг

2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от престола, власть перешла к Временному правительству, образованному Временным комитетом Государственной думы.

Новые правители, непрерывной чередой сменявшие друг друга на министерских постах, не сумели создать новую государственность и наладить жизнь в стране. В России началась разруха, фронт подступал к столице, на окраинах страны сепаратисты, не дожидаясь Учредительного собрания, в явочном порядке провозглашали автономии, парализовав деятельность правительственных служб и местных учреждений власти. Повсюду происходили самочинные экспроприации.

Разлагающие веяния проникли и в церковную среду, появились статьи с нападками на прошлое Русской Церкви, в которых полуправда перемешана с ложью, образовались группировки, которые открыто провозгласили своей целью не только обновление церковного управления, но и реформу православного вероучения.

Сразу же после февраля возобновила свою деятельность памятная по 1905 г. группа 32-х священников, переименованная затем в «Союз церковного обновления». По инициативе священников И. Егорова, Д. Попова, А. Введенского в Петрограде под председательством протоиерея Димитрия Попова учреждается «Всероссийский союз демократического духовенства и мирян», куда вошла немалая часть питерского духовенства. Ядро этого союза получило странное для верующих название «ЦК». Несколько лет спустя эти либеральные группировки, образовавшиеся под крылом Временного правительства, и вызвали обновленческий раскол в Русской Православной Церкви. Опасность раскола угрожала и с другой стороны: на окраинах бывшей империи вслед за политическими автономиями готовилась почва для провозглашения автокефалий. Если Грузинская Церковь веками жила отдельно от Русской и ее стремление к автокефалии не затрагивало основ русского церковного бытия, то попытки обособить юго-запад России, оторвать от Русской Церкви ее материнскую Киевскую кафедру, грозили Церкви тяжелыми внутренними раздорами.

В марте Святейший Синод по настоянию обер-прокурора В. Н. Львова, назначенного Временным правительством, уволил на покой Петроградского митрополита Питирима (Окнова), престарелого Московского святителя Макария (Невского) и архиепископа Тобольского Варнаву (Накропина), обвинив их в тесных отношениях с Распутиным. Вслед за этим по всей стране начались увольнения архиереев, обвиненных в поддержке старого режима. Напряженность отношений обер-прокурора с епископами объяснялась не только личными качествами В. Н. Львова, но и тем обстоятельством, что «и прежде фигура обер-прокурора... была личным органом царской власти, самой же Церковью миропомазанной и призванной к церковным делам». Теперь же, по словам Карташова, «обер-прокурор, назначающий и изгоняющий епископов и самый Св. Синод, в качестве органа светского, внеконфессионального правительства — это *pensens* и каноническая обида для Церкви»¹.

Провозгласив всевозможные политические и гражданские свободы, правительство ужесточило давление на Церковь. Отношения между Святейшим Синодом, твердо отстаивавшим подлинную свободу Церкви, и обер-прокурором, который властно вмешивался в чисто церковные дела, уже в конце марта достигли остроты и привели к взрыву. Прологом послужила докладная записка профессора Петроградской Духовной Академии Б. В. Титлинова обер-прокурору В. Н. Львову, поданная 8 марта, в которой он, извращая историю Русской Церкви, настаивает на коренных преобразованиях, на «незамедлительной организации свободной церковной печати, во главе которой стали бы лучшие прогрессивные церковные

элементы». В заключение он предлагает передать печатный орган Синода совету Петроградской Академии, поскольку «высшее культурно-просветительное церковное учреждение, несомненно, более пригодно для подобного издательства, чем административное учреждение, каковым являются Синод и его чиновники»². Проект Титлинова, очевидно, совпадал с видами обер-прокурора, и 22 марта В. Н. Львов предложил Синоду уволить в отставку редактора «Всероссийского церковно-общественного вестника» профессора М. А. Остроумова и передать издание совету Петроградской Академии.

Между тем члены Синода разъехались по своим епархиям на Страстную и Пасхальную недели. В Петрограде по обыкновению остались Сергей (Страгородский), архиепископ Финляндский, [Тихон \(Белавин\)](#), архиепископ Литовский, и протопресвитер Георгий Шавельский. Определение, составленное по предложению Львова, подписали преосвященный Сергей и отец Георгий Шавельский. А святитель Тихон оставил только запись в журнале Синода: «Вопрос о передаче редактирования «Всероссийского церковно-общественного вестника» совету профессоров Петроградской Духовной Академии требует, по моему мнению, обсуждения Св. Синода в полном составе»³. По уставу этого было достаточно, чтобы сделать определение недействительным, но напористый обер-прокурор, игнорируя юридическую несостоятельность документа, пропускает определение к исполнению. 24 марта он извещает ректора Петроградской Духовной Академии о как бы состоявшемся постановлении Синода, и совет избирает редактором «Вестника» профессора Титлинова. При новой редакции у журнала появился девиз: «Свободная Церковь в свободном государстве», что, впрочем, не мешало газете молчать, когда обер-прокурор бесцеремонно вмешивался в чисто церковные проблемы.

Когда после Пасхи члены Синода вернулись в Петроград, у них сложилось единое мнение о незаконности передачи газеты Петроградской Академии. Но обер-прокурор считал, что все совершилось на законных основаниях, и журнал при новой редакции будет соответствовать «современному церковно-общественному течению мысли. Там теперь вы не найдете таких имен, которые были сторонниками реакции»⁴. Тогда в Синоде решили: пусть академия ведет издание на свои средства, а из хозяйственного управления денег на враждебную Церкви газету не выдавать.

15 апреля в зал заседаний Синода вошли В. Н. Львов с группой чиновников и военных. Революционный обер-прокурор, служивший прежде в кавалергардском полку, громко скомандовал: «Прошу встать! Объявляю указ Временного правительства» — и зачитал распоряжение о прекращении зимней сессии Синода и об увольнении его членов: митрополита Киевского [Владимира \(Богоявленского\)](#), архиепископов Литовского Тихона, Новгородского Арсения (Стадницкого), Гродненского Михаила ([Ермакова](#)), Нижегородского Иоакима (Левицкого), Черниговского Василия (Богоявленского), протопресвитеров Александра Дернова и Георгия Шавельского, — всех, кроме архиепископа Финляндского Сергея, и о вызове новых членов и присутствующих на летнюю сессию. Митрополит Владимир, архиепископы Тихон, Арсений, Михаил и Иоаким составили акт, в котором подтвердили свое несогласие с незаконной передачей «Вестника» совету Петроградской Академии и сделали заявление о том, что «новый состав Св. Синода должен быть образован способом каноническим, т. е. архиереи должны быть избраны архиереями, а члены от белого духовенства — голосом последнего»⁵. К этому заявлению впоследствии присоединились архиепископ Сергей и протопресвитеры А. Дернов и Г. Шавельский.

На летнюю сессию вызваны были экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), епископ Самарский Михаил (Богданов), протопресвитер Николай Любимов, настоятель Успенского собора Московского Кремля, профессора протоиереи Александр

Смирнов и Александр Рождественский, протоиерей Феодор Филоненко. Ни беспринципных карьеристов, ни церковных революционеров, подобных Б. Титлинову, не оказалось и в новом составе Синода, но некоторые из его членов известны были своим либерализмом. Протоиереи А. Рождественский, Ф. Филоненко, А. Смирнов поддерживали отношения с откровенно обновленческой группировкой «Союз демократического духовенства и мирян». Духовный путь епископа Уфимского Андрея был неровен: когда-то он увлекался теософией и спиритизмом, печатался в оккультных журналах, в 1905 г. увлекся политической борьбой, поддерживал эсеров. В 1917 г. он один в российском епископате искренне и всерьез связывал надежды на оздоровление церковной жизни с февральским переворотом. До приезда архиепископа Платона новый Синод возглавлял архиепископ Сергей, постоянный член всех последних его составов.

Тем временем «Всероссийский церковно-общественный вестник» все безудержнее проповедовал новые идеи, которые на деле оборачивались призывом к разрушению канонического строя Церкви, к бунту против преемственной от апостолов иерархии. По всей стране созывались епархиальные съезды духовенства и мирян, куда выбирались делегаты от земств, от военных организаций, от Красного Креста. Обескураженные и сбитые с толку круговертью событий, подстрекаемые пропагандой «Вестника», участники съездов выносили резолюции о недоверии епархиальным архиереям, в Синод направлялись петиции с требованием ввести выборность епископата.

29 апреля Святейший Синод объявил о начале подготовки к созыву Поместного Собора и о введении выборного начала на всех уровнях церковного управления, в том числе и при замещении архиерейских кафедр. Во многих епархиях выборы проходили в нецерковной обстановке, обновленческие настроения охватили часть мирян и клириков, особенно псаломщиков, пономарей. В церковной печати раздавались призывы ввести белый епископат и даже вовсе отменить институт монашества. При таком помрачении церковного сознания многие из достойных иерархов оказались неизбранными. На покой увольнялись архиепископы Черниговский Василий (Богоявленский), Калужский Тихон (Никаноров), Харьковский Антоний (Храповицкий). Архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий) был даже арестован и некоторое время содержался в заключении. Увольнение архиепископа Владимирского Алексия (Дородницына) оправдывалось его прежней близостью к Распутину, остальных обвинили, как водится, в приверженности старому строю.

В Твери епархиальный съезд, состоявшийся и вовсе незаконно, без согласия правящего архиерея, направил в Синод делегацию с требованием уволить архиепископа [Серафима \(Чичагова\)](#). Бунт вызвало недовольство диаконов и псаломщиков тем, что архиерей требовал от кандидатов в священники сдачи экзамена, который им нелегко было выдержать. Низвержение архипастырей и самоуправство в епархиях радовали обер-прокурора: «Я боюсь равнодушия, а всякий бунт приветствую; я исполняю волю народа, я гоню архиереев, ибо народ этого требует»⁶.

Антицерковный курс Временного правительства становился все очевиднее. 20 июня вышло постановление о передаче церковно-приходских школ (а их было в России около 37000) и семинарий в ведение Министерства народного просвещения. Особое недоверие членов Временного правительства к православию, их отчужденность от веры большинства граждан России проявились и в этом постановлении, которое ни в коей мере не затрагивало положения конфессиональных школ других вероисповеданий. Правительство нарушило и волю тысяч благотворителей, жертвовавших на нужды церковной школы. Святейший Синод протестовал, но власти в спешном порядке приняли постановление, которое вело к подрыву духовного просвещения народа.

Закон о свободе совести, опубликованный 14 июля, провозглашал свободу религиозного

самоопределения для каждого гражданина по достижении 14-летнего возраста, когда дети еще учатся в школе. Министерство просвещения торопилось использовать это положение для того, чтобы низвести преподавание Закона Божия на уровень факультативного предмета или вовсе устранить его из программы обучения. Именно в этот год сказаны были горькие слова о «раскрещивании России, получившей Крещение тысячу лет назад». Русская Церковь постепенно осознала, что симфонии с государством нет и не будет, а под давлением неправославной власти надо противостоять разлагающему влиянию либерализма в среде духовенства, но любые попытки дать отпор безначалию и самоуправству воспринимались многими на гребне революционных событий как рецидивы старорежимного, бюрократического ведения дел, скомпрометированного в глазах церковной общественности. Борьба за свободу Церкви, за возрождение соборности отождествлялась некоторыми с политическими принципами свободы парламентаризма.

Чудесное явление иконы Божией Матери «Державная» в селе Коломенском под Москвой 2 марта, в день отречения императора, стало великим и знаменательным событием, свершившимся в эти трудные дни. Это явление любви Богородицы к русскому народу, вступающему на путь крестных испытаний, было и материнским утешением, и увещанием, и призывом к молитвенному покаянию, к духовной собранности, к исповеднической верности Христу. В Москве средоточием здоровых сил Русской Православной Церкви становится храм Василия Блаженного; его настоятель протоиерей Иоанн Восторгов произносит проповеди, исполненные пророческих обличений и тревоги за Церковь, призывает народ к верности и стойкости в наступившие уже «лукавые времена». В далеком Свяжском монастыре, у раки святителя Германа, епископ Амвросий (Гудко), несправедливо сверженный со своей кафедры, в пламенных проповедях увещевал народ не поддаваться обольщениям соблазнительей, крепко держаться за веру отцов.

Большинство епархиальных съездов выразило доверие правящим архиереям и просило Святейший Синод об оставлении их в епархиях. Свои кафедры сохранили преосвященные Новгородский Арсений (Стадницкий), Тамбовский Кирилл (Смирнов), Вольнский Евлогий (Георгиевский), Пермский Андроник (Никольский), Астраханский Митрофан (Краснопольский). Но и на тех кафедрах, где произошла смена архиереев, избранными оказались верные православию епископы Гермоген (Долганов) на Тобольской кафедре и Пахомий (Кедров) на Черниговской, а не ставленники обновленческих группировок.

Важнейшим событием церковной жизни стали выборы новых правящих архиереев на столичные кафедры. В Петрограде кандидатом, поддержанным Временным правительством, был епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), но на приходских собраниях, где преобладали рабочие, чаще других называли имя епископа Гдовского Вениамина (Казанского), смиренного архипастыря, который без усталости проповедовал Слово Божие в бедных храмах питерских окраин. В первом туре голосования епископ Вениамин получил 699 голосов, архиепископ Финляндский Сергей — 389, епископ Уфимский Андрей — 364, архиепископ Виленский Тихон — 31, архиепископ Платон — 13, архиепископ Новгородский Арсений — 3 голоса, архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) — только один голос, правда, вскоре на выборах Патриарха он получил больше голосов, чем все другие кандидаты — так стремительно менялось настроение в церковной среде. Во втором туре на Петроградскую кафедру был избран епископ Вениамин (Казанский), возведенный в сан архиепископа.

В Москве на приходских собраниях больше всего голосов отдали за А. Д. Самарина, в прошлом обер-прокурора Синода, осмелившегося в свое время противостоять влиянию Распутина. Избрание в епископы мирянина было делом в России неведомым, хотя оно и не чуждо практике древней Церкви. Но последнее голосование в храме перед Владимирской

иконой Божией Матери дало перевес Виленскому архиепископу святителю Тихону, которому вскоре выпала крестная тяжесть первосвятительского служения. 29 июня архиепископ Тихон был возведен Святейшим Синодом на Московскую кафедру.

В июне в Москве открылся Всероссийский съезд духовенства и мирян, на котором единственным участником из архиереев был епископ Уфимский Андрей. Съезд отразил переломный момент в смене настроений церковной общественности: здесь много было сказано о необходимости радикальных перемен в Церкви, которые бы соответствовали духу времени, о демократизации церковного управления, о нововведениях в богослужении. Делегаты поддержали либеральное направление новой редакции «Всероссийского церковно-общественного вестника», а депутаты от юго-западных епархий внесли на рассмотрение съезда декларацию с требованием автокефалии Украинской Церкви. В то же время в речах выступавших звучала тревога о положении Церкви при новой власти. Несмотря на свой либерализм, московский съезд решительно высказался против замысла Временного правительства отнять у Православной Церкви приходские школы. Но главной темой съезда был Всероссийский церковный Собор, скорейшего созыва которого ждала вся Церковь, ждала уже более двухсот лет, и исполниться этим чаяниям Господь судил в лихолетье смуты.

* * *

29 апреля при Святейшем Синоде был образован Предсоборный Совет, в котором работали 62 члена — священники, ученые богословы из мирян, известные церковно-общественные деятели. Входил в Совет и обер-прокурор Львов. Первое заседание состоялось 13 июня в Петрограде. В Совете было образовано 10 тематических отделов; во главе каждого стоял архиерей.

При обсуждении программы предстоящего Собора в Совете использовались материалы Предсоборного Присутствия 1905—1906 гг. и Предсоборного Сопевания 1912—1914 гг. Острые споры вспыхнули по вопросу о высшем церковном управлении. Профессора Петроградской Духовной Академии, преобладавшие в Совете, настояли на том, чтобы предложение о восстановлении патриаршества было отвергнуто. Законопроект, разработанный Предсоборным Советом, предполагал сохранение синодальной системы. Горячо обсуждалось участие мирян в ведении церковных дел. Профессор Петроградской Академии А. А. Папков отстаивал самые широкие права прихода, ему спокойно возражал Н. И. Лазаревский, что «бесконтрольное хозяйничанье мирян может привести к самым неожиданным постановлениям, а если они постановят продать Казанский собор на увеселительные заведения, тогда что делать?»⁷.

Жизнь в Петрограде мало располагала к спокойному обсуждению церковно-строительных тем, вооруженные дезертиры с фронта, митинги на площадях, уличные беспорядки и перестрелки составляли ужасающую картину революционных будней.

5 июля Синод принял постановление об открытии Собора в Москве, в праздник Успения Божией Матери, и положение о созыве Собора. Каждый приход избирал делегатов на благочиннические собрания, те, в свою очередь, посылали представителей на епархиальный съезд, а епархиальные съезды избирали членов Собора. 24 июля Святейший Синод в посланиях к предстоятелям поместных Церквей приглашал их прибыть на Всероссийский Поместный Собор; другое синодальное послание (от 22 июля) о событиях, происходящих в стране, обращено к православным русским людям: «Хищения, грабежи, разбои, насилие и обострившаяся партийная и политическая борьба стали достоянием нашей новой жизни и поселили в народе озлобление и рознь, повлекшие за собой внутреннюю братоубийственную войну, неоднократное кровопролитие. И в результате, с одной стороны, приостановка блестяще начатого наступления на врага, с другой, вместо братства — охлаждение любви, упадок добрых, мирных, братских общественных отношений. Страна пошла по пути гибели, а в будущем ее

ждет та страшная бездна, которая заполнена для всех нас ужасающим отчаянием, если только не прекратятся *смятения, и попрания, и замешательства... от Господа Бога (Ис. 22. 5)*»⁸. 2 августа Святейший Синод обратился к армии, предостерегая в своем послании русское воинство от влияния «людей, забывших и Бога, и совесть, и Отечество», которые разлагают армию и сеют смуту. В тяжелой для страны обстановке предстояло в Москве открыться Поместному Собору. В самый канун Собора произошли очередные перемены в составе Временного правительства. 25 июля обер-прокурором Синода вместо Львова был назначен А. В. Карташов, в прошлом доцент Петроградской Духовной Академии.

5 августа Временное правительство и вовсе упразднило должность обер-прокурора и учредило Министерство исповеданий, назначив министром все того же Карташова. В компетенцию нового министерства входили отношения православной Церкви с другими религиозными общинами России и государственной властью, какое-либо вмешательство во внутрицерковные дела не предусматривалось. Эта перемена послужила освобождению Церкви от давления со стороны правительственных чиновников, но серьезного значения появление нового министерства не имело для Церкви; Временное правительство уже теряло власть в стране.

За два дня до открытия Собора Святейший Синод возвел столичных архипастырей -Тихона Московского и Вениамира Петроградского, а также экзарха Грузии архиепископа Платона в сан митрополитов. Синодальная эпоха в истории Русской Православной Церкви доживала последние дни.

* * *

15 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, в Успенском соборе Кремля открылся Всероссийский Поместный Собор. Целый день над Москвой стоял непрерывный колокольный звон, по улицам первопрестольной с хоругвями, в преднесении святых икон шествовали крестные ходы на Красную площадь. В Успенском соборе по совершении литургии митрополит Киевский Владимир огласил грамоту Святейшего Синода об открытии Собора. После пения Символа веры члены Собора поклонились покоящимся в храме мощам святителей Петра, Ионы, Филиппа и Гермогена и направились в Чудов монастырь приложиться к нетленным мощам святителя Алексия, а оттуда с кремлевскими святынями вышли на Красную площадь, куда уже стекались крестными ходами православные жители Москвы.

На следующий день после Божественной литургии в храме Христа Спасителя, совершенной Московским митрополитом Тихоном, открылось первое заседание Собора. Председательствовал митрополит Владимир. После пения стихир «Днесь благодать Святаго Духа нас собра» оглашались приветствия, направленные Собору Святейшим Синодом, Московской кафедрой, Временным правительством, Государственной думой, Верховным главнокомандующим.

Деловые заседания начались 17 августа в Московском епархиальном доме и проходили в огромном зале, который примыкал к амвону. На солее стояли кресла для членов президиума Собора, лицом к ним в зале расположились члены Собора, в других комнатах работали соборные отделы и комиссии. Всего на Собор было избрано и назначено по должности 564 члена. В состав Собора по должности вошли все присутствующие в Синоде и правящие епархиальные архиереи, члены Предсоборного Совета, а также наместники лавр и настоятели прославленных обителей — Валаамской, Соловецкой, Саровской и Оптиной, протопресвитеры Николай Любимов и Георгий Шавельский. Остальные члены Собора вошли в его состав по избранию: от монашествующих — 12 соборян, от военного и морского духовенства — 10 священников, от действующей армии — 15 мирян, от единоверцев — 11 человек, от духовных академий — 11 профессоров, от Академии наук и университетов — 13 членов, по 3 представителя от Государственной Думы и Государственного совета. Но большинство Собора

составляли избранные от 66 епархий. Каждая епархия посылала на Собор, помимо правящего архиерея, двух клириков и трех мирян. Епархиальные архиереи, которые не смогли прибыть на Собор, направили вместо себя викарных епископов или протоиереев — всего 12 заместителей. Участвовали и посланцы единоверческих автокефальных Церквей: от Румынской — епископ Гушский Никодим и от Сербской — архимандрит Михаил.

Характерная особенность состава Собора — это преобладание мирян и пресвитеров, в то время как от епископата присутствовало всего 80 архиереев. На 129 священников, 10 диаконов и 27 псаломщиков из белого духовенства приходилось лишь 20 монашествующих (архимандритов, игуменов, иеромонахов), причем половину из них составляли преподаватели духовных школ и не было ни одного монаха без сана. Такое широкое представительство мирян и пресвитеров на Соборе обусловлено было тем, что впервые за два века осуществилось стремление православного народа к возрождению соборности. Но с другой стороны, это было следствием тех демократических и либеральных веяний революционных лет, которые затронули и церковную жизнь. Многие члены Собора, главным образом церковно-общественные деятели из мирян и профессора духовных академий, в особенности Петроградской, были увлечены идеями Февральской революции и смотрели на великое дело церковного строительства как на часть коренных преобразований, которые им даже в августе 1917 г. виделись в радужном свете. Именно они ратовали на Соборе за обновление церковного устройства и богослужения.

17 августа, открывая рабочее заседание, митрополит Киевский Владимир говорил о том, что разномыслие, которое теперь «возведено в руководящий принцип жизни» и явно обнаружилось при подготовке Собора, вызывает у него опасение за успех его деяний, остается уповать только на то, что «сыны Церкви умеют подчинять свои личные мнения голосу Церкви»⁹. Первые заседания Собора ушли на проверку мандатов, утверждение устава, обсуждение процедурных вопросов и выборы руководящих органов. Иногда по пустякам завязывались споры, проводились бесконечные голосования, всеобщая подозрительность создавала нервную обстановку, едва ли уместную при решении церковных вопросов. Опасность того, что Собор примет нецерковное направление, сдерживалась, однако, положением устава, по которому каждый законопроект, принятый на пленарном заседании, подлежал утверждению на совещании епископов, где для его одобрения требовалось большинство в $\frac{3}{4}$ голосов. Обыкновенно архиерейские совещания проводились после вечера на Троицком подворье, у митрополита Тихона.

18 августа проведены были выборы председателя Собора, им стал Московский митрополит Тихон. По его предложению почетным председателем утвердили старейшего иерарха митрополита Владимира. Товарищами председателя стали архиепископы Харьковский Антоний и Новгородский Арсений, которому после избрания Патриарха пришлось вести большинство заседаний. В трудном деле руководства Собором архиепископ Арсений проявил и дипломатическое искусство, и необходимую властность. От священников товарищами председателя избрали протопресвитеров Николая Любимова и Георгия Шавельского, от мирян — профессора Московского университета князя Е. Н. Трубецкого и председателя Государственной думы М. В. Родзянко, который, однако, на Собор не явился и был заменен бывшим обер-прокурором Синода А. Д. Самариным. Секретарем Собора был утвержден В. П. Шеин (позже архимандрит Сергей), его помощниками — П. В. Гурьев и профессор В. Н. Бенешевич. В соборный Совет от епископата выбрали митрополита Платона, от клириков — протоиерея А. П. Рождественского, от мирян — профессора П. П. Кудрявцева. После избрания соборного Совета началось образование рабочих отделов и комиссий. Приват-доцент А. Ф. Одарченко, забыв, вероятно, о решительном отличии церковного Собора от многопартийного парламента, предлагал, чтобы выборы в отделы производились пропорционально и отражали все

течения соборной мысли. Восторжествовало, однако, разумное предложение А. П. Васильева — всех записавшихся считать членами отделов. Важнейшие отделы возглавили: епископ Астраханский Митрофан — Высшего церковного управления, епископ Минский Георгий (Ярошевский) — отдел епархиального управления, архиепископ Новгородский Арсений — правового положения Церкви в государстве, архиепископ Владимирский Сергей — церковного суда, архиепископ Волынский Евлогий — богослужения, проповедничества и храмов, митрополит Киевский Владимир — церковной дисциплины, митрополит Тифлисский Платон — внешней и внутренней миссии, архиепископ Харьковский Антоний — единоверия и старообрядчества, архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) — церковного имущества и хозяйства. Всего образовано было 22 отдела и 3 совещания при соборном Совете: религиозно-просветительное во главе с архиепископом Кишиневским Анастасием, хозяйственно-распорядительное во главе с епископом Екатеринославским Агапитом и юридическое во главе с архимандритом Владимиром.

* * *

Августовские и сентябрьские дни военных поражений и бессилия государственной власти создали тревожную атмосферу на начавшихся соборных заседаниях.

В своем выступлении протопресвитер армии Георгий Шавельский говорил о духовно-нравственных причинах распада армии: «Нашим доверчивым и уставшим воинам посулили Царство Небесное на земле: всю землю и волю; и в это же время освободили их от долга: от обязанностей и от возмездия за трусость, измену и всякие другие нарушения высокого воинского долга. Нашим воинам пообещали рай на земле, и под влиянием этой проповеди людьми овладел животный страх за свою драгоценную жизнь»¹⁰. Собор решает немедленно обратиться ко всему православному русскому народу с обличением и предостережением, с призывом одуматься и прекратить внутренние распри и вражду, с напоминанием о Христовой заповеди любви. «Братья возлюбленные,— говорится в этом обращении,— услышьте голос Церкви. Родина гибнет. И не какие-либо не зависящие от нас несчастья тому причиною, а бездна нашего духовного падения, то опустошение сердца, о котором говорит пророк Иеремия: *Два зла сотворили люди Мои: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды* ([Иер. 2. 13](#)). Совесть народная затуманена противными христианству учениями. Совершаются неслыханные кощунства и святотатства. Местами пастыри изгоняются из храмов... Изю дня в день возрастает дерзость грабителей... Люди, живущие честным трудом, становятся предметом глумления и хулы. А забывшие присягу воины и целые воинские части позорно бегут с поля сражения, грабя мирных жителей и спасая собственную жизнь. Россия стала притчею во языцех, предметом поношения среди иноземцев из-за алчности, трусости и предательства ее сынов. Православные, именем Церкви Христовой Собор обращается к вам с мольбою. Очнитесь, опомнитесь, встаньте за Россию»¹¹. В тот же день, 24 августа, Собор издает обращение к армии и флоту. 29 августа, через день после соборного паломничества в лавру преподобного Сергия, члены Собора совершили на московском Братском кладбище панихиду по убиенным воинам. На 14 сентября, на Воздвижение Креста Господня, Собор назначил всенародное моление о спасении России, которому должен был предшествовать покаянный трехдневный пост.

27 сентября обсуждался внеочередной вопрос о составлении послания по поводу приближающихся выборов в Учредительное собрание. Одни ораторы, опасаясь, что самоустранение Церкви от политики даст свободу крайним политическим агитаторам, призывали к прямому участию Церкви в предвыборной борьбе. Так, А. В. Васильев, председатель общества «Соборная Россия», предложил свой план, что надо сделать, «чтобы Учредительное собрание не оказалось по своему составу нерусским и нехристианским,

необходимо по епархиям составить списки предлагаемых к избранию... лиц, а по приходам... неустанно приглашать верующий народ не уклоняться от выборов и голосовать за упомянутый список»¹². Васильева поддержали граф П. Н. Апраксин и священник А. Пономарев. Профессор Б. В. Титлинов выступил против участия Церкви в выборах, опасаясь того, что политические выступления нарушают церковный устав Собора. Его поддержал Ф. М. Кашменский.

Князь Е. Н. Трубецкой предложил найти «средний царский путь»: «Обратиться с воззванием к народу, не опираясь ни на какую политическую партию, и определенно сказать, что следует избирать людей, преданных Церкви и Родине»¹³. На этом решении и остановились. 4 октября Поместный Собор обратился к всероссийской пастве с посланием: «Уже не в первый раз в нашей истории рушится храмина... государственного бытия, а Родину постигает гибельная смута... Непримируемостью партий и сословным раздором не создается мощь государства, не врачуются раны от тяжелой войны и всегубительного раздора... Царство, раздельшееся на ся, изнеможет (Мф. 12. 25) ...Пусть победит в себе наш народ обуревающий его дух нечестия и ненависти, и тогда дружным усилием легко и светло совершит он государственный труд свой. Соберутся кости сухие и облекутся плотию и оживут по велению Духа... В Родине видится оку земля святая... И поистине, не мила нам и Родина без святой веры нашей. Пусть же носители веры призваны будут у врачевать ее болезни»¹⁴.

В эти дни со всей Русской земли на заседания Собора поступают грозные известия. Дезертиры с фронта и просто банды грабителей разрушают монастыри и храмы, издеваются над священнослужителями и оскверняют святыни. Одна из первых жертв российской смуты — сельский священник из-под Орла Григорий Рождественский был зверски убит в начале сентября. По предложению архиепископа Харьковского Антония (Храповицкого) Собор Российской Церкви обращается к народу с воззванием о прекращении грабежей: «Опомнитесь, православные христиане!.. Гнев Божий уже открылся над страной нашей, меч его занесен над нашим народом: война, разорение и голод угнетают жителей городов и сел. Поспешите принести покаяние в наших грехах, в нашем нерадении, развращении и в тех позорных грабежах, которыми осквернена священная земля Русская в настоящем году»¹⁵.

Вместе с распадом страны и отделением окраин растет церковный сепаратизм. Раскольники, добиваясь провозглашения церковной автокефалии Украины, захватили типографию Почаевской лавры, перевели ее в Киев в распоряжение Центральной рады. Отделение Грузинской Церкви, не признанное Поместным Собором Русской Православной Церкви, становится совершившимся фактом. 14 марта три епископа-грузина заявили экзарху Грузии митрополиту Платону, что он лишается власти. В ответ на эти действия Собор обратился к Временному правительству с просьбой о создании комиссии по разделу имущества экзархата между Русской и Грузинской Церквями.

Обстановка, которая складывалась вокруг Собора, все время обострялась публикациями в так называемой «свободной печати». Собор, Церковь и епископат обвиняли в монархических пристрастиях, называли вождями черносотенцев архиепископов Харьковского Антония, Новгородского Арсения, Тамбовского Кирилла, хотя, несмотря на притеснения со стороны Временного правительства, Церковь признавала правительство законным, неустанно призывала русский народ к верности ему, надеясь таким образом предотвратить или хотя бы задержать начинающуюся смуту. Даже когда 2 сентября, сразу после смещения с поста Верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, Временное правительство, не имея на то полномочий, провозгласило Россию республикой, на Соборе не было сказано ни слова в защиту монархического правления.

Но публично защитить Собор было некому: газеты и журналы, сочувствующие Церкви, были закрыты, а те, что выходили, оказались в руках церковных деятелей, подобных Титлинову.

В адрес этого редактора на заседаниях было сказано немало нелицезнаний, особенно резко и язвительно выступил И. М. Бич-Лубенский, назвав его статьи о Соборе доносом. Титлинов был взбешен и чуть не вызвал обидчика на дуэль. В Соборной палате слышны были возмущенные крики: «Вон! Позор! Долой с Собора! Вы забываете, где говорите!»¹⁶ На следующем заседании председатель Собора митрополит Тихон сделал по этому поводу строгое увещание. Решено было «Всероссийский церковно-общественный вестник» немедленно изъять из ведения Петроградской Духовной Академии и передать в распоряжение Святейшего Синода. Новым редактором назначили протоиерея П. Н. Лахостского.

* * *

Тяжелые вести с фронта, из Петрограда и провинции отвлекали внимание Собора от обсуждения неотложных церковных дел. Первый доклад от отдела личного состава зачитал на пленарном заседании профессор П. А. Прокошев. Острым моментом стало обсуждение правомочности мандата депутата А. В. Поповича, выбранного от мирян Туркестанской епархии. В молодости он был священником, а потом сложил с себя сан. И хотя у расстриги, горько каявшегося, нашлись защитники, Собор, выражая дух и букву канонов, лишил мандата незаконного избранника. После этого Собор обратился к служителям алтаря, предостерегая их от предательств и малодушия в тот момент, когда уже начались злые гонения, когда искушение сложить с себя сан и тем самым сохранить свободу и жизнь предстояло испытать чуть ли не каждому из них.

Следующим обсуждался вопрос о преподавании Закона Божия. Министерство народного просвещения распорядилось прекратить изучение его в школе на основании постановления Временного правительства согласно закону о свободе совести. Теперь 14-летний ребенок мог без согласия родителей менять вероисповедание или вовсе объявить себя атеистом. Такое решение вызвало единодушный протест участников Собора. Расценив его как вызов, брошенный православному народу, Собор принял постановление по докладу Тамбовского архиепископа Кирилла о немедленной отмене решения Министерства народного просвещения. Для перемены вероисповедания или признания себя и вовсе неверующим этот возраст (14 лет) «представляется слишком юным и не обеспечивает надлежащей зрелости суждений ввиду душевных и телесных особенностей отрочества»¹⁷, — говорилось в нем.

Во внеочередном порядке был заслушан доклад протоиерея П. И. Соколова о церковноприходских школах. На основании закона от 20 июля власти отнимали у Церкви приходские школы и передавали их в ведение Министерства просвещения. При обсуждении ни слова не было сказано в защиту правительственного произвола, хотя некоторые соборяне, например протоиерей Александр Папков, пристрастно критикуя постановку обучения в церковно-приходских школах, вероятно, пытались таким образом смягчить реакцию Собора на выпад правительства. С резкой отповедью правительству выступил архиепископ Тверской Серафим, обвинив власти во враждебных действиях по отношению к Церкви. Издавая закон, напомнил он, никто не спросил, каково мнение епископата, «который отвечает за народ пред Господом»¹⁸. После обсуждения в соборном постановлении записали: «Просить Временное правительство закон 20 июля 1917 г.. отменить в тех его частях, которые касаются передачи церковно-приходских, второклассных и церковно-учительских школ в ведомство Министерства народного просвещения... Все церковно-приходские школы и школы грамоты передать в ведение православных приходов»¹⁹. Для переговоров с правительством направили в Петроград делегацию во главе с архиепископом Тамбовским Кириллом.

11 октября состоялась их встреча с министром А. В. Карташовым, который сказал, что правительство не отважится изменить свою позицию, потому что церковноприходская школа —

детище старого режима и не может служить новому государственному строю. Уважая гражданские свободы, власть не станет запрещать открытие церковных школ на средства приходов, но это будут единичные случаи. Также правительство может сохранить в Духовном ведомстве только те школы, где уровень образования будет признан удовлетворительным. Министр выразил надежду, что соборное деяние даст ему основание отстаивать в правительстве неприкосновенность преподавания Закона Божия. В этот же день состоялась беседа с А. Ф. Керенским. Министр-председатель объяснил, что у Церкви отбираются лишь те школьные помещения, на постройку которых затрачены казенные средства, остальные государство берет в аренду на два года. Правительство не верит рассказам о контрреволюционных настроениях Собора, но новый государственный строй должен быть внеконфессиональным, и поэтому закон от 20 июля отмене не подлежит. Отчитываясь перед Собором о поездке в Петроград, член делегации Н. Д. Кузнецов сказал, что беседа оставила у него тяжелое впечатление. «Нить, связующая государство с Церковью в их заботах о христианском просвещении народа, теперь уже порвалась. Мне до боли стало жаль народа, который будет воспитываться теперь в государственных школах вне необходимой для него связи с христианским началом жизни»²⁰.

* * *

11 октября на пленарном заседании председатель отдела высшего церковного управления епископ Астраханский Митрофан выступил с докладом, которым открывалось главное событие в деяниях Собора — восстановление патриаршества. Предсоборный Совет в своем проекте устройства высшего церковного управления не предусматривал первосвятительского возглавления Церкви. При открытии Собора лишь немногие были убежденными поборниками восстановления патриаршества. Но когда этот вопрос был поставлен в отделе высшего церковного управления, то встретил там широкую поддержку. Обстановка в стране заставляла торопиться с великим делом восстановления первосвятительского престола, поэтому отдел высшего церковного управления, не дожидаясь завершения обсуждения всех деталей на своих внутренних заседаниях, решает предложить Собору восстановить сан Патриарха, и лишь после этого перейти к дальнейшему рассмотрению законопроекта об управлении Русской Православной Церковью.

Обосновывая это предложение, епископ Митрофан напомнил в своем докладе на пленарном заседании, что патриаршество известно на Руси с самого принятия христианства, ибо в первые столетия своей истории Русская Церковь была в юрисдикции Константинопольской Патриархии. При митрополите Ионе Русская Церковь стала автокефальной, но принцип первоиераршей власти в ней остался непоколебленным. Когда Церковь Русская выросла и окрепла, появился и первый Патриарх Московский и всея Руси. «Учреждением патриаршества,— сказал преосвященный Митрофан,— достигалась и полнота церковного устройства и полнота государственного устройства»²¹. Упразднение патриаршества Петром I явилось антиканоническим деянием, «Русская Церковь стала безглавна, акефальна». Синод оказался учреждением, чуждым России, лишенным твердой почвы у нас. Мысль о патриаршестве продолжала теплиться в сознании русских людей как «золотая мечта». «Нам нужен Патриарх как духовный вождь и руководитель, который вдохновлял бы сердце русского народа, призывал бы к исправлению жизни и к подвигу и сам первый шел бы впереди»²². Епископ Митрофан напомнил, что 34-м апостольским правилом и 9-м правилом Антиохийского Собора определено, чтобы в каждом народе был первый епископ, без решений которого другие епископы ничего не могут творить, как и он без одобрения всех.

32 члена отдела высшего церковного управления остались при особом мнении, считая, что вопрос этот преждевременно выносить на пленарное заседание. Но Собор решительным большинством голосов постановил немедленно приступить к обсуждению формулы,

предложенной в докладе епископа Митрофана. Для выступлений записалось 95 человек. Противники патриаршества, вначале многочисленные и напористые, под конец обсуждения остались в меньшинстве. Главным аргументом против восстановления патриаршества, переходившим из одной речи в другую, было опасение потерять соборное начало в жизни Церкви, когда во главе ее встанет один иерарх. «Соборность не уживается с единовластием. Это подтверждает и история патриаршества. Единовластие несовместимо с соборностью», — настаивал профессор Б. В. Титлинов вопреки бесспорному историческому факту: с упразднением патриаршества перестали у нас созываться Поместные Соборы, которые регулярно собирались при Патриархах²³. Ничем не оправданный страх за соборность обнаружил явное духовное ослепление противников патриаршества. Протоиерей А. П. Рождественский даже утверждал в своей речи, что восстановление сана первоиерарха — это шаг на пути к папизму, другие просто путали соборность с модным тогда парламентаризмом. Но, как признался профессор Б. В. Титлинов, главный мотив возражений носил не духовный, а политический характер. Титлинов утверждал, что восстановление патриаршества может вызвать церковное разделение. Архимандрит Матфей тут же высказал подозрение, не является ли сам разговор о возможном разделении нащупыванием почвы для учинения раскола. Позднейшая деятельность Титлинова в точности подтвердила эти подозрения. Чтобы опорочить сам институт патриаршества, протоиерей Н. Г. Попов изложил в своей речи историю Восточных престолов, останавливаясь все больше на отдельных примерах еретических отступничеств, человеческой немощи и порочности Восточных Патриархов.

Некоторые из выступавших предлагали компромиссные решения. Н. Д. Кузнецов полагал, что вопрос о патриаршестве Собор может решить лишь после того, как будет определено устройство Синода и его компетенция, когда будет гарантирована полнота церковной власти Поместного Собора. Член Собора В. В. Радзимовский предложил новую формулу церковного управления: высшая власть в Российской Православной Церкви «принадлежит Поместному Собору... осуществляющему свою власть чрез непрерывно действующий Священный Синод, который возглавляется первенствующим епископом Церкви в сане Патриарха, равночестного с Патриархами других православных Церквей»²⁴. Эту формулу поддержал товарищ министра исповеданий С. А. Котляревский.

Но решительное большинство выступавших отстаивало формулу, предложенную епископом Митрофаном, в которой патриаршество ставилось в центр образуемой Собором высшей церковной власти. В их выступлениях уточнялись и углублялись те основные доводы, которые уже содержались в докладе преосвященного Митрофана. И, разумеется, одним из самых весомых аргументов была история Церкви. Отметая наветы на Восточных Патриархов протоиерея Н. Попова, профессор И. И. Соколов напомнил Собору о светлом духовном облике святых предстоятелей Константинопольской Церкви. Только в IX и X вв. кафедру Вселенских Патриархов занимали причтенные к лику святых Фотий, Игнатий, Стефан, Антоний, [Николай Мистик](#), Трифон, Полиевкт. В пору турецкого владычества мученически скончались Вселенские Патриархи Кирилл Лукарис, Парфений, Григорий V, Кирилл VI. Выступающие на Соборе снова и снова воскрешали в памяти соборян высокие подвиги Московских первосвятителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и священномученика Гермогена. В речи И. Н. Сперанского прослежена глубокая внутренняя связь между первосвятительским служением в Русской Церкви и духовным образом допетровской Руси. Самой удивительной чертой Древней Руси было созвучие между государственной жизнью и Церковью, не только свято признаваемое как идеал, но и осуществляемое в действительности.

«Государство мыслило себя в Церкви и потому само не стеснялось принимать непосредственное участие во всех ее, даже чисто церковных, делах, и Церкви не запрещало

высказывать ее суждения о всех своих государственных делах, и даже само спрашивало и ожидало этих суждений»²⁵. О страшном бедствии, которым явилось для Русской Церкви и русского народа упразднение патриаршества, вдохновеннее всех говорил архимандрит Иларион (Троицкий): «Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле... в Успенском соборе... Святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью постановит снова Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, будет тогда великая радость на земле и на небе»²⁶. С горькой иронией говорил о произволе обер-прокурора и гнете самовластных чиновников архиепископ Таврический Димитрий: «Явилось преемство власти не в рясах, а во фраках и мундирах. Преемство людей неверующих, явных отступников от веры, по рождению и воспитанию не принадлежащих к русскому народу. Таковы князь Голицын, Мелиссино и другие. Были и верующие, но они были незаконными патриархами Русской Церкви, потому что, ужасно сказать, они были не патриархами русскими, а папами римскими на патриаршем престоле»²⁷.

Противники патриаршества возводили на своих оппонентов обвинения в тайных монархических надеждах. Давая им отпор, архиепископ Харьковский Антоний сказал, что «восстановление патриаршества задерживалось преимущественно опасением ослабить самодержавную власть». Он напомнил собравшимся, что недавно читал в этом зале письмо 1906 г. покойного Победоносцева к государю, где он «указывает именно на опасность патриаршества для царской самодержавной власти»²⁸. В резкой и категоричной форме задачу Собора определил архимандрит Иларион: «Мы не можем не восстановить патриаршества; мы должны его непременно восстановить, потому что патриаршество есть основной закон высшего управления каждой поместной Церкви»²⁹.

Одним из неоспоримых доводов ревнителей патриаршества было напоминание о разрухе, переживаемой страной, о государственном развале и нравственном падении народа. От Церкви требовалась теперь особая духовная трезвость и мудрость, предельное сосредоточение нравственных сил, поэтому появилась настоятельная нужда в предстоятеле и вожде, который бы взял бремя ответственности за Церковь и за окормляемый ею духовно растерзанный народ. «Церковь становится воинствующею,— заявил уже в самом начале дискуссии о патриаршестве архиепископ Кишиневский Анастасий,— и должна защищаться не только от врагов, но и от лжебратий. А если так, то для Церкви нужен и вождь»³⁰. Граф П. И. Апраксин, размышляя о причинах, приведших Россию к распаду, корень зла видел в отпадении интеллигенции, «высшего образованного класса, руководящего судьбами народа, от церковно-народных верований, от народных чаяний... Синод своею деятельностью немало способствовал этому отпадению. Русская интеллигенция отошла от Церкви и увлекла за собою полуинтеллигентную, брошенную в народ массу»³¹. Архимандрит Матфей в свою очередь обратил внимание соборян на то, что последние события, происходящие в России, «свидетельствуют об удалении от Бога не только интеллигенции, но и низших слоев, боюсь сказать, большинства народа, и нет влиятельной силы, которая остановила бы это явление, нет страха, совести, нет первого епископа во главе русского народа»³². Протоиерей В. Востоков с горечью говорил о том, что беда, постигшая Россию, не сводится только к государственной разрухе, а политическая смута — это проявление и продолжение глубинной духовной борьбы. «Всемирная могущественная антихристианская организация активно стремится опутать весь мир и устремляется на

православную Русь, которая, при всем своем нравственном падении, при всех своих грехах, носит в себе зерно вечной правды, чистой истины. И вот это-то зерно так и ненавистно слугам антихриста... Но когда объявлена война, одной мобилизации недостаточно: нужен еще и вождь... Это — Патриарх, наш церковный вождь, наш отец и пастырь, председатель для наших Соборов»³³. Многим тогда казалось, что восстановление патриаршества и избрание первосвященника обеспечит победу не только в духовной сфере, но и в государстве в целом. Но члены Собора, реально представлявшие ситуацию, сложившуюся в России, видели главную задачу в спасении Русской Православной Церкви. П. И. Астров убедительно говорил о том, что нужна единоличная сильная духовная власть в сочетании с Собором, чтобы сохранить святыню³⁴. Не о скорой победе, а о грядущих гонениях, не о земном торжестве Церкви, а о торжестве и славе на Небесах говорил на Соборе князь Евгений Трубецкой, пророчески возвещая, что Святейшему Патриарху предстоит стать защитником и хранителем Церкви. Но Патриарх не такой вождь, какие бывают в мирских воинствах, он — молитвенник, ходатай, заступник и отец православного народа. Патриарха можно полюбить. «К коллегии, вроде Святейшего Синода, такой любви не может быть,— говорил один из членов Собора М. Ф. Марин.— Нельзя же народу полюбить, например, министерство»³⁵.

Постепенно большинство членов Собора убедились в необходимости восстановления патриаршества, и 28 октября протоиерей П. И. Лахостский от имени 60 членов Собора предложил приступить к голосованию. В этот день Собор вынес историческое решение:

1. В Русской Православной Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически в определенные сроки созываемому в составе епископов, клириков и мирян.

2. Восстанавливается патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом.

3. Патриарх является первым между равными ему епископами.

4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору.

Свершилось поворотное событие в жизни Русской Церкви: после двухвекового вынужденного безглавия она вновь обрела своего предстоятеля и первосвященника.

* * *

Собор еще заседал, когда из Петрограда прибыл товарищ министра исповеданий С. А. Котляревский с вестью, что Временное правительство арестовано и власть взял Военно-революционный комитет. На очереди стояла Москва.

Первой жертвой среди духовенства после Октябрьского переворота пал священномученик протоиерей Иоанн Кочуров, служивший в Алеуто-Американской епархии, в Чикаго. Революция застала его в Царском Селе, где он был арестован вместе с другими священниками. Очевидец рассказывал, что его с улюлюканьем и гиканьем притащили на аэродром, стреляли в него несколько раз, но только ранили, а потом таскали за волосы и издевались, пока он не умер.

28 октября революционные события начались в Москве. Верные Временному правительству офицеры, казаки, наспех мобилизованные студенты защищали Кремль. Скоро весь остальной город оказался в руках красных восставших полков. На улицах лежали убитые и искалеченные, всюду вооруженные толпы, отряды, патрули. Стреляли во дворах, с чердаков, из окон. В эти страшные дни многие члены Собора ходили по городу, подбирая и перевязывая раненых, среди них были преосвященные Таврический Димитрий (Абашидзе) и Камчатский Нестор (Анисимов).

Собор, стремясь остановить братоубийственную бойню, направил делегацию во главе с митрополитом Платоном для переговоров с Военно-революционным комитетом и комендатурой Кремля. На Тверскую, к дому генерал-губернатора, где разместился штаб красных, двинулось церковное шествие во главе с епископами. Люди, встречавшие процессию,

снимали шапки, творили крестное знамение и примыкали к шествию. С трудом удавалось отговаривать их от этого. Перед штабом их встретили толпы солдат и красногвардейцев с винтовками наперевес, одни снимали фуражки, крестились, другие угрожали и злобно ругались. Соборяне терпеливо и кротко беседовали с солдатами, начальники кричали на солдат, вступавших в беседу, но те не слушались, и постепенно сердца их смягчались, многие просили благословения. В штаб впустили одного митрополита Платона. Комиссар Соловьев, который разговаривал с ним, принял от него благословение и предложил сесть. Владыка же опустился на колени и просил прекратить осаду Кремля. Комиссар поднял его: «Поздно, поздно! Не мы испортили перемирие. Скажите юнкерам, чтобы они сдавались!» С Тверской делегация направилась для переговоров с осажденными, но красные посты не пропустили ее в Кремль.

На другой день делегаты отчитывались о своем посольстве. По свидетельству митрополита Евлогия, «в эти кровавые дни в Соборе произошла большая перемена. Мелкие человеческие страсти стихли, враждебные пререкания смолкли, отчужденность изгладилась. Собор начал преображаться в подлинный церковный Собор, в органическое церковное целое, объединенное одним волеустремлением — ко благу Церкви. Дух Божий повеял над собранием, всех утешая, всех примиряя»³⁶. Преосвященный Евлогий предложил организовать крестный ход в Москве. Но большинство выступавших понимало, что православные люди, собравшиеся пройти крестным ходом по революционной столице, окажутся под пулями, и это не приведет к примирению враждующих, тем более Собор не поддержал авантюристического призыва священника Нежинцева обратиться к народу с воззванием об ополчении, но согласно с духом любви Христовой обратился с призывом к примирению, моля победителей о милосердии к побежденным: «Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушения и поругания которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу»³⁷.

В ночь штурма Кремля братия Чудова монастыря во главе со своим настоятелем епископом Серпуховским Арсением (Жадановским), вместе с митрополитом Петроградским Вениамином и архиепископом Гродненским Михаилом собралась в церкви святого Гермогена, куда перенесены были мощи святителя Алексия, и молилась о том, чтобы Христос примирил убивающих друг друга. Ряды защитников Кремля редели с каждым часом, а иноки непрестанно молились об «убиенных во дни и в ночи». Как рассказывал на Соборе митрополит Вениамин, «когда после литургии и всенощного бдения мы собирались на молебен, за которым читалось Евангелие со словами: *Мир вам*, то эти слова производили на нас особенно сильное впечатление. Все исповедовались и причащались»³⁸. На рассвете 3 ноября Кремль пал. Начались аресты, расстрелы на месте и солдатский самосуд. Сразу после штурма делегация Собора во главе со святителем Тихоном направилась в Кремль для освидетельствования его святынь. У Никольских ворот делегацию остановили: «Вам за чем?» Объяснили, что хотят посмотреть на святыни Кремля. «Будет время, посмотрите!» А один солдат предложил: «Пропустим их, а потом расстреляем». От Никольских ворот поворотили к Спасским, увидели, что у Василия Блаженного выбиты стекла. Кое-как удалось уговорить охрану Спасских воротпустить делегацию в Кремль. Прежде всего осмотрели Успенский собор: в одной из глав зияла огромная черная дыра. Между патриаршим и царским местом упал снаряд, в алтаре все окна разбиты. Серьезные повреждения получил храм святых Двенадцати апостолов, возле которого стояла лужа крови. Один снаряд пробил икону священномученика Гермогена, другой попал в распятие и отбил у Спасителя руки. Тело Распятого, растерзанное, висело на кресте. Снаряды попали и в митрополичьи покои Чудова монастыря, один взорвался через минуту после того, как оттуда вышел митрополит Вениамин. Икона святителя Алексия была искорежена, а перед иконой Божией Матерью даже лампада не погасла. На глазах у делегации солдаты избивали полковника,

которого потом расстреляли в присутствии епископа Нестора.

Красные хоронили своих убитых у кремлевской стены, без отпевания, без молитв, под революционные песни. Родственница одного из убитых просила, чтобы ей выдали тело для христианского погребения, ей отказали, но кто-то все-таки догадался взять с собой икону и нести ее перед покойниками. В Москве долго говорили, что у стен Кремля по ночам стонут неприкаянные души покойников, лишенных церковного отпевания.

Родители павших защитников Кремля обратились к Собору с просьбой о погребении их сыновей. Студенческие комитеты просили, чтобы панихида совершалась архиерейским служением. В настроениях, в сознании учащейся молодежи в эти страшные дни происходил серьезный и благой сдвиг. Священник Бялыницкий-Бируля сказал на Соборе, что 10 лет назад молодежь не обратилась бы с такой просьбой. Отпевание состоялось 13 ноября в церкви Большого Вознесения на Никитской. В 10 часов началась заупокойная литургия, которую совершали архиереи в сослужении сонма священнослужителей. Первым надгробное слово произнес архиепископ Евлогий. Он сказал о злой иронии судьбы: «Молодежь, самоотверженно борющаяся за политическую свободу, пала первой жертвой осуществившейся своей мечты»³⁹. Церковь не забыла и тех, кто не по своей вине не удостоился церковного погребения. В храме Христа Спасителя отслужили общую панихиду по всем убиенным в дни междуусобицы.

На Соборе обсуждалась и возможность отслужить отдельную панихиду по убитым красным. Против выступил граф Д. А. Олсуфьев. Но другие соборяне не поддержали его. «Их матери и жены желали церковной молитвы, а Москва за них не молилась»,— сказал П. И. Астров. «Господь учил нас молиться и за врагов,— напомнил Христову заповедь архимандрит Владимир.— Не нам рассуждать, где враги и где друзья». «Я бы почитал счастьем и честью,— сказал архиепископ Таврический Димитрий,— пасть вместе с юнкерами, но почитаю своим долгом помолиться и за тех, которые незаконно погребены у стен Кремля. То, что среди них, может быть, имеются иудеи, не может помешать мне молиться за них»⁴⁰. 11 ноября Собор обратился к победителям: «Довольно братской крови, довольно злобы и мести. Мести не должно быть нигде и никогда; тем более она недопустима над теми, кто, не будучи враждующей стороной, творил лишь волю их посылавших. Победители, кто бы вы ни были и во имя чего бы вы ни боролись, не оскверняйте себя пролитием братской крови, умерщвлением беззащитных, мучительством страждущих!...»⁴¹

В тот же день Собор Русской Церкви издал воззвание к православному народу с призывом к покаянию и с обличением лжеучителей. «Люди, забывшие Бога, как голодные волки бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затемнение совести и разума... Давно уже в русскую душу проникают севы антихристовы, и сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого... Русские пушки, поражая святыни кремлевские, ранили и сердца народные, горящие верою православною. Но не может никакое земное царство держаться на безбожии: оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров. Посему и рушится держава Российская от этого беснующегося безбожия. На наших глазах совершается праведный суд Божий над народом, утратившим святыню»⁴².

* * *

В эти дни Поместный Собор выбирал первосвященителя, Патриарха. Соборный Совет предложил такую процедуру избрания: все соборяне подают записки с именами трех кандидатов. Получивший абсолютное большинство голосов будет признан избранным в кандидаты. При отсутствии абсолютного большинства у трех кандидатов проводится повторное голосование, и так до тех пор, пока не будут утверждены три кандидата. Потом жребием из них будет избран Патриарх.

Против жребия возражал епископ Черниговский Пахомий: «Окончательное избрание из сих

лиц Патриарха по примеру Церквей Константинопольской, Антиохийской и Иерусалимской следовало бы предоставить одним епископам, которые и произвели бы это избрание тайной подачей голосов. Что касается предполагаемого избрания Патриарха из трех намеченных Собором лиц посредством жребия, то... этот способ в Церквях Восточных при избрании Патриарха не применяется, только в Церкви Александрийской прибегают к сему способу в случае равенства голосов, полученных кандидатами в Патриархи при вторичном голосовании всего Собора»⁴³. Но Собор все-таки принял предложение об избрании Патриарха жребием. Прерогативы епископата этим не ущемлялись, ибо архиереи сами смиренно отказывались от своего права на окончательное избрание, передавая это непомерно важное решение на волю Божию.

Член Собора В. В. Богданович предложил, чтобы при первом голосовании соборяне указывали в записках имя одного кандидата, и только в следующем туре голосования подавали уже записки с тремя именами. Предложение это было принято Собором. 30 октября проведен был первый тур тайного голосования. В результате архиепископ Харьковский Антоний получил 101 голос, архиепископ Тамбовский Кирилл — 27 голосов, митрополит Московский Тихон — 23, митрополит Тифлиссский Платон — 22, архиепископ Новгородский Арсений — 14, митрополит Киевский Владимир, архиепископ Кишиневский Анастасий, протопресвитер Георгий Шавельский — по 13 голосов, архиепископ Владимирский Сергей — 5, архиепископ Казанский Иаков (Пятницкий), архимандрит Иларион и мирянин А. Д. Самарин, бывший обер-прокурор Синода,— по 3 голоса. Другие архиереи получили по два или одному голосу.

На следующий день после разъяснения, что А. Д. Самарин как мирянин не может быть избран в Патриархи, было проведено новое голосование, в котором подавались уже записки с тремя именами. На заседании присутствовало 309 соборян, поэтому избранными в кандидаты считались те, за кого будет подано не менее 155 голосов. Первым кандидатом в Патриархи признан был архиепископ Харьковский Антоний (159), следующим — архиепископ Новгородский Арсений (199), в третьем туре святитель Тихон (162). Архиепископ Антоний (Храповицкий) был в церковной жизни двух последних десятилетий видным деятелем. Давний поборник восстановления патриаршества, мужественный и стойкий борец за Церковь, многим он казался достойным сана Патриарха, да и сам он не боялся принять его. Другой кандидат, архиепископ Арсений — архипастырь, умудренный многолетним опытом церковно-административной и государственной службы, в прошлом член Государственного совета; по свидетельству митрополита Евлогия, «возможности стать Патриархом ужасался и только и молил Бога, чтобы чаша сия миновала его»⁴⁴. Ну а святитель Тихон во всем полагался на волю Божию: не стремясь к патриаршеству, он готов был принять на себя этот крестный подвиг, если Господь призовет его к нему.

Избрание жребием назначено было на 5 ноября в храме Христа Спасителя. Тянуть жребий предстояло затворнику Зосимовой пустыни схииеромонаху Алексею. В этот день храм был переполнен народом. Божественную литургию совершали митрополиты Владимир и Вениамин в сослужении сонма архиереев и пресвитеров. Неслужащие епископы в мантиях стояли на ступенях солеи. Пел хор синодальных певчих в полном составе. После чтения часов митрополит Владимир вошел в алтарь и встал перед уготованным столиком. Секретарь Собора Василий Шеин поднес ему три жребия, которые архипастырь, начертав на них имена кандидатов, вложил в ковчежец. Потом вынес ковчежец на солею и поставил его на тетрапод, слева от царских врат. Диакон вознес моление о кандидатах в Патриархи. При чтении Апостола из Успенского собора в сопровождении митрополита Платона была внесена Владимирская икона Божией Матери. По окончании литургии и молебного пения митрополит Владимир вынес ковчежец на амвон, благословил им народ и снял с него печати. Из алтаря вышел старец в черной схимнической

мантии. Митрополит Владимир благословил старца. Схиеромонах Алексей, кладя земные поклоны, трижды совершил крестное знамение. Затаив дыхание, все ждали изъявления воли Господней о первосвятителе русского народа. Помолившись, старец вынул из ковчежца жребий и передал его митрополиту Владимиру. Архипастырь вскрыл жребий и внятно прочитал: «Тихон, митрополит Московский. Аксиос!» «Аксиос!» — повторили за ним народ и духовенство. Хор вместе с народом запел торжественный гимн «Тебе Бога хвалим». По отпусе протодиакон Успенского собора Константин Розов, знаменитый на всю Россию своим могучим басом, возгласил многолетие «Господину нашему высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону, избранному в Патриархи богоспасаемого града Москвы и всея России». Православный народ, торжествуя радость обретения первосвятителя, воспел своему и Божию избраннику «Многая лета».

В этот же день митрополит Тихон совершил литургию в Крестовой церкви Троицкого подворья на Сухаревке. Вместе с ним в подворье в ожидании изъявления Божией воли пребывал и архиепископ Арсений, а владыка Антоний находился на подворье Валаамского монастыря. Для объявления нареченному в Патриархи о его избрании в Троицкое подворье направляется посольство во главе с митрополитами Владимиром, Вениамином и Платоном. По прибытии посольства святитель Тихон совершил краткое молебное пение, затем митрополит Владимир взошел на амвон и произнес: «Преосвященнейший митрополит Тихон, священный и великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России». На что митрополит Тихон ответил: «Понеже священный и великий Собор судил мене, недостойному, быти в такове служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю»⁴⁵.

После пения многолетия святитель Тихон, нареченный в Патриархи, произнес краткое слово: «Конечно, беспримерно мое благодарение ко Господу за неизреченную ко мне милость Божию. Велика благодарность и к членам священного Всероссийского Собора за высокую честь избрания меня в число кандидатов на патриаршество. Но, рассуждая по человеку, могу многое глаголать вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: *Плач, и стон, и горе*, и каковой свиток должен был съест пророк Иезекииль (*Иез.* 2. 10; 3. 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!.. Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях российских, и предстоит умирание за них во вся дни. А к сим кто доволен даже и из крепких мене! Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо людей, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всеильною благодатию нести бремя, возложенное на меня, и соделает его легким бременем. Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистой Богородицы. Дважды Она пришествием Своей честной иконы Владимирской в храме Христа Спасителя присутствует при моем избрании; в настоящий раз самый жребий взят от чудотворного Ее образа. И я как бы становлюсь под честным Ее омофором. Да прострет же Она — Многомощная — и мне, слабому, руку Своей помощи, и да избавит и град сей и всю страну Российскую от всякой нужды и печали»⁴⁶.

Святитель Тихон был человеком мягким, доброжелательным, ласковым. Но когда надо было постоять за правду, за дело Божие, он становился непоколебимо тверд и непреклонен. Всегда приветливый, общительный, исполненный благодушия и надежды на Бога, он излучал на ближних обильную христианскую любовь. Несколько месяцев пробыв на Московской кафедре, святитель покорила сердца верующих москвичей. Собор, избравший его своим председателем, успел за короткое время узнать в нем кроткого и смиренного монаха и молитвенника и очень энергичного, опытного администратора, одаренного высокой духовной и житейской мудростью.

В самый канун избрания Патриарха, в разгар московской междоусобицы, митрополит Тихон едва не был убит. Когда 29 октября он отправлялся на службу в храм Христа Спасителя, снаряд разорвался возле его экипажа, оставив его невредимым. Чудесное спасение святителя предзнаменовало его скорое призвание на первосвятительское служение в Церкви.

На 21 ноября, праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, назначена была интронизация Патриарха в Успенском соборе Кремля. Специальная комиссия во главе с архиепископом Кишиневским Анастасием разработала чинопоследование интронизации. Для этого не годились древнерусские чины: ни дониконовский, потому что поставление совершалось тогда через новую епископскую хиротонию Патриарха, что догматически недопустимо, ни послениконовский, с вручением Патриарху жезла святого Петра из рук государя. Профессор И. И. Соколов прочитал доклад, в котором он по творениям святителя [Симеона Солунского](#) восстановил древний чин настолования Константинопольского Патриарха. Он и стал основой нового чинопоследования. Недостающие в византийском чине молитвы, приближающиеся к чину хиротесии и уместные при обручении первосвятителя с престолом и паствою, были заимствованы из чинопоследования Александрийской Церкви. Для торжества настолования удалось получить в Оружейной палате жезл святого Петра, рясу священномученика Гермогена, а также крест, мантию, митру и клобук Патриарха Никона.

Во время праздничной литургии в кафедральном храме России совершилось настолование Патриарха. После Трисвятого два первенствующих митрополита при пении «Аксиос» трижды возвели нареченного Патриарха на патриаршее горнее место. Митрополит Владимир произнес при этом положенные по чину слова: «Божественная благодать, немощная врачующая и оскудевающая восполняющая и промышление всегда творяще о святых Своих Православных Церквах, посаждает на престол святых первосвятителей Российских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена отца нашего Тихона, Святейшего Патриарха великого града Москвы и всея России во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь». Получив из рук митрополита Владимира жезл святого Петра, Патриарх Тихон сказал свое первое первосвятительское слово: «Устроением Промышления Божия мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистой Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе (Отроковицу) в самую внутреннюю скинию, во святая святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на патриаршее место, после того как свыше двухсот лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, и бо [Бог](#) предзрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню... По отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многого для сего мне недостает. И от сознания сего священным трепетом объемлется душа моя... Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на гибель, на заклятие, овец, поистине жалких. Паси их и для сего возьми сей жезл благоволения. С ним потерявшуюся — отыщи, угнанную — возврати, пораженную — перевяжи, больную — укрепи, разжиревшую и буйную — истреби, паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятой Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех нас

благодатию Своею! Аминь»⁴⁷.

Пока шла литургия, солдаты, охранявшие Кремль, вели себя развязно, смеялись, курили, сквернословили. Но когда Патриарх вышел из храма, эти же самые солдаты, скинув шапки, опустились на колени под благословение. По древнему обычаю, Патриарх совершил объезд Кремля, но не как в старину, на ослиати, а в экипаже с двумя архимандритами по сторонам. Несметные толпы народа при приближении Патриарха в благоговении принимали первосвятительское благословение. В храмах Москвы весь день звонили колокола. Посреди междоусобицы и раздора верные христиане с ликованием праздновали великое церковное торжество.

Приветствуя новопоставленного первосвятителя на приеме, устроенном в честь восстановления патриаршества, архиепископ Антоний сказал: «Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищами вашими по академии. Подобно тому, как полтора года тому назад мальчики, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутя над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили пред ним своими лаптями, а затем их внуки совершили уже настоящее каждение пред нетленными мощами его, то есть вашего небесного покровителя, [Тихона Задонского](#), так и ваши собственные товарищи по академии прозвали вас «патриархом», когда вы были еще мирянином и когда ни они, ни вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного вам друзьями молодости за ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение»⁴⁸.

* * *

Избрав Патриарха, Поместный Собор вернулся к обсуждению очередных программных тем. Богослужебный отдел представил на рассмотрение пленарного заседания Собора доклад «О церковном проповедничестве». Возражения вызвал первый тезис, в котором [проповедь](#) провозглашалась главной обязанностью пастырского служения. Архимандрит Вениамин (Федченков) резонно заметил: «Указанных слов в соборное правило вводить нельзя: они были бы естественны в устах протестанта, но не православного... В сознании православных людей пастырь является прежде всего тайносовершителем, тайноводителем... Но и на второй ступени пастырских обязанностей проповедь не стоит. Народ более всего обращается к своему пастырю со словами: «Батюшка, помолись за нас». Народ почитает в священнике прежде всего не оратора, а молитвенника. Вот почему ему и дорог отец Иоанн Кронштадтский... Проповедь среди пастырских обязанностей в сознании народа стоит только на третьем месте»⁴⁹. В соборном определении проповедь именуется уже только «одной из главных обязанностей пастырского служения». Собор провозгласил обязательность проповеди за каждой воскресной и праздничной литургией. Принимается и проект о привлечении к проповедничеству низших клириков и мирян, но не иначе, как по благословению правящего архиерея и с разрешения настоятеля местного храма. Миряне-проповедники при этом должны посвящаться в стихарь и именоваться «благовестниками». Собор призвал к организации «благовестнических братств», которые должны были служить развитию и оживлению церковного проповедничества.

Обсуждение доклада «О разделе братских доходов между клириками», прочитанного священником Николаем Карташовым, порой принимало нервный характер, но в конце концов на заседании 14 ноября Собор постановил, что все местные средства содержания приходского духовенства распределяются так: псаломщик получает половину доли священника, а диакон на одну треть больше, чем псаломщик.

15 ноября Собор приступил к обсуждению доклада «О правовом положении Церкви в государстве». По поручению Собора профессор С. Н. Булгаков составил декларацию «Об отношениях Церкви и государства», которая предвляла правовые определения и где требование

о полном отделении Церкви от государства сравнивалось с пожеланием, «чтобы солнце не светило, а огонь не согревал». «Церковь по внутреннему закону своего бытия не может отказаться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами. В частности, и государственность она ищет исполнять своим духом, претворять ее по своему образу»⁵⁰. «И ныне,— говорится далее в декларации,— когда волею Провидения рушилось в России царское самодержавие, а на замену его идут новые государственные формы, православная Церковь не имеет суждения об этих формах со стороны их политической целесообразности, но она неизменно стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением... Как и встарь, православная Церковь считает себя призванной к господству в сердцах русского народа и желает, чтобы это выразилось и при государственном его самоопределении»⁵¹. Меры внешнего принуждения, насилующие религиозную совесть иноверцев, признаются в декларации несовместимыми с достоинством Церкви. Однако государство, если оно не захочет отрывать себя от духовных и исторических корней, само должно охранять первенствующее положение Православной Церкви в России. В соответствии с декларацией Собор принимает положения, в силу которых «Церковь должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения». Архиепископ Евлогий и член Собора А. В. Васильев предлагали слово «первенствующее» заменить более сильным словом «господствующее», но Собор сохранил формулировку, предложенную отделом⁵².

Особое внимание было уделено вопросу о предполагавшемся в проекте «обязательном православии главы Российского государства и министра исповеданий». Собор принял предложение А. В. Васильева об обязательности исповедания православия не только для министра исповеданий, но и для министра просвещения и для заместителей обоих министров. Член Собора П. А. Россиев предлагал уточнить формулировку, введя определение «православные по рождению». Но мнение это, вполне понятное по обстоятельствам предреволюционной поры, когда православие принималось порой не в результате религиозного обращения, все-таки не вошло в положение по догматическим соображениям. Согласно православному вероучению, крещение взрослого столь же полно и совершенно, как и крещение младенца.

В окончательном виде определение Собора гласило:

1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство...

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти.

3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя православной Церковью... равно и акты церковного управления и суда, признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы.

4. Государственные законы, касающиеся православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью...

6. Действия органов православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке.

7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными.

8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь.

Последний пункт определения касался имущественных отношений. Все, что принадлежало «установлениям православной Церкви, не подлежит конфискации и отобранию, а самые установления не могут быть упразднены без согласия церковной власти»⁵³.

18 ноября Собор возобновил обсуждение вопроса об организации высшего церковного управления. Докладчик, профессор И. И. Соколов, опираясь на опыт Русской Церкви, древних Восточных и новых поместных Церквей, предложил такую формулу: управление церковными делами принадлежит «Всероссийскому Патриарху совместно со Священным Синодом и Высшим церковным советом»⁵⁴. Опять начались острые споры. Члены Собора, возражавшие прежде против восстановления патриаршества, теперь пытаются оттеснить Патриарха на последнее место среди высших церковных органов. Отвергая посягательства на власть Патриарха, архимандрит Иларион сказал: «Если мы учредили патриаршество и чрез два дня будем возводить на престол того, кого Бог нам указал, то мы его любим и ничуть не стесняемся возвести его на первое место»⁵⁵. Собор принял формулу докладчика без поправок.

Решено было, что Священный Синод должен состоять из председателя (Патриарха) и 12 членов: Киевского митрополита (постоянно), шести архиереев, избираемых Поместным Собором на 3 года, и пяти архипастырей, вызываемых по очереди на один год по одному из каждого округа. Для вызова в Священный Синод все епархии Русской Церкви были объединены в пять округов: Северо-Западный, Юго-Западный, Центральный, Восточный и Сибирский. В состав Высшего церковного совета (ВЦС), по определению Собора, входят Патриарх (председатель) и 15 членов: 3 иерарха по избранию Священного Синода, один монах — по избранию Собора, пять клириков из белого духовенства и шесть мирян. В равном количестве с членами Синода и Высшего церковного совета избираются их заместители.

В ведение Священного Синода отнесены были дела, касающиеся вероучения, богослужения, церковного управления и дисциплины, общий надзор над духовным просвещением. Высший церковный совет должен был заниматься по преимуществу внешней стороной церковно-административных, школьно-просветительных и церковно-хозяйственных дел, ревизией и контролем. Особо важные дела: по защите прав и привилегий Церкви, по открытию новых епархий, по открытию новых духовных школ, по подготовке к предстоящему Собору, а также утверждение сметы расходов и доходов церковных учреждений — подлежали рассмотрению соединенного присутствия Священного Синода и Высшего церковного совета.

Затем Собор приступил к вопросу о правах и обязанностях Патриарха. Согласно принятому определению, Патриарх пользуется правом посещения всех епархий Российской Церкви, поддерживает сношения с автокефальными православными Церквями по вопросам церковной жизни, имеет долг печалования перед государственной властью, дает архиереям братские советы, принимает жалобы на архиереев и дает им надлежащий ход, имеет высшее начальственное наблюдение за всеми центральными учреждениями при Священном Синоде и Высшем церковном совете. Имя Патриарха возносится за богослужением во всех храмах Российской Церкви. В случае кончины Патриарха его место в Священном Синоде и Высшем церковном совете заступает старейший из присутствующих в Синоде иерархов, а единственным наследником имущества является патриарший престол⁵⁶.

29 ноября на Соборе была оглашена выписка из определения Святейшего Синода о возведении в сан митрополита виднейших архиепископов: Харьковского Антония, Новгородского Арсения, Ярославского Агафангела, Владимирского Сергия и Казанского Иакова.

По воспоминаниям митрополита Евлогия, первое после интронизации появление на Соборе Патриарха «явилось высшей точкой, которой духовно достиг Собор. С каким благоговейным

трепетом все его встречали! Все, не исключая левых профессоров... Когда при пении тропаря и в преднесении патриаршего креста Патриарх вошел, все опустились на колени... В эти минуты уже не было прежних, несогласных между собой и чуждых друг другу членов Собора, а были святые, праведные люди, овеванные Духом Святым, готовые исполнять его веления. И некоторые из нас в тот день поняли, что в реальности значат слова: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра»⁵⁷.

На последних заседаниях, перед роспуском на Рождественские каникулы, Собор избирал высшие органы церковного управления: Священный Синод и Высший церковный совет. Киевский митрополит Владимир вошел в Синод как его постоянный член, членами Синода были избраны получившие наибольшее количество голосов митрополиты — Новгородский Арсений, Харьковский Антоний, Владимирский Сергей, Тифлисский Платон; архиепископы — Кишиневский Анастасий, Волынский Евлогий. Заместителями членов Синода без отдельного голосования стали те кандидаты, которые по количеству голосов следовали за избранными в Синод: епископ Вятский Никандр (Феноменов), архиепископ Таврический Димитрий, митрополит Петроградский Вениамин, архиепископ Могилевский Константин (Бульчев), архиепископ Тамбовский Кирилл, епископ Пермский Андроник. В Высший церковный совет Собор избрал от монашествующих архимандрита Виссариона; от клириков из белого духовенства — протопресвитеров Георгия Шавельского, Николая Любимова, протоиерея А. В. Санковского, протоиерея А. М. Станиславского, псаломщика А. Г. Кулешова; от мирян — профессора С. Н. Булгакова, А. В. Карташова, профессоров И. М. Громогласова, П. Д. Лапина, С. М. Раевского, князя Е. Н. Трубецкого.

9 декабря 1917 г. состоялось последнее заседание первой сессии Поместного Собора Российской Православной Церкви.

* * *

20 января 1918 г. открылась вторая сессия Всероссийского Поместного Собора. Перед началом заседаний был совершен молебен. Война и смута, разорвавшая империю на куски, изранившая тело России окровавленными линиями фронтов и незаконными границами, не позволили всем членам Собора съехаться в Москву к началу второй сессии. В первом деянии участвовало всего 110 соборян, из них только 24 епископа. По уставу Собор не мог принимать решения в таком составе, но, несмотря на это, присутствующие постановили открыть вторую сессию. Неполнота состава Собора искупалась тем, что на заседаниях складывалась более церковная обстановка, чем при открытии Собора в августе. Страшные месяцы, пережитые Россией, отрезвили и вразумили одних соборян, прибавили мудрости другим. Посреди горькой церковной и всенародной беды было уже не до мелочных групповых интересов и сведения счетов. Над каждым епископом Русской Церкви и даже над ее первосвятителем нависла в те дни вполне реальная, каждодневная угроза ареста и расправы. И потому в целях сохранения неприкосновенности патриаршего престола и преемственности власти первоиерарха Собор вынес 25 января/7 февраля экстренное постановление на случай болезни, смерти и других печальных для Патриарха событий. Постановление предполагало, что Патриарх единолично назначит себе преемников, которые в порядке старшинства будут блюсти власть Патриарха в чрезвычайных обстоятельствах, имена их он сохранит ради безопасности в тайне, сообщив о назначении лишь самим преемникам. На закрытом заседании Собора Патриарх доложил, что поручение он исполнил.

В ответ на разорение храмов, на аресты, пытки и казни служителей алтаря 18 апреля 1918 г. Собор вынес определение: установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках и ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в

следующий за сим воскресный день вечером всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников. Устроить в понедельник второй седмицы по Пасхе во всех приходах, где были скончавшие жизнь свою за веру и Церковь исповедники и мученики, крестные ходы к местам их погребения, где совершать торжественные панихиды с прославлением священной их памяти. Оповестить особым постановлением, что «никто, кроме Священного Собора и уполномоченной им церковной власти, не имеет права распоряжаться церковными делами и церковным имуществом, а тем более такого права не имеют люди, не исповедующие даже христианской веры или же открыто заявляющие себя неверующими в Бога»⁵⁸.

29 января в Петрограде конфисковали помещения и имущество Святейшего Синода, полномочия которого уже решено было передать вновь избранным на Соборе органам — Священному Синоду и Высшему церковному совету, осуществлявшим при Патриархе управление Русской Православной Церковью. Учрежденный 14 февраля 1721 г. Святейший Синод просуществовал до 14 февраля 1918 г., почти двести лет, обозначив целую эпоху церковной, государственной и народной истории России.

Важнейшей темой второй сессии было устройство епархиального управления. Обсуждение ее началось еще на первой сессии с доклада профессора А. И. Покровского, который он прочитал 2 декабря. Предложенный отделом проект был, по слову докладчика, усиленной попыткой «возвратить Церковь к идеалу епископально-общинного управления, к тому порядку, который для Церкви является идеалом на все времена»⁵⁹. Серьезные споры возникли вокруг 15-го пункта проекта, в котором сказано было, что «епархиальный архиерей по преемству власти от святых апостолов есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян»⁶⁰. К этому пункту предлагались различные поправки: архиепископ Тамбовский Кирилл настаивал внести в определение положение о единоличном управлении архиерея, осуществляемом лишь «при помощи епархиальных органов управления и суда»; архиепископ Тверской Серафим говорил о недопустимости привлечения мирян к управлению епархией; А. И. Иудин, наоборот, требовал расширить полномочия мирян и клира в решении епархиальных дел за счет прав архиереев. Профессор И. М. Громогласов внес предложение заменить слова «при соборном содействии клира и мирян» на «в единении с клиром и мирянами», что, несомненно, снижало права архиерея. Поправка Громогласова была принята на пленарном заседании, но в окончательную редакцию проекта не вошла. По уставу соборные акты законодательного характера подлежали утверждению на совещании епископов. В окончательной редакции этого пункта епископы восстановили формулу, предложенную отделом: «при соборном содействии клира и мирян»⁶¹.

Разногласия обнаружились и по вопросу о процедуре выборов епархиальных архиереев на вдовствующие кафедры. После обсуждения было принято следующее определение: «Архиереи округа или при отсутствии округов Священный Синод Российской Церкви составляют список кандидатов, в который после канонического одобрения, включаются и кандидаты, указанные епархией. По обнародовании в епархии списка кандидатов архиереи округа или архиереи, назначенные Священным Синодом, клир и миряне епархии совместно производят... выборы кандидата, голосуя одновременно всех... причем получивший не менее $\frac{2}{3}$ голосов считается избранным и представляется на утверждение высшей церковной власти. Если никто из кандидатов... не получит указанного большинства голосов, то проводится новое голосование... и высшей церковной власти представляются кандидаты, получившие не менее половины избирательных голосов»⁶². Это определение явилось компромиссом между предложениями тех, кто вместе с архиепископом Тверским Серафимом считал, что выборы нового епископа — дело

самих архиереев, и требованиями других, кто, пренебрегая канонами, хотел поручить выборы епископа исключительно клиру и мирянам епархии. Что касается требований к кандидатам в архиереи, то одни из выступавших считали, что таковыми могут быть только монахи, другие говорили, что принятие монашества или хотя бы рясофора для кандидатов из мирян необязательно даже после избрания в епископы. Определение, утвержденное Собором, гласило: «Кандидаты в епархиальные архиереи, не имеющие епископского сана, избираются в возрасте не моложе 35 лет из монашествующих или не обязанных браком лиц белого духовенства и мирян, причем для тех и других обязательно облечение в рясофор, если они не принимают пострижения в монашество»⁶³. Согласно 31-му пункту определения, «высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является епархиальное собрание»⁶⁴, куда клирики и миряне избираются сроком на три года. Разработаны были также положения о епархиальном совете, о благочиннических округах и благочиннических собраниях⁶⁵.

Острый, иногда болезненный характер принимала на Соборе дискуссия по вопросу о единоверии. На обсуждении в отделе не удалось прийти к согласованному проекту, поэтому на пленарное заседание Собора представили два доклада, противоположных по содержанию. Камнем преткновения явился вопрос о единоверческих епископах. Первый докладчик, единоверческий протоиерей Симеон (Шлеев), выступил с проектом учреждения самостоятельных единоверческих епархий. Другой, епископ Челябинский Серафим (Александров), решительно высказался против учреждения единоверческого епископата, потому что, по его мнению, это может привести к отрыву единоверцев от православной Церкви. После острой полемики решено было учредить пять единоверческих кафедр, подчиненных епархиальным архиереям. «Единоверческие приходы,— записано в определении,— входят в состав православных епархий и управляются, по определению Собора или по поручению правящего архиерея, особыми единоверческими епископами, зависимыми от епархиального архиерея»⁶⁶. Одна из единоверческих кафедр, Охтенская, учреждалась в Петрограде с подчинением ее Петроградскому митрополиту. 25 мая на эту кафедру избран был рукоположенный во епископа Симеон (Шлеев).

19 февраля Собор приступил к обсуждению вопроса о православном приходе. В результате 7 апреля был принят «Приходский устав». Главная его задача — оживить приходскую деятельность и сплотить прихожан вокруг Церкви в эти трудные дни. Во введении, составленном архиепископами Тверским Серафимом и Пермским Андроником, а также Л. К. Артамоновым и П. И. Астровым, дан краткий очерк истории прихода в древней Церкви и в России, говорится также о месте прихода в структуре Церкви: «Господь Свою Церковь вверил в устройство и управление своим апостолам и их преемникам — епископам, а через них вверяет и пресвитерам малые церкви — приходы»⁶⁷. Уставом давалось определение прихода как «общества православных христиан, состоящего из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющего часть епархии и находящегося в каноническом управлении своего епархиального архиерея под руководством поставленного последним священника — настоятеля»⁶⁸. Прихожане принимают непосредственное участие в церковной жизни, «кто как может своими силами и дарованиями». Священной обязанностью прихода Собор провозгласил заботу о благоустройении его святыни — храма. Состав нормального приходского причта: священник, диакон и псаломщик. На усмотрение епархиальной власти предоставлялось увеличение или сокращение приходских штатов. Назначение клириков производили епархиальные архиереи, которые могли учитывать и пожелания самих прихожан. Устав предусматривал избрание прихожанами церковных старост, на которых возлагалась забота о приобретении, хранении и употреблении храмового имущества.

Для решения дел, связанных с сооружением, ремонтом и содержанием храма, с обеспечением клириков, а также с избранием должностных лиц прихода, предполагалось созывать не реже двух раз в год приходские собрания, постоянно действующими органами которых становились приходские советы из клириков, церковного старосты или его помощника и нескольких мирян по избранию на приходском собрании. Председателем и приходского собрания и приходского совета был настоятель храма.

Еще на первой сессии Собор выступил против новых законов о гражданском браке и его расторжении. В принятом на второй сессии определении была сформулирована четкая позиция по этому вопросу: «Брак, освященный Церковью, не может быть расторгнут гражданской властью. Такое расторжение Церковь не признает действительным. Совершающие расторжение церковного брака простым заявлением у светской власти повинны в поругании таинства брака»⁶⁹.

Отдел церковного суда, во главе которого стоял митрополит Владимирский Сергей, разработал и вынес на пленарное заседание третьей сессии проект «Определения о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью». С докладами по этому проекту выступили В. В. Радзимовский и Ф. Г. Гаврилов. К прежним четырем поводам для расторжения брака (прелюбодеяние, добрачная неспособность, ссылка с лишением прав состояния и безвестная отлучка) отдел предлагал добавить новые: уклонение от православия; неспособность к брачному сожителю, наступившую в браке; посягательство на жизнь, здоровье и честное имя супруга; вступление в новый брак при существовании брака с истцом; неизлечимую душевную болезнь; сифилис, проказу и злонамеренное оставление супруга. Полемика по докладу приняла весьма острый характер. В. В. Зеленцов заметил, что в проекте не хватает слов о том, что лучше дело закончить «примирением супругов, чем разводом». За уменьшение поводов к разводу и против предложенного проекта высказались архиепископ Кишиневский Анастасий, епископ Челябинский Серафим, протоиерей Э. И. Бекаревич, священник А. Р. Пономарев, граф Н. П. Апраксин, А. В. Васильев, А. И. Иудин. Проект поддержали епископ Уральский Тихон Оболенский, князь А. Г. Чагадаев, Н. Д. Кузнецов.

По ходу дискуссии председатель отдела митрополит Сергей несколько раз брал слово. «Когда в Церкви заходил спор о применении строгости или снисхождении,— сказал он,— она всегда становилась на сторону снисхождения. Об этом свидетельствует церковная история. За строгость всегда стояли сектанты и фарисеи. Сам Господь, Спаситель наш, бывший другом мытарей и грешников, сказал, что Он пришел грешников спасти, а не праведников. Поэтому нужно брать человека таким, каков он есть, и спасать его падшего. В первые времена христианства для идеального христианина не могло быть речи о разводе: ведь если для своего спасения нужно страдать ради Христа, то к чему развод, к чему удобство жизни? Но запрещать развод в наши дни, для наших слабых силами христиан, значит губить их»⁷⁰. Митрополит Сергей одобрил проект, потому что он ближе к православию, чем то, что представили его оппоненты, и «стоит на почве, на которой всегда стояла Церковь, вопреки обществам, отделившимся от нее»⁷¹. Проект определения, принятый на основании предложенных докладов, пересматривался на совещании епископов, которое оставило в силе 18 статей, а 6 других возвратило в Отдел церковного суда для переработки. В окончательной редакции закрепилось положение о принципиальной нерасторжимости христианского брака. Исключения «Церковь допускает лишь по снисхождению к человеческим немощам, в заботах о спасении людей... при условии предварительного действительного распада расторгаемого брачного союза или невозможности его осуществления»⁷². Законными поводами для ходатайства одного из супругов о расторжении брака Собор признал все те добавления, которые предлагал отдел в своем проекте (на третьей сессии Собор добавил неизлечимую душевную болезнь и злонамеренное

оставление одного супруга другим).

5/18 апреля 1918 г. Собор архипастырей принял постановление о прославлении святителей Софрония Иркутского и Иосифа Астраханского.

7/20 апреля, на пятой седмице Великого поста, решено было закончить вторую сессию Поместного Собора. Открытие третьей намечалось на 15/28 июня 1918 г. Принимая во внимание сложность политической обстановки в стране, решено было, что для придания законности соборным деяниям достаточно будет присутствия на заседаниях одной четверти состава Собора.

* * *

19 июня (2 июля) 1918 г. открылась третья сессия Поместного Собора Российской Православной Церкви. В первом заседании, проходившем в Соборной палате под председательством Святейшего Патриарха Тихона, участвовало 118 членов Собора, и среди них 16 епископов. Всего в Москву съехалось 140 соборян. Предполагалось, что Собор будет работать в здании Московской духовной семинарии, но за три дня до открытия сессии оно было занято комендантом Кремля Стрижаком на основании ордера ВЦИКа. Переговоры с управделами Совнаркома и секретарем ВЦИКа не дали никаких результатов, и на Соборе решено было проводить заседания в частном порядке.

На третьей сессии продолжилась работа над составлением определений о деятельности высших органов церковного управления. В «Определении о порядке избрания Святейшего Патриарха» устанавливалась процедура избрания, в основных чертах подобная той, какая была применена при избрании Патриарха Тихона, но предусматривалось более широкое представительство на избирательном Соборе клириков и мирян Московской епархии, для которой Патриарх является епархиальным архиереем. В случае освобождения патриаршего престола предусматривалось незамедлительное избрание Местоблюстителя из членов Священного Синода соединенным присутствием Синода и Высшего церковного совета.

2/15 августа 1918 г. Собор вынес определение о признании недействительным лишения сана священнослужителей по политическим мотивам. Это решение распространялось на осужденного при Екатерине II митрополита Арсения (Мацеевича), решительно выступившего против секуляризации церковных земельных владений, на священника Григория Петрова, в своей политической деятельности придерживавшегося крайне левого направления.

«Определение о монастырях и монашествующих», разработанное в соответствующем отделе под председательством архиепископа Тверского Серафима, устанавливало возраст постригаемого — не моложе 25 лет, для пострига послушника в более раннем возрасте требовалось благословение епархиального архиерея⁷³. На основании 4 правила Халкидонского, 21 правила VII Вселенского и 4 правила Двукратного Соборов монашествующим предписывалось до конца жизни нести послушание в тех монастырях, где они отреклись от мира. Определение восстанавливало древний обычай избрания настоятелей монастырей братией, епархиальный архиерей в случае одобрения избранного представлял его на утверждение Священного Синода. Такой же порядок вводился и для поставления настоятельниц женских обителей. Казначей, ризничий, благочинный и эконо́м должны назначаться епархиальным архиереем по представлению настоятеля. Эти должностные лица составляют монастырский совет, помогающий настоятелю в управлении хозяйственными делами обители. Поместный Собор подчеркнул преимущества общежительства перед особножительством и рекомендовал всем монастырям по возможности вводить у себя общежительный устав. Важнейшая забота монастырского начальства и братии — строго уставное богослужение, «без пропусков и без замены чтением того, что положено петь, и сопровождаемое словом назидания». Собор высказался о желательности иметь в каждой обители для духовного окормления насельников старца или старицу, начитанных в Священном Писании и

святоотеческих творениях и способных к духовному руководству. В мужских монастырях духовник должен избираться настоятелем и братией и утверждаться епархиальным архиереем, а в женских — назначаться епископом из числа монашествующих пресвитеров. Всем монастырским насельникам Собор предписывал нести трудовое послушание. Духовно-просветительное служение монастырей должно выражаться в уставном богослужении, духовничестве, старчестве и проповедничестве.

Собор вынес также «Определение о привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения»⁷⁴. Помимо приходских собраний и советов, им разрешено было участвовать в деятельности благочиннических и епархиальных собраний, но не в епархиальных советах и судах. В исключительных случаях благочестивые христианки могли допускаться и на должность псаломщиц, но без включения в клир. В этом определении Собор, не нарушая незыблемых догматических и канонических уставов, которые не смешивают мужское и женское служение в Церкви, в то же время выразил насущные потребности церковной жизни. Христианки, составлявшие в последние десятилетия большую часть православного верующего народа, стали оплотом церковности.

Опираясь на апостольские наставления о высоте священнического служения ([1 Тим. 3. 2:12; Тит. 1. 6](#)) и на святые каноны (3 правило Трулльского Собора и др.), Собор вынес определения, ограждающие достоинство священного сана, подтвердив недопустимость второбрачия для вдовых и разведенных священнослужителей и невозможность восстановления в сане лиц, лишенных его приговорами духовных судов. Другим определением Собор снизил возрастной ценз для безбрачных кандидатов священства, не состоявших в монашестве, с 40-летнего, установленного прежде в Русской Церкви, до 30 лет.

Последние определения Собора касались охраны церковных святынь от захвата и поругания и восстановления празднования дня памяти всех святых, в земле Российской просиявших, в первое воскресенье Петровского поста⁷⁵. В связи с отделением бывшего Царства Польского от Российского государства Собор вынес особое «Определение об устройстве Варшавской епархии», которая «остаётся в прежних своих пределах и, составляя часть Православной Российской Церкви, управляется на общих основаниях, принятых Священным Синодом для всех православных епархий Российской Церкви»⁷⁶.

На заключительном заседании Собора 7 (20) сентября было принято определение по проекту «Положения о временном высшем управлении Православной Церковью на Украине», утверждавшее автономный статус Украинской Церкви, но при этом постановления Всероссийских церковных Соборов и Святейшего Патриарха должны были иметь обязательную силу для Украинской Церкви. Епископы, представители клира и мирян украинских епархий участвуют во Всероссийских Соборах, а митрополит Киевский по должности и один из архиереев по очереди должны были участвовать в Священном Синоде.

Очередной Поместный Собор постановили созвать весной 1921 г., но заседания третьей сессии были прерваны конфискацией помещений, в которых они проходили. Работая больше года, Собор не исчерпал своей программы. Некоторые определения его оказались неосуществимыми, поскольку не опирались на адекватную оценку сложившейся в стране общественно-политической ситуации. Но в целом в решении церковно-строительных вопросов, в устройении жизни Русской Православной Церкви в новых исторических условиях Собор оставался верен догматическому и нравственному учению Спасителя, определения Собора стали твердой опорой и духовным ориентиром для Русской Церкви в решении крайне сложных проблем на ее многотрудном пути. Благодаря возрождению церковной соборности и восстановлению патриаршества канонический строй Русской Церкви оказался неуязвимым для подрывных действий раскольников.

ГЛАВА II. Русская Церковь при Святейшем Патриархе Тихоне (1917—1925)

Извещая Церковь о восшествии на престол, Патриарх Тихон обратился к пастве с посланием: «В дни многоскорбные и многотрудные, вступили мы на древнее место патриаршее. Испытания изнурительной войны и гибельная смута терзают Родину нашу, скорби и отнашествия иноплеменных и междоусобные брани. Но всего губительнее снедающая сердца смута духовная. Затемнились в совести народной христианские начала строительства государственного и общественного, ослабела и самая вера, неистовствует безбожный дух мира сего»⁷⁷. В слове, произнесенном перед новогодним молебном 1 января 1918 г. в храме Христа Спасителя, Патриарх Тихон сравнил февральские и октябрьские государственные перевороты с печальным опытом Вавилонского строительства. Слова и проповеди первосвятителя, его послания воспринимались верующими как голос церковного разума среди охватившей страну гражданской войны и возобновившихся военных действий на фронтах первой мировой. Революционные преобразования коснулись всех сторон жизни России, а для националистов явились толчком к сепаратистским выступлениям. В Киеве Центральная рада, добивавшаяся при Временном правительстве автономии, теперь торопилась утвердить «самостийную Украинскую народную республику», отделились Северный Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Финляндия, оккупированная Германией Польша, Прибалтика.

Это повлекло за собой раскольнические действия и в церковных кругах. Еще в марте 1917 г. без согласия кириархальной Церкви, против воли экзарха Грузии архиепископа Платона группа епископов провозгласила автокефалию Грузинской Церкви. Местоблюстителем Католикосом поставлен был Леонид (Окропиридзе), епископ Гурийско-Мингрельский. Не возражая в принципе против независимости Грузинской Церкви, Святейший Патриарх Тихон выразил сожаление о неканоничности отделения, о непослушании грузинских архиереев Поместному Собору и своему кириарху владыке Платону, которого они самочинно объявили лишенным звания экзарха.

Патриарх Тихон обратился к грузинским архипастырям Кириону, Леониду, Георгию и Пирру с предложением подчиниться требованию церковных правил и явиться на Всероссийский Собор. «Только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной поместной Церкви. Если это требование не соблюдается, Церкви угрожает схизма»⁷⁸. Но призыв Патриарха не был услышан, и отношения между Русской и Грузинской Церквами оставались неулаженными до 1943 г.

Между тем в самой России власти приступили к закрытию храмов. По распоряжению комиссариата просвещения была конфискована синодальная типография.

31 декабря 1917 г. в газете «Дело народа» был опубликован проект декрета об отделении Церкви от государства. В связи с этим митрополит Петроградский Вениамин обратился с посланием в Совнарком, в котором предупредил, что «осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу... Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта об отобрании церковного достояния».

13 января 1917 г. от братии Александро-Невской лавры потребовали оставить монастырь и освободить его помещения под лазарет. Лаврские власти согласились разместить раненых, но отказались покинуть обитель. Тогда 19 января в лавру прибыл отряд матросов и красногвардейцев с распоряжением о конфискации имущества, подписанным комиссаром

Коллонтай. Отказавшись отдать лаврское достояние, митрополит Вениамин и наместник лавры епископ Елисаветградский Прокопий были арестованы вместе со всем духовным Собором лавры. Но набат и призывы спасти церкви привлекли множество народа, и красногвардейцы вынуждены были бежать из лавры. Однако вскоре вернулись и, грозя начать стрельбу, пытались выгнать монахов из обители. Народ не расходился, а престарелый протоиерей Петр Скипетров, настоятель церкви святых страстотерпцев Бориса и Глеба, обратился к насильникам с мольбой остановиться и не осквернять святыни. В ответ раздались выстрелы, и священник был смертельно ранен. 21 января состоялся всенародный крестный ход из всех питерских церквей в Александро-Невскую лавру и затем по Невскому к Казанскому собору. Здесь митрополит Вениамин обратился к народу со словом об умиротворении страстей и отслужил молебен и панихиду по отцу Петру. На следующий день при большом стечении народа сонм иереев во главе со святителем Вениамином, епископами Прокопием и Артемием отпевал протоиерея Петра Скипетрова в храме, где он настоятельствовал.

19 января (1 февраля) 1918 г. Патриарх издает послание, в котором анафематствует участников кровавых расправ над невинными людьми — богоборцев, поднявших руки на церковные святыни и на служителей Божиих. На следующий день в газетах был опубликован «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», который не только ознаменовал разрыв многовекового союза Церкви и государства, но и явился юридическим прикрытием для гонения на Церковь. «Никакие церковные религиозные общества,— говорится в документе,— не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют»⁷⁹, только, «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти» Церковь могла оставить за собой храмы и богослужебную утварь. Декрет также запрещал религиозное воспитание и образование детей в школе.

* * *

События на Украине осенью 1917 г. грозили расколоть целостность Русской Православной Церкви. Министром исповеданий рада назначила Миколу Бессонова, бывшего епископа Никона, известного скандальной историей с ученицей духовного училища, которую он держал при себе в епархиальном доме. Сразу после февральской революции Никон снял с себя сан и обвенчался с ней. Приехав в Киев, он стал театральным рецензентом, писал об опереттах. Жена его вскоре была убита в собственном доме, и бывший иерарх похоронил ее в Покровском монастыре, положив ей на грудь панагию, а в ноги клубук. На просьбу архиепископа Евлогия сместить такого министра, глава рады Голубович ответил отказом, сославшись на хорошую осведомленность Бессонова в делах церковного управления. Поощряемые гражданским правительством, церковные сепаратисты организуют Всеукраинскую церковную раду, куда им удастся вовлечь архиепископа Алексия (Дородницына). До февраля архиепископ Алексей в своих проповедях горячо защищал единство и целостность Российской империи, а теперь стал националистом-украинцем, приверженцем автокефалии. Назначенные радой епархиальные комиссары требовали, чтобы в храмах вместо Патриарха Тихона поминалась церковная рада во главе с архиепископом Алексием.

Встревоженный опасным развитием событий, Патриарх Тихон благословил митрополита Киевского Владимира, принимавшего участие в Соборе, срочно выехать в Киев для умирения церковной смуты, но сепаратисты пытались не допустить святителя в его кафедральный город. И все-таки митрополит Владимир приехал в Киев и остановился в своих покоях в Киево-Печерской лавре. Преосвященный Алексей самовольно водворился в лавре по соседству с митрополитом и подстрекал монахов против своего архипастыря и священноархимандрита. Но митрополит Владимир непоколебимо отстаивал единство Русской Церкви.

В Киеве проходили многочисленные приходские собрания в поддержку истинного

архипастыря. По благословию Патриарха Тихона началась подготовка к созыву Всеукраинского церковного Собора. Для проведения Собора он командировал в Киев митрополитов Платона и Антония, архиепископа Евлогия. Когда они прибыли в Киев, святитель Владимир просил их вразумить архиепископа Алексия, но взбунтовавшийся иерарх продолжал свою раскольническую деятельность. На предсоборных совещаниях священники-сепаратисты, бритые и стриженные, в шинелях, а то и с винтовками за плечами, митинговали и агитировали за отделение Украинской Церкви.

Открылся Киевский Собор 7 января 1918 г., и среди его членов сразу выявились три группы: поборники единства Русской Церкви — в основном из приходских советов Киева, автокефалисты из церковной рады во главе с архиепископом Алексием и священником Марычевым и сторонники компромисса, среди которых были и профессора Киевской Духовной Академии П. П. Кудрявцев и Ф. И. Мищенко. Выступая за широкую автономию Украинской Церкви, они считали, что единство с Русской Церковью должно быть сохранено через участие представителей Украины во Всероссийских Соборах. Обстановка на заседаниях была далеко не мирной, политические пристрастия определяли позиции его участников. В это время на Киев стремительно наступали красные. Когда начался обстрел города, настроения на Соборе сразу переменялись, сепаратисты-украинцы присмирели.

18 января Собор решено было временно закрыть. Предводитель раскольников священник Марычев предложил проголосовать за автокефалию, но 150 голосами против 60 это предложение было отвергнуто. Никаких постановлений Собор так и не принял.

Когда красные войска взяли Киев, в лавре расположился военный отряд. Во время богослужения вооруженные люди в шапках, с папиросами в зубах врываются в храмы, устраивали обыски, издевались над монахами. Растерявшиеся монахи, соблазненные интригами архиепископа Алексия, стали жаловаться красногвардейцам на то, что митрополит не разрешает им устраивать комитеты и советы, а они хотят, чтобы в монастыре все было, как у красных. 25 января красноармейцы учинили обыск в покоях митрополита, а вечером вломились пятеро пьяных бандитов. Они втолкнули владыку в спальню и начали пытаться, душили цепочкой от креста, сорвали с груди крест и ладанку, нательную иконку. Из спальни святителя вывели в рясе, в белом клобуке, с панагией. Бандиты втолкнули святителя в автомобиль и отвезли на полверсты от лаврских ворот и расстреляли. Прах убитого священномученика обнаружили наутро, владыка лежал на спине в луже крови, пбез панагии и в клобуке без клобучного креста. Святые мощи мученика перенесли в лавру. На похороны убиенного владыки собралось много народу. Служили пять архиереев во главе с митрополитом Платоном, сонм киевского духовенства. Надгробное слово митрополит Платон закончил земным поклоном священномученику от Патриарха Тихона и от всего епископата Российской Церкви. Погребли священномученика Владимира в Дальних пещерах, рядом со святыми мощами киево-печерских угодников.

Когда весть о трагической кончине митрополита Владимира дошла до Собора, заседавшего в Москве, была образована комиссия для расследования преступления под председательством архиепископа Тамбовского Кирилла. Но Киев был уже отрезан от России линией фронта, и комиссия не смогла попасть туда.

15 февраля, открывая торжественное заседание Собора, посвященное памяти священномученика Владимира, Патриарх Тихон сказал, что «мученическая кончина Владыки Владимира была... жертвой благовонною во очищение грехов великой матушки России»⁸⁰. «Такие жертвы, какова настоящая,— продолжил его мысль митрополит Арсений,— никого не устрашат, а, напротив, ободрят верующих идти до конца, путем служения долгу даже до смерти!»⁸¹

В оккупированном немцами Киеве власть перешла от Центральной рады к гетману Скоропадскому. В канун Пасхи архиепископ Евлогий получил от Патриарха Тихона указ о проведении выборов митрополита на вдовствующую Киевскую кафедру. Приехав в Киев, он устроил несколько предвыборных собраний, на которых среди кандидатов назывались имена архипастырей: митрополитов Антония, Платона, Арсения, епископа Уманского Димитрия (Вербицкого), викария Киевской епархии, и мирян — профессоров Киевской Академии. Выборы взволновали население города. Вокруг Софийского собора, где проходило окончательное голосование, толпился народ. Большинство киевских приходов стояло за митрополита Антония. Сторонники автокефалии и самостийники поддерживали епископа Димитрия. В конце концов, большинством голосов митрополитом Киевским и Галицким был избран преосвященный Антоний (Храповицкий).

Открылась вторая сессия Всеукраинского церковного Собора. Вначале председательствовал, как и до перерыва, епископ Балтский Пимен, потом прибывший из Харькова только что избранный митрополит Киевский Антоний. Новый архипастырь после торжественной встречи в Софийском соборе нанес визит гетману Скоропадскому. Профессор В. В. Зеньковский, назначенный гетманом министром исповеданий, придерживался умеренной линии, в то время как большинство членов правительства стояло за автокефалию Украинской Церкви. Церковные и политические сепаратисты оказывали давление на Зеньковского и, в конце концов, заменили его крайним сепаратистом Д. А. Лотоцким.

Борьбу за сохранение единства Русской Церкви возглавил митрополит Антоний. Его энергично поддерживал архиепископ Евлогий, и вместе они сумели добиться поворота в настроениях соборян. Удалось им настоять и на отставке Лотоцкого. Архиепископ Евлогий объявил на Соборе: «Пал министр, пала и автокефалия! Будем теперь спокойно заниматься делами...»⁸² Автокефалия, действительно, была отвергнута большинством соборян. 9 июля 1918 г. Всеукраинский Собор объявил об автономии Украинской Церкви. Был образован Священный Собор, или Синод епископов. Для Украинской Церкви признавались обязательными постановления Всероссийского Православного Собора, указы Святейшего Патриарха и высших органов Российской Церковной власти.

* * *

Смерть митрополита Владимира открыла трагический список мученически погибших архиереев. В Севастополе на паперти храма по совершении Божественной литургии был застрелен священник Михаил Чефранов, в Переславле-Залесском убили священника Константина Снятиновского. В Елабуге ночью арестовали трех сыновей протоиерея Павла Дернова, учинили обыск, ограбили дом и наконец увели самого отца Павла. На рассвете останки священника были найдены за городом, около мельницы; убийцы хотели бросить его в прорубь, но оказавшиеся рядом крестьяне не дали надругаться над прахом. Арестованные дети просили отпустить их проститься с отцом — им отказали и вскоре расстреляли. В городе Белом Смоленской епархии расстреляли псаломщика Колосова, на пути к месту казни мученик пел себе отходную. В погосте Гнездове Вышневолоцкого уезда грабили церковь. Возмущенные прихожане пытались остановить красногвардейцев; особенно ревностно радели о храме крестьяне Петр Жуков и Прохор Михайлов. Арестовали тридцать человек, вначале их избили, потом погнали в Вышний Волочок. Дорогой десять крестьян были замучены.

28 января в Москве состоялся крестный ход. Святейший Патриарх Тихон в сопровождении архипастырей и пастырей вышел на Лобное место и оттуда благословил свою паству. Во время службы на площади была прочитана принятая на Соборе [МОЛИТВА](#) о спасении Церкви Христовой. В Казани на крестный ход 2 февраля, собралась большая часть православных жителей города. Грандиозен был крестный ход в Орехово-Зуеве, небольшом фабричном

городке, который революционеры считали своим оплотом, но не везде крестные ходы проходили мирно. Столкновения произошли в Нижнем Новгороде, Саратове, Вятке, Владимире. Красногвардейцы стреляли в процессии, были раненые и убитые в Харькове, Воронеже, Шацке. 2 февраля состоялся не разрешенный властями крестный ход в Туле. Шествие двинулось из кремля, впереди несли икону Казанской Божией Матери, а перед иконой шел старик-рабочий с крестом в руках. Красногвардейцы стреляли из пулеметов, на мостовой остались десятки раненых и 13 человек убитых. Среди раненых был и епископ Каширский Корнилий (Соболев). 31 марта за Божественной литургией в храме Московской Духовной семинарии Патриарх Тихон молился об упокоении рабов Божиих, за веру и Церковь Православную убиенных. Святейший помянул митрополита Владимира, протоиереев Иоанна Кочурова, Петра Скипетрова, Иосифа Смирнова, Павла Дернова, игумена Гервасия; иереев Павла Кушнякова, Петра Покрывало, Феодора Афанасьева, Михаила Чефранова, Владимира Ильинского, Василия Угрянского, Константина Снятиновского, иеромонаха Герасима, диакона Иоанна Касторского, послушника Антония, раба Божия Иоанна Перебаскина и оставшихся неизвестными трех священников и двух мирян. В феврале при изъятии имущества Белогорского подворья в Пермской епархии красногвардейцы расстреляли народ, собравшийся, чтобы защитить церковное достояние. 3 февраля в Петрограде в часовню подворья монастыря преподобного [Александра Свирского](#) ворвались хулиганы с требованием прекратить службу. Иеромонах не подчинился, тогда его вытащили из часовни, на ходу срывая облачение. Бандиты осквернили храмы Одигитриевского монастыря около Уфы, в Боровическом уезде священника села Орехова Иоанна Петрова избili кнутом, превратив лицо в сплошную кровоточащую рану. В Омске после крестного хода в ночь на 6 февраля арестовали архиепископа Сильвестра (Ольшанского), убили эконома Николая Цикуру; 13 февраля после занятия красными Новочеркаска, арестовали архиепископа Донского Митрофана (Симашковича) и его викария епископа Аксайского Гермогена (Максимова). 22 февраля архиепископа Митрофана освободили. На благодарственный акафист в собор собралось много народу.

14 марта власти разогнали епархиальный съезд в Орле, арестовали организаторов, священников и мирян. У епископа Орловского Серафима (Остроумова) учинили обыск. В Твери захватили епархиальный дом, а архиепископа Серафима изгнали из города, запретив возвращаться в свою епархию.

Несколько недель под стражей в Москве держали епископа Камчатского Нестора, освободили его 5 марта с запретом выезда из столицы.

В ответ на аресты и расстрелы в городских и сельских храмах совершались ночные моления, и православные люди не расходились из храмов до рассвета, исповедовались и причащались, готовые в любую минуту принять смерть от ненавистников Имени Божия. В Самаре 30 января объявили трехдневный покаянный [пост](#) в ответ на издание декрета об отделении Церкви от государства. Религиозный подъем охватил и часть интеллигенции, страшные события заставляли и их каяться и возвращаться к вере отцов. В Москве, Самаре, Чите создавались союзы ревнителей православия, оживилась деятельность старых братств и создавались новые. В Харькове, при Покровском архиерейском монастыре, открывается братство святителя Мелетия; в Киеве еще в декабре 1917 г. было основано братство Воскресения Христова. Во главе братства стоял псаломщик Василий Николаевич Попов. В Петрограде члены братства защиты Александро-Невской лавры во главе с председателем епископом Прокопием перед ракой с мощами благоверного князя Александра дали обет защищать обитель до последнего вздоха. До 57 тысяч питерских прихожан вступили в союзы защиты православных храмов.

В Москве под председательством бывшего обер-прокурора Синода А. Д. Самарина

организовали «Союз объединенных приходов православной Церкви». 25 февраля на собрании представителей московских приходов было решено требовать сохранения преподавания Закона Божия в школах, а законоучителям преподавать его до тех пор, пока не выгонят оттуда шттыками, затем продолжить обучение в храмах и по домам. Рассматривался также вопрос об охране Патриарха. Постановили, что по 18—20 человек из духовенства и мирян будут неотлучно дежурить на Троицком подворье, где пребывал Святейший.

15 марта депутация Собора во главе с А. Д. Самариным вручила в Кремле наркому юстиции Курскому декларацию Собора по поводу декрета об отделении Церкви от государства, в которой говорилось, что «религиозное успокоение ста миллионов православного русского населения, без сомнения, необходимое для государственного блага, может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры»⁸³. Представитель Совнаркома Елизаров признал, что в декрете есть неточные и ошибочные формулировки, которые можно исправить или устранить. Бонч-Бруевич обещал, что зарегистрированные церковные общины получают право владеть имуществом. Но уверение в том, что гражданская власть относится к православной Церкви благожелательно, обнадежило лишь профессоров Кузнецова и Малыгина, участвовавших в переговорах с церковной стороны.

В феврале под председательством Патриарха Тихона состоялось соединенное Присутствие Синода и Высшего церковного совета, в котором участвовали все находившиеся тогда в Москве члены высших органов церковной власти: митрополиты Агафангел, Арсений, Сергей, архиепископ Гродненский Михаил, протопресвитер Н. Любимов, протоиерей А. Станиславский, профессора С. Н. Булгаков и И. М. Громогласов, князь Е. Н. Трубецкой, А. Г. Кулешов, управляющий канцелярией Священного Синода П. В. Гурьев и его помощник С. Г. Рункевич. Соединенное Присутствие вынесло специальное постановление о действиях пастырей и мирян в защиту Православной Церкви⁸⁴.

Святейший Патриарх Тихон издал два новых послания, в которых, как и в прежних своих первосвятительских обращениях к всероссийской пастве, выразил скорбь о бедствиях родной страны, предостерег о грозящей ей смертельной опасности. В первом послании Патриарх Тихон призвал православный народ к прекращению междоусобной брани, и осудил замыслы новых правителей капитулировать перед Германией⁸⁵. 3 марта в Брест-Литовске советская делегация подписала мирный договор с Германией, согласившись принять все условия ультиматума: от России отторгались Польша, Финляндия, Балтийский край, Литва, часть Белоруссии, Украина, Крым, Грузия; города Батум, Карс, Ардаган передавались Турции, Россия теряла свои промышленные и культурные центры, лишалась обороноспособных рубежей. В скрытом виде на страну накладывалась контрибуция в шесть миллиардов марок. В оккупированных областях русские должны были работать на немцев в специальных рабочих дружинах. На следующий день Святейший Патриарх Тихон обратился к народу с посланием по поводу Брестского мира: «Тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?.. У нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается... Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде гибели и разложения... Этот мир, принужденно подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожителству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества... Не радоваться и торжествовать по поводу мира призываем мы вас, православные люди, а горько каяться и молиться перед Господом»⁸⁶.

Брест-Литовский мир, оскорбивший национальные чувства русских, ускорил превращение Российской земли в поприще жестокой братоубийственной брани. Положение осложнилось

вмешательством в гражданскую войну Германии и ее союзников и стран Антанты. На Волге и в Сибири в 1918 г. вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса. Член Собора князь Григорий Трубецкой вспоминал в 1923 г., как весной 1918 г., перед отъездом на юг, он посетил Патриарха Тихона и просил разрешения «передать от его имени благословение лично одному из видных участников белого движения при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счел и это для себя возможным»⁸⁷, настолько он держался в стороне от всякой политики.

3 мая ночью в Костроме бандиты убили протоиерея Алексия Андроникова, 88-летнего старца, прослужившего больше шестидесяти лет в одном и том же храме святых страстотерпцев Бориса и Глеба. В начале мая в Москве арестовали отца Авенира Полозова, священника Казанской церкви на Калужской. Он заведовал церковно-приходской школой и возражал против ее захвата. Вскоре после этих событий в городе было расклеено воззвание «Советы русским православным людям столицы», в котором говорилось: «Советская власть никогда не препятствовала вам исполнять ваши религиозные обряды... Для нее нет ни элина, ни иудея, но зато она не потерпит и тех представителей Церкви, которые, кощунственно играя на религиозном чувстве верующих, пытаются использовать его для возбуждения погромного антиеврейского контрреволюционного движения»⁸⁸.

К началу июня в городе уже закрыли все домовые церкви и духовные учебные заведения, наложили запрет и на преподавание Закона Божия даже в частных школах. Имущество храмов объявляли государственной собственностью. Синодик священномучеников и мучеников Христовых, убиенных в российскую смуту, становился все длиннее, подобно мартирологу первых мучеников, кровь которых стала семенем Вселенской Церкви.

В ночь с 2 на 3 июня в Сибири в реке Туре утопили епископа Тобольского Гермогена, которого после февраля назначили на кафедру. Народ встречал его с большой радостью. В марте в городе был устроен крестный ход без разрешения властей. На том месте, откуда был виден дом, где содержались арестованные царь со своей семьей, владыка Гермоген остановил шествие, подошел к краю стены, высоко поднял крест и благословил царственных узников. В своем послании, ставшем последним, епископ Гермоген напоминал верующим, что «никакая власть не может требовать от вас того, что противно вашей вере. Богу мы должны повиноваться более, чем людям... Апостолы с радостью страдали за веру. Будьте готовы и вы на жертвы, на подвиг и помните, что физическое оружие бессильно против тех, кто вооружает себя силой веры Христа»⁸⁹. В ночь на Великий четверг, 16 апреля, владыку арестовали и немедленно переправили в Екатеринбург. В мае об освобождении епископа ходатайствовала делегация епархиального съезда: священник Михаил Макаров, брат владыки протоиерей Ефрем Долганов, присяжный поверенный К. А. Минятов, но они тоже были арестованы и отправлены для следствия в Тобольск. Их спасло то, что город заняли белые. Епископа Гермогена вместе с другими арестованными отправили в Тюмень и поместили сначала на пароход «Оку». Опасаясь прихода белых, комиссар, прежде чем бежать, приказал утопить арестованных. Епископ Гермоген молился вслух, ему скрутили руки, привязали на шею камень и сбросили в Туру, та же участь постигла и священника Петра Карелина. Честные останки епископа Гермогена были вынесены на берег реки и 3 июля обнаружены крестьянами. При огромном стечении народа священномученика погребли в склепе Софийского собора, где ранее почивали святые мощи [Иоанна Тобольского](#).

Еще одной жертвой стал архиепископ Пермский Андроник. В ночь с 4 на 5 июня в покои владыки ворвался отряд красноармейцев. Архиерей бодрствовал, около него было два священника. Предводитель отряда объявил, что явился его арестовать. В это время монах отец Михаил поднялся на колокольню и ударил в набат. По колокольне открыли огонь. Арестованных немедленно отвезли в чрезвычайку. Священномученик Андроник перед казнью

сам себе выкопал могилу. Среди бумаг, оставшихся от покойного архипастыря, найден конспект речи на возможном суде: 1) «Моя речь кратка: радуюсь быть судимым за Христа и Церковь... 2) Контрреволюция! Политика — не мое дело. Ибо погибшая Россия не спасется в вашей взаимной грызне от отчаянности. 3) Но церковное дело — святыня моя. Всех всюду зовя, отлучаю, анафематствую восстающих на Христа и посягающих на Церковь. 4) Кто слов не принимает, тот, может быть, убоится суда Божия за захват священного. 5) Посему только через мой труп захватите святыню. Это мой долг, почему и христиан зову к стоянию до смерти. 6) Судите меня, а прочих освободите — они должны исполнять волю мою, пока христиане. Иначе — анархия, развал, презрение от всех»⁹⁰.

4 июля в Екатеринбурге, в подвале Ипатьевского дома, большевики убили императора Николая II вместе с семьей: императрицей Александрой, наследником престола Алексием и дочерьми — Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией. Одновременно расстреляли лейб-медика Е. С. Боткина, горничную царицы А. С. Демидову, повара И. М. Харитонову, камердинера А. Е. Труппа. В Екатеринбургской тюрьме расстреляли царских слуг: гофмаршала князя В. А. Долгорукова, генерал-адъютанта И. Л. Татищева. Вместе с ними казнили уведенных в день царевубийства в тюрьму дядьку царя матроса К. Г. Нагорного, камердинеров И. Д. Седнева и В. Ф. Чельшева. Фрейлину царицы графиню А. В. Гендрикову и гоф-лектрису Е. А. Шнейдер вывезли в Пермь и там расстреляли.

В Перми 25 июля были убиты брат царя великий князь Михаил Александрович и его секретарь Н. Н. Джонсон, а также камердинер П. Ф. Ремиз. 5 июля в 12 верстах от Алапаевска казнили великую княгиню Елизавету Феодоровну вместе с монахиней сестрой Варварой, великим князем Сергеем Михайловичем, князьями Игорем Константиновичем, Константином Константиновичем младшим, Иоанном Константиновичем, графом Владимиром Павловичем Палеем. Великого князя Сергея Михайловича застрелили, а остальных заживо сбросили в шахту и забросали хламом и камнями. Расследование, произведенное при адмирале Колчаке, показало, что мученица Елизавета Феодоровна долго оставалась живой в могиле. Раненая, она сделала перевязку князю Иоанну. Из глубины шахты доносилось церковное пение. Узнав о казни царя, Патриарх Тихон произнес после Божественной литургии в московском Казанском соборе краткое слово: «На днях совершилось ужасное дело — расстрелян бывший государь Николай Александрович, и высшее наше правительство, исполнительный комитет, одобрил это и признал законным... Но наша христианская совесть, руководясь словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению слова Божия, осудить это дело. Иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: *Блаженни слышащие слово Божие и хранящие е!* (Лк. 11. 28)»⁹¹. В канун Успенского поста Святейший Патриарх Тихон обратился к пастве с призывом к всенародному покаянию.

В августе на станции Тюрлем был замучен епископ Амвросий (Гудко), живший на покое в Свяжском монастыре. На собрании братства православных приходов, епископ Амвросий говорил: «Мы должны радоваться, что Господь привел нас жить в такое время, когда можем за него пострадать. Каждый из нас грешит всю жизнь, а краткое страдание и венец мученичества искупают грехи всякие, и дадут вечное блаженство, которого никакие чекисты не смогут отнять»⁹². Расправились с владыкой по приказу Троцкого, который нагрязнул со своим штабом в Свяжск и расположился на станции Тюрлем. Посреди нескошенного поля его келейник нашел тело архипастыря со штыковыми ранами и предал честные останки святителя земле и многие годы, пока не вынужден был уехать из этого места, платил крестьянину, чтобы тот не вспахивал поле, где покоился прах священномученика.

Летом в Смоленске убили епископа Вяземского Макария (Гневушева). Вместе с ним расстреляли еще 13 человек. Их пригнали на пустырь и построили спиной к свежевырытой яме. Убивали по очереди, подходя вплотную и приставляя винтовку ко лбу. Владыка был последним, он молился с четками в руках и благословил каждого: «С миром отыди». Когда очередь дошла до епископа Макария, у красноармейца дрогнула рука. Увидев страх в глазах палача, святитель сказал: «Сын мой, да не смущается сердце твое. Твори волю пославшего тебя!» Несколько лет спустя этот красноармеец, простой крестьянин, оказался в больнице для душевнобольных. Каждую ночь он видел во сне убитого святителя, благословляющего его. «Я так понимаю, что убили мы святого человека. Иначе как мог он узнать, что у меня захолонуло сердце? А ведь он узнал и благословил из жалости, и теперь из жалости является ко мне, благословляет, как бы говоря, что не сердится. Но я-то знаю, что моему греху нет прощения. Божий свет мне стал не мил, жить я недостойн и не хочу»⁹³.

Тогда же был арестован епископ Балахнинский Лаврентий (Князев). Перед казнью он обратился к солдатам, и они отказались стрелять в него. Тогда по приказу чекиста Булганина пригнали китайцев, которые и убили архипастыря. Та же участь постигла епископов Вольского Германа (Косолапова) и Кирилловского Варсонофия (Лебедева).

23 августа в Москве расстреляли Селенгинского епископа Ефрема (Кузнецова), а вместе с ним всероссийски известного церковного и общественного деятеля миссионера протоиерея [Иоанна Восторгова](#) и бывших сановников: министров внутренних дел Н. А. Маклакова и А. Н. Хвостова, председателя Государственного совета И. Г. Щегловитова, сенатора С. П. Белецкого, а также ксендза Лютостанского с братом. Перед расстрелом приговоренным разрешили молиться и проститься друг с другом. После молитвы епископ Ефрем и отец Иоанн Восторгов благословляли мирян. В этот же день в Петербурге расстреляли настоятеля Казанского собора протоиерея Философа Орнатского и двух его сыновей, служивших в гвардии. Это был талантливый проповедник и благотворитель, основатель детских приютов в столице. Вместе с отцом Философом были убиты еще 31 человек. Расстрелянных бросили в море. Тело пастыря было выброшено на берег у Ораниенбаума, его подобрали, опознали и тайком погребли.

Вскоре после панихиды по отцу Философу православные питерцы оплакивали другого маститого столичного пастыря протоиерея Алексия Ставровского, почти 90-летнего старца. После убийства Урицкого он был арестован, как заложник. Из Петербурга его вместе с другими перевели в Кронштадт, а там арестованных вывели на плац, выстроили и объявили: «Каждый десятый будет расстрелян в возмездие за Урицкого, а остальных отпустят!» Рядом со старцем стоял совсем юный священник, на которого выпал страшный жребий. Тогда отец Алексей сказал ему: «Я уже стар, мне недолго осталось жить, в жизни я получил все, что было можно. Жена моя старуха, дети мои все на ногах. Иди себе с Богом, а я стану на твое место!» Он был расстрелян, а останки его брошены в воды Финского залива. Спасенного священника скоро снова задержали и убили⁹⁴.

В селе Плотавы Воронежской губернии чекисты убили отца Иакова Владимирова вместе с матушкой и сыном. Арестованных подвели к яме, главарь снял с руки батюшки золотые часы и выстрелом в затылок убил его. Другой палач выстрелил в матушку, которая стояла рядом с 15-летним сыном Алешей, затем подошел к Алеше и сказал: «Я думаю, что тебе незачем жить после всего этого. Так зачем сапогам пропадать? Садись и снимай сапоги!» Когда мальчик разулся, его сбросили в яму⁹⁵.

В городе Черный Яр за чтение на церковной паперти послания Патриарха, в котором предавались анафеме гонители православной веры, был расстрелян саратовский епархиальный миссионер член Всероссийского Поместного Собора Лев Захарович Кунцевич. За час до казни ему разрешили увидеться с женой, которую уверяли в скором освобождении мужа. Но когда она

вышла из тюрьмы, его вывели следом за ней, привязали к столбу и расстреляли у нее на глазах. После этого вдова лишилась рассудка. В Уфе убили другого члена Собора Леонида Ницу. В Кронштадте за отпевание убитых матросов расстреляли протоиерея Григория Пospelова прямо с крестом в руках, который так и не смогли отнять у него. В Пермской епархии священника Петра Дьяконова закопали в землю по голову, а потом расстреляли. Чердынского протоиерея Николая Конюхова обливали холодной водой на морозе, пока он не обледенел. Отца Филиппа Шацкого из Семиречья заперли в школе и сожгли. Протоиерея Евграфа Плетнева, вместе с сыном Михаилом, сварили в паровой топке. Иеромонаха Нектария (Иванова), преподавателя Воронежской Духовной семинарии, «причащали» оловом, а в голову ему забивали деревянные гвозди. Архимандрита Аристарха и иеромонаха Родиона из храма Нерукотворного Спаса в Борках скальпировали. В Оренбургской губернии под пытками скончался священник Феодор. Пермского священника Игнатия схватили во время богослужения, вывели на улицу, привязали к хвосту лошади и погнали лошадь по полю. В Тобольской епархии священника Феодора Богоявленского водили по селу, заставляя играть на гармошке, плясать и петь, а потом убили и скинули в яму. В сентябре после захвата Казани Красной Армией, в Зилантов монастырь ворвался отряд. Всю братию красноармейцы выстроили у монастырской стены и расстреляли из винтовок. Один только престарелый иеромонах Иосиф чудом остался жив и еле добрался до города. Он нашел приют в Иоанно-Предтеченском монастыре, где и скончался через год. Служа литургию, он неизменно поминал убиенных архимандрита Сергия с братией из Зилантова монастыря. В Шацком уезде крестьяне собрались к зданию ЧК выручать конфискованную Вышенскую икону Божией Матери. Красноармейцы открыли огонь по толпе. Очевидец рассказывал: «Я солдат, был во многих боях с германцами, но такого я не видел. Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым лезут напролом, глаза страшные, матери — детей вперед, кричат: «Матушка Заступница, спаси и помилуй, все за Тебя ляжем!» Страх уже в них не было никакого»⁹⁶.

Патриарх Тихон, верховный пастырь Русской Церкви избегал прямой вовлеченности в происходящие события, но не мог оставаться и равнодушным зрителем совершающейся трагедии. Не раз он обращался к советским властям со словами обличения и увещания. 26 октября 1918 г. Патриарх направил послание Совету народных комиссаров, в котором с болью писал о бедствиях, переживаемых русским народом от братоубийственной смуты, о страданиях, выпавших на долю мучеников и исповедников: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. [Любовь](#) Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции. Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела... Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной контрреволюционности. Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Святыми тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения... Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген Долганов) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли

ряд монастырей и домовых церквей без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа... Ныне же к вам... простираем мы наше слово увещания: отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11. 51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26. 52)»⁹⁷.

В ночь с 24 на 25 ноября Святейший Патриарх Тихон по распоряжению ВЧК был подвергнут домашнему аресту без предъявления обвинения. В его покоях учинили обыск и поставили стражу.

В декабре 1919 г. Патриарх был вызван в ЧК на Лубянку. Вместе с ним отправился протопресвитер Николай Любимов. У подъезда Святейшего приветливо встретил чекист Сорокин, который принял у него благословение. Патриарха провели в небольшую комнату, где за письменным столом сидел М. И. Лацис, сбоку секретарь Москанин, а немного сзади Патриарха «какой-то коммунист, приехавший с Казанского фронта. Первый вопрос: передавал ли он через Камчатского епископа Нестора благословение адмиралу Колчаку. «Нестора знаю, благословения же не посылал и посылать не мог»,— ответил Патриарх. «Сколько вы выпустили посланий?» — спросил Лацис. Патриарх ответил, что четыре, и перечислил какие. «А послание к первой годовщине Октябрьской революции забыли?» «Это было письмо, обращенное мною прямо в СНК, совсем не предназначавшееся для обнародования»,— ответил Патриарх. Следующий вопрос: об отношении к Советской власти. Патриарх ответил, что и теперь придерживается взгляда, изложенного им в послании к народным комиссарам по случаю первой годовщины Октябрьской революции и сможет изменить отношение к власти, если она изменит свое отношение к Церкви. «А какие ваши политические убеждения? Вы, конечно, монархист?» «Прошу таких вопросов мне не предлагать, и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы, жившие в монархической стране. И каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для вас совершенно безразлично, это я проявлю тогда, когда буду подавать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании. Я вам заявляю, что Патриарх никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или иной формы правления на Руси и ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования»⁹⁸. На этом допрос закончился. Лацис объявил, что Патриарх подвергается домашнему аресту, каждый посетитель будет теперь записан и эти списки представляются в ЧК. Гулять по саду и служить в домовой церкви он может, а проводить заседания без предварительного разрешения ЧК — нет.

* * *

Гражданская война затрудняла связь Патриархии с епархиальными архиереями в городах, занятых белыми армиями, поэтому епархии Сибири и юга России создавали местные временные Высшие церковные управления. В ноябре 1918 г. в Томске состоялось Сибирское церковное совещание при участии 13 архиереев, возглавлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского Собора из духовенства и мирян, оказавшихся на территории, занятой войсками адмирала Колчака. Почетным председателем избрали митрополита Казанского Иакова (Пятницкого), а председателем — архиепископа Симбирского Вениамина (Муратовского). На совещании было образовано временное церковное управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшанским). После разгрома войск Колчака одни священнослужители эмигрировали, другие, и среди них архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский), епископы Уфимский Андрей (князь Ухтомский),

Злагоустовский Николай (Ипатов), Тобольский Иринарх (Синеоков-Андреевский), остались на родине.

Вопрос о созыве Юго-Восточного Русского Церковного Собора обсуждался по инициативе протопресвитера Георгия Шавельского в религиозно-просветительском отделе Совета государственного объединения, созданного в Киеве в 1918 г. из бывших членов Государственной думы, Временного правительства, крупных политических и церковных деятелей. 27 апреля 1919 г. в покоях епископа Кубанского и Екатеринодарского Иоанна (Левицкого) состоялось совещание с участием митрополита Херсонского Платона (Рождественского), архиепископа Таврического Димитрия (князя Абашидзе), архиепископа Екатеринославского Агапита (Вишневого), протопресвитера Георгия Шавельского, князя Е. Н. Трубецкого, графа В. В. Мусина-Пушкина и других известных священнослужителей, государственных и общественных деятелей, оказавшихся на территории, занятой войсками генерала Деникина, постановило учредить орган высшего церковного управления на территории действий Добровольческой Армии. С 3 мая в Екатеринодаре начались заседания Предсоборной комиссии.

В Соборе, заседания которого продолжались с 19 до 24 мая, участвовали епархиальные и викарные епископы, клирики и миряне, выбранные от Ставропольской, Донской, Кубанской, Владикавказской и Сухумско-Черноморской епархий, а также члены Всероссийского Поместного Собора, оказавшиеся на юге страны. Председателем избрали архиепископа Донского Митрофана.

С приветственным словом к членам Собора обратился генерал А. И. Деникин. В адрес Собора поступило воззвание, составленное накануне в Екатеринодаре членами братства Святого креста. Оно призывало «русский народ к покаянию в пролитии крови царской, святительской и миллионов жертв из разных слоев населения, к возвращению к православным устоям жизни и подготовке к избранию Земского Собора», к борьбе «за гонимую святую Церковь и за спасение распятой революцией России от жестокого ига еврейско-масонских организаций»⁹⁹.

Это воззвание, подписанное протоиереем В. Востоковым, генералом от инфантерии Шатиловым, князьями П. Голицыным и П. Гедройцем и др., не вызвало поддержки большинства членов Собора. Его главный автор, протоиерей В. Востоков, в свою очередь резко возражал против проекта Соборного обращения к всероссийской пастве. Он считал, что необходимо осудить принципы безбожной преступной революции, раскрыть истинную природу антихристианского социализма и интернационализма и честно сказать народу, что Россия и «150 миллионов православных отданы во власть кучки комиссаров, в большинстве из евреев, которые подняли гонение против всего, что свято и драгоценно русскому человеку»¹⁰⁰. Отец В. Востоков сказал, что никто еще до сих пор не обличил врагов народа и даже сама Церковь не имела мужества обличить их. Против последнего обвинения энергично возражал князь Е. Н. Трубецкой, напомнив протоиерею В. Востокову о послании святителя Тихона, за каждое слово которого ему угрожала смерть. Но Патриарх безбоязненно изрек анафему большевикам и в своем обращении в годовщину их владычества сказал всю правду, а затем в переполненном Казанском соборе в Москве заявил, что убийство Императора Николая II — злодеяние. На это протоиерей В. Востоков ответил, что в послании много высоких мыслей, но мало реальной жизненной правды. После этого заявления председатель Собора лишил его слова. На Соборе было образовано Высшее временное церковное управление, во главе с архиепископом Митрофаном (Симашкевичем). Впоследствии его почетным председателем был избран митрополит Киевский Антоний (Храповицкий).

После поражения Деникина Россию покинули митрополит Киевский Антоний, архиепископы Волынский Евлогий, Кишиневский Анастасий (Грибановский), Минский Георгий (Ярошевич), Курский Феофан (Гаврилов), епископ Лубенский Серафим (Соболев) и

другие архиереи, застигнутые гражданской войной на юге страны. Архиепископы Таврический Димитрий и Полтавский [Феофан \(Быстров\)](#), епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) находились тогда в Крыму, до 1920 г. остававшемся под властью белых; на родине остались епископ Арсений (Смоленец) и престарелый Ставропольский архиепископ Агафодор (Преображенский; † 1919). Председатель Высшего временного церковного управления митрополит Новочеркасский и Донской Митрофан затворился в монастыре в Старочеркасске. 15 ноября Севастополь был взят красными. После поражения генерала Врангеля архиепископ Таврический Димитрий остался в России, а архиепископ Феофан (Быстров) и епископ Вениамин (Федченков), эмигрировали.

Главнокомандующие белых армий в своих приказах провозглашали, что возглавляемые ими войска сражаются за поруганную веру и за отмщение оскорблений церковных святынь. Но и среди белых офицеров большинство составляли люди, равнодушные к Церкви. Горькие строки о религиозно-нравственном состоянии Белой армии написаны митрополитом Вениамином (Федченковым), который на исходе гражданской войны возглавлял военное духовенство армии Врангеля: «Один полковник, командир танка, совершенно спокойно рассказывал, что он был ранен уже 14 раз, а завтра выйдет на сражение первым... Он был почти уверен, что погибнет. Действительно, после я узнал, что в его танк попал снаряд и он с другом сторел в нем. И такие герои были почти везде! Но он в этот же вечер накануне смерти, совершенно открыто, почти цинично насмешливо заявил мне, что ничуть не верит в Бога. Бывшие тут с ним другие офицеры нимало не смутились его заявлением, будто и они так же думали. Я по новости пришел в ужас. Тогда чем же они отличаются от безбожников-большевиков? Выхожу на улицу. Встречается в военной форме солдат-мальчик лет 13—14. Были и такие. С кем-то отчаянно грубо разговаривает. И я слышу, как он самой площадной матерной бранью ругает и Бога, и Божию Матерь и всех святых! Я ушам своим не верю. Добровольцы, белые — и такое богохульство! Боже, неужели прав Рябушинский? Мы — белые большевики, мы погибаем!»¹⁰¹

Особенно тяжело приходилось тем архипастырям и пастырям, которые оставались на территории, переходившей в результате поражения белых войск под контроль Советов. Одна только лояльность духовенства белым властям рассматривалась красными как контрреволюционное преступление; пение молебнов о победе белого оружия служило основанием для вынесения смертных приговоров или зверских расправ. В октябре 1918 г. 72-летний заштатный священник Павел Калиновский, проживавший в Ставрополе, был заперт плетьюми за то, что внуки его были белыми офицерами. Священника Никодима Редикульцева из села Камень Томской епархии зарезали кухонным ножом. Священника отца Александра Подольского из станицы Владимировской Кубанской епархии арестовали за то, что он отслужил молебен для казаков перед боем, сначала его водили по станице и глумились над ним, а потом зарубили. Прихожанин, пришедший за телом своего пастыря, был убит пьяными красноармейцами. Священнику села Соломенского Ставропольской епархии Григорию Дмитриевскому шашками отрубили нос и уши, а затем расстреляли. 11 декабря в Каменске-Устьинском утопили викарного архиерея Пермской епархии епископа Соликамского Феофана (Ильинского). Бывшего викарного епископа Новгородской епархии Исидора (Колоколова) убили в Самаре, посадив на кол. 14 января 1919 г. в подвале Кредитного банка в г. Юрьеве был зверски убит епископ Ревельский Платон (Кульбуш) вместе с двумя протоиереями Н. Бежаницким и М. Блейве. После ухода большевиков из подвала извлечено было около 20 трупов: вместе с православными священнослужителями убиты были лютеранский пастор и несколько купцов. Останки священномученика Платона носили на себе 7 штыковых и 4 огнестрельные раны, правый глаз поражен разрывной пулей. 25 мая 1919 в Астрахани по указанию Кирова были арестованы правящий архиепископ Митрофан (Краснопольский) и епископ Енотаевский

Леонтий (барон Вимпфен). Попытки православных жителей города выручить своих архипастырей успехом не увенчались. Перед расстрелом архиепископ Митрофан благословил солдат, которым приказали его казнить. Тогда командовавший расстрелом чекист ударил архипастыря револьвером по благословляющей деснице и выстрелил ему в висок. Это было 23 июня, здесь же был расстрелян и его викарий. В декабре 1919 г. в монастыре святого Митрофана повесили на царских вратах архиепископа Воронежского Тихона (Никанорова). В марте 1921 г. убили епископа Петропавловского Мефодия (Красноперова). Ему нанесли несколько штыковых ран, и в одну из них вонзили крест. На исходе гражданской войны в Севастополе расстреляли бывшего архиепископа Нижегородского Иоакима (Левицкого).

В лихолетье смуты в одной только Харьковской епархии за 6 месяцев, с декабря 1918 г. по июнь 1919 г., погибло 70 священников; в Воронежской епархии после захвата ее территории красными войсками в декабре 1919 г. расстреляли 160 священников. За короткое время в Кубанской епархии убили 43 священника, а в небольшой части Ставропольской погибло 52 священника, 4 диакона, 3 псаломщика и один иподиакон.

Стремясь уберечь пастырей Русской Церкви от трагических последствий их вовлеченности в политическую борьбу, Святейший Патриарх в 1919 г. издал два послания (8/21 июля и 25 сентября / 8 октября), целью которых было внести умиротворение в жизнь страны в первом послании он обращался к чадам Православной Церкви: «Не мстите за себя... Но дайте место гневу Божию... Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает пердние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварварству нашего времени, когда заложники берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений нашего современного правительства в Петрограде и Москве, как бы в дар любви им, и в свидетельство преданности, и в искупление вины злоумышленников, воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно непричастных к этим покушениям... Но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань. Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет! Следуйте за Христом!.. Побеждайте зло добром»¹⁰². В день памяти преподобного Сергия Радонежского Святейший Патриарх предостерегал архипастырей от политических выступлений: «...Много уже и архипастырей и пастырей, и просто клириков сделались жертвами кровавой политической борьбы. И все это, за весьма, быть может, немногими исключениями, только потому, что мы, служители и глашатаи Христовой истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению советского строя. Но мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение... Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устройением торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов... Памятуйте же, отцы и братия, и канонические правила, и завет святого апостола: *Блюдайте себя от творящих распри и раздоры, уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских (1 Пет. 2. 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должно*

повиноваться более, чем людям ([Деян. 4. 19](#); [Галат. 1. 10](#)). Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову»¹⁰³.

Князь Григорий Трубецкой вспоминал впоследствии о впечатлении, которое произвело в Белой армии это послание: «Я помню, как нас... огорчило это послание Патриарха, но впоследствии я не мог не преклониться перед его мудрой сдержанностью: всюду, где епископы и священники служили молебны по поводу победоносного продвижения Добровольческой армии, духовенство принуждено было вслед за тем разделить участь этой армии и спешно покидать свою паству к великому ущербу для церковного дела»¹⁰⁴.

За годы гражданской войны одни архиереи умерли, другие погибли, третьи оказались за пределами России. Выполняя определение Поместного Собора об увеличении числа архиерейских кафедр и открытии в каждой епархии викариатств, в 1919 г. было совершено 14 архиерейские хиротонии, в 1921 г.— 39. Но созвать Собор, как было намечено, не удалось. В начале 1921 г. в заседаниях Священного Синода могли участвовать, помимо Патриарха Тихона, только митрополит Владимирский Сергей, митрополит Крутицкий Евсевий (Никольский) и архиепископ Гродненский Михаил, патриарший экзарх Украины. Большая же часть членов Синода оказалась в эмиграции, распался за убылью своих членов ВЦС, в сущности высшая церковная власть осуществлялась единолично Патриархом, с помощью немногочисленных ближайших советников. Затруднена была и связь с епархиальными кафедрами, поэтому еще 20 ноября 1920 г. Патриарх, Священный Синод и ВЦС, состоявший тогда из председателя и трех членов, протопресвитера Н. Любимова, протоиерея А. Станиславского и Александра Кулешова, принимают постановление о самоуправлении епархий при невозможности поддерживать связь с каноническим центром или в случае прекращения деятельности высшего церковного управления. В этом постановлении, в частности говорится: «В случае если епархия вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п. окажется вне всякого общения с высшим церковным управлением или само Высшее церковное управление почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях»¹⁰⁵. Таким образом, был найден правомерный путь к сохранению канонического строя церковного управления, как бы трагически для Церкви ни развернулись события в стране.

* * *

Серьезным потрясением церковной жизни явилось повсеместное вскрытие мощей святых угодников Божиих. 1 февраля 1919 г. Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей специальными комиссиями в присутствии священнослужителей, подтвержденном протоколом. Если обнаруживалось, что мощи не сохранились в целостности, то это обстоятельство в целях атеистической пропаганды выдавалось за сознательный обман народных масс.

17 февраля Патриарх Тихон разослал епархиальным архиереям указ об «устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении святых мощей... во всех тех случаях, когда и где это признано будет вами необходимым и возможным...»¹⁰⁶ Но исполнение этого указа для многих архиереев оказалось затруднительным и рискованным делом. Так, 1 ноября 1920 г. в Новгороде перед ревтрибуналом предстали епископ Хутынский Алексей (Симанский), архимандриты Никодим и Анастасий, игумены Гавриил и Митрофан, протоиерей Стоянов, иеродиакон Иоанникий. Подсудимые обвинялись в тайном освидетельствовании мощей, почивавших в Софийском соборе, перед официальным вскрытием. Епископ Алексей виновным себя не признал и заявил, что считает это «делом исключительно церковным» и отчет в этом

может дать только своим собратьям-епископам. Трибунал приговорил его к пяти годам тюремного заключения, других обвиняемых — к двум и к трем годам. Но «ввиду,— как говорилось в приговоре,— близкой победы в гражданской войне», все осужденные были амнистированы¹⁰⁷.

В том же году московский трибунал судил видных пастырей и церковно-общественных деятелей: игумена Иону, протоиерея Николая Цветкова, председателя Совета союза объединенных приходов А. Д. Самарина, бывшего обер-прокурора Синода, членов Совета — Г. А. Рачинского, Н. Д. Кузнецова. Они обвинялись в распространении клеветнических слухов об оскорбительном для верующих поведении лиц, участвовавших во вскрытии мощей преподобного Саввы Сторожевского. Н. Д. Кузнецов, возмущенный грубостью и издевательством членов комиссии (один из них несколько раз плюнул на череп преподобного Саввы) подал жалобу в Совнарком. Самарин и Кузнецов были приговорены к расстрелу, «но,— как говорилось в приговоре,— ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами» суд заменил смертную казнь заключением в концентрационный лагерь «впредь до победы мирового пролетариата над мировым империализмом». Другие обвиняемые получили разные сроки тюремного заключения¹⁰⁸.

В 1919—1920 гг. вскрыты были мощи святителей [Митрофана Воронежского](#), Питирима Тамбовского, Иоанна Новгородского, преподобных Макария Калязинского, Евфимия Суздальского, Нила Столобенского. К осени 1920 г. было совершено 63 публичных осквернения мощей святых угодников Божиих.

Пытаясь предотвратить осквернение мощей преподобного Сергия Радонежского, Святейший Патриарх писал 2 апреля 1919 г. председателю Совнаркома: «По долгу пастырского служения заявляю вам, что всякое оскорбление религиозного чувства народа вызовет в нем естественную скорбь, справедливое негодование и может взволновать его даже в несравненно большей степени, чем все другие невзгоды жизни... Вскрытие мощей нас обязывает стать на защиту поругаемой святыни и вещать народу: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам (Деян. 5. 30)*»¹⁰⁹.

Мощи преподобного Сергия Радонежского вскрыли 11 апреля 1919 г. Накануне перед воротами лавры собралась толпа богомольцев и молебны преподобному пелись всю ночь, пока проходило вскрытие. Утром народ впустили в лавру. Перед ракой с мощами святого горели свечи. В течение трех дней тысячи богомольцев подходили к раке и прикладывались к мощам преподобного.

Оберегая святыни Церкви, Патриарх Тихон обратился 10 марта 1920 г. в Совнарком с письмом, в котором говорилось, что «закрытие лаврских храмов и намерение вывезти оттуда мощи является вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь и верования Церкви», и противоречит декрету об отделении Церкви от государства, и «неоднократным заявлениям высшей центральной власти о свободе вероисповеданий»¹¹⁰.

Но благоприятной реакции на это письмо не последовало. Более того, 25 августа Наркомат юстиции издал очередной циркуляр местным исполкомам о передаче мощей в музей: «Во всех случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификации и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты как со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств, прокуратура возбуждает судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствий поручается следователям по важнейшим делам, а самое дело разбирается при условиях широкой гласности»¹¹¹. Мощи многих святых были впоследствии со всей России перевезены в Ленинградский музей атеизма и религии, расположившийся в помещениях Казанского собора.

Именно здесь чудесным образом были вновь обретены в 1991 г. святые мощи преподобного [Серафима Саровского](#) и святителя [Иоасафа Белгородского](#).

* * *

После захвата Киева петлюровцами в декабре 1918 г. были арестованы находившиеся там митрополит Киевский Антоний и архиепископ Волынский Евлогий. Петлюровцы передали узников в руки польских властей, и только через посредство стран Антанты эти архиереи были освобождены и переправлены на юг России, занятый белыми армиями.

Петлюровская директория, объявив об отмене постановления Всероссийского церковного Собора об автономии, провозгласила Украинскую Церковь автокефальной. Был составлен самочинный синод во главе с архиепископом Екатеринославским Агапитом (Вишневым), который первым делом запретил поминовение за богослужением Патриарха Тихона и митрополита Киевского Антония. После прихода в Киев Красной Армии украинский синод распался. Архиепископ Агапит, оказавшийся вскоре на территории, занятой Добровольческой армией, и лишенный сана за учинение раскола, принес покаяние. Автокефалисты на Украине остались без архиерея. Но воспользовавшись оккупацией Киева теперь уже польской армией, в апреле 1920 г., клирики и миряне нескольких приходов объявили о создании новой Всеукраинской церковной рады, которая отвергла всех епископов как ставленников Москвы и вновь провозгласила автокефалию. Большую активность в церковных делах проявил тогда бывший петлюровский премьер-министр, профессор В. М. Чеховской, ставший ведущим деятелем церковной рады. Выйдя из социал-демократической партии Украины, которую он возглавлял, и приняв звание «благовестника», Чеховской стал настойчиво внушать церковной общественности мысль о возможности рукоположения во епископа «громадой» — собором священников, диаконов и мирян. Пропаганду своих еретических воззрений Чеховской прикрывал недобросовестными или невежественными ссылками на примеры епископских хиротоний в древней Александрийской Церкви.

Митрополит Гродненский Михаил (Ермаков), назначенный патриаршим экзархом в 1921 г., с 28 августа проводит в Киеве непрерывные заседания Собора епископов Украины, в которых участвовали епископы Уманский Димитрий (Вербицкий), Черкасский Николай (Браиловский), Лубенский Григорий (Лисовский). Церковная рада по настоянию более умеренных деятелей обратилась к Собору с требованием экстерриториальности для своих епископов. Получив отказ, предводители рады направили двух священников Павла Погорилко и Степана Орлика в Грузию для переговоров о даровании раде епископов. По пути посланники сделали остановки в Полтаве и Симферополе, у епископов Парфения (Левицкого) и Агапита. Но до Грузии они так и не добрались.

14 октября в Киеве вожди рады созывают Всеукраинский церковный Собор, на котором преобладают убежденные автокефалисты во главе с Чеховским и изверженным из сана бывшим протоиереем Василием Липковским. Владыка Михаил отказался от участия в деяниях лжесобора, однако явился на заседание с архипастырским словом увещевания. Но призывы митрополита остались втуне.

Не сумев заставить владыку даровать им епископов, раскольники совершают 10 октября 1921 г. в Софийском соборе Киева действие, небывалое в истории православной Церкви. Изверженный из пресвитерского сана Нестор Шараевский посвящает в «митрополита всея Украины» такого же, как и он, церковного преступника, лишенного сана Василия Липковского. На голову «ставленника» вместе с Нестором Шараевским возлагали руки все присутствовавшие священники и диаконы, вкуче с мирянами. Через день Василий Липковский, облачившись по-архиерейски, в митре и с двумя панагиями на груди, сам «поставил во епископа» рукоположившего его накануне Нестора Шараевского, изверженного из сана и женатого. Потом

Нестор и Василий вдвоем стали «рукополагать» остальных. Вскоре на Украине появилось 30 самосвятских епископов, среди которых были женатые и разведенные. Патриарший экзарх митрополит Михаил обратился к православной пастве с призывом не поддаваться обману, не следовать за смутьянами, разорителями святой Церкви. И все-таки около полутора тысяч приходов и до 3 млн. прихожан самосвятам удалось вовлечь в раскол.

В годы гражданской войны в среде духовенства в епархиях центральной России появились группировки, призывавшие к «революции в Церкви» и к «всестороннему обновлению». Еще при Временном правительстве в Петрограде под покровительством обер-прокурора Синода В. Н. Львова был образован «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», издававший на синодальные средства газету «Голос Христа» и журнал «Соборный разум». В своих публикациях обновленцы ополчались на традиционные формы обрядового благочестия, на канонический строй церковного управления. Обосновались они в храме святых Захария и Елисаветы, где настоятелем служил священник Александр Введенский. Он писал в газете «Знамя Христа», что после избрания Патриарха в Церкви можно оставаться лишь для того, чтобы уничтожить патриаршество изнутри. Патриарх Алексей I назвал демагогию обновленцев, объединившихся вокруг А. Введенского, «керенщиной в церковной ограде»¹¹².

В 1919 г. священник Иоанн Егоров создает в Петербурге новую группировку под названием «Религия в сочетании с жизнью». В своей приходской церкви он самочинно вынес престол из алтаря на середину храма, изменял чинопоследования, пытался перевести богослужение на русский язык, учил о рукоположении «собственным вдохновением». Священник А. Боярский в Колпине под Петроградом организовал обновленческую группировку «Друзья церковной реформации». В 1921 г. священник Александр Введенский возглавил «Петербургскую группу прогрессивного духовенства». В среде епископата обновленцы нашли себе опору в лице заштатного епископа Антонина (Грановского), который совершал богослужения в московских храмах с соблазнительными новшествами, переделывая тексты молитв, за что вскоре и был запрещен Святейшим Патриархом в служении.

В Пензе изверженный из сана и отлученный от Церкви «за неподчинение и презрение канонических правил» бывший епископ Владимир Путята объединил откровенных раскольников в союз под названием «Народная церковь». Впоследствии он рассорился и с обновленцами; поддерживаемый узким кругом своих сторонников, Путята самочинно объявил себя архиепископом Уральским, но в 1928 г. келейно принес покаяние Заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию и безуспешно просил о восстановлении в епископском сане. Затем он уехал в Омск, где жил на средства своих поклонниц, которые вскоре покинули его. По воскресным и праздничным дням Путята стоял на церковной паперти и, протягивая руку, просил: «Ради Христа, подайте на пропитание потерпевшему за правду».

В Царицыне бывший иеромонах Илиодор (Труфанов), вернувшийся в Россию, объявил себя основателем «Новой живой церкви» и «всероссийским патриархом» и начал свое «патриаршее служение» с провозглашения многолетия советским вождям. Еще в начале века он прославился на всю Россию своей политической деятельностью крайне правого направления. Сначала друг Распутина, а потом его враг, иеромонах Илиодор сложил с себя монашество и духовный сан, бежал за границу и там напечатал антираспутинскую брошюру под названием «Святой черт».

Деятельность подобных авантюристов провоцировалась и направлялась ВЧК. «Церковь разваливается,— писал Ф. Дзержинский М. Лацису в декабре 1920 г.,— этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме. Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Лавировать может только ВЧК для единственной цели разложения попов»¹¹³. Заведующий отделом ВЧК Самсонов отчитывался в письме Дзержинскому в декабре того же года о проделанной работе, а также предлагал свой план

тайной борьбы с Церковью: «Исполкомдух принял ложное направление и стал приспособлять православную Церковь к новым условиям и времени, за что был нами разгромлен, а отцы духовные, вроде архиепископа Владимира (Путяты) Пензенского, оказались несостоятельными по той простой причине, что у него как у заклятого врага советской власти не оказалось достаточной смелости духа и воли для того, чтобы развернуть свою работу во всю ширь и глубь и нанести Церкви сокрушительный удар; вместо этого Путята склочничает и нашептывает в ВЧК на Тихона, в то же время сам практически ничего не делая для разрушения Церкви. Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Илиодор Труфанов, даже он в паутине Церкви не нашел присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб. Исходя из этих соображений, а также приняв во внимание и то, что низшее молодое белое духовенство, правда, в незначительной своей части, безусловно, прогрессивно, реформистски и даже революционно настроено по отношению к перестройке Церкви, секретный отдел ВЧК сосредотачивает все свое внимание именно на поповскую массу, и только через нее мы сможем путем долгой напряженной и кропотливой работы разрушить и разложить Церковь до конца»¹¹⁴.

Вероятно, самыми большими успехами в своей «кропотливой работе» чекисты считали случаи публичного ренегатства. Так, в журнале «Революция и Церковь» было напечатано странное заявление диакона Носова о том, что он снимает с себя дарованный Николаем Романовым сан диакона и желает быть честным гражданином РСФСР. «Церковные законы и молитвы составлены под диктовку царей и капитала! Долой милитаризм, царей, капитал и попов! Да здравствует диктатура пролетариата!»¹¹⁵

Давая отпор посягательствам раскольников всех мастей, Патриарх Тихон 17 ноября 1921 г. обратился к пастве с особым посланием «о недопустимости богослужебных нововведений в церковно-богослужебной практике». «Божественная красота нашего истинно назидательного в своем содержании и благодатно действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено Церковью в чинопоследованиях, правилах и уставе, должна сохраниться в святой Православной Русской Церкви неприкосновенно, как величайшее и священнейшее ее достояние»¹¹⁶.

* * *

Летом 1921 г. в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на юге Украины разразилась жестокая засуха. В 34 губерниях России царил голод. К маю 1922 г. голодало уже около 20 млн. человек, около миллиона скончалось, 2 млн. детей остались сиротами. Жители вымирающих деревень кто на телегах, кто пешком покидали голодающие районы, и, обессиленные, падали, устилая дороги трупами. В газетах появились сообщения о случаях людоедства. Пройдет несколько месяцев, и советская власть сумеет использовать народное бедствие для борьбы с Церковью, но в начале положение оказалось настолько серьезным, что большевики обратились к Патриарху Тихону, чтобы привлечь Церковь к кампании помощи голодающим. Для переговоров направили А. М. Горького. Он вошел в кабинет Патриарха и, по свидетельству присутствовавшего при встрече архиепископа Илариона, смутился, не зная, как вести себя: принять благословение у Святейшего или протянуть руку. Патриарх Тихон приветливо улыбнулся, и, сказав: «Давайте поздороваемся!», первым подал гостю руку.

Сострадая великому народному горю, святитель Тихон обратился к своей пастве, к Восточным Патриархам, к папе Римскому, к архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому с посланием, в котором во имя христианской любви призывал провести сбор продовольствия и денег для вымирающего Поволжья: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода. Не до слуха

вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедля! На щедрую, широкую, нераздельную помощь!»¹¹⁷

В ответ на обращение Патриарха в храмах начались сборы денег для голодающих.

В результате переговоров с А. М. Горьким под председательством Патриарха Тихона был организован «Всероссийский комитет помощи голодающим» (Помгол), в обязанности которого входило распределение помощи голодающим, в том числе и той, что поступала из-за рубежа. Но вскоре активная деятельность Помгола вызвала решительное недовольство властей, и 27 августа 1921 г. этот комитет распустили декретом ВЦИК, а собранные им денежные средства конфисковали. Вместо него стала действовать государственная «Центральная комиссия помощи голодающим» при ВЦИКе. В декабре эта комиссия обратилась к Патриарху с призывом к пожертвованию ценностей, принадлежащих Церкви, на нужды голодающих. 19 февраля 1922 г. Патриарх Тихон издает новое воззвание к православной пастве, в котором призывает церковно-приходские советы и общины жертвовать для голодающих любые драгоценные церковные украшения, если они не имеют богослужебного употребления.

В газетах, однако, появлялись статьи, обвинявшие церковных иерархов в безразличии к бедствиям народа, хотя российское духовенство, православные миряне ни на один день не прекращали сбор денег, ценностей и продуктов питания. Как оказалось, обвинения и нападки готовили почву появлению 23 февраля декрета ВЦИК о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих. На этот декрет Патриарх Тихон ответил посланием, в котором говорится, что «с точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства... Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство: миряне — отлучением от нее, священнослужители — извержением из сана (73-е апостольское правило, 10-е правило Двукратного Вселенского Собора)»¹¹⁸. Послание Патриарха было разослано епархиальным архиереям с предложением довести его до сведения каждого прихода, власти же сочли это нелегальной акцией и ужесточили давление на Церковь.

6 марта митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) вместе с юрисконсультom Александрo-Невской лавры И. М. Ковшаровым явился в Помгол в Смольный и оставил там заявление, в котором было сказано, что Церковь готова пожертвовать все, но что верующие должны жертвовать добровольно. Митрополит требовал, чтобы во избежание кровавых столкновений в комиссию по изъятию введены были верующие люди, представители духовенства и мирян. Если же власти все-таки решат провести насильственное изъятие, то он, митрополит, благословить насилия не может. Сперва в Помголе благожелательно отнеслись к инициативе митрополита. В газетах появились сообщения о соглашении с Церковью, но через несколько дней все переменялось. Холодный, враждебный прием ожидал представителей владыки в Смольном. Тогда митрополит Вениамин сделал новое заявление в Помгол, настаивая на соблюдении достигнутых прежде договоренностей, однако ответа не последовало. На Пасху митрополит Вениамин обратился к пастве с воззванием сохранять спокойствие, не волноваться. Владыка разрешал жертвовать на голодающих больше, чем Патриарх: ризы со святых икон и сами иконы, за исключением особо чтимых и кроме того, что лежит на святом престоле.

Комиссии приступили к описи имущества храмов, предстояло изъятие святынь из главных храмов Петрограда. Опасаясь кровопролития, митрополит Вениамин предпринял еще одну попытку уладить отношения с властями и назначил для переговоров с Помголом священников обновленцев Введенского и Боярского. Им удалось добиться некоторых уступок, в частности, возможности заменять равноценным имуществом подлежащие изъятию святыни. Это

соглашение напечатали в газете, но комиссия Помгола не соблюдала его, а, наоборот, усилила грабеж особо чтимых святынь Петрограда. Как и везде, возле храмов собирались толпы прихожан, роптали, негодовали, пытались не впускать святотатцев, но власти вызывали милицию и войска, разгоняли беззащитных людей. Эти столкновения послужили поводом для судов над священнослужителями и мирянами, для жестоких приговоров к тюремным срокам и расстрелам.

Деятельным помощником Патриарха Тихона в эти грозные дни был архиепископ Крутицкий Никандр (Феноменов). 7 марта он созвал совещание московских благочинных, на котором заслушано было обращение Святейшего. Столичные и приходские советы выносили решения о недопустимости изъятия богослужебных предметов. Снова, как и в первые месяцы после издания декрета об отделении Церкви от государства, миряне организуются в дружины для охраны храмов. Воззвание Патриарха Тихона встречено было с сыновним послушанием большинством российских архипастырей. Но нашлись и такие, кому совесть позволила повиноваться правительственному декрету, а не посланию Патриарха. Это были преосвященные: Нижегородский Евдоким (Мещеряков), Тульский Виталий (Введенский), Саратовский Иов (Рогожин), Иркутский Анатолий (Каменский), Вологодский Александр (Надеждин). Епископ Кубанский Иоанн (Левицкий) в своем воззвании благословил декрет, восторженные отзывы о декрете опубликовали в газетах протоиереи Николай Русанов и Сергей Ледовский вместе с группой саратовских мирян. В Петрограде эти мероприятия поддерживались священниками-обновленцами Введенским, Красницким, Боярским, Платоновым. Заштатному епископу Антонину (Грановскому) за его особое рвение в нападках на воззвание Патриарха председатель ВЦИК предложил участвовать в работе Центральной комиссии Помгола, и он согласился.

Между тем кампания по ограблению храмов началась по всей стране. В Смоленске красноармейцы взломали двери собора, арестовали находившихся там священнослужителей и мирян, защищавших его от поругания, и приступили к ограблению храма.

15 марта 1922 г. в «Известиях» появилась беседа с Патриархом под заголовком «Церковные ценности для помощи голодающим», в которой Патриарх объяснял позицию Церкви в этом вопросе. «В церквях нет такого количества драгоценных камней и золота, чтобы при ликвидации их можно было бы получить какие-то чудовищные суммы денег. Боюсь, что около вопроса о церковных ценностях поднято слишком много шума, а на практике намеченная мера не даст ожидаемого результата, при всем благожелательном отношении к делу помощи голодающим со стороны церковных общин... Если наши храмы имеют в своих ризницах не так много драгоценных предметов, то во всяком случае в них хранится немало предметов, имеющих художественное и историческое значение. Заграничный рынок охотно будет скупать нашу церковную старину. Я по своей жизни в Америке знаю, каким спросом пользуются там предметы старины, особенно русской. Даже простой тульский самовар помещается там в богатых семьях, как антикварная редкость, на особом столе, а церковные сосуды, лампы прошлых веков, конечно, найдут немало охотников... Я полагаю, что комиссии надлежит очень внимательно отнестись к ликвидации поступающих в ее распоряжение вещей и приложить все старание, чтобы то, что ценно для нас по своим художественным и историческим данным, осталось в наших общественных собраниях».

В Шуе, когда началось изъятие святынь из собора, к паперти сбежались люди, милиция пыталась разогнать их, тогда в толпе появились колья, которыми люди собирались защитить себя. Но тут на помощь милиционерам подоспели красноармейцы с пулеметами, и раздался залп. Толпа в ужасе разбежалась, на площади остались десятки раненых и пять человек убитых. Комиссия, как ни в чем ни бывало, приступила к разорению храма.

19 марта 1922 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин составил секретное письмо по поводу событий в Шуе, которые он назвал лишь одним из проявлений общего плана сопротивления декрету Советской власти со стороны «влиятельнейшей группы черносотенного духовенства».

«Я думаю,— писал он,— что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадёжна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя исключительно благоприятный и вообще единственный момент, когда мы можем с 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно невыполнимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности ещё подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически неразумны, может быть, даже чересчур опасны. Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом.. Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная же от имени политбюро телеграмма о временной приостановке изъятия не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает). В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об

этом доклад в политбюро еженедельно. На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем больше число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»¹¹⁹.

30 марта заседало политбюро, на котором по рекомендациям Ленина был принят план разгрома церковной организации, начиная с «ареста Синода и Патриарха. Печать должна взять бешеный тон... Приступить к изъятию по всей стране, совершенно не занимаясь церквями, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей»¹²⁰.

При изъятии церковного достояния в 1414 случаях власть прибегала к оружию, в итоге награбленное составило: 33 пуда золота, 24 тысячи пудов серебра и несколько тысяч драгоценных камней.

Уже в марте начались допросы Патриарха Тихона, его вызвали в ГПУ на Лубянку и дали под расписку прочесть официальное уведомление о том, что правительство «требует от гражданина Белавина как от ответственного руководителя всей иерархии определенного и публичного определения своего отношения к контрреволюционному заговору, во главе коего стоит подчиненная ему иерархия»¹²¹.

В следующий раз Патриарха допрашивали начальник 6-го отделения секретного отдела Тучков, начальник секретного отдела Самсонов, Красиков, Агранов и сам Менжинский. На требование Красикова отдать все церковные ценности, за исключением самого необходимого, Патриарх ответил: «Все? Никогда!» Самсонов потребовал принять меры по отношению к священникам, которые выступили против изъятия церковных ценностей, но Патриарх ответил, что ему неизвестны их фамилии, и конкретных сведений об этих случаях он не имеет. В особенно трудное положение ставили Патриарха вопросы, касавшиеся действий Карловацкого церковного центра. Менжинский предложил Святейшему пригласить митрополитов Антония (Храповицкого) и Евлогия (Георгиевского) в Москву и потребовать объяснений по поводу появления опубликованного ими обращения монархического содержания. «Разве они поедут сюда?» — не без иронии ответил на это предложение святитель.

По всей стране начались процессы, на которых священнослужители и миряне обвинялись в сопротивлении проведению в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей. По указанию Ленина к смертной казни приговорены были верующие, арестованные в Шуе. В Смоленске трибунал приговорил к расстрелу Залесского, Мясоедова, Пивоварова и Демидова. 6 апреля в «Правде» появилось письмо двенадцати петроградских священников, среди них — В. Красницкого, А. Введенского, Е. Белкова, А. Боярского, с обвинениями своих собратьев и архипастырей в равнодушии к голодающим и в контрреволюционных замыслах, от которых они публично отмежевались.

26 апреля в Москве, в здании Политехнического музея, открылся процесс, на котором судили 20 московских священников и 34 мирянина по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам при изъятии церковных ценностей. Послушные воле Святейшего Патриарха, московские благочинные, настоятели храмов, председатели приходских советов отказывались участвовать в расхищении храмов, всячески удерживая прихожан от сопротивления насилию. Сомнительную роль сыграл на процессе видный церковно-общественный деятель профессор Н. Д. Кузнецов, вызванный в качестве эксперта. Он доказывал, что каноны, запрещающие

употребление богослужебных сосудов не для богослужения, осуждают только тех священнослужителей и мирян, которые присваивают их в корыстных целях. Пожертвование святынь на благотворительные цели не осуждается этими канонами, и потому, мол, Святейший Патриарх и духовенство поступили бы в рамках канонов, если бы благословили изъятие из храмов даже богослужебных сосудов.

Подсудимые держались на процессе с достоинством и совершенным бесстрашием. В качестве свидетелей к процессу привлекали Патриарха Тихона и архиепископа Никандра. Патриарха допрашивали на суде 5 мая. Председатель трибунала Бек задал вопрос: «Вы считаете, что советская власть поступила неправильно, и вы были вынуждены выпустить воззвание?» «Да»,— ответил Патриарх. «Вы признаете,— спросил обвинитель Крыленко,— что церковное имущество не принадлежит по советским законам Церкви?» «По советским законам,— сказал Патриарх,— а не по церковным». «Ваше послание касается церковного имущества. Значит, с точки зрения закона, оно незаконно».— «Вам лучше знать. Вы советская власть». «А слово «тать»,— спросил Крыленко,— что значит по-русски?» «Тать — это вор»,— объяснил Патриарх. «Значит «святотать» — это вор по святым местам?» — «Да».— «Таковыми вы нас и считаете?» — спросил Крыленко. «Нет, простите»,— ответил Святейший¹²². Трибунал приговорил 11 обвиняемых к расстрелу. После вынесения приговора Патриарх Тихон обратился с письмом к председателю ВЦИК Калинину «о помиловании осужденных, тем более, что инкриминируемого послания они не составляли, сопротивления при изъятии не проявляли и вообще контрреволюцией не занимались»¹²³. ВЦИК помиловал шестерых лиц, а пятеро, протоиереи Александр Заозерский, Василий Соколов, Христофор Надеждин, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров, были казнены в камерах Лубянки, где прежде стояли сейфы страховой компании.

Трибунал вынес постановление о привлечении Патриарха Тихона и архиепископа Никандра к суду в качестве обвиняемых. К расправе над первосвятителем русского народа власти готовились давно. Еще 25 марта «Известия» опубликовали список «врагов народа», где на первом месте стояло имя Патриарха. На процессах, затеянных по всей стране, обвиняемые священнослужители, естественно, ссылались на воззвание Патриарха, которому они и следовали, когда отказывались благословить незаконное изъятие святынь из храмов, поэтому повсюду трибуналы выносили постановления с требованиями привлечь к суду Святейшего Патриарха. Масло в огонь подливали и неуместные эмигрантские публикации, предсказывавшие скорое падение советской власти в связи с охватившим страну голодом; тогда Святейший Патриарх «возьмет власть» и «передает ее законному носителю», которого сам и укажет¹²⁴.

Один из вождей Коминтерна Н. Бухарин в кругу своих единомышленников заявил, что церковный фронт является самым опасным для советской власти, и она бросила на этот фронт 14 тыс. испытанных борцов. Бухарин призывал снести церкви с лица земли, как рассадник контрреволюции. Борьбу против Церкви надо было поручить товарищу Дзержинскому, а гражданин Белавин должен быть казнен.

Последний раз перед арестом Патриарх служил в приходском храме Москвы. Вернувшись с допроса из ЧК, он сказал своим келейникам: «Уж очень строго допрашивали». «Что же Вам будет?» — спросили его с тревогой. «Обещали голову срубить»,— ответил Святейший Патриарх¹²⁵.

* * *

Вождь революции, Троцкий, предложил такой план действий: спровоцировать церковный раскол, устранить Патриарха Тихона и содействовать приходу в высшее церковное управление обновленческих деятелей, тогда можно будет не принимать православную Церковь в расчет как

фактор политической жизни России. Но ставка на обновленцев была лишь временной мерой. На заседании политбюро 30 марта 1922 г. Л. Д. Троцкий сказал, что уже сегодня «нам надо подготовить теоретическую, пропагандистскую кампанию против обновленной Церкви. Надо превратить ее в выкидыш», а «с черносотенными попами — расправиться»¹²⁶.

В начале мая 1922 г. московский священник С. Калиновский подал во ВЦИК детально разработанный план по претворению в жизнь идей Троцкого, предусматривавший учреждение при ВЦИК особого Всероссийского комитета по делам православной Церкви, духовенства и мирян во главе с уполномоченным в сане православного епископа. Комитет должен был защищать от церковных прещений и судебных кар со стороны патриаршего управления тех лиц из духовенства и мирян, которые «лояльны по отношению к советской власти»; наблюдать за деятельностью патриаршего управления и способствовать проведению государственных мероприятий, «не затрагивающих религиозного чувства православного человека»¹²⁷.

Сразу после вынесения приговора по делу московских священников из Петрограда в Москву приехала группа обновленцев — Введенский, Боярский, Белков и псаломщик Стадник. Родственники осужденных просили петроградских визитеров, пользовавшихся расположением властей, похлопотать о помиловании. 12 мая, вечером, петроградские отцы-посредники прямо из тех инстанций, где, по словам самого Введенского, «быть нельзя», появились в покоях Патриарха в сопровождении двух чекистов и вместо известия о помиловании сообщили, что добились разрешения на созыв Поместного Собора при условии, что Патриарх оставит престол. Патриарх в ответ заявил, что патриаршество его тяготит как крест. «Я с радостью приму, если грядущий Собор снимет с меня вообще патриаршество, а сейчас я передаю власть одному из старейших иерархов и отойду от управления Церковью»¹²⁸. Священники из Петрограда предложили святителю Тихону передать епископу Антонину (Грановскому), который пребывал тогда на покое в Заиконоспасском монастыре, или епископу Леониду (Скобееву) канцелярию. Но Патриарх Тихон категорически отказался от предложенных ему кандидатур, согласившись назначить своим заместителем митрополита Вениамина или митрополита Агафангела. Срочно позвонили в Петроград и узнали, что митрополит Вениамин не может взять на себя заместительство. Прервав беседу, Патриарх Тихон вышел в соседнюю комнату и через несколько минут вынес оттуда письмо на имя председателя ВЦИК о передаче власти митрополиту Ярославскому Агафангелу из-за привлечения его, Патриарха Тихона, к гражданскому суду. А через день успешно выполнившие поручение ГПУ обновленцы напечатали в «Известиях» воззвание, осуждавшее «тех иерархов и тех пастырей, которые виновны в организации противодействия государственной власти по оказанию ею помощи голодающим и в ее других начинаниях на благо трудящихся. Мы считаем необходимым,— заявили провокаторы,— немедленный созыв Поместного Собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении Церковью и об установлении нормальных отношений между нею и советской властью»¹²⁹. Под документом подписались епископ Антонин (Грановский), московские священники С. Калиновский, И. Борисов, В. Быков, священники из Петрограда В. Красницкий, А. Введенский, Е.В. Белков, псаломщик С. Стадник и саратовские священники Русанов и Ледовский.

13 мая Патриарх Тихон направил митрополиту Агафангелу письмо, извещавшее о передаче ему «церковного правления впредь до созыва Собора. На это имеется согласие гражданской власти,— писал он,— а потому и благоволите прибыть в Москву без промедления»¹³⁰. Письмо повез в Ярославль протоиерей Владимир Красницкий. Митрополит Агафангел готов был исполнить волю святителя Тихона, но по распоряжению ВЦИК его задержали в Ярославле. Патриарх между тем оставался под домашним арестом и без разрешения ГПУ к нему никого не

пускали. Его отношения с другими архипастырями и оставшимися членами Синода и ВЦС были прерваны. Обновленцы, почувствовав себя хозяевами положения, извещают председателя ВЦИК о создании нового Высшего церковного управления (ВЦУ), «ввиду устранения Патриархом Тихоном себя от власти». 18 мая Введенский, Белков и Калиновский опять явились в покои святителя Тихона, требуя подписать составленное ими прошение о передаче им канцелярии Святейшего Патриарха, «дабы не продолжалась пагубная остановка в делах управления Церковью. По приезде Вашего заместителя он тотчас же вступит в отправление своих обязанностей. К работе канцелярии мы временно привлекаем, до окончательного сформирования управления под главенством Вашего заместителя, находящихся на свободе в Москве святителей»¹³¹. На самом деле обновленцы планировали, что ВЦУ возьмет на себя всю полноту власти в Церкви, потому что еще 15 мая от председателя ВЦИК М. И. Калинина они знали, что митрополита Агафангела в Москву не пустят.

Святейший Патриарх уже хорошо представлял, с кем имеет дело, но после долгих уговоров посланники ГПУ все же увезли с собой документ с резолюцией Патриарха: «Поручается поименованным ниже лицам, то есть подписавшим заявление священникам, принять и передать высокопреосвященнейшему Агафангелу по приезде его в Москву синодские дела при участии секретаря Нумерова, а по Московской епархии — преосвященному Иннокентию, епископу Клинскому, а до его прибытия — преосвященному Леониду, епископу Верненскому, при участии столоначальника Невского»¹³². О том, как поступать «подписавшим заявление священникам» в случае, если митрополит Агафангел в Москву не приедет, Патриарх никаких распоряжений не сделал. И тогда находчивые авантюристы объявили резолюцию Патриарха об учреждении временной канцелярии актом передачи им церковной власти и, сговорившись с епископами Леонидом (Скобеевым) и Антонином (Грановским), объявили об образовании ВЦУ во главе с преосвященным Антонином. На другой день НКВД выдворило Патриарха Тихона из Троицкого подворья, определив в Донской монастырь под домашний арест, со строжайшей охраной и в полной изоляции от внешнего мира. Официальное постановление об этом было подписано Тучковым только 31 мая 1922 г. На Троицком подворье, в покоях первосвятителя-исповедника, в тот же день водворилось самочинное ВЦУ во главе с расколоучителем преосвященным Антонином (Грановским).

Кто были они, верховоды раскола, учиненного в самую лютую для Русской Церкви годину? Епископ Антонин — уроженец Полтавской губернии, выпускник Киевской Духовной Академии. Он выделялся среди студентов блестящими успехами в учебе и честолюбием, из-за которого, как считали знавшие его люди, и надел на себя монашеский клобук. После окончания академии в 1891 г. он много лет преподавал в разных духовных школах, удивляя учеников и сослуживцев своими чудачествами. Одно время он служил смотрителем духовного училища в Москве и жил в Донском монастыре. В келье он завел медведя и не разлучался с ним, куда бы ни шел. Из Москвы его перевели в Тулу инспектором семинарии, где он сразу воспротивился студентам тем, что ночью врывается в спальни, делает обыски, рылся в бумагах и книгах. После Тулы Антонин преподавал в Холме и там отталкивал всех своей угрюмой жестокостью, душевным холодом. Митрополит Евлогий вспоминал, что вечерами Антонин уходил к себе и, не зажигая лампы, часами лежал в темноте и громко, так что слышно было за стеной, стонал и охал, терзаемый неведомой душевной мукой.

В начале века Антонин перебрался в Петербург, служил в Цензурном комитете и написал исследование о «Книге Варуха», посещал религиозно-философские собрания, где сблизился с В. В. Розановым, который прозвал его Левиафаном. Любопытную характеристику дал ему Александр Бенуа. «На меня,— пишет он,— особенно сильное впечатление произвел архимандрит Антонин из Александро-Невской лавры... Поражал громадный рост... прямо-таки

демоническое лицо, пронизывающие глаза и черная, как смоль, не очень густая борода. Но не менее меня поразило и то, что стал изрекать этот иерей с непонятной откровенностью и прямо-таки цинизмом... Главной темой его беседы было общение полов и греховность этого общения, и вот Антонин не только не вдался в какое-либо превозношение аскетизма, а напротив, вовсе не отрицал неизбежность такого общения и всяких форм его ...Строгий тон и оттенок чего-то даже научного не покидали этого нашего неожиданного осведомителя»¹³³.

Хорошая богословский эрудиция и умение говорить ярко привлекли к нему внимание Петербургского митрополита Антония (Вадковского), и в 1903 г. Антонин был рукоположен во епископа Нарвского, став викарием Петербургской епархии. В революцию 1905 г. он отказался поминать за богослужением имя государя, а в «Новом времени» рассуждал о сочетании законодательной, исполнительной и судебной власти, как о земном подобии Божественной Троицы, за что и был уволен на покой, оказавшись в маленькой пустыни Петербургской епархии. Но в 1913 г. его назначили на Владикавказскую кафедру. Во Владикавказе у епископа Антонина вскоре обнаружилось белокровие, по болезни его опять уволили на покой, и он поселился в Богоявленском монастыре в Москве. Во время Поместного Собора заштатный архиерей ходил по Москве в рваном подряснике, при встрече со знакомыми жаловался на то, что его забыли, иногда даже ночевал на улице на скамейке. Епископ Антонин производил впечатление скорее человека не вполне здорового душевно, чем карьериста и приспособленца.

Другой впавший в раскол архиерей, епископ Верненский Леонид (Скобеев), с грехом пополам закончив академическое образование (правда, до этого он получил медицинское, военное и юридическое), поражал сочетанием полной бездарности и честолюбивых притязаний. Рассказывали, что в бытность архимандритом он, служа в приходских церквях, вопреки уставу, украшал свою особу посохом. Ему было указано на то, что подобные вольности недопустимы, а он, рассердившись, возразил: «Еще чего! Мои сокурсники давно уже стали епископами, а мне не велят служить с посохом!» Без устали добивался он епископского рукоположения, и в 1920 г. был действительно рукоположен, а через год назначен епископом Верненским, но в свой епархиальный город не поехал, надеясь, что в Москве с карьерой повезет больше. Вскоре он примкнул к обновленцам, и в благодарность они сделали его «архиепископом Крутицким», но за полной неспособностью уже в июле 1922 г. Леонида перевели в Пензу, оттуда — в Орел, а в марте 1923 г. и вовсе отправили на покой. «Епископом Содомским и Гоморрским» называл его Патриарх Тихон, имея в виду его неблаговидное поведение.

Среди обновленческих пресвитеров одним из самых пронырливых и крикливых был настоятель петербургской церкви во имя святых Захарии и Елисаветы протоиерей Александр Введенский, несомненно, человек образованный, но весьма поверхностный и чуждый духовной среде, что-то среднее между модным судебским оратором и опереточным актером. Он умел пустить пыль в глаза, быть обаятельным и расположить к себе доверчивых и добрых людей. Выпускник университета, он священствовал с 1914 г. Рассказывают, что когда новопоставленный иерей «начал читать текст Херувимской песни, молящиеся остолбенели от изумления не только потому, что отец Александр читал эту молитву... не тайно, а вслух, но и потому, что читал он ее с болезненной экзальтацией и с тем характерным «подвыванием», с которым часто читались декадентские стихи»¹³⁴. В предреволюционные годы Александр Введенский был близок к протопресвитеру Георгию Шавельскому, и его проповеди тогда были умеренно либеральны, но после 1917 г. лейтмотивом своих витийств с амвона он избрал христианский социализм. Вернувшись в Петроград после захвата церковной власти, Введенский выступал в доме имени Урицкого, объясняя свою позицию: «Расшифруйте современный экономический термин «капиталист», передайте его евангельским речением. Это будет тот богач, который, по Христу, не наследует вечной жизни. Переведите слово «пролетариат» на

евангельский язык, и это будут те меньшие, обойденные Лазари, спасти которых и пришел Господь. И Церковь теперь определенно должна стать на путь спасения этих обойденных меньших братьев. Она должна осудить неправду капитализма с религиозной (не политической) точки зрения, вот почему наше обновленческое движение принимает религиозно-нравственную правду октябрьского социального переворота... Мы всем открыто говорим: нельзя идти против власти трудового народа»¹³⁵. Неприязнь, которую испытывали к Введенскому многие из православных, доходила до того, что в номере его автомобиля 999 видели замаскированное апокалиптическое число «666».

Известным деятелем обновленчества стал и протоиерей Владимир Красницкий, который еще десять лет назад был неприметным петербургским священником и членом «Союза русского народа». Еще студентом духовной академии он написал доклад на тему «Социализм от дьявола», а в 1917—1918 гг. печатал в «Петроградских епархиальных ведомостях» статьи, призывая истреблять большевиков. Похоже, что в обновленчество он пошел, «спасая живот», и скоро превзошел всех своим цинизмом.

В Москве на первый план вышел обновленец С. Калиновский. Выпускник гимназии, в 1905 г. он пытался поступить в Московскую Духовную Академию, но на экзаменах выяснилось, что он не годится даже в первый класс семинарии и потому вынужден был отказаться от мечты о духовной карьере. Но когда началась война и нехватало полковых священников, Калиновский сумел добиться рукоположения. Он замещал приходского священника в московском храме, да так и остался на этом приходе, ни разу не выехав на фронт. Служил он, своевольничая, грубо нарушая устав, выдумывая всякие новшества в угоду экзальтированным, истеричным прихожанкам. В конце концов, митрополит Евсевий (Никольский), помогавший Патриарху в управлении Московской епархией, запретил Калиновскому священнослужение, но тот продолжал свои бесчинства в храме. Тогда митрополит Евсевий решил провести расследование, чтобы подвергнуть бунтовщика прещению. Но неожиданно в канцелярии Патриарха произвели обыск и агенты ГПУ забрали документы, подготовленные для церковного суда над Калиновским. Затем последовал арест Святейшего Патриарха и захват патриаршей канцелярии обновленцами, среди которых важную роль стал играть и сам Калиновский. Прошло еще несколько месяцев, и Калиновский, объявив себя безбожником, занялся антирелигиозной пропагандой, постоянно сетуя на низкую оплату его атеистических выступлений.

Видным деятелем обновленчества стал и бывший обер-прокурор Синода В. Н. Львов, вольнослушатель Московской Духовной Академии. Депутат Государственной думы от партии октябристов он считался знатоком церковных вопросов,— доносчик и клеветник он требовал крови Патриарха и «чистки епископата». Примкнул к обновленчеству и профессор Б. Титлинов, один из самых яростных противников восстановления патриаршества. Были, конечно, среди обновленцев и более порядочные люди, например, петроградский священник А. И. Боярский на процессе по делу митрополита Вениамина давал показания в пользу обвиняемых, за что сам рисковал оказаться на скамье подсудимых. Истинным дирижером этой группировки был не епископ Антонин, даже не Александр Введенский, а чекист из ОГПУ Евгений Александрович Тучков. Обновленческие главари в своем кругу так и называли его — «игуменом», сам же он предпочитал именовать себя «советским обер-прокурором».

Захватив патриаршее подворье, документацию и печати высших органов церковной власти, обновленческое ВЦУ лихорадочно пыталось заручиться поддержкой духовенства и мирян. 23 мая ВЦУ устроило первую встречу со священнослужителями и клириками Хамовнического района, но московское духовенство категорически отказалось признать самозванцев и поддержать их, тем не менее, раскольники не собирались идти на попятную. Сколотив немногочисленную группу единомышленников, они организовали издание журнала «Живая

церковь», а вскоре так назвали и свою группу. Православный народ стал именовать обновленцев «живцами». В мае вышли два номера «Живой церкви» под редакцией Калиновского со статьями епископа Антонина, священников Введенского, Красницкого и В. Н. Львова. Бывший обер-прокурор советовал священникам прежде всего скинуть рясу, обстричь волосы и превратиться, таким образом, в «простых смертных»¹³⁶. Смысл обновленческого движения журнал видел в освобождении духовенства «от мертвящего гнета монашества, оно должно получить в свои руки органы церковного управления и непременно получить свободный доступ к епископскому сану», — пишет Красницкий в № 2 «Живой церкви». Статья о монастырях под названием «Гнезда бездельников» появилась в следующем номере.

29 мая в Москве учредительное собрание «Живой церкви» открыто провозгласило пересмотр и изменение всех сторон церковной жизни. Подражая своим идейным вдохновителям, обновленцы избрали ЦК «Живой церкви» из 10 членов и президиум ЦК в составе Красницкого, Белкова и Соловьева. Но серьезное беспокойство у обновленческого ВЦУ вызывало поначалу отсутствие епископов среди его приверженцев. Чтобы исправить положение в этот же день преосвященные Антонин и Леонид рукоположили «во епископа Подольского протоиерея Иоанна Альбинского» без принятия им монашества.

* * *

Чрезвычайно энергичную деятельность развернули зачинщики раскола в Петрограде. У Введенского, некогда близкого к Петроградскому митрополиту, появляется надежда вовлечь в раскол самого митрополита Вениамина. Еще 25 мая он посетил священномученика Вениамина и предъявил ему удостоверение за подписью епископа Леонида, что он, «согласно резолюции Патриарха Тихона, является членом ВЦУ и командирован в Петроград и другие города по церковным делам». Ознакомившись с бумагой, митрополит Вениамин отказался признать удостоверение обновленческого ВЦУ, не увидев подписи Патриарха. Через день, за воскресной литургией, с амвонов петроградских церквей было зачитано послание митрополита Вениамина, в котором он анафематствовал взбунтовавшихся священников Александра Введенского и Евгения Белкова и всех присоединившихся к ним. «По учению Церкви, — говорится в этом послании, — епархия, почему-либо лишенная возможности получать распоряжения от своего Патриарха, управляется своим епископом, пребывающим в духовном единении с Патриархом... Епископом Петроградским является митрополит Петроградский, послушаясь ему, в единении с ним и вы будете в Церкви»¹³⁷. На другой день после того, как в городских храмах было зачитано послание митрополита, в покои Петроградского владыки явились чекисты для ареста святителя, а Введенский — для принятия канцелярии. Не смутившись, он подошел к святителю под благословение. «Отец Александр, — спокойно сказал митрополит Вениамин, — мы же с вами не в Гефсиманском саду», и, не благословив раскольника, спокойно и ровно выслушал объявление о своем аресте.

В обязанности управляющего Петроградской епархией вступил первый викарий правящего архиерея епископ Ямбургский Алексей (Симанский). Не нарушая канонов Церкви, не погрешив против ее догматического учения и предания, епископ Алексей пытался, однако, не обострять отношений с властями и обновленческим ВЦУ. 4 июня он обратился к петроградской пастве с посланием, пытаясь предотвратить «открытые выступления», которые «могут принести губительные последствия для всей Церкви... Мир имейте и любовь христианскую между собой и ко всем и успокойтесь в сознании, что я как архипастырь ваш стою на страже блага Церкви и уповаю с Божией помощью это благо охранить и дать мир, к которому так стремится душа христианская»¹³⁸. Петроградские викарные архиереи по-разному отнеслись к проискам «живоцерковников». Епископ Лужский Артемий (Ильинский) безоговорочно признал обновленческое ВЦУ и подчинился ему. Епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников) как

верный помощник правящего архиерея самоотверженно защищал петроградскую паству от расхитителей стада Христова, но вскоре и его арестовали и заточили в «Кресты». В эту же тюрьму за твердость и стойкость в защите Церкви от обновленцев был брошен и епископ Иннокентий.

В короткое время управления паствой епископ Алексей снискал широкую популярность у верующих. Его глубокие проповеди, благоговейные богослужения привлекали в храмы толпы людей. 6 июля в Петроград по поручению ВЦУ приезжает протоиерей В. Д. Красницкий и требует от владыки безоговорочного признания обновленческого ВЦУ. Епископ Алексей отвечает твердым «нет», и в тот же день подает в ВЦУ заявление об отказе от управления Петроградской епархией. В августе епископ Алексей был арестован и сослан на три года в Каракалинск. Через полгода, в январе 1923 г., вслед за ним в ссылку в Коми-Зырянский край был отправлен и пятый, младший викарий Петроградской епархии епископ Николай (Ярушевич), который занимал ту же позицию, что и епископ Алексей. Православный Петроград остался без канонических епископов.

Арестованный митрополит Петроградский Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский) родился в 1874 г., в Олонецкой губернии. В 1895 г., студентом 2 курса Петербургской Духовной Академии, был пострижен в монашество, через год его рукоположили в иеромонаха. По окончании академии в 1897 г. он начал преподавать в Рижской семинарии, потом был переведен инспектором в Холм. Митрополит Евлогий, тогдашний ректор семинарии в Холме, вспоминал впоследствии: «Это был молоденький, скромный, кроткий улыбающийся монах, а дело повел крепкой рукой и достигал добрых результатов, между нами установились дружественные отношения; с ним мы шли рука об руку, хороший он был человек¹³⁹. В 1905 г. архимандрит Вениамин был назначен ректором Петербургской семинарии, а 24 января 1910 г. совершилась его хиротония во епископа Гдовского, четвертого викария Петербургской епархии. Потом он был третьим, вторым и первым викарием епархии. Митрополит Вениамин часто совершал богослужения в окраинных храмах столицы, проповедовал слово Божие нищему люду, простым рабочим, устраивал и читал воскресные лекции для рабочих. На Боровой улице, где было скопление притонов и злачных мест, располагалось общество в честь Пресвятой Богородицы, где митрополит Вениамин часто служил. На Рождество и Пасху епископ Вениамин совершал архиерейские богослужения на Путиловском и Обуховском заводах. Простой народ Петербурга предан был ему безмерно, любили его и гимназисты, которые знали владыку по службам в питерских гимназиях и училищах. Летом епископ Вениамин всегда совершал крестные ходы, особенно многолюдным был ежегодный крестный ход из Петербурга до Шлиссельбурга к древней Казанской иконе Божией Матери. После февральской революции владыка Вениамин голосами простых верующих был избран архиепископом Петроградским, а в канун Поместного Собора его возвели в сан митрополита. Пребывая на столь высоком престоле, митрополит Вениамин оставался человеком добрым и доступным каждому. Он был, вероятно, самым аполитичным во всем российском епископате, и поначалу встречал меньше препятствий в совершении своего архипастырского служения, чем другие архиереи. Выбор его в качестве очередной жертвы красного террора должен был запугать иерархов: если уж такой архиерей, как митрополит Вениамин, расстрелян как контрреволюционер, то какая же участь ожидает епископов, не скрывавших своей неприязни к новому режиму. Но выбор этот совершен был и не без Божия Промысла.

Процесс открылся 29 мая в здании бывшего Дворянского собрания. На скамье подсудимых оказалось 86 человек. Среди обвиняемых, помимо митрополита Вениамина, были его викарий епископ Венедикт (Плотников), председатель правления петроградских приходов профессор Юрий Новицкий, заместитель председателя архимандрит Сергей (Шеин), в прошлом секретарь

Поместного Собора; настоятели Казанского собора — протоиерей Николай Чуков и Исаакиевского собора — протоиерей Л. К. Богоявленский и Троицкого собора — протоиерей Михаил Чельцов, священники А. Н. Толстопятов, М. В. Тихомиров, П. П. Левитский; члены правления петроградских приходов Иван Ковшаров, известный канонист профессор В. Н. Бенешевич, преподаватели Духовной Академии и Богословского института, университетские профессора и студенты, церковные старосты. Судили женщин, и среди них фельдшерицу, которую обвиняли в «контрреволюционной истерике», судили крестьян, стариков, персамагометанина, нечаянно оказавшегося возле храма, где проводилась конфискация. Вызванные вначале на суд как свидетели Н. А. Елачич, профессор Н. Ф. Огнев, протоиерей П. А. Кедринский были арестованы и посажены на скамью подсудимых.

Митрополит Вениамин и его помощники обвинялись в том, что вели переговоры с советской властью в целях отмены или смягчения декрета об изъятии церковных ценностей и что состояли, как сказано было в обвинительном заключении, «в сговоре со всемирной буржуазией и русской эмиграцией», подстрекали верующих на сопротивление властям, распространяя копии заявления митрополита в Помгол, опубликованного в газетах. Вход в зал суда был, в основном, свободный, и когда привезли митрополита Вениамина, многотысячная толпа, запрудившая улицу, опустилась на колени с пением «Спаси, Господи, люди твоя!», а владыка благословил верную ему паству. Весь Петроград наблюдал за ходом процесса, и сведения из зала суда мгновенно разносились по городу, умножая всеобщую тревогу. Первым из обвиняемых допрашивали митрополита Вениамина. Он спокойно и твердо отказался признать себя виновным и повторил свои прежние заявления: что он считает необходимым добровольно отдать голодным все ценности, но не может благословить насильственное изъятие богослужебной утвари, постановления Карловацкого Собора ему неизвестны, а что касается обновленцев, то как митрополит он вправе отлучить Введенского и Белова, церковных бунтовщиков и самочинцев. Судьи настойчиво добивались от митрополита имена вдохновителей и редакторов заявления в Помгол. Ему внушали: отрекись от прежних заявлений, признай себя виновным, сделай шаг навстречу обвинителям и судьям — сохранишь жизнь, но митрополит Вениамин оставался тверд в своих показаниях. Духовная сила священномученика вызывала невольное уважение у судей, и они не задавали ему издевательских вопросов, как другим обвиняемым.

Вслед за митрополитом Вениамином допрашивали председателя правления петроградских приходов Юрия Петровича Новицкого. Как профессиональный юрист, он отвечал на вопросы обстоятельно и точно, подробно рассказав о деятельности совета, в которой не было ничего противоправительственного. Зная, что ему грозит, он держался спокойно и ровно, виновным себя не признал. Иван Михайлович Ковшаров отвечал судьям резко и жестко. По поведению его на суде было видно, что он не надеялся избежать смертного приговора и заранее смирился со своей участью. С удивительным мужеством держался архимандрит Сергей. Драницын, один из обвинителей, вспоминал об удивительном бесстрашии архимандрита Сергия: «С каким нескрываемым отвращением и в то же время снисходительной жалостью он смотрел и говорил с нами, находящимися в составе суда. Страха смерти, тюрьмы для него, как, впрочем, и для многих из них, не существовало; серьезный был противник»¹⁴⁰. Епископ Венедикт, как и все обвиняемые, виновным себя не признал, и обстоятельными и точными ответами на вопросы судей доказал необоснованность выдвинутых против него обвинений. При допросе настоятелей петроградских церквей священников Николая Чукова, [Михаила Чельцова](#), Леонида Богоявленского, Зенкевича обвинители безуспешно пытались доказать, что священнослужители намеренно возбуждали верующих против мероприятий властей по изъятию ценностей.

Главный свидетель обвинения Александр Введенский был в первый день суда ранен одной

истеричной женщиной, бросившей в него булыжник при выходе из здания суда, выбивший ему зубы, поэтому допрос происходил у него на квартире. «Когда я кончил и поднялся, чтобы уходить,— вспоминал Драницын,— с удивлением увидел на стене, в головах, большой портрет митрополита Вениамина, на нем прочел: «Моему большому другу». Ничего не сказав, посмотрел на Введенского — он был смущен»¹⁴¹. Другой обновленческий священник А. Боярский давал ответы в пользу митрополита Вениамина и других обвиняемых, и поэтому скоро был устранен от участия в процессе. Зато Владимир Красницкий вполне угодил устроителям судилища. А. Валентинов, присутствовавший на процессе, вспоминал о его поведении при допросе: «Это был очевидный «судебный убийца», имевший своей задачей заполнить злостными инсинуациями и заведомо ложными обобщениями ту пустоту, которая зияла в деле на месте доказательств. Слова, исходившие из его змеевидных уст, были настоящей петлей, которую этот человек в рясе и с наперсным крестом, поочередно набрасывал на шею каждого из подсудимых. Ложь, сплетня, безответственные, но ядовитые характеристики, обвинения в контрреволюционных замыслах — все это было пущено в ход столпом «Живой церкви»¹⁴².

По окончании допроса свидетелей начались прения сторон. Обвинитель Красиков, сам, как известно, павший впоследствии жертвой несправедливого приговора, пытался доказать, что обвиняемые — участники контрреволюционного общества, которым является «сама православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, принципом подчинения низших духовных лиц высшим и с ее нескрываемыми контрреволюционными поползновениями»¹⁴³. Из защитников первым взял слово профессор Жижиленко. Умный, квалифицированный адвокат, он с предельной ясностью доказал, что даже по советским законам в настоящем деле нет признака преступного контрреволюционного сообщества. Большое впечатление на публику произвела речь защитника митрополита Вениамина Гуровича. «Русское духовенство,— сказал он,— плоть от плоти и кость от кости русского народа... Вы можете уничтожить митрополита, но не в ваших силах отказать ему в мужестве и высоком благородстве мыслей и поступков... Непреложный закон исторический предостерегает вас, что на крови мучеников растет, крепнет и возвеличивается вера... Остановитесь над этим, подумайте, не творите мучеников...»¹⁴⁴.

Наконец, 4 июля трибунал предоставил последнее слово обвиняемым. Зал замер, и в тревожной тишине зазвучала мерная, ровная, достойная речь митрополита Вениамина: «Я старался по мере сил быть только пастырем душ человеческих. И теперь, стоя перед судом, я спокойно дожидаясь его приговора, каков бы он ни был, хорошо помня слова апостола: *Берегитесь, чтобы вам не пострадать как злодеям, а если кто из вас пострадает как христианин, то благодарите за это Бога (1 Пет. 4. 15—16)*»¹⁴⁵. Потом владыка заговорил об обстоятельствах дела, об отдельных пунктах обвинения, посвятив большую часть слова оправданию и защите некоторых обвиняемых. «Вы все говорили о других, трибуналу желательно узнать, что же вы скажете о самом себе?» — обратился к нему председатель суда. Святитель тихо произнес: «О себе? Что же я могу вам о себе еще сказать? Разве лишь одно: я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре: жизнь или смерть, но что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом владыка широко перекрестился) и скажу: «Слава Тебе, Господи Боже, за все!»¹⁴⁶.

Благоговейная тишина в зале свидетельствовала о том потрясении, которое произвело на собравшихся спокойствие митрополита Вениамина перед грозившим ему смертным приговором. В среду, 5 июля, оглашен был приговор трибунала, но народ в зал не пустили, потому что боялись не получить одобрения присутствующих. Митрополит Вениамин, епископ Венедикт, архимандрит Сергей, протоиереи Н. Чуков, Л. Богоявленский, М. Чельцов, а также

Ю. П. Новицкий, И. М. Ковшаров, Д. Ф. Огнев и Н. А. Елачич были приговорены к расстрелу, а большинство обвиняемых: Л. Н. Парийский, С. И. Бычков, А. В. Петровский, священник А. М. Толстопятов, С. Е. Соколов и другие — к разным срокам лишения свободы со строгой изоляцией. 22 человека, среди них профессор В. Н. Бенешевич, ученый с мировым именем, Павел Чельцов, Карабинов и еще некоторые были оправданы. В приговоре содержалось также требование о привлечении Патриарха Тихона к уголовной ответственности. В это же время обновленческое ВЦУ вынесло свой приговор по тому же делу — документ беспримерной в истории Церкви низости: «1) Бывшего Петроградского митрополита Вениамина, изобличенного в измене своему архипастырскому долгу... лишить священного сана и монашества; 2) председателей и членов правления приходов Петроградской епархии: Новицкого, Ковшарова, Елачича и Огнева, организовавших борьбу против государственной власти... отлучить от Церкви; 3) членов того же правления, священнослужителей: епископа Венедикта, протоиереев Богоявленского, Чукова, Чельцова, архимандрита Сергия, обличенных в соучастии в преступлениях вышеуказанных лиц, уволить от должности и лишить священного сана; 6) мирянина Парийского отлучить от святого причастия на пять лет; 7) мирян Королева, Соколова... отлучить от святого причастия на два года»¹⁴⁷.

10 августа «Известия» сообщили о помиловании шести приговоренных к смертной казни: протоиереев Николая Чукова, Владимир Богоявленского, Михаила Чельцова, епископа Венедикта, профессора Огнева и Елачича — и о замене им расстрела долгосрочным тюремным заключением. В ночь с 12-го на 13-е августа митрополит Вениамин, архимандрит Сергей, Юрий Новицкий и Иван Ковшаров, обритые и одетые в лохмотья, были расстреляны.

Сохранился текст предсмертного письма митрополита Вениамина одному из петроградских священников, который во многом дает представление о его духовном облике: «В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и от чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога... Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд... людскую неблагодарность, продажность... беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже за самую Церковь.... Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее иметь надо нам, пастырям. Забыть свои самонадеянность, ум, ученость и силы, и дать место благодати Божией... Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь время суда... Нужно заключиться в пределы своей малой приходской церкви и быть в духовном единении с благодатным епископом. Нового поставления епископов таковыми признать не могу. Вам ваша пастырская совесть подскажет, что нужно делать. Конечно, вам оставаться в настоящее время должностным официальным лицом, благочинным, едва ли возможно. Вы должны быть таковым руководителем без официального положения»¹⁴⁸.

* * *

В год расправы над митрополитом Вениамином ГПУ арестовало, заточило в тюрьмы и отправило в ссылку около половины епископов — почти всех, кто отказывался признать обновленческое ВЦУ, среди них были митрополиты Казанский Кирилл, Ярославский Агафангел, архиепископы Харьковский Нафанаил, Крутицкий Никандр, епископы Тамбовский Зиновий, Владивостокский Марк, многие викарные архиереи. В отдельных случаях против духовенства применялась трехлетняя административная высылка без суда, которая введена была декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. Уже к середине 1922 г. состоялся 231 судебный процесс по делам, сфабрикованным в связи с изъятием церковных ценностей. На скамье подсудимых

оказались 732 человека, и многим из них вынесены были смертные приговоры.

В конце 1922 г. оставшиеся в Москве члены Синода вынесли специальное постановление об обновленческом расколе, где говорилось, что викарии должны немедленно порвать всякое общение с правящим архиереем, если он признает ВЦУ и в этом случае, а также в случае, если правящий архиерей будет подвергнут тюремному заключению или ссылке, вступить в управление епархией со всеми правами правящего архиерея. Если в епархии вовсе не будет православного архиерея, то приходу разрешается окормляться у любого православного архиерея других епархий. Ни в коем случае не принимать участия в Соборе, так как он созывается незаконною церковною властью — ВЦУ. Со священниками, отпавшими от православия и признавшими ВЦУ прекратить всякое церковное общение и согласно апостольскому преданию и церковным правилам лучше вовсе не принимать таинств, чем принимать их от неправославных. «Живая церковь» — это церковь воров и разбойников. «Таковы Введенский, Красницкий, Белков и прочие, стоящие с ними у власти церковной. Они — церковь инквизиторов, ибо властелины ее укрепляются не словами любви и убеждения, а террором и насилием»¹⁴⁹.

Между тем предстоятель Русской Церкви Патриарх Тихон с мая 1922 г. находился под домашним арестом сперва в Троицком подворье, а после захвата его обновленцами — в бывших казначейских покоях Донского монастыря. Около него оставался его келейник — Яков Полозов. День и ночь в покоях дежурили охранники из ГПУ, никого не пропуская к узнику. Выходить разрешалось лишь на крохотный, примыкавший к покоям отрезок монастырской стены, откуда Патриарх мог благословить православных, приносящих ему передачи, проверенные охраной. Святитель Тихон лишен был возможности совершать богослужения и приобщаться Святых Таин даже в домово́й церкви. 3 апреля 1923 г. он подал прошение в Верховный суд РСФСР разрешить ему совершать богослужения в Донском монастыре хотя бы в последние дни Страстной и в первые святой Пасхи. Прошение было отклонено. С тревогой и болью о своей пастве следил святой Патриарх за церковной жизнью России.

Антихристианская пропаганда становилась все более агрессивной. Борьбу с Церковью с 1922 г. возглавляла Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) под председательством Е. Ярославского, секретарем ее был чекист Е. Тучков. Помимо организации репрессий против духовенства, комиссия руководила пропагандистскими кампаниями, устраивала в городах процессии, направляла беснующихся комсомольцев на разграбление и осквернение храмов, вдохновляла их на инсценировку шутовских богослужений и «судов над Богом». Как из рога изобилия на малограмотных, сбитых с толку людей обрушивались многочисленные тиражи антирелигиозных брошюр, например, только за январь-март 1923 г. появилось 27 новых названий. Средством усиления давления на Церковь служила новая инструкция о регистрации религиозных обществ, опубликованная в № 1—3 журнала «Революция и Церковь» за 1923 г. Согласно постановлению ВЦИК от 3 августа 1922 г. ни одно религиозное общество какого бы то ни было культа не могло действовать без регистрации в отделе управления губ- или облизполкома. Если устав общества, задачи его и методы деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам, отдел управления отказывает в регистрации. Религиозные общества, не зарегистрировавшиеся в указанном порядке, считаются закрытыми.

Гонимая Русская Церковь не отступила под натиском безбожия, великий сонм мучеников и исповедников Христовой веры свидетельствовал о ее силе и святости. Несмотря на захват многих тысяч храмов обновленцами, народ к ним не шел, а в православных службы совершались при стечении множества молящихся. Возникали тайные обители, например, такой женский монастырь создан был в Петрограде еще при священномученике Вениамине, где неукоснительно совершались все положенные уставом богослужения. В Москве возникло тайное братство ревнителей православия, которое распространяло листовки против

«живоцерковников». Когда все православные издания были запрещены, в кругах верующих начинают ходить по рукам рукописные религиозные книги и статьи. В тюрьмах, где десятками и сотнями томились исповедники, скапливаются целые потаенные библиотеки религиозной литературы.

Часть духовенства, не разделявшая реформаторских устремлений «живоцерковников», но напуганная кровавым террором, одни по малодушию и в страхе за собственную жизнь, другие в тревоге за Церковь, признала раскольническое ВЦУ. 16 июня 1922 г., когда в Петрограде шел судебный процесс, правящие архиереи Владимирский Сергей, Нижегородский Евдоким и Костромской Серафим напечатали в «Живой церкви» воззвание, в котором признали каноничность обновленческого ВЦУ и призвали свою паству и всю Русскую Церковь подчиниться ему. Этот документ, получивший название «меморандума трех», послужил соблазном для многих церковных людей и мирян. Митрополит Сергей был одним из самых авторитетных архипастырей Русской Церкви. Его временное отпадение вызвано было, вероятно, надеждой, что ему удастся перехитрить и обновленцев, и стоящее за их спиной ГПУ. Зная о своей популярности в церковных кругах, он мог рассчитывать на то, что вскоре окажется во главе ВЦУ и постепенно сумеет выправить обновленческий курс этого учреждения. Признав ВЦУ, митрополит Сергей с самого начала проявлял чрезвычайную осторожность и занял выжидательную позицию. В своем епархиальном городе Владимире он старался оставаться в тени, в Москву и Питер не выезжал. Но в августе 1922 г. митрополит Сергей выступил с решительным протестом против решений съезда «живоцерковников» об отмене постановления Святейшего Синода об отлучении от Церкви Льва Толстого, о допустимости второбрачия для священников и брака для епископов. По распоряжению митрополита Сергея в его епархии второбрачные священники извергались из сана, как это было искони, а вступавшие в брак архиереями не признавались, но тем не менее он не порывал с ВЦУ, по-прежнему признавая его за высшую власть в Русской Православной Церкви. Викарный епископ Афанасий (Сахаров), возглавивший борьбу с раскольниками во Владимирской епархии, на первых порах тщетно старался переубедить митрополита. Но в конце концов митрополит Сергей все-таки убедился в пагубных последствиях издания меморандума и чрезмерных расчетах на свое умение справиться с ситуацией, покаялся в содеянном и вернулся в лоно канонической православной Церкви. Из обновленческого раскола через покаяние вернулся в Церковь и архиепископ Серафим (Мещеряков). Для архиепископа Евдокима (Мещерского) отпадение в раскол оказалось безвозвратным. В августовском номере «Живой церкви» преосвященный Евдоким изливал верноподданнические чувства по отношению к советской власти и каялся за всю Церковь в «безмерной вине» перед большевиками.

8 июня, вскоре после появления «меморандума трех», на собрании московских благочинных обновленцы 28 голосами при двух воздержавшихся приняли резолюцию в поддержку ВЦУ и расширили его состав, введя туда женатого лжеепископа Альбинского, а также Введенского, Красницкого, Белкова, Калиновского, Поликарпова в сане протоиереев. К июлю 1922 г. из 73 епархиальных архиереев обновленческому ВЦУ подчинилось уже большинство. Его признали епископы Рязанский Вениамин (Муратовский), Смоленский Филипп (Ставицкий), Вологодский Александр (Надеждин), Могилевский Константин (Бульчев) и другие архипастыри. Только 36 правящих архиереев остались верными Патриарху. Почувствовав свою силу, ВЦУ издавало указы об увольнении с кафедр законных архиереев, в первую очередь, арестованных, заточенных и сосланных исповедников, а потом и тех немногих оставшихся на свободе, кто не признавал раскольническое ВЦУ: митрополитов Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела, Новгородского Арсения, Донского Митрофана, архиепископа Астраханского [Фаддея \(Успенского\)](#), епископов Симбирского Александра,

Олонецкого Евфимия (Лапина), Томского Виктора. На место уволенных назначали либо переметнувшихся в раскол викарных архиереев старого поставления, либо новопоставленных лжеархипастырей. С нескрываемой радостью Владимир Красницкий писал в июньском номере своего журнала: «Протоиерей отец Николай Соболев имеет быть первым архиереем России, вступающим на свою кафедру без монашеского пострижения. Революционная стихия победила в Петрограде и на церковном фронте!» Эта победа заключалась в том, что появились разведенные, второбрачные, а несколько лет спустя даже и третьобрачные священники, стриженные и бритые, с проповедями, мало отличающимися от выступлений на митингах, требовавшие немедленно переключиться на новый, революционный порядок службы, с угрозами репрессий за неподчинение им. Они изгоняли из храмов православных священников, настаивали на их заточении, ссылке, а то и на расстрелах. В Петроградской епархии доносили и витийствовали Красницкий, Введенский, Белков, там же подвизался еще один краснобай, обновленческий протоиерей Платонов, служивший в Свято-Андреевском соборе. В 30-х гг. он публично отрекся от веры и стал работником музея атеизма. В своих проповедях, докладах и выступлениях на диспутах он любил обстоятельно полемизировать со священнослужителями-тихоновцами, что не раз служило потом для ГПУ хорошим обвинительным материалом на оппонентов доносчика. Власть решительно поддерживала борьбу обновленцев с православной Церковью. Нежелание священнослужителей идти под начало женатых епископов неоднократно становилось поводом для ареста, ссылки, тюрьмы. При этом большевики не скрывали, что «обновление Церкви, которое производится сейчас прогрессивной, демократически настроенной частью духовенства и прихожан,— лишь один из первых этапов на пути освобождения трудящихся масс России из-под власти церковного и религиозного дурмана»¹⁵⁰. В ответ обновленцы рапортовали, что прекращают глупую и преступную борьбу с советской властью, которую затеяли церковные люди: «Мы всем открыто говорим: нельзя идти против власти трудового народа!»¹⁵¹ «Да будут же благословенны дни октябрьские, разбившие рабские узы!»¹⁵²

6 июля ВЦУ принимает постановление, в котором просит наркомат юстиции произвести следствие по делу о контрреволюционной деятельности организаций мирян при храме Христа Спасителя. Просьбу уважили, и после ряда арестов в храме водворяются «живоцерковники», а настоятелем поруганного храма становится Владимир Красницкий.

Торопясь как можно скорее узаконить свои права, обновленцы берут курс на созыв нового Собора. В июле при ВЦУ образуется предсоборная комиссия во главе с В. Н. Львовым.

6 августа 1922 г. «живоцерковники» созвали в Москве Всероссийский съезд белого духовенства, где присутствовало 190 раскольников. Главным решением его было ходатайство о созыве Собора, который, как предполагалось, лишит первосвященника-исповедника патриаршего сана. Съезд потребовал от духовенства неукоснительно подчиняться ВЦУ, немедленно прекратить поминовение Патриарха Тихона за богослужением, просить Собор закрыть монастыри, повсеместно ввести женатый епископат и разрешить духовенству вступать во вторые браки. Последнее постановление вызвало, правда, раскол в расколе: обновленческий «первоиерарх» преосвященный Антонин (Грановский) и поддержавшие его единомышленники протестовали против столь радикального, даже по их мнению, нововведения. За это Антонина с площадной бранью выгнали со съезда. Тогда в 20-х числах августа он объявил об образовании новой группировки «Церковное возрождение», в которую перешли столпы петроградских деятелей «Живой церкви» — Введенский, Боярский, Белков.

10 сентября в Страстном монастыре совершалось лжерукоположение во епископа некоего Константина. Антонин (Грановский) во время проповеди клеймил «живоцерковников» как отступников от веры, давал им грубые, но не лишённые остроумия, меткие характеристики. В

ответ выступил лжеепископ Николай (Федотов), но слушателям больше понравилась речь Антонина, раздались угрозы и крики прихожан. Новопоставленный лжеепископ Константин упал в обморок, а незадачливый оратор Николай (Федотов) и «живоцерковный» вождь Красницкий спрятались в алтаре и просидели там больше часа, пока народ не разошелся по домам.

Обиженные изменой Антонина, «живоцерковники» назойливо агитировали против него, а в 10-м, октябрьском, номере «Живой церкви» появилась статья под названием «Антониновщина», в которой разоблачался «трогательный союз церковной реакции и общественного лицемерия, в объятия которого пал Московский митрополит Антонин, враг белого духовенства». Тут же опубликована и весьма крепкая характеристика, данная Антонину митрополитом Антонием (Храповицким), который называет его развратником, пьяницей и нигилистом, побывавшим «клиентом дома умалишенных еще 20 лет назад», и все это с комментариями: мол, митрополит Антоний, разумеется, реакционер и мракобес, а Антонин поначалу показал себя вполне прогрессивным деятелем, но доля истины может быть и в словах митрополита Антония. Епископ Антонин в долгу не остался и назвал «Живую церковь» поповским профсоюзом с отрицанием канонов, «отвержением аскетического идеала Церкви, с требованием только жен, наград и денег»¹⁵³.

Осенью 1922 г. появилась еще одна обновленческая секта: Содац — «Союз общин древлеапостольской Церкви» во главе с Введенским и Боярским. В их программе много говорится о христианском социализме, о грехе капитализма, о возврате к первохристианскому, апостольскому «первокоммунизму» — это все в пику поповскому материализму «живоцерковников», но в отличие от Антонина и его «возрожденцев», Содац, как и «живоцерковники», не видел греха во второбрачии священников, в пополнении епископата женатыми священнослужителями. Антониновцы добавляли к этому еще устранение иконостаса и перенос алтаря на середину храма. «Живоцерковники» отвергали крайности богослужебных новшеств только потому, что их мало интересовала эта сторона дела.

Именно тогда вошло в моду устраивать диспуты между православными и обновленческими священниками, и нередко раскольник оказывался красноречивее, но правда, которую отстаивал православный пастырь, побеждала, хотя часто за нее победителю приходилось расплачиваться тюрьмой или ссылкой. Однажды бывшему ректору Петербургской семинарии протоиерею Кондратьеву удалось одержать верх над самим Введенским, обнародовав секретный циркуляр Введенского епархиальным архиереям об обращении в НКВД для принятия административных мер против тихоновцев.

В провинции появлялись еще более диковинные новообразования. Так, в ноябре 1922 г. в Пензе создается «Свободная трудовая церковь», которую возглавил обновленческий архиерей Иоанникий. Сектанты провозгласили своей целью слияние всех религий в одну и союз [религии](#) и науки, заодно уничтожение зла и достижение бессмертия на «научной почве», для чего необходимо «бороться против касты духовенства и против предрассудков», и непременно устранять из храмов иконостасы. Уполномоченный обновленческого ВЦУ Коблов учредил в Саратове «Пуританскую партию революционного духовенства и мирян» как левую фракцию «Живой церкви», открытую даже для тех, кто не признает Господа Иисуса Христа Богом.

В конце осени сформировано было новое ВЦУ, в которое Антонин, Красницкий и Введенский вошли уже как предводители отдельных фракций. Заодно в ВЦУ ввели и «беспартийного» обновленца Евдокима (Мещерского). Успехи обновленцев оказались более весомыми на окраинах страны — в Сибири и на юге, где духовенство за пособничество Белой Армии пропустили через кровавое сито большевистского террора: одних замучали и расстреляли, других, оставшихся на своих приходах, запугали. Священники боялись идти

против обновленческого ВЦУ, зная, что это непослушание им зачтут как восстание против советов, припомнив недавнее прошлое — лояльность Колчаку или правительству Деникина. Украинские обновленцы были умереннее в своих посягательствах на церковное предание и канонический строй церковной жизни, но вместе с самосвятами выступили как сторонники украинской автокефалии.

Особую духовную мудрость и стойкость проявили простые прихожане об их верность Церкви, любовь к Патриарху-исповеднику и надежду на Господа в самых лютых испытаниях разбилась обновленческий натиск. 37 епархиальных архиереев и едва ли не добрая половина всего московского и питерского духовенства впали в раскол, но у них окормлялась лишь малая горстка соблазненных прихожан! Обновленческие храмы даже в воскресные и праздничные дни стояли пустые. Духовенство было на виду, и власть строже, чем с мирян, взыскивала с них за непослушание обновленческому ВЦУ. За отказ служить в оскверненном обновленцами храме легче было отправить в ссылку или в тюрьму, чем за отказ идти в такой храм молиться. Тем бесстрашнее защищали Церковь от нападков обновленцев оставшиеся верными православию архипастыри: митрополит Казанский Кирилл, митрополит Курский Назарий (Кириллов), епископ Томский Виктор, митрополит Новгородский Арсений, архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский). В ответ на переход многих архипастыррей к обновленцам, на аресты и изгнания архиереев тайно совершались многочисленные архиерейские и пресвитерские хиротонии. В 1922 г. совершено было 24 рукоположения во епископа, среди хиротонисанных — Амфилохий (Скворцов), Григорий (Лисовский), Николай (Ярушевич), Сергей (Зверев). Там, где епархиальные архиереи уходили к обновленцам, борьбу за православную Церковь возглавляли викарные владыки. Другой формой борьбы стала временная, до выяснения судьбы Святейшего Патриарха и его возвращения к кормилу церковного управления автокефализация.

К ней, например, прибегнул митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек (Паевский), на короткое время примыкавший к обновленчеству, но порвавший с ним, но это вынужденное отделение не имело ничего общего с домогательствами церковных сепаратистов Белоруссии, стремившихся выйти из-под юрисдикции Русской Церкви.

Особая миссия по защите православной Церкви от обновленческого натиска выпала на долю митрополита Ярославского Агафангела, который по воле арестованного первосвятителя стал его Заместителем. Уполномоченный ГПУ Тучков в конце мая тщетно пытался уговорить митрополита Агафангела взять на себя управление Русской Церковью при условии отречения Патриарха Тихона. 18 июня митрополит Агафангел обратился с посланием к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Русской Церкви, сообщая, что своей грамотой от 16 мая 1922 г. Патриарх Тихон поставил его во главе церковного правления до созыва Собора по согласованию с гражданскими властями, для чего следовало ему отбыть в Москву без промедления. «Но вопреки моей воле, по обстоятельствам, от меня не зависящим,— продолжал митрополит Агафангел,— я лишен и доньне возможности отправиться в Москву, на место служения. Между тем меня официально известили, что явились в Москве иные люди и стали у кормила правления Русской Церкви. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными. Они объявили о своем намерении пересмотреть [догматы](#) и нравоучение нашей православной веры, священные каноны Св. Вселенских Соборов, православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками христианского благочестия, и организовать таким образом новую, именуемую ими «живую» Церковь. Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений, преобразований в богослужебной практике и обрядах... Но во всяком случае, всевозможные изменения и церковные реформы могут быть проведены только соборною властью, а посему я почитаю своим долгом по вступлении в

управление делами Церкви созвать Всероссийский Поместный Собор, который правомерно рассмотрит все то, что необходимо и полезно для нашей церковной жизни. Иначе всякие нововведения могут вызвать смятение совести у верующих, пагубный раскол между ними, умножение нечестия и безысходного горя. Начало всего этого мы уже с великою скорбью видим»¹⁵⁴. После издания этого послания митрополит Агафангел был арестован.

* * *

1 февраля 1923 г. обновленческое ВЦУ выносит постановление о созыве Собора, который оно именовало Вторым всероссийским поместным собором православной Церкви. Открылся он в захваченном у православной Церкви храме Христа Спасителя 2 мая и закончился через шесть дней. Заседания проходили в Третьем Доме советов (здание Московской Духовной семинарии, где проходил Собор 1917—1918 гг.), предоставленном властями обновленцам. В лжесоборе участвовало 476 делегатов: 287 выборных от епархий и 139 назначенных ВЦУ. Среди них — 62 архиерея, 56 епархиальных уполномоченных и 70 представителей от центральных комитетов раскольнических группировок, которые разбились на партии: 200 «живоцерковников», 116 депутатов от Содац, 10 «возрожденцев», 3 беспартийных обновленца и 66 человек, которых называли «умеренными тихоновцами», подчинившиеся ВЦУ по малодушию, были также и женщины. Всем делегатам перед открытием раздали анкету с вопросами об отношении к советской власти, к Патриарху Тихону. Разумеется, если бы кто осмелился ответить на эти вопросы не в обновленческом духе, то был бы исключен из числа делегатов как заклятый враг советской власти и, вероятно, подвергся бы аресту. Ни одна православная Церковь не прислала на лжесобор своих представителей, но организаторам удалось заполучить одного иностранного гостя в лице методиста Блейка. Почетным председателем избрали лжемитрополита Московского Антонина, председателем — лжемитрополита Сибирского Петра (Блинова). Характеризуя состав обновленческого ареопага и атмосферу, царившую в этих кругах, епископ Антонин позже писал о том, что «ко времени собора 1923 г. не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который не пролез бы в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков»¹⁵⁵.

Лжесобор от «живоцерковников» приветствовали Красницкий, от Содац — Введенский, и оба говорили во здравие советской власти. В повестке дня заседаний стояли «насущные» проблемы обновленческих программ каждой из группировок, после долгих и бурных дискуссий был принят ряд постановлений о возможном второбрачии священников, об осуждении «фальсификаторов нетленности мощей», о переходе с 12 июня 1923 г. на григорианский календарь, об отлучении эмигрировавших священнослужителей и т. д.

Главной задачей лжесобора, поставленной Тучковым, была полная дискредитация Святейшего Патриарха-исповедника, власть предержавшим было необходимо, чтобы на скамью подсудимых сел не предстоятель Русской Церкви, а мирянин. Еще в начале деловых заседаний Введенский сделал доклад «Об отношении Церкви к социальной революции», в котором нападки на Русскую Церковь перемежались обличениями Патриарха Тихона как вдохновителя «антиправительственных выступлений, ответственного за жертвы кровавых эксцессов». «С Тихоном надо покончить!» — к такому выводу пришел Введенский. Содокладчиком выступил Красницкий, чьи аргументы были приблизительно те же. Но исполнителей воли Тучкова не покидало опасение, что, возможно, немного делегатов проголосует за низложение Патриарха Тихона и извержение его из сана и предложение не пройдет. Надо было подстраховаться. Накануне пленарного голосования Красницкий и Введенский устроили «совещание епископов», на котором строго потребовали от «архиереев» лишить первосвященителя патриаршего сана. Лжеепископы пытались все-таки возражать, тогда Красницкий пригрозил: «Кто сейчас же не

подпишет этой резолюции, не выйдет из этой комнаты никуда, кроме как прямо в тюрьму!» И тогда запуганные «владыки» подписали бумагу следующего содержания: «По бывшем суждении по делу патр. Тихона собор епископов пришел к единогласному решению, что патр. Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности: лишению сана и звания патриарха за то, что он направлял всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни, чем подвел под угрозу само бытие Церкви»¹⁵⁶. 54 подписи удостоверили этот документ, и возглавили список имена лжемитрополитов Московского Антонина, Киевского Тихона, Харьковского Николая, Петра «всея Сибири», лжеархиепископа Рязанского Вениамина. 15 архиереев старого поставления поставили свои подписи под этим неслыханно позорным документом: Александр (Надеждин), Александр (Соколов), Алексей (Баженов), Алексей (Замарев), Антонин (Грановский), Артемий (Ильинский), Вениамин (Муратовский), Виталий (Введенский), Иерофей (Померанцев), Иоанникий (Нефедов), Корнилий (Попов), Леонид (Скобеев), Мелхиседек (Николаев), Пимен (Пегов) и Сергей (Корнеев). Под бумагой нет подписей авторов «Меморандума трех», поскольку митрополит Сергей (Страгородский) находился в заключении, архиепископ Серафим (Мещеряков) на заседание не явился, а Евдоким (Мещерский) опоздал.

Постановление было оглашено на общем пленарном заседании, где и приняли соответствующую резолюцию: «Так как Патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу служил контрреволюции, то собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное, мирское положение. Отныне Патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин. Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определенно политическим, контрреволюционным... поэтому собор отменяет восстановление патриаршества»¹⁵⁷.

4 мая особая комиссия во главе с Петром Блиновым, лжемитрополитом «всея Сибири» была допущена к узнику. Она вручила ему грамоту о лишении его сана, на которой Патриарх Тихон написал: «Прочел. Собор меня не вызывал, его компетенции не знаю и потому законным его решение признать не могу. Патриарх Тихон, Василий Белавин. 25 апреля / 8 мая 1923 года»¹⁵⁸. Это не остановило вождей обновленцев, и они спешат известить посланием Восточных Патриархов, что Патриарх Тихон низложен, и просят «восстановить братское общение с Русской Церковью». За особые заслуги в деле церковного преобразования собор объявил Введенского архиепископом Крутицким, а Красницкому предложил звание архиепископа Петроградского, но тот решил стать протопресвитером Русской Церкви. В заключение прошли выборы ВЦС по принципу пропорционального представительства от фракций: 10 от «Живой церкви», 6 от Содац и двух от «Союза возрождения». Вскоре после лжесобора Красницкий и Антонин вышли из обновленческого ВЦС. Антонин в знак протеста сложил с себя и дарованный ему раскольниками титул «митрополита Московского и всея России», заявив, что идеологически собор на три четверти был неприемлем для возрожденцев: «одни голые сословные домогательства, откровенно поповский материализм всегда был и будет мерзок»¹⁵⁹. Вслед за Антонином из подчинения ВЦС вышли и верные ему «возрожденцы». Ознакомившись с решениями лжесобора, митрополит Антоний (Храповицкий) прислал свой отзыв, в котором подчеркнул неправомочность собора и его решений. Лжеархиереи «одобряют безбожников и иудеев, называющих себя русским правительством,— писал далее митрополит.— Да падут на них все проклятия Божии, изложенные устами Моисея в 22-й главе Второзакония... Что касается до «лишения сана» Патриарха Тихона московским сборищем, то такое лишение имеет не

более силы, чем если бы оно исходило от трех-четырёх баб, собравшихся на базаре»¹⁶⁰.

* * *

С первых дней ареста Святейшего Патриарха не прекращались злобные и провокационные выпады в печати против него. Газета «Рабочий край», обличала Патриарха как сторонника «царского самодержавия, блюстителя интересов помещиков и капиталистов», «Архангельская волна» злобно уверяла, что гражданин Белавин — первый враг, «поволжских крестьян, кто растравлял их раны во время тяжелой болезни»¹⁶¹. В «Правде» журналист Ольдор оттачивал остроумие: «Молитвы Патриарха Тихона не дошли до Господа Бога. Они были перехвачены ГПУ»¹⁶², да и другие газеты пестрят заголовками: «Тихоновщину надо обезвредить», «Тихон Кровавый». В кампанию травли Патриарха включились и обновленцы: Антонин с большой статьей в «Известиях», лжемитрополит Петр (Блинов), Введенский, Красницкий, Львов. Все в один голос уличали духовного отца русского народа в контрреволюционных действиях и требовали безжалостной кары.

6 апреля «Известия» сообщили о том, что 11 апреля 1923 г., в Пасхальную среду, в Москве начнется суд над Патриархом Тихоном. На следующий день объявили о переносе процесса на 24 апреля, пытаясь таким образом психологически давить не только на Патриарха, но и нагнетать обстановку в среде верующих и духовенства.

Судьба заключенного Патриарха встревожила православных за границей. Еще в мае 1922 г. при первом известии об аресте Патриарха Тихона, Вселенская Патриархия издала меморандум в защиту гонимых христиан в Азии и России, в котором в частности говорилось: «Немедленно убиваются служители Церкви за то, что отказываются собственноручно отдавать святыне иконы и святыне чаши осквернителям религии, привлекается к суду и сам наивысший вождь Русской Церкви Блаженнейший Патриарх Тихон»¹⁶³. Через год Синод Константинопольской Церкви под председательством Вселенского Патриарха Мелетия IV вынес специальное постановление об уведомлении представителя Вселенского Патриарха в Москве, что «великая Церковь не только не пошлет на суд своего представителя, но рекомендует и русским иерархам воздержаться от всякого участия в нем, потому что все православие смотрит на Патриарха Московского и всея России как на исповедника»¹⁶⁴. Свой протест неоднократно выражали архиепископ Кентерберийский Фома, глава епископальной Церкви США епископ Чарльз Бренд, кардиналы Энрико Гаспари и Деспре Мерсье, который направил на имя Патриарха Тихона телеграмму: «Примите чувства уважения, восхищения и горячей симпатии. Вместе с вами молим Бога о спасении России»¹⁶⁵. В меморандуме британского правительства от 8 мая, получившем название «ультиматум Керзона», 21-й пункт касался преследования религии в СССР, убийства православных священнослужителей, в том числе митрополита Вениамина, и предстоящего суда над Патриархом Тихоном¹⁶⁶.

Еще в начале 1923 г. узника перевели из Донского монастыря в тюрьму ГПУ на Лубянке, где его регулярно допрашивали Тучков и Я. Агранов. Обращение с ним, по его собственным словам, «не было особенно крутым»: ему предоставили комнату-камеру, и даже готовили постную пищу, потому что другой он не вкушал, но мучительными были полная изоляция от паствы и тревога за Церковь. Патриарх Тихон признал на допросах ошибкой данное им благословение на созыв Собора в Сремских Карловцах, признал «свою вину перед советской властью в том, что в 18-м по осень 19-го года издал ряд постановлений контрреволюционного характера», согласился с тем, что его послание от 19 января 1918 г. — ответ на издание декрета об отделении Церкви от государства «заключало в себе анафематствование советской власти и призывало верующих сплотиться... для отпора всяким покушениям на Церковь и политике советской власти в отношении Церкви»¹⁶⁷. Агранов настойчиво вел переговоры и уверял

Святейшего Патриарха, что можно улучшить отношение властей к Церкви, если Патриарх пойдет на определенные уступки. После тридцати восьми дней тюремного заключения Патриарх снова был переведен в Донской монастырь под домашний арест. 16 марта 1923 г. Агранов предъявил Патриарху Тихону постановление, в котором глава Российской Церкви обвинялся по четырем статьям Уголовного кодекса: призывы к свержению советской власти и возбуждение масс к сопротивлению законным постановлениям правительства. Патриарх признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях. 16 июня он обратился в Верховный суд с заявлением: «Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих поступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархически-белогвардейской контрреволюции»¹⁶⁸. 25 июня Патриарх Тихон был освобожден из заключения.

Заявление Патриарха Тихона в Верховный суд и его освобождение из-под стражи вызвало не столько в России, сколько среди эмигрантов, недоумение, смутило и озадачило одних, обескуражило и даже раздосадовало других. Много было толков о том, отчего власти пошли на компромисс и не осуществили свой замысел казнить Патриарха. Говорили о положительном влиянии общественного мнения Запада, о ноте Керзона, о, разумеется, совершенно несбыточной войне европейских держав с Советами в отместку за Патриарха. В действительности ответ однозначен и прост: боязнь непредсказуемых последствий внутри страны: как бы боль и гнев православных людей, а они и в 1923 г. составляли решительное большинство населения России, не вылились во что-нибудь более грозное и опасное, чем протесты мировой общественности и зарубежных правительств.

Не меньше волновал людей и вопрос о том, почему на компромисс пошел сам Патриарх. В. Н. Львов решил, что Патриарх Тихон собирается, наконец, поддержать обновленцев, объясняя это тем, что «Тихон — сын псаломщика, а известно, что дети псаломщиков всегда были в рядах радикальной общественности»¹⁶⁹. Сам Святейший Патриарх в беседе с англиканским епископом Бюри, объясняя свои действия, напомнил слова апостола Павла: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас* (Флп. 1. 23—24). И добавил, что с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба Православной Церкви лежит на его ответственности¹⁷⁰.

* * *

Когда Тучков снял стражу в покоях Патриарха в Донском монастыре и объявил узнику, что отныне ему дозволяется выходить и выезжать куда угодно и принимать кого угодно, Святейший Патриарх в тот же день на извозчике отправился на Лазаревское кладбище, где при стечении несметной толпы православных погребали дорогого сердцам верующих москвичей отца [Алексия Мечева](#). При появлении Патриарха, в белом клобуке и в своем обычном одеянии, толпу охватило ликование. Плача от радости, православные христиане подходили под благословение к Святейшему, а потом выпрягли лошадь из экипажа и повезли его. На всем протяжении этой

процессии экипаж забрасывали цветами, и Патриарх воочию смог убедиться в том, что паства не покинула его, не ушла от него к обновленцам. Во время его первой службы после заточения не только собор Донского монастыря, но и вся паперть и площадь перед собором были запружены народом. По окончании литургии Патриарх Тихон вышел для служения молебна в монастырский двор и молился вместе с паствой, а затем многие часы благословлял молящихся. Вот как описывает Патриарха современник этих событий: «Спокойный, умный, ласковый, широко сострадательный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей. Патриарх лишен, может быть, пышности, но он действительно дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым...»¹⁷¹

В Донской монастырь, в эту обитель, освященную терпением и страданиями великого исповедника, направился поток людей. По воспоминаниям одного из свидетелей, «густая молчаливая толпа ожидала приема. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение Патриарха... Женщина припала к скамье и закрыла лицо руками. Тяжелые рыдания судорожно вздергивали ее плечи. Несомненно, она пришла сюда искать облегчения в каком-то большом несчастье. И невольно пришли в голову тысячи и тысячи расстрелянных... Горожане и крестьяне, люди, главным образом из народа, долгие часы, порою дни, ждут, чтобы открылась маленькая дверь, и мальчик-певчий ввел их к Патриарху Тихону»¹⁷².

15/28 июня Патриарх обратился к Церкви с посланием, в котором объяснял свою новую позицию по отношению к советской власти: «Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника советской власти, как объявляют себя церковные обновленцы... но зато я и далеко не такой враг ее, каким они меня выставляют... Со временем многое у нас стало изменяться и выявляться, и теперь, например, приходится просить советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Холмщине и Гродненщине, где поляки закрывают православные церкви... Я решительно осуждаю всякое посягательство на советскую власть, откуда бы оно ни исходило. Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, что я советской власти не враг»¹⁷³. Через три дня Патриарх издал еще одно послание, в котором говорится, что тяжелое время переживает Церковь, «появилось много разных групп с идеями «обновления церковного»... Обновленцы эти, бессознательно или сознательно, толкают православную Церковь к сектантству, вводят совершенно ненужные реформы, отступая от канонов православной Церкви. Никакие реформы из принятых бывшим собором мы одобрить не можем, за исключением нового календарного стиля... и новой орфографии в церковных книгах, что и мы благословляем... Осознав свою провинность перед народом и советской властью, Я желал бы, чтобы так поступили и те, которые, забыв свой долг пастыря, вступили в совместные действия с врагами трудового народа — монархистами и белогвардейцами, и, желая свергнуть советскую власть, не чуждались даже входить в ряды белых армий... Мы осуждаем теперь такие действия и заявляем, что «Российская Православная Церковь аполитична и не желает отныне быть ни «белой», ни «красной» Церковью. Она должна быть и будет единою соборною апостольскою Церковью, и всякие попытки, с чьей бы стороны они ни исходили, ввергнуть Церковь в политическую борьбу, должны быть отвергнуты и осуждены»¹⁷⁴.

Через полмесяца Патриарх Тихон, с амвона в Донском монастыре прочел еще одно послание, которое во многом давало ответ, почему он пошел на компромисс с властью, прежде всего, ради того, чтобы преодолеть раскол в Церкви. Он осудил раскольников, которые

«отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правящей Церковью в наше отсутствие, недействительны и ничтожны. А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе... Выйдя из сети заключения и ознакомившись подробно с положением церковных дел, мы снова восприемлем наши святительские полномочия, временно переданные заместителю нашему митрополиту Агафангелу, но им по независящим обстоятельствам не использованные, и приступаем к исполнению своих пастырских обязанностей»¹⁷⁵. Эти послания твердо очерчивали тот курс, которым отныне будет следовать Церковь, управляемая Святейшим Патриархом: верность учению и заветам Христа, борьба с обновленческим расколом, признание советской власти и отказ от всякой политической деятельности. Послания Патриарха послужили толчком к массовому возвращению в Церковь священнослужителей из обновленческого раскола. Храмы, захваченные раскольниками, после покаяния настоятелей, окроплялись святой водой и заново освящались.

27 августа митрополит Сергей (Страгородский), выдающийся иерарх и глубокий богослов, один из столпов Русской Церкви, должен был ради церковного блага принести свое покаяние перед Патриархом всенародно. Без мантии и клобука, без архиерейской панагии и наперсного креста, стоял он на амвоне перед восседавшим на кафедре Патриархом и глухим, дрожащим голосом произносил покаянные слова. Совершив земной поклон, он сошел с солеи, приблизился к кафедре, сделал еще один поклон, и тогда Святейший Патриарх вручил ему мантию и святую панагию с крестом, белый клобук и посох. Взаимным лобзанием со слезами на глазах Патриарх приветствовал вновь обретенного собрата, а затем они отслужили Божественную литургию. После воссоединения с Церковью митрополит Сергей был назначен на Нижегородскую кафедру, которую прежде занимал нераскаявшийся отступник Евдоким (Мещерский). Других кающихся в отпадении архиереев Святейший Патриарх принимал и прощал келейно.

В начале августа в Москве состоялось совещание лжеепископов и уполномоченных ВЦС, встревоженных уходом бывших приверженцев в православную Церковь или в новые секты, на котором они упразднили ВЦС и образовали новое учреждение — «синод». В этот «синод», чтобы он выглядел более каноничным в глазах колеблющихся, ввели двенадцать архиереев старого поставления. Председателем избрали Евдокима, именуемого митрополитом, но подлинным предводителем раскольников стал Введенский, успевший уже обзавестись архиерейским саном. Лжесинод объявляет о роспуске «Живой церкви», «Церковного возрождения» и Содаца. В обновленческом синоде не сложилось единого мнения о политике по отношению к православной Церкви, Красницкий, Львов и сам Евдоким выступали за примирение с «тихоновцами». В конце августа евдокимовский синод обнародовал свою точку зрения в послании, где говорится, что на Патриарха Тихона общественное мнение и религиозная совесть верующих возложили две вины: одну — в непризнании им нового государственного строя и советской власти, в чем он открыто покаялся; вторую — в приведении в полное расстройство всех церковных дел. «Вторая вина еще по-прежнему лежит на бывшем Патриархе»¹⁷⁶. Несмотря на оскорбительный тон этого послания, ради спасения заблудших и водворения согласия, Святейший Патриарх был готов к переговорам с обновленцами об условиях их возвращения в Церковь.

В это время в Москву из ссылки возвратился епископ Иларион (Троицкий), в прошлом один из кандидатов на патриарший престол, пламенный борец с обновленчеством, вдохновитель временной автокефализации епархий. Ревностный и блестящий проповедник, человек

удивительного обаяния, общительный и остроумный, епископ Иларион снискал глубокое уважение у московского духовенства и паствы. Он становится ближайшим помощником Патриарха и встречается с московскими священниками, с архиереями, монахами и рядовыми мирянами, разрабатывает чин покаяния для впавших в обновленческий раскол и сам принимает покаяние у возвращавшихся в Церковь священнослужителей, заново освящая оскверненные храмы. По поручению Патриарха епископ Иларион взял на себя самое трудное — переговоры с Тучковым и добился отмены регистрации приходов и снижения налогов с храмов и духовенства. Для управления Русской Церковью Патриарх Тихон создает временный Священный Синод, который, в отличие от прежнего, прекратившего свое существование после ареста Святейшего Патриарха, получил полномочия уже не от Собора, а лично от Патриарха. В него вошли: архиепископы Тверской Серафим (Александров), Уральский Тихон (Оболенский) и епископ Верейский Иларион (Троицкий). Именно члены Синода и начали переговоры с евдокимовцами об условиях восстановления церковного единства. Евдоким предлагал для воссоединения Церкви открыть общий Собор под председательством Патриарха Тихона, где Патриарх вначале сам откажется от главенства в Русской Церкви, а затем Собор отменит постановления обновленцев о лишении его сана и уволит на покой в сущем сане.

Решительным противником таких переговоров был пребывавший на покое в Даниловом монастыре епископ Феодор (Поздеевский), до 1917 г. ректор Московской Академии. Строгий монах, знаток канонов, он с неприязнью относился к «духу века сего». С самого начала смуты епископ Феодор отстранился от административных попечений, затворился в монастыре, но сохранил весьма сильное влияние на духовенство. Епископ Феодор был вдохновителем бескомпромиссной линии церковной политики, опорой для непримиримых архиереев и священников. В Даниловской обители жил и епископ Пахомий (Кедров), частыми гостями бывали близкие преосвященному Феодору по настроению митрополит Серафим (Чичагов), архиепископы Гурий (Степанов) и Серафим (Самойлович), да и многие другие архиереи, приезжавшие в Москву. Патриарх Тихон в шутку называл Данилов монастырь «конспиративным Синодом». Вскоре после освобождения Патриарха владыка Феодор прибыл к нему в Донской монастырь с советом прекратить переговоры с обновленцами и не идти на большие уступки властям. В беседе Патриарх Тихон произвел на него впечатление человека мягкого и сговорчивого, ему, строгому, замкнутому монаху, не понравилась сама манера поведения Патриарха — его добродушие, открытость, склонность к шуткам и веселости. «Все хи-хи, ха-ха и гладит кота, — так характеризовал владыка Феодор Патриарха, а в своем кругу, «в конспиративном синоде», угрюмо пророчил, что «Иларион погубит Патриарха и Церковь; если Патриарх уйдет, то власть уже не даст выбрать нового патриарха. Русская Церковь тогда развалится».

В конце сентября в Донском монастыре на совещании 27 православных архиереев архиепископ Серафим доложил собратьям о ходе переговоров, направленных на урегулирование отношений с обновленцами в рамках церковных канонов. К этому времени среди православных иерархов четко определились сторонники и противники проходивших переговоров, и поэтому обсуждение было бурным. С самого начала заспорили, можно ли называть Евдокима «высокопреосвященным митрополитом», как назвал его в своем выступлении архиепископ Серафим. Епископ Иларион дипломатично пытался примирить несогласных, объясняя, что будущий Собор вынесет определение и по этому вопросу. «Все наше разделение, — закончил он, — основано на недовольстве некоторых иерархов и православных мирян личностью Патриарха Тихона»¹⁷⁷. Против компромиссных предложений решительно высказался епископ Амвросий, потребовавший прекратить всякие переговоры с раскольниками. Его поддержали митрополит Казанский Кирилл, архиепископ Крутицкий Петр (Полянский), архиепископ Екатеринбургский

Григорий. Закрытым голосованием проект соглашения с евдокимовским синодом был отвергнут.

Неоднократно напоминая Патриарху о том, что он в одном из своих посланий одобрил введение григорианского календаря, Тучков в сентябре 1923 г. требовал ввести и в Церкви новый календарь. В России григорианский календарь был введен декретом советской власти, и потому воспринимался в народе как «советский» календарь. Великие праздники оставались еще выходными днями, но обновленцы справляли их по григорианскому, а православные по юлианскому календарю. «Получалась путаница, и лишние невыходы на рабочее место, простой»,— сетовал Тучков, выставляя на первый план хозяйственные и административные соображения. А тут еще его требования получили подкрепление в решениях Константинопольского всеправославного совещания, состоявшегося в мае-июле 1923 г. Патриарший Синод решил последовать примеру Константинопольской Церкви, причем сделать это предполагалось как можно скорее, со 2 октября, чтобы не сокращать Рождественский пост. По поручению Патриарха епископ Иларион составил текст патриаршего послания, разъясняющего действие Синода, которое должно было успокоить верующих. Но Тучков не разрешил печатать это послание для рассылки по епархиям, в газетах же только сообщили о том, что «тихоновская Церковь вводит новый календарь». В московских церквях уже в октябре богослужение совершалось по григорианскому календарю, в провинции же все оставалось по-старому, поскольку там еще не получили послания Патриарха.

Но время шло, и подходящий момент был упущен. Теперь если ввести новый календарь, то из богослужебного года исчезнут 13 дней и Рождественский пост будет нарушен. Тогда Патриарх Тихон, к великой радости большинства православных, вынужден был отказаться от введения нового, григорианского календаря в текущем году. 8 ноября Московский епархиальный совет распорядился о возвращении московских церквей к календарю юлианскому. Раздосадованный неудачей, Тучков велел срочно напечатать патриаршее послание о введении нового календаря и вывесить его в разных местах Москвы, но было поздно. Таким образом, вопрос о перемене календаря для Русской Православной Церкви окончательно отпал.

В ноябре 1923 г. Тучков впервые после освобождения из-под ареста вызвал к себе Патриарха Тихона и настойчиво требовал примириться с евдокимовским синодом, в противном случае грозил Патриарху новым арестом. Патриарх отвечал решительным отказом, а близким своим объяснял, что теперь, когда он спокоен за судьбу Церкви, он с радостью пойдет и в тюрьму. Сразу после посещения Тучкова Патриарх сделал письменное распоряжение о Местоблюстителе патриаршего престола, назначив им митрополита Ярославского Агафангела, а в случае, если он не сможет взять на себя это поручение,— митрополита Казанского Кирилла. Через несколько дней ГПУ арестовало ближайшего и бесценного помощника Патриарха епископа Илариона. За неделю до Рождества Христова святителя привезли в Кемский лагерь, и он, человек удивительной жизненной энергии, полный духовных и физических сил, сказал своим союзникам: «Отсюда живыми мы не выйдем».

К лету 1923 г. в Петрограде торжествовали обновленцы: после ареста в феврале епископа Николая (Ярушевича) и ссылки его в Коми-Зырянский край в городе не осталось ни одного православного архиерея. 113 храмов из 123-х были захвачены обновленцами. Самым большим из православных храмов оставался Спасо-Преображенский собор на Литейном, где настоятелем служил отец Сергей Тихомиров. Каким-то чудом ему удалось отбить бешенные атаки раскольников. Оскверненные храмы стояли пустыми, а православным негде было причащаться и крестить младенцев.

Еще в феврале православные питерцы выбирают для хиротонии во епископа иеромонаха Мануила (Лемешевского), в июле депутация из Питера просит Патриарха о его рукоположении

и назначении в Петроград. В первые дни сентября Патриарх вызывает отца Мануила к себе, беседует с ним, и 21 сентября в Даниловом монастыре архиепископ Феодор возводит иеромонаха Мануила в сан архимандрита. 23 сентября состоялась его хиротония во епископа Лужского. В начале октября Патриарх Тихон издал указ о назначении епископа Волоколамского [Феодора \(Поздеевского\)](#) управляющим Петроградской епархией с возведением его в сан архиепископа. Но владыка Феодор отказался от назначения, и епископу Мануилу одному предстояло окормлять расстроенную петроградскую Церковь. В Петроград он приезжает 29 сентября. В маленькой церквушке святых бессребреников Косьмы и Дамиана, клир которой остался верен православию, владыка Мануил зачитал обращение Патриарха к петроградской пастве, исполненное отеческой любви и тревоги за своих чад. В сердцах смятенных людей воспрянула надежда, а священники-обновленцы каялись в отступничестве и один за другим возвращались под власть православного архипастыря. Первыми в октябре покаялись монахи Александро-Невской лавры. Принимал покаяние братии епископ Мануил при огромном стечении народа. Вскоре в лавру вернулись и те монахи, которые после отпадения обители в раскол ушли из нее, сохраняя верность Церкви. Каждое служение владыки Мануила собирало множество прихожан, люди стояли на папертях, на улице, за оградой, и несмотря на то, что вечерние службы продолжались по 3—4 часа, народ не расходился.

В декабре 1923 г. из 113 обновленческих храмов 85 перешли к Патриарху. Епископ Мануил становится управляющим Петроградской епархией, а в декабре у него появился помощник, досрочно освобожденный из тюрьмы епископ Венедикт (Плотников), приговоренный к расстрелу вместе со святителем Вениамином, но помилованный. 4 декабря 1923 г. приносит покаяние епископ Артемий (Ильинский), именованный в расколе «митрополитом Петроградским», но его вскоре арестовали.

Деятельность епископа Мануила встревожила власти, в газетах появляются статьи с бранью и клеветой в его адрес. В конце января 1924 г. владыку Мануила вызывает в Москву Тучков. Их беседа закончилась угрозами: «С такими архиереями, как вы, не разговаривают: таких архиереев к стенке ставят!» В тот же день епископ Мануил вернулся в Петроград. Вслед за ним выезжает из Москвы Тучков, и по его указанию 3 февраля, в праздник иконы Божией Матери «Отрада и утешение», епископ Мануил был арестован.

Советская власть продолжала поощрять раскольников: у православных отнимают Спасо-Преображенский собор и церковь святых Косьмы и Дамиана, но священники покидали храмы вместе с верующими и переходили в другие приходы, а обновленцам достаются только церковные стены и храмовая утварь.

Несмотря на заявления и послания Патриарха с выражением лояльности советскому правительству сохранялся запрет на поминовение имени Патриарха за богослужением. Оно приравнивалось к публичному изъявлению хвалы заведомым врагам советской власти. Прокурорское разъяснение предупреждало, что «служители культа, которые будут продолжать такое поминовение... как лица социально опасные на основании декрета ВЦИК от 10 августа 1922 г. будут представляться в особую комиссию при НКВД для высылки в административном порядке с заключением на три года в лагерь принудительных работ»¹⁷⁸. Из-за сложившихся обстоятельств поминовение совершалось по-разному: одни священники решались называть Патриарха Тихона полным именем и титулом, навлекая на себя опасность ареста и ссылки, другие поминали Святейшего Патриарха Московского и всея России без имени, а третьи и вовсе только местного архиерея.

По всей стране православные храмы закрывались и перестраивались в кинематографы, клубы и увеселительные заведения. Глумление над [православием](#) принимало все более причудливые формы. Например, вошли в моду и распространились так называемые

комсомольские «пасхи» и «рождества». Это были массовые шествия молодых людей в одеяниях священнослужителей с богохульными лозунгами и плакатами, с кощунственными изображениями и огромными гротескными куклами.

Для борьбы с христианской верой и «научного» перевоспитания людей в 1923 г. началось издание нового журнала «Безбожник», который напутствовал Бухарин: «В бой против богов! Единым пролетарским фронтом против этих шкурников!»¹⁷⁹. Каждая статья в «Безбожнике» соответствовала установке, данной коминтерновским вождем, авторы журнала, будь то теоретики или практики, с пафосом доказывали животность, или, как предпочитали говорить тогда, «звериность» человека. Ни один номер не обходился без стихов-аgitок, весьма лихих и косноязычных, но главным подспорьем партии большевиков в борьбе с Церковью на долгие годы стала, к сожалению, не печатная пропаганда, а аресты, ссылки, обыски, тюрьмы и расстрелы.

В 1923 г. были арестованы архиепископы Верейский Иларион (Троицкий) и Тамбовский Зиновий (Дроздов), епископы Амвросий (Полянский), Амфилохий (Скворцов), Анатолий (Грисюк), Вассиан (Пятницкий), Гавриил (Абалымов), Евсевий (Рождественский), Филипп (Гумилевский), Лука (Войно-Ясенецкий) и вернувшиеся из обновленчества Артемий (Ильинский), Киприан (Комаровский), Софроний (Старков), а вместе с ними тысячи священников, диаконов, церковнослужителей и благочестивых мирян. Главным местом ссылки и заключения становится концлагерь на Соловецких островах. В декабре 1923 г. там содержалось более двух тысяч заключенных, и среди них епископы, священники и верующие миряне. Самым страшным местом на Соловках стала штрафная командировка в Голгофско-Распятском ските на Анзере. Там поголовно умирали от голода, холода, избиений и каторжного труда.

За 200 лет до создания концлагеря, 18 июня 1718 г., соловецкому иеромонаху Иову на Голгофско-Распятской горе явилась Божия Матерь и сказала: «Сия гора отныне будет называться Голгофою, и на ней устроится церковь и Распятский скит, и убелится она страданиями неисчислимыми».

После ареста епископа Илариона ближайшим помощником Патриарха становится архиепископ Крутицкий Петр (Полянский). 15 января 1924 г. Патриарх Тихон и Патриарший Синод в составе архиепископов Крутицкого Петра, Уральского Тихона (Оболенского) и Тверского Серафима (Александрова) издают постановление о непризнании каноничности обновленческой иерархии. Тогда же появился указ Патриарха о поминовении советских властей за богослужением, в ответ было обещано терпимо относиться к «нелегальным», как их называл Тучков, тихоновским высшему и епархиальным церковным управлениям. Этот указ, принятый под давлением все той же власти, должен был продемонстрировать лояльность Церкви по отношению к большевикам. Тучков рассчитывал, что это вызовет новый раскол среди верующих. К тому же отказ священнослужителей исполнять этот указ будет хорошим основанием для принятия репрессивных мер против них. Тучков настойчиво требовал, чтобы в молитвенном поминовении обязательно присутствовали слова «советское правительство», но в этом ему было отказано и разъяснено, что такое словосочетание невозможно на церковнославянском языке. «О стране Российской и властех ея» стали молиться в храмах; такое поминовение, несмотря на безбожие высшей власти, не противоречило заповедям Христовым и заветам древней Церкви, гонимой императорами-язычниками и молившейся за них. И все же многим священникам указ Патриарха пришелся не по душе. Иные диаконы и иереи слово «властех» старались произнести невнятно, так что получалось скорее «о стране Российской и областех ея», верующие же в первую очередь, принимали это, как моление о смягчении сердец властителей, об их вразумлении и прекращении преследований Церкви Христовой.

21 марта 1924 г. Президиум ВЦИК принимает постановление о прекращении дела Патриарха Тихона и его сподвижников. 12 апреля 1924 г. Святейший Патриарх обратился к Калинину (после предварительной встречи и беседы) с официальным письмом, в котором ходатайствовал о легализации Священного Синода и епархиальных управлений на местах. Патриарх напоминал и о том, что архиереи, дела которых были прекращены по тому же постановлению, что и его, «не только не освобождены, но, как передают, высылаются в административном порядке в Бухару. Ходатайствую и об этих лицах,— заканчивал свое письмо Патриарх,— ибо, отбывая предварительное заключение, и не малое время, они не могли совершить каких-либо новых заслуживающих кар преступлений»¹⁸⁰. Положительного ответа на ходатайство Патриарха не последовало.

Продолжение церковного раскола и не прекращавшиеся нападки на православную Церковь со стороны обновленцев побуждали Патриарха противодействовать церковным преступникам. 15 апреля 1924 г. он запретил обновленческих архиереев Евдокима и Антонина в священнослужении. Испугавшись, что положение их пошатнулось, некоторые обновленческие деятели пытались найти примирение с Патриархом в расчете на то, что им удастся склонить его на компромисс и принять их без покаяния, что даст им возможность влиять на принятие решений в Патриархии. Эти расчеты естественно, нашли поддержку и со стороны Тучкова. С теми же намерениями еще в марте 1924 г. из Петрограда в Москву приезжал живоцерковник Красницкий, оказавшийся не у дел в обновленческом синоде. В течение шести недель он вел переговоры с Патриархом Тихоном и его ближайшими помощниками, которые закончились заявлением, поданным им на имя Патриарха 19 мая: «Прошу Ваше Святейшество принять меня и моих братьев, которые пожелают последовать моему примеру, в молитвенно-каноническое общение и благословить потрудиться на восстановление церковного мира и по подготовке очередного Поместного Собора в организуемом при Вашем Святейшестве церковном управлении, покрыв своей архипастырской любовью все, чем я прегрешил в период церковно-обновленческого движения»¹⁸¹. В тот же день заявление было подписано.

21 мая Святейший Патриарх Тихон и Синод выносят постановление об образовании нового, расширенного Синода и ВЦС, в который, наряду со священнослужителями и мирянами, оставшимися верными Патриарху, вводятся и готовые принести покаяние деятели «Живой церкви» во главе с Красницким. Достигнута была и договоренность о созыве общего Собора. 29 мая появляется специальное воззвание о подготовке второго Поместного Собора и об организации епархиальных советов с участием раскаявшихся «живцов»-обновленцев.

Во время переговоров Красницкий вел себя напористо и нагло: самовольно, без разрешения Святейшего остановился в покоях патриаршей резиденции в Донском монастыре, требовал сохранить звание «протопресвитера» и предоставить должность заместителя председателя ВЦС — такого же высокого положения в преданной им православной Церкви, какое он потерял в обновленческой группировке. Поведение Красницкого вызывало возмущение у сотрудников Патриарха. Весть о примирении Святейшего с предводителем «живцов» и одним из убийц священномученика Вениамина смутила православный народ, вызвала ропот и недовольство. Епископ Венедикт, управляющий Петроградской епархией, заявил, что он категорически отказывается принять в общение Красницкого. Митрополит Казанский Кирилл, вернувшийся в Москву из ссылки в Зырянский край, не имея на то разрешения от Тучкова, отправился к Патриарху и выразил свое недоумение и горечь по поводу происходящего. «Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, и мне обещают освободить их, если я приму Красницкого»,— объяснял ему свои действия Патриарх. «О нас, архиереях, не думайте, мы теперь только и годны на тюрьмы»,— ответил митрополит и стал еще настойчивее просить не вводить в церковное управление враждебного патриаршей Церкви деятеля. От Тучкова

митрополит Кирилл получил выговор за самовольное свидание с Патриархом и за отказ принять в общение Красницкого. Митрополит шутливо отметил: «Год тому назад на этом самом месте вы меня обвиняли в чрезмерном повиновении Патриарху, а теперь требуете обратного». Непреклонный, бесстрашный святитель вскоре снова был отправлен в ссылку¹⁸².

После встречи с митрополитом Кириллом позиция патриаршего Синода на переговорах с Красницким стала более жесткой: ему отказали в должности заместителя председателя ВЦС и поставили главным условием воссоединения и созыва Собора публичное покаяние и переосвящение обновленческих храмов. Для Красницкого это требование оказалось неприемлемым и переговоры тут же прекратились. В интервью корреспонденту «Известий» Патриарх объяснил прекращение переговоров об образовании ВЦС отсутствием помещения для работы, а несколько ранее (18 июня) он распорядился прекратить деятельность Синода расширенного состава ввиду отсутствия гражданской регистрации этого органа. Управление Церковью таким образом по-прежнему осталось в руках Святейшего Патриарха и его ближайших помощников, возведенных незадолго до этого в сан митрополитов Петра, Тихона и Серафима, а несостоявшийся председатель ВЦС Красницкий вернулся в Петроград и вместе с лжеепископом Иоанном (Альбинским) водворился в Князь-Владимирском соборе.

Между тем в 1924 г. с Православной Церковью воссоединились епископы: Филипп (Ставицкий), Севастиан (Вести), Алексей (Орлов), Димитрий (Галицкий), Софроний (Арефьев), Серафим (Силичев), Никон (Пурлевский) и так называемые «архиереи обновленческого поставления» Антоний (Панкеев), Иоанникий (Кунгурский), Петр (Савельев), принятые в том сане, какой имели до отпадения в раскол. 11 сентября в храме Иоанна Предтечи в Москве при патриаршем служении приносил всенародное покаяние один из столпов обновленчества «митрополит всея Белоруссии», а в православной Церкви — бывший Костромской архиепископ Серафим (Мещеряков). Вскоре в сане архиепископа он ушел на покой, был арестован и отправлен на Соловки.

Проиграв переговоры, обновленцы, дотоле никем не признанные, готовились нанести Церкви неожиданный удар с другой стороны. Евдокимовский синод разослал послания Восточным Патриархам и предстоятелям всех автокефальных Церквей с просьбой о восстановлении якобы прерванного общения с Церковью Российской.

6 июня 1924 г. Святейший Патриарх Тихон получил письмо от представителя Вселенского Патриарха в Москве архимандрита Василия (Димопуло) с выписками из протоколов заседаний Священного Синода Константинопольской Церкви. Из документов видно, что Патриарх Григорий VII, «изучив точно течение русской церковности и происходящие разногласия и разделения, для умиротворения дела и прекращения настоящей аномалии» решил послать в Москву «особую миссию, уполномоченную... действовать на месте на основании и в пределах, определенных инструкцией, согласных с духом и преданием Церкви». В инструкции для членов комиссии Константинопольский Патриарх выразил пожелание, чтобы Патриарх Тихон «ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от управления Церковью, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах, в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения».

Послание Патриарха Григория VII смутило и опечалило святителя Тихона. В ответном послании он отклонил неуместные советы своего собрата: «Всякая попытка какой-либо комиссии,— пишет он,— без сношения со мной, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без моего ведома незаконна, не будет принята русским православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь

и без того многострадальной Русской Православной Церкви. Последнее будет только в угоду нашим схизматикам-обновленцам, вожди которых... запрещены мною в священнослужении... и объявлены находящимися вне общения с Православной Церковью... Народ не со схизматиками, а со своим законным православным Патриархом. Ваш предшественник, блаженной памяти Патриарх Герман V, как и другие Восточные Патриархи, особыми грамотами приветствовали как восстановление у нас на Руси Патриаршества, так и лично меня...»¹⁸³

После обмена посланиями Патриарх Григорий VII прервал общение с Патриархом Тихоном и впредь сносился с евдокимовским синодом как с якобы законным органом управления Российской Церковью. Его примеру последовали, не без колебаний и давления со стороны, и другие Восточные Патриархи. Поддержка обновленческого раскола Восточными Патриархатами была серьезной бедой для Русской Церкви и таила в себе опасность и для вселенского Православия. На 1925 г. был назначен созыв Вселенского Собора в Иерусалиме, который, если бы Господь попустил, мог бы превратиться в лжесобор, подчинившись воле русских обновленцев и обновленчески настроенных епископов Востока.

В июне на «великое предсоборное совещание», проводимое обновленцами, съехалось 400 делегатов, среди них 83 лжеепископа, из которых 40 некогда были православными архиереями, а также представители Константинопольского и Александрийского Патриархов. 23 июля на открытии совещания в храме Христа Спасителя почетным председателем избрали Патриарха Константинопольского Григория VII, а председателем — лжемитрополита Евдокима, зачитывались приветствия от древних Восточных Церквей, от Грузинской и Сербской. Как и на прежних раскольнических сборищах, Святейший Патриарх Тихон обвинялся в церковных нестроениях: «Отныне бывший Патриарх Тихон — глава секты», — такое заключение сделано было на основании признания обновленческого синода Восточными Патриархами. «Мы боимся, что под новыми, покрасневшими одеждами Тихона осталась все та же контрреволюционная сущность», — сказано в резолюции совещания. Евдокимовский синод «в силу его связи с Всероссийским ВЦУ, избранным на Соборе 1923 г., и ввиду признания его Вселенскими Патриархами» считается «единственным канонически законным высшим органом управления Российской Православной Церковью» — еще один тезис из принятой на совещании резолюции¹⁸⁴.

24 августа председатель лжесинода Евдоким, именовавший себя «митрополитом Одесским и Херсонским», уезжает на Кавказ лечиться. Его замещает так называемый «митрополит Ленинградский» Вениамин, который впоследствии и станет его официальным преемником. Вениамин (Муратовский) был человеком преклонных лет, архиереем старого поставления. Он во всем слушался Введенского, поэтому реально вся власть в секте раскольников перешла к Введенскому, которого возвели в сан «митрополита». Специально для него изобретается (точнее, он делает это сам) новое звание «благовестника-апологета». По его наставлению обновленческая печать уличает Патриарха Тихона в скрытых контрреволюционных взглядах, в неискренности и лицемерии его покаяния перед советской властью. Делалось это с таким размахом, что нетрудно обнаружить за всем этим страх, как бы Тучков не прекратил поддержку обновленчества, не оправдавшего его надежд. В нападках на Патриарха все границы переступил лжеепископ Уманский Иосиф, утверждавший в открытом письме Патриарху, что каждая буква его посланий сочтена кровью. «Какое великое горе для Церкви, имеющей такого кровавого пастыря!»¹⁸⁵. Православные умели противостоять обновленцам, изгоняя лжесвященников из захваченных ими с помощью ГПУ храмов. Те же храмы, которые из-за поддержки властей сохранялись в руках раскольников, не посещались народом, и обновленческие «священники» сами оставляли маломощные приходы, которые не могли прокормить их. В разрешенных властями обновленческих журналах и газетах нежелание народа содержать лжепастырей

называли несправедливыми «гонениями», а незадачливых сотоварищей именовали «мучениками». И уже совсем «великим страдальцем» оказался сам Введенский: 20 июля его уже во второй раз побили камнями.

* * *

Обновленческий раскол увлек на Украине больше православных, чем в центре страны, в основном из-за того, что его приверженцы не были такими ниспровергателями церковных канонов, как их «собратья» в Москве и особенно в Петрограде. Усилившиеся после революции и смуты сепаратистские настроения служили здесь питательной почвой для раскола. Многим казалось, что все беды идут от «москалей», и поэтому чем дальше от Москвы, тем лучше. В специальном послании от 6 апреля 1924 г. Патриарх Тихон осудил учредителей самочинной, незаконной автокефалии и объявил, что он принимает на себя управление Украинской Церковью.

С 11 по 15 ноября 1924 г. в Харькове заседало Всеукраинское предсоборное совещание. На нем собрались все епархиальные и викарные епископы-обновленцы и от каждой епархии по одному клирику и мирянину. Всего набралось 78 делегатов. Из Москвы евдокимовский синод прислал своего представителя лжемитрополита Серафима. Председательствовал лжемитрополит Пимен и главными вопросами совещания были автокефалия и украинизация богослужения. Об автокефалии доклад сделал лжеархиепископ Полтавский Иосиф (Кречетович). По его словам, первый Всеукраинский Собор, не допустивший отделения Украинской Церкви, принес не мир, а раздор. Митрополиты Антоний (Храповицкий), Михаил (Ермаков), Патриарх Тихон — противники автокефалии и потому злейшие враги Украинской Церкви. Чаяния украинского народа нашли выражение, когда была провозглашена автокефалия, которую, в принципе, готов был признать Второй обновленческий всероссийский собор и признало предсоборное совещание в Москве. Другой доклад лжеархиепископа Иосифа был посвящен борьбе с православной Церковью, или, как она именовалась у него, «тихоновщиной»¹⁸⁶.

На этом совещании вполне резонно самосвяты-липковцы были объявлены еретиками и раскольниками, а также решено было обратиться через евдокимовский синод и архимандрита Василия (Димопуло) к Вселенскому Патриарху с прошением сообщить свой отзыв о самосвятско-липковской лжеиерархии. После доклада о монашестве обновленческого Киевского лжемитрополита Иннокентия (Пустынского) решено было отнять у тихоновцев и взять под свой контроль древнюю всероссийскую святыню — Киево-Печерскую лавру. По предложению докладчика было решено ходатайствовать перед правительством Советской Украины о разрешении на то, чтобы в каждой епархии было по одному мужскому и одному женскому монастырю. Верные в своем большинстве церковному преданию и Святейшему Патриарху Тихону иноки были представлены Иннокентием, как зачинщики политических провокаций, сеящие вражду и смуту. Совещание постановило перевести богослужебные книги на украинский язык и даже послать священников и епископов к православным украинцам Кубани, Дона, Туркестана и Восточной Сибири с этими книгами. Вооружившись этой программой, автокефалисты вступили в ожесточенную борьбу с Православной Церковью на Украине.

Обновленческий журнал "Голос православной Украины" сообщал, что 15 декабря 1924 г. перешла в ведение Всеукраинского священного синода Киево-Печерская лавра с тремя архимандритами и 60 иноками, при этом «обнаружена контрреволюционная литература и громадное количество скрытых в разных местах ценностей... Наконец-то сдвинулся с мертвой точки этот оплот тихоновщины на Правобережной Украине!» 10 января 1925 г. газета «Известия» вслед за обвинениями Патриарха Тихона в поддержке контрреволюционного украинского монашества поместила заявление Святейшего Патриарха: «Киево-Печерская лавра искони была оплотом православия и одной из главных святынь Православной Русской Церкви.

Она всегда находилась в непосредственном ведении Киевских митрополитов. В последние годы до своей ссылки управлял ею наш экзарх Украины митрополит Михаил [Ермаков]. После него управляли лаврой замещавшие его архипастыри, и лишь после того, как все они были лишены фактической возможности управления, мы в целях сохранения лавры, как очага православия, от покушений на нее со стороны «обновленцев» приняли в свое непосредственное ведение. Но это имело место лишь в начале 1924 г., и потому, естественно, нам не может приписываться распоряжение о сокрытии ценностей в лавре. С другой стороны, ни в каких сношениях ни с заграничной контрреволюцией, ни с контрреволюционными группами внутри СССР мы не состояли и не состоим, и нам ничего неизвестно о «контрреволюционной» политической работе монахов лавры»¹⁸⁷.

К концу 1924 г. обновленческий епископат на Украине включал 9 епархиальных архиереев и больше 20 викарных. Обновленцы располагали примерно 3000 приходов с храмами, которые, впрочем, не были столь безлюдны, как у обновленцев в России. Но, несмотря на нескончаемые аресты православных священников и епископов, все же большая часть приходов и на Украине оставалась под окормлением епископов, верных Патриарху Тихону: митрополита Харьковского Нафанаила (Троицкого), архиепископов Полтавского Григория (Лисовского) и Черниговского Пахомия (Кедрова), епископа Дамаскина (Цедрика), занимавшего Глуховскую кафедру. Благодаря самоотверженному служению верных Православию святителей и пастырей, натиск поощряемых властями обновленцев-синодалов и самосвято-липковцев оказался бессильным оторвать Украинскую Церковь от законного главы Церкви Российской Патриарха Тихона, через которого поддерживалось подлинное каноническое общение с Вселенской Церковью.

* * *

В 1924 г. гонения на Церковь продолжались почти с той же яростью, как и в предыдущие годы. Митрополит Харьковский Нафанаил пробыл в заключении до 1925 г., митрополита Сергия выслали в Нижний Новгород. ГПУ арестовало и выслало на Соловки архиепископов Благовещенского Евгения (Зернова) и Феодора (Поздеевского), епископов Никодима (Кроткова), Глеба (Покровского), Григория (Козырева), Даниила (Троицкого). Всего к концу 1924 г. в тюрьмах и ссылках пребывало более 66 архиереев — почти половина российского епископата. Среди них были и выдающиеся иерархи, такие столпы Церкви, как митрополиты Новгородский Арсений, сосланный в Бухару, Киевский Михаил, экзарх Украины, находившийся в ссылке в Ташкенте, Ярославский Агафангел в Нарымском крае, Казанский Кирилл, сосланный в Усть-Кулом, в Зырянский край, Серафим (Чичагов), заключенный в Бутырскую тюрьму, архиепископ Крутицкий Никандр, сосланный в Бухару. В одной только Бутырской тюрьме томились епископы Иркутский Гурий (Степанов), Звенигородский Николай (Добронравов), Винницкий Амвросий (Полянский), Смоленский Валериан (Рудич), Богородский Платон (Руднев), Коломенский Феодосий (Ганецкий), Петропавловский Григорий (Козырев), почти все викарии Московской епархии. Одновременно с арестом епископа Мануила в Петрограде оказалась в заточении или в ссылке добрая половина питерских священнослужителей, сохранивших верность Патриарху Тихону. В январе 1924 г. в Амурской области были замучены священники Андроник Любович из станицы Николаевской, Михаил Новгородцев и Емельян Щелчков из хутора Муравьевки, в прошлом иподиакон митрополита Антония (Храповицкого).

Отказавшись от всякого влияния на политическую жизнь страны, признав советскую власть, Патриарх возвышал свой голос в защиту Церкви-Матери, когда давление на нее становилось особенно нестерпимым. Так, 30 сентября 1924 г. Патриарх Тихон направил во ВЦИК заявление: «Церковь в настоящее время переживает беспрецедентное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования, окружена атмосферой подозрительности и вражды, десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, часто даже без объяснения

причин, брошены в тюрьму, сосланы в отдаленнейшие области республики, влачimy с места на место; православные епископы, назначенные нами, или не допускаются в свои епархии, или изгоняются из них при первом появлении туда, или подвергаются арестам; центральное управление православной Церкви дезорганизовано, так как учреждения, состоящие при Патриархе Всероссийском, не зарегистрированы, и даже канцелярия и архив их опечатаны и недоступны; церкви закрываются, обращаются в клубы и кинематографы или отбираются у многочисленных православных приходов для незначительных численно обновленческих групп; духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения в жилищах, и дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви»¹⁸⁸. Архиепископ Серафим (Мещеряков) писал митрополиту Антонию, что Святейший Патриарх Тихон «сильно ослабел и страшно переутомился. Он часто служит и ежедневно делает приемы. К нему едут со всех концов России. У него заведен такой порядок: он принимает каждый день не более пятидесяти человек, с архиереями говорит не более десяти, а с прочими не более пяти минут. Иногда вследствие изнеможения принимает лежа на диване. Он сильно постарел и выглядит глубоким старцем. Около него нет ни Синода, ни канцелярии. Письменных распоряжений он избегает делать во избежание осложнений с властями...»¹⁸⁹

9 декабря 1924 г. на Святейшего обрушилось тяжелое несчастье: был убит самый близкий ему человек — его келейник Яков Сергеевич Полозов. В покои Патриарха ворвались бандиты, один из них остановился на пороге, а другой бросился к Патриарху. Верный келейник стал между бандитами и Святейшим. Раздался выстрел, и Полозов рухнул на пол. Бандиты выскочили в переднюю и, прихватив с вешалки шубу, помчались вниз по лестнице. Несмотря на возражения Тучкова, Патриарх Тихон настоял на том, чтобы останки его почившего друга были погребены у наружной стены малого Донского собора. Отпевали почившего 8 епископов и сонм священников, при большом стечении православных, провожавших в последний путь мученика. В «Известиях» же появился фельетон «О краже патриаршей шубы», где не было ни слова о совершенном при этом убийстве.

Убийство Полозова вызвало самые горестные опасения и предчувствия, и Патриарх счел необходимым составить завещание, в котором на случай своей кончины патриаршие права и обязанности до законного выбора нового предоставлял высокопреосвященному митрополиту Кириллу, «если же он не сможет вступить в отправление их, то таковые переходят к высокопреосвященному митрополиту Агафангелу; если же и ему не представится возможности осуществить это, то к высокопреосвященному Петру (Полянскому), митрополиту Крутицкому».

* * *

После убийства Якова Полозова здоровье Патриарха заметно ухудшилось: к хроническим болезням добавились мучительные приступы грудной жабы. «Лучше сидеть в тюрьме,— сетовал Патриарх,— я ведь только считаюсь на свободе, а ничего делать не могу. Я посылаю архиерея на юг, а он попадает на север, посылаю на запад, а его привозят на восток»¹⁹⁰. Врачи, наблюдавшие Патриарха, настойчиво советовали ему лечь в больницу. Но когда 13 января Святейший уже готов был переехать в частную клинику Бакуниной на Остоженке, профессор-кардиолог Плетнев в последний момент стал умолять его не делать этого, ведь неизвестно, в чьи руки он попадет.

В клинику Бакуниной Патриарх Тихон приехал на извозчике. Больного положили в просторной светлой комнате, с видом на сад Зачатьевского монастыря. Патриарх Тихон привез с собой иконы, поставил их на столик, затеплил пред ними лампаду. В больничную книгу его записали как гражданина Белавина и лечили его сама Бакунина, два врача больницы, профессор Плетнев и его ассистент. В клинике Святейшему Патриарху стало спокойнее, чем в монастыре, у него даже находилось время на чтение не только духовных книг, но и Тургенева, Гончарова,

писем Победоносцева, однако посетители не оставляли Святейшего и здесь. Не говоря уже о митрополите Петре и других ближайших помощниках по управлению Церковью, приходили за благословением, особенно перед операцией, простые верующие, больные, лежавшие в той же клинике. Группа рабочих подарила ему сафьяновые сапоги на заячем меху, которые очень понравились Патриарху.

Захаживал к нему и Тучков; после его визитов Патриарх чувствовал себя особенно усталым. Тучков настойчиво советовал Патриарху оставить все дела и отправиться на лечение на юг, но Патриарх отказывался и, пребывая в клинике, по-прежнему руководил Церковью, выезжал на службы в московские храмы и находил силы участвовать в епископских хиротониях. Самым тяжким бременем для Святейшего оставались попытки уладить отношения между гонимой Церковью и советской властью. 28 февраля Патриарх Тихон обратился в НКВД с новым ходатайством о регистрации Священного Синода, определив и временный состав его до избрания постоянного Синода на Всероссийском Соборе: Патриарх Тихон — председатель, Нижегородский митрополит Сергей (Страгородский), Уральский митрополит Тихон (Оболенский), Тверской митрополит Серафим (Александров), Крутицкий митрополит Петр (Полянский), Херсонский епископ Прокопий (Титов), временно управлявший Самарской епархией епископ Мелитопольский Сергей (Зверев). Но ходатайство это не было удовлетворено. Зато в ОГПУ заведено было тогда новое дело против Патриарха Тихона, в котором он обвинялся в «составлении сведений о репрессиях, применяемых советской властью по отношению к церковникам, используя сведения из недостаточно верных источников, чтобы дискредитировать советскую власть. Преступление Белавина В. И. следствием установлено». Это «Дело № 32 530 по обвинению гражданина Белавина Василия Ивановича по 59, 73 статьям УК» будет прекращено только 19 июля 1925 г. «ввиду смерти подсудимого».

20 марта в клинике Бакуниной Патриарху была произведена стоматологическая операция, которая привела к воспалению десны, глотки и миндалинной железы. Общее состояние его заметно ухудшилось, но еще 23 марта / 5 апреля, за три дня до своей кончины, он участвовал в хиротонии во епископа Сергея (Никольского) в храме Большого Вознесения на Никитской и произнес напутственное слово. Тем временем Тучков в переговорах с Синодом требовал, чтобы Патриарх издал послание, в котором должен был безоговорочно признать советскую власть и отмежеваться от эмигрантского духовенства, призвав к этому и верующих. В свою очередь, митрополит Петр, возглавлявший церковную сторону в этих переговорах, настаивал на том, чтобы власти юридически оформили положение духовенства, разрешили преподавание Закона Божия и дали согласие на открытие духовной академии. Переговоры были невероятно трудными, был выработан проект воззвания, но уговорить Святейшего Патриарха подписать этот документ оказалось нелегким делом, хотя Тучков с угрозами требовал, чтобы документ был подписан как можно скорее.

В праздник Благовещения тяжело больной Патриарх вынужден был ехать на экстренное заседание Синода по выработке окончательного текста документа. Отредактированный документ митрополит Петр повез Тучкову, а оттуда опять в клинику на Остоженке. Рукой Тучкова в воззвание были внесены поправки и дополнения, неприемлемые для Патриарха. Разговор с митрополитом Петром был мучителен для святителя, и, когда митрополит вышел от больного, ему стало плохо. Около 10 часов вечера Патриарх Тихон попросил келейника Константина Пашкевича помочь ему умыться. Вдруг он пошатнулся, сделав рукой движение как при острой сердечной боли. Келейник предложил поскорее лечь и заснуть. Тогда Патриарх Тихон «очень строгим, серьезным тоном, к которому я не привык,— вспоминал келейник,— сказал: «Теперь я усну... крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная-темная». Больной то бредил, то лежал в забытьи. Без четверти двенадцать он открыл глаза и начал креститься: «Слава

Тебе, Господи!» — повторил он дважды и поднял руку, чтобы в третий раз осенить себя крестным знаменем. Рука бессильно упала»¹⁹¹. Святой Патриарх Тихон отошел ко Господу в Благовещение 1925 г., в 23 часа 45 минут, в Москве, в клинике Бакуниной на Остоженке, на 61 году своей многострадальной и праведной жизни.

* * *

На следующий день тело почившего Патриарха в карете «скорой помощи» в сопровождении митрополита Петра и епископа Можайского Бориса (Рукина) было доставлено в Донской монастырь. Над осиротевшей столицей раздался скорбный колокольный звон, оповещавший православную паству о кончине Святейшего Патриарха.

Посреди собора стоял дубовый гроб, лик усопшего был закрыт воздухом, сверху лежала мантия Патриарха, и всюду великое множество венков. Нужно было по 8—10 часов выстаивать в очереди, которая тянулась на 3 версты, чтобы войти в собор проститься с почившим. За сутки к гробу приходило до ста тысяч человек, и так продолжалось со среды до воскресенья. Торжественные панихиды состоялись во всех православных храмах России и за границей. Заупокойные службы совершили православные Патриархи и предстоятели всех других автокефальных Церквей.

Чин погребения Святейшего Патриарха Тихона совершен был 30 марта (12 апреля), в праздник Входа Господня в Иерусалим. В Донском монастыре собралось не менее трехсот тысяч человек. Отпевание совершали 56 архиереев и до 500 священников, пели хоры Чеснокова и Астафьева. Прощаясь с усопшим Патриархом митрополит Петр сказал: «Трудна была его жизнь. Тяжелый жребий выпал на долю его править Русскою Церковью в такое бурное время. Но он уже отошел ко Господу. Труды и подвиги его закончились... Осиротели мы. Не стало у нас печальника и молитвенника, который для молодых был отцом, для взрослых мудрым наставником и руководителем, а для всех вообще другом... Помолись же, отец наш, за нас, осиротелых... и за Церковь Российскую, столь тобою любимую. Вечная память тебе, закатившееся солнышко Церкви Русской!»¹⁹² В своем прощальном слове митрополит Сергей отметил, что «святительская деятельность» почившего «и до избрания в Патриархи никогда не сопровождалась внешним блеском. Его личность не была заметна. Казалось, что он не имел никаких особенных дарований, которыми мог бы блистать. Как будто даже ничего не делал. Не делал, но его деятельность всегда была плодотворнее по своим результатам; не делал... но при нем какой-то маленький приход превратился в Американскую Православную Церковь. То же было и в Литве, и в Ярославле, где последовательно служил Святейший в сане архиепископа. То же повторилось и в Москве. Казалось, что он ничего не делал, но тот факт, что вы собрались здесь, православные, есть дело рук Святейшего. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы. По своему характеру почивший святитель отличался величайшей благожелательностью, незлобивостью и добротой. Он всегда одинаково был верен себе: и на школьной скамье, и на пастырской, архипастырской ниве, вплоть до занятия патриаршего престола. Он имел особенную широту взгляда, способен был понимать каждого и всех простить»¹⁹³.

* * *

Патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) родился 19 января 1865 г. в деревне Клин Торопецкого уезда Псковской епархии в семье священника, который вскоре после рождения сына был переведен в уездный город. С ранних лет отец брал мальчика с собой на службу, и любовь к храму стала неотъемлемой частью его жизни. Образование он получил в духовном училище родного города, затем — Псковская семинария и Петербургская Академия. Скромный, доброжелательный юноша, он снискал привязанность друзей и товарищей по учению. Семинаристы называли его в шутку архиереем, а в академии, словно провидя будущее,

студенты прозвали его Патриархом за серьезность и степенность нрава.

В 1888 г. Василий Белавин закончил Академию и был направлен в Псковскую семинарию преподавать догматику, нравственное богословие и французский язык. В 1891 г. молодой учитель принял постриг с именем святителя Тихона Задонского.

Рукоположенный в сан иеромонаха, он через год был назначен инспектором Холмской семинарии и в том же, 1892 г., утвержден ректором семинарии с возведением в сан архимандрита. В Холме, наполовину польском и католическом городе, обстановка для ректора православной семинарии была непростой: часть русского населения оставалась в унии, большим влиянием пользовалась и еврейская община. Архимандрит Тихон был главным помощником местного архиерея; обладая большим тактом, чувством меры и мудростью, он умел, не задевая самолюбия щепетильного польского населения, оставаться непреклонным ревнителем православной веры. Холмские священники полюбили его и часто приглашали служить в свои храмы. По воспоминаниям митрополита Евлогия, «милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко... Он сумел завязать живые и прочные отношения с народом»¹⁹⁴. Из Холма святого Тихона перевели ректором семинарии в Казань, а 4 октября 1897 г. в Александро-Невской лавре состоялась его хиротония во епископа Люблинского, викария Холмской епархии.

В декабре 1898 г. епископ Тихон был назначен на зарубежную Алеутско-Американскую кафедру, которая находилась в Сан-Франциско. На новом поприще он неустанно трудился над укоренением и распространением православия в Америке. При нем сооружено было много новых храмов и на Аляске, и в Канаде, и в Соединенных Штатах. В 1901 г. епископ Тихон совершил закладку кафедрального храма в Нью-Йорке во имя святителя Николая. Через полтора года владыка освятил этот храм. На торжестве освящения он обратился к пастве со словами: «Не забывайте, что вы — род избранный, люди, взятые в удел, дабы возвещать окружающим вас инославным чудный свет православия»¹⁹⁵. При его архипастырском служении в Америке участились присоединения новообращенных из других исповеданий к православной Церкви. Епископ Тихон принял деятельное участие в переводе и издании богослужебных книг на английском языке. В Канаде по его ходатайству открылась викарная кафедра.

В 1905 г. святитель Тихон был возведен в сан архиепископа, а через два года после этого переведен на одну из самых почетных в России кафедр — Ярославскую, преемницу древней Ростовской. И в Ярославле он оставался все тем же мудрым, распорядительным, благожелательным архиереем; часто объезжая епархию, совершал службы в приходских и монастырских храмах. Замечания всегда делал мягко и добродушно, часто в шуточной форме, никогда не кричал на подчиненных. Необычной была и простота его домашнего обихода.

В 1913 г. архиепископа Тихона перевели в Литовскую епархию — в Вильно. Обстановка в Литве была подобна той, которую он хорошо знал по Холмщине: влиятельная католическая Церковь и смешанное русско-литовско-польско-еврейское население. В Вильне владыку застала война. По распоряжению Святейшего Синода архиепископ Тихон переехал в Москву, привезя с собой мощи святых Виленских чудотворцев, но вскоре из Москвы перебрался ближе к своей пастве, почти на линию фронта. Он посещал госпитали, служил молебны, исповедовал и причащал раненых, напутствовал умирающих. Его не раз вызывали в Петербург для участия в работе Синода.

После Февральской революции вместе с другими архипастырями архиепископ Тихон был уволен обер-прокурором В. Н. Львовым из Синода. 23 июня 1917 г. святой Тихон был избран волеизъявлением церковного народа на Московскую епархиальную кафедру, после чего Синод удостоил его сана митрополита. Поместный Собор избрал митрополита Тихона своим

председателем. Вскоре после этого Божественным Промыслом он был возведен на восстановленный патриарший престол. Первое появление Патриарха Тихона после его интронизации на Соборе, по воспоминаниям свидетелей этого события, явилось высшей точкой в соборных деяниях. Не только поборники патриаршества, но и прежние противники его восстановления приветствовали предстоятеля русской Церкви как своего великого господина и отца.

Большим праздником для православного народа явилась его поездка в Петроград в мае 1918 г. На Московском вокзале народ встречал Патриарха на коленях, и затем народные толпы во главе с духовенством крестным ходом под звон всех петроградских колоколов двинулись к лавре. Патриарх Тихон совершил Божественные литургии в Троицком соборе лавры, в Исаакиевском и Казанском соборах при стечении несметных народных толп. Безмерная любовь православного народа к Патриарху проявилась и в скорбные дни прощания с ним.

* * *

Через неделю после преставления святого Тихона, 15 апреля 1925 г., газета «Известия» напечатала послание, подписанное Патриархом в день его кончины, озаглавив его «предсмертным завещанием Тихона» и сопроводив краткой запиской митрополитов Крутицкого Петра и Уральского Тихона.

Документ этот посвящен теме церковно-государственных отношений:

«В годы великой гражданской разрухи,— говорится в нем,— по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства встала советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность — устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода. Вступая в управление Русским государством, представители советской власти еще в январе 1918 г. издали декрет о полной свободе граждан верить во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу и в том числе и нашей православной Церкви права и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан. А поэтому мы в свое время в посланиях к архипастырям, к пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и рабоче-крестьянскую власть народов, правительство коей искренне приветствовали.

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что судьбы народов от Господа устроятся, и принять все происшедшее как выражение воли Божией... Призываем и церковноприходские общины, и особенно их исполнительные органы не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что советская власть — действительно народная рабоче-крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая... Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги святого православия — сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные — стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ей... Не благо принес Церкви и народу так называемый Карловацкий Собор, осуждение коего мы снова подтверждаем и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с нашей стороны крайние меры, вплоть до запрещения священнослужения и предания суду Собора. Во избежание тяжких кар мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на родину и сказать правду о себе и Церкви Божией... Мы объявляем за ложь и соблазн все измышления о несвободе нашей, поелику

нет на земле власти, которая могла бы связать нашу святительскую совесть и наше патриаршее слово... Призывая на архипастырей, пастырей и верных нам чад благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры, подчиниться советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова апостола: *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога,— существующие же власти от Бога установлены* ([Рим. 13. 1](#)). Вместе с этим, мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст нам возможность преподавать детям наших пасомых Закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы»¹⁹⁶.

В церковном народе этот документ, названный «Завещанием» Патриарха, вызвал много недоумений и толков. Высказывались даже сомнения в его подлинности, авторами называли Тучкова с помощниками. До сих пор некоторые церковные публицисты и историки отвергают принадлежность его Патриарху Тихону. Их версия происхождения документа такова: проект послания с внесенными в него поправками Тучкова митрополит Петр передал Патриарху Тихону в день его кончины с тем, чтобы тот подписал его. Но, несмотря ни на какие уговоры, Святейший своей подписи на этой бумаге не поставил. Тучков же взял и напечатал документ в уверенности, что митрополит Петр не станет протестовать против фальшивки, зная, что в этом случае его ждет суровая расправа. Митрополит Петр не отважился публично разоблачить мошенника не из страха за себя, а по соображениям заботы о благе Церкви.

Но эта гипотеза неубедительна, главный ее аргумент представляется весьма наивным. Заключается он в том, что Патриарх при жизни никогда не проявлял ни малейшего сочувствия советской власти, что из бесед с ним было ясно, что он считает эту власть чуждой народу. С завещанием сопоставлять надо, разумеется, не то, что Патриарх говорил собеседникам с глазу на глаз, а его публичные послания и воззвания. Ничего решительно нового в этом завещании, в сравнении с другими документами, изданными Патриархом после 1923 г. об отношениях Церкви и государства, нет. Утверждения же, что прежде Патриарх ни единым словом не высказывал осуждения заграничным иерархам (такое утверждение делает протопресвитер Василий Виноградов¹⁹⁷) вовсе неосновательно. Карловацкий Собор и карловацких архиереев Патриарх Тихон осуждал и до 1923 г., даже до своего заключения под стражу.

Весомее другой, часто высказываемый довод против подлинности «Завещания» — отсутствие каких бы то ни было ссылок на него в «Декларации» митрополита Сергия, изданной в 1927 г., где, казалось бы, весьма уместно было на него сослаться, хотя бы по явному сходству мыслей, выраженных в «Завещании» и «Декларации». Но, возможно, непопулярность этого документа среди церковного народа побудила митрополита Сергия отказаться от столь на первый взгляд легкого и надежного обоснования своей позиции положениями, выраженными в «Завещании» глубоко чтимого народом усопшего Патриарха.

Наконец, один из самых острых доводов авторов, считающих «Завещание» подделкой Тучкова, заключается в указании на небывалый титул, выставленный в его заголовке: «Божиею милостию, Тихон, Патриарх Московский и всея Российския Церкви» вместо «всея России». Несомненно, это было ошибкой не работников известинской типографии, а скорее, редакции «Известий» или даже самого Тучкова.

Очень может быть, что «Завещание» украшают не только вставки, которые с болью в сердце приняты были Патриархом, но и те, что Тучков самочинно внес, когда документ был уже подписан. Но уверения митрополитов Петра, Тихона и Серафима в подлинности документа, отсутствие каких бы то ни было протестов со стороны митрополита Петра как преемника почившего Патриарха против публикации его в том виде, в каком документ помещен в газете, заставляют думать, что эти возможные вставки не меняют существенно содержания документа.

Авторы, опровергающие подлинность документа, ссылаются еще и на то обстоятельство, что «Завещание» не было оглашено на совещании российского епископата в день погребения Патриарха, когда вскрыто и зачитано было его распоряжение о преемнике Местоблюстителе. Существует версия, объясняющая это упущение митрополита Петра, которая еще больше запутывает дело и дает дополнительный аргумент тем, кто ошибочно оспаривает подлинность «Завещания». Посетив Москву, митрополит Елевферий (Богоявленский) беседовал с митрополитом Тверским Серафимом (Александровым) о происхождении «Завещания» Патриарха Тихона и изложил факты, ставшие ему известными, в книге «Неделя в Патриархии»¹⁹⁸ так: митрополит Петр при последнем посещении Святейшего Патриарха получил от него два пакета. Один он вскрыл, а другой по случайности забыл посмотреть. Но спустя некоторое время после погребения Патриарха пакет был нечаянно обнаружен митрополитом Петром, вскрыт и найденный документ немедленно предъявлен Тучкову, а тот предложил напечатать его в «Известиях». Это объяснение, основанное на странной забывчивости митрополита Петра, как справедливо полагает протопресвитер Василий Виноградов, «натянута, маловразумительно и похоже на сказку». Митрополит Серафим запутывал дело для того, чтобы скрыть непосредственное участие в создании и публикации этого документа вездесущего Тучкова, который, кстати, узнав о кончине Патриарха, в восторге потирал руки и приговаривал: «Хороший был старик! Надо похоронить его поторжественнее». Отвлекаясь от вопроса о подлинности «Завещания», необходимо подчеркнуть, что издание его было чуть ли не единственной возможностью улучшить условия существования Церкви в Советском государстве. Святейший Патриарх Тихон не захотел и не смог уклониться от неблагодарных трудов по выработке такой линии Церкви в отношениях с враждебной ей государственной властью, которая помогла ей выжить.

Сейчас позднее, чем ты думаешь (2003)

В день погребения Патриарха Тихона, 12 апреля 1925 г., в Донском монастыре состоялось совещание православных архиереев, съехавшихся на похороны почившего первосвятителя. Здесь же было вскрыто и оглашено «завещание» Святейшего, по которому права и обязанности Патриарха передавались Местоблюстителю митрополиту Кириллу (Смирнову); в случае же невозможности для него вступить в должность — митрополиту Агафангелу (Преображенскому), и, наконец, митрополиту Петру (Полянскому), если и митрополит Агафангел окажется лишенным возможности принять на себя обязанности патриаршего Местоблюстителя. Поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел находились в ссылке, на совещании решено было во исполнение воли почившего первосвятителя признать патриаршим Местоблюстителем митрополита Крутицкого Петра, о чем и составлен был акт, удостоверенный 58 архиереями, на первом месте стоит подпись митрополита Нижегородского Сергия. Сюда же включили и волеизъявление митрополита Петра о согласии «вступить со дня оглашения завещания почившего первосвятителя в отправление обязанности патриаршего Местоблюстителя»¹⁹⁹. 76 апостольское правило воспрещает епископам назначать себе преемников. Этот запрет распространяется и на первосвятительскую кафедру поместной Церкви, но Русская Церковь уже в течение восьми лет жила в небывалых условиях, которые не могли быть предусмотрены в древних церковных законоположениях и правилах. Созвать Поместный Собор для избрания нового Патриарха было совершенно невозможно, православная Церковь существовала в стране на полуполюгальном положении, а Советская власть в качестве православной Церкви России признавала обновленческую группировку с ее синодом. Всероссийский Поместный Собор, проходивший в то время, когда уже начались гонения, предусмотрел возможность самого тяжелого давления на православную Церковь и определил, что в случае прекращения деятельности Священного Синода и Высшего церковного совета Патриарх сосредоточит в своих руках всю полноту власти, включая и право назначать преемника — Местоблюстителя патриаршего престола. Уже тогда Патриарх назначил кандидатов в Местоблюстители и доложил Собору о сделанном им назначении без оглашения имен на пленарном заседании. Подписи почти всех находившихся тогда на воле российских архиереев под актом о назначении патриаршего Местоблюстителя придают назначению митрополита Петра характер избрания.

В общении с людьми, с подчиненными митрополит Петр отличался чрезвычайной вежливостью и мягкостью, но это не мешало ему быть твердым и настойчивым в осуществлении своих намерений, в проведении своей линии. В сравнении с епископом Иларионом (Троицким) митрополит Петр проявил меньше уступчивости по отношению к обновленческим проискам. Но Тучков, который терпеть не мог святителя Илариона за его пронизательный, ясный ум, за то, что тот умел разгадать его замыслы, соблазнился мягкостью и кротостью митрополита Петра, которые казались ему проявлениями слабой воли. В первые месяцы возглавления Русской Церкви митрополитом Петром Тучков занял выжидательную позицию и не пытался лишить его свободы действий, пробным камнем стало интервью патриаршего Местоблюстителя газете «Известия».

«Среди населения циркулируют слухи, что «завещание» Патриарха Тихона неподлинное», — сказал корреспондент. «Слухи эти, — ответил митрополит Петр, — никакого основания не имеют. Если об этом и говорят, то 2—3 кликуши с Сухаревки. Что касается верующих, то они в подлинности «Завещания» не сомневаются». На вопрос, когда он намерен осуществить чистку контрреволюционного духовенства и черносотенных приходов, а также созвать комиссию для суда над зарубежными архиереями, митрополит Петр ответил: «Для меня как Местоблюстителя

патриаршего престола воля Патриарха Тихона священна. Но я один не правомочен провести в жизнь эти пункты завещания»²⁰⁰. Своим ответом митрополит Петр ставил условие — создать вначале орган Высшего церковного управления, а затем требовать проведения чисток. Твердость, проявленная митрополитом Петром, грозила обернуться для него новой ссылкой.

Одновременно с полицейским преследованием Церкви усиливалась и кампания по пропаганде атеизма среди народа. В 1925 г. под руководством секретаря ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославского организуется «Союз безбожников», позже переименованный в «Союз воинствующих безбожников» (1929). Через год этот «безбожный» союз насчитывает уже 87 тысяч членов. Хорошим орудием «союза» в борьбе с Церковью Христовой были действия обновленцев-раскольников.

С кончиной Патриарха Тихона у обновленцев возросли надежды на победу над православием. Невозможность выбрать нового Патриарха вызовет, как им казалось, смятение среди верующих, и тогда им удастся переманить к себе большую часть паствы. Правда, надежды на успех разделяли далеко не все деятели раскола. Профессор Б. Титлинов в статье, напечатанной в обновленческом «Вестнике», трезво и достаточно мрачно оценивал позиции своих единомышленников: пустые церкви, нищие священники, окруженные ненавистью народа. Средоточием «упорного церковного мракобесия» Титлинов называл Москву, сравнивая ее с «Иерусалимом фарисеев»²⁰¹, причину немощи обновленческого движения он видел в темноте и суеверии народа. Казанский обновленческий «Православный церковный вестник» напечатал в № 1 за 1925 г. статью, в которой автор жаловался властям: «Тьма сгущается... По селам ходят монашки, благословляют верующих потерпеть за веру Христову и учат, что безблагодатные обновленческие священники не имеют права ни крестить, ни отпевать, ни венчать, а кое-где тихоновцы выгоняют обновленцев из храма».

Обновленческие листки приобрели своеобразную форму доносов на православных иерархов и рассматривались ГПУ как материал для обвинения и привлечения к суду священнослужителей: «Тихоновцы меняют вехи. В «Завещании» Советская власть названа народной лишь по ее прочности, но не по внутренней ее сущности, и следовательно, назавтра тихоновцам ничто не мешает назвать эту власть не народной»; «как принципиальные и ярые гонители человеческой мысли, они (тихоновцы) вредны вообще в культурном отношении»; «равнодушно смотреть на всю работу тихоновцев — значит допускать эксплуатацию человека в самой недопустимой форме»²⁰². Но более умеренные обновленцы, готовые объединиться с «тихоновцами», надеялись на то, что, пользуясь покровительством властей и добиваясь устранения одного за другим православных архиереев и священников как контрреволюционеров, они постепенно смогут подчинить себе всю православную паству. Стремясь к такому «объединению», эти обновленцы готовы были отмежеваться от своих оголтелых соратников и осудить «Живую церковь», из состава которой вышли. Они заверяли православных, что не ищут ни богослужебных, ни канонических нововведений, а предлагаемые ими реформы носят самый умеренный характер.

11 апреля по поводу кончины Святейшего Патриарха Тихона обновленческий синод во главе с лжемитрополитом Вениамином (Муратовским) выступил с призывом к объединению, которое должно было, по их планам, состояться на третьем Соборе осенью 1925 г. Бывший епископ Антонин (Грановский) со свойственным ему своеобразием призывал митрополита Петра «на весь мир громко воскликнуть: Кириллы и Николаи Романовы и вся зарубежная шатия, я от вас отвернулся давно! Я ваш враг, поскольку вы враги новых условий общественности, созданных революцией... Тогда только станет ясно,— продолжал он,— что митрополит Петр не контрреволюционер, а холодное, вежливое признание Советской власти — это скрытая форма контрреволюции»²⁰³. Хотя Антонин, тогда уже порвавший с обновленческим синодом, говорил

это лично от себя, тем не менее стали понятны те жесткие условия, которые выдвигались приверженцами «объединения» своим предполагаемым партнерам. Некоторые из пастырей и архипастырей, скорбевших о церковных нестроениях, все еще надеялись на возможность преодоления раскола, иные готовы были даже пойти навстречу пожеланиям раскольников. В Ленинграде одним из самых ревностных сторонников объединения стал протоиерей Николай Чуков. С призывом к прекращению вражды с обновленцами выступил и сосланный в Туркестан епископ Андрей (Ухтомский), не видевший достаточных оснований для распрей. Московская паства была встревожена позицией митрополита Уральского Тихона (Оболенского), склонного к примирению с обновленцами из-за прежних дружественных отношений с председателем обновленческого синода лжемитрополитом Вениамином. Для успокоения паствы митрополит Тихон на некоторое время удалился из Москвы в свою епархию.

Одним из самых непримиримых противников раскола и борцов за чистоту православия был томившийся в далекой северной ссылке митрополит Кирилл (Смирнов). В письмах и высказываниях, доходивших до верных чад Церкви, митрополит Кирилл предостерегал паству от примирения с раскольниками, похитителями церковной власти и изменниками православия. В ответ на приглашение участвовать в обновленческом соборе епископ Яранский Нектарий (Трезвинский), викарий Вятской епархии, выпустил послание к своей пастве, в котором клеймил обновленцев как раскольников и врагов Божиих, и в частности обновленческого архиепископа Иосифа, также обратившегося к верующим с обновленческих позиций²⁰⁴. Непримиим по отношению к раскольникам был тогда и митрополит Нижегородский Сергей, в прошлом присоединявшийся на короткое время к обновленцам. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр считал, что речь на переговорах может идти не о соединении, а лишь о присоединении к православной Церкви отпавших от нее после их покаяния.

27 июля митрополит Петр в последний раз встретился с обновленческим протоиереем Доронкиным. А на другой день было обнародовано его первое пространное послание всероссийской пастве, в котором заключался категорический отказ от мира с раскольниками на их условиях: «Уже более трех месяцев прошло с тех пор, как Господу угодно было призвать к Себе кормчего Русской Церкви, благостнейшего отца нашего Святейшего Патриарха Тихона. Тяжела для нас эта утрата, особенно в настоящее время, когда корабль церковный приходится вести к тихой пристани среди бушующих волн житейского моря. Много врагов у православной Церкви Христовой... Католики, вводя наш богослужебный обряд, совращают, особенно в западных, издревле православных, областях верующий народ в унию... Так называемые евангелисты, или баптисты, а также и другие сектанты всюду, где только возможно, проповедуют свои вероучения и увлекают доверчивые души мнимою святостью своей жизни и обещанием материальной помощи... К глубокому прискорбию, попусцием Божиим, произошло разделение и внутри самой православной Церкви... Мы разумеем так называемых живоцерковников, обновленцев, возрожденцев, самосвятков и т. п. Все они своей самочинной иерархией и самочинным устройением церковной жизни, как в исконной России, так и на Украине и в других местах, отделяются от единого Тела Христова, т. е. святой Его православной Церкви и тем смущают православный народ... По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мирян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но должно твердо помнить, что по каноническим правилам Вселенской Церкви все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 г. живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание канонические правила воспрещают... Не о соединении с православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а

должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях... Присоединение к святой православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви. И мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно святой православной Церкви»²⁰⁵.

В сравнении с «Завещанием» Патриарха Тихона послание митрополита Петра гораздо сдержаннее в изъявлении лояльности властям. Это связано с тем, что он знал, сколько недоумений породило в церковной среде «Завещание» Патриарха. Более уступчивый по отношению к властям, документ мог вызвать растерянность у паствы, ведь митрополит Петр не имел такого авторитета среди верующих, как Святейший Патриарх Тихон. Но безусловная гражданская лояльность выражена была и в обращении к Церкви митрополита Петра. Послание патриаршего Местоблюстителя содействовало прекращению сомнений и колебаний среди православных, убедило всех в том, что, исполняя заветы почившего святого Патриарха, митрополит Петр твердо стоит на страже православия и не допустит его подмены обновленческим лжеучением.

Несмотря на то что митрополичья кафедра северной столицы вдовствовала уже третий год после убийства священномученика Вениамина и ссылки викарных архипастырей — Алексия (Симанского), Николая (Ярушевича), Мануила (Лемешевского), борьба с расколом в Ленинграде не затихала. Во главе православных церквей стоял епископ Венедикт (Плотников), управлять епархией ему помогали епископы Григорий (Лебедев), Николай (Клементьев) и Иннокентий (Тихонов). С негодованием отвергли они призыв именовавшего себя митрополитом Ленинградским нового председателя обновленческого синода Вениамина (Муратовского). В ту пору добрая половина епархиальных архиереев содержалась в лагерях и ссылках, поэтому попечение о православных церквях везде почти брали на себя оставшиеся на свободе викарные епископы. После ареста митрополита Казанского Кирилла епархия его управлялась епископом Иоасафом (Удаловым), в Самаре на страже православия стоял епископ Петр (Зверев), переведенный в июле 1925 г. в Воронеж в помощь престарелому владыке Владимиру (Шимковичу).

Особенно трудно было вести борьбу с обновленчеством на окраинах страны — в Сибири, на Северном Кавказе, в Белоруссии и на Украине.

В Харькове, ставшем республиканской столицей Украины, из 27 храмов только 3 остались в ведении Московской Патриархии. В одном храме распоряжались самосвяты-липковцы, а остальные 23 были обновленческими. В Киеве обновленцы захватили лавру, организовали Высшую украинскую богословскую школу, издавали журнал «Голос православной Украины», а у тихоновцев не было ни печатных органов, ни духовных школ. Православные архиереи и священники либо сидели по тюрьмам и томились в ссылках, либо со дня на день ожидали ареста.

Исполненные самых радужных надежд на успех, украинские обновленцы готовились к собору. Уже в апреле 1925 г. «синод» обращается к временно управлявшему Харьковской епархией епископу Сумскому Константину (Дьякову) с призывом принять участие в соборе. Во время переговоров с делегацией обновленцев во главе с Киевским лжемитрополитом Иннокентием епископ Константин заявил, что намеченное совещание должно называться не собором, а съездом, тогда он будет в нем участвовать. Он не может присутствовать на соборе без благословения патриаршего Местоблюстителя. Для прекращения раскола нужно, чтобы Украинский синод публично осудил живоцерковников и обновленческий синод в Москве, вошел в общение с патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром и снял с тихоновцев нелепые, клеветнические обвинения в контрреволюционности и одобрении Карловацкого

собора. Делегация отказалась принять эти условия, и епископ Константин на так называемый собор не явился.

17 мая в Харькове открылся лжесобор. Его председателем избрали лжемитрополита Пимена (Пегова), в заседаниях участвовало 34 епископа, 88 священников и 86 мирян. По докладу профессора Покровского 202 голосами против 6 при 7 воздержавшихся приняли решение об автокефалии Украинской Церкви. По обстоятельствам времени эта независимость Украинской Церкви от оголтелого обновленческого синода в Москве способствовала укреплению здоровых начал среди вовлеченных в раскол украинских церковных деятелей и простых мирян. Вместе с тем собор высказался за скорейшую украинизацию богослужения, которая насильственно навязывалась приходам. Принята была и особая резолюция о Московском соборе обновленцев 1923 г. В ней говорилось, что, поскольку Украинская Церковь автокефальна, она могла бы и не критиковать Поместные Соборы другой Церкви, но из-за тесной связи с Русской Православной Церковью считает целесообразным дать оценку некоторым из постановлений этого собора. Итак, в резолюции записано, что собор поддерживает осуждение церковно-политической идеологии «тихоновщины» и признает Советскую власть. Приговор собора по делу бывшего Патриарха Тихона справедлив, но, учитывая раскаяние Патриарха, надо просить ближайший всероссийский собор о пересмотре приговора. Необходимо отложить проведение в жизнь постановлений о допустимости женатого епископата и второбрачия священников. Решение о введении нового календаря в принципе было правильным, но, учитывая настроения верующих, исполнение его следует отложить. Определение обновленческого собора о мощах и монастырях необходимо пересмотреть, а суждения собора о церковных реформах и сохранении верности православию признаны были правильными. Наименования «Живая церковь», «Церковное возрождение» и Содац, содержащиеся в деяниях собора, нужно изъять из употребления, программы этих группировок считать частным делом их руководителей и участников.

О «тихоновщине» на соборе докладывал так называемый епископ Изюмский Иосиф (Кречетович), пытавшийся запугать умеренных участников собора рассказами о происках тихоновцев против «синодалов», как предпочитали называть себя раскольники на Украине. В Киеве тихоновцы якобы показывают богомольцам просфоры с печатью серпа и молота и говорят: такие просфоры употребляются синодалами; молитвы, сочиненные безумным отцом Пельцем, приписывают митрополиту Евдокиму. «Благодаря им (тихоновцам) обрекаются тысячи духовных лиц с семьями на голодную смерть, они в зиму изгоняются на стужу и замерзание, внезапно умирают от паралича сердца, терпят издевательства и поношения... раздеваются догола разъяренной толпой с целью отыскать на их телах печать с серпом и молотом»²⁰⁶. И все же участники собора, видимо, не очень напуганные этими явно мифическими зверствами, решили добиваться примирения с тихоновцами. Для этого надо было убедить паству, что они, синодалы, совсем не реформаторы, не похожи на живоцерковников и обновленцев, а православные, которые от тихоновцев отличаются только политическими взглядами и своим отношением к Советской власти. Между тем на Украине появился еще один, так называемый «лубенский», раскол. Священник полтавской кладбищенской церкви Феофил Булдовский долго домогался у престарелого Полтавского епископа Григория (Лисовского) архиерейской хиротонии и в конце концов был рукоположен во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. У него сложились весьма хорошие отношения с ГПУ и в 1925 г. он самовольно созвал в Лубнах собор из своих сторонников, объявив об отделении от патриаршей Церкви, и вскоре возвел себя в сан митрополита. Запрещение, лишение сана, отлучение от Церкви не подействовали на мятежного самостийника. Ближайшим сподвижником Феофила стал архиепископ Иоанникий (Соколовский), занимавший Екатеринославскую кафедру. Православные вскоре назвали этот раскол «самосвятством номер два», но особого

распространения он не получил. Тем не менее православной Церкви на Украине, и без того изнемогавшей от преследований обновленцев и липковцев, приходилось теперь бороться еще и с этой новой схизмой.

* * *

С 1 по 10 октября 1925 г. в Москве, в Третьем Доме советов, проходило новое всероссийское собрание обновленцев, которое они назвали «Третьим поместным собором на территории СССР». Присутствовало 106 раскольников, именовавших себя архиереями, более 100 лжеклириков и более 100 мирян. Участвовал в деяниях лжесобора и представитель Константинопольского Патриарха архимандрит Василий (Димопуло). В программе заседаний стояли следующие вопросы: 1) о мире в Церкви; 2) о церковном благоустройении; 3) об участии Русской Церкви во Вселенском Соборе; 4) о выборе высшего органа церковного управления.

12 участников собора подали заявление с просьбой отправить делегацию к митрополиту Крутицкому Петру с предложением мира. Но предводитель обновленчества Александр Введенский уже во вступительном докладе сообщил аудитории неожиданную новость, после которой вопрос о мире с тихоновцами должен был отпасть сам собой. Введенский огласил письмо некоего Николая Соловья на имя обновленческого синода. «Мое преступление перед священным синодом,— говорится в этом письме,— заключается в следующем: 12 мая 1924 г., за 4 дня до моего отъезда за границу, я имел двухчасовое совещание с Патриархом Тихоном и Петром Крутицким. Патриарх Тихон дал мне собственноручно написанное письмо следующего содержания: 1) что я принят и возведен в сан архиепископа; 2) что святая Церковь не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола великий князь Кирилл. Распоряжение это он сделал на первом листе моего Чиновника, который был подклеен к переплету и заклеен другими двумя листами. Листы эти были для этой цели вклеены в Чиновник как с передней, так и с задней стороны»²⁰⁷. Подоплека этого дела такова: Н. Соловей, по предложению лжемитрополита Евдокима и с одобрения Тучкова, был послан в Уругвай (в Монтевидео) с титулом епископа Южной Америки. Оказавшись за границей, обновленческий архиерей уже через два месяца выступил с заявлением, которое можно было расценить как раскаяние в грехе раскола и намерение возвратиться в православную Церковь. А еще через год последовало письмо этого провокатора с клеветой на покойного Патриарха и доносом на митрополита Петра.

Огласив этот донос, Введенский сострил: «Оказывается, тихоновский корабль плавает в международных водах, и трудно сказать, где главные капитаны — за рубежом или на Крутицах». Письмо Соловья, разумеется, смутило и перепугало умеренных тихоновцев, участвовавших в деяниях обновленческого собора. В результате Введенский смог заявить: «Мира с тихоновцами не будет; верхушка тихоновщины является контрреволюционной опухолью в Церкви. Чтобы спасти Церковь от политики, необходима хирургическая операция. Только тогда может наступить мир в Церкви. С верхушкой тихоновщины обновленчеству не по пути!»²⁰⁸ В резолюции, составленной под диктовку все того же Введенского, говорится, что «собор констатирует непрекращающуюся связь тихоновщины с монархистами, грозящую Церкви грозными последствиями, и отказывается от мира с верхушкой тихоновщины»²⁰⁹. И словно подталкивая ГПУ поскорее расправиться с митрополитом Петром, обновленцы характеризуют первоиерарха Русской Православной Церкви, как заматерелого бюрократа «саблеровского издания, который не забыл старых методов церковного управления. Он опирается на людей, органически связанных со старым строем, недовольных революцией: бывших домовладельцев и купцов, думающих еще посчитаться с современной властью»²¹⁰.

На последнем заседании избран был весьма многочисленный синод из 35 церковных деятелей. Среди них были и бывший председатель обновленческого синода лжемитрополит

Евдоким (Мещеряков), так называемый «митрополит всея Сибири» Петр Блинов и глава Украинской обновленческой Церкви лжемитрополит Пимен (Пегов), но в синод вошли также священники и миряне. Избрали и президиум из четырех членов: лжемитрополит Московский Серафим (Руженцев), «митрополит-благовестник» Александр Введенский, протопресвитер Красоткин и профессор С. Зарин. Председателем синода и президиума остался лжемитрополит Вениамин, но подлинным начальником и вдохновителем обновленчества оставался Введенский. Лжесобор признал автокефалию Украинской Церкви.

* * *

Обновленческий лжесобор, задуманный для низвержения патриаршего престола, явно торопил ГПУ принимать меры против митрополита Петра. Тем не менее Тучков, зная уязвимость позиции обновленцев и их непопулярность в народе, не терял надежды использовать в своих интересах и законного первоиерарха Православной Церкви, чадами которой оставались тогда еще многие русские люди. В первых числах ноября начались интенсивные переговоры митрополита Петра с Тучковым об урегулировании положения православной Церкви в Советском государстве. Речь шла о легализации Церкви, о регистрации ВЦУ и епархиальных управлений, существование которых было нелегальным. Тучков требовал новой декларации с призывом к верующим сотрудничать с Советской властью, выведения за штат епархиальных архиереев, негодных властям, причем каждый раз Местоблюститель должен был отыскивать церковные мотивировки принимаемых решений. Необходимо было также осудить заграничных епископов и в дальнейшем поддерживать тесный контакт с ГПУ в лице Тучкова. Два последних требования были особенно тяжелы для митрополита Петра. Как-то раз он безапелляционно заявил: «Молчать я могу, но говорить ложь не стану»²¹¹. Местоблюститель патриаршего престола твердо отстаивал на переговорах независимость Церкви в ее внутренних делах и аргументы его были резкими и решительными. По словам очевидца, митрополит Петр неожиданно прервал переговоры, которые зашли в тупик, словами: «Вы все лжете, ничего не дадите, а только обещаете. А теперь потрудитесь оставить комнату, у нас будет заседание»²¹².

15 ноября в «Известиях» появилась статья некоего Теляковского с обвинениями и угрозами в адрес патриаршего Местоблюстителя, где сообщалось, что его послание расценивается обновленцами как контрреволюционный акт. В признании митрополита Петра карловацкой иерархией он видит доказательство тесных контактов между Местоблюстителем и епископами-беженцами. Митрополита Петра он объявляет орудием и ставленником зарубежных монархистов.

Между тем отношение митрополита Петра к зарубежным архиереям было столь же критическим, как и отношение к ним святителя Тихона. Католический аббат Д'Эрбиньи писал о своей беседе на эту тему с епископом Варфоломеем (Ремовым), который пользовался особым доверием Местоблюстителя: «Эти епископы-эмигранты,— сказал владыка Варфоломей иностранному визитеру,— эти митрополиты — истинные виновники несчастья православия. Когда плоды их старой политики созрели, они продолжали думать только о себе, о своих интересах, о своем тщеславии. Ни слова для спасения царской фамилии, которую они же сгубили. Разочаровавшись избранием набожного Святейшего Патриарха нашего Тихона, они без его благословения оставили свои епархии, уехали за границу, говорили и действовали против его воли, против его повелений; они организовали синод и собирали Соборы, несмотря на его запрещение. Патриарх сначала их предупреждал, затем обличал, осуждал, но они ничего не слушали и ничего не поняли. Он умолял их не подвергать неприятности всех православных России, а они думали только о себе, о своих непосредственных успехах, о будущих выгодах»²¹³. Хотя была настоятельная просьба к аббату опубликовать все это на Западе, а за словами явно скрывалось желание оправдаться в глазах гражданских властей, едва ли подлинное отношение

епископа Варфоломея и, вероятно, Местоблюстителя патриаршего престола, единомысленного с ним в отношении к карловацким епископам, было противоположно тому, что сказано в интервью.

Митрополит Петр помогал многим заключенным и сосланным: отправлял деньги митрополиту Казанскому Кириллу, архиепископу Никандру, своему предшественнику по Крутицкой кафедре, томившемуся в ссылке в Туркестане, секретарю Патриарха Тихона Петру Гурьеву и другим изгнанникам. Он благословил приходы жертвовать в пользу заключенных священнослужителей. Эта деятельность митрополита Петра вызывала крайнее недовольство гонителей Церкви. В ГПУ был выработан план, как устранить его от должности Местоблюстителя и спровоцировать новый раскол в Церкви, играя на честолюбии архиереев во главе с епископом Можайским Борисом (Рукиным) и архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским). Представители ГПУ предлагали епископу Борису образовать инициативную группу и подать от ее имени ходатайство во ВЦИК о легализации ВЦУ, одновременно издав обращение к пастве, в котором будет особо подчеркнуто вполне сочувственное отношение Церкви к политике советского правительства. После чего, уверяли епископа Бориса, ВЦУ, епархиальные управления и православные общины будут легализованы. Епископ Борис согласился с предложением, но заявил, что один он ничего сделать не сможет, и направил представителя ГПУ к патриаршему Местоблюстителю, рекомендуя митрополиту Петру принять предложение ГПУ. Но Местоблюститель отверг сделку; несмотря на это, епископ Борис не прекратил своих переговоров с ГПУ, одновременно требуя от митрополита Петра созвать архиерейский Собор, на котором планировал отстранить предстоятеля Церкви от Местоблюстительства. На это митрополит Петр отвечал: «Власти несомненно не допустят никакого свободного собрания православных архиереев, не говоря уже о Поместном Соборе»²¹⁴.

Представители ГПУ так формулировали свои условия, при выполнении которых они обещали нормализовать юридическое положение Церкви: 1) издание декларации, призывающей верующих к лояльному отношению к Советской власти; 2) устранение неугодных власти архиереев; 3) осуждение заграничных епископов и 4) контакт с правительством в лице представителя ГПУ. Митрополит Петр решил составить декларацию, адресованную советскому правительству, в которой он собирался показать, какими он видит отношения Церкви с государством в сложившихся обстоятельства. По черновому проекту Местоблюстителя текст декларации написал епископ Иоасаф (Удалов). Документ не был передан властям, поскольку митрополит Петр считал недостойным для Церкви передавать его через представителя ГПУ, а хотел для этого встретиться непосредственно с главой правительства. Проект декларации, адресованной в Совет народных комиссаров СССР, заканчивался такими словами: «Возглавляя в настоящее время после почившего Патриарха Тихона Православную Церковь на территории всего Союза и свидетельствуя снова о политической лояльности со стороны Православной Церкви и ее иерархии, я обращаюсь в Совнарком с просьбой во имя объявленного лозунга о революционной законности сделать категорические распоряжения ко всем исполнительным органам Союза о прекращении административного давления на православную Церковь и о точном выполнении ими изданных центральными органами власти узаконений, регулирующих религиозную жизнь населения и обеспечивающих всем верующим полную свободу религиозного самоопределения и самоуправления. В целях практического осуществления этого принципа я прошу, не откладывая далее, зарегистрировать повсеместно на территории СССР староцерковные православные общества со всеми вытекающими из этого акта правовыми последствиями и проживающих в Москве архиереев возвратить на места. Вместе с этим беру на себя смелость возбудить ходатайство перед Совнаркомом о смягчении участи административно наказанных духовных лиц. Одни из них — и притом некоторые в преклонном возрасте — не

один год томится в глухих безлюдных местах Печоры и Нарыма со своими застарелыми недугами без всякой медицинской помощи кругом, другие на суровом Соловецком острове исполняют физическую принудительную работу, к которой большинство из них совершенно не приспособлено. Есть лица, амнистированные ЦИКом СССР и после этого вот уже 2 года томящиеся в безводных степях Туркестана, есть лица, отбывшие свой срок ссылки, но все еще не получившие разрешения возвратиться на места служения.

Я решаюсь также просить и о более гуманном отношении к духовным лицам, находящимся в тюрьмах и отправляемым в ссылку. Духовенство в подавляющем большинстве изолируется по подозрению в политической неблагонадежности, а потому по справедливости к ним должен был применяться тот же несколько облегченный режим, каковой везде и всюду применяется к политическим заключенным. Между тем в настоящее время наше духовенство содержится вместе с заключенными уголовными преступниками и, иногда регистрируемые как бандиты, вместе с ними в общих партиях отправляются в ссылку.

Выражая в настоящем ходатайстве общие горячие пожелания всей моей многомиллионной паствы, как признанный ее высший духовный руководитель, я имею надежду, что желания нашего православного населения не будут оставлены без внимания высшим правительственным органом всей нашей страны, так как предоставить наиболее многочисленной православной Церкви права легального свободного существования, какими пользуются другие религиозные объединения,— это значит совершить по отношению к большинству народа только акт справедливости, который со всею признательностью будет принят и глубоко оценен православно-верующим народом»²¹⁵.

Этот документ попал в руки властей только после изъятия его при обыске у Местоблюстителя, но умонастроение митрополита Петра было хорошо известно властям. Они вполне понимали, что им не удастся сделать из него орудие в исполнении своих разрушительных для Церкви замыслов. 11 ноября 1925 г. Комиссия по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) постановила: «Поручить т. Тучкову ускорить проведение намечившегося раскола среди тихоновцев... В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру (Местоблюстителю патриаршества), поместить в «Известиях» ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора. Просмотр статей поручить гг. Стеклову П. И., Красикову П. А. и Тучкову. Им же поручить просмотреть готовящиеся оппозиционной группой декларации против Петра. Одновременно с опубликованием статей поручить ОГПУ начать против Петра следствие»²¹⁶.

В ноябре-декабре 1925 г. арестовали священнослужителей, близких к митрополиту Петру: епископов Амвросия (Полянского), Тихона (Шарапова), Николая (Добронравова), Гурия (Степанова), Иоасафа (Удалова), Пахомия (Кедрова), Дамаскина (Цедрика), а также бывших обер-прокуроров Святейшего Синода Владимира Саблера и Александра Самарина. Местоблюститель видел, что неминуем и близок его арест. Предвидя самые худшие для себя последствия, 5 и 6 декабря 1925 г. он составил два документа. В первом он писал: «В случае нашей кончины наши права и обязанности как патриаршего Местоблюстителя до законного выбора нового Патриарха предоставляем временно, согласно воле в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, высокопреосвященным митрополитам Казанскому Кириллу и Ярославскому Агафангелу. В случае невозможности, по каким-либо обстоятельствам, тому и другому митрополиту вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые передать высокопреосвященнейшему митрополиту Новгородскому Арсению. Если же и сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то права и обязанности патриаршего Местоблюстителя переходят к высокопреосвященнейшему митрополиту

Нижегородскому Сергию»²¹⁷. Во втором распоряжении говорилось: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности патриаршего Местоблюстителя временно поручаю исполнение таковых обязанностей высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Нижегородскому»²¹⁸. Вторым назывался митрополит Киевский и Галицкий Михаил (Ермаков), экзарх Украины, третьим — архиепископ Ростовский высокопреосвященный Иосиф (Петровых). «Возглашение за богослужением моего имени как патриаршего Местоблюстителя остается обязательным»²¹⁹, — напоминал митрополит Петр (Полянский), подчеркивая временность и вынужденность сделанного им распоряжения.

Конечно, единоличное распоряжение патриаршим престолом и назначение по завещанию Заместителя Местоблюстителя — событие в церковной истории небывалое и никакими канонами не предусмотренное. Но в тех неслыханно жестоких условиях, в которых жила тогда Русская Церковь, при совершенной невозможности созвать представительный Собор, местоблюстительство и заместительство по завещанию оставались единственным средством для сохранения патриаршего престола и высшей церковной власти. Большая часть епископата, духовенства и верующих понимали это и признавали первоиерархом или его заместителем того, на кого этот тяжкий жребий падал по воле первоиерарха.

10 декабря, после длительного обыска на дому, митрополит Петр был арестован и помещен в тюрьму ГПУ на Лубянке. Оттуда его через три недели перевели в Бутырки, посадили в камеру, где, кроме него, находилось еще 30 человек, в основном воры, бандиты и убийцы. И престарелый святитель томился в ней в смраде, в грязи, слушая кошунственные выкрики, ругань, злорадство. Потом узника снова перевели на Лубянку в одиночную камеру.

В эти же дни прошли массовые аресты в Ленинграде. Схватили управляющего епархией епископа Венедикта (Плотникова), епископов Сестрорецкого Николая (Клементьева), Шлиссельбургского Григория (Лебедева) и Ладожского Иннокентия (Тихонова), многих священников и мирян.

ГЛАВА IV. Русская Церковь при Местоблюстителе патриаршего престола митрополите Петре и заместителе Местоблюстителя митрополите Сергии (1925—1936)

14 декабря митрополит Нижегородский Сергей уведомил письмом викария Московской епархии епископа Клинского Гавриила (Красновского) о своем вступлении в исполнение обязанностей Заместителя Местоблюстителя по поручению митрополита Петра. Лишенный возможности выехать из кафедрального города в Москву, митрополит Сергей тем не менее приступил к исполнению своих обязанностей и 30 декабря возглавил хиротонию во епископа Гдовского маститого вдового протоиерея Димитрия (Любимова), назначил новым управляющим Московской епархии епископа Старицкого Петра (Зверева).

Между тем в Москве 22 декабря в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) состоялось совещание десяти архиереев, которые знали о назначении митрополита Сергия временным Заместителем Местоблюстителя, но считали, что после ареста митрополита Петра Церковь осталась без возглавления. Инициаторами совещания были те самые архиереи, которые обращались к митрополиту Петру с призывом во что бы то ни стало оправдаться в глазах властей. Они не доверяли Местоблюстителю, подозревая его в нежелании созвать Собор, поэтому, как только представилась возможность, образовали Временный высший церковный совет (ВВЦС) в составе шести архиереев под председательством архиепископа Григория. Участники совещания обратились к всероссийской пастве со своим посланием: «Верующие пастыри и пасомые в самом начале революции собрались на церковный Собор 1917 г. с тем, чтобы упорядочить жизнь церковную. С тою же целью они возглавили Русскую Церковь Святейшим Патриархом Тихоном... Патриарх Тихон был человек и как человек не мог не ошибаться среди бурного течения революции. Естественно было искать исправления ошибок. Но исправление оказалось хуже самих ошибок. За исправление взялись люди с нечистыми руками и нечистым сердцем и повели Церковь по строптивым, нечистым путям, чем оттолкнули от себя и от своего дела верующий народ и вынудили Патриарха Тихона взять в свои руки кормило церковного правления... Чувствуя приближение кончины и предвидя невозможность канонического избрания себе преемника, Патриарх Тихон назначил Местоблюстителями патриаршей кафедры митрополитов: Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела и Крутицкого Петра. Собрание православных епископов, участвовавших в погребении почившего первосвятителя, за отсутствием двух первых вручило права патриаршего Местоблюстителя митрополиту Крутицкому Петру. Но не угодно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия святой Церкви лишь усугубились... Она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля святой Церкви как бы затмилась единою человеческою волею. Ввиду сего мы... решили избрать Временный высший церковный совет для ведения текущих дел Русской Православной Церкви и для подготовки канонически правильного Собора... При этом мы твердо решили не входить ни в какие отношения и общение с обновленцами и обновленчеством во всех его видах... Вместе с тем мы считаем своим долгом засвидетельствовать нашу совершенную законопослушность преобладающей власти правительства СССР и веру в его добрую волю, в чистоту его намерений в служении благу народа. Взаимно мы просим верить нашей лояльности и готовности служить на благо того же народа»²²⁰.

Документ составлен достаточно велеблагословенно и не совсем добросовестно: нет ни слова о назначении митрополитом Петром Заместителя — митрополита Сергия, что давало возможность уверять церковный народ в том, что митрополит Сергей будто бы и не заявлял о своих правах.

На следующий день сторонники архиепископа Григория обратились в НКВД с прошением о легализации своего учреждения и через десять дней получили справку, выданную «гр. Григорию Яцковскому, Рукину Борису, Бульчеву К., Бусыгину И., Воскресенскому Д., Пятницкому В., Русинову Т., Русинову М., Зорину В. в том, что к открытию деятельности Временного совета впредь до утверждения такового со стороны НКВД препятствий не встречается»²²¹. В праздник Рождества Христова в «Известиях» опубликовано было интервью с архиепископом Григорием, в котором он благодарит гражданские власти за легализацию своего детища. Итак, у Русской Православной Церкви, у тихоновцев, помимо арестованного патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя митрополита Сергия появилось новое высшее управление, и ситуация могла привести к расколу. Правда, архиереи «григорьевцы», названные так по имени своего председателя, не посягали на православное вероучение и богослужебные обряды. Они, вероятно, искренне заявляли о своей верности заветам Патриарха Тихона, и, конечно, сама их акция была предпринята с целью поправить положение, в котором оказалось высшее церковное руководство, хотя не обошлось и без властолюбивых мечтаний, не говоря уж о том, что действия их были инспирированы Тучковым.

Узнав об образовании ВВЦС, митрополит Сергей в письме архиепископу Григорию решительно протестовал против действий группы архиереев в обход законной церковной власти. В ответе ему архиепископ Григорий обстоятельно излагал свою позицию, защищал правомочность ВВЦС и приглашал митрополита Сергия войти в его состав и даже возглавить его. На переговоры в Нижний ВВЦС направил епископа Дамиана (Воскресенского) с заданием убедить митрополита Сергия в том, что создатели ВВЦС якобы ничего не знали о распоряжении митрополита Петра, сделанном накануне ареста. После возвращения епископа Дамиана в Москву ВВЦС шлет митрополиту Сергию новую телеграмму: «Уверившись через епископа Дамиана... о возложении на вас митрополитом Петром исполнения обязанностей Местоблюстителя, испросив вам разрешение выезда, братски просим вас пожаловать в Москву, в ВВЦС, для выяснения церковных дел»²²². Митрополит Сергей в ответном письме архиепископу Григорию запретил его самого и сторонников ВВЦС в священнослужении и объявил о предании их церковному суду. Тогда ВВЦС решил обратиться к митрополиту Петру с просьбой утвердить совет и аннулировать полномочия митрополита Сергия. По мнению членов ВВЦС, сама ситуация подталкивала к принятию такого решения: митрополит Сергей не мог управлять Церковью (не выезжая из Нижнего Новгорода), а митрополит Михаил (Ермаков) и архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых) отказались от заместительства.

19 января 1926 г. членам ВВЦС во главе с архиепископом Григорием разрешили встретиться в тюремной камере с первоиерархом митрополитом Петром. Тучков и его помощники надеялись стать свидетелями новой церковной смуты, и «григорьевцы» вольно или скорее невольно подыграли им. Во время свидания они настойчиво требовали от митрополита Петра передачи им власти, уверяя, что только они, получившие признание советской власти, — чего не удавалось сделать ни Патриарху Тихону, ни митрополиту Петру, не удастся и митрополиту Сергию, — сумеют до конца нормализовать отношения с гражданской властью и обеспечить Церкви спокойное существование.

В конце концов им удалось убедить Местоблюстителя, которого тюремщики держали в полном неведении о ходе церковных дел, издать новое распоряжение об управлении Церковью: «В глубокой скорби осведомились мы из настоящего доклада, что в Православной Церкви

начались разделения, могущие вызвать новый раскол, что высокопреосвященный митрополит Сергей проживает не в Москве, а в Нижнем Новгороде... и что высокопреосвященный митрополит Михаил совершенно отклонил от себя наше поручение по исполнению обязанностей патриаршего Местоблюстителя, а высокопреосвященный архиепископ Иосиф не может принять его, так как он совсем неизвестен советской власти. Признаем полезным временно, до выяснения нашего дела, поручить исполнение обязанностей патриаршего Местоблюстителя коллегии из трех архиереев: высокопреосвященного Николая Владимирского, высокопреосвященного Димитрия, архиепископа Томского, и высокопреосвященного Григория, архиепископа Екатеринбургского... Эта коллегия является выразительницей наших, как патриаршего Местоблюстителя, полномочий по всем вопросам, кроме вопросов принципиальных и общецерковных, проведение в жизнь которых допустимо лишь с нашего благословения. Означенная коллегия по соглашению с властями пользуется правом пригласить для совместной работы потребное количество других архипастырей. Со своей стороны предлагаем им архиепископов Сильвестра Вологодского и Серафима Орловского и преосвященных епископов: Николая Тульского и Сергия, управляющего Самарской епархией. Преосвященным епископам Виссариону, Тихону и Иннокентию благословляем отправиться в свои епархии»²²³.

Но «григорьевцы» опять пошли на обман, скрыв от заключенного первосвященника, что архиепископ Николай (Добронравов) находится под арестом и архиепископ Димитрий (Беликов) не имеет разрешения на проезд в Москву. Резолюцию же в целом ВВЦС поспешил истолковать как передачу митрополитом Петром управления Церковью архиепископу Григорию. После этого ВВЦС объявляет об устранении от временного управления Московской епархией назначенного митрополитом Сергием епископа Старицкого Петра, а епископ Можайский Борис издает циркуляр о своем вступлении в управление столичной епархией.

23 января архиепископ Григорий вновь обращается к митрополиту Сергию с письмом, в котором утверждает, что распоряжение Местоблюстителя от 6 декабря о передаче полномочий ему, митрополиту Сергию, не соответствует духу и букве священных канонов, и в доказательство прилагает к нему резолюцию митрополита Петра. В ответном письме митрополит Сергей поясняет, что резолюция митрополита Петра составлена в условной форме и явно свидетельствует о его незнании событий церковной жизни за последнее время, поэтому он отказывается ей подчиняться и сохраняет за собой заместительство.

4 марта арестованный митрополит Петр письмом из тюрьмы приглашает своего заместителя в Москву для переговоров о ВВЦС. Другое письмо он отправил в Ташкент сосланному старейшему иерарху, митрополиту Новгородскому Арсению, предложив ему участвовать в работе ВВЦС. К митрополиту Сергию в Нижний поступает еще одно послание от архиепископа Григория, опять с приглашением приехать в Москву для переговоров. Но митрополит Сергей лишен был права на выезд из Нижнего. В послании к арестованному митрополиту Петру от 18 марта он обосновывает свое право в качестве исполняющего обязанности первого епископа подвергать других архиереев запрещению до Собора: «Так действовал, между прочим, и Святейший Патриарх Тихон, запретивший, например, бывшего архиепископа Владимира Путяту, епископа Иоанна Киструсского и других. Так поступили и Ваше Преосвященство в деле, например, Леонтия»²²⁴.

Тучков всячески пытался организовать поддержку архиепископу Григорию со стороны епископов и видных церковных деятелей, прекрасно понимая, что права архиепископа совсем зыбкие. Он надеялся, что, чем дольше продлится замешательство, тем глубже будет раскол и скорее развалится Церковь. В конце 1925 г. из Соловецкого концлагеря в ярославскую тюрьму был переведен архиепископ Верейский Иларион (Троицкий), авторитет которого в Церкви был

исключительно велик. Ему было устроено свидание с переметнувшимся к обновленцам бывшим епископом Гервасием, оказавшимся на короткий срок в изоляторе. В разговоре, состоявшем из взаимных обвинений, архиепископ Иларион сказал, что скорее сгниет в тюрьме, чем изменит православию и пойдет к обновленцам. Тогда сотрудник ГПУ принимается за «обработку» владыки Илариона, пытаясь склонить его к поддержке «григорьевцев». В изоляторе узнику устраивают более сносную жизнь, чем на Соловках: разрешают читать святоотеческие книги, писать и передавать на волю тетрадки со своими записями. Сотрудник ГПУ то обещал ему свободу: «Вас Москва любит, вас Москва ждет», то запугивал: «А какой срок у вас? Три года? Для Илариона три года! Так мало». Не запугивания и лесть, а неосведомленность архиепископа Илариона во всех перипетиях, связанных с выступлением «григорьевцев» против Заместителя Местоблюстителя, могла повлиять на его решения.

26 февраля архиепископ Иларион пишет из заключения митрополиту Сергию:

«Для меня затруднительно суждение о частностях и подробностях этой жизни, но, думаю, общая линия церковной жизни — и ее недостатки, и ее болезни мне известны. Главный недостаток... это отсутствие в нашей Церкви Соборов. Церковная практика, включая и постановления Собора 1917—1918 гг., к этим новым условиям не приспособлена, так как она образовалась в иных исторических условиях. Положение значительно осложнилось со [смертью](#) Святейшего Патриарха Тихона. Вопрос о местоблюстительстве... тоже сильно запутан, церковное управление в полном расстройстве. Не знаю, есть ли среди нашей иерархии и вообще среди сознательных членов Церкви такие наивные и близорукие люди, которые имели бы нелепые иллюзии о реставрации и свержении советской власти и т. п., но думаю, что все желающие блага Церкви сознают необходимость Русской Церкви устраиваться в новых исторических условиях. Следовательно, нужен Собор, и прежде всего нужно просить государственную власть разрешить созвать Собор. Но кто-то должен собрать Собор, сделать для него необходимые приготовления, словом — довести Церковь до Собора. Потому нужен теперь же, до Собора, церковный орган. К организации и деятельности этого органа у меня есть ряд требований: 1) Временный церковный орган не должен быть в своем начале самовольным, то есть должен... иметь согласие Местоблюстителя. 2) По возможности во временный церковный орган должны войти те, кому это поручено Местоблюстителем митрополитом Петром или Святейшим Патриархом. 3) Временный церковный орган должен объединять, а не разделять епископат, он не судья и не каратель несогласных — таковым будет Собор. 4) Временный церковный орган свою задачу должен мыслить скромной и практичной — созыв Собора... Над иерархией и церковными людьми встает отвратительный призрак ВЦУ 1922 г. Церковные люди стали подозрительны. Временный церковный орган должен как огня бояться хотя бы малейшего сходства в своей деятельности с преступной деятельностью ВЦУ. Иначе получится только новое смятение. ВЦУ начинало со лжи и обмана. У нас все должно быть основано на правде. ВЦУ, орган совершенно самозванный, объявил себя верховным вершителем судеб Русской Церкви, для которого необязательны церковные законы и вообще все Божеские и человеческие законы... ВЦУ занялось гонением на всех, ему не подчиняющихся... и, грозя направо и налево казнями... вызвало нарекания на власть, нарекания, едва ли желательные для самой власти... Ничего подобного, до самого малейшего намека, не должно быть в действиях временного церковного органа. 5) Временный орган не должен подвергать запрещениям несогласных с ним архиереев. Его единственная цель — созыв Собора, причем Собор этот должен быть именно собран, а не подобран. Собор подобранный не будет иметь никакого авторитета и принесет не успокоение, а только новое смятение в Церкви. Едва ли есть нужда увеличивать в истории количество разбойничьих Соборов. Довольно и трех: Ефесского 449 г. и двух московских — 1923 и 1925 гг. Самому же будущему Собору мое первое пожелание то, чтобы он мог доказать свою полную

непричастность и несолидарность со всякими политически неблагонадежными направлениями, рассеять тот туман бессовестной и смрадной клеветы, которым окутана Русская Церковь преступными стараниями злых деятелей (обновления)... Я верю, что на Соборе обнаружится понимание всей важности ответственного церковного момента и он устроит церковную жизнь соответственно новым условиям»²²⁵.

Послание архиепископа Илариона исполнено самых здравых и мудрых мыслей, но дело в том, что о Соборе много толковали тогда «григорьевцы», поэтому они расценили послание архиепископа Илариона как поддержку ВВЦС. Однако Тучков, убедившись, что владыка Иларион все же не тот архиерей, которого можно использовать в противоцерковных замыслах, распорядился вскоре отправить узника обратно на Соловки. Там, получив от сосланных священнослужителей более точные сведения о ходе церковных дел и о характере выступления «григорьевцев», архиепископ Иларион решительно отвернулся от них и выразил сожаление о своем письме из ярославского изолятора.

Российский епископат, встревоженный раздорами вокруг высшей церковной власти, не мог оставаться равнодушным и безучастно наблюдать за ходом событий. Епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов) направил архиепископу Григорию письмо с резким осуждением его действий и с выражением поддержки митрополита Сергия, который как временный глава Церкви имел право накладывать на него прещение. Под этим письмом стоят подписи еще шести архиереев. 12 марта на имя митрополита Сергия приходит послание восьми украинских епископов во главе с экзархом Украины митрополитом Михаилом с выражением безусловной поддержки его действий против самозванного ВВЦС. С одобрением позиции Заместителя Местоблюстителя выступил и временно управлявший Ярославской епархией архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), а епископ Кунгурский Аркадий (Ершов) назвал «григорьевцев» «новыми врагами» Церкви Христовой и увидел в их действиях проявление властолюбия. Наконец, 2 апреля 25 русских архиереев, находившихся на свободе, обратились с посланием к митрополиту Сергию, в котором выражено полное согласие с его прещениями против «григорьевцев». Правда митрополита Сергия в его действиях против самозванных претендентов на высшую церковную власть нашла поддержку большей части епископата, духовенства и мирян.

22 апреля чекисты привезли митрополита Сергия в ГПУ, и там он составил письменное объяснение своих действий в отношении ВВЦС для арестованного первоиерарха. Получив это объяснение, митрополит Петр в тот же день отправил своему Заместителю ответное письмо, в котором объявлял об аннулировании полномочий ВВЦС и подтверждал сделанное им ранее назначение митрополита Сергия своим временным Заместителем. Верховный пастырь Церкви признает ошибочность своего решения передать церковную власть коллегии с участием архиепископа Григория и под письмом ставит подпись: «Кающийся Петр». Таким образом, претензии ВВЦС были окончательно отвергнуты. Натиск «григорьевцев» был отбит, их борьба против Заместителя Местоблюстителя за церковную власть окончилась поражением. Григорьевцы становятся с этих пор малочисленной раскольнической группировкой.

* * *

Но Тучков не терял надежды углубить раскол в епископате и включил в опасную для судеб Церкви игру митрополита Агафангела, поименованного вторым после митрополита Кирилла в завещании Патриарха Тихона о Местоблюстителях патриаршего престола. Для этого в начале апреля Тучков сам едет в Пермь к сосланному митрополиту Агафангелу и предлагает ему возглавить церковное управление, ознакомив его с обвинением в тяжких политических преступлениях, выдвинутым против митрополита Петра. Тучкову нетрудно было убедить митрополита Агафангела в том, что власти ни за что не потерпят возглавления Церкви таким

контрреволюционером и преступником, как митрополит Петр. Оказывается, по словам Тучкова, митрополит Сергей тоже находится под подозрением властей, да и по завещанию Патриарха Тихона у митрополита Агафангела больше прав на Местоблюстительство, чем у митрополитов Петра и Сергея. Тучков уверял владыку, что к нему власти относятся с большим доверием, поэтому ему легче добиться легализации церковного управления, чем другим архиереям, он сумеет обеспечить Церкви легализацию. В конце концов Тучков убедил митрополита Агафангела заявить о своих правах.

Ловко срежиссированная Тучковым и его подручными ситуация повлекла за собой переписку высших иерархов Русской Церкви, арестованных, сосланных или ограниченных в правах (митрополитов Петра, Сергея и Агафангела) и поэтому лишь частично осведомленных о событиях церковной жизни в стране. 18 апреля митрополит Агафангел из Перми обратился к всероссийской пастве с посланием, в котором извещал о вступлении своем в должность Местоблюстителя. В сопроводительной записке для архиереев он просил возносить за богослужениями в храмах его имя как первоиерарха Русской Церкви. 26 апреля он направил такое же послание митрополиту Сергию. В это время митрополит Петр еще не отменил своего решения о передаче церковной власти коллегии с участием архиепископа Григория, и потому враги Церкви злорадствовали: у тихоновской Церкви объявилась четвертая глава, кроме митрополитов Петра и Сергея, архиепископа Григория, еще и митрополит Агафангел.

27 апреля митрополит Агафангел переехал в кафедральный город Ярославль. Узнав еще до получения обращенного к нему послания о претензиях митрополита Агафангела, владыка Сергей отослал ему письмо в Пермь, но оно не застало там уже освобожденного из ссылки архипастыря, и Заместитель Местоблюстителя направил ему 30 апреля новое письмо в Ярославль. Он обстоятельно объяснил претенденту на местоблюстительство незаконность его притязаний, ведь первоиерарх Русской Церкви митрополит Петр не отказался от своих прав.

«Собор 1917—1918 гг.,— писал митрополит Сергей,— сделал Святейшему Патриарху поручение, в изъятие из правил, единолично назначить себе преемников или заместителей на случай экстренных обстоятельств. Имена же этих заместителей Патриарх должен был, кроме них, не объявлять, а только сообщить Собору в общих чертах, что поручение исполнено. Я знал о таком поручении Собора Патриарху, но на заседании том не был. Преосвященный же Прилукский Василий подтверждает, что он был и на первом (закрытом) заседании, когда Патриарху было дано поручение, и на втором, когда Патриарх доложил Собору, что поручение исполнено. В силу именно такого чрезвычайного поручения Святейший Патриарх и мог вас назначить своим заместителем грамотой от 3 (16) мая 1922 г. единолично». О смысле завещания покойного Патриарха митрополит Сергей писал: «...в распоряжении Святейшего нет ни слова о том, чтобы он (Местоблюститель.— В. Ц.) принял власть лишь временно, до возвращения старейших кандидатов. Он принял власть законным путем, и, следовательно, может быть ее лишен только на законном основании, т. е. или в случае добровольного отказа, или по суду архиереев»²²⁶. В заключение митрополит Сергей просит владыку Агафангела во избежание церковной беды отказаться от претензий на возглавление Церкви.

Через две недели митрополиты Агафангел и Сергей встретились в Москве, получив специальное разрешение от НКВД. Тучков надеялся, что в результате этих переговоров во главе Церкви встанет митрополит Агафангел, и митрополит Сергей согласился передать управление Церковью старейшему иерарху, митрополиту Агафангелу, но только просил его отсрочить вступление в должность патриаршего Местоблюстителя до окончания дела арестованного митрополита Петра. Но сразу же после встречи митрополит Сергей понял, что совершил ошибку, и уже 16 мая, через три дня после беседы с митрополитом Агафангелом, послал ему новое письмо, в котором отказывался от достигнутого соглашения, заключенного за спиной

законного первоиерарха. В этом, третьем, письме говорилось: «Митрополит Петр (Полянский) предан лишь гражданскому суду и сохраняет должность за собою... С должностью же местоблюстителя дело обстоит почти во всем аналогично должности Патриарха... Предъявлять свои права на должность Местоблюстителя, когда она занята законно ее получившим митрополитом Петром, говоря языком канонов, это было бы покушением низвергнуть своего законного главу, первого епископа, и восхитить его права и власть»²²⁷. 20 мая, еще до получения этого письма, владыка Агафангел телеграфировал из Ярославля в Нижний митрополиту Сергию, что ждет проект послания о передаче местоблюстительских прав. На это митрополит Сергей в тот же день отвечал тоже телеграммой: «Проверив справку, я убедился в отсутствии Ваших прав. Усердно прошу: воздержитесь от решительного шага»²²⁸. И на другой день получил от митрополита Агафангела вторую телеграмму с угрозой опубликовать документ о полученном от него согласии и его отказ от данных обязательств.

И опять, как и после выступления «григорьевцев», Тучков включает в эту зловещую игру своего пленника — патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, получающего только отрывочные сведения о ходе церковных дел, ровно столько, сколько сочтет нужным ему сообщить Тучков; он ознакомил митрополита Петра только с посланием владыки Агафангела из Перми о вступлении в обязанности Местоблюстителя патриаршего престола. 22 мая первоиерарх, не зная о том, что митрополит Сергей уже изменил свое решение, шлет митрополиту Агафангелу письмо, в котором приветствует его вступление в отправление обязанностей Местоблюстителя. На следующий день митрополит Сергей отправляет митрополиту Агафангелу еще одно, четвертое, послание с настоятельной просьбой отказаться от притязаний, ибо законным первоиерархом остается митрополит Петр. «Мы оба,— пишет митрополит Сергей,— одинаково заинтересованы в том, чтобы осталось незыблемым каноническое основание власти нашего первого епископа, потому что на законности этой власти зиждется все наше церковное благосостояние. Получив власть не по праву, Ваше Высокопреосвященство только подвергли бы себя церковному суду. То же бы ожидало и меня»²²⁹.

24 мая митрополит Сергей направляет письмо на имя временного управляющего Московской епархией епископа Алексия (Готовцева) и через него к находившимся в Москве архиереям с изложением своей позиции: высокопреосвященный Агафангел должен отказаться от своих притязаний или будет предан суду архиереев. «В случае неподчинения,— пишет он,— я тем же письмом устранию его от управления Ярославской епархией... Если же подсудимый окажется непреклонным, я просил бы решить, достаточно ли одного устранения от управления епархией или ввиду тяжести нарушения канонов и размеров произведенного соблазна наложить на митрополита Агафангела запрещение в священнослужении впредь до решения его дела Собором архиереев»²³⁰. Когда составлялось это письмо, митрополит Сергей еще не знал о решении митрополита Петра отказаться от местоблюстительства и передать свои права владыке Агафангелу. Получив же это письмо, преосвященный Алексий поручил епископу Рыбинскому Серафиму (Силичеву) собрать мнения архиереев по делу митрополита Агафангела. Но в тот же день, когда митрополит Сергей обращался к епископату с вопросом о мерах против митрополита Агафангела, владыка Агафангел, тоже еще не зная о решении патриаршего Местоблюстителя, телеграфировал митрополиту Сергию: «Продолжайте управлять Церковью. Предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства»²³¹. Получив послание митрополита Петра с отказом от местоблюстительства, митрополит Агафангел 4 июня уже из Москвы новым письмом извещает митрополита Сергия, что принял канцелярию патриаршего Местоблюстителя.

9 июня митрополит Петр из тюрьмы послал владыке Агафангелу письмо, в котором подтверждал передачу ему местоблюстительства, но добавляет, что в случае невозможности или отказа воспринять власть права патриаршего Местоблюстителя возвращаются к нему, а замещение — к митрополиту Сергию. В письме также подтверждается запрет, наложенный на епископов, вошедших в ВВЦС.

Замешательство и неразбериха на вершине церковной власти глубоко встревожили епископат. Притязания митрополита Агафангела на местоблюстительство, оправдываемые отчасти завещанием Патриарха Тихона, все же смутили большинство архиереев, которые увидели в этом новую угрозу раскола. К тому же большинство епископов догадывалось или прямо знало о том, что к этому выступлению митрополита Агафангела причастен Тучков. Как и при выступлении «григорьевцев», первым в поддержку митрополита Сергия выступил епископ Прилуцкий Василий (Зеленцов). Он послал открытое письмо митрополиту Агафангелу, осуждающее его претензии на местоблюстительство при живом Местоблюстителе святителе Петре. К его мнению присоединилось еще 15 архиереев, которые находились тогда в Москве. С поддержкой митрополита Сергия выступили украинские епископы и большинство архиереев-беженцев. Убедившись, что устранение митрополита Сергия от церковной власти не послужит на благо Церкви, митрополит Агафангел в письме на имя гражданских властей заявил об отказе от должности Местоблюстителя, ссылаясь на свой преклонный возраст и расстроенное здоровье.

Еще не зная об отказе митрополита Агафангела от своих притязаний, 24 епископа выносят по его делу определение о предании суду и запрещении в священнослужении. 13 июня митрополит Сергей ставит на этом определении резолюцию воздержаться от запрещения, «поскольку его выступление находит для себя некоторое извинение в получении письма митрополита Петра (Полянского)»²³². Владыке Агафангелу предлагается в недельный срок отказаться от своих притязаний. В этот же день Заместитель Местоблюстителя пишет митрополиту Агафангелу пятое послание, в котором настаивает на своих правах на высшую церковную власть и объясняет причины, по которым он отказывается подчиниться и самому митрополиту Петру: «Митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими»²³³. Но телеграммой от 17 июня митрополит Агафангел, наконец, известил о своем отказе от местоблюстительства и митрополита Сергия.

Так улажен был еще один опасно затянувшийся конфликт вокруг патриаршего престола. Возник он потому, что почти половина архиереев томилась в тюрьмах и ссылках и советская власть не допускала проведения Собора. И наконец, Тучков проявил на этот раз незаурядную изобретательность в интригах по разрушению Церкви.

10 июня митрополит Сергей обратился в НКВД с просьбой о легализации Высшего церковного управления. Он просил о регистрации канцелярии и епархиальных советов, о разрешении проводить архиерейские Соборы и издавать журнал «Вестник Московской Патриархии». Для этого он представил проект «Обращения» к всероссийской пастве, который одновременно разослали и по епархиям. В этом проекте подчеркивалась лояльность Церкви государственной власти, но в отличие от обновленческих манифестов не скрывалась та пропасть, что лежала между безбожным материализмом (официальной идеологией правящей партии) и христианством. Отделение Церкви от государства интерпретировалось как гарантия невмешательства как Церкви в политику, так и государственной власти во внутрицерковные дела. В соответствии с постановлением Поместного Собора 1917—1918 гг. в проекте

«Обращения» говорилось о том, что политическая деятельность отдельных верующих — это их частное дело, Церковь же должна оставаться вне политики, и поэтому высшая церковная власть не несет ответственности за политические выступления своих членов, в том числе эмигрантов и церковных деятелей. «Мы не можем,— говорилось в проекте «Обращения»,— взять на себя наблюдение за политическим настроением наших единоверцев... обрушиться на заграничное духовенство за его неверность Советскому Союзу какими-нибудь церковными наказаниями было бы ни с чем не сообразным и дало бы лишний повод говорить о принуждении нас к тому советской властью,— сказано далее в «Обращении».— Всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступает в ведение заграничных поместных православных Церквей, смотря по территории... Отмежевавшись таким образом от эмигрантов, мы будем строить свою церковную жизнь в пределах СССР совершенно вне политики»²³⁴. Проект этот вызвал широкое одобрение в церковной среде, но не в тех органах, куда он был представлен. Там его признали совершенно неудовлетворительным, и ходатайство Заместителя патриаршего Местоблюстителя о легализации было отвергнуто. 10 сентября в ответ на послание зарубежного Синода Русской Православной Церкви митрополит Сергей обращается к архиереям-беженцам с доверительным письмом, не предназначенным для печати. Касаясь вопроса о разногласиях между зарубежными иерархами, владыка Сергей писал, что не может быть судьей, не зная предмета разногласий. Он считает, что необходимо иерархам-беженцам создать «для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия... Если такого органа, общепризнанного всею эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уж лучше покориться воле Божией...» и подчиниться местной православной власти. «В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви»²³⁵.

После убийства митрополита Вениамина Петроградская, а теперь Ленинградская кафедра вдовствовала уже более четырех лет. Те архипастыри, которым предлагалось занять этот престол, отказывались стать преемниками священномученика, и епархия управлялась викарными архиереями. Наконец, в августе 1926 г. митрополит Сергей по просьбе питерской паствы назначил на кафедру архиепископа Ростовского Иосифа с возведением его в сан митрополита. 29 августа митрополит Иосиф прибыл в Ленинград. В покои к нему пришли верующие, которые хотели бы видеть митрополитом епископа Алексея (Симанского), и просили владыку Иосифа или отказаться от назначения, или сделать своим ближайшим помощником по управлению епархией епископа Алексея. Но митрополит отверг эти ходатайства. В своем кафедральном городе митрополит Иосиф пробыл всего два дня, отслужив лишь всенощную и литургию в Троицком соборе Александро-Невской лавры. Первая за многие годы служба митрополита привлекла в собор множество богомольцев. На другой день, 31 августа, владыка выехал в Ростов для завершения дел, связанных с переездом, но вернуться в свою епархию ему не пришлось — въезд в Ленинград митрополиту был запрещен. Управлять своей паствой он мог лишь из Ростова Великого через викариев, но тогда это было участием почти всех российских епархий.

В 1926 г. было совершено несравненно больше архиерейских хиротоний, чем их совершалось за год в предреволюционную пору. Сонм архипастырей пополнился 21 епископом, среди новохиротонисанных владык были [Аркадий \(Остальский\)](#), Синезий (Зарубин), Макарий (Звездов), Евгений (Кобранов). Нужда в новых архиерейских хиротониях, как и прежде, вызывалась непрекращавшимися гонениями на православную Церковь, арестами, ссылками архипастырей. Православное духовенство томилось в тюрьмах и ссылках в Сибири и на Севере, в Туркестане и на Дальнем Востоке. Местом своеобразной ссылки порой были и столичные

центры, вроде Москвы или Харькова, откуда архиереев не выпускали в свои епархии. Но главным узилищем оставался Соловецкий концлагерь особого назначения, святая обитель преподобных Савватия, Зосимы, Германа и святителя Филиппа. К 1926 г. здесь было 24 архиерея, не говоря уже о других священнослужителях. Старшим соловецкие архиереи признавали архиепископа Евгения (Зернова). Это был человек, отличавшийся житейской мудростью и богословскими познаниями, всегда ровный, спокойный, невозмутимый в общении со всеми, даже с тюремщиками, исполненный христианской любви. И в голодном лагере он не отступал от строгого поста и всю жизнь носил грубое холщовое одеяние, несмотря на слабое физическое сложение и болезненность. В лагере его любили все, велик был и его духовный авторитет. Однажды один из вольных соловецких монахов-рыбаков заболел. Начальство лагеря предложило ему выехать на материк, но болящий инок обратился за советом к святителю Евгению, и владыка сказал, что ему лучше умереть в монастыре, как велит его иноческий обет. «Благословите, владыко, и помолитесь обо мне», — ответил монах. Через несколько дней инок преставился ради святого послушания и по молитвам владыки.

От вновь прибывавших в Соловецкий лагерь узников доходили вести о жизни на воле, о церковных нестроениях и бедах. 7 июня в продуктовом складе, которым заведовал игумен Питирим (Крылов) из Казани, тайно собрались 17 архиереев, в том числе и архиепископ Иларион (Троицкий), и еще несколько лиц духовного звания обсудить последние церковные события, о которых сообщил профессор Московской Духовной Академии И. В. Попов. В результате появилась знаменитая «Памятная записка соловецких епископов», обращенная к правительству СССР и отражающая позицию Русской Православной Церкви по вопросу отношений с Советским государством. В этом документе, в частности, говорится:

«Несмотря на основной закон советской Конституции, обеспечивающий верующим полную свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управления; не может перевести свою деятельность в ее исторический центр — Москву; ее епископы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждены отказываться от исполнения самых существенных обязанностей своего служения — проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель патриаршего престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылке или на принудительных работах... Уже много раз Православная Церковь сначала в лице покойного Патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей пыталась в официальных обращениях к правительству рассеять окутывавшую ее атмосферу недоверия. Их безуспешность и искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям... побуждают руководящий орган Православной Церкви еще раз... изложить пред правительством принципы, определяющие ее отношение к государству. Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности, и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает его видеть политическая подозрительность, в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, так как всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в

границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства, от восточной деспотии старой Турции до республики Североамериканских штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства советских республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира... коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. С высот философского миросозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм — товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодonoшения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах миросозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между «да» и «нет», потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм... При создавшемся положении Церковь желала бы только полного и последовательного проведения в жизнь закона об отделении Церкви от государства. К сожалению, действительность далеко не отвечает этому желанию. Правительство как в своем законодательстве, так и в порядке управления не остается нейтральным по отношению к вере и неверию, но совершенно определенно становится на сторону атеизма, употребляет все средства государственного воздействия к его насаждению, развитию и распространению, в противовес всем религиям... Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть перечисленных стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющего подавляющее большинство и в государстве. Ее положение отягчается еще тем обстоятельством, что отколовшаяся от нее часть духовенства, образовавшая из себя обновленческую схизму, стала как бы государственной Церковью, которой советская власть вопреки ей же изданным законам оказывает покровительство в ущерб Церкви Православной. В официальном акте правительство заявило, что единственно законным представителем Православной Церкви в пределах СССР оно признает обновленческий синод. Обновленческий раскол имеет действующие беспрепятственно органы высшего и епархиального управления, его епископы допускаются в епархии, им разрешается посещение общин, в их распоряжение почти повсеместно переданы отобранные у православных соборные храмы, обыкновенно вследствие этого пустующие... Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь полной свободой... Напротив, со всей справедливостью она должна заявить, что не может признать справедливыми и приветствовать ни законов, ограничивающих ее в исполнении своих религиозных обязанностей, ни административных мероприятий, во много раз увеличивающих стесняющую тяжесть этих

законов, ни покровительства, оказываемого в ущерб ей обновленческому расколу. Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Лояльности Православной Церкви советское правительство не верит. Оно обвиняет ее в деятельности, направленной к свержению нового порядка и восстановлению старого. Мы считаем необходимым заверить правительство, что эти обвинения не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления Патриарха, дававшие повод к этим обвинениям, но все изданные Патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало... Всюду действовали группы подозрительных лиц... Они избивали епископов и священнослужителей, ни в чем не повинных, врывались в дома и больницы, убивали там людей, расхищали там имущество, ограбляли храмы и затем бесследно рассеивались. Было бы странным, если бы... среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящих нестроений. Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом... Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к советскому правительству, решительно отказался от всякого влияния на политическую жизнь страны. До конца своей жизни Патриарх оставался верен этому акту. Не нарушили его и православные епископы...

Закон об отделении Церкви от государства двусторонен, он запрещает Церкви принимать участие в политике и гражданском управлении, но содержит в себе и отказ государства от вмешательства во внутренние дела Церкви и ее вероучение, богослужение и управление. Всецело подчиняясь этому закону, Церковь надеется, что и государство добросовестно исполнит по отношению к ней те обязательства по сохранению ее свободы и независимости, которые в этом законе оно на себя приняло. Церковь надеется, что не будет оставлена в этом бесправном и стесненном положении, в котором она находится в настоящее время, что законы об обучении детей закону Божию и о лишении религиозных объединений прав юридического лица будут пересмотрены и изменены в благоприятном для Церкви направлении, что останки святых, почитаемых Церковью, перестанут быть предметом кощунственных действий и из музеев будут возвращены в храмы. Церковь надеется, что ей будет разрешено организовать епархиальные управления, избрать Патриарха и членов Священного Синода, действующих при нем, созвать для этого, когда она признает это нужным, епархиальные съезды и Всероссийский Православный Собор. Церковь надеется, что правительство воздержится от всякого гласного или негласного влияния на выборы членов этих съездов (Соборов), не стеснит свободу обсуждения религиозных вопросов на этих собраниях и не потребует никаких предварительных обязательств, заранее предрешающих сущность их будущих постановлений. Церковь надеется также, что деятельность созданных таким образом церковных учреждений не будет поставлена в такое положение, при котором назначение епископов на кафедры, определения о составе Священного Синода, им принимаемые решения проходили бы под влиянием государственного чиновника, которому, возможно, будет поручен политический надзор за ними. Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно»²³⁶.

Это было продуманное, мужественное заявление, отразившее позицию Церкви предельно ясно, оно поставило власть в тупик и показало, что лучшие представители Церкви не сломлены, а с достоинством несут выпавшие на их долю страдания.

Осенью 1926 г. среди епископов обсуждалась возможность тайного избрания Патриарха, архиереи надеялись, что законный глава Русской Церкви положит конец церковным нестроениям. Невозможность в условиях гонений созвать для этой цели Поместный Собор была всем очевидна. Кандидатом в Патриархи был намечен первый из архиереев, назначенных в Местоблюстители по «Завещанию» святого Тихона, митрополит Казанский Кирилл, срок ссылки которого скоро заканчивался. Этот выбор поддержал архиепископ Иларион (Троицкий) и другие архиереи в Соловецком концлагере. Инициатива тайного избрания принадлежала епископу Павлину (Крошечкину) и архиепископу Корнилию (Соболеву). Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей сначала сомневался в целесообразности этой акции, опасаясь «этим избранием возбудить недовольство гражданской власти», но в конце беседы с архиепископом Павлином уступил сторонникам тайного избрания, поставив непременным условием известить обо всем митрополита Петра, но условие это выполнено не было. Практическое руководство проведением выборов взял на себя проживавший тогда в Москве епископ Павлин. Посланники епископа Павлина, иеромонах Таврион (Батозский), отец и сын Кувшинниковы, миряне из купцов, объезжали православных архипастырей и собирали сведения о том, за кого из кандидатов на патриарший престол, они отдали бы свой голос.

К ноябрю 1926 г. было собрано 72 подписи об избрании Всероссийским Патриархом митрополита Казанского Кирилла. За ходом выборов с самого начала наблюдало ГПУ. Двое из четырех посланников епископа Павлина, отец и сын Кувшинниковы, были схвачены с документами. По всей России прокатилась волна массовых арестов архиереев, поставивших свои подписи под избирательными бюллетенями. В тюрьмы и лагеря, в ссылки отправлено было 40 архипастырей, арестован был епископ Павлин. В ссылке, в Зырянском крае, схватили и бросили в вятскую тюрьму кандидата в Патриархи митрополита Кирилла. В Нижнем Новгороде арестовали и митрополита Сергея, его этапом отправили в Москву, на Лубянку.

На допросе в ГПУ архиепископ Корнилий (Соболев) на вопрос, что он может показать по делу об избрании в Патриархи митрополита Кирилла, ответил: «Инициатива этого избрания принадлежит мне, и о себе я говорить могу, а других называть не буду, потому что считаю это непорядочным». «Почему это избрание проходило так секретно?» — спросил следователь. «Чтобы ОГПУ не проведало и не помешало бы нам». Епископ Павлин отвечал, что дело это касается только Церкви и совершалось в частном порядке, Церковь не должна следить за политической благонадежностью своих прихожан и священнослужителей, ей нет дела до политической ориентации ее членов. Допрошен был и арестованный епископ Афанасий (Сахаров), который напомнил, что представители государственной власти отзывались о митрополите Кирилле как о человеке, лояльном советской власти.

Заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея допрашивали 20 декабря 1926 г. «Почему дело по избранию Патриарха велось так секретно?» — спросил следователь. «Во-первых, мы не хотели до времени предавать огласке вопрос об избрании Патриарха в церковных кругах, пока он не выяснится хотя бы среди епископов,— ответил митрополит Сергей.— Во-вторых, исходили из соображений, что гражданская власть может в самой технике работы (разъезды и т. д.) усмотреть какой-нибудь заговор, и предпочитали, чтобы она узнала об этом после, когда вопрос примет практически серьезный характер»²³⁷. Против митрополита Сергея в проведении нелегальных выборов Патриарха выдвигалось еще одно обвинение — в преступной связи с эмигрантами. Доверительное послание митрополита Сергея к Карловацкому Синоду от 13 декабря, сразу после ареста архипастыря, было опубликовано в «Ревельской

газете», потом перепечатано в Париже.

* * *

Таким образом, в конце 1926 г. от управления Русской Церковью, лишенной Патриарха при Местоблюстителе митрополите Петре, заключенном в тюрьму, был устранен и Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей. Временное управление Церковью взял на себя митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых). В распоряжении, сделанном митрополитом Петром, он был назван третьим кандидатом в Заместители Местоблюстителя патриаршего престола после митрополитов Сергея и Михаила.

Митрополит Иосиф пребывал в Ростове Великом и тоже не мог выехать оттуда ни в Москву, ни в свой кафедральный город. Предвидя, что и он вскоре будет лишен свободы и не сможет управлять церковными делами, владыка Иосиф 8 декабря обратился к Церкви с посланием, в котором назначил временных заместителей на случай своего ареста: архиепископов Корнилия (Соболева), Фаддея (Успенского) и Серафима (Самойловича). Если и эти владыки разделят участь митрополита Иосифа, то «управление в отдельности, в пределах возможности и законных прав и велений чувства долга возлагается на архипастырскую совесть ближайших иерархов, каждого в отдельной епархии»²³⁸. Это решение соответствовало постановлению Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего церковного совета от 20 ноября 1920 г. Не прошло и нескольких дней после издания этого послания, как митрополит Иосиф был действительно арестован. В это время архиепископ Корнилий находился в заточении. Архиепископ Фаддей (Успенский) выехал из Астрахани, но был снят по пути с поезда и отправлен в Кузнецк, поэтому 13 декабря 1926 г. обязанности Заместителя патриаршего Местоблюстителя принимает на себя архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). Владыка Серафим был только викарным епископом и состоял в епископском сане лишь с 1920 г. Но его ценило и уважало духовенство и любили верующие. Когда будущий Патриарх Тихон возглавлял Северо-Американскую епархию, отец Серафим служил там миссионером, был близок к архипастырю, пользовался совершенным его доверием. Вместе с ним он переехал в Ярославль, где стал настоятелем Толгского монастыря. Архимандрит Серафим спас свою обитель от разорения в 1918 г. после подавления восстания в Ярославле. В борьбе с обновленческим расколом он был непреклонен и бесстрашен.

В послании от 29 декабря архиепископ Серафим известил всероссийскую паству о своем вступлении в должность временного Заместителя Местоблюстителя патриаршего престола и просил архиереев как можно реже обращаться к нему и управлять, по возможности полагаясь на самих себя. Владыка Серафим был убежден, что в условиях гонений это создаст более благоприятные условия для существования Церкви и исполнения ею своего назначения. Самостоятельность епархиальных архипастырей, думал он, даст им больше свободы в решении насущных вопросов на местах.

В начале марта НКВД вызвал архиепископа Серафима из Углича в Москву, где ГПУ задержало его. Тучков предложил Заместителю Местоблюстителя принять жесткие условия легализации Церкви. Владыка Серафим ответил, что он не может рассматривать их в отсутствие старших иерархов. Тогда Тучков и следователи поинтересовались, кого он оставит своим Заместителем, если его не выпустят с Лубянки. На этот вопрос архиепископ Серафим ответил: «Господа Бога». «Все оставляли себе Заместителей,— сказал раздраженный следователь,— и Тихон Патриарх, и Петр митрополит». «Ну а я на Господа Бога оставлю Церковь»,— повторил владыка. Через три дня допросов Заместителя Местоблюстителя отпустили в Углич.

Для первосвятителя Русской Церкви митрополита Петра в декабре 1926 г. началась его мученическая одиссея — нескончаемые тюремные этапы. В декабре узника доставили из Суздаля во внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке. Тучков неоднократно предлагал митрополиту

Петру отказаться от местоблюстительства в обмен на свободу, но первоиерарх каждый раз решительно отвергал предложение снять с себя крест первосвятительского служения. Через сокамерника ксендза, вскоре выпущенного на свободу, он передал на волю, что никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен православной Церкви. В конце декабря митрополита Петра отправили по этапу в Тобольск с остановками в вятской, пермской, свердловской, тюменской тюрьмах. В Перми Местоблюстителю патриаршего престола удалось многое узнать о церковных событиях первой половины истекшего года, связанных с учреждением ВВЦС и выступлением митрополита Агафангела. 1 января 1927 г. первосвятитель составляет послание пастве с осуждением бунта «григорьевцев». О выступлении архиепископа Григория и своей временной поддержке его действий владыка Петр пишет: «Тогда я и не подозревал, что сей архиепископ уже давно бесчинствует»²³⁹. Митрополит Петр в послании оставляет за собой местоблюстительство, а заместительство — за митрополитом Сергием: он ничего не знал ни об аресте митрополита Сергия, ни о том, что Церковью тогда управлял уже архиепископ Угличский Серафим.

21 января 1927 г. в свердловской тюрьме в камеру к первосвятителю пустили архиепископа Григория, председателя ВВЦС. В беседе с ним владыка Петр сообщил о своем совершенном разрыве с ВВЦС, потребовав распустить этот совет и подчиниться ему и его заместителю митрополиту Сергию. В феврале митрополита Петра привезли в тобольскую тюрьму, а в начале марта переправили на поселение в село Абалацкое на берег Иртыша, в 50 верстах к северу от Тобольска.

По сведениям эмигрантского журнала «Китеж», опубликованным в 1929 г., на 1 апреля 1927 г. 117 епископов Русской Православной Церкви находились в различных местах заключения. Смерть на воле была в ту пору редким уделом для русского архипастыря.

* * *

30 марта был освобожден митрополит Сергей, до ареста исполнявший обязанности Заместителя Местоблюстителя патриаршего престола. 7 апреля архиепископ Серафим (Самойлович) передал ему бразды церковного правления. Выйдя из заключения, митрополит Сергей получил наконец возможность жить в Москве.

7 мая митрополит Сергей обратился в НКВД с ходатайством о легализации церковного управления. Из рассказов близкого к нему митрополита Сергия (Воскресенского) известно, что в тюрьме под угрозой расстрела сестры и арестованных архиереев и священников от митрополита Сергия требовали сделать заявление в поддержку советской власти, осуждения контрреволюционных выступлений внутри страны и за рубежом, церковных прецедентов эмигрантскому духовенству, устранения неудобных властям епископов от управления епархиями. Настаивали на том, чтобы выбор кандидатов на архиерейские кафедры согласовывался с НКВД, арестованные архиереи увольнялись или даже запрещались в священнослужении церковной властью и прекращалось их поминовение за богослужением, гражданская же власть должна была обязательно поминаться на литургии. В ответ митрополит Сергей просил о легализации высшего, епархиального и уездного церковного управления, о разрешении на созыв Поместного Собора и выборы Патриарха, об освобождении заключенных и сосланных священнослужителей, о разрешении на восстановление духовных школ и издание церковного журнала.

18 мая митрополит Сергей провел совещание с архиереями, выбранными им для осуществления высшей церковной власти. Это были митрополит Тверской Серафим (Александров), член Синода в последние годы патриаршества святого Тихона, архиепископы Севастьян (Вести), Сильвестр (Братановский), Филипп (Гумилевский), Алексей (Симанский), епископ Константин (Дьяков). Из участников совещания митрополит Сергей образовал

Временный Патриарший Священный Синод, полномочия которого по аналогии с Синодом, образованным Патриархом в 1923 г., проистекали из полномочий учредителя. В его состав Заместитель Местоблюстителя включил позже виднейшего архипастыря митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого), пребывавшего уже много лет в ссылке в Туркестане и лишенного права выезда оттуда, а также только что выпущенных на свободу архиепископов Анатолия (Грисюка) и Павла (Борисовского).

20 мая НКВД выдал справку о временной регистрации Синода. Через неделю митрополит Сергей и Синод издали указ, предписывающий епархиальным архиереям подать заявления в местные органы власти с прошением «о регистрации их преосвященных с состоящими при них епархиальными советами (каковые образовать временно путем приглашения указанных преосвященными лиц)»²⁴⁰.

Главное требование властей к митрополиту Сергию заключалось в том, чтобы он обнародовал обращение к пастве с призывом поддерживать Советское правительство. 29 июля митрополит Сергей вместе с Синодом издали «Декларацию», 5 тысяч экземпляров которой срочно разослали по епархиям и приходам, а через три недели опубликовали в «Известиях».

«Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона,— говорится в этом документе,— пред его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Ныне жребий быть временным Заместителем первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело почившего и всемерно стремиться к мирному устройению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне Временного патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона. Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах... Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги ее интересы, кто желает вывести ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства... а с нашим народом и с нашим правительством. Засвидетельствовать это является первой целью настоящего нашего (моего и Синодального) послания. Затем извещаем вас, что в мае текущего года по моему приглашению и с разрешения власти организовался Временный при Заместителе патриарший Священный Синод... Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление, а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т. д. Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о Святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия... Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и

успехи, а неудачи — наши неудачи.

Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устройению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране... Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием. Такое настроение известных церковных кругов, выразившееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекшее подозрение советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с советским правительством. Недаром ведь Апостол внушает нам, что *тихо и безмятежно жить* по своему благочестию мы можем, лишь повинаясь законной власти ([1 Тим. 2. 2](#)), или должны уйти из общества... Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры; или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере не мешать нам, устранившись временно от дела...

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярko противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая/22 апреля 1922 г.). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства письменное обязательство в полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии... Не менее важной своей задачей мы считаем и приготовление к созыву и самый созыв нашего Второго Поместного Собора, который изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление, а также вынесет решение и о всех «похитителях власти» церковной, раздирающих хитон Христов»²⁴¹.

Необходимость издания этого или подобного ему документа была вызвана прежде всего тем, что без него гражданские власти не признавали законность существования ни Высшего церковного управления, ни епархиальных органов церковной власти, а Русской Православной Церковью официально считали обновленческую схизму. Но издание «Декларации» вызвало в церковном народе и духовенстве замешательство. Многие не без горечи читали обращенные к ним слова, вполне понимая неизбежность появления подобного документа. В некоторых приходах священники отказывались возглашать «Декларацию» с амвона, как им было предписано, и отсылали ее обратно в Москву, в Патриархию. И по сей день «Декларация» 1927 г. остается документом, вызывающим споры. Поэтому необходимо внимательно рассмотреть его содержание. Прежде всего вопрос о статусе «Декларации», о том, насколько связывала она совесть архиереев, клириков и мирян. Для того чтобы оценить действия тех, кто разорвал евхаристическое общение с митрополитом Сергием, важно определить, ставил ли Заместитель Местоблюстителя непременно условием пребывания в составе подведомственного Патриархии клира публично заявленное согласие с текстом этого документа. Ответ на этот вопрос дан самим митрополитом Сергием в письме митрополиту Кириллу: «Главным мотивом отделения служит наша «Декларация». В ней наши противники, сами не отрицающие обязанности для каждого христианина гражданской верности, не совсем последовательно

увидели заявление не таких же, как и они, земных людей, граждан СССР, а заявление самой Церкви как благодатного учреждения. Отсюда крики о подчинении Церкви государству, Царства Божия — царству мира и даже Самого Христа — Велиару»²⁴². Таким образом, если «Декларация» — это только заявление группы «граждан СССР», из письма следует, что митрополит Сергей как автор «Декларации» отнюдь не предполагал согласия с нею всех епископов и клириков и не требовал заявления полной поддержки всего того, что выражено в этом документе. В таком случае оправдать разрыв канонического общения с Заместителем Местоблюстителя несогласных с «Декларацией» могло лишь наличие в ней таких идей и положений, которые следует расценивать как проявление и всенародную проповедь вероотступничества или ереси, осужденных Соборами и святыми отцами. В противном случае действия разрывающих общение попадали под осуждение, предусмотренное 14 и 15 правилами Двукратного Собора.

Резкой критике подверглось начало документа. Обнаружить в нем ересь, естественно, нет никакой возможности, но по мнению протопресвитера Георгия Граббе, одного из самых непримиримых критиков действий Заместителя Местоблюстителя, «весь центр тяжести в установлении «правильных отношений» в «Декларации» переносится исключительно на Церковь, как будто возможность ее «вполне законного и мирного существования» зависит только от нее, а не от гражданской власти... В этих словах «Декларации» (как и в других местах ее) совершается предательство по отношению к пастве»²⁴³. На самом деле это место из «Декларации» мало чем отличается по смыслу и стилистике от заявлений Патриарха Тихона, сделанных им после освобождения из-под ареста. По вполне известным причинам иерархи предпочитали обойти молчанием роль государственной власти в отношениях с Церковью, но только митрополиту Сергию это ставилось в вину как предательство, а в случае с Патриархом Тихоном рассматривалось как стремление защитить паству от гонений. Внешние условия жизни, в которых находились оба иерарха, были одинаково трудны для обоих, и ни Патриарх Тихон в 1923 г., ни митрополит Сергей в 1927 г. не могли предвидеть, что повлекут за собой издаваемые ими документы. Но добросовестно ли применять разные критерии, разные мерки для оценки действий и заявлений двух иерархов? Прямой повод издания «Декларации» — известить всероссийскую паству о признании законным органа Высшего церковного управления, но у противников Патриарха Сергия и сама эта легализация, и стремление к ней со стороны Заместителя Местоблюстителя вызывают острую критику.

Но обратимся к примеру предшественников митрополита Сергия. Разве не на то, чтобы обеспечить Церкви легальный статус, были направлены заявления, послания, газетные интервью Патриарха Тихона начиная с 1923 г.? Разве легализация высшего церковного управления не была одной из главных забот Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра? Протопресвитер Василий Виноградов, бывший председатель Московского епархиального совета, писал: «Я свидетельствую, что как Патриарх Тихон, так и Сергей были великими страстотерпцами за Русскую Церковь. Бранят патриарха Сергия за то... что будто бы он ввел поминовение властей за богослужением. Но ведь... это... установил именно Патриарх Тихон тотчас после освобождения его из тюрьмы... со своим временным Синодом, в котором (был) всеми восхваляемый еп. Иларион (Троицкий). А указы об этом по приходам рассылал именно я... Сергей только подтвердил... распоряжение Патриарха Тихона, сделанное при давлении епископа Илариона...»²⁴⁴ Еще 28 июля 1925 г. митрополит Петр обратился к пастве с посланием и призывал: «Будем пребывать в союзе мира и любви между собою, будем едино хранить нашу православную веру, являя везде и всюду пример доброй жизни, любви, кротости, смирения и повиновения существующей гражданской власти, в согласии с заповедями Божиими»²⁴⁵.

Другим камнем преткновения в «Декларации» служила фраза «мы хотим быть

православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Эту фразу переиначили в саморазоблачительное выражение: «ваши радости — наши радости», утверждая, что авторы «Декларации» приветствуют успехи советского правительства, в том числе связанные и с распространением неверия в народе. Но в этом месте «Декларации» митрополит Сергей и члены Синода говорят отнюдь не о правительстве, которое гонит Церковь, а о Родине, и заявляют не более чем о лояльности государству. В «Деянии Заместителя патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода» от 29 марта 1928 г. митрополит Сергей разъяснял, что под успехами, упомянутыми в «Декларации», подразумевалось внешнее благополучие, например хороший урожай, а под неудачами — народные бедствия ²⁴⁶. С 1923 г. на позициях лояльности государству стоял и Патриарх Тихон, этой же линии придерживался затем митрополит Петр, об этом заявляли и соловецкие епископы, авторы знаменитой «Памятной записки», которая многими критиками неоднократно противопоставлялась «Декларации», но на самом деле послужила одним из проектов ее ²⁴⁷.

Д. Поспеловский, касаясь раздела «Декларации», посвященного церковной жизни российской эмиграции, писал в одной из статей, что «полной лояльности можно требовать только от граждан данной страны, а заграничное духовенство состояло или из белых эмигрантов, не являвшихся гражданами СССР (о чем было объявлено Советским правительством специальным декретом), или из русских меньшинств, большинство из которых были уже гражданами стран, в которых они проживали. Неприемлемо это требование было и психологически для людей, ушедших от советского правительства с оружием в руках» ²⁴⁸.

Заметим, прежде всего, что в этом суждении есть и некая странность. Требование митрополита Сергия дать подписку о лояльности (разумеется, не присягу), относится к заграничному духовенству, которому, равно как и не заграничному, держать оружие в руках категорически запрещают каноны. Сомнителен и тезис о совершенной неприемлемости и абсурдности этого требования. Митрополит Евлогий воспринял требование о лояльности всего лишь как призыв воздерживаться от политических выступлений, он сам дал такую подписку и собрал аналогичные подписки у духовенства возглавляемой им Западноевропейской епархии, его примеру последовал и митрополит Платон. Подобное требование действительно прозвучало впервые, но и оно лежит в русле тех оценок, которые давал Патриарх Тихон поведению и заявлениям политического характера определенной части зарубежного духовенства, ставивших под удар Московскую Патриархию и российскую паству. Еще до своего ареста, 5 мая 1922 г., Патриарх Тихон издал указ об упразднении зарубежного ВЦУ и признал актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви и не имеющими церковно-канонического значения, постановление Карловацкого Собора о восстановлении монархии и послание в адрес Генуэзской конференции с просьбой о помощи в борьбе с большевиками. В послании Патриарха Тихона от 1 июля 1923 г. говорится: «Мы могли бы ограничиться этим осуждением владык, бывших на Соборе во главе с высокопреосвященным Антонием (Храповицким), митрополитом Киевским, если бы они раскаялись в своих поступках и прекратили дальнейшую деятельность в этом направлении, но нам сообщают, что они не только не прекратили, а еще и более того ввергают Православную Церковь в политическую борьбу... Пусть хотя теперь они осознают это — смиряются и покаются, а иначе придется звать преосвященных владык в Москву для ответа перед церковным судом и просить власть о разрешении им прибыть сюда» ²⁴⁹. Такая угроза звучала, наверное, для архиереев куда серьезнее, чем требование подписки о лояльности. 15 января 1924 г. Патриарх Тихон издал постановление об увольнении на покой митрополита Северо-Американского Платона за контрреволюционные

выступления, направленные против советской власти и пагубно отразившиеся на православной Церкви. В этом постановлении митрополиту Платону было предложено прибыть в Москву в распоряжение Патриарха. Есть все основания предполагать, что эти акты изданы не без давления со стороны гражданской власти, но столько же, если не больше, найдется оснований предполагать такое же давление и на митрополита Сергия.

Пожалуй, только два документа высшей церковной власти 1926 г. несколько отличались от документов, изданных Патриархом Тихоном после его освобождения в 1923 г. В проекте «Обращения» (от 10 июня 1926 г.) митрополит Сергей акцентирует внимание на идеологической несовместимости христианства с коммунизмом, а второй документ — послание к зарубежным архипастырям (от 12 сентября 1926 г.) — отличал такой теплотой тона, которую не обнаружить ни в обращениях к ним Патриарха Тихона, ни в позднейших посланиях самого митрополита Сергия.

Среди соавторов «Декларации» 1927 г. были видные церковные деятели: митрополит Тверской Серафим (Александров) и епископ Сумской Константин (Дьяков), расстрелянные в 1937 г., архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), впоследствии замученный в застенках ГПУ, архиепископ Хутынский Алексей. Заместителя Местоблюстителя поддержали введенный им в состав Временного Патриаршего Синода митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), а также митрополиты Михаил (Ермаков), экзарх Украины, Никандр (Феноменов), Серафим (Чичагов), архиепископы Евгений (Зернов), Петр (Зверев), епископы Мануил (Лемешевский), Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников). В эмиграции митрополиту Сергию сохранили верность митрополиты Евлогий (Георгиевский), Елевферий (Богоявленский), Платон (Рождественский), архиепископ Сергей (Тихомиров).

Через месяц после издания «Декларации» высшее церковное управление, состоявшее из Заместителя Местоблюстителя и Патриаршего Синода, было зарегистрировано НКВД. Юридически Патриаршему Синоду был дан тот же статус, что и обновленческому синоду, хотя обновленцы продолжали пользоваться покровительством со стороны властей, в то время как патриаршая Церковь оставалась гонимой. Только после легализации митрополита Сергия и Синода Восточные Патриархи, вначале Иерусалимский Дамиан, потом Антиохийский Григорий прислали благословение митрополиту Сергию и его Синоду и признание его временным главой патриаршей Церкви. В декабре к митрополиту Сергию обратился с посланием Вселенский Патриарх Василий III, призвав его к примирению с обновленцами. «Ответственность за прошлое тяготеет одинаково на многих, и никто не может сбросить ответственность с одного на других», — говорилось в послании²⁵⁰.

7 октября 1927 г. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей подает в ОГПУ заявление с просьбой об амнистии и облегчении участи репрессированных священнослужителей в связи с тем, что они «оказались жертвами (может быть, и не без их вины), прежнего нелегального положения нашей Церкви и прежних ее ненормальных отношений к Советскому правительству. Называем их жертвами в том смысле, что не будь ненормальности в отношениях нашей Церкви к совласти и получи она права легальности лет пять назад, и поведение вышеупомянутых духовных лиц и отношение к ним власти было бы иным, да и теперь можно быть уверенным, что, возвратившись к церковной деятельности при давно жданных новых условиях, эти духовные лица сделают со своей стороны все, чтобы не подавать повода к прежним недоразумениям»²⁵¹.

Нельзя сказать, что это заявление осталось совершенно без ответа, но милости, явленные властью православному духовенству, не обнаружили ее особой щедрости. Несколько священнослужителей смогли вернуться из мест заключения и ссылки в конце 1927 — начале 1928 г. Среди них были архиепископы Захарий (Лобов) и Ювеналий (Масловский), епископы

Аркадий (Ершов) и Мануил (Лемешевский), но другие архипастыри и пастыри были арестованы и сосланы.

В целях укрепления пошатнувшейся церковной дисциплины Синод издает распоряжение о возношении во всех храмах, подведомственных Московской Патриархии, имени митрополита Сергия вслед за именем Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра.

Но начинают исполняться и условия легализации, поставленные Тучковым и принятые Заместителем Местоблюстителя: Синод издает указы о поминовении за богослужением властей, об увольнении сосланных и заключенных епископов на покой и назначении вернувшихся на волю архиереев в дальние епархии, потому что тем архиереям, которых выпускали из лагерей и ссылок, не разрешался въезд в свои епархии. Прежде архиереи, томившиеся в тюрьмах, лагерях и ссылках, оставались на своих кафедрах. Теперь этот своеобразный протест против произвола и беззакония властей уже не могло терпеть правительство. Всем становилось ясно, что «Декларация» повлекла за собой не только легализацию Церкви, но и реальные изменения в церковной политике.

На имя митрополита Сергия стали приходиться письма с выражением протеста против новой линии Патриархии и призывами отказаться от нее. По стране стали распространяться обличительные послания, обращения, воззвания с критикой «Декларации», с осуждением церковной политики Заместителя Местоблюстителя. С серьезными замечаниями на текст «Декларации» выступил особенно близкий митрополиту Сергию в первые дни его замещения епископ Прилукский Василий (Зеленцов), арестованный и сосланный на Соловки. Основываясь на постановлении Всероссийского Поместного Собора от 2/15 августа 1918 г. об отказе вести впредь общецерковную политику и считать политику частным занятием членов Церкви, епископ Василий (Зеленцов) в заметке «Необходимые канонические поправки к посланию Заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 16 (29) июля 1927 г.» писал, что действия митрополита Сергия и Синода, почившего Патриарха Тихона и Карловацкого Собора были следствиями их личной, а не церковной политики, потому и необязательно поддерживать их. «Стараниям митрополита Сергия и его Св. Синода,— продолжал епископ Василий,— добиться от гонящих Всероссийскую Православную Церковь большевиков мирного отношения к ней Церковь не может не сочувствовать, ибо христианам заповедано от Бога: *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* ([Рим. 12. 18](#)). Но Христос разрешает Церкви принять от митрополита Сергия и его Св. Синода только такое примирение с гонителями ее, большевиками и их советской властью, которое действительно будет миром Христовым, т. е. миром такого содержания и качества, каких требует Христос, сказавший: *Ищите прежде Царствия Божия и правды его* ([Мф. 6. 33](#)), а не земного благополучия и безопасности... К сожалению, эта попытка митрополита Сергия и его Св. Синода не только не дает нам еще Христова мира с большевиками, но пока не дает и надежды на такой мир, и то не по одному лишь упорству большевиков во вражде к Православной Церкви, но и потому, что попытка митрополита Сергия и его Синода начата ими и движется вперед не по каноническим рельсам, следовательно, не по пути церковной правды»²⁵².

По почину епископа Василия часть архиереев, сосланных на Соловки, составляет отзыв на «Декларацию», в котором делаются возражения против отдельных ее положений: а) «Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства; б) послание приносит правительству «всемирную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает

достоинству Церкви; в) послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь; г) угроза запрещения эмигрантским священнослужителям нарушает постановление Собора 1917—1918 г. от 2/15 августа 1918 г., разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшего всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем»²⁵³.

Некоторые из архипастырей, недовольные новым курсом церковной политики Заместителя Местоблюстителя и его Синода, отказывались принимать назначения и по собственной воле уходили на покой. Так поступил бывший Серпуховской епископ [Арсений \(Жадановский\)](#); епископ Серафим (Звездинский) в ответ на требование митрополита Сергия прочитать перед паствой «Декларацию» сказал, что «морально не способен делать то, чего хотят не любящие Христа Спасителя». При этом присутствовал архиепископ Тамбовский Зиновий (Дроздов), и они тут же подали составленные заранее прошения об увольнении на покой.

Не был согласен с митрополитом Сергием и передавший ему церковную власть архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). Осуждал «Декларацию» и церковную политику Патриархии архиепископ Феодор (Поздеевский), впрочем не одобрявший уже и линии, выбранной Патриархом Тихоном после освобождения из тюрьмы. Владыка Феодор пользовался большим влиянием на епископат, и близкие ему по духу архиереи, епископы Гавриил (Абальшев), Григорий (Козырев), которых называли «даниловцами» по монастырю, где пребывал архиепископ Феодор, разделяли его отношение к «Декларации». Самым непримиримым в этой группе архиереев был епископ Дамаскин (Цедрик), который обратился к митрополиту Сергию с резким посланием: «За что благодарить? За неисчислимы страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преподобного Сергия? За то, что драгоценные для миллионов верующих останки преподобного Серафима, а еще ранее останки святых Феодосия, Митрофана, Тихона и Иоасафа подверглись невероятному кощунству? За то, что замолчали колокола Кремля? За кровь митрополита Вениамина и других убиенных? За что?..»²⁵⁴

Временно управлявший Вятской епархией епископ Виктор (Островидов), получив «Декларацию», отослал ее обратно в Патриархию, а вслед затем и письмо с весьма мрачной оценкой документа и его автора. По мнению епископа Виктора, «Декларация» содержит «тяжелую неправду» и «возмущающее душу глумление над Святой Православной Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию». Он называет ее прискорбным отречением от самого Господа Спасителя. «Сей же грех, как свидетельствует слово Божие, не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели»²⁵⁵.

В Воткинской и Вятской епархиях начались нестроения и распри. Архиепископ Вятский Павел (Борисовский), введенный в Синод, одобрял, естественно, линию митрополита Сергия и осудил поведение своего викария, паства же разделилась. Синод потребовал, чтобы епископ Виктор «как викарий знал свое место и во всем подчинялся бы правящему архиерею». Затем Синод принял постановление об упразднении новосозданной и еще не утвержденной Воткинской епархии и об устранении епископа Виктора от временного управления Вятской епархией. Арестованный и сосланный в Соловецкий лагерь епископ Виктор впоследствии согласился с аргументами архиепископа Илариона, что разрыв общения с Заместителем Местоблюстителя — это каноническое преступление, и в начале 1929 г. сообщил вятской пастве о своем примирении с митрополитом Сергием. После этого разлад в Вятской епархии почти прекратился. Епископ Виктор скончался на Соловках 19 июля 1934 г.

Особенно болезненный, затяжной и опасный для единства Церкви характер приобретали протесты архиереев, связанные не столько с принципиальными вопросами церковной политики, сколько с административными перемещениями и увольнениями. Эти действия расценивались как согласие Патриархии на откровенное вмешательство гражданских властей во внутрицерковные дела, к тому же они затрагивали человеческое самолюбие и амбиции архиереев, а также отношение паствы к своим архипастырям.

Целый год Ленинградская епархия управлялась митрополитом, который не имел возможности выехать в свой кафедральный город и оставался в Ростове. Положение было неестественным и вызывало разного рода затруднения. Правительство же видело в этом протест церковной власти против своих распоряжений. 13 сентября Синод принимает постановление о переводе митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Еще до того, как митрополит Иосиф официально получил распоряжение Синода, слухи о предстоящем перемещении распространились по питерским приходам, дошли они и до самого архипастыря, и, чтобы предотвратить перевод, он обращается к митрополиту Сергию с пространственным посланием:

«...Вы сделали меня Ленинградским митрополитом без малейшего домогательства с моей стороны. Не без смущения и тяготы принял я это опасное послушание, которое иные, может быть, разумно, а то и преступно решительно от себя отклонили... Владыко! Ваша твердость еще сильна исправить все и настойчиво положить конец всякой смуте и неопределенности. Правда, я не свободен и не могу сейчас служить своей пастве, но ведь «секрет» этот понятен всему миру... Теперь несвободны (и едва ли будут свободны) все сколько-нибудь твердые и нужные люди... Вы говорите — так хочет власть, возвращающая свободу ссыльным архиереям под условием перемены ими прежнего места служения и жительства. Но какой же толк и польза нам от вызываемой этим чехарды и мешанины архиереев, по духу церковных канонов состоящих в нерасторжимом союзе с паствой, как своей невестой? Не лучше ли сказать: Бог с ней, такой фальшивой человеческой милостью, являющейся просто издевательством над нашим человеческим достоинством, бьющей на дешевый эффект, призраком милования. Пусть уж лучше будет так, как раньше было. Как-нибудь протянем до того времени, когда поймут наконец, что ссылками и напрасными терзаниями неодолима вечная вселенская Истина... Один компромисс может быть допустим в данном случае... Пусть они (архиереи) поселятся и на других местах в качестве временно управляющих этими местами, но с неизменным сохранением прежнего места-звания... Не мирясь совестью своею ни на какой другой комбинации, я решительно не могу признать правильным состоявшегося без всякой моей вины и без всякого моего согласия и даже ведома перемещения моего на Одесскую епархию прежним безобразно-царско-распутинским порядком и требую незамедлительного перенесения моего дела из сомнительной не для одного меня компетенции вашего Синода на обсуждение усиленного Собора епископов, коему я только сочту обязанным явить свое беспрекословное послушание»²⁵⁶.

Прямой критики «Декларации» в этом послании нет, а ссылка на «царско-распутинские» безобразия должна подчеркнуть, что митрополит Иосиф далек от желаний вернуть старое. Но принять его совет и отказаться от перемещения архиереев означало бы отказаться от твердо выбранного митрополитом Сергием курса на компромисс с советской властью. Несколько высокомерный тон послания и требование митрополита Иосифа созвать Собор епископов для решения его дела о переводе в другую епархию, вероятно, происходят оттого, что он придавал весьма большой вес тому обстоятельству, что по распоряжению первосвященника Петра был третьим после митрополитов Сергия и Михаила кандидатом в Заместители Местоблюстителя и некоторое время после ареста митрополита Сергия действительно исполнял эту должность.

Тем временем в Ростов направлен был Синодом епископ Иннокентий (Лятец). Он

настаивал на незамедлительном отъезде митрополита Иосифа в Одессу, дабы не усугублять смуту в Ленинграде и не волновать ростовскую паству. Но митрополит Иосиф оставался непреклонен. 12 октября Синод снова рассматривал дело о замещении Ленинградской и Одесской кафедр и принял постановление: «Считать митр. Иосифа перемещенным на Одесскую кафедру и предложить ему не соблазняться легкой возможностью жить в Ростове, что производит смущение среди верующих как в Ленинграде, так и в Ростовском викариатстве; в порядке церковных послушания и дисциплины вступить в управление Одесской епархией, войти в надлежащие сношения с местной гражданской властью на предмет организации епархиального управления на началах, изложенных в указе Патриаршего Синода... Временно управляющему Ленинградской епархией преосвященному Петергофскому Николаю предложить без промедления объявить по епархии указ о перемещении преосвященного митр. Иосифа и о прекращении возношения его имени как Ленинградской епархии архиерея»²⁵⁷. Общее руководство церковной жизнью епархии Синод поручил самому митрополиту Сергию. Получив это постановление, митрополит Иосиф написал новое письмо митрополиту Сергию, в котором уже не просто отказывался подчиниться Синоду и выехать в Одессу, но и с негодованием обвинял митрополита Сергия в том, что он толкает Церковь Христову в пропасть раскола, и давал ему один «смелый и дерзкий совет: вместо того чтобы продолжать свою пагубную политику, вернуться в тюрьму, в Бутырки, заодно прихватив с собой и весь свой Синод»²⁵⁸. Узнав о перемещении своего митрополита, ленинградское духовенство, уже ранее смущенное «Декларацией», теперь особенно встревожилось. В Петрограде был очаг обновленчества, поэтому питерские священнослужители подозрительно относились ко всякого рода компромиссам и уступкам властям, опасаясь, что за уступками последует предательство. Но большинство пастырей проявили достаточно послушания и благоразумия и против митрополита Сергия не пошли. Однако недовольных оказалось тут больше, чем где бы то ни было. Осуждали «Декларацию» настоятель кафедрального собора Воскресения на Крови протоиерей Василий Верюжский, профессор протоиерей Феодор Андреев, протоиереи Викторин Добронравов, Сергей Тихомиров, Александр Тихомиров, священники Николай Прозоров, Никифор Стрельников, викарные епископы Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Квартира отца Феодора Андреева становится чем-то вроде пристанища недовольных священнослужителей, где в обстановке большой тревоги за судьбу Церкви обсуждаются последние события.

Другие викарные питерские архиереи, и особенно Петергофский Николай (Ярушевич), были решительно на стороне митрополита Сергия и Синода. К верности Патриархии призывал паству в своих проповедях протоиерей Николай Чуков, настоятель Сергиевского собора отец Иоанн Морев, священник Василий Запольский. Еще 9 октября 1927 г. епископ Петергофский Николай сообщал в Патриархию о волнениях в Ленинграде, вину за которые он возлагал на митрополита Иосифа. Противники «Декларации», почитатели митрополита Иосифа, готовы были и на крайние шаги, после того как устранение владыки из епархии стало делом решенным. В соборе Воскресения на Крови, в храмах святого Владимира и Никольском за богослужением перестали возносить имя митрополита Сергия, не поминали его и епископы Димитрий и Сергей (Дружинин). Священники и миряне северной столицы из академических кругов обращаются к митрополиту Сергию с посланием, составленным профессором-протоиереем Василием Верюжским, профессорами Новоселовым и Абрамовичем-Барановским:

«Вам как лицу, возглавляющему иерархию Российской Православной Церкви, не может быть неизвестным, что положение внутри Церкви в настоящее время чрезвычайно остро, что непрерывно растет недовольство и несогласия среди верующих и что источником таких нестроений в Церкви является Ваша «Декларация»... Эта «Декларация»... не вызывалась внутренними потребностями Церкви, и ни для кого нет секрета в том, что Ваша «Декларация»

явилась по требованию гражданской власти, ставящей себе задачей уничтожение всякой религии... Ваша «Декларация» не только не может быть воспринята православным сознанием по своему содержанию... но и побуждает православных все злоключения, постигающие их в области церковной, рассматривать как результаты той же «Декларации»... К таким именно злоключениям нашей местной Церкви относится перемещение в Одессу митрополита Иосифа вопреки желанию паствы и его самого и назначение в нашу епархию епископа Сергия (Зенкевича). Подобные перемещения и назначения епископов, практикуемые и в отношении других епархий Союза, только укрепляют убеждение в том, что епископы назначаются на кафедры не по Вашему произволению... Но в особенности противными религиозному сознанию народа являются дошедшие до нас сведения об устранении из богослужения молений о страдальцах за дело Церкви, находящихся в тюрьмах и ссылках, с одновременным распоряжением о возношении молений за власть, посылающую этих страдальцев в тюрьмы и ссылки... Ничего подобного еще не бывало в истории Церкви. Ввиду изложенного... мы обращаемся к Вам, Высокопреосвященнейший владыко, со слезной просьбой немедленно принять нижеследующие меры ради мира церковного: 1) Отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государством в той форме, какую Вы найдете более подходящей, но которая делала бы ясным для верующих таковой Ваш отказ. 2) Отказаться от перемещения и назначения епископов, помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых или назначаемых. 3) Поставить Временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его учреждении в смысле совещательного органа, состоящего лично при Вас, и полномочия которого кончаются с прекращением Ваших полномочий. Вследствие этого все распоряжения... должны объявляться только от Вашего имени, но не от имени Синода, хотя бы они предварительно и рассматривались в нем. 4) Пересмотреть состав Временного Патриаршего Синода и удалить из него пререкаемых лиц, в особенности митрополита Серафима Тверского (Александрова) и архиепископа Алексия (Симанского). 5) При организации епархиальных управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917—1918 гг. и особенно авторитет епископата, который так блестяще оправдал себя в тяжелое время борьбы с обновленчеством. 6) Возвратить на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа. 7) ...Впредь до назначения постоянного митрополита отменить возношение Вашего имени во время богослужения. 8) Отменить распоряжение об устранении из богослужений молений о страдальцах за Церковь Христову и о возношении молений за гражданскую власть. Мы призываем Вас, владыко, вспомнить Святейшего Патриарха Тихона, который не стеснялся никакими обстоятельствами в отношении отмены своих распоряжений, когда убеждался, что они не находят себе поддержки в церковном сознании верующих»²⁵⁹.

* * *

С этим письмом, и посланием от викарных архиереев Ленинградской епархии, несогласных с митрополитом Сергием, и письмом от городских священников направилась депутация из четырех представителей епархии — епископа Гдовского Димитрия (Любимова), профессора протоиерея Василия Верюжского, протоиерея Викторина Добронравова и мирянина С. А. Алексеева — в Москву, к Заместителю Местоблюстителя. Встреча состоялась 12 декабря. Делегаты подошли под благословение к митрополиту Сергию и вручили привезенные документы. Владыка Сергей читал их внимательно, медленно, но часто делал замечания вслух. Члены делегации отвечали или возражали ему, когда затрагивались насущные вопросы, которые привели их сюда. Они надеялись, что живое проникновенное слово или вид плачущего семидесятилетнего старца епископа Димитрия, взывавшего на коленях к архипастырской совести Заместителя Местоблюстителя, поможет им переубедить митрополита Сергия. Разговор

продолжался около двух часов, и порой митрополит не мог сдержать гнева и раздражения.

— Вот вы протестуете, а многие другие группы меня признают и выражают свое одобрение,— проговорил митрополит Сергей,— не могу же я считаться со всеми и угодить всем, каждой группе. Вы каждый со своей колокольни судите, а я действую для блага всей Русской Церкви.

— Мы, владыко,— возразил ему профессор протоиерей Василий Верюжский,— тоже для блага всей Церкви хотим потрудиться, мы не одна из многочисленных маленьких групп, а являемся выразителями церковно-общественного мнения Ленинградской епархии из восьми епископов, лучшей части духовенства. Я являюсь выразителем мнения сотни моих друзей и знакомых и, надеюсь, тысячи единомышленных научных работников Ленинградской епархии, а С. А. Алексеев — представитель широких народных масс.

— Вам мешает принять мое «Воззвание» политическая, контрреволюционная идеология, которую осудил Святейший Патриарх Тихон.— Митрополит Сергей, порывшись среди бумаг, достал документ, подписанный Патриархом Тихоном.

— Нет, владыко,— возразил профессор протоиерей Василий Верюжский,— нам не политические убеждения, а религиозная совесть не позволяет принять то, что вам ваша совесть принять позволяет. Мы со Святейшим Патриархом Тихоном согласны, мы тоже осуждаем контрреволюционные выступления. Мы стоим на точке зрения Соловецкого осуждения вашей «Декларации». Вам известно это послание с Соловков?

— Это послание написал один человек — Зеленцов, а другие меня одобряют. Вам известно, что меня принял и одобрил сам митрополит Петр?

— Простите, владыко,— возразил отец Василий Верюжский,— это не совсем так: не сам митрополит Петр, а вам известно это через епископа Василия.

— Да. А вы почему это знаете?

— Мы знаем это со слов епископа Василия. Митрополит Петр сказал, что «понимает», а не «принимает» вас. А сам митрополит Петр ничего вам не писал.

— Так ведь с ним у нас сообщения нет,— и митрополит Сергей продолжил чтение переданных ему бумаг.— Ну а чего же тут особенного, что мы поминаем власть? — сказал он, снова прерывая чтение.— Раз мы ее признали, мы за нее и молимся. Молились же за Нерона.

— А за антихриста можно молиться? — спросил профессор протоиерей Василий Верюжский.

— Нет, нельзя!

— А вы ручаетесь, что это не антихристова власть?

— Ручаюсь. Антихрист должен быть три с половиной года, а тут уже десять лет прошло.

— А дух-то ведь антихристов, не исповедующий Христа, во плоти пришедшего!

— Этот дух всегда был: со времен Христа до наших дней. Какой же это антихрист? Я его не узнаю.

— Простите, владыко: вы его не узнаете! Так может сказать только старец, а так как возможность-то есть, что это антихрист, то мы и не молимся. Кроме того, с религиозной точки зрения наши правители — не власть.

— Как так «не власть»? — изумился митрополит Сергей.

— Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а я сам подчиняюсь выше меня стоящему и так далее, и все это восходит к Богу как источнику всякой власти.

— Ну, это тонкая философия,— заметил митрополит Сергей.

— Чистые сердцем это просто чувствуют; если же рассуждать, то надо рассуждать тонко, так как вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению, а не такому упрощенному пониманию, какое даете вы.

Митрополит Сергей углубился в чтение.

— А молитва за ссыльных и в тюрьмах находящихся,— заговорил он снова,— исключена потому, что из этого делали политическую демонстрацию.

— А когда, владыко, будет отменена девятая заповедь блаженства,— ядовито заметил отец Василий Верюжский,— ведь ее тоже можно рассматривать как демонстрацию?

— Она не будет отменена,— спокойно возразил митрополит,— это часть литургии,— и опять стал читать бумаги.— Мое имя должно возноситься для того, чтобы отличить православных от борисовщины.

— А известно вам, владыко,— спросил отец Василий Верюжский,— что ваше имя теперь в обновленческих церквах произносится?

— Так это только прием!

— Так ведь в борисовщине это тоже только прием.

— Ну а вот Синод-то чем вам не нравится? — спросил митрополит Сергей.

— Мы его не признаем, не верим ему,— сказал отец Викторин Добронравов,— а вам пока еще верим. Ведь вы Заместитель Местоблюстителя, а Синод лично при вас — вроде вашего секретаря.

— Нет,— возразил митрополит Сергей,— он орган соуправляющий.

— Без Синода вы сами ничего не можете сделать?

После долгой паузы митрополит Сергей ответил:

— Ну, да, без совещания с ним.

— Мы вас просим о нашем деле ничего не докладывать Синоду, мы ему не верим и его не признаем. Мы пришли лично к вам.

— Чем же вам не нравится митрополит Серафим?

— Будто бы вы, владыко, не знаете.

— Это все клевета и сплетни,— ответил митрополит Сергей.

— Мы пришли не спорить к вам,— сказал отец Василий Верюжский,— а заявить от многих, пославших нас, что мы не можем, наша религиозная совесть не позволяет нам принять тот курс, который вы проводите. Остановитесь ради Христа! Остановитесь!

— Эта ваша позиция называется исповедничеством. У вас ореол?

— А кем должен быть христианин?

— Есть исповедники, мученики, а есть дипломаты, кормчие. Не всякая жертва принимается. Вспомните [Киприана Карфагенского](#)...

— Вы спасаете Церковь?

— Да, я спасаю Церковь.

— Церковь не нуждается в спасении, а вы сами через нее спасаетесь!

— Ну да, конечно,— согласился митрополит Сергей,— с религиозной точки зрения бессмысленно сказать: я спасаю Церковь, но я говорю о внешнем положении Церкви.

— А митрополит Иосиф? — напомнил отец Василий Верюжский.

— Вы его знаете только с одной стороны; нет, он категорически не может быть возвращен...»²⁶⁰

Во время этой беседы говорили также о епископе Петергофском Николае (Ярушевиче), о хиротонии епископа Сергия (Зенкевича) и других вопросах, волновавших ленинградское духовенство и мирян. Через день митрополит Сергей принял у себя профессора протоиерея Василия Верюжского и настойчиво пытался убедить его, что было бы не только безрассудно, но и преступно отказаться от избранного им курса в отношениях с государственной властью. В письменном ответе Заместителя патриаршего Местоблюстителя, который уносил протоиерей Василий Верюжский, утверждалось, что «перемещение епископов — явление временное... часто

удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, принимая во внимание чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного. Синод стоит на своем месте как орган управляющий. Таким он был и при Патриархе, хотя тоже состоял из лиц приглашенных. О митрополите Серафиме я не знаю ничего, кроме сплетен и беспредметной молвы. Для опорочения человека нужны факты, а не слухи. Не любят его за то, что он, имея некоторый кругозор, не остался при наших взглядах на наше государственное положение. А епископ Алексей допустил в прошлом ошибку, но имел мужество ее исправить. Притом он понес такое же изгнание, как некоторые из его теперешних недоброжелателей. Устранено не моление о сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым... иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию»²⁶¹.

Вернувшись после неудачных переговоров с митрополитом Сергием, непримиримые противники его церковной политики созвали в Ленинграде совещание своих единомышленников из духовенства и мирян и объявили митрополита Сергия отпавшим от Церкви и потерявшим благодать священства. Они обратились с посланием к митрополиту Иосифу, умоляя его благословить их на отделение от Заместителя Местоблюстителя. Заручившись поддержкой митрополита Иосифа, 26 декабря на квартире епископа Димитрия (Любимова) собрались епископы Сергей (Дружинин) и Серафим (Протопопов), протоиереи Василий Верюжский и Феодор Андреев. По их приглашению туда явился и сохранявший верность митрополиту Сергию епископ Николай (Ярушевич), которому вручили заранее составленный акт «О разрыве с митрополитом Сергием». В этом документе говорилось: «Решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митрополита Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит. Посему, оставаясь по милости Божией во всем послушными чадами единой святой соборной и апостольской Церкви, сохраняя апостольское преемство чрез патриаршего Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного епархиального митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет; и впредь до суда «совершенного Собора местности», т. е. с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния перед святою Церковью самого митрополита Сергия, сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет «да не преступаются правила отец», и «да не утратим помалу неприметно тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков» (из 8 правила III Вселенского Собора)»²⁶².

Тогда же епископ Димитрий обратился к ленинградскому духовенству с посланием, в котором излагались основания, побудившие его на разрыв с митрополитом Сергием. В этом послании о «Декларации» сказано, что ему и его единомышленникам пришлось изменить отношение к ней только тогда, когда обнаружилось, что она «начинает оказывать сильное влияние и на дела чисто церковные и искажать не только канонически, но даже и догматически лицо Церкви». Следствием этой «Декларации», по мнению епископа Димитрия, было: «1) Закрепление временного Синода, который в сущности... простая канцелярия... в качестве соуправляющего Заместителю органа. Искажен сам патриарший образ управления Церковью. 2) Требование возносить имя его (митрополита Сергия.— В. Ц.) вместе с Местоблюстителем митрополитом Петром, что еще более искажает единоличную форму правления Церковью, установленную Собором 1917—1918 гг., и противно духу святой Церкви, никогда не допускавшей на одно епископское место двух соуправителей. 3) Так же незаконно и объясняемое, по словам митрополита Сергия, лишь гражданскими причинами массовое (до 40

случаев) перемещение епархиальных епископов. 4) Таковую же цель принизить значение епископа для епархии имеют и учрежденные ныне епархиальные советы... 5) Незаконно и требование... к русским православным людям помимо отношения внешней подчиненности гражданской власти, которую они доблестно являли в течение десяти лет... и внутреннего признания существующего строя»²⁶³.

Основания, перечисленные епископом Димитрием, хотя они выражают подлинную тревогу и боль за Церковь, разумеется, слишком недостаточны для оправдания разрыва. Это скорее предлоги для отделения, чем причины, вынуждающие на разрыв. Учреждение Синода при Заместителе Местоблюстителя патриаршего престола искажало патриарший образ церковного управления во всяком случае не более, чем существование дореволюционного Синода без Патриарха. Увольнение архиереев по гражданским причинам под прямым давлением гражданской власти совершалось и в прежние времена и не воспринималось так остро. Возношение имени Заместителя Местоблюстителя не вместе, а вслед за именем самого Местоблюстителя митрополита Петра никакого отношения к пребыванию на одном епископском месте двух соуправителей не имеет: митрополит Петр занимал Крутицкую, а митрополит Сергей — Нижегородскую кафедру. Учреждение епархиальных советов само по себе было, конечно, восстановлением нормального, установленного Всероссийским Поместным Собором порядка церковного управления. Другое дело, что, легализовав епархиальные советы, советская власть пыталась и их сделать проводниками своего влияния на ход церковных дел на местах. Требования внутренне признать советскую власть в «Декларации», конечно, нет, потому что подобное требование неисполнимо, ибо внутренние движения души никаким давлением извне не могут быть регулируемы, и, наконец, лишь самое пылкое воображение могло усмотреть в тексте «Декларации» догматические нововведения или известные уже ранее еретические отступления, что только и может, согласно канонам, быть основанием для разрыва общения с первым епископом.

Епископ Николай (Ярушевич) переслал акт об отделении митрополиту Сергию и Временному Патриаршему Синоду. И тогда Заместитель Местоблюстителя и Временный Синод вынесли постановление о запрещении в священнослужении епископов Димитрия и Сергия (Дружинина). В тот же день, получив сообщение о постановлении Синода, епископ Николай как временно управляющий Ленинградской епархией запретил в священнослужении протоиереев Василия Верюжского, Феодора Андреева и других священников, пошедших на разрыв с Заместителем первоиерарха.

Поначалу епископ Сергей этим запрещением был отрезвлен и заявил владыке Николаю о разрыве с отделившимися и повиновении митрополиту Сергию, но через несколько дней, узнав, что митрополит Иосиф одобряет действия епископа Димитрия, он изменил свое решение. Пренебрегая запрещением, епископы Димитрий и Сергей продолжали служить в ленинградских церквях, а епископы Колпинский Серафим (Протопопов) и Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), не порывая с Синодом, отказывались возносить за богослужением имя Заместителя Местоблюстителя. Из числа ленинградских викарных архиереев верными митрополиту Сергию оставались епископы Николай (Ярушевич) и Николай (Климентьев).

Отвечая на критику «Декларации» и пытаясь остановить раскол, в который втягивалось все больше духовенства, митрополит Сергей вместе с членами Временного Синода обратился 31 декабря 1927 г. с новым посланием к пастве, в котором призывал несогласных не разрывать канонических отношений с Патриархией. Ко времени издания «Декларации», писал он, «расстройство церковных дел дошло до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления, центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен,

намеренных обманов, пагубных заблуждений и всякого самочиния. Только сознание служебного долга перед Святой Церковью не позволило нам, подобно другим, уклониться от выпавшего на нашу долю тяжелого жребия... Будьте уверены, что мы действуем с ясным сознанием всей ответственности нашей перед Богом и перед Церковью... Мы ясно и определенно выразили нашу волю быть православными, и от этого своего решения мы ни на йоту не отступили и, Богу споспешествуя, не отступим и впредь... В административном отделении от нас хотят быть лишь те, кто не может отрешиться от представления о христианстве как о силе внешней и торжество христианства в мире склонен видеть лишь в господстве христианских народов над нехристианскими... При всем нашем недостоинстве мы служим тем канонически бесспорным звеном, которым наша русская православная иерархия в данный момент соединяется со вселенскою, через нее — с апостолами...» Послание заканчивается важным напоминанием о том, что «каноны нашей Святой Церкви оправдывают разрыв со своим законным епископом или Патриархом только в одном случае, когда он уже осужден Собором или когда он начнет всенародно проповедовать заведомую ересь, тоже уже осужденную Собором. Во всех остальных случаях скорее спасется тот, кто останется в союзе с законной церковной властью, ожидая разрешения своих недоумений на Соборе, чем тот, кто, восхитив себе соборный суд, объявит эту власть безблагодатной и порвет общение с нею»²⁶⁴. Но и это предостережение не остановило тех, кто не разделял нового курса Патриархии.

17 января 1928 г. епископ Димитрий, именуя себя «временно управляющим Ленинградской епархией», обратился с письмом к настоятелям церквей, запрещенным епископом Николаем и просившим его принять их в молитвенное общение и под свое архипастырское окормление: «Сам прошу усердно ваших святых молитв о мне грешном, да даст нам Господь Бог по богатству благодати Своей пребыть верными единой, святой, соборной и апостольской Церкви, возглавляемыми в порядке земного церковного священноначалия Местоблюстителем патриаршим Петром, митрополитом Крутицким впредь до того времени, как совершенный Поместный Собор Российской Церкви, представленный всем наличным епископатом, т. е. теперешними изгнанниками-исповедниками, не оправдает нашего образа действий... или же до тех пор, пока сам митрополит Сергей, пришед в себя, не покается в том, что погрешил не только против канонического строя Церкви, но и догматически против ее лица, похулив святость подвига ее исповедников подозрением в нечистоте их христианских убеждений, смешанных якобы с политикой, соборность — своими и синодскими насильственными действиями, апостольство — подчинением Церкви мирским порядкам и внутренним (при сохранении ложного единения) разрывом с митрополитом Петром, не уполномочившим митрополита Сергия на его последние деяния»²⁶⁵.

Настоятели восьми церквей города, в том числе кафедрального собора Спаса на Крови, признали себя в архипастырском управлении епископа Димитрия. Епископ Серпуховской Сергей (Воскресенский), управляющий делами Временного Патриаршего Синода, категорически потребовал от непоминающих настоятелей и священников возносить имя Заместителя Местоблюстителя. И тогда еще 11 ленинградских приходов отделились от Синода и перешли в юрисдикцию епископа Димитрия. 25 января 1928 г. Синод выносит новое постановление «О раздорнической деятельности и учинении раскола и смуты епископами Димитрием (Любимовым) и Сергием (Дружининым)», которым подтверждалось запрещение епископа Димитрия и накладывалось запрещение на епископа Сергия. Оба архиерея увольнялись на покой и предавались каноническому суду православных епископов. Епископам Шлиссельбургскому Григорию и Колпинскому Серафиму категорически предписывалось возносить за богослужением имя митрополита Сергия, а также в один из ближайших дней на проповеди перед паствой осудить отделившихся иерархов и клириков. Епископ Серафим

подчинился постановлению Синода, а владыка Григорий по-прежнему воздерживался от возношения имени Заместителя Местоблюстителя и отправил 13 марта прошение об увольнении на покой. «Линия моего церковного поведения и руководства,— писал он,— в направлении укрепления единства Церкви учитывается Вами как ошибочная, а я считаю ее в условиях данного момента здешней церковной жизни единственно мудрой»²⁶⁶. Прощение епископа Григория удовлетворено не было, и от него повторно потребовали возносить имя митрополита Сергия и публично осудить «иосифлянский раскол». На этот раз владыка подчинился первому требованию, а от осуждения иосифлян уклонился. В мае 1928 г. Временный Патриарший Синод постановил перевести его в Таврическую епархию викарием епископом Феодосийским, но владыка определению Синода не подчинился, из Ленинграда не выехал, но участие в богослужениях прекратил.

Встревоженный печальным развитием событий в Ленинграде, митрополит Сергей принимает решение назначить наконец в этот город правящего архиерея. Но выбрать подходящего для этого высокого служения архипастыря было не легко. Нужен был такой владыка, который был бы известен своей непоколебимой преданностью Церкви, твердостью в вере и неучастием в обновленческом бунте, потому что верующие опасались, как бы церковная политика Заместителя Местоблюстителя ни обернулась новым обновленчеством. Но с другой стороны, печальный опыт с назначением на эту кафедру митрополита Иосифа (Петровых), которому власти не разрешили поселиться в городе, принуждал Патриархию к выбору такого кандидата, который мог бы получить санкцию Тучкова на въезд в Питер.

Выбор пал на митрополита Серафима (Чичагова), иерарха, известного прежде своей крайне правой ориентацией. Патриарх Тихон назначал его на Варшавскую кафедру, но польское правительство не впустило его в Варшаву, поскольку владыка Серафим имел репутацию ревностного борца за единство Русской Церкви и Российской империи. Митрополит Серафим был близок к митрополиту Кириллу (Смирнову) и архиепископу Феодору (Поздеевскому) и был одним из самых бескомпромиссных противников каких бы то ни было уступок обновленцам. Его арестовывали, держали в заточении в Бутырской тюрьме. Выйдя на свободу, он оставался на покое, но поддержал Заместителя Местоблюстителя после опубликования «Декларации». Власти не воспрепятствовали въезду митрополита Серафима в Ленинград.

25 января 1928 г. Временный Патриарший Синод назначил комиссию, которая должна была потребовать от митрополита Иосифа решительного осуждения раскольников в особом послании к ленинградской пастве. Встреча этой комиссии с владыкой Иосифом, состоявшаяся 2 февраля, желанных результатов не принесла. Напротив, ссыльный архипастырь еще тверже укрепился в своем неприятии церковно-политической линии Синода и дерзнул на открытое выступление против Заместителя Местоблюстителя. Еще раньше, 25 декабря, митрополит Иосиф в письме монахам Александро-Невской лавры благодарил их за сочувствие, выраженное ему в связи с переводом в Одессу. Узнав о решении ленинградских викариев и клириков выйти из подчинения митрополита Сергия, владыка Иосиф послал им из Ростова письмо: «Одобрю ваш шаг, присоединяюсь к вам, но, конечно, помочь вам более существенно лишен возможности. Правильно строить свое церковное дело, чтобы мы управлялись самостоятельно каждый, обращая все взоры и надежды на единственно законного Местоблюстителя — митрополита Петра и будущий Поместный Собор всех нынешних святителей, а не случайного подбора их отдельными лицами. Этого законного Собора только и должны сейчас добиваться всякие правители и Синод, и если они бессильны сделать это, то должны честно сами сойти со сцены и сказать открыто, что мы готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем в жертву и посмеяние мракобесного безбожия». 7 января 1928 г. владыка Иосиф на докладе ленинградских викариев о состоявшемся отделении их от митрополита Сергия и Синода

поставил резолюцию: «Для осуждения и обезврежения последних действий митрополита Сергия, противных духу и благу святой Христовой Церкви, у нас по внешним обстоятельствам не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевещающий бесчувственный воздух, но не живые души верных чад Церкви Христовой... Если мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте православия в наше лукавое время, и если бы мы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения»²⁶⁷.

Из этих документов видно, что митрополит Иосиф уже твердо уверовал в правоту своей позиции неповиновения Синоду, да и в практических своих действиях, в переписке с единомышленными ему викариями, дерзнувшими на открытый разрыв, зашел слишком далеко, чтобы возможно было его примирение и согласие с митрополитом Сергием без глубокого раскаяния и пересмотра своих прежних действий. Разумеется, комиссия, присланная из Москвы, вернулась с его отказом повиниться, а сам митрополит Иосиф 6 февраля присоединяется к протесту архиереев Ярославской епархии против митрополита Сергия. 8 февраля 1928 г. он направил в Ленинград письмо, в котором выразил свое согласие на возглавление отделившейся от Заместителя Местоблюстителя ленинградской паствы, подписавшись титулом «митрополит Ленинградский», а не «Одесский»²⁶⁸. 2 марта в новом послании митрополит Иосиф объявил не имеющими силы все распоряжения митрополита Сергия и Синода и поручил временное управление епархией епископу Димитрию (Любимову), а епископу Григорию — управление Александро-Невской лаврой и призывал возносить в церквях города свое имя как законного епархиального архиерея, несмотря на невозможность ему приехать в Ленинград.

В апреле владыка Иосиф сделал попытку легализовать свои претензии на управление епархией и обратился с письмом к Тучкову, прося снять возводимые на него обвинения и разрешить вернуться в Ленинград. ГПУ могло бы пойти ему навстречу в надежде углубить церковный раскол, но на этот раз задача была другая — через митрополита Сергия всю Церковь сделать лояльной гражданской власти, и потому прошение митрополита Иосифа было отвергнуто.

8 марта 1928 г. митрополит Серафим (Чичагов) прибыл в свой кафедральный город. Первое богослужение он совершил в Преображенском соборе на Литейном, где в прежнее время был старостой. Он сразу пожелал встретиться с влиятельными оппозиционерами и направил приглашительное письмо епископу Димитрию (Любимову). Но тот ответил отказом, заявив, что знает только одного митрополита Ленинградского — Иосифа, с митрополитом Серафимом он готов побеседовать приватно, без посторонних.

Митрополит Серафим часто служил в храмах и много проповедовал, отстаивая каноническую правду. Но церковные нестроения в городе не прекращались, и тогда он благословил совершить 1 апреля во всех церквях молебны об умиротворении Церкви. Часть православных, не настаивая на возвращении митрополита Иосифа, в то же время не доверяла правящему архипастырю и требовала приезда в город епископа Мануила, который в феврале 1928 г. вернулся из Соловецкого концлагеря в Москву. Из епархии, где тогда пребывал митрополит Иосиф, к нему явился посланец-иеромонах с предложением от митрополита возглавить порвавших общение с Заместителем Местоблюстителя в Москве и на юге России. «Если согласитесь,— сказал он,— то митрополит Иосиф приглашает вас к себе в Моденский монастырь, где в тот же день возведет вас в митрополиты». На это епископ Мануил ответил, что не может согласиться с тем, что предлагает митрополит Иосиф, это не соответствует его внутреннему убеждению как представителю «соловецкого епископата». «Все мы единогласно и

единодушно в количестве 17 человек под председательством архиепископа Илариона клятвой скрепили себя не отделяться от митрополита Сергия, хранить церковное единство и не присоединяться ни к какой группе раздорников»²⁶⁹, — пояснил свое решение епископ Мануил.

Просьба митрополита Серафима о разрешении епископу Мануилу приехать в Ленинград была удовлетворена. Епископ Мануил получил благословение от священноначалия и визу от гражданской власти и прибыл в северную столицу 28 апреля. Каждый день он служил в храмах, проповедовал, встречался с пастырями и мирянами. 30 апреля вечером в бывших митрополичьих покоях Александро-Невской лавры он более двух часов беседовал с двумястами видными сторонниками митрополита Иосифа и просил их смириться перед законным священноначалием и покаяться в своем отделении. Но оппозиционеры были крайне ожесточены и грозили выйти из подчинения и Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра, если он одобрит действия митрополита Сергия. Несмотря на то что переубедить зачинщиков отделения не удалось, содержание беседы, состоявшейся в Александро-Невской лавре, получило широкую огласку в церковном народе и среди духовенства, и многие колебавшиеся приняли сторону законной церковной власти. В прощальном слове 2 мая после вечернего богослужения в Преображенском соборе епископ Мануил подтвердил законность прецедентов, наложенных высшей церковной властью на зачинщиков раскола, и призвал верующих молиться о вразумлении тех, кто противопоставил себя законной церковной власти. После посещения Ленинграда епископом Мануилом влияние митрополита Иосифа и его сторонников на паству было подорвано, и митрополит Серафим мог теперь спокойно трудиться и совершать архипастырское служение. Часть священнослужителей, и среди них протоиерей Александр Никитин, иеромонах Нафанаил, священник Николай Ковалев, диакон Николай Николаевский, ранее последовавшие за митрополитом Иосифом и епископом Димитрием, вернулись в послушание законной церковной власти. Глубокие перемены произошли в настроении и ориентации мирян. Число последователей митрополита Иосифа с каждым днем убывало, тем более что с самого начала влияние митрополита Иосифа в основном ограничено было пределами Ленинградской епархии. Вне ее за ним последовало 8 приходов в Серпухове, для возглавления которых митрополит Иосиф вместе с епископом Димитрием (Любимовым) тайно хиротонисал епископа Серпуховского Максима (Жижиленко). В Москве на сторону митрополита Иосифа перешли три прихода. Среди священников, отделившихся от Заместителя Местоблюстителя, особенным влиянием пользовался протоиерей Валентин Свенцицкий, настоятель храма Николы Большой Крест в Китай-городе, который незадолго до своей кончины примирился с митрополитом Сергием.

С иосифлянским расколом связано и выступление группы епископов Ярославской епархии во главе с митрополитом Агафангелом, заместителем Патриарха во время ареста святителя Тихона в 1922 г., одним из трех кандидатов в Местоблюстители патриаршего престола, поименованных в завещании Патриарха Тихона. Высокий авторитет митрополита Агафангела был, правда, несколько подорван его притязаниями на местоблюстительство после ареста митрополита Петра.

6 февраля 1928 г. в адрес митрополита Сергия было направлено послание, под которым стояли подписи митрополита Агафангела, викарных архиереев Ярославской епархии — архиепископов Угличского Серафима (Самойловича), который в течение нескольких месяцев исполнял обязанности Заместителя Местоблюстителя, [Варлаама \(Ряшенцева\)](#), временно управляющего Любимским викариатством, и епископа Ростовского Евгения (Кобранова), к ним присоединился и митрополит Иосиф (Петровых), находившийся тогда еще в Ростове Великом. Архиереи сообщали, что за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения отныне они отделяются и отказываются признавать за митрополитом Сергием и его

Синодом право на высшее управление Церковью. «При этом добавляем,— писали они,— что остаемся во всем верными и послушными чадами единой, святой, соборной и апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю патриаршего престола высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями. Настоящее наше решение останется в силе впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти высокопреосвященного митрополита Петра»²⁷⁰. Отказываясь от административного подчинения тому, кого они именуют Заместителем патриаршего Местоблюстителя, ярославские архиереи в то же время не объявляют о разрыве молитвенно-канонического общения с ним.

Получив обращение ярославских епископов, подписанное среди прочих тремя видными архипастырями, по-разному причастными к возглавлению Русской Церкви, Заместитель Местоблюстителя немедленно созвал внеочередную сессию Синода, а в Ярославль был направлен член Синода митрополит Тверской Серафим (Александров) с письмом, в котором митрополит Сергей пытался убедить владыку Агафангела в правоте своих действий. «Поверьте, — писал он,— что ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной мы не отрекаемся и не намерены отречься. Мы только не закрываем глаза на ту обстановку, среди которой нам приходится действовать, и полагаем, что, как бы ни связывала нас эта обстановка, мы не можем оправдывать ею своей бездеятельности: мы должны действовать и делать то, что можем в данных условиях... Итак, еще и еще раз прошу Вас: останьтесь с нами и не берите на свою ответственность столь тяжелого дела, как разрыв общения без достаточных к тому оснований... не переходите на сторону наших врагов»²⁷¹.

После отъезда митрополита Тверского Серафима архиепископ Серафим (Самойлович) и митрополит Иосиф были высланы из епархии, и быстро распространилась молва, будто ярославское духовенство и паства с согласия митрополита Агафангела переходят под окормление митрополита Иосифа. Владыка Серафим поселился в Могилевском Вуйничском монастыре, а митрополит Иосиф — в Николо-Моденском, в 35 верстах от Устюжны. Резко пошатнулось здоровье митрополита Агафангела. Заместитель Местоблюстителя и Синод должны были действовать без промедления. 27 марта ими выносятся постановления о лишении кафедры, запрещении в священнослужении не только иосифлянских епископов, но также и архиепископов Серафима (Самойловича), Варлаама (Ряшенцева) и епископа Евгения (Кобранова). Для переговоров с митрополитом Агафангелом Синод направил архиепископа Вятского Павла (Борисовского) с посланием от митрополита Сергея, в котором тот писал, что действия ярославских епископов имеют все признаки раскола, и просил его пересмотреть свою позицию. В беседе с архиепископом Павлом владыка Агафангел отрицал обвинения в раскольнических действиях и уточнил, что отделился со своими vikариями не по разномыслию в вере, тайнодействии и молитве, а только в порядке административного управления. 7 апреля в ответном письме митрополиту Сергию он повторил сказанное в беседе с владыкой Павлом, но упомянул также о готовности к частичному пересмотру своей позиции. Получив это письмо, митрополит Сергей пишет Ярославскому митрополиту еще одно послание, в котором в очередной раз спокойно и терпеливо объясняет все перипетии сложившихся обстоятельств, указывая, что «объявить себя состоящим в послушании первому епископу и в то же время административно порвать с Заместителем, которого первый епископ поставил, значило противоречить самому себе. Приемляй аще кого посю, Мене приемлет (Ин. 13. 20) и наоборот; это общий закон, не допускающий исключения. Разрыв же общения со мною раньше приговора Собора из-за каких-либо неправильных административных распоряжений, тем более без

фактической проверки, на основании народной молвы, искусственно муслируемой, канонически будет определяться как раскол, со всеми указанными в церковных канонах последствиями для учинителей его». Митрополит Сергей с особой радостью приветствовал готовность владыки Агафангела пересмотреть заявление от 6 февраля и просил не ставить возвращение в Ярославль архиепископа Угличского Серафима непременным условием преодоления разногласий. «Нельзя же решение вопроса такой общецерковной важности ставить в зависимость от обстоятельств второстепенных и более или менее случайных»²⁷².

Митрополит Агафангел и его викарии, архиепископ Варлаам (Ряшенцев) и епископ Евгений (Кобранов), не замедлили с ответом Заместителю Местоблюстителя: «В разъяснение нашей декларации от 6 февраля сего года и в дополнение к письмам митрополита Агафангела находим нужным сказать следующее: 1) Мы до сих пор не прерывали и не прерываем нашего молитвенного общения с Заместителем патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием. 2) Никакого раскола мы не желаем учинять и не учиняем. 3) Никаких новшеств в церковной жизни нашей епархии не вводили и не вводим. 4) Принципиально власть Вашу, как Заместителя, не отрицаем. 5) Распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие церковные каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте исполнять не могли и не можем. 6) Всех обращающихся к нам иноепархиальных епископов, клириков и мирян с просьбой возглавить их и принять в молитвенное и каноническое общение мы не отторгали и не отторгаем от единства церковного, а, внося мир, направляли их непременно к Вашему Высокопреосвященству и Синоду, предварительно, насколько возможно, успокоив их смущенную религиозную совесть. Да послужат эти наши разъяснения при помощи Божией ко благу и миру церковному»²⁷³.

Согласие было почти достигнуто, оставалась, однако, одна существенно важная оговорка в этом документе в пункте 5, чтобы устранить и ее, митрополит Сергей направил архиепископа Рязанского Ювеналия (Масловского) и настоятеля московского храма Николы на Арбате протоиерея Владимира Воробьева, отличавшихся особым даром благотворно влиять на людей, смягчать их сердца и располагать к себе. Беседа 16 мая в Ярославле с уже тяжело больным митрополитом Агафангелом привела к полному примирению его с митрополитом Сергием. Вслед за ним молитвенно-каноническое общение с Заместителем Местоблюстителя возобновили и архиепископы Серафим и Варлаам и епископ Евгений. Так улажено было разногласие, возникшее у ярославских епископов с Патриархией. 16 октября 1928 г. в возрасте 74 лет митрополит Агафангел почил в мире с Церковью и Богом.

Но для митрополита Иосифа (Петровых) такой исход событий не стал примером. В письме епископу Димитрию (Любимову), датированном 24 июля 1928 г., он писал: «Ярославские «дезертиры» меня как-то мало смутили и удивили. Да и в конце концов не в них дело и не они когда-либо являлись опорой нам или давали содержание и питание нашему образу мыслей и действий. И от Господа бывали отпадавшие, уходившие от Него и оставлявшие Его в столь удивительном меньшинстве (двенадцать). Зато эти двенадцать (впрочем, и в этом маленьком числе оказался потом и еще дьявол (Ин. 6. 66—71) выросли потом в то, что мы теперь так хотим спасти и бережно охранить от новых предателей и разрушителей и что эти разрушители сумели опять умалить до «ничтожного меньшинства»²⁷⁴. Письмо это весьма характерно для умонастроения и религиозной психологии виднейшего из архипастырей, отделившихся от Патриархии. Оно вызывает в памяти образ неистового предводителя старообрядчества — протопопа Аввакума Петрова: Церковь — это малое стадо его единомышленников, а большинство церковное идет вслед за новыми Анной и Каиафой — новыми распинателями Христа. В противоположность направлению мыслей митрополита Иосифа представители Русской Церкви Патриарх Тихон, митрополиты Петр и Сергей пытались своей линией

церковной политики сохранить для Церкви легальную возможность окормлять десятки миллионов верующего народа, большая часть которого не готова была к уходу в катакомбы.

Помимо архиереев, клириков и мирян, в той или иной форме отделившихся от Заместителя Местоблюстителя, некоторые священнослужители, официально не отделяясь от митрополита Сергия, резко критиковали его, подавали прошения об увольнении на покой, воздерживались от возношения его имени за богослужением. Эти группы оппозиционеров стали называть «даниловской» и «мечевской».

Во главе первой стоял бывший архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), настоятель Свято-Данилова монастыря в Москве, к нему примыкали епископы Гавриил (Абалымов), Дамаскин (Цедрик), Иоасаф (Удалов), Николай (Никольский), Парфений (Брянских), Григорий (Козырев). Другим центром умеренной оппозиции был храм святителя Николая на Маросейке, настоятелем которого после кончины почитаемого в народе отца Алексия Мечева стал его сын [Сергий Мечев](#). В единомыслии с клириками и прихожанами этого прихода находились архиепископ Зиновий (Дроздов), епископы Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Аркадий (Остальский), Афанасий (Сахаров).

От поминовения имени митрополита Сергия воздерживался и один из самых авторитетных архипастырей Русской Церкви — митрополит Кирилл (Смирнов), в конце 20-х гг. сосланный в Енисейск. Ревностный сторонник патриаршей власти, он в учреждении Временного Синода при Заместителе Местоблюстителя увидел угрозу самому принципу единоличного возглавления Церкви первым епископом. Свою позицию митрополит Кирилл изложил в письме викарному епископу Казанской епархии Афанасию (Малинину), выразив в нем пожелание, чтобы с содержанием письма был ознакомлен и Заместитель Местоблюстителя. Митрополит Кирилл писал, что «никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает... Заместитель назначается для управления текущими делами... Коренное же изменение самой системы церковного управления... превышает компетенцию и самого Местоблюстителя патриаршего престола». Коренной реформой митрополит Кирилл называет учреждение коллегиального церковного управления в виде Временного Патриаршего Синода. «До тех пор,— продолжал он,— пока митрополит Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием так называемого патриаршего Синода, я не могу признать для себя обязательным к исполнению... Литургисать с митрополитом Сергием и единомысленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника Сергиева поставления»²⁷⁵.

18 сентября 1929 г. митрополит Сергий обратился с первым письмом к митрополиту Кириллу, в котором настаивал на том, что в отсутствие патриаршего Местоблюстителя Заместитель вынужден брать на себя полноту ответственности, а значит и пользоваться теми же правами, что и Местоблюститель. «В завещании Святейшего Патриарха говорится только о переходе патриарших прав и обязанностей, и уже сам владыка митрополит Петр решил именоваться «патриаршим Местоблюстителем», по букве же завещания его титул должен быть: «исполняющий обязанности Патриарха». В свою очередь... и мой титул собственно «временно исполняющий обязанности патриаршего Местоблюстителя», и уже потом за мной установился титул «Заместитель»... Несообразно и мои полномочия определять, играя на ходячем смысле слова «заместитель»»²⁷⁶.

Отстаивая законность учреждения Временного Патриаршего Синода, который митрополит Кирилл сравнивал с самочинным григорианским ВВЦС, митрополит Сергий разъяснял, что ВВЦС был образован «взамен единоличного замещения... а Синод утвержден при первоиерархе»²⁷⁷. Справедливо отмечая каноническую сбивчивость и двусмысленность

рассуждений митрополита Кирилла о его отказе литургисать с епископами, единомысленными с митрополитом Сергием, которых он, однако, не признает лишёнными благодати священства, митрополит Сергей писал: «Вы порвали с нами евхаристическое общение и в то же время не считаете ни себя учинившим раскол, ни нас стоящими вне Церкви. Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема — это попытка сохранить лёд на горячей плите. Из всех видимых связей церковного тела евхаристическое общение есть самое существенное, настолько, что при ее отсутствии остальные связи единства не удержат»²⁷⁸.

В своем ответе митрополит Казанский Кирилл продолжал настаивать на различии прав Местоблюстителя и его заместителя. «Ваши права,— писал он,— только отражение прав митрополита Петра и самостоятельного светолучения не имеют». Своего адресата, ссылавшегося в предыдущем письме на 8-е апостольское правило и 2-е правило Антиохийского Собора, митрополит Кирилл обвиняет в «каноническом буквализме»: «Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов». Митрополит Кирилл осуждает отделившихся от Заместителя Местоблюстителя священнослужителей, которые хулили таинства, совершаемые «сергианами», как безблагодатные. В то же время он упрекает и своего адресата за то, что тот «не осмеливается найти более любовный способ воздействовать на них, чем воспрещать, несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от вашего церковного управления»²⁷⁹.

Митрополит Сергей отвечал на это письмо 2 января 1930 г.: «Вы опасаетесь, как бы при неограниченности прав Заместителя у нашей Церкви не оказалось двух глав. В 1922 г., при жизни Святейшего Патриарха, митрополит Агафангел вступил в управление Церковью в качестве его Заместителя, однако тогда никто не думал о двух главах... Главным мотивом отделения служит наша Декларация. В ней наши противники, сами не отрицающие обязательности для каждого христианина гражданской верности... не совсем последовательно увидели заявление не таких же, как и они, земных людей, граждан СССР, а заявление самой Церкви как благодатного учреждения. Отсюда крики о подчинении Церкви государству, Царства Божия — царству мира и даже Самого Христа — Велиару. Упразднением Синода таких фанатиков не примирить». Митрополит Сергей выразил изумление по поводу упреков в каноническом буквализме, который митрополит Кирилл приписывал обновленцам. «До сих пор мы думали,— писал он,— что обновленчество и состоит в отказе от руководства канонами, и, в частности, осуждение Святейшего рассматривали как самое яркое и наглое нарушение и смысла, и буквы канонов». Вновь указывая митрополиту Казанскому на двусмысленность его позиции в вопросе о церковном общении, митрополит Сергей писал: «Вы хотите считать наши отношения как бы частным делом, которое других не касается... Но не может быть частным делом евхаристический разрыв старейшего митрополита и первого кандидата в Местоблюстители с правящим Заместителем. Вы можете сколько угодно писать о необязательности для мирян разрывать общение с нами, но если вы порываете, то каждый мирянин может задать вопросом, не должен ли и он порвать. В результате — великий церковный соблазн и разделение, а достаточных оснований для него по канонам не имеется»²⁸⁰. Письмо заканчивается предупреждением о возможном увольнении митрополита Кирилла от управления Казанской епархией и предании его церковному суду в случае, если он в нарушение церковной дисциплины будет и впредь настаивать на допустимости евхаристического разрыва с Заместителем Местоблюстителя, исполняющим обязанности Первого епископа.

До Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра, сосланного в Обдорский край, доходили печальные вести о терзающих Церковь разделениях. Он реагировал на происходящее в двух письмах, адресованных митрополиту Сергию. 26 февраля 1930 г. он писал из зимовья Хэ своему Заместителю: «Ввиду чрезвычайных условий жизни Церкви, когда

нормальные правила управления подвергаются всяким колебаниям, необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности,— выразив свое огорчение происходящим в Церкви, митрополит Петр тем не менее сохраняет за митрополитом Сергием ранее данные ему полномочия: — Я, конечно, далек от мысли, что вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на вас послушания — это послужило бы не для блага Церкви... Пишу Вам откровенно, как самому близкому мне архипастырю, которому многим обязан в прошлом и от святительской руки которого принял постриг и благодать священства...»²⁸¹

* * *

1929—1931-й — годы принудительной коллективизации и массового раскулачивания, иными словами ограбления состоятельных крестьян и репрессий против них, вошли в историю как время «великого перелома», по словам А. И. Солженицына, перелома хребта русского народа. Эти годы по свирепости гонений на православную Церковь сравнимы разве что с кровавыми событиями 1922-го, а по масштабам далеко превзошли их.

В феврале 1929 г. секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович разослал по стране директивное письмо под названием «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В этой директиве «партийцы, комсомольцы, члены профсоюзов и других советских организаций» подвергались разному за недостаточную ретивость в «процессе изживания религиозности». Духовенство объявлялось Л. М. Кагановичем политическим противником ВКП(б), выполняющим задание по мобилизации всех «реакционных и малограмотных элементов» для «контрнаступления на мероприятия советской власти и компартии». Вождь отдает четкие приказы учреждениям, которые призваны были к просвещению темных масс: Главлиту оказывать поддержку издательской работе ЦС СВБ и местных «Союзов безбожников» и решительно бороться с тенденцией религиозных издательств к массовому распространению своей литературы и изданию мистических произведений. НКВД и ОГПУ не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными объединениями. Школы, суды, регистрация гражданских актов должны быть полностью изъяты из рук духовенства²⁸².

8 апреля 1929 г. президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов» в стенах «молитвенных домов», просветительская и благотворительная деятельность категорически воспрещалась. Духовенство устранилось от участия в хозяйственных и финансовых делах так называемых двадцаток. Частное обучение религии, дозволенное декретом 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», теперь могло существовать лишь как право родителей обучать религии своих детей. На этом же заседании президиум ВЦИК образовал «Постоянную комиссию по вопросам культов» под председательством П. Г. Смидовича для административного надзора за религиозными общинами; в состав комиссии введены были представители таких народно-воспитательных учреждений, как Наркомпрос, ВЦСПС, НКВД, Наркомюст, ОГПУ. XIV Всероссийский Съезд Советов изменил 4 статью Конституции, в новой редакции говорилось о «свободе религиозного исповедания и антирелигиозной пропаганды». НКВД в инструктивном циркуляре председателям исполкомов всех ступеней строго предписывал уделить серьезное внимание надзору за деятельностью религиозных объединений, «зачастую сраживающихся с контрреволюционными элементами и использующих в этих целях свое влияние на известные прослойки трудящихся»²⁸³.

От слов к делу тогда переходили незамедлительно. Как вспоминает профессор А. И. Козаржевский, «на Пасху в церкви посылались хулиганы, которые свистели, ругались... подвозили усилительные установки и громом вульгарной музыки старались заглушить

церковное пение. Китайцы из коммунистического университета народов Востока врывались в храм Христа Спасителя, тушили лампы и свечи. Для борьбы с религиозными предрассудками в стране вводилась 5-дневная рабочая неделя со скользящим выходным днем. Началось массовое закрытие церквей.

На 1 января 1928 г. Русская Православная Церковь имела на территории РСФСР 28 560 приходов (вместе с обновленческими, григорианскими и самосвятскими приходами в нашей стране оставалось тогда еще около 39 тыс. общин — примерно $\frac{2}{3}$ от дореволюционного их числа). В 1928 г. в РСФСР закрыли 354 церкви, а в 1929-м — уже 1119, из которых 322 были разрушены. В Москве до 1917 г. было около 500, а в нынешних границах города — около 700 храмов, а к 1 января 1930 г. осталось только 224 церкви, еще через два года в столице в ведении Московской Патриархии находилось 87 приходов. В Рязанской епархии закрыто было в 1929 г. 192 прихода; в Орле в 1930 г. не осталось ни одного православного храма. Закрытые храмы приспособлялись под производственные цехи, под склады, под квартиры и клубы, а монастыри — под тюрьмы и колонии.

По всей России шла война с колокольным звоном. Колокола сбрасывали под тем предлогом, что они мешают слушать радио и оскорбляют религиозные чувства нехристиан. Колокольный звон запрещался постановлением местных властей в Ярославле, Пскове, Тамбове, Чернигове. В начале 30-х гг. был снят и перелит самый большой в России 67-тонный колокол Троице-Сергиевой лавры. Запрещен был колокольный звон и в Москве. По словам А. И. Козаржевского «Воробьевы горы находились за официальной границей города и до повсеместного запрета звона москвичи ездили туда послушать незатейливый благовест скромной Троицкой церкви. Одно время были запрещены рождественские елки. Приходилось всеми правдами и неправдами добывать деревце, украшать, завесив окна плотными шторами, чтобы сознательные соседи (порвавших с религией называли «разобравшимися») не видели»²⁸⁴.

Иконы уничтожались тысячами; в газетах часто появлялись сообщения о том, как то в одной, то в другой деревне их сжигали целыми телегами. Рвали и сжигали богослужебные книги, при разгроме монастырей гибли рукописные книги, хранившиеся в библиотеках, переплавлялась драгоценная церковная утварь. Народ в большинстве своем оставался еще верующим и православным, и не многих удавалось вовлечь в святотатственные преступления, но остановить святотатцев, удержать от кощунственных злодеяний, защитить святыни было некому. Не только физически, но и духовно народ был раздавлен. В стране вводились продовольственные карточки, но «служителям культа» эти карточки не полагались, они могли жить только на подаяние. Советский режим беспощадно мстил даже детям. О трагической участи детей духовенства вспоминал артист Евгений Лебедев, сын священника: «Вглухом приволжском городке Балаково отец служил в церкви Иоанна Богослова, и сколько же мне, братишке, сестрам за это доставалось, особенно в школе. Только и слышишь бывало: «Эй, ты, поп, попенюк, кутейник!» Учиться нам, «кутейникам», позволялось лишь до четвертого класса, и с каждым годом издевательства сверстников становились все мучительней. Да еще «умная» учительница вносила свою лепту: «Ну что, «лишенец», опять ходил в церковь? Опять слушал этот опиум для народа? Ступай к отцу и скажи, что он — длинноволосый дурак!» Что такое «лишенец», я еще не понимал, что такое «опиум», не знал, но ноги все равно становились ватными. А сколь тяжело было отцу»²⁸⁵.

В 1929—1931 гг. арестам, ссылкам, тюремному заключению подвергались тысячи священнослужителей. Первый удар нанесли по отделившимся от Патриархии после издания «Декларации» 1927 г. Были арестованы и сосланы митрополит Иосиф (Петровых), епископы Димитрий (Любимов), Алексей (Буй), архиепископ Серафим (Самойлович), епископы Виктор

(Островидов) и Дамаскин (Цедрик). В 1930 г. отделившимся от Патриархии иосифлянам в Ленинграде принадлежали соборы Воскресения на Крови, святителя Николая и Владимирский. После закрытия этих церквей последний иосифлянский храм Тихвинской иконы Божией Матери продержался до 1936 г. В Москве «непоминающие» удерживали за собой до 1931 г. храмы святителя Николая на Маросейке и святых мучеников Кира и Иоанна, где постоянно служил отец Серафим (Битюгов). Большая часть иосифлян и других непоминающих клириков в 30-х гг. ушла в катакомбы, совершала богослужения, исполняла требы тайно. Престолы с антиминсами устраивали в частных домах, доступ в которые был открыт только хорошо известным, доверенным лицам. Очаги нелегальной Церкви стали появляться в местах ссылки — в Сибири, на Урале, в Казахстане, а также на Северном Кавказе. Воронежская и Тамбовская епархии оказались опорой для группировки так называемых «буевцев» — сторонников епископа Алексия (Буя). 6 июля 1931 г. в Москве расстреляли епископа Максима (Жижиленко). Еще в 1929 г. в Ленинграде арестованы были все видные священники-иосифляне: протоиереи Василий Вернужский, Феодор Андреев, Иоанн Никитин, Сергей Тихомиров, священник Николай Прозоров, монахиня мать Кира. В феврале 1931 г. по сфабрикованному делу о нелегальной отправке регалий Преображенского полка в Копенгаген и передаче их императрице Марии Феодоровне были расстреляны настоятель Преображенского собора митрофорный протоиерей Михаил Тихомиров, генерал Казакевич, церковный писатель Поселянин и другие лица. По делу о нелегальном вывозе из СССР женщины из аристократической фамилии расстрелян был ее духовный отец протоиерей Михаил Чельцов, приговоренный в 1922 г. вместе с митрополитом Вениамином (Казанским) к смертной казни, но тогда помилованный.

Большой потерей для Церкви явилась кончина архиепископа [Илариона \(Троицкого\)](#), последовавшая 28 декабря 1929 г. Это был ревностный поборник восстановления патриаршества, неутомимый борец с обновленчеством, ревнитель церковного единства и выдающийся богослов. Его мирское имя — Владимир Алексеевич Троицкий. Родился он в 1886 г. По окончании Московской Духовной Академии защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории догмата Церкви»; приняв постриг, стал профессором и инспектором академии. В 1920 г. был рукоположен в сан епископа Верейского. Когда вспыхнул обновленческий раскол, епископ Иларион стал ближайшим помощником Патриарха в борьбе против смуты. Оказавшись в ссылке на Соловках, он говорил, что «это замечательная школа нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия». В лагере его любили все, он мог часами говорить с отпетым уголовником, и тот слушал, проникаясь особым уважением к нему. Под его началом на Соловках работала артель рыболовов. По воспоминаниям одного из соузников, «артель Троицкого» была и настоящей духовной школой. Архиепископ Иларион терпеть не мог лицемерия, притворства, елейности, самомнения. Однажды в разговоре с вновь прибывшим на Соловки иноком он спросил: «За что же вас арестовали?» «Да служил молебен у себя на дому, когда монастыри закрыли, собирался народ, и даже бывали исцеления». — «Ах вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?» — «3 года». — «Ну это мало, за исцеления надо бы дать больше».

Архиепископ Иларион, ободряя другого юношу, Олега Волкова, оказавшегося тоже на Соловках, говорил, что надо верить, что Церковь устоит. «Без этой веры жить нельзя. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер. Пусть сохраняются лишь крошечные, еле светящиеся огоньки, «когда-нибудь от них все пойдет вновь» ²⁸⁶. Именно эти слова привел в своей книге «Погружение во тьму» известный писатель Олег Волков, тридцать лет скитавшийся по лагерям и ссылкам, когда рассказывал о встрече с архиепископом Иларионом в те страшные годы.

Когда весть о разделении в церковном народе дошла до Соловецкого концлагеря,

архиепископ Иларион решительно встал на сторону митрополита Сергия и писал на волю, что всем отделившимся он не сочувствует, считает их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. «Не напрасно правила 13—15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть «casus belli». Точно так же и все касающееся внешнего права Церкви (т. е. касающееся отношения к государственной политике и под.) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митр. Сергия и Синода его, чтобы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1721 по 1917 г. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и, однако, ведь не отделились. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились в последние годы, а пора бы, давно пора бы... Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное есть tertius gaudens, и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение»²⁸⁷.

В другом письме на волю, вполне понятном только посвященным в суть церковных разногласий, он дает характеристику и самому митрополиту Иосифу (Петровых), называя его Осипом, чтобы не привлечь внимания цензора: «Осиповы письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит, и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как жить им дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли, и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругаются по пустякам и зря, вред себе и другим делают»²⁸⁸.

В 1929 г. закачивался его очередной трехлетний срок заключения, и после нового рассмотрения дела вынесли постановление о ссылке в Казахстан на вечное поселение. Путь изгнанника лежал через Питер. Дорогой он заболел сыпным тифом и оказался в тюремной больнице, где его принудительно обрили. Архиепископ Иларион написал Ленинградскому митрополиту Серафиму (Чичагову), и тот отечески заботился о нем, присылал ему передачи. Но состояние больного становилось с каждым днем все тяжелее, температура доходила до 41°, и он просил митрополита Серафима прислать клюквенного морса. Но когда посылка с морсом пришла, митрополита Серафима известили, что владыка в бреду. В агонии он часто повторял: «Вот теперь я совсем свободен, никто меня не возьмет», а в 4 часа скончался. Митрополит Серафим испросил у тюремщиков останки почившего исповедника и сам, в сослужении двух архиереев и ленинградского духовенства, отпел его в храме Новодевичьего монастыря, на окраине города у Московской заставы. На могиле поставили белый крест с надписью: «Архиепископ Иларион Троицкий».

В 1930 г. арестовали протоиерея Димитрия Боголюбова, в прошлом миссионера Петроградской епархии, после освобождения из-под ареста Патриарха Тихона в 1923 г. ставшего одним из его ближайших помощников по управлению Московской епархией. Рассказывая потом о своем пребывании в тюрьме на Лубянке, он вспоминал: «Во время одной из ночных бесед... следовательно вдруг спрашивает меня: «Не хотите ли у нас послужить?» А я притворился дурачком и спрашиваю: «А что, разве у вас здесь есть храм?» На другой день меня переправили в Бутырку и дали 10 лет»²⁸⁹.

Гонения на христиан в России вызвали ужас во всем мире. Их осудил архиепископ Кентерберийский, который в начале Великого поста организовал в Великобритании моления о страждущей Русской Церкви, пригласив на них из Парижа митрополита Евлогия

(Георгиевского). 2 февраля 1930 г. с призывом к молитве за гонимую Русскую Церковь выступил папа Пий XI. «Мы испытываем глубочайшее волнение при мысли об осужденных и святотатственных преступлениях,— говорится в его послании,— которые умножаются и усиливаются с каждым днем и которые направлены как против Церкви Божией, так и против душ многочисленного населения России, дорогого нашему сердцу, хотя бы уже из-за величия его страданий»²⁹⁰.

Настроения христианской общественности, заявления видных церковных деятелей влияли на позиции правительств западных стран. Советское правительство страшилось тотальной изоляции. Тогда власти заставили Заместителя Местоблюстителя дать два интервью, в которых он вынужден был отрицать факт гонений на Церковь в СССР. Первое состоялось 15 февраля 1930 г. для корреспондентов советских газет и подписано было митрополитом Сергием и членами Временного Патриаршего Синода архиепископами Алексием (Симанским) и Филиппом (Гумилевским) и епископом Пителимом (Крыловым). Действительно, говорили они, некоторые церкви закрываются, но не по инициативе властей, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих. Безбожники в СССР организованы в частное общество, и поэтому их требования о закрытии церквей правительственные органы отнюдь не считают для себя обязательными. Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния. Несчастье Церкви в том, что она в прошлом слишком срослась с монархическим строем, поэтому церковные круги «долгое время вели себя как открытые враги соввласти (при Колчаке, при Деникине и пр.). Лучшие умы Церкви, как, например, Патриарх Тихон, поняли это и старались исправить создавшееся положение, рекомендуя своим последователям не идти против воли народа и быть лояльными к советскому правительству». Сведения о жестокостях, творимых по отношению к священнослужителям, помещенные в заграничной прессе — «сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей»²⁹¹. В связи с обращением папы в защиту гонимой Русской Церкви сделано было заявление: «Мы считаем излишним и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защищать нашу Православную Церковь. У папы есть давнишняя мечта окатоличить нашу Церковь, которая, будучи всегда твердой в своих отношениях к католицизму, как к ложному учению, никогда не может связать себя с ним какими-то ни было отношениями»; по поводу выступления архиепископа Кентерберийского сказано было, что «оно грешит той же неправдой насчет якобы преследований в СССР религиозных убеждений, как и выступление Римского папы... пахнет подталкиванием паствы на новую интервенцию, от которой так много пострадала Россия».

18 февраля митрополит Сергей дал интервью иностранным журналистам, в котором вновь заявил, что «в Советском Союзе никогда не было и в настоящее время не происходит каких-либо религиозных преследований». Заместитель Местоблюстителя привел и некоторые статистические данные: в стране существует 30 000 приходов и 163 архиерея, «находящихся в каноническом подчинении Патриархии, не считая епископов, пребывающих на покое и находящихся в молитвенном общении с Патриархией»²⁹². Обстановку, в которой происходили эти интервью, описывает митрополит Евлогий (Георгиевский): «Оказывается, что текст большевики дали митрополиту Сергию за неделю до интервью, а потом держали его в изоляции. Перед ним стояла дилемма: сказать журналистам, что гонения на Церковь есть,— это значит, что все тихоновские епископы будут арестованы, т. е. вся церковная организация погибнет; сказать гонений нет — себя обречь на позор лжеца... Митрополит Сергей избрал второе. Его упрекали в недостатке веры в несокрушимость Церкви. Ложью Церковь все равно не спасти. Но

что было бы, если бы Русская Церковь осталась без епископов, священников, без таинств,— этого и не представить»²⁹³.

На следующий день после интервью иностранным журналистам Заместитель Местоблюстителя обратился с меморандумом к председателю Комиссии ВЦИК по вопросам культов Смидовичу, в котором ходатайствовал об отмене стеснительных для Церкви мер правительства. Из этого документа, попавшего в зарубежную печать, можно было составить достаточно ясное представление об угнетенном и несправедливом состоянии Православной Церкви и верующих христиан в России. В меморандуме говорилось:

«Страховое обложение церквей, особенно в сельских местностях, иногда достигает таких размеров, что лишает общину возможности пользоваться церковным зданием. Необходимо снизить как оценку церковных зданий (отнюдь не приравнивая их к зданиям доходным), так и самый тариф страхового обложения. Сбор авторского гонорара в пользу драмсоюза необходимо поставить в строго законные рамки, т. е. чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые или национализированы, или же по авторскому праву принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было при богослужении, в частности, чтобы исполнение служителями культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось как исполнение артистами музыкальных произведений, и потому церкви не привлекались бы к уплате 5% сбора со всего дохода, получаемого духовенством храма, т. е. и дохода с треб, совершаемых даже вне храма. Необходимо отменить обложение церквей различными сельскохозяйственными и другими продуктами (например, зерновым или печеным хлебом, шерстью и под.), а также специально хозяйственными сборами, например, на тракторизацию, индустриализацию, на покупку облигаций госзаймов и т. д. в принудительном порядке. За неимением у церквей хозяйства налог, естественно, падает на членов религиозной общины, является, таким образом, как бы особым налогом на веру, сверх других налогов, уплачиваемых верующими наравне с прочими гражданами. Необходимо разъяснить, чтобы члены приходсоветов, церковные старосты и сторожа и другие лица, обслуживающие местный храм, не приравнивались за это к кулакам и не облагались усиленными налогами. Необходимо разъяснить, чтобы представители прокуратуры на местах в случае обращения к ним православных общин или духовенства с жалобами не отказывали им в защите их законных прав при нарушении местными органами власти или какими-либо организациями. Необходимо признать за правило, чтобы при закрытии церквей решающим считалось не желание неверующей части населения, а наличие верующих, желающих и могущих пользоваться данным зданием; чтобы православный храм по ликвидации одной общины мог быть передан только православной общине, если в наличии есть достаточное количество желающих образовать такую общину, и чтобы по упразднении храма (от каких бы причин оно ни зависело) членам православной общины представлено было право приглашать своего священника для исполнения всех их семейных треб у себя на дому. Пожелания духовенства: чтобы служители культа, как не пользующиеся при извлечении дохода наемным трудом, приравнены были по-прежнему к лицам свободных профессий, а не к нетрудовому элементу, тем более не к кулакам; чтобы при обложении подоходным налогом сумма доходов не назначалась произвольно, иногда вне всяких возможностей, и чтобы обложение приравнено было к лицам свободных профессий; чтобы при назначении трудовой повинности принимались во внимание как сообразный со здравым разумом размер налагаемой повинности (например, на священника села Люк Вотской области, наложено срубить, распилить и расколоть 200 кубов дров), так и возраст и состояние здоровья подвергаемых повинности; чтобы служители культа не лишались права иметь квартиру в пределах своего прихода и около храма в сельских местностях, хотя бы и в селениях, перешедших на колхоз, и чтобы лица, предоставляющие

служителям культа такую квартиру, не облагались за это налогами в усиленной степени; чтобы детям духовенства разрешено было учиться в школах первой и второй ступени и чтобы те из них, кто к осени 1929 г. уже был зачислен в состав вуза, не изгонялись за одно свое происхождение, а изгнанным предоставлено было право закончить свое образование. Давно чувствуется потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений, посланий и пр. центральной церковной власти, имеющих общецерковный интерес»²⁹⁴.

Заметных перемен в антицерковной политике большевистских властей после меморандума митрополита Сергия, конечно, не произошло; тем не менее обозначилось некоторое смягчение курса правительства. Так, в принятое ЦК ВКП(б) 14 марта 1930 г. постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» включено было и требование «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке». В статье И. В. Сталина «Головокружение от успехов», напечатанной 2 мая, высмеивались административные приемы борьбы с религией, вроде сбрасывания колоколов. Митрополит Сергей получил разрешение на издание «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП), который выходил с 1931 по 1935 г. мизерным тиражом. За 5 лет в 24 номерах журнала помимо официальных документов печатались богословские статьи и сообщения, митрополит Сергей был бессменным редактором и автором многих журнальных статей.

Обновленческую группировку гроза 1929—1931 гг. не задела. Храма Христа Спасителя они лишились, но большая часть их приходов не была закрыта. На 1 января 1931 г. на территории Российской Федерации они располагали 4159 храмами. 6 мая 1930 г. в возрасте 74 лет умер глава раскольников председатель обновленческого Синода лжемитрополит Вениамин (Муратовский), из епископов старого поставления. 10 мая новым председателем стал лжемитрополит Тульский Виталий (Введенский), тоже из архиереев старого поставления, по своим нравственным качествам принадлежавший не к худшим представителям обновленчества, во всяком случае семьей за время пребывания в расколе он не обзавелся. Но как и его предшественник, председателем он был вполне номинальным; настоящим идеологом раскольников был его однофамилец Александр, украсивший себя титулом митрополита-благовестника.

Конец 20-х гг. принес большие перемены в церковной жизни на Украине, отчасти связанные с изменением национальной политики большевиков. Для развала Российской империи и победы в гражданской войне большевики-интернационалисты поддерживали сепаратистов. Когда же власть большевиков в советских республиках укрепилась, украинский сепаратизм стал им не нужен и даже опасен. Еще в 1927 г. на съезде советов Украины секретарь ЦК КП(б)У Л. М. Каганович превозносил до небес дело украинизации, а уже в 1930 г. в Харькове состоялся процесс против самостийников. Старое руководство республики обвинили в сговоре с националистами из Галиции, и виднейший из украинизаторов, нарком просвещения Скрипник, покончил жизнь самоубийством. Перемена курса отразилась и на церковных делах. На втором Соборе Украинской автокефальной Церкви деятельность предводителей раскола лжемитрополита Липковского, лжеепископа Харьковского Яреценко и председателя церковной рады Потиеенко была объявлена реакционной. Липковского и еще нескольких лжеепископов объявили низложенными, в том же году они были арестованы. В 1930 г. на скамье подсудимых оказался один из первых вдохновителей самосвятств, В. М. Чеховский, и прежде хорошо известный своим участием в деятельности Петлюровской директории; его приговорили к смертной казни и расстреляли. В этом же году на своем очередном лжесоборе самосвяты заклеили сами себя контрреволюционной националистической организацией и объявили о самороспуске. Большинство видных самосвятских лжеепископов, лжесвященников и церковных

деятелей из мирян были вскоре за тем репрессированы, некоторые казнены.

В 1927 г., после издания митрополитом Сергием «Декларации», последний экзарх Украины митрополит Киевский Михаил (Ермаков) был освобожден из ссылки, которую он отбывал на Кавказе, и получил разрешение поселиться в столице Украины — Харькове. Он приступил к организации экзархии, что сопряжено было с большими финансовыми трудностями. В конце 1928 г. митрополиту Михаилу разрешили переехать в Киев, его кафедральный город, где 17 марта следующего года он скончался. Новым экзархом Украины Заместитель Местоблюстителя назначил члена Временного Патриаршего Синода архиепископа Харьковского Константина (Дьякова). Ввиду того что столицей Украины и городом, где находилась экзархия, являлся Харьков, на Киевскую кафедру в 1930 г. назначили не экзарха, а архиепископа Димитрия (Вербицкого), до тех пор управлявшего епархией с титулом викарного архиепископа Уманского. Общая горькая участь Русской Православной Церкви не миновала в годы «великого перелома» и церковную Украину. С октября 1929 по февраль 1930 г. на Украине закрыли 202 канонических православных прихода. Только в одной Одессе в феврале 1931 г. арестовали около 30 священников, в том числе и всех приходских настоятелей. Схвачены были протоиереи Александр Луценко и А. Любимский, священники Ф. Флоря, Н. Матвевич, Георгий Александров, Виктор Муратов. В Киеве 9 апреля 1931 г. расстреляны были протоиерей Виталий Богдан и Александр Должинский.

* * *

В феврале 1932 г. конференция ВКП(б) объявила о выполнении первой пятилетки в 4 года и утвердила второй пятилетний план. 15 мая «Союз воинствующих безбожников» спланировал свою пятилетку: в первый год закрыть все духовные школы (они оставались еще у обновленцев, а у патриаршей православной Церкви их давно уже не было); во второй — провести массовое закрытие храмов, запретить издание религиозных сочинений и изготовление предметов культа; в третий год выслать всех служителей культа за границу (в реальной обстановке тех лет слово «заграница» было, конечно, своеобразным эвфемизмом); в четвертый — закрыть оставшиеся храмы всех религий и, наконец, в пятый — закрепить достигнутые успехи. Таким образом, воинствующие атеисты полагали, что к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР». Реальные цели: закрыть, запретить, выслать — были вполне достижимы, но несбыточными оказались мечтания о полном забвении имени Божия, *ибо врата адовы, даже когда число его слуг легион, Церкви не одолеть* ([Мф. 16](#). 18). В 1932 г. в «Союзе воинствующих безбожников» насчитывалось 5,7 млн. членов, и это был тот максимум, которого удалось добиться. «Союз» опекал 50 антирелигиозных музеев и выставок, издавал журналы и книги. И весь этот легион брошен был партийным руководством на сокрушение Церкви. Но «работу адову» по преимуществу делали все-таки не безбожные музеи и антирелигиозные выставки, не атеистические газеты и материалистические журналы, а карательные органы. Главным средством атеистической пропаганды оставались аресты, ссылки и расстрелы верующих, закрытие и разрушение храмов.

Число действующих храмов в начале 30-х гг. сократилось катастрофически. В Ленинградской епархии за год закрыли 355 церквей, в Горьком за два года — 305 церквей, во Владивостоке в 1932 г. осталась одна церковь, да и та в доме священника, где службы совершались тайно. В Самаре и Тамбове к 1933 г. было по одному действующему храму, в Хабаровске в это время закрыли последний. Не лучше положение было и в Москве, где к 1933 г. в юрисдикции Московского Патриархата осталось 87 храмов. Были разрушены церкви Николы Стрелецкого (у Боровицкого моста) и великомученика Георгия Победоносца на Красной Горке (ул. Моховая, с 1818 по 1837 г.— университетская церковь), храм архидиакона Стефана за Яузой (Таганская ул.); в 1933 г.— Спас на Бору (Кремль), святителя Николая «Большой крест»

на Ильинке, святителя Тихона на Арбатской площади, в 1934 г.— храмы Троицы в Полях и Владимирской иконы Божией Матери (в Китай-городе), часовня великомученика Пантелеимона, приписанная к Свято-Пантелеимоновскому русскому монастырю на Афонской горе, храм Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке и еще много других²⁹⁵.

Священники закрытых храмов, пока оставались на свободе, совершали богослужения по домам православных. Скитальческую жизнь вынуждены были вести тогда и некоторые епископы. Схиэпископ Макарий Новгородский после освобождения обходил города и села Северо-Западного края, совершая тайные богослужения. Ему не случалось в своих многолетних странствиях две ночи подряд оставаться в одном доме. Он имел много духовных чад, некоторых подготовил к священству и рукоположил. В марте 1933 г. за нелегальные богослужения приговорили к высшей мере арестованных в Казани, в Раифском монастыре, настоятельницу Феодоровского монастыря мать Софию, нескольких монахов, монахинь и мирян. После закрытия монастырей некоторые иноки оставались вблизи своих разоренных обителей, но в 30-х гг. их выискивали, вылавливали, отправляли в лагеря и убивали. Так, в 1933 г. Козельск очистили от насельников Оптиной пустыни. 20 декабря 1933 г. был арестован и отправлен в Мариинский лагерь (Новосибирская обл.) на 3 года живший в Москве при храме Воскресения Христова в Кадашах епископ Мануил (Лемешевский). В ночь на Богоявление 1936 г., после всеобщего бдения, в единственной незакрытой церкви на кладбище был арестован престарелый архиепископ Архангельский Антоний (Быстров). При допросе в тюрьме с него сорвали крест и панагию и посадили в переполненную камеру к уголовникам, которые, впрочем, отнеслись к архиепископу с уважением. Узников кормили селедкой, а воды не давали. Допросы шли один за другим. Архиепископа Антония обвинили в материальной поддержке контрреволюции: он давал милостыню стоявшим на паперти кладбищенской церкви ссыльным священникам и епископам. Когда владыка был уже при смерти, в камеру подселили еще одного архиерея, который и принял исповедь умиравшего собрата. За несколько часов до кончины архиепископа Антония перевели в тюремную больницу. Похоронили его без гроба, но в кладбищенской церкви его отпели ссыльные архиереи и священники.

В 1932 г. в ростовской тюрьме были расстреляны митрополит Кавказский Серафим (Мещеряков) и 120 священников и монахов юга России; среди них были протоиереи Карп Шубков и Димитрий Пыжов, епископ Барнаульский Александр (Белозер). О массовом расстреле священников в июле 1933 г. в таежном лесу вблизи Качугских лагерей на берегу Лены, в 200 верстах от Иркутска, рассказывал случайный свидетель: «Наша экспедиционная партия остановилась на несколько дней, причем недалеко от концентрационного лагеря. Наш сладкий утренний сон был нарушен каким-то унылым человеческим стоном. Все мы быстро поднялись и, берясь за работу, стали всматриваться в движущуюся по направлению к нам толпу. Шли 60 человек заключенных, по мере их приближения мы могли хорошо разглядеть, что все они были истощены. Это были священнослужители, их слабые голоса доходили до нас. Из палачей кто-то спрашивал по очереди становившихся около ямы священников: «Говори, есть Бог или нет?» Ответ святых мучеников был твердый и уверенный: «Да, есть Бог!» Раздался первый выстрел, второй, третий и т. д.»²⁹⁶.

В марте 1933 г. в Москве арестован был епископ Варнава (Беляев). Его обвинили в создании тайного монастыря. Под его духовным руководством находилось несколько иноков и монахинь. Своеобразное поведение владыки на допросах определялось принятым на себя подвигом юродства, о котором он некогда писал: «Юродство — это странный, вычурный, экстравагантный образ поведения, это охранительный *modus vivendi*. Подвижники, уходя в пустыню, в монастырь, в нем не нуждались, от соблазнов мира их охраняли стены, одежда, отчуждение от общества и т. д. А того, кто оставался в миру, что может охранить?» Подвиг

юродства епископ Варнава не оставил и в лагерях на Чуйском тракте, протянувшихся непрерывной цепью вдоль дороги от Бийска до границ Маньчжурии. Дочь киевского священника Саввы Петруновича Зина в одном из этих лагерей работала фельдшером. Епископ Варнава отказался от работы и получал штрафной паек хлеба и баланду. Чтобы не слышать ругань уголовников, он уходил из барака, прогуливался вдоль лагерной стены в длинной желтой сатиновой рубахе. В разговор ни с кем по ночам не вступал, а когда с ним заговаривали, то слышали в ответ что-нибудь совсем невразумительное. Среди лагерных заключенных была санитарка, женщина удивительной, святой простоты — Татьяна Шуракова, при себе она держала три образка — Матери Божией, пророка Илии и святителя Николая. После работы она обыкновенно шла в ближний лес, развешивала иконки на ветках деревьев и молилась перед ними, прося святых принять на себя по два с половиной года из означенного ей срока заключения, ведь все десять лет ей не выдержать в лагере. Однажды к ней подошел епископ Варнава со словами: «Кто тебе дал эти десять лет? Мужик. А там — там у тебя другой срок. Жди Ильина дня — это день твоего освобождения». И действительно, вскоре Татьяна Шуракова была освобождена, впоследствии она приняла монашеский постриг с именем Магдалины и скончалась в 1978 г. Ужасы лагерной жизни выдержал и епископ Варнава; освободили его в 1936 г. Когда из лагеря сделали запрос в Москву: «Что делать с сумасшедшим епископом?» — оттуда ответили: «Отпустить». После освобождения он поселился в Томске²⁹⁷.

Участь сосланного в Обдорский край и поселившегося в поселке Хэ главы Русской Церкви Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра летом 1930 г. изменилась к худшему. 17 августа он был арестован и доставлен в тобольскую, а оттуда в свердловскую тюрьму. Ему предъявлено было обвинение в том, что «он вел среди окружающего населения пораженческую агитацию, говоря о близкой войне и падении соввласти и необходимости борьбы с последней, а также пытался использовать Церковь для постановки борьбы с соввластью». В подтверждение обвинения использовали показания крестьян о том, что в феврале 1927 г., митрополит Петр, которого тогда по этапу привезли в это село на пути в Обдорский край, будто бы сказал в сельсовете, что советская власть «не создана Богом, она угнетает народ и разрушает церкви, чтобы ослабить устои православной Церкви». Допросы следовали один за одним, то в устной (30 ноября), то в письменной (12 декабря) форме. «Я знаю, что совесть моя чиста,— писал он 14 января 1931 г.,— и это побуждает меня просить о советской справедливости, учитывая при этом мою старость, обремененную болезнями, и продолжительную ссылку». От заключенного первоиерарха требовали сложить с себя местоблюстительство с надеждой, что за этим последует углубление церковных нестроений, ибо подорваны будут и права назначенного митрополитом Петром заместителя. Отвечая на эти домогательства, митрополит Петр 27 марта 1931 г. писал председателю ОГПУ Менжинскому, что, отказавшись от местоблюстительства, он нарушил бы установленный порядок, по которому Местоблюститель остается на своем посту до созыва Поместного Собора, и что его уход повлечет за собою и уход Заместителя митрополита Сергия. «Откровенно скажу, что лично о себе не хлопочу: дней моей жизни осталось немного, да и, кажется, я уже потерял интерес к жизни, скитаясь в общем более восьми лет по тюрьмам и ссылкам. Я только опасаюсь, что распоряжением и деланием наобум нарушить могу свой долг и внести смуту в среду верующих». С наивной надеждой на сострадание митрополит Петр 25 мая обратился к Менжинскому с просьбой о своем освобождении²⁹⁸. Ответом на это письмо явилось постановление коллегии ОГПУ, вынесенное 23 июля 1931 г., о заключении «в концлагерь сроком на пять лет, считая с момента вынесения настоящего постановления, Полянско-Крутицкого Петра Федоровича за упорную борьбу с советской властью». Но допросы не прекратились, и следователь Костин предложил узнику составить покаянное заявление об

участии в деятельности «Союза русского народа», угрожая, что в противном случае «придется сидеть и сидеть». «Я не только не участвовал в такой организации, но даже не слышал, чтобы подобная организация существовала в Советском Союзе», — отвечал митрополит Петр, тяжело больной старец, которого сознательно мучали, делая условия его содержания все более невыносимыми. 14 января он писал об этом В. М. Тучкову: «Непрерывно приходится корчиться и страдать от невыразимых физических болей. С трудом двигаюсь, а бывают моменты — почти и вовсе не могу сойти с места, боюсь очутиться в обмороке. Пощадите старика, наказанного сверх меры, лишенного дневного воздуха, почти полтора года не видевшего солнца, вынужденного сидеть на грубой, тяжелой пище и отстраненного от общения с родными... Простите и не оставьте дальше томиться и мучиться в тюрьме»²⁹⁹. Через 3 месяца он обратился к полномочному представителю ОГПУ по Уралу Раппопорту со словами крайнего уничижения: «Великим по существу делом является провозглашенная свобода религиозных исповеданий, без которой в былые времена страдали десятки, если не сотни тысяч людей. Я пришел к тому несомненному положению, что дело пролетариата — явление мирового порядка и оно непоколебимо... Убедительно прошу Вас оказать содействие в освобождении меня из заключения, выдержать которого нет сил»³⁰⁰. Но пощады не было. Хуже того, летом 1933 г. его лишили прогулок в общем дворе, заменив их выходом в отдельный дворик, подобный сырому погребу, где воздух насыщен испарениями из тюремных отхожих мест. Когда заключенный впервые попал туда, с ним, больным старцем, сделался приступ удушья. В августе и октябре он снова писал в коллегия ОГПУ, заверяя власти в своей лояльности и совершенной невинности, подробно объясняя невозможность для него сложить с себя звание Местоблюстителя. Два месяца спустя он пишет еще одно письмо Менжинскому, в котором снова жалуется на свою несправедливо горькую участь, но, как и в прошлых своих письмах, тверд остается в одном и главном — он не может отказаться от местоблюстительства³⁰¹. В ответ на письма с мольбой об облегчении участи — новое ужесточение условий содержания: престарелого митрополита перевели в верхнеуральскую тюрьму особого назначения, поместили в одиночную камеру, дали вместо имени номер 114. Это был режим строгой изоляции.

В Патриархии не оставалось надежды ни на возвращение к высшей церковной власти митрополита Петра, ни на созыв Поместного или архиерейского Собора, поэтому совершенно невозможно было создать иные органы высшего церковного управления, кроме тех, которые уже существовали в виде Временного Патриаршего Синода и должности Заместителя патриаршего Местоблюстителя. 12 апреля 1932 г., для того чтобы поднять авторитет церковной власти, Временный Синод вынес постановление о награждении Заместителя патриаршего Местоблюстителя правом совершать богослужения с предношением креста. В обоснование этого акта в постановлении говорилось, что митрополит Сергей по своему значению и положению, а также по своей деятельности и ответственности превосходит прежних наших митрополитов. «Предносимый крест присвоен всем первоиерархам отдельных и автономных Церквей, не могущих сравниться по своим размерам и по своему значению с Всероссийской Православной Церковью»³⁰². Той же цели служит и изданный 18 мая 1932 г. в ознаменование пятой годовщины существования Временного Патриаршего Священного Синода указ Заместителя Местоблюстителя о возведении четырех его старейших членов в сан митрополита. Этому титула были удостоены: архиепископы Хутынский Алексей (Симанский), ставший митрополитом Старорусским, Одесский Анатолий (Грисюк), Ярославский Павел (Борисовский) и Харьковский Константин (Дьяков), сохранившие свои прежние кафедры. Наконец, 27 апреля 1934 г. на расширенном заседании Синода было решено предоставить Заместителю Местоблюстителя вдовствующую после кончины Патриарха Тихона Московскую кафедру взамен Нижегородской, в ту пору уже Горьковской, с присвоением ему титула

«Блаженнейший». 2 мая в кафедральном Богоявленском соборе в Дорогомилове была совершена Божественная литургия, перед началом которой Блаженнейшего митрополита Московского встречали 20 епископов, сонм клириков и московская паства. Поздравительные телеграммы митрополиту Сергию были присланы из Ташкента от митрополита Арсения (Стадницкого), из Каунаса от митрополита Литвы Елевферия (Богоявленского), из Токио от митрополита Японского Сергия (Тихомирова).

Несмотря на крайне трудные условия, в которые поставлена была в годы великого перелома Русская Православная Церковь, она не переставала пополнять состав своего гонимого духовенства, рукополагая новых клириков на освободившиеся места. В эти годы совершались и архиерейские хиротонии, правда, значительно реже, чем в предшествующее десятилетие. Так, в 1929 г. было совершено две архиерейские хиротонии; в 1930 г. — три; в 1931 г. — семь; в 1932 г. — шесть; в 1933 г. — четыре, а в 1934 г. — две епископские хиротонии.

В своей борьбе за выживание Церкви Московская Патриархия лишена была поддержки со стороны священноначалия первенствующей Константинопольской Церкви. Хуже того, представитель Вселенского Патриарха архимандрит Василий Димопуло имел более тесные контакты со схизматическим обновленческим синодом, чем с канонической Патриархией, которую в Стамбуле считали всего лишь одним из центров церковной власти и управления на территории Русской Православной Церкви. В связи с этим в ответ на приглашение участвовать в работе Предсоборного совещания Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей 12 апреля 1932 г. передал архимандриту Василию Димопуло письмо с отказом: «Нашу Церковь его Святейшеству угодно рассматривать как неорганизованную церковную массу, не имеющую канонического возглавления... В лучшем случае наши депутаты могут оказаться в положении каких-то просителей, а в худшем — даже ответчиков или обвиняемых. Ни то, ни другое не представляется для нас ни приемлемым, ни допустимым... Русский вопрос прежде всего наш домашний, внутренний и подлежит разрешению прежде всего самой Русской Церкви... Когда она признает, что вопрос превышает ее силы, она обратится за помощью к сестрам — Церквам православным, внесет такой вопрос на их соборное рассуждение»³⁰³. Несколько раньше в письме тому же представителю Константинопольского Патриарха архимандриту Василию митрополит Сергей объявил о своем отказе от участия в заседании Догматической комиссии по вопросам воссоединения англикан с православными, которое должно было состояться в Лондоне³⁰⁴.

В те годы церковная жизнь носила жертвенный характер. Само участие в богослужении клириков и мирян сопряжено было с ежедневной и ежечасной опасностью ареста; и конечно, христиане, посещавшие еще открытые храмы, рисковали своим служебным положением. Поэтому регулярно ходили на службы люди самоотверженные, настоящие исповедники. Свидетель тех лет так вспоминал о жизни церковной Москвы 30-х гг.:

«Довоенные прихожане в большинстве своем успели получить минимум духовных знаний еще до 1917 г., хорошо знали церковную службу и были свободны от предрассудков. Не было в обычае посещать разные храмы, особенно по праздникам. Держались своего прихода, хорошо знали друг друга, у каждого было привычное место молитвы. Несмотря на притеснения и контроль со стороны государства, священник тех лет умудрялся, подоткнув полы подрясника под пальто, вместе с псаломщиком ходить (правда, таясь) по квартирам знакомых прихожан в Рождество, Крещение и Пасху и служить молебн. Получил большое распространение институт сестричества. Совсем юные девушки, взрослые и пожилые женщины в скромных темных платьях и белых косынках следили за порядком во время богослужения, ставили свечи, опраивали лампы, подводили детей и немощных к чаше, кресту, иконам, ходили с блюдом для сбора добродетельных даяний. Функции сестричества ограничивались церковью... Сестры не были

монахинями, у многих из них были мужья и дети. В храме служили, как правило, превосходные псаломщики. Они читали четко, с осмысленными логическими паузами и ударениями... О том, что они безупречно знали церковнославянский язык и служебный обиход, и говорить не приходится. Время богослужений было рассчитано на работающих людей, а не только на пенсионеров: будничная литургия совершалась в половине седьмого утра, вечернее богослужение — в половине седьмого вечера»³⁰⁵.

В Москве служили тогда замечательные священники, любимые народом протопресвитеры Александр Хотовицкий и Николай Арсеньев, пастыри, особенно близкие Заместителю Местоблюстителя; протоиереи Александр Воскресенский, Георгий Чинов, Александр Смирнов, Владимир Воробьев, Александр Лебедев, Виталий Лукашевич, Александр Толгский; многие из них закончили потом свою исповедническую, страдальческую жизнь под пулями палачей или на лагерных нарах. Особенно любили православные москвичи богослужения, которые совершал в храме Большое Вознесение у Никитских ворот находившийся тогда на покое митрополит Трифон (Туркестанов), скончавшийся в 1934 г. На подножии креста на его могиле сделана надпись: «Дети, любите храм Божий, храм Божий — это земное небо».

В отличие от Москвы в Ленинграде и в 30-х гг. заметны были последствия церковных нестроений предыдущих десятилетий. Осложнения в личных отношениях между архиереями усугубляли ситуацию. Вопрос о замещении кафедры остро стоял ввиду преклонных лет и заметной старческой слабости правящего архиерея епархии — митрополита Серафима (Чичагова). 22 сентября митрополит Серафим был уволен на покой. В начале октября епископу Мануилу было предложено занять Ленинградскую кафедру. Он обещал подумать, но 5 октября на Ленинградскую кафедру был переведен из Новгорода митрополит Алексей (Симанский). 20 декабря того же года епископ Мануил был арестован и отправлен по этапу в сибирские Мариинские лагеря.

Ужесточение гонений на Церковь не привело к сплочению и единению всех искренне преданных Церкви архипастырей и пастырей. В отделении от Патриархии оставались сторонники митрополита Иосифа (Петровых), и несколько десятков иосифлянских приходов сохраняли еще свое существование; центр же религиозной жизни иосифлян переместился в подполье, в катакомбы. Не прекратилась со стороны церковных оппозиционеров и богословско-каноническая полемика с Заместителем Местоблюстителя. Самым влиятельным из оппозиционных к Патриархии иерархов оставался митрополит Кирилл (Смирнов). 19 августа 1933 г. по окончании срока ссылки он поселился в Гжатске. В переписку с ним вступили архиереи, оппозиционно настроенные к Патриархии и не занимавшие кафедр: архиепископ Серафим (Самойлович), епископы Дамаскин (Цедрик) и Парфений (Брянских). Пишут ему и другие священнослужители. В нескольких письмах отделившиеся от митрополита Сергия клирики предлагают митрополиту Кириллу объявить себя Местоблюстителем. В 1934 г. на эти предложения он отвечал отказом: «Только после смерти митрополита Петра или его законного удаления я нахожу для себя не только возможным, но и обязательным активное вмешательство в общее церковное управление... Дотоле же иерархи, признающие своим Первоиерархом митрополита Петра, возносящие его имя по чину за богослужением и не признающие законного преемства Сергиева управления, могут существовать до суда соборного параллельно с признающими»³⁰⁶. В февральском письме митрополит Кирилл объяснял свой отказ «неполным уяснением» окружающей обстановки: «Необходимость исправляющего противодействия сознается, но общего основания для него нет, и митрополит Сергей хорошо понимает выгоду такого положения, и не перестает ею пользоваться. В одном из двух писем ко мне не без права указывает на эту разногласицу обращаемых к нему упреков и поэтому, конечно, не считается с ними»³⁰⁷.

Митрополит Кирилл находился под плотным наблюдением ГПУ, и при обыске у него обнаружили письмо епископа Дамаскина (Цедрика) и на допросе требовали выразить свое отношение к его содержанию. Митрополит Кирилл, пытаясь как можно доходчивее объяснить суть проблемы, обсуждаемой в письмах, упомянул имена епископов Дамаскина и Афанасия и этого было достаточно для обвинения митрополита Кирилла в действиях по созданию «нелегальных ячеек церковников, которые должны были явиться массовой базой организации». Митрополита Кирилла арестовали 14 июля 1934 г. и отправили в Москву в Бутырскую тюрьму. В конце года он был отправлен в ссылку в Казахстан³⁰⁸.

Григорианский раскол сохранял влияние в 30-х гг. лишь в некоторых епархиях Поволжья и Урала, более всего в Свердловской и Ульяновской. 26 апреля 1932 г. скончался первенствующий в расколе архиепископ Григорий (Яцковский). В 1933 г. по репутации григорианской группировки нанесен был серьезный удар самоубийством ее видного деятеля — епископа Бориса (Рукина), который в 1923 г. был рукоположен во епископа Можайского еще Патриархом Тихоном, а у раскольников титуловался митрополитом. Его влияние среди единомышленников было настолько значительно, что по-другому этот раскол называли «борисовщиной», особенно в Москве, где жил преосвященный Борис. После этой трагической смерти из руководителей григориан оставался в Свердловске архиепископ Петр (Холмогорцев), которого там любили за простоту нрава и красноречивые проповеди.

В 30-х гг. репрессии впервые коснулись видных деятелей обновленчества. В 1934 г. в Иваново-Вознесенске был арестован и скончался в заключении Александр Боярский, которого в раскол привлекла, вероятно, увлеченность социальными проблемами, занимавшими его еще в дореволюционные годы, когда он служил священником в Колпине, на Ижорском заводе. В 1922 г. он единственный из обновленцев выступил свидетелем защиты на процессе митрополита Вениамина (Казанского) и других питерских священномучеников, но был скоро устранен от участия в суде. Арестовали священника Тихона (Попова) (у обновленцев он титуловался митрополитом Воронежским). До революции он участвовал в работе Государственной думы в составе фракции националистов, поддерживал Столыпина и к обновленчеству примкнул не по искренним убеждениям, а из житейских соображений. Он был осужден на 10 лет лишения свободы и освобожден уже только во время Отечественной войны. В 1944 г., вернувшись в каноническую патриаршую Церковь, был принят в сане протоиерея и назначен ректором Богословского института. А Александр Иванович Введенский, главный предводитель раскола, и в страшные 30-е гг. вел благополучную жизнь человека из светского общества, украшал себя драгоценными митрами и панагиями, разводился и женился, посещал театры и концерты.

29 апреля 1935 г. обновленческий синод принял решение о самоликвидации. Все прошло тихо, и даже созывать собор не потребовалось. Профессор С. М. Зарин сделал доклад по этому вопросу, со ссылкой на 34 апостольское правило. Присутствовавшие на заседании «митрополиты» Виталий (Введенский), Михаил (Князевский), «протопресвитеры» Павел Красоткин и Димитрий Адамов всю полноту власти передали «первоиерарху православных церквей СССР» митрополиту Виталию. Ему присвоили изобретенный по случаю титул «первосвященнейший» и наделили правом назначать себе преемника и делегировать свои полномочия другому епископу. Вскоре «первоиерарх» повелел распустить все митрополитанские и епархиальные управления и благочиннические советы, остались лишь архиереи и их канцелярии — так заканчивалась демагогическая борьба обновленцев за коллегиальное управление Церковью. С 1 января 1936 г. заменяется в поминовениях на богослужении употребление слова «господин» на более «народную и истинно-церковную» фразу «всечестный отец». Росчерком пера упраздняется Украинская и Белорусская автокефалии. «Митрополит Ювеналий (Машковский) возвращается в патриаршую Церковь.

Николай Платонов, «митрополит» Ленинградский, в очередной раз венчался, а в 1938 г. публично отрекся от веры в Бога.

Киевскую кафедру после кончины 1 февраля 1932 г. архиепископа Димитрия (Вербицкого) занял архиепископ Сергей (Гришин). Но когда в 1934 г. столицей Украины стал Киев, экзарха Украины перевели на Киевскую кафедру, а Харьковскую занял архиепископ Сергей. Митрополит Константин, несмотря на свою болезненность (он страдал тяжелой формой диабета), был человеком удивительного миролюбия, стойкости и самообладания. Он не мог совершать богослужения ни в одном из городских соборов, в ту пору уже закрытых, и кафедральным собором Киева стала маленькая приходская церковь «Озерянская» вблизи железнодорожного вокзала: там и служил митрополит Константин. Однажды после богослужения женщина-иноверка бросила в лицо митрополиту камень. Если бы богомольцы попытались защитить архипастыря, дать отпор, случившееся стало бы основанием для закрытия церкви. Но митрополит, с залитым кровью лицом, призвал прихожан к спокойствию, и провокация была сорвана. Верующие почитали и любили своего архипастыря. Любил народ архиепископа Харьковского Сергея (Гришина), поэтому в Харькове арестовать его не дали, и в начале 1935 г. он был переведен в Россию, во Владимир-на-Клязьме, где вскоре и был арестован, а затем этапирован в лагерь в Новгородскую область. В лагере он был конюхом, но киевляне, сохранившие благодарную память о нем, навещали его и здесь. Среди видных архипастырей Украины был и епископ Винницкий Александр (Петровский), завершивший свою долгую восьмидесятилетнюю жизнь в тюремной камере 12 мая 1940 г.

На вакантную кафедру, освободившуюся после ареста епископа Житомирского Аверкия (Кедрова) (Житомир был тогда кафедральным городом Волынской епархии), в 1933 г. был назначен престарелый архипастырь из протоиереев Николай (Пирский). Но через несколько месяцев епископ Николай скончался, его преемником стал епископ Вячеслав (Шкурко), которого в 1935 г. арестовали и выслали из епархии. Во главе Одесской епархии с 1928 г. стоял архиепископ Анатолий (Грисюк), в 1932 г. возведенный вместе с другими членами Временного Патриаршего Синода в сан митрополита. Богослужения он совершал в Успенском соборе, который после уничтожения большей части одесских церквей был переполнен народом. Вокруг архипастыря сложился тесный круг религиозно настроенной молодежи из интеллигенции. На глазах у владыки взорваны были Спасо-Преображенский военный и Свято-Сергиевский соборы, портовый храм святителя Николая. В 1931 г. арестовано было более 20 одесских священников. Митрополит Анатолий хлопотал об освобождении некоторых из них, но тщетно. Его часто вызывали в НКВД, то ночью, то прямо из храма во время богослужения, но при всем своем смирении архипастырь являлся по вызову только после окончания службы, и его держали там по часу-два в приемной, а инспектор НКВД по культурам орал на него и топал ногами. В своем известном каталоге митрополит Мануил характеризовал владыку Анатолия как человека доброго и доступного: «Он был малого роста, щуплый, сутуловатый, всегда смотревший вниз, производил впечатление человека, углубленного в себя и занятого своими мыслями»³⁰⁹.

В начале 30-х гг. на Украине в православную Церковь вернулся обновленческий епископ Лоллий (Юрьевский), а в 1935 г. владыка Пимен (Пегов) после увольнения от должности председателя Всеукраинского Синода присоединился к канонической православной Церкви и стал архиепископом Подольским и Брацлавским.

В 1935 г. поводом для очередной кампании арестов и расправ по всей стране послужило убийство С. М. Кирова, совершенное коммунистом Николаевым 1 декабря 1934 г. и едва ли не спланированное самими вождями Советского Союза, чтобы развязать себе руки для сведения внутривластных счетов. На этот раз репрессии коснулись и партийцев, но с большим размахом они ударили и по другим слоям населения: до четверти всех коренных питерцев,

почти всех бывших дворян, чиновников, интеллигенцию и, конечно, многострадальное православное духовенство, унес с собой в лагеря Кировский поток арестов.

В 1935 г. аресты священнослужителей приобрели массовый характер, устраивались настоящие облавы. Так, в одной только Полтаве судимы и сосланы в лагерь были протоиереи Александр Калинин, Иоанн Богдановский, Гавриил Громницкий, Иоанн Левицкий. В Смоленске арестовали протоиерея Иоанна Соколова, настоятеля Одигитриевской церкви, священника Константина Олецкого вместе с сыном и духовными чадами схватили после того, как под крепостной башней в предместье Смоленска милиционеры обнаружили потаенную церковь.

В 1936 г. арестовали епископа Омского Анатолия (Миловидова), которого обвинили в шпионаже в пользу Японии и в организации террористических актов, а также архиепископа Тамбовского Вассиана (Пятницкого). 24 октября 1936 г. схвачен архиепископ Могилевский Павлин (Крошечкин); письма от него приходили еще до конца 1938 г. В ночь с 27 на 28 июля был арестован член Временного Патриаршего Синода митрополит Одесский Анатолий (Грисюк). Его немедленно вывезли в Киев и в течение полугода держали в тюрьме. По настойчивому ходатайству экзарха Украины митрополита Киевского Константина владыке Анатолию перед этапированием на Север дозволили свидание с сестрой. Его ввели, поддерживая под руки, настолько он был измучен и болен, и тем не менее митрополиту Анатолию отказали в просьбе ехать в ссылку за свой счет. Узника отправили этапом вместе с уголовниками, которые в дороге систематически обворовывали владыку. От стоянки до стоянки больного, еле передвигающего ноги архипастыря заставляли идти, подталкивая прикладами и почти не давая времени на отдых. Когда же он в изнеможении падал, его бросали в грузовик, но, как только он приходил в сознание, заставляли снова идти. В конце 1937 г. в ссылке на Крайнем Севере владыка ослеп. Перед смертью он писал сестре: «Умоляю тебя, прими все меры, даже сверхвозможные, добейся, умоли, упроси, устрой наше свидание. Жажду перед смертью увидеть родное лицо и благословить тебя...» Но разрешения на свидание не было дано. Митрополит Анатолий преставился 10 февраля 1938 г. Его останки были брошены в вечную мерзлоту братской могилы.

В мае 1934 г. на Нижегородскую кафедру был назначен с возведением в сан митрополита Евгений (Зернов), прошедший несколько лет в Соловецком концлагере и признанный своими братьями-архипастырями за первенствующего в лагере. Он был одним из составителей знаменитой «Памятной записки соловецких епископов». В 1935 г. он совершал пасхальное богослужение во время первомайской демонстрации, и митрополиту посоветовали не возвращаться домой до окончания шествия. «Чего нам бояться,— сказал владыка в ответ на это предостережение.— Надо Бога бояться». Подали лошадь, и он, в рясе и клобуке, поехал по улицам навстречу демонстрантам, которые уступали ему дорогу. После этого митрополита Евгения арестовали вместе со священниками Крестовоздвиженской церкви, где он служил в последний раз. Среди арестованных был и отец Александр Македонский. Митрополит Евгений был расстрелян 12 ноября 1935 г.

В красноярской тюрьме в 1936 г. были расстреляны епископ Филипп (Гумилевский), архимандрит Полихроний (Запрудин), протоиерей Константин Ордынский, священник Николай Катасонов. Помимо расстрелов архиереев совершались и тайные убийства. 23 января 1935 г. епископа Краснодарского Памфила (Лясковского) нашли в саду повешенным. Расследование не проводилось, и обстоятельства кончины архипастыря остались до конца не выясненными. Верующие убеждены были, что их владыка пал жертвой злодеяния. Гроб с его останками принесли на паперть Георгиевской церкви, настоятель которой отец Максим не хотел отпевать покойного, подозревая самоубийство, но народ настоял на церковном погребении его.

В Киеве были арестованы и замучены протоиереи Борис Саврасов, Никодим, Трифиллий, Димитрий из Пущеводицы, в переяславльской тюрьме был замучен протоиерей Николай Стеценко. В 1936 г. при попытке к бегству были пойманы, подвергнуты пыткам и расстреляны протоиереи А. Ксенофонтов и Н. Будников.

Тяжкие испытания выпали на долю тех священнослужителей, кто в середине 30-х гг. отбывал свои нескончаемые лагерные сроки, но сосланные пастыри и архиереи сохранили светлое христианское состояние души. Известный киевский священник Анатолий Жураковский, арестованный в 1930 г. и приговоренный к смертной казни, замененной 10 годами концлагеря, отбывал свой срок в Карелии на строительстве Беломорканала. В письме, отправленном из лагеря в Надвойцах 4 февраля 1935 г., отец Анатолий писал: «Последнее время сильно утомляюсь на своей работе... на лесном заводе... И все-таки жизнь кажется такой содержательной, богатой и интересной... Первое и самое важное, это та внутренняя задача — строительство внутреннего храма,— которая неотступно стоит перед сознанием. Я чувствую, как малы мои усилия, и вижу: за весь пройденный путь даже не положил начала благого. Тут приливы и отливы, и так часто отлив относит назад за прежнюю черту и разрушает как будто уже собранный плод работы. И тем не менее, какими полными и содержательными делают день и ночь и самые смены разных духовных упражнений и деланий. Вкрапляясь в физическую работу, они притупляют и ее жало, труд незримо претворяют в служение. И ведь это схождение внутрь переживается как служение миру. И, перебирая, как драгоценные четки, длинный ряд имен любимых, чувствую, как близкими сердцу становятся отделенные далями пространства. Второе — это работа мысли. В самые трудные дни я обладал способностью читать трудные вещи и думать над ними. И теперь, придя с работы и отдохнув, я берусь за книги, и за чтением и мыслями я не слышу суеты и шума барачной жизни. И все направляется к единому центру, и острие, направленное против основ моего миропонимания, становится во мне радостным утверждением осанны...»³¹⁰ Смерть священнослужителя не в расстрельном подвале и не на каторжных лагерных нарах в 30-х гг. была редкой удачей.

Своей смертью и у себя дома скончался один из видных архипастырей XX столетия митрополит Арсений (Стадницкий). После смерти митрополита Никандра (Феноменова) владыка Арсений, отбывавший ссылку с начала 20-х гг. в Туркестане, был назначен на овдовевшую кафедру. Ташкент, являвшийся местом его ссылки, стал еще и местом его архипастырского служения. За ревностное служение Богу и Церкви митрополит Арсений незадолго до кончины, в 1935 г., был награжден высшим церковным отличием — правом предношения креста за богослужением. По воспоминаниям находившихся возле него в эти годы, архипастырь много внимания уделял своему любимому делу — церковному пению, руководил хором и часто пел на клиросе как простой певчий. Митрополит Арсений пытался поощрять церковно-исторические исследования. В 1935 г. по его отзыву за работу «Святые Вологодского края» (первая часть напечатана в 1895 г. в Москве, вторая представлена в рукописи) протоиерея Н. Коноплева Синод удостоил степени магистра богословия. Митрополит Арсений просил близкого ему священника Александра Щербова похоронить его в простом, ничем не обитом гробу, а на могилу положить любимые цветы. Блаженная кончина великого архипастыря последовала 10 февраля 1936 г. Погребли его около могилы его предшественника по Ташкентской кафедре митрополита Никандра (Феноменова).

В середине 30-х гг. повсеместно продолжалось закрытие церквей, но тем не менее размах кампании не удовлетворял идеологов антирелигиозного фронта. Из докладной записки Постоянной комиссии по культовым вопросам «Отношение их к проекту новой Конституции» видно, что осенью 1936 г. на территории СССР оставалось 18 тыс. «молитвенных зданий», из которых, вероятно, около половины принадлежало Русской Православной Церкви, а на 1 января

1931 г. патриаршая Русская Православная Церковь имела 23 213 приходов. Только первая половина 30-х гг. унесла более 10 тыс. храмов. В Москве разрушили Казанский собор (с 27 июля по 9 сентября 1936 г.), Никольский греческий монастырь на Никольской улице, храм святителя Николая Чудотворца в Хлынове, Георгиевский монастырь на Большой Дмитровке, церковь Николая в Столпах (в Армянском переулке), церкви Воскресения Словущего на Малой Бронной, Рождества Христова в Палашах и множество других храмов. В 1935 г. прекратилось издание «Журнала Московской Патриархии».

В середине 30-х гг. Патриархия уже не располагала возможностями замещения кафедр, обезглавленных арестами правящих и викарных архиереев. В 1935 и 1936 гг. совершено было только 5 архиерейских хиротоний: Феодора (Смирнова) во епископа Пензенского (через год арестован), Фотия (Пурлевского) во епископа Читинского, Бориса (Воскобойникова) во епископа Кинешемского, викария Ивановской епархии и Серафима (Шамаева) во епископа Томского, в то время как оставили кафедры 54 архиерея, число же арестованных и сосланных трудно было даже сопоставить с этими цифрами. Угроза нависла и над существованием самого церковного центра. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр находился в заточении и был уже совершенно недостижим для церковных людей, а Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей оказался под угрозой ареста из-за поздравления в его адрес, пришедшего от митрополита Японского Сергия (Тихомирова) в связи с присвоением ему титула «Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского». В сфабрикованном деле по обвинению Заместителя Местоблюстителя в шпионаже в пользу Японии использованы были и такие обстоятельства, как пребывание митрополита Сергия в Японии с 1890 по 1893 и с 1897 по 1899 г. и хорошее знание японского языка. Ареста не последовало, но 18 мая 1935 г. вышел указ о роспуске Временного Патриаршего Синода. После этого управление всеми епархиями Русской Церкви осуществлялось митрополитом Сергием с помощью одного викарного архиерея, епископа Дмитровского Сергия (Воскресенского), а патриаршая канцелярия состояла из секретаря и машинистки.

* * *

23 июля 1936 г. заканчивался очередной срок заключения Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра, но выйти на свободу ему не дали. Двумя неделями раньше Особым совещанием при НКВД СССР было принято постановление: «Ходатайствовать перед президиумом ЦИК СССР: Полянскому Петру Феодоровичу, он же митрополит Крутицкий, продлить тюремное заключение сроком на три года». Ходатайство было удовлетворено. Между тем на волю и за рубеж поступали ложные сведения о судьбе Местоблюстителя. Еще 3 ноября 1935 г. в нью-йоркской газете «Новое русское слово» было напечатано, что «имеются сведения об освобождении митрополита Петра, но пока только от знакомых американцев, на днях вернувшихся из Москвы и видевших и беседовавших с владыками митрополитами Сергием и Петром»; затем та же газета писала, что «из кругов московского духовенства пришло сообщение об освобождении и возвращении в Коломну митрополита Петра Крутицкого».

Дезинформирована была и Московская Патриархия, куда поступило сообщение о кончине Местоблюстителя в заключении 11 сентября 1936 г. В связи с этим 27 декабря Патриархией был издан «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя патриаршего престола Православной Российской Церкви к Заместителю патриаршего Местоблюстителя, Блаженнейшему митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Страгородскому)». Был издан также указ Московской Патриархии о форме поминовения за богослужением патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. 24 января 1937 г. Патриархией было принято определение о принятии к сведению завещательного распоряжения митрополита Петра от 5 декабря 1925 г. о преемниках на случай кончины. Названные в завещании патриаршего

Местоблюстителя митрополит Агафангел скончался в 1928 г., а митрополит Арсений — в 1936 г., митрополит Кирилл с начала 1937 г. пребывал в заключении и безвестности. Таким образом, из завещания следовало, что высшая церковная власть переходит к митрополиту Московскому Сергию, упомянутому в завещании патриаршего Местоблюстителя на четвертом месте³¹¹.

Из 51 находившихся на воле и на своих кафедрах архиереев, опрошенных на предмет поддержки акта от 27 декабря 1936 г., 7 епископов подписали акт, а 20 затем прислали поздравительные телеграммы митрополиту Сергию. Но сомнение в правдивости сообщения о смерти митрополита Петра оставалось; панихида по нему совершена была только в январе 1937 г. в Богоявленском соборе у Дорогомиловской заставы. Сообщение об этой панихиде передал за границу британский поверенный в Москве, митрополита Анастасия (Грибановского) уведомило о панихиде управление архиепископа Кентерберийского. Митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский), смущенный распоряжением митрополита Сергия о поминании его как Местоблюстителя, запросил в Московской Патриархии информацию о судьбе митрополита Петра и в ответ получил телеграмму: «Митрополит Петр умер». После этого сообщение появилось в одном из зарубежных официальных органов Московской Патриархии «Голосе Литовской православной епархии» (1937, № 3—4).

Но надежда на то, что митрополит Петр еще жив, оставалась. 3 апреля русская парижская газета «Возрождение» опять опубликовала сообщение, что в 1935 г. окончился срок ссылки митрополита Петра. «По дошедшим из России сведениям митрополит Петр вернулся в Россию и виделся с митрополитом Сергием. Последний хотел получить от него признание нового устройства церковной жизни и согласие на созыв Собора. Были и другие сообщения о том, что большевики якобы предложили ему занять патриарший престол, но при соблюдении ряда определенных требований. Митрополит Петр был непреклонен и ни на какие соглашения не шел. Вскоре он вновь был отправлен в ссылку»³¹². Как потом стало известно, в 1937 г. митрополит Петр был еще жив. 2 октября тройка НКВД по Челябинской области приговорила митрополита Крутицкого Петра к расстрелу за «клевету на существующий строй», выражавшуюся в обвинении этого строя «в гонении на Церковь и ее служителей». Для бумажных формальностей к постановлению тройки приложена была справка, составленная начальником верхнеуральской тюрьмы Артемьевым и оперуполномоченным Яковлевым, в которой утверждалось, что заключенный № 144 проявляет себя непримиримым врагом Советского государства, клеветает на существующий государственный строй, обвинял в гонении на Церковь «ее деятелей». Клеветнически обвинял органы НКВД в пристрастном к нему отношении, «пытался связаться с внешним миром из заключения, используя для этого медицинский персонал тюрьмы, в результате чего получил от духовенства г. Верхнеуральска просфору как знак приветия»³¹³. 10 октября 1937 г. в 4 часа дня митрополит Крутицкий Петр был расстрелян.

* * *

Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский) родился 28 июля 1862 г. в селе Сторожевом Коротоякского уезда Воронежской епархии в благочестивой семье приходского священника. В 1885 г. по первому разряду закончил полный курс Воронежской духовной семинарии и был определен на должность псаломщика при церкви села Девицы в родном ему Коротоякском уезде. Два года спустя он был принят вольнослушателем, а после проверочных испытаний студентом Московской Духовной Академии. В студенческие годы он, по воспоминаниям его сокурсника митрополита Евлогия, отличался благодушием, покладистостью и доброжелательностью. Академию закончил в 1892 г. со степенью кандидата богословия и был оставлен помощником инспектора. Одновременно с исполнением многотрудных и хлопотных обязанностей помощника инспектора он безвозмездно преподавал

закон Божий в частном женском училище Сергиева Посада и даже исполнял обязанности секретаря Общества спасения на водах. При большой загруженности церковными и общественными послушаниями Петр Федорович Полянский находил время и для научных занятий, работал над магистерской диссертацией на тему «Первое послание св. Апостола Павла к Тимофею. Опыт историко-экзегетического исследования», которую успешно защитил в 1897 г. В 1895 г. Петр Полянский состоял в должности церковного старосты у себя на родине, в селе Сторожевом, и был удостоен архипастырской признательности. В 1896 г. в течение недолгого времени преподавал греческий язык в Звенигородском духовном училище. В декабре 1896 г. указом Святейшего Синода Петр Федорович Полянский был назначен смотрителем Жировицкого духовного училища. И здесь он сочетал служение Церкви и работу на благо общества, участвуя в первой всероссийской переписи населения, исполняя обязанности члена попечительства о народной трезвости, почетного мирового судьи Слонимского округа. 10 лет будущий митрополит трудился в Жировицком училище, в стенах древней обители, одного из форпостов православия на западе России.

В 1906 г. он был перемещен в Петербург, на должность младшего помощника правителя дел Учебного комитета при Святейшем Синоде; впоследствии стал членом этого комитета, исполняя главным образом обязанности ревизора духовных учебных заведений. При переводе из Жировиц в Петербург он лишился казенной квартиры при училище, жалованье его убавилось в два с половиной раза. За время служения в комитете Петр Полянский объездил с ревизиями едва ли не всю Россию, обследовав состояние духовных семинарий и училищ в Курской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Минской и ряде других епархий, побывал в Сибири, на Урале, в Закавказье, каждый раз составляя обстоятельный отчет, в котором предлагались меры по улучшению состояния обследованной школы. После упразднения Учебного комитета в 1918 г. П. Ф. Полянский переехал в Москву, где принял участие в Поместном Соборе, работая в его секретариате.

В 1920 г. Патриарх Московский и всея России Тихон предложил ему принять постриг, священство и епископство и стать его помощником в делах церковного управления. Предложение это было сделано в пору кровавых гонений на Церковь, когда замучены были уже тысячи священнослужителей и более десяти архиереев, когда епископство, как и в древние времена, сулило не почет и безбедную жизнь, а страдания. В ту пору он жил в Москве, в доме своего брата, священника церкви Николы-на-Столпах Василия Полянского. Поведав брату и родным о предложении Святейшего Патриарха, он сказал: «Я не могу отказаться. Если я откажусь, то я буду предателем Церкви, но, когда соглашусь, я знаю, я подпишу сам себе смертный приговор». Так, в 58-летнем возрасте он выбрал стезю, которая, по его же словам, оказавшись пророческими, возвела его на Голгофу. Будущий предстоятель Русской Церкви принял постриг и благодать священства от руки митрополита Сергия, которого он впоследствии назначит своим заместителем, а его хиротонию во епископа Подольского викария Московской епархии возглавил Святейший Патриарх Тихон. Сразу после хиротонии епископ Петр был арестован и сослан в Великий Устюг. Там он жил вначале у знакомого священника, потом в сторожке при городском соборе. В ссылке он имел возможность совершать Божественную литургию в сослужении великоустюжского духовенства.

После освобождения Патриарха Тихона из-под ареста многие сосланные и томившиеся в заключении архиереи и священники получили возможность вернуться к своему служению. Среди них был и епископ Подольский Петр. Возвратившись в Москву, он стал ближайшим помощником первосвященника, был возведен в сан архиепископа, потом митрополита Крутицкого и включен в состав Временного Патриаршего Синода.

После кончины Святого Патриарха Тихона на плечи митрополита Петра по воле Божией

легла высшая ответственность за Русскую Церковь. Менее года он оставался у кормила церковной власти, а потом более десяти лет носил звание Местоблюстителя, пребывая в изгнании, в тюрьме, подвергаясь изощренным мучениям — и все это для того, чтобы заставить его отказаться от местоблюстительства. Он тяжело страдал от одиночного заключения, от изнурительных болезней, но, прося власти об облегчении своей участи, он не мог пойти навстречу их требованиям. Он знал, какие пагубные для Церкви последствия может иметь его отречение от звания Местоблюстителя. Объясняя свою позицию в заявлении властям, митрополит Петр писал: «В сущности местоблюстительство лично для меня не представляет интерес, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета... Но я должен считаться с тем обстоятельством, что решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не может быть актом моей единоличной воли. Своим званием я неразрывно связан с духовными интересами и волей всей Поместной Церкви. Таким образом, вопрос о распоряжении местоблюстительством, как не являющийся личным вопросом, не подлежит и личному усмотрению, в противном случае я оказался бы изменником святой Церкви. Между прочим, и в акте о моем вступлении имеется напоминание, что я обязан не уклоняться от исполнения воли Патриарха Тихона, а следовательно, и воли подписавших акт архиереев... равно как и воли клира и верующих, девятый год состоящих со мной в молитвенном общении». Сохраняя за собой звание Местоблюстителя ради блага Церкви, ценою тяжких мучительных страданий, митрополит Петр совершал подвиг исповедничества, венцом которого стало пролитие крови за Христа Спасителя.

ГЛАВА V. Церковная жизнь на канонической территории

В результате гибели Российской империи и гражданской войны значительная часть территорий, прежде принадлежавших империи, оказалась за пределами Советского Союза. На этих территориях образовались новые государства: Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Была восстановлена государственность Польши, в состав которой помимо собственно польских земель вошли также белорусские и украинские земли на западе России и Галиция, принадлежавшая прежде Австро-Венгрии.

После того как в начале 1918 г. румынские войска заняли Бессарабию, Священный Синод Румынской Православной Церкви без согласования с Московской Патриархией распространил свою власть на территорию ее Кишиневской епархии. Румынские церковные власти хотели оставить на Кишиневской кафедре архиепископа Анастасия (Грибановского), предлагая ему войти в Синод, но он как иерарх Русской Церкви отказался и, удалившись в Константинополь, затворился там в Галате, в подворье русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. По постановлению Священного Синода Румынской Церкви в управление Кишиневской епархией вступил епископ Хушский Никодим (Никулеску). Глава Русской Церкви Патриарх Тихон отреагировал на захват епархии двумя посланиями, адресованными председателю Синода Румынской Церкви митрополиту Молдавскому и Сучавскому Пимену, составленными в октябре 1918 г. В них Патриарх Тихон резко протестовал против антиканонических деяний священноначалия Румынской Церкви, которая «своим односторонним, предпринятым без согласия Русской Церкви решением не имела права определить судьбу Кишиневской епархии в смысле подчинения ее своей власти, после того как православная Бессарабия в последние сто лет составляла нераздельную часть русского церковного тела; такой образ действий Румынского Священного Синода противоречит одинаково и духу христианской любви, и исконным каноническим указаниям, и священным обычаям православной Церкви. Указание на то, что будто политическое единение всегда влечет за собой и единение Церквей, не может в данном случае служить оправданием для румынской церковной власти, во-первых, потому, что оно само не оправдывается историей, и, во-вторых, потому, что такая точка зрения покоится на смешении природы церковной и политической жизни, разнородных по самому своему существу... И к тому же и самый акт присоединения Бессарабии к Румынскому королевству, как мы утверждали это и ранее, далеко еще не является общепризнанным с международной точки зрения и может быть подвергнут пересмотру при окончательном учете результатов мировой войны». Послание Патриарха заканчивалось предупреждением: «Если Румынская Церковь, невзирая на выставленные нами возражения, попытается насильственно закрепить за собой положение, мы вынуждены будем прервать всякое братское и каноническое общение с Румынским Синодом и принести настоящее дело на суд других православных Церквей»³¹⁴.

Румынский Синод пренебрег законным протестом Патриарха Тихона и в 1919 г. поставил на Кишиневскую кафедру архимандрита Гурия (Гроссу), русского клирика молдавского происхождения, выпускника Киевской Духовной Академии, бывшего в канун революции настоятелем монастыря в Смоленске, затем бежавшего в Румынию, в Яссы. Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал о Гурии, что, несмотря на русское образование, это был воинственный румынский шовинист, который приветствовал вхождение Бессарабии в состав Румынии³¹⁵. После захвата Кишиневской кафедры Гурий был запрещен в священнослужении Русской Православной Церковью. Почти половину населения Бессарабии составляли

православные русские и украинцы. Шовинистический курс архиепископа (а потом и митрополита) Гурия вносил разлад между единоверцами румыно-молдавского и славянского происхождения. В приходах епархии искоренялось церковнославянское богослужение. О нравственном облике этого архиерея можно судить и по тому обстоятельству, что в 1936 г. он был предан гражданскому суду за похищение 1,5 млн. лей из Кишиневского епархиального управления. Его преемником стал митрополит Ефрем (Тигиняну).

После возвращения Бессарабии в состав Советского Союза значительная ее часть была включена в Одесскую епархию, а в Кишинев в декабре 1940 г. временно управляющим Кишиневской и Бессарабской епархией был назначен епископ Тульский Алексей (Сергеев). В мае 1941 г. он был возведен в сан архиепископа и стал правящим архиереем Кишиневской епархии, но через месяц началась Отечественная война и последовала новая оккупация Бессарабии Румынией, продолжавшаяся до августа 1944 г. Архиепископ Алексей (Сергеев) был эвакуирован в Центральную Россию.

* * *

После избрания в 1917 г. архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) на Владимирскую кафедру вместо архиепископа Алексия (Дородницына), уехавшего на Украину, временное управление Финляндской епархией поручено было викарному епископу Сердобольскому Серафиму (Лукьянову). 17 января 1918 г. он стал самостоятельным правящим епископом, а с 1920 г.— архиепископом Финляндским и Выборгским. Ввиду отделения Финляндии от России в июне 1919 г. Собор Финской Церкви в Сердоболе (ныне Сортавала) обратился к Патриарху Тихону с ходатайством о полной самостоятельности, которая и была дарована в 1921 г.³¹⁶ Но финское правительство хотело полного разрыва канонических уз Православной Церкви Финляндии с Московским Патриархатом. Власти потребовали ввести в церковное употребление григорианский календарь. Архиепископ Серафим вынужден был подчиниться, но это требование вызвало протест и неповиновение со стороны большинства монахов древних обителей Севера: Валаама и Коневца. Многие монахи покинули монастыри; другие, оставшись в своих обителях, держались за старый, юлианский, календарь и подвергались за это преследованию. В монастырях Валаама и Коневца произошло разделение на ново- и старостильников.

В 1925 г. финское правительство потребовало от архиепископа Серафима в трехмесячный срок выучить финский язык и сдать экзамен, если он желает сохранить управление Церковью. Этому оскорбительному ультиматуму владыка Серафим не подчинился, за что был устранен от церковного управления и заточен в монастырь на острове Коневце, по ходатайству митрополита Западноевропейского Евлогия (Георгиевского) он был освобожден и сумел покинуть Финляндию. На его место был поставлен епископ Герман (Аав) — финн, прежде бывший священником в Эстонии. В 1922 г. под давлением финских властей он был избран викарием архиепископа Серафима, 8 июля 1922 г. в Константинополе, несмотря на протест правящего архиерея, Герман без предварительного пострига был хиротонисан Патриархом Мелетием IV во епископа Сортавальского. Став главою автокефальной Церкви, он был самовольно переведен в юрисдикцию Константинопольского Патриарха с титулом «архиепископа Карельского и всея Финляндии», что явилось нарушением канонических прав Русской Православной Церкви. В Выборге тогда образовалась община, окормлявшаяся священником Григорием Светловским, которая захотела перейти в юрисдикцию Западноевропейского митрополита Евлогия (Георгиевского). Правительство Финляндии ликвидировало этот приход. В 1927 г. в Хельсинки была устроена еще одна община в юрисдикции митрополита Евлогия, что вызвало очередное недовольство со стороны архиепископа Германа. Он обвинил митрополита Евлогия в проведении русской политики в Финляндии.

Средоточием и очагом православной церковной жизни в Финляндии оставался Валаамский монастырь. Ныне здравствующий Патриарх Московский и всея Руси Алексей II вспоминает: «Особенно мне запомнились паломнические поездки в Валаамский Преображенский мужской монастырь в 1938 и 1939 гг. Мы плыли парохомом до Хельсинки, оттуда по железной дороге ехали до Выборга и потом уже на монастырском парохоме до Валаама. Валаамская обитель с ее еще не разрушенными традициями монашеской жизни произвела на меня, десятилетнего мальчика, неизгладимое и по сей день впечатление. Запомнились встречи со старцами: схиигуменом Предтеченского скита Иоанном, иеросхимонахом Ефремом, схимонахом Коневского скита Николаем. С огромной душевной открытостью они встречали богомольцев — с душеспасительными беседами, с непременным самоваром... Эти старцы скончались уже в Ново-Валаамском монастыре в Финляндии, я посещал там их могилы. Сохранилась у меня и духовная переписка с монахом Иувианом, который писал мне, тогда десятилетнему мальчику, письма духовного содержания»³¹⁷.

30 ноября 1939 г., когда началась советско-финская война, в результате которой граница между двумя государствами была отодвинута с Карельского перешейка на запад, монахи Валаамского монастыря были эвакуированы в глубь Финляндии. Лишь 7 мая 1957 г. было восстановлено молитвенное каноническое общение между Русской Православной Церковью и Финляндской Автономной Церковью, Московская Патриархия признала юрисдикцию Константинополя над Финской Православной Автономной Церковью. Архиепископ Герман (Аав) ушел на покой в 1960 г. и скончался в 1961 г.

* * *

После мученической кончины епископа Ревельского Платона (Кульбуша), последовавшей 14 января 1919 г., в Ревель, переименованный правительством Эстонии в Таллин, на кафедру, ставшую самостоятельной, был переведен Порховский епископ Александр (Паулус) с возведением его в сан архиепископа. Патриарх Тихон предоставил Эстонской Церкви широкую автономию, но по настоянию эстонского правительства, стремившегося оторвать православный народ Эстонии (это были русские, сету и часть эстонцев) от Москвы, архиепископ Александр в 1923 г. обратился к Константинопольскому Патриарху Мелетию IV с прошением о принятии Эстонской Церкви под свое духовное окормление. Архиепископ Александр отправился с этой целью в Стамбул и 7 июля 1923 г. получил от Патриарха Мелетия томос, по которому была признана автономия Эстонской Церкви в юрисдикции Константинопольского Патриарха. В составе Эстонской Церкви была образована вторая, Нарвская, епархия, а Константинопольский Патриарх возвел архиепископа Александра в сан митрополита Таллинского и всей Эстонии, введен был в употребление новый календарь. Московская Патриархия не могла, естественно, признать канонически неправомерный переход. Митрополит Александр настойчиво проводил эстонизацию церковной жизни, несмотря на то что большинство православных были русскими.

Очагами монашеского подвижничества в Эстонии были Пюхтицкий женский и Псково-Печерский мужской монастыри; граница между Эстонией и Советской Россией по мирному договору 1920 г. прошла так, что ряд исконно русских городов и сел, включая и Печеры с древней обителью, отошли к Эстонии. Настоятелем Псково-Печерского монастыря был архимандрит Иоанн (Булин), сам по национальности сету. В 1929 г. отца Иоанна хиротонисали в викарного епископа Нарвского с сохранением за ним настоятельства в монастыре. Несмотря на свое происхождение, епископ Иоанн противился эстонизации церковной жизни, отстаивал неприкосновенность церковнославянского богослужебного языка. У эстонских властей это вызвало недовольство, и в 1933 г. Иоанн был устранен от управления Псково-Печерским монастырем и выехал за границу, в Белград. На родину он вернулся в 1941 г., после присоединения Эстонии к Советскому Союзу, но в годы массовой депортации был сослан в

Сибирь и там бесследно исчез.

В 1933 г. на Печерскую кафедру был хиротонисан с титулом архиепископа маститый старец из вдовых протоиереев Николай Лейсман, эстонец; в том же году он был назначен ректором Эстонской духовной семинарии, на этой должности он оставался до ухода на покой в 1940 г. На викарную Нарвскую кафедру в 1937 г. хиротонисали вдового протоиерея, преподававшего закон Божий в русской гимназии, Павла (Дмитровского). Одним из видных церковных деятелей Эстонии был протоиерей Иоанн Богоявленский, брат митрополита Виленского Елевферия (Богоявленского). В 30-х гг. он редактировал выходивший в Таллине русский журнал «Православный собеседник». Как и большинство православных священнослужителей и мирян, отец Иоанн (впоследствии епископ Исидор) стремился к сохранению церковнославянского языка в богослужении и русского в проповедях, в школах и делопроизводстве. В 1938 г. он сумел открыть в Таллине богословские курсы с преподаванием по-русски. Одним из выпускников этих курсов был отец Патриарха Алексия II протоиерей Михаил Ридигер. Протоиерей Иоанн Богоявленский оказал большое духовное влияние и на самого будущего Патриарха Алексия II, который уже в 6 лет прислуживал в храме, помогая отцу Иоанну. В 1935 г. Собор Эстонской Церкви принял устав, по которому она получила наименование Эстонской Апостольской Православной Церкви. Однако этот новый устав не был утвержден Константинопольским Патриархом.

Одним из проявлений антирусского курса эстонского правительства явилось закрытие в 1936 г. кафедрального собора во имя святого великого князя Александра Невского. Правда, он не был разрушен, как храм Христа Спасителя в Москве или православный кафедральный собор Варшавы. После присоединения Эстонии к Советскому Союзу, 27 декабря 1940 г., на расширенном заседании Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви было принято решение о восстановлении канонических отношений с Матерью Русской Церковью. В марте 1941 г. митрополит Александр (Паулус) посетил Москву и дал клятву в верности Патриархии. 31 марта Эстонская Церковь воссоединилась с Русской Церковью. Она была включена в Прибалтийский экзархат, во главе которого стоял митрополит Литовский и Виленский Сергей (Воскресенский).

* * *

Рижская епархия после перевода на Рязанскую кафедру архиепископа Иоанна (Смирнова) четыре года оставалась без правящего архиерея. Латвийские власти не разрешили въезд в Латвию ни митрополиту Серафиму (Чичагову), ни архиепископу Геннадию (Туберозову), которых святитель Тихон предполагал назначить на Рижскую кафедру. В 1918 — начале 1919 г. временно Рижской епархией управлял викарный епископ Ревельский Платон (Кульбуш). Лишь после того как на Рижскую кафедру предложено было перевести из Пензенской епархии архиепископа Иоанна (Поммера), по национальности латыша, вопрос о возглавлении Рижской епархии был улажен с латвийскими властями. Православный народ Латвии, русские и латыши, с радостью и любовью приняли своего нового архипастыря. В поисках компромисса с правительством архиепископ Иоанн ходатайствовал перед Святейшим Патриархом Тихоном о даровании его епархии самостоятельности в делах внутреннего управления, и это ходатайство было удовлетворено: 21 июня 1921 г. Патриарх Тихон, Священный Синод и Высший Церковный Совет признали внутреннюю самостоятельность Латвийской Церкви³¹⁸.

Архиепископ Иоанн (Поммер), назначенный в начале 1921 г., в своей архипастырской деятельности стремился объединить православных латышей и русских, и ему это удавалось. Популярность его в Латвии была велика, и в 1925 г. его избрали в республиканский сейм. В парламенте архиепископ Иоанн не без успеха отстаивал равноправие православной Церкви с другими Церквями Латвии. Со времени его избрания в сейм архиепископский дом с утра до

вечера переполнен был просителями, и не только православными. Люди искали его заступничества, и он всегда настойчиво отстаивал справедливость, защищал неправомерно обиженных. Архиепископ Иоанн одинаково хорошо проповедовал на родном латышском и русском языках. Многим особенно запомнилась речь, произнесенная им в память о почившем первосвятителе Российской Церкви святом Тихоне, которого он глубоко чтит. Свято хранил архиепископ Иоанн каноническое единство с Московской Патриархией, что после кончины Патриарха Тихона многих в Латвии раздражало.

В ночь с 11 на 12 октября 1934 г. архиепископ Иоанн был заживо сожжен на пригородной даче. Преступление так и не расследовали до конца, однако в народе считали, что возможных виновников убийства следует искать среди агентов латвийских властей или советской разведки. После его кончины в жизни Латвийской Церкви произошли серьезные перемены. Церковь без согласия Московской Патриархии перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриарха. 29 марта 1936 г. митрополит Фиатирский Герман возглавил хиротонию во епископа с возведением в сан митрополита Рижского и всея Латвии бывшего до этих пор гарнизонным священником в Даугавпилсе Августина (Петерсона). В 1938 г. в Латвии была открыта новая Даугавпилсская кафедра. На нее хиротонисали Александра (Витолса).

После присоединения Латвии к Советскому Союзу латвийское духовенство через покаяние было принято в юрисдикцию Московской Патриархии. Митрополит Рижский Августин (Петерсон) ушел на покой.

* * *

С 1917 по 1921 г. Литовской епархией управлял викарный епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский). 28 июня 1921 г. он назначен был правящим архиереем с возведением в сан архиепископа Литовского и Виленского³¹⁹. В конце гражданской и мировой войны его епархия оказалась разделенной государственной границей между Литвой и Польшей. Епархиальный центр Вильна вместе с Виленским краем, в котором сосредоточена была большая часть православного населения епархии, оказались в пределах Польского государства. Владыка Елевферий за решительное неприятие незаконной автокефалии Польской Церкви был подвергнут трехмесячному аресту в одном из католических монастырей. Только в апреле 1923 г. по настоянию литовского правительства он был освобожден и смог приехать в столицу Литвы Каунас. Архиепископ Елевферий не признал раздела епархии, учиненного священноначалием Польской Церкви, поставившей на Виленскую кафедру в 1922 г. архиепископа Феодосия (Федосиева).

Литовские власти не настаивали на отделении Литовской епархии от Московской Патриархии отчасти потому, что православных в республике было сравнительно мало, а среди литовцев почти не было. К тому же литовское правительство в своих притязаниях на Вильну, отторгнутую Польшей, встречало поддержку со стороны правительства СССР. Во всяком случае архиепископ Елевферий не встречал никаких затруднений со стороны властей в сношениях с Патриархией, которой он хранил безусловную каноническую верность. В октябре 1928 г. архиепископ Елевферий приезжал в Москву для доклада о своих епархиальных делах и о положении православной Церкви в Польше. В ноябре того же года владыка Елевферий был возведен в сан митрополита. После увольнения митрополита Евлогия (Георгиевского) от должности управляющего Западноевропейскими приходами Русской Церкви митрополит Елевферий был назначен на эту должность 24 марта 1930 г. как временно управляющий, с 30 апреля 1931 г. — как управляющий³²⁰.

После крушения Польского государства Вильна передана была Литве и стала столицей республики. Митрополит Елевферий переселился в свой кафедральный город, вскоре республика присоединена была к Советскому Союзу. 31 декабря 1940 г. митрополит скончался

от менингита и был погребен в виленском Свято-Духовском монастыре. Его кончина глубоко поразила предстоятеля Русской Церкви. 17 января 1941 г. митрополит Сергей писал епископу Александру (Толстопятову) о последних обстоятельствах церковной жизни, главным образом связанных с возвращением в юрисдикцию Московской Патриархии западных епархий: «Ждет устройства Бессарабия. Туда командирован епископ Алексей (Сергеев). В Западную Украину и Белоруссию поехал (временно) экзархом архиепископ Николай (Ярушевич). Теперь нянчимся с Латвией и Эстонией. Командирован в Латвию и Эстонию наш архиепископ Сергей: Латвия принесла покаяние, а об Эстонии пока не знаем. А тут совершенно не ко времени заболел менингитом митрополит Литовский Елевферий, слишком близко к сердцу принимавший церковные болезни и вечером 31 декабря скончавшийся (на Крещение ему 20-й день). Архиепископ Сергей отпел в Вильне. Что делать? »*Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои*» (Ис. 55. 8). Помолитесь о старце (72 г., а мне через 8 дней — 74)»³²¹.

27 февраля 1941 г. с возведением в сан митрополита на Виленскую кафедру был назначен архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский), одновременно ставший и экзархом Прибалтики.

* * *

Большая часть православных русских, оставшихся на исходе первой мировой и гражданской войны за пределами Советского государства, оказалась подданными Речи Посполитой, восстановленной в результате мировой войны и гибели трех империй. Бездарно проигранная командованием Красной Армии война с Польшей прочертила границу далеко к востоку от Западного Буга, исторически сложившейся естественной границы. По Рижскому договору от 18 марта 1921 г. в состав нового Польского государства вошли 7 западных уездов Волынской губернии, западные и южные (полесские) уезды Минской губернии, Гродненская губерния, Виленская губерния, на северную часть которой, включая саму Вильну, претендовала Литва, Холмщина, Подлясье. От распавшейся Австро-Венгрии Речи Посполитой досталась Галиция, населенная по преимуществу русинами. Существуют разные статистические оценки численности православного населения Польши ко времени ее восстановления: от 3,5 до 5 млн. До первой мировой войны на территории, вошедшей в состав Польши, находились 4 епархии: Варшавская, Холмская, Виленская, Гродненская, а также большая часть Волынской с викарной кафедрой в Кременце и часть Минской епархии. Вошедшая в состав Польши Галиция населена была главным образом униатами, но помимо униатов и католиков латинского обряда там проживало несколько десятков тысяч православных. В 1918 г. в православие, к вере предков, вернулось 25000 лемков (русинов) в Перемышльском повете.

В зависимости от политической ориентации и особенностей этнического самосознания униаты Галиции разделялись на русинов, помнивших о своих русских корнях, и украинцев. Польские власти разделяли своих русских подданных на несколько национальных групп: украинцев, русинов, «росийских» (с одним «с») и эмигрантов. Некоторые из русских числились поляками. В документах большинства белорусов, тех, кого не записали «росийскими» или поляками, в графе национальность делался прочерк, который следовало, очевидно, понимать так: пока национальности не имеет, но есть надежда, что впоследствии станет поляком.

На территории Польши находилось несколько православных епархий. Виленской епархией управлял епископ Елевферий (Богоявленский). Правда, он оказался на польской территории только 8 февраля 1922 г., когда Виленский округ вошел в состав Польши. На епископа Белостокского Владимира (Тихоницкого) возложено было Патриархом Тихоном окормление всей Гродненской епархии. Часть Волынской епархии, входившая в пределы Польского государства, находилась под управлением викарного епископа Кременецкого Дионисия (Валединского). Для окормления церковью Полесья Святейший Патриарх Тихон направил в

Пинск епископа Пантелеимона (Рожновского), который по отцу был поляком. Назначенный на Варшавскую кафедру митрополит Серафим (Чичагов) не получил от польских властей разрешения на въезд в Польшу.

Польские власти стремились оторвать православные епархии на своей территории от Московской Патриархии. Свои попытки устроить в Польше независимую от Москвы православную юрисдикцию они начали с контактов с Белостокским епископом Владимиром (Тихоницким), видевшим путь к правильному устройению церковной организации в Польше в сохранении канонической зависимости от Патриархии и в созыве Всепольского Собора. И то и другое не соответствовало видам правительства Польши. Польским властям стало вполне ясно, что они не могут рассчитывать на епископа Владимира, после того как он — без согласования с ними, но исполняя поручение Святейшего Патриарха Тихона — рукоположил во епископа Бяло-Подляшского Сергия (Королева) с возложением на него временного управления Холмской епархией. Власти Польши не признали законности рукоположения, и епископ Сергей вынужден был жить в Яблочинском монастыре преподобного Онуфрия, не имея возможности исполнять возложенное на него послушание. Контакты правительства с епископом Владимиром прекратились. Новым кандидатом правительства на возглавление православной Церкви в Польше стал Кременецкий епископ Дионисий (Валединский). Министерство религиозных исповеданий пригласило его в июне 1921 г. в Варшаву для обсуждения проекта устройства высшего церковного управления в Польше, где вскоре по согласованию с польскими властями оказался архиепископ Минский Георгий (Ярошевский), эмигрировавший из России вместе с разбитыми войсками А. И. Деникина. Преимущество Георгия перед Дионисием заключалось в иерархическом старшинстве. Резиденция предполагаемого главы Польской Церкви устроена была в Варшаве, далеко от мест компактного проживания православных подданных Речи Посполитой.

Министерство религиозных исповеданий пригласило в Варшаву трех архиереев: архиепископа Георгия, епископов Дионисия и Пантелеимона — для решения вопросов, связанных с устройением православной Церкви в Польше. Епископы Владимир (Тихоницкий) и Сергей (Королев) в этой встрече не участвовали. Министр культов откровенно заявил русским архиереям, что вмешательство иностранных церковных властей, иными словами Московской Патриархии, в церковную жизнь Польши нежелательно. Архиереи выразили готовность добиваться автокефалии православной Церкви в Польше при условии, что этот путь будет санкционирован законной Патриаршей властью.

В августе 1921 г. польское правительство сообщило Патриарху Тихону через посланника Филипповича в Москве свою заинтересованность в автокефальном устройстве православной Церкви в Польше. Святейший Патриарх готов был к компромиссу. 15 сентября 1921 г. определением Священного Синода главе православной Церкви в Польше сообщались полномочия окружного митрополита (Поместный Собор 1917—1918 гг. издал Определение об объединении епархий Русской Церкви в митрополичьи округа). Патриарх Тихон своим указом от 27 сентября назначал архиепископа Георгия (Ярошевского) своим экзархом в Польше, правда, без перемещения его на Варшавскую кафедру, которую по-прежнему занимал не имевший возможности выехать за границу митрополит Серафим (Чичагов)³²². В своем послании Минскому архиепископу Георгию (Ярошевскому) Святейший Патриарх ввиду затрудненности сношений Патриархии с польскими епархиями даровал Церкви в Польше права автономии.

Между тем в православном епископате Польши обнаружилось разногласия. Образовались две группировки, одна — в нее входили архиепископ Георгий (Ярошевский) и епископ Дионисий (Валединский) — сочувствовала видам польского правительства относительно

автокефалии, другая же — весь остальной епископат — дорого ценила каноническую и юрисдикционную связь с матерью Церковью и видела в православных, живущих в Польше, часть единого русского народа, разделенного незаконно образовавшимися в результате смуты границами. Духовенство и народ Волынской епархии не разделяли ориентации епископа Дионисия. Дело дошло до того, что около 85 приходов на Волыни вышли из повиновения, причем одни объявили, что они остаются в юрисдикции архиепископа Житомирского (Житомир, оказавшийся на советской территории, был ранее епархиальным центром всей Волыни); другие же хотели перейти в юрисдикцию Гродненского архипастыря, обязанности которого исполнял тогда Белостокский епископ Владимир. Но благодаря поддержке, которую оказала епископу Дионисию братия Почаевской лавры, находившаяся по указу Патриарха Тихона тогда под его началом, епископ Дионисий сумел сохранить власть над епархией. В октябре 1921 г. в Почаевской лавре состоялось епархиальное собрание, на котором решено было ходатайствовать о возвышении Кременецкой кафедры, которую занимал владыка Дионисий, в ранг епархиальной; кроме того, на собрании постановили открыть викарную кафедру в Луцке, а также начать издание церковной газеты на украинском языке.

Самый ревностный сторонник автокефалии, архиепископ Георгий, тщетно пытался преодолеть разногласия среди епископата. В сентябре 1921 г. он встретился в Гродно с владыками Елевферием и Владимиром. На 1 октября намечено было созвать архиерейский Собор в Почаеве. Но епископы из белорусских епархий не пожелали прибыть в Почаев, и Собор не состоялся. 24 января 1922 г. архиепископ Георгий созвал архиерейский Собор в Варшаве. Помимо владык Георгия, Дионисия и Пантелеимона (Рожновского), к которым впоследствии под давлением польских властей присоединился и епископ Владимир, в деяниях Собора участвовали секретарь Синода Александр (Иноземцев), бежавший вместе с архиепископом Георгием из России, ректор Волынской семинарии протоиерей Александр Громадский, которого вскоре после пострига с именем Алексей хиротонисали во епископа Луцкого, и начальствующий над православным военным духовенством Василий Мартиш. Министерство религиозных исповеданий на Соборе представлял Пекарский. Его усилия в переговорах с русскими архиереями направлены были главным образом на то, чтобы вынудить их подписать так называемые «Временные правила», составленные в министерстве, которыми предусматривался далеко идущий государственный контроль за жизнью православной Церкви в Польше. 30 января «Временные правила» подписали только владыки Георгий и Дионисий. Епископы Владимир и Пантелеимон, участвовавшие в заседании Собора, отказались поставить свои подписи под документом, ущемлявшим права православных в Польше.

В тот же день Патриарх Тихон издал указ о переводе архиепископа Георгия на Варшавскую кафедру и возведении его в сан митрополита³²³, поскольку стала очевидной невозможность добиться от польских властей разрешения на въезд в Варшаву митрополита Серафима (Чичагова), который имел репутацию крайне правого по своей политической ориентации. Но титулярное возвышение владыки Георгия отнюдь не означало поддержки его намерений со стороны Патриарха, ибо в указе уже не упоминаются ни церковная автономия, ни его экзаршие права. Следовательно, на основании указа Патриарха он стал всего лишь одним из епархиальных архиереев в Польше без всяких юрисдикционных прав по отношению к другим епархиальным архиереям.

Арест святого Патриарха Тихона был использован митрополитом Георгием как еще один довод в пользу провозглашения автокефалии. На заседании архиерейского Синода 14 июня 1922 г. в Варшаве под председательством митрополита Георгия и при самом деятельном участии правительства Польши было решено, что «ввиду церковной смуты и развала в России не может быть возражений против автокефалии православной Церкви в Польше», но необходимым

условием для ее провозглашения ставилось «благословение на автокефалию польскому правительству (именно так.— В. Ц.) от Константинопольского и других Патриархов, а также от глав автокефальных Церквей Греческой, Болгарской и Румынской, а также от Московского Патриарха в случае его возвращения к церковному управлению, и если в России не будет упразднено Патриаршество»³²⁴. Это решение означало условное учреждение автокефалии и принято было очевидным меньшинством, которое в связи с новой волной антицерковного террора в России лишалось практической защиты со стороны Патриархии. Епископ Владимир и архиепископ Елевферий (Богоявленский) по приговору церковного суда, состоявшего из епископов, подчинившихся диктату польской власти, были уволены со своих кафедр.

Путь к автокефалии, выбранный митрополитом Георгием, и его безусловное подчинение диктату польской власти у части православных в Польше вызвали крайнее ожесточение. 8 февраля 1923 г. ректор Волынской семинарии архимандрит Смарагд (Латышенко) в митрополичьей резиденции несколькими выстрелами убил Варшавского митрополита. Как выяснилось на процессе, в его намерение входило и убийство архиепископа Дионисия, который также находился в резиденции, но он спрятался в шкафу и тем спас себе жизнь. Архимандрит Смарагд, один из самых последовательных, энергичных и образованных противников автокефалии, был лишен сана и осужден на 10 лет тюремного заключения. Отбыв их полностью, он в 1935 г. выехал в Чехословакию.

Убийство митрополита Георгия явилось вопреки замыслу его исполнителя ударом не по автокефалистам, а по их противникам. Вначале, правда, у автокефалистов возникли канонические трудности с избранием нового митрополита и формированием нового состава Синода, ибо для соборного решения требуется участие по крайней мере трех епископов. Для преодоления сложившихся обстоятельств в викарные епископы Люблина был хиротонисан архимандрит Антоний (Марценко), эмигрант из России, поляк по отцу. 27 февраля состоялось избрание архиепископа Волынского и Кременецкого Дионисия (Валединского) в митрополита. В Москву о результатах выборов польский Синод не докладывал, а направил материалы избирательных заседаний через правительство Польши на утверждение Константинопольскому Патриарху Мелетию IV, который утвердил их.

29 апреля 1923 г. в Богоявленском монастыре Кременца состоялась интронизация митрополита Дионисия как главы Церкви, с титулом «митрополита Варшавского, и Волынского, и всей православной Церкви в Польше и священноархимандрита Почаевской Успенской лавры». Новый глава Церкви, так же как и его предшественник, действовал в полном согласии с правительством. Возглавлявший оппозицию архиепископ Елевферий (Богоявленский), арестованный и высланный польскими властями в Литву, продолжал управлять своей епархией из Каунаса (Ковно) и требовал от епархиального духовенства не подчиняться митрополиту Дионисию. Еще раньше митрополит Дионисий направил в Вильну викарного епископа Луцкого Алексея (Громадского), чтобы взять под контроль Виленскую епархию. Но правящим архиереем в Вильне назначен был бежавший из Советского Союза архиепископ Одесский Феодосий (Феодосиев), а Алексей (Громадский) перемещен на Гродненскую кафедру, от управления которой был устранен епископ Владимир (Тихоницкий). Таким образом, все кафедры оказались заняты епископами, готовыми к сотрудничеству с польскими властями. С этих пор все начинания митрополита Дионисия без затруднений проходили через Синод и безропотно принимались епархиальными властями. Однако планы польского правительства и подчинившегося его диктату епископата могли рухнуть в случае освобождения Патриарха Тихона и возвращения его к кормилу высшей церковной власти. Когда Святейший Патриарх лишен был свободы, православные епископы Польши многократно протестовали против гонений на Церковь в Советском Союзе и высказывались в защиту арестованного

первосвятителя. От имени миллионов православных граждан Польши митрополит Дионисий направил телеграмму президенту Польской республики, в которой просил потребовать от советской власти освобождения Патриарха. Когда святитель Тихон вернулся к церковному управлению, на заседании Синода в Почаеве 12 сентября 1923 г. было решено при первой возможности поздравить Патриарха Тихона с освобождением и сообщить ему об изменениях в Польской Православной Церкви за время его ареста. 12 ноября митрополит Дионисий отправил в Москву поздравительное послание, не содержащее, впрочем, никакой информации о происшедшем. Все сведения Патриарх Тихон получил от епископов-оппозиционеров.

23 мая 1924 г. он направил письмо митрополиту Дионисию с резким осуждением самочинного отделения православной Церкви в Польше от Всероссийского Патриарха и перехода в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Это было бы, считал первосвятитель, возможно лишь после тщательного исследования Всероссийским Церковным Собором всех обстоятельств и с соблюдением канонических норм, регламентирующих переход православной Церкви в Польше к самостоятельному существованию. В заключение Патриарх Тихон потребовал от митрополита Дионисия отчета обо всем, что произошло после мая 1922 г. [325](#)

Православные, мало осведомленные в делах иерархических, были недовольны готовностью епископата перейти на новый календарь. Еще в июле 1923 г. Священный Синод просил Министерство религиозных исповеданий разрешить православным военным служащим и государственным служащим иметь выходные дни в великие праздники по юлианскому календарю, в ответ было рекомендовано перейти на григорианский календарь, тогда Священный Синод обратился в Константинополь. В марте 1924 г. оттуда пришел ответ, что Патриарх Григорий VII ввел новый календарный стиль в великой Константинопольской Церкви и благословил введение его в Польше. На совещании православных епископов в Варшаве 12 апреля 1924 г. объявили о введении нового календаря в православной Церкви в Польше. Польские чиновники подвергали жестким репрессиям тех приходских священников, которые отказывались совершать богослужения по новому календарю. Противники календарной реформы получили энергичную поддержку со стороны польских парламентариев православного исповедания, распространивших меморандум с резким протестом против насилия над совестью православных граждан Польского государства. У крестьян Волыни и Западной Белоруссии меморандум вызвал сочувственный отклик. Настоятель Жировицкого монастыря в Гродненской епархии, выходец из Почаевской лавры архимандрит Тихон (Шарапов) начал кампанию сбора подписей среди благочестивых прихожан под обращением, содержащим острую критику нового стиля. 30 июня 1924 г. его вызвали в Министерство религиозных исповеданий, лишили должности и запретили в священнослужении. Тогда он перебрался в Волынскую епархию, посетил затворившегося в Дерманском монастыре епископа Владимира и получил одобрение своих действий. Его борьбу за юлианский стиль поддерживал также уволенный на покой епископ Пантелеимон (Рожновский). Архимандрит Тихон вернулся в Жировицы и совершал богослужения в кладбищенской церкви при большом стечении благочестивых прихожан. Свои действия он оправдывал тем, что настоятелем Жировицкого монастыря он поставлен самим Патриархом Тихоном. В Дерманском монастыре совершал богослужения епископ Владимир, несмотря на протесты и жалобы митрополиту Дионисию со стороны настоятеля обители. Подобным образом поступал и епископ Пантелеимон в монастыре в Мельцах. Владыка Владимир состоял также в переписке с Московской Патриархией, и можно предполагать, что в Патриархии решался вопрос о его поставлении митрополитом на Варшавскую кафедру.

Теряя авторитет в народе, митрополит Дионисий созвал 16 августа 1924 г. в Почаеве заседание Синода для выработки программы экстренных мер по урегулированию сложившейся

ситуации. Епископы выступали за то, чтобы придерживаться впредь гибкой линии: там, где народ отказывался принимать новый стиль, благословлять совершение богослужения по юлианскому календарю³²⁶. С тех пор новый календарь остался в употреблении в Варшавском митрополичьем соборе и в православных церквях воеводств с преимущественно польским населением. На Волыни и в Белоруссии в православных церквях вернулись к юлианскому стилю. Решение Синода было, очевидно, согласовано с польскими властями. Министерство религиозных исповеданий направило тогда же волынскому воеводе распоряжение не допускать административного воздействия на приходы, где совершаются православные богослужения по старому календарю.

Но другие меры правительства, призванные помочь Синоду справиться с ситуацией, имели остро административный, полицейский характер. Архимандрит Тихон выслан был на родину, в Тулу, и вскоре он был хиротонисан Патриархом Тихоном в епископа Гомельского. Вслед за этим последовала высылка не имевших польского гражданства епископов Владимира (Тихоницкого) во Францию и епископа Сергия (Королева) в Чехословакию. Перед высылкой епископ Сергий был вызван в Люблин якобы для улаживания неких церковных дел и там арестован. Епископа Владимира арестовали тайком, при второй попытке, в первый раз его защитил собравшийся народ. Из оппозиционного епископата в Польше оставался только владыка Пантелеимон, которого не могли выслать из страны ввиду его польского гражданства, но вплоть до 1939 г. он оставался без кафедры.

16 августа 1924 г. Синод составил послание Патриарху Тихону, главная мысль которого заключалась в том, что не произвол епископов, а сама жизнь подталкивает православную Церковь в Польше к самостоятельности. Ответа от Святейшего Патриарха Тихона на это послание не последовало. 13 ноября 1924 г. после переписки с митрополитом Дионисием Константинопольский Патриарх Григорий VII вместе с Синодом дал благословение на учреждение автокефальной Церкви в Польше. В изданном на основании этого постановления томосе весьма многозначительно говорилось: «Первое отделение от нашего престола Киевской митрополии и православных митрополий Литвы и Польши, зависящих от нее, а также присоединение их к святой Московской Церкви произошли отнюдь не по предписанию канонических правил, а также не было соблюдено всего того, что было установлено относительно полной церковной автономии Киевского митрополита, носящего титул экзарха Вселенского Престола»³²⁷. Таким образом, когда Московская Патриархия оказалась гонима и унижена, Константинопольский Престол пересмотрел свои решения относительно перехода Православной Церкви Западной Руси в юрисдикцию Московских Патриархов, принятые два с половиной века назад, и назвал их теперь неканоническими, пытаясь оправдать свои действия в глазах иерархов и верующих. Через четыре дня после принятия этого решения Патриарх Григорий VII скончался. Его преемник Константин VI 30 января 1925 г. известил все автокефальные Церкви о состоявшемся определении, но вскоре после этого он был выслан турецким правительством из Константинополя, и только его преемник Василий III отправил томос о даровании автокефалии в Варшаву. Цель польского правительства — оторвать русский православный народ в Польше от Московской Патриархии — была достигнута.

Протесты против совершившегося акта не носили массового характера и главным образом исходили от православных жителей Белоруссии. В Гродно о непризнании автокефалии заявил протоиерей Лука Голод. Церковными властями он был запрещен в служении. В Вильне сенатор В. В. Богданович организовал общину, оставшуюся в юрисдикции Московской Патриархии. В ответ на это митрополит Дионисий и Синод отлучили Богдановича от Церкви. В Московской Патриархии после кончины Патриарха Тихона обстановка складывалась крайне трудно, так что лишь 24 сентября 1927 г. Заместитель Местоблюстителя патриаршего престола направил

послание митрополиту Дионисию, в котором митрополит Сергей (Страгородский) требовал от правящего митрополита Григория отчет и настойчиво напоминал, что автокефалия Польской Церкви может быть дарована лишь ее законным кириархальным возглавлением — Московской Патриархией. В своем ответе митрополиту Сергию, составленном 29 ноября 1927 г., митрополит Дионисий ссылаясь на признание польской автокефалии всеми православными Церквями и выразил надежду на то, что в будущем благословение на автокефалию будет получено и от Российской Православной Церкви³²⁸. Несколько неожиданно митрополит Дионисий получил поддержку со стороны митрополита Антония (Храповицкого) и возглавляемого им Карловацкого Синода, который изменил свою прежнюю позицию по вопросу польской автокефалии. В декабре 1925 г. Синод в Карловацах выпустил постановление о возобновлении общения с православной Церковью в Польше. Несмотря на весь российский патриотизм, уязвимость статуса Карловацкого Синода, его стремление к административной независимости от Московской Патриархии, ставшее вполне откровенным после кончины Патриарха Тихона, подтолкнули митрополита Антония и его сторонников к изменению ранее определенной линии непризнания польской автокефалии. В апреле 1927 г. митрополит Дионисий вместе с епископом Алексием (Громадским) отправились на Ближний Восток, где состоялась встреча с Патриархами Константинопольским, Александрийским, Антиохийским, Иерусалимским и архиепископом Афинским. Константинопольский Патриарх Василий III удостоил митрополита Дионисия титула Блаженнейший, который приличествует главам Церквей³²⁹.

Православная Церковь в Польше после ее незаконного автокефального устройства и частичной реорганизации епархиального деления состояла из 5 епархий: Варшавско-Холмской, во главе которой стоял глава автокефальной Церкви с титулом митрополита Варшавского и всей Польши. В императорской России это были с начала XX в. две отдельные епархии, причем территория Холмской по инициативе архиепископа Евлогия выведена была из состава царства Польского в Россию, что вполне соответствовало историческому прошлому края, но не его национальному составу: к началу нашего века русские оказались здесь в меньшинстве. Вольнская епархия с кафедральным городом в Кременце явилась частью прежней дореволюционной Вольнской епархии, кафедральный центр которой, Житомир, остался в пределах советской Украины. В состав Полесской епархии вошли приходы прежней Минской епархии, оказавшиеся за советско-польской границей. Гродненская епархия в основном соответствовала своему дореволюционному составу. Часть Виленской находилась за пределами Речи Посполитой, на территории Литовского государства. Управлял ею с титулом архиепископа Виленского владыка Елевферий (Богоявленский), имевший резиденцию в Каунасе. А Варшавская митрополия поставила на Виленскую кафедру другого архиерея — архиепископа Феодосия (Феодосиева). Помимо епархиальных кафедр были открыты еще кафедры викарных епископов: Люблинская в Варшавской епархии, Луцкая и Острожская в Вольнской, Камень-Каширская в Полесской. Во всех православных епархиях насчитывалось около 1500 приходов и свыше 2000 приходских и приписных церквей — значительно меньше дореволюционного их числа на этой территории; 15 монастырей: 10 мужских и 5 женских, среди которых первенствовала Успенская Почаевская лавра. Ее священноархимандритом именовался митрополит Варшавский. В Белорусских землях важнейшими очагами монашеской жизни были Жировицкий Успенский монастырь в Гродненской епархии и Свято-Духовский в Вильне; в Подляшье — Яблочинский монастырь преподобного Онуфрия Великого. Священнослужителей готовили на богословском факультете в Варшаве и в двух духовных семинариях: в Вильне и в Кременце на Вольни; существовала также иноческая школа в Яблочинской обители. Официальным языком обучения в духовных школах был польский, но на практике таковым, как правило, оставался русский, предпринимались попытки пользоваться украинским.

Положение православной Церкви в Польше существенным образом зависело от отношения к ней польского правительства, влиятельных политических сил, Польского Костела и Ватикана. Ни польские власти, ни Костел, который на основании конкордата польского правительства с Ватиканом был привилегированной Церковью в Польше, ни Ватикан не заинтересованы были ни в расширении влияния православной Церкви, ни в упрочении позиций православия в Польше. Хуже того, Ватикан рассматривал Польшу как плацдарм для своего наступления на православную Россию.

Предварительные шаги к осуществлению долгосрочного плана по расширению юрисдикции Ватикана на огромную территорию России предприняты были уже в год крушения императорской России. В 1917 г. папа Бенедикт XV основал в Риме Папский Восточный институт, в котором готовили специалистов по христианскому Востоку, для миссионерства среди православных. Для изучения «восточного вопроса» папа направил в Польшу своего нунция кардинала Рагги, впоследствии ставшего папой Пием XI. В Варшаве была учреждена Восточная миссия иезуитов. Речь Посполитая должна была стать местом разработки методов приведения в послушание Риму православной России. Большевистские зверства давали курии особую надежду на успех прозелитической миссии. Выступая в Польском Восточном институте через почти 20 лет после его основания с докладом «Католический апостолат в будущей России», иезуит доктор Швайгель сказал: «Большевики прекрасно подготовили путь католическим миссионерам, и одухотворенное состояние русского народа, его благочестие и страдания служат залогом успеха проповеди унии на просторах России»³³⁰. Став папой, Пий XI с его опытом служения в Польше явился компетентным и энергичным организатором католического наступления на Востоке.

Лучшим средством окатоличивания России тогда казалась уния. Ксендз Табиньский писал впоследствии в статье «В защиту дела унии», что главной причиной захвата коммунистами власти в России явилось то, что православие давно уже утратило свое влияние на народ и что «единственным реальным средством в настоящем тяжелом духовно-культурном положении восточных земель является только уния настоящая, то есть католичество восточного обряда. Только она одна, хорошо поставленная и поддержанная, в состоянии спасти православный народ от религиозного безразличия и грозных последствий. Только уния может оживить в этих людях религиозный дух»³³¹.

Естественным очагом для распространения унии вначале на востоке Польши, а потом и за ее границами представлялась греко-католическая Церковь в Галиции, возглавлявшаяся Львовским митрополитом графом Андреем Шептицким. В Галиции насчитывалось более 2,5 млн. униатов, часть которых традиционно считали себя русинами, другие же называли себя украинцами. Вернувшись во Львов, митрополит Андрей Шептицкий пытался распространить свою юрисдикцию на Волынь, где появилось несколько униатских приходов. Он назначил своего спутника во время интернирования в России И. Бочана викарным епископом в Луцк, но польские власти увидели тут угрозу украинизации Волыни, которую они тогда надеялись еще полонизировать, и выдворили Бочана из Луцка. Волынь, Полоцк, Холмщина оказались недостижимыми для Львовской униатской митрополии. Это не значит, конечно, что правительство было против распространения унии среди православных, живших на тех землях.

Прелат латинского обряда, бывший архиепископ Могилевский Рооп более оптимальным считал иной путь: «На одной и той же территории не следует устанавливать двух параллельных церковных властей, а необходим один епископ для двух обрядов,— и добавлял к этому: — Целибат необходимо распространять среди русского духовенства... это содействовало бы оживлению славянского обряда, давно застывшего... Так бы само собой народ обращался в

католичество, а обряд был бы делом второстепенным»³³².

В 1923 г. в Подляшье местный католический епископ латинского обряда Генрих Пжеждзецкий испросил у Римской курии дозволение вести униатскую пропаганду среди православных на территории своей епархии и включать вновь образуемые католические приходы восточного обряда в свою юрисдикцию. Аналогичные полномочия в 1925 г. получили католические епископы Вольни, Луцка и Полесья. Новообразованные общины назывались иначе, чем униатские приходы Галиции, это были парафии католического Костела (приходы католической Церкви восточнославянского обряда). Никаких попыток украинизации в этих парафиях не допускалось. Богослужение совершалось в них на церковнославянском языке, но с некоторыми отличиями от принятого в Галиции устава. Костел и польские власти надеялись, что эти приходы будут быстро полонизироваться. В восточные воеводства Польши с миссионерскими целями направлялись монахи-редемптористы и иезуиты. Униатских миссионеров готовили в Восточном институте в Люблине и в духовной семинарии в Дубне на Вольни. Студентами этих школ становились униаты-галичане, перешедшие в унию выходцы из православной среды, а также католики латинского обряда. Главным центром униатской пропаганды в Речи Посполитой стал униатский монастырь, основанный специально с миссионерской целью в Альбертине, в имении графа Пусловского около Слонима, в 1924 г. Организаторами и руководителями этого центра были иезуиты, вначале француз Филипп де Ронни, а после его отъезда ксендз белорусского происхождения А. Неманцевич.

Трудности, с которыми столкнулась униатская миссия на Вольни, побуждали Рим к более широкой опоре на украинский язык, и даже на украинофильские настроения. В 1931 г. Рим вопреки желанию польского правительства назначил в Дубну апостолическим визитатором униатских общин восточного обряда на Вольни епископа украинского происхождения Чарнецкого, правда не уроженца Галиции. Чарнецкий основал в Дубне семинарию, в которой процветало украинофильство, и благодаря энергичной поддержке из Рима миссия продолжала действовать в восточных воеводствах Польши и за пределами Белоруссии, но с начала 30-х гг. она вызывала все больше недовольства со стороны польских властей и влиятельных политиков, которым сочувствовала основная часть католического духовенства. Согласно польским статистическим данным на 1931 г., за пределами 4 галицких воеводств в Польше проживало 27 000 униатов; через год, как явствует из материалов Пинской униатской конференции 1932 г., число униатов всей Галиции сократилось до 24 000. В это время униатский клир насчитывал 46 священников и 4 диакона. Данные по регионам примерно такие: на Вольни в 1931 г. было 11 000 униатов, в Люблинском воеводстве — 3000. В 1935 г. в Виленском воеводстве было 4 униатских прихода, 7 священников и около 3000 прихожан; в Подляшье — 9 священников и около 3200 прихожан; в Альбертине — 50 миссионеров и около 300 прихожан из окрестных деревень, какую-то часть униатов составляли, несомненно, просто переселенцы из Галиции. Таким образом, попытка распространения унии, предпринятая впервые после Бреста с таким размахом, с такими грандиозными целями, на этот раз решительно провалилась. Православный народ Западной Руси сохранил преданность вере отцов — святому православию.

* * *

Разочаровавшись в униатской миссии и отвернувшись от нее, польские националисты, определявшие восточную политику правительства, предпочли иные пути: привлечение православных в католичество латинского обряда либо полонизацию православных общин. 31 июля 1924 г. в Польше был принят закон, допускавший употребление в школьном преподавании восточных воеводств двух языков — польского и русского. Преподавание православным детям закона Божия в 20-х гг., за исключением отдельных школ на Вольни, где употреблялся украинский язык, велось на русском языке. Поскольку, однако, в преподавании других

предметов в школах все большее распространение получал польский, знание русского языка среди детей белорусов и украинцев падало. И вот 11 мая 1927 г. министр издал рескрипт, в котором предписывалось преподавать закон Божий на родном языке. На основании этого рескрипта власти стали настаивать на перемене языка обучения в некоторых местностях; в Гродно по требованию школьного инспектора закон Божий стал преподаваться православным детям на польском языке. По инициативе члена Верховного совета «Русского народного объединения» (РНО) в Польше А. В. Наумюка 600 человек выразили на родительском собрании протест против акта языкового насилия, но протест этот последствий не возымел — им пренебрегли.

В 1936 г. митрополия согласилась на требование Министерства религиозных исповеданий в дни государственных праздников совершать богослужения по-польски. Митрополит Дионисий сам совершил молебен в митрополичьем соборе 11 ноября на польском языке. По приходам разосланы были переводы панихиды и молебна на польский, но они оказались из рук вон плохи; ряд литургических выражений переведен был с грубыми богословски-значимыми нарушениями смысла. Например, «диавола упразднил» переведено как «zniszczył szatana», т. е. «сатану уничтожил»; «в землю мя обратил», т. е. «обратил в прах», переведено как «na ziemię mię wrucił» — «на землю меня вернул». О переводе творений Кирилла и Мефодия на польский язык редактор польской газеты «Слово» католик Мацкевич писал в статье «Kujcie elejson», что это «с точки зрения культурной и духовной есть чудовищный, отвратительный вандализм» [333](#). В другой статье тот же автор удивлялся: «Слышал я, что польский солдат должен молиться на польском языке. Иосиф Пилсудский был тоже польским солдатом, но молился по-латыни. Православный крестьянин почему-то должен молиться по-польски, тогда как католики-униаты молятся на церковнославянском языке. Господа бюрократы вообразили, что это лучший способ поднятия в православном крестьянине польского патриотизма!» [334](#)

Особенно энергично польский язык внедрялся в пасторское окормление православных солдат польской армии. В мае 1935 г. митрополит Дионисий разрешил военному духовенству в тех случаях, когда того желает паства, проповедовать по-польски. Разрешение скоро превратилось в предписание, а за польских солдат эту проблему решали их командиры католического вероисповедания. Православное военное духовенство варшавского и люблинского гарнизонов стало вводить польский язык и в богослужение. Люблинский воевода поддержал этот почин и через поветовых старост потребовал того же и от православного духовенства воеводства. По указу митрополита Варшавского с 1935 г. в православных храмах введено было пение в дни государственных праздников национального гимна Польши, естественно, по-польски, в 1938 г. в белорусских церквях проповедь на русском языке оказалась под запретом. Белорусские священники часто не знали польского языка и вовсе прекратили проповедовать. Младшее поколение духовенства уже в достаточной мере было воспитано в польском духе, но православный народ национальности своей не поменял, по-польски понимал плохо, тем самым вообще подрывалось влияние Церкви на народ.

Лишь незначительная часть православных в Польше, живших главным образом на территориях со смешанным польско-русским населением, поддерживала полонизацию Церкви. В 1935 г. в Белостоке было образовано «Коло православных поляков имени маршала Пилсудского», во главе движения стал Савицкий. Разумеется, это коло пользовалось поддержкой правительства. По официальным статистическим данным, в Польше насчитывалось 588 068 поляков православного вероисповедания. По большей части это были люди смешанного либо чисто русского происхождения, предки которых, однако, в нескольких поколениях были католиками и людьми польской культуры, потом вернулись в лоно православия. Были среди так называемых православных поляков и русские, без всякого католического наследия, но

полонизированные за годы существования возрожденной Польши. Употребление русского языка или местного, т. е. белорусского, наречия, по официальной терминологии, принятой в Польше, в проповеди и церковнославянского за богослужением власти квалифицировали ни много ни мало как злокозненные усилия, направленные на денационализацию православных поляков. С «Колом православных поляков» тесно сотрудничал основанный в Гродно Научно-издательский православный институт, который в своих публикациях пользовался польским языком.

Усилия полонизаторов встречали отпор со стороны более сознательной и энергичной части православного духовенства, но иерархия считала себя вынужденной отвечать на протесты прещениями. Так, Гродненский благочинный Захайдаковский, выступивший против полонизации православной Церкви, переведен был в глухой сельский приход на Волынь. В прощальной проповеди перед отъездом он сравнил Гродненского епископа Савву с Иудой Искариотом. 2 февраля 1937 г. в газете «Новая искра» напечатано было обращение «В Священный Синод православной Церкви в Польше»: «Мы, нижеподписавшиеся жители деревень Коптевка, Полоткова, Горница, Кориневичи, Колпаки, Соломянка, Гривка, настоящим обращаемся в Синод с протестом против посягательств на церковнославянский язык в нашей святой православной Церкви и замены его языком польским». Под этим обращением стоят 842 подписи³³⁵. Народ свое возмущение выражал порой в крайне острых формах: так, в 1938 г. в Гродно разгневанные жители сорвали с епископа Саввы архиерейское облачение. Самое серьезное противодействие полонизации оказывали русские политические круги в Польше, в основном «Русское народное объединение». 6—7 декабря 1936 г. съезд «Русского народного объединения» настаивал, в частности, на сохранении церковнославянского языка в богослужении и русского в проповедях, при обучении закону Божию и в церковном делопроизводстве. Между 1938—1939 гг. в официальном делопроизводстве православная Церковь в Польше перешла на польский язык.

Языковая сумятица вносилась в жизнь Польской Православной Церкви и отдельными попытками ее украинизации. Правда, происходило это не столько под давлением сверху, сколько усилиями политизированных церковных деятелей Волыни, пользовавшихся отчасти поддержкой униатов Галиции. В 20-х гг. украинизация православной Церкви на Волыни встречала благожелательное понимание со стороны маршала Пилсудского. Но на Холмщине попытки украинизации жестоко пресекались властями. Таким образом, по обе стороны советско-польской границы развивались именно те процессы, которые были спланированы в генеральном штабе Австро-Венгерской империи еще до первой мировой войны. В самом начале 20-х гг., когда Волынскую епархию возглавлял будущий митрополит Дионисий, польскими властями была легализована политическая организация «Украинское Волинское объединение», но попытки образовать украинскую партию на Холмщине были тогда же пресечены. В своей программе «Украинское объединение», в частности, потребовало, чтобы богослужение для украинского народа совершалось на понятном ему языке (имелся в виду не церковнославянский язык, в действительности понятный украинцам не менее, чем великороссам). В Луцке начал выходить еженедельник «Українська нива», в котором печатались статьи, враждебные России и русскому народу. Поначалу, правда, дело не дошло до богослужения на украинском языке, чего не было и в униатских приходах, но, идя навстречу украинофилам, Священный Синод 14 декабря 1922 г. постановил совершать богослужение в православных епархиях с украинским, белорусским или польским населением на церковнославянском языке с произношением, характерным для соответствующей местности, с так называемой «вымовой»; разрешалась также, если прихожане этого желают, проповедь на местном языке.

Настоятель митрополичьего собора протопресвитер Терентий Теодорович в 1926 г. писал в газете «За свободу»: «Большое и губительное для внутреннего строительства Церкви зло, когда

ее интересы сплетаются воедино с интересами мирской политики... Так случилось в последние (августовские) дни, когда польские газеты, в связи с воззванием прихожан Владимировольнского собора поставив на очередь вопрос, давно назревший, о правах меньшинств и справедливых их требованиях касательно гражданских прав, школы и прочего, в ряд ставят требование о введении народного языка в богослужении и в связи с этим борьбу с так называемой русификацией в Церкви... Не религиозный подъем, не церковные настоятельные нужды лежат в основе украинизации Церкви, а чисто мирской национальный интерес... Украинизация богослужения грозит разделением в Церкви, большими распрями, что подтверждается не только церковным бесчинием в Америке, но и у нас»³³⁶.

Натиск украинизаторов особенно усилился после хиротонии на викарную Луцкую кафедру архимандрита Поликарпа (Сикорского), в прошлом начальника канцелярии у Семена Петлюры, рьяного украинского националиста. В бытность настоятелем Жировицкой обители, он при каждении храма демонстративно обходил Казанскую икону Божией Матери, громко изрекая при этом: «Цэ нэ можно, цэ кацапска». В июне 1934 г. епископ Поликарп впервые отслужил литургию на украинском языке в Ровенском соборе, при этом грубо обошелся с отказавшим сослужить ему «на мови» настоятелем собора протоиереем Димитрием Сайковичем. Возмущенные прихожане побили архиерея, при виде бесчинств в храме второй священник отец Частковский упал замертво от сердечного приступа. Отца Сайковича сместили, а на его место поставили священника Яковлева, украинца по происхождению и рьяного поборника всего национального, сумевшего угодить епископу Поликарпу в ревностной украинизации Ровенщины.

28 августа (10 сентября), в день памяти обретения мощей преподобного Иова Почаевского, в лавру съехалось множество богомольцев. Предводители так называемого «Беспартийного блока сотрудничества с правительством» — Буря и Скрыпник (недавно скончавшийся «патриарх» Мстислав) устроили в обители грандиозную демонстрацию. Во время крестного хода, возглавлявшегося митрополитом Дионисием, в сослужении всех православных епископов Польши и сонма духовенства, над молящимися взвилось несколько десятков «жовто-блакитных» флагов, демонстранты развернули плакат с требованием создания Украинской Церкви, раздавались угрозы в адрес москалей. Один из бандитов замахнулся палкой на митрополита Дионисия, которую в последний момент поймал казначей лавры. Когда на колокольню водружен был «жовто-блакитный» флаг, архиепископ Алексей (Громадский), окинув взглядом происходящее, воскликнул: «Як гарно!» С горькими чувствами наблюдали молящиеся, как группа из 100 человек во главе со Скрыпником и Бурей, устроив погром и разорение, вышла из лавры на базарную площадь Почаева и митинговала еще и там «за Українську Церкву».

После Почаевского скандала митрополит Дионисий уступил натиску украинизаторов и в 1934 г. перевел архиепископа Алексея (Громадского) из Гродно на Волынь в Кременец ³³⁷. До революции владыка Алексей в протоиерейском сане был ректором Холмской семинарии и зарекомендовал себя русским патриотом. Состоял в «Союзе архангела Михаила», написал книгу по церковной истории Холмщины, которую справедливо называли «сплошным гимном русскому политическому и национальному самодержавию». Но в Польше архиепископа Алексея словно подменили, он стал одним из ревностных украинизаторов Церкви. Архиепископ Алексей издавал на украинском языке епархиальную газету, проповедовал в храме, что заметно смущало прихожан, которые хотя и были местного происхождения, но сознавали себя частью единого русского народа; в 20—30-х гг. на Волыни слово «украинец» воспринималось скорее не как этноним, а как обозначение политической ориентации, почти как синоним «самостийника». Если при объездах епархии настоятели приходов приветствовали владыку Алексея по-русски,

то незамедлительно переводились в другие, удаленные приходы. Переводились или вовсе отчислялись за штат и те священники, которые продолжали проповедовать на русском языке или не использовали украинского языка в преподавании закона Божия. В 1937 г. в Волынской епархии было официально разрешено совершать богослужение на украинском языке.

Украинизация на Волыни внесла политическую окраску в церковную жизнь и сознание части духовенства, попечение о духовном окормлении паствы, о спасении человеческих душ было ослаблено политическими страстями. Вслед за духовенством и местной интеллигенцией политизировался и простой народ, раздираемый агитацией враждующих партий в разные стороны. С болью и горечью писал о религиозном упадке и опасном духовном помрачении народа известный церковный публицист А. Попов: «В селах Волыни церковная жизнь резко изменилась, весь ее строй допустимо назвать анархией: в каждой семье существует два-три различных убеждения по церковному вопросу, родители потеряли влияние на своих детей — оно перешло к Скрыпникам, «украинским» священникам и коммунистам. Семья и мирное трудовое сельское общество превратились в политические партии; церковный погост — в место для митингов, рукопашных схваток и издевательств над религией вообще. Во время богослужений у самой церкви раздавались звуки «Интернационала», советские похабные частушки, стрельба, музыка, свист. Храмы наполовину опустели. Власти открывают одну за другой коммунистические ячейки и целые организации. Сельская молодежь Волыни потянулась в городские тюрьмы и суды. Преступления, пожары, демонстрации безбожников, сектантские выступления множатся с каждым днем»³³⁸.

Польские власти в 20 — начале 30-х гг. поощряли украинизацию православной Церкви, видя в этом одно из средств отрыва ее от Москвы. Но впоследствии, особенно после убийства в 1934 г. националистами министра Перацкого, украинское националистическое движение, к которому принадлежали и украинизаторы Церкви, стало вызывать серьезную озабоченность властей. В 1938 г. покровитель церковных украинизаторов волынский воевода Н. Юзевский был переведен на запад Польши. Полонизация, которая давно уже навязывалась православным приходам Подляшья, Полесья, Гродненщины, теперь, по расчетам польского правительства, должна была бескомпромиссно проводиться и на Волыни; но оставались уже считанные дни для проведения какой бы то ни было польской политики на востоке. Близился крах государства.

* * *

Среди испытаний, выпавших на долю православной Церкви в Польше, помимо униатской экспансии, полонизации и украинизации была еще и прямая агрессия: конфискация движимого и недвижимого имущества, захват православных храмов, их разрушение, арест священнослужителей и мирян, не говоря уже о публичных, в том числе и печатных, оскорблениях православной веры.

Захваты православных храмов католиками на территории Польши начались еще в 1919 г. На юридическом языке разорение Церкви называлось ревиндикацией. Костел затребовал передать ему то имущество православной Церкви, которое ранее, до воссоединения униатов Белоруссии на Полоцком Соборе в 1839 г. и Холмщины в 1875 г., принадлежало греко-католической Церкви,— всего 718 храмов; при этом грубо игнорировалось то обстоятельство, что ранее, до введения унии, это имущество, земли, храмы были православными, некоторые хоть и строились униатами, но на месте стоявших здесь прежде православных церквей. Иск, врученный Костелом, включал треть всего имущества православных общин. Варшавский суд в 1933 г. постановил 70 церквей передать Костелу, а судьбу других 708 отдавал на усмотрение местной администрации. И теперь храмы, как и до суда, отнимали у православных в административном порядке. Так, в трех белорусских епархиях: Виленской, Гродненской и Полесской — из бывших здесь до 1914 г. примерно тысячи приходов сохранилось за время

польского господства около половины. Как пишет историк Белоруссии и Белорусской Церкви епископ Афанасий (Мартос), «польские власти закрыли все церкви в учебных заведениях, госпиталях и тюрьмах, отняли у православных более 100 приходских церквей, некоторые отдали католикам, а часть оставили вообще закрытыми. Более десятка церквей вообще разрушили. Из 13 мужских и женских монастырей довоенного времени осталось здесь 5. Остальные 8 монастырей (6 мужских и 2 женских) передали католикам или использовали на государственные нужды»³³⁹. В разное время с 1919 по 1936 г. католическим Костелом захвачено было 15 приходских церквей в Волынской епархии, 42 — в Гродненской, 10 — в Виленской, 6 — в Полесской, 155 — в Варшавско-Холмской. Закрыты и запечатаны были 23 храма в Гродненской, 89 — в Варшавско-Холмской и по 7 церквей в Волынской, Виленской и Полесской епархиях. Униатам переданы были Турковицкий, Супрасльский, Вировский, Радачинский, Лесненский, Красностоцкий и Виленский женский монастыри.

В волынском селе Жабча местный католический священник захотел отнять храм у православных, не имея на то никаких оснований. Но он опирался на вооруженную помощь так называемых осадников — польских военных колонистов, размещенных на землях, конфискованных у православных. Осадникам давали по 10 десятин земли на мужскую душу, осады размещены были в восточных воеводствах Польши для полонизации этих земель. Ксендз вместе с осадниками не один раз являлись в Жабчу для захвата храма. Православные для защиты церкви заперлись в ней вместе с настоятелем и оставались там в течение двух недель днем и ночью. Стояли трескучие январские морозы. В воскресенье во время литургии, когда храм был открыт для народа, ксендз вместе с осадниками и полицейскими ворвался в алтарь, священника вывели силою из храма, сорвав с него облачение. Молящихся прогнали из церкви прикладами. Потом уже вне храма произошло столкновение между православными христианами, защищавшими своего настоятеля, и полицейскими, несколько человек было ранено. Храм закрыли и опечатали. Через несколько недель его вернули православной общине, но нескольких православных участников столкновения предали суду и приговорили к тюремному заключению. Эта трагическая история — лишь одна из многих случившихся тогда повсюду на востоке Польши.

Особенно тяжелые удары по православной Церкви нанесены были в землях со смешанным православно-католическим населением: в Подляшье и на Холмщине. В 1914 г. на Холмщине было 393 православных храма, а в 1938 г. осталось лишь 229. В самом древнем православном городе Холме, поляками переименованном в Хелм, из 14 православных храмов довоенных лет к 1937 г. богослужение совершалось лишь в двух. Две церкви взорвали динамитом, несколько храмов разобрали на кирпичи, в одном устроили кинотеатр, в другом — сельскохозяйственную выставку, в третьем — разместили пожарную команду и, наконец, еще одну церковь приспособили под жилые помещения. Практику большевиков по борьбе с православной Церковью здесь, на Холмщине, копировали до мелочей.

Советский опыт использовался польскими властями и в осквернении православных святынь. Вокруг храма в центре Белостока местными властями устроен был грохочущий, визжащий аттракцион, а к самой церкви прикрепили вывеску: «Луна-парк». С первых лет существования восстановленного Польского государства в русских гарнизонных церквях устраивались военные склады, где хранили фураж, дрова, уголь, а в некоторых размещали конюшни или даже устраивали отхожие места. Осквернениям подвергались и православные кладбища: во Львове разорено было русское военное кладбище, которое называли «Холмом славы» и где покоились останки около 3600 российских офицеров и солдат, павших в боях с австро-венгерской армией. За два межвоенных десятилетия в Польше взорваны были сотни храмов³⁴⁰. Эта горькая участь не миновала и великолепный православный собор в центре

Варшавы, один из лучших памятников неовизантийского зодчества 2-й половины XIX в. Храм взорвали в 1922 г., при этом погибли великолепные мозаики. Утрата эта соразмерима разве что с гибелью храма Христа Спасителя в Москве. Печатные оскорбления православия и православных раздавались и со страниц других польских газет. С крайней деликатностью реагируя на один из таких выпадов газеты «Дзеник Виленски», архиепископ Пантелеимон (Рожновский), пребывавший на покое в Жировицком монастыре, писал в «Русском слове»: «Во всей статье православные ни разу не названы своими именами, но постоянно называются схизматиками, и даже говорится, что святая обитель (Жировицкий монастырь.— В. Ц.) теперь «в руках наследников грабителей-схизматиков»³⁴¹.

Несмотря на конституционное равноправие, православие в Польше, в особенности православное духовенство, не пользовалось такой же защитой со стороны законов и властей, как католическое большинство. Многие из священнослужителей не получили польского гражданства и оказались в своих приходах иностранцами, над ними постоянно висел дамоклов меч изгнания из страны. Православных клириков и мирян подвергали незаконным задержаниям, порой тюремному заключению и иным репрессиям. В 1923 г. в Яблочинском монастыре преподобного Онуфрия полиция напала на крестный ход, избила его участников, арестовала собравшихся в обители священников.

Огромные масштабы приобрела в Польше конфискация земель, принадлежавших православным приходам. С 1924 по 1936 г. в Волынской епархии православные общины утратили 17 000 десятин земли, в Гродненской — 8567, в Виленской — 6906, в Полесской — 1946, в Варшавско-Холмской около 40 000 десятин; всего же православная Церковь в Польше лишилась за это время 73 419 десятин земли. В результате столь грандиозного ограбления приходы стали нищими; на содержание причта осталось в приходе по 4—7 десятин пахотной земли.

Новый этап разрушения православной Церкви начался в 1938 г. после заключения польским правительством с Ватиканом договора, основанного на ранее подписанном конкордате. Этот договор касался судьбы православных храмов и все еще принадлежавших православной Церкви земельных владений, на которые претендовал Костел. В одном только 1939 г. на Холмщине в результате исполнения правительством этого договора православная Церковь утратила 176 церквей, так что к концу существования Польского государства там осталось лишь 53 православных прихода. За несколько месяцев разрушили 130 церквей, 10 молитвенных домов и два монастыря. В Люблинском воеводстве три храма было сожжено злоумышленниками, но полиция не обнаружила поджигателей. В Турковицком монастыре, где хранилась древняя чудотворная Турковицкая икона Божией Матери, по приказанию грубешовского уездного старосты разрушена была часовня. В июле 1938 г. по распоряжению старосты Томашовского уезда уничтожили деревянный храм в Лящеве. При этом полиция арестовала многих прихожан храма, в основном стариков и детей, которые, когда ломали церковь, находились подле нее и оплакивали свою святыню. Негодяи, которым власти заплатили за разрушение лящевской церкви, разрыли могилу священника, погребенного в ограде храма, тщетно надеясь найти золотой крест; полиция им в этом препятствий не чинила. Размах безудержного вандализма, обрушившегося на православную Церковь в Польше, в самый канун гибели государства, вызвал недоумение и осуждение даже в католической и униатской среде.

Глава униатов Галиции митрополит Андрей Шептицкий, который отнюдь не принадлежал к числу друзей православной Церкви, счел своим долгом в 1938 г. в особом архипастырском послании заявить: «Поразительные события, которые происходят в последние месяцы на Холмщине, побуждают меня публично выступить в защиту наших братьев, не воссоединенных греко-кафолических христиан Волыни, Холмщины. Подляшья и Полесья, и призвать вас к

молитве за них и к подвигу покаяния, чтобы испросить у Неба милость Божию... Все церковно-воссоединенные христиане болезненно переживают удар, которым поражено дело унии. Собратья на Холмщине убивают в душах наших православных не-воссоединенных братьев самую мысль о возможности церковного воссоединения, и католическая Церковь предстает перед ними как враждебная сила, опасная для православного народа. В глазах нескольких миллионов населения Польши апостолический престол стал совиновником происходящих разрушений. Между католической и православной Церквами выросла новая пропасть. Кто же дерзает на столь неслыханные дела, противоречащие интересам государства и порывающие с традицией маршала Юзефа Пилсудского?.. К сожалению, мы должны и в этом моральном ударе по идее церковной унии, по авторитету Вселенской Церкви и католического престола видеть триумф врагов Церкви — вольных каменщиков»³⁴².

Православный народ не оставался безучастным к горькой участи своей Церкви. Особенно громко свой голос в защиту Матери Церкви возвышали русские общественные и политические деятели. Известный поборник православия и российский патриот В. В. Богданович выступил в Сенате с большой речью о несправедливости православной Церкви, о конфискации церковного имущества, о разрушении храмов, о кощунственных оскорблениях православной веры и насилии над православными в Польском государстве. Положение православной Церкви противоречит Конституции страны, утверждал сенатор и в подтверждение привел следующие данные: к 1929 г. у православной Церкви в СССР было отнято 27% всех храмов, в Польше — 45%. В заключение сенатор В. В. Богданович потребовал неукоснительного соблюдения Конституции государства и приведения правового статуса православной Церкви в соответствие с ней. В еженедельнике Варшавской митрополии «Воскресное чтение» регулярно печаталась информация о разрушении православных храмов, о незаконной конфискации церковной и передаче их Костелу, об оскорблениях и дискриминации православных священнослужителей и мирян.

Положение православной иерархии в Польше, вышедшей под давлением правительства из канонического послушания Московской Патриархии, затрудняло ее действия, направленные на защиту Церкви и противостояние разрушительной политике правительства. Тем не менее Священный Синод в окружном послании от 16 июля 1938 г. заявил: «Все знают, что произошло в последние дни на Холмщине и в Подляшье, где издревле сияла святая православная вера и где наши предки с давних пор славились своей верностью православию. И ныне в этих скорбью объятых землях живет более 250 000 православных, чьей верой и верностью, дорогой их сердцам православной Церкви, восхищался весь мир. У этих людей разрушили более 100 церквей. Уже одно то обстоятельство, что для достижения некоей пресловутой цели понадобились такие меры, как уничтожение храмов Божиих и кощунственное поношение святынь, легко говорит о крепости и непоколебимости православного духа населения Холмщины и Подляшья... В знак нашего сострадания и молитвы мы устанавливаем 19, 20 и 21 июля трехдневный молитвенный пост, как научили нас тому богобоязненные ветхозаветные иудеи и первые христиане»³⁴³. 2 июня 1938 г., в разгар погрома православной Холмщины, митрополит Дионисий обратился с телеграммой к маршалу Ридц-Смиглому: «Во имя справедливости и христианского милосердия я умоляю Вас остановить разрушение храмов Божиих». Но вопль митрополита остался без последствий.

Страдания православных в Польше привлекли к себе внимание людей во всем мире. Особенно потрясена была русская эмиграция. 8 марта 1936 г. в Нью-Йорке состоялось Общее русское собрание, посвященное 75-летию отмены крепостного права в России, с участием представителей 14 русских национальных организаций. В итоге обсуждения положения православной Церкви в Польском государстве собравшиеся вынесли резолюцию, осуждающую

гонения на православие. Эти гонения русская эмигрантская общественность назвала «пережитками средневекового варварства». Обращаясь к польскому правительству, собравшиеся предупреждали, что «такая антиславянская и антибратская политика чинов польской администрации в черную для России минуту приведет в будущем к новой борьбе и ожесточению сердец польского и русского народов, что являлось тягостной ошибкой в прошлом и чего, конечно, всячески следует избегать в будущем». Резолюцию протеста подписали православные иерархи в Америке архиепископы Виталий, [Адам](#) и епископ Макарий. Текст резолюции был разослан в 19 стран, Сербскому Патриарху Варнаве, русским православным епископам, крупным русским общественным организациям, в редакции русских и иностранных газет, Римскому папе, в Лигу Наций, президенту Польской республики, митрополиту Дионисию и др.

Митрополита Дионисия эта резолюция протеста повергла в тревогу. Он счел необходимым во всех изданиях православной Церкви в Польше напечатать свое обращение к польскому правительству, в котором, в частности, говорилось: «Имею честь препроводить копию письма председателя Всероссийского народного крестьянского союза в Америке от 25 марта с. г. вместе с копией присланной мне резолюции «О преследовании Русской Православной Церкви в Польше». Одновременно выражаю свое самое глубокое возмущение ввиду провокационной акции, подчеркивая, что вопрос резолюции внесу на чрезвычайную сессию Синода, каковая будет созвана в ближайшее время. Таким образом желаю публично выразить горячую привязанность Автокефальной Православной Церкви в Польше к государству и опровергнуть гнусные инсинуации»³⁴⁴. Чрезвычайная сессия Священного Синода была созвана 20 июня. В своем определении Синод аттестовал упоминание о многочисленных случаях преследований православных в резолюции американского собрания русской общественности как «гнусные инсинуации». Зачинщиком кампании протеста, развернутой русской эмиграцией в Америке, был назван архиепископ Виталий, «противник нашей автокефалии и ненавистник Польши», что «легко свидетельствует о провокационном характере резолюции». «Польша — суверенное государство, которое имеет право вникать во все стороны бытия и жизни своих граждан и устраивать эту жизнь сообразно с порядками и интересами общего целого»³⁴⁵, — отмечалось в определении Синода. Актом предательства назвали этот прискорбный документ ревнители православия и русские патриоты. Он явился ярким примером несвободы Церкви в конституционно-демократическом государстве и подтверждал правоту тех, кто возвышал свой голос в защиту обездоленного и гонимого русского православного меньшинства в Польше, участь которого была немногим лучше той, что выпала на долю их братьев по вере и крови в стране, поработанной Коминтерном.

Русская православная общественность в Польше, видя бессилие епископата, его неспособность защитить Церковь, пришла к выводу, что для правильного устройства церковной жизни и преодоления разногласий, для того, чтобы добиться от правительства реальных гарантий церковной свободы и невмешательства властей во внутренние дела, необходимо созвать Собор с участием не только епископов, но также представителей клириков и мирян, подобный Всероссийскому Поместному Собору 1917—1918 гг. 6—7 декабря 1936 г. в Варшаве состоялся съезд «Русского народного объединения», который принял развернутую резолюцию по церковному вопросу, критиковавшую действия епископата во главе с митрополитом Дионисием. «По церковному вопросу, — говорится в этой резолюции, — съезд констатировал, что православная иерархия, нарушив принципы соборного устройства Церкви и не дожидаясь созыва на канонических основаниях Поместного церковного Собора, произвела и производит ряд крупных нововведений вопреки церковному сознанию верующего народа. Ничем не вызываемое введение нового стиля могло быть осуществлено лишь в некоторых местах, в том числе и в Варшаве, и решительно было отвергнуто подавляющим большинством православного

народа. Создалось ненормальное положение, при котором великие праздники — Рождество Христово и др. празднуются в Варшаве в то время, когда все остальные приходы в митрополии продолжают Рождественский пост. Все это только вносит смуту, великий соблазн и недовольство»³⁴⁶.

Однако Священный Синод Православной Церкви в Польше по-прежнему видел возможность устройства церковных дел только через переговоры с правительством. В течение более чем полутора десятилетий правовой статус православной Церкви, а также в значительной мере и ее внутреннее устройство регламентировалось «Временными правилами». Ненормальность такого положения была очевидной. В результате переговоров польских властей с Синодом православной Церкви выработан был текст «Внешнего устава Польской Автокефальной Православной Церкви», который 18 ноября 1938 г. подписал президент, премьер-министр и министр исповеданий Польской республики. Через несколько дней после издания этого акта был опубликован «Внутренний устав» Польской Православной Церкви. В этих двух документах ненормальное, бесправное положение православной Церкви получало юридически более солидное, чем раньше, обоснование. Согласно «Внешнему уставу», для созыва церковного Собора требовалась санкция министра вероисповеданий. С властями должны были согласовываться поставления епископов на кафедры. Епархиальный архиерей, прежде чем назначить священника или диакона на приход, должен был получить от местного воеводы справку об отсутствии возражений против предлагаемой кандидатуры. Преподавание закона Божия православным детям переводилось в ведение министерства образования. За православными архиереями оставалось только право проконтролировать, чтобы назначенные школьными властями законоучители принадлежали к православному вероисповеданию. Подобных стеснений не знал в Польше Римско-католический Костел, статус которого регламентировался актом международного права — конкордатом Польского правительства с Ватиканом. При издании новых уставов произошло переименование Православной Церкви в Польше в Польскую Автокефальную Церковь. По существу это был акт юридического закрепления ее полонизации. Церковь православного народа Западной Руси, только незначительная часть которого пользовалась государственным языком как своим родным, а основная масса его по существу не владела им, становилась по своему официальному названию Польскою Церковью.

* * *

Менее чем через год после издания навязанного православной Церкви внешнего и внутреннего уставов действие их прекратилось вследствие исчезновения самой Польской республики. 1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. В считанные дни сопротивление польской армии было сломлено, и немцы оккупировали западные воеводства. 17 сентября в восточные воеводства Польской республики, в пределы исторической Западной Руси, вошла Красная Армия. Западная Белоруссия, Волынь и Галиция были включены в состав Советского Союза, а исконно польские земли, а также территории Подляшья, Холмщины и Западной Галиции со смешанным польско-русским населением вошли в генерал-губернаторство III Рейха. Поляками католического вероисповедания гибель их государства с самого начала переживалась как великая национальная трагедия, это было трагедией и для православных подданных, но для них Польша оказалась злой мачехой, поэтому многие на Волыни, в Полесье, на истерзанной Холмщине тешили себя иллюзиями на лучшее и рассуждали так: хуже, чем под поляками, не будет, потому что хуже некуда. В этом они ошибались.

После гибели Польского государства на территории генерал-губернаторства оказалась одна епархия Польской Православной Церкви — Варшавско-Холмская, состоявшая из 98 приходов с 300 000 верующих, большая часть которых проживала на Холмщине. Учитывая радикально

изменившуюся государственно-политическую ситуацию, митрополит Дионисий отказался от возглавления Церкви. 23 декабря 1939 г. он отправил письмо архиепископу Берлинскому Серафиму (Ляде), иерарху Зарубежного Синода Русской Православной Церкви, в котором писал: «Распад независимого Польского государства, существованием которого была обусловлена независимость и автокефалия православной Церкви в Польше, лишает Церковь возможности автокефального существования в дальнейшем. Новый государственный порядок, установленный на бывшей польской территории, которая ныне принадлежит к области германских имперских интересов, вызывает необходимость объединения бывшей Автокефальной Православной Церкви в Польше с церковными организациями, которые представляете Вы, Ваше Высокопреосвященство. Вследствие этого я прошу Ваше Высокопреосвященство в ближайшее время прибыть в Варшаву и взять на себя управление этой частью бывшей Автокефальной Церкви в Польше, которая вошла в область германских имперских интересов. В связи с вышеизложенными основаниями я сообщаю Вам, что со дня принятия Вами на себя церковного управления отказываюсь от дальнейшего окормления вышеназванной Церкви»³⁴⁷.

Вскоре после составления этого письма митрополит Дионисий оказался под домашним арестом на своей даче в Отвоке, а архиепископ Серафим с согласия Зарубежного Синода Русской Православной Церкви прибыл в Варшаву. 21 марта 1940 г. генерал-губернатор Франк издал статут о временном церковном управлении в Люблинском округе, первый параграф которого гласил, что православные священники округа находятся в ведении православного архиепископа Берлинского и всей Германии как местоблюстителя Автокефальной Православной Церкви в генерал-губернаторстве. Однако статут этот действовал недолго. Бежавший в Румынию епископ Гродненский Савва (Советов) обратился с жалобой к Вселенскому Патриарху Вениамину на самоуправство архиепископа Серафима, и Патриарх объявил действия архиепископа Серафима, подчинившего своей юрисдикции Автокефальную Церковь в Польше, неканоническими. Но это было еще не все. Церковная политика архиепископа Серафима вызвала спустя некоторое время неодобрение со стороны администрации генерал-губернаторства. В это время в Кракове образован был Украинский комитет, состоявший исключительно из униатов-галичан, проводивших линию митрополита Андрея Шептицкого. Под влиянием этого комитета в преддверии войны с Советским Союзом и оккупации Украины Франк взял курс на создание на территории генерал-губернаторства опорной базы по формированию православного епископата для Востока и преобразованию Православной Церкви в Украинскую. По рекомендации Украинского комитета подобраны были два кандидата на епископские кафедры из националистов-украинцев православного вероисповедания, но сочувствующих унии. Это были профессор Иван Огиенко и архимандрит Палладий Выдубида-Руденко. В прошлом Огиенко был министром исповеданий, а Выдубида-Руденко — заместителем министра финансов в правительстве Семена Петлюры. Архиепископ Серафим отказался хиротонисать этих лиц, а митрополит Дионисий готов был выполнить требование генерал-губернатора. Иоанна (Огиенко) рукоположили на Холмскую кафедру в октябре 1940 г., а Палладия (Выдубида-Руденко) — на Краковскую в феврале 1941 г. Архиепископа Серафима, по происхождению немца, активисты Украинского комитета обвинили в русофильстве и непонимании истинных интересов германского правительства на Востоке, и он вынужден был отказаться от окормления православных приходов генерал-губернаторства, передав бразды правления митрополиту Дионисию, возвратившемуся на Варшавскую кафедру 23 сентября 1940 г. В беседе с митрополитом Дионисием Франк внушил ему надежду на то, что в будущем он возглавит Русскую Православную Церковь.

В условиях германской оккупации православная Церковь в Польше изменила свой

национальный характер. Она стала восприниматься как Украинская национальная Церковь. Территория генерал-губернаторства была разделена на три епархии: Варшавскую, во главе которой остался митрополит Дионисий, Холмскую и Подляшскую во главе с Иоанном (Огиенко) и Краковскую и Лемковскую во главе с епископом Палладием. Большая часть православных, объединенных в 170 приходов, находилась в юрисдикции Холмского епископа. Немецкие власти в апреле 1940 г. вернули православным кафедральный собор Холма, который отнят был у них в 1920 г. и передан Костелу. В здании епархиальной резиденции устроена была типография, в которой издавалась духовная литература на украинском языке. В епархии находилось два православных монастыря: Яблочинский монастырь преподобного Онуфрия и Турковицкий женский монастырь. Краковская и Лемковская епархия насчитывала несколько десятков тысяч православных христиан, в основном лемков, вернувшихся из унии в 1910—1920 гг., в составе епархии было 35 приходов, кафедральный храм размещался в Кракове, православная община которого насчитывала около 400 человек, в основном это были эмигранты. Наконец, центральная Варшавская епархия была совсем малочисленной и имела 10 приходов. Три правящих архиерея во главе с митрополитом Дионисием образовали Синод, при котором в должности вице-председателя состоял известный украинский националист Степан Скрыпник, племянник и в свое время адъютант Семена Петлюры, посол польского сейма, один из лидеров его украинской фракции. Ко времени немецкой оккупации Польши он был директором кожевенной фабрики в Люблине. Скрыпник пользовался особым доверием администрации генерал-губернаторства и был проводником германских политических интересов в Синоде.

Большая часть православного населения разгромленной Польши, около 4 млн. человек, в сентябре 1939 г. оказалась на территории Советской Украины и Белоруссии. Это были епархии Гродненская, Полесская, Волынская, а также Виленская, правда, саму Вильну советское правительство передало тогда еще независимой Литве, и законный митрополит Литовский и Виленский, до 1939 г. имевший свою резиденцию в Каунасе, смог переехать в свой кафедральный город. Архиепископ Феодосий (Феодосиев), поставленный на Виленскую кафедру Варшавским Синодом, был устранен от управления епархией и оставался на покое в монастыре Святого Духа. На землях Западной Украины и Белоруссии в 1939 г. было 1200 приходов.

ГЛАВА VI. Русская Православная Церковь при Местоблюстителе патриаршего престола митрополите Сергии (1936—1943)

5 декабря 1936 г. на Восьмом Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов было объявлено о принятии новой Конституции СССР. В отличие от прежних в ней впервые провозглашалось равноправие всех граждан, в том числе и «служителей культа». В статье 124 новой Конституции записано, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»³⁴⁸. Но несмотря на декларации о свободе, Постоянная комиссия по культовым вопросам в 1937 г. рассмотрела 359 дел о закрытии культовых зданий разных вероисповеданий, в большинстве своем это были православные церкви. В 253 случаях решения подтверждали ранее вынесенные распоряжения местных властей. В местные органы власти и в Постоянную комиссию по культовым вопросам при Президиуме ЦИК во главе с П. А. Красиковым потоком шли ходатайства о возвращении верующим закрытых храмов. Для отклонения таких ходатайств существовало много предлогов: достаточно было доноса на кого-нибудь из членов двадцатки, не говоря уже об аресте, чтобы вся двадцатка была распущена, или ссылки на то, что на расстоянии менее километра от закрытой церкви находится школа, а если учесть, что в России не только церковноприходские, но и земские школы обыкновенно строились неподалеку от церкви, то этот предлог чаще других служил поводом для закрытия храмов. Не подлежали возвращению и храмы, состояние которых в инженерном отношении было небезупречным, а если учесть, что на протяжении двух десятилетий ремонт церквей практически не проводился, то и в этом случае отказать не составляло труда; абсолютно невозможным было возвращение храма, уже используемого в иных целях — под склад, клуб, фабрику, или тюрьму. И наконец, существовал еще один не лишенный мрачного остроумия предлог для отказа — несогласие местного отделения «Союза воинствующих безбожников» на возвращение храма общине.

1937 г. в прах развеял надежды легковерных обывателей на перемены, которые сулила им сталинская Конституция. Этот год стал апогеем революционного террора, залившего страну кровью. Жертвами репрессий стали миллионы людей разных мировоззрений и принадлежавшие ко всем слоям общества. Особенностью этой волны террора (1936—1939) явилось распространение теории «классовой борьбы» на партийную номенклатуру, включая ее самый высший эшелон вплоть до недавних «вождей прогрессивного человечества» — Каменева, Зиновьева, Бухарина.

Новый страшный удар обрушился и на православную Церковь. Репрессии против духовенства и мирян стали традицией советского общества, но в 1937 г. обнаружилась еще одна, особенная, причина для кровавой расправы — по итогам переписи населения выяснилось, что $\frac{2}{3}$ сельского и $\frac{1}{3}$ городского населения открыто называют себя верующими. Сельские жители составляли тогда $\frac{3}{4}$ всего населения страны, таким образом верующих было больше половины населения, и это в стране, где атеизм был провозглашен высшей идейной ценностью. В своих заметках, составленных на оккупированной немцами территории во время Отечественной войны, митрополит Сергей (Воскресенский) писал, что «по официальной, всегда фальсифицированной, советской статистике число православных верующих достигает крупной цифры в 30 млн. Но многие терроризированные советские граждане не имеют мужества

признать себя верующими перед советскими властями. Имея в виду эти и другие ошибки советской статистики, Патриаршее управление считает, что число верующих достигает 60 млн. С таким фактом приходится считаться любому правительству в России, даже большевистскому. Несомненно, что несмотря на все преследования веры и безбожную пропаганду, русские люди остались верны вере отцов»³⁴⁹.

Результаты переписи обозначали грандиозный провал «Союза воинствующих безбожников». За это пятимиллионный союз был подвергнут «чистке». Около половины его членов было арестовано, многих расстреляли как врагов народа. Власть не располагала иными надежными средствами атеистического воспитания населения, кроме террора. И он обрушился на православную Церковь в 1937 г. с таким тотальным охватом, что, казалось, приведет к искоренению церковной жизни в стране. Секретарь ЦК Г. М. Маленков обратился тогда к Сталину с предложением ликвидировать полностью законодательство о культах и, в частности Постановление ВЦИК и СНК о религиозных объединениях, которое создало «организационную основу для оформления наиболее активных частей церковников и сектантов в широко разветвленную враждебную советской власти легальную организацию в 600 тысяч человек по всему СССР». В качестве первоочередной задачи в этом письме ставилась цель «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией»³⁵⁰. Формально законодательство о культах не было отменено, но предложение покончить «с церковной иерархией» и «органами управления церковников» немедленно стало проводиться в жизнь. В журнале «Антирелигиозник» (1938, № 7), который комментировал происходящее, популярно разъяснялось, что преследованию подлежит пока церковный актив. «Верующие трудящиеся... исполняют время от времени те или иные религиозные обряды, удовлетворяют свои религиозные потребности. Они не принимают непосредственного участия в так называемой «церковной жизни». С такими верующими мы совместно идем к одной общей цели, боремся за одно и то же — за полное торжество коммунизма... Другое дело церковники, члены двадцаток и церковного актива, не входящие в состав двадцаток. Они не только выполняют обряды, но частенько нарушают советские законы, ведут религиозную пропаганду, организуют незаконные «сборы на Церковь»³⁵¹.

Как и во времена древних врагов христианства Декия или Диоклетиана, самые большие потери понес епископат, почти полностью истребленный гонителями. Так, в сентябре по всему Казахстану были проведены аресты священнослужителей, принадлежавших к оппозиционным группировкам, в том числе и к иосифлянской, отбывавших там ссылку. Арестован был сам митрополит Иосиф (Петровых) и первый кандидат в местоблюстители по завещанию Святейшего Патриарха Тихона митрополит Кирилл (Смирнов). По постановлению тройки НКВД по Южно-Казахстанской области в ночь с 20 на 21 ноября были расстреляны митрополиты Кирилл и Иосиф, а также епископ Евгений (Кобранов), некоторое время в 1927—1928 гг. находившийся в ярославской оппозиции, потом примирившийся с Патриархией и занимавший Ростовскую кафедру до ссылки в Казахстан в 1933 г. В этом же году друзья и почитатели епископа [Серафима \(Звездинского\)](#), принадлежавшего к мечевской группировке, получили письмо, извещавшее о том, что по постановлению тройки НКВД по Дальнему Востоку он был осужден на 10 лет лишения свободы без права переписки, что означало расстрел. Из архиереев правой оппозиции под удар попал епископ Афанасий (Сахаров), находившийся тогда в заключении, и, по не вполне достоверным сведениям, епископ Арсений (Жадановский).

Несравненно больше жертв понес епископат, состоявший в каноническом послушании патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию. В ноябре 1937 г. был арестован находившийся на покое и живший в маленьком доме на станции Удельной под Москвой один из

самых видных церковных деятелей XX в. митрополит Серафим (Чичагов). Постановлением ОСО УНКВД тяжело больной и почти неподвижный старец был приговорен к смертной казни и расстрелян 11 декабря, останки священномученика Серафима захоронены в Бутове. В Казани арестовали и расстреляли правящего архиерея архиепископа Венедикта (Плотникова), уже ранее приговоренного к смертной казни по делу священномученика Вениамина, но потом помилованного. 25 июля 1937 г. в Нижнем был арестован правящий митрополит Феофан (Туляков). В тюрьме владыку подвергли жестоким пыткам, а 21 сентября особой тройкой областного управления НКВД он был приговорен к расстрелу и 4 октября казнен. Затем арестовали и викарного архиепископа Богородского Александра (Похвалинского) вместе с 13 священниками и диаконами приходских церквей. Тройкой НКВД все арестованные были осуждены на смертную казнь и 11 декабря расстреляны. Арестованы, а потом приговорены были к смертной казни викарий Нижегородской епархии епископ Ветлужский Неофит (Коробов) и проживавший на покое престарелый епископ Фостирий (Максимовский), все духовенство Ветлуги и множество мирян. Епископ Фостирий замерз на этапе в варнавинскую тюрьму³⁵².

В октябре 1937 г. был арестован Патриарший экзарх Украины митрополит Киевский Константин (Дьяков). После 12 дней пыточных допросов его расстреляли. Одной из своих родственниц, особенно тяжело переживавшей его гибель, владыка явился во сне стоящим на пустыре у свеженасыпанного могильного холма и сказал: «Здесь лежит мое тело». На Лукьяновском кладбище, расположенном возле тюрьмы, где расстреляли владыку, она обратилась к одному из кладбищенских сторожей, внушившему ей своим видом особое доверие, и он оказался тем самым могильщиком, кто зарывал останки убитого митрополита. Сторож указал ей могилу, где были похоронены архипастырь и расстрелянные вместе с ним. Тайное отпевание священномученика совершил проживавший в Киеве схиархиепископ Антоний, в прошлом владыка Таврический Димитрий (князь Абашидзе). Митрополит Константин был из вдовых протоиереев, за год до его казни были расстреляны его дочь Милица и зять Борис. В 1938 г. в застенках скончался от пыток митрополит Одесский Анатолий (Грисюк). В 1937 году на Украине были арестованы и потом расстреляны архиепископ Екатеринославский Георгий (Делиев), архиепископ Житомирский Филарет (Линчевский) и епископ Ананьевский Парфений (Брянских)³⁵³. Тогда же арестовали престарелого архиепископа Харьковского Александра (Петровского). Его посадили в холодногорскую тюрьму. Осенью 1939 г. в судебно-медицинский морг из корпуса неизлечимо больных колонии НКВД на Каченовке привезли останки старца с номером на ноге и с бумагой, в которой сообщалась фамилия усопшего — Петровский. Доктор морга оказался из бывших иподиаконов; вместе с привратником, который был монахом в сане архимандрита, они сразу опознали владыку Александра, несмотря на то, что он был острижен и обрит. Из тюрьмы поступило приказание: труп вернуть, так как он отправлен в морг по ошибке. Но архимандрит и доктор отправили труп одного безродного в тюрьму с документами заключенного Петровского, а покойного архипастыря облачили по-архиерейски, и архимандрит-привратник, отпевавший тайком всех попадающих в морг, отпел и владыку. Весть о погребении любимого всеми архипастыря быстро разносилась по городу. Когда гроб вывозили из морга, улица оказалась запруженной народом. Архиепископа Александра похоронили на кладбище села Зелютина на Холодной горе³⁵⁴.

Арестованным архипастырям НКВД предъявляло те же бредовые и фантастические обвинения, что и партийным вождям, военачальникам, инженерам, врачам, крестьянам. Архиепископа Смоленского Серафима (Остроумова) обвинили в том, что он возглавлял банду контрреволюционеров и террористов. Архиепископа Орловского Иннокентия (Никифорова) арестовали вместе с 16 священнослужителями города «за клерикально-фашистскую заговорщическую деятельность». Митрополиту Нижегородскому Феофану (Тулякову) ставилось

в вину, что по его указаниям, основанным на директивах московского церковно-фашистского центра, клерикальные банды проводили поджоги, диверсии и осуществляли террористические акты: совершили более 20 поджогов в Лысковском районе, уничтожали заготовленный пиломатериал и лес на корню, сожгли салотопный завод, принадлежавший Лысковскому райпотребсоюзу³⁵⁵. Епископа Ветлужского Неофита (Коробова) обвинили «в проведении активной контрреволюционной работы, направленной на свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР», «в создании церковно-фашистской, диверсионно-террористической, шпионско-повстанческой организации с общим числом свыше 60 участников», и в личном руководстве «подготовкой терактов, сбором шпионских сведений, поджогами колхозов, уничтожением колхозного поголовья», в том, что он переправлял «шпионские сведения митрополиту Сергию (Старгородскому) для передачи разведывательным органам одного из иностранных государств»³⁵⁶.

В 1937—1939 гг. был истреблен почти весь российский православный епископат. Помимо уже упомянутых архиереев погибли митрополиты Серафим (Александров) и Павел (Борисовский), архиепископы священномученик Фаддей (Успенский), Питирим (Крылов), Прокопий (Титов), Гурий (Степанов), Ювеналий (Масловский), Серафим (Протопопов), Софроний (Арефьев), Глеб (Покровский), Никон (Пурлевский), Феофил (Богоявленский), Борис (Шипулин), Андрей (Солнцев), Максим (Руберовский), Тихон (Шарапов) — и это только малая часть сонма святителей-священномучеников, проливших кровь за Христа в годы большого террора. Всего же с 1917 по 1940 г. погибло более 250 православных архипастырей.

Лишь несколько архиереев пережили страшные годы ежовщины. В 1937 г. в Ташкенте арестован был епископ и врач Лука (Войно-Ясенецкий), который находился на покое и работал хирургом в местной клинике. В своих воспоминаниях он рассказал о том, что пришлось пережить ему в застенках НКВД:

«Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на берегу огромной впадины, в которой расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине шевелятся змеи. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. Допрос конвейером продолжался 13 суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой. Не видя конца этому допросу, я надумал напугать чекистов. Потребовал вызвать начальника секретного отдела ГПУ, и когда он пришел, сказал, что подпишу все, что они хотят, кроме разве покушения на убийство Сталина. Заявил о прекращении голодовки и попросил прислать мне обед. Я предполагал перерезать себе височную артерию, приставив к виску нож и сильно ударив по головке его. Для остановки кровотечения нужно было бы перевязать височную артерию, что невозможно в ГПУ, меня пришлось бы отвезти в больницу или хирургическую клинику. Это вызвало бы большой скандал в Ташкенте. Очередной чекист сидел с другой стороны стола. Когда принесли обед, я незаметно ощупал тупое лезвие столового ножа и убедился, что височной артерии перерезать им не удастся. Тогда я вскочил и, быстро отбежав в середину комнаты, начал пилить себе горло ножом. Но и кожу разрезать не мог. Чекист, как кошка, бросился на меня, вырвал нож и ударил кулаком в грудь. Меня отвели в другую комнату и предложили поспать на голом столе с пачкой газет под головой вместо подушки. Несмотря на пережитое тяжкое потрясение, я все-таки заснул и не помню, долго ли спал. Потерпев фиаско со своим двухнедельным конвейером... на другой день меня перевезли на «черном вороне» в центральную областную тюрьму. В ней я

пробыл около восьми месяцев в тяжелых условиях»³⁵⁷.

В 1938 г. в Ростове-на-Дону был арестован архиепископ Николай (Амасийский), и тройка приговорила его к расстрелу. О том, как приговор приводили в исполнение, рассказывал сам владыка: «Дали залп из ружей, я упал, обливаясь кровью. Дальше не помню ничего. Оказывается, меня сочли убитым, когда я находился лишь в долгом обмороке. Много средств и усилий стоило моим верным духовным чадам выволить мое тело. И тут обнаружили, что я еще жив. Меня тщательно спрятали, обманув бдительность властей мнимыми похоронами. Лечили, выхаживали и таким образом спасли»³⁵⁸.

Освобожденный из Мариинских лагерей в 1936 г., епископ Мануил (Лемешевский) до 1939 г. скитался, проживая в разных местах дальнего Подмосковья, зарабатывая на жизнь составлением разного рода справочников, комментариев, пока не был в очередной раз арестован 18 апреля 1939 г. И снова последовали одна за другой Лубянская, потом Бутырская тюрьма, осуждение на 10 лет лишения свободы и отправка в Канские лагеря³⁵⁹.

Тотальному истреблению подверглись в годы большого террора не только архипастыри, но и все российское духовенство. О масштабе репрессий можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что в один только день 17 февраля 1938 г. в Москве были расстреляны игумен Епифаний (в миру Захар Филиппович Авдеев), иеромонах Нестор (Балашов Николай Иванович), иеродиакон Афоний (Александр Егорович Вишняков), схимонахиня Рафаила (Вишнякова Мария Архиповна), священник Симеон Григорьевич Григорьев, тайная монахиня Лидия Митрофановна Иванова, иеромонах Иероним (Киселев Иван Васильевич), тайная монахиня Софья Сергеевна Тучкова. Это жертвы только одного из тысяч расстрельных дней за три страшных года, и только тех, чьи имена удалось установить.

В 1937 г. на 10 лет без права переписки осужден был особенно близкий митрополиту Сергию священник, бывший настоятель храма Христа Спасителя, протопресвитер Николай Арсеньев, расстрелян и бывший ключарь протопресвитер Александр Хотовицкий. В 30-х гг. он служил настоятелем храма Ризоположения на Донской улице в Москве. Прихожанин храма А. Б. Свенцицкий так вспоминает о нем: «Я присутствовал в 1936—1937 гг. много раз на служении отца Александра. Высокий, седой священник, тонкие черты лица, чрезвычайно интеллигентная внешность. Седые, подстриженные волосы, небольшая бородка, очень добрые серые глаза, высокий, громкий тенор голоса, четкие вдохновенные возгласы... У отца Александра было много прихожан, очень чтивших его... И сегодня помню глаза отца Александра; казалось, что его взгляд проникает в твое сердце и ласкает тебя»³⁶⁰.

В 1937 г. в Соловецком лагере был расстрелян один из крупнейших русских философов — священник Павел Флоренский, человек поразительной для XX в. многогранности дарований и замечательных успехов на разных поприщах знаний: помимо философии, еще в богословии, искусствоведении, фольклористике, математике и технике. Сосланный в Сибирь в лагерь «Свободный» (станция Сковородино) в 1933 г., он и там сделал открытия в области мерзлотоведения. Даже в Соловецком лагере начальство использовало его знания при организации завода по переработке водорослей. Письма родным от него приходили до июня 1937 г. После полугода изоляции отец Павел был расстрелян на Соловках 8 декабря 1937 г. В день праздника Введения во храм Божией Матери в 1937 г. на допросе в тюрьме скончался от пыток бывший проректор Киевской Духовной Академии настоятель церкви Николая Доброго в Киеве протоиерей Александр Глаголев.

В апреле 1938 г. в селе под Харьковом арестовали митрофорного протоиерея Сергия Посельского, старца, родившегося в 1864 г. в Чугуеве в семье соборного дьякона. Митрой он был награжден Святейшим Патриархом Тихоном в 1918 г., когда служил настоятелем городского кладбищенского храма во имя Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. В годы гонений и

расколов на Украине он оставался в сыновнем послушании законному священноначалию, терпя великие напасти от власть предержащих; его лишили продовольственной карточки, запретили жить в черте города, часто учиняли обыски в его доме, вызывали в НКВД на допросы, многократно арестовывали. Протоиерей Сергей Посельский был самым доверенным советником и помощником митрополита Харьковского Константина. Дружба соединила их еще с семинарских лет. Митрополит Константин поставил о. Сергия духовником кающихся при возвращении из расколов священников, и к нему за духовным советом приезжали священнослужители и миряне со всей Украины, из Крыма и Кавказа. При отъезде из Харькова в Киев митрополит Константин сказал о. Сергию: «Уезжаю отсюда спокойно, так как остаешься здесь ты». После перевода митрополита Константина на Киевскую кафедру протоиерей Сергей Посельский оказался на нелегальном положении: власти запретили ему участие в богослужении и духовное наставничество, но он не подчинился запрету и на покой не ушел: «Я счастлив тем, что Господь дает мне страдать во имя Его». Больного водянкой, его арестовали и посадили в городскую тюрьму. В 1941 г., когда в Харькове были немцы, один пожилой человек разыскал матушку о. Сергия и рассказал, что в декабре 1938 г. на кладбище привезли останки четырех заключенных; на одном из умерших была приколотая бумажка, на которой было написано «Кладбищенский батюшка»³⁶¹. Это и был отец Сергей Посельский. В этом же году был расстрелян еще один известный харьковский священник протоиерей Сергей Шипулин, брат епископа Бориса.

В 1937 г. арестовали священника одной из двух действовавших тогда в Смоленске церквей о. Антония Эльснера. Возобновлению богослужений предшествовал сбор подписей жителей города под ходатайством о регистрации о. Антония как священника, ранее он был церковным старостой. Его вызывали в НКВД, требовали отказаться от службы. Накануне праздника Казанской иконы Божией Матери делегация православных христиан вернулась из Москвы с разрешением возобновить в храме богослужение. Прихожане с радостью украшали храм для праздничной службы, но две монахини предсказывали о. Антонию беду и советовали немедленно выехать за город. «Что Богом суждено, то будет»,— отвечал он и продолжал готовиться к праздничному торжеству, но в ночь на Казанскую приехала милиция, учинила обыск, и арестовала о. Антония вместе со всем церковным советом и многими прихожанами. До августа у матушки о. Антония принимали тюремные передачи, а 1 августа передачу не приняли и возвратили ей одежду мужа, сказав, что ему выдали казенную. С тех пор никаких официальных сведений о нем не было, а через рядовых служащих тюрьмы матушка узнала, что о. Антоний расстрелян³⁶².

В сентябре 1937 г. проведены были массовые аресты «церковников» в Арзамасе, среди арестованных был священник Александр Черноуцан и множество прихожан. 23 октября тройка НКВД приговорила о. Александра и еще 36 человек к смертной казни.

В самом начале 1937 г. разворачивается кампания массового закрытия церквей. Только на заседании 10 февраля 1937 г. Постоянная комиссия по культовым вопросам рассмотрела 74 дела о ликвидации религиозных общин и не поддержала закрытие храмов только в 22 случаях, а всего за год закрыли свыше 8 тыс. церквей. В Москве это были Страстной и Симонов монастыри, церковь Николая Чудотворца в Кошелях (на Яузской улице), церковь Спаса-Преображения в Спасской слободе (Большая Спасская улица). При разрушении Симонова монастыря уничтожено кладбище, а церковь Николая Чудотворца в Драгах уничтожалась в два захода: в 1937 г. снесена колокольня, в 1939 г.— сам храм. И, конечно, все эти разрушения производились «по многочисленным просьбам трудящихся коллективов» в целях «улучшения планировки города». В результате этого опустошения и разорения на огромных просторах РСФСР осталось около 100 храмов, почти все в больших городах, в основном, тех, куда пускали

иностранцев. Эти храмы так и называли «показательными». Несколько больше, до 3% дореволюционных приходов, сохранилось на Украине. В Киевской епархии, которая в 1917 г. насчитывала 1710 церквей, 1435 священников, 277 диаконов, 1410 псаломщиков, 23 монастыря и 5193 монашествующих, в 1939 г. осталось всего 2 прихода с 3 священниками, 1 диаконом и 2 псаломщиками. В Одессе осталась одна действующая церковь на кладбище.

В годы предвоенного террора смертельная опасность нависла над существованием самой Патриархии и всей церковной организацией. К 1939 г. из российского епископата помимо главы Церкви — Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия на кафедрах остались 3 архиерея — митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Дмитровский и управляющий Патриархией Сергей (Воскресенский) и архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управляющий Новгородской и Псковской епархиями.

Спустя годы митрополит Сергей (Воскресенский) писал, что главной задачей Патриархии всегда было

«посильно замедлить, затормозить предпринятое большевиками разрушение Церкви. Она стремилась оградить догматическую чистоту и каноническую верность православия, одолеть схизмы, сохранить канонически законное преемство высшей церковной власти, удержать канонически законное положение Российской Церкви среди прочих автокефальных Церквей и довести таким образом Церковь до лучшего будущего, когда, после крушения большевизма, Церковь могла бы вновь воспрянуть... Работая в Патриархии, мы сравнивали свое положение с положением кур в сарае, из которых повар выхватывает свою очередную жертву,— одну сегодня, другую завтра, но не всех сразу. Мы прекрасно сознавали, что большевики терпят существование Патриархии только ради собственных выгод, преимущественно пропагандных, и что нам приходится быть почти бессильными зрителями постепенного удушения Церкви большевиками. Но ради Церкви мы все же мирились со своим униженным положением, веря в ее конечную непобедимость и стараясь посылно охранить ее до лучших времен, до крушения большевизма. Нас поддерживало в этом сознание, что верующие, добровольно подчиняясь нашему руководству, сами помогают нам поддерживать на канонических основах некоторый минимальный порядок в Церкви и не дают ей рассыпаться. Патриархия оставалась единственным легализованным органом церковного управления, и потому она одна только сохраняла возможность хоть несколько упорядочивать церковную жизнь и тормозить разрушение Церкви большевиками. Упускать эту возможность мы не хотели, потому что видели в ней определенную практическую ценность, отказываться от которой Церкви, по нашему суждению, не следовало»³⁶³.

В ожидании близкого ареста и расправы жил Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей. В 1937 г. был арестован и погиб келейник митрополита Сергия иеромонах Афанасий. Расстреляна была и сестра местоблюстителя Александра, которая вела его хозяйство.

В НКВД фабриковались материалы для расправы с главой Российской Православной Церкви. В следственном деле митрополита Горьковского Феофана (Тулякова) подшит протокол мнимых допросов архипастыря, сочиненных следователем Мартыновым, которого через год арестовали и расстреляли. Бумага датирована 31 августа 1937 г. Содержание ее фантастически бредовое, но бред этот готовился по хорошо отработанному стандарту. Вот отрывок из так называемого «допроса»:

«Прежде чем перейти к показаниям о практической деятельности контрреволюционной организации и моей лично как руководителя этой организации, я считаю необходимым доложить следствию, что я одновременно являлся членом московского церковно-фашистского центра, по заданию которого и проводил контрреволюционную деятельность, направленную к ослаблению мощи Советского государства и свержению Советского правительства. В этот

период, как я лично наблюдал, а также и по утверждению более авторитетных для меня лиц из крупного духовенства, в церковном мире стали формироваться взгляды о необходимости организованной борьбы с советской властью. Прогресс социалистического строительства и вместе с тем и укрепление мощи Советского государства, а на этой основе рост культуры и благосостояния трудящихся, а также рост атеизма, ставили Церковь и духовенство в безвыходное положение. Перед нами — крупным духовенством и активными церковниками — стояла альтернатива: либо добиться свержения Советской власти и реставрации капитализма, либо обречь себя на верную гибель. Мы избрали первый путь, т. е. активную борьбу с советской властью в надежде на ее свержение. Такая точка зрения окончательно оформилась в конце 1934 г., на одном из первых нелегальных совещаний церковно-фашистского центра, происходивших в Москве под руководством митрополита Сергия (Старгородского). В этом нелегальном совещании участвовал я и ряд лиц из крупного духовенства. Это совещание и другие были созваны под видом обсуждения вопросов Церкви. Должен сказать, что активная борьба против советской власти для духовенства дело не новое, подавляющее число духовенства, особенно тихоновской ориентации, которую представляю я, по своей природе реакционное и, безусловно, антисоветское; это в различные периоды борьбы с Советской властью облегчало формирование контрреволюционных организаций, облегчало привлечение духовенства и активных церковников к организованной контрреволюционной деятельности.

Вопрос: Назовите известных вам членов московского церковно-фашистского центра.

Ответ: Членами московского церковно-фашистского центра являются: 1) Митрополит Сергей Старгородский, заместитель Петра Крутицкого, так называемого Местоблюстителя патриаршего престола, руководитель тихоновского церковного течения в СССР, окончил духовную академию, в 1922 г. был осужден за активную контрреволюционную деятельность; 2) Ленинградский митрополит Алексей (Симанский), сын помещика, ярый монархист, в 1924 г. осужден за активную контрреволюционную деятельность; 3) Украинский митрополит Константин, человек с резко выраженными фашистскими взглядами, происходит из духовной семьи; 4) Северо-кавказский архиепископ Мефодий; 5) Ивановский митрополит Павел происходит из духовной семьи, в 1933 г. подвергался репрессиям со стороны органов советской власти; 6) Лебедев Александр, управляющий делами при митрополите Сергии, в состав центра входил до ареста в июле месяце 1937 г.; 7) Новгородский архиепископ Венедикт; 8) Я, Туляков Василий (Феофан), митрополит Горьковский. По заданию Сергия Старгородского я собирал шпионские сведения о положении в Советском Союзе и в частности о состоянии ж. д. транспорта и настроении рабочих и передавал эти сведения Сергию Старгородскому, а он в свою очередь передавал их сотрудникам английского посольства, о которых я показал выше.

Вопрос: Дайте показания о программно-тактических установках московского церковно-фашистского центра?

Ответ: По директивам заграничного церковно-фашистского центра необходимо было всеми путями подготавливать восстание против советской власти, и в этих целях готовить повстанческие и террористические кадры, сеять возмущение и озлобление среди населения против советской власти и заниматься непосредственной подготовкой восстания, начало которого прямо связывалось с интервенцией против Советского Союза со стороны Германии и Японии»³⁶⁴.

И все же ни самого Местоблюстителя патриаршего престола, ни трех ближайших его помощников не арестовали, а Патриархию не уничтожили. Митрополит Сергей (Воскресенский) как непосредственный участник и свидетель церковной жизни предвоенных лет объяснял это тем, что

«прежде всего для Советского государства важно было сохранить Патриархию как орган

высшего церковного управления «в целях рекламы и пропаганды», «как неоспоримое доказательство, что в Советском государстве даже Православная Церковь, эта опора реакции царизма, пользуется полной религиозной свободой. С другой стороны, если бы Патриаршее управление и его члены были уничтожены, то трудно было бы привести к молчанию заграничную печать. Особенно сильный... отклик это вызвало бы у православных балканских народов... Советское правительство поставило себе две цели: во-первых, упразднить Церковь как политический фактор и, во-вторых, исключить религию как фактор из действительности... Первая цель была достигнута Советским правительством и при том с согласия Церкви. Вторая же цель, однако, оказалась недостижимой. Конечно, большевики в принципе не признают эту цель недостижимой, но... они должны были признать, что насилие над Церковью не продвинуло атеизм ни на шаг, а только ожесточило верующих и многих колеблющихся и даже оттолкнуло многих неверующих от безбожия. Итак, существование Патриаршего управления было допущено, так как его упразднение, как и всякая форма явного гонения на Церковь не отвечало бы интересам тонкой атеистической пропаганды и могло вызвать политически нежелательное возбуждение в широких массах православных верующих. Несомненно, что несмотря на все преследования веры и безбожную пропаганду, русские люди остались верны вере отцов... В этом заключается основная причина, по которой Советское правительство не осмелилось силою сместить Патриаршее управление, т. е. иерархов, которые группируются вокруг Местоблюстителя патриаршего престола»³⁶⁵.

Помимо 4 архиереев, занимавших кафедры, на свободе осталось еще несколько епископов, которые совершали богослужения как настоятели храмов. Так, епископ Астраханский Андрей (Комаров), уволенный в апреле 1939 г. на покой, в октябре того же года был назначен на штатное место приходского священника храма Покрова Божией Матери в Куйбышеве. Вокруг этой церкви сосредоточилась вся жизнь Куйбышевской епархии, но на приходе был настоятель, которому народ не доверял. Поведение этого настоятеля в сознании прихожан бросало тень на Патриархию, на митрополита Сергия, с которым он был в общении. Верующие люди стали говорить, что истинная Церковь ушла в пустыню, а легально служащее духовенство безблагодатно. Но образ истинного пастыря, который являл собой владыка Андрей, успокоил церковный народ, брожение прекратилось. Он служил ежедневно, а накануне воскресных и праздничных дней совершал по два всенощных бдения: в 4 и в 7 часов. Но при том был крайне осторожен, кроме храма никуда не ходил и у себя почти никого не принимал, сознавая, что вокруг много людей, способных доносом погубить ближнего. Терпел лишения, оскорбления и даже побои. Только в начале 1941 г. архиепископ Андрей был назначен настоятелем храма.

Церковная, в основном монашеская жизнь, ставшая почти невозможной в легальных формах, уходит в подполье. В Днепропетровске архимандрит Пимен окормлял тесный круг духовных чад из 10 человек. В городе Славянске Донецкой области нелегально поселились оставшиеся в живых монахи Святогорского монастыря. Среди них были архимандрит Димитрий (Танич), игумен Амвросий (Горонченко), иеромонахи Мелитон (Нестеренко) и Стефан (Медведев). Святогорские иноки взяли на себя подвиг юродства. Им удавалось распространять в народе душеполезные сочинения, в которых они предсказывали падение антихристовой власти и восстановление Святогорской обители, но их выследили и в 1939 г. с ними сурово расправились. Представители советской власти, ответственные за антирелигиозную пропаганду, предостерегали своих подчиненных на местах о том, чтобы те не упускали из поля зрения даже тех священнослужителей, кто оказался за штатом: «Глупо думать,— писал Е. Ярославский,— что если поп лишился своего прихода, то он перестал быть попом. Мы знаем сотни случаев, когда после закрытия церквей их священнослужители превращались в попов-передвижек и вместе со своим немудреным инвентарем путешествовали по деревням, рабочим поселкам,

совершая религиозные обряды, читая молитвы, Библию, Псалтирь. Такой поп-передвижка порой опаснее того, кто служит открыто»³⁶⁶. В журнале «Безбожник» (21 апреля 1939 г.) в статье «Церковь в чемодане» рассказывалось о том, что у священников, снятых с регистрации НКВД и передвигающихся из города в город, «все необходимые принадлежности для совершения обряда находятся в чемодане. Если нужно помочь хозяйке на кухне, они и это делают, занимаясь с детьми, покупают продукты для бедных». Действительно, священники странствовали под видом сантехников, печников, точильщиков. В газете «Социалистическое земледелие» (11 января 1938 г.) приводится случай, когда странствующий священник, арестованный по обвинению в нелегальной деятельности, имел при себе разрешение на богослужения от председателя сельсовета села Леузы Башкирской республики. В той же статье сообщается, что среди арестованных странствующих священнослужителей много монахов, а в одном из сел Марийской республики был схвачен епископ Сергей (Дружинин), которого жители окрестных мест чтили как святого.

Часть нелегально действовавших священнослужителей принадлежала к группировкам непоминающих, но в подполье уходили и верные Патриархии клирики, о чем сообщает как о характерной черте церковной жизни 30-х гг. митрополит Сергей (Воскресенский): «В России была вообще очень деятельная тайная религиозная жизнь — тайные священники и монахи, катакомбные церкви и богослужения, крещения, исповеди, причащения, браки, тайные богословские курсы, тайное хранение богослужебной утвари, икон, богослужебных книг, тайные сношения между общинами, епархиями и Патриаршим управлением. Чтобы уничтожить также и катакомбную Патриархию, понадобилось бы казнить всех епископов, в том числе и тайных, которые были бы, несомненно, посвящены в случае нужды. И если вообразить невозможное, что удалось бы полностью уничтожить всю церковную организацию, то вера все-таки осталась бы и атеизм не выиграл бы ни шага. Советское правительство это поняло и предпочло допустить существование Патриаршего управления»³⁶⁷.

В катакомбы уходили и украинские раскольники-самосвяты. По свидетельству Мстислава Скрыпника, в конце 30-х гг. около 20 самосвятских лжесвященников нелегально окормляли своих сторонников на Украине. В апреле 1939 г. местный украинский центр Союза воинствующих безбожников говорил о замаскированных попах-петлюровцах. Но ничего неизвестно о какой бы то ни было нелегальной деятельности обновленцев, хотя репрессии задели и их: в 1937 г. были расстреляны лжемитрополиты «всея Сибири» Петр Блинов, Ростовский Петр Сергеев; глава обновленцев Урала Василий Челябинский. Годом раньше в заточении умер Александр Боярский, обновленческий лжемитрополит Иваново-Вознесенский. В 1937 г. закрыли «за убылью» лжеархиереев 70 обновленческих кафедр, в Ленинграде со временем было арестовано большинство обновленческого духовенства.

Атеистическая печать не выделяла уже обновленцев из общей массы церковников, теперь «в омерзительных фашистских делах» обвиняли митрополитов, епископов, попов, монахов, церковных старост и прочих больших и малых церковных руководителей всех течений и толков — тихоновцев, обновленцев, автокефалистов и сторонников ВВЦС»³⁶⁸.

Пытаясь избежать ареста и гибели, многие обновленцы пошли на открытое ренегатство, одним из самых громких было отречение от Христа лжеархиерея Николая Платонова, ставшего штатным сотрудником Государственного музея атеизма в Ленинграде. Но от «митрополита-благовестника» Александра Введенского, наиболее доверенного НКВД лица из обновленческой верхушки, отречения не потребовали; он благополучно оставался на воле в годы, когда почти все духовенство истребили или выслали в концентрационные лагеря.

* * *

1 сентября 1939 г. нападением нацистской Германии на Польшу началась вторая мировая

война. Не только в жизни человека, но и в жизни народов, судьбах цивилизаций, бедствия приходят вследствие грехов. Беспрецедентные по масштабам гонения на Церковь, гражданская война и царубийство в России, расистское беснование нацистов и соперничество из-за сфер влияния европейских и тихоокеанских держав, падение нравов, захлестнувшее европейское и американское общество,— все это переполнило чашу гнева Божия. Для России оставалось еще 2 года мирной жизни, но мира не было внутри самой страны. Война большевистского правительства со своим народом и внутрипартийная борьба коммунистической верхушки не прекращались, не было мирной тишины и на границах советской империи. После подписания пакта Молотова-Риббентропа и спустя 16 дней после нападения Германии на Польшу Красная Армия перешла советско-польскую границу и заняла ее восточные воеводства — исконно русские и православные земли: Западную Белоруссию и Волынь, оторванные от России по Рижскому договору (1921) Советского правительства с Польшей, а также Галицию, которая на протяжении столетий была отделена от Руси. 27 июня 1940 г. Советское правительство потребовало от Румынии в течение четырех дней очистить территорию Бессарабии, принадлежавшей России до 1918 г., и Северной Буковины, оторванной от Руси еще в средневековье, но где большинство населения имело русские корни. Румыния вынуждена была подчиниться ультиматуму. Летом 1940 г. к Советскому Союзу были присоединены Эстония, Латвия и Литва, принадлежавшие России до революции и гражданской войны.

Продвижение границ Советского государства на запад территориально расширило юрисдикцию Российской Православной Церкви. Московская Патриархия получила возможность реально управлять епархиями Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии.

Сразу после воссоединения Западной Белоруссии и Западной Украины Местоблюститель патриаршего престола направил на Волынь в Кременец архиепископа Сергия (Воскресенского), управляющего делами Патриархии. Архиепископ Сергий принял в юрисдикцию Московской Патриархии духовенство Волынской епархии. Потом, в связи с перемещением его на Виленскую кафедру, на Волынь из Москвы был направлен владыка Николай (Ярушевич), возведенный в сан митрополита Волынского и Луцкого. Волынское духовенство приняло его с любовью и сыновним послушанием. В это же время владыка Пантелеимон (Рожновский), несколько ранее назначенный экзархом, был освобожден от управления церквами Западной Украины и Белоруссии ввиду преклонного возраста, новым экзархом стал митрополит Волынский и Луцкий Николай, а резиденцией экзархии — город Луцк. По его прошению, направленному Местоблюстителю патриаршего престола, епископ Александр (Иноземцев) был уволен от управления Пинской епархией, приходы которой были включены в состав Гродненской и Виленской епархии. Викарным епископом Пинским весной 1941 г. был хиротонисан Почаевский архимандрит Вениамин (Новицкий). Хиротония состоялась в Луцке. Возглавил ее митрополит Николай, участвовал в ней и епископ Владимиро-Волынский Поликарп (Сикорский), который потом утверждал, что вообще никогда не признавал юрисдикции Московской Патриархии. 14 марта 1941 г. в Москве состоялась хиротония во епископа Львовского наместника Почаевской лавры Пантелеймона (Рудьки). Восстановленная три столетия спустя после своего упразднения, древняя православная епархия включала в себя немногочисленные приходы, рассеянные в исконно православной Галиции, но покоренной Ватиканом и принявшей унию.

Установление режима Советской власти в западных областях Украины и Белоруссии сопровождалось репрессиями: арестован был архиепископ Алексей (Громадский), но вскоре освобожден, епископа Поликарпа (Сикорского) подвергли допросу. Только на Волыни и в Полесье арестовано было 53 священнослужителя. Среди убитых или умерших в тюрьмах и

лагерях православных пастырей были протоиереи Иларион Денисевич, Сергей Яроцкий, Александр Саховня, священники Александр Мартинюк, Мелитон Матушевич, иеромонах Софроний. Однако, эти репрессии не разрушили церковную жизнь западной Руси. Почти все приходы, сохранившиеся в годы польской оккупации, не были закрыты и советскими властями. Продолжали существовать и монастыри; правда, число насельников в них значительно сократилось, одних удалили из обителей насильно, другие покинули их сами. Братия Почаевской лавры за два года с 1939 по 1941 уменьшилась с 300 монахов до 80. У монастырей и церквей конфисковали земельные наделы и другую недвижимость, храмы национализировали и передавали в пользование религиозным общинам, устанавливались гражданские налоги на «служителей культа». Серьезным ударом по Церкви явилось закрытие Кременецкой духовной семинарии.

Большевистская пропаганда через газеты и радио пыталась дискредитировать православное духовенство в глазах народных масс, убить в сердцах людей веру во Христа, «Союз воинствующих безбожников» открыл свои отделения во вновь присоединенных областях. Его председатель Е. Ярославский обрушился с развязной бранью на родителей, не желающих отдавать своих детей в советские атеистические школы, открывшиеся в западных областях. На Вольни и в Белоруссии из хулиганствующих подростков и комсомольцев создавались бригады, которые учиняли скандалы возле церквей во время богослужения, особенно в праздничные дни. На подобную атеистическую деятельность к празднованию Пасхи 1940 г. «Союз воинствующих безбожников» заполучил из небогатой по тем временам государственной казны 2,8 млн. руб. Потрачены они были главным образом в западных областях, потому, что там народ открыто праздновал Воскресение Христово и пасхальные богослужения совершались в каждом селе.

В 1940 г. Черновицкая епархия из юрисдикции Румынской Церкви перешла в ведение Московской Патриархии. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей в 1941 г. назначил на эту кафедру епископа Дамаскина (Малюту), хиротонисанного в 1940 г. во епископа Житомирского. Епископ Дамаскин 5 лет подвизался на святой Афонской горе, после чего возглавлял братию Успенской Почаевской лавры. Он был иконописцем и человеком необычайно образованным, хорошо знал 8 языков. В мае 1941 г. на Кишиневскую кафедру был переведен с возведением в сан архиепископа Тульский епископ Алексей (Сергеев).

На Таллинской кафедре правящим архиереем остался архиепископ Александр (Паулус), который дал клятву в верности Московской Патриархии. 31 декабря 1940 г. скончался митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский). На Виленскую кафедру был переведен архиепископ Сергей (Воскресенский) с возведением его в сан митрополита. В связи с уходом на покой митрополита Рижского и Латвийского Августина (Петерсона) митрополиту Сергию поручено было временное управление Латвийской епархией. Митрополит Сергей был также назначен экзархом Латвии и Эстонии. В конце 1940 и начале 1941 г. он вел переговоры с викарными епископами и духовенством Латвии и Эстонии о возвращении их в юрисдикцию Московской Патриархии. Переговоры закончились успешно.

В 1939—1941 гг. в легальных формах церковная жизнь сохранилась по существу только в западных епархиях. Здесь было более 90% всех приходов Русской Православной Церкви, действовали монастыри, все епархии управлялись архиереями. На остальной территории страны церковная организация была разрушена: в 1939 г. оставалось всего 4 кафедры, занятых архиереями, включая главу Церкви митрополита Московского и Коломенского, около 100 приходов и ни одного монастыря. В церкви приходили главным образом пожилые женщины, но религиозная жизнь сохранялась и в этих условиях, она теплилась не только на воле, но и в бесчисленных лагерях, обезобразивших Россию, где священники-исповедники окормляли осужденных и даже служили литургию на тщательно укрываемых антиминых. В последние

предвоенные годы волна антицерковных репрессий утихла, отчасти потому что почти все, что можно было разрушить — уже разрушили, что можно было растоптать — растоптали. Нанести последний удар советские вожди считали преждевременным по разным соображениям. Вероятно, была и одна особая причина: война полыхала вблизи границ Советского Союза. Несмотря на показное миролюбие своих деклараций и на заверения в прочности дружеских отношений с Германией, они знали — война неизбежна и навряд ли были настолько ослеплены своей собственной пропагандой, чтобы строить иллюзии относительно готовности народных масс защищать коммунистические идеалы. Жертвуя собой, люди могли сражаться только за свою родину, и тогда коммунистические вожди обратились к патриотическим чувствам граждан. Предвоенными тревожными ожиданиями и страхами объясним спад богоборческой злобы.

* * *

9/22 июня 1941 г., в день всех святых, в земле Российской просиявших началась Великая Отечественная война. Во второй раз за XX в. Германия вступила в смертельную борьбу с Россией, обернувшуюся для немцев национальной катастрофой. Вожди нацистской Германии открыто отвергали христианские нравственные ценности и пытались возродить древнегерманский языческий культ. В своих пропагандистских обращениях к русскому народу гитлеровцы, спекулируя на трагических событиях советской истории, стремились предстать в облике защитников религии, но Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей в первый же день войны написал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал русский народ на защиту Отечества:

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Повторяются времена Батгя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину... Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: *Больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* ([Ин. 15. 13](#)). Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его не касательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу... Положим же души свои вместе с нашей паствой... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу»³⁶⁹.

В отличие от Сталина, которому понадобилось 10 дней, чтобы обратиться к народу с речью, Местоблюститель патриаршего престола сразу нашел самые точные и самые нужные слова. За четверть века до фашистской агрессии, когда большевики откровенно готовили военное поражение России, пастыри Церкви вдохновляли православный русский народ на отпор врагу, который и тогда шел из Германии. Патриотизм Церкви традиционен. Вождю коммунистов, которые привели Россию к поражению в первой мировой войне, катастрофе и распаду, а незадолго до Отечественной войны утверждали, что такие понятия, как Родина и патриотизм, буржуазные и фальшивые, теперь нелегко было соединить в своей речи имя воинствующего

атеиста и создателя партии большевиков со святыми именами Александра Невского и Димитрия Донского. Не по случайному совпадению, а по сознательному заимствованию повторены были Сталиным в обращении к соотечественникам некоторые мысли главы Православной Церкви. В речи на архиерейском Соборе 1943 г. митрополит Сергей, вспоминая начало войны сказал, что не приходилось задумываться, какую позицию должна занять наша Церковь, потому что «прежде, чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось — фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников»³⁷⁰.

26 июня Местоблюститель патриаршего престола совершил в Богоявленском соборе молебен о победе русского воинства, по окончании его митрополит Сергей выразил надежду, что как гроза освежает воздух, так и настоящая военная гроза послужит «к оздоровлению нашей атмосферы духовной»³⁷¹. В этих словах выражен и суд о состоянии общества в канун войны, в котором царили всеобщий страх, доносительство, совершались бессудные убийства, и надежда, что война принесет с собой изменения к лучшему для Церкви Христовой. Во всех еще не разрушенных и не оскверненных православных храмах Русской земли за богослужением с незначительными изменениями читали молитву, которая была составлена в Отечественную войну 1812 г.: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже творяй чудеса Един! Призри в милости и щедротах на смиренныя рабы Твоя и человеколюбно услыши и помилуй нас: се бо врази наша собращася на ны, во еже погубити нас и разорити святыни наша. Помози нам Боже, Спасителю наш, и избави нас, славы ради имени Твоего, и да приложатся к нам словеса, реченные Моисеем к людям Израильским: *Дерзайте, стойте, и узрите спасение от Господа*. Господь бо поборет по нас. Ей, Господи Боже, Спасителю наш, крепосте и упование и заступление наше, не помяни беззаконий и неправд людей Твоих и не отвратися от нас гневом Твоим, но в милостях и щедротах Твоих посети смиренныя рабы Твоя, ко Твоему благоутробию припадающия: восстани в помощь нашу и подаждь воинству нашему о имени Твоем победити: а имже судил еси положити на брани души своя, тем прости согрешения их, и в день праведного воздаяния Твоего воздай венцы нетления. Ты бо еси заступление и победа и спасение уповающим на Тя и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь»³⁷². В Красную Армию мобилизованы были главным образом крестьяне, которые, по крайней мере в старших поколениях, оставались еще верными чадами Православной Церкви. Фронтальная жизнь в ежечасном ожидании смерти, страдания от ран, гибель боевых друзей пробуждали в русских солдатах религиозные чувства и мысли, в войну религиозные настроения в народе углубились и усилились.

Первые месяцы войны были временем поражений и разгрома Красной Армии. Весь запад страны был оккупирован немцами. Взята была мать городов русских, исконная столица Руси — Киев. Блокирована северная столица погибшей Российской империи. Осенью 1941 г. линия фронта приближалась к Москве. В этой обстановке митрополит Сергей составил 12 октября завещание, в котором на случай своей смерти передавал полномочия Местоблюстителя патриаршего престола митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому). В праздник Покрова Божией Матери митрополит Сергей обратился с посланием, адресованным православной и боголюбивой пастве московской. Митрополит Сергей выразил твердую уверенность в конечной победе русского оружия, грозно предостерег малодушных от предательства и, упоминув о пастырях, которые лелеют надежды на изменение положения Церкви к лучшему в случае победы Гитлера, пригрозил им извержением из сана и церковным судом. В заключении послания он благословлял самоотверженных защитников святой Церкви и Родины³⁷³.

Это было прощальное обращение митрополита Московского Сергия к столичной пастве перед эвакуацией из Москвы. Еще 7 октября Московский горсовет распорядился об эвакуации

Патриархии на Урал в Чкалов (Оренбург) само советское правительство переехало в Самару (Куйбышев). Не исключено, что государственная власть не вполне доверяла митрополиту Сергию, опасаясь повторения того, что сделал его близкий помощник в 30-х гг. митрополит Сергей (Воскресенский), экзарх Прибалтики. При эвакуации из Риги перед приходом немцев он спрятался в крипте храма и остался на оккупированной территории вместе со своей паствой, заняв лояльную позицию к оккупационным властям. При этом митрополит Сергей (Воскресенский) остался в каноническом послушании Патриархии и, насколько мог, отстаивал перед немецкой администрацией интересы православия и русских общин Прибалтики.

Патриархии удалось добиться разрешения на выезд не в далекий Оренбург, а в Ульяновск (Симбирск). В тот же город эвакуировали и администрацию обновленческой группировки; к тому времени Александр Введенский усвоил себе титул «Святейшего и Блаженнейшего первоиерерха», оттеснил престарелого «митрополита» Виталия на вторые роли в обновленческом синоде. Ехали они в одном поезде с Местоблюстителем патриаршего престола, которого сопровождали митрополит Киевский Николай (Ярушевич), архиепископ Можайский Сергей (Гришин), архиепископ Иоанн (Соколов), управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Н. Ф. Колчицкий, настоятель московской церкви святителя Николая в Кузнецях протоиерей А. П. Смирнов, протодиакон Г. К. Антоненко, келейник митрополита Сергия иеродиакон Иоанн (Разумов), личный врач митрополита, а также обслуживающий персонал. По воспоминаниям протоиерея Александра Смирнова, «старец митрополит, чувствовавший болезненное недомогание, с полной покорностью воле Промысла Божия также с бодрым духом в своем сердце расставался с любимой московской паствой, посылая ей свое святительское благословение. Москва скрылась из глаз... На горизонте ежеминутно вспыхивают зарницы заградительного огня. В памяти оживают сообщения о бомбежке немцами многих пассажирских поездов... Но вся наша жизнь и час смерти нашей в руках Начальника жизни — Господа. И в этом душа находит покой»³⁷⁴.

В первые дни в Ульяновске для митрополита Сергия и его окружения не нашлось места в городе, и они жили в вагоне на вокзале, потом председатель Русской Церкви переселился в маленькую квартиру на окраине. 30 ноября митрополитом Сергием освящена была церковь на улице Водников, в здании, которое ранее использовалось как общежитие. Главный престол храма был посвящен Казанской иконе Божией Матери. Первую литургию служили без профессионального хора, при пении народа, собравшегося с великой радостью в храм, ставший по существу патриаршим собором. Вслед за тем митрополит Сергей переехал на квартиру, которая находилась под одной крышей с собором. Здесь же поселились управляющий делами протоиерей Николай Колчицкий и архиепископ Иоанн (Соколов), после приезда ставший правящим архиереем Ульяновской епархии, а митрополит Николай (Ярушевич), архиепископ Можайский Сергей (Гришин), протоиерей Александр Смирнов возвратились в Москву.

А на окраине Симбирска, в Куликовке, в здании, которое некогда было храмом, а потом изуродованное, со снятым куполом, использовалось как склад, устроена была обновленческая церковь. Там служили Александр Введенский, самочинный первоиерарх, «митрополит» Виталий (Введенский), обновленческий лжеархиепископ Ульяновский Андрей Расторгуев. Мемуарист, посетивший православный Воскресенский собор, побывал и у обновленцев и был принят Александром Введенским, своим давним знакомым, и так рассказывал об этом визите: «Митрополит Александр празднично оживлен, в синем однобортном пиджаке, курчавый... моложавый, говорливый, быстрый в движениях. Анна Павловна — красивая, грациозная, хорошо одетая. Марина — дочь первоиерарха... Разговор светский, оживленный, перескакивающий с предмета на предмет»³⁷⁵. На богослужения к ним приходило человек по 10, и некоторые только из любопытства, а храм на улице Водников всегда был переполнен молящимся народом. Этот

крохотный храм действительно стал духовным центром Православной России.

24 ноября митрополит Сергей обратился вместе с митрополитом Киевским и Галицким Николаем, архиепископами Куйбышевским Андреем, Можайским Сергием и Ульяновским Иоанном с новым посланием к пастве: «Гитлеровский молох продолжает вещать миру, будто бы он поднял меч «на защиту религии» и «спасение» якобы поруганной веры. Но всему миру ведомо, что это исчадие ада лживой личиной благочестия только прикрывает свои злодеяния. Во всех поработанных им странах он творит гнусные надругательства над свободой совести, издевается над святынями, бомбами разрушает храмы Божии, бросает в тюрьмы и казнит христианских пастырей, гноит в тюрьмах верующих, восставших против его безумной гордыни, против его замыслов утвердить свою сатанинскую власть над всей землей. Православные, бежавшие из фашистского плена, поведали нам о глумлении фашистов над храмами... Всему миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. У русских людей, у всех, кому дорога наша Отчизна, сейчас одна цель — во что бы то ни стало одолеть врага»³⁷⁶.

В январском послании 1942 г., обращенном к жителям оккупированных территорий, глава Русской Церкви призывает их хранить верность Отечеству, не становиться на путь предательства Родины³⁷⁷. В ноябре и декабре 1942 г. митрополит Сергей обращался с воззваниями к единоверному румынскому народу, который был вовлечен в войну с Россией с призывом порвать союзнические отношения с фашистской Германией³⁷⁸.

В пасхальном послании, составленном 2 апреля 1942 г., первосвященник раскрыл антихристианскую направленность нацистской идеологии: «Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику. Не забудем слов: *Сим победиши*. Не свастика, а крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское «жительство». В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось, и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим новым путем. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера и всех соумышленников его»³⁷⁹.

После этих слов митрополита Сергея многие вспомнили, что не только вожди фашистской Германии утверждали, что «христианство не удалось и для будущего мирового прогресса не годится». И всякому, кто слышал это послание, оглашаемое в православных храмах, ясно было, что не фашистская свастика, и не красная пентаграмма, а крест призван «возглавить христианскую нашу культуру».

В первую годовщину Великой Отечественной войны митрополит Сергей издал два послания — одно для москвичей, а другое для всероссийской паствы. В московском послании Местоблюстителю выразил радость в связи с поражением немцев под Москвой³⁸⁰. В послании всей Церкви глава ее обличал нацистов, которые в пропагандистских целях присваивали себе миссию защитников христианской Европы от нашествия коммунистов, а также утешал паству надеждой на победу над врагом³⁸¹. В Рождественском послании 1943 г. митрополит Сергей писал, что мы теперь не только верим, но и видим, что победа определенно перешла на нашу сторону³⁸². Пасхальное послание 1943 г. заканчивается словами: «С Божией помощью наша доблестная русская армия изгонит фашистскую нечисть из пределов нашей Родины. *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его (Пс. 67. 2)*»³⁸³. В послании, составленном ко второй годовщине начала Великой Отечественной войны, митрополит Сергей просил благословения у Господа на продолжение «патриотического подвига и на фронте, и в тылу, и да сотворит Господь, чтобы третий начинающийся год военной страды стал для нас годом победы»³⁸⁴.

С патриотическими посланиями к пастве обращались и ближайшие сподвижники

Местоблюстителя патриаршего престола митрополиты Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич). Митрополит Николай за две недели до фашистского нашествия выехал из Киева в Москву. Вскоре после этого 15 июля 1941 г. он, сохранив звание экзарха Украины, стал митрополитом Киевским и Галицким. Но в продолжение всей войны он оставался в Москве, исполняя обязанности управляющего Московской епархией. Он часто выезжал на передовую, совершая богослужения в местных церквях, произнося проповеди, которыми он утешал истрадавшийся народ, вселяя надежду на всемогущую помощь Божию, призывая паству к верности Отечеству. В первую годовщину начала Великой Отечественной войны 22 июня 1942 г. митрополит Николай обратился с посланием к пастве, жившей на территории, оккупированной немцами: «Исполнился год, как фашистский зверь заливал кровью нашу родную землю. Воистину, как говорит святой пророк Исайя, *ад преисподний пришел в движение* (Ис. 14. 9). Этот враг подвергает осквернению наши святые храмы Божии... В Калуге они убили старца-священника в то время, когда он совершал панихиды на кладбище; расстреливали церковных старост (в Волоколамске и других местах), благочестивых монахинь (в Калуге), странников и убогих при храмах. И кровь убиенных (Иов 24. 12), и разоренные святыни, и разрушенные храмы Божии — все вопиет к небу об отмщении!.. Святая Церковь радуется, что среди вас на святое дело спасения Родины от врага восстают народные герои — славные партизаны, для которых нет выше счастья, как бороться за Родину и, если нужно, и умереть за нее»³⁸⁵.

Все страшные дни блокады митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) не разлучался со своей паствой. В начале войны в Ленинграде оставалось пять действующих православных церквей: Никольский Морской, Князь-Владимирский и Преображенский соборы и две кладбищенские церкви. Храмы города были переполнены молящимися и причастниками. Даже в будние дни подавались горы записок о здравии и об упокоении. Температура в храмах опускалась часто ниже нуля, певчие от голода едва держались на ногах. Из-за частых обстрелов, от взрывов бомб окна в храмах были выбиты воздушной волной, и по храмам гулял морозный ветер. Митрополит Алексей жил при Никольском соборе и служил в нем каждое воскресенье, часто без диакона. Своими проповедями и посланиями он поддерживал мужество и надежду в людях, оставшихся в нечеловеческих условиях в блокадном кольце. В вербное воскресенье в ленинградских храмах было прочитано его архипастырское обращение с призывом к верующим самоотверженно помогать воинам честной работой в тылу³⁸⁶.

Последовательно патриотическая позиция священноначалия Русской Православной Церкви в дни войны не осталась без ответа со стороны советских властей. В 1942 г. наблюдались явные признаки смягчения антицерковной политики правительства; правда, это были скорее демонстративные жесты, чем реальные шаги навстречу многомиллионному верующему народу, проливавшему кровь за спасение Отечества, а значит, так уж получалось, и за сохранение советской власти. 7 ноября 1942 г. газеты опубликовали юбилейное приветствие И. В. Сталину в связи с 25-летием Октябрьской революции от Католикоса-Патриарха всей Грузии Каллистрата (Цинцадзе), от Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия, от митрополита Киевского Николая и от Александра Введенского, именовавшего себя первоиерархом. Как писал современник, с удивлением прочитавший эти телеграммы: «Неожиданным было не то, что церковные деятели выражают чувства преданности и патриотизма — это с 20-х гг. было привычно, новым было то, что в ответ на эти верноподданнические заверения не отвечают плевками и насмешками, а печатают на первой странице»³⁸⁷. В ноябре 1942 г. митрополит Киевский Николай (Ярушевич) был назначен членом Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний. Его работа в комиссии требовала частых выездов в прифронтовую полосу, посещения территорий, оставленных немцами при

отступлении; он исследовал разрушенные в ходе военных действий храмы, беседовал с людьми, пострадавшими при немецкой оккупации.

Но важнее для Церкви была появившаяся тогда возможность открыть несколько новых приходов и возобновить богослужение в заброшенных, запущенных, никак не использовавшихся храмах. Протоиерей А. Смирнов, задержавшись в Ульяновске на некоторое время, вспоминал: «Митрополит Сергей возложил на меня ряд послушаний, а именно: путешествия в соседние с городом села для открытия там церквей. У меня сохранился документ о моей командировке: «Протоиерею г. Москвы А. П. Смирнову. Поручаю Вам отправиться в село Плодомасово, принять ключи от местного храма, составить двадцатку и приступить к исполнению священнических обязанностей впредь до усмотрения. Митрополит Сергей»³⁸⁸. Некоторые священнослужители, освобожденные из лагерей, смогли возобновить служение в храмах.

В первые два года войны по разрешению властей вновь замещено было несколько архиерейских кафедр. Архиепископ Иоанн (Соколов), выехавший из Москвы с митрополитом Сергием в качестве его личного духовника, поставлен был в ноябре на Ульяновскую кафедру. В 1942 г. на Уфимскую кафедру был переведен архиепископ Кишиневский Алексей (Сергиев). Архиепископ Андрей (Комаров), настоятель храма в Куйбышеве, в сентябре 1941 г. получил назначение на Куйбышевскую кафедру. В конце того же года он был перемещен на соседнюю Саратовскую, затем последовательно занимал Горьковскую, снова Саратовскую, потом Казанскую, а с 1944 г. Днепропетровскую кафедры. Епископ Лука (Войно-Ясенецкий), находившийся в далекой сибирской ссылке, после начала войны как крупный специалист по хирургии был назначен главным хирургом Красноярского эвакуационного госпиталя. Осенью 1942 г. митрополит Сергей поставил его на Красноярскую кафедру, и владыка совмещал управление епархией с хирургической практикой. Еще до эвакуации Патриархии вернулся из лагерей и был назначен на Можайскую кафедру архиепископ Сергей (Гришин). В 1941 г. митрополит Сергей перевел его викарием на Волоколамскую кафедру, в 1942 г. перевел на Куйбышевскую кафедру архиепископа Алексея (Палицына). В 1943 г. освобожденный из лагеря епископ Александр (Толстопятов) получил назначение на Молотовскую, а епископ Иоанн (Братолюбов) — на Сарапульскую кафедры. В июле 1943 г. к Патриархии присоединен был в звании монаха вернувшийся из григорианского раскола лжеепископ Фотий (Топиро). 12 июля состоялась его хиротония во епископа Куйбышевского и Краснодарского. Принят был в сущем сане по возвращении из обновленчества хиротонисанный еще Патриархом Тихоном епископ Василий (Ратмиров); Местоблюститель патриаршего престола поставил его на Калининскую кафедру.

В 1941—1943 гг. совершались и архиерейские хиротонии, главным образом, вдовых протоиереев уже преклонных лет, успевших получить духовное образование в дореволюционную эпоху. В 1941 г. во епископа Куйбышевского был хиротонисан Питирим (Свиридов). Через год его перевели на Калужскую кафедру. 10 декабря 1941 г. митрополит Сергей писал маститому протоиерею Николаю Чукову, к тому времени уже овдовевшему: «Кто Вас видел недавно, говорят, что Вы до сих пор сохраняете почти прежнюю бодрость. Зачем же Вам сидеть на каком-то инвалидском положении? Мне же как будто улыбается возможность использовать Ваши силы более производительно для Церкви Божией. Я разумею архиерейство и, конечно, с принятием монашества... Препоящите, как муж, чресла и выходите на делание»³⁸⁹. Приняв постриг с именем Григория 14 октября он был рукоположен во епископа, на следующий день последовало возведение в сан архиепископа и назначение на Саратовскую кафедру. 26 февраля 1943 г. во епископа Можайского был хиротонисан митрополитом Сергием архимандрит Варфоломей (Городцев), близкий друг и однокурсник Местоблюстителя по духовной академии. По окончании академии его направили на пастырское служение в Тифлис,

и он стал там председателем местного отделения «Союза русского народа». Всю жизнь отец Сергей Городцев прослужил приходским священником, в советское время перенес арест, тюремное заключение, лагерную каторгу. Незадолго до войны отец Сергей был освобожден и служил священником в сельском храме возле Клина. При немецком наступлении на Москву он оказался на оккупированной территории, отступление немцев застало его в Калинин, и уже зимой 1942 г. отец Сергей отправился в Симбирск к митрополиту Сергию. Владыка Сергей постриг его с именем Варфоломея, возвел в сан архимандрита и назначил настоятелем кладбищенской церкви на окраине города. На Ульяновскую кафедру был хиротонисан епископ Димитрий (Градусов), как и владыка Варфоломей, тоже из вдовых протоиереев, рукоположенный во пресвитеры Святейшим Патриархом Тихоном и служивший до пострига и архиерейской хиротонии в Ярославле. В том же году во епископа Ростовского и Таганрогского был хиротонисан Елевферий (Воронцов) из протоиереев, овдовевших еще в довоенную пору.

Помимо разрешений на замещение вдовствующих кафедр и на новые епископские хиротонии, еще одним актом советской власти, призванным продемонстрировать благосклонное отношение к православной Церкви и иным религиозным общинам, явилось практически полное прекращение в периодической печати антирелигиозных нападок. «Союз воинствующих безбожников» прекратил существование без официального роспуска. В 1943 г. умер его бессменный руководитель Емельян Ярославский. Были закрыты и некоторые антирелигиозные музеи, но, конечно, не тот, который устроен был в Казанском соборе в Ленинграде. Что же побудило большевистскую власть изменить свою политику в отношении Церкви? Причины тому были разные. Прежде всего, стало непозволительной роскошью одновременно с войной против Германии вести еще и войну со своим православным народом. За четверть века духовенство в большинстве своем доказало свою аполитичность и готовность поступиться многим, только не самой верой; в годы войны патриотизм архипастырей и пастырей оказался совместимым с советским патриотизмом — поражения фашистов искренне хотели и коммунисты, и верующий народ.

Смягчение антирелигиозной политики властей явилось также следствием серьезной метаморфозы, которую претерпела советская идеология уже в середине 30-х гг. После того как надежды на мировую революцию рассеялись как дым, произошли причудливые изменения в идеологии большевистской партии. Остатки революционного интернационализма и естественную любовь к родине, хотя и утратившей национально русские и имперские черты, коммунистические идеологи соединили в новом понятии «советский патриотизм». С середины 30-х гг. советские пропагандисты, кроме бунтовщиков и революционеров, которых почитали еще с 1917 г., из истории страны извлекли и иные примеры, достойные подражания: портреты Суворова и Кутузова, которых историк-марксист 20-х гг. М. Н. Покровский клеймил как империалистов, шовинистов, душителей свободы, оказались в кабинете Сталина. Имена святых князей Александра Невского и Димитрия Донского упоминались в положительном контексте и даже о Крещении Руси в учебниках истории стали писать как о событии относительно прогрессивном. Таким образом, советская идеология в борьбе за выживание обнаружила свою приспособляемость к обстоятельствам, а в годы войны оказалась достаточно гибкой и даже с либеральным оттенком в отношении Церкви.

Была еще одна, дипломатическая, подоплека изменений правительственного курса в отношении религиозных общин в стране. Планы президента США Ф. Рузвельта объявить войну Германии, широко обсуждавшиеся в Америке, встретили возражение со стороны американского Совета церковью Христа, который на своей конференции вынес резолюцию о том, что участие США в войне на стороне Советского Союза недопустимо уже потому, что Советский Союз — это безбожное государство. После этого Рузвельт поручил послу США в Москве собрать и

представить материал, который бы показывал, что положение религиозных общин в СССР соответствует демократическим стандартам. Конечно, Рузвельт прекрасно знал о реальном положении Церкви в СССР, но вступление в войну, обусловленное политическими расчетами, необходимо было представить для христианской общественности США как проявление обеспокоенности положением верующих в Советском Союзе.

До сведения советского руководства дошла озабоченность религиозных кругов Америки; и одним из результатов этого явилась публикация Московской Патриархией в 1942 г. книги «Правда о религии в России», предназначенной главным образом для распространения за рубежом. И предисловие митрополита Сергия и статьи, помещенные в книге, содержали, конечно, полуправду о положении Православной Церкви в России и были рассчитаны на понятливого читателя, но публикация этой книги привлекла внимание к самому факту существования в нашей стране Церкви³⁹⁰. Частичная нормализация отношений между государством и Церковью должна была также побудить патриотически настроенную эмиграцию к примирению с советским режимом. Улучшение положения Церкви облегчало и пропагандистские задачи советского руководства среди православных балканских народов в то время, когда Румыния воевала с Советским Союзом, оккупировав Бессарабию, Приднестровье и значительную часть Украины, включая Одессу, а Болгария, не объявляя войну Советскому Союзу, была союзницей Германии в борьбе против единоверных соседей — Греции и Югославии.

* * *

В первые месяцы войны германский вермахт занял огромные территории на западе страны — едва ли не половину Европейской части Советского Союза: Прибалтику, Белоруссию, Украину, западные области Российской Федерации. На Карельском перешейке и в Карелии на стороне Германии сражались войска Финляндии. В Молдавии, Приднестровье, Крыму, на южной Украине немецкие войска были усилены итальянскими, румынскими и венгерскими частями. В Закавказье и на Дальнем Востоке постоянную угрозу создавали Турция и Япония.

Управление территориями, оккупированными немецкими войсками, осуществлялось Рейхсминистерством Восточных земель во главе с Альфредом Розенбергом. Захваченные земли были разделены оккупационной администрацией на рейхскомиссариаты, состоявшие из округов, областей, районов, уездов и волостей. Прифронтовая территория находилась под управлением военного командования. В результате нового административного деления Северная Буковина, Молдавия, Бессарабия и Одесская область были переданы Румынии, причем земли восточнее Днестра вместе с Одессой составили так называемую Транснистрию (Заднестровье). На оккупированной фашистами части Карелии власть осуществляло Военное управление Восточной Карелии. Галицию присоединили к Польскому генерал-губернаторству. Остальная территория составила рейхскомиссариат Украины с центром в городе Ровно. Центральная часть Белоруссии образовала генеральный комиссариат Белоруссии. Северо-запад Брестской и Гродненской области отошли к Восточной Пруссии, где действовали общегерманские законы; большая часть Брестской, а также Пинская и Полесская области отнесены были к рейхскомиссариату Украины; северо-западные районы Виленской области — к генеральному округу Литвы. Таким образом, сама Белоруссия собственно состояла из Барановичской, части Виленской, Минской, Пинской, частей Брестской и Полесской областей. Генеральный округ Белоруссия входил в состав рейхскомиссариата Остланд (Восток). Переход через границы административных зон был жестко ограничен, а для большинства жителей оккупированных территорий строго запрещен и смертельно опасен.

Как писал историк Белорусской Церкви епископ Афанасий (Мартос), «немецкие войска застали церковно-религиозную жизнь в Восточной Белоруссии в разрушенном состоянии.

Епископов и священников не было, церкви были закрыты, переделаны в склады, театры, а многие разрушены. Монастырей не существовало, монахи разбрелись где кто мог, многие умерли в ссылках, в тюрьмах. Но верующие были в огромном числе. В Минске, столице Белоруссии, из девяти церквей уцелела только одна на военном кладбище за городом. Остальные переделаны и приспособлены для разных хозяйственных нужд. Три церкви: кафедральный собор, архиерейская церковь и собор возле железнодорожной станции были снесены. Сохранились католические храмы, но в кафедральном был архив, а в другом большом — кино. Богослужений в городе не совершалось уже много лет»³⁹¹.

Во всех городах и во многих селах, оставленных советской администрацией, объявлялись священники, либо находившиеся там на положении ссыльных, либо скрывавшиеся в подполье, либо зарабатывавшие на жизнь каким-нибудь ремеслом или службой. Эти священники получали у оккупационных комендантов разрешение на совершение богослужений в закрытых, но не разрушенных церквях. Чаще всего это были кладбищенские храмы или церкви, в которых открыли музеи.

Целью войны для Гитлера и руководства нацистской партии было расчленение нашей страны и порабощение славянских народов, поэтому в случае победы Германии православной Церкви, высшей национальной святыне русского народа, грозило жестокое гонение. Но фашистские идеологи прикрывали свою разбойничью войну именем Бога, называли ее крестовым походом против коммунизма. В пропагандистских целях оккупационные власти выдавали разрешения на открытие церквей, но в проведении религиозной политики оккупационные власти опирались на высказывание Гитлера: «Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Если некоторые деревни в результате захотят практиковать черную магию, как это делают негры или индейцы, мы не должны ничего делать, чтобы воспрепятствовать им. Коротко говоря, наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола»³⁹². Розенберг наметил основные принципы религиозной политики Германии на оккупированных территориях: «1) религиозным группам категорически воспрещается заниматься политикой; 2) религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным. При этом национальный признак должен быть особенно строго соблюдаться при подборе возглавления религиозных групп. Территориально же религиозные объединения не должны были выходить за границы... одной епархии; 3) религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей»³⁹³.

Верующий народ, голодный, нищий, разоренный войной, самоотверженно трудился над восстановлением храмов Божиих, украшал их уцелевшими в домах и пожертвованными иконами, приносил тайно укрывавшиеся богослужебные книги. Богослужения совершались в храмах, переполненных народом. В Каменец-Подольском уже в июле 1941 г. была возобновлена служба в Покровском храме престарелым священником Качеровским. 4 августа протоиерей Околовский служил в кафедральном храме города Проскурова. В Виннице богослужение возобновилось сперва в кладбищенском храме, потом еще в одной старинной деревянной церкви города. В Полтаве уже на следующий день после вступления немцев, 18 сентября 1941 г., протоиерей Владимир Беневский, работавший до войны каменщиком, начал хлопотать о возобновлении службы в церкви св. Макария, в которой сохранилась еще богослужебная утварь, потому что ее закрыли одной из последних. Отец Владимир Беневский собрал вокруг себя еще 18 полтавских священников, и они начали служить в 5 городских церквях.

Первым стал совершать православное богослужение в Житомире живший там подпольно архимандрит Леонтий (Филиппович). Великое множество народа, и дети, и взрослые,

принимали крещение. На Украине и в Белоруссии практически все, кто происходил из православных семей, но не получил крещения в годы гонений на Церковь, были крещены в течение нескольких месяцев после немецкой оккупации. Протоиерей Владимир Беневский за год с малым крестил в Полтаве 2500 человек. Порой при большом стечении желающих креститься или крестить своих детей таинство совершалось по древнему обычаю в реке. На праздничные богослужения сходилось множество верующих, совершались крестные ходы, в которых участвовали тысячи православных. Религиозный энтузиазм наиболее велик был в восточных областях Украины и Белоруссии, где церковная жизнь была разрушена почти до конца. Правда, религиозность сохранилась тут по преимуществу у сельского населения, а в городах — у людей старшего поколения. Наблюдалось и обратное. Новая советская интеллигенция, городская рабочая молодежь под влиянием атеистической пропаганды в массе своей отвернулась от веры отцов. В Киеве открыто было 26 церквей, кроме святой Андреевской церкви, все остальные на окраине. Для большого города это было все же мало в сравнении с провинциальными городами, но и эти церкви даже в воскресные дни не были заполнены молящимся народом.

Давая разрешение на открытие церквей, немецкие оккупанты, мягко говоря, не являли собой пример христианской нравственности и христианского умонастроения. Конечно, среди солдат, офицеров и чиновников были верующие католики и протестанты, и может быть, в значительном числе, но идеология господствующей нацистской партии была резко противопоставлена христианству. В прифронтовой полосе, где власть находилась в руках военной администрации, православные христиане встречали со стороны немцев искреннее сочувствие, но в глубоком тылу, где тон задавали партийные функционеры и части СС, только пропагандистские и политические соображения диктовали оккупационным властям известную терпимость по отношению к православной Церкви.

На оккупированных территориях было сохранено действие большей части советского законодательства, оказавшегося весьма удобным для новых хозяев, в том числе и ленинского декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В начальных школах и ремесленных училищах (открывать другие учебные заведения немецкие власти не разрешали) запрещено было преподавать закон Божий. Как и в самой Германии, воспитание детей велось в национал-социалистическом, расистском и неоязыческом духе. Великие праздники православной Церкви не стали официальными выходными днями; правда, 7 ноября праздновать тоже запрещали. Впрочем, в Восточном министерстве Розенберга были чиновники, которые считали, что православной Церкви следует давать преимущество в сравнении с католической и протестантскими Церквями как политически менее активной и просто для того, чтобы поддерживать ее в таком состоянии, в котором бы она могла соперничать с другими христианскими конфессиями. Сталкивать разные конфессии, чтобы компрометировать их в глазах народов,— в этом всегда был стержень религиозной политики нацистской партии.

Грубое издевательство над чувствами верующих и над самими верующими были повседневной реальностью на оккупированных территориях. Так, в Василькове во время уборки урожая начальство областного сельскохозяйственного управления запретило совершать богослужения даже в воскресные дни. Когда же пришедшие помолиться люди стали просить местного священника отслужить обедню, начальник управления велел разогнать народ из церкви плетками.

Оккупанты не были единственными хозяевами на захваченных землях. На всей огромной территории полыхала партизанская война, и местному населению приходилось считаться с партизанами как с реальной силой. Но партизаны не были едины, действовали под разными знаменами и с разными целями. На востоке Украины и Белоруссии преобладало движение

советских партизан, организованное подпольщиками, оставленными коммунистами при отступлении; в эти отряды вливались бежавшие из плена офицеры и солдаты, примыкали и местные жители, прежде всего, конечно, коммунисты и комсомольцы. На западе Белоруссии, отчасти также в Галиции и на Волыни действовали польские партизаны и подпольщики, целью которых было возрождение Польского государства, причем в тех границах, которые оно занимало до 1939 г., поэтому хотя у советских и польских партизан враг был общий, но интересы их не совпадали. Польское подполье видело своих противников не только в немцах и советских партизанах, но также и в местном населении. Тайная польская организация гренадеров, действовавшая на территории Западной Белоруссии, на совещании, состоявшемся 3 мая 1943 г., приняла постановление:

«1) Все немецкие учреждения в поветах должны быть переполнены только нашими людьми, чтобы вся практическая власть была в наших руках. Таким образом, все полицейские и коменданты смогут оказать помощь оружием и амуницией нашим вооруженным легионам, проводить разведку и делать соответствующее влияние на немцев и на все их окружение. 2) Каждый поляк должен помнить, что... никогда и ни за что белорус не захочет дать нам помощь, потому мы должны стремиться выжить белорусов из всех учреждений... стремиться найти всякие материалы, обвиняющие белорусов за связь с партизанами для того, чтобы их расстреливали. Таким образом, мы сможем не только выжить белорусов, но и настроить белорусское население против немцев. Затем при помощи умелой пропаганды перетянем белорусов на свою сторону и достигнем как минимум их нейтралитета. 3) Через своих людей просить полицию и немцев сжигать белорусские деревни под предлогом, что они помогают партизанам. В инструкции № 7 от 14 мая 1943 г. руководящий центр гренадеров указывает, что цель польских легионов — освобождение Заходней (sic.— В. Ц.) Беларуси от большевизма, но каждый поляк должен помнить, что белорусы — это враги польского народа... поляки должны всеми способами компрометировать белорусов перед немцами, добиваясь арестов белорусов, чтобы потери в белорусах были наибольшими»³⁹⁴.

На Украине возникло повстанческое движение украинских националистов — бендеровцев и мельниковцев. Между ними не было согласия и порой доходило вплоть до вооруженных стычек.. Партизанским и враждебным немцам это движение стало не сразу, поначалу бендеровцы возлагали надежду на помощь оккупантов в создании «независимой самостоятельной Украинской державы», наивно полагая, что для фашистской Германии достаточной наградой за тяжкую кровопролитную войну будет не колонизация Украины, а образование дружественного Германии Украинского государства.

Ни одно из партизанских движений не сочувствовало православной Церкви. Ядро советских партизанских отрядов составляли воинствующие атеисты. Польское подпольное движение естественно пользовалось сочувствием со стороны Римско-католической Церкви; в православных поляки видели носителей традиций ненавистной им царской России. Украинские националисты ориентировались либо на униатскую Церковь, либо на раскольническую автокефальную группировку. Православные канонические священники погибали по вине и оккупантов, и партизан, но настоящий террор против них развязали как раз украинские националисты в интересах автокефальной группировки.

После отъезда с Украины патриаршего экзарха митрополита Николая (Ярушевича), в областях, до 1939 г. входивших в Советский Союз, не оставалось ни одного правящего епископа. Между тем в Киеве пребывал на покое, полуподпольно окормляя малочисленную паству, схииериепископ Антоний (князь Абашидзе). Профессор Степа написал статью, в которой предлагал ему возглавить украинскую иерархию, но немецкие власти не разрешили даже публиковать эту статью в украинской прессе, тем самым давая понять, что опорной базой для

формирования иерархического управления в восточных областях могут быть только епископы генерал-губернаторства, Волыни и Полесья.

Архиепископ Александр (Иноземцев), находившийся на покое, и викарный епископ Луцкий Поликарп (Сикорский) объявили, что они никогда не входили в юрисдикцию Московской Патриархии, потому что в свое время не ездили в Москву по приглашению Патриархии. От поездок в Москву они действительно уклонились, но епископ Поликарп участвовал вместе с патриаршим экзархом митрополитом Николаем в архиерейской хиротонии, а епископ Пинский Александр в 1939 г. уволен был на покой Местоблюстителем патриаршего престола по его же прошению. Эти два иерарха обратились к митрополиту Дионисию (Валединскому) с просьбой возглавить Украинскую Церковь и получили согласие митрополита Дионисия. В октябре 1941 г. группа самосвятских священников и поддерживавших их мирян, как и в годы гражданской войны, образовала Церковную раду, которая направила в Варшаву просьбу прислать в Киев епископов. Митрополит Дионисий передал Церковной раде свое благословение. Единомышленная с липковцами рада образовалась и в Ровно, тоже получив благословение из Варшавы. Стало очевидным стремление митрополита Дионисия взять на себя возглавление всех Церквей на оккупированных территориях. Но установить регулярную связь между Варшавской кафедрой и церквями Украины было непросто из-за запрещений пересекать границы. Тогда митрополит Дионисий решил поставить викарного епископа Волынской епархии Поликарпа (Сикорского) епархиальным архиереем Луцким и Кременецким, освободив его от подчинения правящему архиерею Волынской епархии архиепископу Алексию (Громадскому). Несмотря на прежнюю свою приверженность украинофильским тенденциям, архиепископ Алексей на этот раз не желал отступать от канонов и не признал юрисдикции митрополита Дионисия за пределами той территории, на которую она распространялась до немецкой оккупации Украины. Несмотря на это, 24 декабря 1941 г. митрополит Дионисий назначил епископа Поликарпа администратором православной Церкви на Украине. По словам полтавского священника протоиерея Владимира Беневского, «Поликарп вопреки всем каноническим правилам получил от митрополита Дионисия полномочия на управление Украинской Церкви с неизвестным Церковью до сих пор титулом «администратора» ³⁹⁵. В связи с этим архиепископ Волынский Алексей (Громадский) обратился с посланием к духовенству Луцкого викариатства, в котором говорилось: «Этот акт епископа Поликарпа противоречит церковным канонам и приведет к церковному разделению на Волыни. Ни митрополит Варшавский, ни викарный епископ Луцкий не могут ни представлять Волынскую Церковь, ни делить ее... Я твердо убежден, что духовенство Волынской епархии понимает остроту ответственности нашего времени и не допустит церковного раскола на Волыни... Высокосвященного Поликарпа ввиду его перехода в иную юрисдикцию следует считать утратившим канонические полномочия и в Луцком викариатстве» ³⁹⁶.

24 января 1942 г. Поликарп нанес в Ровно визит заместителю рейхскомиссара фон Вендельштодту и передал ему приветствие, адресованное рейхскомиссару Коху. Заканчивалось оно словами: «Прошу принять для великого вождя немецкого народа Адольфа Гитлера пожелания полноты сил духовных и телесных, а также неизменного успеха для окончательной победы над врагом Востока и Запада. За эту победу вместе со своими верующими, опекать духовенство которых я призван, я буду возносить молитвы Всемогущему Господу» ³⁹⁷.

Поликарп получил и денежную поддержку со стороны видного украинского политика Степана Скрыпника, который уже в июле 1941 г. был приглашен немецкими властями в качестве советника для подбора из украинской националистической интеллигенции кандидатов на должности в украинской администрации. В августе 1941 г. Скрыпник начал издавать газету «Волынь» на украинском языке, на страницах которой подвергались травле

священнослужители, не признававшие самочинных прав епископа Поликарпа на возглавление Украинской Церкви.

Параллельно действиям по сколачиванию автокефалистской иерархии, предпринятой митрополитом Дионисием и епископом Поликарпом, архиепископ Алексей (Громадский) принял меры для устройства канонически правомерного церковного управления на Украине. 18 августа 1941 г. было созвано епископское совещание в Почаевской лавре. По приглашению архиепископа Алексея туда прибыли архиепископы Антоний (Марценко), Симон (Ивановский), епископы Львовский Пантелеимон (Рудык) и Пинский Вениамин (Новицкий). В установлении отношений с Московской Патриархией совещание исходило из признания автономного статуса Украинской Церкви на Поместном Соборе 1917—1918 гг. Впрочем, в постановлении, принятом на совещании, не было упомянуто, что этот статус упразднен Святейшим Патриархом Тихоном. «Ввиду того, что экзарх Московской Патриархии митрополит Николай,— говорилось в постановлении,— за неделю до начала германо-советской войны выехал в Москву, не дав епископам никаких распоряжений, наша Церковь осталась без возглавления... Иные могли бы использовать это обстоятельство для того, чтобы разорвать отношения нашей Церкви с Московской иерархией и провозгласить автокефалию. Но не следует вставать на этот скользкий путь анархии. Ни отдельные епископы, ни областной епископский Собор не могут самостоятельно создавать автокефалию. Для этого необходимо решение Поместного Собора Украинской Православной Церкви в составе епископов, духовенства и мирян. До такого Собора наша Церковь должна оставаться в подчинении и юрисдикции Местоблюстителя патриаршего престола, но она имеет право на местное автономное управление»³⁹⁸. Нарушая канонически правомерный порядок, совещание епископов объявило митрополита Николая лишенным прав патриаршего экзарха Западной Украины и предоставило архиепископу Алексею как старшему архиерею Украины права митрополита области.

В послании духовенству Луцкого викариатства от 1 сентября 1941 г. архиепископ Алексей отверг Варшавскую юрисдикцию на Украине, сославшись на то обстоятельство, что митрополит Дионисий в 1939 г. отказался от возглавления Православной Церкви Польши и от управления Вольнской епархией, а в настоящее время является главой Церкви в генерал-губернаторстве, в состав которого Украина не входит.

На очередном епископском совещании в Почаеве, состоявшемся 25 ноября 1941 г., архиепископ Алексей был избран экзархом Украины. В избрании участвовали помимо архиереев, приезжавших в Почаевскую лавру в августе, также епископ Черновицкий и Хотинский Дамаскин (Малюта), и новохиротонисанные епископы Бердичевский Леонтий (Филиппович) и Ковельский Иоанн (Лавриненко) — оба викарии архиепископа Алексея. Таким образом, на территории оккупированной Украины образовались две Церкви: откровенно схизматическая автокефальная во главе с Поликарпом (Сикорским) и автономная, иерархия которой не избежала частных канонических нарушений, отчасти объяснимых исключительными обстоятельствами времени, не признанная Московской Патриархией, но все-таки дорожившая единством с Русской Православной Церковью и стремившаяся в главном не сойти с канонической почвы. Уже осенью 1941 г. началась острая конкуренция автокефалистов и автономистов за влияние на Киев и на левобережье Украины.

В это время на Левобережной Украине, в той ее части, которая административно находилась вне территории рейхскомиссариата и под управлением военного командования, появилась еще одна раскольническая группировка. Ее предводитель лжемитрополит Феофил (Булдовский), возглавивший лубенский раскол в 20-х гг. и изверженный из сана священноначалием Русской Православной Церкви, объявил себя в ноябре 1941 г. митрополитом Харьковским. Этому предшествовало посещение его дома давним его сподвижником

протоиереем Александром Кривомазом. Гость рассказал лжемитрополиту, что в Харьковской горуправе организован религиозный отдел, что там знают о Феофиле и хотят, чтобы он возглавил местную епархию Украинской автокефальной Церкви. Предложение обрадовало 76-летнего раскольника, он поспешил с визитом к бургомистру Крамаренко и заручился его поддержкой в действиях по возрождению автокефальной Церкви в Харькове. Утвердившись в Харькове, лжемитрополит Феофил распространил свою юрисдикцию и на Полтавскую епархию, где, однако, его попытки подчинить себе духовенство и верующих встретили энергичное сопротивление со стороны церковных деятелей автономной ориентации, во главе которых стоял переведенный на Полтавскую кафедру епископ Вениамин (Новицкий). По мере продвижения германских войск на Восток, Феофил включил в свою церковную область также Воронежскую и Курскую епархии.

Поскольку Феофил действовал вне пределов рейхскомиссариата, его отношения с автокефалистами во главе с Поликарпом (Сикорским) довольно долго не носили административного характера. Лишь в июле 1942 г. с ним встретился Степан Скрыпник, к тому времени уже хиротонисанный во епископа Переславского с именем Мстислав; он вел с ним переговоры по поручению администратора Поликарпа о подчинении его автокефальному центру в Луцке. Скрыпник и Феофил (Булдовский) были знакомы еще со времен гражданской войны. Сам Феофил так впоследствии говорил о Мстиславе: «О, это страшный человек. Это бандит в епископском клобуке. Он из тех, что могут убить, удавить человека, если он станет ему препятствием... Епископ Мстислав — доверенное лицо гестапо и администратора Поликарпа Сикорского. Это племянник Петлюры, его адъютант по фамилии Скрыпник. В келейном разговоре с Мстиславом я с какой-то боязнью спросил его об унии с Римско-католической Церковью. А он мне отвечает: «Уния? А почему бы и нет? Разве те, кто пошли на унию с Римом, что-либо потеряли? Пусть с чертом, лишь бы не с Москвой. Но об этом еще рано говорить»³⁹⁹. Результатом переговоров Феофила с Мстиславом было подчинение лжемитрополита Харьковского и Полтавского юрисдикции Поликарпа (Сикорского).

Бесчинства раскольников на Украине вызывали скорую и жесткую реакцию со стороны священноначалия Русской Церкви. 5 февраля 1942 г. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей обратился к православной пастве Украины с посланием, в котором обличал каноническую неосновательность самочинных акций Поликарпа (Сикорского):

«Я спешу предупредить православную паству и духовенство Украины об этом новоявленном волке в овечьей шкуре, который, прикрываясь якобы служением чаяниям украинского народа, пытается увлечь православную паству из церковной ограды на распутье раскола и всякого самочиния. Выступление Сикорского мне представляется явлением исключительно политического характера, а не церковного. Он и сделал его не по личному своему почину, а по наказу политической партии. Он все время был светским чиновником. При Петлюре он был начальником департамента в Министерстве просвещения и после разгрома петлюровцев убежал, подобно многим, в Польшу. Сикорский уж под пятьдесят лет (сейчас ему 65) принял, наконец, священство и монашество, и, вероятно, тоже по наказу политической партии, которая и могла рассчитывать в будущем на его архиерейство в своих политических интересах... Он и держал себя в монашестве и в архиерействе как истый петлюровец: хвалился нелюбовью к «москалям», старался говорить только по-украински, избегал совершения служения по-славянски... Тем же петлюровцем в душе, хотя и не столь откровенным, продолжал быть Сикорский, и подчинившись в 1940 г. Московской Патриархии... Теперь мы видим, что Сикорский, делая все это, только ожидал подходящего оборота политики, чтобы использовать свое архиерейство для изменнического выступления... Это есть та же симония — один из тягчайших грехов, караемый лишением священства.

Другое известие... Православные украинские иерархи, входившие в состав Польской республики, объявляются независимыми церковно не только от Москвы (на чем стояла польская автокефалия), но и от самой якобы Автокефальной Польской Церкви. Роль митрополита Дионисия не совсем ясна: или он предпочел испарившейся польской автокефалии покровительствуемую фашистами украинскую автокефалию, или же оказывает любезность самостийникам, желая сохранить за собой положение в генерал-губернаторстве.

Автокефалия Украинской Церкви утверждена не самой этой Церковью, например, на каком-нибудь съезде или архиерейском Соборе, хотя бы для видимости собравшемся (как это с грехом пополам было в Польше). Автокефалию утверждает землячество, что-то вроде студенческого или политического клуба, и даже не на территории Украины, а где-то на чужой земле, с согласия, может быть, и по предложению чужого, германского правительства, к тому же находящегося теперь в состоянии войны с Украиной. Эта невиданным способом объявленная украинская автокефалия назначена идти вслед за германскими войсками, с помощью которых автокефалисты будут покорять под ноге автокефалии украинский народ, хочет он этого или не хочет... Мы присутствуем при появлении целой группы самочинников (больше политиков, чем церковников), специально организованной для похода на Украину, для овладения ее вековыми святынями, для ее покорения вновь выдуманному церковному управлению. И все это при помощи заведомых врагов славянства, опустошающих нашу землю, избивающих безоружных стариков, женщин и детей, заживо сжигающих наших красноармейцев — раненых и больных, и проч., и проч. Лакейски увлеченный, Сикорский будет теперь призывать украинцев целовать терзающую их руку в благодарность за столь своеобразное «освобождение», всемиловитейше пожалованное им от Гитлера. Впрочем, Сикорский едва ли и сам может сказать, куда заведет его принятая им на себя недостойная роль и до чего он договорится в стремлении угодить своим новым хозяевам и обольстить православный украинский народ. Польская автокефалия утверждена вопреки воле и благословию законного главы, Святейшего Патриарха Тихона, и его законных преемников. Архиереи, примкнувшие к автокефалии, подлежат по правилу 15 Двукратного Собора «лишению всякого священства». Митрополит Дионисий и сущие с ним архиереи остаются в священном сане только потому, что Патриархия не торопится с мерами взыскания, надеясь, что со временем согрешившие покаются и возвратятся в общение с матерью Церковью (что и имело место для многих польских архиереев в 1939— 1941 гг. в Белоруссии и на Украине).

Сикорский, самочинно объявивший себя главой украинской автокефалии, не только повторяет дурной пример митрополита Дионисия, но и усугубляет преступность своего самочиния многими вышеуказанными недостойными подробностями, и потому, наравне с прочими похитителями не принадлежавшего им церковного достоинства и вторгшимися в чужую область, Сикорский подлежит такому же лишению всякого священства: его священнодействия, в частности совершаемые им хиротонии, отселе недействительны и безблагодатны, а всякие распоряжения по православным приходам ни для кого не обязательны (15 правило Двукратного Собора; 35 св. Ап., 8. III Вселен.; 13 Антиох. и др.)»⁴⁰⁰.

Дело Поликарпа (Сикорского) явилось главной темой пасхального послания патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, обращенного «к православным архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще занятых гитлеровскими войсками»⁴⁰¹, где отмечалось полное единство во взглядах с Вселенским Антиохийским и Иерусалимским Патриархами о необходимости церковного суда над епископом Поликарпом за совершенные им тягчайшие преступления против святой Христовой Православной Церкви.

28 марта 1942 г. по делу епископа Поликарпа в Ульяновске вынесено было судебное определение, подписанное патриаршим Местоблюстителем и еще 10 архиереями:

митрополитами Ленинградским Алексием, Киевским и Галицким Николаем, архиепископами Саратовским Андреем, бывшим Ташкентским Лукой, Куйбышевским Алексием, Горьковским Сергием, Ульяновским Иоанном, Уфимским Алексием, епископами Вологодским Георгием и Калужским Питиримом. Текст этого определения гласил: «1) Заключение Его Блаженства по судебному делу епископа Поликарпа Сикорского, изложенное в упомянутом послании, признать справедливым и канонически правильным и утвердить нашим соборным голосом. 2) Если епископ Поликарп (Сикорский) благоразумно подчинится наложенному на него запрещению, назначить ему двухмесячный срок (применительно к Карф. 38 или 29 по греч. Синтагме) со дня объявления настоящего определения для представления в Московскую Патриархию своих оправданий, по рассмотрении которых с вызовом обвиняемого в присутствие суда, Собор вынесет окончательное решение по делу. 3) Если (чего мы не желаем) епископ Поликарп... пренебрежет запрещением, признать епископа Поликарпа лишившим себя сана и монашества и всякого духовного звания с самого момента нарушения им запрещения. 4) Настоящее определение обнародовать вместе с пасхальным посланием Его Блаженства и считать по обнародовании объявленным подсудимому и всему церковному обществу»⁴⁰².

Весьма характерно, что действия епископов автономной ориентации не вызывали никакого отклика со стороны Патриархии несмотря на ряд заявлений митрополита Алексия (Громадского) и его последователей о лояльности немецким оккупационным властям и канонически уязвимый способ установления ими церковной автономии. Само молчание главы Церкви по поводу их действий по существу выражало понимание того, что их статус и политическая позиция зависят полностью от обстоятельств. Под судебным определением митрополит Николай (Ярушевич) подписался еще как бывший экзарх Патриархии в западных областях Украины и Белоруссии; в этом обозначении себя бывшим заключено было частичное признание экзарших прав митрополита Алексия, по крайней мере, хотя бы на юрисдикцию в западных областях Украины.

Между тем пропасть между автономной и автокефалистской церковными ориентациями на Украине продолжала углубляться. 1 июля 1942 г. администратор Поликарп (Сикорский) в своем послании к пастве объявил о полном разрыве канонического и евхаристического общения с автономной Церковью. В свою очередь епископское совещание автономной Церкви в окружном послании от 30 апреля 1942 г. охарактеризовало автокефалистов как сектантов-липковцев. Автокефалисты, пользуясь покровительством со стороны оккупационных властей, открывали новые кафедры на Украине, к востоку от советско-польской границы: в Житомире, Виннице, Кировограде, Умани, Смеле, Лубнах. На Волини в Ровно, где находилась резиденция рейхскомиссара, была открыта викарная кафедра администратора и на нее поставили епископа Платона (Артемюка). Унаследовав от липковцев и обновленцев приверженность к церковному беззаконию, автокефалисты допускали у себя белый епископат. Четверо из «иерархов» были женаты: Михаил (Хороший), которого поставили на Николаевскую кафедру, епископы Лубенский Сильвестр (Гаевский), Винницкий Григорий и Новомосковский Владимир (Малец).

Митрополит Алексей также позаботился о том, чтобы заместить кафедры в городах, которые до 1939 г. находились в составе Советского Союза. Викарный епископ Симон (Ивановский) был перемещен на Черниговскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Епископа Вениамина (Новицкого) перевели на Полтавскую кафедру. Епископ Антоний (Марценко), живший на покое в Камне-Каширском, был в сане архиепископа назначен на Херсонскую кафедру.

Подольской епархией управлял епископ Дамаскин (Малюта), Житомирской — Леонтий (Филиппович), Винницкой — Евлогий (Марковский), Днепропетровской — епископ Димитрий (Маган). Большинство новохиротонисанных епископов автономной Церкви были

постриженниками Успенской Почаевской лавры. Митрополит Алексей установил также связи с церквями, открытыми в оккупированных областях Российской Федерации; на Дону во главе епархии стоял архиепископ Ростовский Николай (Амассийский), его викарием был епископ Таганрогский Иосиф. Автономная экзархия посвятила также во епископа с титулом Белгородского и Грайворонского для управления Курской епархией Панкратия (Гладкова). Но поскольку Курская область находилась в прифронтовой зоне и за пределами рейхскомиссариата, оккупационные власти не разрешили ему выехать в своей кафедральный город. Впоследствии епископ Панкратий был переведен на викарную Нежинскую кафедру. В отличие от Украины на Дону не было никаких церковных разделений.

Влияние автокефалистов и автономистов распределялось неравномерно в разных частях Украины. Но решительное большинство православных на Украине осталось в лоне Автономной Церкви. На Волыни, где находились оба церковных центра, у Автономной Церкви был несомненный перевес в районах, расположенных ближе к Почаевской лавре. Опорой автокефалистов были северо-западные районы. На Украине Левобережной, за исключением Харьковской епархии, везде преобладали приверженцы Автономной Церкви. Большую часть приходов Харьковской епархии удерживал в своих руках лжемитрополит Феофил (Булдовский).

В своем соперничестве с Автономной Церковью автокефалисты не брезговали интригами и даже доносами оккупационным властям. Так, архиепископ Вениамин (Новицкий), в ту пору епископ Полтавский, рассказывал: «Я был послан митрополитом Алексием (Громадским) в Полтаву, однако с указанием, что если будет возможность, то управлять и соседним Харьковом. Обосновавшись в Полтаве, я там служил первую службу на Преображение Господне в 1942 г., прослужил еще две-три службы, и вот в одно воскресенье, придя домой, застал двух с-дековцев, которые спросили у меня документы. Я им сообщил, что имею только церковные документы — указ митрополита. Они спросили о документах от генерального комиссара Украины. Узнав, что таковых у меня не имеется, тут же предложили собираться с ними. Как оказалось, булдовцы сообщили немцам о том, что я являюсь агентом Москвы. По прибытии в Киев немцы стали наводить обо мне справки, и только личное присутствие и поручительство протоиерея отца Михаила Ивасева, секретаря архиепископа Пантелеимона, освободило меня от ареста, но без права выезда до выяснения. В Киеве я находился до двух месяцев»⁴⁰³.

Несмотря на очевидную каноническую незаконность статуса Автокефальной Церкви, усугубленную тем, что они приняли в свой клир без перерукоположений лжеклириков самосвятов, в октябре 1942 г. была предпринята попытка объединиться с автономистами в лице митрополита Алексия. Его ревностное украинофильство 30-х гг. явилось, очевидно, тем слабым местом, которое было использовано раскольниками для вовлечения его в интригу. Протоиерей Феодор Климяк, тогда регент Луцкого кафедрального собора, рассказывал о заседаниях в октябре 1942 г. так называемого «Собора епископов Украинской Автокефальной Православной Церкви»: «Я как регент в Соборе не участвовал, но после Собора запомнил, что архиепископ Поликарп был провозглашен митрополитом и надел белый клобук, а также и архиепископ Александр был провозглашен митрополитом Пинским. Это была главная цель епископа Поликарпа и главное деяние Собора, а еще важное постановление было — принятие «в сущем сане» всех клириков Липковской ориентации в Украинскую Православную Автокефальную Церковь... Автокефалисты возлагали большие надежды на этот Собор, в частности, были уверены, что Собор епископов сумеет найти пути и условия для объединения с автономистами и создания в украинских освобожденных землях единой Автокефальной Церкви. Широко рекламировались вопросы, которые должны составить повестку предполагаемого Собора, а именно:

- 1) провозглашение автокефалии; 2) независимость от Московского Патриарха; 3) принятие

липковцев в «сущем сани»⁴⁰⁴.

Для переговоров с митрополитом Алексием автокефалисты отрядили в Почаевскую лавру своих самых влиятельных и ловких деятелей: архиепископов Никанора (Абрамовича) и Мстислава (Скрыпника). Встреча состоялась 8 октября. Мстислав, который на богословском факультете Варшавского университета в свое время слушал лекции владыки Алексия по каноническому праву, утверждал, что принятие самосвятских священников без перерукоположения не имеет принципиального значения, что среди принятых липковцев не было епископов и все это сделано было ради икономии. Несмотря на совершенную несостоятельность этих аргументов, митрополит Алексий нашел их удовлетворительными, и переговоры закончились подписанием соглашения, которое среди прочего предусматривало: 1) Фактическое признание существования Украинской Автокефальной православной Церкви; 2) Украинская Автокефальная православная Церковь через Блаженнейшего митрополита Дионисия, который до созыва Всеукраинского Собора является по существу Местоблюстителем Киевского митрополичьего престола, поддерживает общение со всеми православными Церквями; 3) высшим органом власти Украинской православной Церкви впредь до созыва Всеукраинского Собора является Собор епископов Украины, который осуществляет управление церковной жизнью через Священный Синод; 4) Священный Синод состоит из следующих пяти старейших украинских епископов: высокопреосвященнейших Александра, митрополита Пинского и Полесского, Алексия, митрополита Волынского и Житомирского, Поликарпа, архиепископа Луцкого и Ковельского, Симона, архиепископа Черниговского и Нежинского, и Никанора, архиепископа Чигиринского. Обязанности секретаря Священного Синода исполняет преосвященнейший Мстислав, епископ Переславский; 5) на своем первом заседании Священный Синод займется всеми вопросами, связанными с объединением обоих направлений, в особенности, распределением епархий и кафедр между епископами; 6) старейший по хиротонии митрополит созвет Священный Синод и определит место и время его проведения»⁴⁰⁵.

Акт, принятый в Почаеве, явился несомненною победой автокефалистов прежде всего потому, что он утвердил самочинную автокефалию и большинство мест в образованном Синоде заняли автокефалисты; из Автономной Церкви в Синод включены были лишь митрополит Алексий и архиепископ Симон и, наконец, первенство в этом Синоде, по старшинству хиротонии, принадлежало автокефалисту Александру (Иноземцеву).

В автокефальных кругах подписанный в Почаеве акт вызвал полную поддержку и победную эйфорию. Иной была реакция иерархов и клириков Автономной Церкви: первым выразил свой протест против беспринципного соглашения епископ Полтавский Вениамин (Новицкий), секретарь Собора епископов. Особенно резко осудил соглашение епископ Нежинский Панкратий (Гладков). Епископ Владимиро-Волынский Мануил (Тарнавский), перешедший в Автономную Церковь из автокефальной, получив официальное извещение о состоявшемся «примирении», направил митрополиту Алексию письмо, в котором расценил подписанный в Почаеве акт как бесчинство. Архиепископ Симон (Иваницкий), которого предполагали включить в Синод, потребовал от митрополита Алексия снять свою подпись под соглашением.

Глубокое несогласие с решением митрополита Алексия, вступившего в общение с раскольниками, публично выражали и священники Украины. Так, полтавский протоиерей Владимир Беневский отправил экзарху письмо, исполненное искренней боли за Церковь: «Для нас, пастырей и всех верующих, этот Ваш акт явился большим искушением. За верность в принципах мы страдали 23 года. Наши лучшие архипастыри и пастыри и многие миряне положили за это свои души. Еще больше нас поразила избранный Вами неканонический путь: столь важное решение приняли без согласования с местным церковным Собором, даже без

всякой консультации, хотя бы с одним архипастырем истинной Церкви Христовой. Истинно верующие люди никогда не признают этот Вами предпринятый непостижимый акт. Мы, конечно, глубоко скорбим о Вашем отпадении от истинной Христовой Церкви, в которой вы были предстоятелем. Но мы благодарны Вам за Вашу неожиданную искренность... еще теснее сплотимся вокруг нашей матери, истинной Церкви Христовой. В своем категорическом признании Автокефальной Церкви Вы все-таки оставили маленький луч надежды на исправление содеянной Вами роковой ошибки. Вы требуете одобрения этого акта со стороны всего епископата. Мы убеждены, что по меньшей мере большинство епископов Украины не одобрит этот акт. И таким образом дело будет исправлено. А Вы найдете основание для отказа от этого акта»⁴⁰⁶.

Единодушный голос епископата и духовенства побудил митрополита Алексея к пересмотру своей позиции. Но неожиданно путь к соединению Автономной Церкви с раскольниками оказался заблокированным и со стороны немецких властей, заинтересованных больше в разобщенности людей на оккупированной территории, чем в их единстве. На приеме в рейхскомиссариате 23 октября митрополиту Алексею было заявлено, что оккупационная власть считает недопустимым какое-либо участие митрополита Дионисия в жизни православной Церкви на Украине, что он никоим образом не может исполнять функции митрополита Киевского и его компетенция ограничивается православными церквями генерал-губернаторства. Кроме того, митрополиту Алексею было сказано, что немецкие власти не допустят участия в деятельности Синода личностей, в прошлом занимавшихся политической деятельностью. Речь шла об известном украинском националисте Степане Скрыпнике — епископе Мстиславе, автокефалисте. После визита в рейхскомиссариат митрополит Алексей, отвечая на протесты епископов, назвал «акт примирения» пробным шаром, запущенным с целью выявить отношения духовенства Автономной Церкви к примирению с автокефалистами. Негативная реакция его вполне удовлетворила, и он отказывается от дальнейших шагов к объединению.

На исходе 1942 г. отношение немецких властей к двум церковным группировкам на Украине заметно изменилось. Общая стратегическая линия разделять и властвовать на оккупированных землях — оставалась, конечно, неизменной, но прежняя ориентация на поддержку по преимуществу автокефалистов уступила место более благосклонному отношению к Автономной Церкви. Причина перемены была в том, что автокефалисты, тесно связанные с украинским политическим национализмом, постепенно превращались в силу, оппозиционную гитлеровскому режиму. Со временем украинские националисты начали вооруженную партизанскую борьбу одновременно и против оккупантов, и против красных партизан. С украинским националистическим партизанским движением поддерживали контакт автокефальные епископы Мстислав (Скрыпник) и Платон (Артемюк). Им, несомненно, сочувствовал и администратор Поликарп (Сикорский). Автономная же Церковь, объединившая людей искренней и глубокой религиозности, от начала до конца оккупации старалась держаться как можно более аполитично, и немецкие власти со временем стали считать ее более приемлемой для себя. В начале же войны оккупанты поощряли германофильский украинский национализм автокефалистов. Когда в Днепропетровск прибыл автокефальный епископ Геннадий (Шеприкович), гебитскомиссар на площади перед народом вручил ему епископский жезл и распорядился изгнать из городского храма общину Автономной Церкви и передал его епископу Геннадию.

Среди жертв террористических актов партизан-националистов, связанных с автокефалистами, были и священнослужители Автономной Церкви, в которых самочинники видели хранителей традиций ненавистной им старой Российской империи. 7 мая 1943 г. украинскими партизанами-бендеровцами был убит глава Автономной Церкви митрополит

Алексий (Громадский). Участник погребения архипастыря архимандрит Клавдиан (Моденов) писал впоследствии о совершенном злодействе: «Когда я приехал в Кременец впервые, владыка меня очень тепло принял и приютил у себя в своих покоях, а в течение трех дней приглашал к себе обедать и ужинать, и он один раз говорил: «Отец архимандрит, голубчик, меня убьют украинские самостийники». Такое убеждение сложилось у него на том основании, что когда-то, когда они были под Польшей (до 1939 г.), владыка был единомышлен с ними (т. е. националистами), а потом отошел от них, поэтому и ждал с их стороны мести. На Пасху, в конце недели он поехал в лавру и намерен был там пробыть несколько дней, но вскоре ему из Кременца позвонили и сказали, что его вызывает к себе рейхскомиссар в Луцк, и он вынужден был немедленно выехать из Лавры. Епископ Иаков (Заика), тогда архимандрит и ризничий, лично мне говорил, что владыка, уезжая из лавры, поклонился всем лаврским святыням и неоднократно говорил ему: «Прощайте, отец архимандрит». Когда же он возвратился в Кременец, то ему на второй день гебитскомиссар прислал утром свою автомашину и своего шофера, и он часов в 9 утра выехал в сопровождении секретаря протоиерея Феодора Юркевича и переводчика Марка Жихарева»⁴⁰⁷.

Гебитскомиссар не один раз почему-то по телефону справлялся: «Митрополит выехал или нет?» Между прочим митрополит говорил, что ехать им надо не через Смыгу, а другим путем, так как в лесу близ Смыги орудуют бендеровцы, но шофер отклонил это, говоря: «Я много раз этим путем ездил и никаких бандитов никогда там не встречал». И они поехали через Смыгу. Через час или два после отъезда митрополита в Кременец по телефону сообщили, что митрополит и его спутники близ Смыги в лесу убиты... Говорили, что митрополит лежал на обочине дороги и в нем было обнаружено шесть огнестрельных пуль крупнокалиберного оружия. И каждая из них для него была смертельной. Из вещей при нем не оказалось белого клобука и сапог. Отпевали митрополита Алексия в храме Богоявленского монастыря города Кременца епископ Острожский Феодор (Рафальский) и епископ Никодим (Максименко), который был духовником митрополита.

В народе распространилась молва, что в убийстве замешаны Поликарп (Сикорский) и Мстислав (Скрыпник), которые таким образом отомстили митрополиту Алексию за отход от Почаевского соглашения. Чтобы снять с репутации предводителей раскола кровавое клеймо убийц, в автокефальных кругах возникла версия о том, что митрополит Алексий явился случайной жертвой партизан-самостийников. Будто бы засаду вблизи Смыги на пути из Кременца в Луцк устроили бендеровцы для покушения на гебитскомиссара, который должен был проехать здесь, направляясь в Луцк. Автомобиль, в котором ехал архипастырь, партизаны приняли за машину гебитскомиссара, и о трагической ошибке узнали, только когда подошли к машинам и увидели погибшего митрополита и его спутников. Версия крайне неубедительная, и народ ей не верил.

Избрание преемника митрополита Алексия состоялось на архиерейском Соборе в Ковеле 6 июня 1943 г. В избрании участвовало всего 7 епископов. Председательствовал на заседании старейший по хиротонии епископ Каменец-Подольский Дамаскин (Малюта). По предложению епископа Ковельского Иова (Кресовича) «старшим епископом» — название должности было предложено немецкими властями — был избран епископ Дамаскин с возведением его в сан архиепископа. Он остался при этом на кафедре в Каменец-Подольском, которую занимал и раньше. А на вдовствующую после гибели митрополита Алексия Кременецкую кафедру Ковельский Собор переместил епископа Иова (Кресовича), викарный епископ Владимиро-Волынский Мануил (Тарнавский) стал после этого епархиальным архиереем с титулом епископа Владимиро-Волынского и Ковельского.

Через два месяца после архиерейского Собора в Ковеле епископ Мануил был убит

бендеровцами после разговора «с глазу на глаз» с епископом Мануилом (Скрыпником). В сентябре 1943 г. в разных местах появились листовки, в которых сообщалось, что по приговору Украинской повстанческой армии епископ Мануил как изменник Отчизны приговорен к смертной казни через повешение и что приговор приведен ими в исполнение.

Продолжая традиции раскольников 20-х гг., автокефалисты ввели у себя белый епископат. Несмотря на то, что они преемственно были связаны с иерархией Польской автокефальной Церкви, благочестивые жители восточных областей Украины опознали в них продолжателей дела обновленцев и липковцев и назвали их «новосамосвятами», или «новолипковцами». Православных людей отталкивало и то, что в автокефальных храмах богослужение совершалось по-украински, на что не решались даже галицийские униаты. Автокефальный протоиерей Кендзерявий потребовал даже, чтобы Божия Мать на иконах изображалась непременно в украинском крестьянском платье, а архангел Михаил держал в руке не копье, а трезубец.

Во все время оккупации Киевская и Почаевская лавры и все другие монастыри, кроме Дерманского, оставались в юрисдикции Автономной Церкви. По всей Украине открывались приходы и соответственно количество приходов Автономной и Автокефальной Церквей распределялось таким образом: в Киевской епархии в конце 1942 г.— 410 и 298. Для сравнения можно привести и такие данные: в 1913 г. в епархии было 1710 приходов, в канун Великой Отечественной войны — 2. Число священников до революции составляло 1435; в 1941 г. оставалось только 3 служащих священника, в конце 1942 г. в юрисдикции Автономной Церкви в Киевской епархии состояло 434 священника, у автокефалистов — 455; но уже в начале 1943 г. Автономная Церковь имела более 600 священников, автокефалисты практически не смогли увеличить число своих священнослужителей. В Полтавской епархии до революции было около 1200 приходов, в начале 1943 г. Автономная Церковь имела здесь 140, Автокефальная около 100 приходов. В Житомирской епархии летом 1943 г. было 300 приходов Автономной Церкви и около 100 автокефальных. В Днепропетровске, где до революции было 27 церквей, а к началу Великой Отечественной войны не оставалось ни одного действующего храма, в 1942 г. Автономная Церковь восстановила 10, а по всей епархии — 318 приходов. Архиепископ Днепропетровский Димитрий (Маган), который до войны хорошо знал церковную жизнь Западной Украины, поражен был религиозным энтузиазмом православных жителей своего кафедрального города. Он рассказывал, что на Богоявление 1943 г. у кафедрального храма собралось около 60 000 верующих, чтобы идти крестным ходом на Днепр. «Такую огромную массу людей,— писал он,— я никогда не видел». Немецкая цензура не разрешила в газетной статье о празднике привести верные данные о числе участвовавших в крестном ходе, приказав заменить 60 на 20 тыс.⁴⁰⁸

Преподавание религии детям дозволялось лишь в церковных семьях. Правда, в Полтавской епархии, которая находилась вне рейхскомиссариата и под управлением военных властей, закон Божий разрешено было преподавать в 4-классных начальных школах, но здесь не хватало учителей, потому что большинство из них получило образование уже в советское время. Тем не менее некоторым удавалось преподавать закон Божий так, что дети искренне тянулись к храму и к Богу. Особенно замечательным учителем в Полтаве была Мария Гавриловна Коваленко, которая выросла в семье священника. Ее ученики на всю жизнь сохранили искреннюю веру и преданность православной Церкви. В религиозном обучении нуждались и взрослые, но единственным местом, где они могли получить его, были храмы.

В самом начале войны, когда Западная Белоруссия была оккупирована немецкими войсками и митрополит Николай не мог уже осуществлять там церковное управление, Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей назначил экзархом Белоруссии епископа Пантелеимона (Рожновского) с возведением его в сан архиепископа. Владыка

Пантелеимон в свое время был решительным противником автокефалии православной Церкви в Польше, вследствие чего он почти 20 лет находился за штатом, проживая в Жировицком Успенском монастыре. Митрополит Пантелеимон оставался твердым сторонником сохранения канонической связи с кириархальной Церковью — Московским Патриархатом. Но эта позиция не удовлетворяла белорусских политических деятелей, которые пользовались доверием оккупационных властей и, будучи людьми далекими от Церкви, пытались навязать свою линию Белорусской иерархии, беспрестанно плели интриги и доносили в генеральный комиссариат на митрополита Пантелеимона, которого обвиняли в сочувствии Московской Патриархии. Генеральный комиссар приказал передать церковную власть в Минской митрополии архиепископу Филофею (Нарко). Но и архиепископ Филофей не захотел безропотно следовать указам политиканов, называвших себя белорусскими националистами. Тогда они обвинили и архиепископа Филофея в том, что он «через Церковь укрепляет российскость Беларуси»⁴⁰⁹. Получив эти доносы, немцы решили проверить национальную принадлежность белорусского духовенства. Проведено было анкетирование, в результате которого выяснилось, что 90% православных священнослужителей считают себя белорусами, остальные — русскими и украинцами.

В октябре 1943 г. немецкие оккупационные власти образовали Белорусскую центральную раду — своего рода марионеточное правительство во главе с президентом Радославом (Романом) Казимировичем Островским. При раде был создан отдел по церковным делам, в котором и собирались те самые белорусские активисты, которые давно уже вели войну с православным духовенством Белоруссии. По настоянию этого отдела Островский решил удалить из Минска архиепископа Филофея. На его место он хотел пригласить епископа Смоленского Стефана (Севбо). Но владыка Стефан отказался от предложения. Тогда Островский решил поставить во главе Белорусской Церкви присоединившегося к украинским автокефалистам Александра (Иноземцева), который титуловался митрополитом Пинским. Незадолго до этого Пинское и Брестское Полесье были присоединены к генеральному комиссариату Белоруссии. Но навязать Церкви митрополита Александра в качестве ее главы Островский не смог.

12 мая 1944 г. митрополит Пантелеимон созвал в Минске Собор епископов. На Собор прибыли архиепископ Гродненский Венедикт, рукоположенный в Вене главой Карловацкого церковного центра митрополитом Анастасием на Гомельскую кафедру, епископы Григорий (Боришкевич), Новогрудский Афанасий (Мартос), Смоленский Стефан, находившийся в Борисове, из Могилева приехал епископ Брянский Павел (Мелентьев), рукоположенный в 1943 г. и впоследствии в эмиграции перешедший в унию. В качестве гостя «президента» Островского в Минске находился «митрополит» Пинский Александр. Из Бреста приехал архиепископ Иоанн (Лавриненко), который подал на Собор заявление с просьбой принять его в состав Белорусского епископата. Заседания Собора проходили под председательством митрополита Пантелеимона. Собор высказался самым резким образом против вмешательства Белорусской центральной рады в церковные дела. На Соборе решено было включить в состав Белорусской Церкви Пинскую и Брестские епархии. Предстоятелю Белорусской Церкви митрополиту Пантелеимону был дарован титул «Блаженства», а также право предношения креста за богослужением. Подчиняясь диктату немецких властей, Собор вынужден был также вынести решение о незаконности избрания Патриарха в Москве. Заседания Собора проходили в самый канун освобождения Минска и всей Белоруссии советскими войсками.

Территории Молдавии, Северной Буковины и Одесской области во время их оккупации были включены в состав Румынского государства. Румынская Патриархия распространила на них без согласования с Московской Патриархией свою юрисдикцию. В Кишинев вернулся

митрополит Ефрем (Тигиняну), который занимал эту кафедру до 1940 г. в составе Румынской Церкви. Одесская область и Молдавское Приднестровье никогда раньше не входили в юрисдикцию Бухареста. Церковная жизнь на этой территории за два с лишним десятилетия советской власти была вконец разрушена, и ее надо было восстанавливать. Но вместе с тем румынские государственные и церковные власти ставили и иную задачу — румынизацию этого края, который они называли Транснистрией. В Одессе устроена была Православная румынская миссия в Транснистрии во главе с архимандритом Юлием (Скрибаном). В начале 1942 г. его сменил архимандрит Виссарион (Пую). Это был выпускник Киевской Духовной Академии, хорошо знавший церковнославянский, русский и украинский языки. Он не препятствовал совершению богослужений в церквях Одесской епархии по-церковнославянски, сам проповедовал часто по-русски и пользовался потому доверием со стороны православных русских и украинцев. Из местного духовенства он поощрял тех, кто принадлежал ранее (в советский период) к канонической Церкви, обновленцев и самосвятов принимал в клир только после их перерукоположения. При нем в Одессе возобновилось богослужение в 30 церквях, а в области было открыто 300—400 приходов.

Румынские власти, недовольные тем, что архимандрит Виссарион не считал первоочередной задачей румынизацию Одесской епархии, в 1943 г. отозвали его из Одессы. Его преемником в должности начальника миссии стал Антим (Ника), который, напротив, настойчиво проводил линию на румынизацию церковной жизни. В феврале 1944 г. он был хиротонисан в Бухаресте во епископа Измаильского и Транснистрийского. Ввиду приближения линии фронта епископ Антим перебрался из Одессы в Тирасполь, потом в город Измаил, по названию которого носил титул.

В ноябре 1942 г. в Дубоссарах была открыта новая духовная семинария, которая должна была готовить священнослужителей для Транснистрии. Ректором ее назначили Д. Христеску и приняли на обучение 80 студентов; на семинарию возлагалась задача румынизации церковной жизни юго-запада Украины, и потому занятия проводились на румынском языке.

По мере приближения фронта румынское духовенство в большинстве своем бежало на запад, в Бессарабию, потом в Румынию. На приходах оставались священники русского и украинского происхождения, которые, конечно, пользовались несравненно большим доверием и любовью народа. Во время румынской оккупации в Приднестровье возобновилась монашеская жизнь. Возрождено было 12 обителей, в Одессе был восстановлен Свято-Пантелеимонов монастырь. В нем спасалось 7 монахов-украинцев, а управлял обителью игумен Варлаам (Хирита), выпускник Кишиневского богословского факультета. Его сменил другой выходец из Бессарабии отец Василий Солтици. После бегства Румынской миссии из Одессы на запад игумен Василий Солтици взял на себя управление всей церковной жизнью Приднестровья.

Оккупированная Прибалтика, как и Белоруссия, входила в состав рейхскомиссариата «Остланд» (Восток). Первенствующим епископом в Прибалтике был экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский). Когда началась война, митрополита Сергея должны были эвакуировать из Вильнюса, но он пожелал остаться со своей паствой и, чтобы избежать эвакуации, спрятался в крипте кафедрального собора. За то, что команде, выполнявшей эвакуацию, не удалось найти митрополита, был расстрелян его секретарь.

Немецкие власти после захвата Вильнюса арестовали владыку Сергея, но через 4 дня он был выпущен на свободу и смог исполнять свои обязанности по управлению церквями Прибалтики. Ему разрешили оставаться в каноническом послушании Московской Патриархии и возносить за богослужением имя Местоблюстителя патриаршего престола. Известно, что церковная ситуация в Прибалтике обсуждалась на совещании в Восточном министерстве в

Берлине. И там сочли целесообразным сохранить канонические связи этого края с Московской Патриархией, с тем чтобы в будущем, после падения Москвы, православные были выселены из Прибалтики в рейхскомиссариат «Москва». В свою очередь митрополит Сергей (Воскресенский) должен был заплатить за терпимое отношение оккупационных властей к его канонической связи с Патриархией целым рядом публичных заявлений, направленных против правительства Советского Союза, ведущего войну с Германией, и заверениями в лояльности германским властям. Объяснялось это, конечно, не какими-то иллюзиями относительно фашизма, а политическим расчетом, стремлением сохранить легальную церковную организацию и хотя бы только молитвенную связь с Патриархией. В кругу совершенно доверенных лиц он, по словам очевидца, говорил: «Не таких обманывали... а этих колбасников обмануть нетрудно»⁴¹⁰.

Немецкие власти разрешили митрополиту Сергию организовать миссионерскую деятельность на Псковщине, куда он направил 60 священников для открывавшихся там приходов, посылал богослужебные книги. При этом он не включал приходы Псковщины в свою церковную область. Он требовал от направлявшихся туда священников возносить за богослужением имя митрополита Ленинградского Алексия, на которого возложено было управление и Псковской епархией.

В 1942 г. митрополит Александр (Паулус), перешедший в свое время в юрисдикцию Московской Патриархии, объявил о восстановлении Эстонской автономной Церкви в составе Константинопольского Патриархата. Но здоровая часть православного духовенства и народа не поддержала схизматической акции митрополита Александра. В раскол ему удалось вовлечь в основном лишь те приходы, где большинство прихожан и клирики принадлежали к эстонской национальности. Приходы, оставшиеся в каноническом послушании Патриархии, возглавил епископ Нарвский Павел (Дмитровский). Из юрисдикции митрополита Сергия вышел и митрополит Рижский Августин (Петерсен). Экзарх Московской Патриархии энергично противодействовал расколу.

Митрополит Сергей болезненно переживал послание Местоблюстителя патриаршего престола от 22 сентября 1942 г., подписанное им вместе с другими епископами Русской Церкви. В этом послании митрополита Виленского Сергия осуждали за ряд прогерманских заявлений, в особенности же за телеграфное поздравление Гитлеру с очередными победами на фронте. Конечно, такие выступления митрополита Сергия (Воскресенского) были вынужденными, но и из резкого осуждения их со стороны Патриархии тоже, очевидно, нельзя делать вывод, что в Патриархии не понимали трудностей его положения. В довоенные годы митрополит Сергей пользовался особым доверием со стороны Местоблюстителя патриаршего престола. После того как архиерейский Собор 1943 г. постановил отлучить от Церкви всех клириков, запятнавших себя колоборационизмом, и среди них назван был и митрополит Сергей (Воскресенский), он напечатал в газетах Прибалтики статью, с характерным названием: «Сталин не Савл, он не станет Павлом», в которой писал об иллюзорности надежд на перемену церковной политики в Советском Союзе.

С подозрением относились к митрополиту Сергию и немецкие власти. Есть основания считать, что перед отступлением немецких войск из Прибалтики, митрополит Сергей готовил приходы к предстоявшим неизбежным переменам. По свидетельствам знавших близко митрополита Сергия, он опасался за свою жизнь. Узнав о смерти своего друга оперного певца Д. Смирнова, митрополит Сергей вместе с протодиакон Редикюльцевым и его женой отправился из Вильнюса в Ригу на погребение. На следующий день 29 апреля 1944 г. все трое были найдены в автомобиле убитыми. Оккупационные власти не разрешили провести расследование террористического акта. Одни обвиняли в убийстве митрополита Сергия гестапо,

другие — красных партизан. Местные жители видели убийц; они были в немецких мундирах. После войны советский трибунал приговорил к повешению нескольких сотрудников из немецкой администрации Риги. Среди прочего они были осуждены и за пособничество в убийстве митрополита Сергия. Митрополит Сергей был погребен на Покровском кладбище в Риге рядом с могилой архиепископа Рижского Иоанна (Поммера).

ГЛАВА VII. Русская Православная Церковь при патриархе Сергии (Страгородском)

В конце августа 1943 г. гражданская власть предложила Местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) возвратиться в Москву. На вокзале митрополита Сергия, который выехал из Ульяновска вместе с протоиереем Николаем Колчицким и архимандритом Иоанном (Разумовым), встречали митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), срочно приехавший для этого в Москву, и митрополит Киевский Николай (Ярушевич).

4 сентября в Патриархию позвонил представитель Совнаркома Союза и сообщил о желании правительства принять высших иерархов Русской Православной Церкви. Встреча может произойти в любое удобное для них время в течение недели. Митрополит Сергей поблагодарил за внимание к нуждам Церкви и выразил пожелание, чтобы визит состоялся безотлагательно. Звонил в Патриархию начальник 4 отдела III управления НКВД по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией полковник Г. Г. Карпов после беседы со Сталиным и по его приказу.

Позже Карпов записал содержание беседы и те вопросы, которые задавал ему Сталин: «а) Что из себя представляет митрополит Сергей (возраст, физическое состояние, его авторитет в Церкви, его отношение к властям); б) краткая характеристика митрополитов Алексея и Николая; в) когда и как был избран в Патриархи Тихон; г) какие связи Русская Православная Церковь имеет за границей; д) кто является Патриархами Вселенским, Иерусалимским и другими; е) что известно о руководстве Православных Церквей Болгарии, Югославии и Румынии; ж) в каких материальных условиях находятся сейчас митрополиты Сергей, Алексей и Николай; з) количество приходов православной Церкви в Советском Союзе и количество епископата». Получив ответы Карпова, Сталин сказал, что «нужно создать специальный орган, который бы осуществлял связь с руководством Церкви». Карпов предложил образовать при Верховном Совете СССР отдел по делам культов по образцу Комиссии по делам культов при ВЦИКе, но Сталин решил, что это будет Совет по делам Русской Православной Церкви не при Верховном Совете, а при правительстве. «На Совет будет возложено осуществление связей между правительством Союза и Патриархом... Совет самостоятельных решений не принимает, докладывает и получает указания от правительства»⁴¹¹.

В 9 часов вечера к зданию Патриархии подъехал правительственный автомобиль, который доставил митрополитов Сергия, Алексея и Николая в Кремль. Около двух часов в огромном, обшитом деревом кабинете продолжалась их беседа со Сталиным, В. М. Молотовым и Г. Г. Карповым о взаимоотношениях Церкви с государством. «Кратко отметив,— как пишет Карпов,— положительное значение патриотической деятельности Церкви за время войны, Сталин просил митрополитов Сергия, Алексея и Николая высказаться об имеющихся у Патриархии и у них лично назревших, но не разрешенных вопросах». Владыки Алексей и Николай чувствовали себя в кремлевском кабинете несколько растерянно, а митрополит Сергей говорил спокойно, «деловым тоном человека, привыкшего говорить... с самыми высокопоставленными людьми». Митрополит Сергей сказал, что самый главный и назревший вопрос — о центральном руководстве Церкви, что он почти 18 лет является патриаршим Местоблюстителем и думает, что едва ли где-то еще возможно такое, что с 1935 г. в Церкви нет Синода. Он просит разрешения собрать архиерейский Собор, который изберет Патриарха и образует при главе Церкви Священный Синод как совещательный орган в составе 5—6 архиереев. Митрополиты

Алексий и Николай особенно подчеркнули необходимость образования Синода. Согласившись с предложением митрополита Сергия, Сталин спросил: «а) как будет называться Патриарх; б) когда может быть собран архиерейский Собор; в) нужна ли какая-нибудь помощь со стороны правительства для успешного проведения Собора (имеется ли помещение, нужен ли транспорт, нужны ли деньги и т. д.)». Отвечая на первый вопрос, митрополит Сергей сказал, что вопрос о титуле предварительно обсуждался и было бы желательным и правильным, чтобы правительство разрешило принять титул «Патриарх Московский и всея Руси», хотя Патриарх Тихон именовался «Московский и всея России». Сталин согласился с этим предложением, назвав его правильным. Основанием для перемены титула, очевидно, было то обстоятельство, что «Россией» в новом государстве называлась только его часть; слово же «Русь» напоминало о Киевской эпохе, когда предки великороссов (русских), малороссов (украинцев) и белорусов — трех православных славянских народов, составляли единый русский народ, и потому при новой государственной номенклатуре это слово обнимало более обширную территорию, чем слово «Россия». Далее митрополит Сергей сказал, что Собор можно созвать через месяц. Этот срок, очевидно, не соответствовал видам Сталина, и он, улыбнувшись, спросил: «А нельзя ли проявить большевистские темпы?» — и поинтересовался мнением Карпова на этот счет. Карпов ответил, что если помочь митрополиту Сергию транспортом, предоставить самолеты, то Собор можно созвать через 3—4 дня. Договорились, что архиерейский Собор соберется в Москве 8 сентября. От субсидий же митрополит Сергей отказался. Затем обсуждался вопрос об открытии духовных учебных заведений. Митрополит Сергей заявил о необходимости повсеместного открытия духовных школ, т. к. у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Сталин неожиданно прервал молчание: «А почему у вас нет кадров?» — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексий и Николай смутились... всем было известно, что кадры перебиты в лагерях. Но митрополит Сергей не смутился: «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза». Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: «Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о вас». Затем он стал вспоминать семинарские годы... Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер»⁴¹².

Митрополиты Сергей и Алексий просили Сталина разрешить открыть богословские курсы в нескольких епархиях. Как пишет Карпов, Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно.

Митрополит Сергей заговорил о возобновлении издания «Журнала Московской Патриархии». «Журнал можно и следует выпускать», — сказал Сталин. Митрополит Сергей поднял важнейший для Церкви вопрос об открытии приходов, о возобновлении нормальной церковноприходской жизни в стране. Об этом ему постоянно говорят епархиальные архиереи, и он, со своей стороны, считает необходимым предоставить им право вступать в переговоры с гражданской властью по вопросу открытия храмов. Митрополиты Алексий и Николай поддержали митрополита Сергия, отметив при этом неравномерность расположения церквей в Советском Союзе и высказав пожелание в первую очередь открывать храмы в областях и краях, где их нет совсем или где их мало.

Риск поднять перед Сталиным самую большую и рискованную тему взял на себя митрополит Алексий. Он просил об освобождении архиереев, находившихся в ссылках, тюрьмах и лагерях. Сталин ответил: «Представьте такой список, его рассмотрим». Тогда митрополит Сергей поднял вопрос о праве священнослужителей на свободное проживание и

передвижение внутри Союза, о снятии с них ограничений, связанных с паспортным режимом, и о том, чтобы власти разрешили богослужение тем священнослужителям, которые вышли из заключения. Как пишет Г. Г. Карпов, товарищ Сталин предложил ему этот вопрос изучить.

Вслед за тем митрополит Алексей заговорил о финансовых проблемах Церкви и об устройстве церковного управления. Надо, чтобы епархиям предоставили право отчислять деньги на содержание Патриархии, чтобы священнослужители входили в исполнительные органы приходов (этого права они были лишены Постановлением ВЦИК от 1929 г.). Сталин сказал, что против этого нет возражений. Митрополит Николай просил дать епархиям право открывать свечные заводы. По словам Карпова, Сталин еще раз подчеркнул, что Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР. Надо обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами и не чинить препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. д. И опять предлагал субсидии.

Переходя к личным обстоятельствам жизни иерархов, Сталин заметил: «Вот мне доложил товарищ Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартира, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы хотели бы получить от правительства». Митрополит Сергей просил предоставить для размещения Патриархии бывший игуменский корпус в Новодевичьем монастыре. «Помещения в Новодевичьем монастыре,— ответил Сталин,— товарищ Карпов посмотрел, и они совершенно не благоустроены, требуют капитального ремонта, и для того чтобы занять их, надо еще много времени. Там сыро и холодно. Ведь надо учесть, что эти здания построены в XVI в. Правительство вам может предоставить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение: трехэтажный особняк в Чистом переулке, который занимал ранее бывший немецкий посол Шуленбург. Но это здание советское, не немецкое, так что вы можете совершенно спокойно в нем жить. При этом особняк мы вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в особняке, а для того чтобы иметь представление об этом здании, мы сейчас вам покажем план его».

Сталин не оставил без внимания и снабжение Патриархии продуктами, обещал в ближайшие дни предоставить 2—3 легковых автомашины с горючим. Затем Сталин поинтересовался у митрополита Сергея и его спутников, нет ли у них еще каких-либо вопросов к нему, нет ли других нужд у Церкви. «Причем,— как замечает Карпов,— Сталин спросил об этом несколько раз. Все трое заявили, что особых просьб больше они не имеют, но иногда на местах бывает переоблачение духовенства подходящим налогом, на что товарищ Сталин предложил мне в каждом отдельном случае принимать соответствующие меры проверки и исправления». И тут Сталин сообщил митрополитам, что правительство собирается образовать Совет по делам Русской Православной Церкви и предложил его председателем назначить Г. Г. Карпова. Как потом рассказывал Патриарх Алексей I, это предложение их встревожило: Карпов был известен в церковных кругах как чекист, который с крайней жестокостью вел дела священнослужителей. Но «все трое,— как пишет Карпов,— заявили, что они весьма благодарны за это правительству и лично товарищу Сталину и весьма благожелательно принимают назначение на этот пост тов. Карпова»⁴¹³. Сталин предложил подобрать 2—3 помощников, которые будут членами Совета, образовать аппарат, но помнить, что Карпов не обер-прокурор и что своей деятельностью он должен больше подчеркивать самостоятельность Церкви. В заключение беседы Сталин предложил Молотову составить проект коммюнике для радио и газет. В обсуждении текста коммюнике участвовали Сталин, митрополиты Сергей и Алексей. Текст был опубликован на следующий день в «Известиях». Сталин проводил митрополитов до дверей своего кабинета, а митрополита Сергея, взяв «под руку, осторожно, как настоящий

иподиакон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощание: «Владыко! Это все, что я в настоящее время могу для вас сделать». И с этими словами простился с иерархами»⁴¹⁴.

Момент в истории Русской Церкви был поистине исторический. Правительство, допуская избрание Патриарха, открытие приходов и духовных школ, откровенно признавало несбыточность большевистских планов полного разгрома Церкви и устранения ее из жизни народа. По существу были заключены условия своего рода «конкордата», который в основном государственная власть соблюдала вплоть до начала хрущевских гонений.

* * *

Архиерейский Собор состоялся через четыре дня после встречи в Кремле — 8 сентября 1943 г. в новом здании Патриархии в Чистом переулке. Это был первый Собор после 1918 г. В его деяниях участвовало 19 архиереев — все, кто в это время находился на кафедрах на неоккупированных территориях: митрополиты Сергей, Алексей и Николай, архиепископы Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий), Сарапульский Иоанн (Братолюбов), Казанский Андрей (Комаров), Куйбышевский Алексей (Палицын), Уфимский Стефан (Проценко), Горьковский Сергей (Гришин), Ярославский Иоанн (Соколов), Рязанский Алексей (Сергеев), Калининский Василий (Ратмиров), Новосибирский Варфоломей (Городцев), Саратовский Григорий (Чуков), епископы Молотовский Александр (Толстопятов), Курский Питирим (Свиридов), Кировский Вениамин (Тихоницкий), Ульяновский Димитрий (Градусов) и Ростовский Елевферий (Воронцов). На Собор многих архиереев доставляли на военных самолетах. Почти все они были исповедниками, прошедшими через тюрьмы, лагеря и ссылки. Архиепископ Сарапульский Иоанн (Братолюбов) и епископ Молотовский Александр (Толстопятов) были освобождены незадолго до Собора.

Перед началом соборных деяний пропет был тропарь Казанской иконе Божией Матери «Днесь светло красуется славнейший град Москва». Собор открыт был Местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Сергием в 11 часов кратким докладом «О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны». Это был, конечно, не отчетный доклад в общепринятом смысле слова, ведь говорить открыто о жизни Церкви в годы, прошедшие после Поместного Собора 1917—1918 г., не было никакой возможности да и другие темы, кроме патриотического служения Церкви в войну, митрополит Сергей затрагивать не стал. Он в частности сказал: «Мною выпущено двадцать три различных послания по разным случаям, и тема их, конечно, одна: надежда на Бога, что Он, как и в прежнее время, не оставит нас и теперь, и дарует нам конечную победу. Наш народ охотно откликнулся на наш призыв. Призывали мы его к жертвам на нужды войны... Это были жертвы простых богомольцев, которые вносили обычную свою лепту... Из случайных пожертвований составились миллионы. Я... в свое время обратился к нашему церковному обществу с предложением собрать средства на устройство танковой колонны имени Димитрия Донского. Мною руководило желание повторить пример преподобного Сергия, который на поле брани выслал своих двух схимников»⁴¹⁵. Доклад заканчивался напоминанием о благоприятной для Церкви встрече в Кремле.

Затем Собор заслушал доклад митрополита Ленинградского Алексия «Долг христианина перед Церковью и Родиной в переживаемую эпоху Отечественной войны». Сравнивая Великую Отечественную войну с Отечественной войной 1812 г., митрополит Алексей определил нравственные условия успеха русского оружия, общие для всех времен, это — «твердая вера в Бога, благословляющего справедливую брань; религиозный подъем духа; сознание правды ведомой войны; сознание долга перед Богом и Родиной. Это источник неисчерпаемый, никогда не идущий на убыль, источник веры с порывом покаяния, исправления жизни, желания чистоты нравственной. Он питается и возгревается молитвами, подвигами и — вместе — в них находит

свое выражение»⁴¹⁶. Затем митрополит Алексей заговорил об избрании Святейшего Патриарха, ради чего и был созван Собор епископов: «Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий, поэтому я полагаю, что избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто бы и не нужным. Я считаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для Церкви в звании патриаршего Местоблюстителя». Ответом на предложение митрополита Алексея был возглас преосвященных: «Просим, просим! Аксиос, аксиос, аксиос». Один из архиереев сказал: «Полное единодушие всего епископата». Все встали и трижды пропели «Аксиос».

Митрополит Сергей поблагодарил преосвященных за избрание его Патриархом и предложил формулу поминовения Святейшего Патриарха: «Святейшего отца нашего Сергея, Патриарха Московского и всея Руси». Затем митрополит Сергей предложил избрать Священный Синод при Патриархе из трех постоянных и трех временных членов. Временных членов предполагалось выбирать на полугодовые сессии по одному архипастырю от каждой из трех групп епархий: северо-восточной, центральной и южной, в порядке старшинства. «Оставаться вне епархии всем архиереям, конечно, очень неудобно для епархий. Поэтому Синод собирается, смотря по делам, ежемесячно на неделю или две, после чего члены разъезжаются по епархиям, оставляя, может быть, кого-нибудь для текущих дел. По окончании полугодия уезжают одни временные члены и на место их вызываются другие, следующие по старшинству»⁴¹⁷. Постоянными членами Синода Собор избрал митрополитов Алексея (Симанского) и Николая (Ярушевича), а также архиепископа Горьковского Сергея (Гришина). Временными членами в Синод приглашены были архиепископ Куйбышевский Алексей (Палицын), архиепископ Красноярский Лука (Войно-Ясенецкий) и архиепископ Ярославский Иоанн (Соколов).

Полномочия нового Синода, судя по словам митрополита Сергея, отличались от полномочий того, который был учрежден определениями Поместного Собора 1917—1918 гг. о высших органах церковного управления, потому что новый Синод образовали при Патриархе; Поместный Собор предусматривал для Синода более самостоятельный статус. Но горький опыт, приобретенный Русской Церковью в страшные 20—30-е гг., показал особую ответственность первосвятительского служения, так как в пору гонений, при внешних и внутренних расколах и разделениях, для многомиллионной паствы главным духовным ориентиром, помогающим различать, где православная Церковь, а где схизмы, была личность первого епископа — Патриарха Тихона, потом митрополитов Петра и Сергея. Архиерейский Собор принял подписанную всеми его участниками декларацию об осуждении изменников веры и Отечества, направленную против коллаборационистов из духовенства и мирян, запятнавших себя сотрудничеством с оккупационными властями и одновременно посягнувших на учинение расколов⁴¹⁸. Разумеется, этот акт был направлен не против тех священнослужителей, кто, находясь на оккупированной территории, вынужден был вступать в контакты с немецкими властями по вопросам, связанным с открытием церквей, с епархиальной и приходской жизнью, контролировавшейся немецкой администрацией. Это касалось священнослужителей, которые предавали ближних или откровенно перешли на сторону фашистов.

В обращении Собора к советскому правительству говорилось: «Глубоко тронутые сочувственным отношением нашего всенародного вождя, главы советского правительства И. В. Сталина, к нуждам Русской Православной Церкви и к скромным трудам нашим, ее смиренных служителей, приносим правительству нашу общесоборную искреннюю благодарность и радостное уверение, что, ободренные этим сочувствием, мы приумножим нашу долю работы в общенародном подвиге за спасение Родины. Небесный же Глава Церкви да благословит труды правительства своим зиждительным благословением и да увенчает нашу борьбу за правое дело

вождем победой и освобождением страждущего человечества от мрачных уз фашизма»⁴¹⁹.
Архиерейский Собор издал также «Обращение ко всем христианам мира», проект которого был зачитан архиепископом Саратовским Григорием (Чуковым): «Братья христиане всего мира! Все мы переживаем сейчас исключительную историческую годину: весь мир охвачен военным пожаром, кровь заливает поля Европы, Азии, Африки и Америки; мирное население многих стран, занятых немцами, терпит неслыханные надругательства, поработачается, истребляется; наши святые уничтожаются, ценности вековой культуры гибнут; фашизм всюду несет разрушение и смерть. Наша Родина-мать приняла на себя основной удар немецкого нападения, но, с помощью Божией, с напряжением всех сил, блестящими победами своей героической Красной Армии вытесняет вероломного врага из своих пределов, наносит ему, уже истекающему кровью, но все еще сильному, тяжелые раны и вместе со всеми свободолюбивыми народами борется за полное уничтожение кровавого фашизма во всем мире, ибо нет ничего вождемнее и благороднее в порывах человеческого духа, как нанести смерть самой войне»⁴²⁰.

Интронизация новоизбранного Патриарха состоялась в Богоявленском патриаршем соборе 30 августа (12 сентября) в день памяти святого князя Александра Невского, небесного покровителя Русской земли. Перед началом Божественной литургии настоятель собора протоиерей Николай Колчицкий огласил деяние архиерейского Собора об избрании митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Митрополит Киевский и Галицкий Николай поднес избранному куколь с херувимами. При пении «Аксиос» Патриарх Сергий возложил его на себя.

По окончании литургии Патриарх Сергий обратился к своим братьям архиереям и к пастве, молившейся в кафедральном соборе: «Великое стечение верующего народа видим мы сегодня в храме на нашем церковном торжестве... Собор преосвященных архипастырей своим единогласным решением от 8 сентября постановил усвоить мне титул Патриарха Московского и всея Руси. Таким образом, наша Русская Церковь этим актом получила всю полноту канонического возглавления, управления и молитвенного предстательства. Но не во внешней красоте и величии сила Христовой Церкви. Церковь, как багряницу, украшается кровью мучеников, подвигами преподобных, великими трудами святителей и других угодников Божиих, поэтому я призываю всех верных чад Церкви к подвигам христианской жизни, чтобы наша православная Церковь облеклась в красоту христианских добродетелей. В моем положении по внешности как будто ничего не изменилось с получением патриаршего сана. Фактически я уже в течение 17 лет несу обязанности Патриарха. Это так кажется только по внешности, а на самом деле это далеко не так. В звании патриаршего Местоблюстителя я чувствовал себя временным и не так сильно опасался за возможные ошибки. Будет, думал я, избран Патриарх, он и исправит все допущенные ошибки. Теперь же, когда облечен высоким званием Патриарха, уже нельзя говорить о том, что кто-то другой исправит ошибки и сделает недоделанное, а нужно самому поступать безошибочно, по Божьей правде и вести людей к вечному спасению»⁴²¹.

Еще одно слово сказано было в день интронизации Патриарха в Богоявленском соборе архиепископом Саратовским Григорием (Чуковым). Он прикровенно обратился к трагической судьбе Церкви в два последних десятилетия ее истории. Для большинства слушавших его понятно было то, о чем архипастырь не мог говорить открыто:

«Радовалась Русская Православная Церковь, когда 26 лет назад на пустовавший со времен Петра Великого патриарший престол был избран святитель Тихон. Засияла тогда наша Церковь полнотой своей жизни. Но недолго судил Господь святителю Тихону править Русскою Церковью: скоро взял его к Себе Господь. И снова не стало Патриарха, и снова осиротела Русская Церковь. Но Господь незримо хранит Свою Церковь: не стало на патриаршей кафедре

Патриарха, но преемственно стали управлять ею Местоблюстители патриаршего престола. И в сознании всех верующих русских людей Православная Русская Церковь по-прежнему осталась патриаршей. Не пошли русские православные люди за обновленцами, за григорианцами, за иосифлянами, автокефалистами и другими самочинными собраниями, которые возглавляли властолюбивые епископы и их приспешники, но пошли туда, где правил православную Церковь Местоблюститель престола Патриарха Тихона — сначала митрополит Петр, а потом до последних дней — Блаженнейший митрополит Сергей. Тяжелый крест выпал на долю митрополита Сергия; скорбен был путь, которым пришлось идти ему — второму Местоблюстителю: и епископы не все признавали его, и в народе враги Церкви старались возбудить против него злые слухи. Но он — глубоко убежденный православный канонист — твердо отмежевался от всякой нелояльной в отношении государства работы, на которую толкали его некоторые из его собратий епископов. Он помнил слова Христа: Воздадите кесарево кесарю и Божие Богу... Он занялся исключительно устройением Церкви и твердо держался строгой церковной линии. Горько было Блаженнейшему Сергию переживать эти испытания, тяжело ему было слышать укоризны со стороны не понимавших характера его деятельности, обвинения в пассивности, якобы в бездействии. Но он глубоко верил, что Церковью правит Господь и Своими премудрыми судьбами ведет ее к славе, а верующих к спасению, и потому он твердо шел своею прямою дорогой и за 17 лет привел ее к тому спокойному и прочному положению, в каком находится наша Русская Православная Церковь в настоящий момент»⁴²².

О своем избрании и интронизации Святейший Патриарх Сергей сообщил Восточным Патриархам: Константинопольскому Вениамину, Александрийскому Христофору, Антиохийскому Александру и Иерусалимскому Тимофею, направив им известительные грамоты. Из Стамбула, Каира, Дамаска и Иерусалима получены были ответные приветственные телеграммы Патриархов, а также поздравления от глав инославных Церквей, от других церковных деятелей христианского Востока и Запада. Патриарха Сергия поздравила принцесса греческая Ирина, находившаяся в Иерусалиме во время оккупации Греции войсками Германии. Из Тбилиси Патриарха Сергия поздравил с избранием и интронизацией Католикос Патриарх Каллистрат, глава Грузинской Церкви, общение с которой у Русской Церкви было прервано в 1917 г. Эта телеграмма давала надежду на прекращение разделения и восстановление евхаристического общения.

Патриаршее достоинство Святейшего Сергия признано было Синодом Сербской Церкви во главе с митрополитом Скопленским Иосифом. Сербский Патриарх Гавриил во время немецкой оккупации Югославии находился в концлагере в Дахау. Румыния была тогда в состоянии войны с Советским Союзом, и между Московской и Румынской Патриархией не было письменного общения. С Болгарской Церковью канонические отношения других православных Церквей, в том числе и Русской, прерваны были еще в XIX в., ввиду отлучения ее Константинопольской Патриархией за самочинное провозглашение своей автокефалии.

О том, с какой радостью встречена была весть из Москвы об избрании Патриарха на православном Востоке, свидетельствует телеграмма, присланная митрополитом Ливанским Илией Карамом: «Ваше избрание исполнило наши сердца радости. В продолжение трех дней церкви на Ливане были открыты днем и ночью и колокола перезванивали весело. Благодарим Бога за восстановление в России Патриаршества и молимся о победе русского воинства под водительством маршала Сталина, великого защитника человечества. Да дарует Всемогущий Бог Вам силы и долгую жизнь к славе Церкви»⁴²³.

О любви православного русского народа к своему Патриарху так рассказывает священник, автор статьи о богослужении в Богоявленском соборе в праздник Рождества Богородицы: «Мне довелось вместе с настоятелем собора отцом Николаем выйти на улицу для встречи дорогого

владыки. Вся площадь заполнена народом, ждущим своего святителя. Медленно подъезжает автомобиль, из которого, наконец, выходит Святейший, лицо которого выражает доброту и любовь к собравшемуся народу. Святейший в белом патриаршем куколе, символизирующем самый высокий святительский сан. Патриарх — любимец русского православного народа — входит в храм. Раздается торжественное: «Премудрость!» Это незабвенная минута, когда после долгих часов ожидания, наконец, начинается Божественная служба»⁴²⁴.

* * *

С первым посланием к пастве Патриарх Сергей обратился уже в день своей интронизации. В нем он не только извещал народ Божий о своем избрании и наставлении и просил паству молиться за него, но и, главным образом, сосредоточил внимание на нестроениях, на болезненных язвах церковной жизни, которые происходили от крайне ненормальных условий, в которые поставлена была Церковь и которые явились следствием жестоких гонений на нее. «В «Православном исповедании Восточных Патриархов» указано, что хранителем православной веры у нас является не епископат, не духовенство, а сам верующий народ. Значит, каждый член данной православной общины обязан участвовать в охране православной веры, содержимой этой общиной». Искренне верующих мирян Патриарх призывает к бдительности, к наблюдению за действиями приходских советов, которые уже решительно отличались от беззаветно преданных Церкви двадцаток 20—30-х гг., теперь они, как правило, были подобраны инстанциями, контролировавшими церковную жизнь: «Если приходской совет общины, например, принимает священника с сомнительной хиротонией, никто из рядовых членов общины не может молчать. На нем лежит обязанность охранять веру, и он будет отвечать перед Богом, если со своей стороны не предупредит ее нарушения. Если бы мы всегда помнили эту нашу обязанность, по-настоящему дорожили бы своей верой и благосостоянием святой Церкви, очень многих из ошибок и злоупотреблений, засоряющих теперь нашу церковную практику, не было бы. Рожденный от Бога, как говорит апостол, хранит себя, и лукавый не прикасается к нему (1 Ин. 5. 18)»⁴²⁵.

8 октября 1943 г. был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркомом СССР под председательством Г. Г. Карпова. Именно ему, Карпову, Сталин и поручил проводить в жизнь новую политику по отношению к Церкви, которая в литературе получила название «конкордата». Конечно, юридически это был совсем не конкордат, предполагающий равенство сторон и взаимные обязательства. Абсолютное всевластие Сталина и Политбюро исключало всякую возможность для Церкви эффективно настаивать на соблюдении своих прав, на выполнении условий договора. По существу никакого договора не было; был широкий жест «августейшей» милости безбожной власти к гонимой ею Церкви. Нельзя думать, что он проистекал из личного произвола и каприза Сталина. За этим стоял трезвый политический расчет и понимание того, что искоренение религии — цель утопическая и недостижимая. Предпочтение было отдано иному, более трезвому соображению: Г. Г. Карпов и его ведомство по-прежнему должны были наблюдать за умонастроениями в церковной среде, выявлять нелояльные и антисоветские элементы и беспощадно искоренять их. Но Церковь получила теперь, после встречи митрополита Сергея со Сталиным, возможность назначать епископов на вакантные кафедры, открывать новые приходы, возобновлять духовное образование и церковную печать. В свою очередь, по содержанию изданного Патриархом Сергием 7 ноября, в день Октябрьского переворота, послания пастве можно судить о том, какие шаги навстречу правительству сделаны были церковной властью в духе негласного «конкордата».

В этом послании нет оценки Октябрьского переворота — дата 7 ноября обозначена просто как годовщина советского государства. Политике советского правительства воздается похвала за

организацию отпора врагу и за то, что оно «поощряло культурное развитие каждого племени и народности в национальном духе... На посторонний поверхностный взгляд такая свобода как будто должна вести к ослаблению внутренних связей между частями государства, грозить ему распадением. И вдруг, вместо плохо сплоченной массы разных племен, наш Союз встретил врагов до неразрывности спаянный беззаветной любовью всех племен к общей Родине, готовностью их на всякую жертву, лишь бы Родина была свободна от фашистского ярма. Откуда же взялось такое единодушие? Какая сила могла так спаять наши как будто разрозненные племена? Конечно, многое здесь объясняется мудрой национальной политикой правительства, которая каждому племени дает возможность чувствовать себя дома на советской земле... Но вера не колеблясь указывает нам и высшую причину, от которой исходит и сама мудрая политика. «Это — перст Божий», — говорит нам вера. Сие знамение десницы Вышнего (Пс. 76. 11). Это Он, милосердуя о нас, дает сильным (в том числе и правителям нашим) писать правду (Притч. 8. 15) и государственную жизнь нашу исправляет так, что мы можем жить во всяком благочестии и чистоте»⁴²⁶. Пожалуй, самый далеко идущий жест лояльности правительству в этом послании Патриарха — это призыв поусерднее помолиться «о богохранимой стране нашей и о властях ее во главе с нашим богоданным вождем». Характеристика Сталина как богоданного вождя, впрочем, по имени не названного, по сути дела означала отстраненность от всякого идеологического сближения с большевиками, в котором столь преуспели в свое время обновленцы. Явная стилистическая несовместимость этих слов делает невозможным представление о богоданном вожде — как вожде «пролетариата и прогрессивного человечества». Богоданными называли монархов, и об этом в России еще помнили.

Возможно, некоторые из церковных людей, но, конечно, не Патриарх Сергей, действительно надеялись на эволюцию коммунистического режима, вспоминая исторический прецедент с Наполеоном, который, став императором, прекратил гонение на католическую Церковь и католическое духовенство. Но несомненно и то, что режим Сталина во время войны уже не был той революционной диктатурой, которая обрушилась на страну в 1917 г. Целью Сталина была не мировая революция, а укрепление и расширение собственной империи, хотя и окрашенной в большевистские цвета, но более способной учитывать национальные интересы, чем воинствующий антинациональный ленинский Интернационал. Официальный атеизм в позднесталинский период являлся уже в большей мере данью традиции, идущей от Ленина, чем действительной пружиной и высшей целью политики, как это было в 20-х гг.

Большая часть послания Патриарха Сергея посвящена тем преобразованиям в положении Церкви, которые произошли в сентябре 1943 г. Святейший Патриарх призывает паству «усилить молитву о том, чтобы Господь возглагодал в сердце наших правителей благое и о Церкви своей святой, да тихое и безмолвное житие проживем мы, верующие, во всяком благочестии и чистоте»⁴²⁷. Это молитва Церкви гонимой, и, призывая к такой молитве, Патриарх Сергей во всяком случае для имеющих уши слышать откровенно характеризовал положение Церкви, каким оно было до избрания Патриарха. 27 октября 1943 г. Патриарх Сергей направил Г. Г. Карпову заявление следующего содержания: «Прошу Вас возбудить перед правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением. Я не беру на себя решать вопрос, насколько эти лица заслужили отбываемое ими наказание. Но я питаю уверенность, что оказанная им со стороны правительства милость побудит их (и даст возможность) приложить все свое старание, чтобы показать свою лояльность правительству СССР и без следа заглавить прошлую вину». К заявлению был приложен список, в котором значились: митрополиты Евгений (Зернов), Павел (Борисовский), архиепископы Ювеналий (Масловский), Алексий (Кузнецов), Павлин (Крошечкин), Мефодий (Абрамкин), Онуфрий (Гагалюк), епископы

Венедикт (Алентов), Григорий (Козлов), Тихон (Шарапов), Ираклий (Попов), Иннокентий (Никифоров), Онисим (Пылаев), Иннокентий (Тихонов), Макарий (Звездов), Серапион (Шевалеевский), Николай (Могилевский), Иоанн (Широков), Иннокентий (Клодецкий), Антоний (Панкеев), Вениамин (Иванов), Феодор (Смирнов), Вячеслав (Шкурко), Григорий (Козырев), архимандрит Афанасий (Егоров) и протоиерей Адаменко⁴²⁸. Все поименованные в этом списке, кроме епископа Николая (Могилевского), в действительности были уже расстреляны или погибли в лагерях от каторжных условий жизни, от голода и тяжелых работ. Епископ Николай (Могилевский) был освобожден и в 1945 г. назначен на Алмаатинскую кафедру, которую и занимал в сане митрополита до своей кончины 25 октября 1955 г.

Одной из важнейших забот Святейшего Патриарха и Священного Синода было замещение архипастырских кафедр, большинство из которых вдовствовало после разгрома 30-х гг. В течение одного года были посвящены во епископа Лысковского викария Горьковской епархии Зиновий (Красовский), во епископа Дмитровского — Иларий (Ильин), во епископа Нежинского — Борис (Вик).

1 апреля 1944 г. Патриарх Сергей возглавил хиротонию во епископа Пензенского и Саранского Кирилла (Поспелова). Это был уже старец летами (он родился в 1876 г.), из вдовых протоиереев, принявший монашеский постриг в год архиерейской хиротонии. До пострига носил имя Леонид; с 1898 г. был диаконом, а священствовал с 1906 г., на короткое время в 1923 г., будучи благочинным церковью Саратова, примкнул к обновленчеству, но уже через несколько месяцев принес покаяние в отступничестве и с тех пор мужественно стоял за каноническую православную Церковь. В 30-е гг. он был арестован и отправлен в лагерь. В начале войны о. Леонида освободили, но священствовать не позволили. Он поселился в Оренбурге и в городской больнице был уборщиком и кухонным работником. Когда открылась возможность для архиерейской хиротонии, о своем старом друге вспомнил архиепископ Андрей (Комаров). Архипастырь представил его Патриарху как достойного кандидата во епископы, и протоиерея Леонида срочно вызвали в Москву. Вскоре после хиротонии он был переведен с Пензенской кафедры на Ташкентскую. Когда епископ Кирилл проезжал через Оренбург, откуда его вызвал архиепископ Андрей, на вокзале его встречало городское начальство, и по старой памяти местные партийные и советские вожди брали у владыки благословение и целовали ему десницу. Кое-где в провинции новый курс политики правительства по отношению к Церкви понят был как своего рода возвращение к прежней симфонии Церкви и государства. Новохиротонисанный старец епископ был архипастырем высокой подвижнической жизни: постился круглый год, даже на Пасху употреблял пищу лишь с растительным маслом, бывали дни, когда он ничего не ел. «Каждую проповедь он обычно начинал словом «Возлюбленные!» Это обычное для него слово не оставалось простой формой... Этим словом он... как бы включал себя во внутренний мир своих слушателей и устанавливал прямую связь между своим сердцем и сердцами присутствующих... Он... очень любил благословлять народ и нередко после всенощной задерживался в храме, чтобы благословить каждого из стоящих на его пути к выходу»⁴²⁹.

На кафедры назначались также архиереи, освобожденные из мест лишения свободы, возвращавшиеся из ссылок. Так, на Ставропольскую кафедру в сентябре 1943 г. был поставлен архиепископ Антоний (Романовский), на Астраханскую в декабре 1943 г. — один из старейших по хиротонии иерархов Филипп Ставицкий (еще в 1916 г. посвященный во епископа Аляскинского). В конце 1943 г. епископат Русской Церкви состоял из 25 правящих архиереев, а в марте 1944 г., за 2 месяца до кончины Патриарха Сергея, насчитывалось уже 29 архипастырей.

14 сентября, через неделю после Собора, на 55-м году своей исповеднической жизни скончался архиепископ Горьковский и Арзамасский Сергей (Гришин), избранный на архиерейском Соборе постоянным членом Священного Синода, всецело преданный служению

Богу и Церкви. Здоровье архипастыря было подорвано 5-летним лагерным заключением, которое он отбывал с 1936 г. до начала войны.

28 ноября 1943 г. было принято постановление Совнаркома № 1325 «О порядке открытия церквей». Согласно этому постановлению ходатайство верующих о регистрации религиозной общины и предоставлении храма сначала должно было рассматриваться в местных органах власти. Затем они должны были направлять материалы в Совет по делам Русской Православной Церкви. Совет по рассмотрении всех обстоятельств выносил предварительное решение по ходатайству верующих, которое окончательно утверждалось уже Совнаркомом. Столь сложная процедура, конечно, призвана была притормаживать процесс возвращения Церкви ее разоренных храмов, но самому процессу все-таки дан был ход. Назначенные на кафедры епархиальные архиереи не без успеха предпринимали усилия по возвращению церквей, занятых под склады или клубы.

12 сентября 1943 г. вышел первый номер возобновленного «Журнала Московской Патриархии». Тираж его был 15 000 экземпляров. Ответственным редактором стал сам Патриарх Сергей, а в редакционную комиссию вошли митрополиты Ленинградский Алексей, Киевский Николай и архиепископ Горьковский Сергей (Гришин). Ответственным секретарем редакции был настоятель московского храма святителя Николая в Кузнецях протоиерей Александр Смирнов.

В первых номерах «Журнала Московской Патриархии» публиковались официальные церковные материалы архиерейского Собора 1943 г., обращения Патриарха, статьи, посвященные главным образом патриотическому служению Православной Церкви в Великую Отечественную войну, сообщалось о разорении церквей и монастырей немцами. В четвертом (декабрьском) номере за 1943 г. помещена статья архиепископа [Луки \(Войно-Ясенецкого\)](#) «Кровавый мрак фашизма». В ней говорится: «Как мне изгладить из памяти четыре страшных фотоснимка всей процедуры повешения пяти подростков и юношей, срывающихся с петли и опять вешаемых? Кто поднимет голову мою? Она низко опустилась и не может подняться от тяжкого гнета воспоминаний о двустах пленных красноармейцах, заживо сожженных в Верейском соборе, в алтаре и на амвоне, о разрушении Киево-Печерской лавры, Новгородского собора святой Софии и сотен храмов наших, о руинах и пепле тысяч городов и селений, о миллионах разоренных, ограбленных и обреченных на голод людей, детей, маленьких милых наших детей. Германский народ, более тысячи лет считавшийся христианским народом, родившим Лютера, Гете, Канта и Гегеля, Гельмгольца и Вирхова, явил всему миру, народам-братьям во Христе и народам нехристианским неслыханно страшное лица варвара, топчущего ногами Св. Евангелие, вторично распинающего Христа. Пусть карающая десница Божия скорее опустит свой грозный меч над главой извергов рода человеческого и да сбудется над ними правда евангельских слов: Взятый меч, от меча погибнет»⁴³⁰. В 1943 г. вышло 4, а в 1944 г. уже 12 номеров «Журнала Московской Патриархии». В 1943 г. издательством Московской Патриархии выпущен был сборник документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война» под редакцией митрополита Николая (Ярушевича).

На заседании Священного Синода 12 февраля 1944 г. митрополит Киевский Николай был перемещен на Крутицкую кафедру, став помощником Патриарха по управлению Патриаршей Московской епархией. Митрополитом Киевским и Галицким, экзархом Украины Синод назначил архиепископа Ярославского Иоанна (Соколова). В мае 1944 г. на Ярославскую кафедру был перемещен архиепископ Алексей (Сергеев).

После избрания Патриарха более интенсивными стали контакты Русской Церкви с другими православными и инославными Церквями. На повестке дня стоял вопрос о нормализации отношений с Грузинской Церковью, самочинное отделение которой в 1917 г. не признал ни

Патриарх Тихон, ни заседавший тогда Поместный Собор. В октябре 1943 г. в Тбилиси для переговоров с Патриархом Грузии Каллистратом Патриарх Сергей направил архиепископа Ставропольского Антония (Романовского). Эти переговоры увенчались возобновлением канонического общения между Русской и Грузинской Церквями. Русские приходы в Грузии после этого были объединены с грузинскими под единым священноначалием Грузинской Церкви. Но согласованной оценки каноничности акта отделения Грузинской Церкви, совершенного в 1917 г., при этом не было сделано. Сообщая Восточным Патриархам о восстановлении молитвенно-канонического общения с Грузинской Церковью, Патриарх Сергей направил им известительные грамоты с изложением истории событий⁴³¹. С 19 по 28 сентября в Москве пребывала делегация англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским С. Ф. Гарбеттом.

Для консолидации церковной жизни необходимо было установление внутрицерковного мира, преодоление расколов и разделений в российской пастве. К середине войны полный крах обновленчества стал очевидным. Обновленческие архиереи, осознавшие это, искали пути к возвращению в Православную Церковь. Лжеепископ Звенигородский Сергей (Ларин) в 1943 г. вступает в тайные переговоры с Киевским митрополитом Николаем об условиях, на которых могут быть воссоединены обновленцы. Сергей готов был пожертвовать Александром (Введенским), чтобы обновленческие священнослужители воссоединялись в сущем сани, хотя и с запрещением женатых епископов. Об этих переговорах стало известно самозваному первоиерарху, и он перевел Сергия Ларина из Москвы в Ташкент. Переговоры прекратились.

По отношению к кающимся обновленцам Патриарх Сергей выбрал не чуждую икономии, но твердую линию. В сущем сани принимались епископы, пресвитеры и диаконы, получившие сан до 1923 г., когда обновленцы были запрещены Патриархом Тихоном, если они не утратили права на священнослужение через вступление в брак после хиротонии. А лжесвященники и лжеепископы обновленческого поставления принимались мирянами или в том сани, которого удостоились до ухода в раскол.

5 ноября 1943 г. на заседании Священного Синода принято было покаяние от находившегося на покое обновленческого «архиепископа» Михаила (Постникова). Свое покаяние, подписанное собственноручно, присоединяемый прочитал вслух и вручил Патриарху. Святейший Патриарх прочитал над кающимся разрешительную молитву и возложил на него архиерейскую панагию. Воссоединенный с Православной Церковью епископ Михаил (Постников) был назначен на Архангельскую кафедру. 2 марта 1944 г. к Православной Церкви был присоединен бывший обновленческий «первоиерарх» Виталий (Введенский), получивший назначение на Тульскую кафедру. Обновленческого архиепископа Звенигородского Андрея (Расторгуева) по принесении покаяния воссоединили в сани протоиерея, который он имел до отпадения в раскол, и назначили настоятелем московского храма Воскресения в Сокольниках. Обновленческий епископ Сергей (Ларин) был воссоединен простым монахом, но вскоре после этого получил уже православное поставление во епископа.

К 1944 г. в обновленчестве оставалось лишь несколько честолюбцев-пастырей, покинутых своим образумившимся стадом. Не принес покаяния перед Матерью Церковью Александр Введенский. В письме епископу Александру (Толстопятову) от 20 апреля 1944 г., за несколько дней до кончины, Патриарх Сергей писал: «А. И. Введенский, по-видимому, собирался совершить нечто грандиозное или по крайней мере громкое. Прислал мне приветственную телеграмму: «Друг друга обьемем!» Меня называет представителем религиозного большинства в нашем православии, а себя — представителем меньшинства. А закончил какой-то арлекинадой, подписался первоиерархом, доктором богословия и доктором философии. Я ответил: «Введенскому А. И. Воистину Христос воскрес! П. С.»⁴³².

Конец 1943—1944 г. — время непрерывных побед русского оружия над войсками агрессора. Осенью 1943 г. освобождена Восточная Украина. 6 ноября Красная Армия взяла Киев, 2 февраля 1944 г. — Луцк. Весной 1944 г. советские войска вышли на государственную границу; 27 июля от немцев очищен Львов. 23 августа Харьков был взят Красной Армией. Митрополит Феофил (Булдовский) остался в городе, не воспользовавшись возможностью эвакуироваться, и через несколько дней обратился к Патриарху Сергию с приветственной телеграммой и просьбой о принятии его в молитвенно-каноническое общение. 9 ноября 1943 г. из Патриархии был получен телеграфный вызов в Москву. На другой день митрополит Феофил направил письмо экзарху Украины митрополиту Киевскому Николаю: «Давно уже мною с городским духовенством была послана Святейшему Патриарху Сергию приветственная телеграмма в связи с избранием его в Патриархи и с просьбой принять мою епархию под свое окормление. Я хотел уже вслед послать и пояснительные письма Его Блаженству и Вашему Высокопреосвященству, но явилась некая задержка. Тем не менее я все время скорбел душой и горько каялся, вспоминая свои старые ошибки. Я разумею «деяние 13-ти». Я не стану оправдываться сейчас, но скажу, что в этом «деянии» много неправды и Его Блаженство введен в заблуждение. Я никогда не был ни шовинистом, ни автокефалистом, ни тем более карьеристом. Я стал на путь Собора киевских епископов 1922 г. исключительно из желания удержать родной украинский народ от большого греха и в этом, благодарение Богу, преуспел. Излагать все дело на бумаге я не могу... И Вы, Владыко, это понимаете. И вот я, 78-летний старик, полубольной, решаюсь ехать к Вам в Москву, чтобы у ног Его Блаженства сложить свои старые и новые ошибки и испросить себе у него прощения»⁴³³.

Но в Москву митрополит Феофил не выехал. 12 ноября он был арестован НКВД и скончался в заключении 20 января 1944 г. Патриарх Сергей, получив информацию о деятельности лжемитрополита Феофила во время оккупации Украины, утвердил постановление 13 епископов Украинского экзархата от 25 декабря 1924 г. о лишении Феофила Булдовского и его сторонников-лубенцев архиерейского сана и отлучении их от Церкви. Феофил был единственный епископ-автокефалист, который не захотел эвакуироваться при отступлении немцев. Все остальные бежали вначале в Галицию или на Волынь, а оттуда в Варшаву, и наконец, в Германию, оказавшись после ее капитуляции в западных зонах. Вместе с ними эвакуировалась и часть клириков; многие из оставшихся на Украине священников-автокефалистов были арестованы.

При отступлении немцев из епископата Автономной Церкви эвакуировалась только часть архиереев, но глава Автономной Церкви архиепископ Дамаскин (Малюта) при эвакуации из Каменец-Подольского был захвачен советскими военными властями, арестован и отправлен в сибирский лагерь, где скончался. За пределами Украины и впоследствии в эмиграции оказались архиепископ Днепропетровский Димитрий (Маган), епископы Житомирский Леонтий (Филиппович), Львовский Пантелеимон (Рудык), управлявший с 1941 по 1943 г. Киевской епархией, а также Ровенский Феодор (Рафальский). В эмиграции архиепископ Димитрий вошел в юрисдикцию Карловацкого Синода; владыка Пантелеимон (Рудык) в 1959 г. в сане архиепископа был принят в общение с Московской Патриархией и скончался в 1968 г. архиепископом Эдмонтонским и Канадским. Архиепископ Николаевский Антоний (Марценко) и епископ Ростовский Николай (Амасийский) бежали в Румынию. Епископ Николай скончался там в 1945 г., а владыка Антоний переехал из Румынии в Карловы-Вары, вошел в юрисдикцию Польской Церкви, потом в 1946 г. был принят в общение Московским Патриархом и получил назначение на Орловскую кафедру.

Большинство епископов и почти все духовенство Автономной Церкви при бегстве немцев с Украины остались на Родине. Многие из священнослужителей были арестованы НКВД по

подозрению в сотрудничестве с оккупантами, которое, как правило, выражалось только в том, что священники открывали храмы и совершали богослужения по разрешению немецких властей.

Епископ Вениамин (Новицкий) еще в феврале 1943 г. при приближении Красной Армии к Полтаве хотел остаться в своем кафедральном городе, но был принудительно эвакуирован недели за две до отхода из города немецких войск. Он поселился в Почаевской лавре вместе с епископами Кременецким Иовом (Кресовичем) и находившимся там на покое Никодимом (Гонтаренко). На родине остались архиепископ Черниговский Симон (Ивановский) и его викарий епископ Нежинский Панкратий (Гладков); оба они были известны на Украине как русские патриоты. При освобождении Украины от немцев, епископ Никодим (Гонтаренко) оставлен был на покое в Почаевской лавре; архиепископ Симон в 1945 г. получил назначение на Полтавскую, а епископ Иов в том же году на Измаильскую кафедру. Епископы Вениамин (Новицкий) и Панкратий (Гладков) были арестованы НКВД и отправлены в сибирские концентрационные лагеря, где владыка Панкратий вскоре погиб.

* * *

В 1944 г. Красная Армия почти безостановочно продвигалась на запад; исход войны был уже предрешен. Пасхальное послание пастве Святейшего Патриарха Сергия 1944 г. заканчивалось выражением благодарности Богу за Его благодеяния и призывом к молитве за всех, несущих крест служения Богу и ближним⁴³⁴. Почти все дни Страстной и Пасхальной седмицы Патриарх Сергий совершал богослужения. На призывы побережь свое здоровье он отвечал: «Поди-ка, дождись следующей Пасхи». Своим чередом шли и труды Святейшего по текущему управлению Русской Православной Церковью.

14 мая 1944 г. Патриарх Сергий совершил в Ризоположенском храме хиротонию во епископа Можайского архимандрита Макария (Даева). Вечером он обсуждал с управляющим делами Патриархии протоиереем Н. Ф. Колчицким вопросы, связанные с предстоящим заседанием Синода. Святейший проснулся 15 мая в 6 часов. Но когда в 6 часов 50 минут его келейник архимандрит Иоанн (Разумов) вошел в спальню, он застал Святейшего бездыханным. Врач определил смерть от кровоизлияния в мозг.

16 мая останки Патриарха Сергия были перенесены для погребения из Патриархии в кафедральный Богоявленский собор. У собора гроб ожидала несметная толпа православного верующего народа.

В день кончины Патриарха Сергия было вскрыто его завещание, составленное в начале Великой Отечественной войны. В согласии с волей почившего первосвятителя Священный Синод утвердил Местоблюстителем патриаршего престола митрополита Ленинградского Алексия (Симанского).

Телеграммы и письма с выражением соболезнования по случаю кончины Святейшего Патриарха Сергия прислали Патриархи Константинопольский Вениамин, Александрийский Христофор, Антиохийский Александр, Иерусалимский Тимофей, Грузинский Каллистрат, Коптский Макарий; иерархи Московской Патриархии, совершавшие свое служение за рубежом: митрополиты Вениамин (Федченков), Сергей (Тихомиров), епископ Феодор (Текучев); архиепископы Кентерберийский и Йоркский, Совнарком СССР, посольства Великобритании, Канады и Китая в Москве, начальник французской военной миссии в Москве Е. Петти.

Патриарх Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился в Арзамасе в семье потомственного священника в 1867 г. Род Страгородских издревле принадлежал к духовному сословию. При Екатерине II епископ Сильвестр Страгородский занимал Крутицкую кафедру. Мать будущего Патриарха умерла в молодости, вскоре после рождения сына, и мальчик рос сиротой. Самые ранние воспоминания его связаны с арзамасским Алексеевским женским

монастырем, где его тетка — мать Евгения — была монахиней, а потом игуменией. На восьмом году жизни мальчика отдали в приходское училище, а по окончании его — в Нижегородскую семинарию.

В 1886 г. Иван Страгородский поступил в Петербургскую Духовную Академию. На последнем курсе 30 января 1890 г. он принял постриг и вскоре был рукоположен в иеромонаха. Сокурсник Патриарха архиепископ Варсонофий (Городцев) вспоминал: «Действительно яркой звездой... курса был Страгородский Иван Николаевич... Он с первых же дней заявил себя внимательным отношением к так называемым семестровым сочинениям, вдумчиво прочитывал нужные книги, для чего посещал Публичную библиотеку, слушал лекции и на экзаменах давал блестящие ответы... Еще на третьем курсе он начал усердно изучать творения святых отцов Церкви и знакомиться с мистической литературой... Под влиянием отеческой и аскетической литературы в сердце Ивана Николаевича стало зреть и крепнуть желание принять монашество, и он еще студентом решил поехать в Валаамский монастырь, чтобы опытно изведать подвижническую жизнь иноков этого строгого по уставу монастыря... Он... очень любил творения Тихона Задонского, [Феофана Затворника](#)... В беседах он и меня звал в монашество: «Оставь,— говорил он,— мертвым погребать своих мертвецов»⁴³⁵. Кандидатскую диссертацию «Православное учение о вере и добрых делах» он писал под руководством профессора А. Л. Катанского, и в 1890 г. закончил академию первым из 47 кандидатов-магистрантов.

Ректору академии он подал прошение направить его на службу в Японскую православную миссию. В Японии он служил под началом святого равноапостольного Николая (Касаткина). Исключительные лингвистические способности миссионера (он превосходно знал греческий, латинский, еврейский и новые европейские языки) позволили ему за несколько месяцев овладеть японским. С осени 1891 г. он уже преподавал догматическое богословие в семинарии на родном для учащихся языке.

Весной 1893 г. иеромонах Сергей был переведен в Россию и назначен доцентом Петербургской Духовной Академии по кафедре [Священного Писания](#) Ветхого Завета. В том же году его переместили на должность инспектора Московской Духовной Академии, а в 1894 г. назначили настоятелем Русской посольской Церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита.

В 1895 г. архимандрит Сергей защитил магистерскую диссертацию «Православное учение о спасении». Основная мысль этой замечательной работы — о тождестве добродетели и блаженства, нравственного совершенства и спасения. Развивая православную сотериологию, архимандрит Сергей подвергает критике «юридическую доктрину» с ее понятием заслуги, получающей должное воздаяние в вечной жизни. По мысли автора диссертации, верно истолковавшего святоотеческое учение, спасение начинается в земной жизни и состоит в изменении тварной природы, совершаемой Божественной благодатью, действующей в согласии с человеческой волей и приводящей к обожению тварного бытия. Сотериологические воззрения Патриарха Сергия оказали заметное влияние на выдающегося догматиста нашего века В. Н. Лосского.

В 1899 г. архимандрит Сергей был назначен ректором Петербургской духовной семинарии, вскоре после этого переведен в Петербургскую Духовную Академию вначале инспектором, а в январе 1901 г. назначен ректором.

25 февраля 1901 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры состоялась его хиротония во епископа Ямбургского. Чин хиротонии возглавил митрополит Петербургский Антоний (Вадковский). Редкий случай — на хиротонии присутствовал дедушка посвящаемого. При своем наречении во епископа архимандрит Сергей произнес речь, замечательную по провидческой глубине мысли: «Внешняя обстановка епископского служения,— сказал он,—

может быть весьма разнообразна. Епископы могут быть в почете и богатстве, могут пользоваться обширными гражданскими правами и преимуществами, но могут быть и в полном бесправии, нищете и даже гонении. Все это зависит от причин случайных и внешних, от государственного положения христианства, от народных и общественных обычаев... С изменением этих внешних причин может измениться и внешняя обстановка. Но само епископское служение в его сущности, в том настроении, какое требуется от епископа, всегда и всюду остается одним и тем же апостольским служением, совершается ли оно в великом Царьграде или в ничтожном Сасиме... Истинный пастырь постоянно, в ежедневном делании своем душу свою полагает за овцы, отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать своей жизнью и даже душой своей ради Церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада»⁴³⁶.

В должности ректора епископ Сергей был добрым и справедливым начальником, к студентам относился по-отечески. Всегда ровный, спокойный, он благотворно действовал на воспитанников своей ласковой приветливостью. Ученик Святейшего Патриарха на Петербургской Академии, архиепископ Фотий (Тапиро) вспоминал: «Каждый вечер после ужина в Академической церкви в присутствии преосвященного ректора владыки Сергея прочитывались молитвы на сон грядущий. После этого владыку окружала тесная семья студентов, и он долго и любовно беседовал с ними, назидая, научая, наставляя простыми и понятными словами, предупреждая юношей от увлечений и соблазнов столичного города, убеждая не сходить с церковного пути и беззаветно отдать себя на служение Церкви православной и родному народу. Студенты ценили эти отеческие беседы своего ректора и платили нелицемерной преданностью и любовью»⁴³⁷.

Годы ректорства были не только временем его административно-педагогической, но и научно-богословской деятельности. В периодической духовной печати появился ряд статей епископа Сергея, главным образом посвященных разбору и критике инославных исповеданий. В последние годы ректорства епископ Сергей был назначен председателем Синодальной комиссии по старокатолическому и антипапскому вопросам. Замечательной страницей в его архипастырской деятельности явилось председательство на Религиозно-философских собраниях, которые способствовали сближению православного духовенства с религиозно настроенной интеллигенцией. Во время русско-японской войны и начавшейся в ее разгар революции епископ Сергей говорил встревоженным студентам, что Российская империя может быть сметена надвигающимися событиями, но Церковь погибнуть не может.

6 октября 1905 г. епископ Сергей был назначен на самостоятельную Финляндскую и Выборгскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Обстановка в Финляндии была сложной. Финская интеллигенция стремилась насаждать среди православных карел финскую культуру и в деятельности православной Церкви видела этому препятствие. Архиепископ Финляндский Сергей вынужден был обратиться к генерал-губернатору Финляндии с просьбой оградить православных карел от насильственной финизации. Много внимания он уделял развитию приходской жизни и школьному делу в своей епархии.

В 1911 г. архиепископ Сергей был включен в состав Святейшего Синода, руководил важными синодальными учреждениями: был председателем Особого совещания по вопросам внутренней и внешней миссии, председателем Совещания по исправлению церковно-богослужебных книг; с 1912 г. назначен председателем Предсоборного Совещания, с 1913 г.— председателем Учебного комитета.

После отречения императора Николая II архиепископ Сергей возглавил Синод нового состава и Предсоборный совет. В 1917 г. голосами клириков и мирян он был выбран на Владимирскую кафедру. На Поместном Соборе 1917 г. архиепископа Сергея избрали членом

Священного Синода, а после интронизации Патриарха указом Святейшего он был возведен в сан митрополита. В годы гражданской войны митрополит Сергей подвергался неоднократным арестам. Жизненный путь Патриарха Сергия омрачен эпизодом его присоединения к обновленческому расколу в 1922 г., в чем он уже на следующий год принес слезное покаяние перед Святейшим Патриархом Тихоном.

В конце 1925 г. он возглавил Русскую Церковь в звании Заместителя патриаршего Местоблюстителя. На этом высоком посту ему «приходилось сталкиваться с противодействием как очень честных людей, так и с темными интригами церковных авантюристов. Если первые не понимали, не способны были вникнуть до конца в смысл мероприятий главы Церкви, то вторые, движимые самыми корыстными побуждениями, заинтересованы были только в одном: использовать до конца во вред патриаршей Церкви, с одной стороны, политически напряженную атмосферу революционной борьбы, а с другой — возбужденное событиями, сбитое с толку и панически настороженное настроение верующих. В атмосфере этого хаоса пришлось действовать святителю Сергию многие годы. Приходилось бороться с наиболее тягостным явлением — демагогией отдельных представителей клира. И чем «возвышеннее» звучали призывы самых искренних из них, но не способных понять, что они таким путем губят главное: единство и целостность Церкви, тем крепче должна была действовать власть главы Церкви в смысле духовно-дисциплинарных мероприятий, сколь бы ни казались эти мероприятия взволнованным и не понимающим положения дел группам верующих суровыми и несправедливыми»⁴³⁸. Проявляя твердость по отношению к упорствующим, святитель Сергей скорбел об ожесточении и никогда не снимал вины с самого себя. Когда после издания известной «Декларации» 1927 г. часть епископата пошла на разрыв с ним, то при получении первого известия о разразившихся нестроениях он жестоко укорял себя: «Что я наделал! Что я наделал!»

В 1934 г., по предложению митрополита Алексия, Заместитель Местоблюстителя определением Патриаршего Синода был удостоен титула Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского. Тяжкие скорби переживал глава Русской Церкви и в страшные 30-е гг., когда православное духовенство, разделяя судьбу своего народа, подвергалось жестоким преследованиям. Надежда оставалась только на Бога.

Когда до митрополита Сергия дошла весть о начале войны, он, помолившись, сказал находившимся возле него: «Господь милостив, и Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли, поможет нашему народу перенести годину тяжелых испытаний и завершить войну нашей победой»⁴³⁹. Проживая в Ульяновске и получая там вести из Ленинграда от митрополита Алексия, он говорил: «Вот нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то каково, находясь в руках у смерти»⁴⁴⁰. Келейник Патриарха архимандрит Иоанн (Разумов) так вспоминал о его жизни в Ульяновске:

«Владыка взял себе за правило вставать в 5 часов утра, вычитывать положенное иноческое правило, посещать все церковные богослужения и ежедневно читать Святую Библию на трех языках: еврейском, греческом и славянском... Это занятие Святейший называл «Библейский урок»... В 9 часов легкий завтрак, после которого начинался прием посетителей... до обеда; в 3 часа скромный обед... немного отдохнув, Святейший внимательно разбирал почту. На письма он отвечал сам, ни одного письма не оставив без ответа. Покончив с корреспонденцией, Святейший принимался за газеты. Он был всегда в курсе всех политических событий. Затем приступал к вечернему правилу, каждый день вычитывал дневные службы по Октоиху и Минеям, если сам лично не служил всенощного бдения в храме. Углубившись в молитву, Святейший часто забывал об ужине и, утомленный молитвенным подвигом, спокойно ложился спать, чтобы подкрепить силы. Каждую ночь вставал в 3 часа и вычитывал 12 избранных псалмов с

поклонами. Так строго день за днем проходила светлая жизнь ангела Русской Церкви»⁴⁴¹.

Почитатель Патриарха Сергия В. Н. Лосский писал о нем после его кончины:

«До конца времен Церковь сохранит память великого святителя наряду с другими именами, которые знает каждый христианин. Когда умер Василий Великий, его друг и сотрудник святитель [Григорий Богослов](#) мог сказать: «Все было велико в тебе, Великий Василий, одно лишь было мало: всего только 8 лет ты был епископом Кесарии». То же можно сказать и о почившем возглавителе Русской Церкви. Все было велико в жизни великого Сергия, который всего лишь несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан Патриарха Московского и всея Руси. Но как патриарший Местоблюститель он почти 18 лет управлял Русской Церковью. Старый мир, мир Русской империи, мир византийских традиций, восходивший к [Константину Великому](#),— тот мир, который казался многим миром самого христианства, внезапно рушился до основания, и на его месте возникал новый мир вне христианства, но не вне Божественной воли, определяющей исторические судьбы. Чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в Москве — столице нового государства, в центре строящегося нового мира, надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви»⁴⁴².

ГЛАВА VIII. Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Алексии I (Симанском) (1944—1970)

В день блаженной кончины Патриарха Сергия было вскрыто его завещательное распоряжение, составленное 12 октября 1941 г., в котором он назначал Местоблюстителем патриаршего престола митрополита Ленинградского Алексия (Симанского). В этот же день, 15 мая 1944 г., Священный Синод на основании того, что Поместный Собор 1917—1918 гг. возложил на Святейшего Патриарха обязанность в чрезвычайных обстоятельствах назначать себе преемника для временного исполнения обязанностей патриаршего Местоблюстителя, принял к исполнению завещание почившего Патриарха.

28 мая митрополит Алексей обратился к архипастырям, пастырям и верным чадам Русской Православной Церкви с первым первосвятительским посланием, извещая о том, что принял на себя исполнение обязанностей предстоятеля Церкви, и обещал следовать по пути, начертанному Патриархом Сергием, призывая к тому и свою паству. Местоблюститель патриаршего престола воздал долг любви и благодарности своему почившему предшественнику за мудрое первосвятительское служение. На долю Патриарха Сергия «выпало много труда и скорбей в борьбе с церковными нестроениями, с церковным разделением, с ожесточенными нападками на него лично. Однако всегда, неизменно с кротостью, но твердо защищая церковную истину, отражал он удары на Церковь, не «своих си ища», а взыскав одной правды. К нему можно применить выражение одного церковного песнопения в честь святителя Николая: «Свидетельствоваше светлость лица его душевное незлобие; извествоваше кротость слово молчаливое. И была вся «жизнь его и успение со святыми»⁴⁴³. Война еще продолжалась, и предстоятель Русской Православной Церкви призвал верующий народ усилить молитвы о победе русского оружия. Свой призыв он повторил в послании в канун третьей годовщины начала войны. Церковь будет «молиться, да падет пред силой нашего воинства «тысяща и тьма» сопротивных и да сокрушится неправда, дерзнувшая посягнуть на свободу и честь нашей Родины. Пусть наших доблестных и победоносных вождей и воинов, освобождающих нашу Русскую землю, осеняет в их победном шествии на запад, на полное разрушение лукавых козней врага, на разгром фашизма эта молитва и это благословение Церкви»⁴⁴⁴.

После кончины Патриарха Сергия внутренняя жизнь Церкви нуждалась в дальнейшем устроении. Первостепенной по важности заботой священноначалия было замещение вдовствующих кафедр. Как правило, рукополагали престарелых вдовых священнослужителей, принявших постриг за несколько дней перед этим. 21 мая в московском Богоявленском соборе патриарший Местоблюститель митрополит Алексей возглавил хиротонию во епископа Полтавского и Кременчугского Николая (Чуфаровского). В Преображенской церкви Москвы митрополит Крутицкий Николай хиротонисал во епископа Ворошиловградского священника Калининской епархии Александра Порфирьевича Петина, получившего в монашестве имя Никон. Пожалуй, единственным исключением явилась хиротония во епископа Симферопольского и Таврического архимандрита Иоасафа (Журманова), принявшего монашеский постриг еще в 1915 г. Она состоялась 13 августа в Богоявленском патриаршем соборе. Ее возглавил митрополит Алексей. 27 августа он хиротонисал во епископа Владимирского и Суздальского иеромонаха Онисима (Фестинатова). 29 октября митрополит Крутицкий Николай возглавил хиротонию во епископа Калининского иеромонаха Рафаила (Березина). В январе 1945 г. в Спасо-Преображенском соборе Москвы патриарший

Местоблюститель митрополит Алексей возглавил хиротонию во епископа Вологодского и Черновицкого Иустина (Мальцева), кандидата богословия Казанской Духовной Академии.

В первый месяц своей первосвятительской деятельности митрополит Алексей вместе со Священным Синодом совершил ряд перемещений на архиерейских кафедрах: архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) был переведен на Псковскую кафедру, впоследствии на Саратовскую кафедру был назначен епископ Паисий (Образцов); архиепископ Рязанский Алексей (Сергеев) был перемещен на Ярославскую кафедру, на Рязанскую назначили епископа Ульяновского Дмитрия (Градусова); архиепископа Ставропольского Антония (Романовского) перевели на Николаевскую кафедру. На Смоленскую кафедру патриарший Местоблюститель и Священный Синод поставили новохиротонисанного епископа Сергия (Смирнова). Всего за время местоблюстительства митрополита Алексея с мая 1944 по январь 1945 г. совершено было 10 епископских рукоположений, кроме того, два епископа, бывших на покое, получили назначения на кафедры. Осенью 1944 г. епископат Русской Православной Церкви насчитывал уже около 50 правящих архиереев, примерно столько, сколько Русская Церковь имела в канун разгрома церковной организации 1937—1939 гг.

В 1944 г. распались последние обновленческие общины и к канонической Церкви присоединялись обновленческие епископы в том состоянии, какое они имели до 1924 г., если не утратили правоспособности на епископское или пресвитерское служение. Так, 24 июля 1944 г. архиепископом Псковским Григорием (Чуковым) в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда были приняты в каноническое общение как миряне лжеепископ Сергей Румянцев и лжеархиепископ Дмитрий (Лобанов), в сане протоиерея присоединили к Православной Церкви лжеархиепископа Днепропетровского Григория (Константиновского). В епархиях продолжали открываться приходы: с января по ноябрь 1944 г. богослужение было возобновлено в 200 храмах, но, конечно, число это было несопоставимо с количеством приходов, открытых на оккупированной территории.

В 1944 г. закончилось освобождение Украины, в мае Красная Армия прорвала оборону немцев между Витебском и Оршей и повела стремительное наступление на запад. Линия фронта переместилась за границы Советского Союза. В июле этого же года союзники открыли второй фронт в Западной Европе. Начался завершающий этап второй мировой войны. Когда в Москву пришло известие о высадке англо-американского десанта во Франции, Местоблюститель патриаршего престола обратился с телеграммой к послу Великобритании в Москве А. Керру и через него к архиепископу Кентерберийскому с «молитвенным сердечным пожеланием Божией помощи и великих успехов доблестным братским союзным армиям в священном подвиге освобождения европейских народов от злейшего врага цивилизации — фашизма»⁴⁴⁵.

После вступления Красной Армии в Белоруссию белорусские епископы переехали в Гродно, а оттуда 7 июля 1944 г. были эвакуированы немцами в Германию. Среди них был и глава Белорусской Церкви митрополит Пантелеимон (Рожновский), в эмиграции он и его собратья вошли в юрисдикцию Карловацкого Синода. Большинство же священнослужителей не захотели, а некоторые и не смогли покинуть Родину. Участь их оказалась нелегкой: многие были арестованы и осуждены на длительные сроки тюремного заключения по обвинению в коллаборационизме, который чаще всего выражался в том, что священники открывали приходы и возобновляли богослужение в храмах по разрешению немецких властей. Однако приходы, открытые во время оккупации, советские власти, как правило, не закрывали. Для нормального устройства церковной жизни в освобожденной Белоруссии Патриархия должна была поставить новых епископов на вакантные кафедры. Так, в 1944 г. архиепископ Калининский и Смоленский Василий (Ратмиров) был перемещен на Минскую кафедру, на Брестскую был назначен

новохиротонисанный епископ Паисий (Образцов). Несколько позже, в феврале 1945 г., в епископа Пинского был хиротонисан архимандрит Онисифор (Пономарев).

В августе 1944 г. Красная Армия, освободив Молдавию, перешла Прут и вступила на территорию Румынии. Митрополит Кишиневский Румынской юрисдикции Ефрем (Тигиняну) и его викарии оставили Молдавию вместе с румынскими войсками и властями. 31 декабря 1944 г. в Богоявленском патриаршем соборе в Москве патриаршим Местоблюстителем митрополитом Алексием была совершена хиротония во епископа Кишиневского и Молдавского архимандрита Иеронима (Захарова).

Участь православного духовенства в Молдавии и Прибалтике после возвращения этих территорий в Советский Союз была неодинаковой. В Прибалтике православное меньшинство в отличие от католиков и протестантов рассматривалось властями как пророссийски ориентированное, молдавский же народ был православным, и это не считалось признаком лояльности советским властям. С приходом Красной Армии значительная часть священнослужителей подверглась репрессиям, многие монастыри были закрыты, насельники арестованы и этапированы в концентрационные лагеря. Обвинение в коллаборационизме предъявлять было легко и удобно, поскольку во время румынской оккупации по закону молдаване были равноправными с собственно румынами и потому являлись лояльными подданными румынского короля, в этом отношении и православное духовенство не отличалось от остального населения. Хотя несомненно, что закон не осуществлялся на практике и значительная часть молдаванского населения остро чувствовала свою второсортность.

8 сентября Красная Армия перешла румыно-болгарскую границу и стала продвигаться в глубь страны, не встречая реального сопротивления со стороны болгарских войск. Новое правительство разорвало союз с Германией и объявило ей войну. Предстоятель Болгарской Церкви митрополит Стефан благословил новую политику государства. Между тем взаимоотношения Русской и Болгарской Православных Церквей были омрачены не только политическим противостоянием Болгарии и СССР во время первой и второй мировых войн, но и разрывом канонического общения, начало которому положило отлучение, наложенное Константинопольской Патриархией в 1872 г. С этим отлучением считалось и священноначалие Русской Православной Церкви, воспрещая своему духовенству сослужение с болгарскими клириками. Тем не менее, получив весть о переменах в Болгарии, митрополит Алексий обратился к митрополиту Софийскому Стефану с приветственным письмом.

Осенью 1944 г. Красная Армия освободила Прибалтику, за исключением Курляндского полуострова, где остатки разбитых немецких войск сопротивлялись до мая 1945 г. После убийства митрополита Сергия (Воскресенского) по его завещанию временно управляющим Виленской и Литовской епархией стал епископ Ковенский Даниил (Юзвюк), возведенный в сан архиепископа. В конце войны он выехал в Чехословакию, затем вернулся и был назначен на Пинскую кафедру. На Виленскую кафедру 13 апреля 1945 г. был поставлен перешедший из обновленческого раскола архиепископ Корнилий (Попов); ему же было поручено и временное управление Рижской и Латвийской епархиями, остававшимися вакантными после отъезда епископа Рижского Иоанна (Гарклава) в Германию.

Сложнее, чем в Литве и Латвии, складывалась ситуация в Эстонии, где во время оккупации произошел раскол и часть приходов во главе с митрополитом Александром (Паулусом) отделилась от экзарха Московской Патриархии митрополита Сергия (Воскресенского). Митрополит Александр бежал из Эстонии вместе с отступавшими немецкими войсками, впоследствии образовав в Стокгольме схизматический Синод, который он объявил состоящим в юрисдикции Константинопольской Патриархии. После смерти митрополита Александра в 1953 г. этот Синод, оставшись без епископов, продолжал все-таки притязать на представительство не

существующей в действительности Эстонской Автономной Церкви.

5 марта 1945 г. в Таллин прибыл архиепископ Псковский Григорий (Чуков), и на совещании с членами раскольнического Синода Эстонской Православной Церкви достигнута была договоренность о возвращении схизматических приходов в юрисдикцию Московской Патриархии и об упразднении Синода. Правящим архиереем Таллинским и Эстонским был назначен архиепископ Павел (Дмитровский). По предложению архиепископа Григория в совет, заменивший прежний Синод, было включено равное число священников русского и эстонского происхождения. Принято было также решение изъять из богослужебной практики эстонских приходов протестантские новшества: пение гимнов и игру на органе. Самый акт воссоединения находившихся в расколе эстонских приходов с Матерью Церковью состоялся в Никольском соборе Таллина 6 марта 1945 г. Чин богослужения был подобен тому, который употреблялся при воссоединении обновленцев. Председатель упраздненного Синода Эстонской Церкви протоиерей Христофор Винк от лица всех присоединяемых прочитал и вручил архиепископу Григорию акт о том, что

«учинили раскол с Матерью Церковью Российской и, пребывая в расколе, производили этим соблазн среди верующих, задерживая дело их спасения... Мы глубоко сожалеем обо всем этом, искренне раскаиваемся в содеянном, со скорбью переживаем свою виновность в соучастии нарушения клятвы, данной митрополитом Александром (Паулусом) от имени клира и мирян Эстонской Церкви в верности Московской Патриархии в 1941 г. 30 марта... признаем свою ответственность за нашу активную деятельность до настоящего времени по устройению эстонской церковной жизни в направлении сознательного отторжения клира и мирян от путей Московской Патриархии, просим простить нас, благословить и помолиться о нас, грешных. Даем искреннее обещание в дальнейшей церковной работе блюсти верность и послушание Матери Церкви Российской и ее главе — Патриарху Московскому и всея Руси»⁴⁴⁶.

Прошло полгода после кончины Патриарха Сергия, и священноначалие Русской Церкви уже имело возможность вести подготовку Поместного Собора, которому предстояло избрать нового Патриарха. С этой целью 21—23 ноября 1944 г. в здании Патриархии в Чистом переулке состоялся архиерейский Собор, в котором участвовало 50 епископов Русской Православной Церкви. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Алексей в приветственном Слове к архиереям отметил, что им предстоит «тщательно подготовить и разработать все вопросы, связанные с предстоящим Поместным Собором Русской Православной Церкви»⁴⁴⁷. Митрополит Алексей обратился затем в своем выступлении к насущным церковным делам, отметив, что

«условия для развития церковной жизни — благоприятны, со стороны правительства нашего мы видим полную поддержку в наших церковных и патриотических начинаниях. За последний год по всему нашему Союзу открыто сверх имеющихся более 200 церквей; все ходатайства об открытии храмов тщательно рассматриваются; дело это продолжается и будет продолжаться и впредь. Открыт в Москве Богословский институт и Богословско-пастырские курсы; такие же курсы могут быть открываемы и в епархиях, и, таким образом, можно надеяться, что у нас постепенно пополнятся кадры пастырей, которые пойдут на это служение не по принуждению, не по необходимости, а по искреннему влечению к работе на церковной ниве. Издается Патриархией журнал, отражающий церковную жизнь в нашем Союзе. К сожалению, мы еще не видим со стороны многих из наших собратий архипастырей широкого сотрудничества в этом нашем духовном органе... Предложено расширить издательское дело Патриархии и постепенно печатать богослужебные книги и издавать труды церковных деятелей»⁴⁴⁸.

Далее митрополит Алексей напомнил, что в своей деятельности архипастыри Русской Православной Церкви «должны прежде всего хорошо знать и твердо усвоить церковные правила

и установления и не допускать... их нарушения. Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступить через рубеж правил церковных, коль скоро переступим однажды по какому-нибудь произвольному рассуждению, то уже трудно будет определить, где предел, далее которого нельзя идти»⁴⁴⁹. В заключение своей речи митрополит Алексий говорил о предстоящем Поместном Соборе, о его программе и главном деле Собора — избрании Патриарха. По докладу митрополита Крутицкого Николая архиерейским Собором был принят в общение с Московской Патриархией архиепископ православных карпатороссов в Америке Адам (Филипповский), лишенный сана за непослушание Патриархии в 1939 г.

На вечернем заседании 22 ноября архиерейский Собор первым заслушал доклад архиепископа Псковского Григория (Чукова) по проекту «Положения об управлении Русской Православной Церковью». Затем митрополит Алексий сделал доклад о патриотическом служении Церкви в войну. С сообщением о состоянии дел, связанных с подготовкой к открытию духовных школ, выступил назначенный ректором Богословского института протоиерей Тихон Попов. Отчет о деятельности редакции «Журнала Московской Патриархии» представил ее ответственный секретарь протоиерей Александр Смирнов.

На третий день заседания архиереи утвердили программу предстоящего Поместного Собора. Затем управляющий делами Патриархии протоиерей Николай Колчицкий в докладе о порядке избрания Патриарха на Поместном Соборе предложил следующую процедуру голосования: каждый преосвященный, начиная с младшего по хиротонии, на вопрос, кого он с клиром и паствою своей епархии избирает Патриархом, будет отвечать: «Патриархом Московским и всея Руси мы избираем преосвященнейшего (титул, епархия, имя)». После окончания опроса председатель Собора объявит имя архипастыря, избранного Патриархом. Против такого порядка избрания возражал архиепископ Тамбовский Лука (Войно-Ясенецкий), предлагая повторить опыт Поместного Собора 1917—1918 гг., когда окончательное избрание Патриарха совершалось по жребию из трех кандидатов, выбранных тайным голосованием на Соборе. Предложение архиепископа Луки не могло понравиться представителям государственной власти, контролировавшим действия церковного управления. Большинство архиереев это хорошо понимали, тем более что с канонической точки зрения вполне правомерно избрание предстоятеля Церкви голосами епископов, подаваемыми открыто. Архиерейский Собор утвердил порядок избрания Патриарха, предложенный протоиереем Николаем Колчицким. В своем решении Собор опирался на 4 правило I Вселенского Собора, 3 правило VII Вселенского Собора и 13 правило Карфагенского Собора. Выбор первого епископа поместной Церкви является частным случаем избрания епископов и подлежит общему порядку замещения вдовствующих кафедр. Определение Патриарха в 1917 г. по жребию было уникальным событием в истории церковных выборов. До этого жребий при избрании первоиерарха применялся лишь в Александрийской Церкви в тех редких случаях, когда кандидаты в Патриархи получали равное количество голосов при повторном голосовании. Архиепископ Лука не согласился с принятым решением и не получил приглашения на Поместный Собор. По докладу отца Николая Колчицкого было утверждено чинопоследование интронизации Патриарха. Решено было пригласить на Поместный Собор Патриархов Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Грузинского.

24 ноября председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов, в частности, сказал: «Русская Православная Церковь в период Великой Отечественной войны показала, как она вместе со всем народом любит свою Родину и защищает ее всеми доступными для Церкви средствами... Немецкая политика стремилась использовать Русскую Православную Церковь в качестве орудия для достижения своих разбойничьих планов, для борьбы с советской властью, с советским народом... Но она натолкнулась на непреодолимое препятствие — на

любовь и верность духовенства и верующих своей Родине... Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временный характер, не являются тактическим маневром, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели или как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны»⁴⁵⁰. Выступление Г. Г. Карпова на встрече с участниками Собора внушило архиереям надежду на устойчивый характер перемен к лучшему в церковной политике советского руководства.

* * *

Поместный Собор открылся 31 января 1945 г. в храме Воскресения в Сокольниках. В деяниях Собора участвовало 46 архиереев, и среди них Местоблюститель патриаршего престола митрополит Алексей и еще три митрополита — Крутицкий Николай (Ярушевич), Киевский Иоанн (Соколов) и митрополит Североамериканский и Аляскинский Вениамин (Федченков), 13 архиепископов и 29 епископов; 87 клириков и 38 мирян, назначенные правящими архиереями, представляли епархии Русской Церкви и экзархат Московской Патриархии в Америке. Проведение выборов делегатов Собора, подобных тем, какие состоялись в 1917 г., было, конечно, невозможно по обстоятельствам времени, но, поскольку, по учению преподобного Иоанна Дамаскина, «Церковь вверена епископам», каноническая правоспособность Собора, составленного из архиереев и подобранных ими клириков и мирян, сомнению не подлежала. Участники освященных Соборов допетровской Руси, не имевшие епископской степени, тоже не избирались, а приглашались церковными властями и чаще всего подбирались из «степенных» настоятелей кремлевских соборов, архимандритов и игуменов крупнейших монастырей. Избрание членов Поместного Собора 1917—1918 гг. на епархиальных и корпоративных собраниях было событием уникальным в истории нашей Церкви. На Соборе 1945 г. присутствовали Патриархи Александрийский Христофор, Антиохийский Александр III, Грузинский Каллистрат, представитель Вселенского Патриарха митрополит Фиатирский Герман, Иерусалимского — митрополит Севастийский Афинагор; делегация Сербской Церкви во главе с митрополитом Скопленским Иосифом, делегация Румынской Церкви во главе с епископом Арджешским Иосифом. Общее число членов и гостей Собора — 204.

Первое заседание Поместного Собора было открытым. Храм Воскресения заполнило московское и приходское духовенство, верующий народ, присутствовали иностранные гости из посольств и военных миссий, журналисты, фоторепортеры, правительство СССР представлял Г. Г. Карпов. После торжественного молебна Собор открыл его председатель Местоблюститель патриаршего престола митрополит Алексей. Главными задачами Собора Местоблюститель назвал избрание Патриарха и утверждение «Положения об управлении Русской Православной Церковью»⁴⁵¹. В этот же день митрополит Алексей выступил с докладом, посвященным патриотической деятельности Русской Православной Церкви во время Великой Отечественной войны. Он, в частности, сказал, что «патриотическая деятельность Церкви... не только в жертвованиях, к которым неустанно призывали своих пасомых архипастыри и пастыри. Деятельность эта была гораздо шире и существеннее, так как она проникала в самую душу народную, поднимая дух безмерной любви к Родине, волю к победе, так как она давала утешение страждущим, скорбящим, унывающим»⁴⁵².

Доклад архиепископа Псковского Григория (Чукова) был посвящен проекту «Положения об управлении Русской Православной Церковью», основные идеи которого сформулировал блаженнопочивший Патриарх Сергей. В прениях выступили епископ Кировоградский Сергей (Ларин), ректор Богословского института профессор протоиерей Г. Д. Попов, профессор Г. П. Георгиевский. Краткое «Положение», единогласно утвержденное Собором, заменило

развернутые определения Собора 1917— 1918 гг., касавшиеся отдельных инстанций церковной власти. Новое «Положение» строго определяло иерархический строй церковного управления, увеличивая полномочия Патриарха, епархиальных архиереев и настоятелей приходов.

В отличие от документов Собора 1917— 1918 гг. в новом «Положении» Церковь называется не «Российской», а, как и в древности, «Русской». Статья 1 повторяет соответствующий пункт «Определения» от 4 ноября 1917 г. о принадлежности высшей власти в Церкви (законодательной, административной и судебной) Поместному Собору, правда, опущено слово «контролирующей». Не говорится также и о том, что Собор созывается «в определенные сроки». Разъяснения по этому поводу даются в статье 7: «Патриарх для решения назревших важных вопросов созывает с разрешения правительства Собор преосвященных архиереев» и председательствует на нем; Собор с участием клириков и мирян созывается только тогда, «когда требуется выслушать голос клириков и мирян и имеется внешняя возможность» к его созыву ⁴⁵³. Из-за свирепых гонений, обрушившихся на Церковь в два послереволюционных десятилетия, определение Поместного Собора 1917— 1918 гг. о регулярном созыве Соборов оказалось совершенно неисполнимым.

Следующие 16 статей «Положения об управлении Русской Православной Церковью» объединены в первый отдел, озаглавленный «Патриарх». В статье 1 со ссылкой на 34-е апостольское правило говорится о том, что Русская Православная Церковь возглавляется Святейшим Патриархом Московским и всея Руси и управляется им совместно с Синодом. «Положение» предусматривает возношение имени Патриарха во всех храмах Русской Православной Церкви в нашей стране и за рубежом, предоставляет Патриарху право обращаться с пастырскими посланиями по церковным вопросам ко всей Русской Православной Церкви. От лица Русской Православной Церкви Патриарх ведет сношения по церковным делам с предстоятелями других автокефальных православных Церквей. Оговорено также право Патриарха «в случае нужды преподавать преосвященным архиереям братские советы и указания касательно их должности и управления». «Патриарху принадлежит и право награждать преосвященных архиереев установленными титулами и высшими церковными отличиями». Статьи 8 и 9 посвящены деятельности Патриарха как епархиального архиерея. «Положение» дает его наместнику по Московской епархии более широкие права, чем «Определения» Поместного Собора 1917—1918 гг. Он носит другой титул — митрополит Крутицкий и является одним из постоянных членов Синода. В «Положении» ничего не сказано о подсудности Патриарха и о таких его правах, как надзор за всеми учреждениями высшего церковного управления, посещение епархий, разбор жалоб на архиереев, освящение святого мира и др. Это означало, что права Патриарха, как и его подсудность, после Собора 1945 г. устанавливались на основании святых канонов и в соответствии с «Определениями» 1917— 1918 гг., сохранявшими свою силу в части, не отмененной или не измененной позднейшими законодательными актами.

В статьях 14 и 15 речь идет об избрании Патриарха, но ничего не говорится о составе Собора, созываемого для избрания Патриарха. В «Положении» устанавливается порядок назначения и круг обязанностей Местоблюстителя; старейший по хиротонии постоянный член Священного Синода назначается Местоблюстителем лишь после освобождения патриаршего престола, т. е. пока Патриарх жив и не оставил престол, даже если он в отпуске, болен или находится под судебным следствием, Местоблюститель не назначается. Как и сам Патриарх, Местоблюститель управляет Русской Церковью совместно с Синодом; имя его возносится за богослужением во всех храмах Русской Православной Церкви; он обращается с посланиями ко всей Русской Церкви и к предстоятелям поместных Церквей. Но в отличие от Патриарха Местоблюститель сам, когда найдет это нужным, не может ставить вопрос о созыве Собора архиереев или Поместного Собора с участием клира и мирян. Данный вопрос ставит Синод под

его председательством, причем речь может идти лишь о созыве Собора для избрания Патриарха, и не позднее 6 месяцев с момента освобождения патриаршего престола. «Положение» не представляло Местоблюстителю права награждать архиереев титулами и высшими церковными отличиями.

Состав Священного Синода определяют статьи 17— 21: председатель — Патриарх, постоянные члены — митрополиты Киевский, Ленинградский и Крутицкий. Три временных члена Синода вызываются поочередно на полугодовую сессию согласно списку архиереев по старшинству (для этого все епархии разделены на три группы). Синодальный год разделен на 2 сессии: с марта по август и с сентября по февраль. В отличие от «Определения» Поместного Собора 1917— 1918 гг., в котором подробно регламентирована компетенция Синода, в «Положении» ничего не говорится о круге подведомственных ему дел. Однако статьей 1 предусматривается, что управление Русской Церковью осуществляется Патриархом совместно со Священным Синодом, согласно 34 апостольскому правилу и 9 правилу Антиохийского Собора.

Строгая иерархичность церковного управления и возвышение авторитета единоличной власти определяет и содержание 3 раздела «Положения», озаглавленного «Епархия»: «Русская Православная Церковь разделяется на епархии, границы которых должны совпадать с гражданскими границами — областными, краевыми, республиканскими»⁴⁵⁴. На основании статьи 24 указом Святейшего Патриарха утверждается только избрание епархиального архиерея, само же избрание осуществляется Синодом под председательством Патриарха. Епархиальный архиерей имеет полную власть и «является ответственным главою вверенной ему епархии»⁴⁵⁵. Он полноправный член высших учреждений Русской Церкви: Поместного и архиерейского Соборов и Священного Синода в порядке очередности. В то же время епископ подотчетен всем этим органам и возглавляющему их Патриарху. При епархиальном архиерее состоит лишь один коллегиальный орган — епархиальный совет. Но учреждение его не было обязательным, а зависело от воли самого архиерея: совет существует там, где, как сказано в «Положении», «таковой будет архиереем образован»⁴⁵⁶. В том, что касается управления отдельными частями епархии, Поместный Собор 1945 г. в сущности вернулся к практике, существовавшей до 1918 г.; в «Положении» ничего не говорилось о благочиннических собраниях и советах, введенных Собором 1917— 1918 гг. отменялась и выборность благочинных.

Устройству приходского управления посвящен 4 раздел «Положения». Приходская община состоит не менее чем из 20 человек, она регистрируется гражданской властью, которая предоставляет ей храм по соглашению с епархиальным архиереем. В «Положении» предусмотрено существование коллегиальных органов управления общиной: распорядительного — «двадцатки», заменяемого после учреждения прихода приходским собранием, исполнительного — церковного совета, контрольного — ревизионной комиссии. Церковный совет и ревизионная комиссия образуются приходским собранием. В состав церковного совета входят настоятель в качестве председателя и избираемые собранием староста, его помощник и казначей. Все приходское хозяйство находится на попечении церковного совета: забота о содержании, ремонте, освещении и отоплении храма, о снабжении храма богослужебными утварью и книгами, нательными крестами, ладаном и др. Церковный совет распоряжается средствами прихода и ведет их учет, делает отчисления в Патриархию и епархиальное управление. Ревизионная комиссия, согласно «Положению», состоит из 4 членов прихода и постоянно наблюдает за церковным имуществом, проводит ревизии имущества, денежных сумм и произведенных расходов. Настоятель храма — лицо, подчиненное архиерею и ответственное перед ним, он назначается архиереем и обязан точно исполнять его указания. В сравнении с приходским уставом, принятым на Соборе 1917— 1918 гг., «Положение» ставило настоятеля

прихода в зависимость только от епархиального архиерея и давало ему широкие полномочия и большую самостоятельность в отношениях с коллегиальными органами приходского управления.

Следующее заседание Собора состоялось 2 февраля и началось с доклада члена мандатной комиссии доцента А. И. Георгиевского. «В составе членов Собора,— сказал А. И. Георгиевский, — 4 митрополита, 13 архиепископов, 29 епископов, 3 архимандрита, 2 игумена, 68 протоиереев. Всего членов Собора — 171 от 89 епархий. Среди гостей находилось 3 Патриарха, 4 митрополита, 1 архиепископ, 4 епископа, 21 клирик и 4 мирянина». Мандатная комиссия подтвердила полномочия всех членов, отметив, что епископ Мануил (Лемешевский), вызванный на Собор, не смог прибыть к назначенному сроку из-за снежных заносов, задержавших поезд, в котором он ехал из Тамбова в Москву. Затем управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Н. Колчицкий зачитал приветственные телеграммы, присланные на Собор, в частности и Патриархом Константинопольским Вениамином.

После выступления 80-летнего старца протоиерея Алексея Станиславского от лица нескольких членов Поместного Собора 1917—1918 гг., приглашенных на Собор 1945 г., и доклада ректора Богословского института и Богословско-пастырских курсов протоиерея Тихона Попова о духовных учебных заведениях Поместный Собор приступил к важнейшему своему делу — избранию Патриарха. Голосование по принятому порядку началось с младшего по хиротонии преосвященного. На вопрос, с которым обращался к архипастырям протоиерей Н. Колчицкий, все епископы, облаченные в мантии, дали один и тот же ответ: «Избираем Патриархом Московским и всея Руси высокопреосвященнейшего Алексея, митрополита Ленинградского и Новгородского»⁴⁵⁷. Подошла очередь подавать голос самому митрополиту Алексею. И тогда митрополит Крутицкий Николай обратился к членам Собора: «Ввиду единодушия, проявленного всеми преосвященными при избрании Патриарха Московского и всея Руси, разрешите, преосвященные собратья, нам освободить от личного голосования патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексея»⁴⁵⁸. Когда голосование завершилось, в храме раздалось многоголосое «Аксиос» и хор воспел торжественный гимн «Тебе, Бога, хвалим».

В заключение митрополит Крутицкий Николай огласил грамоту об избрании Патриарха. Ответом новоизбранного Патриарха Алексея были положенные по чину слова: «Избрание меня Поместным Священным Собором Русской Православной Церкви в благодарении приемлю и нимало вопреки глаголю»⁴⁵⁹. К избраннику Собора со словом приветствия обратился старейший по епископской хиротонии член Собора архиепископ Астраханский Филипп (Ставицкий): «В великих исторических условиях мировой жизни и небывалых еще в истории Церкви Русской обстоятельствах, когда вся Вселенская Православная Церковь в лице своих предстоятелей и представителей соединилась с нами в духовном, молитвенно-братском общении, здесь, в сердце нашей дорогой Родины, изволением Святого Духа, десницею Всевышнего, одними устами, одним сердцем, одной волей епископов, представителей клира и мирян Церкви Русской избран ты на престол первосвятителей Московских Патриархом Московским и всея Руси»⁴⁶⁰.

Поместный Собор обратился с посланием к архипастырям, пастырям и верным чадам Русской Православной Церкви, в котором наряду с радостными явлениями в церковной жизни указывал и на омрачающие ее недуги: нарушения богослужебного устава, вступление христиан в гражданский брак без церковного благословения, нехранение постов, причем не только мирянами, но и клириками, пренебрежение освященным традицией говением перед причастием, падение церковной дисциплины. В обращении к христианам всего мира Поместный Собор призвал к единству в достижении победы над фашизмом.

Заключительное Слово произнес председатель Собора, избранный Патриархом митрополит

Ленинградский Алексей: «Если труден подвиг пастыря, если еще тягостнее труды архипастыря, то во сколько же крат тяжелее и необъятнее подвиг того, кому от Господа через голос поместной Церкви вверяется эта Церковь! И потому устрашает мои слабые силы высота и ответственность служения, к которому я призываюсь ныне, и усугубляет во мне чувство моей немощи. И вместе с тем умножает нужду в Вышней помощи. Но я готов все же исполнить волю честнейших о Господе собратий и чад, призывающих меня взойти на святейший престол Патриархов Московских и всея Руси. Уповаю на благодатную помощь Господню»⁴⁶¹.

Интронизация Патриарха состоялась 4 февраля 1945 г. в Богоявленском кафедральном соборе Москвы. Это был день большого торжества для православных жителей и гостей столицы. В храме и вокруг находилось тогда более 5000 богомольцев. Митрополит Киевский Иоанн, вручая Патриарху куколь, сказал, что «быть кормчим Русской Церкви в переживаемое нами время... это подвиг исключительного значения. Дай Бог, чтобы дух Святейшего Сергия, витающий в этом святом храме, почил на тебе обильно и помогал бы тебе быть истинным хранителем апостольских преданий и вести неуклонно корабль нашей Церкви по избранному почившим пути во славу Божию и во благо нашей дорогой Родины»⁴⁶². Вручая Патриарху жезл, митрополит Крутицкий Николай напомнил о преемственности первосвятительского служения. На Божественной литургии во время запричастного стиха было оглашено первое послание Патриарха к чадам Русской Церкви:

«Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делом и словом в себе самом наглядно выражающий Истину. Задачей его является сохранение в благочестии и святости тех, кого он принял от Бога. Цель его — спасти вверенные ему души. Подвиг его — жить во Христе и для мира быть распятым. Долг Патриарха — хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных; охранять вверенную ему Поместную Церковь от разделений и расколов; насаждать доброе житие в своей пастве; иных «страхом спасать», иных, по апостолу, «обличать», «запрещать», «да всяко некии спасутся». Архипастырей Патриарх призвал быть истинными молитвенниками и «подавать верующим добрый пример служения Христу и Его Церкви». Обращаясь к мирянам, первосвятитель призвал их словами апостола: *Поступать достойно звания, в которое вы призваны (Еф. 4. 1)*. «Вы — утешение наше... если жизнь свою направляете по пути христианскому, если честно и совестливо несете свои обязанности — семейные, общественные, гражданские»⁴⁶³.

Историческое значение Поместного Собора 1945 г. не ограничивается замещением патриаршей кафедры и принятием «Положения об управлении Русской Православной Церковью», которое упорядочивало церковноприходскую жизнь. Собор явился свидетельством того, что поднадзорная Церковь, пережившая страшные гонения, осталась жива благодатью Божией, в ней пребывающей. У некоторых гостей из-за рубежа возникли даже радужные представления о независимом положении Русской Православной Церкви и надежды на возможное восстановление былой симфонии Церкви и государства. Так, митрополит Алеутский и Североамериканский Вениамин (Федченков) писал тогда: «Почти Вселенский Собор, как говорили многие из нас. Но невольно напрашивалась мысль: не перенес ли Глава Церкви, Господь Иисус Христос, центр ее в Москву? Не суждено ли первопрестольной исполнить давнее пророчество инока Филофея: «Москва — третий Рим»? Конечно, это еще более и сильнее обязывает Русскую Церковь быть на деле достойной такого высочайшего положения в данный и ближайший момент истории. Но факт остается фактом: подобное собрание всей Церкви теперь могло быть лишь в белокаменной Москве»⁴⁶⁴.

* * *

10 апреля 1945 г. состоялась встреча Патриарха Алексия со Сталиным, в которой с

церковной стороны участвовали митрополит Николай (Ярушевич) и протопресвитер Николай Колчицкий, управляющий делами Московской Патриархии; правительство, кроме Сталина, представлял В. М. Молотов. В беседе обсуждались вопросы, связанные с патриотической деятельностью Церкви на завершающем этапе войны; Сталин говорил, что Русской Церкви предстояло внести огромный вклад в дело укрепления международных позиций Советского государства, в налаживании внешних контактов. Обсуждалась также возможность расширения сети духовных школ и создание Церковью своей издательской и полиграфической базы.

9 мая безоговорочной капитуляцией Германии закончилась Великая Отечественная война и Патриарх Алексей обратился к всероссийской пастве со словами радости и гордости за победу русского оружия: «Слава и благодарение Богу! С благоговением вспоминая подвиги нашего доблестного воинства и тех наших близких и родных, кто положил за наше счастье временную жизнь в надежде воспринять вечную, мы никогда не перестанем молиться о них и в этом будем черпать утешение в скорби о потере дорогих сердцу и укреплять свою веру в бесконечное милосердие Божие к ним, отошедшим в горний мир, и во всеильную помощь Божию нам, оставленным для продолжения земного подвига и для благоустройства жизни во всем мире»⁴⁶⁵.

Государственная власть в отличие от 20—30-х гг. агрессивной антирелигиозной политики, в послевоенную пору не стесняла Церковь в окормлении по крайней мере верующих людей старшего поколения. Атеистическая пропаганда в том виде, в каком она велась в два первых десятилетия советского периода, не возобновилась после войны. Характерно, что в вышедшем еще в январе 1945 г. постановлении ЦК комсомола «Об улучшении политико-воспитательной работы комсомольских организаций среди молодежи» вместо дежурных богоборческих пассажей говорилось о важности пропаганды среди молодежи естественнонаучных знаний и материалистического мировоззрения. В беседе с корреспондентом «Комсомольской правды», состоявшейся в начале 1945 г., М. И. Калинин сказал: «Конечно, атеизм остается основой программы, мы от того, что религия — опиум, не отказались. Но надо мягче. Главное все-таки — пропаганда, разъяснение. Увидел у парня крестик — поговори с ним мягко, скажи о крестике, что это отжившее дело... Согласно Конституции, у нас есть признание Церкви. Войны у нас с ней нет»⁴⁶⁶.

Православную Церковь, по существу, не затронул и идеологический террор против литераторов, художников, музыкантов, развязанный выступлениями А. А. Жданова в 1946 г. Религиозная политика властей была дифференцированной, причем в отличие от 20-х гг., когда своего главного врага большевики видели в православной Церкви, в послевоенные годы она была, пожалуй, более защищена, чем иные религиозные общины. Советский Союз из базы мировой коминтерновской революции постепенно превращался в своего рода советскую империю, и его руководство способно было положительно оценить преданность Церкви государственным интересам русского народа. В этом отношении знаменательны слова К. Е. Ворошилова, которому Сталин поручил в ЦК КПСС курировать Совет по делам Русской Православной Церкви, сказанные в разговоре с Г. Г. Карповым, причем вовсе не для огласки, а в служебном порядке, и ставшие известными из рассекреченных архивов Совета по делам религий: «У Русской Церкви — большое будущее. Она наш козырь в Прибалтике, Восточной Европе, за границей вообще». Пообещав поддерживать Русскую Православную Церковь, он предложил ускорить передачу Московскому Патриархату Троице-Сергиевой лавры и заявил, что «в ближайшее время хотел бы встретиться с Патриархом Алексием»⁴⁶⁷. Знаком благоволения советской власти к священноначалию Русской Православной Церкви явился указ Председателя Верховного Совета СССР о награждении Патриарха Алексея орденом Трудового Красного Знамени.

В 1945—1946 гг. Совнарком рядом постановлений предоставил Патриархии,

епархиальным управлениям и приходам право приобретать транспортные средства, покупать и строить дома, производить церковную утварь. Но в каждом отдельном случае для этого требовалось специальное разрешение Совета по делам Русской Православной Церкви. Серьезным шагом навстречу Церкви было освобождение из лагерей тех священнослужителей, у которых к этому времени закончился срок заключения. В другое время советская власть сделала бы все возможное, чтобы накинуть еще лет пять за мнимые преступления, лишь бы священнослужители как «плохо перевоспитуемые» не оказались на свободе. Узник и историк ГУЛАГа А. И. Солженицын писал: «Не забудем и короткий, в 1947 г., антипоток... священников. Вот чудо! — первый раз за 30 лет освобождали священников!»⁴⁶⁸

В послевоенные годы Патриарх Алексей, несмотря на свои 67 лет, действительно держал в руках бразды высшей церковной власти, которая, однако, была подконтрольна Совету по делам Русской Православной Церкви. Народ почитал и любил своего Патриарха. Его частые богослужения в московских храмах привлекали туда множество верующих, которые едва помещались внутри храмов. Совершая литургию, Патриарх непременно произносил проповеди. Известный мемуарист писал о служении Патриарха Алексея в послевоенные годы: «При восшествии на вершину церковной власти он мало переменился. Та же верность традициям, глубокая религиозность, но в строгих рамках этикета, в твердо устоявшихся, застывших формах. Строгий консерватор, Святейший мыслил Церковь как нечто неподвижное в рамках нового Советского государства... Консервативная Церковь в консервативном государстве — такова новая формула, пришедшая на смену старой формуле церковных либералов: «свободная Церковь в свободном государстве». Для Патриарха Алексея, который получил образование под кровом катковского лицея, происходил из строго консервативной семьи... это была родная стихия. И он вполне удовлетворял новым требованиям диктатора: являлся воплощением старого русского консерватизма, но без всяких излишеств и крайностей»⁴⁶⁹.

Зависимый в своей деятельности от Совета, Патриарх Алексей в личных контактах с сильными мира сего умел сохранить достоинство. Однажды Г. Г. Карпов пригласил его на банкет и пообещал прислать за Святейшим автомобиль в 7 часов вечера. Автомобиль прибыл с 20-минутным опозданием и был отправлен назад, а Патриарх прибыл на банкет в своем собственном автомобиле. Оберегая близких ему людей, Патриарх мог позволять себе решительные и рискованные действия. Так, он просил передать Сталину, что уйдет на покой, если не освободят из-под ареста близкого ему человека, Д. А. Остапова, обвиненного в пребывании на оккупированной территории Литвы во время войны. В тот же день Остапова освободили. Любопытную характеристику личности Патриарха, его настроений, образа жизни и отношений с ближайшими помощниками дает в своем докладе 1951 г. уполномоченному Совету по делам религии по Ленинградской области тогда тайный, а позже явный ренегат А. Осипов, профессор Ленинградской Академии:

«Сам Патриарх как личность представляет собой своеобразное смешение аристократического сибаритизма с затаенным фанатизмом. Он... остр на язык. Но вместе с тем фанатически предан постам, ненавидит обновленцев, преследует все новшества и влюблен в благочестие XVI в. Он очень умен и умеет лавировать между отдельными церковными партиями. Партии эти представляют «григорьевцы» (митрополит Григорий и его клика) и «николаевцы» (митрополит Николай и его клика). С Патриархом великолепно ладит управделами Патриархии протопресвитер Николай Колчицкий. Это очень умный и осторожный дипломат, крепко преданный интересам Церкви, на Патриарха имеет осторожное, но сильное влияние... Митрополит Григорий является в Патриархии министром просвещения. Но сильно влияет и на ряд других дел. Патриарх ему доверяет едва ли не больше других... Настроения Патриархии в последние годы претерпели большие изменения: в 1945 г. цвели мечты о создании

«Московского Ватикана» (слова самого Патриарха), о широком международном триумфальном шествии, внутреннем расширении «до размеров доброго старого времени» (слова митрополита Григория). Теперь настроения изменились: «Нам бы прожить тихо и мирно еще десяток лет, а там история покажет... Вот, если война будет, так, пожалуй, и снова церкви открываться начнут»... Что характерно для Патриархии: здесь ставка на сохранение старины в быту, в богослужении, в догмах духовной жизни во что бы то ни стало. Здесь вздохи об угасании иноческого духа. Парийский из Москвы привез такое наставление Патриарха: «Пусть все кругом меняется — мы должны остаться такими, какими были сотни лет назад. Пусть наша неизменяемость, неподчиняемость духу времени символизирует вечность Церкви. Нам радостно видеть, что нас и ныне окружает то же самое в Церкви, что мы видели с детских лет, чем жили отцы, деды и прадеды. Нам должно научиться хранить прошлое вопреки настоящему. В этом наша сила, в этом наша правда»⁴⁷⁰.

Многое в этих словах продиктовано личной неприязнью, написано с умыслом навредить тому или другому лицу; нельзя не учитывать и того, что, находясь в Ленинграде, Осипов не мог наблюдать происходящего в Патриархии непосредственно и знал все из вторых рук, и все-таки человек он был при всей своей низости весьма не глупый, а сознательно дезинформировать свое подлинное начальство он, очевидно, не дерзал, поэтому его наблюдения, конечно, не лишены интереса.

С середины 30-х гг., после разрушения Дорогомиловского собора, приходская Богоявленская церковь в Елохове стала кафедральным собором. 25 февраля Святейшим Патриархом было утверждено положение, согласно которому Богоявленский собор стал официально именоваться патриаршим, а его настоятель и управляющий делами Патриархии протоиерей Николай Колчицкий был возведен в сан протопресвитера. Влияние священника Николая Колчицкого на церковную жизнь 40—50-х гг. было исключительно велико. Тягостное бремя контактов Патриархии с Советом по делам Русской Православной Церкви в значительной мере лежало именно на нем. Протопресвитер Н. Колчицкий был сыном священника из Харькова. Образование получил в Харьковской духовной семинарии и Московской Академии, по окончании которой служил в Харькове приходским настоятелем и законоучителем в женской гимназии. Уже тогда он стал известен строго уставными и молитвенными богослужениями, умением произносить проповеди умные, глубокие и одновременно доходчивые и понятные. Во время гражданской войны отец Николай оказался на Северном Кавказе, на территории, занятой Добровольческой армией, потом снова вернулся в Харьков, откуда в 1924 г. был переведен в Москву, став вскоре священником Богоявленского собора в Елохове. После ареста в конце 20-х гг. большинства священнослужителей этого собора он стал его настоятелем. В 1930 г. отца Николая Колчицкого подвергли кратковременному аресту, но, выйдя на свободу, он остался в прежней должности. После того как в 1934 г. был разрушен патриарший Богоявленский собор в Дорогомилове, отец Николай оказался настоятелем кафедрального собора, а затем и заместителем управделами Патриархии. В 1940 г. протоиерей Николай Колчицкий был назначен на должность управляющего делами. Во время эвакуации в Ульяновск отец Николай безотлучно находился рядом с Местоблюстителем патриаршего престола. В ту пору митрополит Сергей страдал уже тяжелой глухотой, и обыкновенно посредником в беседах посетителей с главой Церкви был протоиерей Н. Колчицкий; для этого он опускался на колени перед креслом митрополита Сергея и громко кричал ему в ухо слова собеседника. Свообразное впечатление произвел протопресвитер Н. Колчицкий на своих давних знакомых по Ессентукам, в прошлом его духовных чад, когда они встретили его четверть века спустя в первый послевоенный год в Лондоне, куда он приезжал вместе с митрополитом Николаем (Ярушевичем). По воспоминаниям Н. М. Зернова, в 1920 г. отец Николай «весь горел

верую, жар обжигал тех, кто приближался к нему. Теперь — потухший вулкан. Как и тогда, это был исключительный человек, волевой, умный, но отныне закрытый непроницаемой броней. Ни единым словом не обмолвился о том, что пережил, нас мало расспрашивал, говорил о делах миссии, о религиозном подъеме народных масс в России, интересовался положением Церкви на Западе». Потом в комнату, где проходила эта беседа, вошел митрополит Николай, который произвел на Зерновых, впервые видевших его, неизгладимое впечатление, «особенно его светло-голубые прозрачные глаза, глубоко проникавшие в душу собеседника, поразили нас. В нем чувствовалось огромное внутреннее напряжение человека, взявшего на себя трудный подвиг и несущего его, не сгибаясь под его непомерной тяжестью. Казалось, что он один мог рассказать, что происходит с Церковью в России»⁴⁷¹. В послевоенные годы митрополит Николай был самым влиятельным церковным деятелем среди ближайших помощников Патриарха Алексия I. 4 апреля 1946 г. по решению Священного Синода был образован Отдел внешних церковных сношений (ОВЦС), и митрополит Николай, один из членов Синода, стал его председателем. Двумя другими постоянными членами Синода были митрополит Григорий, назначенный на Ленинградскую кафедру после избрания его предшественника Патриархом Московским и всея Руси, и патриарший экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий Иоанн, ставший председателем Миссионерского совета.

Ко времени Поместного Собора 1945 г. в Русской Церкви было до 50 правящих архиереев, а на 1 апреля 1946 г. весь епископат, не считая архиереев, относящихся к юрисдикции Московской Патриархии и служивших за пределами СССР, состоял кроме Святейшего Патриарха из 4 митрополитов, 21 архиепископа и 36 епископов. Как и прежде, большинство хиротонисанных было из вдовых священников, старцев по годам. Так, в 1945 г. на Калининскую кафедру Синодом был назначен священник московской Богородицкой церкви Алексей Крылов, 1879 г. рождения, постриженный с именем Артемий; в 1946 г. на Ростовскую кафедру назначили протоиерея харьковской Казанской церкви Алексея Шарапова, 1878 г. рождения, постриженного с именем Серафим. 25 августа 1946 г. Патриарх Алексий I в Богоявленском кафедральном соборе возглавил хиротонию во епископа Ташкентского и Среднеазиатского архимандрита Гурия (Егорова), принявшего постриг еще в юности, в 1915 г., и уже в 1922 г. возведенного в сан архимандрита. В 30-х гг. он был узником Соловецкого концлагеря, потом ссыльным в Средней Азии. Незадолго до архиерейской хиротонии архимандрит Гурий стал наместником возрожденной Троице-Сергиевой лавры. Архиереи назначались не только в епархии, которые вдовствовали с довоенных лет, но и на кафедры Украины и Белоруссии, потому что одни епископы, действовавшие на оккупированных территориях, эмигрировали, другие были репрессированы на исходе Отечественной войны. На Сумскую кафедру в 1945 г. Священный Синод назначил протоиерея Николая Прохорова, постриженного с именем Иларион. На Пинскую кафедру вскоре после Собора 1945 г. был хиротонисан архимандрит Онисифор (Пономарев). В октябре 1945 г. во епископа Уманского, викария Киевского митрополита, был хиротонисан архимандрит Нестор (Сидорчук), незадолго до рукоположения постриженный в монашество. На архиерейские кафедры назначались и архипастыри, поставленные в 20—30-х гг. и находившиеся незадолго до назначения в лагерях и ссылках. Освобожденный в 1944 г. из Канских лагерей епископ Мануил (Лемешевский) в течение года жил на покое в Тамбове, на частной квартире. В феврале 1945 г. он получил назначение на Оренбургскую кафедру. В 1947 г. из Соединенных Штатов вернулся митрополит Вениамин (Федченков), назначенный сразу на Рижскую кафедру, приехавший вместе с ним архиепископ Алексей (Пантелеев) получил Омскую кафедру, но вскоре, 11 ноября 1948 г., скончался. В январе 1947 г. из Китая на родину вернулся епископ Ювеналий (Килин) и стал епископом Челябинским.

К 1949 г. епископат Русской Церкви насчитывал уже 74 архиерея, занимавших кафедры в

пределах нашей страны. Среди них были: Патриарх Алексей I, пять митрополитов — Крутицкий Николай, Киевский Иоанн, Ленинградский Григорий, Рижский Вениамин и Новосибирский Варфоломей (Городцев), 21 архиепископ, в том числе один викарный, 40 епархиальных и 7 викарных епископов. Давая характеристику епископату Русской Церкви, известный ренегат А. Осипов в своем очередном доносе писал:

«Московская Патриархия обладает небольшим кругом архиереев с долголетним стажем службы. Это по большей части люди, побывавшие в заключении за фанатическую пропаганду религии, люди внешне подчеркнуто лояльные, но внутренне старых монархических тенденций, вздыхающие по «добром, старом времени», но сознающие его невозвратность (митрополит Григорий, сам Патриарх и ряд др.). К этим основным кадрам присоединяются три других категории архиереев: бывшие обновленцы, возвращенцы и новоставленные. Бывшие обновленцы Патриархией держатся на подозрении. В них видят часто агентов МГБ, людей неустойчивых и в Церкви ищущих своих собственных целей и выгод (епископ Сергей (Ларин) и др.). Возвращенцев из бывших эмигрантов очень ценят, но боятся их выдвигать на видные места (митрополит Вениамин, б. Американский; епископ Иоанн, б. Карлсбадский, Ювеналий Хайларский и др.). Эти архиереи в основном старики-идеалисты с оттенком фанатизма. Остатки старой гвардии синодской Церкви старой России. Новоставленные архиереи в настоящее время составляют основную массу епископов. Их выбирают из вдовых протоиереев, монахов и архимандритов. Здесь производится строгий выбор, и в подавляющем большинстве они изрядные фанатики. Правда, с точки зрения образованности это все люди невысокого полета. Но для укрепления костяка Церкви, подбора нового, фанатически преданного Церкви духовенства эти архиереи делают очень много. По сравнению с 1941 г. в этой области позиции Церкви стали много сильнее. В общем, среда архиереев неоднородна. Здесь есть и фанатически преданные своим идеям мечтатели, и идеалисты высокого полета: архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) — неокантианец, мечтающий о соединении религии и науки. Архиепископ Гурий Ташкентский — аскет, насадитель старчества и иночества, борец за нравственное перерождение духовенства и за расширение влияния Церкви. Варфоломей Новосибирский — борец за укрепление кадров духовенства. Архиепископ Ювеналий Челябинский — того же сорта и ряд др. Есть, наоборот, и архиереи — тщеславные гордецы: епископ Сергей (Ларин) — владелец целых вагонов имущества, напыщенный до тошноты, и ему подобные. Но больше всего архиереев-среднячков, которые живут в общем тихо и незаметно, но именно они, пожалуй, оказывают наибольшее влияние на укрепление церковничества (Сергий Смоленский, Михаил Великолукский, Иоанн Молотовский и т. п.). Огромная организующая, укрепляющая роль архиереев в Церкви чрезвычайно ясно осознается Патриархией, которая идет на любые жертвы, только бы увеличить ряды епископов, только бы сохранить их и укрепить»⁴⁷².

В послевоенные годы продолжалась начатая еще в Отечественную войну передача церковным общинам храмов. При этом действовал порядок, предусмотренный постановлением Совнаркома № 1325 от 28 ноября 1943 г., согласно которому местные власти могли лишь отклонить ходатайство верующих об открытии прихода и передаче храма, а положительное решение принимал СНК, потом Совет министров СССР, действовавший через Совет по делам Русской Православной Церкви. Отказы в регистрации приходских общин направлялись, как это видно из директивного письма Совета от 31 января 1945 г., без указания на причину отказа, в виде краткой справки. Так, в Казахстане в I квартале 1945 г. было возбуждено 21 ходатайство об открытии приходов. Удовлетворено было 4, на остальные последовали отказы. За 1944—1947 гг. Русской Православной Церкви было передано 1270 храмов, и общее число их составило на 1 января 1948 г. 14 329; около 2500 из них — храмы, принадлежавшие до 1946 г. униатской Церкви. В течение 1948 г. было открыто 148 новых храмов, и на 1 января 1949 г. Русская

Церковь имела уже 14 477 действующих храмов⁴⁷³. Статистика эта была секретной, точными сведениями о количестве приходов располагал только Совет по делам Русской Православной Церкви; сама Патриархия таких данных не имела. Между тем в печати появились искаженные, сильно преувеличенные сведения о числе открытых приходов, на основании которых можно было заключить, что восстановлено около половины дореволюционного числа храмов. Например, в брошюре Г. Г. Карпова «О Русской Православной Церкви в Советском Союзе», изданной в 1946 г., Совинформбюро на сербском, болгарском, польском, чешском, словацком и румынском языках, говорилось: «Для удовлетворения религиозных нужд верующих в Советском Союзе функционируют 22 000 православных церквей и молитвенных домов»⁴⁷⁴. Протоиерей Андрей Сергиенко из Западноевропейского экзархата в брошюре «О положении Церкви в России», опубликованной в Париже в 1947 г., сообщал, что Церковь в СССР имеет 25 000 храмов и 3500 молитвенных домов, реальное число было в два раза меньше. При этом в Москве вновь открыто было всего лишь 10 храмов, в Казани — 5. Во многих больших областных городах насчитывалось по одному, два или три храма, часто на окраине города, бывшие кладбищенские или сельские приходские, вошедшие в черту города. Большая часть храмов сосредоточена была на западе страны, главным образом на Украине, потому что из действующих храмов большую половину (7547) составляли церкви, открытые на оккупированных территориях. Чем дальше на восток, тем церквей было меньше, а на Дальнем Востоке их почти не было. На Камчатке и Сахалине, на Чукотке и Колыме не сохранилось ни одного храма. Этот регион целиком входил в империю ГУЛАГа, и новые церкви в послевоенные годы там не строились. Но в некоторых городах, где церквей не было, а приходы были зарегистрированы, разрешали открывать молитвенные дома — храмы, не имевшие церковного вида. Особо ценные в художественном и историческом отношении храмы не передавались Церкви. Музеями оставались кремлевские соборы в Москве, Исаакиевский, Казанский и Петропавловский соборы Ленинграда, Софийские соборы в Киеве и Новгороде.

На 1 апреля 1946 г. в клире Русской Православной Церкви состояло 9254 священнослужителя. Почти половина (45,6%) из них рукоположены в дореволюционную эпоху; 30,3% священнослужителей получили рукоположение во время войны, в большинстве случаев на оккупированной территории; из 264 священников, хиротонисанных в РСФСР в годы Великой Отечественной войны, 240 было рукоположено в областях, занятых немцами. По возрасту священнослужители в 1946 г. распределялись следующим образом: до 40 лет — 7,7%; от 41 до 50 лет — 16,3%; от 50 до 60 лет — 31,2%; от 61 до 70 лет — 32,8%; старше 70 лет — 12%. Средний возраст священнослужителя составлял почти 60 лет. С 1 апреля 1946 по 1 января 1948 г. число священнослужителей заметно выросло: 11 846 священников и 1258 диаконов⁴⁷⁵. При этом, естественно, уменьшилась доля духовенства с дореволюционной хиротонией — 30,6%; 39% духовенства было рукоположено с 1918 по 1941 г., 20% — в годы Великой Отечественной войны и 9,7% — в послевоенные годы.

Многие клирики, служившие теперь в российских епархиях, в период между мировыми войнами жили на территориях в пределах Польского государства: на Волыни, в Западной Белоруссии и в Галиции, чаще всего они и родом были из этих мест, и там же получали хиротонию. Они с трудом понимали своих прихожан, переживших три десятилетия советского атеистического режима, которых им приходилось окормлять на новом месте. Крайне невелико было число священников, кто с 20-х по 40-е гг. постоянно пребывал в своих приходах, значительную часть составляли исповедники, пережившие тюрьмы, лагеря, ссылку, иногда и смертные приговоры, которые были заменены пожизненным заключением, — и это были, конечно, лучшие пастыри нашей Церкви. Но были и такие, кто вышел из лагерей нравственно и духовно надломленными. Долгое пребывание в неволе, оторванность от нормальной церковной

жизни создавали трудности для вышедших на свободу священников при возобновлении приходского пастырского служения. Среди духовенства были и лица, в 20—30-х гг. оставившие священническое служение, но не отрекшиеся от Бога, Церкви и сана; они поступали на гражданскую службу школьными учителями, бухгалтерами, порой рабочими на заводы. Теперь многие из них получили возможность вернуться к пастырскому служению. Хорошее знание жизни, которое они приобрели, помогало им в пастырском окормлении, но, с другой стороны, внешняя расцерковленность могла опустошить душу пастыря, оставившего служение. Священнослужители, рукоположенные в послевоенные годы, составляли только десятую часть духовенства, и большинство из них были искренне преданы Богу и Церкви, воспитывались в верующих семьях, были сыновьями или внуками клириков. Заметную долю среди новохиротонисанных составляли демобилизованные солдаты и офицеры, которые из военного опыта вынесли глубокую и твердую веру в Промысл Божий.

Но относительно стабильная и материально обеспеченная в сравнении с предвоенным периодом жизнь духовенства порой привлекала людей маловерных и просто стяжателей. Разумеется, не избежало духовенство и внедрения в свою среду сотрудников НКВД или их пособников, осуществлявших свою деятельность в согласии с уполномоченными Совета по делам Русской Православной Церкви. Во всяком случае священноначалие проявляло обеспокоенность нравственным состоянием духовенства. В послании пастве архиепископ Новосибирский и Барнаульский Варфоломей (Городцев) в 1946 г. писал: «Наша святая задача — возрождать, перерождать нашу церковную паству своим пастырским словом, своею жизнью показывать добрый пример чистой, непорочной жизни, чтобы у нас дело со словом не расходилось, чтобы наши пасомые не сказали нам: «Врачу, исцелися сам». Если мы, проповедуя любовь Христову, будем погрязать в эгоизме, в стремлении к наживе, явно обнаруживая свое корыстолюбие,— это значит одною рукою разорить то, что создали другой. Если мы, проповедуя воздержание, сами будем обильно питаться и пить лишнее да посты нарушать, не окажется ли наша проповедь «бьющей воздух»... В благотворительности и мирном сожитии со всеми пастырь Церкви и должен занимать первое место. Как грустно, когда верующие про своего пастыря говорят: «Он скупой, к нему не ходите, все равно не даст». А еще тяжелее, когда мы, проповедники Христова мира, являемся сами виновниками раздоров и в своей среде и среди своих пасомых»⁴⁷⁶.

После переписи 1937 г. никаких новых официальных статистических данных о количестве верующих в Советском Союзе не публиковалось, и сама Церковь не имела возможности вести статистический учет своей паствы. Из родившихся в православных семьях до 1930 г. крещены были, за редким исключением, все. В 30-х гг., особенно во 2-й половине, когда большинство храмов было закрыто, многие дети оставались некрещеными, но во время войны на оккупированных территориях, где проживало едва ли не 40% населения страны, крестили всех православных по происхождению, не крещенных в 30-х гг. В послевоенные годы, пожалуй, только в семьях новой советской интеллигенции дети оставались некрещеными. Из-за крайней отдаленности церковью весьма значительной была доля некрещеных детей в Сибири и особенно на Дальнем Востоке. Приблизительно число православно крещенных в первые послевоенные годы может быть оценено в 150 млн. Разумеется, далеко не все они были церковными верующими людьми.

Люди, перенесшие тяготы войны, потерявшие своих близких, потянулись в храмы Божии, ища в них утешения. Большинство не утратило веру в годы гонения на Церковь и истребления духовенства, но многие из-за отсутствия рядом храмов, а чаще по малодушию открыто посещать церкви не решались. Население западных областей Украины и Белоруссии осталось религиозным почти полностью, за исключением тех, кто старался продвинуться по службе, да,

пожалуй, и их атеизм был лицемерным. Верующей и православной осталась русская деревня. Многие родившиеся после революции, по преимуществу мужчины, утратили живую связь с Церковью, но и в их домах ради верующих матерей и жен сохранялись иконы, праздники они помнили и детей своих крестили. В городе ситуация была более плачевной, особенно глубоко расцерковленной оказалась новая советская интеллигенция, а также часть рабочих, в особенности младшего возраста, но большинство рабочих женщин сохранили веру, а многие в этой среде, даже прошедшие через комсомол, обрели веру. Трудно назвать число сознательно верующих, но во всяком случае половина советских граждан в послевоенные годы оставалась истинно верующими людьми и, вероятно, более 50 млн. из них принадлежало Русской Православной Церкви. Цитаделью мирового коммунизма и атеизма являлась Москва, но в то же время она оставалась и сердцем православной Святой Руси. Ее население в первые послевоенные годы составляло около 5 млн. По свидетельству одного русского священника из эмиграции, посетившего столицу в 1946 г., в [Великий пост](#) в одном только патриаршем Богоявленском соборе исповедалось и причастилось более 40 000 человек⁴⁷⁷. Почти во всех городских церквях богослужения совершались каждый день; в воскресные и праздничные дни служилось по две литургии. На Пасху Божественная литургия повторялась до трех раз, и делалось это потому, что храмы были переполнены молящимся народом. В сравнении с предреволюционными годами после войны православных церквей в нашей стране было в 3,5 раза меньше, но посещаемость их несравненно возросла. Конечно, в храмах среди молящихся женщин было значительно больше, чем мужчин, а пожилых больше, чем молодых, но приходили люди и других возрастов, приводили детей; заметно реже появлялись в храмах школьники и молодые люди комсомольского возраста.

В 1939 г., ко времени воссоединения западных областей, на территории Советского Союза не осталось ни одного монастыря, но после включения в состав нашего государства Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины Русская Церковь имела уже на своей канонической территории 64 монастыря. Во время Великой Отечественной войны в оккупированных областях открывались новые обители, и к концу войны число их достигло 101. В этих монастырях подвизались 4632 насельника и насельницы. Однако ряд монастырей, возобновленных с разрешения оккупационных властей, прекратил свое существование в послевоенные годы, так что на 1 января 1948 г. осталось лишь 85 обителей⁴⁷⁸. Почти все они находились на Украине, в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике. В Российской Федерации числилось всего 2 монастыря: один, Успенский Псково-Печерский, оказался на территории России после возвращения восточных районов Эстонии в состав России; другой обителью была великая Троице-Сергиева лавра. По традиции, священноархимандритом лавры состоял Святейший Патриарх Московский и всея Руси, а первым наместником был назначен архимандрит Гурий (Егоров), выпускник Петербургской Духовной Академии, твердо стоявший на стороне Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия в 20—30-х гг. Это был исповедник, проведший 10 лет в лагерях и ссылке в Средней Азии; его брат, Лев, умер в конце 30-х гг. в заточении.

С немалым трудом архимандриту Гурию удалось собрать в обители немногих переживших годы гонений прежних насельников. В лавру к мощам преподобного Сергия, печальника Русской земли, стали приходиться для пострига благочестивые люди, стремившиеся к монашескому житию. Часть из них составляли воспитанники возобновленных духовных школ. Решение о возвращении лавры Церкви принято было в 1945 г., но монастырские храмы и другие строения, хотя и объявленные архитектурными памятниками, были основательно разорены, и только на Пасху 1946 г. в Успенском соборе лавры совершилось первое богослужение. Накануне, в ночь с Великой пятницы на Великую субботу, состоялась передача братии

монастыря мощей преподобного Сергия, считавшихся в советское время экспонатом атеистического музея, расположенного в стенах обители. Рака со святыми мощами была установлена на южной стороне Успенского собора. При осмотре собора обнаружили, что на престоле нет антиминса. Узнав о возобновлении богослужений, к наместнику пришел благочестивый старец Тихон Пелех и сказал: «Когда лавру закрывали, последний наместник отец Кронид передал мне на хранение антиминс Успенского собора: «После открытия лавры передашь антиминс моему первому преемнику». Он у меня сейчас с собой. Однажды попал в пожар, немного обгорел». Тихон Пелех снял с груди антиминс и передал наместнику⁴⁷⁹. Вскоре после этого старец принял священный сан. В ночь Пасхальной заутрени впервые после 25-летнего перерыва зазвонил лаврский колокол, и народ с изумлением и радостью стал стекаться на богослужение в родную обитель. В своей телеграмме наместнику лавры по случаю праздника Воскресения Христова и возобновления богослужений Святейший Патриарх Алексей I назвал это событие «Пасхой избавления скорби»⁴⁸⁰. Особенно торжественное богослужение совершено было в престольный праздник обители — на Троицу. Возглавил богослужение Святейший Патриарх, ему сослужили митрополит Крутицкий Николай и другие архипастыри.

Вскоре после открытия лавры в августе 1946 г. ее первый наместник архимандрит Гурий был хиротонисан во епископа Ташкентского, и, когда Патриарх посетил Троице-Сергиеву обитель в осенний день памяти преподобного Сергия, его встречал уже новый наместник архимандрит Иоанн (Разумов), в прошлом келейник Патриарха Сергия. К тому времени уже заканчивалась реставрация Успенского собора, а 21 ноября 1946 г. состоялось переосвящение Троицкого храма преподобного Сергия. Чин освящения совершил священноархимандрит обители Патриарх Алексей I. Впоследствии строительные работы в лавре шли быстро, так что в конце года власти смогли показать лавру сыну покойного президента США Эллиоту Рузвельту с супругой. Встречал их наместник лавры архимандрит Иоанн с братией. С тех пор стало обычной практикой возить в Троице-Сергиеву обитель высокопоставленных гостей из-за рубежа, очевидно, чтобы показать им, что Церковь не испытывает гонений и притеснений и пользуется совершенной свободой. Многие из гостей по разным политическим соображениям делали вид, что их в этом действительно смогли убедить. Между тем на территории Российской Федерации и в послевоенные годы — время относительно благоприятное для Церкви — из многих сотен прежних монастырей, по большей части разрушенных, богослужение совершалось лишь в двух.

Помимо мощей преподобного Сергия в ту пору Церкви возвращены были и некоторые другие ее святыни. В патриарший Богоявленский собор в Елохове были перенесены из Успенского собора Кремля мощи святителя Московского Алексея; 16 июля 1947 г. в патриаршем соборе при стечении молящегося народа состоялось торжественное открытие мощей святых Виленских мучеников Иоанна, Антония и Евстафия, впоследствии перенесенных в Вильнюс.

* * *

В первые послевоенные годы одной из главных забот священноначалия было окончательное преодоление внутренних несогласий. Обновленческий раскол, потрясший церковную жизнь в 20-х гг. и оторвавший при поддержке властей от Церкви тысячи приходов, в конце Великой Отечественной войны потерпел полный крах. В 1944 г. после воссоединения с православной Церковью лжемитрополита Виталия Введенского почти все обновленческие епископы и священники принесли покаяние и были приняты в лоно Матери Церкви вместе со своей немногочисленной паствой. В расколе пребывало лишь несколько приходов на всю Россию.

В Москве центром обновленчества и единственным раскольническим храмом оставалась церковь святого [Пимена Великого](#), где служил Александр Введенский, продолжая именовать

себя митрополитом и первоиерархом, украшая свою особу четырьмя панагиями. В его юрисдикции сохранялся один приход в Ульяновске, где во время эвакуации служил самозванный первоиерарх. А. Введенский пытался вернуться в православную Церковь, однако ставил условия и требовал для себя особого положения. По словам одного из его почитателей, в июне 1945 г. он написал письмо Патриарху Алексию. Начались долгие, заранее обреченные на неудачу переговоры с Патриархией. Получив приглашение, Введенский в белом клобуке, в панагии направился в Чистый переулок, но Патриарх Алексей его не принял и к посетителю не вышел, его встречал протопресвитер Николай Колчицкий. Любезно показав гостю помещение Патриархии, он усадил его в зале, и начались переговоры. Первоначальный проект А. И. Введенского быть принятым в сане епископа отпал сразу. Тогда попытались договориться о статусе профессора духовной академии. Однако и этот проект не удовлетворил Николая Колчицкого. Он требовал от Введенского покаяния, на этом свидание было окончено. В сентябре Колчицкий объявил окончательное решение: А. И. Введенский после покаяния может быть принят лишь мирянином, и единственное место, которое ему может быть предоставлено, — это должность рядового сотрудника «Журнала Московской Патриархии». «Все было кончено: судьба А. И. Введенского была определена — отныне он был осужден на полное одиночество до конца своих дней»⁴⁸¹.

Последнюю точку в печальной и постыдной истории обновленчества поставила смерть Александра Введенского от инсульта, наступившая в июле 1946 г. «Известия» сообщили, что «скончался первоиерарх православных Церквей, доктор философии, профессор богословия митрополит Александр Введенский. Отпевание состоится в храме Пимена Великого 10 июля в 13 часов дня. Похороны на Калитниковском кладбище». Об отпевании один из очевидцев рассказывал в своих воспоминаниях: «Я пришел в храм к десяти часам утра. Заупокойная литургия еще не началась. Ряд пожилых женщин в народе высказывались об Александре Ивановиче крайне резко: «Да какой же он митрополит! Смотри — три жены у гроба...» Народ почти не осенял себя крестным знамением. Служба не начиналась, кого-то ждали. Очевидно, архиерея, подумал я. Но кто же будет отпевать Введенского? Распорядители попросили народ расступиться, и в храме появился... совсем не архиерей: вошла и медленно приближалась к гробу Александра Михайловна Коллонтай. Я ее хорошо знал в лицо, не раз встречал в Доме актера... Черное платье, орден Ленина на груди, в руках огромный букет красных и белых роз. Стала А. М. Коллонтай у гроба рядом с женами А. И. Введенского»⁴⁸². По свидетельству того же мемуариста, возглавлял отпевание лжемитрополит Крутицкий Филарет, ему сослужили лжеепископ Дмитровский Алексей и 12 обновленческих священников, не принятых в общение с православной Церковью. В отпевании участвовали 4 диакона, среди них был и сын умершего, протодиакон Александр Введенский, после смерти отца присоединенный к канонической Церкви в диаконском сане, и А. Э. Левитин, известный церковный писатель 60—80-х гг. «Сослуживцы покойного расколоучителя уже готовились к возвращению в лоно патриаршей Церкви, и в ектениях при отпевании поминалось имя Святейшего Патриарха Алексия I». Через несколько дней после погребения Александра Введенского храм Пимена Великого перешел в ведение Московской Патриархии. Святейший Патриарх Алексей I совершил в нем Божественную литургию в конце декабря 1946 г. Крыша храма прохудилась, и стены от влаги, проникавшей внутрь, смешиваясь с красками, имели красноватый оттенок. Патриарх Алексей в слове, которое он произнес за литургией, указывая на стены храма, сказал: «Люди, которые здесь служили, разучились краснеть. Стены покраснели за них»⁴⁸³.

Под омофор Патриарха Алексия I в послевоенные годы возвращались и многие из тех, кто отделился от законного священноначалия после издания знаменитой «Декларации» 1927 г. Епископ Афанасий (Сахаров), авторитет которого среди «непоминающих» клириков был

особенно высок, находился в ту пору в Мариинских лагерях вместе со своим духовником иеромонахом Иераксом (Бочаровым). Узнав об избрании Патриархом митрополита Алексия, они поздравили новоизбранного предстоятеля и просили принять их в общение с Церковью. «Помимо первоиерарха поместной Русской Церкви никто из нас не может быть в общении с Вселенской Церковью. Не признающие своего первоиерарха остаются вне Церкви, от чего да избавит нас Господь!»⁴⁸⁴ — так объяснял епископ Афанасий свое решение в письме из лагеря от 22 мая 1955 г. Его примеру последовали многие из «непоминающих», но часть из них, называвшие себя «истинными православными христианами», осталась в отделении от Патриархии. Эти катакомбные общины сосредоточены были главным образом в Воронежской и Тамбовской областях, на Северном Кавказе, в Казахстане и Сибири. Трудно определить число таких общин и количество лиц, принадлежавших к ним. Статистические сведения на сей счет, приводимые в атеистических брошюрах советских авторов и эмигрантской литературе, противоречивы и не убедительны. Во всяком случае общин было не более тысячи, и каждая из них насчитывала, вероятно, по несколько десятков человек.

После того как церковно сознательные клирики из «непоминающих» оставили катакомбные общины, большим влиянием там стали пользоваться сектанты, преимущественно связанные с дореволюционными общинами «иоаннитов», слившиеся в 30-х гг. с «непоминающими». У «истинных православных христиан», подобно старообрядцам-беспоповцам, стали возникать новые обряды, появлялись и странные богословские идеи, усилились апокалиптические ожидания; неприятие советского режима выражалось в отказе поступать на работу на государственные предприятия и в колхозы, получать паспорта и вообще какие бы то ни было официальные документы, в запрете детям посещать школу. Некоторые из них оставляли свои дома и уходили странствовать. Но от полусектантских общин «истинно православных христиан» следует отличать случаи, когда за неимением священника и без регистрации общины из-за удаленности прихода благочестивые люди в глухих местах Сибири или Казахстана собирались тайком на молитву в частных домах, вовсе не сознавая себя в расколе с патриаршей Церковью. Такие общины могли порой нелегально посещать священники, снятые с регистрации или не получившие регистрации после возвращения из мест заключения либо оказавшиеся на нелегальном положении после служения на оккупированных территориях; эти священники тайно совершали крещения, отпевания, освящения домов и квартир, не считая себя в каноническом разрыве с патриаршей Церковью.

* * *

В 1946 г. предпринят был шаг к уврачеванию разделения, омрачавшего жизнь Православной Церкви в течение 350 лет. В 1596 г. в Бресте в результате интриг Ватикана, насилия католических властей Речи Посполитой, предательства западнорусских архиереев была заключена уния, оторвавшая большую часть населения Западной Руси от вселенского православия. На Полоцком Соборе 1839 г. «отторгнутые насилием» униаты Белоруссии, Волыни и Подолья были «воссоединены любовью» с Православной Церковью, но на Галицию, оставшуюся под властью австрийских Габсбургов, воссоединительный акт не распространялся. Она осталась униатской и после распада Австро-Венгрии и включения ее в состав возрожденной Польши.

Во время Великой Отечественной войны высшее униатское духовенство сотрудничало с немецкой администрацией; глава униатской греко-католической Церкви митрополит Андрей Шептицкий благословил 14 эсэсовскую дивизию «Галичина». Полковник этой дивизии Е. Побигущий (Рен) много лет спустя после войны писал: «Что бы ни писали всякие разумники о нашем легионе, однако никто не отнимет у нас того, что на борьбу с коммуной его благословил сам великий святитель. И поэтому все, что чинили наши воины, делалось во имя и с

благословения Церкви нашей и митрополита Андрея»⁴⁸⁵. Униатские епископы и священники поддерживали также контакты с ОУН (Организацией украинских националистов) и УПА (Украинской повстанческой армией), которая продолжала вооруженную партизанскую борьбу с советской властью после окончания второй мировой войны, вплоть до середины 50-х гг. Оуновские террористы убивали коммунистов, поляков, евреев, но и православных священнослужителей тоже. Скопрометированные связью с фашистским оккупационным режимом и бендеровской УПА, многие священнослужители-униаты были репрессированы НКВД; часть из них пострадала невинно. В ту пору судебные процессы против коллаборационистов шли во всех европейских странах, освободившихся от фашистской оккупации. Назначенный после смерти главы греко-католической Церкви Андрея Шептицкого в ноябре 1944 г. митрополит Иосиф Слипый был арестован в апреле 1945 г. вместе с епископами униатской Церкви, не эмигрировавшими на Запад.

В этой ситуации 28 мая 1945 г. во Львове образовалась Центральная инициативная группа по воссоединению греко-католической Церкви с православной Церковью. Ее возглавил настоятель львовского Преображенского собора протоиерей Гавриил Костельник, а первыми членами группы стали генеральный викарий Дрогобычской епархии священник Михаил Мельник и декан Гусятинского деканата (благочиния) Станиславской епархии священник Антоний Пельвецкий, представлявшие три униатские епархии Галиции. Не может быть сомнений в искренности религиозных мотивов, побудивших отца Гавриила Костельника взять на себя инициативу воссоединения униатов с православной Церковью. Свою приверженность праотеческой вере Западной Руси — православию он доказал своей прежней деятельностью. Гавриил Костельник родился в 1886 г. Происходил он из бачванских (югославских) русин. Образование получил на богословском факультете Загребского университета, во Львовской Духовной Академии и на философском факультете во Фрайбурге, где его удостоили докторской степени. Это был превосходно образованный богослов, церковный историк, философ и поэт. В сан пресвитера он был рукоположен в 1913 г. и священствовал во Львове до 1930 г., на протяжении всего этого времени состоял профессором львовской Богословской академии. Изучение творений святых отцов убедило его в том, что православие хранит в неповрежденной чистоте веру Древней Церкви. В 1930 г. за свои богословские воззрения Гавриил Костельник был лишен профессорской кафедры, ему запретили публиковать работы, посвященные критике католической доктрины, но в 30-х гг. он написал большую часть своих богословских трудов. У отца Гавриила сложилось твердое убеждение в несостоятельности и беспочвенности унии, в ее антицерковной и антинациональной природе и в неизбежности ее гибели.

Инициативная группа действовала в то время, когда повсеместно среди униатов проявлялось стремление к воссоединению с православной Церковью. С 1890 г. и до начала второй мировой войны в Соединенных Штатах около 90 000 эмигрантов русин из Галиции и Карпатской Руси перешли в православие. В начале XX в. в среде лемков распространилось движение за воссоединение с православной Церковью. В 20—30-х гг. стремление вернуться к вере предков с особенной силой обнаружилось в Карпатской Руси, которая после первой мировой войны отошла к Чехословакии. В Марамороше переходы из униатства в православие приобрели массовый характер. Аналогичные явления, хотя и не в таких масштабах, как в Карпатской Руси, наблюдались и в Галиции, где польские власти в отличие от правительства Чехословакии к православию относились с нескрываемой враждебностью и пытались подавить это движение. Тем не менее, как писал историк православия в Польше А. Свитич, «к началу 1928 г. в Галиции насчитывалось уже 40 православных приходов... Село за селом и уезд за уездом возвращались под родной кров Православной Церкви. В течение одного года и четырех месяцев к православию присоединилось свыше 50 000 галичан»⁴⁸⁶. Конец этому движению

положили прямые репрессии польских властей.

В послевоенные годы в трех униатских епархиях в Галиции с их 102 деканатами служило 1270 священников, и менее чем за год существования инициативной группы к ней присоединилось 997 священников — 78% униатского духовенства. Конечно, не все делали это искренно, по убеждению. Некоторые вошли в состав инициативной группы, не видя иного выхода для униатов Галиции в обстановке, когда епископы арестованы и обвинены в государственной измене, над всей Церковью висит не лишнее оснований обвинение в пособничестве немецким оккупантам и связях с бендеровской УПА, когда арестам, часто необоснованным, подвергались не только священники, но и миряне. Несомненно, что у высшего руководства Советского Союза уже существовал твердый план ликвидации униатской Церкви на территории Галиции. Но сочувствующие православию униатские священники, возглавившие движение за возвращение униатов в лоно Матери Церкви, действовали, исходя из собственных религиозных убеждений. В ответе на обращение инициативной группы, датированном 28 мая 1945 г., уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК УССР П. Ходченко поддержал ее начинание.

Патриарх Алексей I сразу после своего избрания обратился с посланием к «Пастырям и верующим греко-католической Церкви, проживающим в западных областях Украинской ССР», в котором выразил радость по поводу воссоединения западных русских земель с Родиной и одновременно сожаление о том, что западные братья остаются «отринуемыми от своей Матери — Русской Православной Церкви». Патриарх обвинил униатских архипастырей в том, что они призывали паству «склониться под ярмо Гитлера», и обратился к галичанам-униатам: «Молим вас, братья... порвать ваши связи с Ватиканом, который ведет вас во тьму и духовное падение своими ересями... Поторопитесь вернуться в объятия вашей истинной Матери Русской Православной Церкви»⁴⁸⁷.

Московская Патриархия, естественно, с сочувствием отнеслась к почину протоиерея Гавриила Костельника и его единомышленников. 23 февраля 1946 г. в Киеве митрополитом Киевским и Галицким Иоанном были воссоединены с православной Церковью протоиерей Гавриил Костельник, священники Михаил Мельник, Антоний Пельвецкий и еще 10 униатских священнослужителей. За этим последовал постриг отцов Михаила Мельника и Антония Пельвецкого с сохранением их имен, а 24 февраля митрополит Иоанн возглавил хиротонию иеромонаха Антония во епископа Станиславского и Коломыйского; на следующий день иеромонах Михаил был хиротонисан во епископа Дрогобычского и Самборского.

8 марта во Львове открылся Собор греко-униатских священников и мирян. Заседания его проходили в митрополичьем кафедральном соборе святого Юрия и продолжались два дня. Председательствовал протоиерей Гавриил Костельник. Участниками Собора были также епископы Станиславский Антоний, Дрогобычский Михаил и те священнослужители, которые воссоединились с Православной Церковью, в деяниях участвовало 204 священника и почетные гости: митрополит Киевский Иоанн, епископ Львовский и Тернопольский Макарий, епископ Мукачевский и Ужгородский Нестор, управляющий делами Киевского экзархата протоиерей Константин Ружицкий.

Брестская уния в докладе протоиерея Г. Костельника, прочитанном на Соборе, была представлена как большая беда в религиозной и национальной судьбе Западной Руси. «К Киевской Руси — туда, откуда и воссияла святая вера для всех славянских народов — украинского, белорусского и русского, к святому Киеву — этому православному Иерусалиму, нам нужно обратить свои очи, свои сердца... Из Киева, где и сейчас нерушимо покоятся носители прадедовской православной веры, мы должны начать свой великий путь возвращения к нашей общей Матери — Православной Церкви», — взволнованно призывал он собравшихся.

Далее на заседаниях выступили епископ Антоний (Пельвецкий), священники Миронович, Лопотинский, Венцецкий, Иванов, Закаляк (впоследствии епископ Григорий), Гривнак, Лысюк. По предложению отца Гавриила Костельника уже в первый день приняли принципиальные положения, которые легли в основу решений Собора об отмене решений Брестского, о ликвидации унии и возвращении в Русскую Православную Церковь.

На следующий день в соборе святого Юрия 12 священников, уже воссоединенных с Православной Церковью в Киеве и приглашенных из православной церкви Львова, приняли исповедь у участников Собора униатов. Потом епископы Львовский Макарий, Мукачевский Нестор, Станиславский Антоний и Дрогобычский Михаил приняли отречение от римско-католических заблуждений у 204 священников греко-униатов, участвовавших в Соборе, и после чтения разрешительной молитвы воссоединенные с Православной Церковью участвовали в совершении Божественной литургии. Затем были приняты тексты телеграмм и обращения к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I, к Местоблюстителю патриаршего престола в Константинополе, к духовенству и верующим западных областей Украины, к Сталину и главе правительства УССР Н. С. Хрущеву. В обращении к Патриарху Московскому и всея Руси участники Собора писали о тех трудностях, которые предстоят им: «Мы не забываем и того, что наш Собор является скорее началом начатого нами дела, нежели окончанием его. Мы должны еще побороть многие препятствия, чтобы святое православие восторжествовало в каждом приходе нашей Церкви. Даже такой искусственный продукт, как уния, имеет свои глубокие корни в сердцах некоторых наших людей (особенно монахов и монахинь), потому что они с детства были ослеплены славой Римской Церкви»⁴⁸⁸. Среди принятых документов особенно важным было обращение к духовенству и верующим греко-католической Церкви. От того, как оно будет воспринято народом, зависел реальный успех Львовского Собора. Надо было убедить народ Галиции, что уния создана внешними силами по отношению к православным Западной Руси, насильственно навязана польскими властями и Ватиканом, что она разорвала религиозное единство Украины и всей Руси и может существовать только в государстве, где господствует католический элемент, но не в православном мире, где нет для нее места. «Освободитесь и от римского угнетения духа, и от тех остатков полонизма, которые еще у вас остались! Не тратьте своих сил и сил народа для реализации ошибочных идей! Если Православная Церковь не является правдивой, то в таком случае ни одна христианская Церковь не может быть правдивой, так как Православная Церковь — первичная Церковь христианского Востока и Запада, из нее образовались все другие Церкви»⁴⁸⁹.

5 апреля 1946 г. делегацию участников Львовского Собора во главе с протоиереем Гавриилом Костельником принимал в Москве Патриарх Алексий I, через день они сослужили ему за Божественной литургией в кафедральном патриаршем соборе. Затем протоиерей Гавриил Костельник был награжден высшей для священника из белого духовенства наградой — саном протопресвитера. Отвечая на вопросы корреспондента ТАСС, протопресвитер Г. Костельник сказал, что «православная сознательность никогда не была потеряна украинцами — греко-католиками западных областей УССР, и они использовали все положительные моменты в своей истории для возвращения к православной вере. Об этом свидетельствует массовый переход греко-католических приходов в Православную Церковь в 1914— 1915 гг., об этом также свидетельствует православное движение в Лемковщине в 1925— 1939 гг. Как на Соборе, так и после Собора не было никаких отрицательных проявлений со стороны верующих и духовенства»⁴⁹⁰.

Когда большинство униатов после Львовского Собора воссоединилось с православной Церковью, местные власти сняли с регистрации тех священников, которые отказались подчиниться его решениям. Греко-католическая Церковь прекратила легальное существование в

Галиции. Репрессивные меры советской власти против остатков униатского духовенства ошибочно казались галичанам инспирированными Православной Церковью, которой приписывали ответственность за политику советского правительства, за действия НКВД. Сама подвергшаяся несравненно более страшным ударам в 20—30-х гг., Русская Православная Церковь ни о какой помощи со стороны НКВД в святом деле воссоединения униатов, с Матерью Церковью не ходатайствовала. То обстоятельство, что это воссоединение соответствовало видам государственной политики, не могло, да и не должно было удерживать Православную Церковь принять с распростертыми объятиями возвращавшихся в отчий дом.

Не только католические и униатские, но и часть православных авторов в наше время писали о неканоничности и неправомерности решений Львовского Собора. При этом обычно ссылались на то, что в его заседаниях не участвовали униатские епископы, а только те, которые прежде были униатскими священниками, но в канун Собора присоединились к православной Церкви и получили архиерейскую хиротонию. Подобные рассуждения строятся на основании странной предпосылки о существовании согласованных норм канонически правомерного перехода верующих из одной конфессии в другую, в данном случае из католической Церкви в православную. Но таких норм нет и быть не может, потому что православная и католическая Церкви не имеют канонического общения и единой церковно-правовой базы. Даже если бы во Львовском Соборе участвовали все униатские епископы и епископы латинского обряда, то в силу принятых решений Собор с точки зрения католического права все равно был бы абсолютно неканоническим и церковно преступным, как всякий Собор раскольников. Равным образом и всякое собрание, где вынесено было бы решение изменить православие, считалось бы православными разбойничьим сборищем, даже если бы в нем участвовал сонм епископов во главе с Патриархом. Во Флорентийском Соборе православная Церковь была представлена на высоком уровне и весьма широко, и все равно для православной Церкви — это собрание раскольников, а поддерживавшие его епископы — ренегаты и вероотступники. Но, с другой стороны, даже если бы во Львове собрались одни миряне-униаты, вовсе без священников, и заявили об упразднении унии и присоединении к православной Церкви, православная Церковь не могла бы не благословить их святое намерение и не могла бы не принять их в свое лоно. Львовский Собор — это не Собор православной поместной Церкви в каноническом смысле слова. Разумеется, авторитетным он был лишь для участников, согласных с его постановлениями, но не для тех, кто остался по убеждениям униатом.

Из 3431 униатского прихода, существовавшего в 1946 г., в 1959 г. зарегистрировано было в Совете по делам Русской Православной Церкви 3222 в качестве православных. 67 униатских приходов действовало без регистрации, 98 униатских церквей было закрыто и 18 униатских общин сохранилось на нелегальном положении. В 1961 г. органы безопасности выявили 87 нелегальных униатских общин в Львовской и Станиславской областях. Из 1643 бывших униатских священников Галиции в 1959 г. 1243 служили в Православной Церкви, 347 оставались униатами, из них 91 окормляли свои нелегальные общины⁴⁹¹. Репрессии в Галиции осуществляло тогда не только НКВД. Многие из мирян и священников, присоединившиеся к православной Церкви, пали жертвой террористических актов со стороны бендеровцев из УПА. Месть врагов православия настигла и главного деятеля воссоединения. 20 сентября 1948 г. на паперти Преображенского собора во Львове сразу после совершения Божественной литургии был убит протопресвитер Гавриил Костельник, своей кровью запечатлевший верность вселенскому православию. Его убийца Василий Панькив тут же покончил с собой.

* * *

Святейший Патриарх Алексей I и Священный Синод особое значение придавали восстановлению территориальной целостности Русской Церкви и полной интеграции епархий

Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Русской Православной Церкви. Большое внимание уделялось упорядочению церковной жизни в диаспоре, включая усилия по преодолению карловацкого раскола, развитию братских отношений с поместными православными Церквями и установление нормальных взаимоотношений с инославными Церквями и иными религиозными объединениями. Весьма интенсивными были контакты между предстоятелями православных Церквей. В октябре 1945 г. состоялись встречи Патриарха Алексия с Патриархом-Католикосом всея Грузии Каллистратом, духовенством и народом Грузии, что знаменовало полную нормализацию отношений двух братских Церквей, разрыв между которыми продолжался четверть столетия.

Победа СССР в Великой Отечественной войне, освобождение народов Балкан и Восточной Европы от немецкой оккупации открывали возможность для упрочения братских отношений Русской Православной Церкви с Церквями Сербской, Румынской, Болгарской и Греческой. Еще в апреле 1945 г. в Софию отправилась делегация Русской Церкви во главе с архиепископом Псковским Григорием (Чуковым). Делегацию принимал экзарх Болгарский митрополит Софийский Стефан. Архиепископ Григорий передал послание Патриарха Алексия I, в котором он поздравлял митрополита Стефана с восстановлением канонического общения Болгарской Церкви с другими православными Церквями и с избранием его экзархом Болгарским. Ответный визит экзарха Болгарской Церкви митрополита Стефана в Москву состоялся в июне 1945 г. При встрече главы Болгарской Церкви с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I митрополит Стефан, в частности, сказал: «Верим и ждем, как ждут и многие, многие другие, что ваша святая Церковь, особенно в последнюю четверть века пережившая много испытаний, накопившая много опыта, просветленная и умудренная, скажет новое, вещее слово христианским народам, ожидающим, что с Востока придет свет, который оживит и обновит осуетившийся, погрязший в материализме мир»⁴⁹². Через год в связи с празднованием 1000-летия преставления преподобного Иоанна Рыльского Болгарию посетила делегация Русской Церкви во главе с ее предстоятелем. В софийском храме святых седмочисленников (равноапостольных Кирилла и Мефодия и его пяти учеников) их приветствовал клирик Болгарской Церкви, в прошлом видный деятель Русской Церкви протопресвитер Георгий Шавельский. 22 мая в русском храме святителя Николая Патриарх Алексий совершил Божественную литургию в сослужении митрополита Ленинградского Григория и архиепископа [Серафима \(Соболева\)](#), незадолго до этого вернувшегося в юрисдикцию Московской Патриархии и назначенного управляющим русскими приходами в Болгарии.

В апреле 1945 г. Московская Патриархия направила церковную делегацию во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным) в Югославию. Делегацию принял заместитель Патриарха митрополит Скопленский Иосиф. Патриарх Сербский Гавриил находился тогда в концлагере Маутхаузен, и гости из России в беседе с митрополитом Иосифом выразили тревогу за судьбу Патриарха-исповедника. Во время пребывания в Югославии епископа Сергия с Церковью Матерью воссоединилась большая группа русских священников и мирян, находившихся в юрисдикции Карловацкого Синода. Встреча епископа Сергия с сербскими архипастырями сделала возможной передачу Сербской Церковью Мукачевской епархии, входившей в состав Чешской Православной Церкви, подчиненной Арабскому Патриарху, Русской Православной Церкви. Это событие было обусловлено как историей Карпатской Руси, которая в древности входила в состав Руси Киевской, так и договором с Чехословакией, освобожденной Красной Армией, по которому Карпатская Русь была возвращена нашему государству. Еще в ноябре 1944 г. представители Мукачевской епархии через штаб 4 Украинского фронта обратились к Местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Алексию с посланием и просили главу Русской Церкви поддержать их ходатайство перед

Священным Синодом Православной Сербской Церкви о передаче Мукачевско-Пряшевской епархии в каноническую юрисдикцию Московской Патриархии. 7 декабря в Москву прибыла делегация епархии во главе с игуменом Феофаном (Сабовым), администратором епархии, представителем правящего епископа Владимира (Раича), интернированного немцами в 1941 г. Делегацию принял Патриарх Алексий, а 11 декабря состоялась встреча с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карповым. Самый акт присоединения Мукачевской епархии (без Прешова, который остался в составе Чехословакии) состоялся 22 октября 1945 г. на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви, куда был приглашен епископ Мукачевский Владимир. Он зачитал постановление Синода Сербской Церкви о передаче своей епархии в каноническое ведение Московской Патриархии, выразил свое согласие на такую передачу. Синод перевел на Мукачевскую кафедру епископа Уманского Нестора (Сидорука). В июне 1948 г. его сменил архиепископ Макарий (Оксиюк), опытный архипастырь, возглавлявший и Львовскую епархию. Архиепископ Макарий вместе с миссионерами ездил по епархии, беседовал с униатскими священнослужителями, не без успеха убеждая их присоединиться к Церкви Матери. После Львовского Собора 1946 г. и воссоединения с Православной Церковью униатов Румынии в октябре 1948 г. бесперспективность унии в странах Восточной Европы казалась уже большинству униатов очевидной.

Переход униатов Карпатской Руси в православие совершился не столь болезненно, как в Галиции, еще и потому, что в униатских приходах после Ужгородской унии строже и чище сохранялись древние восточные обряды, чем в Галиции, где униатство было глубоко латинизировано. Движение, направленное на восстановление православия на Карпатской Руси, началось спонтанно, еще в конце XIX в., явив там ряд исповедников и мучеников, пострадавших за святое православие от австро-венгерских властей. К лету 1949 г. уже большинство греко-католических священников Закарпатья воссоединилось с Русской Православной Церковью. В день Успения Божией Матери 15/28 августа 1949 г. в мукачевском Свято-Николаевском женском монастыре на Черничей Горе при стечении народа совершали богослужение архиепископ Макарий вместе с епископами Станиславским Антонием (Пельвецким) и Дрогобычским Михаилом (Мельником). По окончании Божественной литургии настоятель православного Ужгородского кафедрального собора протоиерей Ириной Контратович провозгласил, что в этот день закончила свое существование на Западной Украине церковная уния с Римом: «Отныне и вовеки мы — православные чада святой Матери нашей Русской Православной Церкви». Затем протоиерей В. Л. Шулькевич, представлявший на торжестве патриаршего экзарха Украины митрополита Иоанна, прочитал с амвона послание архиепископа Львовско-Тернопольского и Мукачевско-Ужгородского Макария. Итак, в Закарпатье осталась лишь небольшая горстка священнослужителей и мирян, не пожелавших воссоединиться с Православной Церковью; униатские общины после 1949 г. существовали там уже нелегально.

В октябре 1945 г. в Вену и Прагу отправилась делегация Русской Церкви во главе с архиепископом Орловским Фотием (Тапино). В Вене делегация посетила посольскую церковь святого Николая. 15 октября архиепископ Фотий вместе с секретарем Патриархии Л. Н. Парийским вылетели из Вены в Прагу. В Чехословакии помимо Чешской Православной Церкви, находившейся в юрисдикции Сербского Патриарха, было несколько русских приходов во главе с епископом Сергием (Королевым), который пребывал в ведении митрополита Евлогия и не имел общения с Московской Патриархией. Отношения между этими юрисдикциями были напряженными, но после встречи с архиепископом Фотием епископ Сергей воссоединился с Московской Патриархией. 21 октября в храме святителей Кирилла и Мефодия, принадлежавшем Чешской Церкви, они вместе со своими священниками отслужили Божественную литургию,

после чего архиепископ Фотий обратился к пастве: «В связи с тем что некоторые указывают на желательность автокефалии для Чешской Православной Церкви, в этом вопросе я считаю своим долгом пояснить, что принципиально каждая самостоятельная страна имеет потенциальное право на автокефалию своей Церкви. Однако для фактического введения автокефалии нужны некоторые условия и предпосылки. Главным условием является наличие своих национальных епископов. Если их нет и даже нет бесспорных и канонических кандидатов на епископство, то говорить об автокефалии, конечно, преждевременно»⁴⁹³.

10 января 1946 г. в Москву прибыла делегация Чешской Православной Церкви во главе с администратором Чешской епархии протоиереем Честмиром Крачмаром. От имени епархиального съезда, состоявшегося в Оломоуце в ноябре 1945 г., делегация просила Патриарха Алексия I о принятии Чешской епархии в юрисдикцию Московской Патриархии. В своей речи перед Патриархом, произнесенной на церковнославянском языке, протоиерей Честмир Крачмар рассказал об истории Чешской Православной Церкви. Московская Патриархия дала принципиальное согласие на прием Чешской Церкви в состав Русской, начались переговоры между Сербской и Московской Патриархиями сначала в Москве, а затем в Белграде в феврале 1946 г. В марте 1946 г. архиерейский Собор Сербской Церкви дал согласие на то, чтобы Московская Патриархия направила в Прагу епископа для временного возглавления Чешской епархии. В апреле Священный Синод Русской Православной Церкви учредил экзархат Московской Патриархии в Чехословакии и назначил на должность экзарха с титулом архиепископа Пражского и Чешского Елевферий (Воронцова), занимавшего ранее Ростовскую кафедру. В мае 1946 г. архиепископ Елевферий прибыл в Прагу. После этого все православные приходы в Чехословакии, русские и чешские, соединились в одной юрисдикции. 15 мая 1948 г. священный архиерейский Собор Сербской Церкви окончательно отпустил Чехословацкую Церковь в юрисдикцию Московской Патриархии. Экзарх Чехословакии митрополит Пражский и Чешский Елевферий (Воронцов) 18 июля 1948 г. был возведен в сан митрополита.

Ужгородская уния сохранялась еще на Прешовщине, в западной части Карпатской Руси, оставшейся в Чехословакии. Там лишь часть униатских приходов перешла в Православную Церковь в первые послевоенные годы. На Прешовщине действовали православные миссионеры, убеждая униатское духовенство и народ возвращаться в лоно Матери Церкви. Особенно энергичным помощником патриаршего экзарха в Чехословакии был протоиерей Андрей Шлепецкий. Благодаря их усилиям 28 апреля 1950 г. в Прешове состоялся Собор униатского духовенства и мирян, в котором участвовало 820 делегатов. Собор постановил окончательно упразднить Ужгородскую унию и вернуться к прародительской святой православной вере. В связи со значительным увеличением числа православных в Восточной Словакии решено было разделить Восточно-Словацкую епархию на две: Прешовскую и Михайловскую; теперь Чехословацкий экзархат состоял уже из четырех епархий: это были помимо двух епархий Словакии еще Пражская и Оломоуцкая.

2 октября 1951 г. экзарший совет в Праге принял постановление ходатайствовать перед кириархальной Церковью о даровании Чехословацкой Церкви автокефалии. Одновременно митрополит Пражский и Чешский Елевферий был избран предстоятелем Чехословацкой Церкви. Предварительное согласие на дарование автокефалии дано было Священным Синодом Русской Православной Церкви 8 октября 1951 г. Поскольку, однако, этот вопрос выходил за рамки компетенции Священного Синода, из-за невозможности созвать архиерейский или Поместный Собор у архиереев Русской Православной Церкви были собраны подписи об их согласии на дарование автокефалии. 23 ноября в Патриархии был принят акт о том, что «Русская Православная Церковь, в лице Патриарха Московского и всея Руси Алексия и всего освященного архиерейского Собора, дарует Церкви в Чехословакии, бывшей доселе экзархатом

Московской Патриархии, автокефалию»⁴⁹⁴. Торжества по случаю провозглашения автокефалии и интронизация митрополита Елевферия как предстоятеля Чехословацкой Православной Церкви состоялись 8 и 9 декабря 1951 г. в Пражском кафедральном соборе. Русскую Церковь на этих торжествах представлял митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. В Прагу прибыли также представители Антиохийского патриархата, Грузинской, Румынской, Болгарской, Польской и Албанской Церквей.

В послевоенные годы улажены были отношения с Польской Церковью. Ее автокефальный статус, полученный незаконным образом от Церкви Константинопольской, не был признан Московской Патриархией. Глава Польской Православной Церкви митрополит Дионисий (Валединский), вскоре после войны вернувшийся в Варшаву из Германии, куда он выехал при вступлении Красной Армии в Польшу, проводивший ранее церковную политику, угодную властям — вначале польским, потом, после крушения Польши, германским, — не пользовался популярностью в православном духовенстве, которое стремилось к нормализации отношений с Церковью Матерью. Несмотря на то что новое польское правительство признавало митрополита Дионисия главой автокефальной православной Церкви, его позиция была весьма непрочной. В июне 1948 г. в Москву прибыла делегация Польской Церкви во главе с архиепископом Белостокским Тимофеем (Шретером). Делегация просила Патриарха Алексия I о принятии Польской Православной Церкви в общение с Патриархией и о даровании ей канонически правомерной автокефалии. 22 июня 1948 г. Священный Синод издал определение по ходатайству Польской Православной Церкви. Временно во главе ее был поставлен архиепископ Белостокский и Бельский Тимофей (Шретер). В августе 1948 г. митрополит Дионисий (Валединский) направил Патриарху Алексию I покаянное письмо, в котором просил принять его в общение с Матерью Церковью. В ноябре 1948 г. Священный Синод удовлетворил просьбу митрополита Дионисия и оставил за ним ввиду его 35-летнего архипастырского служения сан митрополита, но без присвоенного ему в период его выхода из юрисдикции Московской Патриархии титула «блаженнейший». После ухода на покой в 1948 г. митрополит Дионисий прожил еще 12 лет и скончался 15 марта 1960 г., на 84-м году жизни. В ответ на ходатайство Собора польских епископов в апреле 1951 г. Патриархом Алексием I и Священным Синодом был отпущен в юрисдикцию Польской Церкви архиепископ Львовский и Тернопольский Макарий (Оксиук), выпускник Варшавского духовного училища, Холмской семинарии и Киевской Духовной Академии, принявший сан священника в 1942 г. и хиротонисанный во епископа в 1945 г. Митрополит Макарий стал первым канонически законным предстоятелем Автокефальной Польской Церкви.

Отношения с Румынской Православной Церковью были омрачены неканоническим захватом Кишиневской епархии Румынской Церковью и тем обстоятельством, что православный румынский народ был вовлечен в войну против единоверного русского народа. Но в конце второй мировой войны, после того как Румыния порвала союзнические отношения с Германией и объявила ей войну, а также вследствие возвращения Кишиневской епархии в состав Русской Православной Церкви, отношения эти были нормализованы. Епископ Арджешский Иосиф участвовал в заседаниях Поместного Собора Русской Православной Церкви 1945 г. 12 мая 1945 г. в Румынию отправилась делегация Русской Церкви во главе с епископом Кишиневским Иеронимом. В октябре 1946 г. в Москву приехал Румынский патриарх Никодим, получивший образование в Киевской Духовной Академии и представлявший свою Церковь в сане епископа Хушского на Поместном Соборе Русской Церкви 1917—1918 гг. Ответный визит Патриарха Алексия I в Бухарест состоялся в мае 1947 г. Делегация была принята королем румынским Михаилом. Результатом этой встречи явилась полная нормализация отношений двух Церквей.

Русская Православная Церковь оказывала помощь Албанской Православной Церкви, в которой та как религиозная община меньшинства в стране, где большая часть населения — мусульмане и где коммунистические власти уже тогда стремились к вытеснению всякой религии, остро нуждалась.

22 мая 1945 г. впервые за всю историю России Патриарх Московский отправился в паломничество на Святую землю. Среди лиц, сопровождавших Патриарха в этой поездке, были митрополит Крутицкий Николай, архиепископ Тульский Виталий, протопресвитер Н. Ф. Колчицкий. Патриарх Алексей поклонился святыням Иерусалима и его окрестностей, побывал на Масличной горе в Гефсимании. На встрече с Патриархом Иерусалимским Тимофеем Патриарх Алексей поставил вопрос о возвращении имущества Русской духовной миссии, которым владели тогда карловчане, законному хозяину — Русской Православной Церкви. Осенью 1948 г. часть имущества, расположенная на территории Иерусалима, была передана Московской Патриархии. Из Палестины русская церковная делегация направилась на Кипр, где состоялась встреча с Александрийским Патриархом Христофором. В Александрии Патриарх Алексей был гостем русской колонии. В день Вознесения Господня состоялось принятие александрийской русской православной общины в юрисдикцию Московской Патриархии. Во время поездки по Ближнему Востоку Патриарх Алексей посетил Бейрут и Дамаск, беседовал с Патриархом Антиохийским Александром III, выпускником Киевской Духовной Академии, верным другом России, прекрасно знавшим русский язык. После поездки Патриарха Алексия на Ближний Восток у нашей Церкви установились особенно теплые и братские отношения с Антиохийским Патриархатом. Из Сирии Патриарх Алексей I возвратился в Москву, а сопровождавший его митрополит Николай вместе с протоиереем Николаем Колчицким отправились в Англию. Там состоялись встречи с королем Георгом, архиепископами Кентерберийским Фишером, Йоркским Гарбетом, с русской эмигрантской общиной. В Лондоне митрополит Николай имел встречу с генеральным секретарем «Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки» доктором В. А. Виссерт Хуфтом и другими религиозными деятелями, участвовавшими в создании Всемирного Совета Церквей (ВСЦ).

* * *

В послевоенные годы Русская Православная Церковь, преодолевая внутренние расколы и отделения, устанавливая тесные и интенсивные контакты с братскими Церквями, приобрела небывало высокий авторитет в православном мире, поэтому именно в Москве произошло одно из важнейших событий всеправославного значения. В июле 1948 г. Русская Православная Церковь праздновала 500-летие своей автокефалии. В связи с этими торжествами состоялось Совещание глав и представителей поместных православных Церквей. В совещании участвовали Патриархи — Московский Алексей, Грузинский Каллистрат, Сербский Гавриил, Румынский Юстиниан, экзарх Болгарии митрополит Стефан, представитель Антиохийского Патриарха митрополит Александр, епископ Корчинский Паисий от Албанской и архиепископ Белостокский Тимофей от Польской Церкви, а также богословы, церковные историки и канонисты, известные в православном мире.

Юбилейный доклад сделал доцент Московской Духовной Академии Н. И. Муравьев. На совещании были зачитаны и другие доклады: о взаимоотношениях православной Церкви с Церковью католической, экуменическом движении, по вопросам о действительности англиканской иерархии, о церковном календаре. Среди докладчиков были митрополиты Пловдивский Кирилл, Сливенский Никодим, протоиерей Григорий Разумовский, профессора Г. П. Георгиевский, В. С. Вертоградов. Совещание вынесло резолюции по докладам, осудив Римскую курию за ее подрывные действия по отношению к православию и упорное стремление к насаждению унии. Совещание высказалось против участия православных Церквей в ВСЦ, где

решительно преобладали протестантские течения. В соответствующей резолюции сказано: «Снижение требований к условию единения до одного лишь признания Иисуса Христа нашим Господом умалает христианское вероучение до той лишь веры, которая, по слову апостола, доступна «бесам»⁴⁹⁵. Совецание подтвердило необходимость для православных Церквей, живущих по двум календарям, совершать праздник Святой Пасхи одновременно, по Александрийской пасхалии. Решение вопроса о признании действительности англиканского священства, вызвавшего разногласия, по постановлению совещания целиком зависело от достижения вероисповедного единства англиканской Церкви с православной. В своих решениях Московское совещание проявило неукоснительную верность преданию, здоровый традиционализм и трезвость в оценке западной церковной жизни. Материалы совещания были напечатаны в двух томах на русском и французском языках.

Неучастие в Совещании прибывших на юбилейные торжества представителей Константинопольского Патриархата и грекоязычных Церквей явилось следствием трудностей, вновь, как и в 20-х гг., нараставших в отношениях между Московской и Константинопольской Патриархиями. На этот раз камнем преткновения явилась не поддержка Константинополем раскольников, действовавших внутри нашей Церкви, а претензии Константинополя на юрисдикцию над диаспорой, представители которой также присутствовали на торжествах. Впрочем, в качестве официальной причины было объявлено мнимое нарушение порядка созыва общеправославных встреч. Вселенский Патриарх Максим заявил, что предстоятель Русской Церкви должен был вначале сообщить о своей инициативе ему как первому епископу православной Церкви, а он мог бы оповестить об этом глав других поместных Церквей и в случае их согласия разослал бы официальные приглашения.

В то же время Совещание глав и представителей поместных православных Церквей сделало значительный шаг в консолидации славянских православных Церквей Восточной Европы, а также Церквей Антиохийской, Румынской и Албанской. Особенно это показательно на примере отношений Русской и Антиохийской Церквей. Еще в ноябре 1947 г. в Москву приезжал архипастырь Антиохийского Патриархата митрополит Гор Ливанских Илия Караме. Это был давний и преданный друг Русской Церкви, молитвенник за многострадальную Россию в пору свирепых гонений на Церковь и в тяжелые годы Великой Отечественной войны. В Слове, произнесенном в патриаршем Богоявленском соборе при стечении многочисленной паствы, он сказал: «Я много знал о великом русском народе и его Церкви и теперь лично убедился, что Русская Православная Церковь является величайшей Церковью православия. Господь Бог благословляет русский народ так же, как когда-то благословил Авраама. Русский народ является как бы народом Святой земли, и землю Русскую можно сравнить со святой Палестинской землею»⁴⁹⁶.

Московское совещание 1948 г. явилось значительным шагом в восстановлении межправославного сотрудничества, нарушенного двумя мировыми войнами и другими политическими событиями. Это был первый после перерыва опыт совместной разработки представителями поместных православных Церквей богословских, канонических, церковно-исторических и литургических вопросов. Тогда же была достигнута договоренность об открытии подворий Антиохийского Патриархата в храме архистратига Божия Гавриила и соседней с ним церкви святого Феодора Стратилата, Болгарской Православной Церкви — в церкви Успения Божией Матери в Гончарах и Сербской Православной Церкви — в храме первоверховных апостолов Петра и Павла. Но Патриарх Сербский Гавриил не смог из-за конфликта между Сталиным и Тито направить в Москву настоятеля своего подворья. Так печально отразилась вражда двух коммунистических вождей на судьбе их жертв — Церковей Сестер. В свою очередь Русская Православная Церковь учредила свои подворья и

представительства в Александрии, Дамаске, Бейруте, Белграде, Софии и Каире.

2 августа 1948 г. митрополит Николай в письме генеральному секретарю ВСЦ Виссерту Хуфту отклонил приглашение принять участие в I ассамблее ВСЦ, которая должна была состояться в Амстердаме со 2 августа по 4 сентября 1948 г. В это же время были установлены официальные отношения нашей Церкви с Церквями Утрехтского старокатолического союза.

* * *

1948 г. принес с собой перемены к худшему в положении православной Церкви в Советском государстве. Впрочем, первые признаки осложнения ситуации появились годом раньше в виде ужесточения антицерковной пропаганды, которая во время войны и в первые послевоенные годы несколько поутихла. В 1947 г. «Комсомольская правда» напомнила о том, что членство в комсомоле несовместимо с верой в Бога. Конечно, это подразумевалось и раньше, но в течение нескольких лет об этом не вспоминали официально. В «Учительской газете» появилась статья, в которой осуждалась теория безрелигиозного образования и утверждалось, что в социалистическом государстве образование должно быть антирелигиозным. В этом же году учреждено было и «Общество распространения политических и научных знаний», принявшее эстафету упраздненного ранее «Союза воинствующих безбожников». В городах стали открываться «Дома научного атеизма».

Что же стояло за этими начинаниями? В 1947 г. секретарем ЦК ВКП(б), ответственным за идеологическую работу, стал М. А. Суслов, которому Сталин при назначении посоветовал «не забывать об атеистической пропаганде среди народа», добавив, впрочем, что в настоящее время этот вопрос не самый главный⁴⁹⁷. В октябре на закрытом заседании секретариата ЦК ВКП(б) специально рассматривался вопрос о взаимоотношениях правительства СССР и Русской Православной Церкви. Секретариат решил держаться «золотой середины»: положение Церкви в государстве должно оставаться стабильным, но у коммунистов не может возникать недоумений относительно мировоззрения членов партии — оно остается атеистическим. Церковь следует использовать в интересах государства, главным образом через ее международные контакты. Молодое поколение необходимо оградить от влияния церковников. Под руководством М. А. Сулова было подготовлено и в сентябре 1948 г. принято постановление «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». В этом постановлении говорилось, что «некоторые члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в нашей стране сделали ошибочный вывод, что теперь можно не вести антирелигиозную пропаганду и что религия будет отмирать сама собой... Нельзя успешно решать задачу коммунистического воспитания трудящихся, не ведя борьбы против религиозной идеологии. Задача преодоления религиозных предрассудков и суеверий имеет в период перехода от социализма к коммунизму важное значение»⁴⁹⁸. В то же время, опасаясь нарушить указание Сталина о том, что «нельзя отпугивать Церковь от государства», Суслов включил в постановление предостережение «против какого бы то ни было администрирования по отношению к Церкви. Партийные организации не должны вмешиваться во внутренние дела религиозных общин, становиться на путь их закрытия, примитивными формами антирелигиозной пропаганды оскорблять чувства верующих»⁴⁹⁹. Постановление было секретным, огласке не предавалось и не печаталось в газетах, в местные партийные органы были разосланы указания, составленные на его основе. Вопрос об усилении атеистической пропаганды ставился на съезде комсомола в 1949 г., на пленумах ЦК в 1950 и 1952 гг. На партийном съезде 1952 г. атеистическая тема не затрагивалась, все еще действовало своего рода негласное соглашение, заключенное между государственной властью и Церковью на исходе Великой Отечественной войны. Большая часть атеистических брошюр (а их выпущено было в одном только 1948 г. 381 общим тиражом 18 900 000 экземпляров, в 1949 г.— 689 тиражом 26 700 000 и в 1950 г.— 700 тиражом, согласно

отчету «Общества распространения политических и научных знаний», «во много раз превышающим тираж 1949 г.»⁵⁰⁰) была направлена против Ватикана, не столько даже против учения католицизма, сколько против его политики. Вот типичные названия этих сочинений: «Ватикан и католицизм на службе империализма», «Черные дела папского престола и его агентуры», «Ватикан в лагере поджигателей войны». Но выходили и другие пропагандистские материалы. Так, в 1951 г. напечатаны брошюры «Религиозные суеверия и их вред», «Реакционная сущность религиозных идеологий». В последней брошюре общий вывод относительно идеологической сущности религии остается крайне мрачным и выглядит как приговор, обжалованию не подлежащий: «Изменение отношения духовенства к Советскому государству не может изменить реакционного существа религиозной идеологии»⁵⁰¹.

Гораздо более серьезным и чувствительным ударом по Церкви, чем умножение числа изданий и тиражей атеистической макулатуры, явилась волна арестов духовных лиц, которая прокатилась в 1948 г. 4 сентября арестовали в четвертый раз архиепископа Оренбургского Мануила (Лемешевского). 16 апреля 1949 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы и этапирован в Мордовию. Местом его заключения стал лагерь в поселке Явас близ города Потьма. В том же лагере отбывал свой десятилетний срок и другой архипастырь — митрополит Нестор (Анисимов), арестованный в июле 1948 г. в аэропорту Харбина перед самым вылетом в Москву на празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви. Он жил тогда в Китае и исполнял обязанности патриаршего экзарха в Восточной Азии. Поселок Явас находится вблизи Саровской пустыни и Дивеевского монастыря. В лагере митрополита Нестора особенно удручала нескончаемая ругань конвоя и заключенных. Однажды, когда заключенные оказались на работах в Дивееве, один из союзников архипастыря узнал домик дивеевской Паши. Это было в 1951 г., и митрополит Нестор сразу вспомнил странный прием у юродивой старицы ровно 40 лет назад. Когда он вошел в ее келью, то с удивлением услышал отборную нецензурную брань. Лежавшая на койке старица, обращаясь к молодому архимандриту, сказала: «Вот, батюшка, через 40 лет ты здесь, в этих местах, другого слова не услышишь»⁵⁰².

В 1948 г. арестовали инспектора Московской Духовной Академии [Вениамина \(Милова\)](#), и для него это был далеко не первый арест. Архимандрит Вениамин, по отзывам знавших его, необычайно требовательный к себе монах-аскет, выпускник дореволюционной академии, в год своего ареста защитил магистерскую диссертацию по теме «Божественная любовь по учению Библии и православной Церкви». В Московской Академии арестован был еще один преподаватель по фамилии Сретенский. Аресты коснулись и студентов. Жертвой репрессий оказался студент второго курса Дмитрий Дудко, обвиненный в том, что он, находясь на оккупированной территории, напечатал религиозные стихи в выходившей тогда на русском языке газете, издание которой контролировалось немецкими властями. Аресты продолжались и после 1948 г. В Московской семинарии одной из жертв репрессий стал Петр Бахтин, позже протоиерей, во время Великой Отечественной войны боевой офицер, награжденный орденом Красного Знамени. Вовлеченный в партию, он оставил ее после войны, для того чтобы поступить в семинарию. В парткоме ему сказали: «Мы вас еще найдем. Даже в семинарии». Петр Бахтин осужден был за критические высказывания о Советском государстве. Его приговорили к смертной казни, заменив расстрел 25 годами тюремного заключения. Арестован и осужден был известный московский протоиерей Николай Никольский, несмотря на то что еще с дореволюционных лет его хорошо знал и ценил Патриарх Алексий I.

В 1951 г. арестовали священника московского храма Рождества Христова Иоанна Крестьянкина. Пастырь безукоризненно чистой, святой жизни, необыкновенно добрый и мудрый, он уже тогда был одним из самых почитаемых священников в городе. Это и послужило причиной ареста, хотя официально обвиняли его в том, что на отпуске святого Александра

Невского он назвал благоверным князем, что квалифицировалось как «монархическая пропаганда». Отец Иоанн был осужден на пять лет лишения свободы. Местом его заключения стала Гаврилова Поляна близ Куйбышева. Солагерники полюбили его и тянулись к нему, для многих из них он стал тайным духовником. Его солагерник А. Э. Краснов-Левитин, в прошлом обновленческий диакон, присоединенный к патриаршей Церкви мирянином, писал об отце Иоанне, что он «в лагере возил на себе, впрягшись в сани, воду. Много молился. Все лагерное население к нему сразу потянулось. Начальство без конца его допекало и грозило тюрьмой. Приставили к нему специального наблюдателя — толстого здорового придурка из проворовавшихся хозяйственников... Сидит на скамейке проворовавшийся хозяйственник, читает газету — он к тому же еще культорг в бараке. А за его спиной по площадке, окаймленной кустарником, бегают взад и вперед о. Иоанн. Это о. Иоанн совершает молитву. Он близорукий. Глаза большие, проникновенные, глубокие. Во сне лицо дивно спокойное, безмятежное. Как ребенок»⁵⁰³. В одном лагере с отцом Иоанном отбывали свои сроки митрофорный протоиерей Павел Мицевич, 74-летний старец с Волыни, хорошо помнивший митрополита Антония (Храповицкого) в бытность его архиепископом Волынским, священник Александр Бородий из Полтавской епархии, арестованный потому, что служил в церкви при немцах, и иеромонах Паисий Панов.

Священнослужители подвергались репрессиям во все периоды существования советской власти. Рубеж 40-х и 50-х гг. оказался в этом отношении более тяжелым, чем первые послевоенные годы, и все-таки этот новый удар по Церкви несоизмерим был с тем, что она пережила в два первых десятилетия революционного разгрома. За арестами 40-х гг. не стояло умысла об искоренении Церкви, в отличие от 20—30-х гг., когда духовенство пострадало несравненно тяжелее всех остальных сословий; в конце 40-х гг. священнослужители разделили общую судьбу народа, который власти не переставали испытывать на выносливость среди прочих бед и тюремными узами. Архиепископ Мануил (Лемешевский) и архимандрит Вениамин (Милов) арестованы были как повторники, осужденные за то, что их сажали и раньше. Большинство вернувшихся на Родину эмигрантов было подвергнуто репрессиям, в худшем случае — арестам, в лучшем — ссылке или высылке, а борьба с космополитизмом, прогремевшая в конце 40-х гг., православное русское духовенство благополучно миновала.

Частичный пересмотр политики Советского государства по отношению к Церкви сказался в первую очередь на количестве открытых приходов, зафиксированном на 1 января каждого года.

Год

Число действующих приходов

Число закрытых приходов

1949

14 477

133

1950

14 344

132

1951

13 912

126

1952

13 786

231

1953

13 555

133

Таким образом, за четыре года, с 1 января 1949 по 1 января 1953 г., Церковь потеряла 1055 храмов. На заседании Совета по делам Русской Православной Церкви, состоявшемся 4 марта 1950 г., решено было передать 26 православных храмов под мастерские, клубы, кинотеатры. 30 марта Совет постановил передать еще 8 храмов под клуб, планетарий, водопроводную башню и МТС, 8 мая — еще 25 храмов. В большинстве случаев это были храмы, уже ранее отбирившиеся у Церкви, но во время войны вновь открытые на оккупированной территории; в соответствующих документах о них говорится как о «незаконно захваченных верующими»⁵⁰⁴. Иногда приходу взамен конфискованного храма предлагалось на свои средства купить или снять в аренду обычное жилое здание и оборудовать его под молитвенный дом.

Епископы, духовенство, верующий народ пытались бороться за сохранение храмов. В Совет по делам Русской Православной Церкви, в местные органы власти направлялись многочисленные жалобы. Так, в 1952 г. подано было 12 жалоб по поводу конфискации православных церквей, в 1953 г. число таких жалоб многократно увеличилось: только за три месяца (с января по март включительно) в Совет поступило их 75. Лишь в редких случаях Совет пересматривал свои решения; жалобы передавались местным уполномоченным, и оттуда поступали отказы.

Большие изменения происходили и среди духовенства. Из приводимой ниже таблицы видно, что начиная с 1950 г. сокращалась его численность, правда, в отличие от довоенных лет в основном это была естественная убыль из-за пожилого возраста, но необходимое количество священнослужителей не восполнялось в должной мере новыми рукоположениями.

Год

Число действующих приходов

Количество священнослужителей

1950

14 344

13 483

1951

13 912

12 443

1952

13 786

12 318

1953

13 555

12 089

1954

13 422

11 912

В епископате Русской Церкви такой картины не наблюдалось. Так, на 1 января 1947 г. было 70 архиереев, а через три года, в декабре 1949 г., уже 74 епископа; помимо Патриарха это были 5 митрополитов: Крутицкий Николай, Киевский Иоанн, Ленинградский Григорий, Рижский Вениамин (Федченков), Новосибирский Варфоломей (Городцев); 21 архиепископ, в том числе один викарный, 40 епархиальных и 7 викарных архиереев. В это число (74) не входят находившиеся в юрисдикции Московской Патриархии архиереи, которые совершали свое служение за пределами СССР — в Чехословакии, Франции, Германии, США и других странах.

Среди архиереев, хиротонисанных в эти годы, были такие известные впоследствии церковные деятели, как епископ Черновицкий Андрей (Сухенко), епископ Уманский Иларион (Кочергин), епископ Кировоградский Евстратий (Подольский). Хиротонию епископа Евстратия, совершенную во Владимирском соборе Киева, возглавлял Патриарх Алексий I. При вручении жезла новопоставленному епископу Святейший Патриарх произнес речь, в которой выразил озабоченность нравственным и религиозным состоянием части духовенства, проникновением в среду пастырей чуждых Церкви элементов: «Не излишним почитаю напомнить тебе еще одну заповедь апостола: *Руки скоро не возлагай ни на кого же, ниже приобщайся чужим грехам (1 Тим. 5. 22)*. Исполнение этой заповеди особенно потребно ныне, когда *оскуде*, по слову пророка, *преподобный (Пс. 11. 1)*, когда ищущие служения Церкви Божией часто не проникнуты разумением святости этого служения и не заботятся о святости, ища лишь внешних благ. Охраняя святость служения церковного и вспоминая ревность Господа Христа о доме Божием, дерзай очищать вверенную тебе паству от тех, кто под личиною овечьей скрывает лицо волчье, и от тех, кто с корыстными целями приметается к алтарю Христову»⁵⁰⁵. В послевоенные годы священноначалие проявляло особую заботу о составе духовенства, стараясь избавить его от тех, кто, по словам святителя [Димитрия Ростовского](#), служил «не ради Иисуса, а ради хлеба куса». К началу 50-х гг. стали заметны первые изменения. Об этом свидетельствует и такой оригинальный документ, как донос профессора Ленинградской Духовной Академии, бывшего священника, Александра Осипова, в котором он точно определил новую кадровую политику Церкви:

«Архиереи стали 1) стягивать в города на большие приходы лучших из сельских пастырей, 2) посвящать после небольшой домашней подготовки отдельных энтузиастов-фанатиков из групп верующих, 3) заботливо выискивать таких же фанатиков среди семинаристов и студентов академии и до окончания курса двигать их в приходы, 4) лучших из священников вооружать знаниями для пропагандистской работы через заочный сектор Ленинградской Духовной Академии. И надо сказать, что кадры эти действительно понемногу формируются. И церковники с удовольствием отмечают, что уровень духовенства во многом «повысился морально, культурно и идейно». На эти примеры ссылаются, на них базируются, обрабатывая народ»⁵⁰⁶.

Особые опасения доносчика вызывают те, кого он называет «мелким обслуживающим церкви персоналом» (пономари, свечницы, алтарницы, просвирни и т. п.).

«И сама по себе являясь орудием высших церковников, именно эта среда активнейшая в приходах. Ее зоркие соглядатаи высматривают каждую женщину с заплаканными глазами, чтобы, воспользовавшись человеческим горем, опутать душу мистикой и «вести в ограду Церкви». Эти же глаза следят за каждой молодой фигурой, заглянувшей в церковь, и при первом же случае подвергают обработке и уговорам. Это у них как в инкубаторе подбираются кадры для семинарий, коверкаются и запутываются молодые души... Вот эти-то совсем незначительные на вид приходские работники являются, по существу, младшим составом Церкви во много раз больше, чем дьяконы и псаломщики. Корректные проповеди с амвона там комментируются и раскрываются, приобретая самый воинственный тон. Это сила. И тем более грозная сила, что, прикрытые высшим бессилием, они оставлены по существу без должного внимания. Одним из зловреднейших явлений в этой среде являются монахини и тайные монахини, которых значительно больше, чем это кажется. Это люди, не связанные ничем, готовые на все ради своего фанатизма и во имя своей ненависти. Архиереи прекрасно понимают значение этой среды, и каждый из них окружает себя несколькими представителями ее, через которых общается с низами городских, загородных и более отдаленных приходов и тем самым оказывается в силах учитывать подлинное духовное состояние своей паствы»⁵⁰⁷.

В конце 40-х гг. авторитет Русской Православной Церкви нужен был советскому руководству для укрепления своих внешних позиций, для привлечения в союзники христианской общественности Запада в холодной войне против США. В любом случае иерархи нашей Церкви и другие церковные участники миротворческих организаций и форумов должны были принимать сторону своего государства и правительства. Советская внешняя политика в речах и документах Русской Православной Церкви неизменно именовалась «миролюбивой политикой»; при этом, однако, не приходилось слишком грешить против истины, по крайней мере относительно ситуации в Европе. Борьба с коммунизмом была официальной политикой Запада, и поэтому для десятков миллионов людей опасность третьей мировой войны исходила более с Запада, чем с Востока. В миротворческом движении, находившемся под идеологическим контролем Кремля, участвовали самые разнородные общественные силы, часто далеко отстоящие от коммунистической и революционной идеологии. На этом фоне представители Русской Православной Церкви воспринимались вполне естественно, как нормальное явление. Конечно, многими на Западе миротворческие призывы иерархов нашей Церкви расценивались только как политические акции, но десятки миллионов христиан во всем мире с доверием относились к пастырской озабоченности судьбой человеческого рода, которой были продиктованы эти выступления.

25 марта 1949 г. «Известия» напечатали обращение Патриарха Алексия I, в котором он поддержал инициативу Международного комитета деятелей культуры о созыве Всемирного конгресса сторонников мира. Патриарх призвал братские православные Церкви «возвысить свой голос против всех покушений и действий, направленных к нарушению мира». В апреле, через две недели после подписания Североатлантического пакта, в Париже состоялся Всемирный конгресс сторонников мира; в составе советской делегации был и митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, который затем вошел в Постоянный комитет Всемирного конгресса. В августе в Москве состоялась I Всесоюзная конференция сторонников мира, положившая начало межрелигиозному миротворческому сотрудничеству. Патриарх Алексий I стал членом учрежденного на конференции Советского комитета защиты мира. С этих пор всемирные и всесоюзные форумы сторонников мира стали проводиться регулярно и представители Русской Православной Церкви в них неизменно участвовали. В 1950 г. Патриарх Алексий I выступил в печати с призывом подписываться под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении «ядерного оружия как оружия устрашения и массового истребления людей». Самым деятельным участником миротворческого движения из российских архипастырей был митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Советское руководство оценило его деятельность, предоставив Московской Патриархии возможность издать сборник его речей и статей в защиту мира на русском, немецком, французском, английском и арабском языках тиражом по 1500 экземпляров. В мае 1952 г. в Троице-Сергиевой лавре проводилась Конференция представителей всех Церквей и религиозных объединений СССР, тематика которой носила миротворческий характер и была особенно актуальной в связи с войной в Корее, грозившей перерасти в мировую катастрофу. Конференция выступила с «Обращением к Церквам, религиозным объединениям, духовенству и верующим всех религий», в котором призывала их осознать нравственную природу «нападения на мирных соседей и заранее осудить как преступление против человечества и морали»⁵⁰⁸. За богослужением во всех храмах Русской Православной Церкви была введена молитва о мире.

5 марта 1953 г. умер И. В. Сталин. Закончилась целая эпоха в истории России — эпоха революционной смуты, тотального террора, распада и восстановления великой державы в огне второй мировой войны. Это была эпоха самых свирепых гонений против православной Церкви со времен императора Диоклетиана. Начиналось время стабилизации коммунистического

режима, а потом и распада Советского Союза, созданного Сталиным. Его смерть вызвала шок у рядовых коммунистов и миллионов советских граждан; для миллионов других, томившихся в концентрационных лагерях, сосланных в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан, раскулаченных и ограбленных, близких родственников расстрелянных и повешенных, эта смерть стала праздником. Тревогу, однако, испытывали даже те, кто не сочувствовал коммунистической идеологии, опасаясь, что после Сталина будет хуже. Положение Русской Православной Церкви ухудшилось в последние годы правления Сталина, когда его политическое влияние все более уступало натиску рвущихся к самостоятельной власти соратников, поэтому в церковных кругах существовало опасение, что уход диктатора, заключившего в 1943 г. своего рода негласное соглашение с Церковью, явится началом новых гонений.

* * *

Первые месяцы после смерти Сталина главным в руководстве страны был Г. М. Маленков, после устранения Л. П. Берии резко вырос политический вес Н. С. Хрущева. Из всех советских вождей того времени Хрущев более других привержен был коммунистическому утопизму, а, как известно, в коммунистической утопии для религии места нет. По указаниям Хрущева Суловым, Шепиловым и Шелепиным было подготовлено постановление ЦК КПСС под названием «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», датированное 7 июля 1954 г. Хотя по постановлению в «крупных недостатках атеистической пропаганды» повинны местные партийные организации, для внимательного читателя ясно было, что здесь подвергнута жесткой критике та линия в отношениях с Церковью, которую проводил Сталин с 1943 г. Эта политика охарактеризована как «примиренческая», не соответствующая идеологическим заветам Ленина. Атеистическая пропаганда в партии и стране, оказывается, запущена и развалена, и это в то время, когда «Церковь и различные религиозные секты значительно оживили деятельность, укрепили свои кадры и, гибко приспособившись к современным условиям, усиленно распространяют религиозную идеологию среди отсталых слоев населения. В результате наблюдается увеличение количества граждан, соблюдающих религиозные праздники и отправляющих религиозные обряды, оживляется паломничество к так называемым «святым местам»⁵⁰⁹. Воинственный тон постановления, составленного под наблюдением Хрущева, достоин был лучших образцов пропагандистской риторики «Союза воинствующих безбожников». Правда, в отличие от вполне откровенных документов предвоенной борьбы с Церковью в этом постановлении репрессии не упоминались. Имелись ли они в виду, сказать трудно, но во всяком случае в 1954 г. дело до них не дошло. Тем не менее постановление ЦК явилось стимулом для развязывания в стране масштабной атеистической пропагандистской кампании. С особым рвением, если не сказать остервенением, призывы партии были подхвачены комсомолом. 14 октября 1954 г. ЦК ВЛКСМ, возглавлявшийся в ту пору А. Н. Шелепиным, принял постановление «О постановке антирелигиозной и естественнонаучной пропаганды в комсомольских организациях Орловской области». Постановление основывалось на локальном материале, но призвано было стать руководством к действию для всесоюзного комсомола.

Новый натиск на Церковь получил широкую огласку на Западе и критические комментарии в зарубежной печати. Это оказалось совсем не ко времени и подрывало авторитет советского руководства, предпринимавшего особенно энергичные усилия по выводу страны из изоляции, по смягчению холодной войны и предотвращению угрозы третьей мировой войны. Аргументы противников развязывания новой кампании борьбы с Церковью дошли до Хрущева, и он согласился с ними. По его инициативе 10 ноября 1954 г. было принято новое постановление ЦК под названием «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». По существу это постановление было знаком отбоя: «Ошибки в антирелигиозной пропаганде в

корне противоречат программе и политике коммунистической партии по отношению к религии и верующим, являются нарушением неоднократных указаний партии о недопустимости оскорблений чувств верующих»⁵¹⁰. Ссылки на «грубые ошибки на местах» — это обычный прием при обосновании изменения линии партийного руководства, открытая критика считалась недопустимой, ведь советскому народу внушалась мысль о непогрешимости партии в лице ее вождей. В постановлении не было и намека на отказ от атеизма как главного идеологического фундамента коммунистической партии. После издания нового постановления утихла кампания пропагандистской агрессии против Церкви. В последующие годы атеистическое воспитание советского народа велось на, так сказать, конструктивной основе — религии противопоставляли реставрированный культ Ленина, который в последнее десятилетие сталинской диктатуры изрядно потускнел. Несмотря на ужесточение атеистической пропаганды середины 50-х гг., в одном отношении это время было для Церкви самым благоприятным за весь советский период истории России: вначале по амнистии, а потом и через реабилитации стали выпускать на волю священнослужителей, узников лагерей еще с довоенных времен, и тех, кто был арестован после войны за службу в храмах по разрешению оккупационных властей, или как «повторник», или по клеветническим доносам.

7 декабря 1955 г. архиепископу Мануилу дали справку об освобождении из заключения. В бушлате, с котомкой за плечами, он поездом доехал до Куйбышева, оттуда — самолетом в Москву. Святейший принял его и вскоре назначил на Чебоксарскую кафедру. Митрополит Нестор (Анисимов) был освобожден на исходе 1955 г. и по приезде в Москву принят Святейшим Патриархом Алексием I с исключительной теплотой и заботой, 18 июля 1956 г. он был назначен на Новосибирскую кафедру. В 1955 г. освободили арестованного в 1944 г. и осужденного на 12 лет лишения свободы епископа Вениамина (Новицкого). Лагерный срок он отбывал в самых страшных колымских лагерях, где его избивали, сломали позвоночник, в 55 лет он выглядел глубоким старцем, сгорбленным, без единого волоса на голове. 22 ноября 1956 г. епископа Вениамина назначили на Омскую кафедру. Епископ Афанасий (Сахаров), который, по его же словам, провел «в узах и горьких работах 254 месяца» (21 год), в 1954 г. был освобожден из лагеря в Потье и отправился в Большие Березники, где в инвалидном доме в заключении содержался его духовник иеромонах Иеракс. После свидания со своим другом и духовником, который только ожидал освобождения, епископ Афанасий уехал в Тутаев, а вскоре в Петушки. Кафедры он не получил, а в 1955 г. был назначен председателем Богослужебно-календарной комиссии при Издательском отделе Московской Патриархии. Архимандрит Вениамин (Милов), профессор Московской Духовной Академии, арестованный в 1948 г., вышел из лагеря в 1954 г. и стал служить настоятелем Ильинской церкви в Серпухове. 4 февраля 1955 г. состоялась его хиротония во епископа Саратовского и Балашовского. Вручая ему архиерейский жезл, Патриарх напомнил ему о понесенных страданиях за Христа: «Ныне ты вступаешь в новый предлежащий тебе подвиг во всеоружии жизненного опыта и сам, искушен быв, без сомнения, будешь уметь и искушаемым подавать помощь и утешение. И, по выражению древнего пророка, не явишься пастырем «неискусным», который «погибающего не посещает, расточенного не взыскует, сокрушенного не умеет исцелить и здорового исправить»⁵¹¹.

Благотворные перемены в жизни страны внушали надежды на дальнейшую нормализацию отношений между Церковью и Советским государством, и некоторые события подтверждали эти ожидания: в 1956 г. Православной Церкви были переданы мощи святого Никиты Новгородского, в 1957 г. возобновилось богослужение в Троицком соборе Александро-Невской лавры. Смягчение режима, в особенности после закрытого, но получившего широкую огласку доклада Хрущева на XX съезде партии, в котором он осудил террористическую политику Сталина, вносило в деятельность административных и карательных органов некоторые

элементы правового начала. Перемены эти коснулись и Церкви. Характерной деталью новых отношений Патриархии с советским правительством стала опубликованная в «Правде» и «Известиях» поздравительная телеграмма председателя Совета министров Н. А. Булганина Патриарху Алексию I в связи с 80-летием. Несмотря на преклонный возраст, предстоятель Русской Православной Церкви твердо держал в эти годы в своих руках бразды церковного правления. Его авторитет в епископате, духовенстве, церковном народе был исключительно велик; он принимал руководящее участие в решении важных церковных вопросов; регулярно совершал богослужения в Богоявленском кафедральном соборе, в церквях Троице-Сергиевой лавры, в приходских московских храмах, возглавлял большую часть епископских хиротоний. Празднование юбилея Святейшего Патриарха Алексия I осенью 1957 г. явилось заметным событием церковной жизни, собравшим много представительных гостей из разных стран, общественных и церковных деятелей, а также архипастырей и пастырей Русской Православной Церкви.

В 50-х гг. происходила смена поколений в российском епископате. Уходили из жизни архиереи, рукоположенные в довоенные годы, и те, кто был хиротонисан в старости из вдовых протоиереев в военное лихолетье и первые послевоенные годы. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Николай (Могилевский), хиротонисанный еще в 1919 г., 30-е гг. проведенный в местах лишения свободы, скончался на 81-м году жизни 25 октября 1955 г. Весть о кончине привела в глубокое волнение его паству. Многие десятки тысяч православных алмаатинцев провожали гроб с останками своего архиерея на всем семикилометровом пути от кафедрального собора до кладбища. В 1956 г. скончались митрополит Новосибирский Варфоломей (Городцев), близкий друг Патриарха Сергия в пору их учебы в Петербургской Духовной Академии, архиепископ Димитрий (Градусов), в 1954 г. ушедший на покой и за неделю до кончины — 4 апреля принявший постриг в великую схиму с именем Лазаря. Смерть епископа Дрогобычского Михаила (Мельника), одного из сподвижников протоиерея Гавриила Костельника по воссоединению униатов, произошла при загадочных обстоятельствах, вызвавших подозрение, что он стал жертвой органов госбезопасности. Получив в Киеве известие о скоропостижной смерти своего секретаря, снятого с поезда с тяжелым приступом, он, как было сообщено, внезапно и сам скончался от сердечного приступа. Произошло это спустя два дня после его вполне благополучного отъезда вместе с отцом Владимиром Куновским, своим секретарем, из Дрогобыча 9 октября 1955 г. Сподвижник владыки Михаила по воссоединению униатов епископ Станиславский Антоний (Пельвецкий) скончался в 1957 г.

Особенно ощутимой потерей для Русской Православной Церкви была скоропостижная кончина постоянного члена Священного Синода митрополита Ленинградского Григория (Чукова). Митрополит Григорий преставился 5 ноября 1955 г. в возрасте 85 лет в Москве, в здании Патриархии, после поездки в Румынию, где он участвовал в торжествах канонизации новопрославленных святых Румынской Церкви. Погребен в его кафедральном городе. Митрополит Григорий (в миру Николай Кириллович Чуков) родился 1 февраля 1870 г. в Олонецкой губернии. Его прадед и дед были сказителями былин. Отец, поморский крестьянин, стал состоятельным человеком, содержал в Петрозаводске гостиницу и имел средства, чтобы платить за обучение сына в гимназии. В 1882 г. юный гимназист стал прислуживать в алтаре петрозаводского собора епископу Олонецкому Павлу. Высокий духовный настрой, молитвенность архипастыря произвели столь сильное впечатление на мальчика, что он решил встать на стезю церковного служения и перешел из гимназии в духовную семинарию. Окончив ее, Николай Чуков был назначен надзирателем Петрозаводского духовного училища. К тому времени отец его разорился, и он на свое небольшое жалованье должен был поддерживать родительскую семью. Уже в те годы юный педагог обнаружил особый интерес к вопросам

воспитания. Он жадно читал не только богословские, но и педагогические статьи и книги. В 1891 г. Николай Чуков поступил в Петербургскую Духовную Академию и через четыре года окончил ее кандидатом богословия, написав курсовое сочинение по экзегетике Ветхого Завета. По окончании академии он был назначен наблюдателем церковных школ Олонецкой епархии и вскоре, в 1897 г., принял сан священника. Благодаря его неустанным трудам церковноприходские школы Олонецкой епархии были приведены в весьма благополучное состояние. Церковное служение будущий архипастырь сочетал с разносторонней общественной и земской деятельностью. В течение 17 лет он представлял духовенство в земском собрании Олонецкой губернии. Архиепископ Финляндский Сергей привлек отца Николая к руководству Олонецким советом Карельского братства, созданного для противодействия панфинской и лютеранской пропаганде в Карелии. В 1911—1918 гг. протоиерей Николай Чуков исполнял обязанности ректора Олонецкой семинарии. О плодах его неустанных трудов выразительно говорят такие слова из ревизорского отчета о состоянии учебного заведения на 1915 г.: «Улучшилось внутреннее настроение и внешний вид учащихся; последние, за немногим исключением, начали держать себя как благовоспитанные юноши»⁵¹². Во время первой мировой войны протоиерей Николай Чуков возглавил важное дело по устройству лазаретов на территории Олонецкой губернии, часто совершая там богослужения, духовно окормляя раненых воинов. В 1918 г. отец Николай Чуков был переведен из Петрозаводска в Петроград настоятелем университетской церкви, после ее закрытия он был назначен настоятелем кафедрального Казанского собора. Исключительно опытный педагог и администратор, в 1920 г. он стал ректором Православного богословского института, а через два года был арестован, судим вместе с митрополитом Петербургским Вениамином, перенес смертный приговор, был помилован. После обращения Патриарха Тихона в Верховный суд в 1923 г. вместе с другими заключенными и осужденными священнослужителями был освобожден и назначен настоятелем одного из самых посещаемых храмов Петрограда — Николо-Морского собора. Протоиерей Н. Чуков вернулся и к церковно-педагогической деятельности, возглавив в 1925 г. Высшие богословские курсы, которые просуществовали до 1928 г. Неутомимый труженик, он и в бедственных для церковной науки условиях, несмотря на свою исключительную занятость, не прекращал научных занятий. В 1926 г. успешно защитил на Богословских курсах магистерскую диссертацию «Мессианские представления иудеев по таргуму Иоанафана, сына Узиелова».

В 30-х гг. отец Николай не раз подвергался кратковременным арестам. В 1935 г. его выслали из Ленинграда в Саратов. Там он не имел возможности служить, занимаясь главным образом литературным трудом, и написал четыре тома «Воспоминаний». В 1939 г. у отца Николая умерла матушка, в первый месяц Отечественной войны без вести пропал сын, в Ленинграде во время блокады умерли два других сына и дочь. После кончины матушки Местоблюстителем патриаршего престола предложил отцу Николаю принять постриг; отец Николай колебался, и, только, как писал сам, «узнав о гибели детей, я понял зов свыше и послал телеграмму митрополиту Сергию, что согласен вступить в монашество». Сразу после пострига с именем Григория 14 октября 1942 г. состоялась его епископская хиротония, а уже 15 октября он был возведен в сан архиепископа и назначен на Саратовскую кафедру. В мае 1944 г., после кончины Патриарха Сергия и назначения Местоблюстителем патриаршего престола митрополита Алексия архиепископ Григорий был перемещен с Саратовской на Псковскую кафедру, временно ему было поручено управление Ленинградской епархией, главой которой он стал после избрания митрополита Алексия Патриархом. Митрополит Григорий с его огромным административно-педагогическим опытом идеально подходил для должности председателя Учебного комитета, на которую и был назначен, возглавив дело восстановления духовного образования в России. Еще в 1943 г. он по поручению Патриарха Сергия составил проект

организации духовно-учебных заведений Русской Православной Церкви.

22 ноября 1955 г., после кончины митрополита Григория, Священный Синод назначил на Ленинградскую и Новгородскую кафедры митрополита Елевферия (Воронцова) с включением его в состав постоянных членов Синода. В связи с этим назначением митрополит сложил с себя обязанности главы Православной Чехословацкой Церкви. Его преемником с титулом митрополита Пражского и всея Чехословакии стал митрополит Иоанн (Кухтин).

На смену престарелым архипастырям приходило новое поколение иерархов, сформировавшееся не в благополучную дореволюционную пору, а в суровую годину гонений на Церковь. 4 июня 1953 г. Святейший Патриарх Алексий I и Священный Синод постановили назначить на Астраханскую кафедру, вдовствовавшую после кончины архиепископа Филиппа (Ставицкого), архимандрита Леонида (Лобачева) с последующей его хиротонией, тем же постановлением назначили епископом Бобруйским, викарием Минской епархии и ректором Минской духовной семинарии архимандрита Митрофана (Гутовского). 16 ноября Священный Синод постановил хиротонисать во епископы: архимандрита Иоанна (Разумова) на Костромскую, священника Антиохийского подворья в Москве Михаила (Воскресенского) на Чкаловскую кафедры, преподавателя Ленинградской Духовной Академии священника Михаила (Чуба) — на Лужскую викарную кафедру Ленинградской епархии; архимандрита Нестора (Тугая) на Уманскую викарную кафедру Киевской епархии и архимандрита Иннокентия (Леоферова) на Кировоградскую кафедру. Назначенный на Лужскую кафедру епископ Михаил (Чуб) был младшим по возрасту среди архиереев, хиротонисанных в 1953 г., и первым в епископате, кто получил образование в возрожденной высшей богословской школе. В 1956 г. хиротонисаны были — во епископа Молотовского и Соликамского архимандрит Алексей (Коноплев), архимандрит Леонтий (Бондарь) — на Бобруйскую кафедру после перевода епископа Митрофана (Гутовского) на Орловскую; архимандрит Мстислав (Волонсевич) — во епископа Великолужского. В 1957 г. во епископа Станиславского и Коломыйского был хиротонисан Иосиф (Савраш). Он был из униатов, в пресвитерский сан рукоположен в 1932 г. в возрасте 23 лет, активный участник Львовского Собора. В этом же году был хиротонисан во епископа Молотовского реэмигрант архимандрит Павел (Гольшев). 17 ноября 1957 г. в Успенском кафедральном соборе Одессы Святейший Патриарх Алексий I возглавил хиротонию во епископа Балтского архимандрита Пимена (Извекова), ставшего его преемником на первосвятительской кафедре

В 1957 г. Русская Церковь в пределах СССР насчитывала 73 епархии, причем не только в Московской, но и в нескольких провинциальных епархиях существовали кафедры викарных епископов. В середине 50-х гг. епископы были меньше стеснены в возможностях исполнять свои архипастырские обязанности, чем в первые послевоенные годы. Посещения архиереями приходов, как городских, так и сельских, хотя и предполагали каждый раз разрешение со стороны уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, но тем не менее совершались регулярно. Чаще всего это случалось в престольные праздники приходских храмов. Приезд архипастыря в приходской храм становился большим церковным событием для прихода. На епископские богослужения и проповеди стекались толпы, и это были не только пожилые люди; в сельских приходах, особенно на Украине, в Молдавии, на западе Белоруссии, в храм для встречи архипастыря приходили все жители окрестных мест.

В середине 50-х гг. Русская Церковь смогла хотя и незначительно, но увеличить число действующих храмов. Впрочем, в начале этого периода продолжался печальный процесс закрытия приходских храмов. Так, на 1 января 1953 г. Церковь имела 13 555 храмов, а 1 января 1955 г.— 13 422. Но в 1955 г. число вновь открытых храмов уже превосходило количество закрытых и на 1 января 1956 г. достигло 13 463, а 1 января 1957 г.— 13 477 [513](#). Размещены эти

приходы по стране были крайне неравномерно. Наиболее благополучной в этом отношении была ситуация на Украине, в особенности в Галиции и Закарпатье, на Буковине и на Волыни. А на огромной территории Российской Федерации в 1957 г. насчитывалось всего лишь 3790 действующих храмов. Аналогичным образом обстояло дело и со служащим духовенством. Оно сократилось в 1953—1955 гг. (с 12 089 до 11 993) и несколько увеличилось в последующие годы, составив в 1956 г.— 12 185 человек, а в 1957 г.— 12 288. В приходах, расположенных в собственно российских епархиях, служило лишь 3694 священника. Прихожане храмов, закрытых в первой половине 50-х гг., не мирились с незаконными действиями властей, пытались добиться восстановления справедливости, ходатайствовали о возвращении храмов верующим, о разрешении на возобновление в них богослужения. В 1956 г. Совет по делам Русской Православной Церкви получил 2265 таких письменных ходатайств и принял 2299 посетителей, хлопотавших в связи с этими ходатайствами, но на подавляющее большинство просьб последовали отказы. Число действующих храмов в 1956 г. увеличилось всего на 14. Главным положительным результатом просьб верующих явилась приостановка на два года процесса закрытия храмов.

В середине 50-х гг. в лучшую сторону изменился состав православного духовенства. Связано это было с тем, что все большую часть его составляли выпускники восстановленных в послевоенные годы духовных школ: двух академий и восьми семинарий. Между тем массовое открытие приходов на исходе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы вынуждало архипастырей рукополагать людей, не получивших духовного образования, а подчас и не имевших призвания к пастырству, случайных. В свое время не улучшило религиозно-нравственного состояния духовенства воссоединение обновленцев с православной Церковью. Обновленческие священнослужители, кто не был двоежёнцем, в большинстве случаев получали канонически правильную хиротонию, но часто это были уже пожилые люди и многие из них к середине 50-х гг. ушли из жизни.

Совсем другое последствие для Церкви имела утрата тех немногих пастырей дореволюционного и послереволюционного поставления, кто был испытан в горниле гонений 20—30-х гг. В ночь на 23 мая 1953 г. в возрасте 88 лет скончался настоятель московского храма Покрова Богородицы на Лыцниковой горе протоиерей Алексей Станиславский. Его служение продолжалось 67 лет. Отец Алексей Станиславский был одним из немногих членов двух Поместных Соборов: 1917—1918 и 1945 гг. Собор 1917—1918 гг. избрал его членом Высшего церковного совета — столь высок был его авторитет в ту страшную для Церкви пору. В послевоенные годы, несмотря на преклонный возраст, он помимо пастырского служения был консультантом при Хозяйственном управлении и членом Пенсионной комиссии при Московской Патриархии. В его некрологе начертан образ истинно доброго пастыря: «Как священнослужитель отец Алексей был строг и требователен прежде всего к себе самому. Сознание великой ответственности перед Богом и Церковью за свое пастырское служение никогда не покидало его. Он тщательно готовился к совершению каждого богослужения, к произнесению каждой проповеди. Умиленно было видеть в домашней обстановке сидящую на диване согбенную фигуру маститого седовласого старца, сосредоточенно и молитвенно, в окружении церковных книг, готовящегося к очередному богослужению и проповеди. Мужественно и упорно преодолевал он в последние годы все немощи своего престарелого возраста при совершении богослужения в храме. После литургии он всегда был готов сердечно побеседовать с теми, кто искал встречи с ним... Его любви и терпения хватало на всех. Он не терпел лжи, фальши в человеческих отношениях. В каждом человеке он видел прежде всего образ Божий и ради него помогал всем прибегавшим к нему в нужде за помощью»⁵¹⁴. Отпевание почившего пастыря совершил председатель Хозяйственного управления при

Священном Синоде архиепископ Можайский Макарий (Даев).

Дожившие до конца 50-х гг. священники с дореволюционной хиротонией оставались уже последними из могикан, сумевшими передать свой драгоценный пастырский опыт новому послевоенному поколению духовенства. Священноначалием предпринимались усилия по повышению образовательного уровня духовенства, в особенности тех священнослужителей, кто не получил школьного богословского образования. В «Журнале Московской Патриархии» обсуждался вопрос об организации богослужений для обучения духовенства, не имеющего достаточного богослужебного опыта и знаний, о проведении богословских чтений и регулярных встреч духовенства, на которых можно было бы совместно решать трудные вопросы пастырской и богослужебной практики. В Астраханской епархии устраивались краткосрочные курсы для священнослужителей. В Рижской и Ростовской епархиях созывались благочинные собрания духовенства для обсуждения разных проблем пастырского служения. В Полтаве в 1956 г. состоялся съезд благочинных, на котором особое внимание было уделено богослужебной практике. На съезде было предложено вызывать священников в кафедральные соборы для проверки их знаний; участники съезда просили ускорить издание необходимых богослужебных книг.

Как и в первые послевоенные годы, храмовое богослужение оставалось той сферой церковной жизни, где Церковь была наиболее независима от внешнего давления, куда меньше всего вмешивались контролирующие инстанции. Богослужебно-календарная комиссия под председательством епископа Афанасия (Сахарова) в своей деятельности стремилась к тому, чтобы очистить богослужебный уклад от искажений и наносных влияний, от новшеств, противоречащих традиции. Архимандрит Феогност в статье «Будем уважать богослужебный устав и составителей его» возражал против ставших столь обычными в приходской практике произвольных сокращений уставных чинопоследований, безусловно осуждал самочинные изменения и дополнения, вносимые в песнопения и молитвы⁵¹⁵. Церковные власти уделяли внимание и такой стороне богослужения, как манера чтения и пения; в частности, осуждалась практика так называемого «протодиаконского», искусственно изошренного чтения Евангелия и Апостола, при котором чтец, начиная с самых низких нот, поднимается до предельно высоких; не одобрялась также монотонная, «плачущая» дьячковская манера чтения; воспрещалась при церковном чтении разговорная или декламационная интонация. В какой мере эти требования исполнялись в богослужебном приходском обиходе, сказать трудно, но, несомненно, усилия священноначалия, направленные на неукоснительное следование уставу и православным традициям богослужения, не могли оставаться втуне.

Серьезное внимание уделялось церковными властями совершению на приходах таинства покаяния. Из-за недостаточного числа храмов и их переполненности молящимися, особенно в дни Великого поста, большое распространение получила практика «общей исповеди», которая в сравнении с исповедью индивидуальной сопряжена была с серьезными потерями в деле пастырского окормления и христианского воспитания пасомых. Совершенно изжить ее не было возможности — для этого в Русской Церкви не хватало священников и храмов. Патриархия и епархиальные архиереи настаивали на том, что общая исповедь может допускаться лишь как исключение, и лучшие, наиболее ответственные пастыри действительно пытались, насколько это было возможно, к ней не прибегать.

Не умолкала в церквях и христианская проповедь, хотя часть священников, иногда по малограмотности и неискренности в слове, но более из равнодушия и страха не угодить гражданским властям, уклонялась от долга нести людям слово Божие. Конечно, проповедь носила исключительно церковное содержание: истолкование Евангелия, религиозно-нравственные назидания, почерпнутые из творений отцов и житий святых, научение доброй

христианской нравственности. Проповеднику совершенно невозможно было выступать с суждениями о событиях общественной и политической жизни с христианской точки зрения. Если же общественные темы затрагивались в проповеди, то трактовка им давалась официально советская, и совестливые пастыри избегали этого.

В 50-х гг. продолжало расти число верующих. Городские храмы были переполнены. Как и в дореволюционные годы, крестили исключительно младенцев. Решительное большинство среди прихожан составляли женщины, не только пожилые, но и те, чья молодость пришлось на страшные предвоенные, военные и тяжелые послевоенные годы. Среди верующего народа преобладали люди малообразованные, но связь с Церковью сохранила и значительная часть старой интеллигенции. Среди верных чад Православной Церкви было немало выдающихся деятелей русской науки и культуры: А. А. Ахматова, пианистка М. В. Юдина, художник П. Корин, который в течение нескольких десятилетий работал над полотном «Русь уходящая», циклом портретов и картин, в которых запечатлен образ Святой Руси в пору гонений; всемирно известный тенор И. С. Козловский нередко пел на клиросе в патриаршем соборе, церковно верующими людьми были и такие большие ученые, как президент Академии наук С. Вавилов, ректор Московского университета Г. П. Петровский, выдающийся офтальмолог В. П. Филатов. Новая интеллигенция, получившая образование в советских вузах, всего более была отчуждена от Церкви, но исключения, конечно, наблюдались и в этой среде.

У коммунистических идеологов создавалось представление о тотальном наступлении религии на умы и сердца людей, ранее уже завоеванные атеизмом, и журнал «Партийная жизнь» бил тревогу: «В последнее время церковная кампания ведется умело и обдуманно. Особое внимание уделяется привлечению молодежи в лоно Церкви. Церковные службы сейчас отличаются большой торжественностью и благолепием. Кроме того, в Церкви стали усиленно заниматься благотворительной деятельностью. Стоимость похорон, свадеб и т. п. понижена. Духовенство не жалеет денег на создание отличных храмов. Благодаря этим методам духовенству удалось повлиять на многих граждан, в том числе и на многих представителей молодого поколения»⁵¹⁶. В статье «Раздумья атеиста», напечатанной в «Правде», автор с горечью признавал, что колхозная деревня всенародно празднует большие церковные праздники и в них участвуют молодые люди. Комсомольцы посещают церкви и держат в своих домах иконы, в Ульяновске в отдельные дни в единственной городской церкви венчается до 100 пар молодоженов.

Православная Церковь оставалась и при коммунистическом режиме душой России; душой самой Церкви были монашеские обители, с которыми во все десятилетия советской истории боролись с особенным ожесточением. В 1945 г. Русская Православная Церковь насчитывала 101 монастырь с 4632 насельниками и насельницами. К 1 января 1948 г. после закрытия ряда обителей на землях, перенесших немецкую оккупацию, число их сократилось до 85; закрытие монастырей осуществлялось и в послевоенные годы, так что к 1 января 1956 г., по данным Совета по делам Русской Православной Церкви, насчитывалось только 57 монастырей, из которых 20 были мужскими, и в них вместе с их скитами проживало 878 насельников, а также 37 женских с 3686 насельницами. Судя по тому, что общее число монашествующих, послушников и послушниц при этом сократилось незначительно — с 4632 (в 1945 г.) до 4574 (в 1957 г.), иноки и инокини закрытых обителей переводились или переходили в сохранившиеся монастыри и постриги в послевоенное десятилетие не прекращались. За 1956 г. общее число монастырей не изменилось, однако закрыто было 2 скита; на 1 января 1957 г. оставалось уже только 20 мужских монастырей и 1 скит, 37 женских обителей с 6 скитами. А вот число монастырских насельников за 1956 г. даже несколько увеличилось, составив 893 братьев в мужских монастырях и 3768 сестер в женских⁵¹⁷.

Крайне неравномерно было размещение монастырей по стране, обусловленное прежде всего тем, что в основном сохранились обители на территории, оторванной от России на исходе гражданской войны, и отчасти еще открытые на Левобережной Украине во время немецкой оккупации. Так, на 1 января 1956 г. более половины монастырей Русской Православной Церкви находилось на Украине: 9 мужских с 3 скитами и 24 женских с 6 скитами; в них подвизалось 2700 насельников и насельниц; в Молдавии сохранилось 7 мужских и 7 женских обителей с 1370 братьями и сестрами; в России монастырей было даже меньше, чем в Белоруссии: в Белоруссии — 1 мужской и 2 женских монастыря, а в России всего 2 мужские обители — Троице-Сергиева лавра и Псково-Печерский Успенский монастырь. Общее число насельников и насельниц в монастырях России и Белоруссии на 1 января 1956 г. было одинаково: по 135. Кроме того, в Прибалтике существовало 4 православных монастыря: в Литве 1 мужской и 1 женский (оба в Вильнюсе) с 38 братьями и сестрами, в Эстонии — женский Пюхтицкий со 106 сестрами и в Латвии — женский монастырь с 82 насельницами⁵¹⁸.

Монастыри привлекали к себе богомольцев и паломников не только из ближних, но и из самых отдаленных мест. В престольные праздники в монастыри стекалось по несколько десятков тысяч богомольцев. Особенно много паломников, и не только в праздничные дни, но и в будни, собиралось в лаврах: Киево-Печерской, Троице-Сергиевой и Почаевской, в Псково-Печерский и Жировицкий монастыри, посвященные Успению Божией Матери. Среди паломников обреталось великое множество нищих людей, которые при монастырях находили себе, как и встарь, приют и пропитание, несмотря на строгие запреты монастырям заниматься благотворительностью. В большинстве монастырей богослужение совершалось строго по уставу. В день памяти преподобного Антония в Крестовоздвиженском храме Киево-Печерской лавры всенощное бдение начиналось в 5 часов вечера и оканчивалось в 11 часов 30 минут. Столь продолжительные, строго уставные богослужения совершались и в других монастырских церквях и в праздники, и в будни.

Паломники притекали в монастыри не только ради того, чтобы поклониться их святыням и чтобы участвовать в торжественных богослужениях. Они приходили в обители и для того, чтобы окормляться у опытных духовников. Церковная Россия знала и чтит тогда таких пастырей-старцев, как схиигумен Савва (Савченко) из Троице-Сергиевой лавры, позже он подвизался в Псково-Печерском Успенском монастыре, преподобный Кукша (Величко) из одесского Успенского монастыря, схииеромонах Иосиф из Почаевской лавры. В 50-х гг. в короткий период своего существования после возобновления в 1942 г. аскетической строгостью устава, святостью жизни и духовной мудростью своих старцев особенно отличалась Глинская пустынь. В ней подвизались такие старцы, как настоятель пустыни архимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш) и духовник обители схииеромонах Серафим (Романцов). Духовником Черниговского женского монастыря был богомудрый прозорливый старец преподобный Лаврентий, канонизированный как местно-чтимый святой. В Закарпатье в Углинском монастыре подвизался архимандрит Иов, которого знала церковная Украина и Россия. Некоторых старцев, главным образом из-за претензий к ним со стороны Совета по делам Русской Православной Церкви и КГБ, церковные власти вынуждены были переводить из одного монастыря в другой, но, несмотря на это, они все-таки находили возможность для окормления своих духовных чад. Весьма широк был круг духовных чад и почитателей таких учителей духовной жизни, как схииеромонах Сампсон (Сиверс), человек удивительной и трудной судьбы, как многолетний узник ГУЛАГа архимандрит Таврион (Батозский). Свообразие их духовного облика, необычные методы духовного руководства порой вызывали несогласие и трения в их отношениях с братией тех монастырей, где они, обыкновенно непродолжительное время, бывали насельниками. Несмотря на существование нескольких

десятков обителей, некоторые из старцев не имели возможности жить в монастырях, совершая свое пастырское служение в приходских храмах. В далекой Караганде подвизался на закате своего многотрудного исповеднического жития один из учеников оптинских старцев, архимандрит Севастьян (Фомин). С конца 40-х гг. в городе Гжатске служил на приходе игумен [Никон \(Воробьев\)](#), который, как и старец Сампсон, переписывался со своими духовными чадами; изданные впоследствии их письма помогают спастись тем, кто не состоял с ними в личном общении.

* * *

После 1953 г. в связи с ослаблением холодной войны и энергичными усилиями советского руководства сделать более интенсивными свои контакты с главами государств и правительств Запада расширяется в сравнении с предшествующим пятилетием и мера вовлеченности церковных деятелей в движение сторонников мира. Из архипастырей Русской Церкви постоянными участниками международных конференций движения сторонников мира в середине 50-х гг. были митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), архиепископ (с 1955 г. митрополит) Минский и Белорусский Питирим (Свиридов), архиепископ Алеутский и Северо-Американский, с 1956 г. Херсонский и Одесский Борис (Вик), епископ Астраханский и Сталинградский Сергей (Ларин).

В 1958 г. в Праге представители нашей Церкви вместе с богословами ФРГ, ГДР, Чехословакии, Англии, Франции, Нидерландов, США и др. приняли постановление об учреждении постоянно действующей Христианской мирной конференции. В июне 1961 г. в Праге состоялся I Всемирный общехристианский конгресс в защиту мира, организованный Христианской мирной конференцией. Делегацию Русской Церкви возглавлял архиепископ Ярославский Никодим, который выступил с докладом; основной доклад «Мир и земля» зачитан был профессором И. Громадкой, представлявшим евангелическую Церковь Чехословакии. Католическая церковь не участвовала в конгрессе; до II Ватиканского Собора позиция Русской Церкви по отношению к Римско-католической была достаточно жесткой, ее на конгрессе изложил архиепископ Никодим⁵¹⁹. Затем с докладами выступили доктор Р. Ульман, Я. Стефанс. Особое впечатление на участников конгресса произвел доклад доктора Нимеллера «Мир в век техники», с кратким выступлением на тему «Мир и христианская справедливость» к участникам конгресса обратился Патриарх и Католикос всех армян Вазген I. Был избран совещательный Комитет для продолжения работы Христианской мирной конференции. От Русской Православной Церкви в него вошли Патриарх Алексий I, председатель ОВЦС архиепископ Никодим (Ротов), епископ Среднеевропейский Иоанн (Вендланд), протоиерей В. М. Боровой, иеромонах Ювеналий (Поярков), профессор Л. Н. Парийский, А. Ф. Шишкин, А. С. Буевский, И. В. Варлаамов, В. С. Алексеев. Председателем избран был профессор И. Громадка, а одним из его заместителей архиепископ Никодим. В состав международного секретариата ХМК вошел А. С. Буевский. Обращение к христианам всего мира, принятое на конгрессе, было выдержано в достойном тоне и чуждо одностороннего поверхностного политиканства. В этом же году был образован Советский фонд мира, в который также вошли представители Русской Православной Церкви. Основной задачей его провозглашался сбор денежных пожертвований для финансирования общественных организаций, ставивших своей целью борьбу за мир.

В 1957 г. священноначалие Русской Православной Церкви, движимое снисходительностью и братской любовью и руководствуясь началами икономии, признало сложившийся автономный статус Финляндской Церкви в составе Константинопольского Патриархата и возобновило каноническое и евхаристическое общение с ней. Но посягательства Константинопольского Патриархата на свободу и братское равноправие православных Церквей Сестер, не прекращавшиеся в течение всего XX в., вызывали серьезную озабоченность у священноначалия

Церквей, пострадавших от притязаний Фанара. В сентябре 1957 г., во время пребывания делегации Русской Церкви во главе с Патриархом Алексием I в Болгарии, на торжественном заседании Священного Синода Болгарской Православной Церкви в присутствии высоких гостей председатель Болгарской Церкви Святейший Патриарх Кирилл отметил, что положение негреческих монастырей на Афоне не только не улучшилось, а напротив, со дня на день ухудшается вследствие уменьшения числа монастырских братий и материальных затруднений. Ходатайства в последние годы перед Святейшим Вселенским престолом о принятии в афонские негреческие монастыри иноков из наших православных стран не дали никаких результатов. До нынешнего дня святая Афонская гора продолжает быть запретным местом для остальных православных народов, и тамошние их обители медленно, но верно приходят в упадок и запустение.

После избрания в 1958 г. на Римский престол папы Иоанна XXIII складываются предпосылки для нормализации отношений с католической Церковью, на которые отбрасывала тень холодная война, составлявшая главный стержень политических событий этих лет. Папа Иоанн XXIII отличался более широким, чем его предшественники, подходом к взаимоотношениям с остальным христианским миром. Впоследствии это привело к участию представителей Русской Православной Церкви во II Ватиканском Соборе.

В январе 1952 г. в Москву приехал авторитетный немецкий пастор и богослов президент евангелической Церкви земли Гессен доктор Мартин Нимеллер и был принят Патриархом Алексием I. Давая разрешение на подобные контакты, советское руководство стремилось создать у церковной общественности Запада впечатление о благополучном положении Русской Православной Церкви и тем самым расширить круг участников движения сторонников мира. Представителям же западных Церквей контакты с иерархами Русской Православной Церкви давали возможность в какой-то степени благотворно влиять на политику руководства СССР в отношении католических и протестантских религиозных общин в нашей стране. Но и сама Русская Православная Церковь нуждалась в контактах с западным христианским миром, видя в них одно из средств защиты от давления на нее воинственной атеистической власти.

В июне 1956 г. в Москве состоялась встреча представителей Русской Православной Церкви и англиканских Церквей, на которой был выработан план будущей богословской дискуссии. Делегацию англиканской Церкви возглавлял архиепископ Йоркский Михаил Рамсей, а Русскую Православную Церковь представлял митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Миротворческие и экуменические контакты осуществлялись не только на встречах официальных церковных делегаций, имело место также и сотрудничество на академическом, научно-богословском уровне. Так, в сентябре 1955 г. профессора Ленинградской Духовной Академии Л. Н. Парийский и К. А. Соборовский участвовали во II Международной патрологической конференции в Оксфорде. В октябре 1959 г. в Академии евангелической Церкви земли Гессен и Нассау в Арнольдсхайме состоялась встреча представителей Русской Церкви и евангелической Церкви Германии, которая положила начало диалогу между ними по темам: «Священное предание» и «Учение об оправдании верой», с которыми связаны наиболее принципиальные расхождения богословских доктрин. Позже подобные диалоги были начаты с богословами евангелической Церкви ГДР и евангелическо-лютеранской Церкви Финляндии.

Новый подход к экуменическому движению выразился в докладе председателя ОВЦС митрополита Николая на торжественном акте в Московской Духовной Академии 13 мая 1958 г.:

«Когда появилась возможность заняться экуменическим вопросом, наша Церковь совместно с другими Церквями — участницами Московского церковного совещания 1948 г. отказалась послать своих представителей на Амстердамскую ассамблею... Этот отказ имел весьма серьезные основания... Экуменическое движение оказалось чрезвычайно

противоречивым. В его широкой и разнородной деятельности исканиям обетованной земли христианского единства с самого начала сопутствовали ярко выраженные социально-политические планы, которые в период Амстердамской ассамблеи явно преобладали над задачей догматического единства... Благодаря участию одних православных Церквей и неучастию других в экуменическом движении за последние 10 лет произошли значительные изменения, свидетельствующие о его эволюции в сторону церковности. В этом смысле весьма показательны огромные сдвиги в сфере немецкого протестантского богословия, открывающего мистические глубины православия и преодолевающего свой традиционный рационализм (проф. Шлинк, проф. Бенц, проф. Фогель и др.). Соприкасаясь с нашей церковной жизнью, многие деятели экуменического движения совершенно изменили свое представление о православии... Видимо одобряя декларацию православных участников Эванстонской ассамблеи, мы соглашаемся на встречу с руководителями Всемирного Совета Церквей исключительно во имя нашего общеправославного долга — служить воссоединению всех христиан в лоне Христовой Церкви»⁵²⁰.

Такая встреча состоялась в Утрехте. ВСЦ представлял его генеральный секретарь доктор В. А. Виссерт Хуфт, а Русскую Православную Церковь — председатель ОВЦС митрополит Николай. По существу дела эта встреча предопределила вступление Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей. Контакты с руководством Совета были продолжены сначала на острове Родос в августе, затем в Москве, куда в декабре 1959 г. приезжала представительная делегация ВСЦ во главе с доктором В. А. Виссерт Хуфтом. Эту делегацию принимали Святейший Патриарх Алексий I и председатель ОВЦС митрополит Николай. В октябре и ноябре 1960 г. в Женеве состоялась встреча русской церковной делегации во главе с новым председателем ОВЦС епископом Никодимом (Ротовым) с генеральным секретарем ВСЦ Виссерт Хуфтом и его руководством. 11 апреля 1961 г. Патриарх Алексий I обратился к генеральному секретарю ВСЦ доктору Виссерт Хуфту с официальным заявлением о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей. Русская Церковь явилась одной из основательниц образованной в 1959 г. региональной экуменической организации — Конференции европейских Церквей (КЕЦ).

* * *

В мае 1958 г. Русская Православная Церковь впервые торжественно праздновала восстановление патриаршества, правда, с полугодовым опозданием, потому что интронизация святителя Тихона на патриарший престол совершена была в 1917 г. на праздник Введения во храм Божией Матери. Нет сомнения в том, что этот перенос юбилейных торжеств понадобился Совету по делам Русской Православной Церкви для того, чтобы церковный праздник не оказался в тесной близости с очередным юбилеем Октябрьской революции, но официально причиной названы были «зимние холода»⁵²¹. Москва встречала гостей: в составе церковных делегаций было 27 архиереев из братских Церквей. Патриарх Иерусалимский Венедикт и архиепископ Новой Юстинианы и всего Кипра Макарий прислали Патриарху Алексию I письменные поздравления. Столь представительное участие гостей в юбилейных торжествах явилось еще одним свидетельством высокого авторитета Московского Патриархата в семье православных Церквей.

Торжественный акт состоялся 13 мая в Московской Духовной Академии, и первый доклад «Значение восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви» произнес епископ Смоленский и Дорогобужский Михаил (Чуб). Касаться реальных событий того времени, когда восстановили патриаршество, было, видимо, чрезвычайно рискованно, поэтому доклад представлял собой сжатый очерк истории нашей Церкви, начиная от святого Владимира⁵²². Характеризуя реформу церковного управления, осуществленную Поместным Собором 1917—

1918 г., епископ Михаил назвал восстановление патриаршества важнейшим деянием этого Собора. «Восстановленное патриаршество стоит на принципиально новой ступени, чем патриаршество первого периода, поскольку оно является теперь канонически самодовлеющим и призвано удовлетворять только чисто церковные интересы без какого бы то ни было привнесения в церковную сферу посторонних элементов»⁵²³. Наряду с именами его преемников в докладе упоминалось и имя Святейшего Патриарха Тихона как подвижника, крайне одиозное для советского руководства и почти запретное для упоминания в церковной печати.

Юбилейные торжества проходили в такой обстановке, когда положение Церкви в Советском государстве казалось относительно устойчивым. Критика «культы личности» в речах партийных руководителей и официальной печати резко усилилась после июньского пленума ЦК КПСС 1957 г., на котором Хрущеву удалось устранить почти всю верхушку партии, вместе со Сталиным возглавлявшую массовый террор в 30-х гг. В обществе укреплялась уверенность в том, что незаконные репрессии и террор уже в прошлом, а в жизни утверждаются правовые начала; в церковной среде появилась надежда, что и гонения на Церковь не возобновятся.

Между тем возрастающее влияние Церкви, начавшееся в годы Великой Отечественной войны, вызывало у советских властей серьезные опасения, и Хрущеву как победителю на июньском пленуме дело насаждения всеобщего атеизма было особенно важно. Свойственное его политическому стилю прожектерство подстегивало атеистический пыл генерального секретаря, внушало ему уверенность в легкой победе и на этом фронте. Неожиданным развенчанием «культы личности» Сталина Н. С. Хрущев вызвал явное недовольство в партийно-номенклатурных кругах, поэтому ему важно было последовательным проведением антицерковной кампании убедить сталинистов в том, что он твердо стоит на партийных позициях. Политическая «оттепель» как раз и послужила своеобразным камуфляжем запланированной кампании по борьбе с Церковью. В беседе с американским издателем Херстом Хрущев высказал свои мечты о торжестве атеизма: «Народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляют места для веры в Бога»⁵²⁴. Конечно, это было сказано не без лукавства, ведь главная ставка в борьбе с верой не имела отношения к «изучению законов природы».

4 октября 1958 г. ЦК принял секретное постановление под длинным названием «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»», которое обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки» советских людей. Государственным учреждениям предписывалось осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин. И первыми в этом ряду были два постановления Совета министров СССР от 16 октября «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей». В первом поручалось Советам министров союзных республик, Совету по делам Русской Православной Церкви и Совету по делам религиозных культов в шестимесячный срок изучить вопрос о сокращении количества монастырей и скитов и внести в Совет министров СССР предложения по этому вопросу, предписывалось сократить размеры земельных угодий, находившихся в пользовании монастырей. Постановлением о налогах Церкви запрещалось продавать свечи по ценам более высоким, чем они приобретались в свечных мастерских. Это было серьезным ударом по доходам и бюджету церковных приходов, потому что теперь приобретение свечей в мастерских стало убыточным для храмов, и оно, естественно, сократилось, что в свою очередь привело к закрытию свечных мастерских. Из-за снизившихся доходов храмов распускались и платные церковные хоры. Вследствие драконовских постановлений Совмина финансовое положение некоторых епархий пришло в

крайне расстроенное состояние. Епископ Ивановский и Кинешемский Роман (Танг) писал в Патриархию о катастрофическом состоянии его епархии и просил Патриарха о денежной ссуде. Патриарх Алексей I распорядился переводить в епархии средства со счета Патриархии. Исполняя постановление Совмина о монастырях, советские власти отнимали у обитателей земельные угодья, оставляя им неудобные, малопригодные для обработки наделы. Но монастырям было крайне трудно использовать и эти земельные участки, потому что привлечь для обработки земли наемную рабочую силу или добровольный и безвозмездный труд паломников было запрещено и квалифицировалось как эксплуатация трудящихся. В монастырях же преобладали пожилые и нетрудоспособные насельники и насельницы, потому что принимать туда лиц моложе 30 лет тоже запрещалось.

Партийное руководство серьезно было встревожено религиозностью младшего поколения, и потому, как и в 20—30-х гг., ударной силой в атеистической пропагандистской кампании должен был стать комсомол. В ЦК ВЛКСМ персональную ответственность за «антирелигиозный штурм» нес заведующий отделом агитации и пропаганды Лен Карпинский (впоследствии известный диссидент). По его инициативе составлен был ряд служебных записок, директивных писем, инструкций, которые призваны были мобилизовать комсомольские организации на антирелигиозную борьбу; подключались к этой работе и государственные учреждения, особенно во время широких политических кампаний, проходящих в стране (например, подготовка к выборам). В одной из этих инструкций указывалось, что мероприятия должны сопровождаться «специальными мерами по улучшению антирелигиозной работы, особенно в плане индивидуальной работы»⁵²⁵. Комсомольские газеты и журналы впервые после эпохи «Воинствующего безбожника» запестрели антирелигиозными статьями с кощунственными заголовками: «Святоши-убийцы», «Кровавые кресты», «Откровения семинариста после похмелья», «Вот они, истинно православные»⁵²⁶. По площадям и улицам городов, как и в 20-х гг., прокатилась волна антирелигиозных карнавалов и шествий. Стали правилом грубые оскорбления религиозных чувств верующих, что по советским законам квалифицировалось как преступление, священнослужители иначе не именовались как «попы», «служители культа» и даже «мракобесы»; священников рисовали толстыми, пьяными, с всклокоченными волосами; послевоенный термин «религиозные убеждения» был забыт, шла война с религиозными «пережитками» и «предрассудками».

Более опасный характер имели политические обвинения верующих в том, что они помогают империалистам развязать войну против свободолюбивых народов и социалистических стран. Пытаясь запугать и терроризировать верующих, комсомольские активисты устраивали дебоши в храмах во время богослужения. Большую тревогу вызвала статья, помещенная в главном партийном журнале «Коммунист». То обстоятельство, что она была анонимной, означало только одно — она являлась директивой и исходила из высших партийных сфер, выводы ее заставляли вспомнить писания соратников Е. Ярославского: «В последнее время церковники и особенно сектанты объявили чуть ли не своей монополией право поучать советских людей правилам нравственности. Они всячески выискивают в нашем обществе недостатки, проявления сохранившихся пережитков прошлого и внушают советским людям мысль о том, что, дескать, причиной их является безбожие, разрыв с религией. Таким образом, получается, что без религии нет морали, что коммунизм безнравствен. Можем ли мы проходить мимо таких фактов, оставляя без ответа клевету на наш строй, на нашу идеологию, на наших советских людей?»⁵²⁷

Священноначалие Русской Православной Церкви не осталось безучастным зрителем агрессивной идеологической и административной войны, развязанной против верующих. Еще в мае 1958 г. Святейший Патриарх Алексей I добился встречи с Хрущевым и выразил

озабоченность выпадами против Церкви в средствах массовой информации. Святейший Патриарх просил о содействии в передаче типографии, об ускорении в отселении жильцов из Троице-Сергиевой лавры и о разрешении на открытие нескольких храмов. 10 сентября Святейший встретился с Карповым в своей резиденции в Одессе, Карпов передал ему отказ на просьбу о типографии, правда, пообещал, что церковные заказы будут без задержек выполняться государственными типографиями. Отселение жильцов из лавры начнется через полгода, а для передачи Церкви выбрано 10—12 храмов, «в отношении которых идет согласование с советскими органами на местах»⁵²⁸. Но ни один из этих храмов так и не был передан Церкви, объяснение этому находим в одном из документов Совета по делам Русской Православной Церкви, датированном 1959 г.: «Просьба Патриарха Алексия об открытии 13 церквей по СССР отклонена»⁵²⁹.

Продолжая беседу с Патриархом, Карпов обвинил архиереев в сокрытии и занижении доходов от производства церковных мастерских, от продажи свечей, но особенно опасным было обвинение в том, что епископы «в погоне за количеством рукоположений ставят священниками... лиц, вернувшихся из ссылки и лагерей», тем более что большая часть священнослужителей освобождалась тогда по амнистии, без реабилитации. Карпов потребовал сократить число монастырей, 63 — это слишком много (до 1917 г. Русская Церковь имела более 1000 обителей), не принимать в обители лиц моложе 40 лет. Патриарх, возражая Карпову, настоял на том, чтобы возрастной ценз для поступающих в монастыри насельников и насельниц был определен в 30 лет. Святейший Патриарх высказал озабоченность распространявшимися слухами о закрытии величайшей святыни православной Руси — Киево-Печерской лавры. Он просил Карпова не допустить подобного беззакония и защитить лавру, просил об отводе участка земли в Киеве для строительства здания духовной семинарии — Киевская семинария ютилась в крайней тесноте в крипте Свято-Андреевского собора. Определенного ответа на просьбы не последовало, но зато Карпов пытался бесцеремонно поучать Патриарха. Вся атмосфера беседы внушала опасения за судьбу Церкви, и тогда Патриарх впервые заявил о своем желании уйти на покой, на свое место он предложил митрополита Николая.

Энергичные усилия по защите Церкви от надвигающихся гонений со своей стороны предпринимал и митрополит Николай. Он протестовал против травли и дискредитации духовенства в атеистических публикациях и выступлениях лекторов общества «Знание», грубо искажавших содержание статей, помещенных в «Журнале Московской Патриархии». В такой обстановке он вынужден будет, предупредив митрополит Николай Карпова, либо закрыть журнал, либо превратить его в чисто информационный бюллетень, печатающий официальные документы, что наверняка будет замечено в определенных кругах за рубежом и получит соответствующий резонанс. Митрополит Николай напомнил и о том, что у монастырей отбирают землю, молодых монахов и монахинь не прописывают в обителях, а постановлением Совмина о налогах на свечное производство подрывается церковный бюджет. Против постановления правительства о повышении налогов на свечи еще раньше протестовал в Совете по делам Русской Православной Церкви епископ Дмитровский Пимен (Извеков). Протопресвитер Николай Колчицкий заявил члену Совета Репину, что если власти не примут никаких мер по снижению налогов, то придется информировать иностранцев о бедственном положении, в котором оказалась Церковь. Такая угроза была крайне рискованной, но и государственные власти грубо нарушали те условия существования Церкви, о которых была достигнута договоренность между руководством страны и священноначалием на исходе Великой Отечественной войны. Епископ Ташкентский Ермоген (Голубев) доводил до сведения Совета по делам Русской Православной Церкви, что из личных бесед и писем ему известно о давлении школьных учителей на верующих детей, посещающих церковь вместе с родителями, и

угрозах разлучить их с родителями и поместить в интернат. В Совете, как водится, пообещали принять меры, предупредить директоров школ о недопустимости подобных идеологических приемов, но дальше обещаний дело не пошло.

Священноначалие еще надеялось, что начавшиеся гонения будут остановлены. 16 мая 1959 г. Святейший Патриарх Алексей и митрополит Крутицкий Николай обратились с письмом к Н. С. Хрущеву, сообщая о незаконных административных мерах, предпринимаемых против духовенства и верующих, о закрытии храмов, об оскорблении религиозных чувств в атеистических публикациях и выступлениях. Это письмо было подано председателю Совета Министров через Карпова, который не преминул заметить, что воспринимает его как жалобу на себя и подчиненный ему Совет, но тем не менее передаст адресату. Письменного ответа не последовало, но через несколько месяцев Карпов сообщил иерархам, что факты, изложенные в их письме, при проверке, конечно, не подтвердились, однако Хрущеву пришлось признать клеветнический характер отдельных атеистических публикаций. 21 августа «Правда» опубликовала статью под заголовком «Против религиозных предрассудков», в которой, по словам Карпова, «определены пути, как нужно вести научно-атеистическую пропаганду, и указано на имеющиеся место недостатки в этом вопросе»⁵³⁰.

Давление на Патриархию тем временем становилось все более жестким и неумолимым: Совет требовал прекратить всякую благотворительность, запрещенную законом, даже доплату к пенсиям священнослужителей, прекратить перечисление средств Патриархии в монастыри и приходы на ремонтные работы. Гонения на Церковь приобретали отчетливые черты административно-запретительных мер, столь памятных по 20-м и 30-м гг. Власти добивались сокращения числа епархий или по крайней мере правящих архиереев. 2 апреля Патриарх Алексей I просил Совет по делам Русской Православной Церкви принять меры по жалобе епископа Ульяновского Иоанна (Братолюбова) на областного уполномоченного Совета, который шантажировал священников епархии, предлагал им снять сан, убеждал верующих не посещать церкви. Карпов ответил Патриарху, что Совет проверил изложенные в жалобе факты и они не подтвердились; в свою очередь он обвинил владыку Иоанна в том, что тот в беседах с уполномоченным повышает голос и не прислушивается к его советам. «Вам известно,— сказал Карпов,— что за аналогичное поведение Иоанн был отстранен от управления Уфимской епархией. Совет рекомендует Патриархии объединить Ульяновскую епархию, в которой всего 17 церквей, с Куйбышевской, а Иоанна отправить на покой»⁵³¹. Святейший Патриарх был вынужден подчиниться этому требованию. В 1948 г. епископ Иоанн действительно был устранен от управления Уфимской епархией с назначением на местожительство в Жировицкий Успенский монастырь. Это был один из немногих действующих архиереев, чью хиротонию во епископа Березовского 1 августа 1923 г. возглавил святитель Тихон. Митрополит Мануил в своем «Каталоге» характеризует его как «человека необычайно молчаливого и с большими странностями. По-видимому, он временами юродствует, но... в нем видны солидные богословские знания и серьезный ум»⁵³². По-видимому, юродство в те годы было не только подвигом, но и средством самозащиты и выживания. В мае 1959 г. епископ Иоанн был отправлен на покой, а Ульяновская епархия присоединена к Куйбышевской. 27 февраля 1968 г. на 86-м году жизни он скончался.

Закрытие церквей в 1959 г. приобрело массовый характер. В начале года Русская Православная Церковь имела 13 372 действующих храма, а 1 января 1960 г. на учете состояло 13 008, при этом более всего было закрыто сельских храмов⁵³³. Если в городах за год закрыли 4 храма, то в рабочих поселках — 12, а количество сельских храмов убавилось на 348 — с 11 267 до 10 919. Столь значительное сокращение сельских приходов только отчасти было следствием массовой миграции населения в города, закрывались и те храмы, которые вполне могли

содержаться оставшимися на селе жителями. Число служащих клириков за 1959 г. сократилось с 12 099 до 11 407. Из-за закрытия храмов и сокращения приходских мест священнослужители увольнялись на покой или снимались с регистрации уполномоченными. Упразднение монастырей в 1959 г. носит катастрофический характер. В 1958 г. Русская Православная Церковь насчитывала 63 обители: 20 мужских монастырей с 1 скитом и 36 женских с 6 скитами; к 1 января 1960 г. осталось только 14 мужских обителей с 813 насельниками и 28 женских монастырей и 2 скита с 2911 насельницами. Всего за год закрыли 19 обителей, и среди них — Овручский и Кременецкий монастыри, насельников которых силой выдворяли из монастырских стен.

Священноначалие еще надеялось убедить власти приостановить наступление на Церковь, и самым решительным аргументом в переговорах с Советом представлялась угроза ухода Патриарха на покой. 24 ноября 1959 г. митрополит Николай сообщил в Синоде, что Патриарх получает множество жалоб от архиереев, духовенства и верующих, но принимать меры и помочь не в состоянии, он вынужден давать согласие на ликвидацию епархий и монастырей, потому что «просьбу Совета он считал и считает приказом советского правительства»⁵³⁴. В связи со всем вышеизложенным Святейший считает, что ему целесообразнее уйти в отставку, чем быть бессильным свидетелем ликвидации Церкви. 10 декабря состоялась встреча Святейшего Патриарха, митрополита Николая и протопресвитера Николая Колчицкого с Карповым в Совете по делам Русской Православной Церкви. Они обсуждали бедственное положение Церкви в стране, и Карпов твердо заявил, что научно-атеистическая пропаганда велась и будет вестись — таков закон развития нашего общества. «Однако научно-атеистическая пропаганда не преследует цели дискредитации Церкви в глазах народа и тем более ее физического уничтожения. Задача научно-атеистической пропаганды состоит в воспитании трудящихся, в том числе и верующих, в духе атеизма... Искусственно поддерживать приходящие в упадок храмы не следует, а такие храмы сейчас есть, будут и впредь»⁵³⁵. На основании постановления ЦК КПСС «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» от 13 января 1960 г. местные органы советской власти провели массовое изъятие у общин домов для причта и автомашин, приобретенных без санкции уполномоченных, еще более усугубив бедственное положение приходов. Ситуация обострялась с каждым днем, и к концу января Карпов уже открыто угрожал митрополиту Николаю: «Со стороны духовенства имеют место выступления с амвона с проповедями против научно-атеистической пропаганды, что нельзя рассматривать иначе как попытки противодействия Церкви проведению таких мероприятий, а всякие попытки сопротивления этому со стороны Церкви и духовенства будут находить соответствующее реагирование со стороны Совета»⁵³⁶.

Одним из приемов антирелигиозной борьбы на рубеже 50—60-х гг. явилось вовлечение в атеистическую кампанию ренегатов из священнослужителей. В 1958 г. была опубликована атеистическая брошюрка, составленная бывшим преподавателем Одесской семинарии Е. Дулуманом. В печати появились заявления бывших священников П. Дарманского, А. Спасского, Черткова об отречении от Бога; впоследствии к ним присоединились Героднин, Янушкевич и др. На путь предательства Церкви в годы хрущевских гонений удалось склонить около 200 священнослужителей⁵³⁷. Наградой для более способных из них стали ученые степени по атеизму и должности советских служащих в учреждениях атеистической пропаганды. 5 декабря 1959 г. «Правда» опубликовала статью, обличающую Бога и Церковь, профессора Ленинградской Духовной Академии А. Осипова, запрещенного в священнослужении за вступление во второй брак. Один из самых красноречивых и богословски образованных ренегатов, он разъезжал с лекциями по стране, выпускал одну за другой атеистические

брошюры. Известный старец игумен Никон (Воробьев), называя людей, подобных ренегату А. Осипову, нравственными ничтожествами, точно определил суть их поступков: они никогда и не верили в Бога и отрекаются не от Него, не от христианства, а от того представления о религии и Боге, которое у них было. «Господь обнаруживает в свое время скрытых Иуд и выкидывает их из Церкви»⁵³⁸. 30 декабря Священный Синод под председательством Патриарха Алексия I вынес постановление: «Бывшего протоиерея и бывшего профессора Ленинградской Духовной Академии Александра Осипова, бывшего протоиерея Николая Спасского и бывшего священнослужителя Павла Дарманского и прочих священнослужителей, публично похуливших имя Божие, считать изверженными из священного сана и лишенными всякого церковного общения... Евграфа Дулумана и прочих бывших православных мирян, похуливших имя Божие, отлучить от Церкви»⁵³⁹.

В стремлении защитить Церковь от начавшихся гонений Святейший Патриарх решил обратиться к общественности на одном из миротворческих форумов. В феврале 1960 г. в Кремлевском театре состоялась очередная Конференция советской общественности за разоружение. В ней участвовали от Русской Православной Церкви Патриарх Алексий I, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай и протопресвитер Николай Колчицкий. 16 февраля на утреннем заседании выступил Святейший Патриарх Алексий I и напомнил о многовековом служении Православной Церкви благу России:

«Моими устами,— сказал Святейший Патриарх,— говорит с вами Русская Православная Церковь, объединяющая миллионы православных христиан — граждан нашего государства. Примите ее приветствие и благопожелания. Как свидетельствует история, это есть та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устройению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи, утверждала гражданскую правоспособность женщины, осуждала ростовщичество и рабовладение, воспитывала в людях чувство ответственности и долга и своим законодательством нередко восполняла пробелы государственного закона. Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся национальной гордостью нашего народа. Это та самая Церковь, которая в период удельного раздробления Русской земли помогала объединению Руси в одно целое, отстаивая значение Москвы как единственного церковного и гражданского средоточия Русской земли. Это та самая Церковь, которая в тяжкие времена татарского ига умиротворяла ордынских ханов, ограждая русский народ от новых набегов и разорений. Это она, наша Церковь, укрепляла тогда дух народа верой в грядущее избавление, поддерживая в нем чувство национального достоинства и нравственной бодрости. Это она служила опорой Русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков в годы смутного времени и в Отечественную войну 1812 г. И она же оставалась вместе с народом во время последней мировой войны, всеми мерами способствуя нашей победе и достижению мира. Словом, это та самая Русская Православная Церковь, которая на протяжении веков служила прежде всего нравственному становлению нашего народа, а в прошлом — и его государственному устройству. После второй мировой войны та же самая Церковь наша, вместе с единоверными Церквями — Сестрами других стран, обратилась в 1948 г. к христианам всего мира с призывом «стать броней против всяких покушений и действий, направленных к нарушению мира». И она же, в лице своего представителя митрополита Николая, начиная с 1949 г. принимала активное участие во всех национальных и всемирных конгрессах сторонников мира»⁵⁴⁰.

После этих слов Патриарха вместо полагающихся аплодисментов раздались злобные выкрики с мест: «Вы хотите уверить нас, что вся русская культура была создана Церковью... Это неправда!»⁵⁴¹ Речь первосвященника не оградила Церковь от нападков, но, опубликованная в

«Журнале Московской Патриархии», она получила широкое распространение в церковном народе и укрепляла дух служителей алтаря Господня и верных чад Церкви.

21 февраля 1960 г. постановлением Совета Министров СССР с поста председателя Совета по делам Русской Православной Церкви был уволен Г. Г. Карпов. Причиной отставки могло послужить то, что он не сумел предотвратить выступления Святейшего Патриарха на конференции в Кремле. Его преемнику В. А. Куроедову предстояло стать исполнителем новых административных и карательных мер против Церкви, призванных не только подорвать ее влияние в обществе, но и подавить попытки сопротивления со стороны священноначалия и духовенства. Главным объектом для травли был выбран самый энергичный из постоянных членов Священного Синода митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, тем более что в Совете по делам Русской Православной Церкви он заявил о своем авторстве «крамольной» речи Святейшего Патриарха на конференции. Большое раздражение вызывали, несомненно, и проповеди владыки в храме святых апостолов Петра и Павла на Преображенской площади и в других московских церквях, куда его часто приглашали служить. По словам известного мемуариста, митрополит Николай в одной из проповедей сказал: «Жалкие безбожники! Они подбрасывают вверх свои спутники, которые вспыхивают и, погаснув, падают на землю, как спички, и они бросают вызов Богу, зажегшему солнце и звезды, которые вечно горят на горизонте»⁵⁴².

Митрополит Николай как мог противился закрытию подмосковных приходов, которые были в его ведении как митрополита Крутицкого и Коломенского. Даже в миротворческом движении, в той сфере, где деятельность митрополита Николая ранее вызывала полное одобрение властей, владыка счел необходимым изменить тон и общую направленность своих выступлений. Так, в выступлении на сессии бюро Всемирного совета мира в Москве в 1959 г. митрополит Николай отошел от прежней односторонности в оценках международной политики. «Мы стоим,— сказал он,— перед фактом самой интенсивной гонки вооружений, в которой каждая сторона оправдывает себя мотивами самозащиты. Что же означает это противоречие? В поисках ответа на этот вопрос приходится признать наличие каких-то глубоких причин, которые мешают Востоку и Западу проникнуться взаимным доверием»⁵⁴³. Но власти располагали средствами добиться повинения от священноначалия. Мировая известность митрополита Николая затрудняла открытую расправу с ним и давала ему возможность хоть как-то сопротивляться гонителям Церкви. 15 июня Куроедов встретился с Патриархом Алексием I и заявил, что после детального изучения внешней деятельности Патриархии нашел ее неудовлетворительной в сфере борьбы за мир. «Русская Православная Церковь не выступает объединяющим центром православных Церквей мира, в большинстве случаев занимает пассивную оборону и слабо разоблачает клеветническую пропаганду о положении религии и Церкви в нашей стране. Совет рекомендовал митрополиту Николаю разработать и дать предложения об усилении внешней работы. Однако митрополит Николай представил предложения, которые ни в какой степени не отвечают тем требованиям, о которых шла речь с митрополитом по этому вопросу»⁵⁴⁴. Куроедов предложил уволить митрополита Николая с поста председателя ОВЦС. Согласившись на отставку митрополита Николая, Патриарх подтвердил, что митрополит Николай тяготеет к внешнецерковной деятельностью и неоднократно заявлял об этом. В качестве его преемника Патриарх предложил архимандрита Никодима (Ротова), вскоре после этого хиротонисанного во епископа Подольского. На заседании 21 июня 1960 г. Священный Синод принял соответствующее постановление и выразил глубокую благодарность митрополиту Николаю за многолетние труды в сфере церковных сношений с заграницей.

Но Куроедов настаивал на удалении митрополита Николая из Москвы. Святейший

Патриарх предлагал митрополиту Николаю перевод на Ленинградскую или Новосибирскую кафедру, он, однако, не согласился. Тогда Совет потребовал увольнения несговорчивого архипастыря на покой. 22 мая 1960 г. митрополит Николай служил Божественную литургию в Вешняковском храме. Зная об опале, много верующих пришло проститься с митрополитом, который уезжал в отпуск в Сухуми. По возвращении он был лишен возможности служить в московских церквях. 16 сентября архипастырь подал прошение об увольнении на покой, сославшись на болезнь сердца, и Священный Синод удовлетворил просьбу архипастыря. Святейший Патриарх в это время также принял решение об образовании редакционной комиссии «Журнала Московской Патриархии» и возложил на преосвященного Никодима, епископа Подольского, общее руководство Издательским отделом Московской Патриархии. На Крутицкую кафедру назначен был митрополит Питирим (Свиридов), занимавший Ленинградскую кафедру с апреля 1959 г. Его преемником в Ленинграде стал перемещенный из Минска митрополит Гурий (Егоров), архипастырь подвижнической жизни, в прошлом многолетний узник концлагерей. Временное управление Минской кафедрой было возложено на епископа Бобруйского Леонтия (Бондаря).

13 декабря 1961 г. митрополит Николай скончался. Обстоятельства его смерти до конца не выяснены и поныне. Во время пребывания в Боткинской больнице он находился в полной изоляции. Воспрещено было возносить в московских храмах гласные молитвы о его исцелении. После кончины тело его в течение 13 часов оставалось в морге. За останками почившего из Патриархии приехали архиепископ Никодим (Ротов) и епископ Киприан (Зернов). Погребли митрополита Николая 17 декабря в крипте храма Смоленской иконы Божией Матери в Троице-Сергиевой лавре. Отпевали почившего архипастыря митрополит Крутицкий Питирим, архиепископ Одесский Борис, епископ Дмитровский Киприан, епископ Таллинский Алексей с сонмом духовенства. Святейший Патриарх Алексей I прочитал разрешительную грамоту.

Митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич) родился в семье священника в 1891 г. в Ковно. Окончив с золотой медалью Ковенскую гимназию, юноша по совету родителей поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, хотя душа его лежала к священству. Прочувшись один год, он перешел в Петербургскую Академию. В студенческие годы он много проповедовал в окраинных церквях столицы, где молились в основном простые рабочие люди, каникулы проводил на Валааме. В 1914 г. Борис Дорофеевич Ярушевич закончил академию со степенью кандидата и принял монашеский постриг. Проходя преподавательское послушание в Петербургской семинарии, он к 1917 г. подготовил магистерскую диссертацию «Церковный суд в России до издания соборного Уложения Алексея Михайловича». Это исследование было удостоено Макариевской премии. В предреволюционные годы святитель опубликовал ряд церковно-исторических, патристических и историко-канонических работ, которые создали ему авторитет одного из самых многообещающих деятелей русской церковной науки. В 1919 г. архимандрит Николай был назначен заместителем Александро-Невской лавры, а три года спустя хиротонисан в епископа Петергофского.

В 20-х гг. епископ Николай самоотверженно боролся с обновленческим расколом в Петрограде, в 1922—1924 гг. находился в ссылке в Усть-Сысольске, где сблизился с митрополитом Кириллом (Смирновым). Когда петроградские приходы стали опорой для сторонников митрополита Иосифа, отделившегося в 1927 г. от Заместителя Местоблюстителя, епископ Петергофский Николай поддержал митрополита Сергия в борьбе за церковное единство. Удостоенный в 1935 г. сана архиепископа, он управлял Новгородской и Псковской епархиями, после воссоединения западных областей Украины и Белоруссии был назначен туда экзархом. Поставленный в начале войны на Киевскую кафедру, митрополит Николай, оставшись

в Москве, одновременно замещал главу Русской Церкви по управлению Московской епархией. Постоянные поездки для богослужения и проповедей в прифронтовую полосу, организация сбора средств на нужды фронта, обследование разрушенных храмов на освобожденных территориях, участие в деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний снискали ему всенародную известность.

В послевоенные годы по роду своей деятельности митрополит Николай посетил страны Европы и Ближнего Востока. Русские люди в зарубежье принимали его с редкой теплотой и сердечностью как посланца утраченной Родины. Его встречи с русскими эмигрантскими общинами помогли многим священнослужителям и мирянам вернуться под омофор Московского Патриарха. Помимо руководства ОВЦС (с 4 апреля 1946 г.) митрополит Николай также редактировал «Журнал Московской Патриархии», писал статьи для него, был блестящим проповедником и умел найти путь к сердцам и богословски просвещенных слушателей, и светски образованных мирян, и благочестивых простых людей. С 1947 по 1952 г. в четырех томах были изданы проповеди, речи и статьи митрополита Николая на миротворческие темы. Как митрополит Крутицкий и Коломенский владыка Николай был постоянным членом Священного Синода.

Устранением митрополита Николая чистка епископата не ограничилась. 15 сентября 1960 г. по требованию Совета по делам Русской Православной Церкви от управления Ташкентской и Среднеазиатской епархии был устранен архиепископ Ермоген (Голубев), который мужественно защищал Церковь, препятствуя закрытию приходов в своей епархии. Совет обвинил его в том, что он «взял на себя функции религиозных обществ по ремонту и охране молитвенных зданий, создав при епархиальном управлении специальный аппарат во главе с инженером-строителем»⁵⁴⁵. В указе о его увольнении употреблена своеобразная формулировка: не «на покой», как обычно, а «с предоставлением ему отпуска», срок которого, правда, Синодом не был ограничен и продолжался до июня 1962 г., когда владыка Ермоген получил назначение на Омскую кафедру. Святейший Патриарх и члены Синода высоко ценили этого архипастыря, велика была его популярность и в церковном народе.

В марте 1960 г. от управления Казанской епархией был устранен и уволен на покой архиепископ Иов (Кресович). Он ездил по городам и селам и призывал свою паству твердо стоять за храмы Божии и не допускать упразднения приходских общин. Архиепископ Иов был арестован, и ему предъявили обвинение в сокрытии доходов и неуплате налогов. В июне 1960 г. Верховный суд Татарской АССР приговорил его к лишению свободы и конфискации имущества за неуплату налогов с так называемых «представительских сумм», которые по закону и не подлежали налогообложению. Это был просто предлог, и митрополит Николай (Ярушевич) не скрывал этого в беседе с архиепископом Брюссельским Василием (Кривошеиным): «Архиепископ Иов предложил все уплатить, что с него требуют. Тем не менее его приговорили к трем годам!» Через десять лет сам владыка Иов, в то время занимавший Уфимскую кафедру, рассказывал все тому же архиепископу Василию: «Знаете, когда я попал в тюрьму, все меня бросили, все отrekliсь от меня... Испугались. Один митрополит Николай (Ярушевич) не испугался. И до суда и после осуждения поддерживал меня чем мог, писал мне. Он один!»⁵⁴⁶

В одной только Оренбургской епархии в этот год под следствием находилось 26 священников. Число арестованных и осужденных священнослужителей составило тогда несколько сот, среди них были и «повторники», уже отсидевшие за то, что во время войны служили на оккупированных территориях. Закрытие приходов уже в 1959 г. приобрело массовый характер, в следующем году оно осуществлялось с еще более грандиозным размахом, сравнимым разве что с кампаниями эпохи великого перелома. Из 13 008 приходов на 1 января 1961 г. остался 11 571, 1437 храмов были закрыты, многие разрушены или взорваны. Так, в

Харькове в 1960 г. был взорван величественный Александро-Невский собор. В городе Инсаре храм был преобразован под клуб сразу после того, как община провела его капитальный ремонт, затратив на это 150 000 руб. В Златоусте церковь была взорвана на глазах у прихожан, причем не разрешили даже вынести утварь. Особенно страшный удар обрушился на монастыри. 1 января 1960 г. Русская Православная Церковь насчитывала 14 мужских монастырей с 813 насельниками и 28 женских монастырей с 2 скитами и 2911 насельницами. На 1 января 1961 г. числилось только 13 мужских и 20 женских монастырей с 721 насельниками и 2327 насельницами.

В сентябре 1960 г. в ЦК КПСС под руководством Ильичева было проведено идеологическое совещание, на котором решено было резко ужесточить борьбу с «религиозными пережитками». Государственным учреждениям было предписано применять административные меры, призванные оградить народ от влияния религиозных общин. По постановлению Совета министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о храмах» решения о закрытии храмов и снятии с регистрации религиозных объединений впредь должны были приниматься не на центральном, а на местном уровне и только по согласованию с Советом по делам Русской Православной Церкви или Советом по делам религиозных культов при Совмине СССР. Эта административная реформа развязала руки местным властям, подталкивая их к произволу, и снимала ответственность за неизбежные при проведении антирелигиозной кампании нарушения закона с центральной союзной власти. В постановлении Совета министров предусматривалось ужесточение налогов на религиозные общины; не только приходские священники, как это было прежде, но и все церковнослужители должны были облагаться налогом по драконовской 19 статье указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения». Среди прочего постановление (пунктом 7) разрешало вводить ограничение колокольного звона по усмотрению местных властей, «если это вызывается необходимостью и поддерживается населением» ⁵⁴⁷. Этого было достаточно, чтобы колокольный звон был запрещен почти повсеместно.

В тот же самый день состоялось заседание Священного Синода, на котором по предложению Святейшего Патриарха Алексия I в качестве постоянных членов в состав Синода вошли архиепископ Тульский и Белевский Пимен (Извеков), который еще в декабре 1957 г. стал управляющим делами Патриархии и председатель ОВЦС епископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов). 31 марта в Совет по делам Русской Православной Церкви были приглашены Святейший Патриарх и находящиеся в Москве постоянные члены Синода митрополит Крутицкий Питирим (Свиридов), архиепископ Пимен и епископ Никодим. Председатель Совета В. А. Куроедов предложил архипастырям провести коренную реформу приходского управления, ссылаясь на недовольство верующих тем, что «в нашей подлинно демократической стране, в которой управление государством осуществляется народом», сохранение в религиозных общинах диктаторской власти одного лица недопустимо. «Надо пересмотреть отдельные пункты «Положения об управлении Русской Православной Церковью», чтобы во главе общины был исполнительный орган, а не настоятель церкви» ⁵⁴⁸. Отделенная от государства Церковь не обязана была следовать в своей внутренней жизни за новыми политическими веяниями, которые к тому же и к демократии никакого отношения не имели. Для осуществления замысла по разрушению церковной организации подчинение приходских общин и самих клириков так называемым «исполнительным органам», с устранением из этих органов настоятеля, призвано было, по мысли инициаторов реформы, внести разлад в приходскую жизнь, подорвать канонический порядок церковного управления и упростить процедуру закрытия приходов. Влияние уполномоченных на священнослужителей было ограничено канонической церковной дисциплиной, священнической присягой, чувством пастырского долга, а состав приходских

собраний (двадцаток) и приходских советов (исполнительных органов) находился под полным контролем уполномоченных, и через них было удобнее и проще проводить в жизнь антицерковные решения. Но в своих разрушительных начинаниях государственная власть всегда прибегала к юридическим аргументам, и на этот раз оно требовало якобы просто привести «Положение об управлении Русской Православной Церковью» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 1929 г. «О религиозных объединениях», по которому священнослужители как лица, лишённые избирательного права, устранялись от участия в хозяйственных делах религиозных общин, хотя это постановление находилось в грубом противоречии с Конституцией СССР 1936 г., предоставившей всем гражданам одинаковые права.

18 апреля в Совете состоялась ещё одна беседа Патриарха, митрополита Крутицкого Питирима и архиепископа Тульского Пимена с Куроедовым, его заместителем Фуровым и членом Совета Макарецевым. Патриарх представил выработанный в Патриархии проект изменений, которые предполагалось ввести в 4 часть «Положения об управлении Русской Православной Церковью», регламентирующую приходскую жизнь. Патриарх Алексей был несколько взволнован и начал беседу с изложения жалоб, поступающих на его имя в связи с неправильными действиями на местах при закрытии храмов, и передал телеграммы из Мурманска, Новгород-Волынского и Харькова. Затем перешли к изложению проекта решения Синода о восстановлении прав исполнительных органов в финансово-хозяйственной сфере. Проект частично оказался неприемлемым из-за отсутствия четкого указания о передаче настоятелями храмов всех финансово-хозяйственных дел исполнительным органам общин. Патриарху пришлось принять замечание и подчиниться диктату власти. В тот же день было составлено постановление Священного Синода (Синод при этом не был созван в полном составе), в котором разграничивались обязанности клира и настоятеля прихода, с одной стороны, и исполнительных органов — с другой. При этом настоятелям и клиру вменялось в обязанность сосредоточить свои заботы на духовном руководстве приходом и на храмовом богослужении, но они освобождались от участия в хозяйственно-финансовой деятельности приходской общины, которая возлагалась на исполнительный орган верующих. Именно этот орган нес ответственность перед гражданской властью за сохранность здания и имущества храма.

Это постановление Священного Синода, которое незамедлительно стало проводиться в жизнь под неусыпным контролем уполномоченных Совета, вызвало тревогу епископов. Свое несогласие со столь радикальной реформой приходского управления высказывали архиепископы Ермоген и Винницкий Симон (Ивановский), епископы Новосибирский Донат (Щеголев) и Черниговский Андрей (Сухенко). Архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий), предвидя пагубные последствия реформы, писал, что «отныне подлинными хозяевами Церкви будут только церковные советы и двадцатки, конечно в союзе с уполномоченными. Высшее и среднее духовенство останутся только наемными исполнителями богослужений, лишёнными большей части власти в распоряжении церковными зданиями, имуществом и деньгами»⁵⁴⁹. После таких высказываний руководство Совета по делам Русской Православной Церкви настаивало перед Патриархом на увольнении архиепископа Луки на покой, но Патриарх отказывался это сделать, напоминая о любви верующих к своему пастырю. Трудности разрешились кончиной святителя. Святитель Лука отошел ко Господу 11 июня 1961 г., в день памяти всех святых, в земле Российской просиявших, на 85-м году своего долгого, многострадального, подвижнического жития.

Ужесточая наступление на Церковь, Совет через своих уполномоченных требовал закрытия все новых и новых храмов и монастырей. Двадцатки, подконтрольные уполномоченному, не

могли защитить храмы от закрытия, а приходы от самороспуска. Об этом говорил на июньских встречах в Совете с Фуровым Патриарх Алексей, обращая его внимание на то, что «архиерей в настоящее время не управляет, а архиерействует, а уполномоченный управляет»⁵⁵⁰. Он сетовал, что не может попасть на прием к главе правительства и лично рассказать о закрытии церквей, поэтому в народе его, Патриарха Алексия, считают плохим главой Церкви. Попытки Патриарха склонить руководство Совета к каким-либо уступкам верующим остались тщетными. Более того, Фуров настаивал на удалении личного секретаря Патриарха Даниила Остапова, который энергично противился закрытию церквей и монастырей, а также на увольнении архиепископа Винницкого Симона, епископов Новосибирского Доната, Черниговского Андрея и наместника Почаевской лавры игумена Севастиана. В заключение беседы Фуров заявил: «Страна строит коммунизм, партия и государство заботятся о воспитании человека нового общества, свободного от религиозных предрассудков, и разве не ясно, какова перспектива Церкви лет через 20—30, когда люди будут атеистами?»⁵⁵¹ Сам тон беседы чиновника средней руки с предстоятелем многомиллионной православной паствы красноречиво свидетельствует о беспредельном цинизме, с которым давили на Церковь исполнители предначертаний Н. С. Хрущева, мечтавшего о коммунизме, где не будет места религии.

* * *

18 июля 1961 г., в день памяти преподобного Сергия Радонежского, в Троице-Сергиевой лавре состоялся архиерейский Собор. Для многих его участников открытие Собора явилось совершенной неожиданностью. Епископы были приглашены телеграммами в лавру не на Собор, а на празднование памяти ее святого основателя. Большинство архиереев прибыло в лавру перед всенощным бдением, но ни во время вечернего богослужения, ни на Божественной литургии, которую они совершали 18 июля, епископы еще не знали о решении Священного Синода провести Собор. Лишь на праздничном обеде было объявлено об открытии архиерейского Собора. Скоропалительность в созыве и проведении Собора и известная доля секретности в его организации объяснялись тем, что власти требовали от Священного Синода так провести Собор, чтобы он единогласно утвердил решение о радикальном реформировании порядка приходского управления. Тех епископов, от кого можно было ожидать возражений и критических выступлений, на Собор не пригласили. Архиепископ Ермоген, явившийся без приглашения, не был допущен на заседание как не управляющий кафедрой и уволенный в длительный отпуск.

В своей вступительной речи Святейший Патриарх Алексей I затронул все вопросы, стоявшие в повестке дня. Первым делом он остановился на реформе приходского управления, которая уже проводилась в жизнь на основании принятого синодального определения, по которому «разграничивались обязанности клира приходского, в частности настоятелей, и исполнительных органов. Такое разграничение обязанностей находит свое оправдание в известном из книги Деяний святых апостолов апостольском решении служителям Церкви пребывать *в молитве и служении слова*, а заботу о *столах* (хозяйстве) передать избранным из среды церковной лицам (Деян. 6. 2—3)»⁵⁵². Патриарх не умолчал и о том, что с постановлением Синода об устранении духовенства из двадцаток и приходских советов открыто не согласились некоторые из действующих архиереев. Они настаивали на том, что реформа приходского управления противоречит «Положению об управлении Русской Православной Церковью», принятому Поместным Собором 1945 г., архиерейский же Собор, согласно все тому же «Положению» являлся инстанцией нижестоящей по отношению к Поместному Собору. Этими возражениями прикрывались более серьезные опасения, которые не могли быть высказаны в открытой форме. Реформа подрывала порядок приходского управления и нарушала весь строй церковной жизни. В своем выступлении Патриарх Алексей I сказал, что «умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной

жизни всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых» ⁵⁵³. Но для большинства настоятелей, лишившихся властных полномочий в приходе, удержать приходскую жизнь от духовного разорения, опираясь исключительно на свой религиозно-нравственный авторитет, представлялось малореальным. Это и вызывало озабоченность и несогласие епископов, выступивших против введения реформы.

Обосновывая необходимость увеличения числа членов Священного Синода, Патриарх сказал, что теперь все больше вопросов требуют срочного решения и спешный созыв постоянных членов Синода, из которых митрополит Киевский живет в Киеве, а митрополит Ленинградский — в Ленинграде, бывает в таких случаях затруднительным. Поэтому представляется целесообразным иметь в самой Москве трех постоянных членов Священного Синода, правомочных решать текущие срочные дела. Такими членами кроме митрополита Крутицкого естественно быть управляющему делами Московской Патриархии и председателю ОВЦС. Эти должности и впредь будут замещаться только лицами в епископском сане, о чем следует внести соответствующую поправку в «Положение об управлении Русской Православной Церковью» для последующего утверждения Поместным Собором ⁵⁵⁴. Большое внимание Патриарх Алексей I уделил вопросу о вступлении Русской Церкви во Всемирный Совет Церквей, подчеркнув миссионерское значение принятого решения явить западным христианам свет православия. «Истинным путем к единству и спасению является смиренное состояние братской любви, которая сильна упразднить и враждующую гордыню, и стремление к власти, и все, что некогда привело христиан к разъединениям».

Затем участники Собора заслушали доклад митрополита Крутицкого Питирима по вопросу о расширении состава Священного Синода. В прениях по его докладу выступил митрополит Ленинградский Гурий. Специальный доклад о реформе приходского управления сделал новый постоянный член Священного Синода архиепископ Тульский Пимен. Докладчик обосновывал свои выводы в пользу реформы, опровергая исторические аналогии и канонические аргументы ее противников. Известная ссылка на демократические преобразования в стране была всего лишь повторением тех доводов, которые использовал Куроедов в своей беседе с Патриархом и членами Синода. Все архипастыри, участвовавшие в обсуждении этой темы — митрополиты Крутицкий Питирим, Одесский Борис (Вик), архиепископы Минский Варлаам (Борисевич), Саратовский Палладий (Шерстников), Кишиневский Нектарий (Григорьев), поддержали изменения, которые вносились в 4 раздел «Положения об управлении Русской Православной Церковью», подчеркнув, что освобождение настоятеля от административно-хозяйственных обязанностей даст ему больше времени и возможностей для того, чтобы сосредоточиться на главном — на духовном окормлении паствы.

Архиепископ Ярославский Никодим в докладе «Русская Православная Церковь и Всемирный Совет Церквей» сообщил участникам Собора о контактах между священноначалием Русской Церкви и руководством Всемирного Совета Церквей, которые имели место в 50-х гг., особое внимание уделив визиту доктора В. А. Виссерт Хуфта во главе делегации Совета в Москву, где гости были приняты Святейшим Патриархом Алексием I, а также об очередной сессии ЦК Всемирного Совета Церквей в августе 1960 г. в Сент-Эндрюсе (Шотландия). Перед этой сессией там же проходила работа пленарных заседаний «Вера и церковное устройство» и «Комиссия Церквей по международным делам». На заседаниях присутствовали наблюдатели от Русской Православной Церкви. Епископ Среднеевропейский Иоанн (Вендланд) зачитал доклад на тему «Об участии Русской Православной Церкви во Всемирном общехристианском конгрессе в защиту мира в Праге, имевшем место 13—18 июня 1961 г.».

Собор заседал всего один день и принял решения по всем обсуждавшимся вопросам. Во-первых, одобрили изменения, касающиеся 4 раздела («О приходах») «Положения об управлении Русской Православной Церковью». Утвердили журнальное постановление Священного Синода от 18 апреля 1961 г. о мерах по улучшению существующего строя приходской жизни и по приведению его в соответствие с гражданским законодательством «О религиозных объединениях» в СССР. До созыва очередного Поместного Собора Русской Православной Церкви установили следующую схему управления приходами: православная приходская община, объединяющая не менее 20 членов, состоящая в каноническом ведении епископа, создается по добровольному согласию верующих для удовлетворения религиозно-нравственных нужд под духовным руководством избранного общиной и получившего благословение епархиального архиерея священника, регистрируется местной гражданской властью, получает от нее в бесплатное пользование храм и церковную утварь по особому договору и ответственна за целостность имущества перед советским законом; для управления делами прихода организуются два органа: церковно- распорядительный — церковноприходское собрание членов учредителей двадцатки и исполнительный — церковноприходской совет в составе трех человек: старосты, помощника старосты и казначея (избираются общиной из прихожан правоспособных и доброй христианской нравственности); для наблюдения за состоянием церковного имущества, за движением денежных сумм и правильностью произведенных расходов избирается ревизионная комиссия в составе трех человек, которая подотчетна общему собранию прихожан; настоятель храма осуществляет духовное руководство прихожанами, наблюдает, чтобы богослужения совершались истово, благолепно, в соответствии с требованиями церковного устава и чтобы все религиозные нужды прихожан удовлетворялись своевременно и тщательно; исполнительный орган не вмешивается в распорядок богослужений и во взаимоотношения членов причта, в спорных случаях обращается к епископу, при приглашении на работу в храм (псаломщиков, пономарей, алтарников и участвующих в богослужении) согласует кандидатов с настоятелем. Перечисленные выше пункты заменяют 4 раздел («О приходах») «Положения об управлении Русской Православной Церковью». Строгое соблюдение как духовенством, так и приходскими общинами гражданского законодательства о Церкви, не говоря уже о церковной дисциплине, обязательно.

Соборным определением была одобрена позиция Священного Синода Русской Православной Церкви по отношению ко Всемирному Совету Церквей за период 1948—1961 гг., а также решение Синода от 30 марта 1961 г. о вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей, изложенное в послании Патриарха Алексия I на имя генерального секретаря ВСЦ доктора В. А. Виссерт Хуфта с заявлением о вступлении и изложением позиции по экуменическому движению. Собор выражал глубокое удовлетворение по поводу принятия решений 1 Всемирным общехристианским конгрессом о продолжении работы Пражской мирной христианской конференции. Было одобрено решение о присвоении первого церковного ордена Русской Православной Церкви во имя святого равноапостольного князя Владимира Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию. Патриарх поблагодарил архипастырей за высокую награду и труды.

У многих, если не у большинства, архипастырей результаты Собора вызвали тяжелые чувства. И конечно, связано это было с решением об устранении настоятелей приходов и всех клириков от участия в приходских двадцатках и церковных советах. Навязанная Церкви реформа приходского управления, по замыслу ее действительных инициаторов, должна была привести к развалу приходской жизни и подорвать влияние Церкви в обществе.

* * *

С 1961 г. борьба с религией стала партийной верхушкой в самый центр своих

идеологических задач. Это звучало в отчетном докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС, в разъяснениях ведущего партийного идеолога Сулова, в тезисе Ильичева на июньском пленуме ЦК КПСС 1963 г. о том, что религия является главным и даже единственным легально существующим в стране идеологическим врагом марксизма. «Нельзя благодушеествовать и рассчитывать, что религия как антинаучная идеология отомрет сама по себе, без усилий, без борьбы с ней»⁵⁵⁵. Пленум ЦК ВЛКСМ обязал «комсомольские организации вести неустанную борьбу с носителями религиозного дурмана, вырвать из-под их влияния наших юношей и девушек»⁵⁵⁶.

В конце 1963 г. Идеологическая комиссия ЦК по указанию Хрущева приняла развернутый план антирелигиозной борьбы под названием «Мероприятия по укреплению атеистического воспитания населения», в котором предусматривалось поручить комиссиям по контролю за соблюдением законодательства о культах при рай(гор)исполкомах Советов депутатов трудящихся применение административных мер в случае нарушения установленных правил. Комиссии действовали под руководством уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, которые в свою очередь тесно контактировали со спецслужбами. Они брали под свой контроль проведение выборов в исполнительные органы религиозных общин, учет крещений, венчаний и погребений для информирования партийных органов, «работу с отдельными верующими и с детьми и подростками, любыми способами пытаюсь прекратить посещение церкви детьми»⁵⁵⁷. В 1964 г. Совет по делам Русской Православной Церкви издал циркуляр о контроле за соблюдением законодательства о культах, адресованный председателям местных исполкомов, где все эти и подобные функции закреплялись законодательно.

Путь к скорейшему искоренению религии в Советской стране, по замыслам гонителей Церкви, лежал через массовое закрытие приходов. При этом новые двадцатки, почти не оказывая сопротивления, самораспускались и подавали заявления о снятии религиозной общины с регистрации. На 1 января 1961 г. в Русской Православной Церкви существовало 11 571 приход, за год их число сократилось почти на полторы тысячи. На 1 января 1962 г. в стране оставалось 10 149 православных храмов (в том числе 1489 молитвенных домов), из них более 40 принадлежало Грузинской Церкви. На регистрации при этом состояло 10 221 православная община, так что 72 зарегистрированных прихода своих храмов не имели. Между тем существовал 10 451 недействующий православный храм, где размещались клубы, музеи, склады. Иные и вовсе стояли в запустении и разорении. По данным на 21 августа 1963 г. на регистрации осталось лишь 8314 православных общин, из них 44 в юрисдикции Грузинской Церкви, за полтора года утрачено было почти 200 приходов. При таких темпах на полное разрушение церковной организации потребовалось бы только пять лет, даже меньше того срока, что готовы были терпеть энтузиасты грядущего коммунизма.

Сохранившиеся общины распределялись по стране крайне неравномерно: в огромной Российской Федерации — только 2093 прихода, на Украине — 5114, причем около половины из этого числа в Галиции и других западных областях; в Белоруссии — 465, в Молдавии — 231; в Прибалтике — 262, в Казахстане и Средней Азии — 100, в Азербайджане и Армении — 4⁵⁵⁸. Всего за годы хрущевских гонений с 1959 по 1964 г. закрыто было в Молдавии 321 церковь, в Одесской епархии — 210, на Волыни — 180, в Кировской епархии из 75 приходов к 1965 г. осталось 35, в Полтавской епархии закрылось 43 прихода. В Днепропетровской епархии в 1959 г. было 285 приходов, а к концу хрущевской эпохи число их убавилось почти в 6 раз. В Киеве из 25 действующих церквей осталось только 8; в Одессе уцелело 9 приходов из 23, в Ростове-на-Дону — 4 из 12. В Вологодской епархии осталось только 17 приходов, а до революции их было более 800. В Крымской епархии — 12, в Оренбургской — 10. В Новгороде, Орле, Чернигове, Риге и ряде других епархиальных центрах закрыты были кафедральные соборы. Особенно

страшный удар нанесен был по Церкви в Белоруссии. Из 1250 православных храмов, которые существовали в 1945 г., к концу 1964 г. осталось немногим более 400. В некоторых больших городах число действующих храмов вернулось на предвоенный уровень. В Саратове в середине 1964 г. осталось 2 действующих храма, в Минске — 2, в Смоленске и Новгороде — по 1 церкви.

В ряде случаев закрытые церкви были варварски уничтожены. Церковь святых апостолов Петра и Павла на Преображенке, особенно дорогой верующей Москве кафедральный храм митрополита Николая, под предлогом, что на этом месте надо открыть вход в метро, была взорвана в канун престольного праздника, в ночь с 10 на 11 июля. Десятки тысяч православных христиан, зная о предстоящей беде, собрались вокруг храма, чтобы уберечь его от разрушения, но их разогнали. Основания для закрытия церквей были разные: в Белоруссии, на Украине и на западе Российской Федерации частым предлогом служило то, что храмы были открыты по разрешению оккупационных властей, следовательно, по советским законам нелегально, хотя в течение почти двух десятилетий эта причина не препятствовала их существованию; часто храм закрывали и разрушали, ссылаясь на необходимость расширить проезжую часть улицы. В сельской местности приходская община не выдерживала налогового пресса, и тогда двадцатка, сформированная гражданскими властями, объявляла о самороспуске. Иногда приход закрывали после снятия с регистрации священника и отказа уполномоченного зарегистрировать другого священника, которого мог бы назначить в приход правящий архиерей.

В годы хрущевских гонений число насельников и насельниц сократилось почти в 4 раза и составляло примерно полторы тысячи человек. К 1964 г. осталось всего 18 монастырей, и среди них Троице-Сергиева и Успенская Почаевская лавра, Псково-Печерский монастырь, Успенский монастырь в Одессе, Покровский и Фроловский женские монастыри в Киеве, мужской и женский монастыри в Жировицах, Свято-Духов монастырь в Вильнюсе, Пюхтицкий женский монастырь в Эстонии. Особенно тяжелым ударом явилось закрытие в 1963 г. древней святыни Руси — Киево-Печерской лавры под предлогом ремонта и реставрации. Ее храмы и пещеры оказались в угрожающем состоянии как раз после прекращения в них богослужений и ухода из монастыря монахов.

Предпринималась попытка закрыть и Почаевскую лавру, но насельники обители во главе с настоятелем архимандритом Севастианом сумели ее отстоять. Правда, их всячески притесняли, создавая невыносимые для жизни условия. Насельников лишали прописки, выдворяли из лаврских стен, подвергали зверским избиениям, призывали насильно в армию, лишали паспортов, арестовывали. Большая часть строений, принадлежавших лавре, была конфискована, остались только церкви и монашеские кельи. Из гостиницы для насельников сделали больницу, запретили зимой продавать топливо, так что иноки вынуждены были спать в неотопливаемых кельях, но добровольно из монастыря не уходили, на что рассчитывали местные руководители, боровшиеся с обителью. Жители Почаева, которые давали приют паломникам, подвергались преследованиям, штрафам, у некоторых конфисковывали дома, других лишали прописки и выдворяли из Почаева. Паломники ночевали на голой земле у лаврских стен или в полях и лесах, окружавших монастырь. На них совершала набеги милиция, тех, кто не успевал скрыться, избивали, иногда арестовывали, вывозили из города по статье за нарушение паспортного режима и приговаривали к лишению свободы, некоторых помещали в дома для сумасшедших.

После архиерейского Собора власти не перестали прибегать к прямым репрессиям против духовенства, в том числе и против епископата. В 1961 г. судили архиепископа Иркутского Вениамина, исповедника, который с 1944 г. 12 лет провел в колымских лагерях; судили по существу за противодействие закрытию церквей в своей епархии, но обвиняли его на суде в покупке «по дешевке краденого вазелинового масла». Этот процесс затеян был для того, чтобы скомпрометировать Церковь в глазах общественности. Епископа Вениамина оставили на

свободе. За мужественное сопротивление закрытию храмов был арестован архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко) и приговорен к восьми годам лишения свободы по ложному обвинению в экономических злоупотреблениях и «безнравственном поведении». Из лагеря архиепископ Андрей был освобожден досрочно совершенно больным. 6 декабря 1963 г. в Кишиневе скончался находившийся там на покое и под домашним арестом бывший архиепископ Житомирский Венедикт (Поляков), но после его смерти распространился слух, что он стал жертвой тайного убийства, организованного КГБ. Священник Николай Авраменко из города Днепродзержинска осужден был на четыре года лишения свободы с конфискацией имущества. В эти годы репрессиям также подверглись настоятель Покровского собора в Самарканде иеромонах Нифонт, священники Василий Миняев, Иоанн Романюк, Григорий Красюн, Василий Токач, Николай Сапсай и другие священнослужители, которых чаще всего ложно обвиняли по уголовным статьям, хотя истинной причиной являлось пастырское служение.

Особенно жестокие кары обрушились на иноков Свято-Успенской Почаевской лавры. Трижды был судим иподиакон Алипий только за то, что, лишенный прописки, он не покидал обитель: в первый раз он был осужден на шесть месяцев тюремного заключения, во второй раз — на год и в январе 1964 г. приговорен к двум годам тюрьмы строгого режима. По тому же обвинению лаврский иеромонах Дионисий был осужден на год лишения свободы со строгим режимом. Иподиакона Андрея (Щура) за составление сообщения в ООН о гонениях на Церковь в СССР приговорили 13 июля 1964 г. к трем годам лишения свободы с отбыванием в лагерях строгого режима. Во время следствия его зверски избивали, чтобы он назвал имена всех участников составления жалобы в ООН. Почаевский старец иеромонах Иосиф, которого почитали как прозорливца и чудотворца, был избит и насильственно выдворен из лавры, после чего вынужден был в течение нескольких лет скитаться. Хрущевские гонения не обошли стороной открыто исповедовавших свою веру мирян. Их увольняли с работы, студентов отчисляли из учебных заведений, лишали прописки, выдворяли из мест проживания, избивали и приговаривали к лишению свободы, заточали в психиатрические лечебницы как носителей «бредовых идей».

В 1962 г. Святейшему Патриарху Алексию I исполнилось 85 лет, со скорбью наблюдал он очередное разорение Церкви, не в силах остановить натиск ее врагов. В узком кругу он не раз говорил о своем желании уйти на покой, но, опасаясь, что его уход принесет Церкви еще больше несчастий, продолжал нести крест первосвятительского служения. Ввиду преклонного возраста Патриарх Алексий участвовал в принятии решений лишь по самым важным вопросам церковного управления. Значительную часть лета он проводил в своей резиденции в одесском Успенском монастыре. Верным стражем его покоя неизменно был Даниил Андреевич Остапов. Одних он раздражал тем, что порой не допускал к Патриарху даже архиереев, у других вызывал уважение своей безграничной преданностью первосвятителю. Совет по делам Русской Православной Церкви видел в деятельности Д. А. Остапова существенную помеху своей антицерковной политике.

В составе Священного Синода в 60-х гг. произошли значительные перемены. Ушел из жизни самый деятельный из архиереев послевоенных лет — митрополит Николай, еще в 1955 г. скончался митрополит Григорий, 30 марта 1964 г. ушел на покой митрополит Киевский Иоанн (Соколов), скончавшийся 29 марта 1968 г. в возрасте 91 года, пережив своего преемника на Киевской кафедре и в Синоде митрополита Иоасафа (Лелюхина), преставившегося в 1966 г. Непродолжительное время, с 1960 по 1961 г., занимавший Ленинградскую кафедру митрополит Гурий (Егоров) с переводом на Симферопольскую кафедру утратил членство в Синоде. На Ленинградскую кафедру с возведением в сан митрополита 14 ноября 1961 г. был назначен

архиепископ Тульский Пимен, уже ранее включенный в состав постоянных членов Синода по должности управляющего делами Московской Патриархии. Митрополит Пимен оставался на Ленинградской кафедре до октября 1963 г., когда был переведен на Крутицкую кафедру после кончины митрополита Крутицкого Питирима. В свою очередь Ленинградскую кафедру занял тогда митрополит Никодим, назначенный в 1961 г. постоянным членом Священного Синода по должности председателя ОВЦС. Еще одним постоянным членом Синода с 14 ноября 1961 г. по 25 февраля 1964 г. по должности управляющего делами Патриархии был епископ Дмитровский Киприан (Зернов).

Таким образом, в ближайшем окружении Святейшего Патриарха Алексия I оказались архипастыри иных поколений, чем он, архиерей дореволюционного поставления: митрополит Иоасаф родился в 1903 г., митрополит Пимен — в 1910 г., архиепископ Киприан — в 1911 г. и митрополит Никодим — в 1929 г. Наиболее влиятельным членом Священного Синода в начале 60-х гг. был архиепископ Дмитровский Киприан. К нему, в резиденцию Патриарха и Священного Синода в Чистом переулке устремлялось множество просителей о помощи в защите приходов, которым грозило закрытие. Об обстановке в приемной управляющего делами Патриархии рассказывал один из его почитателей со слов священника, который был близок к архиепископу Киприану: «У владыки почти никогда не было очереди, ибо он поступал как старые русские сановники: выходил из кабинета и спрашивал каждого посетителя, по какому он делу. (Притом, конечно, частенько оказывалось, что люди пришли не по тому адресу.) А мелкие дела он решал тут же, в приемной»⁵⁵⁹. Иногда благодаря изрядной изобретательности архиепископу Киприану удавалось уберечь храм от закрытия. Характерен такой случай: местный уполномоченный требовал от епископа закрытия одной из трех церквей в Костроме (как правило, церкви закрывались тогда по требованию уполномоченных руками самих архиереев); преосвященный обратился к управляющему делами, и тот дал ему такой совет: «Ты ему скажи, что дашь закрыть ту, где у тебя теперь собор. А собор ты переведешь в другой храм. Но перед тем, конечно, надо будет сделать ремонт... А ремонт затяни... А там, глядишь, у них кампания по закрытию храмов кончится, и все пойдет по-старому». Так оно и вышло»⁵⁶⁰. Все три храма в Костроме действительно сохранились.

С инициативой архиепископа Киприана связана важная реформа в приходской жизни — переход священнослужителей на ежемесячную зарплату вместо получения определенной части приходского дохода. После того как в конце 50-х гг. были введены налоговые ставки с доходов священнослужителей, прежняя система содержания духовенства стала источником многочисленных конфликтов между клириками и финансовыми органами. В разговоре с Куроедовым архиепископ Киприан предложил установить священнослужителям твердую зарплату и с нее отчислять налоги. В духовенстве к этой реформе отнеслись по-разному, впрочем, как и вообще к личности архиепископа Киприана. 25 февраля 1964 г. архиепископ Киприан был освобожден от должности управляющего делами Московской Патриархии и постоянного членства в Синоде. Его преемником по декабрь 1964 г. снова стал преосвященный Пимен, митрополит Крутицкий и Коломенский.

В 1-й половине 60-х гг. резко изменился состав епископата Русской Церкви. Из жизни земной в жизнь вечную уходили архипастыри, родившиеся в XIX в., хиротонисанные во епископы в довоенные и военные годы: председатель Хозяйственного управления при Священном Синоде архиепископ Можайский Макарий (Даев; † 1960); реэмигрант из Китая архиепископ Ростовский и Новочеркасский Никандр (Викторов; † 1961); митрополит Воронежский Иосиф (Орехов; † 1961); митрополит Ставропольский и Бакинский Антоний (Романовский), архиерей с 1924 г., в 30-х гг. узник лагерей, много потрудившийся в деле восстановления канонического общения Русской и Грузинской Православных Церквей († 1962);

архиепископ Иоасаф (Журманов; † 1962), незадолго до кончины уволенный по болезни на покой с Тамбовской кафедры; митрополит Вениамин (Федченков; † 4 октября 1961 г.), пребывавший на покое в Псково-Печерском монастыре после 1958 г.

28 октября 1962 г. ко Господу отошел архипастырь-исповедник епископ Афанасий (Сахаров), который провел в лагерях и тюрьмах 33 года. Участник Поместного Собора 1917—1918 гг. в сане иеромонаха, он вместе с академиком Тураевым составил службу праздника всех святых, в земле Российской просиявших, восстановленного Собором. В сан епископа Ковровского он был хиротонисан в 1921 г. После издания «Декларации» 1927 г. отделился от Патриархии и возвратился в послушание Патриархии после избрания первосвятителем Русской Церкви Алексия I, находясь еще в лагере. После освобождения епископ Афанасий поселился в Петушках, совершая богослужение в церкви, устроенной в его маленьком доме. Как пишет митрополит Мануил в своем «Каталоге», «последние годы жизни епископа Афанасия в Петушках были годами затвора и ученого подвижничества. Несмотря на преклонный возраст и перенесенные труды и болезни, он с юношеским рвением трудился над исследованием нашего православного богослужения, житий русских святых и составил обстоятельный труд «О поминовении усопших по уставу православной Церкви»⁵⁶¹. К нему в Петушки стекались посетители со всей России. «Любовь, теплоту и сердечность,— пишет митрополит Мануил,— чувствовал каждый, кто соприкасался с благостным архипастырем»⁵⁶². Перед кончиной он испытывал большую тревогу за судьбу гонимой Церкви. Последнюю службу свою епископ Афанасий совершил 15/28 июня в день всех святых, в земле Российской просиявших.

4 ноября 1962 г. скончался митрополит Нестор (Анисимов), получивший известность еще в предреволюционные годы как камчатский миссионер, хиротонисанный в сан епископа Камчатского и Петропавловского в 1916 г. Владыка Нестор был членом Поместного Собора 1917—1918 г. На исходе гражданской войны он вывез святые мощи великой княгини Елисаветы и ее келейницы Варвары с Урала на Святую землю. В 1948 г. он был арестован и восемь лет провел в лагере в Мордовии. По возвращении на свободу он встретил самое теплое и заботливое отношение к себе со стороны первосвятителя и был назначен на Новосибирскую кафедру. Возраст (митрополит Нестор родился в 1884 г.) и тяжелая болезнь заставили его в 1958 г. уйти на покой, но, как только он немного поправился, он захотел вернуться к архиерейскому служению и был назначен временно управляющим Кировоградской епархией. За отпеванием митрополита Нестора об упокоении его души молился Святейший Патриарх Алексий I. Погребли его в Переделкине, около церкви Преображения. На мраморном кресте написано: «Митрополит Нестор. Камчатский миссионер».

Из маститых архиереев старшего поколения помимо Святейшего Патриарха в середине 60-х гг. на кафедрах оставались митрополиты Симферопольский Гурий (Егоров), Куйбышевский Мануил (Лемешевский), архиепископы Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов), Калужский Ермоген (Голубев), Орловский Палладий (Шерстенников), Псковский Иоанн (Разумов). Большую часть епископов к тому времени составляли уже архиереи, родившиеся в XX в. и хиротонисанные в послевоенные годы. Типичными для этих лет были хиротонии монахов, получивших образование в возрожденных духовных академиях — Московской и Ленинградской. В 1959 г. Леонида (Полякова) хиротонисали во епископа Курского, в 1960 г. Сергия (Петрова) во епископа Белгород-Днестровского, в 1961 г. Николая (Кутепова) во епископа Мукачевского и Никодима (Руснака) во епископа Костромского; в 1962 г. Серафима (Никитина) во епископа Курского, Никона (Фомичева) во епископа Выборгского; в 1964 г. Антония (Мельникова) во епископа Белгород-Днестровского.

3 сентября 1961 г. в таллинском Александро-Невском кафедральном соборе состоялась хиротония во епископа Таллинского ныне здравствующего предстоятеля Русской Православной

Церкви Алексия II. Хиротонию возглавлял архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов). В канун хиротонии, при наречении во епископа, архимандрит Алексей (Ридигер) сказал:

«С юных лет в моем сердце была любовь к храму Божьему и в глубине своей души я слышал голос, зовущий: *Иди ко Мне* ([Лк. 5. 27](#)). В юные годы я любил прислуживать при богослужениях, а затем, по получении богословского образования и принятии благодати священства, в течение 11 лет проходил пастырское служение, черпая силы для его прохождения в молитве и укрепляющей силе Божественной благодати, которая «немощная врачует и оскудевающая восполняет». Теперь мне предстоит более трудный подвиг в сане епископа. Перед моим духовным взором в качестве идеала истинного пастыря рисуется образ Божественного Пастыреначальника Господа Иисуса Христа. Вспоминаются Его заветы святым апостолам и другим последующим пастырям святой Церкви Христовой, которым заповедано быть добрыми пастырями, *полагающими душу свою за овцы своя* ([Иоан. 10. 11](#)), являться для верных образцом словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою ([1 Тим. 4. 12](#)), преуспевать в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости, *подвизаться добрым подвигом веры* ([1 Тим. 6. 11—12](#)). Вот те основные требования, которые предъявляет Господь в Священном Писании к каждому истинному пастырю, а к епископу в особенности. А чтобы исполнить в жизни эти великие требования, одних слабых человеческих сил недостаточно, нужна особая, укрепляющая, благодатная помощь. Я любил повторять слова великого апостола языков Павла *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* ([Флп. 4. 13](#))»⁵⁶³.

Епископ Таллинский Алексей был одним из тех немногих новохиротонисанных архиереев, кто родился и жил вне Советского государства, в Эстонии. Епископ Костромской Никодим (Руснак) был уроженцем Северной Буковины, которая до 1940 г. входила в состав Румынии, и тоже помнил время без атеистического диктата. Большинство же епископов жили только в условиях советского режима, и, может быть, поэтому бесправное положение Церкви в государстве не воспринималось ими так остро, как церковными людьми старшего поколения, сохранившими память о дореволюционной России. Новохиротонисанные епископы не в силах были активно противодействовать политике властей, но решимость верно служить Спасителю, когда, казалось, все общество отвернулось от Него и глумилось над Ним, у них была. Во всяком случае в епископате на рубеже 50—60-х гг. не было ни одного случая ренегатства.

В приходском духовенстве, которое и в годы хрущевских гонений насчитывало до 10 000 священников и диаконов, были печальные случаи отпадений и предательства. Публично от веры отрекались те, кто вступал на стезю священства по земным расчетам, не обладая ни истинной верой во Христа, ни желанием обрести ее. Однако в целом русское духовенство выдержало грозу хрущевских гонений не менее стойко, чем самоотверженные пастыри 20—30-х гг. Среди священников, которые жертвенно исполняли свой долг в это время, были и выдающиеся пастыри, замечательные проповедники, опытные и мудрые духовники. Так, в Москве совершали служение любимые народом протоиереи Александр Толгский, Николай Никольский, Николай Голубев, Владимир Елховский, Всеволод Шпиллер. В 1960 г. Русская Православная Церковь потеряла протопресвитера Николая Колчицкого, настоятеля патриаршего Богоявленского собора, который в течение почти двух десятилетий исполнял обязанности управляющего делами Московской Патриархии, не оставляя и своего прямого пастырского долга: служил уставно, истово, окормляя многочисленных духовных чад.

Несмотря на заметные успехи хрущевской атеистической кампании среди молодого поколения страны, в 60-х гг. так и не удалось оторвать от Церкви верующий народ, большинство населения Западной Украины и Белоруссии, Молдавии от мала до велика оставалось верующим. В сельской местности и в России женщины не только старшего, но и среднего возраста

сохранили связь с Церковью. Статистика треб за 1961 г. оставалась приблизительно такой же, как и за 1960 г. По данным Совета по делам Русской Православной Церкви, крещеных по отношению к числу новорожденных было от 9% в Курской (это минимум) до 60% в Ярославской области (это максимум); венчаний в сравнении со всеми зарегистрированными браками — от 0,2% в Архангельской до 11% в Горьковской области и церковных погребений по отношению к документально зафиксированным смертям — от 7% в Архангельской до 79% в Кировской области, но эти данные, несомненно, занижены, потому что многие старались избежать регистрации треб, опасаясь неблагоприятных последствий со стороны государственных властей. В первую очередь это касалось крещений, в действительности их было, может быть, в 1,5—2 раза больше, поэтому можно утверждать, что крестили до $\frac{2}{3}$ всех детей. Что касается отпеваний, то статистика отражает только те, что совершались в храме. Во многих случаях, если не в большинстве, отпевали заочно, и тогда можно говорить почти о 90%. Число же венчаний было действительно крайне низким — в российских областях, вероятно, не более 3%. Но в Молдавии и на западе Украины венчание оставалось совершенно необходимым для большинства пар, вступающих в брак.

После закрытия почти всех монастырей хранителями благочестия и православных традиций стали монахи и особенно монахини, вынужденные спасаться вне монастырских стен, чаще всего исполнявшие на приходах обязанности уставщиц, псаломщиц, певчих; беседуя с прихожанами, они научали их христианской жизни, а искавших познания истины приводили ко Христу, в Его Церковь. Характерным явлением религиозной жизни 60-х гг. было полулегальное паломничество к разоренным святым местам, в Оптину пустынь, в Дивеевский монастырь, к святым источникам, связанным с подвигами прославленных угодников и почитаемых в народе подвижников благочестия. Одним из благодатных событий в жизни Русской Православной Церкви явилось первое после Поместного Собора 1917—1918 гг. прославление святого. 19 июля 1962 г. Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха Алексия I постановил причислить имя преподобного Иоанна Русского «к лику святых, чтимых Русской Православной Церковью, установив празднование ему в день его преставления — 27 мая (в соответствии с днем праздника его в Греческой Церкви), в день памяти святого Иоанна службу ему править с полиелеем»⁵⁶⁴.

* * *

В начале 60-х гг. государство, как и в предыдущее десятилетие, поддерживало международные контакты Церкви. Эта деятельность не вызывала опасений у атеистов, хотя всегда оставалась под неусыпным контролем соответствующих органов, но таков был общий порядок в стране, и с ним приходилось мириться. Русская Православная Церковь в силу своей природы участвовала в миротворческом движении, потому что цели и задачи его не расходились с евангельскими заповедями. Появлением и активным участием своих представителей в международных форумах Русская Православная Церковь укрепляла свое положение в первую очередь в самом СССР.

В 1-й половине 60-х гг. представители православных поместных Церквей неоднократно посещали Москву и встречались с Патриархом. В июле 1960 г., после своего избрания на первосвятительский престол, приезжал Католикос-Патриарх Грузии Ефрем II. В ноябре и декабре 1960 г. предстоятель Русской Православной Церкви Патриарх Алексий I совершил второе паломничество на Святую землю и к святыням Востока, встретился с Патриархами Константинопольским Афинагором, Александрийским Христофором, Антиохийским Феодосием VI, Иерусалимским Венедиктом; архиепископом Афинским Феоклитом. В пасхальные дни 1962 г. Патриарх Алексий побывал на Балканах и встречался с Патриархами Сербским Германом, Румынским Юстинианом и Болгарским Кириллом. В июне 1963 г. на

святой Афонской горе состоялось торжество, посвященное 1000-летию афонского монашества. Делегацию Русской Церкви на этом торжестве возглавлял архиепископ Никодим (Ротов).

В рамках подготовки к Всеправославному Собору на острове Родос состоялось I Всеправославное совещание (сентябрь 1961 г.), определившее основные направления работы предстоящего Собора. Их оказалось восемь: вера и догмат, богослужение, управление и церковный строй, взаимоотношения православных Церквей с остальным христианским миром, православие в мире, общецерковные темы, социальные проблемы. 10 мая 1962 г. Священный Синод Русской Православной Церкви образовал комиссию во главе с архиепископом Никодимом (Ротовым) по выработке позиции Русской Церкви по означенным направлениям. В сентябре-октябре на II Всеправославном совещании (остров Родос) было принято решение о начале богословского диалога с католической Церковью, которая в это время проводила II Ватиканский Собор. При папе Иоанне XXIII католическая Церковь переживала радикальные перемены, которые касались литургии, церковного права, богословия, а также отношений с православной Церковью, протестантами и нехалкидонскими Церквами. Эти перемены, однако, не затронули ядра католицизма — непоколебленным остался папский абсолютизм, доктрина о непогрешимости папы и отделившее католическую Церковь от вселенского православия в XI в. учение о Filioque.

В канун II Ватиканского Собора председатель секретариата по вопросам христианского единства кардинал Беа высказался о желательности присутствия представителей православной Церкви в качестве наблюдателей на Соборе. В № 5 «Журнала Московской Патриархии» за 1961 г. была опубликована редакционная статья «Non possumus», где, в частности, напоминалось, что за словами католических деятелей о христианском единстве стоит «не что иное, как стремление распространить власть Рима на православную Церковь»⁵⁶⁵. Отказ от участия в Соборе мотивировался тем, что для Русской Православной Церкви «основа христианского единства представляется несовместимой ни с принципом монархической централизации церковной власти, ни с враждой к инакомыслящим. Не власть, а любовь должна объединить христиан. И в силу этого убеждения, исключаящего какое бы то ни было участие наше в деяниях нового Concilium Vaticanum, Московская Патриархия отвечает кардиналу Беа: «Non possumus»»⁵⁶⁶.

Как видно из интервью Святейшего Патриарха Алексия I французскому журналисту Жану Булье в сентябре 1962 г. по вопросу об участии во II Ватиканском Соборе, позиция Русской Церкви изменилась: «Церкви Православная и Римско-католическая близки друг к другу в области вероучительной и литургической, и мы верим, что разделяющие их отличия с помощью Божией и при наличии обоюдной доброй воли могли бы со временем быть преодолены»⁵⁶⁷. После этого интервью официально было заявлено, что позиция, изложенная в статье «Non possumus», — это частное мнение ее автора А. В. Ведерникова. Возможно, особый интерес советского руководства к тому, что будет происходить на Соборе, который мог стать важным событием не только религиозной, но и политической жизни, вызвал столь резкое изменение в позиции священноначалия. Церковь же свое участие в Соборе связывала с надеждой, что католики обладают рычагами влияния на политических лидеров, в том числе и Советского Союза. Как бы там ни было, но в конце сентября в Москву для обсуждения вопроса участия в Ватиканском Соборе наблюдателей от нашей Церкви, приехал Иоанн Виллебрандс, член секретариата по христианскому единству, которого принял председатель ОВЦС архиепископ Никодим. 10 октября 1962 г. после окончания этих переговоров Священный Синод вынес постановление послать наблюдателями на II Ватиканский Собор от Московского Патриархата «исполняющего обязанности представителя Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей профессора Ленинградской Духовной Академии протоиерея Виталия Борового и заместителя начальника русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Владимира

(Котлярова)»⁵⁶⁸. Наблюдатели от нашей Церкви участвовали в заседаниях всех четырех сессий II Ватиканского Собора, который продолжался до 1965 г.

Представители Русской Церкви присутствовали наблюдателями на ламбетских конференциях епископов англиканской Церкви. В 1962 г. Москву посетил примас англиканской Церкви архиепископ Кентерберийский Михаил Рамсей. В 1964 г. ответный визит нанес Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I. С начала 60-х гг. были установлены контакты с реформаторскими Церквями Европы и Северной Америки, проводились собеседования с богословами лютеранских и евангелических Церквей Германии и Северной Европы.

С 18 ноября по 6 декабря 1961 г. в Нью-Дели на III ассамблею ВСЦ направлена была делегация Русской Православной Церкви во главе с председателем ОВЦС архиепископом Ярославским Никодимом. С 1962 г. представителем Русской Православной Церкви при ВСЦ в Женеве назначен был архимандрит Владимир (Котляров). 3 июля 1963 г. при Священном Синоде была образована Комиссия по вопросам христианского единства, председателем которой стал архиепископ Никодим (Ротов). С 1964 г. представители духовных школ Московского Патриархата участвовали в ассамблеях «Всемирного сотрудничества православной молодежи». В рамках ВСЦ представители Русской Церкви участвовали в 1964 г. в Орхусе в консультациях с богословами нехалкидонских Церквей.

* * *

14 октября 1964 г., в праздник Покрова Божией Матери — небесной Заступницы Православной Церкви и православной России, Н. С. Хрущев был смещен со своих высоких постов. Новое политическое руководство оказалось более трезвым, чем отправленный в отставку правитель, и отказалось от некоторых из самых утопических и сумасбродных проектов Хрущева, в том числе и от его пагубных замыслов разгрома Православной Церкви. В своей политике по отношению к верующим новая власть учитывала реальное положение дел; хотя атеизм по-прежнему составлял ядро коммунистической идеологии и устранение религии оставалось высшей целью партии, цель эта теперь не предлагалась в качестве ближайшей задачи. Хрущев лично являлся главным вдохновителем и стратегом атеистической кампании; после него лица, занимавшие высшие должности в государстве, — Л. И. Брежнев, Н. А. Косыгин, Н. В. Подгорный, непосредственно не вмешивались в атеистическую пропаганду. В области идеологии полнота власти принадлежала секретарю ЦК Сулову, который считал, что надо продолжать решительную «борьбу с религией», но так, чтобы «нас не склоняли» за это на Западе и чтобы «не давать воли всяким экстремистам»⁵⁶⁹.

Характерным проявлением нового курса во взаимоотношениях с верующими явились результаты состоявшегося в конце 1964 г. в Верховном суде под председательством А. Ф. Горкина совещания, где были признаны многочисленные факты нарушения законности в отношении верующих. По материалам этого совещания в январе 1965 г. Верховный Совет СССР принял соответствующее постановление и отменил ряд вынесенных ранее судебных приговоров. Некоторые из осужденных по обвинению в нарушении законодательства об отделении Церкви от государства были освобождены из мест заключения, другие возвращены из ссылки. 18 марта 1966 г. Президиум Верховного Совета СССР внес поправку в 142 статью Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающую лишение свободы сроком до трех лет за нарушение закона об отделении Церкви от государства, и в специальном постановлении разъяснил, какие действия подпадают под эту статью. Последовавший за этим указ Президиума Верховного Совета РСФСР заменил наказание в административном порядке на штраф в размере до 50 руб. по ряду действий, подпадавших под 142 статью. Аналогичные изменения внесены были и в законодательства других союзных республик. Впрочем, воспользоваться этими

послаблениями могли скорее сектантские общины, например, баптисты, которых обвиняли в «организации и проведении собраний». В то же время на основании этой статьи за «совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения» продолжали карать свидетелей чудесных проявлений благодати Божией, которые не молчали об увиденном или пережитом ими чуде. В судебной практике Советского государства всякое чудо квалифицировалось как обман или как следствие психического расстройства. Ясно, что жертвами соответствующей части 142 статьи чаще всего становились православные священнослужители и миряне. Столь явная тенденция в самом характере смягчения уголовного законодательства, вероятнее всего, объясняется тем, что западное общественное мнение было гораздо чувствительнее к притеснениям религиозных меньшинств в Советском Союзе, чем к гонениям на православную Церковь, и с этим мнением вынуждены были считаться в Кремле.

8 декабря 1965 г. Совет министров СССР постановил преобразовать Совет по делам Русской Православной Церкви и Совет по делам религиозных культов в единый орган — Совет по делам религий при Совете министров СССР. Административная система, сложившаяся во время Великой Отечественной войны, если не юридически, то хотя бы административно подчеркивала особое положение Русской Православной Церкви среди религиозных общин. В мае 1966 г. было опубликовано положение «О Совете по делам религий при Совете министров СССР», ранее действовавшем исключительно на основании секретных инструкций⁵⁷⁰. Это положение откровенно определяло функции нового учреждения как органа контроля атеистического государства за чуждой ему и опасной для него деятельностью религиозных общин.

Рост духовного противостояния верующих гонителям Церкви, опасность ухода религиозной жизни в подполье, оглядка на мировое общественное мнение — все это заставило власть приостановить открытую борьбу с Церковью, перевести антирелигиозную политику в русло постепенного, рассчитанного на длительное время вытеснения веры из сознания народа. Несколько изменив тон и смягчив оскорбительную агрессивность, атеисты компенсировали потерю размахом пропагандистских мероприятий. Вот статистические данные по Воронежской области, которые, вероятно, отражают ситуацию в целом по стране. Если в 1957 г. было прочитано 1532 атеистические лекции, в 1962 г. (в разгар хрущевских гонений) — 6142, то в 1968 г. — уже 9916. В новом уставе ВЛКСМ, принятом в мае 1966 г., на комсомольцев возлагалась обязанность «вести решительную борьбу» с «религиозными предрассудками», которые поименованы в одном ряду «со всеми проявлениями буржуазной идеологии», «тунеядством», «различными антиобщественными проявлениями и другими пережитками прошлого»⁵⁷¹. В феврале 1967 г. с большим размахом был проведен «Всесоюзный семинар по вопросам атеистического воспитания молодежи», где выступавшими не раз подчеркивалось, что необходимо совершенствовать индивидуальные методы работы с верующими, особенно с детьми, подверженными религиозному влиянию семьи.

Между тем устранение настоятелей и клириков от административно-хозяйственных дел приходов ставило их в сложное положение, затрудняло духовное окормление паствы, порождало конфликтные ситуации. Власть старост приобрела огромную силу. Столь печальную ситуацию в жизни приходов, сложившуюся в результате навязанных Церкви решений архиерейского Собора 1961 г., попыталась исправить группа архиереев. Инициативу взял на себя архиепископ Калужский Ермоген. Летом 1965 г. он составил «Заявление» на имя Святейшего Патриарха Алексия, подписанное архиепископами Иркутским Вениамином (Новицким), Казанским Михаилом (Воскресенским), Пермским Леонидом (Поляковым), Пензенским Феодосием (Погорским), Новосибирским Павлом (Гольшевым), Мукачевским Григорием (Закалякой), Ташкентским Гавриилом (Огородниковым), епископами Рижским

Никоном (Фомичевым) и Черновицким Нестором (Тугаем). В «Заявлении» говорилось о негативных последствиях реформы приходского управления и ставилась под вопрос каноническая состоятельность соответствующих решений Собора, а также предлагалось внести такие поправки в Положение об управлении Русской Православной Церковью, которые бы позволили настоятелям входить в состав приходских собраний двадцаток. Особенно острым местом «Заявления» было указание на то, что юридические акты, на основании которых власти заставили архиерейский Собор изменить порядок приходского управления, были изданы до Конституции 1936 г. и вошли в противоречие с теми ее статьями, которые декларировали равноправие всех граждан СССР, не делая при этом исключения для священнослужителей.

25 ноября 1965 г. архиепископ Ермоген был уволен на покой, и местом пребывания ему вновь указан был Жировицкий Успенский монастырь. 25 декабря 1967 г. он составил и на этот раз уже только от себя направил Патриарху документ, озаглавленный «К 50-летию восстановления патриаршества. Историко-каноническая и юридическая справка»⁵⁷². Эта справка замечательна по глубине и строгости канонической мысли, по меткости и взвешенности аргументов юридического характера, хотя, конечно, архиепископ Ермоген не мог не сознавать практическую неосуществимость его предложений, по крайней мере в ближайшее время. Горечь и боль за Церковь, попираемую внешними врагами, вольными, а чаще невольными помощниками которых в силу разных причин становились и церковные люди, толкали архиепископа Ермогена на крайне жесткие и, может быть, не вполне справедливые характеристики своих собратий. Справка архиепископа Ермогена затрагивает разные стороны церковного управления: порядок поставления архиереев, формирования Священного Синода, избрания Святейшего Патриарха, а также, конечно, и самую болезненную тему — приходское управление. Если критика 10 архиереев была направлена против решений архиерейского Собора 1961 г., то архиепископ Ермоген указывал на канонические несоответствия и отступления от норм, принятых на Соборе 1917—1918 гг., во всем строе церковного управления, установленном Поместным Собором 1945 г. В заключение он писал, что «состояние Русской Православной Церкви к началу второго 50-летия по восстановлению в ней патриаршества нельзя считать удовлетворительным. Указать на эту неудовлетворительность и на причины, породившие ее, было основной задачей настоящей справки. Сделать это автор счел своим церковным долгом как архиерей Русской Православной Церкви, учитывая, что в связи с празднованием 50-летия восстановления патриаршества не будет недостатка в льстивых панегириках, всегда вредящих правде»⁵⁷³.

Широкую известность приобрело появившееся чуть раньше «Открытое письмо» московского священника Николая Эшлимана и дмитровского священника Глеба Якунина (21 ноября 1965 г.), адресованное Святейшему Патриарху Алексию, и их же заявление председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному (15 декабря 1965 г.). Оба обращения затрагивали одни и те же вопросы: о «беззаконных действиях руководителей и уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви, преступно нарушающих принципы социалистической законности и основные законодательные установления советской власти, определяющие отношение Советского государства к Церкви», о насильственном закрытии храмов в 1959—1964 гг., о неправомерном вмешательстве представителей государственной власти во внутрицерковную жизнь. Однако пафос «Открытого письма» священников Н. Эшлимана и Г. Якунина заключался не столько в обличении гонителей Церкви, по отношению к ним оба священника соблюли благородную деликатность, а в развязных обвинениях священноначалия, епископата и духовенства в сознательном или малодушном попустительстве разорению Церкви. В начале 1966 г. все три документа: заявление Подгорному, «Открытое письмо» Патриарху и приложение с обращением к архиереям — были

опубликованы за рубежом и переведены на иностранные языки, транслировались по радио, в том числе и на нашу страну. Тема гонений на Церковь в Советском Союзе с этих пор стала одной из дежурных в западных публикациях о нашей стране, хотя, конечно, там хорошо знали о них и ранее. В большинстве статей ей сопутствовали неоправданные обвинения предстоятеля Церкви, Московской Патриархии и епископата в попустительстве врагам Церкви и соучастию в ее разрушении.

24 декабря 1965 г. Патриарх Алексей подписал резолюцию об «Открытом письме», коей поручалось преосвященному митрополиту Крутицкому Пимену указать составителям на незаконность и порочность их действий, направленных на соблазн Церкви, и на соответствующем докладе преосвященного иметь о священниках Н. Эшлимане и Г. Якунине «особое суждение» [574](#). В мае 1966 г. митрополит Крутицкий Пимен вызвал к себе авторов нашумевших документов. Н. Эшлиман и Г. Якунин были весьма далеки от того, чтобы сожалеть о сделанном, и твердо стояли на своем, вскоре они были запрещены в священнослужении впредь до раскаяния. В дальнейшем их пути разошлись. Н. Эшлиман отошел от общественной деятельности и церковной жизни; вступив во второй брак и, вероятно, сознавая каноническую тяжесть своего деяния, неоднократно, до самой смерти обращался в Патриархию с прошением о лишении сана. Г. Якунин стал одним из самых активных участников диссидентского движения, открытым и демонстративным неповиновением высшей церковной власти он вынудил священноначалие вначале лишить его сана, а потом, ввиду его нераскаянности, отлучить от Церкви.

Активным участником церковно-диссидентского движения еще в конце 50-х гг. был А. Э. Краснов-Левитин, в прошлом обновленческий диакон, друг и почитатель Введенского, в послевоенные годы отбывавший лагерный срок. После освобождения он был одним из частых авторов «Журнала Московской Патриархии», правда, статьи его печатались за чужими подписями. В начале 60-х гг. он вместе с В. Шавровым написал «Очерки по истории русской церковной смуты» — книгу, посвященную главным образом обновленчеству. Тогда же Краснов-Левитин писал и апологетические статьи, распространявшиеся в машинописных копиях, часто это были полемические ответы на антирелигиозные публикации советской прессы. В 1965 г. таким образом появилась его статья «Больная Церковь», в которой особенно резко он отзывался о состоянии московских духовных школ. Статья вызвала возмущение в среде преподавателей и студентов, многие из которых были близко знакомы с автором. Статьей «Час суда Божия» Краснов-Левитин поддержал Н. Эшлимана и Г. Якунина.

В 60-х гг. на Западе было опубликовано также несколько писем Б. В. Талантова, сына священника, расстрелянного в 1937 г., преподавателя математики в высших учебных заведениях города Кирова, в этих письмах он рассказывал о гонениях на Церковь, о закрытии храмов и репрессиях против верующих в Кировской епархии. В местной печати развязана была травля лиц, подписавших одно из этих писем. Несколько человек, в том числе жена Б. В. Талантова, не выдержав этой травли, скончались. В провинции репрессивные органы действовали более решительно, чем в столице. 12 июня 1969 г. Борис Владимирович Талантов был арестован и осужден на 2 года лагерей. Его содержали в таких условиях, что он тяжело заболел; активированный по болезни, он скончался в неволе за несколько часов до освобождения 4 января 1971 г. Выступления священнослужителей и мирян затрудняли проведение антицерковных мероприятий; хотя протесты появились с некоторым опозданием, хрущевская кампания закончилась и положение Церкви несколько стабилизировалось. Протесты диссидентов пусть в малой степени, но все же ослабляли давление государства на Церковь, но в то же время нападки церковных оппозиционеров на Патриархию подрывали ее авторитет, вносили смущение в умы церковных людей, особенно из новообращенных, служили для них соблазном.

Существуют документы, проливающие некоторый свет на то, как тема церковного диссидентства отражалась на взаимоотношениях Патриархии с Советом по делам религий. 21 февраля 1967 г. заместитель председателя Совета В. Г. Фуров пригласил к себе митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена с отчетом о принятых мерах по резолюции Патриарха об «Открытом письме». Выслушав митрополита Пимена, Фуров пытался обвинить его в пособничестве диссидентам на основании того, что митрополит отдал им «как текст инструкций и резолюций Патриарха, так и письменные ответы некоторых епископов на письмо этих священников» [575](#). Год спустя, 21 февраля 1967 г., состоялась еще одна беседа в Совете с митрополитом Крутицким Пименом. На этот раз поводом послужила ситуация в московском приходе святителя Николая в Кузнецях. От митрополита Пимена требовали доложить о мерах, принятых против распространения письма, темой которого был состав приходской двадцатки. Передавая Фурову слова протоиерея Всеволода Шпиллера о том, что письмо может оказаться у иностранцев, часто посещающих этот храм, если не прекратится давление на приход, митрополит Пимен, очевидно, надеялся, что Совет не заинтересован в новом большом шуме за рубежом и приход оставят в покое. Далее разговор коснулся Эшлимана и Якунина, а также архиепископа Леонида. Независимо от того, что думал митрополит Пимен о действительных мотивах, побудивших московских священников бросить вызов властям и Патриархии, своим объяснением мотивов их поведения (деньги, изъятие из рук духовенства церковной кассы) он пытался уберечь священников от возможных репрессий. Сребролюбие в глазах представителей власти было куда более извинительным мотивом, чем принципиальная идейная позиция. Слова митрополита Пимена о том, что архиепископ Леонид (Поляков) недоволен увольнением из Патриархии (до 1962 г. он был викарным епископом Московской епархии), рассчитаны были на то, чтобы впредь предостеречь власти от давления на Патриархию при решении вопроса о замещении епископских кафедр. Владыку Леонида перевели в провинцию по требованию Совета, разрушительным акциям которого архипастырь умел оказывать искусное противодействие.

22 декабря 1964 г. управляющим делами Московской Патриархии и постоянным членом Священного Синода вместо митрополита Крутицкого Пимена был назначен архиепископ Таллинский Алексей. Ввиду преклонных лет Святейшего Патриарха на архиепископа Алексея легло бремя ответственности за принятие решений по делам текущего церковного управления. В отношениях с духовенством и верующими людьми, с представителями государственной власти и зарубежными церковными и общественными деятелями будущий предстоятель Церкви обнаруживал удивительное чувство такта и всегда умел выбрать надлежащий тон, единственно уместный в каждой ситуации. А время для Церкви и после разрушительного хрущевского девятого вала оставалось трудным. Ныне здравствующий Святейший Патриарх вспоминал: «Епархиальные архиереи часто приезжали к нам, но я не помню, чтобы кто-то, приехав, сказал: «Владыко, порадуйтесь, у меня в епархии все хорошо». Все привозили свои проблемы, свои беды, свою боль. А многим ли мы могли помочь?» [576](#) 7 мая 1965 г. архиепископ Алексей был назначен председателем Учебного комитета при Священном Синоде, совмещая руководство системой духовного образования с должностью управляющего делами Патриархии.

Еще одним постоянным членом Синода в 60-х гг. был митрополит Ленинградский Никодим, возглавлявший ОВЦС и Синодальную комиссию по вопросам христианского единства. С неутомимой энергией, несмотря на хрупкое здоровье, он расширял связи Русской Церкви с православными и инославными Церквями, действуя в тесном контакте с государственными учреждениями, которые направляли эти связи в русло советской внешней политики. Во 2-й половине 60-х гг. митрополит Никодим оказывал решающее влияние на подбор кандидатов на архиерейские кафедры, ориентируясь на выпускников возрожденных

академий, среди которых он умел находить наиболее способных для архиерейского служения в трудных советских условиях. У части церковной общественности это обстоятельство вызывало недоверие. В своей заботе о том, чтобы Русская Православная Церковь не была до конца разрушена очередным взрывом богоборческого энтузиазма, митрополит Никодим совершал тайные рукоположения, по свидетельству одного из близких ему людей, за время своего архипастырского служения он тайно хиротонисал до 150 священников. Как и другие официальные представители Церкви, митрополит Никодим вынужден был в своих публичных заявлениях отрицать гонения на Церковь в Советском Союзе. В одной из бесед он сказал, что неоднократно убеждался в том, что советские люди к подобным заявлениям привыкли, а шокирует это только иностранцев⁵⁷⁷. Некоторых ревнителей православия смущал экуменический пафос митрополита Никодима, и это давало повод подозревать его не только в готовности поступиться чистотой православного вероучения ради церковно-политических целей, но даже в тайном сочувствии католицизму. В одной частной беседе он объяснял свою открытость инославному миру тем, что различий «между христианами гораздо меньше того, что объединяет их в противостоянии материализму и атеизму, и мы должны подчеркивать нашу общность, а не противоречия»⁵⁷⁸. После смерти митрополита Киевского Иоасафа (Лелюхина) в мае 1966 г. на Киевскую кафедру с Дмитровской был переведен Филарет (Денисенко) с возведением его в сан архиепископа и назначением патриаршим экзархом Украины и постоянным членом Синода. Святейший Патриарх Алексей I согласился на его перемещение под давлением со стороны Совета по делам религий. То обстоятельство, что архиерей, занявший столь важную кафедру, не был до 1968 г. возведен в сан митрополита, должно было послужить знаком действительного отношения Патриарха к епископу.

Вся деятельность Священного Синода подвергалась неусыпному контролю со стороны Совета по делам религий и стоявших за ним государственных учреждений, но зависимость все-таки не была безграничной. Во всех случаях, когда это было возможно, Церковь подчеркнуто отмежевывалась от карательных акций советского режима против епископата и духовенства и действовала иногда вразрез с тем, что от нее могли ожидать контролирующие инстанции. Так, после освобождения из хрущевских лагерей архиепископ Иов (Кресович) был назначен на Уфимскую (1967), а архиепископ Андрей (Сухенко) — на Омскую кафедру (1969). В 1972 г. из-за тяжелого душевного расстройства архиепископ Андрей был уволен на покой в Псково-Печерский монастырь и через год скончался в этой обители.

И все-таки в середине 60-х гг., несмотря на то что Церковь оставалась в крайне стесненном положении, нельзя было не заметить и некоторых благоприятных перемен, например улучшения по сравнению с предыдущими годами условий для архиерейского окормления церквей. Прекратилась практика частых переводов архиереев из одной епархии в другую, навязанная Советом, для того чтобы не устанавливались прочные связи между архиереем, с одной стороны, и епархиальным духовенством и верующим народом — с другой. Архиереи могли чаще объезжать свои епархии, но по-прежнему вся деятельность архиерея находилась под неусыпным контролем и доводилась до сведения уполномоченных, попадая в отчеты Совета для вышестоящих инстанций. Любопытно обратить внимание на то, какие именно действия архиереев, вменяемые им в вину, регистрировались в отчетах (1968 и 1970 гг.). « Архиепископ Виленский Антоний пытался предоставить дотации тем религиозным обществам, которые не имели возможности произвести ремонт церковных зданий своими силами»⁵⁷⁹. Архиепископ Владимирский Онисим хотел рукоположить диакона Иова в иереи, Иов ответил, что он не может принять сан иерея. В ответ на это владыка Онисим писал диакону: « Вам хорошо известно, какой недостаток кадров священников переживают наши епархии... Духовная школа, где вы учились, готовила вас быть пастырем, деятелем на ниве Христовой, а вы, согласившись

на какое-то обещание, данное вами матери, отказались быть священником... Одумайтесь, отец диакон, и поймите, что вы служите не матери, а Господу... Опомнитесь, отец диакон Иов, жатвы много, а делателей мало». В годы хрущевских гонений архиепископ Онисим сумел уберечь от закрытия почти все храмы своей епархии, чем, несомненно, вызвал особое раздражение у чиновников Совета. « Архиепископ Пермский Леонид (Поляков),— читаем дальше,— и многие другие проповедники сходят с амвона и поют акафисты в окружении верующих, что косвенно принимает форму проповеди и сильно воздействует на верующих. Неудивительно, что после таких выходов увеличивается число заказных молебнов» ⁵⁸⁰. В отчетах Совета приводятся и статистические данные о епархиальном управлении в Русской Церкви. Так, в 1967 г. только в пяти епархиях (Ленинградской, Владимирской, Краснодарской, Одесской и Ворошиловградской) существовали епархиальные советы. В остальных епархиальное управление осуществляли единолично правящие архиереи. 47 епархий (большинство, но не все) разделены были на благочиннические округа, общее число которых составляло 326. Больше всего округов, а значит, приходов насчитывалось в Львовской епархии — 37; в Волынской было 20, в Московской, Минской и Ивано-Франковской — по 13, в Киевской — 12 округов. В других епархиях было меньше 10 благочиннических округов в каждой ⁵⁸¹.

Между тем епископат терял последних из архиереев, поставленных в довоенные и 40-е гг. 12 июля 1965 г. скоропостижно скончался митрополит Симферопольский и Крымский Гурий (Егоров), исповедник, многолетний узник лагерей, хиротонисанный во епископа в 1946 г. и короткое время в разгар хрущевских гонений занимавший Ленинградскую кафедру. В 1968 г. скончался уволенный за год до смерти на покой с Куйбышевской кафедры митрополит Мануил (Лемешевский). 29 марта 1968 г. на 92-м году жизни в Киеве преставился находившийся там на покое митрополит Иоанн (Соколов), один из ближайших сподвижников Патриархов Сергия и Алексия. Митрополит Иоанн (в миру Иван Александрович Соколов) родился в семье диакона в Дмитрове в 1877 г., богословское образование получил в Перервинском духовном училище и в Московской семинарии, затем учительствовал в начальной школе при Угрешском монастыре. В 1901 г. принял священство. В 1912 г. священник Иоанн Соколов заочно закончил Институт археологии, защитив диссертацию на тему «Об особенностях богослужебных чинов Русской Церкви до XVII в. по крюковым и нотным книгам». Овдовев в 1915 г., отец Иоанн продолжал священствовать в Москве в трудные годы мировой и гражданской войн и послевоенной разрухи. В 1928 г. он принял постриг и тогда же был хиротонисан в викарного епископа Московской епархии, впоследствии занимал Брянскую, Вологодскую и Архангельскую кафедры, но в 1939 г. вынужден был оставить архиерейское служение. В начале войны преосвященный Иоанн оказался в Ульяновске, возле главы Русской Церкви — патриаршего Местоблюстителя. Там он вступил в управление Ульяновской епархией, в 1942 г. был переведен в Ярославль, а через два года возведен в сан митрополита Киевского и назначен экзархом Украины. Эту должность он занимал до увольнения на покой в 1964 г. В послевоенные годы ему пришлось много потрудиться над умиротворением верующего народа и устройением церковной жизни на Украине после раскольнических действий епископа Поликарпа и других самозванцев, получивших незаконное посвящение от запрещенных епископов.

Потери в епископате восполнялись новыми хиротониями. Среди епископов, которые были хиротонисаны во 2-й половине 60-х гг., были и архиереи, ставшие видными церковными деятелями трех последних десятилетий. В 1965 г. во епископа Сызранского был хиротонисан Иоанн (Снычев), во епископа Тихвинского — Филарет (Вахромеев), во епископа Зарайского — Ювеналий (Поярков). 9 июля 1966 г. состоялась хиротония во епископа Звенигородского Владимира (Сободана).

В середине 60-х гг. прекратилось массовое закрытие приходо́в. Впрочем, отдельные случаи

закрытий имели место и в послехрущевскую эпоху. Так, 15 ноября 1966 г. в Ленинграде был взорван храм Святой Троицы, разрушено было несколько церквей в Белоруссии. В связи с миграцией сельского населения в города некоторые приходы теряли прихожан и под давлением уполномоченных закрывались; в то же время возможности для открытия новых приходов в городах, где население в 60-х гг. стремительно росло, были крайне ограничены, если не сказать, попросту отсутствовали. В результате процесс сокращения числа приходов все-таки продолжался. На 1 января 1962 г. на регистрации состоял 10 451 приход, до 21 августа 1963 г. было закрыто более 2 000 приходов и осталось 8314 общин. В 1966 г. по данным, опубликованным в журнале « Наука и религия » , на регистрации состояло 7523 прихода, а к 1971 г. число приходов сократилось до 7274. Иными словами, Церковь теряла в среднем по 50 приходов в год [582](#). Аналогичные изменения наблюдались и в численности приходского духовенства. В 1961 г. Русская Православная Церковь имела 8252 священника и 809 диаконов, в 1967 г. осталось 6694 священника и 653 диакона, таким образом, за 6 лет число священнослужителей сократилось более чем на 1500. В 1971 г. на регистрации состояло 6234 священника и 618 диаконов; как видно из этих данных, темпы убыли духовенства заметно снизились, составив около 500 за 4 года. В церковных хорах в 1970 г. состояло 40 914 певчих, из которых около 18 000 получали плату за пение [583](#).

Из сопоставления числа приходов с количеством священнослужителей, если к тому же учесть, что в соборных и некоторых приходских храмах служило по нескольку священников, видно, что к концу 60-х гг. обнаружился острый недостаток духовенства и многие приходы, не имея своих собственных настоятелей, окормлялись по совместительству священнослужителями соседних. Умирало старшее поколение священников, и оно ввиду сокращения числа учащихся духовных школ не восполнялось выпускниками семинарий. Приходилось рукополагать благочестивых мирян, не получивших церковного образования, часто с недостаточным общим образованием. На Украине, в особенности Западной, осталось несравненно больше церковного народа, чем в России, дети там большей частью воспитывались в религиозных семьях, поэтому среди рукополагаемых не только для церквей своего края, но и для служения в российских епархиях преобладали выходцы из западных епархий. Как видно из отчета Совета по делам религий за 1970 г., архиепископ Житомирский Палладий (Каминский) считал, что новое поколение приходского духовенства пестрое, образованием не отличается. «Но это не беда... На духовной ниве главное не образование. Основное — преданность Церкви» [584](#). Сквозь кривое зеркало подобных отчетов трудно представить реальную жизнь приходов с их повседневными буднями и заботами, но все-таки можно уловить настроения, которые преобладали в духовенстве. В 1970 г. сообщалось, что « среди священников Краснодарского края есть такие, как Олейник, Богомоллов, Сахарчук, Панков, Атоман, Гришунов, да и сам правящий архиерей Алексей (Коноплев.— В. Ц.), которые высказывают недовольство реформой 1961 г. и вынашивают надежды на возврат к старому положению, когда они безраздельно командовали финансами и хозяйственными делами приходов» . Подобные настроения, разумеется, не находили одобрения в Совете, зато там с явным удовлетворением поддерживали тех, кто готов был покинуть Церковь. Но подобного рода пастыри в русском духовенстве были, конечно, редки.

К концу 60-х гг. в сравнении с послевоенным десятилетием заметно сократилась и посещаемость храмов прихожанами, но результаты опросов, проводившихся с явным умыслом понизить процент верующих, говорят о том, что вера в народе оставалась живой. Так, в Пензенской области в 1966 г. в сельской местности 52% назвали себя атеистами, 21% — колеблющимися и 26% — верующими, но при этом выяснилось, что от 63 до 97% семей держат в своих домах иконы. В Казани в 1967 г. из 4000 человек верующими назвали себя 21%

опрошенных. В ряде мест Белоруссии верующими считали себя более 60% населения. В феврале 1967 г. на семинаре по вопросам атеистического воспитания были названы данные о количестве верующих в стране: 20% городского и 30—35% сельского населения⁵⁸⁵. При населении в 232 млн. это составляло более 60 млн. человек. По характеристике современного исследователя, эти данные были занижены, чтобы не нарушить «душевного спокойствия вождей», «эту цифру надо было бы как минимум удвоить, чтобы получить более-менее реальную картину»⁵⁸⁶. В большинстве регионов число официально зарегистрированных треб в послехрущевскую эпоху выросло в сравнении с периодом гонений. На Украине с 1964 по 1967 г. процент крещений новорожденных детей вырос с 48 до 51, в Молдавии — до 57. Не менее часто детей крестили на дому, поэтому общий процент крещений приближался, вероятно, к 75, но верно и то, что детей часто крестили по традиции или по настоянию бабушек.

Церковная благотворительность во все времена советской истории оставалась строжайше, под угрозой уголовного наказания запрещена; но она существовала, и не только как личное благодеяние христианина своим ближним, не доступное никакому контролю и запрету, но и в формах общинных. Примеры такой благотворительности, как правило, попадали в поле зрения уполномоченных и отражались в отчетах Совета по делам религий.

После хрущевских гонений у Русской Православной Церкви осталось 18 монастырей внутри страны. Уцелел один мужской монастырь в пределах Российской Федерации — Псково-Печерский Успенский; сохранилось две лавры: Свято-Троицкая и Успенская Почаевская. Большинство монастырей находилось на территории Украины. Это были самые крупные по числу монашествующих монастыри: Покровский со 168 насельницами и Флоровский Вознесенский со 144 насельницами в Киеве, Корецкий Троицкий женский монастырь тоже со 144 насельницами и еще четыре женских монастыря на Украине: Свято-Михайловский в Александровке под Одессой, Свято-Никольский в Мукачево, Вознесенский под Хустом в Закарпатье и Красногорский монастырь в Золотоноше. Кроме Почаевской лавры на Украине был еще один мужской монастырь — Успенский в Одессе. Остальные монастыри так распределялись по стране: в Белоруссии — Жировицкий мужской и в его стенах женский с общими храмами, в Литве — Виленский Свято-Духовской, тоже двойной (на регистрации в Совете по делам религий эти два женских монастыря не состояли, так что существовали полулегально, с ведома Совета, но без признанного статуса); в Латвии — женский Троице-Сергиев монастырь в Риге с Преображенской пустыней под Елгавой, в Эстонии — Пюхтицкий Успенский монастырь со 105 насельницами и в Молдавии — Вознесенский женский монастырь в селе Жабка. За пределами Советского Союза Русская Церковь имела Горненский женский монастырь в Иерусалиме.

В отчете Совета приводятся статистические сведения о монастырских насельниках за разные годы: в 1939 г. их насчитывалось 5100 человек, в 1940 г. — 4886 (это были насельники монастырей, находившихся на территориях, вошедших в состав СССР в канун Великой Отечественной войны), в 1959 г. — 2836, в 1969 г. — 1303, в 1970 г. — 1273 (монахов из них 838, послушников и послушниц 214). Представлена в цифрах и динамика их поступления в монастыри: до 1917 г. — 258, от 1917 до 1940 г. — 252, в годы войны — 103, от 1945 до 1960 г. — 522 и в 60-е гг. — 41. Более половины монашествующих были старше 60 лет, большинство монастырских насельников и насельниц имели начальное образование, высшее светское образование имели 111 монахов и монахинь; 20 монахов имели степень кандидатов богословия, 28 имели высшее богословское и 42 монаха — семинарское образование⁵⁸⁷. Составители отчета вынуждены признать, что «монастыри посещает довольно большое количество верующих, так, в Троице-Сергиевой лавре в дни больших религиозных праздников собирается до 15 000 богомольцев, многие из которых приезжают за сотни километров. От 2 до 5 тыс. молящихся

собирается в Почаевской лавре Тернопольской области, киевском Покровском женском монастыре, Псково-Печерском монастыре и др. Сюда поступают значительные денежные приношения верующих⁵⁸⁸.

Уполномоченные Совета пристрастно наблюдали за настроениями монастырских насельников, за деятельностью наместников и игумений обителей. Особенное раздражение вызывал наместник Псково-Печерского монастыря, в отчете Совета за 1970 г. ему дается подробная характеристика: » Принимаются меры по устранению от руководства Псково-Печерским монастырем его наместника Алипия. Когда-то он окончил художественную студию ВЦСПС, пишет иконы, украшает ими монастырские церкви. По характеру властная натура. Проживающих на покое в монастыре трех епископов Алипий сумел обуздать, подчинить и поставить в ряд с монахами, не позволяет им общаться с иностранными туристами и внешним миром вообще... Вместе с тем Алипий имеет ряд отрицательных сторон. Высказывал политически вредные взгляды... привлекал в монастырь денежными подарками подростков и молодежь. В письме, адресованном в местные органы власти, Алипий писал: «Долг человека, христианина и гражданина, а главным образом наш закон: просящему у тебя дай, хотящему у тебя занять в долг дай и обратно не требуй, разутого обуи, голодного накорми, жаждущего напой, сироту призри, вдову и супругу защити... ударяющему в правую подставь и левую щеку, люби ближнего своего как самого себя... творите больше добра и сынами света будете, обретете высшую радость и счастье"»⁵⁸⁹.

Большой утратой для Церкви явилась последовавшая в 1966 г. кончина ученика оптинских старцев схиархимандрита Севастиана (Фомина), прозорливца и чудотворца. Многие годы он провел в сталинских лагерях. В конце своего исповеднического жития служил настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы в Караганде, вокруг него собрались монахини. Схиархимандрит Севастиан совершал тайные постриги, его благотворное влияние на духовную жизнь Алма-Атинской епархии продолжалось и после его блаженной кончины.

* * *

Русская Православная Церковь в своих контактах с христианским миром, как и прежде, первостепенное значение придавала взаимоотношениям с братскими православными Церквями. В ноябре 1964 г. митрополит Ленинградский Никодим возглавил делегацию Русской Православной Церкви на очередном III Всеправославном совещании на Родосе, где решено было продолжить начавшиеся ранее богословские дискуссии с представителями Римско-католической, англиканской и старокатолической Церквей, для чего созданы были межправославные богословские комиссии. Следующее совещание состоялось в июне 1968 г. близ Женевы в Шамбези, где была образована Межправославная подготовительная комиссия Святого и Великого Собора Православной Церкви и Межправославная богословская комиссия для диалога с нехалкидонскими Церквями.

Во взаимоотношениях Православной Русской и католической Церквей наиболее важными событиями во 2-й половине 60-х гг. явились богословские собеседования, которые состоялись в Ленинградской Духовной Академии в 1967 и в 1970 гг. в городе святителя Николая Мирликийского в Бари. В 1967 г. представители Русской Церкви присутствовали в качестве гостей на III Всемирном католическом конгрессе апостолата мирян в Риме. В Белграде в 1966 г. и в Бонне в 1970 г. заседали богословская комиссия по диалогу со старокатоликами.

В благоприятном направлении развивались традиционно дружественные отношения русской и англиканской Церквей: собеседования богословов прошли в Ламбетском дворце (1966), а затем представители Русской Церкви присутствовали в качестве наблюдателей на конференции епископов англиканской Церкви (1968). В Белграде в 1966 г. состоялась первая сессия Межправославной богословской комиссии по подготовке диалога с англиканской

Церковью, учрежденной на III Всеправославном совещании. В этой сессии, посвященной исследованию вероучения, истории и современного положения англиканской Церкви, участвовали и богословы Русской Церкви. Во 2-й половине 60-х гг. регулярно проводились богословские встречи с представителями протестантских Церквей Германии, Финляндии, Дании, Швеции, Соединенных Штатов и других стран.

После посещения в сентябре 1965 г. центра ВСЦ в Женеве делегацией Русской Церкви во главе со Святейшим Патриархом Алексием I представители Русской Церкви участвовали в неофициальных консультациях с богословами нехалкидонских монофизитских Церквей: в 1967 г.— в Бристоле и в 1970 г.— в Женеве. Эти встречи были наиболее продуктивными из-за близости догматического вероучения и духовно-аскетического опыта наших Церквей. Неизменно дружественными и братскими были контакты с Армянской Апостольской Церковью, во главе которой стоял Патриарх-Католикос Вазген I. 4—19 июля 1968 г. в Упсале проходила IV ассамблея ВСЦ. Делегацию Русской Церкви возглавил митрополит Никодим, который изложил в своем докладе подход Православной Церкви к участию в ВСЦ и экуменическом движении в целом. Он, в частности, сказал, что главной задачей является приведение всех христиан не к формальному единству, а к раскрытию и принятию ими истины, исповедуемой Древней Великой Церковью, принявшие же истину станут едиными. Представители Русской Православной Церкви последовательно противостояли модернистскому богословию, призывая своих собеседников обратиться к изобильному духовными дарами наследию Древней Церкви, предание и традиции которой свято хранит православная Церковь. Священноначалие и представители Русской Церкви неоднократно предостерегали против опасных иллюзий, существовавших у некоторых протестантских Церквей, что сам ВСЦ со временем может перерасти из органа для диалога и сотрудничества между Церквами в некую сверхцерковь, которая растворит в себе все христианские конфессии. Во взаимоотношениях Русской Православной Церкви с инославным миром важное значение имело определение Священного Синода от 16 декабря 1969 г. о случаях обращения старообрядцев и католиков в Православную Церковь за совершением над ними святых таинств. Митрополит Никодим 17 марта 1970 г. дал развернутое разъяснение этому определению, которое гласило, что в случае болезни или по иной причине «духовенству Русской Православной Церкви надлежит проявлять пастырскую заботу и преподавать нуждающимся духовное утешение и святые таинства. При этом следует иметь в виду, что православная и Римско-католическая Церкви имеют одинаковое учение о святых таинствах и взаимно признают действенность этих таинств, совершаемых в них» [590](#). 29 июля 1986 г. это определение было отменено ввиду того, что такое решение выходит за рамки компетенции поместной Церкви, да и сама практика причащения католиков и старообрядцев не получила распространения. Участие Русской Православной Церкви в экуменических контактах неразрывно связано с ее миротворческим служением и участием во Всемирном конгрессе за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение в Хельсинки в 1965 г. и во Всемирной ассамблее мира в Берлине. В июне 1969 г. в Троице-Сергиевой лавре была проведена II Конференция всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира.

Миротворческий и одновременно экуменический характер имело и такое мероприятие, как консультация представителей христианских Церквей Советского Союза, среди которых самой многочисленной была делегация Русской Православной Церкви, с представителями христианских Церквей США, организованная национальной Конференцией католических епископов и Национальным советом Церквей Христа США в Сент-Луисе в октябре 1969 г. Русская Православная Церковь в 1969 г. участвовала в создании представительной миротворческой организации «Всемирная конференция религия и мир».

В 1970 г. священноначалию Русской Православной Церкви удалось уврачевать одну из застарелых болезней церковной эмиграции. 9 апреля 1970 г. Священный Синод после опроса правящих и викарных архиереев снял запрещение в священнослужении, наложенное на иерархию Североамериканской митрополии в 1947 г., и восстановил каноническое общение со своей Дщерью на Американском континенте, а на следующий день, 10 апреля, Святейший Патриарх Алексей I подписал вместе с членами Священного Синода томос о даровании автокефалии вновь образованной Православной Церкви в Америке — 15-й по диптиху среди поместных Церквей. Тогда же, ровно через 100 лет после создания русской православной духовной миссии в Японии, были нормализованы отношения с Японской Церковью и причислен к лику святых просветитель и первый православный епископ Японии святой равноапостольный Николай (Касаткин), блаженно почивший 3 февраля 1912 г. В святцы Русской Православной Церкви было внесено имя преподобного Германа Аляскинского, прославленного Американской Церковью в 1969 г.

Это было последним первосвятительским деянием Святейшего Патриарха Алексея I. Жизнь великого старца, перешагнувшего за 90-летний рубеж, угасала. После праздника Сретения, 15 февраля, Святейший Патриарх перенес инфаркт. Последние дни своей земной жизни он провел в загородной резиденции в Переделкине. 17 апреля, зная о приближении смерти, Патриарх продолжал работать: последнего посетителя он принял за 19 минут до кончины. В покоях Святейшего Патриарха остался его личный секретарь Даниил Андреевич Остапов. Патриарх, сидя на кровати, снял с себя образок, который всегда носил при себе, и, протянув его Остапову, сказал: «Возьми». «Как? Зачем?» — удивился тот. «Он мне уже не нужен. Вот идут архимандриты меня встречать» — и стал называть имена уже покойных священнослужителей⁵⁹¹. В 21 час 49 минут 17 апреля, в ночь под Лазареву субботу, сердце Святейшего Патриарха Алексея I остановилось. Возле одра Патриарха находились Д. А. Остапов и дежурный врач. Погребение председателя Русской Церкви состоялось 21 апреля, во вторник, после литургии Преждеосвященных Даров. Останки блаженнопочившего первосвятителя нашли упокоение в храме всех святых земли Русской под Успенским собором Троице-Сергиевой лавры, возле могилы глубокопочившего Святейшим Патриархом великого миссионера митрополита Макария (Невского). В отпевании и погребении участвовали Католикос-Патриарх Грузии Ефрем II, Патриарх Болгарский Кирилл, митрополит Варшавский Василий, митрополит Пражский Дорофей, сонм архипастырей и пастырей. На погребение прибыли Верховный Патриарх-Католикос всех армян Вазген I, кардинал Иоанн Виллебрандс и другие видные деятели инославных Церквей.

* * *

Патриарх Алексей I (в миру Сергей Владимирович Симанский) родился 27 октября 1877 г. в Москве в благочестивой и просвещенной старинной дворянской семье. Отец первосвятителя Владимир Андреевич служил синодальным чиновником, впоследствии удостоился высокого придворного чина камергера. Родной теткой Патриарха была игуменья Леонида (Озерова), настоятельница Новодевичьего монастыря. В 1888 г., получив хорошее домашнее образование, Сергей Симанский поступил в гимназический класс Лазаревского института восточных языков, а оттуда перешел в привилегированный Николаевский лицей. Уже в лицее мальчика отличала особая любовь к храму: «Как отрадно было после молитвы приложиться к любимой иконе и получить благословение батюшки! Сколько благодатных, теплых воспоминаний оставалось в душе от таких знаменательных событий, неразрывно связанных с храмом, как говение на первой и на второй неделе Великого поста или на Пасхальной седмице»⁵⁹². Огромное влияние на формирование души отрока оказал лицейский законоучитель протоиерей Иоанн Соловьев. Уже в эти годы юноша хотел посвятить жизнь служению Церкви, но по настоянию родителей,

окончив лицей с серебряной медалью, в 1896 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил со степенью кандидата права. Военную службу проходил вольноопределяющимся в гренадерском Самогитском полку.

На Покров в 1900 г. Сергей Владимирович поступил в Московскую Духовную Академию, где слушал лекции выдающихся ученых В. Ключевского, Н. Каптерева, А. Голубцова. Неизгладимое впечатление на духовное развитие аскетически настроенного юноши оказал ректор академии епископ Арсений (Стадницкий). Он оценил способности и благочестивую настроенность студента из дворян и полюбил его. 9 февраля 1902 г. Сергей Владимирович принял постриг от руки ректора с наречением имени святителя Московского Алексия. Вскоре он был рукоположен в иеродиакона, а 21 декабря 1903 г. — в иеромонаха. В 1904 г. иеромонах Алексей закончил духовную академию, получив степень кандидата богословия за курсовое сочинение « Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета (Дроздова)» . Началось обычное для богослова-монаха административно-педагогическое служение Церкви, сначала инспектором Псковской духовной семинарии под архипастырским окормлением епископа Арсения, занимавшего тогда Псковскую кафедру. 16 сентября 1906 г. иеромонах Алексей был назначен ректором Тульской семинарии с возведением в сан архимандрита. Вручая жезл новому архимандриту, епископ Арсений сказал: « Возлюбленный брат, помни, что не избежишь неправды и клеветы человеческой. Будешь исполнять свой долг и поступать по закону — заслужишь нареkania в формализме, придиричivosti. Будешь относиться к людям только с любовью, снисходительно — не избежишь обвинения в том, что не держишь как следует бразды правления. Где же найти утешение, спросишь ты, испытав на опыте тяготы начальствования. Оно только в молитве и в сознании исполненного долга» ⁵⁹³. Прибыв в Тулу на Покров Божией Матери, архимандрит Алексей прямо с вокзала направился в семинарскую церковь и совершил литургию. Перед молебном по случаю начала учебного года он обратился к воспитанникам со словами назидания: « Не забывайте молитвы, которая есть дыхание благодатной жизни. К Небесному Учителю возводите взор ума вашего. К Нему простирайте воздыхание сердца, когда приступаете к учению, когда вас постигают скорби» ⁵⁹⁴. Ученики любили своего ректора, который преподавал им [Новый Завет](#). Один из них в прощальной речи по случаю перевода архимандрита Алексия в Новгородскую семинарию точно определил основные качества своего наставника: «В вас мы сразу же нашли приветливого, отзывчивого ко всем нашим юношеским запросам начальника и доброго воспитателя-человека... Ревностно относясь к поддержанию и укреплению в нас необходимого религиозного чувства и направления, вы создали особенно торжественное и величественное богослужение... Вы бережно обращались с душой каждого, боясь излишней суровостью запугать ее, оттолкнуть от себя» ⁵⁹⁵. Архимандрит Алексей был также назначен и настоятелем древнего монастыря преподобного Антония Римлянина.

28 апреля 1913 г. в Софийском соборе состоялась хиротония архимандрита Алексия во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. Хиротонию возглавил высокий гость России — Патриарх Антиохийский Григорий IV. Когда началась первая мировая война, епископ Алексей воодушевлял свою паству на самопожертвование ради отчизны, устраивал лазареты, служил молебны и панихиды по усопшим. Архиепископ Арсений подолгу бывал в Петербурге, участвуя в деятельности Священного Синода и Государственного совета, и викарный епископ Алексей управлял епархией, что продолжилось и в годы гражданской войны. Уже при советской власти епископ Алексей был осужден условно по обвинению в контрреволюционной деятельности. В феврале 1921 г. Патриарх Тихон назначил епископа Алексия первым викарием Петроградской епархии с титулом епископа Ямбургского, 29 мая 1922 г., после ареста митрополита Вениамина, епископ Алексей вступил в управление Петроградской епархией,

однако из-за происков живоцерковников он в октябре 1922 г. был выслан в Казахстан, в город Каракалинск. Весной 1926 г. на Благовещенье епископ Алексей вернулся в Ленинград. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей назначил его управляющим Новгородской епархией с титулом архиепископа Тихвинского, позже Хутынского, а в 1927 г. он вошел во Временный Патриарший Синод. 18 мая 1932 г. архиепископ Алексей был возведен в сан митрополита с титулом Старорусского. В конце года в связи с тем, что после кончины митрополита Ташкентского Никандра (Феноменова) проживавший более десяти лет в Ташкенте митрополит Арсений был назначен на эту кафедру, преосвященный Алексей стал титуловаться митрополитом Новгородским по имени епархии, которой он управлял уже в течение шести лет, а в 1933 г., после ухода на покой митрополита Серафима (Чичагова), митрополит Алексей был переведен на Ленинградскую кафедру. В это время Ленинград был главным оплотом обновленчества, а также правых оппозиционеров, т. е. тех, кто не поминал за богослужением имени митрополита Сергея. Новому Ленинградскому митрополиту пришлось много потрудиться над сохранением канонического строя церковной жизни в своей епархии. Все свободное от административных попечений время митрополит Алексей посвящал богослужениям в маленьких городских церквях по священническому чину. Обновленческий лжемитрополит Николай Платонов часто выступал с личными нападкамии на православного митрополита, но святитель ни разу не ответил ему. Он пользовался необычайно высоким авторитетом у паствы, но никогда не стремился к популярности, не льстил и не заискивал перед народом.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны митрополит Алексей был вызван в Патриархию в Москву. 10 августа 1941 г. он произнес Слово, проникнутое глубоким и подлинно патриотическим чувством: «Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира. Ему свойственна тоска по Родине, о которой у него постоянная дума, постоянная мечта. Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь. Он готов отдать все свои силы на защиту ее; он рвется в бой за нее... это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, которую он не в силах остановить, которую он должен до конца испытать» [596](#).

Вернувшись в свой кафедральный город, митрополит Алексей 900 блокадных дней провел со своей паствой в осажденном, вымирающем и замерзающем Ленинграде. Непрерывные бомбежки и артобстрелы, трупы умерших от голода, не погребенных жителей — на каждом шагу, но городские церкви были переполнены молящимися. Митрополит Алексей был все время в храме, одно время он даже жил на колокольне Никольского собора. Служил литургию, молебны, а в будние дни часто без диакона сам причащал и читал поминания. Всякий мог тогда прийти к нему со своим горем, и он принимал пасомых и утешал их беседами, в своих проповедях и посланиях к пастве митрополит внушал им надежду на избавление и победу. В пасхальном послании 1942 г. святитель писал: «Во всех нас заговорил русский, сын одного Отечества, и встали не за себя, не за личные блага, а за мать Родину, которой грозит разорение и гибель... А над всем сим — непоколебимая вера, присущая русскому православному человеку, вера в бесконечную милость Божию, сильную превозмочь гордость насилия и даровать победу народу, явившему столь великую крепость духа в годину тяжелой опасности» [597](#). 4 сентября 1943 г. митрополит Алексей участвовал в беседе трех виднейших иерархов Русской Церкви с председателем Совета министров СССР. После кончины Патриарха Сергея митрополит Алексей по завещанию первосвятителя и с согласия Священного Синода взял на себя обязанности Местоблюстителя патриаршего престола.

2 февраля 1945 г. Поместный Собор избрал митрополита Ленинградского Алексея Патриархом Московским и всея Руси. Первосвятительское служение великого старца

продолжалось 25 лет. Господь даровал ему редкое долголетие. Рассказывают, что однажды, когда старец-святитель уже был в глубоко преклонном возрасте, к нему обратились с просьбой об увольнении на покой одного московского священника. «А почему его надо увольнять?» — спросил Патриарх. «Он очень старый». «А я?» — опять спросил Святейший, и на этом разговор был окончен⁵⁹⁸. Перед отпеванием блаженнопочившего Патриарха митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен произнес надгробное Слово. Он сказал: «Шествие Святейшего Патриарха Алексия в потусторонний мир начинается с тех мест на земле, которые он очень любил и о которых проявлял любвеобильную заботу. Это обитель преподобного Сергия Радонежского, в которой прошла юность Святейшего Патриарха, его годы учения в духовной академии, время монашества и монашеского искуса, а затем и настоятельство, так как во время патриаршества Святейший Патриарх Алексей являлся одновременно и священноархимандритом Троице-Сергиевой лавры... Имя Святейшего Патриарха известно как имя усердного делателя непрестанной молитвы... Он с благоговением и слезами на глазах стоял перед ракой преподобного Сергия, вознося горячие молитвы о Русской Православной Церкви и ее чадах»⁵⁹⁹.

ГЛАВА IX. Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Пимене (1970—1990)

После блаженной кончины Святейшего Патриарха Алексия I Местоблюстителем патриаршего престола стал в соответствии с «Положением об управлении Русской Православной Церковью» старший по хиротонии из постоянных членов Священного Синода митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков). На своем заседании, состоявшемся 15 мая 1970 г., Синод постановил «призвать епископат, клир и всех верных чад Русской Православной Церкви творить заупокойное поминовение почившего Святейшего Патриарха Алексия в храмах Патриархата в течение года со дня кончины»⁶⁰⁰. 25 июня 1970 г. Священный Синод, заседавший под председательством митрополита Пимена, постановил «созвать Поместный Собор Русской Православной Церкви для замещения вдовствующего Московского патриаршего престола по истечении этого года, с 30 мая по 2 июня 1971 г.»⁶⁰¹ На этом же заседании была образована синодальная Комиссия для подготовки Поместного Собора Русской Православной Церкви во главе с Местоблюстителем митрополитом Пименом. Комиссия, взяв за образец практику Поместного Собора 1945 г., выработала квоту представительства клириков и мирян на Соборе (по одному клирику и мирянину от епархии, наряду с представителями духовных школ и монастырей) и процедуру их избрания, разработала программу соборных деяний и утвердила кандидатуры докладчиков, приняла чинопоследование интронизации Патриарха.

В епархиях под председательством правящих архиереев проходили съезды духовенства и мирян, избиравшие членов Собора и обсуждавшие кандидатуру Патриарха. Большая часть епархиальных съездов высказывалась за то, чтобы Собор избрал Патриархом Крутицкого митрополита Пимена. Впрочем, были сторонники и других кандидатов: митрополитов Ленинградского Никодима и Алмаатинского Иосифа, исповедника и архипастыря святой жизни, старшего по хиротонии в российском епископате и одного из старейших по летам, он родился в 1893 г. и был хиротонисан во епископа в 1932 г., его лагерный стаж насчитывал 25 лет.

В адрес подготовительной комиссии поступали петиции и письма от архиереев, священнослужителей и мирян часто с предложениями радикального характера. Иркутский архиепископ Вениамин (Новицкий) предлагал пересмотреть порядок приходского управления, введенный архиерейским Собором 1961 г., но без возвращения к тому положению, которое действовало до 1961 г. Он, в частности, предлагал: «1) приходское духовенство имеет право входить в двадцатку... и подписывать соглашения. Они могут избираться в приходские советы и его исполнительные комитеты. 2) Исполнительный орган приходской общины отчитывается в своей деятельности перед общим собранием прихода и священником. 4) Исполнительный орган не вмешивается в духовную и литургическую деятельность священника и может жаловаться в этой связи только своему епископу. 5) Прием на службу и увольнение исполнительным органом должен быть согласован с настоятелем»⁶⁰². В письме священника Николая Гайнова и мирян Л. Регельсона, Ф. Карелина и В. Капитончука подвергалась критике деятельность митрополита Никодима, вероятного кандидата в Патриархи; его обвинили в апологии экуменизма и социального христианства. В письме, подписанном священником Георгием Петуховым, иеродиаконом Варсонофием Хабулиным и Петром Фоминым, вина за преследование Церкви в СССР возлагалась на международные «силы широкого сионизма и сатанизма», но были и вполне здравые, хотя по тому времени утопические предложения ходатайствовать перед правительством: 1) о предоставлении Русской Православной Церкви, ее высшим органам,

епархиальным управлениям, монастырям и исполнительным органам права юридического лица; 2) о разработке четкого законодательства о правах и обязанностях уполномоченных; 4) о разрешении факультативного преподавания детям христиан закона Божия; 5) об открытии ранее действовавших семинарий и курсов по подготовке псаломщиков и регентов; 6) об учреждении при Московской Патриархии и некоторых епархиальных управлениях типографий; 8) об открытии Киево-Печерской лавры, Дивеевского женского монастыря; об открытии (во исполнение пожелания блаженной памяти Святейшего Патриарха Алексия) женского монастыря в селе Бородино Московской области»⁶⁰³.

В канун Поместного Собора, 26 мая 1971 г., в Успенском храме Новодевичьего монастыря состоялось архиерейское совещание. Выступления архиереев-эмигрантов внесли непривычно острый характер в дискуссию, на совещании Поместному Собору предстояло утвердить постановление архиерейского Собора 1961 г. о внесении изменений в «Положение об управлении Русской Православной Церковью». Архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин) напомнил, что они нарушают церковные каноны,

«согласно которым «епископ да имеет попечение о всех церковных вещах» (правило 38) и «предписываем епископу иметь власть над церковными вещами. И если ему следует вручать ценные человеческие души, то тем более ему можно управлять деньгами» (правило 41). А между тем по постановлениям 1961 г. епископ совершенно отделен от всякого контроля над материально-хозяйственной стороной жизни приходов, также отстранены и настоятели приходов, представители и доверенные лица епископов... Я отнюдь не предлагаю вернуться к порядкам 1945 г. Там был перегиб в смысле предоставления слишком большой власти настоятелям и умаления участия мирян в управлении материальной стороной приходской жизни. Но в 1961 г. произошел перегиб в противоположную сторону: настоятели были совершенно отстранены, и все было передано мирянам. Нужно сейчас выработать нечто среднее. Устранить оба перегиба, так чтобы права мирян в хозяйственной жизни приходов были бы сохранены, а надзор епископов и настоятелей над всеми сторонами жизни приходов, духовной и материальной, восстановлен. Чтобы настоятели опять стали возглавителями приходов, а не наемниками»⁶⁰⁴.

Как вспоминает архиепископ Василий, в частных беседах согласие с его позицией выразили Иркутский архиепископ Вениамин (Новицкий), Алмаатинский митрополит Иосиф (Чернов), Уфимский архиепископ Иов (Кресович)⁶⁰⁵. «Почему же вы... не выступали тогда на совещании и не сказали этого?» — спросил архиепископ Василий Иркутского архиепископа Вениамина после заседания Собора. «Меня обманули... вызвали в Предсоборную комиссию и долго внушали, что постановления 1961 г., как вытекающие из государственных законов, не являются дискуссионным вопросом... Теперь я вижу, что дискуссия была». «Владыко... но раз вы увидели, что дискуссия была, почему же вы тоже не высказали своих взглядов?» Архиепископ Вениамин посмотрел на меня: «Знаете, я пробыл 12 лет на каторге, на Колыме. Вновь начинать это в моем возрасте я не в силах. Простите!»⁶⁰⁶

Этого же вопроса в своих выступлениях на совещании коснулись митрополиты Пимен и Никодим. Митрополит Пимен сказал, что есть единичные высказывания, которые нас возвращают к положению, существовавшему в приходах до 1961 г. «Но для этого нет никаких оснований, ибо принятие подобных решений противоречит государственному законодательству и не будет служить на пользу святой Церкви»⁶⁰⁷. Подробнее остановился на этом вопросе митрополит Никодим, который в первую очередь обратил внимание присутствующих на то, что структура и организация жизни Церкви не должны и не могут входить в противоречие с законами страны, и все, что может осложнять или ухудшать взаимоотношения между Церковью

и государством, должно отвергаться. В памяти церковной никогда не должны забываться усилия приснопамятного Святейшего Патриарха Сергия по нормализации этих отношений и обо всем том, что было в церковной жизни при отсутствии этих отношений». Напоминание было весьма красноречивым и сильным»⁶⁰⁸.

Полемика возникла на архиерейском совещании и по вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии с так называемой Русской Православной Церковью за границей. Митрополит Никодим предлагал дать в соборных постановлениях самые жесткие характеристики карловчанам как раскольникам, наносящим вред Церкви. Сурожский митрополит Антоний (Блюм) высказался за более гибкий и мягкий подход к ним, за то, чтобы постановление лишено было компрометирующей Собор политической окраски.

На архиерейском собрании обсуждалась, естественно, и кандидатура Патриарха. Выступившие высказались за митрополита Крутицкого Пимена. Против открытого голосования возражал Брюссельский архиепископ Василий (Кривошеин): «Я говорю все это не потому, что я против кандидатуры митрополита Пимена. Я много ломал голову над календарем с портретами наших иерархов и никого, кроме владыки Пимена, подходящего не нашел. Один слишком стар, другой слишком молод, а третий мне недостаточно известен. Считаю митрополита Пимена достойным кандидатом в Патриархи и заявляю, что будет ли тайное, будет ли явное голосование, я буду голосовать за митрополита Пимена... Думаю, что так мыслят все. Но тогда тем более не нужно делать открытых выборов, раз и при тайном голосовании проявится единодушие»⁶⁰⁹. Его мнение не было принято членами совещания, утвердившими открытое голосование при избрании Патриарха.

Митрополит Никодим по вопросу о порядке избрания Патриарха сказал: «Предсоборная комиссия внесла рекомендацию, чтобы для избрания на престол Патриарха Московского и всея Руси был предложен один кандидат. Осуществление этого предложения выразит братское единомыслие наше в очень важном для Русской Православной Церкви вопросе, тем более что в отношении имени кандидата среди нас не может быть значительного разномыслия»⁶¹⁰. Митрополит Никодим назвал имя кандидата в Патриархи — митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена, особо отметив, что последние десять лет жизни Святейшего Патриарха Алексия владыка Пимен был одним из его ближайших помощников.

* * *

Поместный Собор открылся 30 мая 1971 г. в Троице-Сергиевой лавре Божественной литургией, которую совершил Местоблюститель патриаршего престола митрополит Пимен в Троицком соборе. Членами Соборами были по должности все архиереи Русской Церкви, а также клирики и миряне, представлявшие 67 внутренних и 14 зарубежных епархий, монастыри и духовные школы. Представлена была на Соборе и Японская Автономная Церковь. Среди 236 членов Собора было 75 архиереев, в том числе 9 митрополитов, 30 архиепископов и 36 епископов; 85 клириков и 78 мирян. Гостями Поместного Собора были представители православных автокефальных Церквей, инославных Церквей, экуменических организаций, среди них: Александрийский Патриарх Николай VI, Католикос-Патриарх Грузии Ефрем II, Румынский Патриарх Юстиниан; наместник-председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Максим, митрополиты Варшавский Василий, Пражский Дорофей; кардинал Виллебрандс, генеральный секретарь ВСЦ Ю. К. Блейк. Во вступительном слове на вечернем заседании митрополит Пимен приветствовал собравшихся и определил основные задачи предстоящего Собора — избрание Патриарха и рассмотрение деятельности Патриархии за период после Поместного Собора 1945 г.

Местоблюститель патриаршего престола, который по должности своей исполнял обязанности председателя Поместного Собора, сообщил о решении Архиерейского Совещания

избрать заместителем Председателя Собора, митрополита Ленинградского Никодима, Председателем секретариата — митрополита Таллинского Алексия, председателя редакционной комиссии — митрополита Киевского Филарета и мандатной — митрополита Сурожского Антония.

31 мая Местоблюститель патриаршего престола выступил с докладом «Жизнь и деятельность Русской Православной Церкви», в котором была дана высокая оценка первосвятительскому служению почившего Патриарха Алексия I «Достойный хранитель духовных сокровищ нашей Церкви, как драгоценного опыта живой любви и богословского созерцания отцов и учителей Церкви, он научил нас любить и ценить эти духовные сокровища и традиции, завещал нам не только хранить их далее, но и укреплять, и умножать своей доброй христианской жизнью»⁶¹¹. В докладе упомянуты основные события церковной истории за четверть столетия; охарактеризованы разные стороны церковной жизни. Однако реальный характер взаимоотношений Русской Церкви с атеистическим Советским государством не мог быть по обстоятельствам времени не только вскрыт, но даже и обозначен в докладе Местоблюстителя, не было в нем и статистических сведений о церковной жизни.

В содокладе митрополита Ленинградского Никодима «Экуменическая деятельность Русской Православной Церкви» был предложен экскурс в историю взаимоотношений Русской Православной Церкви с инославными Церквями, начиная со времени Крещения Руси. Переходя к временам более близким, он напомнил соборянам, что «одним из энергичных ревнителей единства христиан был Святейший Патриарх Московский Тихон. Особо выдающаяся роль в подходе к проблеме взаимоотношений с инославием принадлежит Святейшему Патриарху Московскому Сергию... Святейший Патриарх Московский Алексей привлек к этой важной области церковной жизни многих иерархов и других служителей и сынов Русской Православной Церкви»⁶¹². Митрополит Никодим обстоятельно охарактеризовал взаимоотношения с Римокатолической Церковью, с древними восточными нехалкидонскими Церквями, с англиканским, старокатолическим и протестантским исповеданиями, с ВСЦ и другими экуменическими организациями за весь послевоенный период. Смысл и характер участия Русской Православной Церкви в экуменических контактах докладчик выразил так:

«Неизменность основной линии этой деятельности определялась всецелой и бескомпромиссной преданностью соборным началам святого вселенского православия, при ясном, однако, сознании своего нравственного долга — сделать все возможное, дабы облегчить и другим христианам приближение к вожделенному единству веры, завещанному Господом Иисусом Христом. Побуждение и развитие экуменического сознания в среде христиан различных конфессий идет многими путями и представляет собой довольно сложное явление. В нем есть и подлинно святые устремления к искреннему покаянию, глубокому обновлению сердца, обогащению сокровищами истинной веры и благодатной жизни. Но есть в нем — и, к сожалению, весьма нередко, — и элементы несерьезного увлечения модой, элементы поспешных суждений и самоуверенных выводов. Все это обязывает бодрствовать, проявлять спокойную рассудительность, взвешивать каждый новый шаг, остерегаться и слишком радужных оценок, и тем более идеализации современного экуменизма, равно как и преувеличения мрачных на него взглядов и пессимистических прогнозов»⁶¹³.

С докладом «О миротворческой деятельности Русской Православной Церкви» выступил митрополит Таллинский и Эстонский Алексей и предложил богословское обоснование миротворческого служения Церкви. Основа миротворчества, сказал он, «заключается в Божественных заповедях, данных людям Ветхого Завета через пророка Моисея ([Втор. 6. 5](#); [Лев. 19. 18](#)) и обращенных к новозаветному человечеству Самим Христом: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим... Возлюби*

ближнего твоего, как самого себя ([Мф. 22. 37:39](#); [Мк. 12. 30:31](#); [Лк. 10. 27](#)). Именно исполнение этих заповедей в приложении к конкретным требованиям времени и составляет сущность нашего миротворчества. Любить Бога значит прежде всего соблюдать Его заповеди ([Ин. 14. 15](#)). *Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими,*— говорит Христос в Нагорной проповеди ([Мф. 5. 9](#)). Эта заповедь нашего Господа является основополагающей для христианского служения миру на земле... Характерно, что апостольские Послания буквально пронизаны идеей утверждения мира в человеческом обществе. Апостол Павел так и говорит: *К миру призвал нас Господь* ([1 Кор. 7. 15](#)), и он же зовет нас *искать того, что служит миру* ([Рим. 14. 19](#)). То же возглашает апостол Петр: *Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему* ([1 Пет. 3. 11](#)). Характерно, что первоверховные апостолы не просто констатируют ценность мира, но настойчиво призывают к активному его созиданию»⁶¹⁴. Митрополит Алексей дал обстоятельный обзор участия архипастырей, пастырей и мирян Русской Церкви во всемирном движении сторонников мира начиная с 1949 г., отметив особый вклад Патриарха Алексия I, митрополитов Пимена и Никодима; упомянул он и о плодотворной деятельности митрополита Крутицкого Николая, имя которого в 60-х гг. стало одиозным в восприятии советского руководства и было почти запрещенным.

На вечернем заседании 31 мая митрополит Никодим выступил с докладом «Об отмене клятв на старые обряды и придерживающихся их», разъяснив, что уже само введение единоверия по существу обозначало отмену клятв на старые, дониконовские обряды. Но поскольку положительной отмены клятв Большого Московского Собора не состоялось, то, по словам докладчика, «старообрядцам-единоверцам... казалось, что они, хотя и соединились с Греко-российской Церковью, но продолжают оставаться под клятвой, как сохраняющие старые обряды, совершение которых Собором 1667 г. было для всех русских православных христиан безусловно воспрещено»⁶¹⁵. Митрополит Никодим напомнил участникам Собора, что после обсуждения вопроса о снятии клятв 23 апреля 1929 г. на заседании Временного Патриаршего Синода под председательством митрополита Сергия было вынесено постановление, которое в несколько измененном виде докладчик и предлагал повторить теперь на уровне соборного определения. Предложение было принято.

Для выступлений в прениях записалось 68 членов Собора, но заслушали 36 выступлений, затем постановили прения прекратить, а не успевшим высказаться подать тексты выступлений в президиум Собора. Среди выступавших были митрополиты Киевский Филарет, Орловский Палладий, Сурожский Антоний, Ярославский Иоанн, архиепископы Херсонский Сергей, Львовский Николай, Курский Серафим, епископы Тульский Ювеналий, Дмитровский Филарет, Владимирский Николай, протоиереи Борис Осташевский, Сергей Румянцев, Николай Петров, профессор А. И. Георгиевский.

На вечернем заседании был оглашен проект решений Поместного Собора, в обсуждении которого участвовали митрополит Никодим, архиепископ Брюссельский Василий, епископ Тульский Ювеналий, епископ Баденский Иринея и Н. [В. Лосский](#). Выступавшие предложили дополнить решения констатацией таких актов высшей церковной власти, как дарование автономии Японской Церкви и предоставление автономного статуса Финляндской Церкви. Характерно, что трое из принявших участие в дискуссии представляли церковную эмиграцию. В окончательной редакции решения Поместного Собора включали следующие положения:

«1) Одобрить деятельность Священного Синода во главе с блаженнопочившим Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием и Местоблюстителем Московского Патриаршего престола высокопреосвященнейшим Пименом, митрополитом Крутицким и Коломенским, по управлению Русской Православной Церковью, осуществленную в период от Поместного Собора 1945 г. и до сего дня, а также определения архиерейского Собора Русской

Православной Церкви, состоявшегося 18 июля 1961 г. 2) Выразить глубокое удовлетворение по поводу решения Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Алексием на основании согласия епископата Русской Православной Церкви о даровании автокефалии ряду Поместных Церквей, входивших в Московский Патриархат, а также автономии Японской Православной Церкви... Одобрить решение Священного Синода Русской Православной Церкви от 30 апреля 1957 г. о признании автономии Финляндской Православной Церкви, бывшей части Московского Патриархата. 3) Отметить выдающееся историческое событие жизни Русской Православной Церкви — возвращение в православие в 1946 и 1949 гг. греко-католиков Галиции и Закарпатья и прекращение Брест-Литовской и Ужгородской унии, в свое время насажденных силою. 4) Признать делом исключительной важности напряженные усилия, предпринимавшиеся Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом Русской Православной Церкви в обозреваемый период по возвращению в лоно Матери Церкви отшедших от нее в разное время архиереев, клириков и мирян... Поручить высшей церковной власти Русской Православной Церкви продолжать усилия по воссоединению с Матерью Церковью так называемой Русской Православной Церкви за границей (Карловацкий раскол), Украинской Автокефальной Православной Церкви за границей и других рассеянных ее чад... Ввиду того что активная деятельность приверженцев так называемой Русской Православной Церкви за границей... против Матери — Русской Православной Церкви и против Святой Православной Церкви в целом наносит вред святому православию, высшей церковной власти Московского Патриархата осуществить в ближайшее время необходимые канонические санкции по отношению к отступническому сонмищу...— Карловацкому расколу и его нераскаявшимся последователям. 5) Одобрить деятельность Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви по развитию взаимосвязей Московского Патриархата с поместными православными Церквями. 6) Одобрить деятельность Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода Русской Православной Церкви во взаимоотношениях с неправославными христианскими Церквями и исповеданиями и в экуменизме... Считать важнейшей задачей... дальнейшее развитие этой деятельности, которое должно быть неизменно обусловлено строгим соблюдением чистоты православной веры. 7) Поместный Собор высоко оценивает активную и многогранную деятельность Святейшего Патриарха Алексия, Священного Синода и всей Поместной Русской Православной Церкви в их служении современному человечеству, основой которого является постоянная и усердная молитва Владыке вселенной о мире всего мира»⁶¹⁶.

2 июня Поместный Собор издал деяние «Об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их», в котором говорилось:

«Мы, составляющие Поместный Собор Русской Православной Церкви, равносильный по своему достоинству и значению Московскому Собору 1656 г. и Большому Московскому Собору 1667 г., рассмотрев вопрос о наложенных этими Соборами клятвах с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, торжественно определяем во славу Всесвятого Имени Господа нашего Иисуса Христа: 1) Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 г. о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им. 2) Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 г. об отвержении и вменении яко не бывших порицательных выражений, относящихся к старым обрядам и, в особенности, к двуперстию, где бы они ни встречали и кем бы не изрекались. 3) Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 г. об упразднении клятв Московского собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г., наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся им православноверующих христиан, и считать эти клятвы яко

не бывшие»⁶¹⁷.

Старообрядческие общины не сделали после акта Собора, исполненного духом христианской любви и смирения, встречного шага, направленного на уврачевание раскола, и продолжают пребывать вне общения с Церковью.

Главным событием последнего дня заседаний Собора (2 июня) явилось избрание Патриарха. Епископы, голосуя от своего имени и от имени клириков и мирян своих епархий, начиная с младшего по хиротонии Самаркандского епископа Платона (Лобанкова) и кончая заместителем председателя Собора митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом, назвали своим избранником митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена. После состоявшегося избрания митрополит Пимен на вопрос, который от лица Собора задан был по чиноположению митрополитом Никодимом: «Принимаешь ли ты это избрание?», ответил полагающимися при этом словами: «Избрание меня Освященным Собором Русской Православной Церкви Патриархом Московским и всея Руси приемлю, благодарю и нимало вопреки глаголю»⁶¹⁸.

На заключительном заседании Собор одобрил «Послание преосвященным архиереям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви», в проект которого, по предложению митрополита Сурожского Антония, было дополнительно включено обращение к тем ее сынам и дочерям, которые, как сказал митрополит Антоний, «принадлежат к нашей Русской Церкви, хотя и не являются советскими гражданами. Они любят Россию и благодарят Русскую Церковь за то, что она им дала»⁶¹⁹. В тот же день было принято «Обращение Поместного Собора Русской Православной Церкви христианам всего мира». Закрывая Собор, его председатель новоизбранный Патриарх Пимен произнес заключительное слово, в котором благодарил членов Собора за доверие и просил их молитв.

3 июня 1971 г. в патриаршем Богоявленском соборе Москвы состоялась интронизация нареченного Патриарха. Божественную литургию в соборе после интронизации совершали Патриарх Александрийский Николай VI; Патриарх Московский и всея Руси Пимен, Католикос-Патриарх всей Грузии Ефрем II, Патриарх Румынский Юстиниан, наместник-председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Максим; архиепископ Новой Юстинианы и всего Кипра Макарий, одновременно исполнявший обязанности президента республики Кипр; митрополит Варшавский Василий, митрополит Пражский Дорофей, митрополит Доброславский Владислав (Сербская Церковь), предстоятели автономных Церквей; постоянные члены Священного Синода Русской Православной Церкви: митрополиты Никодим, Алексей, Филарет, а также митрополиты Орловский Палладий, Сурожский Антоний, Алмаатинский Иосиф. Архипастырям сослужили священники во главе с настоятелем патриаршего собора протопресвитером Иоанном Соболевым. Диаконский чин за литургией возглавил соборный архидиакон Владимир Прокимнов.

При вручении святейшему Патриарху Пимену Владимирской иконы Божией Матери митрополит Таллинский Алексей произнес приветственное слово:

«Господь и Спаситель наш, «Иже святую Свою Церковь неизреченною премудростию основавший», ныне всеблагим Промыслом Своим через избрание наше положил начало новому продолжению твоего архипастырского служения. Возведенный десницею Божией на Московский и всея Руси патриарший престол, ты облечен ныне первосвятительской властью и силой как достойный преемник святителей Московских, которые укрепляли нашу Церковь многими трудами, подвигами и благочестием и много послужили объединению, просвещению и славе нашего Отечества. Не того ли ожидает теперь и от тебя Русская Православная Церковь, изволением Святого Духа и своим поставившая твою святыню на церковной свещнице, подобно светильнику? Не с твоим ли именем связаны все надежды на дальнейшее укрепление жизни

церковной и на объединение всех православных русских людей, в рассеянии сущих, в ограде нашей Матери Церкви? Да, все мы, твои сослужители и соработники, как и все члены Поместного Собора, актом единодушного избрания выразили свою уверенность в том, что на престоле Московских и всея Руси Патриархов тебе предстоит быть не только «хранителем апостольских преданий, столпом непоколебимым и православия наставником», но и постоянным молитвенником за нашу великую Родину и ее народ, быть его христианской совестью и правилом веры для наших пастырей и пасомых»⁶²⁰.

* * *

17 июня 1971 г. новоизбранный Патриарх Московский и всея Руси Пимен удостоил награждений архипастырей, деятельно участвовавших в подготовке и проведении Поместного Собора: митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима — правом служения с предношением креста, митрополитов Таллинского Алексия и Киевского Филарета — правом ношения второй панагии; архиепископы Херсонский и Одесский Сергей (Петров) и Львовский и Тернопольский Николай (Юрик) были возведены в сан митрополита, а заместитель председателя ОВЦС епископ Тульский Ювеналий в сан архиепископа.

После интронизации Святейшего Патриарха вакантной осталась Крутицкая кафедра. Священный Синод на заседании 25 июня постановил назначить митрополитом Крутицким и постоянным членом Синода архиепископа Курского Серафима (Никитина) с оставлением его в должности председателя хозяйственного управления. Еще одно изменение в составе постоянных членов Синода произошло 30 мая 1972 г., когда митрополит Никодим по состоянию здоровья был освобожден от должности председателя ОВЦС, и эту должность занял возведенный незадолго перед тем в сан митрополита преосвященный Ювеналий (Поярков), сохранивший за собой Тульскую кафедру. С тех пор в течение нескольких лет (до 1977 г.) когда митрополит Серафим (Никитин) был уволен на покой, состав постоянных членов Синода оставался неизменным. В 1977 г. митрополит Ювеналий в связи с уходом на покой митрополита Серафима был переведен на Крутицкую кафедру.

Патриарх Пимен в своей первосвятительской деятельности продолжал путь, по которому шла Церковь в патриаршество Алексия I. Но в знаменательной речи, с которой Патриарх выступил в Московской Духовной Академии при вручении ему диплома почетного доктора богословия, обозначены были и некоторые новые акценты в линии Патриархии: сугубо бережное отношение к православному вероучению, каноническим основам церковного строя, богослужебным традициям Церкви:

«Теперь на меня возложено новое послушание. И я хочу сказать, что мои богословские познания — это познания, которым были научены Духом Отца святые апостолы — простые рыбаки, воспринявшие призыв Господа — следовать за Ним ([Мф. 4. 18—22](#)). И то, о чем свидетельствует благодать Святого Духа ([1 Кор. 15. 10](#); [Еф. 1. 7—8](#); [2 Тим. 1. 9](#)), то, чему научила она меня,— это и есть во мне... Я хочу, чтобы наше богословие было всегда сугубо ортодоксальным... Мне хотелось бы... чтобы традиции Русской Православной Церкви неукоснительно сохранялись и чтобы вы в учебных программах уделяли больше внимания укреплению в слушателях сознания, что необходимо традиции Русской Православной Церкви соблюдать и хранить... Студентам и воспитанникам необходимо прививать любовь к церковнославянскому языку, объяснять им, что церковнославянский язык — язык богослужебный, язык красоты особой, чистой. А этот вопрос либо замалчивается, либо принимаются попытки дать ему превратное, нежелательно толкование»⁶²¹.

В 70-х гг. церковная жизнь оставалась относительно стабильной и протекала без потрясений, подобных тем, какие выпали на долю Церкви десятилетие назад, в годы хрущевских гонений. Государственная политика по отношению к Церкви оставалась в основных своих

чертах неизменной, какой она сложилась после отставки Хрущева: жесткий, тотальный контроль за всеми проявлениями церковной жизни, противодействие попыткам расширить сферу дозволенного для Церкви, но без массовых репрессий против духовенства или верующих мирян, без массового закрытия церквей и без шумных пропагандистских атеистических кампаний. На общем фоне этой политики репрессивные меры воспринимались уже как эксцессы, но советское государство не могло все-таки вовсе обойтись без подобных эксцессов. Так, в 1973 г. по обвинению в коррупции был арестован Д. А. Остапов, хотя обвинение это юридически было в высшей степени несостоятельным: в Церкви, отделенной от государства, должностные лица не являются государственными служащими, по отношению к которым только и уместно выдвигать подобные обвинения. Это была месть почтенному старцу, перешагнувшему 80-летний рубеж, за то, что свое влияние на Патриарха Алексия I он употреблял порой для успешного противодействия антицерковным акциям властей, проводимых зачастую руками самих церковных деятелей, его продержали в застенке несколько месяцев и освободили, когда в оппозиционных режиму кругах уже началась кампания в защиту секретаря покойного Патриарха.

В 1975 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом внес изменения в сохранявшее силу постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях». Эти изменения, главным образом, коснулись имущественных прав Церкви. Указом отменялась формулировка «Постановления» 1929 г.: «Религиозные объединения и группы верующих не пользуются правом юридического лица». В то же время в нем не декларировалось и усвоение религиозным объединениям такого права. Вместо этого в указе говорилось о том, что «религиозные общества имеют право приобретения церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений для своих нужд в установленном законом порядке»⁶²². По существу дела, это было повторением положения, которое содержалось уже в неопубликованном постановлении Совнаркома от 22 августа 1945 г. В то же время дополнения, внесенные указом, еще более сужали круг дозволенной законом церковной деятельности: «54) Религиозные общества имеют право производить складчины и собирать добровольные пожертвования только на цели, связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержания исполнительных органов. 59) Религиозные шествия, совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом, а также в квартирах и домах верующих допускается с особого каждый раз разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся»⁶²³.

Ничего нового в советское законодательство, касающееся статуса религиозных общин, не вносила и принятая в 1977 г. очередная Конституция СССР, 52 статья которой гласила: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви»⁶²⁴. Неравноправие граждан СССР в зависимости от их отношения к религии очевидным образом вытекало из этой статьи Конституции, несмотря на декларируемый в иных местах этого документа принцип равенства всех граждан СССР независимо от национальности, расы, пола, отношения к религии. Граждане с атеистическими убеждениями, согласно Конституции, могли свободно пропагандировать их, а верующим предоставлялось лишь право «отправлять религиозные культы». Столь откровенное неравноправие граждан разных категорий по существу дела сообщало Советскому Союзу черты сословного государства.

Бесправное положение Церкви в 70-х гг. вызывало несравненно более острую, чем в

предшествующие десятилетия советской истории, реакцию со стороны общественности на Западе и в самой России. Один из характерных документов начала 70-х гг., получивших самую широкую известность в мире, а через передачи русскоязычных зарубежных радиостанций также и в нашей стране,— открытое письмо А. И. Солженицына Святейшему Патриарху Пимену, составленное на Крестопоклонной неделе в 1972 г. и потому получившее название «Великопостного письма». Оно было реакцией на Рождественское послание Святейшего Патриарха, на призыв предстоятеля, обращенный к эмигрантской пастве прививать своим детям вместе с любовью к Отчизне любовь к православной Церкви. О разорении духовном в России, о бесправном и приниженном положении Церкви писали и до Солженицына, но он, обладая незаурядным литературным даром, находит особенно сильные слова для характеристики бедственного состояния церковной жизни в России: «На каждый действующий храм — двадцать в запустении и осквернении, есть ли зрелище более надрывное, чем эти скелеты, достояние птиц и кладовщиков? Сколько населенных мест по стране, где нет храма ближе ста и даже двухсот километров? И совсем без церквей остался наш Север — издавнее хранилище русского духа и, предвидимо, самое верное русское будущее. Всякое же попечение восстановить хоть самый малый храм, по односторонним законам так называемого «отделения Церкви от государства», перегорожено для делателей, для жертвователей, для завещателей. О колокольном звоне мы уже и спрашивать не смеем, а почему лишена Россия своего древнего украшения, своего лучшего голоса? Даже Евангелие у нас нигде не достать, даже Евангелие везут к нам из-за границы, как наши проповедники везли когда-то на Индигирку»⁶²⁵. Все это верно, но Солженицын несправедливо возлагает на священноначалие вину за пассивность, за непротивление разрушителям Церкви, за безропотное подчинение им. Солженицын призывал Патриарха вступить на путь бескомпромиссного противостояния атеистическому государству, видимо не вполне ясно представляя последствия. Советская власть была еще достаточно сильна, чтобы при решительном противодействии ей со стороны священноначалия еще раз провести массовое закрытие церквей, инсценировать раскол, передать оставшиеся храмы всецело лояльному духовенству, а прочих священнослужителей лишить свободы или во всяком случае запретить служить. Ради того чтобы сохранить для «малых сих» возможность легально молиться, Православная Церковь при Святейшем Патриархе Тихоне в 1923 г. вступила в своих отношениях с советским государством на тот путь, которым она шла потом без малого 70 лет. Патриарх Пимен, получив «Великопостное письмо», сказал: «Побывать бы ему в моих башмаках только пару дней... Но пусть пишет!»⁶²⁶

В конце 1976 г. был образован «Христианский комитет защиты прав верующих в СССР» во главе со священником Глебом Якуниным. В него вошли иеромонах Варсонофий (Хайбулин), Виктор Капитанчук, впоследствии Лев Регельсон, священники Николай Гайнов и Василий Фонченков. Комитет собирал материалы о преследованиях за религиозную деятельность, выпускал машинописный бюллетень, экземпляры его передавал иностранным журналам для публикации за рубежом, составлял обращения в адрес советского правительства, Патриарха, видных церковных деятелей зарубежья, ВСЦ. В основном деятельность комитета была направлена на то, чтобы придать широкой огласке репрессивные акции Советского государства против верующих, что несомненно подрывало авторитет СССР в глазах мировой общественности. Насколько эта деятельность комитета служила действительной защите Церкви? Однозначно на этот вопрос ответить нельзя; с одной стороны, вероятно, она заставляла власть проявлять в отдельных случаях осторожность и сдержанность, но с другой стороны, комитет, продолжая линию «открытых писем» 1965 г., часто направлял острие своих обличений не столько против государственных властей, сколько против священноначалия Русской Православной Церкви и тем создавал угрозу появлений внутрицерковных разделений. В 1979 и

1980 гг. члены комитета подверглись арестам.

Наиболее серьезной акцией, предпринятой для защиты Православной Церкви ею самой, было письмо Л. И. Брежневу епископа Полтавского и Кременчугского Феодосия (Дикуна), составленное 26 октября 1977 г. В отличие от документов «Христианского комитета защиты прав верующих» епископ Феодосий избегает в своем письме широких обобщений и риторики, текст его основан на конкретных фактах и цифрах, автор письма вполне благожелателен по отношению к адресату. Тем более страшное впечатление производят сообщенные им факты. Сдержанный и реалистический характер документа выразался в том, что по существу дела епископ Феодосий призвал в церковно-государственных взаимоотношениях вернуться к дохрущевской, послевоенной практике»⁶²⁷. Масштаб хрущевских гонений на Церковь епископ Феодосий иллюстрирует статистическими данными по своей епархии: «Чтобы иметь представление о размахе этого атеистического разгула, назову лишь один факт: до 1958 г. Полтавская епархия насчитывала 340 храмов, а в 1964 г. их осталось только 52... С уходом Н. С. Хрущева со своего поста первого секретаря ЦК партии,— продолжает владыка,— церковные дела несколько улучшились. Но ненадолго. Ибо цель уполномоченных как представителей безбожия осталась фактически та же, но к ней начали пробираться более деликатным путем. Говорю: более деликатным в сравнении с прошлыми годами, но в сущности далеко не деликатным»⁶²⁸. Вслед за тем епископ Феодосий приводит одну из многих печальных историй из жизни епархии, хорошо иллюстрирующих методы антирелигиозной борьбы представителей советской власти:

«Глобинский район Полтавской области, насчитывающий 26 сельсоветов, имеет всего лишь один маленький глинобитный молитвенный дом... Ввиду его ветхости и рыхлости стен, верующие решили вышеупомянутое здание обложить кирпичом. Работа, как видим, самая необходимая и без претензий на роскошь, но для ее осуществления нужно было получить разрешение от местных властей. Многие мучительные месяцы церковная община мытарствовалась по разным инстанциям, вплоть до Москвы, пока получила нужное (на словах) разрешение. Когда же верующие приступили к работе и было обложено две стены, случилось самое неожиданное. Далее цитирую отрывок из жалобы, направленной глобинскими верующими к разным компетентным органам власти. Здесь говорится: «Вдруг в полночь с 30 на 31 июля 1971 г. явился председатель сельсовета Кириленко С. А. в сопровождении милиционера и 20 комсомольцев со специально сделанными в колхозной кузне ломом. Сам Кириленко С. А. постучал к домохозяйке в окно, разбудил ее, сказав, кто он (хозяйка его узнала), и добавил: «Ты не волнуйся и спи спокойно, а мы будем делать свое дело». И началось содрогание дома от сильных ударов... Домохозяйка от ужаса открыла дверь, хотела выскочить из дома, как в дверях схватил ее за руки милиционер и приказал не смей кричать и вести себя смирно. На вопрос хозяйки, почему погром проводят ночью, а не днем, ответил: «Ночью никто из людей не увидит», а ее задерживают, чтобы она не начала кричать на улице и не узнала тех, кто участвует в этом деле». Название такой «операции» — средневековый татарский набег в конце XX в.»⁶²⁹

О взаимоотношениях между епархиальными епископами, каждый из которых являлся духовной главой сотен тысяч православных людей, и уполномоченными Советом по делам религий — чиновниками не высокого ранга, можно судить по расколу епископа Феодосия. Ситуация различалась в деталях, но в целом повторялась по всей стране:

«24 мая утром мне по телефону позвонил полтавский уполномоченный Нечитайло И. Я. Он был зол, раздражен и говорил на высоких регистрах. «Вы должны сейчас приехать ко мне!» — заявил он в категорической форме. Я ему ответил, что, к моему огорчению, сию минуту не могу явиться к нему, так как епархиальный шофер отпросился в больницу, но, как только он вернется, я тут же постараюсь прибыть. «Вы всегда так делаете,— кричал в трубку Нечитайло,

— как только я вас вызываю, вы находите какие-то отговорки»... В его кабинете сидели он и два его помощника. Беседы, собственно говоря, как таковой, на сей раз не было. Уполномоченный играл роль моего обвинителя. Но главным пунктом обвинения было прошение верующих села Поливяное и мое письмо В. А. Куроедову, которое уполномоченный держал в руках. «Вам это знакомо?» — спросил он меня, показывая конверт. «Да, знакомо», — ответил я. «Вы не имели права делать этого. Вы нарушили советский закон!» — говорил он. Я попросил уточнить, какой именно из законов я нарушил. Отвечая на это, он сказал: «Вы вмешиваетесь в дела верующих, помогали им составить прошение и отправили его». «Не вижу здесь никакого нарушения советской законности, — сказал я, — прошение я им не писал, что помогал верующим своими советами и сочувствовал им, то делать это велит мне моя архиерейская совесть и долг. Если епископ не окажет помощи верующим, то где и в каком месте им ее искать? И в чем, в таком случае, состоит служение епископа?» — «Вы на нас в Москву писали, — продолжал Нечитайло, — поэтому я официально заявляю вам, что мы напишем также и на вас!»⁶³⁰

В связи с угрозами уполномоченного, которые он воспроизводит в своем письме, архипастырь многозначительно замечает: «Наша Русская Православная Церковь ныне попала в ту опасную для нее полосу, когда смело и безнаказанно бесчинствуют нечитайлы, и поэтому нужно сказать правду ради блага всех, даже и Нечитайло, сказать потому, что дальше «молчать опасно!» Терпение наше иссякает, мы доведены до крайнего и отчаянного положения, когда нужно сказать уже теперь, сегодня, ибо «медлить преступно!»⁶³⁰ В письме Брежневу автор отвергает права уполномоченных требовать от архиереев действий, граничащих с прямым доносом:

«Дабы избежать недоразумений... уполномоченный по делам религий Нечитайло вменяет нам в обязанность впредь доносить ему о всяком взрослом, изъявившем желание принять святое крещение. Он говорит: «Не спешите с крещением взрослых. Сначала возьмите у них адреса, сообщите об этом мне, а потом через недельку-другую можете делать свое дело». Необязательно обладать особой проницательностью ума, чтобы понять, куда клонит Нечитайло... Я не могу согласиться с требованиями уполномоченного выдавать ему адреса всех взрослых, пожелавших принять крещение, так как это противоречит не только всему советскому законодательству о культах, но и ставит духовенство в унижительное положение — сделаться сыщиками в пользу того же самого атеиста-уполномоченного. Уполномоченный настаивает непременно давать ему сведения о всех имеющих намерение поступать на учебу в духовную семинарию. Такое требование с его стороны вселяет в меня тревогу, основанную на горьком опыте прошлого»⁶³¹.

С большой тревогой владыка пишет о том, как уполномоченные Совета пытаются заставить архиереев прекратить рукоположения, с тем чтобы церковная жизнь заглохла из-за отсутствия священников:

«Пожалуй, самым больным местом в Русской Православной Церкви на сегодняшний день являются ее кадры: их нехватка ощущается повсеместно, особенно же на Украине, где наложен запрет на рукоположение в священник. Старое духовенство убывает, а нового недостаточно. Есть области, где десятки религиозных общин годами остаются без духовного окормления, в некоторых — один священник обслуживает 3—4 прихода. Истинная цель каждого уполномоченного, и полтавского тоже, любыми средствами помешать притоку новых кадров в Церковь, помешать поступлению в семинарию, и тогда храмы, оставшись без священников, сами собой закрываются. Как это делается на Полтавщине, покажу на примере. Когда я сюда прибыл в 1967 г., мне разрешалось принимать духовенство из других епархий, из чужих областей, а также подыскивать достойных кандидатов и рукополагать их в священник. Потом мне запретили принимать духовенство из других епархий, но не лишали права рукополагать. Еще немного и мне сказали: «Рукополагайте полтавских, а чужих не надо».

Спустя несколько времени мне сообщили, что я могу рукополагать только местных пенсионеров. Немного погодя мне говорят: «Можешь рукополагать только псаломщиков своей епархии». Через некоторое время мне было приказано рукополагать только тех псаломщиков, кои находятся на этой работе не менее десяти лет. А теперь мне запрещено вообще кого-либо рукополагать... Итак, усердием нечитайл Русская Православная Церковь обречена на медленное умирание. А сейчас она пока пьет огненную чашу страданий»⁶³².

Владыка Феодосий писал, что, клеветнически называя верующих реакционерами, пресса вычеркнула «добрую половину советского населения»; этим он пытался побудить руководство государства задуматься об угрожающих масштабах той внутренней идеологической войны, которую оно ведет с «доброй половиной» населения страны и которая, конечно же, не могла кончиться для столь незадачливого и политически бездарного руководства победой.

Конструктивный характер письма епископа Феодосия проявился в том, что те предложения, с которыми он обращался к руководителю страны не лежали за пределами возможного в Советском государстве, не предполагали в качестве необходимой предпосылки изменения основ государственного строя. Для принятия их требовалась всего лишь коррекция политического курса.

«Для общего блага, братства и большей сплоченности нашего народа,— писал владыка Феодосий,— нужно сделать очень немного: а) прекратить унизительную и антизаконную регистрацию треб и требоисправителей в церкви; б) дать возможность епископам рукополагать столько священников, сколько этого требуют обстоятельства, и независимо от того, из какой области будет рукополагаемый; в) не препятствовать делать ремонт храмов и молитвенных домов; г) уполномоченным отказаться от своей антирелигиозной деятельности и быть нейтральными в вопросах веры, как того требует советское законодательство; д) не закрывать храмов насильственным путем; е) увеличить тираж выпуска духовной литературы, в которой имеется острая нужда среди верующего населения: церковных календарей, например, так мало, что их не хватает по одному на село; ж) не мешать духовенству в выборе места жительства и служения; з) не делать в прессе таких выпадов против религии, которые могли бы дать право атеистам ненавидеть верующих, а также не допускать оскорбления чувств верующих в печати; и) необходимо Церковь избавить от гнетущей опеки уполномоченных и больше предоставить прав в делах веры епископам. Ибо, если было бы противоестественным, чтобы дела коммунистов решали антикоммунисты, то так же нелепо видеть, как неверующие в лице уполномоченных решают дела верующих. Пусть все станет на свои места. Таков закон правды»⁶³³.

И все-таки правда не восторжествовала, но прямым репрессиям епископа Феодосия не подвергли. Многозначительной реакцией священноначалия на письмо было возведение на следующий год Святейшим Патриархом Пименом епископа Феодосия в сан архиепископа. Правда, еще год спустя, уже в 1979 г., он был, вероятно не без требований со стороны Совета по делам религий, переведен из Полтавской на Вологодскую кафедру.

В 70-х гг. священноначалие подчеркнуто отмежевывалось от карательных акций гражданских властей против священнослужителей. Когда в 1977 г. скончался архиепископ Иов (Кресович), которого арестовали в годы хрущевских гонений, в «Журнале Московской Патриархии», в некрологе, покойного архипастыря назвали «человеком глубоко преданным Церкви, скромным, мирным», «добрым и щедрым пастырем», «горячо преданным Богу и милостивым к людям»⁶³⁴. Московская Патриархия пыталась помочь даже такому деятелю, как запрещенный в служении священник Глеб Якунин, несмотря на то, что уже тогда в своих шумных выступлениях он обрушивался с более жесткими обвинениями на священноначалие, чем на государственную власть. В 1976 г. ему было дано место чтеца в подмосковной церкви.

Другой член «Христианского комитета защиты верующих», священник Василий Фонченков, сохранил место приходского священника, правда, на некоторое время он был удален из Московской Духовной Академии, но впоследствии, задолго до крушения советского режима, получил возможность вернуться в ее стены как преподаватель. «Всегда, когда это было возможно,— признает Д. И. Пospelовский, весьма придирчивый критик Московской Патриархии,— официальная Церковь не поддерживала обвинений советских органов против духовенства»⁶³⁵.

В 70-х гг. в печати за рубежом появился чрезвычайно характерный документ — «Извлечения из отчета Совета по делам религий членам ЦК КПСС» за 1974 г., подписанный заместителем председателя Совета В. Фуровым. Отчет этот озаглавлен «Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона». Особенно важен раздел документа «О составе епископата Русской Православной Церкви и усилении политической работы с ним в институтах государства», который начинается со статистических сведений о епископате. В пределах СССР Русская Церковь имела в начале 60-х гг. 73 епархии, а в 1974 — только 67, причем число правящих архиереев было значительно меньше — 58. Это значило, что многие епархии возглавлялись временно управляющими епископами, которые были правящими архиереями в соседних епархиях. В течение длительного времени фактически лишь номинально существовали такие епархии, как Ульяновская, Донецкая, Днепропетровская и др. Средний возраст архиереев, подсчитали в Совете, 58 лет, средний стаж архиерейского служения — 12 лет. Из 58 правящих архиереев до 1945 г. были хиротонисаны во епископа — четверо (это были митрополит Орловский Палладий (Шерстенников), хиротонисанный в 1930 г., митрополит Алмаатинский Иосиф (Чернов), хиротонисанный в 1932 г., архиепископ Чебоксарский Вениамин (Новицкий), хиротонисанный в 1941 г. и архиепископ Ивановский Иов (Крестович), хиротонисанный в 1942 г.) От 21 до 30 лет имели архипастырскую степень — 4 архиерея: митрополит Иоанн (Разумов), архиепископы Палладий (Каминский), Михаил (Чуб) и епископ Богдан (Анцух), от 11 до 20 лет — 30 и до 10 лет — 20 архипастырей. По образовательному цензу архиереи распределялись так: высшее духовное образование имели 44 архиерея, семинарское — 11; кандидатов богословия было 28, магистров — 6 и докторов — 3 (Патриарх Пимен, Ленинградский митрополит Никодим и Рижский архиепископ Леонид). 19 епископов было выпускниками МДА и 19 — ЛДА. Светское высшее образование имели 7, среднее — 22 и неполное среднее 29 епископов⁶³⁶.

Конечно, действительность отражалась в отчете Фурова как в кривом зеркале. Но его наблюдения и характеристики все-таки представляют известный интерес. В принятом в те годы стиле отчетов, призванных порадовать начальство радужными картинами триумфального успеха во всем, Фуров пишет о подконтрольности Патриархии его учреждению. Фуров пытается убедить политическое руководство страны в лояльности всего епископата правящему режиму: «Многолетние наблюдения, глубокое изучение настроений правящих архиереев еще раз подтверждают, что епископат лояльно относится к советской власти»⁶³⁷. В то же время непосредственно из текста отчета видно, что полного доверия Совета не заслуживает ни один из охарактеризованных в нем архиереев. В качестве примера проявления чуждых идеологических взглядов приводятся слова Святейшего Патриарха Пимена, сказанные им во время визита в Финляндию 6 мая 1974 г.: «Мы считали и считаем, что социальные вопросы не должны затемнять или заменять основное понятие спасения как освобождения от греха, проклятия и смерти и достижения жизни вечной в Царстве Небесном и в общении с Богом»⁶³⁸, а также отрывки из доклада митрополита Никодима, прочитанного им также в Финляндии перед преподавателями и студентами Хельсинского университета 9 мая 1974 г.: «Един Иисус Христос, и лучше Его нет ничего... Апостол Павел писал: если бы он перестал искать Божия

благословения и стремился только людям угождать, то не был бы христианским служителем». Так весьма тонко, умно и в то же время открыто и недвусмысленно,— комментирует Фуров слова архипастыря,— митрополит Никодим стремится увести молодежь от решения современных и весьма острых политических социальных задач». По степени лояльности архиереев советской власти Фуров условно разделяет их на 3 группы. Первая из них характеризуется таким образом: «Правящие архиереи, которые и на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах и в том же духе воспитывают приходское духовенство, верующих»⁶³⁹. Вторая — это «правлящие архиереи, которые стоят на лояльных позициях к государству, правильно относятся к законам о культах и соблюдают их, но в своей повседневной административной и идеологической деятельности стремятся к активизации служителей культа и церковного актива, выступают за повышение роли Церкви в личной, семейной и общественной жизни с помощью модернизированных или традиционных концепций, взглядов, подбирают на священнические должности молодежь, ретивых ревнителей православного благочестия». Наибольшие опасения у автора доклада вызывает третья группа, о которой он пишет так: «Это та часть епископата, у которой в разное время проявлялись и проявляются попытки обойти законы о культах, некоторые из них религиозно консервативны, другие способны на фальсификацию положения в епархиях и сложившихся отношений к ним органов власти, у третьих — замечены попытки подкупа уполномоченных и клеветы на них и на должностных лиц местных органов власти»⁶⁴⁰. В первую группу включено 17 епископов, во вторую — 23 и в третью — 17 архиереев. В третью, наиболее опасную с точки зрения Совета по делам религий, группу архиереев, своего рода «черный список», попали митрополит Львовский Николай (Юрик), архиепископы Иркутский Владимир (Котляров), Чебоксарский Вениамин (Новицкий), Житомирский Палладий (Каминский), Архангельский Никон (Фомичев), Калужский Донат (Щеголев), Горьковский Флавиан (Дмитриук), Уфимский Феодосий (Погорский), Владимирский Николай (Кутепов), епископы Астраханский Михаил (Мудьюгин), Саратовский Пимен (Хмелевский), Кировоградский Дамаскин (Бодрый), Курский Хризостом (Мартишкин), Ростовский Иоасаф (Овсянников), Куйбышевский Иоанн (Снычев).

В значительной мере распределение архиереев по группам в докладе Фурова носит случайный характер, и не следует, как это обычно делается в зарубежных публикациях, посвященных Русской Церкви, в этой «классификации» видеть в одних случаях свидетельство об исповедничестве (3 группа), в других — улику, обличающую переход на сторону противника. Всю неосновательность подобных заключений обнаруживает то обстоятельство, что митрополит Алмаатинский Иосиф (Чернов), исповедник, многолетний узник ГУЛАГа, архипастырь святой жизни и замечательный проповедник, привлечший в ограду Церкви множество лиц, воспитанных в атеистических семьях, пользовавшийся необычайной любовью своей паствы, оказался в документе Фурова в группе самых лояльных советской власти архиереев.

Ни один из постоянных членов Синода не был включен в 3 группу — это было бы признанием в провале кадровой политики Совета. Сейчас стало известно, что митрополит Никодим, равно как и ряд других архиереев, и среди них включенные вместе с ним во 2 группу архиепископы Ярославский Иоанн (Вендланд) и Рижский Леонид (Поляков) совершали тайные рукоположения, что по классификации Фурова оставляло им место лишь в третьей, наиболее «зловредной», группе архиереев, у которой проявлялись «попытки обойти законы о культах». Что же в поведении епископов заставляло уполномоченных включать архиереев в проскрипционный список, в 3 группу? Об архиепископе Житомирском Палладии (Каминском) местный уполномоченный докладывал в совет: «Архиепископ Палладий и настоятель собора

Веськовский постоянно вмешиваются в финансовые и официальные дела. В общине утвердилось правило, по которому без благословения архиепископа никто не может быть избран в руководство общины, а лица, не удостоенные милости архиепископа, несмотря на регистрацию уполномоченного... и одобрение горисполкома, практически не допускаются к исполнению возложенных обязанностей». Епископу Ростовскому Иоасафу (Овсянникову) уполномоченный дает такую характеристику: «Опытный и хитрый церковный деятель, по своим убеждениям фанатично верующий монах, был настоятелем монастыря. Прилагает много усилий и ухищрений по активизации религиозной деятельности в области. Рекомендации уполномоченного воспринимает болезненно и под всякими предлогами не выполняет их»⁶⁴¹.

«За последние годы,— утверждает автор доклада,— нами разработана четкая и широкая система воспитания епископата, а через него и рядового духовенства, в политическом плане, формирования у них патриотизма, гражданского долга, уважения к законам и деятельности советского правительства. А это дает заметные положительные результаты»⁶⁴². После составления этого замечательного документа прошло всего лишь 15 лет, и миссия Совета была выполнена до конца, он исчерпал себя и прекратил свое славное существование.

В эти годы Русская Православная Церковь потеряла архипастырей, сполна изведавших в свое время ночные аресты и допросы с пытками, тюремные нары и каторжные работы. В 1975 г. отошел ко Господу митрополит Алмаатинский и Казахстанский Иосиф (Чернов), в 1976 г. преставились митрополит Орловский Палладий (Шерстенников) и архиепископ Чебоксарский Вениамин (Новицкий), в 1977 г. во Львове скончался пребывавший на покое архиепископ Иов (Кресович). В 1978 г. в Жировицком монастыре преставился уволенный на покой еще 13 лет назад архиепископ Ермоген (Голубев).

Но в иной мир уходили и архипастыри другого поколения, выросшие в советскую эпоху и вступившие на стезю церковного служения в послевоенные годы. 5 сентября 1978 г. в Ватикане, на аудиенции у новоизбранного папы Иоанна-Павла I безвременно скончался постоянный член Священного Синода митрополит Ленинградский Никодим (в миру Борис Георгиевич Ротов). Он родился в деревне Фролово Рязанской епархии в семье служащего в 1929 г. Дедушка архипастыря по матери был священником, и уже в отроческие годы Борис Ротов получил религиозное воспитание. Душа мальчика тянулась к Богу. Большое влияние на формирование его религиозности оказал архиепископ Рязанский Димитрий (Градусов). Окончив среднюю школу, Борис Ротов поступил в Рязанский педагогический институт. Но он стремился послужить Церкви, и 6/19 августа 1947 г., в день Преображения Господня, состоялся его постриг в монашество с наречением имени Никодим от руки тогда уже Ярославского архиепископа Димитрия (Градусова). Вскоре архиепископ Димитрий рукоположил его в иеродиакона, а в 1949 г., едва достигнув 20-летия, иеродиакон Никодим был посвящен в иеромонаха. Пастырское служение он проходил в Ярославской епархии, с января 1952 г. при кафедральном соборе; в декабре 1954 г. был назначен исполняющим обязанности соборного настоятеля. В 1955 г. иеромонах Никодим заочно закончил Ленинградскую Духовную Академию. Вскоре после этого, в феврале 1956 г., он был направлен на служение в Иерусалимскую духовную миссию, в 1957 г. был назначен Священным Синодом начальником миссии с возведением в сан архимандрита. После возвращения на родину архимандрит Никодим был назначен заведующим канцелярией Московской Патриархии. 31 мая 1960 г. состоялось его назначение на должность председателя ОВЦС. За этим последовала хиротония во епископа Подольского. Впоследствии он занимал Ярославскую и Минскую кафедры. В августе 1963 г. был назначен председателем комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства с возведением в сан митрополита. 9 октября 1963 г. митрополит Никодим был переведен на Ленинградскую кафедру, которую уже занимал до конца своей жизни. В 1970 г. ему была присвоена степень

магистра богословия за диссертацию о папе Иоанне XXIII. 17 июня 1971 г. митрополит Никодим был удостоен высокой награды — права служения с предношением креста. В 1972 г., по состоянию здоровья, митрополит Никодим был освобожден от должности председателя ОВЦС. С сентября 1974 г. до кончины митрополит Никодим исполнял обязанности патриаршего экзарха Западной Европы. В 1975 г. он был избран одним из президентов ВСЦ, а в 1978 г. почетным президентом Христианской мирной конференции. В феврале 1975 г. митрополиту Никодиму была присуждена степень доктора богословия. Докторской степени его удостоили и многие зарубежные богословские школы и факультеты. Несмотря на тяжелую болезнь (митрополит Никодим страдал сахарным диабетом, перенес несколько инфарктов), он не щадил себя и до конца своих дней отличался редкой трудоспособностью. Отпевание митрополита Никодима состоялось 10 сентября в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры. Чин отпевания совершил Патриарх Пимен в сослужении сонма архипастырей и пастырей.

После кончины митрополита Никодима на Ленинградскую кафедру Священным Синодом был переведен митрополит Минский и Белорусский Антоний (Мельников), ставший постоянным членом Священного Синода, а Минскую кафедру занял митрополит Филарет (Вахромеев). Он был также назначен на должность экзарха Западной Европы, которую ранее занимал митрополит Никодим.

22 апреля 1979 г. в алтаре ленинградского Спасо-Преображенского собора за пасхальной литургией скончался митрополит Серафим (Никитин), родившийся в 1905 г. и хиротонисанный во епископа в 1962 г. За полтора года до кончины, в июне 1977 г., он был уволен на покой с Крутицкой кафедры. Его преемником на Крутицкой кафедре стал тогда митрополит Ювеналий, который и ранее, с 1972 г., являлся постоянным членом Священного Синода в силу своей должности председателя ОВЦС. На смену архипастырям, ушедшим в иной мир, приходили новые архиереи. В 70-х гг. были хиротонисаны ныне здравствующие постоянный член Священного Синода митрополит Кирилл (Гундяев), митрополиты Серапион (Фадеев) и Агафангел (Саввин), архиепископы Анатолий (Кузнецов), Максим (Кроха), Симон (Новиков), Хрисанф (Чепиль) и другие архипастыри.

В 70-х гг., как, впрочем, и во 2-й половине 60-х, массового закрытия церквей не произошло. Но в результате продолжающейся миграции сельского населения в города некоторые сельские приходы прекратили свое существование, а новые храмы в промышленных городах открывались исключительно редко. В докладе, с которым Святейший Патриарх Пимен выступил на конференции, посвященной 60-летию восстановления патриаршества (6 мая 1978 г.), он сказал, что за последние месяцы в СССР было построено 4 церкви и открылось 7 новых приходов. Такое количество новых церквей и приходов и в самой малой степени не могло удовлетворить огромную нужду в церквях больших промышленных городов, где часто не было ни одного православного храма. В полуторамиллионном Горьком в 60—70-х гг. оставалось только три церкви на окраинах. Многократные прошения православных жителей города, под которыми стояло более тысячи подписей, адресованные местным и центральным властям, оставались без положительного ответа. В 1978 г. было образовано пять двадцаток в различных районах города, которые хлопотали о передаче им сохранившихся храмов, но все оставалось тщетным. На Камчатке, Сахалине, Чукотке, Колыме, Курильских островах не было ни одного православного прихода. Верующий народ Камчатки в течение 10 лет хлопотал об открытии приходского храма в областном городе.

За пять лет, с 1971 г. по 1975 г., число приходов Русской Православной Церкви с 7274 сократилось до 7062, в 1976 г. насчитывалось уже только 7038 приходов. В среднем закрывалось по 50 приходов в год. В последующие 5 лет темпы закрытия были несколько приторможены, закрывалось до 6 приходов ежегодно, и в 1981 г. Русская Православная Церковь насчитывала

всего лишь 7007 приходов.

Крайне серьезной для Церкви оставалась в 70-х гг. кадровая проблема: сказалось резкое сокращение числа учащих в семинариях, происшедшее в начале 60-х гг. В 1971 г. Русская Церковь насчитывала 6234 зарегистрированных приходских священников, в 1972 г.— 6180, а 1 января 1975 г. только 5994, число диаконов с 1971 по 1975 г. сократилось с 618 до 594. Динамика в изменении числа священнослужителей, по данным Совета по делам религий, выглядела в первой половине 70-х гг. так: за 3 года (с 1972 по 1974 г.) было рукоположено 297 священников и 141 диакон. За это же время убыль в духовенстве от смертей и уходов на покой составила 537 человек. Некоторые священники, особенно в западно-украинских и прибалтийских епархиях, окормляли по два, три и даже по четыре прихода. Так, в Львовской епархии в 1974 г. на 657 зарегистрированных церковей приходилось 402 священника. В результате острой нехватки священников в Ивано-Франковской епархии, по данным Совета за 1974 г., из 363 зарегистрированных церковей, постоянно действующих было 162, периодически действующими (по одному-двум богослужениям в месяц) — 126; богослужения совершались лишь в самые большие праздники (4—5 раз в году) — в 23 церквях, а 33 зарегистрированных церкви стояли совершенно без богослужений.

По данным Совета за 1974 г., среди священников было 1089 (или 18%) лиц с высшим богословским образованием, в их числе — 422 кандидата богословия, 29 магистров и 5 докторов богословия; среднее духовное образование (семинарское) имели 2375 (или 39,6%) священников, а светское высшее — 139; 2556 священников окончили средние общеобразовательные и средние специальные школы, а у 3299, то есть более чем у половины, было только начальное общее образование. Среди рукополагаемых священников около тысячи не имело богословского образования, и только часть клириков получала его потом, обучаясь заочно. Священников моложе 40 лет — 20,3%, от 40 до 60 лет — 31,2% и старше 60 лет — 48,5%; иными словами, средний возраст духовенства приближался к 60 годам⁶⁴³.

Во 2-й половине 70-х гг., в связи с увеличением притока абитуриентов в духовные школы и благодаря инициативе многих епархиальных правящих архиереев, рукополагавших значительное число ставленников, не учившихся в семинариях, но имевших богословское самообразование и часто окончивших высшие школы, наблюдается некоторый рост числа священнослужителей, притом что сокращение числа приходов продолжалось. Так, в 1979 г. было рукоположено во пресвитеры 276 лиц, т. е. совершенно хиротоний почти в 3 раза больше, чем совершалось за год в первой половине десятилетия. Вынужденные рукоположения лиц, не получивших школьного богословского образования, а часто и с недостаточным общим образованием и даже мало начитанных в церковной литературе, негативно сказывались на общем уровне духовенства, но важнее были все-таки религиозно-нравственные качества священнослужителей, наличие у них пастырского призвания, и поэтому даже малообразованные пастыри, но верные Богу и Церкви, отдававшие все свои силы духовному окормлению народа Божия, привлекали к себе любовь паствы. Бывали, конечно, и неудачные священники, но в целом, большая часть духовенства исполняла свой пастырский долг. Во всяком случае, Совет по делам религий в своем отчете для ЦК КПСС за 1974 г., несмотря на очевидное стремление представить собственные успехи в подавлении Церкви в самом радужном свете, вынужден был все-таки признать: «Все же духовенство — опытный идеологический противник. Оно имеет многолетнюю практику обработки верующих, умеет воздействовать на них, вести проповедь»⁶⁴⁴.

В начале 70-х гг. посещаемость церковей была ниже, чем десятилетие назад, в разгар хрущевских гонений; уже более половины населения страны составляло поколение, воспитанное вне влияния Церкви. Но к концу десятилетия положение изменилось в лучшую

сторону. Более частыми становились случаи религиозного обращения людей, выросших в атеистических семьях, значительно увеличилось число крещений взрослых, особенно в больших городах. Средний возраст прихожан начал снижаться. В советской атеистической литературе доля верующих среди сельского населения оценивалась в 20—25%, а среди городского 20%. При этом, правда, вычленили и такую группу лиц, которых по отношению к религии аттестовали как колеблющихся; величину этой группы оценивали в 10%. Совершенно очевидно, что объективность этой статистики, основанной на социологических опросах, весьма относительна. Именно у верующих, а не у атеистов были поводы уклониться от опроса или даже, идя на компромисс с религиозной совестью, дать лукавый ответ, чтобы не навлечь на себя неприятности; анонимность опросов, которые проводились советскими социологами, вызывала у многих оправданные сомнения, поэтому принимать результаты подобных статистических выкладок стоит со значительной поправкой в сторону увеличения числа верующих. Конечно, не все верующие, но значительно больше половины из них, принадлежали к Православной Церкви. На основании выборочных сведений число сознательно верующих в СССР конца 70-х гг. может быть оценено в 70—80 млн., из них, вероятно, около 50 млн. были православными. Крещенных по православному обряду было более 100 млн. Умножение числа новообращенных, главным образом из среды столичной и городской интеллигенции, свидетельствовало о том, что влияние Церкви на общество не сойдет на нет, как надеялись ее недруги, после того как уйдет из жизни поколение, получившее традиционное воспитание, потому что, в отличие от политических, философских, социальных идеологий с их земным происхождением и земными горизонтами, христианское вероучение неотмирно и укоренено в вечности.

В ту пору протопресвитер Виталий Боровой в проповеди, произнесенной в кафедральном православном соборе в Лондоне, коснулся и темы новообращенных:

«Новое движение,— сказал он,— началось среди... образованной молодежи... Это поколение пришло к Христу само по себе путем глубочайших раздумий и внутренних переживаний. Это делает честь не нам... Это делает честь нашим верующим; и слава и благодарность Господу, который распространяет Свою весть через Святого Духа среди тех людей, которые далеки от Церкви и, казалось бы, для которых нет дороги, ведущей туда. Но все же они пришли к Церкви многими различными путями... Это часто заканчивается распадом семьи, принесением в жертву образования и карьеры... И сейчас у нас есть сотни и тысячи таких конкретных жизненных примеров... Это новое в нашей Церкви; этот процесс можно, конечно, замедлить, но никто в этом мире не обладает властью, чтобы полностью прекратить его. Это движение началось, и оно ускорится, так как за ним стоит харизма и могущество Господа нашего Иисуса Христа, который видел принятие веры своим народом, который подверг свой народ испытанию унижением, трудностями в таких условиях, что временами казалось, что еще немного и наступит конец. Господь испытывает веру русского народа... Господь видит, как она (Русская Церковь.— В. Ц.) преодолевает суровые испытания; Он видит, что за эти 60 лет у нас в тысячи раз больше святых, чем на протяжении всей остальной истории Русской Церкви, что сейчас живые святые идут по лику земли в России... и придет время, когда Русская Церковь канонизирует тысячи новых святых»⁶⁴⁵.

Конечно, разные обстоятельства приводили молодых людей в ограду Церкви, особенно часто это было чтение религиозно-философской литературы начала XX в. и эмигрантских изданий. Миллионы верующих и тысячи пастырей, в том числе и те, кто в 70-х гг. с опасением относился к неопитам, вынесли невероятную тяжесть гонений, обрушившихся на Церковь в СССР. Отдельные пастыри считали духовное окормление новообращенных исключительно важным делом для Церкви, среди таких священнослужителей был отец Виталий Боровой, в 70-х гг. служивший настоятелем патриаршего Богоявленского собора. Клирики московского храма

святителя Николая в Кузнецях, где настоятелем служил протоиерей Всеволод Шпиллер, проявляли особую заботу о неопитах, этот храм стал одним из самых популярных в среде верующей интеллигенции Москвы.

Новообращенная паства требовала особой пастырской мудрости в ее окормлении. Как и в начале XX в., многие из тех, кто приходил в Церковь, не столько искали водительства от нее, сколько пытались сами учить, прилагая к церковной жизни мерки, вынесенные из мира. Но огромная разница в образовательном уровне интеллигенции начала XX столетия и 70—80-х гг. делала ситуацию более сложной. К тому же надо учесть еще и то обстоятельство, что интеллигенция начала века получала в детстве религиозное образование и в Церковь действительно возвращалась, а новообращенные в детстве чаще всего получали о Церкви анекдотически искаженное представление, и часть их, причем особенно активная, приходила из среды, которая искони была чужда христианству. Новообращенные переживали трудный мировоззренческий кризис и не всегда изживали социальный нигилизм; дух критиканства они легко переносили и на церковную жизнь, которую их сознание часто отражало крайне неадекватно. Эта среда становилась питательной почвой для церковного диссидентства. В 70-х гг. появляются всевозможные кружки, их участники поглощены изучением мистицизма, теорий околоцерковных мыслителей прошлого, они унаследовали от обновленцев нигилизм в оценке церковной истории и политических тенденций того или иного толка.

Исключительно широкий, прямо миссионерский характер имела в 70-х гг. пастырская деятельность священника Димитрия Дудко. За год ему удавалось крестить до 400 взрослых людей, большинство из которых становилось ревностными прихожанами. В своих проповедях о. Димитрий, нарушая неписаное табу, затрагивал болезненные общественные темы: падение нравов, распространение пьянства, разрушение семьи; называл он и корень всех зол — насильственно пропагандируемое безбожие. Помимо проповедей он устраивал после богослужения беседы с паствой, обстоятельно отвечал на любые вопросы прихожан и всех, кто приходил к нему в храм. В своем приходе он организовал издание бюллетеня «В свете Преображения». В глазах контролирующей церковную жизнь инстанций миссионерское служение о. Димитрия было дерзким вызовом, его деятельность расценивалась как антисоветская. В отчете Совета по делам религий за 1974 г. характеристике отца Димитрия Дудко уделено значительное место:

«Освободившись в 1956 г. из заключения, Дудко стал священником в церквях г. Москвы... В течение последних лет продолжал писать пасквили, проповеди клеветнического характера, обрабатывал молодежь в идеологически вредном духе, хранил и распространял «самиздатовскую» и другую литературу, полученную из за границы. Местные органы власти проводили неоднократные профилактические беседы со священником Дудко... Однако священник Дудко не сделал для себя должных выводов и стал выступать с проповедями провокационного характера в церкви св. Николая Чудотворца (Москва, Преображенская улица). 20 апреля 1974 г. он говорил: «Безбожники воспользовались нашей боязнью перед страданием и подавляют наш дух, подавляют свободные мысли и чувства, ругают нас. Нужно преодолеть страх перед страданием, и тогда мы станем по-настоящему свободны, жизнедеятельны, непобедимы. ...Безбожия надо бояться, ибо это страшнее чумы... Я считаю, что преступник каждый, кто так или иначе вырывает веру у человека, веру в Бога... Христианин не может и не должен стоять в стороне, когда все гибнет»⁶⁴⁶.

Священноначалие, вынужденное перемещать о. Димитрия из прихода в приход по требованию Совета, все-таки, насколько это было возможно, пыталось защитить его и в той или иной форме выражало ему свою поддержку. Весной 1979 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий «посетил храм о. Димитрия Дудко, расположенный в 40 километрах от Москвы, сослужил с ним и в своем слове похвалил духовную атмосферу храма и пастырскую

деятельность о. Дмитрия, которого он назвал святым человеком. После ареста о. Дмитрия русские иерархи заявляли за границей, что Патриархия делает запросы об участии священника и постарается ему помочь, как только будет вынесен приговор»⁶⁴⁷. В январе 1980 г. священник Димитрий Дудко был арестован. Через полгода он выступил по телевидению, осудив свою прежнюю деятельность, его заявление было опубликовано в советской печати и последовало его освобождение. Он сразу получил приход в селе Виноградове, в ближнем Подмосковье. Среди его духовных чад произошло размежевание: часть ушла, обвинив его в трусости и предательстве, другие остались с ним. После ареста и возобновления пастырского служения отец Димитрий не прекратил активной миссионерской деятельности, по-прежнему много проповедовал, проводил беседы, вновь стал издавать приходской бюллетень, но уже избегал социально-критических тем, резко осуждал диссидентство, в его проповедях и печатных выступлениях особое значение приобрела патриотическая тема, которая, впрочем, и раньше резко отличала его от таких церковных диссидентов, как Глеб Якунин.

10 лет спустя о. Димитрий Дудко так объяснял мотивы своего выступления по телевидению:

«Из тех фраз, которые я говорил на допросах, и было составлено мое заявление. Если бы я составлял его сам, то я бы, конечно, по-своему выразил свою позицию, тем не менее в словах, что я буду делать дело Божие «как сын Православной Церкви и как сын своего Отечества», лежит мое сердце. Это основа моего заявления. Все остальное — шелуха. Но именно на шелуху обратили внимание мои недруги... Я никогда не ставил себе целью быть диссидентом ни в отношении своей страны, ни в отношении своей Церкви. Но я не мог не бороться с тем, что уродовало нашу жизнь, загоняло нас в тупик... Значит, вопрос встал так: страдать не за дело Христа, а за дело кесаря. За политику, а не за веру. За земное, а не за небесное. Чекисты мне предложили выбор: земную славу, венец мученика — или дело Божие... Я понимал, на какой позор я иду, как будет трудно меня понять, но я сознательно пошел на это»⁶⁴⁸.

В 70-х гг. неизменным оставалось число монастырей, принадлежавших Русской Православной Церкви, но в крайне стесненном состоянии оставалась Почаевская Успенская лавра. В сентябре 1973 г. духовный собор лавры во главе с наместником обители архимандритом Самуилом вынужден был подать жалобу председателю Совета по делам религий В. В. Куроедову⁶⁴⁹. Положительной реакции на жалобу не последовало, более того, в 1980 г. у лавры конфисковали последний принадлежавший ей земельный участок. Предприняты были новые действия, которые, вероятно, опять имели целью закрытие монастыря. Вечерами, после службы, милиция стала изгонять паломников из храмов, где они оставались ночевать, поскольку монастырская гостиница была конфискована, а в местные гостиницы их не пускали. Однажды даже из храма были изгнаны 20 послушников, ожидавших пострига и перевода на святую Афонскую гору. Из лавры насильственно удалены были 30 монахов и послушников, среди них игумен Амвросий (Юрасов), которого многие богомольцы почитали, как хорошего проповедника и духовника, игумены Антоний (Темников), Апеллий (Станкевич), монах Нестор. Архимандрит Олимпий был жестоко избит милицией на Светлой седмице 1981 г. и вскоре после этого скончался от побоев. Верующий народ стал подозревать наместника лавры архимандрита Иакова (Панчука) в сотрудничестве с гонителями Церкви, и одна фанатичная женщина совершила на него покушение, ударив его топором по голове. Для того чтобы спасти Почаевскую лавру от закрытия, в «Журнале Московской Патриархии» были опубликованы статьи об истории обители, которая в прошлом служила форпостом православия против римско-католической экспансии. В «Журнале» появлялись сообщения о богослужениях, которые совершали в Почаевской лавре посещавшие ее архипастыри, в одной из статей сообщалось о постриге в лавре американского студента-богослова. Закрытие монастыря и на этот раз, на

рубеже 70—80-х гг., удалось предотвратить.

Вся церковная Россия знала и почитала схиигумена Савву и архимандрита [Иоанна \(Крестьянкина\)](#) из Псково-Печерского Успенского монастыря, архимандрита Тавриона (Батозского) из Спасо-Преображенской пустыни под Елгавой, архимандрита Кирилла (Павлова) из Троице-Сергиевой лавры. Духовничеством занимался и пребывавший на покое в Троице-Сергиевой лавре архиепископ Сергей (Голубцов), который 1968 г. до кончины написал здесь более 500 икон. Архиепископ Сергей скончался от воспаления легких в своей келье 16 июня 1982 г.

Большим событием церковной жизни 70-х гг. явилась канонизация 6 октября 1977 г. просветителя Америки, Сибири и Дальнего Востока митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова), совершенная в ответ на просьбу Священного Синода Православной Церкви в Америке. В 1979 г. по благословению Святейшего Патриарха Пимена к лику общерусских святых был причислен местночтимый Харьковский святитель Мелетий (Леонтович). В 1980 г. наша страна праздновала 600-летие победы на Куликовом поле. Самое широкое участие Церкви во всенародном торжестве многим людям открыло глаза на огромную значимость патриотического служения Русской Православной Церкви; упоминание имени преподобного Сергия рядом с именем святого князя Димитрия Донского в отдельных публикациях юбилейного года помогло духовноищущим людям обратить мысленный взор к идеалу Святой Руси и вступить на путь воцерковления. Православная Церковь праздновала память о Куликовской битве, как и подобает, в день Рождества Пресвятой Богородицы, что побудило людей нецерковных, но непредубежденных с уважением отнестись к православному юлианскому календарю.

В 70-х гг. укреплялись связи Русской Церкви с Церквями-Сестрами. В апреле и мае 1972 г. Святейший Патриарх Пимен совершил паломничество в Святую землю и другие страны Ближнего Востока, встретился там с Предстоятелями Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей. В этот период продолжалась подготовка к Всеправославному Собору. В сентябре 1976 г. в Шамбези близ Женевы состоялось Первое предсоборное всеправославное совещание; в нем участвовала и делегация Русской Церкви. На совещании были уточнены темы, которые предстояло обсудить на Соборе: 1) православная диаспора; 2) автокефалия и способ ее провозглашения; 3) автономия и способ ее провозглашения; 4) Диптихи; 5) календарный вопрос; 6) препятствия к браку; 7) приведение церковных требований о посте в соответствие с требованиями современной эпохи; 8) отношение поместных православных Церквей к прочему христианскому миру; 9) православие и экуменическое движение; 10) вклад поместных православных Церквей в торжество христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой дискриминации.

Упрочению всеправославного единства способствовал визит делегации Русской Церкви во главе с Патриархом Пименом в Константинополь в сентябре 1977 г. и встреча Святейшего Патриарха Пимена с Патриархом Константинопольским Димитрием. В 70-х гг. встречи предстоятеля Русской Церкви с главами других православных Церквей носили регулярный характер. Нашу Церковь неоднократно посещали Патриархи Грузии Давид V и Илия II, Патриарх Александрийский Николай VI, дважды в это десятилетие гостем нашей Церкви был Патриарх Антиохийский Илия IV; в Москву приезжали Патриархи Сербский Герман, Румынский Юстиниан, Болгарский Кирилл, архиепископы Кипрские Макарий (1971) и Хризостом (1978), архиепископ Афинский Серафим. Многократно встречались с Патриархом Пименом главы православных Церквей: Польской — митрополит Василий, Чехословацкой — митрополит Дорофей и Американской — митрополит Феодосий.

Развивались отношения с Римско-католической Церковью, проводились двусторонние

богословские собеседования: в Троице-Сергиевой лавре в 1973 г., в Тренто (Триденте) — в 1975 г., в Одессе — в 1980 г. Контакты с католической Церковью явились стимулом для углубления богословского изучения католической доктрины и истории католической Церкви в русских духовных школах. Русская Церковь поддерживала в этот период интенсивные отношения с нехалкидонскими Церквями, в особенности с Армянской, Эфиопской, Малабарской Церквями. Регулярный характер носили и встречи делегаций Русской Церкви с представителями англиканской, старокатолической и протестантских Церквей.

Представители Русской Православной Церкви участвовали в деятельности ВСЦ. В ноябре-декабре 1975 г. в столице Кении Найроби состоялась V ассамблея ВСЦ, делегацию Русской Православной Церкви возглавил председатель ОВЦС митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. В адрес ассамблеи поступило письмо Г. Якунина и Л. Регельсона, в котором они сообщали о гонениях на Православную Церковь и другие христианские Церкви в СССР и упрекали ВСЦ за то, что он не выступил «инициатором международного движения в защиту гонимого христианства»⁶⁵⁰. В связи с этим письмом митрополит Ювеналий сделал заявление, в котором упомянул, что у о. Глеба Якунина сложные отношения со своей собственной Церковью, а Л. Регельсон враждебно относится к самой идее экуменизма. Митрополит Ювеналий не опровергал приведенные в письме факты, хотя и не комментировал их, но подтвердил, что были и есть проблемы в жизни Церкви, вызванные нарушениями законов.

Священный Синод Русской Православной Церкви на своем заседании рассмотрел ход работы V ассамблеи ВСЦ и принятые ею резолюции. 3 марта 1976 г. от лица Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода направлено было в адрес ЦК ВСЦ, его председателя архиепископа Эдварда Скотта и генерального секретаря Филиппа Портера послание, в котором священноначалие Русской Церкви выразило поддержку стремлениям ВСЦ к преодолению разделений между Церквями и в то же время высказало ряд критических соображений; в частности, в этом послании было отмечено:

«1. 1. ...Генеральная ассамблея в Найроби поставила перед Церквями вопрос об общем миссионерстве и евангелизации как важнейшую задачу на нынешней стадии экуменического развития... Но, по нашему глубокому убеждению, без достижения единства в вере и основах церковного устройства не может быть подлинного «общего христианского свидетельства», а следовательно, и достаточного успеха объединенных действий в миссии. Это, конечно, не означает, что должна отсутствовать взаимная помощь в исполнении каждой Церковью ее долга христианского свидетельства, миссии и евангелизации.

2. Другой опасностью, серьезно угрожающей христианскому единству и будущности экуменического движения после Найроби, является питаемая некоторыми участниками экуменического движения иллюзия, что Всемирный Совет Церквей будто бы может достичь такой степени экуменического сближения своих Церквей-членов, что одна из будущих его Генеральных ассамблей превратится во всехристианский Собор. Думать так — значит предполагать, что Всемирный Совет Церквей может в будущем стать некоей «сверхцерковью»... Отсюда один шаг к соблазнительной и опасной идее об основном экклезиологическом значении Всемирного Совета Церквей и его центрального аппарата в Женеве... Общеизвестно, что Всемирный Совет Церквей — это орудие в руках Церквей-членов в поисках и усилиях к достижению христианского единства. И если экуменическое движение достигнет, с помощью Божией, такой степени единства в вере и в основах церковного строя Церквей-членов, что можно будет восстановить евхаристическое общение между ними, то Всемирный Совет Церквей должен будет прекратить свое существование, как выполнивший свое служение.

4. Мы приветствуем стремление ВСЦ к дальнейшему развитию диалога с представителями нехристианских религий и секулярных идеологий, в котором находит свое выражение идея

общей ответственности за судьбы того мира, в котором мы живем. Вместе с тем важно подчеркнуть, что Священное Писание и опыт Церкви исключают возможность конвергенции христианства с секулярными идеологиями. Именно поэтому диалог должен априори не допускать идеи таковой конвергенции. Что касается диалога с представителями нехристианских религий, то он на тех же основаниях ни в какой степени не должен вести к синкретизму.

5. ...Православная Церковь не может присоединиться к позиции протестантского большинства, допускающего возможность женского священства, нередко выражающего свое отношение к этой проблеме в чуждых Божественному Откровению секулярных категориях.

III. 1. На ассамблее в моменты нередких богослужений и общественных молитв обнаруживалась искусственно создаваемая атмосфера экзальтированности, которую некоторые склонны были рассматривать как действие Святого Духа. С православной точки зрения, это может квалифицироваться как возвращение к нехристианскому религиозному мистицизму, который не может способствовать созиданию подлинной молитвенной настроенности, когда верующие во Христа особенно чувствуют себя братьями и сестрами.

2. ...Нас также удивляет то обстоятельство, что все основные доклады на ассамблее были представлены ее протестантскими участниками, в силу чего не был услышан голос православных в представлении и раскрытии основной темы ассамблеи «Иисус Христос освобождает и объединяет»... В то же время, сознавая количественное меньшинство православных среди своих братьев-протестантов, мы понимаем, что в дискуссии или голосовании весьма легко собрать арифметическое большинство голосов христиан протестантской традиции. Перед нами возникает вопрос, насколько это правильно в межконфессиональной семье Всемирного Совета Церквей.

3. ...Была сделана попытка, не без поощрения отдельных официальных лиц Всемирного Совета Церквей, как бы подменить голос делегации Русской Православной Церкви мнением церковных диссидентов, находящихся в напряженных отношениях с церковной властью и в отчуждении от настроения подавляющего большинства членов Церкви. Нельзя пройти в связи с этим мимо наметившейся тенденции во Всемирном Совете Церквей иметь прямые контакты с такими людьми, минуя церковное руководство, что рассматривается нами как прямое или косвенное недоверие священноначалию нашей Церкви или стремление посеять это недоверие.

В свою очередь, Русская Православная Церковь, несмотря на свое несогласие с отрицательными сторонами ассамблеи, по-прежнему ценит свое участие в этом экуменическом содружестве Всемирного Совета Церквей. А потому вслед за участниками I Генеральной ассамблеи ВСЦ в Амстердаме мы хотим повторить, обращаясь к нашим сестрам и братьям во Всемирном Совете Церквей: «Мы решили оставаться вместе!»⁶⁵¹

Русская Православная Церковь в 70-х гг. участвовала и в деятельности региональных христианских организаций, прежде всего в КЕЦ, одним из президентов которой являлся митрополит Таллинский и Эстонский Алексей. В октябре 1979 г. представители Русской Православной Церкви участвовали в работе VIII ассамблеи КЕЦ, состоявшейся на острове Крит. В деятельности КЕЦ важнейшее место занимала миротворческая тема. В 1975 г. в немецком городе Бухове состоялась консультация КЕЦ на тему «Итоги Совещания на высшем уровне по безопасности и сотрудничеству в Европе и европейские Церкви», в марте 1977 г. в Австрии, близ города Линца, проведена была консультация КЕЦ «Европа после Хельсинки и развивающиеся районы». Представители Русской Православной Церкви участвовали в 70-х гг. в таких крупных миротворческих форумах, как Будапештская ассамблея мира 1971 г., Московский Всемирный конгресс миролюбивых сил (октябрь 1973 г.), Всемирный парламент народов за мир (София, 1980 г.).

80-е гг. в истории Русской Православной Церкви прошли под знаком великого юбилея — 1000-летия Крещения Руси. За 7 лет до праздничных торжеств, в 1981 г., Священным Синодом была образована юбилейная Комиссия под председательством Святейшего Патриарха Пимена для координации церковной деятельности, связанной с подготовкой юбилея. В Совете по делам религий было заявлено синодальной Комиссии, что празднование 1000-летия Крещения Руси — это только внутренний церковный юбилей. Но чиновники Совета оказались плохими пророками. В связи с предстоящим 1000-летием Крещения Руси Патриарх и Священный Синод просили правительство передать Церкви один из монастырей Москвы для устройства в нем и на примыкающих к нему участках церковного административного центра. Решение передать Церкви Свято-Данилов монастырь было принято еще при Л. И. Брежнев, в 1982 г., но официальная передача состоялась 17 мая 1983 г. Монастырские храмы и строения находились в крайне разрушенном состоянии, до передачи их Церкви они использовались в промышленных целях, ранее в монастыре находилась детская пересыльная тюрьма. Священный Синод назначил председателем Комиссии по приему, реставрации и строительству в Свято-Даниловом монастыре митрополита Ленинградского Алексия, и его попечением монастырь восстал из руин. Средства на восстановление святой обители жертвовала вся православная Русь.

Наместником обители был назначен архимандрит Евлогий (Смирнов). Монастырскую братию составили главным образом монахи, переведенные из Троице-Сергиевой лавры, из московских духовных школ. В воссозданной обители святого благоверного князя Даниила, почитание которого тогда заметно возросло в России, и особенно в Москве, развернулись реставрационные и строительные работы, средства на которые стекались из всех епархий. Восстановление православной обители в столице России рассматривалось как дело исключительной важности для Церкви, реставрационные работы контролировались высшей церковной властью; особое попечение о них нес управляющий делами Патриархии митрополит Таллинский Алексей. За пять лет воссозданы были монастырские храмы, стены обители, корпуса келий, выстроено здание официальной резиденции Патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода. В монастырь перевели отдел внешних церковных сношений и была устроена Синодальная библиотека.

80-е гг. явились временем кризиса Советского государства и эпохой радикальных перемен в истории России. В последние годы правления Брежнева обнаружилось несомненное черты разложения советского режима. Существенных перемен во взаимоотношениях Церкви и государства, несмотря на частую смену первых лиц в Кремле, в 1-й половине 80-х гг. не произошло. Передача Данилова монастыря Церкви была актом, который ввиду огромной, мировой значимости юбилея Крещения Руси, едва ли выходил за рамки политики, сложившейся уже в 60-х гг., после отставки Хрущева. В то же время при Андропове на фоне общего ужесточения репрессий против диссидентов, чаще, чем раньше, арестовывали и судили диссидентов религиозных. В апреле 1983 г. к году лишения свободы и пяти годам ссылки была приговорена за издание нескольких номеров бесцензурного религиозного журнала «Надежда» Зоя Крахмальникова, в декабре 1982 г. за нелегальное размножение религиозной литературы средствами малой типографии осудили на разные сроки лишения свободы пять диссидентов во главе с В. Бурдюгом. Общее число заключенных разных исповеданий, осужденных по религиозным делам в это время превышало 400 человек, и это самая большая цифра за два послехрущевских десятилетия. В 1984 г. власти попытались воспрепятствовать созданию монашеской общины в Свято-Даниловом монастыре, категорически настаивая на том, что передан он Церкви лишь под административные учреждения Патриархии. И только после смерти К. У. Черненко путь к созиданию в Даниловском монастыре полноценной монашеской общины был открыт.

Официальные идеологические партийные документы как при Андропове, так и при Черненко ставили атеистическое воспитание в ряд важнейших задач партии и комсомола. Июньский 1983 г. Пленум ЦК КПСС потребовал «активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов... уделять больше внимания атеистическому воспитанию... настойчивее внедрять советскую обрядность». В постановлении ЦК о работе комсомола, принятом в июле 1984 г., партийное руководство требует «закрыть все каналы проникновения... безыдейности. Разработать и осуществить систему мер... чтобы все формы досуга способствовали выработке... атеистических вкусов».

В ноябре 1984 г. В. А. Куроедов был уволен с должности председателя Совета по делам религий при Совмине СССР. Вместо него назначен был К. М. Харчев, в прошлом партийный работник и дипломат. В церковных кругах возникли опасения, что перемещение это не предвещает Церкви ничего хорошего, что Куроедова устранили из-за излишнего с точки зрения высшего руководства либерализма, который он обнаруживал в своем отношении к Церкви в последние годы пребывания во главе Совета. В марте 1985 г. произошла смена политической верхушки Советского государства. После смерти Черненко генеральным секретарем ЦК КПСС стал М. С. Горбачев, и уже в первый год его правления проявились реформистские намерения, которые, правда, очень мало еще коснулись религиозной политики. Новый политический курс, получивший название перестройка, включал в себя среди прочего либерализацию политической системы, гласность в средствах массовой информации, тотальный контроль над которыми уступал место более тонкому и сложному манипулированию со стороны политического руководства. Начиная с конца 1986 г. одной из самых популярных тем средств массовой информации становятся репрессии в годы советского режима. Среди жертв политических репрессий упоминаются и священнослужители. В первые перестроечные годы в обществе преобладали оптимистические настроения; экономические трудности и угроза распада государства обнаружилось позже, в конце 80-х гг. Болезненные явления и прошлого и настоящего перестали быть запретными для освещения в средствах массовой информации; широкое звучание приобретает тема духовного выздоровления и возрождения общества, удобная в переходный период своей неопределенностью, потому что в понятие «духовности» всякий волен был вкладывать свое понимание. 17 декабря 1985 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий направил М. С. Горбачеву письмо, в котором обратил его внимание на многовековое служение Русской Церкви своему народу, на заслуги Церкви перед государством и поставил вопрос о пересмотре государственного законодательства, регламентирующего статус религиозных объединений. В этом письме, в частности, говорится:

«Русская Православная Церковь живет одними интересами с нашим народом... Происходящие сейчас в нашей стране изменения находят широкий отклик среди православных верующих и православного духовенства. Деловой и реалистический подход к существующим проблемам, отказ от пустой фразеологии и прожектерства — это веление времени. Если мы хотим сделать нашу Родину сильной и процветающей и таковой передать ее будущим поколениям,— мы должны действовать только таким образом. Глубоко импонируют нам и Ваши слова о том, что целью социально-экономических преобразований в нашей стране является создание не «общества потребления», а такого общества, которое обеспечило бы всестороннее духовное развитие человеческой личности — не человек ради материальных благ, а материальные блага для человека. В этих условиях перед нами, естественно, встает вопрос: что может сделать Русская Православная Церковь для того, чтобы содействовать претворению в жизнь курса, встречающего одобрение всего народа? Не вдаваясь в детали, которые требуют обдумывания, разработки, могу сказать, что основные направления нашего сотрудничества, которое, кстати, де факто уже имеет место, ясны. Русская Православная Церковь может внести

существенный вклад в патриотическое и гражданское воспитание, в дальнейшее укрепление единства нашего общества, что столь необходимо в нынешней сложной международной обстановке. В церковной проповеди следует б?ольшее внимание уделять разъяснению необходимости добросовестного отношения к труду, к умножению общественного достояния, бережного отношения к хлебу насущному, деятельному участию в охране окружающей среды, в охране памятников истории и культуры,— к решению всех тех задач, которые стоят перед обществом. Церковь могла бы более активно и решительно бороться с различными пороками и «болезнями в обществе», не только с пьянством, но и с моральной распущенностью, черствостью, эгоизмом, добиваясь укрепления ... семьи, как важной ячейки общества, выступать за духовное и нравственное здоровье людей... Русская Православная Церковь всегда жила чаяниями и интересами своего народа. С ним она была и в радости, и в годину испытаний. В прошлом она содействовала становлению и единству нашего государства. Ее патриотическое служение в суровые годы Великой Отечественной войны не требует доказательств... Необходимо признать,— продолжает автор письма,— что для выполнения важных задач, о которых сказано выше, Русская Православная Церковь в полной мере еще не готова. Следует провести трудоемкую подготовительную работу, готовить соответствующие кадры. Назрел также вопрос о пересмотре существующих республиканских законодательств в отношении религиозных объединений, которые устарели и не отвечают новым реальностям, сложившимся в нашем обществе и государстве»⁶⁵².

В 1986 г. начался пересмотр политики советского руководства по отношению к Русской Православной Церкви и другим религиозным общинам. В печати появились и статьи, авторы которых в стремлении к духовному возрождению общества возлагали надежду на Православную Церковь. Грандиозная Чернобыльская катастрофа углубила в обществе апокалиптические и религиозные настроения, а дискредитация советского периода истории России вызывала ностальгическое отношение к дореволюционной России; обострила интерес к Православной Церкви, в которой всегда виделся островок старой России, уцелевший в коммунистической пучине. В 1987 г. официальная идеология, в том числе и в атеистической своей части, ведет уже арьергардные бои при стремительном отступлении.

Благоприятные перемены в отношении политического руководства страны к Церкви стали очевидными, но до подлинной религиозной свободы было еще далеко, потому что существовала в основах своих непоколебленной старая политическая и юридическая система. Появилась возможность для открытия приходов, но возможность эта оставалась крайне ограниченной. В ноябре 1986 г. один из публицистов религиозного самиздата писал: «Где же открываются храмы? Вдоль китайской границы, где требуется сохранить русское присутствие и не озлоблять население, в бывшей Пруссии, где до сих пор — хотя немцев давно нет — не было ни одной православной церкви; в некоторых станицах и глухих селах, где после долгих хлопот отворяют изредка снова церкви, закрытые при Хрущеве. Но что значат эти новые 33 храма по сравнению с почти 10 000 закрытыми в те времена!.. Положение самой православной Церкви не столь радужно, как его порой видят заезжие гости, попавшие на благолепную службу в переполненный столичный храм. По словам самих священников, народу, по сравнению с предыдущим десятилетием, в храмах поубавилось из-за происходящей смены поколений. На место вымирающего поколения приходит сформировавшееся в 1930-е гг., когда не то что жить по-христиански, но и произносить имя Христово было крайне опасно из-за разгула самого оголтелого атеизма»⁶⁵³.

Несмотря на ясно обозначившийся новый курс в отношениях советского руководства к Церкви, на местах в полную меру действовала инерция прежних методов запрещения. В Краснодарской епархии попытки приходских общин построить себе новые просторные храмы

вместо прежних ветхих и темных молитвенных домов встретили жесткое противодействие уполномоченного Совета и местной администрации, но печать уже могла позволить себе встать на защиту верующих. Произвол краснодарских властей получил достойное освещение на страницах чрезвычайно популярного в ту пору «перестроечного» «Огонька». В большинстве случаев с 1987 г. местные власти вынуждены были идти на уступки в своей запоздалой борьбе с Церковью, потому что печать поддерживала верующих, а московские власти чаще всего отказывали местной администрации в поддержке атеистических акций. С сентября 1987 г. число приходов Русской Церкви начало расти. В 1987 г. решением правительства Церкви были переданы Оптина пустынь, знаменитая подвигами своих старцев, и древний Толгский монастырь в окрестностях Ярославля. Наместником Оптиной пустыни назначен был архимандрит Евлогий (Смирнов), много потрудившийся над восстановлением Свято-Данилова монастыря. В обеих обителях начались интенсивные строительные и реставрационные работы, начала возрождаться иноческая жизнь. Во главе Толгского монастыря со времени его возвращения Церкви поныне стоит игуменья Варвара (Третьяк). В 1987 г. объявлена была широкая амнистия, коснулась она и диссидентов, в том числе и осужденных по делам, связанным с религиозной деятельностью.

В 1-й половине 80-х гг. в связи с ухудшением состояния здоровья Святейшего Патриарха Пимена руководство церковной жизнью осуществлял митрополит Таллинский и Эстонский Алексей, который еще с середины 60-х гг. управлял делами Московской Патриархии и был председателем Учебного комитета. Постоянными членами Синода, помимо митрополита Алексея, оставались в 80-х гг. митрополиты Киевский Филарет, Ленинградский Антоний и Крутицкий Ювеналий. Единственным изменением в составе постоянных членов Синода стало включение в него в 1981 г. митрополита Минского Филарета (Вахромеева), по новой его должности председателя ОВЦС.

29 мая 1986 г. в возрасте 62 лет после долгой болезни отошел ко Господу митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников), церковное служение которого началось в 1944 г. иподиакономством у патриаршего Местоблюстителя, а впоследствии Патриарха Алексея I. В 1950 г. он окончил Московскую Духовную Академию, был пострижен и хиротонисан в иеродиакона и иеромонаха. Церковное служение будущего архипастыря до его архиерейской хиротонии связано было главным образом с руководством духовными школами и управлением монастырями. В 1964 г. архимандрит Антоний был хиротонисан во епископа Белгород-Днестровского, викария Одесской епархии; в 1965 г. он был переведен на Минскую кафедру, которую занимал до перевода на Ленинградскую в 1978 г. Как пишет о нем автор некролога, «несмотря на высоту своего иерархического положения, объем епархиальной и общественной работы, митрополит Антоний сохранял простоту в общении и доступность для всех, кто к нему обращался. Возглавляемые им богослужения отличала молитвенная сосредоточенность и праздничная приподнятость и вместе с тем сердечная простота и проникновенность. Владыка неизменно проповедовал за каждой своей службой, в простых и ясных словах донося до сознания молящихся истины веры Христовой. У многих людей, близко знавших митрополита Антония, он вызывал уважение широкой эрудицией, глубокой культурой, даром общения и доброжелательностью к людям. В последний месяц своей земной жизни, будучи тяжело больным, митрополит Антоний ежедневно причащался Святых Христовых Тайн, а за несколько дней до кончины исповедовался»⁶⁵⁴. Свою библиотеку митрополит Антоний завещал Данилову монастырю. Впоследствии она вместе с библиотекой архиепископа Тамбовского Михаила (Чуба) стала ядром Синодальной библиотеки. Погребение почившего возглавил митрополит Таллинский Алексей.

29 июля 1986 г. состоялось заседание Священного Синода, на котором на Ленинградскую

кафедру был поставлен митрополит Алексей с сохранением за ним управления Таллинской епархией. В связи с переводом на Ленинградскую кафедру он был освобожден от должности управляющего делами Московской Патриархии, на которую Синод назначил митрополита Одесского и Херсонского Сергия (Петрова). С этой должностью сопряжено постоянное членство в Священном Синоде. 16 сентября 1986 г. Священный Синод по личной просьбе митрополита Ленинградского Алексея освободил его от обязанностей председателя Учебного комитета и назначил новым председателем ректора Московской Духовной Академии архиепископа Дмитровского Александра (Тимофеева). 30 декабря 1987 г. Священный Синод освободил от должности управляющего делами Московской Патриархии митрополита Одесского Сергия; новым управляющим и одновременно постоянным членом Синода был назначен митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан). Должность председателя хозяйственного управления Московской Патриархии в 80-х гг. последовательно занимали настоятель патриаршего Богоявленского собора протопресвитер Матфей (Стаднюк), архиепископ Владимирский Серапион (Фадеев), митрополит Воронежский Мефодий (Немцов) и с 1988 г. по 1990 г. епископ Зарайский Алексей (Кутепов). В хозяйственной жизни Церкви важным событием явилось создание в подмосковном Софрине церковных мастерских в 1980 г.

В 80-х гг. епископат Русской Православной Церкви, помимо митрополита Ленинградского Антония, утратил таких маститых архиереев, как митрополиты Львовский Николай (Юрик; † 1983), Калининский Алексей (Коноплев; † 1988), бывший Ярославский Иоанн (Вендланд; † 1989), Одесский Сергий (Петров; † 1990), архиепископ Тамбовский Михаил (Чуб; † 1985), Брюссельский Василий (Кривошеин; † 1985), бывший Берлинский Киприан (Зернов; † 1987), Орловский Глеб (Смирнов; † 1987), бывший Вольнский Дамиан (Марчук; † 1987), Костромской Кассиан (Ярославский; † 1989). До 1988 г. епископат Русской Церкви численно оставался почти неизменным. В год совершались одна, две или три хиротонии.

В канун 1000-летия Крещения Руси было проведено три международных юбилейных конференции: церковно-историческая в Киеве в 1986 г., московская конференция в 1987 г., посвященная вопросам богословия и духовной жизни, ленинградская — в начале 1988 г. по проблемам литургики, богослужения, церковного искусства и церковного права. Эти конференции, во-первых, обнаружили огромный интерес отечественной и зарубежной научной общественности к предстоящему юбилею и к Русской Церкви вообще; во-вторых, они показали, что, несмотря на долгие гонения на Церковь, она сумела вырастить хотя и не сравнимые с дореволюционными, но все-таки реальные научные силы; в-третьих, конференции проложили путь к сотрудничеству церковной науки с наукой светской, среди деятелей которой оказались люди, либо сочувственно относящиеся к Церкви, либо принадлежащие к ней не только по факту крещения, но и по своему мировоззрению.

Начиная с конца 70-х гг. в литургическую жизнь нашей Церкви вошло такое явление, как включение в богослужебный календарь дней памяти местных Соборов святых. Так, начиная с 1979 г. установлено было празднование Соборов святых Тверских, Новгородских, Радонежских, Владимирских, Смоленских, Белорусских, Сибирских, Костромских, Рязанских и Крымских.

* * *

В 80-х гг. священноначалие Русской Церкви продолжало поддерживать контакты с предстоятелями братских православных Церквей. В августе 1987 г., менее чем за год до юбилейных торжеств, Патриарх Константинопольский Димитрий нанес визит Патриарху Московскому и всея Руси Пимену в ответ на бывший 10 лет назад визит Патриарха Пимена в Стамбул. Не один раз был гостем нашей Церкви Патриарх Александрийский Николай VI, 20 июля 1986 г. он скончался во время своего последнего пребывания в нашей стране. Новый Патриарх Александрийский Парфений посетил Русскую Церковь в марте 1988 г. В октябре и

ноябре 1981 г. гостем Патриарха Пимена был Патриарх Антиохийский Игнатий IV. В сентябре 1981 г. визит в нашу Церковь нанес Патриарх Иерусалимский Диодор. Патриарх Грузинский Илия неоднократно посещал Москву в 80-е гг., регулярно встречаясь с Патриархом Пименом.

В сентябре 1982 г. в Шамбези состоялось II Предсоборное всеправославное совещание. Представители нашей Церкви выразили свое несогласие с тем, что на совещание не были приглашены делегации Автокефальной Православной Церкви в Америке и Японской Автономной Православной Церкви. На совещании в центре внимания стояли следующие вопросы: 1) о препятствиях к браку; 2) о приведении церковных постановлений о посте в соответствие с требованиями современной эпохи и 3) о календарном вопросе в свете решения I Вселенского Собора о пасхалии и об изыскании пути к сотрудничеству Церквей в данном вопросе, а также о совместном праздновании Пасхи всеми христианами в определенное воскресенье. В решении совещания по календарной проблеме говорилось, что «всякий пересмотр относительно уточнения практики в определении даты Пасхи, которой мы придерживаемся от века при общем праздновании нашей Пасхи, оставить на более благоприятное, удобное Богу время»⁶⁵⁵. Относительно поста большинство участников совещания, в том числе представители нашей Церкви, высказались против ослабления церковной дисциплины, за сохранение тех норм поста, которые предусмотрены Иерусалимским уставом.

III Предсоборное совещание проходило также в Шамбези, с 28 октября по 6 ноября 1986 г. Его тематику составляли следующие вопросы: 1) согласование церковных постановлений о посте в соответствии с требованиями современной эпохи; 2) отношение православных Церквей к прочему христианскому миру; 3) вклад поместных православных Церквей в преобладание христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами и в устранение расовой дискриминации. На совещании принято было решение провести настолько тщательную подготовку IV Предсоборного совещания, чтобы оно уже окончательно определило тематику будущего святого православного Собора.

В 1980 г. на островах Патмосе и Родосе в Греции состоялась первая встреча смешанной православно-католической комиссии. На этой встрече начат был диалог, продолженный затем в Мюнхене в 1982 г. и на Крите в 1984 г. Во всех этих встречах участвовали и представители Русской Православной Церкви. Регулярный характер носили в 80-х гг. контакты нашей Церкви с нехалкидонскими восточными, старокатолической и протестантскими Церквями. С 24 июля по 10 августа 1983 г. в канадском городе Ванкувере состоялась VI Генеральная ассамблея ВСЦ; из 835 делегатов ассамблеи 38 человек представляли Русскую Православную Церковь.

В сфере миротворчества важнейшими форумами 80-х гг., в которых участвовали представители Русской Православной Церкви, явились всемирная ассамблея «За мир и жизнь против ядерной войны», состоявшаяся в Праге в 1983 г., всемирный конгресс под девизом «Сохранить мир и будущее человечество», проведенный в Копенгагене в 1986 г. и московский международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» в 1987 г. Вопросы борьбы за мир стояли в центре ежегодно проводимых в Троице-Сергиевой лавре совещаний глав и представителей Церквей и религиозных объединений СССР.

* * *

Юбилейный 1988-й вошел в историю как год, в который произошли радикальные изменения во взаимоотношениях Церкви и государства, Церкви и общества. Однако изменения эти носили еще не юридический характер, правовой статус Русской Православной Церкви в основных чертах оставался прежним, продолжало действовать постановление ВЦИК 1929 г., лишавшее Церковь и другие религиозные общины возможности относительно нормального существования. Празднование 1000-летия Крещения Руси на фоне перестройки, которая к тому

времени обнажила язвы коммунистического режима, обрекавшие его на скорое падение, совершило переворот в восприятии Церкви большинством народа. Церковь вышла из гетто, в сознании общества она стала тем, чем она была в действительности со времени святого князя Владимира — единственной духовной опорой государственного существования русского народа. Часть руководства страны в 1988 г. готова была сделать шаг навстречу Церкви, понимая, что ее влияние на общество носит стабилизирующий характер. Председатель Совета по делам религий К. М. Харчев после своей отставки с очень большой долей преувеличения утверждал, что «в партийном руководстве именно он был инициатором идеи отпраздновать 1000-летие Крещения Руси как всероссийский праздник, как праздник не только Церкви, но и национальной культуры, празднование которого помогло бы единению верующих и неверующих, преодолению отчуждения между ними, но что в ЦК КПСС были против, а М. С. Горбачев поддержал линию Харчева».

Для понимания основных принципов партийной политики во время перестройки очень интересен доклад К. М. Харчева, сделанный им «среди своих» — для преподавателей Высшей партийной школы в марте 1988 г. Состоянию религиозности в стране Харчев дал такую оценку: «В настоящее время в Советском Союзе тенденции к снижению религиозности нет. Каждый год производится миллион отпеваний, это 20—30% покойников, а отпевание, по моему мнению, наиболее достоверный показатель религиозности, так как при жизни человек врал из-за боязни потерять работу. 30% младенцев крестят. Раньше была практика: при крещении требовать паспорт. Это давало возможность партийным работникам находить крещеных по паспортным данным и административными методами воздействовать на верующих... Сейчас практику предъявления паспортов в церкви по нашей инициативе отменили»⁶⁵⁶.

Доклад Харчева дает ясное представление и о дифференцированном подходе партийного руководства к разным вероисповеданиям, при формальном провозглашении равенства всех конфессий:

«Наибольших успехов в контроле над религией и в подавлении ее инициативы мы достигли в среде священников и епископов Русской Православной Церкви. Сначала это радовало, а сейчас это грозит обернуться непредвиденными обстоятельствами. Несмотря на то что деятельность Русской Православной Церкви контролируется и ограничена и ее инициатива не вызывает опасений (хотя, впрочем, даже у забитой дворняжки терпение небезгранично), беспокойство вызывает усиление других конфессий... Раньше мы давили Русскую Православную Церковь и не сдерживали сектантов, так как боялись, что они уйдут в подполье и мы окончательно потеряем над ними контроль. Но ведь католики, протестанты, баптисты, евангелисты, адвентисты и многие другие имеют центры и органы управления вне досягаемости советской власти, и потому их бурный рост чреват непредсказуемыми последствиями»⁶⁵⁷.

Любопытна и весьма высокая оценка доли верующих в населении страны, которую дал Харчев: «70% верующих — это не шутка». Такая оценка значительно превосходит те, какие давались ранее как результаты выборочных социологических опросов, может быть, она превосходила и реальный процент верующих в стране.

В конце апреля 1988 г. состоялась встреча Святейшего Патриарха Пимена и постоянных членов Священного Синода: митрополитов Ленинградского Алексия, Киевского Филарета, Крутицкого Ювеналия, Минского Филарета и Ростовского Владимира (Сабодана) — нового управляющего делами Патриархии — с М. С. Горбачевым, которую, по ее последствиям, можно сравнить со встречей Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, но, в отличие от кремлевской встречи 1943 г., в 1988 г. прием происходил перед телекамерами разных стран мира. М. С. Горбачев сказал, что трагические события периода культа личности затронули и религиозные организации, но ошибки исправляются и разрабатывается закон о свободе совести,

где будут отражены интересы религиозных организаций. С ответным словом выступил Патриарх Пимен и напомнил собравшимся о грядущем великом празднике 1000-летия Крещения Руси, о том, что Церковь всегда соединяла свое служение с заботой о целостности Отечества. В состоявшейся затем беседе, как сообщали средства массовой информации, был поставлен ряд конкретных вопросов, связанных с обеспечением нормальной деятельности Православной Церкви. После этой встречи был открыт путь к широкому, общенациональному празднованию 1000-летия Крещения Руси, которое стало подлинным триумфом Церкви, «расточившим ее врагов». 26 мая 1988 г. в Оружейной палате Кремля состоялась торжественная церемония передачи Церкви в лице ее иерархов святынь, хранившихся в кремлевских музеях, и среди них частицы Древа Креста Господня, камня Гроба Господня, десницы святого апостола Андрея Первозванного, главы святителя [Иоанна Златоуста](#), частицы мощей святого равноапостольного князя Владимира, святых князей Александра Невского и Феодора Черниговского, святителя Московского Петра и других угодников. За несколько дней до начала юбилейных торжеств Церкви была возвращена часть Киево-Печерской лавры.

Самой серьезной проблемой для Церкви, начиная с 60-х гг., было недостаточное количество приходов, которое совершенно не соответствовало числу православных христиан. В 1986 г. Русская Православная Церковь имела 6794 прихода; в 1981—1986 гг. их число уменьшилось на 213, но в 1987 г. впервые после середины 50-х гг. количество их начало возрастать. За 5 месяцев 1988 г. число приходов Русской Православной Церкви увеличилось более чем на 60. В некоторых приходах начались внебогослужебные катехизические занятия с верующими, и священники, проводившие их, уже не подвергались, как ранее, травле со стороны уполномоченных Совета. Появились первые воскресные школы. Церковные деятели получили наконец доступ к средствам массовой информации — в печать, на радио и телевидение, они стали участвовать в публичных дискуссиях: о нравственном состоянии общества и путях его оздоровления, о культурном наследии, о проблемах сохранения мира, по национальному вопросу. Архипастыри и пастыри начали встречаться с общественностью в клубах, домах культуры, их приглашали в институты и школы.

Празднование 1000-летия Крещения Руси воспринималось как крупное событие во всем мире. Генеральная ассамблея ЮНЕСКО призвала отметить 1000-летие введения христианства на Руси как крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуре. Состоявшееся в мае 1988 г. в Новгороде празднование Дней славянской письменности, на котором священнослужители встретились с видными деятелями русской культуры, прошло под знаком великого юбилея.

* * *

Юбилейные торжества продолжались с 5 по 12 июня. На празднование 1000-летия Крещения Руси в Москву съехались члены Поместного Собора и 517 почетных гостей, среди которых были Патриархи Антиохийский Игнатий IV, Иерусалимский Диодор I, Грузинский Илия II, Болгарский Максим, глава Кипрской Церкви архиепископ Хризостом, Польской — митрополит Василий, Чехословацкой — митрополит Дорофей, православной Церкви в Америке — митрополит Феодосий и высокие инославные гости — кардиналы Агостино Казароли, Йозеф Глемп, архиепископ Кентерберийский Роберт Ранси, генеральный секретарь ВЦС Эмиль Кастро, Патриарх и Католикос всех армян Вазген I; митрополит Делийский Павел Мар Григорий, глава Коптской Церкви Патриарх Александрийский Шенуде III. В торжествах участвовали главы и представители нехристианских религиозных общин, общественные и политические деятели со всего мира.

23 мая (5 июня), в неделю всех святых, Божественной литургией в Московском Богоявленском соборе открылись юбилейные торжества. После поздравлений, с которыми к

Патриарху Московскому и всея Руси обратились Патриарх Иерусалимский Диодор I и Патриарх Александрийский Шенуде III, первосвятитель Русской Церкви произнес ответное слово, в котором дал оценку 1000-летнему пути служения Русской Церкви.

На следующий день Божественной литургией в Троицком соборе лавры преподобного Сергия открылся Поместный Собор, на который прибыло 272 представителя от 67 внутренних и 9 зарубежных епархий, 22 монастырей, 2 духовных академий и 3 семинарий, от зарубежных учреждений Русской Церкви и от Японской Автономной Церкви. Заседания Собора проходили в Сергиевском трапезном храме лавры, в президиум были избраны Патриарх и постоянные члены Синода. Собор образовал секретариат во главе с митрополитом Одесским Сергием, мандатную комиссию под председательством митрополита Сурожского Антония и редакционную комиссию во главе с архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом (Гундяевым). На первом заседании после приветствия гостей Собора с докладом «1000-летие Крещения Руси» выступил митрополит Киевский Филарет. В докладе были прослежены исторические судьбы Русской Церкви от ее начала до наших дней.

6 июня председатель Комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий огласил доклад «Канонизация святых в Русской Православной Церкви». Этот доклад представляет собой основательное богословское, церковно-историческое и агиологическое исследование. Для прославления в лике святых были предложены: благоверный великий князь Московский Димитрий Донской, преподобный Андрей Рублев, [преподобный Максим Грек](#), святитель Макарий Московский, преподобный [Паисий \(Величковский\)](#), блаженная Ксения Петербургская, святитель [Игнатий Брянчанинов](#), преподобный [Амвросий Оптинский](#), святитель Феофан Затворник. В заключительной части доклада в прикровенной форме была выражена мысль о возможной в будущем канонизации новомучеников и новых исповедников и подход к этой теме, предполагающий тщательное предварительное исследование житий предлагаемых к канонизации святых. По решению Поместного Собора был совершен чин канонизации новоявленных угодников Божиих. В деяниях Поместного Собора о канонизации святых среди прочего говорится: «Напечатать их жития и творения, у коих таковые имеются, для назидания и наставления в благочестии чад церковных... Считать необходимым в послесоборный период продолжить работу по изучению дальнейших канонизаций для прославления других почитающихся в народе подвижников веры и благочестия, попечение о чем иметь Священному Синоду»⁶⁵⁸.

На заседании 7 июня с докладом «Жизнь и деятельность православной Церкви» выступил митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан), управляющий делами Московской Патриархии, патриарший экзарх Западной Европы. В докладе был дан обзор основных событий церковной жизни с 1971 по 1988 гг., приведены важнейшие статистические сведения. Ко времени созыва Поместного Собора Русская Церковь имела 6893 прихода, 67 внутренних и 9 зарубежных епархий, 74 епископа (7 из них несли служение за рубежом), 6674 священника и 723 диакона, 22 монастыря с 1190 насельниками и насельницами; 1999 учащихся духовных школ, включая регентские школы и заочный сектор. Церкви были переданы святыни, хранившиеся в музеях, в том числе мощи святителя Феодосия Черниговского, преподобного Феодосия Тотемского, гробница святителя Питирима Тамбовского. С сентября 1987 г. началось увеличение числа приходов. Более 60 новых православных общин возникло в 1-й половине 1988 г. Докладчик отметил более конструктивный, чем прежде, характер отношений приходов и епархий с местными органами гражданской власти. Вслед за тем митрополит Владимир остановился на актуальных проблемах церковной жизни, необходимости реорганизовать управление делами Московской Патриархии, увеличить тираж издаваемых книг Священного Писания и молитвословов, интенсивнее развивать церковно-издательскую деятельность,

которую следует направить на катехизацию верующих и на подготовку квалифицированных преподавателей духовных школ. В церковных общинах необходимо поощрять активность прихожан, особенно в делах благотворительности. Пастыри,— говорил митрополит Владимир,— обязаны благоговейно и ревностно совершать богослужения, проповедовать за каждой воскресной и праздничной службой. Докладчик высказался за централизацию церковных реставрационно-строительных работ, он подчеркнул необходимость решить вопрос о подготовке квалифицированных реставраторов-иконописцев, специалистов по церковной архитектуре.

Доклад «Внешние связи Русской Православной Церкви» представил председатель ОБЦС митрополит Минский и Белорусский Филарет. В нем дан обзор взаимоотношений Русской Церкви с другими православными Церквями во второе тысячелетие христианской истории. Большой раздел доклада посвящен экуменической деятельности Русской Церкви. Излагая позицию Русской Православной Церкви по вопросу о пути к единству всех христиан, митрополит Филарет сказал:

«Мы убеждены, что решение проблемы общехристианского сближения и единства заключается в восстановлении неврежденным предания Древней неразделенной Церкви, в обращении к боговдохновенному опыту святых отцов. Это и есть тот истинный путь, который приведет ныне разделенных христиан к воссоединению в ограде Единой Церкви. Только будучи связаны единством веры, они придут к общению в таинствах и литургическому сослужению и составят в неразрывном единстве любви и святости Божией одно Тело, Богочеловеческое таинство — Единую Церковь Христову. На многотрудном пути к достижению вожделенного христианского единства у Русской Православной Церкви свое призвание и задачи. Она вместе с другими православными Церквями-Сестрами призвана свидетельствовать, что Святая Православная Церковь сохранила в целостности и полноте учение ее Основателя Господа нашего Иисуса Христа, преданное Его апостолами, запечатленное в творениях святых отцов»⁶⁵⁹.

На вечернем заседании 7 июня с докладом о миротворческой деятельности Русской Православной Церкви выступил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий. В докладе дано глубокое обоснование миротворческого служения Церкви с опорой на святоотеческое наследие и показана органическая связь церковного миротворчества с неизменно патриотической позицией Русской Церкви:

«Христианство — это всемирная наднациональная религия, не зависящая от политических границ. Ближний в христианстве — это каждый человек на земле. Но в то же время христианство учит, что прежде всего христианин отвечает за свою семью, за свой народ, государство, печется о них и готов за них, за друзей своих *положить душу свою* (Ин. 15. 13). Патриотизм архипастырей, пастырей и мирян Русской Православной Церкви всегда составлял неотъемлемую часть нашей церковной жизни. В тяжелые для Руси времена татарского, шведского и немецкого нашествий (XIII-XV вв.) Церковь помогала своему народу изгонять иноземных захватчиков и способствовала собиранию и укреплению Русского государства вокруг Москвы. В период тяжелого испытания для нашей Родины в конце XVI и начале XVII в. вместе с народом Церковь самоотверженно участвовала в освобождении Отечества. Достаточно вспомнить подвиги Патриархов Московских Иова и Гермогена или подвиг иноков и посадских людей, в течении 16 месяцев отражавших осаду Троице-Сергиевой лавры. В 1812 г. во время нашествия на Россию полчищ Наполеона Церковь целиком посвятила себя делу освобождения Отечества. Но мировые войны XX в. побудили Русскую Православную Церковь искать новые формы миротворческого служения. Из недр войны родился могучий протест жизни против всеразрушающей силы смерти. Это дни трагических испытаний и дни высшего подъема духовных сил»⁶⁶⁰.

Свой доклад митрополит Алексей закончил выражением надежды на торжество мира и справедливости. С докладами выступили также председатель издательского отдела митрополит Волоколамский Питирим и председатель учебного комитета архиепископ Дмитровский Александр. Доклад председателя хозяйственного управления митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия «Хозяйственная деятельность Русской Православной Церкви от древности до наших дней (988—1988) ввиду болезни докладчика был зачитан секретарем Хозяйственного управления протоиереем Леонидом Кузьминовым.

Главным событием вечернего заседания 8 июня явилось обсуждение и принятие нового устава Русской Православной Церкви. Проект устава был представлен Собору архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом. «Церковные уставы,— сказал он,— являются своего рода комментариями к канонам. При этом они сами обладают высоким каноническим авторитетом, поскольку принимаются Поместными Соборами. «Положение об управлении Русской Православной Церковью», принятое на Поместном Соборе 1945 г., устарело. Изменения, внесенные в него в 1961 г., продиктованные сложной ситуацией, в которой оказалась Церковь на рубеже 50—60-х гг., привели к тому, что духовенство оказалось фактически отстраненным от руководства приходами, а юридически — и вообще от самих приходов» ⁶⁶¹. Предлагаемый проект докладчик поставил в преамбулу в связь с «Определениями» Собора 1917—1918 гг. Эта связь воплощена в попытке выразить в современных категориях основную идею православной экклесиологии — идею соборности.

Вместе с предложенными поправками устав Русской Православной Церкви был принят Поместным Собором. Новый устав ввел периодичность созыва Поместных и архиерейских Соборов. Устройство высшего управления Русской Церкви регламентируется в главах 2—6. Поместному Собору принадлежит высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда — законодательная, исполнительная и судебная. Собор созывается Патриархом (Местоблюстителем) и Священным Синодом по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет. В его состав входят архиереи, клирики, монашествующие и миряне. Поместный Собор 1917—1918 гг. предусматривал в своих определениях трехлетний промежуток между очередными Поместными Соборами, а «Положением» 1945 г. сроки созыва Соборов вовсе не регламентировались. Все архиереи — члены Собора составляют архиерейское совещание. Оно созывается председателем Собора, Советом Собора или по предложению $\frac{1}{3}$ архиереев. В его задачу входит обсуждение тех постановлений, которые особенно важны и вызывают сомнение с догматической и канонической точки зрения. Если решение Собора отвергается $\frac{2}{3}$ присутствующих архиереев, оно повторно выносится на соборное рассмотрение. Если же и после этого $\frac{2}{3}$ архиереев его отвергнут, оно теряет силу. Согласно уставу в состав архиерейского Собора входят епархиальные архиереи и епископы, возглавляющие синодальные учреждения и другие школы. В период между Поместными Соборами архиерейский Собор обладает полнотой высшей церковной власти. В уставе определена периодичность созывов архиерейского Собора: не реже одного раза в два года. Соборы созываются также по мере необходимости.

Предстоятель Русской Православной Церкви имеет первенство чести среди епископов и подотчетен Поместному и архиерейскому Соборам. Имя Патриарха возносится за богослужением во всех храмах Русской Православной Церкви. Святейший Патриарх управляет Церковью вместе со Священным Синодом: «Отношения между Патриархом и Священным Синодом, в соответствии с общепризнанной традицией, определяются 34-м правилом святых апостолов и 9-м правилом Антиохийского Собора» ⁶⁶², — гласит статья 5 (глава 4) устава. Патриарх созывает Поместные и архиерейские Соборы, назначает заседания Синода и

председательствует на них, осуществляет начальственное наблюдение за всеми синодальными учреждениями и духовными школами, обращается с посланиями к полноте Русской Церкви, вступает в сношения с предстоятелями православных Церквей и главами иных исповеданий, представляет Русскую Церковь перед государственной властью. Патриарх издает указы о назначении епархиальных и викарных архиереев, руководителей синодальных учреждений, ректоров духовных школ и других должностных лиц, назначаемых Синодом; заботится о своевременном замещении архиерейских кафедр, об исполнении архиереями своих архипастырских обязанностей, поручает архиереям временное управление епархиями, имеет право визитации всех епархий Русской Церкви, дает архиереям братские советы; принимает жалобы на архиереев и дает им надлежащий ход. Патриарх награждает архиереев титулами и высшими церковными отличиями, а клириков и мирян — церковные наградами, утверждает присуждение ученых степеней и званий, имеет попечение о своевременном изготовлении святого мира. Патриарх является епархиальным архиереем Московской епархии. По его указанию Московской епархией управляет на правах епархиального архиерея патриарший наместник, носящий титул митрополита Крутицкого и Коломенского. Сан Патриарха является пожизненным.

Новый устав предусматривает также расширение состава Священного Синода: число его временных членов увеличено до пяти. Возвращаясь к основным принципам «Определений» Собора 1917—1918 гг. о епархиальном управлении, Поместный Собор в уставе восстанавливает такой институт как епархиальные собрания. «Высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является епархиальное собрание»,— сказано в уставе. Епархиальное собрание состоит из равного числа представителей клира и мирян. О епархиальном совете в уставе говорится, что он «образуется по благословению правящего архиерея и состоит не менее чем из четырех лиц в пресвитерском сане, половина из которых назначается архиереем, а остальные избираются епархиальным собранием на один год»⁶⁶³.

Важнейшие изменения, в сравнении с действовавшим ранее «Положением об управлении Русской Православной Церковью», касаются приходов. По уставу, клирики включаются в состав приходского собрания, а председательство в приходском собрании устав предоставил настоятелю прихода. Приходской совет, по уставу, является исполнительным органом приходского собрания и как таковой подотчетен ему. В состав приходского совета должны входить председатель, его помощник и казначей, избираемые на трехлетний срок. Председателем приходского совета может быть и мирянин и клирик, в том числе и настоятель прихода.

На вечернем заседании Собора 8 июня был принят ряд других документов: «Обращение к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью Церковью», «Обращение ко всем, держащимся старых обрядов и не имеющим молитвенного общения с Московским Патриархатом», «Послание боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви». При обсуждении проекта «Обращения к чадам, не имеющим канонического общения с Матерью Церковью» ряд поправок, направленных на то, чтобы наполнить документ духом христианской братской любви, был предложен митрополитом Суражским Антонием. Эти поправки были одобрены Собором. В окончательном виде обращение гласит:

«На соборных заседаниях... мы стремились объективно осветить и те события в церковной жизни, которые произошли в текущем столетии, в том числе разделения, не преодоленные, к нашей скорби, и до сего дня. Мы с вами знаем, что в основе существующих разделений лежат не вопросы веры, но внешние исторические обстоятельства, в обстановке которых между нами выросла стена отчужденности. Но мы должны верить, что общими благими усилиями эта стена

может быть разрушена... Некоторые наши братья, находящиеся в разделении, имеют желание вступить с нами в диалог. Мы приветствуем это и надеемся, что такой диалог, милостью Божией, мог бы привести нас к столь желаемому восстановлению церковного общения, помог бы разрушить разъединяющие ныне нас преграды. Заверяем вам, что никоим образом мы не хотим ни стеснить вашу свободу, ни получить *господство над наследием Божиим* ([1 Пет. 5. 3](#)), но всем сердцем стремимся к тому, чтобы прекратился соблазн разделения между единокровными и единоверными братьями и сестрами, чтобы мы все могли в единомыслии единым сердцем возблагодарить Бога у единой Трапезы Господней... Поместный Собор призывает вас, дорогие братья и сестры, внять голосу этой любви, обращенному к вам в дни празднования 1000-летия Крещения Руси. Мы не перестаем надеяться на то, что средостение недоверия будет упразднено благоразумием, и восторжествует между нами *мир Божий* ([Кол. 3. 15](#))»⁶⁶⁴.

9 июня члены Собора обсудили и приняли ряд новых документов: «Определения Поместного Собора», «Обращение ко всем христианам мира», «Заявление по насущным проблемам современности». Поместный Собор провозгласил чрезвычайную важность попечения о нравственной чистоте клира, монашествующих и всех чад церковных:

«Необходимо отбирать в клир лучших кандидатов, воспитанных в христианском духе добродетели и высокой гражданственности, дабы они, восприняв благодать священства, в жизни своей показывали зримый пример ([Мф. 5. 16](#))... На протяжении своего 1000-летнего исторического пути Русская Православная Церковь была неразрывно связана со своим народом. Она всегда воспитывала своих чад достойными гражданами земного Отечества. И ныне, руководствуясь заботой о благосостоянии Родины, она благословляет их ответственно вносить достойный вклад в процесс духовного, социального и экономического обновления советского общества»⁶⁶⁵.

В своих «Определениях» Поместный Собор постановил:

«Одобрить деятельность Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом... в период от Поместного Собора 1971 г. и до сего дня. Считать необходимым увеличение издания книг Священного Писания, творений святых отцов и молитвословов, а также катехизической, назидательной, богословской, церковно-исторической и другой литературы, необходимой для удовлетворения духовных нужд нашей многомиллионной паствы. Равным образом отметить важность увеличения наименований и тиражей церковных периодических изданий... а также учебных пособий для духовных школ. Обратить внимание на необходимость церковного издания на языках народов, верующие которых являются членами Русской Православной Церкви... Отметить необходимость открытия новых учебных заведений, организации подготовки псаломщиков в епархиях, а также совершенствования учебного и воспитательного процесса в духовных школах, развития научно-богословской мысли в духе лучших традиций отечественной богословской науки. Считать необходимым изыскать возможные внебогослужебные формы для катехизации и духовного просвещения верующего народа... Отметить важное значение подготовки собственных церковных кадров художников-реставраторов... Признать необходимым всемерное развитие традиционного для нашей Церкви служения в области милосердия и церковной благотворительности»⁶⁶⁶.

На Поместном Соборе 1988 г. в отличие от двух предшествующих Соборов (1945 и 1971 гг.) обсуждение некоторых тем приобретало острый, полемический характер. В этом отношении особое внимание привлекла к себе речь архиепископа Иркутского Хризостома (Мартишкина). Он говорил, в частности, об отсутствии согласованности в действиях епархиальных архиереев по отношению к священнослужителям, нарушающим свои пастырские обязанности:

«Мне стоило громадного труда,— сказал он,— избавиться от нескольких клириков. Они очень недостойно вели себя, они, может быть не столько порочны, сколько бравировали своими недостатками, они сознательно разлагали церковное общество. Я говорил, что нельзя их назначать настоятелями в приходы, они должны служить под наблюдением в надежде на их исправление. Они получили хорошие места. Один из них здесь даже представляет епархию. Это печально, мы сознательно сами разлагаем Церковь»⁶⁶⁷.

Архиепископ Хризостом высказался также против того, чтобы настоятели вернулись к административному руководству в приходах и распоряжению приходскими средствами:

«Помню 40-е гг., с 1943 по 1954 г., у нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас: открывались храмы тысячами. Священнослужители имели возможность и административной и пастырской деятельности. С чего они начинали и чем они кончили, я думаю, все, кто жил в это время, знают. Начинали с того, что покупали себе роскошные дома на самом видном месте, красили заборы в зеленый цвет. Приезжай в любое место: лучший дом с зеленым забором и злой собакой — дом священника, и к нему не подберешься. А машины — не просто «Волги», а ЗИЛы. Я думаю, что великим благом, Промыслительным действием Божиим было то, что в 1961 г. отказались от административной деятельности. Это промыслительно потому, что последующие годы были трудные, но если бы священники были бы у власти, то их бы всех пересажали на законном основании. В эти годы управляли административной деятельностью, были у ящика, у денег — светские люди. Да, они, может быть, нечестно поступали, но они светские. По крайней мере, у нас не было возможности так широко пользоваться церковным карманом, мы часто путаем его со своим»⁶⁶⁸.

Речь митрополита Львовского Никодима была проникнута тревогой в связи с обнаружившимися уже в конце 80-х гг. стремлениями сепаратистов возродить унию в Галиции при поддержке со стороны экспансионистки настроенных католических кругов:

«Странным и тревожным в нашу экуменическую эпоху является тот факт, что и некоторые приезжающие как туристы клирики и лица, именующие себя униатскими священниками, под разными предлогами агитируют верующих православных галичан с целью усилить конфликт. Они склоняют верующих к тому, чтобы они давали присягу на святом Евангелии и навсегда отказывались посещать православные храмы как «схизматические», даже при погребении родственников, и игнорировали бы святые таинства православной Церкви, признаваемые Римокатолической Церковью. Так, миссионеры унии до конца верны своей цели — сеять вражду в православном народе, которая выгода Риму. Они прикрывают свою антиправославную деятельность незаконными антиканоничными титулами для своей иерархии, используя названия Киева, Волыни, Полтавы, Севастополя и других городов Украины, в которых якобы действуют «катакомбные церкви», то есть там, где сроду не было таковых. Это делается для того, чтобы фальсификацией истории ввести несведущую мировую общественность в заблуждение»⁶⁶⁹.

Архиепископ Смоленский Кирилл, в своем выступлении главным образом говорил о проблемах, которые стоят перед духовными школами, особо обратив внимание на «слабую подготовку к практической церковной деятельности. Рукоположенного после семинарии священника буквально нужно учить богослужению, учить проповеди. Выпускник духовной семинарии практически беспомощен в вопросах душепопечения, пастырства»⁶⁷⁰.

Архиепископ Куйбышевский Иоанн (Снычев) в своем выступлении выразил озабоченность тем, что в среде не только студентов, но и преподавателей духовных школ встречаются неправославные богословские воззрения предложил «создать своего рода цензуру, которая бы проверяла преподавателей и профессоров с точки зрения их православного направления»⁶⁷¹.

Протоиерей Илия Карлинов критиковал Издательский отдел Патриархии за то, что не печатаются книги на чувашском языке: «Изданные до 1917 г. книги пришли почти в полную негодность, и верующие чуваша вынуждены их переписывать. Одним словом, у нас есть насущная необходимость переиздать хотя бы часть книг на чувашском языке для общего употребления как в храме, так и дома»⁶⁷².

Заключительное слово на Соборе произнес Патриарх Пимен. Возблагодарив Господа, «благословившего успехом деяния... юбилейного Поместного Собора», и поблагодарив членов и гостей Собора, он объявил Поместный Собор Православной Церкви закрытым.

10 июня в Большом театре состоялся торжественный акт, посвященный 1000-летию Крещения Руси. В президиуме разместились Святейший Патриарх, постоянные и временные члены Священного Синода, предстоятели поместных православных Церквей, главы инославных Церквей, другие высокие гости из-за рубежа, государственные и общественные деятели. Доклад о 1000-летнем пути Русской Церкви был зачитан митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, который, касаясь последних 70 лет церковной истории, сказал, что «складывающиеся между государством и Церковью отношения не были однозначными. Это было вызвано различными причинами. Среди тех, кто подвергся массовым репрессиям, были и священнослужители, и верующие. Церковь разделила с народом тяготы выпавших на его долю испытаний». Характеризуя современное состояние Церкви докладчик сообщил следующие сведения: «В настоящее время в лоне Русской Православной Церкви находятся десятки миллионов верующих. Достаточно указать на то, что со времени Поместного Собора 1971 г. святое крещение приняло свыше 30 млн. человек. Средний возраст духовенства Русской Православной Церкви составляет 47 лет»⁶⁷³. В тот же день в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца группа архипастырей во главе со Святейшим Патриархом Пименом была награждена государственными орденами.

В неделю всех святых, в земле Российской просиявших, в Даниловом монастыре было совершено торжественное богослужение. Божественную литургию служили Патриарх Антиохийский Игнатий IV, Патриарх Иерусалимский Диодор I, Патриарх Московский Пимен, Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II, Патриарх Румынский Феоктист, Патриарх Болгарский Максим, архиепископ Кипрский Хризостом. Молитвы и возгласы произносились на греческом, арабском, славянском, грузинском и румынском языках. За литургией молились почетные гости и десятки тысяч православных людей, собравшихся в древней обители на великое торжество.

* * *

После празднования юбилея наметившиеся ранее перемены во взаимоотношениях Церкви и государства приобретают реальные черты; Церкви повсеместно возвращаются отнятые у нее и разоренные храмы. Конечно, не обошлось без препятствий, но теперь эти препятствия действительно исходили не от Кремля, а были следствием либо закоренелой ненависти коммунистов, либо чиновничьей лени и нежелания хлопотать об устройении выводимых из храмов складов, контор, лабораторий, фабрик, жилых квартир в другие, более приспособленные для этого помещения. Особенности сложности возникали, если храмы занимали музеи, библиотеки или архивы. За 5 первых месяцев 1988 г. открыто было более 60 храмов, а в оставшиеся месяцы года Церкви возвратили около 1000 храмов; при этом большая их часть приходится на Украину, на территории Российской Федерации в 1988 г. было зарегистрировано только 176 новых приходов. Процесс восстановления приходов продолжался и в 1989 г., причем с ускорением, так что в РСФСР на 1 января 1990 г. действовало уже 3120 православных приходов; общее же число приходов Русской Православной Церкви к этому времени превысило 11 000.

В 1988—1989 гг. были замещены правящими архиереями кафедры, не имевшие епископов в течение десятилетий: Ижевская, Хабаровская, Ульяновская, Челябинская, Сумская, учреждена была новая — Тернопольская епархия, выделенная из Львовской. После празднования юбилея до конца 1989 г. возобновлено было 29 новых монастырей в Московской, Рязанской, Курской, Кишиневской и Львовской епархиях.

Новый устав об управлении Русской Православной Церковью и, главное, новый характер взаимоотношений между Церковью и государством дал возможность архипастырям и пастырям заняться удалением из приходских советов лиц, которые были включены в них уполномоченными для подрыва и разрушения церковной жизни. Так, архиепископ Саратовский Пимен (Хмелевский) в интервью «Московскому церковному вестнику» рассказывал о том, что представляли собой старосты прежних лет и как ему удавалось избавить приходы своей епархии от некоторых из них: «Достоинств у старого «Положения» не было. Главный же из недостатков состоял в том, что приходские советы делались практически независимыми от иерархии и в них могли проникать люди не только неверующие, но и вообще недостойные, а настоятель и даже архиерей, ничего не могли с ними поделать»⁶⁷⁴.

Утрата уполномоченными своих былых неограниченных прав распоряжения церковными делами области, по словам председателя Совета К. М. Харчева, вытекала из той линии, которую он проводил в Совете, вызывая, если верить его высказываниям, сопротивление со стороны некоторых работников ЦК и Комитета государственной безопасности. В ЦК и КГБ К. М. Харчевым действительно были недовольны, но, несмотря на проводимый либеральный курс, он сумел испортить отношения со многими архипастырями Русской Православной Церкви, с религиозными деятелями других конфессий. Религиозные лидеры, в том числе и члены Священного Синода Русской Церкви, обращались к Горбачеву с просьбой о замене председателя Совета по делам религий. И Харчев был действительно уволен, а на его место был назначен Ю. Н. Христораднов, в прошлом в течение 15 лет первый секретарь Горьковского обкома, при нем религиозная ситуация в области была одной из самых тяжелых в стране. Особого влияния на церковную жизнь Христораднов уже не имел, но вошел в историю тем, что отказался нанести визит Святейшему Патриарху, заставив тяжело больного, почти неподвижного первосвященника явиться в Совет.

Либерализация режима в стране, раскрепощавшая Церковь, открывала шлюзы и для таких религиозных движений, которые носили деструктивный характер. В 60—70-х гг. церковное диссидентство, казалось, было направлено главным образом против репрессивной политики советского руководства, стремившегося к удушению Церкви, хотя уже тогда очевидной была и его антииерархическая тенденция; теперь, когда советский режим приблизился к состоянию распада, диссиденты свой воинственный пыл обратили против священноначалия православной Церкви. Священник Глеб Якунин обвинил Патриархию и епископат в сговоре с коммунистической властью, не стесняясь и прямой клеветы на архипастырей. 30 ноября 1988 г. в Москве состоялась конференция «Церковь и перестройка», в которой участвовало около 200 лиц, среди них были и священнослужители православной Церкви, и раскольники, порвавшие с Церковью, и протестанты. Помимо совершенно разумных мыслей о развитии миссионерства, особенно среди молодежи, о церковной благотворительности, об открытии приходов, на конференции звучала и несправедливая критика епископата и Патриархии.

В 1989 г. Русская Церковь отмечала новый юбилей — 400-летие учреждения патриаршества. В связи с этим юбилеем 5—8 сентября в Москве была проведена Международная научная церковная конференция.

С 9 по 11 октября в Даниловском монастыре заседал архиерейский Собор, который по докладу председателя синодальной Комиссии по канонизации святых митрополита Крутицкого

и Коломенского Ювеналия совершил прославление первого Патриарха Московского Иова и первого предстоятеля Русской Православной Церкви после восстановления патриаршества святителя Тихона. По существу, канонизация Святейшего Патриарха Тихона была первым шагом к прославлению новомучеников и новых исповедников Российских, пострадавших в годы революционной смуты и большевистского террора. Одновременно Собор поручил Комиссии по канонизации святых подготовить материалы для канонизации протоиерея [Иоанна Кронштадтского](#).

В своих «Определениях» Собор особое внимание уделил состоянию приходской жизни: «Собор связывает свои надежды на благотворные преобразования церковной жизни с возрождением жизни приходов, включающей в себя богослужение, диаконию, научение в вере, взаимную поддержку его членов»⁶⁷⁵. Собор принял решение о реорганизации системы духовного образования, признав целесообразным преобразовать духовные семинарии в высшие школы. По решению архиерейского Собора, должны быть возрождены печатные органы духовных академий. Собор рекомендовал епархиальным архиереям возобновить издание «Епархиальных ведомостей». Собор высказал свою точку зрения на содержание подготавливаемого «Закона о свободе совести»: «Мы считаем необходимым,— говорится в его «Определениях»,— внесение в него следующих положений: 1) юридическое признание Церкви как единой религиозной организации и уравнивание ее в правах с другими общественными организациями; 2) предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды; 3) предоставление возможности широко и многообразно осуществлять дела милосердия и благотворительности; 4) свободное издание и распространение религиозной литературы; 5) доступ Церкви к средствам массовой информации; 6) отмена дискриминационного налогообложения и уравнивание в этом отношении духовенства и церковных работников со всеми советскими гражданами»⁶⁷⁶.

Архиерейский Собор выразил озабоченность состоянием церковной жизни в западных епархиях Украины, где предпринимались усилия к возрождению унии. Собор подтвердил определение Всеправославного совещания 1986 г., что униатская проблема является «препятствием на пути к единству» и омрачает наши отношения с Римско-католической Церковью. По постановлению архиерейского Собора был образован Белорусский экзархат Московского Патриархата, в состав которого вошли Минская, Могилевская, Брестская и Полоцкая епархии. Экзархом Белоруссии стал митрополит Минский Филарет. В связи с этим Священный Синод освободил его от обязанностей председателя ОВЦС. Новым председателем ОВЦС был назначен архиепископ Смоленский Кирилл. В № 2 «Журнала Московской Патриархии» за 1990 г. была опубликована статья нового председателя ОВЦС архиепископа Смоленского Кирилла, в которой остро представлены взаимоотношения Церкви с государством и обществом в прошлом и настоящем:

«Для того чтобы Церковь могла осуществлять пастырское служение в обществе, необходимо соблюдать, по меньшей мере, два неперемennых условия. Во-первых, общество должно допускать и уважать пророческую миссию Церкви, которая предполагает противостояние греху и утверждение духовно-нравственных ценностей. Пророческое служение Церкви есть бескорыстное провозглашение правды, которое не должно и не может преследовать какие-либо скрытые политические, экономические или даже мировоззренческие интересы. Голос Церкви должен быть голосом совести, пробуждающим спящую совесть людей, формирующим систему нравственных ценностей. Во-вторых, Церковь призвана быть вне политики в том смысле, что у нее не должно быть своих собственных политических программ, а в равной мере и претензий на политическое лидерство...

Хорошо известно, что в течение нескольких десятилетий пророческий голос Церкви

слышали немногие наши соотечественники. В обществе господствовал ложный и весьма опасный стереотип, относящий религию и Церковь к досадным «пережиткам буржуазного строя», противоречащим социалистической морали, построение нового общества связывалось с идеей искоренения «религиозных предрассудков». На этом пути использовались разнообразные методы: от репрессий и грубого администрирования до оскорбительной пропаганды и замалчивания. В результате Церковь оказалась вытесненной из общественной жизни. Ей было предоставлено узкое и неосвященное пространство за «полями» этой жизни, призванное демонстрировать «массовый» отход граждан от религии. Видимым символом положения религии в нашем обществе был закрытый кафедральный собор в центре города и переполненная старушками маленькая церковь на городской окраине. Такая картина была призвана показать, что Церкви нет места в динамичной жизни современного общества, а значит, нет места в будущем»⁶⁷⁷.

Особенно болезненные и тревожные события происходили с начала 1988 г. в церковной жизни Галиции. Сохранившиеся там немногочисленные нелегальные униатские общины вышли из подполья, появились униатские священники и епископы, и началась опирающаяся на местные националистические силы и на помощь из Польши и Ватикана агрессивная кампания, целью которой был захват православных храмов. Местные власти, еще коммунистические, но уже ориентирующиеся на союз с националистами, не оказывали противодействия организаторам и участникам этой кампании даже тогда, когда она осуществлялась в формах неприкрытого насилия над верными православной Церкви священнослужителями и мирянами. Пытаясь предотвратить легализацию и распространение унии, патриарший экзарх Украины митрополит Киевский Филарет главную ставку делал на то, чтобы убедить руководство СССР не допустить легализации униатской Церкви, поскольку это в конечном счете приведет к децентрализации государства. Выбранная им церковно-политическая линия, с одной стороны, скомпрометировала правое дело защиты православия в глазах верующих галичан, много пострадавших от советского режима, а с другой — не привела к успеху. Кремль остался глух к его аргументам. Уже в сентябре 1988 г. представитель Совета по делам религий Ю. Смирнов заявил, что униаты на Украине могут действовать легально, в июне 1989 г. он публично пообещал, что после принятия нового закона о свободе совести на Украине начнется регистрация униатских общин. Заявления эти делались для того, чтобы заслужить одобрение советской перестроечной политики в религиозной области со стороны влиятельных политических и общественных кругов на Западе, а в Галиции они были поняты униатским духовенством и «Комитетом защиты Украинской Церкви» во главе с Иваном Гелем, как прямое поощрение произвола. Комитет организовывал тогда уже прямо погромные и разбойные акции по захвату православных храмов.

Осенью 1989 г. ситуация в церковной жизни Западной Украины стала еще более сложной и тяжелой. Униаты начали в массовом порядке захватывать православные храмы. Уволенный на покой после многократных жалоб на состояние здоровья, бывший епископ Житомирский Иоанн (Боднарчук), который этими просьбами добивался, собственно, не увольнения, а перевода в одну из прикарпатских епархий, 1 ноября 1989 г. сообщил в Патриархию о выходе из ее юрисдикции. Священный Синод пригласил его на свое заседание, назначенное на 13 ноября, но епископ Иоанн отказался явиться в Москву, заявив, что он вошел в юрисдикцию Украинской Автокефальной Православной Церкви во главе с «митрополитом» Мстиславом (Скрыпником). В благодарность за переход митрополит Мстислав пожаловал раскольнику сан архиепископа. Несколько приходов в Галиции ушли в Украинскую Автокефальную Православную Церковь вместе с епископом Иоанном. За внесение раскола Священный Синод Русской Православной Церкви на своем заседании 13 ноября 1989 г., лишил епископа Иоанна сана, объявив

безблагодатными священнослужения, совершаемые им и находящимся в общении с ним духовенством.

1 декабря 1989 г. на встрече М. С. Горбачева с папой Иоанном Павлом II в Ватикане был окончательно решен вопрос о легализации унии. В этот же день председатель Совета по делам религий Украинской ССР сделал заявление о том, что униатские приходы впредь будут регистрироваться на тех же основаниях, что и другие религиозные общины, утверждая при этом, видимо, для того чтобы скрыть впечатление о несомненной связи визита Горбачева в Ватикан с полной легализацией унии, что решение это принято было ранее, 24 ноября; что, впрочем, вполне могло и соответствовать действительности.

30 и 31 января 1990 г. в Свято-Даниловом монастыре в Москве состоялся архиерейский Собор. Собор открыл краткой речью Святейший Патриарх Пимен: «Со всей остротой перед нами стоит вопрос о взаимоотношениях между православными и католиками восточного обряда на Западной Украине. С болью мы воспринимаем раскол, учиненный сторонниками так называемой Украинской Автокефальной Православной Церкви. Эти горестные события потребовали их срочного обсуждения на настоящем Соборе епископов Русской Православной Церкви. На Соборе мы предполагаем также обсудить некоторые вопросы дальнейшего церковного строительства»⁶⁷⁸.

Далее заслушаны были доклады митрополита Киевского Филарета «О положении в Русской Православной Церкви в связи с обострением межнациональных и межтерриториальных отношений в некоторых регионах нашей страны» и «О результатах переговоров между делегациями Русской Православной и Римо-католической Церквей по нормализации отношений православных и католиков восточного обряда в западных областях Украины», и доклад архиепископа Смоленского Кирилла о проекте «Положения об экзархатах Московского Патриархата».

В связи с раскольническими действиями бывшего епископа Иоанна (Боднарчука) Собор подтвердил определение Священного Синода от 14 ноября 1989 г. относительно бывшего епископа Иоанна (Боднарчука) и заявил о полной неканоничности провозглашенной им Украинской Автокефальной Православной Церкви греко-украинского обряда, призвав всех священнослужителей и мирян, уклонившихся в раскол, вернуться в ограду Матери Церкви.

По докладу председателя ОВЦС архиепископа Смоленского и Калининградского Кирилла архиерейский Собор принял «Положение о экзархатах», внося его в качестве 12 раздела в «Устав об управлении Русской Православной Церковью». «Возглавляет управление экзархатом экзарх, имя которого возносится за богослужением во всех храмах экзархата. Он созывает Синод экзархата и является его председателем. Экзарх наблюдает за правильным прохождением дел в канцелярии Синода и за точным исполнением принятых постановлений; представляет экзархат в Священном Синоде Русской Православной Церкви как его постоянный член»⁶⁷⁹.

Архиерейский Собор упразднил зарубежные экзархаты Русской Церкви, подчинив девять зарубежных епархий Русской Церкви непосредственно Святейшему Патриарху и Священному Синоду. В определении Собора о ситуации на Западной Украине в связи с захватами православных храмов униатами, проникнутом духом христианской любви, предлагался вполне конструктивный подход к мирному разрешению конфликта:

«Факты изгнания католиками восточного обряда православных из храмов с угрозой и применением физической силы и самовольного занятия этих храмов к настоящему времени нарушили нормальное течение жизни православных приходов на Западной Украине. Усилия православных разрешить конфликт на местном уровне ни к чему не привели. По договоренности с Ватиканом 12—17 января 1990 г. в Москве состоялась встреча представителей Римо-католической и Русской Православной Церквей. Делегации в духе братства и взаимного

доверия откровенно рассмотрели проблему положения католиков восточного обряда на Западной Украине и последствия развития ситуации для православных. Были выработаны совместно «Рекомендации по нормализации отношений между православными и католиками восточного обряда на Западной Украине». Этот документ после одобрения его священноначалием обеих Церквей должен послужить основой для реальных шагов к нормализации церковной жизни на Западной Украине.

Архиерейский Собор подтверждает, что уния, возникшая 400 лет назад как попытка соединить православную и католическую Церкви, не привела к желаемой цели. Напротив, она породила новое разделение. Ориентированная на прозелитизм, уния служила отторжению православных от своей Церкви, вызывая этим отторжением боль и страдание людей. Хорошо известно, что страдали как православные, так и католики восточного обряда... Одновременно мы утверждаем, что католики восточного обряда (униаты), как и все верующие граждане нашей страны, должны иметь равные со всеми права, включая право на открытое и легальное исповедание своей веры. Богословское неприятие унии не означает неприятие людей или отсутствие терпимости к иным убеждениям. Напротив, мы считаем, что католики восточного обряда могут и должны внести свой положительный вклад в развитие добрых отношений и в продвижение диалога между православными и католиками. Поэтому мы призываем их осознать свою ответственность за настоящее и будущее православно-католических отношений, немедленно прекратить акты насилия и захваты храмов, в которых молятся православные. Не бесчинство и силовое давление, а сотрудничество в духе взаимопонимания на основе достигнутых договоренностей и в рамках закона может быть фундаментом для решения существующих проблем... Протестуя против незаконных действий местных органов власти во Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областях и неэффективности мер областных уполномоченных Совета по делам религий в их деятельности по обеспечению законности, Собор обращается к правительствам Союза ССР и Украинской ССР с настоятельной просьбой способствовать немедленному прекращению актов насилия и беззакония со стороны униатских экстремистов, чтобы существующие проблемы в отношениях между православными и католиками восточного обряда на Западной Украине решались на основании закона, с учетом интересов и прав сторон, без какой-либо дискриминации и с уважением к договоренностям, выработанным в результате переговоров между Московским Патриархатом и Римокатолической Церковью»⁶⁸⁰.

После архиерейского Собора на основании достигнутой ранее договоренности с Римокатолической Церковью начаты были четырехсторонние переговоры об урегулировании конфликтной ситуации в Галиции. В этих переговорах участвовали по два представителя от Московской Патриархии, Украинского экзархата Русской Православной Церкви, Ватикана и униатской Церкви. Переговоры проходили во Львове с 8 по 13 марта 1990 г., достигнута была договоренность о том, что путем опроса населения с тайной подачей голосов в каждой местности (городе и селе) будет выявляться соотношение православных и униатов. Распределение храмов между конфессиями будет определяться результатами этих опросов. Религиозное большинство при наличии нескольких храмов в городе или селе получит больше храмов, при наличии двух храмов большинство получит храм больших размеров; в случае если храм один — оно получит его, но с обязательством помочь общине меньшинства устроить молитвенный дом или выстроить новый храм. Члены комиссии выезжали на места для выяснения там религиозной ситуации. Переговоры шли, казалось бы, успешно, но 13 марта униатский архиепископ Владимир Стернюк заявил, что он не согласен с действиями комиссии и прекращает участие в ней, причину своего выхода из комиссии он не объяснил, но через девять дней в газете «Лениньска молодь» опубликована была статья, которая известила о том,

что униатский епископ отказывается вести переговоры до тех пор, пока Русская Православная Церковь не признает за униатской Церковью прав юридического лица. Требование это было нелепо, потому что, во-первых, это дело не церковной, а государственной власти давать или не давать права юридического лица, а во-вторых, потому, что, как сказал тогда участвовавший в переговорах председатель ОВЦС митрополит Смоленский Кирилл: «Какое признание можно требовать от нас, если сама Русская Православная Церковь почти лишена права юридического лица?»⁶⁸¹ За этим требованием признания за униатской Церковью прав юридического лица стояло притязание на передачу униатам всех храмов, принадлежавших униатской Церкви в 1939 г., независимо от воли прихожан. Униаты настаивали на незаконности перехода этих храмов в юрисдикцию Московской Патриархии в 1946 г., православная сторона возражала, ссылаясь на то, что после Брестской унии 1596 г. греко-католической Церковью незаконно захватывались храмы, принадлежавшие православной Церкви.

Массовые захваты православных храмов между тем продолжались при полной поддержке местных властей, состоявших после местных выборов из приверженцев сепаратизма. Во Львове, Тернополе, Ивано-Франковске к лету 1990 г. униатами захвачены были почти все храмы. Значительное большинство храмов было захвачено униатами и по всей Галиции, хотя, по результатам социологических исследований, проведенных Академией наук в марте-апреле, доля униатов составляла в Львовской области 28%, в Ивано-Франковской — 22%, а в Тернопольской — только 12%. Но православные, не имея иных побуждений к тому, чтобы оставаться православными, кроме религиозных, не могли защищать свои храмы кулаками и кольями, с помощью которых отнимали у них церкви банды униатов, воспламененных политическими сепаратистскими страстями, ненавистью к Москве.

* * *

3 мая 1990 г., в 15 часов в Патриаршей резиденции в Чистом переулке в Москве почил в Бозе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. 6 мая совершено было погребение почившего первосвященника в крипте Успенского собора Троице-Сергиевой лавры, возле могилы его предшественника, Патриарха Алексия I.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков) родился 10 (23) июля 1910 г. в праздник Ризоположения в городе Богородске (Ногинск) в благочестивой семье. Его отец Михаил Карпович служил механиком на фабрике. Дети в семье Извековых умирали в младенчестве, кроме первой дочери — Марии Михайловны, крестной матери своего брата — будущего Патриарха. Когда родился сын Сергей, его мать Пелагея Афанасьевна дала обет посвятить дитя Богу. Вместе с матерью мальчик совершал паломничества по святым местам, особенно часто они бывали в Троице-Сергиевой лавре. В богородской средней школе Сергей Извеков был одним из лучших учеников. Даже в школьные годы он находил время для чтения Священного Писания и духовноназидательных книг, особенно ему понравились сочинения архиепископа Иннокентия (Борисова), находил он время и для клиросного послушания в богородском Богоявленском соборе, а потом для исполнения иподиаконских обязанностей при Богородских епископах Никоне и Платоне. Мальчик брал уроки музыки у профессора Воронцова, постигая вокальное и регентское искусства.

В 1925 г., окончив среднюю школу, Сергей Извеков переехал в Москву и в Сретенском монастыре принял постриг в рясофор с именем Платон. 4 октября 1927 г., в семнадцать лет, от руки игумена Агафодора он принял постриг в мантию с наречением имени преподобного Пимена Великого. После пострига будущий первосвященник управлял хором в московском храме преподобного Пимена Великого. В 1931 г. он сдал экзамены за курс духовной школы комиссии под председательством бывшего ректора Вифанской семинарии протоиерея Зверева. После этого, 16 июля 1931 г., архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский) рукоположил его в

иеродиакона, а 25 января 1932 г. — в иеромонаха. В течение нескольких лет юный иеромонах нес послушание регента Дорогомиловского Богоявленского собора — в ту пору кафедрального храма Москвы. Вспоминая начало 30-х гг., Патриарх Пимен говорил: «Мое благовестничество началось с того времени, как я принял сан иеромонаха»⁶⁸².

Во время Великой Отечественной войны призывался в действующую армию, а в конце войны он уже служил священником в Благовещенском соборе Мурома. В 1946 г. иеромонах Пимен был переведен в Одессу, служил там казначеем Ильинского монастыря, помощником благочинного монастырей епархии, в 1947 г. был удостоен сана игумена и переведен в Ростовскую епархию, где состоял секретарем епископа и ключарем кафедрального собора. В конце 1949 г. по указу Патриарха Алексия I игумен Пимен был назначен наместником Псково-Печерского монастыря, а весной 1950 г. митрополит Григорий (Чуков) возвел его в сан архимандрита. Во время своего наместничества будущий Патриарх посвятил много трудов реставрации монастырских церквей, мудро управлял братией, духовно окормлял паломников и усердно проповедовал.

В январе 1954 г. архимандрит Пимен был переведен наместником в ставропигиальную Троице-Сергиеву лавру. В годы его управления лаврой были сооружены два придела в трапезном храме преподобного Сергия. При нем был восстановлен и академический храм. За каждой воскресной и праздничной литургией наместник лавры произносил догматически глубокие и наставительные проповеди, которые привлекали сердца верующих. Вспоминая о своем служении в лавре преподобного Сергия, Святейший Патриарх говорил: «За этот прекрасный и содержательный отрезок жизни много получено духовного утешения и неведомой для мира радости, понятной только инокам»⁶⁸³.

17 ноября 1957 г. в Успенском соборе Одессы Патриарх Алексий возглавил хиротонию архимандрита Пимена во епископа Балтского. В слове, произнесенном при наречении, ставленник сказал: «Большим утешением для меня является то, что на высоту епископского служения я был призван из дорогой моему сердцу лавры преподобного аввы Сергия, с которой тесно связана вся моя жизнь. Приведенный своей родительницей в святую лавру Сергиеву, когда мне исполнилось восемь лет, я впервые исповедовался и причащался Святых Тайн в Зосимо-Савватиевской церкви лавры, в пустыни Святого Духа Параклита состоялось мое пострижение в монашество, и там проходили первые шаги моего монашеского искусства, вся вмещающего во уметы, да Христа приобрящу (Флп. 3. 8). Здесь же я насыщался от сладостной трапезы бесед и наставлений, исполненных глубокой мудрости, огромного опыта и духовной настроенности, всегда любвеобильного и благостного приснопамятного наместника лавры архимандрита Кронида, много добрых семян посеявшего в мою душу»⁶⁸⁴.

В декабре 1957 г. епископ Пимен был переведен из Одессы в Московскую епархию на викарную Дмитровскую кафедру, а в ноябре 1960 г. удостоен архиепископского сана. В марте 1961 г. он был назначен на самостоятельную Тульскую кафедру, а 14 ноября того же года переведен на Ленинградскую митрополичью кафедру. Через два года митрополит Пимен был назначен митрополитом Крутицким и Коломенским, став ближайшим помощником Патриарха. В воскресные и праздничные дни митрополит Пимен совершал богослужения в кафедральном Богоявленском соборе, неизменно произнося проповеди. 16 апреля 1970 г., за день до своей кончины, Патриарх Алексий возложил на митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена вторую панагию, символически выразив этим свою мысль о преемстве первосвятительского служения.

Последние годы Святейший Патриарх тяжело болел. Резкое ухудшение в состоянии его здоровья наступило в ноябре 1985 г. В конце апреля 1990 г. стало очевидным приближение кончины первосвятителя.

Во время отпевания Святейшего Патриарха Пимена Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II произнес слово соболезнования, проникнутое искренней любовью к почившему собрату: «Ныне, в час последнего прощания, перед нами встает светлый образ первосвятителя, который воистину был добрым пастырем всероссийской паствы. Когда мы со стороны смотрим на жизнь Святейшего Патриарха Пимена, то видим только величие и славу, вспоминаем торжественные богослужения, но не видим тяжелых испытаний, которые он перенес, бессонных молитвенных ночей, слез и страданий, того тяжелого креста, который нес он на своих раменах. Святейший владыка, прости нас за нашу близорукость!»^{[685](#)}

ГЛАВА X. Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Алексии II

В день кончины Святейшего Патриарха Пимена, 3 мая 1990 г., состоялось заседание Священного Синода, на котором Местоблюстителем был избран митрополит Киевский Филарет. 7 мая Священный Синод вынес постановление о созыве с 6 по 10 июня Поместного Собора для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образовал комиссию по подготовке Собора во главе с Местоблюстителем. Синод также постановил провести до 26 мая епархиальные собрания для избрания делегатов на Собор по следующей квоте: по одному клирику и мирянину от епархий, а также по одному представителю от монастырей, духовных академий и семинарий. Все епископы, находящиеся на кафедрах, по уставу об управлении Русской Православной Церковью являются членами Поместного Собора.

6 июня в патриаршей резиденции в Даниловом монастыре состоялся архиерейский Собор, которому предстояло обсудить программу Поместного Собора. Архиерейский Собор избрал трех кандидатов на патриарший престол и постановил, что Поместный Собор может дополнить число кандидатов. Из 92 архиереев Русской Православной Церкви Патриархом могли быть выбраны 75: устав не допускал избрания епископа в возрасте моложе 40 лет, а также лица, не являющегося гражданином СССР. Каждый архиерей мог голосовать за 1, 2 или 3 архиереев, вычеркивая остальных из списка. Тайны голосованием в первом туре были избраны митрополит Ленинградский Алексей (37 голосов) и митрополит Ростовский Владимир (34 голоса). Второй тур состоялся потому, что митрополит Киевский Филарет и митрополит Крутицкий Ювеналий получили равное число голосов – по 25. По результатам второго тура перевес в 1 голос (34 против 33) получил митрополит Филарет.

7 июня Божественной литургией в Троицком соборе лавры преподобного Сергия открылся Поместный Собор. Заседания Собора проходили в Трапезном храме преподобного Сергия, и в них участвовало 317 делегатов: 90 архиереев (по болезни не смогли прибыть митрополит Рижский Леонид (Поляков) и архиепископ Цюрихский Серафим (Родионов), 92 клирика, 88 мирян, в том числе 38 женщин, 39 представителей от монастырей и 8 делегатов от духовных школ. 40 членов Собора представляли зарубежные епархии Русской Церкви.

В докладе патриаршего Местоблюстителя была представлена деятельность почившего Патриарха Пимена, но особое внимание он уделил ситуации, сложившейся в Церкви в западных областях Украины, где мир был нарушен действиями украинских раскольников – автокефалистов. Эти действия церковных сепаратистов, справедливо осужденные Священным Синодом и архиерейским Собором в январе 1990 г., «являются, по словам докладчика, откровенным глумлением над канонами, грубым попранием самих основ церковного строя. По существу, так называемые автокефалисты – это новый вариант «самосвятов» на Украине. Схизматические акции, учиненные самочинными автокефалистами, подпадают под осуждение 15 и 31 апостольских правил, 14 и 15 правил Двукратного Собора, 12 и 13 правил IV Вселенского Собора»⁶⁸⁶.

Важнейшим деянием первого дня заседаний явилось избрание Патриарха. Поместный Собор утвердил процедуру избрания, предложенную архиерейским Собором: 1) Поместный Собор тайным или открытым голосованием утверждает список трех кандидатов, предлагаемых архиерейским Собором для избрания из их числа Патриарха Московского и всея Руси. 2) Поместный Собор вправе в этот список внести дополнительные имена, руководствуясь гл. 4, § 17, п. а-е Устава об управлении Русской Православной Церковью. 3) Для включения

дополнительных лиц в список кандидатов проводится тайное голосование: в бюллетень вносятся лица, получившие поддержку не менее 12 членов Поместного Собора. Избранными являются кандидаты, набравшие более 50% голосов. 4) Поместный Собор тайным голосованием избирает из числа утвержденных им кандидатов одного. 5) Избранным Патриархом считается архиерей, набравший более 50% голосов. 6) Если ни один из кандидатов не набрал более 50% голосов, то в таком случае проводится повторное голосование по двум кандидатам, набравшим наибольшее количество голосов.

Дополнительно к 3 кандидатам от архиерейского Собора на Поместном Соборе были предложены в качестве кандидатур имена митрополитов Крутицкого Ювеналия, Минского Филарета, Волоколамского Питирима, Ставропольского Гедео́на (Докукина) и Сурожского Антония. Кандидатуру митрополита Антония председательствовавший на Соборе митрополит Филарет (Денисенко) отвел, напомнив, что устав не допускает избрания Патриархом лица, не имеющего советского гражданства. При открытом голосовании за четырех дополнительно предложенных кандидатов выяснилось, что митрополита Гедео́на поддержало менее 12 человек, поэтому в списки для тайного голосования внесены были имена только трех митрополитов. Из 316 голосовавших митрополита Питирима поддержало 128 соборян, митрополита Филарета – 117 и митрополита Ювеналия – 106. Председатель Собора объявил, что ни один из дополнительно выдвинутых кандидатов не получил поддержки половины членов Собора. Таким образом, в списке для голосования остались три кандидата, выдвинутых архиерейским Собором. Архиепископ Могилевский Максим (Кроха) предложил не голосовать за кандидатов, а по примеру Поместного Собора 1917 г. избрать Патриарха жребием. Председатель поддержал это предложение, но оно, не встретив сочувствия у соборян, не было принято. Проведено было тайное голосование. Вечером председатель счетной комиссии митрополит Сурожский Антоний объявил результаты тайного голосования: 139 голосов было подано за митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, 107 – за митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира и 66 – за митрополита Киевского и Галицкого Филарета. Во втором туре за митрополита Алексия проголосовало 166, а за митрополита Владимира – 143 члена Собора. После оглашения окончательных результатов голосования новоизбранный Патриарх ответил на обращенный к нему вопрос председателя Собора положенными по чину словами: «Избрание меня освященным Поместным Собором Русской Православной Церкви Патриархом Московским и всея Руси со благодарением приемлю и нимало вопреки глаголю»⁶⁸⁷. Затем составили Соборный акт об избрании Святейшего Патриарха и соборную грамоту, адресованную ему. Под тем и другим документом поставили подписи все архиереи – члены Поместного Собора. В конце вечернего заседания старший по хиротонии архипастырь Русской Церкви архиепископ Оренбургский Леонтий (Бондарь) обратился к новоизбранному Патриарху Алексию с поздравлением. В ответном слове Патриарх Алексий II поблагодарил всех членов Поместного Собора за избрание и поздравление и сказал:

«Я сознаю трудность и подвиг предстоящего служения. Жизнь моя, которая от юности посвящена служению Церкви Христовой, подходит к вечеру, но освященный Собор возлагает на меня подвиг первосвятительского служения. Я приемлю это избрание, но в первые минуты прошу высокопреосвященных и преосвященных архипастырей, честной клир и всю боголюбивую паству всероссийскую своими молитвами, своей помощью помогать мне и укреплять меня в предстоящем служении. Много вопросов встает сегодня перед Церковью, перед обществом и перед каждым из нас. И в их решении нужен соборный разум, нужно совместное решение и обсуждение их и на архиерейских Соборах, и на Поместных Соборах, согласно принятому нашей Церковью в 1988 г. уставу. Соборный принцип должен распространяться и на епархиальную, и на приходскую жизнь, только тогда мы решим те

вопросы, которые стоят перед Церковью и перед обществом. Деятельность церковная сегодня расширяется. От Церкви, от каждого ее служителя, от деятеля церковного ожидаются и дела милосердия, и благотворительности, и воспитания самых разных возрастных групп наших верующих. Мы должны служить примиряющей силой, объединяющей силой и тогда, когда нашей жизни часто сопутствуют разделения. Мы должны сделать все, чтобы способствовать укреплению единства святой православной Церкви. Я признаю свою немощь и уповаю на ваши святые молитвы и помощь в предстоящем моем служении»

8 июня заседание открыл новый председатель Собора митрополит Алексей, избранный Патриархом. С докладом о причислении к лику святых протоиерея Иоанна Сергиева, чтимого всей церковной Россией, выступил председатель синодальной комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, по этому докладу Собор издал деяние о прославлении праведного отца Иоанна Кронштадтского.

Проекты соборных определений и послания, актуальные вопросы церковной жизни (правовой статус Церкви, единство Церкви и раскол на Украине, взаимоотношения с Зарубежной Церковью) стали предметом долгих дискуссий.

Необычайно острый характер носило выступление архиепископа Берлинского Германа (Тимофеева), посвященное в основном отношениям Церкви и государства как в историческом, так и в юридическом плане и проекту закона о свободе совести⁶⁸⁸.

«Проект закона игнорирует право верующих на освобождение от работы в дни их религиозных праздников, лишает людей радости жизни, труда и отдыха в полном согласии с их верой и вековыми обычаями. Этого нет ни в одном цивилизованном государстве. Законодатели присвоили себе право подменять собственными понятиями представления верующих о своей Церкви и, например, упорно хотят провести подмену свойственной Церкви монолитной иерархической структуры конгрегационалистским ее устройством. Этим они вмешиваются во внутреннюю церковную жизнь, намеренно хотят ее исказить и это искажение законодательно закрепить»⁶⁸⁹.

В заключение архиепископ Герман говорил о гонениях, пережитых Церковью в советскую эпоху, и поднял вопрос о канонизации новомучеников.

Взаимоотношениям с карловчанами были посвящены выступления митрополитов Крутицкого Ювеналия, Венского Иринея (Зуземиля), архиепископов Смоленского Кирилла, Саратовского Пимена (Хмелевского), Ярославского Платона, протоиерея Василия Стоянова, священника Виталия Шастина и иеромонаха Илариона (Алфеева). Архиепископ Платон предложил обратиться с пастырским словом ко «всем православным русским людям, находящимся в юрисдикции так называемой «карловацкой» Церкви». Архиепископ Смоленский Кирилл выразил возмущение агрессивными акциями зарубежного Синода, открывшего свои приходы в России и увлекшего некоторую часть духовенства, но в то же время он сказал, что уход раскольников из юрисдикции Московской Патриархии окажет очистительное влияние на состав духовенства. Создание зарубежных приходов и иерархии на территории Русской Церкви «означает, что тот политический раскол, который пока был достоянием зарубежья, теперь переносится в недра нашей Церкви в тот момент... когда Церковь стал терзать раскол Украинской Автокефальной Церкви, наступление унии... Каждый раскол питается нездоровыми силами в Церкви. И если в нашей Церкви будет как можно меньше нездоровых сил... тем менее перспектив будет у этого раскола»⁶⁹⁰.

Принятые Поместным Собором после дискуссии и внесения поправок в представленные проекты определения включали в себя помимо утверждения постановлений архиерейского Собора 1989 и 1990 гг. и синодальных решений предшествующего периода следующие положения: поручить Комиссии Священного Синода по канонизации святых подготовить

материалы к канонизации мучеников, пострадавших за веру в годы гонений в XX в.; выделить из Новосибирской епархии приходы, находящиеся в Красноярском крае и Кемеровской области, и образовать из них Красноярскую епархию, образовать на территории Мордовской АССР Саранскую епархию, выделив ее из Пензенской епархии; обратить особое внимание архипастырей, пастырей и мирян на необходимость возрождения христианской приходской общины, на организацию во всех приходах катехизического обучения взрослых и детей. Поместный Собор признал необходимым дальнейшее развитие системы церковного образования, в частности увеличения числа семинарий, открытие духовных училищ в каждой епархии, возобновление Киевской Духовной Академии, создание иконописных школ. Особо была подчеркнута крайняя нужда церковного народа в изданиях Священного Писания, в богословской, религиозно-назидательной, катехизической, житийной и церковно-исторической литературе, в изданиях святоотеческих творений.

Давая оценку взаимоотношениям Русской Православной Церкви с Римско-католической, Поместный Собор вынужден был констатировать, что они серьезно омрачены униатской проблемой, которая болезненно обострилась на Западе Украины. Признавая права униатских общин на легальное существование, Поместный Собор осудил насилие над православными клириками и мирянами, захваты православных храмов и выразил протест против неконституционных действий местных властей Западной Украины по отношению к гражданам православного вероисповедания. Собор осудил также действия украинских раскольников-автокефалистов, нарушивших церковный мир в Западной Украине, и отверг незаконные притязания, изложенные в последних документах Русской Зарубежной Церкви. Поместный Собор отметил случаи нарушения церковной и канонической дисциплины со стороны мирян и духовенства в разных епархиях и осудил публичные выступления отдельных церковных или околоцерковных людей, которые от лица Церкви высказывают мысли, не только не разделяемые Церковью, но и сеющие рознь в православной пастве.

Поместный Собор выступил также с заявлением в связи с проектом закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», в котором содержались конкретные поправки к документу:

«Опубликованный проект закона представляет составным частям Церкви (приходам, монастырям, управлениям, центрам, духовным учебным заведениям) право юридического лица, но лишает такового права Церковь как целостную религиозную организацию. Это положение не только продолжает, но еще более узаконивает дискриминационную в отношении Церкви позицию печальной памяти законодательства о культах 1929 г. Как известно, это законодательство отражало враждебные по отношению к Церкви идеологические установки и было направлено на разрушение религиозных структур. Эта «преемственность» старого и нового законов в наиболее важном для Церкви вопросе вызывает у нас тревогу... В Церкви не может быть независимых от иерархического центра и друг от друга «религиозных обществ». Все приходы составляют одно целое со своим епископом, равно как и все епископы и возглавляемые ими церковные округа – епархии составляют одно целое в границах Поместной Церкви. Именно поэтому закон должен признавать право юридического лица за Церковью как единой организацией с составляющими ее приходами, монастырями, духовными учебными заведениями, управлениями и центрами. При этом каждое из перечисленных церковных учреждений в свою очередь также может обладать правом юридического лица. Делегирование части этого права одного учреждения другому, как, например, от епархии – приходу, от Патриархии – епархии, должно регулироваться внутренним церковным законодательством, находящимся в соответствии с вероучением. Светскому законодательству в правовом государстве следует уважать вероучение, на основании которого действует церковное право и

функционируют церковные учреждения»⁶⁹¹.

Вечером 8 июня с заключительным словом на Соборе выступил его председатель митрополит Алексей, избранный Патриархом Московским и всея Руси

«Освященный Поместный Собор, созванный для избрания Патриарха Московского и всея Руси,— сказал он,— завершил свои деяния. Избранием Собора, через которые проявилась, верим, воля Божия в Русской Церкви, на мое недостойное возложено бремя первосвятительского служения. Велика ответственность этого служения. Принимая его, я осознаю свои немощи, свою слабость, но нахожу подкрепление в том, что избрание меня состоялось Собором ничем не стесненным волеизъявлением архипастырей, пастырей и мирян, призванных на священный Собор. Нахожу подкрепление в предстоящем мне служении еще в том, что вступление мое на престол Московских святителей соединилось во времени с великим церковным торжеством – прославлением святого праведного Иоанна Кронштадтского, чудотворца, чтимого всем православным миром, всей святой Русью, место погребения которого находится в городе, который до сего времени был моим кафедральным градом. Русская Православная Церковь, исполняя завещанный ей от Бога долг быть солью земли и светом мира, готова жертвенно служить духовному благополучию своего земного Отечества. Условия, в которых Русская Православная Церковь совершает свое апостольское служение в обществе, в значительной мере определяются ее правовым статусом. Началось всенародное обсуждение опубликованного в печати и принятого в первом чтении закона о свободе совести и религиозных организациях. Мне хотелось бы подчеркнуть серьезность и основательность той озабоченности, которая выражена была на Поместном Соборе в связи с содержанием этого закона... В основе устройства Православной Церкви лежит принцип соборности. Нужно при этом ясно сознавать, что соборное начало Церкви органически сочетается с иерархическим. Архипастыри, пастыри, миряне, весь церковный народ несут ответственность за судьбу Церкви. Но служение Церкви неодинаково. По православному каноническому учению, замечательно емко выраженному преподобным [Иоанном Дамаскиным](#), Церковь вручена епископам. В Церкви все совершается в духе любви, единомыслия и единодушия, с соблюдением канонической дисциплины. Отступления от этих богозаповеданных начал угрожают Церкви нестроениями и бедами. Закljučая заседание освященного Собора, я хотел бы призвать всех высокопреосвященных и преосвященных архипастырей, честной клир, монашествующих, наших благочестивых верующих сделать все для единства Церкви Христовой. В то время как в современном обществе проявляется нетерпимость друг к другу, мы должны явить пример братства, сотрудничества, взаимопонимания. Любовь Христова должна объединять нас в нашем служении Богу, святой Церкви Христовой и пастве, которая вручена нашему духовному водительству»⁶⁹².

10 июня в Богоявленском соборе Москвы состоялась интронизация новоизбранного Патриарха, которому за Божественной литургией сослужили Католикос-Патриарх Грузии Илия II, члены Священного Синода, представитель Антиохийского Патриарха епископ Нифон и сонм духовенства. В храме находились члены Поместного Собора, приглашенные высокие гости, православные москвичи. Настолование нареченного Патриарха совершили два патриарших экзарха. С приветствием к Патриарху Алексею II обратились Католикос-Патриарх Грузинский Илия II и другие высокие гости.

В день своей интронизации новоизбранный 15-й Патриарх Московский и всея Руси Алексей II произнес первосвятительское слово, в котором наметил программу предстоявшего ему патриаршего служения.

«Свою первоочередную задачу мы видим прежде всего в укреплении внутренней, духоносной жизни Церкви. Многообразны средства для возрождения должного духовного

состояния нашего христианского общества, опирающегося на древние традиции нашей Церкви. Мы уповаем на то, что боголюбивая паства будет исполнена стремления содействовать этому возрождению во славу Христа Спасителя и Его святой Церкви... Достижению поставленных целей будет способствовать также управление церковной жизнью согласно нашему новому уставу, уделяющему большое внимание развитию соборности.

Перед нами стоит великая задача широкого возрождения монашества, во все времена оказывавшего столь благотворное влияние на духовное и нравственное состояние всего общества. Немало усилий потребует восстановление великих и малых монашеских обителей нашей страны. Во множестве восстанавливаются храмы, возвращаемые Церкви, и строятся новые. Этот радостный для нас процесс еще только развивается и потребует от всех нас многих трудов и материальных затрат. Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во имя Его, мы видим перед собой необозримое поле катехизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и для взрослых, обеспечение паствы и всего общества литературой, необходимой для христианского научения и духовного возрастания. С благодарением Богу мы отмечаем, что перед нами открываются новые пути и средства для развития свободного духовного просвещения в самых различных кругах нашего общества. Немало предстоит сделать в утверждении справедливости в межнациональных отношениях. Будучи многонациональной, Русская Православная Церковь вместе с другими христианскими Церквями и религиозными объединениями нашей страны призвана врачевать раны, наносимые национальной рознью. С горечью свидетельствуем о все возрастающем беззаконии, чинимом на Западной Украине католиками восточного обряда. Положение там усугубляется расколом, возникшим в результате незаконного объявления так называемой Украинской Автокефальной Православной Церкви. Мы прилагаем всемерные усилия для устранения этих мучительных для Тела Христова недугов. Как и прежде, мы будем развивать наши братские отношения с поместными православными Церквями и тем самым укреплять всеправославное единство. Мы видим наш христианский долг в свидетельстве Православия, в развитии диалога и сотрудничества с инославными исповеданиями. Для исполнения этих предначертаний нашей Церкви я нуждаюсь в братском сотрудничестве членов Священного Синода, всего епископата, клира, монашествующих и мирян»⁶⁹³.

* * *

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II (в миру – Алексей Михайлович) родился 23 февраля 1939 г. в городе Таллине в глубоко верующей благочестивой семье. Его отец Михаил Александрович Ридигер, уроженец Санкт-Петербурга, из знатного и старинного дворянского рода, учился в привилегированном учебном заведении столицы – Училище правоведения. После революции он вынужден был эмигрировать. Михаил Александрович с юности стремился стать священником. Окончив русскоязычные богословские курсы в 1940 г., он был рукоположен в сан диакона. Два года спустя в Казанском храме Таллина состоялась его священническая хиротония. Мать Патриарха Елена Иосифовна Писарева родилась в Таллине в русской семье.

«Мои родители,— вспоминал Святейший Патриарх Алексей II о своем детстве, – были прихожанами Александро-Невского кафедрального таллинского собора, а после его закрытия в 1936 г.— Симеоновской церкви... отец принимал активное участие в приходской жизни, в деятельности Русского студенческого христианского движения. Семейной традицией было совершение паломничеств в период летних отпусков. Мы ездили или в Пюхтицкий женский монастырь, или в Псково-Печерский мужской. Но особенно мне запомнились паломнические поездки в Валаамский Преображенский мужской монастырь в 1938 и 1939 гг. Мы плыли парохомом до Хельсинки, оттуда по железной дороге ехали до Выборга и потом уже на

монастырском пароходе – до Валаама. Следующий раз я побывал на Валааме только пятьдесят лет спустя, в год 1000-летия Крещения Руси. Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (1978) много раз приглашал меня на остров, но я не хотел ехать туда, где монашеская жизнь пресеклась и храмы осквернены, чтобы не затмевать впечатлений детства. В 1988 г. Валаам уже не произвел на меня гнетущего впечатления, потому что была надежда на возрождение обители»⁶⁹⁴.

Будущий Патриарх получил среднее образование в таллинской русскоязычной гимназии, позже – средней школе. С 6 лет он прислуживал в храме своего духовного отца протоиерея Иоанна Богоявленского. В 15 лет он стал старшим иподиаконом у архиепископа Таллинского и Эстонского Павла (Дмитровского), а затем у его преемника и своего духовного отца, принявшего епископство с именем Исидор. В 1945 г. юному иподиакону было поручено епархиальной властью подготовить к открытию Александре-Невский собор Таллина, в котором он потом (до 1946 г.) исполнял обязанности алтарника и ризничего, а затем служил псаломщиком в Симеоновской и Казанской церквях эстонской столицы. 17-летний псаломщик из Таллина попытался поступить в Ленинградскую духовную семинарию, но не был принят по возрасту. Успешное поступление состоялось в следующем году сразу в 3 класс. Закончив семинарию, будущий Патриарх стал студентом Ленинградской Академии и уже на 1 курсе был рукоположен в сан диакона, а через день (17 апреля 1950 г.) – в сан пресвитера. После рукоположения отец Алексей Ридигер был назначен настоятелем Богоявленского храма города Йыхви в Эстонии. Служение на приходе он совмещал с продолжением учения в академии, которую в 1953 г. закончил по первому разряду со степенью кандидата богословия за курсовое сочинение «Митрополит Филарет (Дроздов) как догматист».

В городе Йыхви будущий Патриарх прослужил до 1957 г. «Паства там была непростая,— вспоминал он впоследствии,— в шахтерский город после войны приезжали из самых разных регионов по специальным направлениям на тяжелые работы в шахтах; многие погибали: аварийность была высокой, поэтому как пастырю мне пришлось иметь дело со сложными судьбами, с семейными драмами, с различными социальными пороками»⁶⁹⁵. С совершенно иной средой он столкнулся на своем новом приходе в Тарту. «Я застал,— рассказывал он,— и в приходе и в приходском совете старую университетскую интеллигенцию. Общение с ними у меня оставило очень яркие воспоминания». Вспоминая о пастырском служении в 50-х гг., Святейший Патриарх говорил, что ему «довелось начать свое церковное служение в то время, когда за веру уже не расстреливали, но сколько пришлось пережить, отстаивая интересы Церкви, будет судить Бог и история»⁶⁹⁶. 17 августа 1958 г. отец Алексей был возведен в сан протоиерея, а 30 марта 1959 г.— назначен благочинным Тарту-Вильяндиинского округа Таллинской епархии, который включал в себя 30 русских и эстоноязычных приходов. Протоиерей Алексей служил на церковнославянском языке, а в некоторых приходах – по-эстонски, этим языком он владеет свободно.

3 марта 1961 г. в Троице-Сергиевой лавре совершился монашеский постриг протоиерея Алексея Ридигера с именем в честь святителя Алексея, митрополита Московского. Монашеское имя было вытянуто по жребию из аки преподобного Сергия Радонежского. В крещении будущему Патриарху было дано имя в честь Алексея, человека Божия. Священнослужителю, который в молодые лета с пастырской любовью и мудрым благоразумием окормлял свою паству, управлял благочинническим округом, предстояло высшее поприще церковного служения. 14 августа 1961 г. постановлением Священного Синода во главе со Святейшим Патриархом Алексием I иеромонаху Алексею определено было стать епископом Таллинским и Эстонским с поручением ему временного управления Рижской епархией. После возведения в сан архимандрита 3 сентября 1961 г. в Александре-Невском кафедральном соборе Таллина

состоялась его хиротония во епископа Таллинского и Эстонского. Хиротонию возглавил архиепископ Ярославский и Ростовский Нико-дим (Ротов).

В слове при наречении во епископа архимандрит Алексей сказал: «Сознаю свою немощь, неопытность, молодость и в эти великие, святые минуты своей жизни всецело возлагаю все свое упование на Господа, от Которого исправляются стопы человеку ([Пс. 36. 23](#)). Верю, что по воле Божией совершается и ныне наречение моего недостойнства, ибо Сам Господь, по слову апостола, дает Церкви Своей пастырей и учителей ([Еф. 4. И](#)) и Духом Святым поставляет их пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею ([Деян. 20. 28](#))»⁶⁹⁷.

В годы хрущевских гонений архипастырское служение было нелегким, нужна была немалая мудрость и изобретательность для того, чтобы сохранить пастуот расхищения, уберечь храмы от закрытия. Прямой, открытый конфликт с властью предрешающими к успеху в сохранении приходов привести не мог. Но Святейший Патриарх верил, что «врата адовы Церковь не одолеют. Время действительно было трудное: власти приняли решение о закрытии Пюхтицкого монастыря и тридцати шести эстонских приходов как «нерентабельных», — рассказывал Патриарх. — Им не удалось провести в жизнь эти решения: я убедил их, что молодой епископ не может начать служение с закрытия монастыря: это дискредитация всей его будущей деятельности. Уговорами мне удалось затянуть время, а в апреле 1962 г., когда я уже почти полгода был заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений, я направил в Пюхтицы первую иностранную делегацию – лютеран из ГДР. В те дни мой отец лежал с инфарктом, которого так и не перенес. А я должен был его покинуть, чтобы сопровождать иностранных гостей. Речь шла о спасении обители единственным тогда способом. Вскоре газета «Neue Zeitung» опубликовала восторженные отзывы этой делегации; затем приехала вторая, третья – вопрос о закрытии монастыря больше не поднимался. 9 мая 1962 г. скончался мой отец (он похоронен на Александре-Невском кладбище). Я возвращаюсь с похорон, а уполномоченный Совета по делам религий объявляет мне, что молодежь хочет забрать кафедральный собор под планетарий... Долго пришлось бороться. Дошел до центрального руководства. И видимо, из Москвы последовало некое указание: когда я вернулся в Таллин, уполномоченный мне заметил: «Да мало ли, что молодежь хочет»⁶⁹⁸.

Мать первосвятителя Елена Иосифовна скончалась раньше, в 1959 г., в пору начавшихся уже гонений на Церковь, когда ее муж и сын несли тяжелый крест пастырского служения.

23 июня 1964 г. указом Патриарха епископ Таллинский Алексей был возведен в сан архиепископа. Возглавление епархии он с самого начала архипастырского служения сочетал с прямым участием в высшем управлении Русской Православной Церковью: с 22 декабря 1964 по 1986 г. был управляющим делами Московской Патриархии, с чем сопряжено постоянное членство в Священном Синоде, а с 7 мая 1965 до сентября 1986 г. являлся также и председателем Учебного комитета. 25 февраля 1968 г. архиепископ Таллинский и Эстонский Алексей был возведен в сан митрополита. 18 июня 1971 г. Патриарх Пимен за организацию и проведение Поместного Собора удостоил митрополита Алексея правом ношения второй пангии.

Должность управляющего делами Московской Патриархии поставила владыку Алексея в самый центр церковной власти, а поскольку это были годы маститой старости Патриарха Алексея I, на него ложилось бремя принятия решений, касающихся церковного управления. Это требовало от митрополита Алексея проявления исключительных административных способностей, дипломатического такта, высокой работоспособности, а главное – всецелой преданности Богу и Церкви. Помимо постоянных должностей в высшем церковном управлении митрополит Алексей участвовал в деятельности временных синодальных комиссий по подготовке и проведению празднования 50-летия и 60-летия восстановления патриаршества,

Поместного Собора 1971 г., проведения 1000-летия Крещения Руси, а также был председателем ответственной комиссии по приему, реставрации и строительству в ансамбле Данилова монастыря. Жертвенная самоотдача в совершении высокого служения и при исполнении нелегких будничных церковных трудов создали митрополиту Алексию тот высокий авторитет в епископате, духовенстве и церковном народе, выражением которого явились результаты голосования на Поместном Соборе 1990 г.

Уже в 60-х и 70-х гг. имя митрополита Таллинского Алексия получило широкую известность в церковных кругах за рубежом. На III ассамблее ВСЦ в Нью-Дели в 1961 г. он был избран членом центрального комитета ВСЦ, с тех пор он принимал самое деятельное участие во многих межцерковных, экуменических, миротворческих форумах; часто возглавлял делегации Русской Церкви, участвовал в богословских конференциях, беседах, диалогах. В 1964 г. владыка Алексей был избран президентом Конференции европейских Церквей и с тех пор неизменно переизбирался на эту должность. В 1987 г. он стал председателем президиума и совещательного комитета этой организации.

Определением Священного Синода от 29 июля 1986 г. митрополит Алексей был назначен на Ленинградскую и Новгородскую кафедру с оставлением за ним управления и Таллинской епархией. Уже первый день пребывания на новой кафедре ознаменовался молитвой у часовни блаженной Ксении Петербургской, которая была в полуразрушенном состоянии. А через год митрополит Алексей, предвосхищая официальное прославление блаженной Ксении, совершил освящение часовни. От нового митрополита зависело, удастся ли в этом городе, где советский режим был особенно враждебен Церкви, устроить нормальную церковную жизнь в период начавшихся в стране перемен. «В первые месяцы,— вспоминает Патриарх Алексей II,— я остро ощущал, что никто не признает Церкви, никто не замечает ее. И главное, что мне удалось сделать за четыре года,— это добиться того, что с Церковью стали считаться: положение в корне изменилось»⁶⁹⁹. Митрополит Алексей добился возвращения Церкви части бывшего Иоанновского монастыря, в котором поселились сестры Пюхтицкого монастыря под руководством игуменьи Варвары и монахини Георгии. Они приступили к восстановлению монастырских храмов и обители.

Имя Патриарха Алексия занимает прочное место и в церковной науке. Еще до возведения на первосвятительский престол им было опубликовано 150 работ на богословские и церковно-исторические темы. Советом Московской Духовной Академии он был удостоен степени доктора богословия за диссертацию «Очерки по истории Православия в Эстонии», он является также доктором богословия (*honoris causa*) Богословской академии в Дебрецене, богословского факультета имени Яна Коменского в Праге и ряда других богословских учебных заведений, почетным профессором многих университетов, почетным членом Санкт-Петербургской и Московской Духовных Академий, Критской Православной Академии, с 1992 г.— действительным членом Академии образования Российской Федерации.

В канун Поместного Собора будущий Патриарх был избран народным депутатом Союза от Фонда милосердия и здоровья, членом президиума которого он состоял. Он стал также членом Комитета по международным премиям мира. О своем внутреннем состоянии в канун Поместного Собора Святейший Патриарх писал, что у него не было чувства, что он может вернуться с Собора Патриархом: «Я ехал в Москву на Собор, имея перед глазами большие задачи, открывшиеся, наконец, для архипастырской и вообще церковной деятельности в Петербурге. Никакой, говоря светским языком, «предвыборной кампании» я не вел. Только после архиерейского Собора... где я получил больше всех голосов архиереев, я подумал: есть опасность, что чаша сия меня может и не миновать. Я говорю «опасность», потому что, будучи двадцать два года управляющим делами Московской Патриархии при Святейших Патриархах

Алексию I и Пимене, я прекрасно знал, насколько тяжел крест Патриаршего служения. Но я положился на волю Божию: если будет воля Господня на мое патриаршество, то, видимо, Он даст и силы»⁷⁰⁰.

Таким образом, в 1990 г. на первосвятительский престол Русской Православной Церкви взошел архипастырь, который более других был подготовлен к несению креста патриаршего служения. В своем отклике на избрание Патриарха один из старейших иерархов Русской Церкви, митрополит Сурожский Антоний, заметил, что «в этих условиях необходим Патриарх, способный понять случившееся и заглянуть в будущее, причем не гадать, а уметь прозревать пути Божий в быстро меняющейся обстановке. В этой обстановке... Патриарх не просто администратор церковной жизни, а человек, который является для Церкви знаменем ее единства и цельности. Так, в годы революции Патриарх Тихон, ставший фокусом церковного сознания, спас Церковь от разброда. Мне кажется, что выбор, который мы сделали, правильный. Новоизбранный Патриарх Алексий II представляется мне человеком достойным, вдумчивым, умным, культурным, внутренне твердым, устойчивым, способным понимать происходящее»⁷⁰¹.

* * *

Через несколько дней после своей интронизации, 14 июня, Святейший Патриарх Алексий II отправился в свой прежний кафедральный город, для того чтобы совершить там на основании соборного определения прославление праведного Иоанна Кронштадтского. Торжество прославления совершилось в Иоанновском монастыре на Карповке, где был погребен угодник Божий. Верующие петербуржцы и гости города заполнили набережную перед монастырем, мост, другой берег Карповки. Богослужение совершилось под открытым небом, потому что восстановленный храм не мог вместить даже городское духовенство, затем Святейший Патриарх обратился к собравшимся со словами: «Эта обитель пережила разорение, запустение, но тропа народная не зарастала к святому месту погребения великого праведника: приходили люди Божий, приносили цветы, ставили свечи, испрашивали благословения. По милости Божией прошли тяжелые времена для Церкви Христовой. Вновь открываются святые обители и храмы Божий. Вновь зажглась лампада в Свято-Иоанновском монастыре, в усыпальнице святого праведного Иоанна Кронштадтского»⁷⁰².

Вернувшись в Москву 27 июня, Патриарх Алексий II встретился с московским духовенством в Свято-Даниловом монастыре. На этой встрече он говорил о том, что новый устав об управлении Русской Православной Церковью позволяет возрождать соборность на всех уровнях церковной жизни, и что начинать надо с прихода. Святейший Патриарх особое внимание уделил организации воскресных школ при приходах. К преподаванию в них следует привлекать не только клириков, но и благочестивых мирян. Одной из задач прихода является подготовка благочестивых мирян к поступлению в духовные семинарии. Особо ответственного отношения от священнослужителей требуют ставшие многочисленными крещения взрослых, которых необходимо готовить к принятию таинства, проводить с ними катехизические беседы. Число крещений выросло за последние годы в 7 раз, а венчаний – в 10 раз. «Церковь,— сказал Святейший Патриарх,— всегда помогала страждущим. И эту миссию особенно необходимо нести теперь, когда для священнослужителей открылись двери больниц, домов престарелых, тюрем»⁷⁰³. Не забыл Святейший Патриарх упомянуть и о таких болезненных явлениях в жизни Церкви, как агрессивные действия униатов и раскольников-автокефалистов на Западе Украины, как открытие зарубежных приходов на канонической территории Русской Православной Церкви, затрудняющее «диалог с православными соотечественниками за рубежом». Это первое выступление Патриарха Алексия II перед московским духовенством содержало емкую и конкретную программу преобразований в церковной жизни, направленных на то, чтобы нормализовать ее в условиях, когда существенно была расширена свобода Церкви.

16,19 и 20 июля под председательством Патриарха Алексия II состоялось заседание Священного Синода. В отличие от прежних заседаний, на которых по преимуществу рассматривались вопросы, связанные с внешней церковной деятельностью, на этот раз в центре внимания стояли темы внутренней жизни Церкви. Священный Синод постановил назначить митрополитом Ленинградским и Ладожским и постоянным членом Синода архиепископа Куйбышевского Иоанна (Снычева). Из состава Ленинградской епархии были выделены Новгородская и Олонецкая епархии. Таллинская епархия оставалась в ведении предстоятеля Церкви, но в помощь ему с титулом епископа Таллинского назначался викарный епископ. Им стал протоиерей Вячеслав Якобе, узник лагерей в годы хрущевских гонений, принявший после состоявшегося определения Священного Синода постриг с именем Корнилия (впоследствии правящий архиерей). Священный Синод принял и ряд других решений, относящихся к замещению епископских кафедр в России, Белоруссии, на Украине, в Молдавии и Средней Азии.

При Патриархе Алексии II Священный Синод стал заседать значительно чаще, чем раньше: раз в месяц или в два месяца. Этим обеспечивалось соблюдение канонической соборности в церковном управлении. На заседании Синода, состоявшемся 29—31 января 1991 г., по предложению Святейшего Патриарха было принято решение об образовании двух новых отделов Московского Патриархата – по религиозному образованию и катехизации и по церковной благотворительности и социальному служению. Характерная черта первосвятительского служения Святейшего Патриарха Алексия II – многочисленные посещения епархий, начало которым положено было поездкой в северную столицу сразу после интронизации; всего за первый год своего патриаршества он посетил 15 епархий, при этом Патриарх совершал богослужения не только в кафедральных соборах, но и в отдаленных от епархиального города приходах, во вновь открываемых монастырях, встречался с местным руководством, с общественностью, посещал высшие и средние школы, военные части, дома престарелых, тюрьмы, неся радость и утешение страдающим людям.

Святейший Патриарх Алексей II взошел на первосвятительский престол, когда кризис Советского государства вступил в завершающую фазу. Для Русской Православной Церкви важно было в быстро изменяющихся условиях обрести нормальный правовой статус, и успех в этом деле в значительной мере зависел от инициативы Патриарха, от его умения построить так отношения с государственной властью и политиками, чтобы утвердить достоинство Церкви, как высшей святыни и духовной путеводительницы народа, колыбели его государственного существования. С самых первых шагов первосвятительского служения Святейший Патриарх в контактах с сильными мира сего самой их этикетной, протокольной стороной умел оградить и подчеркнуть достоинство Церкви, которую он возглавлял. При Патриархе Алексии II стали невозможными такие отвратительные выходы чиновников по отношению к Русской Церкви, когда, как это было совсем недавно, тяжелобольной Патриарх должен был нанести визит новоназначенному председателю злобещего Совета по делам религий.

Святейший Патриарх сообщил Президенту СССР о критическом отношении Поместного Собора к проекту нового закона «О свободе совести и религиозных организациях», и тогда была достигнута договоренность об участии представителей Русской Православной Церкви и других религиозных общин в дальнейшей работе над законопроектом. Это благоприятно отразилось на содержании закона, принятого 1 октября 1990 г. и утвердившего за отдельными приходами, церковными учреждениями, в том числе и Патриархией, права юридического лица. У Церкви появилось право иметь в собственности недвижимость, защищать свои интересы в судебном порядке, религиозные организации могли теперь участвовать в общественной жизни и пользоваться средствами массовой информации. Исключительно важное положение нового

закона содержалось в статье 6, которая, хотя и подтверждала принцип отделения школы от Церкви, тем не менее открывала юридическую возможность для религиозного обучения детей. «Религиозные организации, имеющие зарегистрированные в установленном порядке уставы (положения), вправе в соответствии со своими установлениями создавать для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах, используя для этого принадлежащие или предоставляемые им в пользование помещения»⁷⁰⁴. Закон запрещал командованию воинских частей препятствовать участию военнослужащих в богослужениях в свободное время; он позволял совершение «религиозных обрядов» в больницах, госпиталях, домах для престарелых, в тюрьмах и лагерях, причем администрации этих учреждений предписывалось оказывать содействие в приглашении священнослужителей. Новый закон сохранял прежний Совет, но менял его функции, лишал его властных полномочий по отношению к религиозным организациям: «Государственный орган СССР по делам религий является информационным, консультативным и экспертным центром»⁷⁰⁵. Новый закон был более благоприятным для Церкви, чем действовавшее до тех пор постановление ВЦИК 1929 г., но действовал он недолго – всего 15 месяцев – ровно столько, сколько оставалось существовать СССР.

Спустя месяц после издания союзного закона был принят российский закон «О свободе вероисповеданий», который действует и поныне. Он не предусматривал правительственного учреждения, подобного Совету по делам религий; вместо него в Верховном Совете была образована Комиссия по свободе совести и вероисповеданиям. Положение об отделении школы от Церкви формулировалось в более деликатной форме: «Государственная система образования и воспитания носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии». При этом, однако, преподавание вероучения на факультативной основе допускалось «в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях». Преподавание же «религиозно-познавательных, религиоведческих и религиозно-философских дисциплин» могло «входить в учебную программу государственных учебных заведений»⁷⁰⁶.

Радикальные перемены в правовом статусе Русской Православной Церкви, рост ее влияния и авторитета в сфере государственной и общественной не вызывали, мягко говоря, энтузиазма у сторонников прежних порядков в области церковно-государственных отношений. Серия убийств московских священников, ни одно из которых не было раскрыто, убеждала верующих в том, что в определенных кругах к Церкви сохраняется враждебное отношение. 9 сентября 1990 г. неподалеку от своего дома был убит широко известный на Западе и пользовавшийся большим авторитетом в среде церковной и околоцерковной интеллигенции, особенно у новообращенных, протоиерей Александр Мень. Церковный народ и вся российская общественность были потрясены злодеянием, совершенным в Оптиной пустыни на Пасху 1993 г., — зверским убийством иеромонаха Василия (Рослякова) и монахов Трофима и Ферапонта. Схваченный вскоре убийца признался в содеянном и назвал себя сатанистом.

В 1990 г. продолжалось по всей стране возвращение Церкви отнятых у нее ранее храмов, чаще всего разрушенных. Церковь столкнулась с колоссальными трудностями в восстановлении переданных ей храмов, но во многих случаях местные власти стали оказывать целевую финансовую помощь Церкви в реставрации храмов; великодушные пожертвования поступали от общественных организаций и фондов, таких, как Всероссийское общество охраны памятников культуры, Фонд мира, Фонд культуры, а также от государственных и частных предприятий, банков, компаний, частных лиц. Посильную помощь в восстановлении храмов оказывали и воинские части. 16 марта 1993 г. Святейший Патриарх Алексий II обратился с письмом к конференции Российского Фонда мира:

«Мне, как предстоятелю Русской Православной Церкви, хотелось бы выразить

благодарность правлению Российского фонда, его активным участникам за щедрую руку помощи, обращенную в сторону нашей Церкви. Еще несколько лет тому назад было трудно себе представить, что прежний Советский Фонд мира, получавший немало средств от православных приходов, вскоре будет одним из основных и постоянных «(работников Церкви в святом деле восстановления порушенных храмов и монастырей, возрождения христианского просвещения и благотворительности. Достаточно упомянуть несколько конкретных дел, чтобы убедиться в этом. На благотворительные миротворческие программы в 1992 г. Российским Фондом было направлено более 200 млн. руб., в том числе на восстановление Донского и Валаамского мужских монастырей, Иоанновского женского монастыря в Санкт-Петербурге, Оптиной Введенской пустыни. Были выделены средства на создание церковной типографии в Троице-Сергиевой лавре, на издание газеты «Московский церковный вестник»⁷⁰⁷.

В Москве одним из самых богатых традициями и замечательных в архитектурном отношении храмов, переданных Церкви, явился храм Большого Вознесения на Никитской улице, в котором неоднократно совершали богослужение святитель Филарет Московский и святой Патриарх Тихон (настоятель – протоиерей Владимир Диваков). 23 сентября 1990 г. впервые после многих десятилетий запрета на крестные ходы вне ограды храма состоялся крестный ход по московским улицам от стен Кремля к храму Большого Вознесения во главе со Святейшим Патриархом Алексием II. 1/14 октября, в праздник Покрова Божией Матери, состоялось первое богослужение в Покровском соборе (храм Василия Блаженного) на Красной площади, Божественную литургию совершил Святейший Патриарх, затем состоялся крестный ход вокруг собора. 4 ноября 1990 г. Патриарх совершил освящение закладного камня восстанавливаемого Казанского собора, построенного в 1633 г. в честь освобождения России от польских интервентов, отреставрированного под руководством замечательного архитектора П. Д. Барановского и вскоре после завершения реставрации, в 1936 г., варварски разрушенного.

Уже в первые месяцы первосвятительства Алексия II повсеместно организуются братства, особенно много их появилось в Москве и Ленинграде. На Украине и в Галиции учреждались братства, которые ставили своей целью защиту православия от униатской агрессии и раскольнических действий авто-кефалистов. 12 и 13 октября в Москве прошел первый съезд представителей братств, на котором был учрежден Союз православных братств. Его почетным попечителем стал Патриарх Алексий II, председателем был избран иеромонах Кирилл (Сахаров). В декабре 1990 г. Священный Синод вынес решение о создании молодежной церковной организации.

Но картина возрождающейся церковной жизни омрачалась действиями раскольников. 16 мая 1990 г. в период межпатриаршества архиерейский Собор Русской Зарубежной Церкви вынес постановление об открытии своих приходов и епископских кафедр в России. Джорданвиль призвал клириков Московского Патриархата переходить в юрисдикцию зарубежного Синода, но войти в состав карловацкого клира можно было только после покаяния в том, что они ранее состояли в послушании Патриархии. Своей самой большой удачей в Джорданвиле сочли переход к ним архимандрита Валентина (Русанцова), священника из древнего Суздаля. Он пользовался особым доверием со стороны Совета по делам религий и местных властей, и сами чиновники настаивали на необходимости его хиротонии во епископа. Священный Синод не поддавался давлению Совета, тем более, что архимандрит Валентин имел репутацию нравственно нечистоплотного человека и стяжателя. В то время, когда Церковь становилась все более свободной, отец Валентин вдруг объявил о своем намерении уйти из юрисдикции Патриархии «в катакомбы», для существования которых тогда уже практически не оставалось никаких причин. Преследования действительно нелегальных и в этом смысле ката-комбных религиозных общин любого толка, вплоть до общественно опасных, совершенно прекратились. Прямым

поводом для разрыва архимандрита Валентина с Патриархией послужил его конфликт с правящим архиереем Владимирской епархии архиепископом Валентином (Мищуком), который не благословил ему домогаться на выборах депутатского места. Ушедший в «катакомбы» авантюрист через покаяние был принят в юрисдикцию зарубежного Синода, а в октябре 1990 г. председатель Синода митрополит Виталий (Устинов) издал указ о назначении его экзархом архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей на территории СССР и управляющим делами при Суздальском епархиальном управлении.

Еще одним приобретением зарубежного Синода мог стать Константин Васильев, бывший священник Успенского собора города Каширы, который 30 августа 1990 г. обратился с весьма своеобразным рапортом к своему архиерею митрополиту Коломенскому и Крутицкому Ювеналию, в котором сообщал: «27 августа с. г. за всеобщим бдением мною, епископом Лазарем, Московским и Каширским (в миру Константин Алексеевич Васильев) было объявлено о выходе нашей общины из юрисдикции Московской Патриархии как Истинной Православной Церкви, находящейся в катакомбах после кончины Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона. Канонических изменений в таинствах и обрядах в нашей Церкви нет»⁷⁰⁸. Ближайшее ознакомление со случаем «епископа Лазаря» убедило даже Карловацкий Синод в том, что они имеют дело с душевнобольным человеком, и потому архиереем Карловацкой юрисдикции он не стал, пребывая в абсолютно «автокефальном» статусе и составляя указы об анафематствовании всех видных церковных, государственных и политических деятелей. Были и другие не менее одиозные «перебежчики». Деяния раскольников, которые они совершали при поддержке из Джорданвиля, наносили вред церковному делу, потому что раскольники захватывали приходы и увлекали за собой сбитых с толку верующих. В то же время развеялись иллюзии многих священнослужителей и мирян в России, которые ранее идеализировали Зарубежную Церковь.

* * *

С 25 по 27 октября 1990 г. в Свято-Даниловом монастыре под председательством Святейшего Патриарха Алексия II заседал архиерейский Собор. В его деяниях участвовал 91 архиерей, 6 архипастырей отсутствовало по болезни. В центре внимания на Соборе стояли три вопроса: церковная ситуация на Украине, раскол, инициированный зарубежным Синодом, а также правовой статус Русской Православной Церкви, обусловленный двумя новыми законами о свободе совести и вероисповедания.

Важность нового закона «О свободе совести и религиозных организаций», говорится в определении архиерейского Собора, состоит в том, что «Русская Православная Церковь получила должную правовую основу своей деятельности и приобрела правоспособность юридического лица». В то же время Собор сделал ряд критических замечаний по отдельным положениям союзного Закона, во многом повторяющих те, что были высказаны при обсуждении проекта (отсутствие статуса юридического лица у Церкви в целом и гарантии права церковной собственности на используемые ею храмы и иную недвижимость). В категорической и даже жесткой форме архиерейский Собор настаивал на том, чтобы государственные учреждения соблюдали закон при регистрации приходских уставов; в случае отказа в регистрации государственные органы обязаны сообщить письменно, на каком основании подобное решение было ими принято. «Приход имеет право обжаловать в суде подобное решение. Нарушение установленного срока регистрации устава также подлежит судебному рассмотрению». Не вдаваясь в анализ содержания российского закона о свободе вероисповеданий, архиерейский Собор выразил удовлетворение его принятием, равно как и принятием аналогичных законов в других союзных республиках.

Соборное воззвание к архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной

Церкви, посвященное действиям карловацкой иерархии по учинению раскола на канонической территории Русской Церкви, выдержано в жестком тоне, разительно отличающемся от того, каким проникнуто адресованное церковной диаспоре обращение Поместного Собора 1988 г., с его особым миролюбием и братской теплотой. Архиерейский Собор решил выразить позицию священноначалия Православной Церкви по тем вопросам, которые получали превратную трактовку в полемических выступлениях карловчан против Матери Церкви:

«Отдавая дань глубокого уважения памяти Патриарха Сергия и с благодарностью вспоминая его борьбу за выживание нашей Церкви в тяжелые для нее годы гонений, мы тем не менее вовсе не считаем себя связанными его Декларацией 1927 г., сохраняющей для нас значение памятника той трагической в истории нашего Отечества эпохи. Нас обвиняют «в попрании памяти новомучеников и исповедников»... В нашей Церкви никогда не прерывалось молитвенное поминовение страдальцев за Христа, преемниками которых довелось стать нашему епископату и клиру. Сейчас, чему весь мир свидетель, у нас разворачивается процесс их церковного прославления, который в соответствии с древнецерковной традицией должен быть избавлен от суетного политиканства, поставленного на службу меняющимся настроениям времени. Среди других обвинений «называются и «подобострастное служение безбожной власти», и «небрежение в распространении слова Божия», и «искажение таинств», и «подчинение мирским властям», и «отрыв от паствы», и «нравственная распущенность и сребролюбие», и «перемещение архиереев и священников». Почти то же самое шесть с лишним десятков лет тому назад можно было услышать из уст раскольников-обновленцев в адрес русского дореволюционного епископата и клира. И разве не большинство этих служителей Божиих, невзирая на все свои немощи, вынесли затем основной удар беспримерных гонений, обрушившихся на Церковь, поддержав в недрах народа нашего живой огонь православной веры?.. Но насколько нравственно с точки зрения Евангелия выступать группе епископов Русской Зарубежной Церкви в роли наших обвинителей?.. Напомним только, что во время фашистского режима в Германии Зарубежная Церковь в этой стране отнюдь не была «свободна» и «независима» от мирской власти. Русской Православной Церкви вменяется в вину участие в деятельности Всемирного Совета Церквей. Участие в деятельности ВЦС уже в течение нескольких десятилетий всех Поместных Православных Церквей дает им возможность свидетельствовать перед лицом остального христианского мира истинность хранимой веры как залога возможного будущего единства всех христиан. Никакой измены православию здесь нет, а есть свидетельство о его спасительной красоте перед лицом всего христианского мира»⁷⁰⁹.

* * *

В этом документе архиерейский Собор поднимает вопрос о статусе самой «Зарубежной Церкви с канонической точки зрения: архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей должен был бы прекратить свое существование в соответствии с указом святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, Священного Синода и Высшего церковного совета Русской Православной Церкви от 23 апреля (5 мая) 1922 г., которым за самочиние, выразившееся в политических заявлениях от имени всей полноты Русской Церкви, упразднилось Высшее церковное управление за границей, от коего имеет преемство нынешний зарубежный Синод. Свое осуждение чуждой природе Церкви деятельности этого Синода святой Тихон высказал также в своем предсмертном «Воззвании» от 25 марта (7 апреля) 1925 г., угрожая его участникам в случае упорства судом Собора»⁷¹⁰. Воззвание заканчивается призывом, адресованным всем верным чадам Русской Православной Церкви, внутри страны и за рубежом, «искать мира и любви между собой».

Важнейшим результатом архиерейского Собора явилось решение о предоставлении Украинской Православной Церкви независимости и самостоятельности в ее управлении при

сохранении юрисдикционной связи с Московской Патриархией, о чем записано в соответствующем определении Собора и в грамоте, адресованной епископату Украинской Православной Церкви. В заключение ее особо подчеркнуто, что Русская Православная Церковь уповаet на то, что Украинская Православная Церковь не изменит «у себя ничего, что касается догматов веры и святых канонов».

По окончании архиерейского Собора Святейший Патриарх Алексий II выехал в Киев, чтобы торжественно вручить митрополиту Киевскому грамоту о даровании Украинской Церкви независимости и самостоятельности в управлении. Пребывание в Киеве предстоятеля Русской Церкви, которого решительное большинство православных на Украине встречало с искренней радостью как своего духовного отца, омрачено было действиями сепаратистов-руховцев, униатов и автокефалистов. Из Галиции в Киев направлены были сотни автобусов с боевиками. Националисты-галичане избивали участников крестных ходов – священнослужителей и мирян, которые двигались по улицам древней столицы Руси к Софийскому собору, в котором первосвятителем совершена была Божественная литургия.

Ранее, в июне 1990 г., автокефалистами в Киеве был проведен первый «собор» УАПЦ (Украинской Автокефальной Православной Церкви), который избрал лишеного епископского сана В. Боднарчука, именовавшего себя архиепископом Аьвовским и Галицким Иоанном, «патриаршим местоблюстителем», а проживавшего в Соединенных Штатах Мстислава (Скрыпника), переступившего через порог 90-летия, провозгласил «патриархом всея Украины».

В ноябре 1990 г. древний Софийский собор пережил событие, подобное тому, которое совершено было в нем в 1921 г., при зарождении самосвят-ства, — «патриаршую интронизацию» Мстислава Скрыпника, приехавшего впервые после войны на родину. После этого своим местоблюстителем Мстислав назначил не Боднарчука, а именовавшего себя епископом Ровенским Антония (Масендича), чем, разумеется, сделал Боднарчука своим врагом. Относительные успехи автокефалисты имели только в Галиции, где в обстановке антирусского психоза даже некоторые ревнители православия в борьбе против униатской экспансии находили более удобным и действенным держаться за знамя автокефалии.

22 и 23 ноября 1990 г. в Киеве заседал I Поместный Собор Украинской Православной Церкви, в котором участвовали епископы, а также представители клириков и мирян епархий, духовных школ и монастырей. На Поместном Соборе был принят одобренный предварительно на архиерейском Соборе устав Украинской Православной Церкви. При обсуждении возникла дискуссия в связи с вопросом об участии представителей Украинской Церкви в Поместных Соборах кириархальной Церкви. И большинство высказалось за то, чтобы епископы, клирики и миряне участвовали в этих Соборах. Собор осудил деструктивные действия униатов и автокефалистов на Западе Украины, подчеркнув, что движут раскольниками не церковные, а политические мотивы. Главой Украинской Церкви был избран занимавший Киевскую кафедру митрополит Филарет.

Кризисные явления в жизни Советского государства нарастали как снежный ком, утрата коммунистической партией контроля над страной стала вопросом времени, за этим неизбежно должен был последовать развал союзного государства, поскольку, кроме КПСС, в нем не было других общесоюзных политических сил, хотя большинство народа, отвергая коммунистическую идеологию, стремилось сохранить единое государство.

В этой обстановке Церковь не могла, как в годы советского режима, воздерживаться от суждений о путях развития страны, такое молчание не встретило бы понимания в обществе. 5 ноября 1990 г., впервые после послания святителя Тихона 1918 г. по поводу годовщины Октября, Святейший Патриарх в обращении к согражданам дает содержательную оценку этому роковому событию: «Семьдесят три года назад произошло событие, определившее путь России в

двадцатом столетии. Этот путь оказался скорбен и тяжок. И сегодня еще мы не можем сказать, что прошли его до конца... Свершившегося не изменить и не вернуть. Но, развертывая летопись прошлого, можно яснее почувствовать ту Волю, которая и сейчас пролагает себе путь через переплетение тысяч случайностей и дел... Поймем ли мы, что 1917 г.— не лишняя страница в истории России? Не лишняя, не пустая, не бессмысленная. Да, страница горька. Но ведь, по слову Писания, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда ([Иов. 5.6](#)). Болезни, из которых выросло то горе и которые подвели Россию к той грани, нам еще долго придется осмыслять. Еще дольше многие из них нам придется изживать... И пусть все минувшие годы один за другим встанут в нашей совести и будут нас умолять не платить человеческими судьбами за эксперименты и принципы политиков»⁷¹¹.

Выступления Святейшего Патриарха Алексия II по актуальным проблемам политической и общественной жизни вызвали особое доверие к нему со стороны председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина, который находился тогда в острой конфронтации с союзным руководством, особенно с консервативной его частью, и российские власти сделали шаги навстречу Церкви, на которые не способно было союзное правительство: по просьбе Святейшего Патриарха Рождество Христово было объявлено выходным днем, и в 1991 г. впервые после 20-х гг. в этот праздник граждане России не принуждались к работе.

В связи с трагическими событиями в Вильнюсе в январе 1991 г. Святейший Патриарх поместил в газете «Известия» свое первосвятительское слово, в котором осудил пролитие крови: «С глубокой скорбью узнал о случившемся в Литве. Прежде всего я молюсь о том, чтобы Господь принял к Себе с миром души погибших и чтобы их близкие и родные получили от Всемилостивого Спаса скорейшее исцеление своих душевных ран и то утешение, которое дает христианам понять, что у Господа нет деления на живых и усопших: для Него и в Нем все живы... Ошибки, что привели к сегодняшней скорби, были с обеих сторон. Литовцы, думаю, сами смогут найти свои промахи и трезво оценить, где и в чем они поддались духу утопизма и националистической мечтательности и где в отстаивании своих законных прав они перешли ту грань, за которой следует ущемление не менее законных прав других людей... Использование военной силы в Литве является большой политической ошибкой. На церковном языке – грехом... Я от всего сердца прошу литовцев не держать в душах зла и по-христиански простить боль, причиненную им. Я прошу русских, живущих в Литве, не считать эти печальные дни «днями победы». Я прошу их помнить (и думаю, что большинство из них это понимает), что в Литве им и дальше нужно будет жить с литовцами, и потому в конечном счете все равно лишь взаимоуважением и терпимостью, нормальными переговорами и признанием обоюдных прав и обязательств можно восстановить общественный мир. Солдатам, которые сейчас находятся в городах Литвы, я хочу напомнить слова, которые Иоанн Креститель сказал воинам, пришедшим к нему за советом: никого не обижайте ([Лк. 3. 14](#)). Прошу вас помнить, что вы находитесь не в чужой завоеванной стране, а в пределах вашего же отечества... И всем моим согражданам хочу напомнить мысль преподобного Серафима Саровского о том, что путь ко спасению тысяч окружающих людей лежит через стяжание мирного духа внутри каждого из нас»⁷¹².

Полгода спустя, когда политическая борьба поставила страну на грань гражданской войны, Святейший Патриарх недвусмысленно заявил, что его паства не может быть вмещена в рамки ни одной из партий и даже блока. «Церковь обращена к той глубине жизни человека, которая не имеет соприкосновения с политикой,— говорил Патриарх Алексий II, отвечая на вопросы корреспондента «Известий» в мае 1991 г.— И потому мой прямой пастырский долг – препятствовать политизации жизни Церкви и конечно же никого своими действиями не отталкивать от Христа... У нас иное назначение – указывать людям дорогу к Вечности»⁷¹³.

30 мая 1991 г. министр юстиции РСФСР Н.Ф. Федоров вручил Святейшему Патриарху

свидетельство о регистрации Гражданского устава Русской Православной Церкви, одобренного Священным Синодом 30 января 1991 г. Министр напомнил присутствующим о тех гонениях, которые претерпела Церковь при советском режиме, и о том, что она представляет собой «огромную ценность» для нашего народа и нуждается в «юридической защите». В ответном слове Святейший Патриарх отметил, что «за свою тысячелетнюю историю Русская Православная Церковь всегда старалась быть с народом, разделяя его радости и скорби... верующие считались людьми «второго сорта», подвергались гонениям и репрессиям. Сегодня справедливость торжествует. Мы видим перед собой огромные задачи в непосредственном участии в процессе возрождения духовно-нравственной жизни нашего народа. Церковь готова поделиться со всем обществом теми ценностями, которые она, несмотря на все трудности, сохранила в своих недрах»⁷¹⁴.

12 июня в РСФСР состоялись первые выборы президента. На церемонию принятия присяги был приглашен Святейший Патриарх Алексей II, который обратился к новоизбранному президенту Б. Н. Ельцину со словами поздравления, напутствия и благословения:

«Мой долг Патриарха сказать Вам слова о том, какую ношу Вы принимаете на себя. Вы приняли ответственность за страну, которая тяжело больна. Семь десятилетий разрушения ее духовного строя и внутреннего единства сопровождалось укреплением внешних тяжких обручей принудительной государственности. Три поколения людей выросли в условиях, отбивавших у них желание и способность трудиться. Сначала людей отучали трудиться духом, отучали от молитвенного подвига. Затем – от труда мысли, от стремления к самостоятельному поиску истины. Наконец, желая или не желая этого, тот образ жизни, от которого сейчас старается уйти наше общество, на деле отучал людей от самого обычного труда, от прилежания, от инициативы... Что касается Церкви и ее будущего, то мы надеемся, что первый Президент России будет способствовать возвращению Церкви ее истинных святынь, храмов и обителей и будет предусмотрено участие России в их реставрации и восстановлении»⁷¹⁵.

Трагические события происходили в стране с 19 по 22 августа 1991 г. Группа государственных деятелей объявила об устранении Президента СССР М. С. Горбачева, находившегося на своей летней даче в Форосе, об образовании ГКЧП. Святейший Патриарх выразил свою озабоченность происходящим и осудил предпринятую авантюру, распорядившись, чтобы за Божественной литургией, которую он совершал 19 августа, в праздник Преображения Господня в Успенском соборе Кремля, вместо поминовения «властей и воинства» помянуть «народ страны нашей». Через вице-президента Российской Федерации Патриарх Алексей II передал слова поддержки Б. Н. Ельцину, который взял на себя задачу подавления мятежа, объявив ГКЧП вне закона. 20 августа утром Святейший Патриарх передал в Женеву свое Заявление в связи с происходящими событиями, которое затем было опубликовано в Москве. В нем говорилось, что остаются неясными обстоятельства отхода президента от верховной власти в стране, и это «смущает совесть миллионов наших сограждан... Мы обращаемся с призывом ко всем чадам Русской Православной Церкви, ко всему нашему народу, сугубо к воинству нашему, в этот критический для Отечества момент проявить выдержку и не допустить пролития братской крови»⁷¹⁶. Когда в ночь с 20 на 21 августа поступили первые известия о пролитии крови у Белого дома, первосвященник, чтобы предотвратить гражданскую войну, в особом обращении призвал вооруженных лиц воздерживаться от применения оружия под угрозой отлучения от Церкви. В результате поражения путчистов к власти в СССР вернулся М. С. Горбачев, но союзное правительство утратило контроль над страной.

«В дни, которые только что довелось пережить нам, кончился Промыслем Божиим период нашей истории, начатый в 1917 г.,— писал 23 августа в своем послании к архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви Святейший

Патриарх Алексий II.— Отныне уже не может вернуться время, когда одна идеология владела государством и пыталась навязать себя обществу, всем людям. Коммунистическая идеология, как мы убеждены, никогда более уже не будет государственной в России... Россия начинает труд и подвиг исцеления!.. К сожалению, и теперь те, кто в день Преображения провозгласил себя «спасителями» Союза, на деле сделали все возможное для его скорейшего распада. Дай Бог, чтобы вопреки им тот образ жизни, образ мысли и образ правления, которые установятся в Москве в ближайшем будущем, никого не отталкивали от совместной жизни в нашей возрожденной стране!»⁷¹⁷.

28 августа, после Божественной литургии в Успенском соборе Кремля, на праздничном приеме в патриаршей резиденции, председатель Московского горсовета Н. Н. Гончар, обращаясь к Святейшему Патриарху, сказал о благотворном влиянии Церкви и ее предстоятеля на исход только что пережитых драматических событий: «Никто не позволил бы себе бросить хотя бы слово упрека, если бы Вы, Ваше Святейшество, промолчали в тяжелые дни переворота. Но Вы поняли, что Церковь – вне политики, но не вне судеб народа, и то, что происходило в эти дни,— не конфликт между политиками, а попытка не дать народу определить свою судьбу. И именно поэтому Ваше слово было так нужно и оказало такое большое влияние. Я надеюсь, что и в дальнейшем в непростых ситуациях... Ваше мудрое слово поможет нам правильно определять свою судьбу. И тем, кто еще раз попытается пойти против своего народа, оно подскажет, что можно воевать с политиками, с правительством, но нельзя воевать с народом – это грех»⁷¹⁸.

Значительное большинство архипастырей и пастырей Русской Церкви в тревожные августовские дни были в единомыслии с первосвятителем и реагировали на происходящие события подобно ему. В Ленинграде митрополит Иоанн благословил священникам своей епархии выступить на митинге, организованном в поддержку президентов Горбачева и Ельцина.

Августовский путч сделал практически неизбежным распад союзного государства, и первым шагом к нему стал референдум на Украине, в котором большинство высказалось за суверенитет своей республики, вслед за этим Президент СССР признал независимость прибалтийских республик. Предвидя скорый распад Союза, Священный Синод Русской Православной Церкви 22 октября 1991 г. в своем заявлении напомнил чадам Церкви о том, что изменение государственных границ не должно повлечь за собой изменение состава поместной Церкви, а распад Союза не подразумевает автокефализации отдельных частей Русской Православной Церкви.

«Нынешние события,— говорится в этом заявлении,— в определенной мере напоминают нам то, что последовало за февралем 1917 г. Тогда распад Российской империи и образование на ее территории государств, объявивших о своей независимости, дали повод церковным нестроениям... И сейчас порой можно услышать голоса нецерковных людей, которые готовы видеть в самом факте существования Московского Патриархата некую «последнюю имперскую структуру» и всячески поощряют рост сепаратистских настроений с целью вызвать пагубный раскол в церковной среде... Согласно существующей в Православии канонической практике, внутри Патриархатов допускается внутренняя самостоятельность и самоуправление епархий и их объединений. Патриархат не сковывает самостоятельности входящих в него церковных образований, но служит обеспечению их единства и общения. Границы Патриархата необязательно должны совпадать с государственными границами... Патриархат – это не политическое, не национальное и даже не географическое понятие. Патриархат есть церковно-каноническая реальность, образованная для поддержки единства и соборности входящих в него церковных структур»⁷¹⁹.

Свои мысли о судьбе России Святейший Патриарх Алексий II выразил в речи, произнесенной в Исаакиевском соборе по случаю возвращения бывшей столице Российской

империи ее исторического имени Санкт-Петербург.

«Сегодня знаменательный день в жизни этого великого города. Ему возвращается его исконное историческое имя. Наш град имеет небесных покровителей в лице святого благоверного князя Александра Невского, святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского, святой блаженной Ксении Петербургской. А сегодня он обретает небесное предстательство святого апостола Петра!.. Мне вспоминаются слова исповедника и мученика начала 20-х гг. митрополита Петроградского Вениамина, который говорил, что самой большой печалью и скорбью является разделение и вражда. Но придет время – объединится Русь. Будем верить, что это пророческие слова»⁷²⁰.

Новая российская власть относилась к Церкви без неприязни и предубеждений, отказавшись от официального атеизма и коммунистической идеологии. Президент в своих речах и выступлениях (например, 5 декабря 1991 г. в связи с 60-летием со дня разрушения храма Христа Спасителя) неизменно подтверждал стремление российского руководства устранить последствия глубоко несправедливой политики многолетней коммунистической диктатуры по отношению к верующим и передать православные святыни, храмы, обители тем, кому они по праву должны принадлежать.

В связи с учреждением Содружества независимых государств и упразднением СССР Священный Синод Русской Церкви принял в конце 1991 г. заявление, в котором предостерегал государственных и политических деятелей об опасности разделения, взаимного отчуждения, создания искусственных барьеров между народами, связанными общей исторической судьбой, но главное, что выражено в заявлении, — это забота о сохранении духовного единства народов на всей канонической территории Московского Патриархата и после распада СССР. «Наша Церковь исторически связана с Киевской Русью, давшей жизнь белорусскому, русскому и украинскому народам, и потому историческая общность и братство славянских народов, крещенных в единой купели, не должно разрушиться. При государственной самостоятельности мы должны остаться духовно едиными, черпая в этом единстве силу для обновления жизни»⁷²¹.

В 1991 г. продолжалось начатое ранее возвращение Русской Церкви ее святынь, храмов и монастырей, причем возвращались не только рядовые приходские церкви и разрушенные монастыри, но и древние храмы, которые составляют величайшее достояние Православной Церкви, в том числе и Софийский собор в Новгороде.

В конце 1990 г. в одном из служебных помещений музея истории религии и атеизма, оккупировавшего Казанский собор Петербурга, были обнаружены святые мощи преподобного Серафима Саровского, которого почитает православная Русь как одного из своих самых великих заступников пред Богом.

«После получения информации из музея, — рассказывал Святейший Патриарх Алексей II, — я стал искать другие сведения, в первую очередь – акт о вскрытии мощей. Мощи не полностью нетленны. Митрополит Антоний (Вадковский) делал специальное разъяснение по их поводу в 1903 г. при прославлении. Акт был найден. И, сопоставив два акта – о канонизации в 1903 г. и о вскрытии в 1920 г., я направил в Петербург двух архипастырей, епископов Тамбовского и Мичуринского Евгения и Истринского Арсения, которые провели тщательное обследование мощей. В акте 1920 г. очень подробно были описаны некоторые детали: поврежденный позвоночник (он был поврежден грабителями, нападшими на преподобного), отсутствие одного ребра и целый ряд других признаков. Архипастыри, которые производили осмотр, свидетельствовали также о чувстве благодатное и о благоухании мощей, которые они обследовали. После сопоставления появилась уверенность, что это действительно мощи преподобного Серафима»⁷²².

11 января 1991 г. Святейший Патриарх прибыл в Петербург и после молебна в часовне

блаженной Ксении и в Иоанновском монастыре на Карповке отправился в Казанский собор. Рака с мощами преподобного Серафима была перенесена из Казанского в Троицкий собор Александре-Невской лавры, и мощи оставались там до 6 февраля, привлекая к себе многие тысячи православных петербуржцев. Из Санкт-Петербурга святые мощи в сопровождении первосвященника Русской Церкви, архипастырей и пастырей доставлены были в Москву и крестным ходом перенесены в кафедральный Богоявленский собор. Пять с половиной месяцев мощи преподобного Серафима находились в Москве, и каждый день выстраивалась перед патриаршим собором длинная очередь желающих приложиться к ним. С 23 по 30 июля 1991 г. святые мощи крестным ходом в сопровождении Святейшего Патриарха и сонма духовенства через Ногинск, Орехово-Зуево, Владимир, Нижний Новгород и Арзамас перенесены были в основанную преподобным Серафимом Саровским и любимую им Дивеевскую обитель, возрожденную незадолго до вторичного обретения мощей святого основателя этого монастыря. Многие тысячи людей приходили поклониться мощам святого на пути их следования. У врат Дивеевской обители 30 июля 1991 г. Святейший Патриарх сказал многозначительные слова: «Перевернута последняя страница дивеевской летописи, пришло время исполнения пророчеств: мощи преподобного Серафима отныне упокоятся по его слову в соборе во имя Рождества Пречистой Матери Божией Дивеевского монастыря»⁷²³.

28 февраля 1991 г. в Казанском соборе Петербурга, где располагался музей атеизма, были обретены мощи еще одного святого, прославленного, как и преподобный Серафим, в начале XX столетия,— святителя Иоасафа Белгородского. Из Петербурга через Москву и Курск нетленные мощи святителя Иоасафа были перенесены в Белгород. 4/17 сентября, в день его памяти, Патриарх Алексей II совершил Божественную литургию в белгородском Преображенском соборе, куда были перенесены нетленные мощи.

Церкви переданы были знаменитые обители русского Севера: Соловецкий и Валаамский монастыри, Донской, Новоспасский и другие монастыри Москвы. Богослужения начали совершаться и в кремлевских церквях в их храмовые праздники, в дни памяти святых, чьи мощи покоятся в них, и в иные знаменательные церковные дни. 16 августа в Новгороде Святейшим Патриархом Алексием II вновь было совершено освящение закрытого в 1929 г. Софийского собора. В Успенском соборе Московского Кремля, при сохранении в нем музейного режима, стали регулярно совершаться богослужения, и он вновь стал патриаршим собором Русской Православной Церкви. Но одна из величайших святынь Руси, Киевская София, не была возвращена украинскими властями Православной Церкви, оставаясь только музеем. В Киево-Печерской лавре лишь часть церквей и строений была передана воссозданной обители, но доступ к мощам сонма Киево-печерских угодников, покоящихся в Ближних и Дальних пещерах, был открыт паломникам. На октябрь 1991 г. в 93 епархиях Русской Церкви действовало более 12 000 приходов и 117 монастырей. Богослужения совершали в них около 10 000 священнослужителей и диаконов. Из-за острой нехватки духовенства, многие священнослужители совершали богослужения в нескольких храмах, и поэтому, конечно, не во всех приходах службы были регулярными.

Начало 90-х гг. явилось временем освобождения Русской Православной Церкви из тисков рухнувшего тоталитарного режима, расширения ее влияния на жизнь общества, укрепления доверия к ней со стороны всех слоев населения. Но церковную жизнь омрачало происходившее одновременно развитие такого кризисного явления, как расколы.

В феврале 1991 г. в Брюсселе архиепископ Женевский и Западноевропейский Антоний с группой других карловацких архиереев совершили незаконную «хиротонию во епископа Суздальского» Валентина (Русанцова), назначенного викарием «архиепископа Тамбовского и Мичуринского» карловацкой юрисдикции Лазаря (Журбенко). Хиротония эта не была признана

действительной священноначалием Русской Православной Церкви. В Московской Патриархии принято было постановление не признавать действительными те рукоположения Зарубежной Церкви, которые совершаются над клириками Московского Патриархата или для служения на его канонической территории. Валентин (Русанцов) стал не единственным, но самым энергичным из карловацких эмигрантов в России; благодаря своим прежним связям во властных структурах он, вопреки закону, сумел удержать за собой Царе-Константиновский приход в Суздале, у карловчан появилось несколько приходов в Тамбовской и Курской епархиях, в Москве, Крыму и Сибири. Приходы эти малочисленны, но смущение в сознание некоторых людей они все-таки вносят.

Но и после того как зарубежным Синодом предприняты были откровенно раскольнические агрессивные действия в самой России, Московская Патриархия не теряла надежды на успешный диалог с ним, целью которого должно стать возобновление евхаристического общения и возвращение карловчан в лоно Матери Церкви. 17 октября 1991 г. Святейший Патриарх Алексий II направил открытое письмо участникам конгресса соотечественников в Москве, в котором, в частности, писал:

«Внешние оковы агрессивного безбожия, долгие годы связывавшие нас, пали. Мы свободны, и это создает предпосылки для диалога, ибо именно свобода нашей Церкви от гнета тоталитаризма была тем условием встречи с зарубежными братьями и сестрами, о котором неоднократно говорило священноначалие Русской Зарубежной Церкви. Сегодня нужно преодолеть горечь, раздражение, личную неприязнь. Нужно отречься и от соблазна использовать мирские политические критерии оценки друг друга. Да, между нами стоит много нерешенных вопросов. Да, мы не согласны с рядом действий и заявлений иерархов Русской Зарубежной Церкви. Но мы не перестанем считать ее частью Русской Православной Церкви и полны желания разрешить все недоумения, препятствующие нам молиться в одном алтаре, у одного престола. Со всей искренностью говорю: мы готовы к диалогу. Целью диалога, на мой взгляд, должно стать восстановление литургического общения».

Между тем, раскольнические, захватнические действия карловчан в России продолжались. В Москве Борис Козушин, «постриженный» и «рукоположенный» в сан иеромонаха Валентином Русанцовым, предпринимает при поддержке Карловацкого синода и средств массовой информации попытку захватить храм святителя Николая в Пыжах, настоятелем которого был назначен протоиерей Александр Шаргунов, один из тех клириков Московского Патриархата, кто ранее всячески выражал свое сочувствие зарубежному Синоду. Действия карловчан побудили группу единомысленных с отцом Александром священников сообщить в марте 1992 г. митрополиту Виталию о «неприглядных делах», которые совершаются его именем в России.

В январе 1993 г. в «Свободную церковь», как называла себя часть Русской Зарубежной Церкви, находившаяся не в диаспоре, а в метрополии, возглавляемую Валентином Русанцовым, перешел архимандрит Адриан (Старина), который вышел из повиновения священноначалию и отказался оставить свой приход в Ногинске, откуда он был переведен в Ульяновск. При поддержке местных властей он удержал в своем распоряжении храм, принадлежащий все-таки не лично ему, а Русской Православной Церкви. Узнав об образе действий и личных качествах Адриана, Зарубежный Синод запретил его в служении «на основании весьма тягостных нравственных проступков».

Заодно Карловацкий Синод запретил в служении и самого Валентина Русанцова, титуловавшегося «епископом Суздальским». Пренебрегая прещениями со стороны Зарубежного Синода, Валентин стал считать себя главой автокефальной русской православной Церкви и как таковой получил регистрацию.

Несравненно более серьезную угрозу для Церкви несли с собой события, которые происходили на Украине. В результате униатской агрессии в Галиции в конце 1991 г. появилось 597 приходов Украинской католической Церкви, раскольническая УАПЦ захватила 351 приход на Западе Украины. После провала августовского путча митрополит Филарет из непримиримого противника украинской церковной автокефалии становится ее ревнителем, тем более, что исход выборов Патриарха на Поместном Соборе 1990 г. он счел своим провалом. Немаловажное значение имели и публикации в периодических изданиях Киева и Москвы статей о его личной жизни; авторы утверждали, что митрополит Филарет имеет жену и детей, обкрадывает Церковь и связан с КГБ. Священнослужители Украинской Церкви обвиняли его в том, что он ответственен за успех униатов в Галиции и за раскол, учиненный бывшим епископом Житомирским, ушедшим в автокефалию во многом, надо полагать, из-за личной неприязни к митрополиту Филарету. Сыграло свою роль и стремление угодить властям Украины и прежде всего бывшему секретарю-ЦК Компартии по идеологии, а в ту пору президенту Кравчуку, провозгласившему лозунг: «Независимому государству – независимую Церковь».

Под давлением митрополита Филарета в начале ноября 1991 г. Собор Украинской Православной Церкви вынес постановление обратиться к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и епископату Русской Православной Церкви с просьбой даровать Украинской Православной Церкви полную каноническую самостоятельность, то есть автокефалию, поскольку провозгласить автокефалию может только высший орган Поместной Церкви в лице Собора епископов». Собор считает, что это «будет способствовать укреплению единства православия на Украине, содействовать ликвидации возникшего автокефального раскола, противостоять униатской и католической экспансии, служить примирению и установлению согласия между враждующими ныне вероисповеданиями, сплочению всех национальностей, проживающих на Украине... Собор свидетельствует, что Украинская Православная Церковь имеет в настоящее время все необходимые условия для своего полного самостоятельного бытия: 22 епархии, 23 епископа, 35 млн. православных христиан, три духовные семинарии и три духовных училища (в 1992 г. открывается Киевская Духовная Академия), 32 монастыря, в том числе две лавры – Киево-Печерская и Почаевская, а также около 5,5 тыс. приходов... Учитывая тысячелетнюю историю Киевской митрополии, прямой правопреемницей которой является Украинская Православная Церковь, имеющая 35-миллионную паству, Собор просит Русскую Православную Церковь после дарования полной самостоятельности Украинской Православной Церкви способствовать учреждению Киевского Патриархата Восточными Патриархами и главами других Поместных Церквей».

На заседании Священного Синода, состоявшемся 25—27 декабря 1991 г. под председательством Святейшего Патриарха и с участием митрополита Филарета, решено было разослать обращение и определение Украинского Собора всем архиереям Русской Православной Церкви для тщательного изучения вопроса столь исключительной важности, с тем чтобы впоследствии он стал предметом обсуждения на архиерейском Соборе. Решение Собора Украинской Церкви встревожило значительную часть священнослужителей и мирян на Украине; и в Московскую Патриархию из разных епархий стали поступать телеграммы с просьбой оставить их приходы в Московской юрисдикции. Более 60 приходов Винницкой епархии прислали даже протоколы своих собраний с подписями от сотни до нескольких тысяч человек под каждым протоколом. В то же время митрополит Филарет предпринимал энергичные усилия к тому, чтобы ускорить процесс автокефализации, разослал по епархиям циркуляр о проведении собраний духовенства в поддержку решения Собора УАПЦ о предоставлении ей независимости: «Списки духовенства и личные подписи необходимо

привезти в канцелярию», — говорилось в циркуляре⁷²⁴.

22 января 1992 г. в Киеве состоялось епископское совещание Украинской Церкви. На совещании принято было новое обращение к Святейшему Патриарху Алексию II, в Священный Синод и ко всем архиереям Русской Православной Церкви, в котором содержался упрек в том, что священноначалие Русской Церкви умышленно затягивает положительное решение вопроса об автокефалии, что «определенные силы, в том числе и из Москвы, сеют смуту среди монашествующих, духовенства и мирян в отдельных областях, и тем самым фактически работают против православия на Украине... Некоторые московские средства массовой информации развернули клеветническую кампанию против предстоятеля Украинской Православной Церкви, пытаясь путем грязной клеветы смущать умы и сердца несведущих людей». Однако вскоре три архиерея Украинской Церкви епископы Черновицкий Онуфрий (Березовский), Тернопольский Сергей (Генсицкий) и Донецкий Алипий (По-гребняк) дезавуировали свои подписи под обращением. На следующий день, 23 февраля, решением Синода Украинской Церкви они были смещены со своих кафедр и направлены в другие епархии. Решение Синода вызвало возмущение в пастве, находившейся в окормлении этих архиереев, и паства не выпустила их из своих епархий. Тогда епископы Онуфрий и Сергей направили личные послания Святейшему Патриарху, в которых заявляли об отказе от своих подписей под определением Собора Украинской Церкви, который состоялся в Киеве 1—3 ноября, и от своих подписей под обращением епископата Украинской Церкви от лица Собора. За отказ братии Киево-Печерской лавры поставить подписи в поддержку решения Собора Украинской Православной Церкви о даровании ей автокефалии с должности наместника был смещен архимандрит Елевферий (Диденко).

Между тем поток писем и телеграмм, направленных в Московскую Патриархию от приходов, монастырей, духовных школ, отдельных священнослужителей и мирян с просьбой предотвратить разделение Русской Церкви и сохранить существующий статус Украинской Церкви, нарастал. Встревоженный ситуацией, Святейший Патриарх Алексий II направил митрополиту Филарету телеграмму, предлагая в связи с опасным развитием церковных событий в некоторых областях Украины до заседания Священного Синода (18 19 февраля) «воздержаться от любых канонических прещений». 17 февраля от митрополита Филарета в адрес Святейшего Патриарха поступило две телеграммы; в первой он просил «не принимать» в Синоде «никаких постановлений, касающихся внутренней жизни Украинской Православной Церкви», а во второй заявил о том, что не приедет на заседание Синода по причине болезни. Это было явное игнорирование действий священноначалия кириар-хальной Церкви, направленных на разрешение тяжелого кризиса. Перед заседанием Священного Синода Святейший Патриарх Алексий II получил также «открытое письмо» Совета по делам религий при Кабинете министров Украины, в котором Совет настаивал на предоставлении Украинской Православной Церкви автокефалии.

Священный Синод Русской Православной Церкви, состоявшийся 18 и 19 февраля 1992 г., принял обращение к митрополиту Киевскому Филарету и епископату Украинской Церкви с требованием «незамедлительно пересмотреть решение Украинского Синода от 23 января, чтобы внести мир в сердца братьев архиереев и в их скорбящую паству, взывающую ныне о справедливости в Церкви. Это позволит сохранить мир церковный и единство Украинской Православной Церкви. Обращаясь к тем многочисленным клирикам, монашествующим и мирянам, которые направили в адрес Патриарха и Священного Синода просьбы остаться в лоне Московского Патриархата, мы хотим сказать: веруем и исповедуем, что Господь по молитвам сонма праведников, просиявших на Святой Руси, колыбели белорусского, русского и украинского народов, проведет корабль церковный через все опасности бушующего житейского

моря... Нам же всем подобает сохранять верность Господу и жить по правилам церковным, дабы вольно или невольно не соделаться соучастниками греха... Если же, сохрани Бог, этот единственно правильный и канонически законный принцип будет нарушен, то каждый, кто останется верным православию, получит наше каноническое пастырское окормление и не будет брошен на произвол сил зла»⁷²⁵.

* * *

31 марта 1992 г. в Даниловском монастыре открылся архиерейский Собор Русской Православной Церкви, заседания которого продолжались до 5 апреля. В его деяниях участвовали 97 архиереев, с правом решающего голоса – 88. Во вступительном слове председатель Собора Святейший Патриарх сделал обзор программы Собора, составленный Синодом на предсоборном заседании: канонизация новомучеников российских и святых родителей преподобного Сергия Радонежского; вопрос о статусе Украинской Церкви и о ситуации в церковной жизни на Украине, взаимоотношения Церкви и общества. Касаясь острых проблем современной церковной жизни, Святейший Патриарх, в частности, сказал:

«Мы встречаемся с явлениями, создаваемыми в большой степени извне и ставящими, как можно полагать, своей целью отторжение от Церкви народа Божия, создание к ней неприязни и даже озлобления в обществе, стремления к ее ослаблению и расколу. Некоторые средства массовой информации, ряд журналистов, общественных деятелей и даже священнослужителей участвуют в этой неблагоприятной кампании. Происходит беззастенчивая клевета на Церковь, очерняются представители епископата и клира; нашей «погрязшей в грехах» Церкви противопоставляются в качестве духовного эталона Русская Зарубежная Церковь и так называемая катакомбная Церковь. Происходит недостойное обыгрывание имущественного вопроса. Справедливое стремление Русской Православной Церкви к возвращению отобранных у нас в послереволюционный период храмов и другого недвижимого имущества с тем, чтобы они могли вновь служить по своему прямому назначению, объявляется «неоправданной претензией», и наша Церковь называется «феодалом», стремящимся к обогащению! Искусственно углубляется конфликт, создаваемый между некоторыми музеями и Церковью. Речь идет о тех музеях, которые до сих пор обладают храмами и монастырями, имеющими в истории Церкви и ее спасительной миссии особое духовное значение и всячески тормозящими их возвращение Церкви, несмотря на наши постоянные предложения о последующем сотрудничестве с музеями по сохранению и использованию этих выдающихся архитектурных сооружений. В целях восстановления против нашей Церкви неправославных конфессий пущен в ход вымысел о нашей «нетерпимости» к ним и стремлении «выжить» их с нашей канонической территории. Говоря о нападках на нашу Святую Церковь и ее служителей, мы должны быть самокритичны, давая себе полный отчет в том, достаточно ли жертвенно наше служение, насколько свято и честно выполняем мы свой долг перед Богом, Его Святой Церковью и своей совестью. Каждый из нас является пастырем Святой Церкви. Идем ли мы к пастве или ждем, что она придет к нам? Какой пример мы даем пастве своей жизнью, своей ревностью о славе Божией и спасении ближних?»⁷²⁶.

31 марта Собор заслушал доклад председателя синодальной комиссии по канонизации святых митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, в котором представлены были одобренные Священным Синодом выводы комиссии, тщательно исследовавшей жития преподобного схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, а также новомучеников митрополита Киевского Владимира, митрополита Петроградского Вениамина и казненных вместе с ним по приговору трибунала священномученика Сергия и мучеников Юрия и Иоанна, великой княгини Елизаветы и инокини Варвары, убитых в Алапаев-ске, а также проекты деяний об их канонизации и их жизнеописания. Архиерейский Собор по докладу митрополита Ювеналия

принял два отдельных деяния: «О канонизации преподобных схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, родителей преподобного Сергия, игумена Радонежского, Чудотворца» и «О канонизации митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского, 1848—1918), митрополита Петербургского и Гдовского Вениамина (Казанского; 1873—1922) и иже с ним убиенных схимонаха Сергия (Шейна; 1866—1922), Юрия Новицкого (1882—1922) и Иоанна Ковшарова (1878—1922), великой княгини Елизаветы (1864—1918) и инокини Варвары (1918)»⁷²⁷.

В деянии о канонизации новомучеников было ясно сказано, что это только начало церковного прославления новомучеников и исповедников, пострадавших в годы революционной смуты и послереволюционного террора; устанавливалось также «празднование Собора новомучеников и исповедников Российских 25 января (по старому стилю, в случае совпадения сего числа с воскресным днем) или в ближайший воскресный день после оногo». В Собор новомучеников и исповедников включалось и ставилось во главе его имя ранее канонизированного Патриарха Тихона. Предусматривалось, что в процессе канонизации в Собор будут включаться и другие новомученики и исповедники. Исключительно важными были два последних положения из деяния освященного Собора: «Поручить синодальной комиссии по канонизации святых при изучении подвига новомучеников Российских начать исследования материалов, связанных с мученической кончиной царской семьи. Образовать во всех епархиях Русской Православной Церкви комиссии по канонизации святых для сбора и изучения материалов к канонизации подвижников веры и благочестия, особенно мучеников и исповедников XX столетия в пределах каждой епархии»⁷²⁸.

Чин прославления новопрославленных родителей преподобного Сергия и новомучеников Российских совершен был Святейшим Патриархом Алексием II в Успенском патриаршем соборе Кремля 4 апреля 1992 г.

С 1 по 4 апреля архиерейский Собор обсудил ходатайство украинских архиереев о предоставлении Украинской Церкви автокефального статуса. В своем докладе на Соборе митрополит Филарет обосновывал необходимость предоставления Украинской Церкви автокефалии политическими событиями: распадом СССР и образованием независимого украинского государства, а далее он повторил в качестве доводов все пункты постановления, принятого на ноябрьском Соборе Украинской Православной Церкви. «Полная самостоятельность Украинской Православной Церкви,— подводил итог всему сказанному митрополит Филарет,— отвечает чаяниям православного духовенства и православных верующих. Поэтому каноническая автокефалия Украинской Православной Церкви в независимом украинском государстве является оправданной и исторически неизбежной. Мы должны сохранить церковное единство и братское отношение между Русской Православной Церковью и Украинской Православной Церковью и сделать все возможное, чтобы не допустить конфронтации».

После доклада митрополита Филарета началась дискуссия, в которой участвовало большинство архиереев. На обсуждение вопроса о статусе Украинской Церкви не могли не повлиять многочисленные делегации верующих из разных епархий Украины, протестовавших против автокефалии; на территории Свято-Данилова монастыря стояли пикеты с плакатами: «Призываем участников Собора отстаивать единство Церкви», «Автокефалия – путь к униии», «Украине нужно чистое Православие», «Владыко Филарет! Ради блага Церкви уйдите, наконец, за штат!» и даже «Отступнику Филарету – анафема».

Архиепископ Виленский Хризостом, выступив первым, поддержал принципиальную необходимость предоставления Украинской Церкви автокефалии, но считал нецелесообразным делать это в настоящий момент потому, что своими необдуманными действиями митрополит

Филарет внес разлад в церковную жизнь Украины. Митрополит Филарет, 25 лет возглавлявший Украинский экзархат, получив в последние годы большую самостоятельность, по словам архиепископа Хризостома, не предусмотрел возможности автокефального раскола и возрождения униатства, «и сегодня дарование автокефалии не приведет к единству, а будет лишь поражением православия и расколом. И вам, украинским архиереям, и нам со всей ответственностью надо об этом подумать». Значительное большинство архиереев, выступая на Соборе, говорили о несвоевременности автокефализации Украинской Церкви, главным образом, из-за того, что при полной самостоятельности Православная Церковь на Украине окажется один на один перед лицом униатской агрессии, а раскольники все равно не прекратят своей разрушительной деятельности. Некоторые из выступавших напоминали, что все прошлые попытки автокефализации Украинской Церкви приносили Церкви беду. Против предоставления украинской Церкви автокефального статуса высказывались и правящие архиереи украинских епархий: Кировоградский епископ Василий (Васильцев), митрополит Агафангел (Саввин), епископы Онуфрий (Березовский), Сергей (Ген-сицкий) и др. Архиепископ Винницкий Феодосии (Дикун) сказал: «Я в свое время тоже был защитником автокефалии Церкви, о чем неоднократно говорил и в митрополии, и в Патриархии. Но когда я пришел на Винничину, то увидел, что здесь даже не желают слышать об автокефалии и примерно 90 процентов священников и мирян выступят против нее. Недавно кто-то пустил слух, что я уже подписал автокефалию, поэтому люди не хотели меня пускать в собор. И теперь, если я подпишу здесь определение о даровании автокефалии, мне в Винницу нельзя будет ехать»⁷²⁹.

Но некоторые из архиереев Украинской Церкви – епископы Волынский Варфоломей (Ващук) и Львовский Андрей (Горак), архиепископы Ровенский Ириней (Середний) и Одесский Лазарь (Швец) – обосновывали необходимость предоставления Украинской Церкви автокефального статуса надеждой на то, что в этом случае раскольники вернутся в лоно канонической Церкви. «Может быть, действительно этим можно спасти положение на Украине, — сказал архиепископ Одесский Лазарь.— Я был около двух лет правящим архиереем в Тернопольской епархии, знаю и помню этот кромешный ад... Стоит только произнести одно русское слово, так тебя сразу побьют. У меня сохранились фотографии, которые говорят о том, с какой злостью относились там к православным архиереям, а обо мне говорили: «Лазарь – враг украинского народа», «гнать Лазаря с Украины»⁷³⁰.

Поворотным моментом в полемике явилось предложение епископа Магаданского Аркадия (Афонины) рассмотреть вопрос о смене главы Украинской Церкви, «так как владыка Филарет не соответствует требованиям, предъявляемым к личности, способной объединить вокруг себя всех православных клириков и мирян на Украине». Предложение епископа Магаданского было поддержано митрополитом Винницким Агафангелом, епископом Уральским Антонием (Москаленко) и некоторыми другими архиереями. В связи с замечанием митрополита Филарета, что он подчиняется только Собору украинских епископов, архиепископ Солнечногорский Сергей (Фомин) вполне резонно возразил: «Украинская Православная Церковь пока не автокефальная, у нее нет своих закрытых внутренних вопросов, которые не были бы доступны компетенции архиерейского Собора Русской Православной Церкви». Подводя итог состоявшейся дискуссии, председатель архиерейского Собора Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II сказал:

«Нас уверяют, что предоставление автокефалии Украинской Православной Церкви решит все вопросы, как ранее нас уверяли в необходимости независимости в управлении и даровании митрополиту Филарету титула Блаженнейшего. Но титул Блаженнейшего не спас положения, предоставление независимости и «незалежности» тоже не дало результата. Не вернулись ушедшие в неканоническую автокефалию приходы, раскол укрепился. Возьмем ли мы на себя

ответственность за разделение, есть ли у нас уверенность в том, что это принесет благо святой Церкви?.. Для того чтобы говорить об автокефалии, нужна спокойная обстановка. Но в наше время – время разрушения экономических, национальных, человеческих связей, разделения и противостояния, от которых так устал народ, желание сохранить единство Церкви является гласом Божиим. Все мы в ответе за то, что происходит на Украине, но с предстоятеля Украинской Церкви спрос особый. Мы просим владыку Филарета ради блага православия на Украине, ради нашего единства, во имя спасения Церкви на Украине уйти со своего поста и предоставить епископам Украины возможность выбрать нового предстоятеля»⁷³¹.

После выступления Святейшего на уходе митрополита Филарета со своего поста настаивали митрополиты Крутицкий Ювеналий, Псковский Владимир (Котляров), Оренбургский Леонтий (Бондарь), архиепископ Смоленский Кирилл (Гундяев).

Митрополит Филарет выступил тогда с заявлением, которое не могло быть понято иначе как изъявление готовности оставить пост главы Украинской Церкви и подчиниться воле архиерейского Собора, голосу большинства священнослужителей и мирян Украины:

«Я чувствую, что нужен пророк Иона, и я готов им быть. Но я прошу, чтобы этого Иону бросили так, чтобы на Украине не взбунтовалось море, поэтому прошу предоставить возможность украинскому епископату провести выборы нового предстоятеля Украинской Православной Церкви в Киеве. Я даю архипастырское слово, что такой Собор будет проведен, что никакого давления оказываться не будет. Патриарх Алексей своим указом утвердит нового предстоятеля. Украинская Православная Церковь должна полностью осуществить свои права, данные ей архиерейским Собором 1990 г. Также я прошу дать мне возможность продолжать служение у престола Божия и не отправлять меня на покой». Поблагодарив митрополита Филарета за его готовность сложить с себя обязанности предстоятеля Украинской Церкви, Святейший Патриарх выразил надежду, что он сможет продолжить архипастырское служение на одной из кафедр Украины. По итогам состоявшейся дискуссии о статусе Украинской Церкви архиерейский Собор принял определение, которое гласит: «Архиерейский Собор принял к сведению заявление преосвященного Филарета, митрополита Киевского и всея Украины, о том, что во имя мира церковного он подаст прошение на предстоящем архиерейском Соборе Украинской Православной Церкви об освобождении его от обязанностей предстоятеля Украинской Православной Церкви. Архиерейский Собор с пониманием отнесся к позиции преосвященного митрополита Филарета, выразив ему признательность за многолетние архипастырские труды на Киевской кафедре, благословил нести епископское служение на другой кафедре Украинской Православной Церкви»⁷³².

Несколько епископов с Украины подошли к Патриарху и предупредили, что словам митрополита Филарета верить нельзя, что он обманет. Патриарх во время заседания сказал об этом митрополиту Филарету, на что были получены заверения и дано архиерейское слово исполнить обещанное. Патриарх высказал пожелание, чтобы митрополит Филарет еще раз сказал об этом Собору. Митрополит Филарет вторично заверил членов Собора, сказав: «Мы же христиане и если мы говорим да, то да...» Ни на трапезе при закрытии Собора, ни 5 апреля, при совершении совместной Божественной литургии в соборе Донского монастыря и последовавшей за службой общей трапезе, митрополит Филарет ни единым словом не высказал своего недовольства решением Собора.

Архиерейский Собор обратился с посланием «к пастырям и пастве православной Украины»:

«Свободная и всеобъемлющая дискуссия, развернувшаяся на Соборе, показала, что большинство духовенства и верующих во многих украинских епархиях не приемлет идеи автокефалии, в то время как в западных областях Украины она большинством поддерживается.

Мы понимаем настроения и тех и других, искренне желая, чтобы полнота церковная вынесла на сей счет свое решение на очередном Поместном Соборе Русской Православной Церкви. Едиными устами и единым сердцем говорим: пусть воля православного народа Украины в отношении полной канонической независимости будет выражена через мирное, взвешенное, компетентное и по-христиански благочестивое обсуждение этого вопроса, без насилия, экстремизма и политического давления. Законный канонический порядок предоставления автокефалии предполагает принятие соответствующего решения на Поместном Соборе в согласии со всеми Поместными Православными Церквами. Слово наше также к тем, кто называет себя сегодня Украинской Автокефальной Православной Церковью... Давайте подумаем вместе, как начать диалог для уврачевания духовного разделения, из-за которого скорбят и наши и ваши сердца, и восстановить разрушенное единство»⁷³³.

На двух последних заседаниях Собора обсуждались проблемы, связанные с публикациями в средствах массовой информации подлинных или сфальсифицированных отрывков из агентурных документов спецслужб. Публикаторы, комментируя эти фрагменты, утверждали, будто печатаемые ими документы свидетельствуют о том, что некоторые священнослужители, в том числе и архиереи, сотрудничали с органами госбезопасности. Поскольку эти отрывки из отчетов спецслужб лишены были доказательной силы, они не могли послужить материалом для возбуждения церковно-судебных дел, а значит, цель их была – подорвать авторитет епископата и духовенства в церковном народе и самой Церкви в глазах всего общества. Для проведения объективного изучения проблемы архиерейский Собор образовал особую комиссию во главе с епископом Костромским Александром, в состав которой вошли епископы, рукоположенные в последние годы.

Архиерейский Собор издал обращение, в котором изложил позицию Русской Церкви по вопросам, волновавшим общество в период радикальных перемен в стране:

«Нас печалит, что становление национальной государственности осложняется внутривнутриполитическими и межнациональными конфликтами, приводящими порой к пролитию крови. Мы оплакиваем погибших в этих столкновениях и молимся об их блаженном упокоении. Другое наше слово к «власть предержащим» – о людях, которые с тревогой думают сегодня о хлебе насущном. Сироты и инвалиды, пожилые люди и многодетные семьи, безработные и те, кто покинул обжитые места не по своей воле, должны быть окружены заботой... Мы твердо стоим за право каждой личности на религиозное самоопределение, за равенство всех религий перед законом и не стремимся ограничить чей-либо вероисповедный выбор. Однако мы озабочены тем, что духовный вакуум, образовавшийся вследствие многолетнего господства материализма, привел к бездумному увлечению оккультными учениями, толкающими человека на опасные эксперименты над собственной личностью... Нас беспокоит, что в Церкви подчас хотят видеть лишь политическую попутчицу, проводницу чьих-то планов и идей. Миссия Церкви – это служение Господу, спасение душ человеческих, проповедь Евангелия среди людей. Церковь не связывает себя ни с каким общественным или государственным строем, ни с какой политической силой... Мы обращаемся к общественным деятелям, работникам прессы, радио и телевидения, людям культуры и искусства, педагогам, ко всем, кому небезразличен нравственный облик народа. Наше общество с беспечной неосмотрительностью попирает нормы морали. Безнравственное поведение в экономике, политике, человеческих взаимоотношениях стало входить в привычку. Пропаганда эротизма и порнографии, эксплуатирующая инстинкты в коммерческих и идеологических целях, разрушает личность, семью и общество... В эти великопостные дни мы взываем к Богу с покаянием, просим прощения друг у друга и у пасомых наших. Простите, братья и сестры, что слабость человеческая подчас угасала в нас пламя жертвенного служения Господу. Духовно обновляясь,

Церковь неизменно пребывает с народом своим – не во внешней силе, не во власти, не в господстве, но в смиренном служении»⁷³⁴.

* * *

Согласие митрополита Филарета на уход с поста главы Украинской Церкви обещало благоприятное разрешение церковного кризиса, но события в Киеве стали разворачиваться в ином направлении; митрополит Киевский обманул собратьев-архипастырей и свою паству. Вернувшись в Киев, он 14 апреля провел пресс-конференцию, на которой обвинил архиерейский Собор в давлении на него, заявил, что на Соборе он был как на Голгофе, где его распинали, и сообщил, что обещание его уйти с поста предстоятеля Украинской Церкви было сделано по дипломатическим соображениям и что он будет возглавлять Украинскую Церковь до конца своих дней.

30 апреля в Житомире состоялось собрание представителей духовенства, монастырей, православных братств и мирян, из украинских архиереев на нем присутствовали митрополит Винницкий Агафангел, архиепископ Житомирский Иов (Тьвонюк), епископы Кировоградский Василий, Черновицкий Онуфрий, Тернопольский Сергей и Донецкий Алипий. В своем постановлении собрание выразило недоверие митрополиту Филарету в связи с его преднамеренным обманом отцов архиерейского Собора Матери Церкви, которым он дал обещание покинуть пост добровольно. Его отказ исполнить это обещание участники собрания квалифицировали как клятвопреступление. Собрание заявило также, что оно настаивает на созыве 11 мая архиерейского Собора Украинской Православной Церкви, на котором следует «принять отставку митрополита Филарета с поста ее предстоятеля, согласно его заявлению об этом на архиерейском Соборе Русской Православной Церкви». О согласии с принятым на собрании решением заявили епископы Луганский Иоанникий (Кобзев) и Днепропетровский Глеб (Саввин).

6 и 7 мая состоялось расширенное заседание Священного Синода в Москве, но митрополит Филарет, постоянный его член, на заседание не явился. Синод, рассмотрев церковную ситуацию на Украине, постановил:

«1) Решительно осудить заявления митрополита Филарета по поводу архиерейского Собора, ибо они не соответствуют истине и вводят в заблуждение паству. Квалифицировать их как хулу на соборный разум Церкви, действующий по водительству Святого Духа. 2) До 15 мая с. г. митрополиту Филарету предписывается созвать архиерейский Собор УПЦ, подать на нем прошение об отставке с поста предстоятеля Украинской Православной Церкви и действительно уйти в отставку, как он о том торжественно обещал перед Крестом и Евангелием. 3) В связи с чрезвычайным положением, сложившимся в Украинской Православной Церкви, митрополиту Филарету запрещается в период до архиерейского Собора УПЦ действовать в качестве предстоятеля, а именно: созывать Синод, рукополагать архиереев, издавать указы и обращения, касающиеся Украинской Православной Церкви. Исключением является созыв архиерейского Собора УПЦ для принятия его отставки и избрания нового предстоятеля Украинской Православной Церкви. 4) Все прещения и наказания, наложенные или могущие быть наложенными на архиереев, клириков и мирян в связи с выраженной ими поддержкой определения архиерейского Собора РПЦ от 2 апреля 1992 г., считаются незаконными, а потому и недействительными. 5) В случае неисполнения определения архиерейского Собора РПЦ и настоящего постановления предать митрополита Филарета суду архиерейского Собора РПЦ»⁷³⁵.

Но и это постановление Священного Синода было проигнорировано митрополитом Филаретом. 21 мая Синод обсуждал церковную ситуацию на Украине, и снова без виновника кризиса, который не пожелал явиться на заседание. Старейшему по хиротонии архипастырю Украинской Церкви митрополиту Харьковскому Никодиму (Руснаку) Синод поручил созвать

архиерейский Собор до празднования Святой Троицы для того, чтобы принять отставку митрополита Филарета и избрать нового предстоятеля Украинской Церкви. Временное исполнение обязанностей первого епископа возлагалось на митрополита Никодима. Получив извещение о постановлении Священного Синода, митрополит Филарет заявил, что он считает решение Синода «необоснованным и... недееспособным».

26 мая предстоятель кириархальной Церкви Святейший Патриарх Алексий II направил митрополиту Филарету телеграмму, в которой, взывая к его архипастырской и христианской совести, просил его во имя блага церковного подчиниться каноническому священноначалию. В тот же день митрополит Филарет собрал в Киеве своих сторонников на конференцию, в которой участвовало несколько священнослужителей и мирян, но не присутствовало ни одного архиерея. Конференция отвергла постановление Священного Синода Русской Православной Церкви.

«Все решения Московского Синода относительно Украинской Православной Церкви не имеют действительности, потому что они приняты вопреки действующему уставу и акту о независимости и самостоятельности в управлении Украинской Православной Церкви. Все епископы, которые, пренебрегая действующим уставом Украинской Православной Церкви, отошли от ее канонического главы – митрополита Филарета, есть предатели Церкви и православного народа Украины и согласно с церковными канонами подлежат прещению. Признавая Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в настоящее время нашим каноническим главой,— отмечалось далее в постановлении конференции,— мы заявляем о своем намерении каноническим путем получить полную независимость Украинской Православной Церкви. Единогласно поддерживаем в этом нашего канонического предстоятеля митрополита Киевского и всея Украины Филарета»⁷³⁶.

Участники конференции, ничтожная по числу группа священников и мирян, вступивших на путь раскола, стремясь вовлечь в конфликт Патриарха Константинопольского Варфоломея, обратились к нему с посланием: «В связи с многочисленными неканоническими вмешательствами Московской Патриархии во внутренние дела нашей Церкви и на основании того, что Украина с 1 декабря 1991 г. стала независимым государством, мы доводим до сведения Вашего Святейшества, что акт о передаче Киевской митрополии Московскому Патриархату от 1686 г. прекращает действие»⁷³⁷.

Архиерейский Собор, созванный в Харькове 27 мая митрополитом Никодимом в составе 17 архипастырей, но в отсутствие митрополита Филарета, не пожелавшего явиться на Собор, выразил недоверие митрополиту Филарету и уволил его с Киевской кафедры. Епископ Вольнский Варфоломей из Польши выслал на Собор телеграмму, в которой заявил о своем согласии с решением большинства архиереев. За учинение раскольнических действий Собор в качестве предсудебной меры запретил митрополиту Филарету священнослужение впредь до окончательного решения по этому вопросу архиерейского Собора кириархальной Церкви. После этого состоялось избрание нового предстоятеля Украинской Церкви тайным голосованием. Каждый член Собора подавал записки с именами Ъ кандидатов. В первом туре за митрополита Харьковского Никодима было подано 7 голосов, за митрополита Ростовского Владимира (Сабодана) – 13, за архиепископов Полтавского Феодосия (Дикуна), Житомирского Иова (Тывонкжа), Ровенского Иринея (Середнего) – по 4 голоса, за архиепископа Черниговского Антония (Вака-рика) – 3 голоса, за митрополита Винницкого Агафангела и архиепископа Одесского Лазаря (Швеца) – по 2 голоса. Перед вторым туром митрополит Харьковский Никодим взял самоотвод. Во втором туре митрополит Владимир получил 16 голосов и был избран митрополитом Киевским и главой Украинской Церкви. Священный Синод Русской Православной Церкви на заседании, состоявшемся 28 мая, выразил согласие с решением архиерейского Собора Украинской Церкви и назначил на 11 июня созыв архиерейского Собора

Русской Православной Церкви для рассмотрения дела бывшего митрополита Киевского Филарета. Святейший Патриарх Алексий II в соответствии с определением «Об Украинской Православной Церкви», принятом архиерейским Собором в октябре 1990 г., благословил новоизбранного митрополита Киевского на его служение в качестве главы Украинской Церкви. Митрополит Филарет получил трехкратный вызов на архиерейский Собор от Святейшего Патриарха, но на заседания не явился, после чего Собор, согласно канонам, мог рассматривать дело обвиняемого в его отсутствие. Игнорируя решение Украинского Собора и постановление Священного Синода Русской Православной Церкви, запрещенный в священнослужении митрополит Филарет продолжал совершать богослужения; в канун архиерейского Собора он вместе с епископом Почаевским Иаковом (Панчуком), пренебрегая канонами, постановлениями высшей власти Русской и Украинской Церкви, совершал епископские «хиротонии».

* * *

11 июня 1992 г. в Свято-Даниловом монастыре состоялся архиерейский Собор под председательством Патриарха Алексия II, специально созванный для рассмотрения дела по обвинению бывшего митрополита Филарета в антицерковной деятельности. На Собор по разным причинам не явилось 14 архиереев, в том числе 5 украинских; двое из них, митрополит Филарет и епископ Почаевский Иаков, при этом заявили, что не подчиняются Собору. Вначале было заслушано заявление 16 епископов Украинской Церкви, которое давало подкрепленную ссылками на каноны исчерпывающую характеристику раскольническим действиям митрополита Филарета, за которые он подлежал лишению сана на основании 15 правила Двукратного Собора. В ряде выступлений была подтверждена справедливость обвинений, выдвинутых против митрополита Филарета украинскими епископами, но тема личной жизни митрополита Филарета, которая в ту пору широко обсуждалась на страницах московских и киевских газет, почти не затрагивалась.

Тщательно рассмотрев все обстоятельства дела по обвинению бывшего митрополита Киевского и епископа Почаевского Иакова в тяжких церковных преступлениях, архиерейский Собор в особом «Судебном деянии» постановил:

«За жестокое и высокомерное отношение митрополита Филарета (Денисенко) к подведомственному духовенству, диктат и шантаж ([Тит. 1. 7—8](#); 27 правило святых апостолов), внесение своим поведением и личной жизнью соблазна в среду верующих ([Мф. 18. 7](#); 3 правило I Вселенского Собора, 5 правило V-VI Вселенского Собора), клятвопреступление (25 правило святых апостолов), публичную клевету и хулу на архиерейский Собор (6 правило II Вселенского Собора), совершение священнодействий, включая рукоположения в состоянии запрещения (28 правило святых апостолов), учинение раскола в Церкви (15 правило Двукратного Собора): 1) Извергнуть митрополита Филарета (Денисенко) из сущего сана, лишив его всех степеней священства и всех прав, связанных с пребыванием в клире. 2) Считать все рукоположения в сан диакона, пресвитера и епископа, совершенные митрополитом Филаретом в запрещенном состоянии с 27 мая с. г. а также все прещения, наложенные им на клириков и мирян с 6 мая с. г., незаконными и недействительными. 3) Извергнуть из сана епископа Почаевского Иакова (Панчука) за соучастие в антиканонических действиях бывшего митрополита Киевского Филарета, лишив его всех степеней священства». Эти решения архиерейского Собора Русской Православной Церкви постановили довести до сведения предстоятелей всех поместных православных Церквей»⁷³⁸.

Разъясняя свой судебный приговор, архиерейский Собор в послании пастырям и верующим чадам Украинской Православной Церкви свидетельствовал, что «Филарет и Иаков лишены сана не за убеждения, а за преступления против Церкви, выразившиеся в сознательном грубейшем нарушении священных канонов. Что же касается предоставления Украинской Православной

Церкви полной канонической самостоятельности, то мы твердо убеждены: вопрос этот должен решаться законным каноническим путем через созыв Поместного Собора и согласование его решений с волей всех братских Поместных Церквей. Если этого не произойдет, мы пожнем лишь новые и новые расколы, несущие гибель церковной жизни»⁷³⁹.

На архиерейский Собор поступило заявление бывшего епископа Житомирского Иоанна (Боднарчука), лишенного сана за учиненный им в 1989 г. автокефалистский раскол. В своем заявлении он не столько приносил покаяние, сколько обвинял других и оправдывал свои действия тем, что автокефалистская группировка стала «камнем преткновения для униатов и политиканов... Я очень много пострадал и от чужих, и от своих. И сегодня я низко склоняю голову перед Вами, Ваше Святейшество, и вами, богомудрые архипастыри и отцы, и прошу вас простить мне мое самовольное отлучение и принять меня в лоно нашей святой Христовой Православной Церкви»⁷⁴⁰. Канонические нормы допускают восстановление в священном сане только в двух случаях: если приговор основан на фактической ошибке или при рассмотрении дела были допущены процедурные нарушения. Кроме того, неповиновение вынесенному приговору о лишении сана независимо от его справедливости, лишает извергнутого права подавать апелляцию. В свое время бывший епископ Житомирский не подчинился приговору законной церковной власти и продолжал совершать богослужения, поэтому, строго говоря, он утратил право на апелляцию. Архиерейский Собор постановил передать дело В. Н. Боднарчука Священному Синоду для его рассмотрения. Решение это не удовлетворило В. Н. Боднарчука; и он заявил, что его обращение к архиерейскому Собору было только пробным шаром и он не собирается возвращаться в лоно Московского Патриархата; впоследствии он примкнул к бывшему митрополиту Филарету, в 1995 г. ушел от Филарета к лжепатриарху Димитрию (Яреме) и вскоре трагически погиб в автокатастрофе.

Архиерейский Собор, помимо ситуации на Украине рассмотрел вопрос об образовании новых епархий в Белорусском экзархате и постановил возродить древние Туровскую и Полоцкую епархии.

* * *

Бывший митрополит Филарет и бывший епископ Иаков не подчинились решениям архиерейского Собора кириархальной Церкви и вступили в переговоры с лжеепископами УАПЦ во главе с Антонием (Масендичем). Переговоры велись в Киеве под патронажем президента и правительства Украины и закончились 25 июня собранием запрещенных священнослужителей и впавших в раскол мирян, провозгласившим себя Всеукраинским православным собором. Этот лжесобор постановил объединить сторонников митрополита Филарета, отделившихся от канонической Украинской Православной Церкви, с УАПЦ и считать, что «Украинская Православная Церковь – Киевский Патриархат является правопреемницей УПЦ и УАПЦ, всех договоров и соглашений, заключенных ими до нынешнего дня, и всех ее средств, имущества – движимого и недвижимого, включая храмы, монастыри, учебные заведения и другое. Все банковские счета УПЦ и УАПЦ становятся счетами Украинской Православной Церкви – Киевского Патриархата. Собор заявляет, что главой Украинской Православной Церкви – Киевского Патриархата считает Патриарха Мстислава. В связи с неотложной необходимостью укрепления руководства Украинской Православной Церкви – Киевского Патриархата, учитывая пребывание Патриарха Мстислава за пределами Украины, а также его возраст – 94 года, что осложняет руководство Церковью, ввести должность заместителя Патриарха. Утвердить заместителем Патриарха блаженнейшего Филарета, митрополита Киевского и всея Украины. Утвердить управляющим делами Киевской Патриархии митрополита Переяславского и Всчеславского Антония»⁷⁴¹.

Но вопреки расчетам объединителей Мстислав, узнав о принятых за его спиной в Киеве

решениях, дезавуировал их, предложив своему давнему противнику Филарету подчиниться своему церковному начальству и уйти на покой. Филаретовская группировка в составе бывших епископов Русской Православной Церкви Иакова (Панчука) и Андрея (Горака), бывшего Житомирского епископа Боднарчука, Антония (Масендича) объявила решение Мстислава следствием невменяемости престарелого иерарха. Большинство раскольников восточной и южной Украины, а также Волыни пошли за Филаретом; раскольники Галиции объединились вокруг лжеепископа Петра Петруся и бывшего львовского священника Владимира Яремы – их-то и признал своими продолжавший жить в Соединенных Штатах Мстислав.

В 1993 г. умер Мстислав (Скрыпник), после чего филаретовцы избрали своим «патриархом» священника Василия Романюка, переименованного во Владимира,— украинского националиста, узника сталинских, потом брежневских лагерей, и потому, конечно, не имевшего репутации агента госбезопасности, какая твердо сложилась у Филарета, но зато тяжелобольного алкоголика, совершенно не способного к административным делам, которые и продолжал вершить его заместитель, не уступивший своему «первоиерарху» даже резиденции, не говоря уж о праве распоряжаться банковскими счетами. Приверженцы Мстислава избрали другого «Киевского патриарха» Владимира Ярему, ставшего Димитрием, для чего его пришлось на старости лет развести с престарелой женой и постричь. Малочисленная схизма Димитрия (Яремы) не пользовалась поддержкой президента Кравчука и правительства Украины в той мере, в какой ее оказывали Филарету. Но ситуация изменилась, после того как президентом Украины был избран Л. Кучма, который стал проводить более сбалансированную религиозную политику, не оказывая видимой поддержки ни одной из православных юрисдикции на Украине.

В 1994 г. филаретовскую группировку стали покидать лжеепископы и клирики: одни переходили к Димитрию (Яреме), другие, и их было большинство, в каноническую Церковь. В Московский Патриархат вернулся один из самых влиятельных лжеархиереев, Антоний (Масендич). Принят он был в пресвитерском сане, какой имел до ухода в раскол, но вскоре после принесения покаяния был хиротонисан во епископа Барнаульского.

Между тем 14 июня 1995 г. скончался глава УПЦ (Киевский Патриархат) лжепатриарх Владимир (Романюк). Похороны Владимира Романюка были использованы оуновцами и другими воинствующими националистами, в том числе и со священническими крестами на рясах, для политической демонстрации, вылившейся в кровопролитное столкновение с милицией. Потасовку начал один из автокефалистских «священников», ударивший милиционера крестом по лицу. Демонстранты намеревались вопреки запрету со стороны гражданских властей похоронить Владимира в Софийском соборе. После неудачи со вносом тела лжепатриарха в собор оно было предано земле под асфальтом мостовой перед собором. В ноябре УПЦ (Киевский Патриархат) избрала нового – третьего уже «патриарха». На этот раз им стал сам Филарет. После усвоения себе патриаршего титула Филарет заявил о намерении соединить под своим «омофором» все ветви украинского православия. Но ни священноначалие канонической Церкви во главе с митрополитом Киевским Владимиром, ни Димитрий (Ярема) на переговоры с Филаретом не пошли. Тогда четыре филаретовских «епископа», в том числе и Андрей (Горак), у раскольников «митрополит Львовский», перешли к Димитрию. Но в самое последнее время, в 1996 г., разделение произошло и в юрисдикции Димитрия. От него отделилось большинство, назвавшее свою группировку «синодальной». Они избрали патриаршего «местоблюстителя» в лице «митрополита Тернопольского и Волынского» Василия Боднарчука.

Схизматические юрисдикции, превосходя по числу приходов каноническую Украинскую Церковь только в Галиции, на территории всей Украины представляют собой религиозные меньшинства, совершенно несравнимые с Украинской Церковью, которая остается под

омофором Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. На конец 1995 г. Украинская Православная Церковь, возглавляемая митрополитом Владимиром, имела 6152 прихода, у филаретовцев было 1753 и в юрисдикции Димитрия (Яремы) – 616 приходов. Через год, в декабре 1996 г., на территории Украины действовало 6564 канонических прихода, 1352 – филаретовских и 1209 приходов УПЦ.

Униатская экспансия практически приостановилась в 1992—1993 гг. В 1992 г. в Львовской области, где влияние Греко-католической Церкви было наиболее ощутимым, униаты имели 1200 приходов; 65 приходов находились в лоне канонической Церкви, а более 700 было у схизматиков обеих юрисдикции; при этом православное население, включая и тех, кто был вовлечен в раскол, примерно равнялось по своей численности униатскому населению. В самом Львове в 1992 г. было 20 униатских церквей, 20 приходов Димитрия (Яремы) и по одному приходу у филаретовцев и в канонической юрисдикции – ситуация, наиболее тяжелая на Украине. Бремя противостояния униатам и раскольникам во Львовской епархии лежит ныне на епископе Львовском и Дрого-бычском Августине (Маркевиче).

15 декабря 1996 г. в Киево-Печерской лавре состоялся архиерейский Собор Украинской Православной Церкви; из 37 епископов в заседаниях по болезни не участвовал один. Собору предшествовала острая полемика в лоне самой Украинской Церкви по вопросу об автокефалии. Архиерейский Собор единодушно (против был подан только один голос) принял заявление, в котором содержался продиктованный заботой о благе Церкви мудрый отказ от того, чтобы просить о даровании автокефалии предстоящий Поместный Собор Русской Православной Церкви:

«Еще совсем недавно мы радовались тому, что ушел в небытие тот безбожный режим, который более семидесяти лет подвергал гонению нашу святую Церковь. К сожалению, добытыми свободой и независимостью Украины поспешили воспользоваться силы, враждебные как православию, так и истинным интересам украинского народа. Раскольники ложно обвиняют Украинскую Православную Церковь в отсутствии патриотизма. От нас требуют разорвать каноническую связь с Московским патриархатом и добиться полной автокефалии. Делается это, очевидно, в надежде на полное уничтожение православия на Украине. Но мы уверены, что необдуманное и поспешное обретение автокефалии Украинской Православной Церкви сегодня грозит еще более тяжелыми последствиями... Ныне противников автокефалии на Украине больше, чем ее сторонников. Не учитывать это обстоятельство – значит почти наверняка породить еще один, новый раскол. Обретение автокефалии сегодня многим представляется как способ объединения всего православного народа в одну каноническую поместную Церковь. К сожалению, действия раскольников вызывают в этом серьезные сомнения. В настоящее время на Украине уже есть два лжепатриарха и один «патриарший местоблюститель»... Как никогда, остро сегодня ощущается на Украине экспансия католицизма. Рим забыл о том, что признал нашу Церковь своей сестрой и осудил унию как модель для достижения христианского единства. обстоятельно рассмотрев религиозную ситуацию, сложившуюся в настоящее время, архиерейский Собор Украинской Православной Церкви пришел к выводу, что предоставление Украинской Православной Церкви полной канонической автокефалии сегодня нельзя считать целесообразным. В то же время решение архиерейского Собора Украинской Православной Церкви не будет препятствием для того, чтобы в будущем, когда создадутся соответствующие условия, вернуться к соборному обсуждению вопроса об автокефалии Украинской Православной Церкви»⁷⁴².

* * *

В 1992 г. в лоне Русской Православной Церкви возник еще один раскол, локальный по своим масштабам, но печально отразившийся на взаимоотношениях двух наиболее

многочисленных Православных Церквей: Русской и Румынской. Учинителями новой схизмы явились викарный архиерей Молдавской епархии епископ Бельцкий Петр (Пэдерару) и протоиерей Петр Бубуруз, которые в силу своих политических пристрастий агитировали и интриговали, добиваясь перевода Молдавской епархии в юрисдикцию Румынской Патриархии. На состоявшихся в Кишиневе 8 сентября и 15 декабря 1992 г. съездах духовенства было выражено почти единогласное желание остаться в юрисдикции Московской Патриархии. Но епископ Петр и после этого не остановился в попытках внести раскол в духовную жизнь Молдавии. За непослушание своему правящему архиерею митрополиту Кишиневскому Владимиру и за неявку на заседание Священного Синода он был запрещен в священнослужении. И тогда 19 декабря 1992 г. он вместе с протоиереем Петром Бубурузом был принят без отпускной грамоты в юрисдикцию Румынской Церкви. Вслед за тем Румынская Патриархия объявила о включении Молдавской епархии в состав своей Церкви, назвав это реально не существующее образование Бессарабской митрополией. Правящим архиереем стал запрещенный в служении, но ставший у раскольников митрополитом Петр. Однако все усилия Румынской Патриархии, а также епископа Петра и протоиерея Петра Бубуруза привели к тому, что только 6 приходов удалось вовлечь в раскол. В настоящее время с Румынской Патриархией ведутся переговоры о нормализации ситуации, вызванной раскольническими действиями епископа Петра и нескольких священников.

* * *

Воскресение Христово 1992 г. Святейший Патриарх назвал «первой Пасхой в свободной от тоталитарного режима России». В Кремле впервые после 75 лет звонили в колокола Ивана Великого, в Успенском соборе, ставшем вновь патриаршим, первосвятитель совершил Божественную литургию во второй день Пасхи Господней. Улицы и площади столицы и других российских городов были украшены плакатами с пасхальными поздравлениями. 15 ноября 1992 г. состоялось подписание соглашения между Московской Патриархией и Министерством культуры Российской Федерации о совместном использовании храмов Московского Кремля и собора Василия Блаженного. Этим соглашением предусматривалось совершение богослужений в этих храмах, крестных ходов в Кремле и на Красной площади. Авторитет Русской Православной Церкви неуклонно рос, к голосу Патриарха Алексия II с уважением прислушивались влиятельные государственные, политические и общественные деятели, а главное – сам народ России.

Авторитет священноначалия Русской Церкви вырос и в русской диаспоре, среди эмигрантов, принадлежавших к разным церковным юрисдикциям. В этом отношении знаменательны встречи Святейшего Патриарха с великим князем Владимиром Кирилловичем, состоявшиеся незадолго до его кончины. 29 мая 1992 г. Патриарх Алексий II приехал в Санкт-Петербург на отпевание великого князя, скончавшегося в Америке и пожелавшего быть похороненным на исторической родине, около гробницы с останками его царственных предков. В связи с 75-летием убиения императора Николая II и его семьи Святейший Патриарх Алексий II и Священный Синод издали послание, в котором говорилось: «Грех цареубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании. И сегодня мы от лица всей Церкви, от лица всех ее чад – усопших и ныне живущих – приносим пред Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь наш народ, всех чад его... Покаяние в грехе, совершенном нашими предками, должно стать для нас еще одним знамением единства»⁷⁴³.

С 26 по 28 мая 1993 г. в Свято-Даниловом монастыре состоялся I Всемирный Русский

Собор, объединивший общественных деятелей России и русской эмиграции для возрождения русского национального сознания. В организации этого Собора и последовавших за ним самое деятельное участие приняла Православная Церковь. Открывая заседание, Святейший Патриарх Алексий II сказал: «Мы, служители Церкви, видим патриотизм не потворствующим порокам народа, но очищающим его, преображающим и тем подвигающим чад Божиих к святости. Именно идя подобным путем, мы принесем Отчизне не призрачное временное благо, но благо высшее, непреложное. Мы не будем искать недругов, но с верой и мужеством возродимся духовно, отбросим грех и не устрашимся никого, не устрашимся и злейшего врага рода человеческого – дьявола. Тогда-то и восстанет, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новая Русь – Русь, давшая миру многих подвижников веры и благочестия, Русь, созидающая храмы в городах, весях и сердцах, Русь, сияющая всему миру правдой и любовью, Русь святая»⁷⁴⁴. В докладе на Соборе митрополит Смоленский Кирилл говорил о духовных причинах крушения Российской империи в 1917 г. и о путях восстановления российской государственности в органических для нее традиционных формах, о роли православной Церкви в жизни российского общества.

В конце сентября и начале октября 1993 г. Российское государство пережило один из самых трагических политических кризисов в своей новейшей истории: противостояние исполнительной и законодательной властей, в результате которого прекратил существование Верховный Совет, была принята новая Конституция, проведены выборы в V Государственную Думу и Совет Федерации.

Узнав о событиях в Москве, Святейший Патриарх Алексий II, находившийся тогда на праздновании 200-летия православия в Америке, срочно прервал визит и вернулся на родину. В Даниловом монастыре при посредничестве священноначалия Русской Православной Церкви состоялись переговоры представителей противоборствующих сторон, которые, однако, не привели к соглашению. Верующий народ молился перед отпущенной на время из Третьяковской галереи величайшей святыней Руси – Владимирской иконой Божией Матери. Большинство православного духовенства в эти трагические дни было свободно от политических страстей и молилось об избавлении родины от большой беды, чтобы происшедшее кровопролитие не столкнуло Россию в бездну полномасштабной гражданской войны, но часть священнослужителей, не имея на то благословение от высшей церковной власти, своими публичными выступлениями активно поддерживала ту или другую из противоборствующих сторон, тем самым вступив на неподобающий священнослужителям путь политической борьбы. В октябре 1993 г. Священный Синод принял постановление, запрещающее священнослужителям баллотироваться в депутаты Государственной Думы и Совета Федерации. Не подчинившийся этому решению священник Глеб Якунин ввиду явного неповиновения святым канонам, воспрещающим клирикам участвовать в делах «народного управления», и своему священноначалию был лишен сана и вскоре принят в юрисдикцию бывшего митрополита Филарета (Денисенко), которому в свое время много досаждал обвинениями в содружестве с КГБ.

4 ноября 1993 г. Патриарх Алексий II освятил восстановленный благодаря поддержке московских властей Казанский собор на Красной площади. После освящения собора Святейший Патриарх, обращаясь к присутствующим, сказал, что «этот собор... был создан в память освобождения Москвы от иноземных интервентов. Церковь верует, что избавление народу нашему пришло по молитвам Божией Матери, чья чудотворная икона стала Путеводительницей русского ополчения в нелегком деле освобождения Отчизны... Прошли годы, народ наш отвернулся от Бога и вновь встал на путь смуты. Собор опустел, а вскоре был варварски разрушен. Чудовищным символом пустоты в душах людских стал пустырь, образовавшийся на

месте величественного храма. Но и тогда, в те мрачные годы, не оскудевала вера многих русских людей, не умирала в них любовь к духовному и культурному наследию Родины. Словно предвидя разрушение храма, а может быть, и его будущее воскресение, с риском для жизни трудился скромный подвижник русской культуры Петр Дмитриевич Барановский, сделав обмеры и чертежи храма незадолго до разрушения. Этот человек, подлинный патриот Отчизны, оказал огромную помощь тем, кто сегодня восстановил Казанский собор. Низкий поклон ему за это, вечная ему память. Совсем недавно мы, православные христиане, не могли и подумать, что вновь увидим здесь, на Красной площади, величественный храм Казанской Божией Матери. И вот он перед нами. За эту великую милость, за это чудо мы благодарим Господа, Пречистую Его Матерь, не оставившую Русь всесильным ходатайством Своим. Благодарим святых угодников Божиих, не ослабевших в молитвах за нас, за землю нашу. Мы благодарим всех, кто вносил на строительство храма свои скромные лепты, которые община Казанского собора не переставала получать даже в самые трудные для народа времена. Мы благодарим правительство Москвы и глубокоуважаемого нашего мэра Юрия Михайловича Лужкова, оказавших восстановлению Казанского собора неоценимую материальную и организационную поддержку, без которой, наверное, еще много лет не были бы явлены нам красота и благолепие храма. Радуюсь вместе с вами возрождению великой русской святыни, я хотел бы поделиться надеждой, что этот храм, ставший некогда знаком конца смутного времени, и сегодня ознаменует собой преодоление вражды и разделении в народе нашем»⁷⁴⁵.

С ответным словом выступил мэр столицы Ю. М. Лужков. 7 ноября 1994 г. в Москве состоялось общее собрание наблюдательного совета по воссозданию храма Христа Спасителя; дерзновенная мечта о восстановлении храма согревала сердца верующих москвичей в течение многих десятилетий, превратившись после крушения коммунистического режима в надежду. Председателем наблюдательного совета был избран Святейший Патриарх Алексий II, а его заместителем – мэр Москвы Ю. М. Лужков. Осенью 1994 г. началось восстановление храма. Оно стало поистине всенародным подвигом, вокруг которого совершается единение всех, кому дорога православная Церковь и Россия независимо от их политических убеждений. После распада СССР, создания новых государств со своими собственными законодательными системами возникла необходимость в предоставлении епархиям, находящимся на отделившихся от России территориях Прибалтики и Молдовы, административной самостоятельности в устройении своей внутренней жизни. 11 августа 1992 г. Священным Синодом была подтверждена внутренняя административная самостоятельность Православной Церкви в Латвии, дарованная в 1921 г. Устав Латвийской Церкви был утвержден 23 декабря 1992 г. 12 августа Синод подтвердил самостоятельность Эстонской Апостольской Православной Церкви в делах церковно-хозяйственных, административных, просветительских и гражданских, которая была дарована и в 1920 г. Патриархом Тихоном, и признал ее собственницей всего церковного имущества в Эстонии. 20 августа был утвержден устав Эстонской Церкви. И наконец, 5 октября по просьбе Кишиневского архиепископа Владимира предоставлена была административная самостоятельность Православной Церкви в Молдове и утвержден ее устав.

В 90-х гг. было восстановлено самостоятельное управление епархиями, которые ранее находились в ведении правящих архиереев других епархий, а также приняты решения об образовании новых епархий, особенно в Сибири, на Дальнем Востоке, на Украине и в Белоруссии. К концу 1994 г. общее число епархий достигло 114. Столько епархий Русская Православная Церковь не имела никогда ранее, даже в благополучное дореволюционное время.

Новым явлением церковной жизни в 90-х гг. стали регулярные посещения первосвященником епархий, в том числе и самых отдаленных. Каждый такой визит включал в себя богослужения в кафедральном храме, в монастырских и приходских церквях, встречи с руководителями

области, общественностью, посещение школ, институтов, больниц, детских домов, мест заключения и воинских частей. Такие встречи укрепляли авторитет православной Церкви, привлекали к ней сердца людей, побуждали колеблющихся и ищущих духовной опоры войти в ее спасительное лоно. В своем кафедральном городе – Москве, в иных городах Святейший Патриарх регулярно, почти каждодневно совершал богослужения с архиерейскими, священническими и диаконскими хиротониями. Так, в 1993 г. Алексий II совершил 223 богослужения с 11 архиерейскими, 34 священническими и 40 диаконскими хиротониями, а в 1994 г.— 211 богослужений.

Русской Православной Церкви в первую половину 90-х гг. было возвращено большинство храмов, в некоторых городах, реже в селах строились новые храмы. В связи с этим значительно выросло число православных приходов. В 1988 г. Русская Церковь имела всего 6800 приходов, а на исходе 1989 г.— уже около 11 тыс.; за два с половиной года патриаршества Алексия II число их увеличилось более чем на 3000, составив на 1 января 1993 г.— 14 113. В конце 1994 г. общее количество приходов приблизилось к 16 тыс., превысив максимальное число приходов в период патриаршества Алексия I. Для совершения богослужений по всем епархиям рукополагались священники. На 1 января 1993 г. Русская Церковь имела 12 013 священнослужителей, через год число священников составляло уже 12 841, а диаконов – 1402. Священников было меньше, чем приходов. Это значит, что несколько тысяч приходов не имели своих постоянных настоятелей, окормляясь по совместительству священниками соседних приходов.

В столице, правящим архиереем которой является Патриарх, церковная жизнь развивается наиболее интенсивно: здесь Церкви передано больше, чем где-либо, храмов, которые повсеместно реставрируются, здесь самое многочисленное епархиальное духовенство, регулярно проводятся городские епархиальные собрания, на которых Святейший Патриарх поднимает важнейшие и часто болезненные вопросы церковной жизни. Так, в слове, произнесенном Патриархом Алексием II 23 декабря 1994 г., особое внимание было уделено таким темам, как церковная благотворительность, состояние воскресных школ, церковно-издательская деятельность; жесткой критике подверглись действия некоторых священнослужителей, граничащие с симонией:

«Не меньшие нарекания поступают и по поводу назначения предварительной платы за требы, особенно совершаемые на дому. Как и ранее мной говорилось, следует совершенно исключить предварительную плату за выездные требы. Священник должен довольствоваться добротным даянием, как это было всегда... Церковь существует не только для богатых, но и для бедных. Это мы должны помнить, а сейчас бедных гораздо больше... Если человек умирает без напутствия священника, священник, отказавший в этом, несомненно, должен понести наказание, вплоть до отрешения от службы»⁷⁴⁶.

Святейший Патриарх отметил в своем выступлении и такой перекосяк в приходской жизни, когда ввиду необходимости проведения строительных или реставрационных работ храмы Божий становятся «строительными управлениями» или отделами «социального обеспечения» при забвении и нерадении о самом главном – о молитве и богослужении. Социальное служение и строительство, несомненно, нужны, но они важны не сами по себе, а лишь когда выражают нашу веру и создают условия для строительства внутреннего храма – души человека. «Может случиться, что храмы будут построены, отреставрированы, но они окажутся пусты: Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии ([Пс. 126. 1](#)). Долг священника главное место уделять молитве и богослужению, а в приходе всегда найдутся люди, готовые оказать помощь в строительных делах и в поисках благотворителей»⁷⁴⁷.

В управлении церковной жизнью Москвы ближайшими помощниками Святейшего Патриарха являются его викарий архиепископ Истринский Арсений (Епифанов), настоятель

кафедрального Богоявленского собора и секретарь Святейшего Патриарха протопресвитер Матфей Стаднюк, секретарь епархиального совета и заведующий канцелярией Патриархии протоиерей Владимир Диваков, а также члены епархиального совета и благочинные округов, на которые разделена Москва и каждый из которых включает в себя столько приходов, сколько до перемен, происшедших после празднования 1000-летия Крещения Руси, находилось в целой епархии.

Одно из важнейших событий церковной жизни 1992 г.— празднование 600-летия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского, по существу весь этот год прошел под сенью юбилея святого Сергия. 1992 г. был объявлен ЮНЕСКО годом преподобного Сергия Радонежского. Празднование началось с конференции на Вологодской земле, в монастыре, где подвизался ученик игумена Русской земли преподобный Димитрий Прилуцкий, затем научно-богословские конференции состоялись в Москве, Нижнем Новгороде и других российских городах. В программу юбилейных торжеств входили выставки, концерты духовной музыки и заключительное собрание 15 января 1993 г. После 1917 г. впервые церковный юбилей праздновался так всенародно, и это явилось свидетельством того, что русский народ, который в течение многих десятилетий стремились оторвать от его святынь, остался народом православным, сохранил сознание своего духовного преемства с сонмом единокровных ему святых, своей сопричастности святой Руси.

В 1992 г. в жизни Русской Церкви совершилось благодатное знаменательное событие. После пожара в Малом соборе Донского монастыря, подожженного злоумышленниками, во время ремонта проведены были раскопки под полом церкви, и там, в склепе, обнаружен гроб с нетленными мощами святого Патриарха Тихона. 22 февраля Алексей II совершил молебен у гроба святителя, который находился еще в склепе, а 5 апреля святые мощи были торжественно перенесены Патриархом Алексием II в сослужении 93 архиереев из Малого в Большой собор Донского монастыря.

После состоявшегося в апреле 1992 г. архиерейского Собора, на котором принято было решение об образовании епархиальных комиссий по канонизации святых, во многих епархиях прославлены были для местного почитания новомученики и другие подвижники благочестия. Так, в Костромской епархии состоялась канонизация пострадавшего в 1938 г. архиепископа Костромского и Галичского Никодима (Кроткова), память которого празднуется в день его мученической кончины 8/21 августа. К лику местночтимых святых причислены были убиенный в 1940 г. архиепископ Харьковский Александр (Петровский), архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Могилевский Георгий (Конисский), преподобный старец [Варнава Гефсиманский](#), скончавшийся в 1906 г. В 1996 г. совершена была Святейшим Патриархом Алексием II канонизация сонма преподобных Оптинских старцев для местного почитания. Прославлены также как местночтимые святые старцы подвизавшиеся в XX столетии, архимандрит Лаврентий (Проскура) Черниговский и схиигумен Кукша (Величко). 25 марта 1993 г. Священный Синод одобрил представленный Комиссией по канонизации святых проект постановления «О порядке канонизации местночтимых святых в Русской Православной Церкви на епархиальном уровне». Согласно синодальному решению собранные епархиальной комиссией по канонизации святых материалы, связанные с житием и кончиной подвижника, должны направляться в Синодальную комиссию. По рассмотрении этих материалов и при наличии достаточных оснований для прославления подвижника, Святейший Патриарх дает благословение на его причисление к лику местночтимых святых. Сама же канонизация совершается епархиальным архиереем. Такой порядок прославления подвижников для местного почитания призван устранить возможные ошибки, поспешные, непродуманные действия в деле исключительной церковной важности и тем уберечь церковный народ от смущений и

недоумений. В 1991 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия II в месящеслов Русской Православной Церкви было внесено имя прославленного Константинопольской Церковью в год тысячелетия Крещения Руси великого русского подвижника XX столетия и учителя христианской жизни преподобного [Силуана Афонского](#), преставившегося на Святой горе в 1938 г.

Одним из заметных событий церковной жизни Москвы явилась богословская конференция «Единство Церкви», проведенная 15 и 16 ноября 1994 г. в гостинице Данилова монастыря. Председательствовал на ней епископ Владимирский и Суздальский Евлогий, участвовали епископ Таллинский и Эстонский Корнилий, епископы Новогрудский Константин (Горянов), Белгородский Иоанн (Попов), находящийся на покое епископ Василий (Родзян-ко), известные в церковных кругах священнослужители, богословы, церковные историки, зарубежные гости. Конференция была организована Московской Духовной Академией и Свято-Тихоновским богословским институтом; прочитано было около 60 докладов, вызвавших острые дискуссии. В центре внимания оказалась своеобразная пастырская практика двух московских настоятелей – священников Георгия Кочеткова и Александра Борисова, а также их сомнительные богословские воззрения, проповеди, публикации, лекции, выступления по радио и многочисленные интервью, вызывающие резкое неприятие большинства духовенства.

* * *

29 ноября 1994 г. после литургии в Троицком соборе Данилова монастыря открылся архиерейский Собор, деяния которого продолжались до 2 декабря. В заседаниях участвовало 126 архиереев, 10 епископов по разным причинам не смогли прибыть в Москву. В первый день соборных заседаний Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II был зачитан отчетный доклад, в котором нашли отражение важнейшие события церковной жизни за два с половиной года, прошедших после предыдущего архиерейского Собора. Крупными событиями церковной жизни в межсоборный период Патриарх Алексий II назвал возобновление регулярных богослужений в Кремлевских храмах и соборе Василия Блаженного, освящение восстановленного Казанского собора на Красной площади, начало восстановления Храма Христа Спасителя, варварски разрушенного гонителями Церкви, всенародное празднование 600-летия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского.

Патриарх указал на недопустимость проявления грубости, равнодушия и нетерпимости со стороны архипастырей в общении с клириками и мирянами, «тем более что каждый епархиальный преосвященный имеет возможность разрешить относящиеся к его компетенции вопросы на месте, не доводя течение дел до необходимости обращения в Москву. Необходимо также обратить внимание на недопустимость беспричинного и необоснованного перевода священнослужителей, что, как правило, приводит к конфликтным ситуациям, разрушает мир в епархии, а в некоторых случаях порождает расколы». Далее Патриарх Алексий II отметил такое радостное явление, как повсеместное возрождение монашеской жизни. Общее количество монастырей составляло ко времени Собора 281, к этому числу следовало прибавить и 31 монастырское подворье, число приходов достигло 15 985. В Церкви совершали служение 12 841 священник и 1402 диакона. Но «необходимо ликвидировать такое появившееся в настоящее время явление,— продолжал Патриарх,— как резкая дифференциация духовенства по имущественному признаку, когда священнослужители не закрывавшихся приходов имеют существенно больший достаток, нежели молодые настоятели, живущие в нищете»⁷⁴⁸.

Значительное место в докладе уделено богословскому образованию, приведены подробные статистические сведения, характеризующие состояние духовной школы на конец 1994 г.: была открыта третья духовная академия – Киевская; количество семинарий увеличилось с 6 до 14, существовало уже 28 училищ, и число их продолжало расти, общее число всех воспитанников

духовных учебных заведений, включая регентские и иконописные школы,— около 4000 человек, а вместе с заочным сектором – около 6000 человек. Заканчивая раздел доклада, посвященный богословскому образованию, Святейший Патриарх подчеркнул: «В духовной школе возвращается наша смена, в ней складывается будущее Церкви; от состояния школы во многом, если не сказать, в главном, зависит облик Русской Православной Церкви в XXI в., в грядущем и близком уже третьем тысячелетии от Рождества Христова».

Остро критический характер носил раздел доклада первосвященника, посвященный издательской деятельности Церкви:

«Церковные и околоцерковные издатели часто идут по пути наименьшего сопротивления, иногда больше задумываясь об экономической, а не о содержательной стороне дела. В основном переиздается дореволюционная литература. Среди этой литературы есть подлинные шедевры, образцы золотого фонда нашей отечественной богословской мысли, но есть и такие книги, которые весьма далеки от современного человека... В то же время ощущается большая потребность в современной отечественной литературе, в первую очередь церковно-просветительского характера. Пока же большая часть изданий – это ре-принты. А подчас делается и совершенно недопустимая вещь: распространяются в храмах и переиздаются... различные тенденциозно выдержанные политические материалы, идущая вразрез с учением нашей Церкви инославная литература и даже... издания Русской Зарубежной Церкви, порочащие и хулящие священноначалие нашей Церкви, обвиняющие ее в отступлении от Истины Христовой. В полном смысле церковными издательствами можно назвать лишь те, которые учреждены официальными структурами Русской Православной Церкви – непосредственно Патриархией, синодальными учреждениями, епархиальными управлениями, монастырями и приходами... которые имели бы возможность не только формально благословлять, но и реально направлять в подлинно церковное русло издательскую политику»

В докладе на Соборе Святейший Патриарх охарактеризовал состояние церковного бюджета. В расходах Патриархии за 1993 г. и 11 месяцев 1994 г. содержание учебных заведений составило 54,7%, Отдела внешних церковных сношений вместе с финансовой поддержкой зарубежных епархий, приходов, монастырей, подворий и представительств – 15,6%, содержание других отделов Патриархии и расходы на Всецерковное православное молодежное движение в сумме – 3,2%, проведение общественных мероприятий – 5,5%, строительные реставрационные работы – 6,8%, оказание финансовой помощи вновь открытым храмам и монастырям – 10,8%, содержание Патриархии – 3,4%.

Значительная часть доклада Святейшего была посвящена внешней деятельности Церкви: состоянию учреждений Московского Патриархата в дальнем зарубежье, проблемам паломничества к святым местам, взаимоотношениям с православными поместными Церквями, с Русской Зарубежной Церковью, с инославным миром, участием Русской Церкви в деятельности международных и региональных христианских организаций, межрелигиозным связям, проблемам взаимоотношений Церкви с государством и обществом в России, странах СНГ и Балтии. Особое внимание было уделено деятельности зарубежных инославных миссий на канонической территории Московского Патриархата. Эта деятельность была охарактеризована первосвященником как крайне негативная, подрывающая духовную, культурную идентичность православных народов России и других стран СНГ. «Деятельность сект,— сказал Патриарх Алексей II,— равно как и многих зарубежных миссионеров, направлена на то, чтобы оборвать ту ниточку, которая, чудом сохранившись, связывает людей, воспитанных в условиях тоталитарной идеологии, с верой и духовной культурой их предков, с сокровищем национальной религиозной традиции. Именно эта связь питает здоровое чувство патриотизма, любовь к своему Отечеству. К сожалению, в современных условиях государство практически не

предпринимает правовых мер, чтобы защитить духовно-культурную идентичность народа, и вся тяжесть борьбы ложится на Церковь»⁷⁴⁹.

Последний раздел доклада посвящен проблеме возрождения миссии православной Церкви на исторических пространствах ее канонической территории. Это стало «важнейшей и неотложной нашей задачей и одновременно острой потребностью общества». Патриарх Алексий II затронул и вопрос о богослужении. «В данной связи,— сказал он,— представляется полезным образовать специальную синодальную комиссию, которая продолжила бы труд, начатый, но не заверченный Поместным Собором 1917—1918 гг. по упорядочению богослужебной практики, и завершила редактирование богослужебных текстов, также начатое в нашей Церкви». Заканчивая свой обширный доклад, Святейший Патриарх сказал: «Церковь Русская, издревле хранящая веру православную и несущая Свет Христов ближним и дальним, переживает ныне нелегкий период устроения жизни своей в условиях, несущих нам одновременно множество новых возможностей и множество новых вызовов. Именно поэтому полагаю, что сделанные моим смирением и Священным Синодом в настоящем докладе практические предложения требуют самого тщательного изучения и обсуждения в связи с предполагаемым принятием освященным Собором нашим постановлений и определений, которые будут иметь важнейшее, без преувеличения историческое значение для судеб православия в странах СНГ, Балтии и повсюду, где Русская Православная Церковь несет свое служение и свидетельство»⁷⁵⁰.

С отчетными докладами на Соборе выступили также исполняющий обязанности председателя Учебного комитета епископ Верейский Евгений и председатель отдела религиозного образования и катехизации игумен Иоанн (Эко-номцев), в их докладах конкретизировалась информация, содержащаяся в докладе Святейшего. Председатель Богословской комиссии при Священном Синоде митрополит Минский Филарет зачитал два доклада: один «Об отношении Русской Православной Церкви к межхристианскому сотрудничеству в поисках единства» и другой – отчет о деятельности синодальной Богословской комиссии, созданной 27 декабря 1993 г. и ставшей преемницей Комиссии Священного Синода по христианскому единству, образованной в 1963 г. Богословская комиссия особое внимание уделила итоговому документу Смешанной комиссии по богословскому диалогу между православной Церковью и Восточными православными Церквями, принятому в 1990 г. Комиссией был сделан ряд критических замечаний по документу, связанных главным образом с христологической терминологией.

Одним из важных деяний архиерейского Собора явилось прославление митрополита Московского Филарета (Дроздова) и священномучеников протопресвитера Александра Хотовицкого, погибшего в 1937 г., и протоиерея Иоанна Кочурова, убитого после октябрьского переворота. Доклад о прославлении новых угодников Божиих сделал председатель Комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Особое внимание он уделил подготовке комиссией ряда исследований, связанных с предполагаемой канонизацией императора Николая II и царской семьи.

Остро критический характер имели выступления архипастырей, затрагивавших состояние дел в отделе религиозного образования и катехизации и Издательском отделе; высказывались предложения о слиянии отдела религиозного образования с Учебным комитетом; выступавшие поддержали мысль, выраженную в докладе Святейшего Патриарха, о реорганизации порядка церковного управления издательским делом на основании идей, которые в свое время были выражены на Поместном Соборе 1917—1918 гг. Острая полемика велась и по вопросу о взаимоотношениях Русской Православной Церкви с инославным миром, об участии в ВСЦ. Выступавшие на Соборе отмечали негативные стороны в деятельности ВСЦ, которые уводят

совет далеко от тех задач, которые ставились при создании этой организации – соединение Церквей на фундаменте наследия Древней Церкви. В выступлениях архипастырей отразилась и та дискуссия, которая состоялась на проведенной в канун Собора богословской конференции на тему «Единство Церкви», в этой связи обсуждались такие темы, как миссионерское служение, хранение предания и церковных традиций, вопрос о богослужебном языке.

Архиерейский Собор принял определения по темам, которые ставились в докладе Святейшего Патриарха Алексия II и других зачитанных на Соборе докладах, в том числе «О вопросах внутренней и внешней деятельности Церкви», «О православной миссии в современном мире», «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и неооккультизме», «Об отношении Русской Православной Церкви к межхристианскому сотрудничеству в поисках единства».

Принято было также определение «Об установлении особого ежегодного поминовения усопших в день Победы 9 мая (26 апреля)». Архиерейский Собор издал обращение в связи с началом воссоздания храма Христа Спасителя. Определения Собора по всем важным сторонам и проблемам церковной жизни нашли отражение в послании, с которым, архиерейский Собор обратился к «боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви».

Известив паству о причислении к лику святых митрополита Филарета, протопресвитера Александра Хотовицкого и протоиерея Иоанна Кочурова, отцы Собора в этом послании обращаются к актуальным, острым и трудным проблемам церковной и общенациональной жизни, связанным с «духовным образованием и православной миссией. Это важнейшие проблемы, стоящие и сегодня перед Русской Православной Церковью после десятилетий вынужденной изоляции от общества. Вопросы духовного и религиозного образования, возрождения православного христианского образа жизни нашего народа стали главной темой Собора»⁷⁵¹. Собор признал необходимым произвести богословское исследование оснований участия Русской Православной Церкви в межхристианских организациях, а также тщательно рассмотреть все вопросы, связанные с вовлеченностью нашей Церкви в движение за восстановление христианского единства, и разрешить недоумения верующих, возникающие в этой связи. Собор решительно осудил практику прозелитизма со стороны иностранных миссионеров, которая наносит ущерб самой идее межхристианского сотрудничества и поисков христианского единства, и одобрил уровень взаимодействия священноначалия нашей Церкви с государственными структурами власти и общественными организациями в сферах духовного просвещения, благотворительности, миротворчества, науки, культуры, охраны и восстановления исторических памятников, заботы о нравственном воспитании общества.

* * *

После архиерейского Собора 1994 г. были образованы новые отделы Московской Патриархии: отдел по взаимодействиям с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями во главе с епископом Красногорским Саввой (Волковым) и Миссионерский отдел, председателем которого Священный Синод назначил епископа Белгородского Иоанна (Попова). В октябре 1996 г. управляющим делами Московской Патриархии был назначен архиепископ Солнечногорский Сергей (Фомин), при этом за ним осталось руководство отделом церковной благотворительности. В период между двумя архиерейскими Соборами 1994 и 1997 гг. продолжали открываться новые епархии. Если на исходе 1994 г. их было 114 и они окормлялись 136 правящими и викарными архиереями, то в 1997 г. Русская Церковь вошла со 124 епархиями и 146 епископами.

2 ноября 1995 г. в возрасте 68 лет в иной мир отошел митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, архипастырь-аскет и молитвенник, духовный сын и ученик митрополита Мануила (Лемешевского), продолжавший его труды по составлению справочников по истории

Русской Церкви XX столетия, автор ряда книг и статей. Архипастырское служение митрополита Иоанна в Санкт-Петербургской епархии протекало в обстановке острого политического противоборства, и влиянием, авторитетом митрополита Иоанна злоупотребляли левые политические круги, стремившиеся к иным целям, чем митрополит. Отношение же самого архипастыря к советскому периоду в истории России было все-таки совсем другим. «Залогом будущего воскресения Святой Руси,— говорил митрополит Иоанн,— была и есть Церковь Православная, торжествующая ныне свою духовную победу над богоборцами и христоненавистниками. Церковь никого не принуждает – но всех зовет разделить с ней это ее торжество»⁷⁵². После кончины митрополита Иоанна на Санкт-Петербургскую кафедру был переведен митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Котляров), став постоянным членом Священного Синода.

В 90-х гг. Церковь потеряла еще несколько архипастырей, и среди них митрополитов Рижского Леонида (Полякова), Луганского Леонтия (Гуди-мова), архиепископов Саратовского Пимена (Хмелевского), Полтавского Савву (Бабинеца), пребывавшего на покое архиепископа Никона (Фомичева). Трагически погиб в 1994 г., вскоре после архиерейской хиротонии, епископ Саратовский Нектарий.

В середине 90-х гг. продолжалось возвращение Церкви отнятых у нее ранее храмов. В конце 1994 г. количество приходов приблизилось к 16 тыс., через год, в декабре 1995 г., Церковь насчитывала уже более 17 000 приходов, а в начале 1997 г. число их достигло 18 000. В одной только Москве, по словам Святейшего Патриарха, сказанным на Московском епархиальном собрании 12 декабря 1996 г., в ведении Церкви находилось 389 храмов, в том числе 254 приходских. Из них в 298 совершалось богослужение, а в 80 оно не было возобновлено. Число московских храмов приблизилось к дореволюционному, правда, Москва имела тогда около 400 церквей, и среди них около 300 приходских, в той черте города, которая ныне опоясывает только центр столицы и прилегающие к нему районы, а население города выросло с тех пор более чем в 5 раз. В Москве в декабре 1996 г. на приходах служило 480 священников и 165 диаконов; в это число, естественно, не входит монастырское духовенство.

О трудностях и недостатках приходской жизни, о задачах духовенства, как неизменных и вечных, не зависящих от обстоятельств времени, так и диктуемых злобой дня, напоминает Святейший Патриарх Алексей II в своих традиционных выступлениях на Московских епархиальных собраниях, созываемых в конце каждого года. Так, в слове на епархиальном собрании в декабре 1995 г. Патриарх Московский и всея Руси с особой озабоченностью говорил о том, что некоторые клирики не дорожат церковными традициями:

«В основном это связано с духом времени, с общим обмирщением, секуляризацией сознания и поведения... Это приводит к вольным или невольным искажениям всей церковной жизни... Некоторые в последнее время активно пытаются внедрить на приходах религиозно-демократический плюрализм, хотя и в рамках единой Церкви. Правомерно и справедливо говорить о религиозном плюрализме в государстве, но не внутри Церкви... В Церкви – не демократический плюрализм, а благодатная соборность и свобода чад Божиих в рамках закона и святых канонов, которые не стесняют доброй чистоты свободы, но ставят преграду греху и чуждым Церкви элементам. Известно, что тем, кого сегодня стесняют каноны и традиции, кому трудно и чуждо послушание священноначалию, завтра будут мешать и догматы: начнутся разговоры об их неактуальности, реакционности и т. д. Для всякого православного совершенно понятно, что догматы и каноны нужны для его бессмертной души и вечной жизни, а не для сиюминутных мирских интересов. Апостольские, святоотеческие традиции, предания, каноны – это основа структуры Церкви. Без этого все рухнет в Церкви, превратится в хаос»⁷⁵³. Особенную тревогу вызывают некоторые священнослужители, чаще столичные клирики, которые публично

выражают сомнения в истине православия.

В этой же речи Святейший Патриарх выразил также озабоченность составом духовенства, хиротонисанного в последние годы, в обстановке острого кадрового недостатка при массовом возвращении храмов Церкви: «Эти люди – «младенцы в вере», не окрепшие в церковном подвиге. Им трудно перемениться, отрешиться от прежних интересов и понятий. Они приносят с собой в Церковь груз прежних, светских представлений, на основе которых часто поверхностно судят о церковной жизни, не входя в благодатный апостольский и святоотеческий опыт двухтысячелетнего бытия Церкви... Мы будем повышать требовательность к кандидатам на церковные должности»⁷⁵⁴.

Патриарх Алексей II коснулся и такой болезненной темы, как «младо-старчество»:

«Весьма заметным за последнее время стало увлечение молодых священников духовничеством... причем происходит это из добрых, ревностных побуждений, а результат бывает плачевный и для исповедующихся, и для самих священников. Священник впадает в прелесть, во внутреннее горделивое самомнение, а исповедник получает только кажущееся облегчение души... Старчество – это особое харизматическое дарование, связанное с рассудительностью духовной, с различением духов, и дается оно избранным, прошедшим долговременную школу послушания, смирения, победившим страсти и стяжавшим Святого Духа... Поэтому хочу предостеречь духовенство от такого «руководства», от такого «старчества», когда, по Евангелию, слепой ведет слепого»⁷⁵⁵.

Святейший Патриарх Алексей II во всех своих выступлениях перед духовенством первостепенное внимание уделяет религиозному воспитанию детей на приходах, устройению воскресных школ и организации обучения в них. В этой связи на Московском епархиальном собрании 1996 г. он, в частности, сказал: «Дети должны получать не только православное образование, но в первую очередь православное воспитание в духе скромности, страха Божия, благоговения и благочестия»⁷⁵⁶. Святейший Патриарх коснулся и состояния церковных «ящиков», где «должна продаваться литература, носящая исключительно церковно-православный характер. Недопустима продажа в храме... икон и изображений святых, не канонизированных нашей Церковью»⁷⁵⁷.

Число обителей, возвращенных Церкви, продолжало увеличиваться и в период между Соборами 1994 и 1997 гг., составив на конец 1995 г.— 337 монастырей и 40 монастырских подворий, а на конец 1996 г.— уже 395 монастырей и 49 подворий. Только в Москве восстановлено 4 мужских и 4 женских обители. Большинство возобновленных монастырей – это малобратствен-ные обители; в женских монастырях больше насельниц, монахинь и послушниц, чем насельников в мужских обителях, но так было в России и в синодальную эпоху, особенно во 2-й половине XIX в. Насельникам и насельницам разоренных монастырей приходится нести прежде всего труднический подвиг, реставрировать храмы, ремонтировать и строить церкви, корпуса келий и другие монастырские здания, часто восстанавливая их из руин. Но в некоторых из обителей, возвращенных Церкви в последнее десятилетие, произошло полноценное восстановление и внутренней аскетической подвижнической жизни, эти монастыри стали наряду с обителями, существовавшими до 1000-летия Крещения Руси, очагами духовной жизни, духовного наставления и учительства для православного русского народа. Это Киево-Печерская лавра, московский Новоспасский и Донской монастыри, далекие северные монастыри на Соловках и Валааме, Оптиная пустынь; монашеская жизнь процветает в таких женских обителях, как Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге, Дивеевский, Ново-Голутвин в Коломне.

Помощь монастырям в восстановлении и устройении монашеской жизни осуществляет образованная при Синоде Комиссия по делам монастырей, первым председателем которой был архиепископ Владимирский Евлогий; ныне ее возглавляет наместник Новоспасского монастыря

епископ Орехово-Зуевский Алексей (Фролов). В 1996 г. он был назначен также председателем финансово-хозяйственного управления, заменив в этой должности протопресвитера Матфея Стаднюка. На заседании Священного Синода 17 февраля 1997 г. финансово-хозяйственное управление было упразднено, а его полномочия переданы Комиссии по экономическим и гуманитарным вопросам, председателем которой Синод назначил епископа Орехово-Зуевского Алексея. Он несет еще и обязанности председателя синодальной богослужебной комиссии.

Благодатным событием в жизни Русской Церкви явилось пребывание в Москве с 25 апреля по 12 июня 1996 г. святых мощей великомученика и целителя Пантелеймона из Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне в Богоявленском кафедральном соборе, на Афонском подворье, в Донском, Даниловском и Новоспасском монастырях. Поклониться этим мощам и помолиться у них приходили и приезжали не только православные москвичи, но и жители отдаленных мест России. Храмы были переполнены, приходилось простаивать в очереди по 10—11 часов, чтобы приложиться к святым и цель-боносным мощам угодника Божия. При этом совершались благодатные исцеления.

Значительным событием церковной жизни 1996 г. стал Всероссийский миссионерский съезд, проведенный в Белгороде с 11 по 14 ноября по инициативе Миссионерского отдела Московской Патриархии. В съезде участвовали миссионеры из всех епархий Русской Церкви. Внимание участников съезда, выступивших с докладами и сообщениями, сосредоточено было на так называемой внутренней миссии, на христианском просвещении и воцерковлении людей, принадлежащих к традиционно православным народам России, но оторвавшихся от Церкви в годы атеистической диктатуры. Председатель съезда епископ Белгородский Иоанн, возглавляющий Миссионерский отдел, в интервью газете «Радонеж» сказал: «Очень важно, чтобы священники знали, с чем пойти к людям, каким арсеналом средств вооружиться. Одна из самых серьезных проблем – это взаимоотношения с той культурой, которая сложилась в обществе. Нужно дать ей оценку, правильно ее распознать, чтобы не наделать неправильных шагов, скажем, в деле духовного просвещения, чтобы быть верными тем целям, которые объявлены православной миссией на ее съездах»⁷⁵⁸.

* * *

Во внешней деятельности Русской Православной Церкви в 90-х гг. важнейшим событием явилась состоявшаяся 15 марта 1992 г. в Константинополе встреча предстоятелей автокефальных и автономных православных Церквей, где было принято послание предстоятелей святых православных Церквей, отражающее вопросы, волнующие Церковь и современное общество. В 90-х гг. Русская Церковь по-братски помогала Сербской и Болгарской Церквам, одна из которых вместе со своим народом пережила безмерные страдания и понесла большие утраты, а другая должна была залечивать раны, нанесенные ее единству раскольниками, оказавшись в ситуации, подобной той, какая сложилась в Украинской Православной Церкви в 90-х гг. Братские отношения развивались также с другими автокефальными Церквами.

Но Православная Церковь столкнулась в 90-х гг. и с острым кризисом, возникшим из-за обострения отношений между двумя самыми влиятельными поместными православными Церквами – Российской и Константинопольской. Отношения были омрачены, во-первых, тем обстоятельством, что Константинопольская Патриархия приняла в общение и в свою юрисдикцию несколько украинских епископов-автокефалистов из эмиграции, а во-вторых, ситуацией, сложившейся в Эстонской Церкви, которая изначально была частью Русской Православной Церкви. Эстонские власти отказали в регистрации Эстонской Апостольской Православной Церкви во главе с архиепископом Корнилием. Вместо этого 11 августа 1993 г. департамент по делам вероисповеданий при Министерстве внутренних дел Эстонской республики зарегистрировал устав ЭАПЦ, поданный зарубежным, Стокгольмским, «синодом»,

который не включал в свой состав ни одного архиерея и с канонической точки зрения был учреждением совершенно неправомочным. Тем не менее регистрация спровоцировала раскол: группа священников и мирян в самой Эстонии объявила о своем подчинении зарубежному «синоду», начался захват канонических приходов Эстонской Церкви раскольниками, поощряемый властями, признавшими организацию, возглавляемую зарубежным «синодом», правопреемником Эстонской Церкви, существовавшей до 1940 г., и наследником ее имущества. Каноническая Церковь была объявлена правительством Эстонии «оккупационной Церковью». Для регистрации канонической Церкви Эстонии власти требовали от архиепископа Корнилия изменить название Церкви, что должно было бы обозначать отказ от прав на храмы и имущество, принадлежавшее ей ранее или используемое ею. В октябре 1994 г. эстонские власти обратились к Патриарху Константинопольскому Варфоломею с просьбой о принятии в свою юрисдикцию раскольников, связанных со Стокгольмским «синодом». Патриарх Варфоломей дал положительный ответ. Несмотря на то что решительное большинство клириков и мирян в Эстонии сохранили верность архиепископу Корнилию и Церкви Матери, в раскол ушли 10 священников, 8 из которых находились под каноническим запрещением. Уклоняясь от переговоров с Московской Патриархией, Константинопольский Патриарх призвал эстонское духовенство перейти под его омофор. 20 февраля Синод Константинопольской Патриархии, сославшись на «настоятельную просьбу Эстонского правительства», принял решение о восстановлении томоса Патриарха Мелетия IV от 1923 г. и учреждении на территории Эстонии автономной православной Эстонской митрополии в составе Константинопольской Патриархии. Временное управление митрополией было поручено архиепископу Карельскому и всей Финляндии Иоанну. Единственно возможной реакцией на учинение раскола в Эстонии со стороны Московской Патриархии было временное приостановление канонического общения с Константинопольской Патриархией. Этот шаг священноначалия Русской Православной Церкви и поддержка его со стороны других автокефальных православных Церквей, видимо, подействовали отрезвляюще. Начались интенсивные переговоры между представителями Русской и Константинопольской Церквей, результатом которых явилась договоренность о том, что в Эстонии будет параллельная юрисдикция двух Патриархатов, с тем чтобы клирики и церковный народ добровольно выбрали свою юрисдикционную принадлежность. Договорились также о том, что обе Патриархии будут просить эстонские власти о легализации и регистрации приходов обеих юрисдикции. Но власти Эстонии упорствуют в непризнании законных прав православных жителей своей страны, желающих остаться под омофором Святейшего Патриарха Алексия II – предстоятеля Церкви Матери для православных в Эстонии.

Во взаимоотношениях с дохалкидонскими Церквями важнейшим событием явилось завершение официального богословского диалога между православными и дохалкидонскими Церквями по христологической проблематике. Особенно теплый и братский характер носят отношения Русской Православной Церкви с Армянской Григорианской Церковью, возглавляемой Патриархом-Католикосом Гарегинном; эти отношения не были омрачены распадом СССР и последовавшим за этим трагическим и сложным развитием событий в Закавказье.

На взаимоотношениях с Римско-католической Церковью в 90-х гг. негативным образом отразилась ситуация, сложившаяся в Галиции, где православная Церковь явилась жертвой униатской экспансии. Ватиканская дипломатия в России и других странах на канонической территории Русской Православной Церкви укрепляла позиции католических общин, стремясь к расширению сферы влияния Римско-католической Церкви, в том числе и за счет интересов православной Церкви, не согласуя свои инициативы и действия со священноначалием Русской Православной Церкви. Позиции Русской Православной Церкви по вопросу о взаимоотношениях

с католической Церковью изложил Святейший Патриарх Алексий II на архиерейском Соборе 1994 г.: «Восстановление католических структур на нашей канонической территории должно соответствовать реальным пастырским нуждам и способствовать восстановлению религиозной, культурной и лингвистической идентичности народов, имеющих традиционно католические корни. Только такой подход мог бы способствовать восстановлению нормальной межконфессиональной атмосферы, существовавшей в России до революции»⁷⁵⁹. Святейший Патриарх Алексий II напомнил далее о Женевских встречах 1992 и 1994 гг., где особо акцентировался вопрос о необходимости своевременного информирования архиереев Русской Православной Церкви католической стороной «до претворения в жизнь ее пастырских проектов, таких, как создание католических приходов и других учреждений католической Церкви», но на практике такого не происходит. Подход к России как к абсолютной религиозной пустыне, продолжил Патриарх, усиливает подозрения в прозелитической окраске путей и методов «новой евангелизации», так, как ее видит Римско-католическая Церковь в России и странах СНГ. Это и служит источником межконфессиональных напряжений в стране, потому что за тысячу лет Русская Православная Церковь стала в России такой же национальной Церковью, как, например, Римско-католическая в Польше или Италии. Далее Патриарх Алексий II привел и положительные примеры православно-католических отношений. «Это инициатива Шевтоньского и других 15 бенедиктинских и цистерцианских монастырей, помогающих возрождению православного монашества, ряд инициатив католических епископов Северной Италии из Тренто и Милана, комиссии «Экуменизм и диалог» Веронской епархии».

В докладе на Московском епархиальном собрании 1995 г. Святейший Патриарх снова говорил об униатском факторе, усложняющем взаимоотношения с Римско-католической Церковью. Празднование 400-летнего юбилея Брест-Литовской унии нарушает давнее соглашение, признававшее, что уния не ведет к единству Церкви. Возрождение унии несет опасность для Церкви и народа. «Более 120 католических священников сегодня работают в Белоруссии,— продолжал Святейший Патриарх.— Из них 106 являются гражданами Польши и насаждают католицизм и польский национализм, причем занимаются прозелитизмом неприкрыто. И на это взирать успокоенно нельзя»⁷⁶⁰.

В 90-х гг. Русская Церковь, как никогда в прошлой своей истории, явилась объектом агрессии со стороны тоталитарных, а также крайних протестантских сект, главным образом из США. Прозелитическую активность проявляют и некоторые протестантские деноминации с более приличной репутацией вроде американских методистов или лютеранской Церкви Финляндии, которая «миссионерствует» среди народов угро-финской языковой семьи, в особенности в Мордовии. В целях религиозной пропаганды подчас используется и гуманитарная помощь, оказываемая нашей стране. Все это подрывает доверие православного народа в России к экуменическим контактам с протестантскими Церквями, вызывает у местных священнослужителей и мирян сомнения в целесообразности участия нашей Церкви во ВСЦ, где преобладает влияние протестантских Церквей. Тем не менее в разных формах продолжается богословский диалог с англиканской Церковью, с евангелическими и лютеранскими Церквями, но внедрение в жизнь этих Церквей женского священства и даже женского епископата усложняет ведение диалога.

Одним из значительных событий в деятельности ВСЦ явилась конференция «Вера и церковное устройство», которая была проведена в 1993 г. в Сантьяго-де-Компостелла (Испания). В этой конференции участвовала и делегация Русской Православной Церкви. Подводя итоги своей 30-летней деятельности после Монреальской конференции, конференция «Вера и церковное устройство» наметила перспективы на будущее, в частности предполагается сосредоточить усилия на тщательном изучении вопросов экклезиологии.

В докладе на архиерейском Соборе 1994 г. Святейший Патриарх Алексей II дал позитивную оценку участию Русской Церкви в деятельности КЕЦ, особенно отметив сотрудничество с Синодальным отделом по социальному служению и благотворительности. Большие усилия предпринимала КЕЦ по примирению враждующих частей бывшей Югославии, содействовала примирению и устранению пагубных последствий вражды, конфликтов и бедствий, в первую очередь в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове, Украине, странах Балтии. При ее содействии была издана на трех языках и распространена среди членов и партнеров КЕЦ объективная брошюра о миссии нашей Церкви в трагические дни октября 1993 г. КЕЦ была одним из инициаторов и участников Хельсинкского миротворческого процесса⁷⁶¹.

* * *

18 февраля 1997 г. кратким выступлением Патриарха Московского и всея Руси Алексия II открылся архиерейский Собор в гостинице Данилова монастыря. В Соборе участвовало 133 архипастыря, в том числе 114 епархиальных, 17 викарных и 1 находящийся на покое; 12 архиереев не смогли прибыть в Москву.

Первый день соборных заседаний был посвящен докладу первосвятителя. Святейший Патриарх доложил о трудах предстоятеля Русской Церкви и Священного Синода, о положении епархий, монастырей и приходов. За межсоборный период Патриарх Алексей II посетил 20 епархий. Его визиты способствовали решению ряда вопросов, требовавших совместных действий Церкви и различных ветвей власти, а также привлекали внимание местного руководства и общественности к нуждам епархий, монастырей, приходов. Патриаршие богослужения собирали большое количество архиереев, клириков и верующих, в том числе прибывавших из близлежащих епархий. Это было зримым воплощением церковной полноты и соборности.

Особое внимание докладчик уделил церковной жизни Московской епархии, правящим архиереем которой он является, подчеркнув, что «опыт Москвы сегодня заимствуют многие епархии нашей Церкви». Далее Святейший напомнил о тех знаменательных событиях, которые происходили в период между Соборами. 7 сентября 1995 г. в связи с 600-летием московского Сретенского монастыря был совершен торжественный крестный ход из Успенского собора Кремля в эту святую обитель. На следующий день, как и 600 лет назад, православные москвичи встречали великую святыню – чудотворную Владимирскую икону Божией Матери, привезенную на литургию из Третьяковской галереи. 25 октября Патриарх освятил Иверскую часовню и Воскресенские ворота на Красной площади, а накануне тысячи москвичей вместе с Патриархом, архиереями и духовенством участвовали в торжественной встрече образа Царицы Небесной – нового списка с Иверской иконы Богоматери, привезенного с Афонского монастыря.

За время, прошедшее после архиерейского Собора 1994 г., были приняты решения об образовании новых епархий: Абаканской, Белгородской, Томской, Элистинской, Сыктывкарской, Мурманской. По решению Священного Синода Украинской Православной Церкви образованы две новые епархии на Украине – Владимир-Волынская и Криворожская.

Святейший Патриарх привел следующие статистические данные о действующих монастырях: 185 мужских и 205 женских, из них 242 в России, 89 на Украине, 57 в других странах СНГ, Балтии и дальнего зарубежья, а также 47 монастырских подворий.

«Конечно, не все наши монастыри вполне готовы к активной деятельной миссии,— продолжал Патриарх, не скрывая тех трудностей, которые переживают насельники и насельницы в своих обителях.— Главные причины – в разрыве преемства религиозного образования и воспитания, в ужасающем кадровом кризисе, доставшемся нам от времен богоборчества. Те, кто приходит сегодня в монастырь, зачастую имеют весьма приблизительные, а иногда и искаженные представления об иноческом пути. Вот почему так важно обращать особое

внимание на мотивы, приводящие человека в обитель. К большому сожалению, в монастырях мало духовников, способных бережно вести своих чад ко спасению, содействовать их духовной жизни... Духовное созидание обители становится возможным, только если духовник и настоятель или настоятельница находят согласие в вопросах устройства монашеской жизни. С сожалением должен констатировать тот факт, что сегодня нередки конфликты между настоятелями монастырей и правящими преосвященными»

Но есть и немало отрадных примеров из жизни монастырей, которые привел Патриарх в докладе. Так, при Свято-Николаевском Черноостровском женском монастыре создан приют «Отрада» для девочек-наркоманок, сотни людей приходят в Серпуховской монастырь к иконе Божией Матери «Не-упиваемая чаша». Особой областью социального служения становится прием многочисленных паломников, приток которых в монастыри увеличивается.

Касаясь миссионерского служения в Церкви, Святейший Патриарх особо отметил работу по организации миссии среди молодежи. Отдельный раздел доклада посвящен церковной благотворительности и социальному служению: «По официальным статистическим данным, в России от одной четверти до одной трети населения живет за чертой бедности, а это означает и неустроенный быт, и плохое питание, и болезни. Очевидно, что Русская Православная Церковь, вернув себе право исконного социального служения, должна не только восстановить в предельно сжатые сроки утраченные навыки масштабной и одновременно адресной социальной работы, но и стать полноправным субъектом той социальной политики, которая смогла бы изменить нынешнюю драматическую ситуацию»⁷⁶².

В докладе предстоятеля Русской Православной Церкви подробно охарактеризованы такие важные стороны церковной жизни, как духовное и религиозное образование, церковная работа с молодежью в рамках Всецерковного православного молодежного движения, взаимодействие с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, финансовое положение Церкви и ее экономическая деятельность.

В отделе доклада, посвященном межправославным связям, Святейший Патриарх подчеркнул традиционно братские отношения Русской Церкви с православными поместными Церквами, с удовлетворением отметив положительные сдвиги в урегулировании конфликта между Русской и Румынской Церквами. Особо Святейший Патриарх остановился на характеристике весьма сложных взаимоотношений с Константинопольским Патриархатом:

«Мы были вынуждены пойти на крайнюю меру – приостановить евхаристическое и каноническое общение Русской Православной Церкви с Константинопольским Патриархатом, а также поименование имени Патриарха Константинопольского за патриаршим богослужением в Русской Православной Церкви... В марте-апреле 1996 г. состоялось несколько консультаций между представителями Константинопольского и Московского Патриархатов по выходу из сложившейся кризисной ситуации. 16 мая 1996 г. совместным решением Священных Синодов двух Патриархатов стороны договорились о восстановлении канонических отношений при условии четырехмесячного моратория на исполнение решения Константинополя об учреждении его юрисдикции на территории Эстонии и снятия Московским Патриархатом канонических прещений с клириков, самовольно перешедших в константинопольскую юрисдикцию. Общение между двумя Церквами было восстановлено»⁷⁶³.

Говоря о положении на Украине, Святейший Патриарх отметил, что, «несмотря на все усилия раскольников, поддержанных в некоторых местах властью и прессой», украинская паства отвергла новый соблазн раскола, который не получил заметного распространения.

«В настоящее время две основные неканонические группировки на Украине, «Украинская православная Церковь – Киевский Патриархат» и «Украинская Автокефальная Православная Церковь», обладают приблизительно одинаковым весом (на начало 1996 г. УПЦ-КП имела 1332

прихода, УАПЦ – 1209) и вынуждены делить между собой паству на территории Западной Украины, Ровенской, Волынской и Киевской областей. С радостью свидетельствую, что большинство пастырей и мирян сохранили верность канонической Украинской Православной Церкви, находящейся в духовной связи с Московским Патриархатом и молитвенно-евхаристическом общении со всеми поместными православными Церквями. В юрисдикцию этой Церкви входит свыше 6500 приходов. Возношу хвалу Господу, укрепившему верных Своих, и молюсь, дабы крепкая десница Его «оградила их от новых обстояний»⁷⁶⁴.

Отношения с пребывающим в расколе с Московским Патриархатом так называемым архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей, по словам Святейшего Патриарха, продолжают оставаться напряженными. Их возможному положительному развитию препятствуют случаи принятия этой Церковью в свою юрисдикцию клириков Московского Патриархата, запрещенных в священнослужении за различные нарушения канонической дисциплины.

«Стоит, однако, отметить, что среди епископата Русской Зарубежной Церкви становится заметным стремление к поиску взаимоприемлемых форм диалога с Московским Патриархатом... Есть положительные сдвиги во взаимоотношениях между Русской Православной Церковью и православными общинами русского рассеяния в Европе, некогда отделившимися от нашей Церкви в результате перехода митрополита Евлогия (Георгиевского) в Константинопольский Патриархат. В 1995 г. впервые за многие десятилетия Русскую Церковь посетил глава русских Западноевропейских приходов Константинопольского Патриархата архиепископ Евкарпийский Сергей. 7 мая 1995 г. архиепископ Сергей сослужил мне за Божественной литургией в Успенском соборе Московского Кремля».

Затем Святейший Патриарх обратился к положению православных общин в Китае: «В 1997 г. исполняется 40 лет дарования Русской Православной Церковью автономии православной Церкви в Китае. Мы возлагаем наши надежды на возрождение православия в Китае, с XVII в. распространявшегося в этой стране трудами российских миссионеров. Китайская Автономная Православная Церковь разделила с Матерью Церковью тяжкое время гонений на веру. С благодарением Богу мы воздаем честь и славу мученикам и исповедникам святого православия в Китае. Поскольку в настоящее время Китайская автономная православная Церковь не имеет своего предстоятеля, до его избрания Поместным Собором этой Церкви исполнение его обязанностей было и остается заботой предстоятеля матери Церкви – Патриарха Московского и всея Руси».

В разделе доклада, посвященном межконфессиональным и межрелигиозным отношениям, Патриарх, с одной стороны, отметил добрый христианский характер взаимоотношений нашей Церкви с древними Восточными (дохал-кидонскими) Церквями, а с другой – большие проблемы, возникшие в отношениях с Римско-католической Церковью, главным образом из-за униатской экспансии в Галиции и других регионах Украины, активизации униатов в Белоруссии и попытках прозелитической активности Ватикана в России и других странах на канонической территории Московского Патриархата.

«Местные власти города Львова, открыто поддерживающие греко-католиков, отказывают епископу Львовскому и Дрогобычскому Августину в выделении земли для строительства нового храма, хотя единственный принадлежащий Украинской Православной Церкви храм во Львове не вмещает всех прихожан, вынужденных в праздничные дни молиться на паперти...»⁷⁶⁵.

Вместе с тем существует и ряд положительных примеров сотрудничества православных и католиков в области благотворительности, миротворчества, в научно-богословской сфере: межконфессиональная конференция в Минске, богословские собеседования с Германской епископской конференцией. Все эти мероприятия, равно как и встречи Патриарха с

представителями католической Церкви во время визитов в Венгрию и Германию, могут служить примерами сотрудничества Церквей в преддверии великого юбилея 2000-летия пришествия в мир нашего Господа и Спасителя.

Обратившись затем к взаимоотношениям с протестантским миром, Святейший Патриарх положительно оценил результаты ряда собеседований с протестантскими Церквями и в то же время резко осудил прозелитическую активность инославных миссионеров, которая «наносит непоправимый вред международной христианской солидарности... Проповедь таких миссионеров объективно приводит не к распространению Благой вести, а к отрыву верующих от православной Церкви. Такое миссионерство оскорбляет национальные и религиозные чувства людей, поскольку игнорирует и духовные и культурные традиции народа. Многие пришлые миссионеры приспосабливаются к быстро меняющейся обстановке, пользуются материальными затруднениями наших сограждан и их религиозной неподготовленностью. Если в начале 90-х гг. приезжие миссионеры делали ставку на широкомасштабные акции, то теперь их деятельность направлена прежде всего на создание местных общин. В этой связи надо упомянуть Объединенную методистскую Церковь США, которая с 1990 г. работала в России как иностранная религиозная организация, предоставлявшая гуманитарную помощь, а в 1996 г. уже была зарегистрирована Российская методистская Церковь... Активность сект, достигнув наивысшей точки в 1990—1994 гг., в настоящее время немного снизилась. Деятельность «Белого братства» и «Аум Синреке» была прекращена решением суда. С болью должен констатировать, что в развитии прозелитизма есть и доля нашей вины: люди отходят от православия в силу недостатков нашей просветительской и миссионерской работы, нежелания отдельных священнослужителей кропотливо трудиться над духовным воспитанием приходящих в Церковь людей»⁷⁶⁶.

Далее Святейший Патриарх говорил об участии Русской Православной Церкви в работе Всемирного Совета Церквей. Представители Церкви были посланы в Сальвадор (Бразилия) на 11 Всемирную конференцию по миссии и евангелизации для обсуждения темы «Призвание к единой надежде – Евангелие в различных культурах» (ноябрь-декабрь 1996 г.), в работу которой, по словам Святейшего Патриарха, делегация внесла заметный вклад. В докладе Патриарх Алексей II уделил внимание и деятельности в рамках такой авторитетной региональной христианской организации, как Конференция Европейских Церквей.

Отдельный раздел доклада Патриарха посвящен отношениям Церкви с государством и светским обществом, которые в целом характеризовались отсутствием зависимости и давления. Предстоятель Русской Церкви назвал делом первостепенной важности для церковно-государственных взаимоотношений процесс совершенствования законодательства о свободе совести и религиозных организациях:

«Пожелания Церкви к новому законодательству известны: это наведение большего порядка в регламентации религиозной деятельности иностранцев и иностранных организаций, защита личности и общества от разрушительной деятельности псевдорелигиозных объединений, обеспечение нормального доступа Церкви к православным людям в армии и школе, освобождение церковных структур от чрезмерного налогового бремени»⁷⁶⁷.

Говоря о миротворческом служении Церкви, Святейший Патриарх затронул трагическую тему войны в Чечне, и в частности упомянул протоиерея Сергия Жигулина (принявшего затем постриг с именем Филипп), который был освобожден из плена почти через полгода после многих усилий со стороны церковного священноначалия, властей России и зарубежных государств, международных и общественных организаций, священника Анатолия Чисто-усова, взятого в плен вместе с отцом Сергием, которого, по многим сведениям, уже нет в живых. 9 января этого года в Чечне были захвачены настоятель грозненского храма Архистратига

Михаила иеромонаха Евфимий (Беломестный) и сопровождавший его церковнослужитель Алексей Равилов. Они были освобождены также после многих усилий 24 января.

С особой тревогой Патриарх Алексей II говорил о пагубном для нравственного здоровья общества влиянии ряда средств массовой информации, особенно телевидения, навязчиво пропагандирующих разврат и насилие: «Все это особенно прискорбно, если иметь в виду, что количество материалов, нравственно воспитывающих человека, на телевидении, радио и в газетах сведено до критического минимума. А многие компьютерные игры уже с детства учат убивать. Полагаю, что и эта проблема должна быть разрешена законодательной властью»⁷⁶⁸.

В своем докладе Святейший Патриарх остановился и на таком вопросе, как отношение Церкви к политической борьбе:

«Позиция активного нейтралитета Церкви по отношению к политической борьбе стала вызывать во внецерковных кругах все больше уважения. Однако не прекращались попытки втянуть священнослужителей и церковные структуры в политическую борьбу, заставить нас связать Церковь с той или иной политической силой, партией, группой лидеров». 21 марта 1996 г. Священный Синод определил, что Церковь должна хранить верность своему миротворческому призванию, не допуская даже тени осуждения людей за их политические убеждения. «С удовлетворением отмечаю,— продолжил Святейший,— что в целом подавляющее большинство епархиальных преосвященных, священнослужителей и руководителей средств массовой информации, имеющих церковное благословение, выполнили это определение Синода. Однако были и другие примеры. Некоторые группы духовенства, а иногда и епархиальные преосвященные дали вовлечь себя прямым образом в предвыборную агитацию – особенно перед президентскими и губернаторскими выборами. Были даже случаи агитации с амвонов во время богослужения. Еще больше проблем возникло с некоторыми религиозно-общественными организациями и околоцерковными средствами массовой информации... Эти структуры вплотную занялись политикой, да еще и в конфронтационном духе». В докладе Святейшего нашла выражение реакция духовенства и церковного народа на клеветнические публикации ряда газет, посвященные церковной жизни: «Спорить с ними просто бесполезно... Мы не забываем о призыве апостола Павла, обращенном к каждому христианину: От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников (2 Тим. 2. 23—25)»⁷⁶⁹.

Последний раздел доклада посвящен общецерковному издательскому делу, особое место в докладе было уделено изданию капитальной «Истории Русской Церкви» и началу работ над многотомной «Православной энциклопедией»⁷⁷⁰. Свой доклад Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II закончил обращенным к архиереям призывом к единодушию в обсуждении тех проблем, которые стоят перед Русской Православной Церковью.

19 февраля на архиерейском Соборе выступили с докладами митрополиты Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Минский и Слуцкий Филарет и епископ Верейский Евгений.

Председатель Комиссии Священного Синода по канонизации святых митрополит Ювеналий доложил Собору о проделанной комиссией в межсоборный период работе по изучению жизни подвижников веры. Главным в деятельности комиссии, по словам ее председателя, оставался вопрос, связанный с изучением материалов о жизни и мученической кончине царской семьи:

«Прежде всего мы должны были уяснить для себя всю сложность и противоречивость той трагической эпохи, на фоне которой проходило правление последнего российского императора. Мы также не могли не учитывать и разнообразных, порой кардинально противоположных мнений, сложившихся в Церкви и в обществе в оценке деятельности императора Николая II. В

своем докладе Святейшему Патриарху и Священному Синоду 10 октября минувшего года я изложил выводы комиссии о канонизации царской семьи и хотел бы их кратко напомнить: «Подводя итог изучению государственной и церковной деятельности последнего российского императора, комиссия не нашла в них достаточных оснований для его канонизации». Однако в осмыслении страданий и мученической кончины царской семьи комиссия нашла возможным поставить вопрос о причислении к лику святых страстотерпцев членов царской семьи на основании последнего периода их жизни»⁷⁷¹.

Митрополит Крутицкий Ювеналий представил архиерейскому Собору материалы для канонизации в числе священномучеников, погибших в 1937 г., архипастырей: Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Крутицкого Петра, митрополита Серафима (Чичагова), архиепископа Фаддея (Успенского).

Затем с докладом выступил председатель Богословской комиссии митрополит Минский Филарет. По вопросу об участии Русской Церкви в ВЦС были сделаны следующие выводы: необходимо вынести на межправославное обсуждение весь комплекс вопросов, связанных с участием представителей православных Церквей в контактах с инославным миром, и в работе в международных христианских организациях. Эта деятельность должна быть строго регламентирована.

Давая оценку так называемого «Второго общего заявления» Смешанной комиссии по диалогу между православными Церквами и Восточными православными Церквами, принятого в Шамбези в сентябре 1990 г., митрополит Филарет сказал: «Мы не рассматриваем заявление как полное и исчерпывающее положение православной христологии. Поскольку заявление является согласительным документом, в нем отсутствует упоминание о двух волях и двух действиях в Иисусе Христе: числительное «два» в этом контексте вызывает у представителей Восточных православных Церквей мысль о несторианском разделении. Вместе с тем в документе ясно говорится о «двух природах», что свидетельствует о невозможности отождествлять учение Восточных православных Церквей с монофизитством. Ввиду того что членами Смешанной комиссии по диалогу с Восточными православными Церквами являлись представители всех православных Церквей, целесообразно серьезное изучение вопросов, связанных с диалогом, на всеправославном уровне. Не менее важно для нас обсуждение как предмета, так и хода диалога с Восточными православными Церквами в широких кругах духовенства, богословов и мирян Русской Православной Церкви»⁷⁷².

Доклад исполняющего обязанности председателя Учебного комитета и ректора Московских духовных школ епископа Вереяского Евгения был посвящен проблемам богословского образования. Им были обозначены такие проблемы, как нехватка преподавательских кадров, снижение числа рукоположений среди выпускников семинарий и финансовые трудности. Епископ Евгений доложил Собору о ходе работ над концепцией богословского образования, которую архиерейский Собор 1994 г. постановил осуществить к 2000 г.

Острый, критический характер носило выступление в дискуссии, состоявшейся на Соборе, епископа Львовского Августина (Маркевича). Рассказав о трагической ситуации в его епархии и во всей Галиции, он упрекал собратьев-архипастырей в недостаточном противостоянии униатскому прозилетизму. Епископ Августин дал весьма жесткую характеристику проявлениям неомонофизитства, назвав ряд священников, примыкающих к этому направлению, пятой колонной Ватикана и упрекал ОВЦС и Петербургскую Духовную Академию в покровительстве неомонофизитам. На Церковь, по словам епископа Августина, ополчились «все силы зла: коммунисты, демократы, католики, протестанты». В этой обстановке необходимо свято блюсти чистоту православия. Об опасности дальнейшего участия нашей Церкви в экуменическом

движении говорил епископ Уфимский Никон (Васюков). Критическое отношение к экуменизму выразил в своем выступлении и епископ Тернопольский Сергей (Генсицкий). Постоянные члены Священного Синода митрополиты Смоленский Кирилл и Крутицкий Ювеналий, архиепископ Солнечногорский Сергей хотя и полемизировали между собой в оценке эффективности участия представителей нашей Церкви в деятельности ВСЦ в прошлом, но в основном высказались за то, чтобы Русская Православная Церковь оставалась во Всемирном Совете Церквей. Их поддержали епископы Уральский Антоний (Москаленко) и Зарайский Павел (Пономарев), управляющий приходами Московского Патриархата в США.

Митрополит Киевский Владимир говорил о крайне тяжелом положении Украинской Православной Церкви, против которой ополчились раскольники-автокефалисты, униаты, римокатолики, язычники, греческие старостильники, раскольники из так называемой «Свободной церкви» и из Зарубежной Русской Церкви. Он просил архиерейский Собор дать Священному Синоду полномочия на диалог с братскими поместными Церквями по вопросу о положении Украинской Церкви.

Епископы Владивостокский Вениамин (Пушкарь), Новосибирский Сергей (Соколов), Тернопольский Сергей, выступившие на Соборе, ставили вопрос о том, чтобы канонизацию императора Николая II и царской семьи не откладывать до Поместного Собора, а принять решение об этом уже на архиерейском Соборе.

Большой интерес у участников собора вызвал зачитанный архиепископом Керченским Анатолием (Кузнецовым) текст речи отсутствовавшего митрополита Сурожского Антония. Митрополит Антоний поднял вопрос о духовничестве, участии Русской Православной Церкви во Всемирном Совете Церквей и экуменическом движении, отношениях православной Церкви с Церковью католической, которая, по убеждению митрополита Антония, стремится поглотить православную Церковь. Митрополит Антоний жестко критиковал папистическую тенденцию в политике Константинопольской Патриархии. Коснулся он и вопроса о канонизации императора Николая II и царской семьи, высказавшись за их прославление в лике святых и в то же время подчеркнув, что канонизация Николая II не будет обозначать канонизацию монархии как формы государственного правления.

Секретарь архиерейского Собора архиепископ Солнечногорский Сергей ознакомил соборян с содержанием многочисленных писем, присланных на Собор. В этих обращениях были выражены критическое отношение к необновленчеству, сомнения в целесообразности участия Русской Церкви во Всемирном Совете Церквей и поддержка идеи канонизации императора Николая II и царской семьи, а также затронуты и иные темы, волнующие духовенство и церковный народ.

По докладу председателя синодальной Комиссии по канонизации святых митрополита Ювеналия архиерейский Собор принял определение из 4 пунктов: «1) Одобрить деятельность Комиссии Священного Синода по канонизации святых. 2) Причислить к лику священномучеников для общецерковного почитания патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского; 1862—1937), митрополита Серафима (Чичагова; 1856—1937) и архиепископа Фаддея (Успенского; 1872—1937). 3) Вопрос о канонизации царской семьи передать для решения Поместному Собору Русской Православной Церкви. 4) Поручить епархиальным преосвященным и духовным академиям до созыва Поместного Собора направлять материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи; в синодальную Комиссию по канонизации для соответствующего изучения и последующего доклада Собору». В определении Собора по докладу председателя синодальной Богословской комиссии митрополита Филарета среди прочего говорится:

«2) Учитывая смущение, которое производят в православной среде практика так

называемых экуменических богослужений и возникновение новых тенденций в богословии и практике западного протестантизма, выразившихся в принятии женского священства, в употреблении так называемого «инклюзивного языка», приводящего к искажению подлинного библейского текста, в пересмотре новозаветных нравственных норм, регулирующих отношения между полами, считать необходимым вынести на межправославное обсуждение весь комплекс вопросов, связанных с участием представителей православных Церквей в контактах с инославным миром, в частности в двусторонних богословских диалогах, в работе Всемирного Совета Церквей и других международных христианских организаций. 3) По результатам всеправославного решения иметь суждение на архиерейском Соборе об участии или неучастии представителей Русской Православной Церкви в двусторонних и многосторонних межконфессиональных богословских диалогах, а также в работе ВСЦ и других международных христианских организаций. В настоящее же время продолжить участие представителей Русской Православной Церкви в работе международных христианских организаций, отмечая особую важность в переживаемый момент православного свидетельства в разделенном грехами христианском мире. 4) Рассмотрев информацию о ходе диалога между Православной и Восточными православными Церквами (дохалкидонскими), приветствовать дух братства, взаимопонимания и общего стремления быть верными апостольскому и святоотеческому преданию, который выражен Смешанной богословской комиссией по богословскому диалогу между православной и Восточными православными Церквами во «Втором общем заявлении и предложениях Церквам» (Шамбези, Швейцария, 1990 г.).

Заявление не должно рассматриваться как окончательный документ, достаточный для восстановления полного общения между православной Церковью и Восточными православными Церквами, так как содержит неясности в отдельных христологических формулировках. В этой связи выразить надежду на то, что христологические формулировки будут и далее уточняться в ходе изучения вопросов литургического, пастырского и канонического характера, а также вопросов, относящихся к восстановлению церковного общения между двумя семьями Церквей восточноправославной традиции»⁷⁷³.

В ходе Собора митрополит Харьковский Никодим, епископ Львовский Августин, митрополит Одесский Агафангел подняли вопрос об отлучении от Церкви лишеного сана и кощунственно называющего себя «патриархом» монаха Филарета.

Освященный архиерейский Собор отлучил от Церкви через анафематствование монаха Филарета (Денисенко) и предупредил об отлучении в случае нераскаяния монахов Иакова (Панчука) и Андрея (Горака), ранее изверженных из епископского сана. В особом акте Собор отлучил от Церкви и Г. П. Якунина, который «не внял обращенному к нему призыву к покаянию и прекращению бесчинств, продолжал кощунственно носить священнические одежды, вступил в общение с раскольническим образованием лишеного всех степеней священства монаха Филарета (Денисенко), ныне отлученного от Церкви; продолжает возводить хулы на епископат, духовенство и верных чад матери Церкви, тем нанося ей ущерб». Архиерейский Собор принял также определение о лишении сана запрещенных ранее в священнослужении архимандритов Валентина (Русанцова), Адриана (Старины) и игумена Иоасафа (Шибяева) и, призвав их к покаянию, предупредил, что в случае нераскаяния и они будут отлучены от Церкви.

Важнейшие постановления Собора составили содержание двух его определений: «Об отдельных вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Церкви» и «О взаимоотношениях с государством и светским обществом». Основные мысли этих двух определений содержатся в послании, с которым архиерейский Собор обратился к «боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви».

В этом послании говорится:

«Пройдя через десятилетия гонений, Церковь восстает сегодня из пепла, воскресает на глазах, вновь становится голосом народной совести, главной движущей силой духовного возрождения в наших странах. Но не будем обманываться этим расцветом; не будем забывать о том, что в мире сем Церковь всегда была, остается и будет гонимой. Сегодня против нее восстают различные силы, пытаясь расколоть ее и ослабить, разрушить ее целостность, посеять вражду и недоверие между ее членами, подорвать ее авторитет в глазах людей. На все эти попытки мы отвечаем единением епископата, клира и всех верных чад церковных вокруг Святейшего Патриарха как единственного канонического главы Русской Православной Церкви. В условиях свободы бесконечно возрастают возможности Церкви для ее миссии в мире, но возрастает и активность ее противников, а значит – увеличиваются и опасности, с которыми приходится встречаться каждому из ее верных чад. От нас требуется ныне особое внимание, умение отличить Духа Божия от духа заблуждения, по слову апостола: Не 'всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире (1 Ин. 4.1). Залогом спасения пусть будет для нас верность церковному единству, ибо только внутри церковной ограды можно сохраниться от соблазнов века сего... Все ближе подходим мы к великому двухтысячелетнему Юбилею пришествия в мир Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Эта дата является событием высокой духовной значимости для всего христианского мира и для каждого из нас. Мы призваны готовиться к ней всей своей жизнью, чтобы принести Господу добрый плод»⁷⁷⁴.

Архиерейский Собор обратился с письмом к председателю и депутатам Государственной Думы Российской Федерации, в котором просил при подготовке новой редакции закона «О свободе вероисповеданий» учесть то обстоятельство, что Русская Православная Церковь и в истории и в современной жизни России занимает особое место.

«Собор обращает ваше внимание на практику многих стран Европы, в которых законодательные акты, учитывая роль и значение той или иной конфессии, закрепляют ее особое положение, что отнюдь не умаляет принципа свободы вероисповедания. В качестве примеров могут быть упомянуты Болгария, Великобритания, Греция, Ирландия, Испания, Италия, Финляндия, Швеция и многие другие страны». В письме выражена озабоченность бесконтрольной деятельностью «деструктивных псевдорелигиозных организаций и зарубежных миссионеров, вносящих новые разделения в общество». Затрагивает оно и налоговое законодательство: «Средства, пожертвованные Церкви, возвращаются народу. Именно на этом принципе основана мировая практика освобождения религиозных организаций от налогов. Нельзя забывать также о том, что материальное положение Русской Православной Церкви и других традиционных религий в России усугубляется необходимостью восстановления в кратчайшие сроки общенародного достояния, «разрушенного в годы гонений»⁷⁷⁵.

Особую тревогу вызывает у архипастырей «тяжелое состояние общественной нравственности», которое усугубляется бедственным материальным положением большей части населения страны.

Архиерейский Собор 1997 г. явился свидетельством единения епископов Русской Православной Церкви, совершающих свое служение в разных государствах и регионах, вокруг первосвятителя, а за этим единением архипастырей стоит единство церковного народа в обществе, раздираемом противоречиями и враждой.

20 февраля участники архиерейского Собора совершили паломничество к святыням Москвы, посетили кремлевские соборы. В Успенском соборе Кремля совершилось знаменательное событие – предстоятель Русской Православной Церкви впервые после Патриарха Адриана взошел на патриаршее место, которое без малого 300 лет оставалось пусто.

23 февраля за Божественной литургией в храме Преображения Господня – крипте восстанавливаемого храма Христа Спасителя, которую совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении 126 архипастырей – участников архиерейского Собора, совершено было прославление священномучеников митрополита Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея.

ГЛАВА XI. Церковная диаспора

Революционные события в России, ужасы красного террора, гражданская война и поражение Белых Армий вызвали исход огромных масс русских людей — мирных беженцев и остатков разбитых войск — за пределы России: в Китай, Турцию, на Балканы, в Западную Европу и Америку. К октябрю 1920 г. только в европейских странах оказалось около 2 млн. русских; всего российскую эмиграцию начала 20-х гг. оценивают в 3—4 млн. человек, главным образом, это были люди православного вероисповедания.

Вместе с паствой за рубеж ушли и многие пастыри, и архипастыри. Конечно, большинство архиереев оставили родину и свои епархии перед лицом прямой угрозы для жизни, и все-таки с канонической точки зрения своевольное оставление епархии является предосудительным действием. Впоследствии, сознавая каноническую уязвимость своего положения на чужбине, сами архипастыри, их сторонники и апологеты ссылались на 39 правило Трулльского Собора, которым архиепископу Кипрскому, бежавшему после захвата острова мусульманами в Гелеспонт, предоставлялось право продолжить свое архипастырское служение в качестве первого епископа своей автокефальной Церкви, находящейся в изгнании на территории иной поместной Церкви — Константинопольского Патриархата. Однако ссылка на этот канон едва ли правомерна, потому что тогда произошло переселение почти всего православного народа Кипра, в XX в. лишь небольшая часть паствы вместе со своими архипастырями покинула родину.

Главными очагами русской эмиграции, если не считать те государства, которые образовались вследствие крушения Российской империи — Польшу, Финляндию, Латвию, Эстонию и Литву, — стали китайская Маньчжурия, Франция, Германия, Чехословакия, Болгария и Югославия. Крупнейшим перевалочным пунктом русских беженцев оказался на время Константинополь-Стамбул, занятый на исходе первой мировой войны войсками Антанты. 19 ноября 1920 г. в Стамбуле высадились 150 000 русских беженцев во главе с генералом П. Н. Врангелем. Среди них была и группа архиереев, в том числе Киевский митрополит Антоний (Храповицкий). Значительная часть эмигрантов переправилась оттуда в Югославию.

В Сербии, которая стала ядром нового государства — Югославии, к русским беженцам отнеслись с особым гостеприимством в благодарность России за спасение Сербии в первую мировую войну. Архиепископ Евлогий (Георгиевский), прибывший в Белград в феврале 1920 г. вместе с архиепископом Минским Георгием (Ярушевским), епископами Сумским Митрофаном (Абрамовым), Челябинским Гавриилом (Чепурным) и Белгородским Аполлинарием (Кошевым), вспоминал об искреннем радушии и гостеприимстве сербских архиереев, короля Югославии Александра, простых сербов»⁷⁷⁶.

В Югославии и Болгарии русские беженцы могли молиться в местных православных храмах. Церковная жизнь эмигрантов в Западной Европе сосредоточилась вокруг русских церквей в столичных и курортных городах: в Париже, Вене, Берлине, Брюсселе, Лондоне, Копенгагене, Дрездене, Висбадене, Карловых Варах, Марианских Лазнех, Женеве, Ницце, Канне, Мюнхене, Флоренции. Православные храмы существовали также в Харбине, ставшем крупным центром русской эмиграции в Китае.

Киевский митрополит Антоний и Волынский архиепископ Евлогий первоначально собирались затвориться в монастырях, на Афоне или в Сербии. Митрополит Антоний считал, что всякая деятельность русского высшего церковного управления за границей должна быть прекращена, а духовное окормление беженцев должны взять на себя поместные православные Церкви. «Затем, ознакомившись с действительным положением русской эмиграции и узнав о намерении генерала Врангеля во что бы то ни стало сохранить военную организацию для

возобновления борьбы с большевиками, владыка Антоний, — пишет его биограф, — пришел к непоколебимому убеждению в необходимости сохранить русскую церковную организацию» ⁷⁷⁷. Архиепископ Евлогий сообщал тогда из Женевы в Константинополь митрополиту Антонию: «Много овец осталось без пастырей... Нужно, чтобы Русская Церковь за границей получила руководителей. Не думайте, однако, что я выставляю свою кандидатуру» ⁷⁷⁸. Между тем еще 15 октября 1920 г. в Симферополе Высшее церковное управление на юге России назначило управляющим церквями в Западной Европе архиепископа Евлогия.

19 ноября 1920 г. на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в Константинопольском порту состоялось первое за пределами России заседание Высшего церковного управления на юге России, в котором участвовали митрополиты Киевский Антоний, Херсонский и Одесский Платон (Рождественский), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров) и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). На нем было принято решение о продолжении деятельности Высшего церковного управления, а также подтверждено постановление о назначении архиепископа Евлогия управляющим западноевропейскими русскими церквями, включая русские приходы в Болгарии и Румынии; за собой оставлено управление русскими церквями Югославии, Греции и Турции.

Архиереи, принявшие решение о продолжении деятельности Высшего церковного управления, находились на канонической территории Константинопольского Патриархата, поэтому они должны были вступить в переговоры с Местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Досифеем о правомерном устроении статуса своего учреждения. Эти переговоры вели митрополит Антоний и епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). Результатом переговоров явилось издание указа Местоблюстителя от 2 декабря 1920 г. об учреждении Эпитропии (Временного высшего русского церковного управления за границей) под председательством митрополита Антония в каноническом ведении Константинопольской Патриархии, которая сохраняла за собой все судебные прерогативы. В послании Патриарха Тихона 1923 г. справедливо говорилось о том, что Константинопольская Патриархия создала зарубежное ВЦУ без ведома Московской Патриархии.

Канонический статус ВЦУ был двусмысленным: образовано оно было как учреждение, подведомственное Константинопольской Патриархии, а само себя считало идентичным с Высшим церковным управлением на юге России и оставшимся в подчинении Патриарха Московского. После переезда из Константинополя в Югославию ВЦУ, не испросив и не получив отпуска от Константинопольского Патриарха, 30 июля 1921 г. обратилось к Сербскому Патриарху Димитрию с посланием, в котором говорилось о признании Патриархом Тихоном зарубежного ВЦУ. В действительности признание это было выражено лишь в косвенной форме: 8 апреля 1921 г. Священный Синод во главе с Патриархом Тихоном издал указ на имя архиепископа Финляндского Серафима, в котором говорилось: «Ввиду состоявшегося постановления Высшего церковного управления за границей считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно, впредь до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом, под управлением преосвященного Волынского Евлогия, имя которого и должно возноситься в означенных храмах вместо имени преосвященного митрополита Петроградского» ⁷⁷⁹.

Сербский Патриарх Димитрий оказал гостеприимство российскому ВЦУ за границей, предоставил ему резиденцию Патриархии в Сремских Карловцах и не стеснял его ни в чем: в отличие от Константинопольской Патриархии он считал ВЦУ учреждением Русской Церкви, подведомственным Патриарху Тихону. Само же ВЦУ, не вполне правомерно ссылаясь на указ Священного Синода и Высшего церковного совета от 20 ноября 1920 г. за № 362 о временной автономии епархий, связь которых с Патриархией прервана, действовало совершенно

независимо от Московской Патриархии, ограничивая свою каноническую связь с нею только возношением за богослужением имени Святейшего Патриарха Тихона.

Летом 1921 г. в баварском городе Бад-Рейхенгале состоялся монархический съезд русской эмиграции, на который почетными гостями были приглашены митрополит Антоний и архиепископ Евлогий. В Бад-Рейхенгале прозвучали самые радикальные высказывания: председательствовавший на съезде А. Крупенский, например, заявил, что постановления Поместного Собора 1917—1918 гг. не имеют силы, потому что они не утверждены императором. Съезд образовал Высший монархический совет во главе с А. Крупенским, почетным председателем совета стал митрополит Антоний, а его заместителем архиепископ Евлогий. На съезде была образована также церковная комиссия во главе с архиепископом Евлогием для подготовки церковного собрания, но умеренная политическая линия, которой придерживался архиепископ Евлогий, вызвала недовольство большинства членов Высшего монархического совета, и из-за их противодействия владыка Евлогий по существу дела не оказывал влияния на ход подготовки собрания. Прямым инициатором его созыва в Карловцах стал Севастопольский епископ Вениамин (Федченков), а готовили собрание митрополит Антоний и правые политические деятели русской эмиграции: Рклицкий (впоследствии архиепископ Никон), Е. И. Махарабалидзе, Н. Тальберг, граф П. Граббе.

* * *

21 ноября 1921 г. в Сремских Карловцах с согласия Сербского Патриарха Димитрия состоялось первое заседание Общецерковного заграничного собрания, потом переименовавшее себя в Русский Всеаграничный церковный Собор. В состав Собора вошли все оказавшиеся за рубежом и сумевшие добраться до Карловцев русские архиереи и члены Поместного Собора 1917—1918 гг., а также делегаты от приходов, эвакуированной армии, от монашествующих и лица, приглашенные митрополитом Антонием, архиепископом Евлогием, архиепископом Анастасием (Грибановским), управляющим русскими православными общинами в Константинополе, и епископом Вениамином, управляющим военно-морским духовенством. Среди 163 членов Собора было 11 епископов, из них 2 сербских; 22 представителя монашествующих и белого духовенства, 67 делегатов были политическими и военными деятелями. 30 членов Собора были участниками монархического съезда в Бад-Рейхенгале. Председателем Собор избрал митрополита Антония, его товарищами — архиепископа Кишиневского Анастасия, протоиерея С. Орлова, А. Крупенского, князя Ширинского-Шихматова.

Участие в Соборе руководителей эмигрантского Высшего монархического совета Н. Маркова, А. Трепова, которым сочувствовал митрополит Антоний, придавало деяниям Собора сильную монархическую направленность. Об атмосфере острой нетерпимости к инакомыслию, которая сложилась на Соборе, говорит то обстоятельство, что председатель Государственной думы при Временном правительстве М. В. Родзянко, появившийся на Соборе как член Всероссийского Поместного Собора, был изгнан с заседаний, его обвинили в развале Российской империи. Собор заседал до 2 декабря. В обращении Собора к чадам Русской Церкви в рассеянии и изгнании сущим, были такие слова: «И ныне пусть неусыпно пламенеет молитва наша — да укажет Господь пути спасения и строительства родной земли, да даст защиту вере и Церкви и всей земле Русской и да осенит Он сердце народное; да вернет на всероссийский престол помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из дома Романовых»⁷⁸⁰. Против этого места из обращения возражали многие члены Собора. Архиепископ Евлогий призывал к благоразумию: «Поберегите Церковь, Патриарха. Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху и так уже тяжело!»⁷⁸¹ 34 члена Собора, в том числе архиепископы Евлогий и

Анастасий, епископы Вениамин (Федченков), Аполлинарий (Кошевой), Сергей (Королев), Максимилиан, 12 священников, сделали письменное заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что данная большинством отдела «Духовное возрождение России» постановка вопроса о монархии с упоминанием притом и династии носит политический характер и как таковая обсуждению церковного собрания не подлежит, почему мы в решении этого вопроса и голосовании не считали возможным принять участие»⁷⁸². Но Собор не внял голосу оппозиции, митрополит Антоний сказал: «Вопрос династии не политический, а чисто церковный, ибо отвергать этот вопрос — значит отвергать существующие, никем не отмененные основные законы, соглашаться с так называемыми «завоеваниями революции», то есть одобрять низвержение государя с царственной династией, уничтожение русского народа и вместе с тем подвергать народ русский кровопролитию и ужасам бонапартизма и самозванщины. Вопрос этот моральный, нравственный, и следовательно,— чисто церковный»⁷⁸³. Впоследствии митрополит Евлогий писал: «Только злой дух мог продиктовать «Обращение»⁷⁸⁴.

Карловацкий Собор образовал Высшее церковное управление за границей под председательством митрополита Антония, которому Собор усвоил звание заместителя Патриарха. ВЦУ состояло из архиерейского Синода и Высшего церковного совета. Оно претендовало на возглавление церковной жизни всего русского зарубежья и составило послание, адресованное Генуэзской конференции, направив его от имени уже закончившегося Карловацкого Собора. В послании говорилось: «Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм, этот культ убийства, грабежа, из России и всего мира»⁷⁸⁵. Легко было предвидеть опасные последствия для Русской Церкви от этого воззвания, тем более что все постановления Собора начинались со слов: «По благословиению Святейшего Патриарха Тихона», хотя на деле ни один из документов Карловацкого Собора не был послан на утверждение Патриарху.

Вскоре после окончания Карловацкого Собора Патриарх Тихон направил Сербскому Патриарху Димитрию грамоту: «Сердце наше тем более исполнено чувством радости и благодарности Вашему Блаженству, что мы живо сознаем все то добро, какое сделало и делается Вами по отношению к русским изгнанникам — епископам, клирикам и мирянам, которые, силою обстоятельств оказавшись за пределами своей Родины, нашли себе радушие и приют в пределах Сербской Патриархии»⁷⁸⁶. Многими русскими клириками эти слова были восприняты как косвенное одобрение постановлений Карловацкого Собора.

* * *

Между тем 5 мая 1922 г. в Москве на соединенном Присутствии Священного Синода и Высшего церковного совета под председательством Патриарха Тихона было вынесено постановление, которое в виде указа Патриарха было выслано митрополиту Антонию и возведенному 30 января 1922 г. в сан митрополиту Евлогию, временному управляющему западноевропейскими русскими приходами: «1) Я признаю Карловацкий Собор заграничного духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции не выражающими официального голоса Русской Церкви. 2) Ввиду того что заграничное русское церковное управление увлекается в область политических выступлений, а с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия, Высшее церковное управление упразднить. 3) Священному Синоду иметь

суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления»⁷⁸⁷. Получив указ Святейшего Патриарха Тихона, митрополит Евлогий писал митрополиту Антонию: «Указ этот поразил меня своей неожиданностью и прямо ошеломляет представлением той страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно, он дан под давлением большевиков. Я за этим документом никакой обязательной силы не признаю, хотя бы он и был действительно написан и подписан Патриархом. Документ этот имеет характер политический, а не церковный. Вне пределов Советского государства он не имеет значения ни для кого и нигде»⁷⁸⁸. Сам митрополит Антоний сначала решил подчиниться указу Патриарха, но большая часть членов ВЦУ склонялась к тому, чтобы не исполнять воли Патриарха. 1 сентября 1922 г. в Карловцах состоялось заседание ВЦУ, на котором секретарь ВЦУ Е. И. Махарабалидзе сделал доклад об указе Патриарха и высказал ряд доводов против подчинения патриаршему указу.

На следующий день в Карловцы из Константинополя прибыл архиепископ Анастасий, и 2 сентября 1922 г. состоялся архиерейский Собор, в котором участвовали митрополиты Антоний и Евлогий, архиепископы Анастасий и Феофан, епископы Черноморский Сергей, Курский Феофан, Челябинский Гавриил, пребывавший на покое бывший Екатеринославский Гермоген, управляющий приходами в Греции епископ Александровский Михаил, Царицынский Дамиан, Севастопольский Вениамин и Лубенский Серафим, управляющий русскими приходами в Болгарии. Собор постановил выразить сыновнее послушание Патриарху, упразднить ВЦУ, созвать Русский Всеаграничный Собор Русской Православной Церкви. На Соборе был образован Синод, которому впоследствии и передали все полномочия Высшего церковного управления, и его членами избрали митрополитов Антония и Евлогия, архиепископа Феофана, епископов Гавриила и Гермогена. Епископ Вениамин предлагал, чтобы Синод возглавил митрополит Евлогий, но было вынесено решение, чтобы председательствовал старейший иерарх — митрополит Антоний. Таким образом, воля Патриарха была исполнена лишь формально, в действительности карловацкий церковный центр не был упразднен, а сохранил свое существование под новым названием. Митрополит Евлогий, в отличие от других членов Синода, выводил свои полномочия из указа Патриарха и не считал себя подчиненным Синоду. В Париже, где он обосновался, образовав там свое епархиальное управление, архипастырь нашел поддержку со стороны таких деятелей, как П. Струве, А. В. Карташов, Н. А. Бердяев, протоиерей Сергей Булгаков, Г. П. Федотов. Митрополита Евлогия поддерживал и митрополит Платон, возглавивший Североамериканскую епархию. Митрополит Антоний, не желая быть камнем преткновения, решил в канун Рождества 1922 г. удалиться на Афон и принять схиму, но афонский протат, согласившись вначале на приезд маститого русского архипастыря, потом отказал ему в разрешении поселиться на Афоне.

31 мая 1923 г. в Сремских Карловцах состоялся очередной архиерейский Собор, на котором присутствовало 12 епископов, 16 других заграничных архиереев прислали письменные мнения, всего за рубежом тогда находилось 32 русских епископа. Собор вынес ряд постановлений, в одном из которых говорилось: «Представители епархий, находящихся за пределами России, в их совокупности выражают голос свободной Русской Заграничной Церкви, но ни отдельное лицо, ни Собор иерархов этих епархий не представляет собой власти, которой принадлежали бы права, какими во всей полноте обладает Всероссийская Церковь в лице ее законной иерархии... Все находящиеся за пределами России русские православные епископии... суть неразрывная часть автокефального Московского Патриархата»⁷⁸⁹. В постановлении Собора о Западноевропейской епархии было сказано, что она «на основании прав, данных митрополиту Евлогию указами Святейшего Патриарха Всероссийского... и вследствие того, что территория ее обнимает не одну страну, как в прочих епархиях, а включает в себе большую часть

европейских государств,— выделяется в автономный митрополичий округ»⁷⁹⁰. На следующем архиерейском Соборе, состоявшемся в Карловцах 16 октября 1924 г., был поднят вопрос о статусе Западноевропейской митрополии, в связи с тем что митрополит Евлогий не признал за Синодом канонической власти. Восемью голосами против четырех при нескольких воздержавшихся вынесено было решение об упразднении автономии Западноевропейской митрополии. По настоянию митрополита Евлогия, Собор, однако, согласился отложить исполнение этого постановления до утверждения его Патриархом.

Напряженные отношения между митрополитом Евлогием и карловацким центром привели к формальному разрыву в 1926 г. На очередном архиерейском Соборе в Карловцах в июне 1926 г. митрополит Евлогий потребовал в первую очередь рассмотреть вопрос об управлении Русской Православной Церковью за границей, Собор отказался менять повестку дня, и митрополит Евлогий покинул Карловцы. Собор осудил митрополита Платона (Рождественского) за его попустительство автокефалистским тенденциям в Североамериканской епархии, в ответ на это митрополит Платон тоже ушел с Собора. Решение Собора о выделении Германии в особую самостоятельную епархию во главе с епископом Тихоном (Лященко) вызвало резкий протест со стороны митрополита Евлогия, разрыв стал совершившимся фактом. Митрополита Евлогия поддержала большая часть парижской эмиграции: бывший председатель Совета министров В. Коковцев, генералы и офицеры, профессора, литераторы, студенческая молодежь.

В юрисдикции Карловацкого Синода остались русские приходы на Балканах, в Германии и на Дальнем Востоке. На архиерейском Соборе в январе 1927 г. в Карловцах митрополит Евлогий и его викарии были запрещены в священнослужении. В ответ на это митрополит Евлогий обратился с посланием к духовенству и приходам, в котором отверг эти решения как неправомочные: «Собор и заграничный архиерейский Синод в нынешнем их составе не являются моею канонической властью и посему не могут вмешиваться в дела моей епархии и не могут вестись и решать духовную совесть вверенной мне паствы. Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, не зависящего от заграничного архиерейского Синода существования, так же как независимо от него живут Американская Русская Православная Церковь с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, Латвийская Церковь с архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием и другие»⁷⁹¹.

Для многочисленной русской эмиграции русских православных храмов, имевшихся за рубежом, решительно не хватало, поэтому на скудные эмигрантские средства по всей Европе и в Китае строились новые церкви. Православным религиозным центром Парижа стал Александро-Невский храм на улице Дарю. На пожертвования русских парижан в столице Франции был приобретен участок земли с находящейся на нем заброшенной немецкой кирхой и другими строениями. Протестантская кирха была перестроена в прекрасный православный храм во имя преподобного Сергия Радонежского, отделанный в древнерусском стиле, который был освящен 1 марта 1925 г. в прощенное воскресенье митрополитом Евлогием. Храм вместе со строениями вокруг него получил название Сергиевского подворья. Вскоре на этом подворье разместился Сергиевский православный богословский институт. По словам митрополита Евлогия,

«Александро-Невская церковь и Сергиевское подворье захватывали лишь тонкий слой беженцев, а эмигрантская масса, расселившаяся в отдаленных кварталах Парижа и в пригородах, в храмы не попадала, не говоря уже о тех тысячах эмигрантов, которые осели в фабричных и промышленных районах в провинции. Все эти эмигранты жили бесцерковно. Отсутствие церковного влияния сказывалось: люди морально опускались и духовно дичали. Некрещеные дети, незаконное сожителство, огрубение нравов, распущенность... Там, где храмов не было,

положение казалось безвыходным, но и в Париже дело обстояло не лучше. Съездить в храм к обедне всей семьей — значило истратить на автобусы и метро больше, нежели бюджет рабочего позволяет. Старым, больным людям приходилось приезжать издалека, тогда как, будь церковь под боком, они бы усердно ее посещали. Все эти явления и соображения заставили меня задуматься о значении малых приходов и церквей»⁷⁹².

Во 2-й половине 20-х гг. в Париже были выстроены церковь общества галлиполийцев во имя преподобного Сергия и церковь преподобного Серафима Саровского, храм в Кламаре под Парижем, церкви в Бийанкуре, Медоне, Шавиле, Аньере, Пти-Кламаре, Клиши, Севре, Лилле, Лионе. Позже, в 30-х гг., воздвигнут был храм в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, на кладбище при «Русском доме» — пансионате для престарелых эмигрантов, храм был расписан художником А. А. Бенуа, в нем отпевали многих русских, чьи имена вошли в историю. Православные русские храмы строились и в городах других европейских стран: в Данциге, Праге, Прешове, Братиславе, Брно, Льеже, Антверпене, Милане, Осло, Гааге, Цюрихе. В Китае, в одной только Харбинской епархии, где жило большинство русских, эмигрировавших в Маньчжурию, к 1930 г. было уже 46 храмов, 2 монастыря, богослужение совершали 88 священников.

До 1927 г., несмотря на острые разногласия и разделения в церковной диаспоре, Карловацкий Синод и митрополит Евлогий одинаково признавали свою каноническую зависимость от Московской Патриархии; при этом, однако, Карловацкий Синод во главе с митрополитом Антонием совершенно игнорировал требования Патриарха Тихона отказаться от политической деятельности, наносящей серьезный удар по положению Церкви в Советской России, объясняя эти требования тем, что они навязывались Патриарху большевистской властью.

Освобождение Патриарха Тихона из-под ареста в 1923 г., его возвращение к церковному управлению вызвало неодинаковую реакцию в карловацких кругах. Значительная часть эмиграции была шокирована последовавшими за этим заявлениями и обращениями Патриарха, в которых он подчеркивал свою лояльность советскому правительству и резко осуждал вовлеченность священнослужителей-эмигрантов в политическую борьбу.

Митрополит Антоний на освобождение Патриарха Тихона откликнулся статьей «Не надо смущаться», в которой пытался успокоить взбудораженные умы своей «в рассеянии сущей» паствы.

«Настоящее заявление Патриарха,— писал митрополит Антоний об обращении Святителя Тихона в Верховный суд, за которым последовало его освобождение,— имеет для Церкви уже, несомненно, благодетельное значение: оно избавило ее от духовного безначалия, от опасности превратиться в беспоповскую секту. Православная Церковь снова приобретает в Совдепии если не правовое, то терпимое положение и получает возможность постепенно освобождаться от той шайки лжеепископов и лжепопов, не верующих в Бога, не стыдящихся людей и совершенно незаконно признавших себя «Живой церковью» — вместо принадлежащего им по праву названия «церкви лукавнующих»... Но если скажут: не лучше было бы Патриарху проклясть и самую советскую власть и мужественно обречь себя на лютую смерть, призвав к тому же подведомственное духовенство и всех мирян? Да, ответим мы, если бы от него требовали прямого отречения от истин Христовой веры и святых заповедей и канонов, а так как этого не было, то требовать от предстоятеля Церкви нарочитого стремления к мученичеству и притом не только своей собственной личности, но и без малого почти всей православной России, незаконно. Может быть, кто скажет: но ведь Патриарх знает, что так называемая гражданская власть в России враждебна Христу и всякой вообще религии, что она состоит на 85 процентов из христоненавистников-иудеев, точнее сказать безбожников, а разве не под безбожной властью

были древние христиане, святые мученики, святые апостолы и, наконец, Христос Спаситель, повелевший выплачивать подати безбожному язычнику Пилату. И однако, ни мученики, ни апостолы не боролись против безбожной власти, а, наоборот, требовали к ней послушания, когда не было возможности низвергнуть ее военной силой и заменить властью справедливой...»⁷⁹³

Статья митрополита Антония успокоила взбудораженную эмигрантскую паству.

Политическая активность зарубежного Синода вызывала настороженность и со стороны Константинопольской Патриархии. Архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский) оставался в Константинополе, окормляя русских беженцев в Турции. 29 марта 1924 г. он получил грамоту Константинопольской Патриархии, в которой русским клирикам, находившимся на территории Патриархата, предписывалось избегать «проявлений политического свойства, равно как возношения имен и особ, указывающих на политические упования и предпочтения и потому могущих причинить серьезный вред и в частности, и вообще»⁷⁹⁴. Разъясняя содержание этой грамоты, секретарь патриаршего Синода писал, что здесь «запрещается касаться большевизма со всех точек зрения, даже как ярко выраженного антирелигиозного и антимоурального начала, так как это могло бы набросить тень на советскую власть, признанную законной всем русским народом и Патриархом Тихоном»⁷⁹⁵.

Вскоре Константинопольский Патриарх Григорий VII признал обновленческий синод канонически законной церковной властью в России. Митрополит Антоний, узнав о предательском акте по отношению к святому исповеднику Патриарху Тихону со стороны Константинопольского Патриарха, обратился 17 февраля 1925 г. к преемнику Патриарха Григория VII Константину VI с письмом, исполненным чувства глубокой горечи:

«Доныне от дней юности своей я возвышал свой голос только для прославления Восточных, и в частности Вселенских, Патриархов, устно и печатно... я и делом и словом всегда заявлял себя филэллинком и поклонником великой идеи. Однако я не папист и хорошо помню то, что кроме великих епископов Церкви, как Павел Исповедник, Григорий Богослов, Иоанн, Прокл, Флавиан, Герман, Тарасий, Фотий, бывали там многие другие, и внутренние враги Церкви, еретики и даже ересиархи, как Македоний, Несторий, Сергей, Пир, Петр, Павел и многие иконоборцы; о них сказано горькое, но правдивое слово в 1 правиле VI Вселенского Собора и сообщено вселенной, что они осуждены и отлучены вместе с Гонорием, папой Римским, и другими еретиками. Вот к этому же пути ослушания святой Церкви и канонов склонялись и последние два предшественника Вашего Святейшества... Со времен печального Всеправославного конгресса у бывшего Патриарха Мелетия (давшего такое наименование собранию 4—6 архиереев и нескольких священников и мирян) — со времени помянутого неправославного конгресса начался тот противощерковный вандализм, который проектировал многое воспрещенное Церковью со страшными проклятиями, как, например, женатых архиереев, второбрачие клириков, упразднение постов»⁷⁹⁶.

Когда после кончины Патриарха Тихона в эмиграции ознакомились с содержанием его «Завещания», оно вызвало вновь, как в свое время обращение Патриарха в Верховный суд, большое смущение в церковной среде. Но в отличие от позднейшей официальной позиции Карловацкого Синода, отвергавшей «Завещание» как фальшивку, столь авторитетный тогда карловацкий архипастырь, как Анастасий (Грибановский), писал об этом документе как о подлинном. В том, считал он, убеждает «внутренняя его логика... отвечающая направлению мысли и действий Патриарха в последние годы: никаких уступок в области веры и канонов, но подчинение не за страх, а за совесть советской власти, как попущенной волей Божией... Все послание проникнуто искренним желанием блага Церкви, и потому... оно не могло выйти от большевиков». По словам архиепископа Анастасия, «отсюда начинается для нас новая духовная

трагедия... Патриарх ушел от нас, осудив наши взгляды и нашу церковную работу»⁷⁹⁷.

Карловацкий епископат медлил с признанием митрополита Петра Местоблюстителем патриаршего престола, 24 мая 1925 г. архиепископ Анастасий писал, что он «не имеет и малой доли того авторитета, каким обладал почивший Святейший... Он слишком спешит протянуть руку общения и дружбы советской власти»⁷⁹⁸. Митрополит Антоний в интервью, которое он дал корреспонденту газеты «Русь», заявил: «Согласно канонам и уставам Собора 1917 г., Местоблюститель патриаршего престола избирается соединенным собранием Св. Синода, старейших иерархов и старейших членов Высшего церковного совета, а этих учреждений более двух лет не существует. Уже по этому одному Петр, митрополит Крутицкий, не может быть патриаршим правопреемником, тем более, что в монашестве он пребывает совсем недавно»⁷⁹⁹. В карловацкой церковной группировке возникла даже мысль провозгласить митрополита Антония главой Русской Церкви, с тем чтобы он управлял ею из-за рубежа, но сам владыка Антоний на столь дерзкий антиканонический акт не пошел. Одной из причин того, что зарубежный Синод выжидал с признанием митрополита Петра, могли быть опасения, что он ужесточит антикарловацкую линию Патриарха Тихона, так как было известно о резко негативном отношении митрополита Петра к зарубежному Синоду еще в бытность его ближайшим помощником Патриарха.

Между митрополитами Антонием и Евлогием состоялась тогда переписка о признании митрополита Петра. Историк Русской Церкви так передает ее содержание: «Карловцы ссылались на антиканоничность назначения преемников патриаршего престола в «Завещании». Митрополит Евлогий указывал на ничтожность зарубежной ветви Российской Церкви и считал, что вопрос должен стоять не о признании митрополита Петра зарубежниками, а о признании зарубежников Петром»⁸⁰⁰. 12 ноября 1925 г., незадолго до ареста патриаршего Местоблюстителя, когда до зарубежья дошли сведения о его энергичном противодействии обновленческому расколу и в эмиграции стал известен текст завещательного распоряжения Патриарха, митрополит Петр был признан главой Русской Православной Церкви, а в храмах, подведомственных Карловацкому Синоду, стало возноситься его имя.

Известие о том, что после ареста митрополита Петра его Заместителем назначен митрополит Сергей, воспринято было в церковной эмиграции с удовлетворением. Вероятно, давняя дружба митрополита Антония с митрополитом Сергием влияла на восприятие личности Заместителя Местоблюстителя в окружении митрополита Антония. И сам митрополит Сергей в первое время своего управления Церковью обнаружил по отношению к карловацким архиереям больше терпимости и снисхождения, чем его предшественники Патриарх Тихон и митрополит Петр. В связи с разделением между митрополитами Антонием и Евлогием Заместитель Местоблюстителя 12 сентября 1926 г. обратился с доверительным письмом к своим собратьям-архипастырям, оказавшимся в изгнании. Это письмо было одновременно получено в Сремских Карловцах и в Париже митрополитом Евлогием. Письмо опубликовали в 1927 г. в «Вестнике Христианского студенческого движения», хотя для печати оно вовсе не предназначалось. Послание митрополита Сергия зарубежным архипастырям отличается такой теплотой тона, какой нет ни в обращениях к ним Патриарха Тихона, ни в позднейших посланиях самого митрополита Сергия.

«Дорогие мои святители,— писал он,— вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю, из кого состоит ваш Синод и Собор и какие их полномочия, не знаю я и предмета разногласия между Синодом и митрополитом Евлогием. Ясно, что судьей между вами я быть не могу. Ваше письмо дает мне повод поставить общий вопрос, может ли вообще Московская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных

эмигрантов, когда между ними фактически нет отношений. Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия и имеющий силу пресекать всякое недоразумение и всякое непослушание, не прибегая к нашей поддержке (всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений или объяснять их недостаточной осведомленностью, одни будут их признавать, другие — нет, например, митрополит Евлогий, как вы пишете, ссылается на указ Святейшего Патриарха от 22 г., а вы — на указ 20 г. и т. п.), или же, если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уж лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская Церковь устроить себе не может, и потому всем вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например в Сербии Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной Православной Церкви, которая Вас приютила. В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и нерусские. Такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старание всех удержать власть и подчинить искусственно созданному центру»⁸⁰¹.

Взаимоотношения между митрополитом Сергием и зарубежным Синодом омрачились в 1927 г. в связи с изданием «Декларации», и в особенности после того, как возглавляемый митрополитом Сергием Временный Синод в Москве издал 14 июля указ № 93 на имя управляющего русскими церквами Западной Европы митрополита Евлогия с требованием к зарубежному духовенству прислать в Патриархию обязательства в том, что оно «не допустит в своей общественной, в особенности церковной, деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности советскому правительству»⁸⁰². Назначен был и срок — 15 октября, после которого не подавшие такого заявления увольнялись из клира Московской Патриархии.

«С целью выяснения настроения в своей пастве,— рассказывает митрополит Евлогий,— я устроил совещание, в котором приняли участие о. Сергей Булгаков, А. В. Карташов, кн. Г. Н. Трубецкой, М. Н. Гирс, И. П. Демидов и др. Мнения разделились. М. Н. Гирс высказался весьма резко против соглашения с м. Сергием; о. Булгаков, Карташов, Демидов... стояли за соглашение. Эти два противоположных мнения отражали настроение моей паствы. Объединенная вокруг меня и мне преданная, она была указом митрополита Сергия озадачена, встревожена и смущена... Я решил исполнить требование митрополита Сергия не безусловно, а при условии, что термин «лояльность» означает для нас аполитичность эмигрантской Церкви, т. е. мы обязуемся не делать амвона ареной политики, если это обязательство облегчит трудное положение родной нашей Матери Церкви; быть же «лояльными» по отношению к советской власти мы не можем: мы не граждане СССР, и таковыми нас СССР и не признает, а потому политическое требование с канонической точки зрения для нас необязательно... В ответ на мое разъяснение о «лояльности» митрополит Сергей написал мне, что считает его удовлетворительным, но требует немедленно препроводить ему подписи всех зарубежных епископов и приходского духовенства. Я отправил предписание митрополита Сергия в Карловцы, но никакого ответа оттуда не последовало. А в моей епархии духовенство подписи дало, за исключением нескольких настоятелей приходов, которые из-за «лояльности» отпали и перешли в юрисдикцию Карловацкого Синода»⁸⁰³.

Митрополит Антоний в ответ на требование митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода издал окружное послание, составленное в крайне раздраженном тоне:

«Ныне повсюду пропечатаны в газетах и читаются во многих храмах, которые еще недавно были православными, два послания моих, увы, когда-то единомышленников и любимых

учеников -митрополитов Сергия и Евлогия, ныне отправших от спасительного церковного единства и связавшихся с врагами Христа и святой Церкви — гнусными богохульниками большевиками, подчинившимися во всем представителям еврейского лжеучения, которое известно под именем коммунизма или материализма... И пусть те новые оболъстители не оправдываются, заявляя, что они не друзья большевиков и евреев, стоящих во главе большевистского царства: в душе они, может быть, и не друзья им, но они этим врагам Христовым, хотя бы и неохотно, подчинились и стараются расширить власть последних не только над злосчастными жителями Святой Руси, но и над всеми русскими людьми, хотя бы и далеко от Русской земли ушедшими»⁸⁰⁴.

Архиерейский Синод в Карловцах 5 июля 1928 г. вынес постановление: «Настоящий указ в положение заграничной Церкви ничего нового не вносит. Он является повторением того же пресловутого указа Святейшего Патриарха Тихона в 1922 г., в свое время решительно отвергнутого всей заграничной Церковью»⁸⁰⁵.

Подписи, затребованные из Москвы, помимо митрополита Евлогия и зависимых от него епископов, дали также архиепископ Литовский Елевферий (Богоявленский), архиепископ Японский Сергей (Тихомиров) и некоторые другие епископы. После того как часть священников во Франции, отказавшихся дать подписку о лояльности, перешла вместе со своими приходами в юрисдикцию Карловацкого Синода, тот назначил в Париж епархиальным архиереем для Франции архиепископа Серафима (Лукиянова). Таким образом, в конце 20-х гг. церковное разделение в русской эмиграции стало более острым и глубоким, чем раньше.

В 1929 г. в Советском Союзе закончился период нэпа, началась принудительная коллективизация и грабительское раскулачивание крестьян, масштабы террора в стране стали сравнимы с периодом гражданской войны, происходило повсеместное закрытие церквей. В этом же году Красная Армия вошла в пределы Китая, в Трехречье, где сосредоточена была значительная часть русских эмигрантов, начались массовые расправы над беженцами. Митрополит Антоний (Храповицкий) откликнулся на эти события «Обращением к народам мира», в котором взывал также и к правителям государств «положить предел... жестокости красных зверей»:

«Уничтожаются целые поселки русских, истребляется все мужское население, насилуются и убиваются дети, женщины. Нет пощады ни возрасту, ни полу, ни слабым, ни больным. Все русское население, безоружное, на китайской территории Трехречья умерщвляется, расстреливается с ужасающей жестокостью и с безумными пытками... Вопиют архипастыри и пастыри Дальнего Востока, протестуют пред всем миром русские общественные организации, взывает ко всем русская печать. Но не слышно ни о помощи, ни слов утешения. Припоминая, как еще недавно раздавались горячие протесты из-за резни в Палестине и как заволновались тогда некоторые державы, у нас создается впечатление, что мир задался целью уничтожить русский народ и в этом осуществляется какой-то дьявольский план. Вот уже 12 лет насильники в Москве раздирают русские души, уничтожают тысячелетнюю культуру, развращают народ, разрушают храмы, оскверняют и уничтожают древнейшие святыни, подвергают гонению духовенство и верующих, морят и гноят в тюрьмах множество невинных людей, культивируют утонченные пытки, перед которыми бледнеет все, ведомое в этой области истории»⁸⁰⁶.

Это были искренние слова, сказанные из глубины сердца, исполненного болью за свой народ, но и опасные, поскольку они еще более осложнили существование Московской Патриархии и дали в руки врагов Церкви внутри России еще один повод для ужесточения давления на нее. «Обращение» митрополита Антония заставило Патриархию избегать каких-либо контактов с карловацким церковным центром, отчего каноническая ущербность зарубежного Синода становилась особенно очевидной.

В 1930 г. от заявлений политического характера не смог удержаться и митрополит Евлогий. В Великий пост англиканская Церковь провела по всей Великобритании моление о гонимой и страждущей Русской Церкви. Митрополит Евлогий получил от архиепископа Кентерберийского приглашение участвовать в этих молитвах. О последовавшем затем развитии событий сам митрополит Евлогий рассказывал так: «Мое присутствие в те дни в Англии, общение с англиканами, мои речи были истолкованы в Москве, вероятно, агентами большевиков как политика, направленная против государственной власти. Я получил грозный запрос от митрополита Сергия Московского, на который ответил разъяснением, что я вовсе не занимался политикой, а лишь проявил солидарность с теми, кто сочувствует страданиям родной нашей Церкви, что отказаться от этого участия в молитвах английских братьев за нашу Церковь я считаю, по долгу совести, недостойным, невозможным»⁸⁰⁷. Вслед за тем 10 июня 1930 г. Заместитель патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей вместе с Временным Синодом издали постановление, которым митрополит Евлогий увольнялся от управления русскими церквями в Западной Европе, а управление временно передавалось архиепископу Владимиру (Тихоницкому), старшему после митрополита Евлогия архиерею в Западноевропейской епархии, но архиепископ Владимир отказался принять это назначение. Переписка митрополита Сергия с митрополитом Евлогием продолжилась. Заместитель Местоблюстителя требовал от митрополита Евлогия осудить свою поездку в Англию, дать подписку впредь подобных действий не повторять и подтвердить ранее данное обещание о неучастии в политических акциях. Митрополит Евлогий созвал епархиальный съезд духовенства и мирян, большинство участников этого съезда просили митрополита не оставлять епархии. Опираясь на решение съезда, митрополит Евлогий обратился к Заместителю Местоблюстителя с посланием, в котором просил предоставить ему право на самостоятельное управление заграничными церквями «временно, до установления нормальных сношений с центральной властью»⁸⁰⁸. Митрополит Сергей не мог на это пойти, и 24 декабря 1931 г. Заместитель патриаршего Местоблюстителя и Временный Синод издали постановление за № 261, которое гласило: «1) Признать указ об увольнении митрополита Евлогия от управления русскими церквями в Западной Европе вошедшим в силу со дня получения его в Париже в июне месяце и всех преосвященных архипастырей, клириков и мирян, находившихся в юрисдикции митрополита Евлогия, свободными от всяких по отношению к нему канонических обязательств. 2) Находящееся в Париже епархиальное управление (Собор и собрание) упразднить и все его действия отселе считать не имеющими канонической силы»⁸⁰⁹.

Управление Западноевропейской епархией было поручено митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому). В своем первом обращении к пастве новый управляющий Западноевропейской епархией писал: «Святитель м. Евлогий не потому постепенно отходил от канонического пути послушания высшей церковной власти, что считал неканоническим носителем ее м. Сергия; нет, он и теперь признает за ним это достоинство, но, думаю, по боязни того, что если он будет в единении с м. Сергием и будет исполнять все его распоряжения, то от него отшатнется вся паства и он останется с немногими, если не один, в силу чего, будто бы спасая паству, он должен не столько следовать указаниям высшей церковной власти, сколько угождать желаниям, каковы бы ни были они, своей паствы... Любя Вас мирскою, а не Христовою любовью, м. Евлогий постепенно и шел к естественному прискорбному концу»⁸¹⁰.

После разрыва митрополита Евлогия с Патриархией большинство приходов в Западной Европе последовало за ним. По словам самого митрополита Евлогия, «в юрисдикцию митрополита Елевферия отошли очень немногие: епископ Вениамин, иеромонахи Стефан и Феодор, имевшие его своим «старцем», и протоиерей Григорий Прозоров (Берлин)»⁸¹¹.

Ревностным сторонникам сохранения канонических уз русской православной эмиграции с Матерью Церковью был В. Н. Лосский, выдающийся православный богослов XX в., в послушании ей остался известный философ Н. А. Бердяев, крупный историк И. А. Стратонов. В Париже оставшиеся верными Матери Церкви во главе с епископом Вениамином (Федченковым) в 1931 г. образовали общину и, взяв в аренду подземный автомобильный гараж, расположенный в 15 районе Парижа, одном из центров русской эмиграции, создали в нем православный храм во имя трех святителей. Таким образом возникло Трехсвятительское подворье. В 60-х гг. на этом месте был построен новый дом, первый этаж которого занял Трехсвятительский храм. Этот храм является кафедральным собором Корсунской епархии Московского Патриархата. В период до второй мировой войны во Франции возникло несколько новых приходов в юрисдикции Московской Патриархии, умножилось число монашествующих. В 1936—1937 гг. организовано издательское дело, расширилось православное молодежное движение. Большое место в жизни нашей Церкви во Франции заняло православное братство святителя Фотия, важнейшей задачей которого было свидетельство о православии на Западе. Одним из членов братства был В. Н. Лосский. В 1944 г. в Париже был создан Православный богословский институт св. Дионисия. За пределами Европы в послушании Патриархии оставался архиепископ Сергей (Тихомиров), возглавлявший Православную Церковь в Японии и осуществлявший архипастырское окормление Русской православной миссии в Корее, и Камчатский епископ Нестор, который в ту пору возглавлял Камчатское подворье в Харбине, впоследствии, правда, перешедший в юрисдикцию Карловацкого Синода.

Между тем митрополит Евлогий, продолжая управлять епархией вопреки постановлению Московской Патриархии, искал канонического прикрытия для своего неповиновения первому епископу. По совету своего окружения он без отпускной грамоты решил обратиться к Константинопольскому Патриарху Фотию II, который поддерживал тогда обновленческий раскол, состоя в полном евхаристическом общении с раскольниками и подчеркнуто дистанцируясь от Московской Патриархии, на явный разрыв с которой он, однако, не шел. Как рассказывал сам митрополит Евлогий, епископ Вениамин и митрополит Елевферий уговаривали его в Константинополь не ездить, но он в своем решении был тверд. В результате состоявшихся в Константинополе переговоров Патриархом Фотием 17 февраля 1931 г. была издана грамота, адресованная митрополиту Евлогию, на основании которой Западноевропейская митрополия во главе с митрополитом Евлогием была принята в юрисдикцию Константинопольского Патриарха; из русских приходов был образован экзархат, а митрополиту Евлогию дарован сан экзарха»⁸¹². Сторонники митрополита Евлогия в Париже были удовлетворены исходом переговоров в Константинополе. Как рассказывал митрополит Евлогий: «В Париже нас ожидали с великим нетерпением. Сейчас же было созвано приходское собрание Александро-Невской церкви, на котором отец настоятель протопресвитер Иаков Смирнов от имени собравшихся горячо приветствовал меня. Паства одобрила избранный мною путь подчинения Вселенскому престолу»⁸¹³.

Тем не менее переход архиерея без отпускной грамоты из одной поместной Церкви в другую канонически в любом случае неправомочен. Митрополит Евлогий, оправдывая свое своеволие, утверждал, что, «согласно церковным канонам и церковной практике, и древней и новой, каждая Церковь и каждый епископ имеют право апеллировать ко Вселенскому (Константинопольскому) Патриарху в тех случаях, когда они не находят справедливости у своей церковной власти»⁸¹⁴. Но эта ссылка на каноны (вероятно, имеются в виду 9 и 17 правила Халкидонского Собора) не основательна, ибо эти каноны предоставляют право подавать жалобу Константинопольскому престолу на такого только митрополита, который находится в юрисдикции Константинопольского престола, а не всякому вообще клирику на всякого

митрополита, как стали интерпретировать в Константинополе это правило по существу дела только в XX в., когда там сложилось учение об особых юрисдикционных правах Константинопольского престола; действия митрополита Евлогия, предпринятые в 1930 г., внесли свой вклад в формирование этой ложной и опасной, папистской по своим тенденциям доктрины.

Митрополит Елевферий в письме архиепископу Японскому Сергию, отправленном в марте 1931 г., так комментировал сложившуюся ситуацию:

«Митрополит Евлогий еще летом, по словам преосвященного Вениамина, говорил, что если бы мы были надлежащими христианами, то, конечно, должны бы следовать по пути, указываемому м. Сергием, но мы еще слишком политичны и потому должны питать свою паству молоком, а не твердою пищею. И мне он писал и говорил, что м. Сергий и я с канонической точки зрения правы, но нам-де нужно спасать паству. Против поездки были почти все в Париже; по крайней мере я не слышал, чтобы кто-нибудь разделял это решение. Больше того, говорил, что едет с апелляцией на митрополита Сергия, а приехал с неожиданным для всех томосом от Вселенского о временном принятии его последним в свою юрисдикцию со всем церковным имуществом и с титулом греческого экзарха, и все подчинились. Вот Вам и церковность»⁸¹⁵.

30 апреля 1931 г. митрополит Евлогий и его сторонники были запрещены в священнослужении Временным Патриаршим Синодом в Москве. В связи с незаконным переходом митрополита Евлогия в юрисдикцию Константинополя митрополит Сергий 6 июня 1931 г. обратился с письмом к Патриарху Фотию, в котором оспаривал каноничность присоединения русских церквей в Западной Европе к Константинопольскому Патриархату. В своем ответе митрополиту Сергию, составленном 25 июня того же года, Патриарх Фотий, с одной стороны, примирительно объяснял присоединение Западноевропейской митрополии как временную меру, вызванную обстоятельствами, а с другой — развивал доктрину об исключительных правах Константинопольского престола: «Со стороны нашей Великой Христовой Церкви было бы неуместно и недопустимо всякое дальнейшее промедление в том, чтобы вступить в это дело согласно ее долга и права, и в качестве канонического судьи в этой области, где угрожала православному народу буря, и в качестве той, которой вверено попечение, общее попечение о нуждах Православных Церквей повсюду, не говоря уже об особо тесных узах и обязательствах, искони связывающих ее с возлюбленною Дщерью и Сестрою Великою Российской Церковью и возлюбленным православным народом русским»⁸¹⁶.

«Бурную реакцию возмущения, недовольства новым нашим каноническим положением проявили «карловчане», — писал митрополит Евлогий о том, как развивались события дальше. — Посыпались инсинуации: я продался грекам, я передал им церковное имущество, за свое положение экзарха заплатив большие деньги... и прочие небылицы. Постарались они воздействовать и на Сербского Патриарха Варнаву, который моей поездкой в Константинополь был недоволен. Он предлагал быть сам нашим суперарбитром, но его решения были обязательны только для Сербской Церкви, а не для всего православия»⁸¹⁷. Митрополит Антоний прокомментировал действия митрополита Евлогия и патриарха Фотия в частном письме графу Ю. П. Граббе в свойственном ему грубовато-саркастическом стиле: «Евлогианская эпопея даже меня удивила обнаружившимся в ней непроходимым невежеством русского общества. Эти болваны совершенно не понимают, что всякое действие Вселенского Патриарха вне своего диоцеза имеет не более силы, чем действия любой кухарки, и что святейший Фотий имел столько же права признать евлогиевский экзархат, как Матрена Сидорова, его кухарница. А газетные идиоты пишут: «М [итр.] Е [влогий] упрочил свое положение, утвердил его» etc.»⁸¹⁸.

На Американском континенте Православная Церковь имела свою особую историю, отличную от истории церковной диаспоры в Европе и на Дальнем Востоке. До 1917 г. там существовали не отдельные русские приходы, как в Европе, а целая епархия; причем среди православных в Америке были не только русские переселенцы, но и крещенные местные жители, в особенности на Аляске и на Алеутских островах,— эскимосы, индейцы, алеуты, обращенные трудами преподобного Германа Алеутского, святителя Иннокентия и других миссионеров. Среди православных в Америке были и присоединенные к Православной Церкви белые американцы из протестантов, в состав епархии входили также грекоязычные и арабоязычные приходы; часть греческих эмигрантов, в особенности на восточном побережье, не пожелала войти в состав Американской епархии Российской Церкви, официальное название которой с 1900 г. было Греко-православная Церковь Алеутских островов и Америки, и в Нью-Йорке был открыт приход под названием Эллинистическая восточно-христианская Церковь. Значительную часть (около 100 000) русских в Америке составляли воссоединившиеся с православной Церковью бывшие униаты из Галиции и Карпатской Руси.

С 1905 г. епархиальная кафедра находилась в Нью-Йорке; в том же году открыты были две викарных кафедры — на Аляске и в Бруклине — арабо-сирийская. Юрисдикция архиепископа распространялась на два государства: США и Канаду. В дело устройства православной церковной жизни на Американском континенте огромный вклад внес Святейший Патриарх Тихон, который возглавлял Американскую епархию с 1898 по 1907 г.; его преемником был архиепископ (позже митрополит) Платон, наконец, с 1914 по 1918 г. правящим архиереем в Америке был архиепископ Евдоким (Мещерский), впоследствии отпавший в обновленческий раскол. В 1918 г. правящим архиереем с титулом епископа Алеутского и Североамериканского стал Александр (Немоловский), ранее служивший викарным епископом в Америке.

Последствием русской революции явился наплыв новых политических, а не экономических, как это было ранее, эмигрантов из России, которые благодаря высокому образованию и принадлежности к состоятельному классу заняли лидирующее положение в русской диаспоре, что вызвало трения и в церковной жизни; новые русские беженцы сознавали себя частью российской белой эмиграции, в то время как американские галичане и карпатороссы к тому времени уже достаточно прочно укоренились в стране. Seriously ухудшилось экономическое положение епархии, потому что субсидии из России прекратились. В этих обстоятельствах «епископ Александр,— как пишет митрополит Евлогий,— в хозяйственных делах человек неопытный, послушался каких-то советчиков и заложил наши церкви, до собора в Нью-Йорке включительно. Это обеспечило на время оплату духовенства, но, когда наступили сроки платежей по закладным, платить было нечем. Поднялись протесты, возникли серьезные трения с карпатороссами,— словом, положение создалось запутанное и тревожное»⁸¹⁹. Финансовое положение Американской епархии спасено было помощью, которую оказал бывший посол Временного правительства в Америке Бахметьев, который дал деньги на выкуп православных церквей.

В 1921 г. ввиду исключительно тяжелого положения Русской Церкви в СССР Константинопольский Патриарх Мелетий IV Метаксакис предоставил Синоду Элладской Церкви «право» принять в свою юрисдикцию православные греческие приходы в Северной Америке, находившиеся в ведении Московского Патриархата, без согласия на это их священноначалия. 1 марта 1922 г. Священный Синод Константинопольской Церкви по предложению Патриарха Мелетия IV принял решение «об обязательном и исключительном подчинении» Константинопольской Патриархии всей православной диаспоры. Вслед за тем Константинопольский Синод взял обратно у Синода Элладской Церкви право юрисдикции над православными греческими приходами в Северной Америке и перевел их под омофор

Патриарха Константинопольского. Впоследствии из Североамериканской епархии выделялись и другие нерусские эмигрантские приходы, образуя отдельные епархии в составе поместных православных Церквей своих национальностей. Так происходил процесс дробления Американской Церкви на сообщество юрисдикций.

В сентябре 1922 г. состоялся III Всеамериканский церковный Собор клириков и мирян, избравший митрополитом Американским и Канадским Платона (Рождественского). Митрополит Платон был утвержден в этой должности Карловацким Синодом. Патриарх Тихон в сентябре 1923 г. издал указ о назначении Платона управляющим Североамериканской епархией с освобождением от управления Херсонской и Одесской епархией.

В конфликте между митрополитом Антонием и митрополитом Евлогием, разгоревшемся после Карловацкого Собора, митрополит Платон был на стороне владыки Евлогия, оспаривая права Карловацкого Синода на высшую церковную власть в диаспоре, и в связи с этим, а также в условиях отсутствия нормальных сношений с Московской Патриархией в делах текущего церковного управления держался вполне самостоятельно.

После освобождения Патриарха Тихона из-под ареста и его заявлений о лояльности советскому режиму митрополит Платон и подведомственное ему духовенство в Америке выступили с рядом политических заявлений и в церковной печати, и даже с амвона. Вынужденный реагировать на них, 16 января 1924 г. Патриарх Тихон издал указ следующего содержания:

«Ввиду имеющихся данных о контрреволюционных выступлениях Североамериканского митрополита Платона (Рождественского), направленных против советской власти и пагубно отражающихся на Православной Церкви, постановляем: 1) уволить митрополита Платона от управления Североамериканской епархией со дня объявления настоящего Нашего распоряжения. 2) Иметь особое суждение о кандидате на Североамериканскую кафедру, коему и предписать объявить настоящее мое распоряжение митрополиту Платону и принять от него все церковное имущество, управляя Североамериканской епархией по особо данной мною ему инструкции. Предложить митрополиту Платону (Рождественскому) прибыть в Москву, в наше распоряжение»⁸²⁰.

Этот указ не был, однако, официально выслан митрополиту Платону, и это обстоятельство помогло ему в отстаивании имущества епархии, в том числе церквей и даже Свято-Никольского собора в Нью-Йорке, от посягательств со стороны назначенного в Америку обновленцами лжемитрополита Кедровского. Если бы указ Патриарха Тихона был официально отправлен, шансы Кедровского на выигрыш процесса, который он вел в американском суде, могли бы вырасти; однако он проиграл процесс 23 декабря 1924 г., когда его иск был отвергнут американским апелляционным судом.

В апреле 1924 г. под председательством митрополита Платона в Детройте состоялся 4 Собор Американской митрополии, на котором была провозглашена временная автономия Церкви на период до урегулирования взаимоотношений между Церковью и государством в СССР. На архиерейском Соборе в Сремских Карловцах в октябре 1929 г. митрополит Платон заявил, что временная автономия его архиепископии не является автокефалией и не означает разрыва с Патриархом Тихоном, в тот момент Карловацкий Собор поддержал митрополита Платона в особом обращении к американской пастве. Но митрополит Платон демонстрировал независимость от Карловацкого Синода. Один из видных американских церковных деятелей, богослов протоиерей Леонид Туркевич (впоследствии митрополит Леонтий), так писал тогда о взаимоотношениях Американской Церкви с карловацким церковным центром («епископами в изгнании»): «Поскольку будет обсуждаться вопрос о защите Церкви от большевизма.. наш митрополит станет всецело сотрудничать с епископами в изгнании. Однако если возникнут

тенденции... распространить власть и привилегии этих епископов... до размеров всерусской центральной власти, митрополит, без сомнения, скажет свое слово»⁸²¹.

В 1926 г. в Карловцах состоялся очередной архиерейский Собор, в котором участвовал и митрополит Платон. На этот раз митрополиты Евлогий и Платон выступили заодно против притязаний зарубежного Синода во главе с митрополитом Антонием на церковное управление в диаспоре. Оказавшись в меньшинстве, они покинули Собор и порвали отношения с Синодом. Реакцией Синода был указ о смещении митрополита Платона, с должности управляющего Североамериканской епархией и назначении на его место находившегося тогда в Америке епископа Белгородского Аполлинария (Кошевого). Митрополита Платона среди прочего обвинили и в самовольном провозглашении автокефалии. Однако лишь малая часть американских приходов признала власть епископа Аполлинария и вошла в юрисдикцию Карловацкого Синода. Большинство православных общин Америки осталось в ведении митрополита Платона.

В 1928—1929 гг. митрополит Платон вел переписку с Заместителем Местоблюстителя патриаршего престола митрополитом Сергием. Митрополит Платон просил Заместителя Местоблюстителя подтвердить законность его пребывания во главе Североамериканской епархии в каноническом послушании Матери Церкви, в свою очередь, митрополит Сергей настаивал на том, чтобы митрополит Платон дал подписку о лояльности советскому правительству и напомнил ему об указе Святейшего Патриарха Тихона от 16 января 1924 г., которым Патриарх уволил митрополита Платона от управления епархией и предупредил, что теперь этот указ может быть приведен в исполнение. Митрополит Платон уклонился от подписки, упрекал митрополита Сергия за то, что он слишком далеко пошел по пути компромиссов с большевистской властью. Не оспаривая права митрополита Сергия на возглавление Церкви в отсутствие митрополита Петра, митрополит Платон, однако, не выполнил указа Заместителя Местоблюстителя о возношении его имени за богослужением вслед за именем митрополита Петра. Ограждая самостоятельность своей епархии от Московской Патриархии и Карловацкого Синода, митрополит Платон в 1933 г. снова объявил свою епархию автономной Церковью.

В 1933 г. митрополит Сергей направил в США возведенного годом ранее в сан архиепископа [Вениамина \(Федченкова\)](#) для выяснения положения дел в епархии. Отчет архиепископа Вениамина о церковных делах в Америке дал основание митрополиту Сергию вместе с Временным Священным Синодом 16 августа 1933 г. издать постановление об увольнении митрополита Платона от управления Североамериканской епархией за самочинное провозглашение автокефалии и учинение тем самым раскола и о предании его суду епископов с запрещением в священнослужении его и подведомственного ему духовенства впредь до раскаяния или церковно-судебного решения о нем. Временное управление Североамериканской епархией было возложено на архиепископа Вениамина, а несколько позже, 22 ноября 1933 г., он был назначен архиепископом Алеутским и Североамериканским и экзархом Русской Православной Церкви в США. Однако, как и в случае с назначением епископа Аполлинария Карловацким Синодом, лишь часть приходов в Америке признала своим правящим архиереем. Большинство русских приходов, более 300, осталось в юрисдикции митрополита Платона. 20 апреля 1934 г. митрополит Платон скончался. 12 лет спустя, 19 апреля 1946 г., Святейший Патриарх Алексей I, уважая просьбу американской паствы, разрешил совершение по нем панихиды, с тем чтобы с этого момента наложенное на него церковное прещение считалось посмертно снятым.

Между тем очередной Собор Американской епархии, состоявшийся в ноябре 1934 г. в Кливленде, избрал викарного архиепископа Чикагского Феофила (Пашковского) митрополитом

всё Америки и Канады. В основном докладе, прочитанном на Соборе, парадоксальным образом утверждалась канонически несостоятельная идея о том, что в Америке законны и правомерны все три юрисдикции Русской Церкви: экзархат Московской Патриархии, епархия Синодальной Зарубежной Церкви и Автономная Американская Церковь; однако существование двух первых юрисдикций в Америке, по мнению Кливлендского Собора, сомнительно с точки зрения церковной пользы, поскольку православная Америка нуждается в автономии. В 1935 г. Заместитель Местоблюстителя и Священный Синод Русской Православной Церкви подтвердили запрещение в священнослужении, наложенное на митрополита Феофила и подчиненное ему духовенство.

* * *

В середине 30-х гг. предпринимались усилия по нормализации церковной жизни русской диаспоры, по соединению ее ветвей в единую церковную организацию. К тому времени председатель зарубежного Синода 70-летний старец митрополит Антоний заболел. В разные периоды жизни его связывали узы тесной дружбы и с Заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием, и с перешедшим в юрисдикцию Константинополя митрополитом Евлогием. Разрыв общения с ними тяготил митрополита Антония, но митрополит Сергей был далеко и в исключительно трудном положении, на взгляд митрополита Антония, в плену большевиков, так что всякое сближение с ним могло только усложнить его судьбу. Митрополит Евлогий был на свободе. Близкий к митрополиту Антонию внук последнего председателя Государственной думы Владимир Родзянко (ныне епископ Василий) взял на себя посредничество в примирении митрополитов Антония и Евлогия. После приезда из Парижа, где он был студентом Богословского института, в Югославию и беседы с митрополитом Антонием о русской церковной жизни во Франции он получил от престарелого архипастыря письмо: «Если преосвященный Евлогий явится с повинной, то от имени Церкви получит прощение за свое отпадение от нее, хотя бы и остался под властью Константинопольского Патриарха. 17 октября 1933 г.» Искренне стремясь примирить владык, Владимир Родзянко, чтобы смягчить жесткость тона записки, своей рукой добавил: «Вспомните, дорогой Владыко, как мы были вместе заключены в Бучаче, как были дружны! Не будем умирать, не простив друг друга» ⁸²². И митрополит Антоний поставил под этой припиской свою подпись. Вернувшись в Париж, Родзянко в прощенное воскресенье Великого поста передал письмо митрополиту Евлогию.

Вслед за этим митрополит Евлогий получил телеграмму из Сербии от архимандрита Виталия (Максименко), в которой тот приглашал его на свою архиерейскую хиротонию. Официальная пригласительная телеграмма на хиротонию была прислана и председателю Синода митрополиту Антонию, и митрополит Евлогий в мае 1934 г. решил отправиться в Белград. О своем свидании с владыкой Антонием он рассказывал так:

«Когда я вошел, митрополит Антоний в окружении нескольких духовных лиц доканчивал утреннее правило. Больной, дряхлый, он сидел в кресле и заплетающимся языком произносил возгласы. Я подошел к нему. Он заплакал... Первые минуты нашей встречи прошли на людях. Пили чай. Говорить было трудно. Митрополит Антоний грустно глядел на меня. «Все такой же... и улыбка все та же...» — сказал он. Слушать бедного больного моего друга и учителя было мне горько. «Пойдем, прочтем молитву», — предложил он. Мы перешли в его маленькую спальню. Митрополит Антоний надел епитрахиль и прочел надо мною разрешительную молитву. Потом я над ним. На душе стало ясно и легко... «Ты с дороги устал — отдохни... Потом поговорим»" ⁸²³.

Зарубежный Синод, однако, счел это недостаточным для возобновления общения с митрополитом Евлогием; и он не был допущен до сослужения с карловацкими архиереями. Усилия Сербского Патриарха Варнавы довести дело примирения до конца успехом не

увенчались. В эмигрантской среде распространились слухи о том, что разделение преодолено, но эти слухи не имели достаточных оснований. В окружении митрополита Евлогия в Париже большинство было против возобновления общения с карловчанами. Эти настроения усилились после того, как в № 399 газеты «Царский вестник» появилась статья за подписью управляющего канцелярией архиерейского Синода Ю. П. Граббе, в которой сообщалось, что архиерейский Собор будет вскоре снимать запрещение с митрополита Евлогия.

В августе 1934 г. в Сремских Карловцах состоялся очередной архиерейский Собор. Митрополит Евлогий получил на него приглашение от Синода и от Сербского Патриарха Варнавы, но на Собор не приехал. Этот Собор в отсутствие митрополита Евлогия принял постановление о снятии с него запрещений, но самого митрополита Евлогия это постановление не удовлетворило. Он писал, объясняя свою позицию: «Этот акт был составлен в унижительных для меня формах, а именно, что «я сам осудил свой поступок», «сам просил простить меня» и что лишь «по снисхождению к моим просьбам и ради пользы Церкви» Собор постановил вернуть мне право священнослужения, т. е. канонически правонарушителем являюсь я, а вовсе не Собор, незаконно меня осудивший. Это побудило меня обратиться к пастве с посланием, в котором я постарался еще раз разъяснить правду и освободить ее от кривотолков. Я свидетельствовал о незаконности наложенного на меня запрещения»⁸²⁴.

Формальное возобновление общения не стало реальным, продолжалось взаимное недоверие, соперничество, взаимные претензии; карловчане вновь стали обвинять митрополита Евлогия в том, что он «продался грекам». В своем послании от 8 октября 1934 г. карловацкий архиепископ Серафим (Лукиянов) заявил, что митрополит Евлогий «отошел от Русской Церкви, отторг паству от Матери Церкви, что он больше не русский, а греческий епископ»⁸²⁵. Митрополита Евлогия возмущало это обвинение, но оно было по существу дела констатацией факта. Однако несомненно и то, что Карловацкий Синод, само существование которого после ряда постановлений высшей власти Русской Церкви было канонически незаконно, не имел права ни налагать церковные прещения, ни снимать их. Эта власть в полной мере принадлежала, естественно, Московской Патриархии, которую ввиду изоляции Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра представлял тогда его Заместитель митрополит Сергей и образованный им Синод. В 1933 г. митрополит Сергей еще раз принял меры к тому, чтобы ввести статус Зарубежной Церкви в каноническое русло, он обратился к своему бывшему ученику Патриарху Варнаве с письмом, в котором просил его стать посредником в улаживании взаимоотношений Московской Патриархии с Карловацким Синодом. Митрополит Сергей, как и ранее, в 1926 г., исходил в этом письме из того, что есть два пути канонически правомерного улаживания ситуации с зарубежным церковным центром: либо ему вернуться в послушание Патриархии, а условием административных связей с Матерью Церковью остается подписка о лояльности советскому правительству, без которой Патриархия не может взять на себя ответственность за поведение зарубежного духовенства,— в 30-х гг. этот путь был только теоретической возможностью,— либо выбрать другой путь, который, собственно, и предлагался в письме Патриарху Варнаве,— принять в юрисдикцию Сербской Патриархии епископов-беженцев, находившихся на территории Югославии. Патриарх Варнава допускал возможность включения Русской Зарубежной Церкви в юрисдикцию Сербской Патриархии, но лишь как особого автономного образования вместе с их паствой, а митрополит Сергей считал, что епископы-беженцы должны войти в состав Сербской Церкви индивидуально, с упразднением Синода. Заместитель Местоблюстителя просил также Патриарха Варнаву предупредить епископов-карловчан о том, что если они не пересмотрят своей позиции, то Московская Патриархия вынуждена будет запретить их в священнослужении впредь до суда. Для зарубежного Синода этот план был неприемлем, и, считаясь с мнением карловацких

архиереев, Патриарх Варнава в этом не пошел навстречу своему учителю по Петербургской Академии.

Узнав о переписке между митрополитом Сергием и Патриархом Варнавой, митрополит Антоний обратился с письмом к митрополиту Сергию:

«Вы, очевидно, настолько впали в пленение к гонителям Церкви, что забыли о существовании Белых Армий, занимавших большие территории, в пределах которых мы все находились, организовав Временное церковное управление и благословляя оружие, поднятое для освобождения Родины от мучителей. По грехам нашим сие не удалось и, отступая пядь за пядью, мы вынуждены были покинуть пределы юга России с весьма значительною частью паствы. Если бы Вы видели ту флотилию, которая приплыла к Царьграду, то убедились бы в том, что это был воистину исход, подобный некогда бывшему из Кипра. Из Крыма спасались все, кто мог, как некогда ведь и из Кипра, разумеется, не все население уехало, а лишь более или менее значительная часть его. Там был во главе архиепископ — здесь было все Высшее церковное управление юга России. Вселенский Патриарх оказал нам такую же братскую помощь, как некогда его предшественник архиепископу Иоанну. И с его согласия наше церковное управление, находясь в Константинополе, духовно окормляло изгнанников; но так как паства наша была уже не на юге России, а за границей, то и переименовалось в Высшее церковное управление за границей. Из Константинополя, с согласия Священного Собора Сербской Церкви, это управление переселилось в Сремские Карловцы. Без всякого принуждения, само собой, вокруг этого церковного управления, получившего приют и покровительство Сербской Церкви, объединились все заграничные иерархи. От Всероссийской церковной власти мы были оторваны и применительно к постановлению от 7/20 ноября 1920 г. продолжали временно существовать самостоятельно. В 1922 г., под несомненным давлением большевиков Патриарх Тихон прислал нам указ об упразднении Высшего церковного управления за наши противокоммунистические выступления. Постановление это, как противоречащее определению Всероссийского церковного Собора от 2/15 августа 1918 г., было незаконным, но мы все же подчинились... Мне странно было читать в Вашем послании в качестве «канонического» возражения против законности нашего положения ссылку на то, что мы не смогли удержать в единении с собою митрополита Евлогия. Вы сами пишете: «Эмигранты, группирующиеся в церковном отношении около митрополита Евлогия, не хотели больше подчиняться Карловацкому управлению. Как люди *мало церковные и мало сознающие значение церковных принципов* (подчеркнуто мною.— М. А.) они с легким сердцем пошли на раскол сначала с карловцами. Чтобы спасти свое церковное положение, митрополит Евлогий попытался восстановить свою непосредственную зависимость от нашей Патриархии. Но для политиков и эта зависимость оказалась стеснительной, и они со столь же легким сердцем пошли на раскол и с Патриархией». Митрополит Евлогий отпадал и от нас, и от Вас. От нас по приведенным Вами основаниям, от Вас потому, что взял на себя невыполнимые за границей обязательства... Мы, свободные епископы Русской Церкви, не хотим перемирия с сатаной. Хотя Вы и стараетесь затуманить вопрос, называя наше враждебное отношение к большевикам только политикой, между тем как мы веруем, что *борьба с ними брань не против крови и плоти, но против начальств, против властителей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12)»⁸²⁶.

Немаловажно в этом письме то место, где митрополит Антоний объявляет незаконным указ Патриарха Тихона о роспуске заграничного ВЦУ. Из письма видно, что, вопреки позднейшим утверждениям представителей карловацких кругов, для митрополита Антония была очевидной преимуществом линии Патриархии по отношению к эмиграции от святого Тихона к митрополиту Сергию. Письмо это характерно для митрополита Антония, человека прямого,

искреннего, но увлекающегося, нетерпимого к другим и весьма легко пренебрегающего соображениями канонической скрупулезности.

22 июня 1934 г. митрополит Сергей и Священный Синод Русской Православной Церкви постановили запретить в священнослужении карловацких епископов и находящихся в общении с ними клириков и предать их церковному суду; запрещение это носило временный характер, являясь предусмотренной канонами судебной мерой. Сам же суд не мог тогда состояться из-за непреодолимых обстоятельств. Ссылка зарубежных архиереев на то, что они не могут явиться на суд в Москву ввиду прямой угрозы для их жизни, не могла бы быть правомерно отведена как лишенная оснований. Ответом на этот акт явилось письмо митрополита Антония на имя архиепископа Литовского Елевферия: «Отрицая всякую силу за постановлениями митрополита Сергея и его «Синода», я глубоко скорблю, что мой бывший ученик и друг находится в таком не только физическом, но и нравственном пленении у безбожников. Признаю деяния его преступными и подлежащими суду будущего свободного Всероссийского Собора... Вам же,— обращался митрополит Антоний непосредственно к архиепископу Елевферию,— удивляюсь, что, будучи на свободе, Вы принимаете участие в разрушительных для Церкви актах наравне с плененными иерархами, для которых самое пленение их служит некоторым извинением»⁸²⁷. 10 сентября 1934 г. архиерейский Собор в Карловцах особым постановлением отверг указ митрополита Сергея о запрещении в священнослужении. Под соборным постановлением стоят подписи митрополита Антония, архиепископов Анастасия, Серафима, Гермогена, Дамиана, Сергея, Феофана, Мелетия, Нестора, Тихона, Виталия, Серафима, епископов Тихона, Виктора, Серафима, Иоасафа, Димитрия и Иоанна.

Между тем примирение между Карловацким Синодом и митрополитом Евлогием оставалось непрочным и почти фиктивным. Во взаимоотношениях между двумя митрополитами появилось новое осложнение, связанное с богословскими трудами протоиерея Сергея Булгакова, находившегося в юрисдикции митрополита Евлогия. Его влияние сказывалось на том богословском направлении, которое принял Парижский богословский институт преп. Сергея. Идеи протоиерея Сергея Булгакова, как и все вообще софианство, вызвали осуждение и со стороны Заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея в его письме В. Н. Лосскому, который ознакомил его с богословием протоиерея С. Булгакова. Однако митрополит Сергей воздержался от того, чтобы квалифицировать эти заблуждения как ересь, потому что ересь предполагает умышленное и упорное противление учению Церкви, в то время как отец Сергей Булгаков софианские идеи развивал как свое частное мнение, не претендуя на непогрешимость этих идей.

18 июня 1935 г. митрополит Евлогий обратился к митрополиту Антонию с письмом, в котором предлагал своей проект устройства церковного управления в диаспоре, который предусматривал автономное существование четырех митрополичих округов: Западноевропейского, Американского, Дальневосточного и Балканского — с сохранением за зарубежным Синодом и Собором только координирующей функции и с тем, чтобы сам митрополит Евлогий оставался экзархом Константинопольского Патриарха.

Инициативу примирения и улаживания споров в русской церковной диаспоре взял на себя Сербский Патриарх Варнава, в ноябре 1935 г. в Сремских Карловцах под его председательством состоялся Собор епископов-эмигрантов, в котором участвовали архиереи, принадлежавшие всем ветвям церковной диаспоры, кроме тех епископов, кто находился в послушании Матери Церкви. Собор принял «Временное положение», которое усиливало власть Карловацкого центра в значительно большей мере, чем это предусматривал проект митрополита Евлогия. Синоду предоставлялось право поставлять епископов в автономные регионы, которыми признаны были Балканы во главе с архиепископом Анастасием, Западная Европа во главе с митрополитом

Евлогием, Северная Америка во главе с митрополитом Феофилом (Пашковским) и Дальний Восток во главе с архиепископом Хайларским Димитрием (Вознесенским). На этот раз новый глава Американского округа митрополит Феофил поддержал линию карловчан. Митрополит Евлогий возражал против проекта «Положения», но в конце концов согласился подписать его, выговорив для себя следующие условия: «Временное положение» должно быть одобрено епархиальным собранием в Париже и утверждено Вселенским Патриархом. Кроме того, по его настоянию были приняты следующие поправки: 1) сослужение священнослужителей всех областей русской эмиграции; 2) осуждение недружественных выступлений клириков одной ориентации против клириков других направлений; 3) запрещение создавать приходы параллельных юрисдикций на одной территории; 4) запрещение неканонических переходов священников из одной епархии в другую. Собор завершился Божественной литургией, которую совершил Патриарх Варнава в сослужении русских и сербских архиереев. Евхаристическое общение было восстановлено, но ненадолго.

Епархиальное собрание, созванное в Париже митрополитом Евлогием, по докладу графа Коковцева, в прошлом премьер-министра России, отказалось утвердить «Временное положение». По словам митрополита Евлогия, Коковцев «совершенно раскритиковал «Временное положение», разъясвив собранию, что этот проект своей централизацией предусматривал лишение их «всякой самостоятельности и сосредоточивал всю власть в Карловацком Синоде»⁸²⁸. В результате взаимоотношения между Карловацким Синодом и митрополитом Евлогием вернулись «на круги своя». Возобновилось соперничество из-за приходов в Западной Европе, прежде всего в Германии, где все большее их число переходило от митрополита Евлогия к епископу Тихону (Лященко), представлявшему Карловацкий Синод.

В Соединенных Штатах реакция на решение «примирительного» Собора 1935 г. была иной, чем в Париже. В мае 1936 г. в Америке состоялся совет русских епископов Америки, который включал в себя и проживавших в США епископов карловацкой ориентации. Совет ратифицировал «Временное положение», подтвердив одновременно автономный статус Американского округа. Затем в октябре 1937 г. в Нью-Йорке состоялся VI Всеамериканский Собор, предметом его обсуждения были решения Карловацкого Собора 1935 г. Как пишет Н. Д. Пospelовский,

«для большинства православных американцев, в основном западноукраинского происхождения, группа эмигрантских епископов-монархистов, сидящих в Югославии, ничего не значила... В большинстве своем миряне и клир американских приходов были против этих действий, (имеется в виду решение митрополита Феофила войти в юрисдикцию Карловацкого Синода.— В. Ц.), однако воздержались от подрыва авторитета митрополита. При голосовании 122 воздержались, 9 проголосовали против компромисса и только 105 проголосовали «за». Собор вновь подтвердил приверженность принципу автономии, и епископы заверили свою паству, что союз с карловчанами никоим образом не затрагивает автономию»⁸²⁹.

Однако и в Америке неприязненные отношения между приходами «карловацкой» и собственно американской ориентации сохранялись; соединение их было скорее формальным, обусловленным соображениями церковной дисциплины. И как пишет тот же историк, «карловчане сохраняли в Америке «боевую готовность», чтобы организовать в параллельную юрисдикцию при первых признаках несогласия с «американцами»⁸³⁰.

10 августа 1936 г. скончался митрополит Антоний. Это был, несомненно, один из самых крупных, талантливых и влиятельных архипастырей Русской Церкви XX столетия. Его мирское имя — Алексей Павлович Храповицкий. Он родился в 1863 г. в селе Ватагино Новгородской губернии в семье помещика из старинного дворянского рода. Детство его прошло в родном селе и в Петербурге, где он окончил классическую гимназию. Пылкая религиозность, интенсивное

чтение отцов Церкви, житий святых уже в отроческие годы, увлечение идеями религиозного славянофильства определили его жизненный путь после гимназии, которую он окончил с золотой медалью. В 18 лет он вопреки желанию отца поступил в Петербургскую Духовную Академию. По окончании академии, в 1885 г., он принял постриг, был рукоположен в иеромонаха и назначен субинспектором академии. Так началось его церковное административно-педагогическое служение. На этом поприще он служил в Холмской семинарии, потом снова в родной академии. В 1889 г. его назначили ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, и в том же году состоялся его перевод на должность ректора Московской Духовной Академии. В истории русской духовной школы это был уникальный случай — впервые ректором академии назначался молодой человек в возрасте 27 лет.

Митрополит Антоний был необычайно любим студентами, и любовь эта была взаимной. Один из его учеников, протоиерей Сергей Четвериков, вспоминал о своем ректоре и учителе: «Владыка Антоний был сердцем нашего академического мира... Двери его покоев во всякое время были открыты для студентов. Сам он часто приходил на нашу вечернюю молитву в академическую церковь и после молитвы о чем-нибудь беседовал. Он умел подойти к каждому из нас, и из наших отношений с ним был устранен дух формализма и официальности. Мы жили, согретые его любовью и лаской. И вместе с тем эти отношения были чужды всякой фамильярности. Мы чувствовали его неизмеримое превосходство...»⁸³¹

Одной из главных забот ректора было привлечение своих студентов к монашескому постригу. В монашестве владыка Антоний видел не столько поприще аскетического подвижничества, выбор которого должен проистекать из склада личности, сколько своего рода передовой отряд Церкви в борьбе с миром, лежащим во зле. Свою ревность в призвании студентов к монашеству он обнаружил и в бытность ректором Казанской Академии. Один из выпускников Казанской Академии, впоследствии митрополит Харбинский Мелетий (Заборовский), вспоминал: «В своих беседах со студентами наш о. ректор часто говорил, что духовная академия должна преимущественно готовить служителей Церкви Христовой и особенно монашествующих, которые могут себя всецело посвятить на это великое служение. Высоту этого служения Церкви наш о. ректор раскрывал перед юными слушателями и воспитанниками с такой силою красоты и убедительности, что вскоре, приблизительно на другой же год, взгляд на монахов-студентов, в которых ранее людская молва видела только карьеристов, изменился. Монашествующая братия стала расти и умножаться»⁸³².

Несколько иной взгляд на ревность владыки Антония о монашестве высказал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий, который учился в Московской Академии, когда ректором ее был юный архимандрит Антоний:

«Молодой, высокообразованный, талантливый и обаятельный, с десятилетнего возраста мечтавший стать монахом, архимандрит Антоний был фанатиком монашества. Его пламенный монашеский дух заражал, увлекал, зажигал сердца... Монашество в нашем представлении благодаря ему возвысилось до идеала сплоченного крепкого братства, ордена, рати Христовой, которая должна спасти Церковь от прокуратуры (обер-прокуратуры Синода.— *Ред.*), вернуть подобающее ей место независимой воспитательницы и духовной руководительницы русского народа. Перед нашим взором развертывались грандиозные перспективы: восстановление патриаршества, введение новых церковных начал, переустройство академии в строго церковном духе... Идею монашества архимандрит Антоний пропагандировал среди нас поистине фанатически»⁸³³.

Некоторые из послушников митрополита Антония делали под его влиянием выбор, который превышал их душевные силы, их монашеская жизнь складывалась поэтому неудачно и

даже трагично, но большинство из 60 его послушников времен ректорства в двух академиях впоследствии стали архиереями.

В сентябре 1897 г. архимандрит Антоний был хиротонисан в сан епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, потом он носил титул епископа Чистопольского, оставаясь ректором академии. В 1900 г. епископ Антоний был назначен на самостоятельную Уфимскую кафедру, а в 1902 г. переведен в Волынскую епархию, где в его ведении оказалась Почаевская Успенская лавра.

Владыка Антоний был плодовитым и талантливым духовным писателем, автором нескольких книг, множества статей, опубликованных проповедей. В годы первой русской революции в его трудах заметное место стала занимать церковная и политическая публицистика; когда Российское государство оказалось в опасности крушения, он энергично выступил на защиту его устоев, поддерживал «Союз русского народа» и другие монархические организации, чем заслужил в либеральных и революционных кругах репутацию крайне правого, почти черносотенца. Но владыка Антоний вовсе не был апологетом сложившейся при Петре Великом государственной системы. В вопросах церковно-государственных отношений он был сторонником коренных реформ: стремясь восстановить основные начала византийской симфонии церковной и государственной властей, он твердо стоял как за тесный союз Церкви и государства, так и за независимость Церкви от государственного контроля, введенного при Петре. Он был ревнителем восстановления патриаршества в России; его любимым образом из русской церковной истории был Патриарх Никон. В мужественном стоянии за восстановление патриаршества — а эта идея не встречала понимания со стороны высшей бюрократии России, прежде всего у такого влиятельного сановника, как обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, который в патриаршестве видел угрозу царскому самодержавию,— главная заслуга митрополита Антония. С 1914 по 1918 г. владыка Антоний занимал Харьковскую кафедру. На Поместном Соборе он стал кандидатом в Патриархи, который получил больше всех голосов. Воля Божия, обнаружившаяся через жребий, сделала иной выбор, чем воля человеческая. Патриархом избран был святитель Тихон, а владыка Антоний был возведен в сан митрополита; после убийства священномученика Владимира, митрополита Киевского, преемником его на Киевской кафедре стал митрополит Антоний.

Пытаясь понять характер личности митрополита Антония и оценить значение его церковной деятельности, такой наблюдательный автор, как протоиерей Василий Зеньковский, не раз сталкивавшийся с владыкой Антонием, писал:

«В нем я вижу образ трагический — и с точки зрения его собственной судьбы, и с точки зрения судеб Русской Церкви. Будучи большим талантом, с глубокой и редкой богословской ученостью, митрополит Антоний являл пример великого и неутомимого церковного деятеля, отдавшего всю свою незаурядную энергию на церковную работу. Его центральная идея, как мне кажется, всегда заключалась в вере, что подлинное и чистое христианство осуществимо лишь в монашестве... В этом смысле и Церковь для митрополита Антония не семя обновления жизни в мире, в истории, а некий Ноев ковчег, со всех сторон окруженный бурными водами. Правда в мир не входит и не может войти — и единственно, что может справиться с миром, это не Церковь, а светская власть. Светская власть есть от Бога данная, естественная, но и постоянно благословляемая свыше сила на обуздание природного хаоса, природной неправды, поэтому Церковь потонула бы в миру, если бы с мира были сняты оковы, налагаемые на него властью (!). Отсюда для м. Антония вытекает тезис, который по существу ужасает своим неверием в Церковь, который определяет все церковно-политическое мировоззрение митрополита Антония, а именно его глубокое убеждение, что Церковь нуждается для своего мирного и плодотворного развития в монархии. Но м. Антоний слишком глубоко и горестно перестрадал тот плен Церкви

государству, какой был при нашей монархии. Поэтому искренно и непоколебимо защищая идею монархии, митрополит Антоний столь же твердо стоит за свободу Церкви, за соборное ее управление, за патриаршество. Возрождение патриаршества на Руси есть по преимуществу заслуга митрополита Антония, неутомимо защищавшего эту идею в течение нескольких десятилетий»⁸³⁴.

Впрочем, Патриарх Сербский Варнава в надгробном слове митрополиту Антонию выразил иной, более светлый взгляд на его личность и на плоды его деятельности: «Имя митрополита Антония связано с громадным периодом развития великой духовной мощи Русской Церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы... Митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков христианства... Прощаясь ныне с митрополитом Антонием, стоя у его бездыханного тела, мы все должны навсегда сохранить его священный завет в том, чтобы православная царская Россия была бы восстановлена во что бы то ни стало. В этом спасение всех нас»⁸³⁵.

Незадолго до кончины митрополита Антония, в 1935 г., Кишиневский архиепископ Анастасий (Грибановский) был возведен Сербским Патриархом Варнавой в сан митрополита, после кончины митрополита Антония он возглавил зарубежный Синод.

В августе 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся II Всеэмигрантский Собор с участием епископов, клириков и мирян. В действительности всеэмигрантским он не был, в нем не участвовала ни та часть эмиграции, которая находилась в послушании Московской Патриархии, ни представители Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриарха, за которыми уже закрепилось название евлогиян. Участвовали в Соборе карловчане, бывшие с самого начала в ведении зарубежного Синода, и представители Американского округа во главе с митрополитом Феофилом, в 1935 г. признававшим юрисдикцию Синода. Председательствовал на Соборе митрополит Анастасий. II Карловацкий Собор резко осудил митрополита Евлогия за переход в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, а Константинопольскую Патриархию за захват русских приходов в Западной Европе. Собор не обошел вниманием гонения на Церковь в Советском Союзе, он высказался также в защиту православной Церкви в Польше; протестуя против разрушения православных храмов польскими властями, полонизации и украинизации богослужения⁸³⁶.

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, и в мировую войну Карловацкая группировка не избежала компрометации сомнительными связями с гитлеровским режимом, для одних, вероятно, вынужденными, для других, может быть, и вполне добровольными. Впрочем, контакты некоторых членов Высшего монархического совета, составивших окружение митрополита Антония, с нацистами восходят еще к началу 20-х гг., когда Высший монархический совет помог идеологу нацизма А. Розенбергу приобрести газету «Фелькише беобахтер», ставшую рупором национал-социалистической партии. В 1921 г. Высший монархический совет вел переговоры с Гитлером о возможной помощи в случае его прихода к власти в подготовке духовенства для служения в России после краха большевизма.

После 1933 г., когда нацисты оказались у власти в Германии, немецкое правительство стало оказывать давление на евлогиянские приходы, настаивая на их подчинении епископу Берлинскому Тихону (Лященко), находившемуся в ведении Карловацкого Синода. В 1938 г. немецкими властями была оказана помощь в ремонте 19 православных храмов карловацкой юрисдикции в Германии, в том числе кафедрального собора в Берлине, на Курфюрстендамме. 12 июня 1938 г. митрополит Анастасий обратился к Гитлеру с благодарственным адресом, в котором среди прочего писал: «Лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости, видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду. Мы знаем из достоверных источников, что верующий русский народ, стонущий под этим рабством, ожидающий своего освобождения,

постоянно возносит к Богу молитвы, чтобы Он сохранил Вас и дал Вам Свою всемогущую помощь»⁸³⁷. Адрес этот был, по меньшей мере, опрометчивым документом, во всяком случае апологетам митрополита Анастасия не пристало обличать Московскую Патриархию за ее лояльность советскому режиму, несомненно в гораздо большей степени вынужденную, чем реверансы от карловчан, в 1938 г. еще не находившихся в сфере германского влияния, в адрес Гитлера.

Оказав финансовую поддержку карловчанам, германские власти настояли на том, чтобы Берлинским епископом Карловацкий Синод поставил архиерея немецкого происхождения. Зарубежный Синод подчинился этому требованию: архиепископ Тихон был отправлен на покой и вскоре выехал из Германии в Белград, а на его место Синод назначил епископа Потсдамского немца Серафима (Лядэ). Викарий архиепископа Тихона, бывший обновленческий епископ на Украине, принятый в епископат Зарубежной Церкви митрополитом Антонием (Храповицким) после покаяния,— таков «послужной» список нового епископа, вступившего на Берлинскую кафедру. Карловацкий Синод, похваляющийся чистотой своих риз, признал действительным его рукоположение, совершенное несомненными раскольниками, причем отделившимися от Патриаршей Церкви как раз по причине своей идеологической близости к коммунизму. От нацистского правительства Германии он получил титул «фюрера всех православных в III Рейхе и во всех контролируемых им территориях»⁸³⁸. Впрочем, о личных качествах Серафима (Лядэ) даже самые жесткие критики карловчан отзываются весьма положительно: он был человеком скромным и во время войны старался помочь русским военнопленным. 25 февраля 1938 г. Гитлер издал указ о передаче собственности Православной Церкви в Германии под контроль Министерства религиозных культов, а министерство передало эту собственность, прежде всего православные храмы, в распоряжение епископа Серафима (Лядэ). После назначения епископа Серафима в Берлин немецкие власти ужесточили давление на священнослужителей-евлогиан, принуждая их переходить в карловацкую юрисдикцию. Упорствовавших в стремлении остаться у митрополита Евлогия вызывали на допросы в гестапо. Сохранился весьма характерный документ, иллюстрирующий методы и цели церковной политики нацистов. Это запись беседы архимандрита [Иоанна \(Шаховского\)](#), впоследствии архиепископа, с чиновником германского Министерства религиозных культов Гауггом. Запись сделана присутствовавшим при беседе 22 апреля 1938 г. И. Ф. Васильевым и заверена рукой архиепископа Иоанна:

«Гаугг: Мы двух Церквей не хотим иметь и не допустим. Мы признали Карловацкий Синод... и только из этого факта можно исходить и с ним считаться. *Отец Иоанн*: С епископом Серафимом у меня хорошие отношения, и с ним возможно литургическое общение... Но... при отсутствии объединения архипастырей я не считаю для себя возможным самовольно вступать в карловацкую юрисдикцию. Гаугг (настаивает и угрожает): Мы не хотим непременно в отношении вас применить полицейские меры теперь, но к тому идет. Государство должно провести свой закон в жизнь. *Отец Иоанн*: Я вполне отдаю себе в этом отчет... но не могу под давлением этого обстоятельства изменить свою основную точку зрения... о канонической невозможности... переходить в другую юрисдикцию самовольно... С епископом Серафимом всегда есть возможность сослужения... (поддержания) модус вивенди. Гаугг: Нас не интересует литургическое сослужение, и не о модус вивенди идет речь, но о включении в карловацкую юрисдикцию. Правительство... заботится о православной Церкви, построен прекрасный храм. *Отец Иоанн*: Мы в России имели много великолепных храмов, но Господь все их взял у нас и попустил уничтожить, ибо мы внутренне не заслужили их пред Богом. И теперь только внутреннее единение в Христовой любви может быть названо единением, а не внешнее. Гаугг: Государство интересуется только одно... православная Церковь должна быть одна, и именно Карловацкого Синода»⁸³⁹.

Давление было оказано и на митрополита Евлогия. Германские власти предложили ему для блага Церкви передать его приходы карловчанам. Митрополит Евлогий пытался договориться с зарубежным Синодом о совместном управлении германскими приходами, но в Карловцах это предложение было отклонено. В результате вытеснения евлогиан в ведении Константинопольского экзархата в Германии не осталось ни одного прихода. Последние евлогианские приходы в Германии: Берлинский, Дрезденский и на Муезерских озерах в Восточной Пруссии, в 1937 г. были подчинены митрополиту Серафиму (Лядэ), который, однако, обращался с ними весьма деликатно и не совершал в них богослужений.

* * *

Вторая мировая и Отечественная война углубила политическое размежевание в эмиграции. Решительное большинство ее исполнилось патриотических настроений и оказалось на стороне своего страждущего народа, борющегося за независимость Отечества.

Экзарх Московской Патриархии в Соединенных Штатах митрополит Вениамин (Федченков), выступая на многотысячном митинге в Мэдисон Сквер-Гардене 2 июля 1941 г., сказал:

«Настоящее столкновение Советского Союза с Германией произошло в необычайный, знаменательный день. Есть единственный день в году, когда Русская Православная Церковь празднует память всех святых земли Русской от начала христианства до наших дней. И этот единственный день в нынешнем году совпал с 22 июня. Как раз именно в ночь под этот день по-американски и утром этого дня по-европейски немцы открыли войну против нас. Это знаменательное совпадение несомненно, не случайно!.. Не буду говорить много о нем, но мы верим, что это есть знак милости русских святых к общей нашей Родине и это дает нам великую надежду, что начатая борьба кончится благим для нас концом»⁸⁴⁰.

Митрополит Вениамин, выступая на многочисленных митингах, настаивал на скорейшем открытии второго фронта в Европе, организовал и возглавил весьма эффективную кампанию по сбору пожертвований в пользу Красной Армии.

Патриотические настроения охватили не только тех русских эмигрантов, кто входил в приходы, находившиеся в ведении Московской Патриархии, но и большинство русских в Америке, окормлявшихся в церквях юрисдикции митрополита Феофила. Эти настроения стали почти всеобщими в русской диаспоре после перелома в ходе мировой войны, приблизившего поражение Германии. Однако часть эмигрантов в Америке, главным образом та, которая и до примирительного Собора 1935 г. находилась в юрисдикции зарубежного Синода, с тревогой наблюдала за ростом просоветских симпатий в диаспоре. В стремлении не допустить раскола по политическим мотивам митрополит Феофил в сентябре 1942 г. предостерегал клириков от каких бы то ни было политических заявлений. Реакцией на требование митрополита был переход ряда феофиловских приходов в юрисдикцию экзарха Московской Патриархии митрополита Вениамина.

Германская оккупация Парижа поставила в трудное положение митрополита Евлогия и возглавляемый им экзархат Константинопольской Патриархии. Немецкие власти не доверяли владыке Евлогию, вели негласный надзор за ним, вызывали на допросы в гестапо. Митрополит заявлял о своей лояльности оккупационным властям, но сердце его было на стороне противников Гитлера. При получении вестей о поражении русских армий в начальный период Великой Отечественной войны его охватило чувство великой печали и тревоги за судьбу родного народа. Настроения, мнения и чувства митрополита в 1941 г. так передает его биограф: «Владыка следит за военными действиями в страшной тревоге. Он подавлен, он «сам не свой»... «Не сплю ночей... Не нахожу себе места... Варвары!.. Какие варвары!» — с негодованием восклицает он. Владыка говорит всегда теперь о России, не может не говорить о ней и, по-

видимому, его чувства и переживания глубже и сильнее, чем можно их выразить словами»⁸⁴¹. Тот же биограф так передал содержание проповеди, произнесенной митрополитом Евлогием летом 1942 г. в Медоне: «Потоками, реками льется сейчас русская кровь, омываются тяжкие грехи революционных лет... Очистительные, искупительные страдания — проявление гнева Божия. Без крови нет и не бывает искупления всенародного греха.... Может быть, потом, по очищении Бог простит, Бог спасет русский народ»⁸⁴². Тайно, келейно митрополит Евлогий молился о победе русского оружия в войне против смертельно опасного врага. Когда на фронтах второй мировой войны произошел перелом, после поражения немцев под Сталинградом, он испытал огромную радость. «Владыка внимательно следит за военными событиями,— пишет его биограф.— При встречах радостно говорит о продвижениях русских армий, рассматривает карту. Теперь хорошие вести о войне — его утешение, его отрада. На столе «Война и мир». Он перечитывает Толстого с живейшим интересом. «Сейчас мы вновь переживаем вторую Отечественную войну, тот же всенародный подвиг спасения родины»,— говорит он»⁸⁴³.

Русские патриоты, священнослужители и архиереи, участвовали во французском Сопротивлении, одни из них принадлежали евлогианской юрисдикции, другие хранили верность Московской Патриархии. Многие из них были казнены фашистами. Мученическую кончину в концентрационном лагере приняли священники Димитрий Клепинин († 1944) и монахиня Мария (Кузьмина-Караваева; † 1945); казнены были В. А. Оболенская, Б. Вильде, А. Левицкий. В Сопротивлении участвовали также архимандрит Афанасий (Сахаров), протоиерей Андрей Сергеенко, В. Н. Лосский, А. Блум (ныне митрополит Сурожский Антоний), И. А. Кривошеин, Н. А. Полторацкий. В 1941 г. гестапо арестовало в Берлине профессора Иринарха Александровича Стратонова, который в эмиграции оставался верным сыном Матери Церкви, находясь в каноническом послушании Московской Патриархии. В ноябре 1942 г. в оккупированном Брюсселе гестапо арестовало архиепископа Брюссельского и Бельгийского евлогианской юрисдикции Александра (Емоловского), бесстрашно обличавшего в проповедях Гитлера и выражавшего сочувствие поработанному населению Бельгии. Узника поместили в тюрьму гестапо, где состояние его здоровья резко ухудшилось. Узнав об этом, митрополит Серафим (Лядэ) добился у властей передачи архипастыря ему на поруки и поместил его в Русском доме для престарелых в берлинском тайоне Тегель. Здесь архиепископ Александр пробыл до разгрома Германии. Со стороны митрополита Серафима к нему были проявлены полнейшая корректность и доброе попечение.

Часть эмигрантов, однако, с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз связывала надежду на крушение большевизма. Эти надежды выразились в некоторых официальных заявлениях и проповедях карловацких иерархов и клириков. Митрополит Анастасий, находясь в стране, где развернулась ожесточенная борьба с оккупантами, воздерживался от прямых заявлений в поддержку Германии, но в пасхальном послании 1942 г. он, касаясь положения русского народа на занятых немцами территориях, писал: «Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы. И древний Киев, и многострадальный Смоленск, и Псков светло торжествуют свое избавление как бы из самого ада преисподнего. Освобожденная часть русского народа повсюду давно уже запела «Христос воскрес»»⁸⁴⁴.

26 мая 1942 г. с согласия германского правительства был открыт Среднеевропейский митрополичий округ, в который вошли церкви Германии, Бельгии, Чехословакии, Венгрии, а также часть оккупированных западных областей СССР — Орловская, Смоленская и Белостокско-Гродненская епархии. Митрополитом этого округа был назначен Серафим (Лядэ), окончивший Московскую Духовную Академию.

Карловацкий Синод не только направил священнослужителей для окормления

военнослужащих Русской освободительной армии, Русского охранного корпуса, сформированного немцами в Югославии, что еще можно было бы расценить как пастырскую заботу о несчастных, заблудших людях, но и всячески поддерживал генерала Власова и других русских военачальников, воевавших на стороне врагов России. Попытки представить генерала Власова героем неизменно предпринимались авторами карловацкой ориентации и в послевоенную пору. Протопресвитер Георгий Граббе в 1961 г. писал: «Власовская армия, созданная в крайне тяжелых условиях, никогда не скрывала своего русского патриотизма и рассматривала немцев в качестве только временных союзников для уничтожения коммунизма на Русской земле, нередко ясно давая это понять и им самим. Никто из русских патриотов не мечтал о конечной победе немцев, но все думали и молились об освобождении России от большевицкой тирании»⁸⁴⁵. Наверно, Гитлер для того только и развязал войну, чтобы ценой гибели миллионов «расово полноценных соотечественников» привести к власти в России «унтерменша», расово неполноценного русского генерала-патриота, который укажет немцам на дверь. Или генерал Власов всерьез считал себя умнее и дальновиднее германского правительства, генерального штаба, нацистской партии, что надеялся перехитрить их? Вторая мировая война ни в коей мере не была продолжением гражданской войны, и на ее фронтах решался вопрос не только о том, оставаться или не оставаться большевикам у власти в России, но в первую очередь о государственной независимости России, о самом существовании русского народа как нации. Дело не в том, что патриотизм большинства карловчан и самого митрополита Анастасия оказался фальшивым, а в том, что за годы эмиграции произошло болезненное искажение их национального сознания, ставшего крайне радикальным и узко партийным. Осознанно или неосознанно, но они исповедовали принцип: никакая цена не будет слишком большой, если Россия заплатит ее за победу над большевиками. К тому же в силу ряда особенностей мировоззрения большинства активных деятелей карловацкой группировки нацизм, с которым они, конечно, не отождествляли свою идеологию, казался им все-таки нравственно более приемлемым, чем коммунизм и даже, западные демократии.

Особенно удивителен был поступок 80-летнего архиепископа карловацкой юрисдикции Гермогена (Максимова), который до эмиграции занимал викарную Аксайскую кафедру. В 1942 г. он возглавил Хорватскую православную Церковь — раскольническое образование, выделившееся из Сербской Церкви, марионеточное учреждение усташеского правительства Хорватии, которое осуществляло массовый геноцид православного сербского народа, далеко превзойдя своими зверствами террор немецких оккупантов Югославии. Действия архиепископа Гермогена архиепископ Иоанн (Шаховской) охарактеризовал так: «Удар для православной Церкви Сербии, сильно пострадавшей во время войны. И это после того, как Сербская Церковь великодушно приняла под свое покровительство епископов Карловацкого Синода»⁸⁴⁶. Правда, митрополит Анастасий, узнав о действиях, учиненных архиепископом Гермогеном, запретил его в священнослужении, о запрещении было доведено до сведения Сербской Патриархии, однако напечатать сообщение о запрещении архиепископа Гермогена, по словам епископа Григория (Граббе), «немцы... не позволили»⁸⁴⁷. В 1945 г. архиепископ Гермоген был казнен партизанами Тито.

После избрания митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси 21 октября 1943 г. в Вене, контролируемой немецкими властями, состоялось совещание 8 епископов карловацкой группировки во главе с митрополитом Анастасием (Грибановским). Венское совещание вынесло постановление, в котором избрание Патриарха признано незаконным и недействительным, главным аргументом был тот, что процедура выборов не соответствовала предусмотренной в «Определении» Собора 1917—1918 гг., т. е. на Соборе не было клириков и мирян. Но очевидно, что созвать избирательный Собор такого состава, какой устанавливался

«Определением» Поместного Собора, было невозможно ввиду исключительных обстоятельств, в которых жила тогда Церковь. Неубедительна ссылка и на то, что в избирательном Соборе участвовала только часть российского епископата. Право карловацких архиереев на участие в Соборе было, с одной стороны, сомнительно из-за их запрещения законною церковною властью с 1934 г., а с другой стороны, абсолютно нереализуемо. Не могли участвовать в деяниях Собора и архипастыри, находившиеся в местах заключения, либо и на свободе, но не на кафедрах: полноту канонических прав имеют только правящие епископы.

Полнота власти в Церкви принадлежит епископату, находящемуся у реальной церковной власти, и при первой возможности к замещению патриаршей кафедры епископат обязан позаботиться о реализации ее. Все епископы, находившиеся у действительной церковной власти, управлявшие епархиями, участвовали в избрании Патриарха. Заграничные архипастыри, состоявшие в юрисдикции Московской Патриархии, но отсутствовавшие на архиерейском Соборе 1943 г. «по надлежащей нужде» и «по дальности» и крайней затруднительности «пути» в военное время, после избрания Патриарха изъявили на то согласие в разных формах. Так, митрополит Вениамин (Федченков) из Бруклина прислал телеграмму Патриарху Сергию: «Я, клир, народ счастливы присоединить свой голос к главе Церкви, достойному титула Патриарха. Надеемся, это поможет примирению в Америке»⁸⁴⁸. Митрополит Евлогий, по словам его биографа, «известие о прекращении гонений, а потом о Соборе и избрании Патриарха воспринял как великую радость духовной победы, связанную с победой на полях сражений, как знак «прощенности» русского народа. Нахлынувшие новые впечатления эту радость могли только укреплять. О его настроении в победные месяцы Великой Отечественной войны тот же биограф рассказывает так:

«В один из этих победно-финальных дней я застала Владыку счастливым, сияющим, вокруг него лежали газеты, в руках был иллюстрированный журнал: он любовался портретами советских маршалов... «Смотрите, смотрите, подлинные орлы... Вот этот на Кутузова похож, а вот — Багратион, а вот этот — Барклай... Какие молодцы! Какие лица! Благообразные, волевые, умные...» — с веселой улыбкой говорил он. Когда разговор заходит о существующем в России государственном строе, Владыка на мгновение задумывается... «Да... да... но национальные задачи могут, по произволению Божию, выполняться путями нам неизвестными...— убежденным тоном говорит он.— России сейчас возвращается все, что мы утратили во время революции. Пожалуй, и основной славянский вопрос разрешится — вековая задача... вековая задача, завещанная предками... Политика ведется национальная, отвечающая интересам России. Это ново. Это явление надо учесть... с ним надо считаться»⁸⁴⁹.

Митрополит Евлогий мечтал уже о возвращении в лоно Матери Церкви, более того, он хотел вернуться в Россию и умереть на родине. 20 ноября 1944 г. он тайно посетил советское посольство, восстановленное в освобожденном от немцев Париже. Советский посол Богомолов пообещал ему, что он будет приглашен на Собор, которому предстояло избрать нового Патриарха ввиду последовавшей через несколько месяцев после избрания кончины Патриарха Сергия. Однако приглашение на Собор, датированное 20 декабря 1944 г., митрополит Евлогий получил только 5 февраля 1945 г., когда Собор уже завершился.

В Соединенных Штатах митрополит Феофил отозвался на избрание Патриарха Сергия дружелюбным поздравительным посланием, выразив в нем надежду на то, что Патриарх с пониманием отнесется к проблемам Американской Церкви. В октябре 1943 г. собрание епископов, клириков и мирян Американской митрополии, в котором участвовали и архиереи карловацкой ориентации, архиепископ Сиэтлский Тихон (Троицкий) и епископ Детройтский Виталий (Максименко), вынесло постановление о поминовении Патриарха Сергия вслед за возношением имен Восточных Патриархов. После кончины Патриарха Сергия Собрание

духовенства и мирян Американской митрополии постановило возносить за богослужением имя Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Ленинградского Алексия.

Ряд приходов в Америке перешли из юрисдикции митрополита Феофила к экзарху Московской Патриархии митрополиту Вениамину. В этой обстановке митрополия начала переговоры с Патриархией о воссоединении. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Алексей пригласил делегацию от Американской митрополии на избирательный Поместный Собор. Американская делегация вылетела из Нью-Йорка в Москву через Аляску на военных самолетах 15 января 1945 г. По причине тумана или под предлогом тумана делегация Американской Церкви во главе с митрополитом Феофилом задержалась в Сибири и прибыла в Москву после завершения Собора. Новоизбранный Патриарх Алексей делегацию принял радушно, но от сослужения с ней отказался ввиду прещений, наложенных на епископат и клир Американской митрополии в 1933 г. Тем не менее переговоры о воссоединении, состоявшиеся в Москве, закончились успешно, хотя не все спорные вопросы были улажены. В частности, американская делегация настаивала на полной административной автономии Американской митрополии от Патриархии и на том, чтобы выборы правящих митрополитов проводились на Соборах митрополии и только утверждались Патриархом. Окончательного положительного ответа на это требование не было дано, и все-таки после возвращения делегации из Москвы во всех храмах Американской митрополии стало возноситься имя Патриарха Алексия. По указу Патриарха Алексия, привезенному из Москвы, предусматривалось, что Собор в Америке соберется под председательством архиепископа Ярославского Алексия (Сергеева), который был направлен в США Патриархом для переговоров с митрополитом Феофилом, и что этот Собор изберет митрополита; кандидатами Патриарх предлагал митрополита Вениамина (Федченкова) или архиепископа Алексия (Сергеева), однако допускалась возможность избрания и иного лица, причем избранный митрополит подлежит утверждению в своей должности Патриархом. В указе выражено было также требование, чтобы клирики и миряне Американской митрополии дали обещание воздерживаться от антисоветских выступлений и чтобы всякие контакты с Карловацким Синодом были прекращены. Только при выполнении этих условий с клириков Американской митрополии могло быть снято запрещение, наложенное в 1933 г. Совет епископов Американской митрополии в мае 1945 г. постановил, что условия, выдвинутые Патриархом, неприемлемы, и предложил сохранить существующую связь с зарубежным Синодом. Но в приходах Американской митрополии происходило брожение; одни прихожане поддерживали решение совета епископов, другие, и их было большинство, настаивали на разрыве с карловчанами и полном восстановлении общения с Московской Патриархией. Такие же настроения существовали и в евогианских приходах, и даже в некоторых кругах карловацкой ориентации.

* * *

Отвечая на стремление к возвращению в лоно Матери Церкви, Патриарх Московский и всея Руси Алексей I 10 августа 1945 г. издал обращение к архипастырям и клиру карловацкой ориентации. В этом обращении обстоятельно рассматривалась история возникновения карловацкой группировки во главе с митрополитом Антонием (Храповицким), цитировались указы Патриарха Тихона и Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, в которых осуждалась деятельность карловчан; крайне суровой критике подвергнута позиция карловацких иерархов во время второй мировой войны. «Одним из примеров того, в какую бездну падения уносит архиерея нарушение им епископской присяги и уклонение в церковный раскол и разрыв с Матерью Церковью,— говорится в обращении,— является «благодарственный адрес Адольфу Гитлеру», поднесенный ему в 1938 г. «архиерейским Синодом за границей» и подписанный председателем Синода митрополитом Анастасием. В этом недоброй памяти и достойном

возмущения документе предавалась Русская Церковь, предавался русский народ»⁸⁵⁰.

Издание этого обращения ускорило распад карловацкой группировки, начавшийся в последние месяцы войны. 24 августа из Москвы в Париж выехала русская церковная делегация во главе с митрополитом Николаем. Митрополит Николай встретился с экзархом Константинопольского Патриарха, в ведении которого находилось 75 приходов в Западной Европе и Северной Африке,— большинство из них, более 50, во Франции,— а также с митрополитом Серафимом (Лукьяновым), главой Западноевропейской епархии карловацкой ориентации, объединявшей около 30 приходов. В результате переговоров митрополита Николая с митрополитами Евлогием и Серафимом они оба вместе с находившимися в их ведении приходами вошли в юрисдикцию Московской Патриархии. 7 сентября 1945 г. Священный Синод по докладу митрополита Николая принял постановление:

«Считать митрополита Евлогия и его викариев — архиепископа Владимира и епископа Иоанна со всеми 75 приходами воссоединенными с Матерью Церковью и принятыми в юрисдикцию Московской Патриархии и сохранить на будущее время экзархат западноевропейских церквей в существующих его границах во главе с митрополитом Евлогием как экзархом Московской Патриархии на основаниях, изложенных в соответствующем Положении об управлении этими церквами... Считать митрополита Серафима и приходы его области воссоединенными с Матерью Церковью и принятыми в юрисдикцию Московской Патриархии и временно, впредь до окончательного канонического устройства церковных дел за границей, сохранить за митрополитом Серафимом управление его областью при существующем составе его приходов»⁸⁵¹.

В октябре 1945 г. с Матерью Церковью воссоединились русские приходы в Германии во главе с архиепископом Александром (Немоловским), бывшим викарием митрополита Евлогия. После воссоединения он был назначен архиепископом Берлинским и Германским.

Еще до издания обращения Патриарха Алексия I к архипастырям и клиру карловацкой ориентации, 26 июня 1945 г., русскими епископами епархий, находившимися на территории Китая и состоявших в ведении Карловацкого Синода, было направлено Патриарху обращение, в котором они поздравляли его с восшествием на Первосвятительский Престол:

«Наша Дальневосточная Православная Церковь за границей и, в частности, Харбинская епархия,— говорилось в этом обращении,— в течение всего своего существования с 1922 г., по милости Божией пользовалась тишиной и миром во внутренней своей жизни; Церковь умножалась, приходы устроались, насаждались рассадники духовного просвещения — Богословский факультет и духовная семинария, и вся жизнь текла по указаниям Соборного определения 1917—1918 гг. и по заветам Патриарха Тихона. Но каждый из нас в эти долгие годы переживал великую душевную тяжесть, будучи оторван прошедшими событиями от нашей святой Матери родной Российской Православной Церкви. В настоящее же время благодаря великой милости Господней снова радостью забились сердца наши, ибо, почитая себя верными сынами святой Матери нашей Русской Православной Церкви (мы всегда в храмах наших поминали православное епископство Церкви Российския и богохранимую страну Российскую), мы снова имеем возможность возносить в молитвах наших имя первосвятителя Церкви Российской — Святейшего отца нашего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, законного преемника Святейшего Патриарха Тихона, избранного Поместным Собором 1945 г., имеющего каноническую связь с прошлым Собором 1917—1918 гг. Всем этим великую радость и милость послал нам Господь, ибо не оставил нас сырых — воздвиг нам отца, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, поминаемого ныне нами в наших молитвах в храмах наших за богослужением. Смиренно припадая к стопам Вашего Святейшества и испрашивая Вашего Первосвятительского благословения, усердно молим Ваше Святейшество раскрыть нам

объятия отца, принять нас под высокую руку Вашего Первосвятительского окормления»⁸⁵².

Под обращением стояли подписи митрополита Харбинского и Маньчжурского Мелетия (Заборовского), архиепископа Камчатского и Петропавловского Нестора (Анисимова), архиепископа Хайларского Димитрия (Вознесенского) и епископа Цицикарского Ювеналия (Килина). В октябре 1945 г. в Харбин направилась делегация Русской Православной Церкви во главе с епископом Ростовским Елевферием (Воронцовым) для переговоров с архипастырями китайских епархий. После этих переговоров был подписан акт о воссоединении митрополита Мелетия, архиепископа Нестора, архиепископа Димитрия и епископа Ювеналия с Матерью Русской Православной Церковью.

Патриотические настроения и ностальгия побудили многих русских эмигрантов из разных концов света вернуться на Родину. Среди репатриантов были священнослужители и архиереи: из США вернулись митрополит Вениамин (Федченков), епископы Феодор (Текучев), Антоний (Васильев) и Алексей (Пантелеев); из Европы — митрополит Серафим (Лукьянов), архиепископ Иоанн (Лавриненко), из Китая — архиепископы Виктор (Святин), Ювеналий (Килин), Димитрий (Вознесенский), Никандр (Викторов).

В послевоенные годы карловацкая церковная группировка переживала острый кризис и глубокие перемены. После перехода в юрисдикцию Московской Патриархии дальневосточных архиереев вместе с большинством духовенства и паствы в Китае в ведении Карловацкого Синода остался только архиепископ Шанхайский [Иоанн \(Максимович\)](#) с горсткой приходов. Владыка Иоанн в течение года колебался, склоняясь одно время к тому, чтобы последовать примеру своих собратьев, вел переговоры с Московской Патриархией через советское консульство в Шанхае, пытался убедить свою паству перейти в юрисдикцию Патриархии, но в конце концов все-таки остался в ведении зарубежного Синода и выехал из Китая через Филиппины в Соединенные Штаты. На Балканах в ведение Московской Патриархии перешел архиепископ Серафим (Соболев). Таким образом, в Европе осталось только два карловацких архиерея: председатель Синода митрополит Анастасий и митрополит Серафим (Лядэ), который из-за своего немецкого происхождения и официального положения в III Рейхе был объявлен теперь в самой же карловацкой среде главным виновником компрометации Синода сотрудничеством с гитлеровским режимом. Между тем, как справедливо писал известный канонист С. В. Троицкий, «Серафим Лядэ, по сообщению лиц, хорошо знавших его деятельность во время войны, в отличие от митрополита Анастасия делал все, что мог, для облегчения тяжелого положения русских военнопленных в Германии, рискуя навлечь на себя недовольство немецких властей. И благоволение к нему митрополита Анастасия продолжалось только до падения Гитлера; когда же Гитлер погиб, митрополит Анастасий, чтобы представить себя противником немцев, стал враждебно относиться к Лядэ и вынудил его выйти из состава архиерейского Синода»⁸⁵³. 25 марта 1946 г. митрополит Серафим писал в одном частном письме: «Теперь я вышел из состава архиерейского Синода. Ясно, конечно, почему митрополит Анастасий занял такую позицию. Он хочет теперь зарекомендовать себя как противника Германии. Я ведь немец. Но я заявил графу Граббе:

«Пусть подумают, что моя защита может стать опасной для кого-то». Ведь не я просил о месячном пособии в размере 600 марок от прежнего германского правительства, а архиерейский Синод через покойного генерала Бискупского. Не я получил незадолго до катастрофы 3000 марок от национал-социалистического правительства, а архиерейский Синод. Не я состоял в числе тех, которые выполняли определенные задания прежней германской власти, а кое-кто из братьев Владимирской обители. А теперь эти господа выступают в роли моих противников, потому что я немец... Много я мог бы сказать на эту тему, но время неподходящее, и наша церковная жизнь не вынесла бы новых потрясений»⁸⁵⁴.

Митрополит Серафим скончался 14 сентября 1950 г. в больнице от травм, нанесенных ему двумя неизвестными лицами при невыясненных в процессе расследования обстоятельствах.

Остаться в Югославии после освобождения ее от фашистского ига Карловацкий Синод, разумеется, не мог. Он переместился вначале на короткое время в Карловы Вары, а потом — в Мюнхен. По существу Синод прежнего состава распался, но в Мюнхене он был воссоздан в 1946 г. вследствие присоединения к митрополитам Анастасию и Серафиму, тогда еще не исключенному из Синода, значительной группы архиереев, выехавших из Советского Союза и входивших ранее в состав Украинской Автономной Церкви и Белорусской Церкви. Среди прочих это были митрополиты Пантелеимон (Рожновский), скончавшийся в Мюнхене в 1950 г., архиепископы Феофил (Нарко), Димитрий (Маган), епископы Пантелеимон (Рудык), вернувшийся в 1959 г. в юрисдикцию Московской Патриархии, Леонтий (Филиппович), Афанасий (Мартос). Воссозданный в Мюнхене Синод возглавил по-прежнему митрополит Анастасий, сохранил в нем должность управляющего делами граф Юрий Граббе.

В первые послевоенные годы изменилась и паства Зарубежной Церкви. Активную часть ее составили теперь перемещенные лица: военнопленные, жители оккупированных территорий, угнанные на работы в Германию и теперь из страха вполне вероятных репрессий не пожелавшие вернуться на родину. Среди них были и власовцы, сумевшие избежать выдачи советским властям. В связи с этим изменилось и географическое распределение карловацких общин. Если в годы между двумя мировыми войнами центрами сосредоточения карловчан были Балканы и Китай, то теперь на первое место выходит Германия, где в послевоенные годы под окормлением 22 карловацких священников состояло около 200 000 перемещенных лиц. Усиливается влияние Карловацкого Синода и на Американском континенте — не только в Северной Америке, но и в странах Южной Америки, где поселилось значительное число невозвращенцев из Советского Союза.

В обстановке начавшейся в 1946 г. холодной войны агрессивное отношение Карловацкого центра к Московской Патриархии, лояльной советскому правительству, получило поддержку со стороны правительств западных государств, в том числе и Соединенных Штатов, и Карловацкий Синод в 1950 г. переехал из Мюнхена в Америку, в Джорданвилль, расположенный в штате Нью-Йорк.

В конце 40-х гг. наиболее влиятельными лицами в окружении митрополита Анастасия становятся протопресвитер Михаил Польский и граф Ю. П. Граббе, крайне враждебно относившийся к Московской Патриархии. В православном мире в связи с ростом влияния и авторитета Московской Патриархии усиливалась изоляция карловчан. Если в довоенный период к зарубежному Синоду вполне покровительственно относилась Сербская Патриархия, то после второй мировой войны уже ни одна поместная православная Церковь не поддерживала с ним нормального канонического общения, и только в порядке исключения Иерусалимский и Сербский Патриархаты допускали иногда сослужение с клириками Русской Зарубежной Церкви.

8 августа 1946 г. скончался вернувшийся незадолго до смерти в юрисдикцию Московской Патриархии и назначенный ею экзархом в Западной Европе митрополит Евлогий. Его погребли в крипте освященного им храма Успения Божией Матери на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. В погребении участвовал приехавший из Москвы Ленинградский митрополит Григорий. 14 августа он вручил архиепископу Ницскому Владимиру (Тихоницкому) постановление Священного Синода о назначении экзархом Западной Европы на основании достигнутой ранее договоренности присоединенного из карловацкого раскола митрополита Серафима (Лукиянова). Назначение это встретило негативную реакцию у значительной части бывших евлогиан, которые в 30—40-х гг. упорно боролись с карловацкими приходами во Франции, во главе

которых стоял митрополит Серафим. Архиепископ Владимир заявил о том, что он не может согласиться с решением Патриархии, потому что еще не получен канонический отпуск от Патриарха Константинопольского на переход евлогийских приходов в юрисдикцию Москвы. В октябре 1946 г. в Париже созван был епархиальный съезд, на котором значительное большинство высказалось за то, чтобы остаться, справедливее было бы сказать — вернуться, в ведение Константинопольской Патриархии. Вместе с архиепископом Владимиром в подчинение Константинополя перешел хиротонисанный в 1946 г. митрополитом Евлогием по указу Московской Патриархии в сан епископа Сергиевского Никон (Гревс) и епископ Иоанн (Леончуков). Правда, 6 бывших евлогийских приходов не пожелали следовать за решением епархиального съезда, и одни из них сохранили верность Матери Церкви, а другие ушли к карловчанам.

27 мая 1947 г. Московская Патриархия издала указ № 873, который гласил: «а) Архиепископа Владимира и епископов Иоанна и Никона исключить из иерархии Русской Церкви; кроме того, епископа Никона лишить права именоваться епископом Сергиевским, право на какое именование он получил от Русской Церкви как викарий экзарха Московской Патриархии; б) указанных архиепископа и епископов, равно как и все примкнувшее к ним духовенство, лишить права именоваться священнослужителями Русской Православной Церкви; в) всему отделившемуся и вследствие этого лишившемуся церковного общения с Русскою Православною Церковью духовенству предписать прекратить, как лицемерное действие, возношение имени Патриарха Московского и всея Руси Алексия»⁸⁵⁵.

Константинопольская Патриархия возвела архиепископа Владимира в сан митрополита и назначила его своим экзархом в Западной Европе, повторно захватив русские приходы. После этого митрополит Владимир вел переговоры с митрополитом Анастасием, предлагал ему подчинить свои приходы зарубежному Синоду с тем, однако, чтобы зарубежный Синод признал юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Предложение это было отвергнуто митрополитом Анастасием. Воссозданный Константинопольский экзархат, в обиходе по-прежнему называвшийся евлогийским, был малочисленнее и менее влиятелен, чем в своем довоенном составе. Помимо потерь ряда приходов, ушедших к Московской Патриархии и зарубежному Синоду, он понес еще значительные утраты в результате массового отъезда русских эмигрантов в конце 40-х гг. из разоренной войной Франции в более благополучную Америку. Как правило, евлогиане, переселявшиеся в Америку, входили там в юрисдикцию Американской митрополии, возглавлявшейся митрополитом Феофилом.

Сама же Американская митрополия в 1946 г. находилась в состоянии разброда. Одни клирики и миряне хотели воссоединения с Московской Патриархией, другие — сохранения подчиненности зарубежному, в ту пору Мюнхенскому, Синоду. В этой обстановке в ноябре 1946 г. в Кливленде состоялся Собор духовенства и мирян Американской митрополии, на котором в центре обсуждения стоял вопрос о юрисдикционной принадлежности Американской Церкви. Представители «белой» эмиграции высказались за сохранение связей с Мюнхенским Синодом, выходцы из Закарпатья и потомки дореволюционных эмигрантов — за юрисдикцию Московской Патриархии; но и те и другие стремились при любом решении вопроса о юрисдикции сохранить административную автономию Американской митрополии.

Кливлендский Собор вынес резолюцию, в которой Патриарх Московский и всея Руси Алексей признавался духовной, но не административной главой для Церкви в Америке, сохраняющей за собой автономный статус и полную независимость в делах внутреннего управления. Высшим органом власти в Американской Церкви считались периодически созываемые Соборы в составе епископов, клириков и мирян. Этим Соборам предоставлялось право и впредь избирать митрополитов. Во взаимоотношениях с Русскою Зарубежною Церковью

Собор постановил прекратить всякое административное подчинение, но сохранить молитвенное и евхаристическое общение. Постановление принято было 187 голосами против 61, но среди этих 61 члена Собора были все 4 карловацких епископа, вошедших в свое время в юрисдикцию митрополита Феофила, во главе с архиепископом Детройтским Виталием (Максименко). Кливлендский Собор в особом постановлении объявил незаконными прещения, наложенные на митрополита Феофила и подведомственное ему духовенство Московской Патриархией. В отдельном постановлении Собор заявил, что если для Московской Патриархии выдвинутые им постановления неприемлемы, то Американская Церковь не перейдет в ее ведение, «покуда Московский Патриархат не сочтет возможным принять выдвинутые условия и даровать нам то, что мы требуем»⁸⁵⁶.

Решения Кливлендского Собора оказались неприемлемыми и для Московской Патриархии, и для Синода Зарубежной Церкви. Архиереи карловацкой ориентации, голосовавшие против решений Кливлендского Собора, отказались подчиниться им. И самый Собор провозглашен был ими и их сторонниками неканоническим, поскольку на Соборе миряне и пресвитеры имели равные права с епископами, которым, по учению Церкви, вверена власть в ней Самим Богом. Эти четыре архиерея 27 и 28 мая 1947 г. провели совещание, на котором приняли постановление о неканоничности соборного постановления прекращения о подчинении зарубежному Синоду. В связи с этим Мюнхенский Синод в 1947 г. решил восстановить свою юрисдикцию в Америке, порвав общение с митрополитом Феофилом и его сторонниками. В юрисдикцию карловчан вошло 40 американских приходов с 4 епископами. В том же году эти 4 архиерея были отлучены митрополией за неподчинение решениям Кливлендского Собора.

Постановление Кливлендского Собора не могло вполне удовлетворить и Московскую Патриархию. Патриарх Алексей I направил в Соединенные Штаты для переговоров с митрополитом Феофилом митрополита Григория (Чукова). Патриарх просил митрополита Феофила служить вместе с митрополитом Григорием, что явилось косвенным выражением снятия прещений с митрополита Феофила и его сторонников. Владыка Григорий довел до сведения иерархии Американской митрополии проект постановления Патриархии о статусе Американской Церкви. Она признавалась автономной и подчиняющейся постановлениям своих Соборов, но с соблюдением определенных условий, а именно: утверждение Патриархией избранного Американским Собором митрополита, участие делегатов митрополии в Соборах Русской Церкви, сохранение за Патриархией статуса высшей судебной инстанции для Американской Церкви и осуществление контактов Американской Церкви с другими Церквями через Московскую Патриархию; иными словами, это был статус полной автономии; причем никаких политических условий, никаких требований лояльности советскому правительству со стороны духовенства Американской Церкви на этот раз не выдвигалось. И тем не менее совет епископов митрополии отверг эти условия, заявив, что возможна лишь духовная, но никак не административная связь с Патриархией. Митрополит Григорий вынужден был констатировать, что Американская митрополия по существу дела домогается не автономии, а автокефалии, каковую Московская Патриархия не готова была тогда ей предоставить. Митрополит Григорий вернулся в Россию. 31 октября 1947 г. исполняющим обязанности экзарха Московской Патриархии в США был назначен принятый в общение с нею за полтора года до этого, в прошлом примыкавший к феофиловской группировке архиепископ Макарий (Ильинский). Прежний экзарх митрополит Вениамин (Федченков) вернулся на родину и 21 августа 1947 г. был назначен на Рижскую кафедру. 12 декабря 1947 г. архиепископ Макарий стал полноправным экзархом Северной и Южной Америки, позже, в 1952 г., он был возведен в сан митрополита Ньюйоркского. В юрисдикции Московской Патриархии в конце 40-х гг. находилось более 50 приходов. Большинство же русских приходов в Америке, около 500,

осталось в юрисдикции Американской митрополии, по существу дела самочинно усвоившей себе автокефальный статус без формального ее провозглашения. В декабре 1947 г. Московская Патриархия подтвердила прещения, наложенные ранее на митрополита Феофила и находившихся с ним в общении епископов и клириков, а также принято было постановление о предании их суду епископов. После этого в приходах Американской митрополии прекратилось возношение имени Патриарха Алексия.

* * *

В результате перемен, происшедших в русской церковной эмиграции на исходе второй мировой войны и в послевоенные годы, количество приходов Московской Патриархии за рубежом значительно выросло, хотя оно по-прежнему уступало числу приходов других, канонически сомнительных юрисдикций.

В послевоенный период Русская Православная Церковь имела за рубежом несколько экзархатов. Западноевропейский экзархат возглавлял до возвращения на родину в 1949 г. митрополит Серафим (Лукьянов). Преемниками митрополита Серафима последовательно были архиепископ Фотий (Тапиро; 1950—1951), архиепископ Борис (Вик; 1951—1954), архиепископ Николай (Еремин; 1954—1963), митрополит Антоний (Блюм; 1965—1974), митрополит Никодим (Ротов; 1974—1978), митрополит Филарет (Вахромеев; 1978—1986) и митрополит Владимир (Сабодан; 1986—1989). В состав Западноевропейского экзархата входили епархии: Корсунская (с кафедрой в Париже), Сурожская (с кафедрой в Лондоне), Брюссельская и Гаагская. В Западноевропейском экзархате совершали в разное время архипастырское служение и такие видные церковные деятели, как архиепископ Бельгийский Василий (Кривошеин), эмигрант, сын крупного государственного деятеля императорской России, афонский монах, аскет и выдающийся богослов, епископ Медонский Алексей (Ван дер Менсбрюгге), фламандец, присоединенный к православной Церкви, архиепископ Петр (Л'Юиллье) французского происхождения, ныне архиерей Американской Православной Церкви, один из крупнейших православных канонистов.

Позднее в Европе был образован еще один экзархат Московской Патриархии — Среднеевропейский, в его состав входили епархии: Берлинская, Дюссельдорфская, Венская, Баден-Баденская. Центром экзархата был Берлин. Должность экзарха в разное время занимали епископ Иоанн Вендланд (1960—1962), епископ Владимир (Котляров) (1967—1970), архиепископ Мелхиседек (Лебедев) (1978—1984) и другие архипастыри.

Экзархами Патриархии в Северной и Южной Америке среди прочих архиереев после митрополита Макария (Ильинского) (1947—1953) были архиепископ Борис (Вик; 1954—1962), архиепископ Иоанн (Вендланд; 1962—1967).

После воссоединения с Матерю Церковью дальневосточных епархий и российской духовной миссии в Китае во главе с архиепископом Виктором (Святым) в 1946 г. был образован Восточный экзархат, его первым экзархом стал митрополит Нестор (Анисимов). После его ареста советскими властями в 1948 г. новым патриаршим экзархом в 1950 г. был назначен архиепископ Виктор (Святин), вернувшийся в 1955 г. на родину и получивший вскоре после этого назначение на Краснодарскую кафедру. С отъездом архиепископа Виктора российская духовная миссия в Китае прекратила свое существование. В ноябре 1956 г. Святейший Патриарх и Священный Синод определили образовать Китайскую Автономную Православную Церковь. В мае 1957 г. в Москве была совершена хиротония архимандрита Василия (Шуана) во епископа Пекинского, который и получил от священноначалия полномочия архипастырского окормления Китайской Автономной Церкви. В ходе массового коммунистического террора, названного «культурной революцией», православная Церковь в Китае была разгромлена. Епископ Василий (Шуан) скончался 3 января 1962 г. Часть

православных священников и мирян выехала на рубеже 50—60-х гг. в Австралию, Соединенные Штаты и другие страны, немногие вернулись на родину в Россию. Оставшиеся же в самом Китае православные русские люди почти все были репрессированы, и многие из них погибли. В настоящее время идет трудный процесс возрождения православия в Китае.

В 1948 г. Русской Православной Церкви властями государства Израиль частично были возвращены владения Русской Православной Церкви, расположенные в Западном Иерусалиме и на территории Израиля, которыми ранее распорядилась Русская Зарубежная Церковь. В ноябре 1948 г. в Палестину выехал первый состав Духовной миссии во главе с архимандритом Леонидом (Лобанковым). В юрисдикцию Московской Патриархии вернулся тогда Горненский женский монастырь, расположенный на окраине Западного Иерусалима, в то время как Елеонский и Гефсиманский монастыри в Восточном Иерусалиме, в ту пору отошедшем к Иордании, остались в ведении зарубежного Синода. Обязанности начальника русской Духовной миссии в Иерусалиме в разное время исполняли такие видные церковные деятели, как архимандриты Поликарп (Приймак), Никодим (Ротов) и Ювеналий (Поярков).

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, состоявшийся 30—31 января 1990 г., постановил упразднить зарубежные экзархаты.

В 1997 г. за пределами своей канонической территории Русская Православная Церковь имела 6 епархий в Европе и одну в Южной Америке, а также приходы в Соединенных Штатах и Канаде, управляемые викарными епископами. Правящими архиереями зарубежных епархий Русской Церкви были митрополиты Сурожский (с резиденцией в Лондоне) Антоний (Блум), Венский и Австрийский Ириней (Зуземель), архиепископы Аргентинский и Южноамериканский Платон (Удовенко), Берлинский и Германский Феофан (Галинский), Брюссельский и Бельгийский Симон (Ишунин), временно управляющий Гаагской и Нидерландской епархиями, и епископ Корсунский (с резиденцией в Париже) Гурий (Шалимов). На территории Венгрии находится благочиние Московского Патриархата во главе с протоиереем Феризом Берки. Общее число приходов Московского Патриархата в дальнем зарубежье — около 160, кроме того, в ведении находится 2 монастыря и 2 скита в Западной Европе.

* * *

27 июня 1950 г. в Сан-Франциско скончался митрополит всей Америки и Канады Феофил (Пашковский). Новым предстоятелем Американской Церкви был избран преосвященный Леонтий (Туркевич), давний сторонник автономного и в перспективе автокефального статуса Американской Церкви. Он был одним из вдохновителей решений Кливлендского Собора, в свое время энергично противодействовал как более тесному сближению Американской митрополии с Карловацким Синодом, так и ее подчинению Московской Патриархии. При митрополите Леонтии Американская Церковь не только стала фактически автокефальной, произошла ее американизация: она постепенно утратила характер Церкви беженцев и стала одной из многих американских религиозных общин. Все большее число приходов Американской Церкви переходит на английский язык в богослужении; среди прихожан в храмах Американской митрополии преобладают дальние потомки выходцев из Российской империи, из Галиции и Карпатской Руси, родным языком которых является английский. Все более заметную часть ее паствы составляют конвертиты, обращенные в православие американцы, никак не связанные своим происхождением с Россией. При такой переориентации Церкви и столь заметном изменении ее национального состава часть принадлежащих к ней православных, стремящихся сохранить свою русскость и национальное лицо, переходят в зависимости от политических предпочтений либо в карловацкие приходы, либо реже в приходы экзархата Московской Патриархии.

В такой обстановке в 1963 г. по инициативе председателя ОВЦС Московского Патриархата митрополита Никодима (Ротова) начались неофициальные переговоры с епископатом Американской Церкви, официально называвшейся тогда Русско-Православной Греко-Кафолической Североамериканской митрополией, о снятии запрещения в богослужении и нормализации ее канонического статуса. В 1965 г. в Нью-Йорке скончался престарелый 89-летний предстоятель Американской Церкви митрополит Леонтий. Новым митрополитом всей Америки и Канады избран был Ириней (Бекеш). При нем продолжены были переговоры с Московской Патриархией о нормализации взаимоотношений с Церковью Матерью. Одновременно епископат Американской Церкви вступил в контакт с Константинопольским Патриархом Афинагором, предлагая ему предоставить автокефалию Греческой Церкви в Америке, с тем чтобы потом Русская митрополия в Америке присоединилась к новой автокефальной Церкви. Константинопольская Патриархия решительно отказалась обсуждать этот план. После этого в 1969 г. переговоры с Московской Патриархией, осуществлявшиеся через ОВЦС, приняли официальный характер.

31 марта митрополитом Никодимом и митрополитом всей Америки и Канады Иринеем (Бекешем) было подписано достигнутое на переговорах соглашение, в котором определены основные принципы взаимоотношений между Церковью Матерью и ее Американской Дщерью, а также основы будущего автокефального бытия Американской Церкви. В тот же день митрополит Ириней от имени Собора епископов Американского митрополичьего округа обратился к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I как своему кириарху с прошением о даровании автокефалии Американской Церкви. После письменного опроса всех архиереев Московского Патриархата Священный Синод ратифицировал соглашение, подписанное митрополитами Никодимом и Иринеем, и принял решение о даровании Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке автокефалии, с тем чтобы впредь она именовалась Православной Церковью в Америке.

Особым соглашением был упразднен экзархат Московской Патриархии в Северной Америке, или, точнее сказать, прежний экзархат в Северной и Южной Америке переименован был в Южноамериканский экзархат, и юрисдикция его с тех пор распространялась лишь на южноамериканские страны. В ведении Патриархии остались 30 приходов в Соединенных Штатах и 20 приходов в Канаде, но и они получили право на переход в Православную Церковь в Америке по решению большинства прихожан. С тех пор для управления приходами Московской Патриархии в США и Канаде — стали, как правило, назначаться викарные епископы. В ведении и собственности Русской Православной Церкви сохранился Свято-Никольский собор в Нью-Йорке, который построен в начале XX столетия по благословению и под попечением святого Патриарха Тихона трудами священномученика протопресвитера Александра (Хотовицкого).

Автокефальный статус Православной Церкви в Америке не был признан Константинопольской Церковью и некоторыми другими поместными Церквами.

* * *

10 апреля 1970 г., ровно через 100 лет после создания русской православной миссии в Японии, были нормализованы отношения с Японской Церковью. Преемник святого равноапостольного [Николая Японского](#) митрополит Японский Сергей (Тихомиров) неизменно до своей кончины 11 августа 1945 г. хранил верность матери Церкви и оставался в каноническом послушании Московской Патриархии. Между тем в 1939 г. в Японии был издан закон, по которому лишь урожденные японцы могли возглавлять религиозные общины. В связи с этим митрополит Сергей в 1940 г. назначал своим официальным преемником в должности главы Православной японской миссии протоиерея Иоанна (Оно); в марте 1941 г. он был пострижен с именем Николая, а в апреле того же года хиротонисан во епископа Японского в

Харбине архиереями, находившимися в ведении Карловацкого Синода; сразу после хиротонии он возвратился в юрисдикцию Московской Патриархии. Официально ушедший на покой митрополит Сергей (Тихомиров) продолжал оказывать помощь епископу Николаю в управлении Японской Церковью.

После поражения Японии в войне она была оккупирована американцами. Посылаемые в Японию Патриархом Алексием I для возобновления нормальных деловых контактов с Японской Церковью епископы Борис (Вик) и Сергей (Ларин) не получили виз на въезд в страну. В этих обстоятельствах группа православных японцев во главе с протоиереем Арсением Ивасавой в апреле 1946 г. провела Собор, на котором решено было подчинить Японскую Церковь Американской митрополии во главе с митрополитом Феофилом. Японскую Церковь возглавил архиепископ Вениамин (Басальга), присланный из Соединенных Штатов. Несколько приходов сохранили, однако, верность Матери Церкви. Один из них окормлял епископ Николай (Оно), перешедший в 1954 г. в юрисдикцию митрополита Феофила, а в 1956 г. скончавшийся. Оставшиеся верными Московскому Патриархату приходы в 1957 г. были объединены в благочиние во главе с рукоположенным еще архиепископом Николаем протоиереем Антонием Токай.

После нормализации отношений Американской митрополии с Московской Патриархией православная Церковь в Америке отказалась от притязаний на Японскую Церковь, которая вернулась в лоно Матери Церкви, с ней было возобновлено молитвенно-каноническое общение, Японской Церкви дарован был автономный статус. 10 апреля 1970 г. главой Православной Японской Церкви Святейший Патриарх Алексий I и Священный Синод утвердили архиепископа Токийского и митрополита всей Японии Владимира (Нагосского), его преемником стал митрополит Феодосий (Нагашима). Церковь эта немногочисленна, сейчас она насчитывает около 20 000 христиан, столько, сколько она имела в конце подвижнического жития святого равноапостольного Николая. В Токио находится патриаршее подворье, настоятелем которого в настоящее время является протоиерей Николай Кацба.

* * *

На рубеже 60—70-х гг. изменился также статус Константинопольского экзархата — так называемой евлогийской группировки, которую до своей кончины в 1959 г. возглавлял митрополит Владимир (Тихоницкий). Само существование Константинопольского экзархата, включавшего в себя русские приходы Франции и других стран Западной Европы, являлось обстоятельством, осложнявшим взаимоотношения между двумя наиболее влиятельными Церквями в православном мире — Русской и Константинопольской. Московская Патриархия в своих контактах с Константинополем настаивала на возвращении канонически неправоммерно захваченных приходов в юрисдикцию Матери Церкви, и в 1965 г. Патриарх Афинагор прекратил юрисдикционную связь с Парижским экзархатом, предложив ему вернуться в лоно Матери Церкви. Но этот путь оказался неприемлемым для большинства евлогий. И тогда экзархат провозгласил себя временно Автономной Церковью Франции, поставив своей целью в будущем стать Автокефальной Французской Православной Церковью. Константинопольская Патриархия, отказавшись от юрисдикции над этим самочинным автономным образованием, сохранила с ним молитвенно-евхаристическое общение. После смерти Патриарха Афинагора Патриарх Димитрий в 1971 г. вновь принял Парижскую епархию в юрисдикцию Константинопольской Церкви, но уже не в качестве русского экзархата, а как Русскую Православную архиепископию Западной Европы, ныне ее возглавляет архиепископ Эваркийский Сергей (Коновалов). Несмотря на русские корни этой епархии и русское происхождение значительной части ее духовенства, она в течение последних десятилетий утрачивает былую связь с Россией, когда у большинства духовенства и паствы сохранялось русское самосознание. В 90-е гг. это во многом

уже православная Церковь натурализовавшихся французов с широким употреблением французского языка в богослужении, в проповеди, с преподаванием на французском языке в ведущей духовной школе епархии — Свято-Сергиевском богословском институте. В состав епархии входят и обращенные в православие французы, и люди других национальных корней. Эта Церковь по существу дела в такой же мере галлицизирована, в какой американизуется и Православная Церковь в США. Русская православная архиепископия Константинопольского Патриархата имеет несколько приходов и за пределами Франции, в других западноевропейских странах.

* * *

Эмигрантский характер стойко сохраняли в русской диаспоре в послевоенный период лишь приходы Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. В первые послевоенные десятилетия к Зарубежной Церкви принадлежало до полумиллиона пасомых. По причине ассимиляции русских эмигрантов в странах рассеяния, вследствие смешанных браков паства Зарубежной Церкви сокращалась и в настоящее время насчитывает около 300 000 человек, рассеянных по разным странам и континентам. После крушения фашизма и переезда зарубежного Синода в 1950 г. в Джорданвилль, иерархия Зарубежной Церкви меняет акценты в своей политической ориентации. Если ранее, при митрополите Антонии, и потом, во время второй мировой войны, карловчане ориентировались на крайне правые политические круги, выступали как последовательные русские националисты, всячески подчеркивали свой монархизм, позволяли себе антизападные, антиамериканские выпады, отождествляли большевизм с масонством, то в Америке эта тенденция хотя и сохранилась, но стала маргинальной даже и в карловацкой печати; ведущий идеолог зарубежной Церкви протопресвитер Георгий Граббе в 50—60-х гг. выступал уже скорее как апологет США и американской политики. Главной темой его обличений архипастырей Русской Православной Церкви становится обвинение их в том, что они, поддаваясь советской пропаганде, допускают антиамериканские, антизападные заявления. Вот, например, типичный пассаж из его печатных трудов: «В своей речи Патриарх говорил о непрестанной работе всех исповеданий в СССР в пользу мира и в то же время сделал отнюдь не мирный клеветнический выпад против Запада»⁸⁵⁷.

В этом протопресвитер Граббе видит проявление апостасии, которая делает невозможным признание каноничности Московской Патриархии. Под влиянием Г. Граббе архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей, состоявшийся в Джорданвилле в 1959 г., определил формулу присяги, которую должны принимать клирики, переходившие из Московской Патриархии в юрисдикцию зарубежного Синода: «Я, нижеподписавшийся, бывший клирик Московской Патриархии, рукоположенный... (таким-то епископом, там-то и тогда-то) прошу о принятии меня в состав клира Русской Православной Церкви за границей. Искренно сожалею о своем пребывании в клире Московской Патриархии, находящейся в союзе с богоборческой властью. Отметаю все незаконные действия Московского священноначалия в связи с поддержкой им богоборческой власти и обещаю впредь быть верным и послушным законному священноначалию Русской Зарубежной Церкви»⁸⁵⁸. Не все члены Зарубежной Церкви разделяли позицию протопресвитера Георгия Граббе, например владыка Иоанн (Максимович), в последние годы жизни архиепископ Сан-Францисский и Западноамериканский. Он был аскетом, молитвенником, благотворителем и, по вере своих почитателей, прозорливцем и чудотворцем. Архиепископ Иоанн старался держаться подальше от политических дрызг, любил Россию и родной ему русский народ; в своей жизни он много пострадал от церковных политиканов, подобных Г. Граббе, которого ныне здравствующий епископ Зарубежной Церкви Митрофан (Зноско), тоже много пострадавший от его интриг,

назвал «чиновником в рясе»⁸⁵⁹.

27 мая 1964 г. ушел на покой глава Зарубежной Церкви митрополит Анастасий (Грибановский), архиерей дореволюционного поставления, сохранив за собой почетное председательство в Синоде. 22 мая 1965 г. в возрасте 92 лет митрополит Анастасий скончался. Преемником, новым первоиерархом Русской Православной Церкви за границей был избран младший по хиротонии среди архиереев Зарубежной Церкви митрополит [Филарет \(Вознесенский\)](#), сын возвратившегося в 1946 г. из Китая на родину архиепископа Хайларского Димитрия. Оставаясь в Китае, архимандрит Филарет был настоятелем одного из монастырей в Харбинской епархии, находился в юрисдикции Московской Патриархии и только после выезда из Китая в конце 50-х гг. перешел в юрисдикцию Зарубежной Церкви. Избрание первоиерархом мало известного прежде архиерея способствовало пребыванию у кормила церковных дел правителя канцелярии Г. Граббе. О ситуации в Зарубежной Церкви в первые годы предстоятельства митрополита Филарета епископ Митрофан (Зноско) писал так: «Ушел на покой авва Анастасий, старец мудрый, великий иерарх Церкви Российской. На его место избран архиерейским Собором владыка Филарет — самый младший по хиротонии епископ, ставший пленником отца и сына (по выражению покойного архиепископа Тихона Сан-Францисского) без Духа Святого и группы его молодежи»⁸⁶⁰.

В 60-х гг., после вступления в ВСЦ Русской Православной Церкви, в полемических выступлениях карловчан против Московской Патриархии появляется новая тема — обвинение ее в экуменической ереси. Конечно, и раньше карловацкие священнослужители и миряне не отличались экуменическими настроениями, но та риторическая непримиримость к инославному миру, которая столь остро характеризует позицию зарубежного Синода в три последних десятилетия, не была свойственна ему в довоенные и первые послевоенные годы, что, впрочем, не мешало и не мешает Зарубежной Церкви получать финансовую помощь от ВСЦ, которая оказывается ей как Церкви беженцев. Русская Зарубежная Церковь, пережив угрозу распада, перед которой она стояла в первое время после второй мировой войны, теперь старается подчеркнуть свое национальное русское лицо, свою верность традициям старой царской России.

С этих пор в полемике против священноначалия Русской Православной Церкви карловчане стали выдвигать три главных обвинения: в непочитании мучеников или даже клевете на них (под клеветой подразумевались вынужденные заявления некоторых иерархов о том, что священнослужители подвергались судебным преследованиям по обвинениям в политических преступлениях,— заявления, формально правильные, но могущие быть неверно понятыми, будто мученики и исповедники действительно совершали политические преступления, и пострадали не за веру), в так называемом «сергианстве» и, наконец, в экуменической ереси.

В 1965 г. зарубежный Синод причислил к лику святых отца Иоанна Кронштадтского, а вскоре и блаженную Ксению Петербургскую, что благоприятно повлияло на отношение православных людей внутри России к Зарубежной Церкви.

В 1971 г. состоялся Собор епископов Зарубежной Церкви. Собор решил создать комиссию по подготовке канонизации императора Николая II, его семьи и всех новомучеников и исповедников Российских. Состоявшаяся в 1981 г. канонизация новомучеников во главе с императором Николаем II, была проведена без тщательных предварительных исследований обстоятельств жизни и кончины прославленных лиц. В числе канонизированных оказались лица неправославного исповедания: протестантка гофлектриса Е. Шнейдер и католик А. Трупп. Тем не менее большинство православных людей в России вполне сочувствовали самому факту канонизации, потому что почитание новомучеников и новых исповедников в России никогда не прекращалось, хотя в условиях советского режима не носило официального церковного

характера. Собор 1971 г. призвал также заканчивать официальные эмигрантские встречи и конференции пением национального гимна «Боже, царя храни». Собор объявил незаконной автокефалию Православной Церкви в Америке, полученную от Московской Патриархии. Всякое общение с этой Церковью было воспрещено для клириков и мирян Зарубежной Церкви. Собор постановил также, что все западные христиане, как еретики, впредь могут присоединяться к православной Церкви только через крещение; такое решение обозначает возвращение к практике, которая в Русской Церкви существовала только в XVII в.— от Собора 1620 г. до Патриарха Никона.

В 1971 г. Русская Православная Церковь за границей включала в свой состав 6 епархий в Соединенных Штатах, 1 в Канаде, 3 в Южной Америке, 4 в Западной Европе и 1 в Австралии, а также духовную миссию в Иерусалиме с подчиненными ей монастырями и скитами на Святой земле и приходы в странах Северной Африки и в ЮАР. Епископат Зарубежной Церкви насчитывал помимо первоиерарха-митрополита 12 епархиальных, 7 викарных епископов и 4 архиерея на покое. В состав Синода, помимо председателя-первоиерарха входили заместитель председателя архиепископ Вашингтонский Никон (Рклицкий), члены Синода архиепископы Чикагский Серафим, Монреальский Виталий (ныне первоиерарх) и секретарь Синода епископ Манхэттэнский Лавр.

Значительным событием в жизни Зарубежной Церкви стал III Собор епископов, духовенства и мирян, состоявшийся в сентябре 1974 г. в монастыре Святой Троицы в Джорданвиле. С приветственным посланием к Собору обратился Святейший Патриарх Пимен. В послании Патриарха, проникнутом духом христианской любви, не было и малейшего намека на политические требования и условия, которые ранее, от Патриарха Тихона до Патриарха Алексия I, содержались в официальных документах Патриархии, связанных с Зарубежной Церковью. «Русская Православная Церковь ничего не имеет против своих чад, порвавших с ней,— говорилось в послании Патриарха Пимена.— Однако она почитает своим долгом напомнить тем из своих чад, которые вооружились на нее, что они вступили на дорогу духовных опасностей... вражды и ненависти, которые истребляют духовную благодать... Возлюбленные братья и сестры, чада Церкви, мы молим Бога, Благодатного и Всемиловитого, чтобы Он внушил всем не отвергать этого призыва к миру и любви»⁸⁶¹. Ответом Карловацкого центра на призыв к примирению, с которым обратилось священноначалие Матери Церкви, явилось «Заявление первоиерарха Русской Зарубежной Церкви по поводу послания Патриарха Пимена», помещенное в сентябрьском номере «Православной Руси» за 1974 г. В этом заявлении митрополит Филарет с гневом отворачивался от руки, протянутой ему Матерью Церковью: «Настоящее послание отличается от прежних только тем, что не содержит абсурдных призывов к выражению лояльности советскому правительству... Свободная часть Русской Православной Церкви,— говорилось далее в «Заявлении» митрополита Филарета,— никогда не признавала и не признает... иерархов, контролируемых врагами Церкви... в качестве законной церковной власти России»⁸⁶².

В «Послании православному русскому народу на Родине», с которым обратился Собор, содержалось признание малочисленности катакомбной Церкви в России, о которой ранее в карловацких документах часто говорилось как о Церкви большинства православных русских людей, а к катакомбникам, имеющим благодать священства, причислялись в «Послании» и те священники Московского Патриархата, которые без регистрации крестят и отпевают, кто занимается запрещенной советским законодательством катехизацией. В «Послании» Собора делаются ссылки на критические высказывания А. И. Солженицына из его «Великопостного» письма Патриарху Пимену 1972 г., в то же время в этом документе умалчивается то обстоятельство, что, обращаясь к III Собору Зарубежной Церкви, А. И. Солженицын заявил, что,

несмотря на несогласие с политическими декларациями некоторых епископов Московской Патриархии, он остается ее духовным сыном и что не в пример карловчанам он, «пересеча границу, утратил право говорить» слова укора, с которыми он обращался к Патриарху, находясь в Советском Союзе⁸⁶³. III Собор составил «Обращение к Американской Автокефальной Церкви», в котором призвал ее начать поиски путей сближения, предлагал в качестве модели взаимоотношений то положение, какое существовало с 1936 по 1946 г., когда Американская митрополия подчинялась Карловацкому Синоду. Помимо подчинения зарубежному Синоду, III Собор ставил условием возобновления общения прекращение всяких сношений с Московской Патриархией, которую Собор объявил безблагодатной.

10 августа 1983 г. архиерейский Собор Зарубежной Церкви издал окружное послание, главной темой которого является экуменическая ересь. В этом послании содержится постановление о внесении анафематствования экуменической ереси в чин православия, а поскольку одно только участие во Всемирном Совете Церквей квалифицируется как экуменическая ересь, то, по логике этого документа, анафематствованы все поместные православные Церкви, ведь все они состоят в ВСЦ.

Митрополит Филарет (Вознесенский) скончался в 1985 г., его преемником в должности первоиерарха и председателя зарубежного Синода стал митрополит Виталий (Устинов). Перемена в высшем управлении Зарубежной Церковью совпала с началом преобразований в Советском Союзе, которые в конечном счете привели к его распаду и падению коммунистического режима. Многим и внутри России, и в диаспоре, в том числе и в пастве Карловацкой Церкви, казалось, что поскольку исходной причиной разделения послужили политические события — установление коммунистической диктатуры в России, то с ее падением падет и средостение, разделяющее Мать Церковь и ее отделившуюся часть за рубежом. Но надежды эти пока далеки от осуществления: в епископате и Синоде Зарубежной Церкви возобладали не примирительные, а агрессивные настроения по отношению к Московской Патриархии. У некоторых иерархов возникла надежда, что с падением советского режима падет и авторитет Патриархии в верующем народе и церковная власть в России перейдет к епископам-эмигрантам, не имевшим ничего общего с режимом. Другие противодействовали сближению, вероятно, из вполне беспринципного стремления к сохранению свой фактической самостоятельности и независимости при отсутствии каких бы то ни было канонических оснований для автокефального бытия церковного образования, не имеющего своей определенной территории и рассеянного по всему миру.

10 августа 1988 г. зарубежный Синод ответил на вполне аргументированное, открытое, братское послание Поместного Собора 1988 г., адресованное русской православной диаспоре, заявлением, в котором выразил уверенность, что недалек тот час, когда советский режим падет, «и только тогда кончится самостоятельное существование Зарубежной Церкви»⁸⁶⁴. Высокомерный, менторский тон по отношению к Московской Патриархии выразительно говорит о нравственном уровне составителей документа; утверждение о том, что в тюрьмах и лагерях умирают исповедники веры, в ту пору было уже несомненным анахронизмом. И все-таки это заявление давало основание надеяться на близкое воссоединение карловчан с Матерью Церковью. Однако, когда Русская Православная Церковь стала ничуть не менее свободной, чем Зарубежная Церковь в странах расения, «самостоятельное существование Зарубежной Церкви» вовсе «не кончилось», как это было обещано, зарубежный Синод даже ужесточил тон своих нападок на Патриархию и предпринял действия, подорвавшие надежды на диалог, ведущий к нормализации взаимоотношений между Матерью Церковью и Церковью русской диаспоры.

В мае 1990 г. архиерейским Собором Зарубежной Церкви было принято беспрецедентное решение об открытии приходов и епархий на канонической территории Московского

Патриархата. В послании архиерейского Собора по этому поводу, датированном 16 мая 1990 г. (выбрано было время междупатриаршества в России), среди прочего говорилось: «Стоит перед нами и следующий вопрос: может ли иерархия Русской Православной Церкви за границей иметь своих епископов в России, на Русской земле? Мы думаем и верим, что не только может, но и должна. Ведь Русская земля не является для русских епископов территорией чужой автокефальной Церкви»⁸⁶⁵. Этим актом зарубежная иерархия обнаружила свой раскольнический характер и вызвала единственно возможную реакцию со стороны духовенства и паствы Русской Церкви. Даже у тех мирян и клириков, кто сочувствовал ранее Зарубежной Церкви, разделяя ее политическую идеологию, действия зарубежной иерархии вызвали протест, а открываемые ею приходы наполнились не идейными антикоммунистами, как, может быть, рассчитывали в Джорданвиле, но мелочными скандалистами, раздорниками и авантюристами. С самого начала устройства приходов в России и других странах, входящих в каноническую территорию Русской Православной Церкви, многие клирики за рубежом не одобряли этого опрометчивого шага. Не было согласия по этому вопросу даже и среди епископов Зарубежной Церкви. Так, епископ Митрофан (Зноско) писал: «Данная возможность организации там приходов Русской Зарубежной Церкви не является ли одним из хорошо продуманных путей в борьбе с Церковью вообще и дискредитации Русской Православной Церкви зарубежья, которую многие отечественные иерархи и верующий народ воспринимали как хранительницу чистоты Христова Благовестия, как путеводную для себя звезду? Нет ли тут расчета предержавшей власти на возникновение в церковной ограде новых провокаций, ссор, вплоть до раскола в доселе единой Церкви Российской?»⁸⁶⁶

Слова епископа Митрофана о взаимоотношениях между Зарубежной Церковью и Московским Патриархатом, хотя они сказаны с позиций Зарубежной Церкви и не лишены односторонности: «Помочь нашей страждущей Церкви — это не только наша задача, это наш долг. Мы имели бы полное право и нравственное основание резко обличать и даже судить подъяремных иерархов страждущей Матери Церкви, если бы сами, пройдя на их долю выпавшие испытания, вышли из них совершенно чистыми. Наш долг скорбеть о их немощах и молиться за них. Там ожидают, ибо в этом нуждаются, воссоединения Русской Зарубежной Церкви с Церковью Российской. Уверен в том, что о воссоединении говорить еще рано, но не пришло ли время для встреч, как говорят, на всех уровнях»⁸⁶⁷.

В настоящее время в Германии проводятся регулярные встречи между представителями Русской Православной Церкви во главе с архиепископом Берлинским и Германским Феофаном (Галинским) и клириками Зарубежной Церкви во главе с архиепископом Марком (Арендтом).

* * *

С окончанием войны все епископы Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ), за исключением престарелого «митрополита» Феофила (Булдовского), и большая часть клириков эмигрировали, обосновавшись главным образом в США и Канаде. Оставленные ими приходы воссоединились с Матерью Церковью.

Лжемитрополит Поликарп (Сикорский) обосновался вначале в Германии, потом во Франции, под Парижем, откуда он осуществлял руководство Украинской Автокефальной Православной Церковью, большая часть клириков и паствы которой постепенно переместилась на Американский континент. Поликарп (Сикорский) скончался в 1953 г. в своей резиденции в Оле-су-Буа под Парижем. Состоявшийся в 1947 г. в немецком городе Ашаффенбурге Собор епископов УАПЦ командировал самого энергичного из своих «архиереев» — Мстислава Скрыпника в Америку для ведения переговоров с самосвятским лжемитрополитом в Америке Иоанном (Теодоровичем). Переговоры эти закончились соединением с Теодоровичем, правда, после того как он был «рукоположен» экзархом Александрийского Патриархата. В 1947 г.

Мстислав (Скрыпник) получил титул архиепископа Винницкого и Канадского, потом в 1950 г. — архиепископа Ньюйоркского, а в 1971 г. — митрополита Филадельфийского и главы УАПЦ за границей. В общении с митрополитом Мстиславом находилась и Украинская греко-православная Церковь в Канаде во главе с лжемитрополитом Василием.

Существуют еще две эмигрантские украинские Церкви, которые, однако, с тремя названными выше общения не имеют. Это так называемая «УАПЦ соборноправная», откровенно пренебрегающая канонами и не стремящаяся к общению с каноническими православными Церквями, и Украинская православная церковь в Америке во главе с епископом Богданом (Шпилько), состоящая в юрисдикции Константинопольской Патриархии. Та и другая церковные организации крайне малочисленны.

Иерархи украинских Автокефальных Церквей в Северной Америке искали сближения с Константинопольской Патриархией, чтобы получить от нее признание своего статуса. Однако, после того как 18 июля 1988 г. Константинопольский Патриарх Димитрий I обратился с посланием к «блаженнейшему киру Мстиславу, возлюбленному брату во Святом Духе и сослужебнику нашей мерности, митрополиту Украинской Православной Церкви в США», в котором поздравил его с 1000-летием «Крещения Украины», у автокефалистов появились некоторые надежды.

В 1989 г. украинские автокефалисты перенесли центр своей деятельности на Украину; оставшиеся же за границей автокефалистские епископы, по существу дела преемственно связанные с самосвятами, были приняты в общение Константинопольской Патриархией и вошли в ее юрисдикцию. Этим канонически незаконным актом Константинопольская Патриархия создала еще одну проблему в своих отношениях с Русской Православной Церковью.

ГЛАВА XII. Религиозное просвещение

Революционные события 1917 г. явились катастрофой для духовного образования в России. По богословским школам удар был нанесен уже на самом раннем этапе борьбы с Церковью декретом Совнаркома «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»: «Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается»⁸⁶⁸. Церковным и религиозным обществам запрещалось владеть собственностью, поэтому духовные школы, существовавшие на средства Святейшего Синода, практически теряли финансовую основу, а специальные богословские школы могли создаваться только заново, без предоставления им денежных средств и без права пользоваться учебными помещениями прежних академий, семинарий и духовных училищ, которые подлежали конфискации. Помещения, библиотеки и даже часть педагогического персонала духовных учебных заведений использовались новыми властями для устройства общеобразовательных средних школ, педагогических училищ, учительских институтов. Высшее церковное управление своим указом от 1 ноября 1918 г. вынуждено было констатировать, что не располагает средствами содержать духовные учебные заведения. Однако профессура духовных академий предпринимала попытки в той или иной форме сохранить православные школы.

В Московской Духовной Академии трудности начались уже при Временном правительстве. Обер-прокурор Святейшего Синода В. Львов 13 марта 1917 г. направил для ревизии академии комиссию во главе с профессором Петроградской Академии Б. В. Титлиновым. Комиссия обвинила ректора, епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского), в неправомерных действиях, не назвав их конкретно, и на этом основании Святейший Синод по указанию Львова уволил епископа Феодора с поста ректора и назначил его настоятелем Даниловского монастыря. Временное исполнение обязанностей ректора возложено было на инспектора академии архимандрита Илариона (Троицкого). Одновременно смещен был и редактор академического органа «Богословский вестник» священник Павел Флоренский, его заменил профессор М. М. Тареев. После начала 1917/18 учебного года, новым ректором избрали профессора по кафедре истории и обличения западных исповеданий А. П. Орлова, который через месяц был рукоположен и возведен в сан протоиерея.

Декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» ставил академию под прямую угрозу закрытия. 21 мая 1918 г. по благословению Святейшего Патриарха Тихона Московский епархиальный совет союза духовенства и мирян по предложению профессора Московской Академии В. П. Виноградова постановил открыть Православную народную академию богословских наук во главе с председателем союза профессором Московского университета протоиереем Н. И. Боголюбским. Православная народная академия «создавалась для более глубокого и сознательного усвоения христианского мировоззрения и взаимопонимания между всеми слоями церковного народа»⁸⁶⁹. Целью ее была подготовка всех членов Церкви к работе в приходских и епархиальных учреждениях, к пастырскому служению тех, кто чувствует к этому призвание, а также совершенствование в пастырском служении лиц священного сана. Предполагалось открыть три отделения: общедоступные богословские курсы для всех желающих, высшие богословские курсы для лиц, имеющих среднее и высшее образование или прослушавших курс первого отделения (оба отделения для мужчин и женщин), и пастырские курсы. В качестве преподавателей собирались привлечь главным образом профессоров Московской Духовной Академии, в том числе и ее последнего ректора протоиерея А. П. Орлова. Но проект этот осуществить тогда не удалось.

Московская Духовная Академия в Сергиевом Посаде умирала, в 1918 г. она последний раз приняла абитуриентов. «Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание академии у Церкви нет», — с горечью писал в феврале 1919 г. профессор И. В. Попов петербургскому коллеге Н. Н. Глубоковскому⁸⁷⁰. 3 мая другой профессор, С. Глаголев, сообщал в Петербург, что «отца Илариона арестовали, он теперь пребывает в Бутырской тюрьме. Дел за ним на самом деле никаких нет, но, кажется, скоро выпускать его не собираются. Нет у нас и церкви. Академическая запечатана. Перешли было в церковь Иоанна Предтечи. Но там тесно и холодно. Теперь переходим в трапезную»⁸⁷¹. Занятия в академии прекратились, некоторые преподаватели в светском звании устроились на различные должности в государственные культурные и образовательные учреждения. Но в Москве и Сергиевом Посаде отдельные профессора продолжали занятия в частном порядке, студенты готовили к защите курсовые сочинения по крайней мере до 1924 г. Об этом сообщал 8 сентября 1924 г. профессор академии священник Павел Флоренский в письме Патриарху Тихону, в котором он просил об отставке и выдаче документов из-за конфликта с ректором протоиереем Владимиром Страховым, возглавлявшим после А. П. Орлова Московскую Духовную Академию. Правда, П. Флоренский уже называет академию «бывшей».

Лекции для желающих получить высшее богословское образование читались в Московском епархиальном управлении и до 1928 г. в Высоко-петровском монастыре, настоятель которого епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов) и возглавил полулегально существовавшую школу. В преподавательскую корпорацию также входили епископы Иларион (Троицкий), пока он был на свободе, и протоиерей Василий Виноградов. На содержание школы собирались пожертвования в московских храмах. Варфоломей (Ремов), уже в сане архиепископа, был расстрелян в 1936 г., репрессиям подверглись и другие лица, преподававшие и учившиеся в этой богословской школе.

В Петрограде для спасения академии ее руководство обратилось в совет Петроградского университета с просьбой о включении академической корпорации и студентов в состав университета в качестве богословского факультета. Университетский совет готов был пойти навстречу, но Наркомат просвещения во главе с Луначарским воспрепятствовал осуществлению этого плана. 23 июня 1918 г. скончался последний ректор Петроградской Духовной Академии епископ Ямбургский Анастасий (Александров). Этот год стал последним в существовании старой Петербургской Академии, занятия профессоров со студентами продолжались только в частном порядке.

Перед угрозой прекращения существования Казанской Академии ее совет, испросив благословение священноначалия, готов был к тому, чтобы преобразоваться в богословский факультет Казанского университета. 20 апреля 1918 г. профессор К. В. Харлампович писал Н. Н. Глубоковскому, что «Луначарский стоит на непримиримой позиции и не допустит государственных богословских факультетов. Везде горе, мрак и позор, и просвета нигде не видно». Как и в Петрограде, большевистские власти не допустили слияния Казанской Академии с университетом, и положение ее ухудшалось с каждым днем. О состоянии, в котором она оказалась к началу 1919 г., пишет ее последний ректор епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк) все тому же профессору Н. Н. Глубоковскому: «Библиотека в наших руках и взята под свою защиту Архивной комиссией. Половина наличных студентов (человек 20) и Ваш покорный слуга, а равно и канцелярия, помещаются в здании академическом. В главном здании заразный госпиталь, почему пришлось отказаться даже от академической церкви и перейти в приходскую. Треть корпорации находится по ту сторону фронта, а трое в Москве. Остальные профессора почти все служат на советской службе и сравнительно немногие на епархиальной или совмещают должности в академии»⁸⁷². Казань в ходе гражданской войны переходила из рук в руки, поэтому репрессии со стороны властей оказались особенно кровавыми. Коснулись они и

академической корпорации: был расстрелян экономом академии священник Филарет Великанов.

В отличие от Московской и Петербургской Казанская Академия существовала до весны 1921 г. О том, как проходили занятия в эти последние годы, епископ Анатолий писал ректору Московской Академии протоиерею Анатолию Орлову: «Мы продолжаем заниматься, предполагая закончить учебный год к Пасхе, хотя питаемся от занятий неакадемических. Правду сказать, студенты на первых двух курсах академии насчитываются единицами, но из старших двух их по десятку. Некоторые студенты (4 человека, в том числе двое священников) мобилизованы на военную службу. Территории своей у нас теперь не имеется, хотя нужные книги пока достаем из прежней библиотеки. Из штатных профессоров в Казани сейчас 22 лица, отсутствующих — 9, двое умерли»⁸⁷³. Профессора продолжали читать лекции в помещении епархиального управления и у себя на квартирах. В марте 1921 г. 20 преподавателей академии во главе с ректором епископом Чистопольским Анатолием были арестованы за нарушение декрета об отделении Церкви от государства. Епископа Анатолия этапировали из Казани в Москву и заключили в Бутырскую тюрьму, а преподавателей академии в октябре 1921 г. освободили, приговорив к одному году заключения в концлагере условно. И уже в ноябре академическая корпорация организовала Богословский институт во главе с профессором Казанской Академии протоиереем Николаем Васильевичем Петровым и его помощником архимандритом Варсонофием (Лузиным). Коллегия Татарского Наркомпроса зарегистрировала институт, но просуществовал он менее года.

Киев, до окончания гражданской войны, за исключением коротких промежутков, не был в руках красных, поэтому Киевская Академия находилась в более сносных условиях до 1920 г.; при большевистской власти она тоже была обречена на уничтожение. Ее последний ректор епископ Каневский Василий (Богдашевский) писал профессору Н. Н. Глубоковскому:

«Крайне бедствуют и профессора академии. Бедствие дошло до того, что В. И. Попов пошел в деревню в псаломщики; собирается в псаломщики и М. Н. Скабалланович. Почтеннейший Н. П. Смирнов, тяжело болевший тифом, отправился искать свободного прихода в Киевский уезд, ибо семья буквально умирает с голоду. Страшно, что ожидает нас в будущем... С. Т. Голубев до того исхудал, что прямо стал неузнаваем и еле передвигает ноги... Академия наша существует и кое-что делает. Произведен выпуск студентов IV курса в количестве 8 человек; подвергаются испытанию и некоторые из студентов первых курсов, живущие в Киеве. Читают кандидатские сочинения, один из студентов представил даже сочинение на степень магистра богословия (в рукописи). Но вообще наше существование крайне бедственно». А уже 14 октября епископ Василий писал Глубоковскому: «Академия, к великому прискорбию, почти умерла, и никак нельзя ее восстановить, потому что студентов нет и профессора многие отсутствуют. Что дальше будет, неизвестно, но утешительных перспектив не предвидится. Открыты пастырские курсы, и они «оттянули» важнейшие профессорские силы. Предложил я читать лекции «по домам»... но ничего пока из этого не выходит»⁸⁷⁴.

* * *

В 20-х гг. наиболее серьезный и успешный опыт создания высшей духовной школы нового типа, совместимого с советским законодательством, предпринят был в Петрограде. Еще в 1918 г. преподаватель Петроградской духовной семинарии Иван Павлович Щербов († 1925) организовал пастырское училище, которое существовало на местные епархиальные средства. В 1919 г. он поставил вопрос о создании Богословского института — высшей духовной школы. Предложение И. П. Щербова поддержал митрополит Петербургский Вениамин, и в апреле 1920 г. Богословский институт был открыт. Его ректором по избранию стал настоятель Казанского собора протоиерей Николай Чуков (впоследствии митрополит Григорий), опытный пастырь и педагог, в прошлом ректор Петрозаводской семинарии. Среди преподавателей института были

профессора Петроградской Академии — протоиереи Василий Верюжский, А. В. Петровский, А. И. Бриллиантов, Н. Н. Глубоковский, С. М. Зарин, И. А. Карабинов, Н. В. Малицкий, Д. П. Митров, И. П. Соколов и профессора Петроградского университета — академик Б. А. Тураев, Д. И. Абрамович, Л. П. Карсавин, С. С. Безобразов (впоследствии епископ Кассиан), М. Д. Приселков, А. П. Алявдин, М. Н. Соколов, С. В. Меликова-Толстая. В Богословский институт принимались лица обоего пола с высшим или средним образованием, желающие послужить Церкви как пастыри или на иных послушаниях. Принято было 100 слушателей, из них 32 человека имели высшее образование. В мае 1923 г. Богословский институт прекратил существование. Ужесточение антицерковного террора в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей, арест ректора протоиерея Николая Чукова и угроза захвата обновленцами института привели к его роспуску. Выйдя на свободу, протоиерей Николай Чуков в 1925 г. сумел организовать в Ленинграде Высшие богословские курсы, которые, по мнению митрополита Кирилла (Гундяева), «имели более скромный состав профессоров и студентов, да и учебная программа на них была поуже»⁸⁷⁵. Но эти курсы позволили некоторым из студентов института завершить высшее богословское образование, например Н. Д. Успенскому, известному впоследствии профессору-литургисту. В 1928 г. власти закрыли ленинградские Высшие богословские курсы. Протоиерей Николай Чуков, пытаясь возобновить богословское образование, разрабатывал проект открытия новой церковной школы. Этот проект был одобрен Заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием; но осуществить его в обстановке массового террора 1929 г. было, конечно, невозможно.

Поместный Собор в определении от 7 (20) апреля 1918 г. постановил, наряду с существовавшими духовными учебными заведениями, учредить в епархиях пастырские училища. На основании этого определения в Москве, Киеве, Казани, Симбирске, Харькове, Смоленске, Перми, Вологде, Могилеве, Угличе, в Павловске Воронежской епархии на местные средства в 1919—1922 гг. открывались псаломщические и пастырско-богословские курсы, которые, просуществовав по нескольку лет, закрывались властями.

К концу 20-х гг. школьное богословское образование совершенно прекратилось на всей территории Советского Союза. Оставалась возможность только для частного, индивидуального и нелегального преподавания, которое, видимо, не прекращалось никогда. До 30-х гг. свои духовные школы имели раскольники-обновленцы и самосвяты, но в 30-х гг. и эти школы были закрыты.

* * *

В относительно нормальных условиях находились только те русские богословские школы, которые оказались за границами СССР. Так, на территории Польского государства существовали две православные духовные семинарии в Кременце и Вильне и богословский факультет в Варшаве, где уровень образования был весьма высоким благодаря тому, что к преподаванию были привлечены серьезные ученые-эмигранты. Церковную историю и церковное право преподавал профессор М. В. Зызыкин, большой популярностью пользовались лекции по философии известного русского мыслителя Н. С. Арсеньева. Преподавал здесь и будущий Патриарх Румынский Юстиниан. Русские православные школы в Польше не состояли в ведении Московской Патриархии, поскольку Православная Церковь в Польше самочинно вышла из юрисдикции Русской Церкви. Условия, в которых жили православные духовные школы в этой стране, были нелегкими; правительство пыталось полонизировать факультет и семинарию вплоть до полного запрещения вести обучение на русском языке. Само существование этих школ, в которых польские шовинисты видели, как во всей вообще Православной Церкви, осколки ненавистной им императорской России, было под угрозой, но закрыты они были уже советскими либо нацистскими властями в дни оккупации Польши.

В послевоенные годы, когда духовные учебные заведения в нашей стране лишь в малой степени могли удовлетворить потребности в пастырях с богословским образованием, значительную часть священнослужителей, особенно на Украине, в Белоруссии и Литве, составляли выпускники Виленской и Кременецкой семинарий, а также православного богословского факультета Варшавского университета. Из его стен вышли такие видные архипастыри послевоенных лет, как архиепископы Вениамин (Новицкий) и Мстислав (Волонсевич), митрополит Леонтий (Бондарь) и протопресвитер Виталий Боровой. Православные духовные семинарии существовали также в Латвии и Эстонии. Кишиневская семинария была преобразована в богословский факультет университета, но это было румынское учебное заведение и по языку преподавания и по составу преподавателей.

В диаспоре крупнейшим православным образовательным и научным центром стал Парижский богословский институт, организованный на подворье преподобного Сергия под покровительством митрополита Западноевропейского Евлогия (Георгиевского). Инициатива создания этого института принадлежала Русскому студенческому христианскому движению. Крупную субсидию на обустройство Свято-Сергиевского богословского института выделил председатель Всемирного комитета ИМКА (Христианской ассоциации молодых людей) доктор Мотт. По словам митрополита Евлогия, он «придавал огромное значение» «созданию богословского института — единственной русской богословской школы за границей... В России большевики закрыли все духовные академии и семинарии, богословское образование прекратилось; образовалась пустота, которую наш институт хоть в минимальной мере мог заполнить»⁸⁷⁶.

1 марта 1925 г. был освящен храм преподобного Сергия на подворье, и после Пасхи принято было 10 человек, с которыми велись подготовительные занятия. Осенью началось систематическое преподавание, а 30 апреля 1926 г. институт был официально открыт. Для непосредственного управления институтом митрополит Евлогий пригласил из Сербии епископа Вениамина (Федченкова), который в дореволюционные годы возглавлял Тверскую семинарию, назначил его инспектором. Он пользовался большой любовью студентов и придал всей жизни института, по словам митрополита Евлогия, «строго монашеское направление»⁸⁷⁷: для студентов обязательным стало ежедневное посещение богослужений в храме преподобного Сергия, воспитанники одевались в подрясники, за трапезой непременно читались прологи или жития. Первыми студентами института, по воспоминаниям митрополита Евлогия, были люди «самых разнообразных профессий и биографий. Важно было одно: большинство поступающих были люди убежденные, идеалисты, через Церковь пришедшие к решению посвятить себя церковному служению. Полумонашеским строем они не тяготились, напротив, чувствовали себя в нем, как в своей стихии. Некоторые из воспитанников еще студентами приняли монашество и стали прекрасными монахами-миссионерами, монахами-пастырями, подвижающимися в миру, попадая иногда прямо из института в какой-нибудь приход в отдаленном захолустном углу нашего эмигрантского рассеяния»⁸⁷⁸. Через год епископ Вениамин оставил институт, уехав в Сербию. В 1929 г. он вернулся в Париж и руководил институтом до 1930 г., когда после разрыва с митрополитом Евлогием, перешедшим вместе с институтом в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, он оставил свою должность. После епископа Вениамина инспекторские обязанности исполнял протоиерей Сергей Булгаков. Как рассказывал митрополит Евлогий, «отец Сергей имел большое влияние на студентов. Он стал их духовником, другом, советчиком, и авторитет его в студенческой среде огромен. Но административные, инспекторские обязанности не соответствуют философскому складу о. Сергия — он более философ, нежели администратор»⁸⁷⁹.

Экономическое положение Богословского института было нелегким, он зависел от

пожертвований эмиграции, которая в основной массе своей была бедна, и от помощи ИМКА и других международных организаций. Финансовая зависимость от ИМКА давала повод некоторым эмигрантам, главным образом тем, кто находился в юрисдикции Карловацкого Синода, обвинять Богословский институт в связях с масонством.

К преподаванию в Свято-Сергиевском институте удалось привлечь лучшие богословские и философские научные силы русского зарубежья. Кафедру истории Русской Церкви занял бывший доцент Петербургской Духовной Академии и бывший министр исповеданий во Временном правительстве А. В. Карташов; догматическое богословие читал протоиерей Сергей Булгаков; курс патрологии был поручен Г. В. Флоровскому, впоследствии протоиерею, Священное Писание Нового Завета читал профессор С. С. Безобразов, впоследствии епископ Кассиан, с 1947 г. до своей кончины в 1964 г. ректор института. Кафедру философии занимал В. В. Зеньковский, в прошлом министр исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского, позже протоиерей, в первые послевоенные годы декан института. Пастырское богословие преподавал архимандрит [Киприан \(Керн\)](#). Агиологию читал Г. П. Федотов, нравственное богословие — Б. П. Вышеславцев, каноническое право — Н. Н. Афанасьев, позже протопресвитер, литургику — В. Н. Ильин, историю христианского искусства — В. В. Вейдле, историю Западных Церквей — К. В. Мочульский, сравнительное богословие — А. А. Зандер, древние языки — П. Е. Ковалевский, французский язык — принявший православие иеромонах Лев Жилле, английский — монахиня Евдокия. Для чтения отдельных лекций приглашались Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк. Со временем преподавателями института стали его выпускники Б. И. Сове, С. С. Верховский, П. Т. Лютов, А. П. Князев, впоследствии протоиерей и ректор института после кончины епископа Кассиана. В послевоенные годы среди лучших профессоров были протопресвитеры [Александр Шмеман](#) и Иоанн [Мейендорф](#), переехавшие затем, как и протоиерей Георгий Флоровский, в США и составившие ядро Свято-Владимирской Академии.

За первые 11 наиболее ярких лет своего существования Богословский институт окончили 133 студента, 52 из них приняли священный сан. В послевоенные годы Богословский институт постепенно стал утрачивать свою русскую ориентацию. В настоящее время преподавание ведется на французском языке, и студенты, и преподаватели принадлежат к разным Церквам. Из русских по происхождению профессоров института наиболее известен в богословской науке протоиерей Борис Бобринский, читающий курс догматического богословия.

Другие духовные школы русской эмиграции по своему вкладу в церковную науку несопоставимы с Парижским богословским институтом, но и они исполняли свою главную миссию — готовить пастырей для окормления лишившейся родины и оказавшейся в рассеянии паствы. Так, в Харбине были открыты духовная семинария и богословский факультет института святого князя Владимира, находившиеся в ведении Карловацкого Синода. В 1922 г. в болгарском городе Станимаке (ныне Асеновград) епископ Дамиан (Говоров) основал пастырскую школу, в которой преподавал епископ Серафим (Соболев), и за первые десять лет было подготовлено около 50 священников. В послевоенные годы единственной пастырской школой Русской Зарубежной Церкви стала Свято-Троицкая семинария в Джорданвиле под Нью-Йорком.

Русские студенты имели также возможность получать духовное образование на богословских факультетах Софийского и Белградского университетов, ведущими профессорами которых стали эмигранты из России, такие крупные ученые, как Н. Н. Глубоковский, М. Э. Поснов — в Софии, А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий и Ф. И. Титов — в Белграде. Богословский факультет Белградского университета стал одним из крупных центров русской церковной науки в эмиграции.

В самой России возможность возобновления духовного образования открылась только на исходе Великой Отечественной войны. В сентябре 1943 г. на встрече со Сталиным митрополиты Сергей, Алексей и Николай просили открыть богословские курсы в нескольких епархиях. Как пишет участник встречи Г. Г. Карпов, «Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно. Митрополит Сергей, а затем митрополит Алексей сказали, что для открытия духовных академий у них еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий — принимать в них лиц моложе 18 лет они считают неподходящим ко времени и по прошлому опыту, зная, что пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно»⁸⁸⁰. Договорились об открытии курсов. Вероятно, это отчасти объяснялось осторожностью и стремлением обезоружить тех советчиков Сталина, кто, удерживая его от шага навстречу Церкви, потом мог сослаться на чрезмерные аппетиты архиереев. За словами митрополита Алексея стоял также опыт дореволюционной семинарии и те суждения о духовном образовании, которые преосвященные архиереи выразили в своих «Отзывах» на материалы Предсоборного Присутствия в 1906 г.

Вскоре после беседы Сталина с тремя митрополитами архиепископ Саратовский Григорий (Чуков) по поручению главы Церкви разработал проект организации Православного богословского института в Москве и богословско-пастырских школ в епархиальных центрах. Этот проект был утвержден Священным Синодом уже после избрания Патриарха Сергия. В № 4 «Журнала Московской Патриархии» за 1943 г. было помещено объявление о принятии в Православный богословский институт «лиц с высшим или средним образованием, не моложе 18 лет, с удостоверением от своего епархиального архиерея или кого-либо из пастырей той епархии, в которой проживает проситель».

Торжественное открытие Богословского института и пастырских курсов состоялось после кончины Патриарха Сергия, 14 июня 1944 г., в московском Новодевичьем монастыре. На торжествах присутствовали находившиеся в Москве епископы, московские священнослужители, преподаватели института и курсов во главе с проректором С. В. Савинским. В 12 часов в Новодевичий монастырь прибыл патриарший Местоблюститель митрополит Алексей в сопровождении митрополита Крутицкого Николая и архиепископа Псковского Григория (Чукова). Перед началом молебна митрополит Алексей обратился к собравшимся с назидательным словом:

«Прежняя духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Хорошая ей память, честь и слава. Из нее вышел целый сонм святителей, пастырей, ученых богословов, скромных, но трудолюбивых работников на всех поприщах церковной, государственной и общественной деятельности. Ее прошел святитель Тихон Задонский, Филарет, митрополит Московский, преосвященные Иннокентий и Никанор Херсонские, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский; такие светила богословского знания, как ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский, профессор протоиерей Голубинский, профессор Болотов, профессор Глубоковский и многие, очень многие труженики богословской науки, и такой выдающийся государственный деятель, как граф Сперанский. Наконец, из духовной школы вышел и наш Святейший Патриарх Сергий, крупнейшая величина как богословский мыслитель и духовный писатель... Слабой стороной прежней духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная; она имела задачей дать возможность духовенству, сословию в общем бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям; другой задачей ее было создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника, или диакона, или псаломщика

имел склонность к пастырскому служению, к тому, чтобы следовать по стопам своих отцов и предков, и от этого получалось, что такие подневольные питомцы духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон его церковного настроения. С другой стороны, и само руководство допускало несвойственные строго духовной школе послабления в отношении режима и общего внутреннего уклада. И получалось, что наши духовные школы носили полусветский характер, который отражался на всем строе — учебном и воспитательном. Теперь же не так должно быть и не так будет. Сословий у нас нет... и каждый гражданин, чей бы он ни был сын и потомок, может свободно избирать себе путь по своему влечению; и потому те, кто поступает в наши духовно-учебные школы, поступят в них не подневольно, а следуя влечению своему послужить святой Церкви в священном сане. Весь строй этих школ должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского, светского уклада, и все питомцы нашей школы должны будут ему подчиняться»⁸⁸¹.

Учебные аудитории института разместились в лопухинском корпусе Новодевичьего монастыря, а его общежитие и аудитория Богословско-пастырских курсов — в помещениях при монастырской Успенской церкви. К преподаванию в институте и на курсах были приглашены немногие из наставников и питомцев старой духовной академии, а также некоторые из преподавателей светских школ, имевших основательные богословские знания. Проректор института, возглавивший его на первых порах, Сергей Васильевич Савинский, магистр богословия, впоследствии протоиерей, до революции преподавал догматическое богословие в Черниговской семинарии. Первым ректором института стал протоиерей Тихон Попов, присоединенный незадолго до открытия института из обновленческого раскола, где он носил архиерейский сан; выпускник Казанской Академии, он успел защитить в ней магистерскую диссертацию о святителе Тихоне Задонском. К преподаванию в институте удалось привлечь известного миссионера дореволюционной эпохи протоиерея Димитрия Боголюбова. Среди первых преподавателей высшей богословской школы были Анатолий Васильевич Ведерников, назначенный инспектором, и Алексей Иванович Георгиевский, ставший секретарем института. По своему возрасту они не могли получить образование в дореволюционной духовной академии, но полученные ими благодаря самообразованию богословские знания были широкими и основательными. Впоследствии преподавателями стали выпускники Киевской Духовной Академии Николай Иванович Муравьев и Владимир Семенович Вертоградов, Казанской Академии Николай Петрович Доктусов и Александр Андреевич Ветелев. Один из студентов Богословского института вспоминал, что учащиеся первого «военного» набора

«пришли отовсюду... были и молодые, и совсем пожилые люди. Одни из них имели законченное гуманитарное образование, другие прошли курс духовной семинарии в далеком прошлом, но были и такие, кто вообще не имел никакой подготовки, кто по зову сердца пришел с сельскохозяйственных работ, от станков тыловой промышленности или с передовых позиций Великой Отечественной войны — опаленные огнем военного пожара, с нашивками ранений, боевыми наградами. Среди студентов нашего курса был Павел Александрович Голубцов (впоследствии архиепископ Сергей; † 1982), в выцветшей зеленой гимнастерке с погонами солдата технических войск. Были и специалисты с большим жизненным опытом, работавшие прежде в конструкторских бюро, и люди, много лет служившие на приходах псаломщиками... Но в этой сложной и разноликой массе главным и определяющим фактором была пастырская направленность»⁸⁸².

Подготовить достаточное число пастырей для нескольких тысяч приходов, нуждавшихся в них, Московский богословский институт и пастырские курсы, конечно, были не в состоянии, поэтому вскоре после своего избрания Патриарх Алексий I обратился в Совет по делам Русской Православной Церкви с письмом: «Считая необходимым иметь пастырско-богословские курсы в

городах Ленинграде, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке и Львове, прошу Совет войти в ходатайство к правительству о разрешении открытия означенных курсов в указанных городах»⁸⁸³. В другом письме Патриарх Алексей I просил об открытии таких курсов в Одессе и Таллине. За исключением Таллина, во всех городах, упомянутых в его письме, были открыты духовные учебные заведения.

В Учебном комитете под руководством митрополита Ленинградского Григория (Чукова) был разработан план перехода на традиционную систему духовного образования. Предполагалось преобразовать Богословский институт в духовную академию, а Богословско-пастырские курсы в духовную семинарию. При этом академия по своим учебным планам, программам и продолжительности обучения должна была в целом повторить старую академию. В отличие от дореволюционной семинарии, соединявшей в себе общеобразовательную среднюю школу с богословско-пастырской, новая не ставила цели давать своим воспитанникам полное среднее образование. Значительная часть ее абитуриентов приходила в стены духовной школы с аттестатом зрелости, хотя правила допускали прием и выпускников 7-классных школ. Обучение в духовной семинарии и академии рассчитаны были на четыре года. Учебные планы двух первых классов семинарии в основном воспроизводили церковно-образовательную программу старого духовного училища с вводным курсом основ православного вероучения (катехизиса, священной истории, церковного устава) и церковнославянского языка. Два старших класса семинарии приближались по предметам и объему материала к дореволюционной семинарии. Особое значение придавалось воцерковлению питомцев духовных школ, строго церковной системе их воспитания. Хотя и в ненормальных условиях, но возрождающаяся семинария явилась осуществлением тех проектов преобразования духовной школы, которые предлагали архиереи в своих «Отзывах» 1906 г. «В задачу духовной академии, как высшей школы, входит совершенствование богословских знаний, полученных студентами в семинарии,— писал инспектор Богословского института А. В. Ведерников.— Отгораживаясь от соблазна умножать знания ради знаний, академия должна готовить пастырей, способных направлять религиозно-нравственную жизнь верующих в более широких масштабах городской общины и даже епархии»⁸⁸⁴.

На ходатайство Патриарха о преобразовании духовных школ 15 июля 1946 г. последовал ответ Г. Г. Карпова о согласии Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров Союза ССР на преобразование пастырско-богословских курсов в Москве, Саратове, Ленинграде, Киеве, Львове, Одессе, Минске, Луцке и Ставрополе в духовные семинарии с четырехгодичным сроком обучения. Соответствующее разрешение из Совета получено было на преобразование Богословского института в духовную академию. Московские духовные школы были преобразованы в духовную академию и духовную семинарию 31 августа 1946 г.

Вступительные экзамены в Московские духовные школы сдавали более 200 абитуриентов, а принято было в 1-й класс духовной семинарии — 79 человек, во 2-й — 9, в 3-й — 9 и на 1-й курс академии — 3 человека. Вместе с зачисленными в академию и семинарию студентами Богословско-пастырских курсов и Богословского института в 1946 г. в семинарии насчитывалось 147 воспитанников, а в академии — 14 студентов.

Исполняющим обязанности ректора академии и семинарии назначили профессора протоиерея Тихона Попова, возглавлявшего ранее Богословский институт и Богословско-пастырские курсы. Но вскоре Священный Синод постановил освободить его по состоянию здоровья от занимаемых должностей с оставлением профессором нравственного богословия, а ректором Московской Духовной Академии и духовной семинарии и настоятелем академического храма назначить инспектора академии протоиерея Николая Чепурина. Протоиерей Николай Чепурин был исповедником, прошедшим через аресты, тюрьму, лагеря и

ссылку. Магистр богословия, в прошлом он служил петербургским епархиальным миссионером. Находясь в Средней Азии и не имея возможности служить в Церкви, он защитил кандидатскую диссертацию по биологии и возглавлял кафедру микробиологии Медицинского института. Один из первых студентов академии вспоминал: протоиерей Н. Чепурин «вступил в должность осенью 1946 г. и 7 февраля 1947 г. скончался. Всего несколько месяцев студенты слушали его вдохновенные беседы-проповеди на занятиях и в храме. Помню его первое выступление перед учащимися в Успенском храме Новодевичьего монастыря после запричастного стиха, когда он произнес свои полные глубокого смысла слова о том, что многие богословские предметы учащимся предстоит освоить в стенах духовных школ, но лишь по одному предмету придется каждому сдать главный экзамен своей жизни. Наукой, по которой придется сдавать этот главный экзамен, будет наука жертвовать собой. Вот чему должен посвятить себя священнослужитель, пастырь Православной Церкви»⁸⁸⁵. На отпевании профессора протоиерея Николая Чепурина в Успенском храме Новодевичьего монастыря Патриарх Алексей I сказал, что «за короткое время своего ректорского послушания он совершил больше, чем многие могут сделать за долгие годы»⁸⁸⁶. Затем в течение 9 месяцев обязанности ректора исполнял профессор протоиерей С. В. Савинский.

В январе 1947 г. при МДА Священным Синодом была образована Аттестационная комиссия, которая утвердила в профессорском звании преподавателей академии — протоиереев Тихона Попова, Вениамина Платонова, Димитрия Боголюбова, а также С. В. Савинского и И. Н. Шабатина, в звании доцента преподавателей: архимандрита Вениамина (Милова), впоследствии епископа, священника Александра Ветелева, а также В. С. Вертоградова, Н. П. Доктусова, Н. И. Муравьева, А. В. Ведерникова и А. И. Георгиевского. В конце 1946/47 учебного года в академии были успешно защищены докторская диссертация профессором протоиереем Василием Верюжским, в прошлом ведущим деятелем иосифлянства, вернувшимся в юрисдикцию Патриархии, и магистерская — В. С. Вертоградовым. Этот учебный год закончился первым выпуском 18 воспитанников Московской семинарии. Постановлением Священного Синода от 28 октября 1947 г. новым ректором Московских духовных школ был назначен епископ Гермоген (Кожин). В прошлом обновленец-митрополит, он, к тому времени уже овдовевший, был воссоединен с Матерью Церковью в 1945 г. в сане протоиерея. Сразу после этого он был пострижен и скоро получил законную епископскую хиротонию.

В 1946 г., в день Покрова Божией Матери состоялось открытие Патриархом Алексием I Ленинградской Духовной Академии и преобразование уже год существовавших Богословско-пастырских курсов в семинарию. В докладе протоиерея Иоанна Богоявленского, назначенного ректором Ленинградских духовных школ, приведены были статистические сведения о поступивших в духовные школы: «К началу 1946/47 учебного года,— сказал он,— на 1-м курсе семинарии — 28 человек; на 2-м курсе семинарии — 30 человек и на 1-м курсе академии — 16 человек. Всего — 74 человека»⁸⁸⁷. При Ленинградских духовных школах открыт был заочный сектор. Первая корпорация Ленинградских духовных школ включала в себя 10 преподавателей (3 профессоров и 5 доцентов), большинство составляли выпускники дореволюционных духовных школ, а некоторые — протоиерей Василий Верюжский, А. И. Сагарда и В. В. Четыркин — имели опыт преподавания в дореволюционной Петербургской Академии.

С сыновней любовью и благодарностью вспоминает о преподавателях и профессорах Ленинградских духовных школ Святейший Патриарх Алексей II. Одним из них, «отдавших нам свои силы, знания и опыт», был профессор Александр Иванович Сагарда, призванный в академию митрополитом Григорием, брат знаменитого патролога. «Помню, на одном из занятий — а состав у нас был очень разнообразный по возрасту — один из учеников, человек уже пожилого возраста, не смог ответить урока. Нужно было видеть лицо Александра

Ивановича. Он разволновался, взял книгу Нового Завета и сказал: «Вы должны полюбить эту Книгу!». Сказано это было с таким чувством, что его слова запали в душу навсегда»⁸⁸⁸.

В речи, произнесенной в храме Ленинградской Духовной Академии в день памяти святого князя Александра Невского, 6 декабря 1949 г. Патриарх Алексей I сказал:

«Православный народ истомился в искании истинных добрых духовных пастырей. Их, верим, не мало и теперь, но далеко не так много, как бы хотел православный русский народ и сколько их нужно для блага и процветания нашей Православной Церкви. Поэтому, молясь здесь вместе с теми, которые со временем будут пастырями, которые теперь готовятся быть пастырями, русский народ с особой любовью смотрит на них как на будущую надежду Церкви, как на будущих пастырей, чуждых того соблазна, который в недавнее время, как уранаг, ворвался в нашу Церковь и которому были, к сожалению, причастны многие и многие пастыри. Православный русский народ очень тонко умеет узнавать и ценить истинного пастыря. Его не соблазняют и не вводят в заблуждение драгоценные камни, сияющие на митрах и крестах многих нынешних священников; он желает видеть сияние души пастыря, он желает видеть пастыря — человека высоких духовных достоинств; русский народ желает видеть пастыря-отца, который принимает любовью своей к нуждам паствы; он идет к священнику и ждет услышать от него слово спасения: как спасти душу, как направить свою жизнь, чтобы привлечь на себя благодать Господню, как преодолевать жизненные трудности, как справляться со своими скорбями, недугами, как уберечься от падений греховных. Вот что желает он получить от пастыря. Он не верит громким словам иного пастыря-проповедника, словам, в которых не слышно голоса Священного Писания и святых отцов, но в которых обильно рассыпаны земные слова земных художников слова. Речи таких проповедников не проникают в сердце русского православного человека. Он ищет у пастыря разъяснения слова Божия, ждет, чтобы в проповеди своей указал ему путь, по которому ему надлежит идти; и тогда такому пастырю открывается его сердце»⁸⁸⁹.

На 1 июня 1951 г. в корпорации Ленинградских духовных школ состояло 4 профессора: Л. Н. Парийский, С. А. Купресов, Н. Д. Успенский и протоиерей А. Осипов, запрещенный в служении из-за вступления во второй брак, тайный, а с 1959 г. явный ренегат и агент госбезопасности; 8 доцентов и 6 преподавателей. В 1948—1952 гг. ректором Ленинградской Духовной Академии и семинарии состоял епископ Лужский Симеон (Бычков), кандидат богословия старой Санкт-Петербургской Академии. Любопытную характеристику мировоззрения преподавателей академии и семинарии дает в своем секретном докладе А. Осипов: «Среди профессуры,— пишет он,— есть лица архиреакционных взглядов (ректор еп. Симеон, Парийский, Угланский, Макаровский, Миролубов), есть мечтающие о примирении коммунизма и религии (Сергеенко), есть лица, приемлющие современность, но сочетающие с нею наивную веру (Сборовский, Шишкин, Успенский)»⁸⁹⁰.

В ноябре 1946 г. на базе Богословско-пастырских курсов была открыта духовная семинария в Ставрополе. Ее ректором Священный Синод назначил протоиерея Иоанна Богдановича. В Киеве торжественное открытие семинарии состоялось 18 февраля 1947 г. Ректором семинарии стал священник С. П. Афонский. В семинарию подали прошение о поступлении 48 кандидатов, принято было только 15 человек. В своей речи при открытии Ленинградской Духовной Академии председатель Учебного комитета митрополит Григорий сказал: «Благодаря вниманию и содействию правительства, Русская Православная Церковь с нынешнего учебного года получает возможность иметь три духовные академии»⁸⁹¹. Однако разрешение на открытие третьей, Киевской Духовной Академии, получено было только через 45 лет после того, как сказаны были эти слова, в канун распада Советского Союза. Минские Богословско-пастырские курсы при их преобразовании в духовную семинарию были переведены в Свято-Успенский

жировицкий монастырь, но по названию это была Минская семинария. Одновременно с этим закрыта была Виленская семинария. В 1946/47 учебном году в семинарии были преобразованы Богословско-пастырские курсы, открытые в Саратове, Одессе, Луцке. Львовские богословско-пастырские курсы, организованные в 1946 г., просуществовали только год. Ходатайства об открытии духовных семинарий в своих епархиях подавали в Совет по делам Русской Православной Церкви правящие архиереи Новосибирской, Краснодарской, Ростовской, Ярославской, Смоленской, Черновицкой и Таллинской епархий. Эти ходатайства поддержал Святейший Патриарх Алексей I, но ответом Карпова на все просьбы было: «Воздержаться»⁸⁹².

На начало 1950/51 учебного года в 8 семинариях и 2 академиях обучалось 730 студентов. Священнослужителей не хватало, и правящие архиереи вынуждены были рукополагать благочестивых мирян без духовного образования. Чтобы преподать таким священнослужителям хотя бы основные богословские знания, в некоторых епархиях устраивались краткосрочные, чаще всего месячные, пастырские курсы, по окончании которых проводились проверочные испытания. В сентябре 1947 г. под руководством архиепископа Орловского Фотия проведены были занятия со священнослужителями епархии с чтением обзорных лекций по всем основным предметам семинарского курса, подобные курсы были в Гродно; в Минске с 28 сентября по 11 октября 1947 г. были организованы занятия на церковно-певческих курсах для псаломщиков епархии. Проводились также конференции епархиальных священников, которые частично решали образовательные задачи. Так, в декабре 1946 г. в повестке дня конференции, проходившей в Туле, стоял еще и вопрос «Об организации епархиальной библиотеки и читального зала»⁸⁹³.

В конце 40-х гг., в связи с ужесточением режима, в котором существовала Церковь, ухудшилось и положение духовных школ. В 1948 г. арестовали инспектора Московской Академии архимандрита Вениамина (Милова), студентов Дмитрия Дудко и Петра Бахтина. Не удалось, как это было задумано ранее, открыть духовную академию в Киеве, семинарии во Львове и Таллине, но число открытых духовных учебных заведений оставалось неизменным.

Несмотря на то что Церковь была отделена от государства, Министерство высшего образования СССР в 1948 г. внесло изменение в учебные планы духовных школ. Ссылаясь на декрет Совнаркома от 23 января 1918 г., которым «запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные дисциплины»⁸⁹⁴, Министерство удалило из учебных программ духовных академий историю философии, логику, христианскую психологию и христианскую педагогику, а из учебных планов семинарии — основы психологии и обзор философских учений. Такой «творческий» подход к истолкованию декрета имел целью понизить общеобразовательный уровень духовенства, усилить изоляцию Церкви от общества, по возможности свести духовное образование к воспитанию требоисполнителей.

* * *

В середине 50-х гг. удалось заметно увеличить прием в семинарии: среди верующей молодежи заметно возросло стремление к пастырскому служению. «В 1956 г. в духовные заведения было подано 311 заявлений от лиц в возрасте от 18 до 20 лет с образованием 7—10 классов. Среди них есть члены ВЛКСМ»⁸⁹⁵, — информировал ЦК ВЛКСМ Г. Г. Карпов. Всего в 1956/57 учебном году в духовных школах Русской Церкви обучалось 1522 человека; из них на стационаре в семинариях — 924 и в академиях — 157; кроме того, на заочном секторе при Ленинградских духовных школах занималось 302 семинариста и 139 студентов академии; те и другие были в священном сане. Через два года общее число семинаристов, обучавшихся на стационаре, составило уже 1112; студентов академии 168; увеличилось и количество заочников.

Число учащихся выросло во всех духовных школах, за исключением Волынской семинарии, где оно в 1958/59 учебном году составило 138 человек,— на 10 меньше, чем в предыдущем году; в Саратовской семинарии с 1954 по 1958 г. количество учащихся увеличилось почти в три раза: с 41 до 115. Но истинное положение духовной школы обнаруживается только при сравнении приведенных статистических данных с теми, которые относятся к предреволюционной России. В 1912 г. в 4 духовных академиях обучалось 939 студентов, в 57 семинариях — 21 850 и в 185 духовных училищах — 28 883. В 1957 г. духовные семинарии закончили 150 выпускников, а в 1912 г.— 2030, 4 академии выпустили кандидатами богословия и действительными студентами 220 человек.

Восьми семинарий было явно недостаточно для замещения вакантных мест священнослужителей, даже при уменьшившемся в четыре раза в сравнении с предреволюционной эпохой числе приходов. Священноначалие ходатайствовало перед Советом по делам Русской Православной Церкви о разрешении на открытие еще одной — Львовской семинарии, с тем чтобы она готовила пастырей, которые бы совершали служение в приходах Галиции, где в 50-х гг. большинство духовенства составляли лица, присоединенные к Православной Церкви из униатов, и где сохранилось более 3000 церквей, то есть до четверти всех приходов Русской Церкви. Но в 1955 г. уполномоченный Совета по Украине Корчевой дал окончательный отказ, сославшись на то, что для замещения приходов в Галиции вполне достаточно Волынской семинарии, 60% воспитанников которой — выходцы из трех галицких епархий.

В Московских духовных школах, которые, наряду с Ленинградскими, сосредоточили у себя лучшие педагогические силы, обучалось самое большое число студентов: в 1956/57 учебном году — 146 в семинарии и 99 в академии, через 2 года — уже 169 и 106 соответственно. Московскую Академию и семинарию с 1951 г. по 1964 г. возглавлял выпускник дореволюционной Киевской Духовной Академии протоиерей Константин Ружицкий, богословски хорошо образованный педагог и многоопытный администратор. Протоиерей Константин Ружицкий сумел организовать правильный распорядок академической и семинарской жизни, у него сложились добрые отношения с преподавателями и студентами, его ценило священноначалие; благодаря гибкости, дипломатическому таланту, умению найти компромисс ему удавалось успешно защищать интересы духовных школ. Инспектором Московских духовных школ до середины 50-х гг. был протоиерей Сергей Савинский, талантливый преподаватель, человек высокой эрудиции, хороший администратор. С 1957 по 1959 г. должность инспектора в академии занимал архимандрит Леонид (Поляков). В прошлом врач, экстерном закончивший после войны Ленинградскую Академию, он сумел за короткое время расположить к себе студентов своей любовью, заботой и снисхождением к немощным. Нетерпимость к лицам случайным и чуждым академической среде создавала ему репутацию справедливого и мудрого наставника. Среди преподавателей академии особой популярностью пользовались протоиерей Александр Ветелев, выпускник Казанской Духовной Академии, преподававший пастырское и нравственное богословие, и литургист А. И. Георгиевский. Большой потерей для Московских духовных школ стала кончина профессора протоиерея Димитрия Боголюбова, последовавшая на 85 году жизни 22 июня 1953 г. Окончив Московскую Академию еще в XIX в., он стал выдающимся миссионером, принимал участие в деяниях Собора 1917—1918 гг., в 20-х гг. был бесстрашным борцом против обновленчества, узником тюрем и лагерей. В конце своей исповеднической жизни отец Димитрий Боголюбов, прекратив преподавание, нес обязанности духовника академии, писал статьи для «Журнала Московской Патриархии». Его преемником по кафедре сектоведения стал другой миссионер предреволюционных лет, знаток старообрядчества протоиерей Иоанн Козлов.

На жизнь Московских духовных школ благотворно влияло их пребывание в стенах великой святыни — Троице-Сергиевой лавры; в 1953 г. решено было организационно объединить хозяйство обители и духовной школы. Студенты участвовали в монастырских богослужениях как певцы, пономари, чтецы, окормлялись у лаврских духовников. Полумонашеский уклад жизни Московских духовных школ, тесная связь их с обителью углубляли веру воспитанников, многих побуждая к постригу. Поначалу академия и семинария не располагали своим храмом, но в 1956 г. Патриархия и администрация академии добились передачи им той части помещений старой академии, которую ранее занимал Педагогический институт; благодаря этому открылась возможность для устройства в Чертогах, на прежнем месте, академического Покровского храма. Освящение его состоялось 21 мая 1955 г. Святейшим Патриархом Алексием I.

В Ленинградской Духовной Академии в 1956/57 учебном году обучалось 58, через 2 года — 62 студента, а в семинарии — 112 и 126 воспитанников соответственно, примерно в 1,5 раза меньше, чем в Московских духовных школах. В 50-е гг. Ленинградские духовные школы возглавлял протоиерей Михаил Сперанский, выпускник Петербургской Духовной Академии 1913 г. Ближайшим помощником ректора был инспектор академии и семинарии Лев Николаевич Парийский, тоже выпускник старой Петербургской Академии. В 22 года он был приговорен по делу митрополита Петербургского Вениамина к пяти годам лишения свободы. Своей строгой требовательностью инспектор компенсировал великодушную снисходительность ректора, поэтому Л. Н. Парийского любили далеко не все, но все ценили за преданность делу духовного просвещения, за богословскую эрудицию и высокую культуру. Профессор протоиерей Василий Верюжский преподавал в возрожденной академии с 1951 г. до своей кончины, последовавшей 28 августа 1955 г.

* * *

В конце 50-х гг. новые гонения на Церковь подорвали возрождающуюся систему духовного образования. Уже в 1959 г. был ограничен прием абитуриентов в духовные семинарии и академии. Молодых людей, подавших прошения о принятии в духовные школы, вызывали через военкоматы для беседы с уполномоченными Совета, их не просто пытались переубедить, им угрожали, срочно отправляли на военные сборы на время вступительных экзаменов, комсомольские организации устраивали судилища и разборы; шантажировали и запугивали священников, давших рекомендации абитуриентам.

Не оставляли в покое и уже зачисленных учащихся и студентов. Так, 6 ноября 1959 г. Святейший Патриарх в беседе с Карповым жаловался на то, что в Киевской семинарии воспитанников вызывают на беседы и «они приходят измученные, обессиленные»⁸⁹⁶. Контролирующие Церковь инстанции беззастенчиво вмешивались в самый процесс обучения в духовных школах. Например, член Совета Сивенков в докладной записке Карпову писал о недопустимости в кандидатских сочинениях на нравственные темы развивать мысль о долге родителей давать детям религиозное воспитание: «Эти сочинения являются прямым нарушением ленинского декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»⁸⁹⁷. Совет практиковал выдворение воспитанников из семинарии из-за бывшего членства в КПСС или комсомоле, за первоначальное обучение в институте, исполнение должности завклуба в сельсовете и т. д., и в том числе, что особенно странно, за несоблюдение установленного церковной властью порядка приема, например за отсутствие рекомендации правящего архиерея.

Результатом принятых мер стало резкое сокращение приема абитуриентов в духовные семинарии, что должно было стать, по замыслу властей, удобным предлогом для закрытия духовных школ. 4 мая 1960 г. новый председатель Совета Куроедов рекомендовал Святейшему Патриарху Алексию I закрыть Киевскую, Саратовскую и Ставропольскую семинарии, ссылаясь на незначительное число учащихся и на неудовлетворительные бытовые условия; Патриарх

вынужден был подчиниться. Первой жертвой стала Ставропольская семинария, которую слили с Саратовской, при этом из четырех принадлежавших ей зданий было оставлено одно. Протест Патриархии со ссылкой на постановление Совнаркома от 22 августа 1945 г. о предоставлении Церкви частичных прав юридического лица на приобретение и владение имуществом последствий не возымел. Совет разъяснил, что данное постановление предусматривало исключительно целевое владение имуществом, а поскольку семинария закрывалась, то ее здания, купленные Ставропольской епархией у частных лиц или построенные на свои средства, безвозмездно переходят в государственную собственность; заодно конфисковали и семинарский грузовик. Несколько позже закрыли и Саратовскую духовную семинарию. В том же 1960 г. прекратила свое существование Киевская семинария. Минскую и Волынскую семинарии решили брать измором. В 1960 г. Минская семинария не смогла провести вступительные экзамены, потому что власти не допускали абитуриентов в Жировицкий монастырь, где находилась семинария, отказывая им во временном пропуске. В 1963 г. состоялся последний выпуск — 4 курс окончило 5 студентов, больше семинаристов не осталось, и Минская семинария угасла без официального закрытия.

В 1962 г. настала очередь Волынской семинарии, где в канун закрытия оставалось всего 5 студентов, которых никакими способами не удавалось заставить уйти. Из отчета уполномоченного Совета по Волынской области видно, какие усилия предпринимались советскими властями, чтобы не допустить приема новых студентов:

«Всего в семинарию о поступлении в первый класс было подано 12 заявлений со всеми требуемыми документами. Кроме того, было 8 запросов об условиях приема и учебы. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство лиц, подававших заявления о поступлении в семинарию, привозили документы лично, причем в самые последние дни, с 29 по 31 июля. Ряд лиц... сразу же после подачи документов в семинарию поспешили сняться с учета по месту жительства и выехать, чтобы их не нашли по указанному адресу. Есть основания полагать, что все это не было случайностью, а делалось по совету руководства семинарии. Из 12 оформленных документов семинария по нашей рекомендации по различным причинам 6 заявлений возвратила обратно. Из оставшихся 6 человек на приемные экзамены прибыли... трое... Обо всех лицах, подавших заявления и обращавшихся с запросами, немедленно информировались уполномоченные Совета соответствующих областей. Волынский обком КП Украины обращался ко всем обкомам партии с письменными просьбами провести соответствующую работу... Однако, несмотря на все усилия, полностью сорвать набор не удалось. Если семинария будет продолжать свою работу, не допустить нового набора будет еще более трудно»⁸⁹⁸.

Затем у семинарии отняли второй этаж здания, с автомашины, которая использовалась для закупки продовольствия, сняли номерные знаки. К 1965 г. Волынская духовная семинария прекратила свое существование.

У Русской Православной Церкви с ее 100-миллионной паствой осталось 3 семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская, которую власти планировали закрыть в ближайшее время; и две духовных академии: Московская и Ленинградская. На начало 1964/65 учебного года во всех духовных школах насчитывалось 752 учащихся: в академиях — 207 студентов стационара и 157 заочников и в семинариях — 211 воспитанников стационара и 177 заочников. При этом в первых классах всех духовных семинарий числилось всего 58 учащихся.

Высшая церковная власть пыталась остановить или хотя бы затормозить процесс разрушения системы духовного образования. Мужественную позицию в защите духовных школ занимал секретарь Учебного комитета протоиерей Николай Никольский, в прошлом узник лагерей, исповедник. В 1963 г. по требованию Совета он был уволен из комитета, потому что,

«несмотря на предупреждения, допускал произвольные действия, вносящие дезорганизацию в вопросы, согласованные с Советом». Его сняли с регистрации как священника на 6 месяцев за то, что он «допустил политическую диверсию по отношению к общественным организациям: 9 июня 1963 г. он крестил комсомольца Комарова Юрия, слесаря-механика предприятия коммунистического труда 1-го Московского часового завода»⁸⁹⁹.

* * *

После спада волны хрущевских гонений у Русской Православной Церкви сохранилось две семинарии — под одной крышей и единым руководством с Московской и Ленинградской Духовными Академиями; выжила и третья Одесская семинария, но борьба с богословским образованием не прекращалась. Правда, действовали уже не наскоком, а методически, с расчетом на длительную осаду. Был найден иной путь к закрытию духовной школы без возбуждения лишнего шума: неуклонное сокращение притока абитуриентов, которым по-прежнему чинились препятствия.

Московские духовные школы в 1964 г. потеряли своего многолетнего ректора протоиерея Константина Ружицкого. Короткое время после него академию и семинарию возглавлял епископ Филарет (Денисенко). 14 мая 1966 г. новым ректором с перемещением на Дмитровскую кафедру назначен был епископ Филарет (Вахромеев), под его руководством протекала вся деятельность Московских духовных школ во 2-й половине 60-х и в начале 70-х гг. Инспектором в эти годы был архимандрит Симон (Новиков). В Московской Академии в 60-х гг. преподавали видные церковные ученые профессора — епископ Питирим (Нечаев), протоиереи Иоанн Козлов, Александр Ветелев, Андрей Сергеенко, а также Дмитрий Огицкий, В. Талызин, А. И. Георгиевский, И. Н. Шабатин. Из преподавателей нового поколения, получивших образование в духовных школах в 50-х гг., — профессора протоиерей Алексей Остапов, иеромонах, потом игумен Марк (Лозинский) (оба рано скончавшиеся), профессор К. Е. Скурат. Большим тружеником был заведующий академической библиотекой Владимир Македонович Волков, выпускник Тобольской семинарии.

Несмотря на преклонные лета, Святейший Патриарх Алексей I и в 60-х гг. с любовным вниманием покровительствовал духовной школе у Троицы, из стен которой он вышел, посещал академию в актовые дни, на Покров Божией Матери, присутствовал на филаретовских вечерах, ставших по его почину академической традицией. Он проявлял особую заботу о том, чтобы и в крайне неблагоприятных для духовного образования условиях, созданных атеистическим государством, в академии свято хранились традиции старой, дореволюционной школы. Попечением Святейшего Патриарха при Московской Академии был открыт Церковно-археологический кабинет, в фондах которого хранятся русские и византийские иконы, картины известных художников на религиозные сюжеты и другие предметы церковного искусства.

Ленинградские духовные школы в 1952—1966 гг. возглавлял профессор протоиерей Михаил Сперанский, который и после ухода с должности ректора ввиду преклонных лет продолжал преподавательскую деятельность, оставаясь одним из самых любимых младшими коллегами и студентами наставников. С 1966 по 1968 г. ректором в сане епископа Тихвинского был преосвященный Михаил (Мудьюгин), а с 1968 по 1970 г. — епископ Тихвинский Герман (Тимофеев). Видными церковными учеными, которые несли свое педагогическое служение в Ленинградских духовных школах в 60-х гг., были профессора протоиереи Петр Гнедич, Ливерий Воронов, Виталий Боровой, Лев Николаевич Парийский, который до 1967 г. исполнял обязанности инспектора академии и семинарии, Г. П. Миролубов, скончавшийся в 1964 г., Н. Д. Успенский, М. Ф. Русаков. На жизнь Ленинградских духовных школ и направленность научных интересов преподавателей академии решающее влияние оказывал митрополит Ленинградский Никодим. Ленинградская Академия стала тогда наряду с ОВЦС самым крупным центром

Русской Православной Церкви, занимающимся систематическим исследованием проблем, связанных с экуменическим движением. С 1965 г. в академии существовал факультет африканской христианской молодежи, позже преобразованный в факультет иностранных студентов. На нем обучались студенты из восточных нехалкидонских Церквей, а также инославные христиане из Европы, Америки и Азии. В академии проходили многочисленные экуменические встречи, самыми энергичными участниками которых были профессор протоиерей Виталий Боровой и профессор Н. А. Заболотский.

Одесскую духовную семинарию с 1967 г. возглавлял в должности ректора архимандрит Агафангел (Саввин).

Вся деятельность духовных школ протекала под руководством Учебного комитета при Священном Синоде, во главе которого с середины 60-х гг. стоял митрополит Таллинский Алексей. В трудных условиях подневольной церковной жизни комитет прилагал усилия к тому, чтобы сохранить духовную школу, сберечь лучшие традиции дореволюционной системы богословского образования, чтобы, несмотря на режим изоляции, в котором существовали академии и семинарии, в них не погасло духовное горение и любознательность наставников и студентов.

* * *

В 70—80-х гг. из жизни уходили последние профессора, получившие дореволюционное богословское образование: протоиерей Александр Ветелев, профессор МДА († 1976); и протоиерей Михаил Сперанский, бывший ректор и профессор МДА († 1984). В малом числе оставались уже и те, кто окончил семинарию и академию в первое послевоенное десятилетие, когда среди студентов были высоко интеллигентные люди, которые благодаря самообразованию приходили в открывавшиеся духовные школы с весьма солидным багажом богословских знаний. Такие как профессор Сарычев (монах Василий) и В. Талызин в МДА, протоиерей Ливерий Воронов, пребывавший, правда, послевоенное десятилетие в заключении и завершивший образование уже в 60-х гг. в ЛДА. В это время кафедру литургики возглавлял здесь профессор Н. Д. Успенский, выпускник Ленинградского богословского института 20-х гг. Значительную часть преподавателей составляли уже те, кто учился в академии в крайне ненормальных условиях хрущевских гонений. В 1-й половине 70-х гг., как и прежде, жестко ограничен был прием в духовные школы; в семинарии, за редким исключением, не допускались выпускники светских высших школ. За 1972—1974 гг. духовные школы смогли направить на приходское служение всего лишь 219 священнослужителей — около $\frac{2}{3}$ своих выпускников, в среднем по 4 человека на епархию. Это, конечно, лишь в малой степени покрывало естественную убыль духовенства, поэтому большинство рукополагаемых в эти годы не имели вовсе никакого школьного церковного образования. Тем большее значение приобрел открытый в 1964 г. заочный сектор при Московской Духовной Академии, через который за 10 лет прошла тогда едва ли не основная часть духовенства.

В 70-х гг. произошла замена ректоров во всех трех духовных школах; московским ректором вместо переведенного на должность экзарха Центральной Европы архиепископа Филарета (Вахромеева) 18 апреля 1973 г. был назначен епископ Дмитровский Владимир (Сабодан). В этой должности он оставался до перевода на Ростовскую кафедру в 1982 г. В свою очередь его заменил возведенный в сан епископа Дмитровского Александр (Тимофеев), ранее в течение многих лет исполнявший обязанности инспектора академии. Ректором Ленинградской Духовной Академии вместо уволенного по старости епископа Тихвинского Мелитона (Соловьева) 26 декабря 1974 г. назначили архимандрита Кирилла (Гундяева), через полтора года хиротонисанного во епископа Выборгского. Владыка Кирилл возглавлял Ленинградские духовные школы в течение 10 лет, до тех пор пока в связи с его переводом на Смоленскую

кафедру временно исполняющим обязанности ректора не был назначен архимандрит Мануил (Павлов). Ректором Одесской семинарии в 1975 г. стал протоиерей Александр Кравченко, сменив на этом посту архимандрита Агафангела (Саввина), хиротонисанного во епископа Винницкого.

С середины 70-х гг. условия существования духовных школ становятся чуть более сносными, чем ранее. Все три учебных заведения получили разрешение от Совета и местных властей на расширение помещений или строительство новых зданий, поэтому можно было увеличить и прием в семинарии. В 1978 г. при Ленинградской Духовной Академии были открыты регентские курсы; вначале на них учились 16 человек, в основном девушки, а в 1981 г. — уже более 70. В 70-х гг. и при Московской Академии появился регентский класс, преобразованный в 1985 г. в регентскую школу, в которой занималось около 100 воспитанниц. Это была единственно возможная форма женского религиозного образования в то время. Количество учащихся в Московской семинарии к концу 80-х гг. составляло уже около 400, а в Ленинградской и Одесской — более 200 воспитанников в каждой. В семинарии с середины 70-х гг. начали принимать абитуриентов с высшим образованием, в Московской к середине 90-х гг. они составили до четверти всех поступающих. В конце 70-х и в 80-х гг. в Московские духовные школы приняли преподавателей с университетским гуманитарным образованием и основательными знаниями в области церковных наук, полученными путем самообразования. Большинство из них впоследствии в течение нескольких лет сдали экзамены за полный курс семинарии и академии. Благодаря этому качество преподавания в академии удалось несколько поднять. Значительным событием в истории академии стала проведенная в декабре 1985 г. конференция, посвященная 300-летию ее образования, материалы которой вышли в юбилейном выпуске «Богословских трудов».

Большим бедствием для Московских духовных школ явился пожар, случившийся в ночь после Воздвижения Креста Господня в 1986 г. Погибло пять студентов семинарии, сгорела часть зданий, поврежден был и академический храм. Эта беда переживалась всею Церковью как посещение Божие, побудившее православных христиан жертвовать на восстановление разрушенных и ремонт поврежденных помещений. Со своей стороны и государственные власти оказали помощь в восстановительных работах, законченных в основном к юбилею Крещения Руси. Московским духовным школам переданы были примонастырские строения с храмом, занятые прежде под больницу. В этих строениях после завершения восстановительных работ была размещена часть духовной семинарии.

За годы с 1971 по 1987 из стен духовных семинарий вышло 2755 выпускников, учившихся на стационаре; Московская семинария выпустила 1205, Ленинградская — 721 и Одесская — 829 человек. 937 священников и диаконов закончили Московскую семинарию, обучаясь заочно, полный курс Московской Академии прошли 355 выпускников по стационару и 338 — по заочному сектору. Ленинградскую Духовную Академию закончили 202 выпускника. За этот период степень кандидата богословия получили 473 выпускника академий, 20 ученых успешно защитили магистерские диссертации и 9 видным деятелям церковной науки были присвоены докторские степени. Регентские школы при Московской и Ленинградской Академиях закончили 213 выпускников, главным образом выпускниц, 92 человека получили образование на факультете иностранных студентов при Ленинградской Академии. В 1988 г., ко времени Поместного Собора, общее число учащихся трех семинарий приблизилось к 900, а двух академий по стационару — к 200 студентам. На секторе заочного обучения в Московской Духовной Академии обучались 202, а в Московской семинарии — 602 священнослужителя. Преподавательская корпорация Московских духовных школ насчитывала 11 профессоров, 9 доцентов и 63 преподавателя, Ленинградских — 9 профессоров, 6 доцентов и 26

преподавателей. В штатах Одесской семинарии состояло 25 преподавателей.

Давая характеристику состоянию духовного образования в своем докладе на Поместном Соборе 1988 г., председатель Учебного комитета и ректор Московской Духовной Академии и семинарии архиепископ Дмитровский Александр, в частности, сказал:

«Весьма остро стоит вопрос об уровне преподавания в учебных заведениях Русской Православной Церкви, который должен отвечать высоким требованиям современности. Несмотря на несомненные положительные сдвиги последних лет, на то, что научно-богословский уровень преподавательских корпораций, в особенности Московских и Ленинградских духовных школ, заметно вырос, проблема эта не теряет актуальности и продолжает вызывать озабоченность. Особого внимания требует состояние учебных пособий. Обеспечение ими учащихся в должном количестве — основа нормального хода учебного процесса. В перспективе мы должны поэтому подойти к изданию учебных пособий типографским способом»⁹⁰⁰.

Главной проблемой по-прежнему оставалось ничтожно малое количество духовных школ, которое не могло удовлетворить потребность Церкви в священнослужителях с семинарским образованием.

«Решение этой проблемы за счет заочного сектора обучения,— продолжал докладчик,— нельзя признать лучшим выходом из положения, так как полноценное богословское образование и религиозно-нравственное воспитание будущей пастырь может получить только на стационаре, в стенах духовной школы... В то же время чрезмерное расширение контингента учащихся в уже существующих семинариях имеет и свою негативную сторону, невыгодно отражается на учебно-воспитательном процессе. Оптимальным выходом является открытие новых семинарий в тех районах страны, где ныне особенно велика нужда в священнослужителях — в Сибири и Поволжье, а также на западе Украины»⁹⁰¹.

В год 1000-летия Крещения Руси взаимоотношения Церкви и государства начали радикально меняться. В 1989 г. удалось открыть три новых семинарии: Киевскую, Минскую в Жировицком монастыре и Тобольскую, существование которой прекратилось еще в гражданскую войну. Появились духовные школы нового типа — духовные училища, двух- или трехгодичные, предназначенные для подготовки церковнослужителей, но из-за острой нехватки духовенства заканчивающие такие училища канонически правоспособные выпускники, как правило, рукополагались в священнический сан. В октябре 1989 г. были открыты духовные училища в Смоленске и Ставрополе, преобразованные потом в семинарии, в Новосибирске, а также духовное училище в Кишиневе, ставшее впоследствии Ново-Нямецкой семинарией. Открыто было Черниговское духовное училище по подготовке регентов и псаломщиков. При Московской Духовной Академии была создана иконописная школа. В октябре 1989 г. общее число учащихся всех церковных школ составило 2948 человек. На архиерейском Соборе 1989 г. было принято определение о «реорганизации структуры и содержания учебного процесса таким образом, чтобы в ближайшее время обеспечить обязательное высшее богословское образование для пастырей Церкви на базе духовных семинарий»⁹⁰².

В «ближайшее» после Собора время решить задачу преобразования духовных семинарий в высшие богословские школы не удалось. Церковь столкнулась с кадровыми и финансовыми трудностями, а также с тем обстоятельством, что большинство абитуриентов духовных школ на рубеже 80—90-х гг. не имело достаточной церковной подготовки для того, чтобы слушать лекции в высшей богословской школе. Лишь одна Минская семинария в Жировицком монастыре была преобразована в высшую школу со сроком обучения до 5 лет; дипломы бакалавров, выдаваемые выпускникам этой семинарии, признаются республикой Беларусь.

30 ноября 1990 г. Святейший Патриарх Алексей II выступил перед преподавателями Московской Академии и семинарии с речью об актуальных проблемах богословского образования в Русской Церкви:

«Одним из неперемненных условий обучения в духовной школе является призвание учеников. Те беседы, которые проводятся с поступающими, выявляют и настроенность человека, и настроение, с которым он пришел. Призвание необходимо и педагогу, и врачу. Тем более необходимо оно священнослужителю. Всегда ответственно пастырское служение. На протяжении трудных послереволюционных лет возможности пастырской деятельности были ограничены стенами храма... Но все же совершались богослужения, продолжалась литургическая жизнь, проповедовалось слово Христовой Истины. Сегодня ситуация изменилась. Нужно готовить пастырей, которые будут широко вовлечены и в социальную церковную работу. Мы сегодня все ощущаем, что опыт этой работы утрачен. С принятием закона о свободе совести Церкви дано право заниматься и воспитанием детей, и катехизацией. Особенно важна катехизация взрослых... Нужно приучать студентов к катехизаторской работе. Количество крещений в среднем увеличилось в 3 раза. Спрашивают иногда: «Что это? Дань моде?» Я думаю, что нет. Дефицит духовности, который сегодня ощущается в обществе, требует каких-то духовных начал. И люди устремляют свои взоры к Церкви, крестятся. Но мы должны позаботиться о том, чтобы они были не только крещены, но и просвещены»⁹⁰³.

В 90-х гг., при Святейшем Патриархе Алексии II, число духовных школ Русской Православной Церкви выросло многократно. После падения советского режима, после того как в России и других государствах, образованных на территории бывшего СССР, сложились новые правовые системы, уже не требуется предварительных санкций со стороны государственных властей на открытие духовной школы и соответствующие вопросы решаются самим священноначалием. Но сдерживающим фактором в расширении сети духовных школ остаются финансовые и кадровые проблемы. При этом новые семинарии создаются, как правило, через преобразование открытых ранее духовных училищ.

Уже в начале 90-х гг. были созданы семинарии в Саратове, Нижнем Новгороде, Смоленске, в Риге, Луцке и Почаевской лавре. В самое последнее время открылись Калужская и Белгородская семинарии с миссионерской направленностью. Всего в 1996 г. Русская Церковь имела 5 духовных академий — Московскую, Петербургскую, Киевскую, Молдавскую, созданную на базе богословского факультета, и Белорусскую в Минске. Количество семинарий достигло 20. Это уже более трети дореволюционного числа духовных семинарий. Некоторые из них имеют регентские, а Курская и Томская — иконописные отделения. Некоторые семинарии, помимо Московской и Санкт-Петербургской, возглавляются преосвященными ректорами. Так, во главе Одесской стоит митрополит Агафангел (Саввин), временно исполняющим обязанности ректора Ставропольской является митрополит Гедeon (Докукин), Саратовскую духовную семинарию возглавляет архиепископ Александр (Тимофеев), обладающий многолетним опытом руководства духовной школой, временно исполняющим обязанности ректора Калужской семинарии является в настоящее время архиепископ Климент (Капалин), ректором Тобольской — епископ Димитрий (Капалин), ректором Белгородской семинарии — епископ Иоанн (Попов), а Почаевскую возглавляет епископ Феодор (Гаюн). Эти ректоры, кроме епископа Почаевского Феодора, соединяют с руководством духовными школами управление епархиями.

С конца 80-х гг. до 1997 г. было открыто 23 духовных училища, в большинстве случаев это двухгодичные школы, 5 пастырских курсов и духовные курсы в Тамбове. На пастырских курсах обучение продолжается в течение года.

Ведущими учебными заведениями Русской Православной Церкви остаются и ныне Московская и Санкт-Петербургская Духовные Академии, где сосредоточены

квалифицированная профессура и лучшие педагогические кадры. Эти две академии имеют возможность принимать наиболее подготовленных абитуриентов, располагают богатыми научно-богословскими библиотеками.

С 1992 по 1995 г. Московские духовные школы возглавлял епископ Дмитровский Филарет (Карагодин), его преемником стал епископ Верейский Евгений (Решетников), соединяющий ректорство с исполнением обязанностей председателя Учебного комитета при Священном Синоде. Первым проректором академии является архимандрит Макарий (Веретенников). В корпорации Московских духовных школ семь профессоров: архимандриты Матфей (Мормыль), Платон (Игумнов), К. Е. Скурат, К. М. Комаров, М. С. Иванов, Б. А. Нелюбов и А. И. Осипов.

Санкт-Петербургскую, ранее Ленинградскую, Духовную Академию и семинарию после перевода архиепископа Кирилла на Смоленскую кафедру на исходе 1984 г. возглавляли последовательно архимандрит Мануил (Павлов), протоиереи Николай Гундяев, Владимир Сорокин и Василий Стойков. В 1996 г. новым ректором академии и семинарии с титулом епископа Тихвинского стал преосвященный Константин (Горянов), в прошлом ректор Минской духовной семинарии, при котором она была преобразована в высшую богословскую школу. Большой потерей для Петербургских духовных школ явилась последовавшая в 1995 г. кончина профессора протоиерея Ливерия Воронова, многолетнего узника ГУЛАГа, высококвалифицированного догматиста, замечательного лектора. В течение двух последних лет прикованный к инвалидному креслу, он не оставлял преподавание. Обязанности проректора Петербургской Академии и семинарии исполняет протоиерей Василий Стойков. В корпорации Петербургских духовных школ в профессорском звании состоят ее бывшие ректоры архиепископ Михаил (Мудьюгин), протоиереи Николай Гундяев, Владимир Сорокин, а также Аркадий Иванов, Георгий Тельпис и Владимир Мустафин. Протоиереи Василий Стойков и Иоанн Белевцев имеют звания заслуженных профессоров. Киевскую Духовную Академию и семинарию возглавляет в должности ректора протоиерей Николай Забуга.

Значительным подспорьем в деле духовного образования явилось начатое в 1994 г. полноценное типографское издание учебных пособий по ряду дисциплин для академий, семинарий и училищ. При подготовке этих учебных пособий было существенно улучшено их качество, в большинстве случаев они написаны преподавателями Московских духовных школ.

Святейший Патриарх и Священный Синод осуществляют руководство духовным образованием Русской Православной Церкви через Учебный комитет, во главе которого, по постановлению Священного Синода от 26 февраля 1994 г., стоит епископ Верейский Евгений (Решетников).

Развитие духовного образования — одна из главных тем архиерейского Собора (29 ноября — 2 декабря 1994 г.), который вынес определение «О задачах Церкви в области богословского образования». Образованная Священным Синодом специальная группа во главе с епископом Верейским Евгением ведет работу над созданием концепции богословского образования. Для священнослужителей, преподавателей и катехизаторов высшее богословское образование должно стать нормой, необходима также и специальная подготовка «для священников, осуществляющих пастырскую работу в Вооруженных Силах и в местах заключения, а также постоянно действующие структуры поддержания и повышения уровня богословских и иных специальных знаний». На базе духовных академий целесообразно создать «систему научно-богословской специализации, включающую подготовку и защиту диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и магистра». Другой актуальной задачей является определение места духовных училищ в будущей системе богословского образования, их структура, задачи и соотношение на образовательном уровне духовных школ всех трех ступеней: училища, семинарии, академии. Делом особой важности должно стать постепенное преобразование

духовных семинарий в высшие учебные заведения. Для этого необходимо озаботиться разработкой новых программ и учебных планов, подготовкой преподавательского состава. Принимая во внимание все вышеизложенное, Собор определил «считать финансирование системы богословского образования приоритетным при формировании общецерковного бюджета»⁹⁰⁴.

Состояние духовных школ стало одной из тем, которые обсуждались на архиерейском Соборе 1997 г. В докладе, прочитанном исполняющим обязанности председателя Учебного комитета епископом Верейский Евгением, приводятся данные, характеризующие систему духовного образования на начало 1997 г.: общее число учащихся духовных школ (без Украинской Церкви) — 3700 человек; на заочных отделениях и экстернате обучается более 2700 священнослужителей; кроме того, в Православном Свято-Тихоновском институте на дневном отделении — 550 человек, на вечернем — 486, на заочном — 659. Во всех филиалах Свято-Тихоновского института в Архангельской, Виленской, Екатеринбургской, Казанской, Кемеровской и Уфимской епархиях обучается 521 человек. Число преподавателей в духовных школах составляет более 800 человек. За период после архиерейского Собора 1994 г. духовные училища окончили 259 человек; духовные семинарии — 791 человек, Московскую и Санкт-Петербургскую Духовные Академии — соответственно 38 и 42 человека (из них со степенью кандидата богословия — по 16 человек). Епископ Евгений доложил Собору о деятельности возглавляемой им рабочей группы по разработке детальной концепции новой системы богословского образования, охарактеризовал «Основные направления концепции богословского образования», утвержденные Священным Синодом 31 декабря 1996 г. «Духовная семинария будет давать основное богословское образование, на завершающем этапе студенты семинарии должны писать дипломные работы, при успешной защите которых им будет присваиваться степень бакалавра. Цель духовной академии — подготовка преподавателей духовных учебных заведений и научных работников. Учебный процесс в академии должен быть ориентирован на подготовку научных специалистов: библеистов, догматистов, церковных историков, канонистов, литургистов и т. д. Это потребует, вероятно, ввести в академиях отделения или факультеты. Академический курс предполагается разделить на две ступени: первая ступень — трехлетняя и вторая ступень — двухлетняя. При этом выпускники первой ступени должны будут писать и защищать диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия, а второй ступени — магистра богословия. Квалификация кандидата богословия позволит ему преподавать в духовной семинарии, а магистра богословия — в академии»⁹⁰⁵.

* * *

Падение советского режима в 1991 г. создало правовые условия для развития системы религиозного образования для детей и взрослых, включающей в себя воскресные школы, факультативное преподавание закона Божия в государственных средних школах, православные общеобразовательные гимназии, преподавание богословских и церковно-исторических дисциплин в некоторых светских высших учебных заведениях, подготовку катехизаторов и преподавателей закона Божия в специально предназначенных для этого высших богословских школах.

Еще в сентябре 1990 г. при одной московской школе в Ясенево по благословению Святейшего Патриарха Алексия II обществом «Радонеж» была учреждена православная классическая гимназия. Со временем православные гимназии появились и в других районах Москвы, в Петербурге, а затем и в других городах России. В целях координации религиозно-образовательной деятельности в 1991 г. был образован синодальный Отдел религиозного образования и катехизации во главе с игуменом Иоанном (Экономцевым).

В 90-х гг. в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других городах было создано несколько

высших богословских школ, которые ставят своей целью подготовку катехизаторов, преподавателей воскресных школ и православных гимназий, ученых богословов и других церковных работников. Наиболее солидной школой такого типа является Московский православный богословский институт имени святого Патриарха Тихона, во главе которого стоит протоиерей Владимир Воробьев. В институте существует несколько факультетов, которые готовят катехизаторов, иконописцев, регентов и других церковных специалистов. Выпускники богословско-пастырского факультета рукополагаются в священные степени. Институт ведет также заочное и вечернее обучение, имеет филиалы в провинции. Председатель Отдела религиозного образования и катехизации игумен Иоанн (Экономцев) основал и возглавил Православный университет имени святого апостола Иоанна Богослова.

Вопросы религиозного образования для мирян обсуждались на архиерейском Соборе 1994 г., который вынес по этому кругу проблем ряд определений. Одно из них устанавливает общецерковную систему религиозного образования для мирян, которая включает воскресные (приходские) школы, детские сады, гимназии, лицеи, катехизаторские курсы, высшие православные учебные заведения для мирян. Особо отмечалась необходимость как можно быстрее расширить эту сеть, обеспечивающую религиозное образование на приходском уровне под руководством настоятеля и клира, при участии образованных мирян. Собор уделил внимание и вопросам устройства православного уклада жизни, возрождению и укреплению семьи, воспитанию детей в духе заповедей Христовых. Важнейшим направлением церковного служения делу просвещения народа должна, по определению Собора, являться подготовка катехизаторских и педагогических кадров из мирян с учетом особенностей работы с детьми и взрослыми, степени воцерковления учащихся, специфики социальных групп; необходимо шире использовать заочную форму обучения. Особо отмечалось, что современная практика преподавания религиозных дисциплин в государственных учебных заведениях представляется неприемлемой с церковной точки зрения, ибо зачастую преподавание этих дисциплин превращается в утонченный вариант атеистической пропаганды.

Вопросы религиозного образования обсуждались и на архиерейском Соборе 1997 г. Им уделен внимание Святейший Патриарх Алексий II в своем докладе:

«Несмотря на чрезвычайные трудности — практически полное отсутствие помещений, пригодных для занятий, финансовую необеспеченность, недостаток образованных педагогов из священников и мирян, система религиозного образования значительно окрепла. Духовно-нравственное просвещение охватило многие слои общества... Все шире распространяется свет истины Христовой в простом народе. Глубокую заинтересованность мы встречаем со стороны армии и правоохранителей... Практическая образовательная работа, которую ведет Церковь, наиболее зримо представлена в устройении приходами воскресных школ. Больше всего воскресных церковно-приходских школ в Московской епархии — 286. В Москве — 86 воскресных школ при храмах, в Ставропольской епархии — 70, в Кемеровской — 66, в Ростовской — 60, в Воронежской — 59, во Владимирской — 58, в Краснодарской — 55, в Санкт-Петербургской — 54, в Саранской — 50, в Смоленской — 47, в Пензенской — 44, в Екатеринбургской — 46, в Ивановской — 45. Всего по России на данный момент существует около 1550 воскресных, церковно-приходских и монастырских школ, где воцерковляется и обучается более 72 000 детей и 5000 взрослых. Для расширения системы православного образования и особенно для усиления благотворного влияния Церкви на различные стороны жизни общества необходима подготовка православных специалистов во многих областях знания. Именно такие люди смогут приблизить истины веры к образованным людям, далеким от Церкви, в доступной для них форме. Вот почему особую роль сегодня призвано играть высшее православное образование для мирян»⁹⁰⁶.

В условиях советского режима церковная наука могла существовать в России лишь нелегально и полулегально в крайне изуродованных формах. Многие из ее выдающихся деятелей ушли из жизни в первые годы после Октябрьского переворота: профессора Московской и Петроградской Академий Н. Ф. Каптерев († 1918), А. Д. Беляев, П. Н. Жукович († 1919), И. С. Пальмов († 1920). Другие эмигрировали, но немало было и таких, кто, несмотря на происходившее в стране, остался в России. На родине остались оригинальный мыслитель, богослов и философ, крупный специалист в области математики, лингвистики, техники священник Павел Флоренский, расстрелянный в концлагере в 1937 г.; выдающийся патролог И. В. Попов, тоже погибший в лагерях; крупнейший специалист по византийским и южнославянским источникам, посаженный на скамью подсудимых вместе со священномучеником Владимиром Петроградским, тогда оправданный, но впоследствии погибший в застенках ГПУ В. Н. Бенешевич; выдающийся литургист А. А. Дмитриевский, богатое рукописное наследие которого до сих пор остается ненапечатанным. В России остались и такие видные ученые как А. И. Бриллиантов, Н. И. Сагарда, М. М. Тареев, С. С. Глаголев, В. И. Мышцын, С. Т. Голубев, Н. К. Никольский, а также, может быть, самый крупный русский религиозный философ А. Ф. Лосев, которого не сломила советская каторга. Крупнейшими богословами были и такие архипастыри, как Патриарх Сергий, архиепископы Иларион (Троицкий), Василий (Богдашевский). И хотя большая часть статей Патриарха Сергия послереволюционных лет связана с обсуждением актуальных церковных тем, несколько его работ — «К вопросу о западном православии», «Есть ли у Христа наместник в Церкви?» — представляют значительный вклад в экклезиологию и каноническое право.

Отсутствие церковной печати, постоянная угроза репрессий лишали богословов и церковных историков возможности для нормального творчества. Их труды обычно не публиковались, и только отдельные работы по философии, истории, источниковедению помещались в светских научных изданиях. В советскую эпоху отдельные отрасли церковной науки развивались учеными и профессорами в академии наук и университетах. Большую ценность представляют труды по древнерусским литературным памятникам, таких ученых, как академики Д. И. Абрамович, В. П. Адрианова-Перетц, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев. Крупным специалистом в области древнерусского церковного права был С. В. Юшков, академик Я. Н. Щапов занимается исследованием общерусских, южнославянских и византийских источников церковного права. Признанным знатоком койне, языка Нового Завета, был известный филолог-византист А. Ч. Козаржевский. Заслуживают высокой оценки и ряд исследований по византийской и восточной христианской литературе академика С. С. Аверинцева. В области изучения древнерусской иконописи много сделано крупным ученым и верной дочерью православной Церкви О. И. Подобедовой. Знатоком и исследователем византийской и древнерусской иконы с мировым именем был В. Н. Лазарев. Своеобразный характер носят иконоведческие исследования одного из крупнейших деятелей российской науки в области точных наук академика Б. В. Раушенбаха. Сближению светской и церковной науки во многом способствовали конференции, посвященные 1000-летию Крещения Руси, состоявшиеся в Киеве, Москве и Ленинграде, а также конференция, проведенная в 1989 г. в связи с 400-летием учреждения патриаршества на Руси. Доклады показали, что плодотворным оказался союз науки церковной, сохранившей православное мировоззрение, и светской, восполнившей пробелы в истории древнерусской литературы и искусства своими публикациями и исследованиями источников и памятников.

Церковная наука во 2-й половине XX в., вплоть до конца 80-х гг., находилась в еще более трудной ситуации, чем раньше, поскольку из жизни ушли почти все дореволюционные

церковные ученые и преемственная связь со старой школой и академической наукой если не вовсе прервалась, то крайне истончилась. И все-таки с именами некоторых церковных ученых, таких как архиепископ Михаил (Чуб), протоиерей Петр Гнедич, протоиерей Ливерий Воронов, профессор Н. Д. Успенский, связаны значительные научные исследования. Серьезным патрологическим трудом, не опубликованным до сих пор, явилась магистерская диссертация рано скончавшегося профессора Московской Академии игумена Марка (Лозинского), посвященная святителю Игнатию (Брянчанинову).

Но в целом русское богословие XX в.— это труды краткого периода расцвета богословия в предреволюционные годы и затем русских эмигрантов, выброшенных из России революционной бурей. К старшему поколению, чьи имена получили известность еще на родине, принадлежали видный богослов и религиозный философ протоиерей Сергей Булгаков, канонист С. В. Троицкий, экзегет и патролог Н. Н. Глубоковский, историк Русской Церкви и публицист А. В. Карташов; религиозные философы Н. А. Бердяев, А. И. Ильин, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов. К следующему поколению ученых, зрелое творчество и известность которых приходится уже на время эмиграции, принадлежали архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), талантливый историк и богослов протоиерей Георгий Флоровский, В. Н. Лосский, протопресвитер Николай Афанасьев, епископ [Кассиан \(Безобразов\)](#), архимандрит [Софроний \(Сахаров\)](#). Последнее поколение русской эмиграции, выросшее в диаспоре, представляют протопресвитеры Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф, протоиерей Борис Бобринский.

Большая часть крупных церковных ученых и религиозных философов русской эмиграции находилась в юрисдикции либо Московской Патриархии, либо экзархата Константинопольской Патриархии, а в годы после второй мировой войны — в Американском митрополищем округе, преобразованном потом в Американскую Православную Церковь. Но сочинения ряда авторов, принадлежавших к «парижской школе», и даже таких крупных мыслителей, как протоиерей Сергей Булгаков, протопресвитер Николай Афанасьев, не свободны от теологуменов, не совместимых с церковным преданием. Особенно серьезной и в целом справедливой критике подвергались в самых разных церковных кругах софиологические построения протоиерея Сергея Булгакова, тем не менее оказавшего значительное влияние на развитие русской религиозной мысли. О философе Н. А. Бердяеве, который в эмиграции всегда оставался в послушании Матери Церкви, в юрисдикции Московской Патриархии, лишь с большой натяжкой можно говорить как о православном философе — столь очевидно влияние на его философские и исторические построения гностики, манихейского дуализма, религиозного экзистенциализма.

Карловацкая церковная группировка оказалась обделенной большими талантами в области религиозной мысли и церковной науки. Конечно, сам митрополит Антоний (Храповицкий) был выдающимся проповедником, церковным писателем и публицистом, но далеко не бесспорным богословом, к тому же расцвет его богословского творчества приходится на предреволюционные годы. Большое влияние имел и продолжает иметь не только в эмиграции, но и в России архиепископ Серафим (Соболев), в послевоенные годы воссоединившийся с Московской Патриархией. Архиепископ Серафим взял на себя трудную и неблагодарную миссию своего рода богословской цензуры и выполнял ее с великим усердием и строгостью, но, кажется, подчас слишком прямолинейно. Критикуя софианство и сотериологические заблуждения митрополита Антония (Храповицкого), архиепископ Серафим в главном был прав, но, опираясь в своих суждениях на предание Церкви он выражал его не творчески, схоластично, решительно отличаясь в этом от таких богословов, как архиепископ Василий (Кривошеин), В. Н. Лосский, протоиерей Георгий Флоровский. Они сохраняли безукоризненную верность преданию и творчески осмысливали традиции и творения отцов Церкви. Архиепископ Василий

(Кривошеин) и В. Н. Лосский принадлежат той ветви русской богословской мысли, которая тесно связана с именем святителя [Филарета Московского](#).

На закате XX столетия русская эмигрантская церковная наука, богословская и философская мысль, пережившие в 20—40-х гг. блестящий расцвет, поблекли, стали явлением глубоко провинциальным, утратили былое влияние на западноевропейскую религиозную философию. Это связано с общей судьбой эмиграции. Поколение первой послереволюционной, белой, волны эмиграции ушло из земной жизни, уходят и их дети, а внуки и правнуки эмигрантов 20-х гг. в значительном большинстве ассимилировались. Последующие волны русской церковной эмиграции уже не имели блестящих умов и талантов, в 90-х гг. церковная наука успешнее развивается в России.

Особую ценность для церковно-исторической науки представляет вышедший уже в двух томах труд иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия», основанный на архивных материалах и на беседах со свидетелями мученических и исповеднических подвигов страдальцев за веру. Событием в церковно-научной жизни 90-х гг. стало переиздание многотомной «Истории Русской Церкви», основанной на знаменитых трудах митрополита Макария (Булгакова) и И. К. Смолича с комментариями современных ученых и многочисленными справочными материалами.

* * *

Одним из средств религиозного просвещения паствы является церковная печать. После Октябрьского переворота, издания декрета об отделении Церкви от государства и введения цензуры невозможно стало легальное существование в Советском государстве каких бы то ни было периодических печатных органов, кроме большевистских. Лишь на окраинах страны, там, где власть еще не принадлежала большевикам, продолжали до окончания гражданской войны выходить местные «Епархиальные ведомости» и некоторые другие периодические церковные издания. До 1925 г. Православная Церковь могла издавать настольные календари. Раскольники и обновленцы выхлопотали у советских властей разрешение на выпуск центральных и некоторых местных газет; они смогли также напечатать брошюры, содержавшие, главным образом, нападки на каноническую Церковь.

С 1931 по 1935 г. вышло 24 номера «Журнала Московской Патриархии» под редакцией Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. Помимо официальных документов Патриархии в «Журнале» печатались и проблемные, богословские, церковно-исторические статьи, а также материалы по вопросам применения норм канонического права к исключительному положению, в котором находилась тогда Русская Церковь. Митрополит Сергий был не только редактором, но и главным автором «Журнала».

В середине 30-х гг. с церковной печатью в Советском Союзе было покончено. Лишь на территориях бывшей Российской империи, оказавшихся за советскими границами, и в диаспоре издавались церковные журналы и газеты. Одним из самых популярных журналов русского зарубежья стал «Вестник Русского студенческого христианского движения», выходящий с конца 20-х гг. и по сей день, правда, теперь в названии его уже не фигурирует слово «студенческий». Начиная с 60-х гг. экземпляры этого журнала стали хотя и нелегально, но вполне регулярно ввозиться в Россию и внесли свой вклад в дело христианского просвещения русской интеллигенции, однако далеко не все публикации этого журнала были удачными, некоторые грешат церковным либерализмом и своего рода «обновленчеством».

В связи с частичной нормализацией церковно-государственных взаимоотношений в Великую Отечественную войну в 1943 г. возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии», а с 1944 г. он начал выходить ежемесячно. Редакционная комиссия, выпускавшая

его, в течение многих лет возглавлялась председателем Издательского отдела Патриархии митрополитом Николаем; обязанности ответственного секретаря редакции исполнял протоиерей Александр Смирнов. Издательский отдел и редакционная комиссия ютились при церкви Успения Божией Матери в Новодевичьем монастыре. Все церковные публикации подвергались строгой цензуре в Совете по делам Русской Православной Церкви.

Содержание всех номеров «Журнала Московской Патриархии» располагалось по определенной схеме с незначительными вариациями. Официальную часть составляли переписка с предстоятелями Церквей, Рождественские и Пасхальные послания Патриарха, его выступления на конференциях общественных организаций. Раздел «Церковная жизнь» включал сообщения о богослужениях, совершаемых Патриархом, описание церковных торжеств, информацию о пребывании в нашей стране зарубежных церковных делегаций, послания и речи видных архипастырей Русской Церкви, хронику архиерейских хиротоний, назначений и перемещений, некрологи епископов и других известных церковных деятелей. К этой части журнала примыкали такие разделы, как «Православная Церковь за границей», «Из жизни духовной школы», «Награждения». Для пастырей особую ценность представлял раздел «Речи. Проповеди», печатавший в основном слова видных иерархов, обращенные к пастве, особенно часто — митрополита Николая; порой эти проповеди зачитывались с амвона не особенно искусными в этом деле пастырями. Для религиозного образования читателей журнала особую ценность представлял раздел «Статьи», где публиковались материалы богословской, церковно-исторической и церковно-правовой тематики. Особенно плодотворными авторами журнала первых послевоенных лет были протоиерей А. П. Смирнов, протоиерей Н. А. Харьузов, Л. Н. Парийский, А. Шаповалова, профессор И. Н. Шабатин, подписывавший свои статьи о русской церковной истории псевдонимом Никита Волнянский, профессор Г. П. Георгиевский. В журнале печатались весьма серьезные работы выдающегося канониста С. В. Троицкого, эмигрировавшего после революции в Югославию. Иногда помещались религиозные стихи.

Первой книгой, которую смогла выпустить Московская Патриархия после перерыва, длившегося более двух десятилетий, явилась «Правда о религии в России», напечатанная в разгар войны, в 1942 г., затем последовала подготовленная Издательским отделом и опубликованная в 1943 г. книга «Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну». В 1947 г. вышел сборник под названием «Патриарх Сергей и его духовное наследство».

В 50-х гг. ближайшим помощником председателя Издательского отдела митрополита Николая стал ответственный секретарь редакции А. В. Ведерников. Родом он был из крестьян Тверской губернии; в 20-х гг. получил высшее филологическое образование, учился в консерватории, самостоятельно изучал богословие, религиозную философию. В годы гонений на Церковь он оставался ее верным сыном, и уже в 1945 г. был привлечен к преподаванию в Богословском институте, потом в духовной академии. Вынужденный оставить академию, он полностью сосредоточился на редакторской и литературной деятельности в издательстве. Среди сотрудников Издательского отдела в 50-х гг. своей разносторонней блестящей эрудицией, знанием языков выделялся И. Н. Хибарин, его называли «живой энциклопедией». Весьма колоритным литературным сотрудником стал вернувшийся из эмиграции видный политический деятель А. Л. Казем-бек; в прошлом — вождь партии младороссов, интернированный немецкими властями во время второй мировой войны. Все номера «Журнала» проходили цензуру в Совете по делам Русской Православной Церкви; более того, существовала четко выработанная, но

«неписаная номенклатурная схема, которую каждый сотрудник репортажного отдела должен усвоить себе с самого начала и соблюдать строже заповедей Божиих. Например: меньше употреблять слово «духовенство». Лучше всего «причт», «клир». Крестный ход упоминать

только в пасхальных богослужебных хрониках. Можно упомянуть о чтении Евангелия. «Архиерей благословлял народ» — так нельзя. Колокольный звон упоминать только в хронике пасхальных служений. «Встреча старостой архиерея». Старосту не упоминать. Встречает настоятель и члены церковного совета. Можно упомянуть о мирянах»⁹⁰⁷.

Соблюдать эти неписанные правила внутренней самоцензуры было нелегко, придирки опытных редакторов, знающих «правила игры», порой смущали авторов статей, но это было необходимо для того, чтобы провести «Журнал» сквозь игольное ушко цензуры. Жертвой обид и упреков особенно часто становился секретарь редакции А. В. Ведерников, который брал на себя печальную обязанность редакционного цензора. Круг реальных литературных сотрудников журнала был значительно шире тех лиц, кому Совет по делам Русской Православной Церкви разрешал ставить свои подписи под статьями. По цензурным соображениям статьи часто подписывались фамилиями сотрудников редакции, а не их авторами. И все-таки, даже пройдя через драконовскую цензуру, покалеченный в Совете, «Журнал» оставался церковным изданием и вносил свой вклад в дело духовного просвещения.

С конца 1954 г. в «Журнале» растет число богословских и церковно-исторических статей, появляются и новые разделы — «Храмы и монастыри», «Из жизни автокефальных православных Церквей», «Библиография». Официальный и информационный материал оставлял в «Журнале» мало места для богословских публикаций. Это обстоятельство подвигло Московскую Патриархию обратиться в 1956 г. в Совет по делам Русской Православной Церкви с ходатайством о разрешении на издание «Богословских трудов». Необходимость такого издания мотивировалось тем, что «дело подготовки пастырских и научно-богословских кадров не может быть полноценным при отсутствии возможности печатать богословские труды наших профессоров. Это ясно не только для нас, но и для зарубежных христианских Церквей, с которыми Русская Православная Церковь вступает в оживленные отношения. Получая от них многочисленные издания богословских трудов, мы оказываемся в крайне затруднительном положении, не имея возможности отвечать им тем же. Такое положение становится тем более нетерпимым, что оно подает повод зарубежным Церквам обвинять Русскую Православную Церковь в беспомощности, чем наносится ущерб не только нашей Церкви, но и престижу нашего государства. Ссылаться же на наш единственный печатный орган, «Журнал Московской Патриархии», не приходится, так как он имеет официальный характер, ограниченный объем и богословские труды помещать не может». Далее следует просьба разрешить издавать сборник «Богословские труды» в объеме 20 печатных листов тиражом в 3000 экземпляров. Положительный ответ Патриархия получила только в 1959 г. Тираж «Богословских трудов» определили в 1500 экземпляров, что было крайне недостаточно на 100 млн. православных, по крайней мере треть из которых сохранила живую связь с Церковью, при этом почти 500 экземпляров высылались за границу.

«Богословские труды», выходявшие в среднем по одному номеру в год, представляют собой значительное явление в издательской и научно-богословской жизни Русской Церкви. Особенно большой интерес читателей привлекли те выпуски, где были помещены труды В. Н. Лосского (№ 8), протоиерея Александра Державина (№ 15—16), неизданные ранее богословские лекции священника Павла Флоренского (№ 9, 17), «Исповедь» Блаженного Августина (№ 19). В ряде выпусков помещены литургические труды Н. Д. Успенского, патрологические исследования архиепископа Михаила (Чуба), церковно-исторические и патрологические труды В. С. Вертоградова, Д. П. Огицкого, [К. Е. Скупата](#), архимандритов Георгия (Тертышникова), Макария (Веретенникова), археологические и библиографические статьи архимандрита Иннокентия (Просвирнина). В течение многих лет, до своей кончины в 1986 г., должность председателя редакционной коллегии сборника занимал митрополит Антоний (Мельников). Его преемником

стал митрополит Питирим (Нечаев).

Кроме «Журнала Московской Патриархии» Издательский отдел ежегодно выпускал настенные и настольные календари, начиная с 1953 г.— «Богослужебные указания». Этим ведала Богослужебно-календарная комиссия во главе с епископом [Афанасием \(Сахаровым\)](#), который, не имея возможности постоянно жить в Москве, всю эту требовавшую тщательности работу выполнял у себя в Петушках, потом во Владимире.

Издательский отдел изредка выпускал и книги. В 1956 г. был издан на русском и иностранных языках альбом под названием «Русская Православная Церковь, ее жизнь и деятельность». Важнейшим событием явилось предпринятое в 1956 г. первое после восстановления патриаршества издание Библии и отдельно Нового Завета с Псалтирью на русском языке. Библию напечатали в 25 000 экземпляров, из которых почти половину отправили за границу. Столь своеобразное распределение тиража, разумеется, было навязано Советом по делам Русской Православной Церкви. Выпущены были также [Молитвослов](#) и другие богослужебные книги.

Серьезным затруднением в церковно-издательской деятельности было отсутствие своей, церковной, типографии. В 1956 г. Патриархия опять просила Совет разрешить устроить типографию в Троице-Сергиевой лавре. Но положительного ответа на это ходатайство не последовало.

Самым значительным достижением церковного издательства, во главе которого с 1963 г. стоял епископ Волоколамский Питирим (Нечаев) (ныне митрополит), стало предпринятое в 1968 г. издание Библии тиражом в 40 000 экземпляров. В 1970 г. с матриц издания 1968 г. дополнительно напечатали еще 30 000 экземпляров Библии. Конечно, такой тираж в христианской стране, где Библия не печаталась 40 лет, был мизерным, но все-таки часть священнослужителей и верующих мирян сумела приобрести Библию и почитала это за великое счастье.

С 1971 г. Издательский отдел начал выпускать «Журнал Московской Патриархии» на английском языке, что способствовало лучшему ознакомлению зарубежной общественности с церковной ситуацией в России. В Киеве с послевоенных лет выходит на украинском языке ежемесячный журнал «Православный висник». Русская Православная Церковь имеет свои периодические издания также в Берлине, в Париже, Нью-Йорке, Будапеште, Эдмонте (Канада).

На Поместном Соборе 1988 г. председатель Издательского отдела митрополит Волоколамский Питирим сказал, что «Журнал Московской Патриархии» не отвечает требованиям, предъявляемым к нему временем и читателями. «Предстоит выработать новый подход к этому единственному пока в Русской Церкви массовому периодическому изданию, выполняющему функции и газеты, и журнала, вынужденного учитывать запросы и духовенства, и учащихся духовных школ, и мирян всех возрастных и образовательных уровней» ⁹⁰⁸. В 90-х гг. Издательский отдел приступил к изданию «Хроники», своего рода красочно оформленному официальному информационному бюллетеню. Освободившийся от текущей информации «Журнал Московской Патриархии» стал публиковать богословские, агиографические, исторические статьи, а также материалы по истории Русской Церкви в советский период. В это же время появились епархиальные периодические издания, журналы и газеты, издаваемые духовными школами, братствами, приходами. Особенно содержательны и популярны из новых церковных журналов «Христианское чтение», «Православная беседа», «Московские епархиальные ведомости», из газет — «Московский церковный вестник», «Православная Москва», «Радонеж».

Нормального церковного книгоиздательства в России в 70—80-х гг. практически не существовало. Правда, Издательский отдел продолжал выпускать богослужебные книги. Так, в

1978—1988 гг. в рамках юбилейных мероприятий издавались богослужебные Минеи. В подготовке Миней к публикации участвовали лучшие научные и литературные силы Церкви; большой вклад в осуществление этого издания внес знаток церковных архивов, библиограф и церковный историк архимандрит Иннокентий (Просвирнин), исполнявший обязанности заместителя председателя Издательского отдела. Весьма солидным изданием Московской Патриархии явилась составившая 8 томов «Настольная книга для священнослужителя», выходящая с конца 70-х до начала 90-х гг. В это же время вышли деяния Поместных Соборов 1971 и 1988 г., книга-альбом «Православная Церковь в России» (1982) и ряд других иллюстрированных изданий.

В 90-х гг. ситуация изменилась радикально: появились издательства при монастырях и братствах, возникли частные фирмы, специализирующиеся на выпуске православной религиозной литературы, в основном репринтов дореволюционных книг. Но уже существуют и такие издательства, которые вполне определили свою тематику. Например, издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преобразованное в конце 1996 г. в Церковно-научный Центр «Православная энциклопедия». Оно выпускает в основном церковно-историческую и богословскую литературу, в том числе и многотомную «Историю Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова). Одной из задач Центра является объединение усилий церковных и светских ученых в деле возрождения церковной науки. С этой целью и в ознаменование 2000-летия Рождества Христова Церковно-научный Центр готовится к изданию 25-томной «Православной богословской энциклопедии», потребность в которой Церковь ощутила еще 150 лет назад. Издательство Сретенского монастыря и Международный издательский центр православной литературы специализируются на богослужебной литературе, Оптиной пустыни — на житиях святых и подвижников благочестия, издательство Свято-Тихоновского богословского института — на истории Русской Православной Церкви советского периода.

Обстоятельства, связанные с изданием книг, порой изобилующих не только фактическими ошибками, но и вызывающие сомнение с вероучительной стороны, потребовали коренного реформирования организации и управления церковно-издательским делом. Эти актуальные вопросы весьма остро обсуждались на архиерейском Соборе 1994 г., где деятельность Издательского отдела Московской Патриархии подверглась жесткой критике. Более положительной была оценка деятельности Издательства Московской Патриархии, возглавляемого епископом Бронницким Тихоном (Емельяновым) на архиерейском Соборе 1997 г.

В 90-х гг. открылась возможность для священнослужителей проповедовать учение Христа, высказываться с церковных христианских позиций по вопросам, волнующим общество, в средствах массовой информации. Появились и религиозные радиостанции, например «Радонеж», и телепрограммы — «Месяцеслов» и «Канон». Религиозная тематика занимает значительное место в популярной телевизионной передаче «Русский дом».

Епархии Русской Православной Церкви

Список составлен в ЦНЦ «Православная энциклопедия» при участии А. С. Буевского по материалам: *Иоанн (Снычев)*, *изум.* Топография архиерейских кафедр Русской Православной Церкви периода с 1893 г. по июнь 1963 г. 2-е изд. Куйбышев, 1963 (машинопись); *он же.* Состав российской православной церковной иерархии за период 1962—1972 гг. Куйбышев, 1973; то же за 1973, 1975, 1976, 1977, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1986, 1988, 1990, 1991, 1992 гг. (машинопись); а также по материалам архива ОВЦС.

Россия

1995

Абаканская и Кызылская.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ и Холмогорская (1988—1995 А. и Мурманская).

Викариатство: Пинежское (1917—1920, 1925).

АСТРАХАНСКАЯ и Енотаевская (1917—1935 А. и Царевская; 1935—1949 А. и Сталинградская; 1949—1952 А. и Саратовская; 1952—1959 А. и Сталинградская).

Викариатство: Енотаевское (1917—1931).

1934—1937

Ачинская.

1930

БАРНАУЛЬСКАЯ и Алтайская (1930—1937 Б.; 1937 Б. и Бийская; 1938—1993 упразднена; восстановлена в 1994 г.).

Викариатство: Рубновское (1924—1931).

1933

БЕЛГОРОДСКАЯ и Старооскольская (1933—1934 Б.; 1942—1944 Б. и Грайворонская; 1945—1994 упразднена).

1919—1937

Бийско-Алтайская.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ и Тынденская (до 1935 г. Приамурская и Б.; 1936—1992 упразднена).

Викариатство: Хабаровское (1926—1933).

1934—1936

Боровичская.

1921

БРЯНСКАЯ и Севская (до 1945 г. Б.; 1946—1994 упразднена).

Викариатство: Новозыбковское (1922—1923).

1926—1957

Великолуцкая и Торопецкая.

1918—1937

Великоустюжская и Усть-Вымская.

ВЛАДИВОСТОКСКАЯ и Приморская (до 1918 г. В. и Камчатская; 1918—1932 Приморская и В.; 1946—1958 Хабаровская и В.; 1958—1989 упразднена).

Викариатства: Камчатское и Петропавловское (на правах самостоятельной, 1918—1920, 1928—1929); Никольско-Уссурийское (до 1932 г.); Охотское (1928—1932).

до 1922 г.

Владикавказская и Моздокская.

ВЛАДИМИРСКАЯ и Суздальская (1917—1922 В. и Шуйская).

Викариатства: Вязниковское (1921—1928); Иваново-Вознесенское (1923—1933);

Ковровское (1920—1925); Мстерское (1917—1933); Муромское (до 1933 г.); Переславское (до 1935 г.); Суздальское (до 1932 г.); Юрьево-Польское (до 1932 г.).

1925

ВОЛГОГРАДСКАЯ и Камышинская (1925—1959 Сталинградская и Астраханская; 1959—1989 упразднена).

ВОЛОГОДСКАЯ и Великоустюжская (до 1940 г. В. и Тотемская; 1940—1945 упразднена; 1945—1964 В. и Череповецкая; 1993—1994 В. и Тотемская).

Викариатства: Вельское (до 1927 г.); Никольское (1922—1933); Няндомское (1930—1931); Тотемское (1921—1922, 1927—1930).

ВОРОНЕЖСКАЯ и Липецкая (до 1945 г. В. и Задонская; 1945—1954 В. и Острогожская).

Викариатства: Бобровское (1921—1922); Богучарское (1921—1928, 1945—1950); Бутурлиновское (1924—1933); Валуйское (1920—1923); Задонское (1922—1923; с 1996 г.); Новохоперское (1924—1927); Острогожское (до 1926 г.); Россошанское (1928—1930); Уразовское (1925—1928).

1934—1935

Вышегородская.

ВЯТСКАЯ и Слободская (до 1921 г. В. и Глазовская; 1921—1937 В. и Слободская; 1937—1942 упразднена; 1942—1994 Кировская и Слободская).

Викариатства: Глазовское (до 1929 г.); Елабужское (1922—1925); Котельничское (1924—1933); Малмыжское (1934—1935); Нолинское (1928—1937); Слободское (1918—1920); Уржумское (1919—1931); Яранское (1920—1937).

1929—1937

Глазовско-Вятская.

до 1942 г.

Донская и Новочеркасская.

Викариатства: Аксайское (до 1928 г.); Каменское (ок. 1920 г.— 1933); Усть-Медведицкое (1921—1927).

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ и Верхотурская (1926—1943 Свердловская и Ирбитская; 1944—1947 Свердловская и Челябинская; 1947—1958 Свердловская и Ирбитская; 1958—1993 Свердловская и Курганская).

Викариатства: Златоустовское (1931—1938); Ирбитское (1932—1933); Кушвинское (единоверческое, 1923); Нижнетагильское (1923—1928); Шадринское (1923—1930).

1929—1937

Елецкая (1935—1937 Елецкая и Задонская).

ИВАНОВСКАЯ и Кинешемская (1929—1933 Иваново-Вознесенская; 1933—1946 И.; 1946—1947 И. и Шуйская).

1927

ИЖЕВСКАЯ и Удмуртская (до 1933 г. И. и Воткинская; 1934—1938 И. и Златоустовская; 1934—1938 И. и Воткинская; 1938—1944 упразднена; с 1944 г. И. и Удмуртская; в 1961—1988 гг. управлялась Казанским преосвященным).

Викариатство: Малмыжское (1924—1931).

ИРКУТСКАЯ и Ангарская (до 1943 г. И. и Верхоленская; 1943—1994 И. и Читинская).

Викариатства: Киренское (до 1928 г.); Нижнеудинское (1924—1929).

1993

ЙОШКАР-ОЛИНСКАЯ и Марийская.

1917—1919

Тифлисская и Бакинская (Кавказский экзархат).

Викариатство: Елисаветпольское.

КАЗАНСКАЯ и Татарстанская (до 1949 г. К. и Свияжская; 1949—1957 К. и Чистопольская; 1957—1993 К. и Марийская).

Викариатства: Бугульминское (1928—1930); Елабужское (1929—1934); Мамадышское (1920—1927, 1930—1934); Спасское (1923—1929); Чебоксарское (до 1930 г.); Чистопольское (до 1935 г.).

КАЛУЖСКАЯ и Боровская.

Викариатства: Боровское (1919—1924, 1930—1931); Малоярославецкое (1922—1927), Масальское (1921—1929); Сухиничское (1929—1931).

1993

КЕМЕРОВСКАЯ и Новокузнецкая.

КОСТРОМСКАЯ и Галичская.

Викариатства: Кинешемское (до 1936 г.); Нерехтское (1919—1920).

1926

КРАСНОДАРСКАЯ и Новороссийская (до 1994 г. К. и Кубанская).

Викариатства: Армавирское (1918—1926); Майкопское (1919—1927); Новороссийское (1955—1956).

КРАСНОЯРСКАЯ и Енисейская (до 1934 г. Енисейская и К.).

1943—1956

Кременецкая и Дубинская.

КРУТИЦКАЯ и Коломенская (до 1947 г. Крутицкая).

1929—1936

Кузнецкая (Куйбышевская обл.).

1925—1930, 1935—1937

Кунгурская.

1993

КУРГАНСКАЯ и Шадринская.

КУРСКАЯ и Рыльская (до 1954 г. К. и Обоянская; 1954—1967 К. и Белгородская).

Викариатства: Бежецкое (1921—1922); Белгородское (до 1933 г.; 1993—1995); Дмитриевское (1926—1927); Ливенское (1934—1935); Новооскольское (после 1917 г.— 1927); Рыльское (до 1935 г.).

1930—1937

Кустанайская (1935—1937 Актюбинская и Кустанайская).

1926—1936

Липецкая.

МАГАДАНСКАЯ и Чукотская (до 1990 г. М. и Камчатская).

1994

МАЙКОПСКАЯ и Армавирская.

1923—1937

Минусинская.

1933—1937

Моршанская.

МОСКОВСКАЯ.

Викариатства: Богородское (1921—1936); Бронницкое (1923—1927, 1934—1936, с 1996 г.); Верейское (1930—1993 упразднено); Волоколамское и Юрьевское (1937—1961 упразднено); Дмитровское; Егорьевское (1921—1936); Зарайское (с 1965 г.); Звенигородское (упразднено 1962—1974); Истринское (с 1990 г.); Каширское (1927—1936, с 1988 г.); Клинское (1921—1923;

с 1992 г.); Коломенское и Красногорское (с 1995 г.); Можайское; Одинцовское (с 1994 г.); Орехово-Зуевское (1926—1936; с 1988 г.); Подольское (1920—1971; с 1986 г.); Сергиевское (1921—1962); Серпуховское (1937—1977 упразднено); Солнечногорское (с 1980 г.).

1995

МУРМАНСКАЯ и Мончегорская.

НИЖЕГОРОДСКАЯ и Арзамасская (до 1932 г. Н. и Арзамасская; 1935—1990 Горьковская и Арзамасская).

Викариатства: Ардатовское (1922—1925); Арзамасское (1920—1939); Балахнинское (до 1927 г., с 1992 г.); Богородское (1929—1937); Василь-Сурское (1920—1922); Ветлужское (1922—1937); Городецкое (1927—1929); Керженское (единоверческое, 1922—1929); Краснобакинское (1926); Лукояновское (1919—1929), Лысковское (1943—1950), Макарьевское (1923—1931), Марийское (1927—1937); Муромское (1933—1937); Павловское (1920—1929); Печерское (1920—1926); Сергачевское (после 1917 г.—1937).

НОВГОРОДСКАЯ и Старорусская (1943—1957 Ленинградская и Н.).

Викариатства: Боровичское (1923—1934); Валдайское (1921—1927); Дерманское (1925—1937); Кирилловское (до 1934 г.); Крестецкое (1920—1923); Макарьевское (1923); Маловишерское (1922—1927); Старорусское (до 1937 г., 1956—1959); Тихвинское (до 1927 г.); Устюжнинское (1924—1930); Хутыньское (1926—1932); Череповецкое (1919—1934).

НОВОСИБИРСКАЯ и Бердская (до 1994 г. Н. и Барнаульская; 1994—1995 Н. и Томская).

Викариатства: Барнаульское (до 1930 г.); Бийское (1949—1957); Горноалтайское (1924—1925).

ОМСКАЯ и Тарская (до 1918 г. О. и Акмолинская; 1918—1937 О. и Павлодарская; 1937—1947 упразднена; 1947—1990 О. и Тюменская).

Викариатства: Петропавловское (до 1925 г.); Семипалатинское (до 1928 г.).

ОРЕНБУРГСКАЯ и Бузулукская (до 1937 г. О. и Тургайская; 1937—1945 упразднена).

Викариатства: Бугурусланское (1927—1937); Кустанайское (до 1930 г.); Орское (1923—1926); Челябинское (до 1918 г.).

ОРЛОВСКАЯ и Ливенская (до 1944 г. О. и Севская; 1945—1994 О. и Брянская).

Викариатства: Бежецкое (1921—1922); Болховское (1924—1932); Елецкое (до 1929 г.); Карачевское (1921—1924).

1935

Осинская (существовала год).

ПЕНЗЕНСКАЯ и Кузнецкая (до 1990 г. П. и Саранская).

Викариатства: Краснослободское (до 1928 г.); Мордовское и Саранское (1924—1937); Нижнедомовское (1923—1927).

ПЕРМСКАЯ и Соликамская (1918—1925 П. и Кунгурская).

Викариатства: Кудымкорское (1929—1931); Кунгурское (до 1925 г., 1925—1930 самостоятельная епархия, 1930—1935 викариатство, 1935—1937 самостоятельная епархия); Осинское (1924—1932); Оханское (1919—1927); Соликамское (до 1933 г.).

ПЕТРОЗАВОДСКАЯ и Олонецкая (до 1955 г. Олонецкая и П.; 1955—1990 упразднена; восстановлена в 1991 г. как П. и Олонецкая).

Викариатства: Вытегорское (1926); Каргопольское (до 1927 г.).

1925—1960

Петропавловская и Акмолинская (1933—1936 Петропавловская и Атбасарская; 1956—1957 викариатство Алмаатинской епархии; 1957—1960 самостоятельная Петропавловская и Кустанайская; в 1960 г. присоединена к Алмаатинской).

Викариатство: Акмолинское (1924—1929).

1993

Петропавловская и КАМЧАТСКАЯ.

1919—1933

Прикаспийская и Бакинская.

ПСКОВСКАЯ и Великолукская (до 1990 г. П. и Порховская).

Викариатства: Порховское (1918—1920, 1947—1949); Торопецкое (1926).

1922—1936

Пятигорская и Прикумская (1936—1937 Пятигорская и Буденовская).

РОСТОВСКАЯ и Новочеркасская (1918—1948 Р. и Таганрогская; 1949—1954 Р. и Новочеркасская; 1954—1957 Р. и Каменская).

Викариатства: Азовское (1927); Таганрогское (1925—1942).

1930—1942

Рыбинская.

РЯЗАНСКАЯ и Касимовская (до 1929 г. Р. и Зарайская; 1929—1944 Р. и Шацкая).

Викариатства: Ранненбургское (1924—1931); Скопинское (после 1917 г.— 1936); Спасо-Клепиковское (1925—1927).

САМАРСКАЯ и Сызранская (до 1935 г. С. и Ставропольская; 1935—1990 Куйбышевская и Сызранская).

Викариатства: Бугульминское (1923—1928); Бузулукское (1921—1934); Мелекесское (1922—1929).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ и Ладожская (1917—1924 Петроградская и Гдовская; 1924—1943 Ленинградская и Гдовская; 1943—1957 Ленинградская и Новгородская; 1957—1991 Ленинградская и Ладожская).

Викариатства: Выборгское (до 1962 г.); Гдовское (до 1927 г.); Детскосельское (1923—1927); Изборское (1949—1951); Колпинское (1924—1928); Копорское (1927—1928); Кронштадтское (до 1933 г.); Ладожское (до 1925 г.); Лодейнопольское (1929—1933), Лужское (1917—16.04.1962, с 16.09.1962); Нарвское (до 1927 г.); Охтенское (единоверческое, 1918—1920); Петергофское (1922, 1935—1940); Сестрорецкое (1924—1925); Старорусское (1954—1956); Таллинское (1950—1951); Тихвинское (с 1965 г.); Шлиссельбургское и Лодейнопольское (1923—1929); Ямбургское (Кенгисеппское) (до 1928 г.).

САРАНСКАЯ и Мордовская.

1918—1943

Сарапульская и Елабужская.

Викариатство: Воткинское (1924—1933); Елабужское (1925—1929); Ижевское (1921—1923); Малмыжское (1924—1931).

САРАТОВСКАЯ и Вольская (1917—1942 С. и Петровская; 1942—1945 С. и Сталинградская; 1942—1945 С. и Вольская; 1953 С. и Сталинградская; 1953—1954 С. и Вольская; 1954—1957 С. и Балашовская; 1957—1959 С. и Вольская; 1959—1961 С. и Сталинградская; 1961—1963 С. и Волгоградская).

Викариатства: Балашовское (1918—1933); Вольское (до 1936 г.); Камышинское (1928—1933); Петровское (1917—1918, 1923—1925, 1928); Покровское (1931—1940); Пугачевское (1931—1935); Сердобское (1923—1930); Царицынское (1918—1919).

1928—1955

Семипалатинская и Павлодарская (1928—1937 С. и Устькаменогорская).

СМОЛЕНСКАЯ и Калининградская (до 1965 г. С. и Дорогобужская; 1965—1989 С. и Вяземская).

Викариатство: Балтийское; Вяземское (1918—1955); Гжатское (1921—1927); Поречское

(1926—1927); Рославльское (1920—1935).

СТАВРОПОЛЬСКАЯ и Владикавказская (до 1918 г. С. и Екатеринодарская; 1918—1922 Кавказская и С.; 1922—1934 С. и Кубанская; 1935 С. и Донская; 1935—1943 упразднена; 1943—1945 С. и Пятигорская; 1945—1994 С. и Бакинская).

Викариатства: Александровское (до 1925 г.); Арзгирское (1923); Ейское (до 1933 г.); Кубанское и Екатеринодарское (до 1922 г.); Нижнечирское (1921—1924).

1929—1937

Старооскольская.

до 1957 г.

Сухумо-Абхазская.

1928—1937

Сызранская.

1995

СЫКТЫВКАРСКАЯ и Воркутинская.

ТАМБОВСКАЯ и Мичуринская (до 1936 г. Т. и Шацкая).

Викариатства: Кирсановское (1923—1926); Козловское (до 1930 г.); Моршанское (1923—1933); Темниковское (1923—1935); Шацкое (1923—1929).

ТВЕРСКАЯ и Кашинская (1928—1943 Калининская и Кашинская; 1943—1944 Калининская и Смоленская; 1944—1950 Калининская и Великолукская; 1950—1990 Калининская и Кашинская).

Викариатства: Бежецкое (1928—1937); Кашинское (1920—1924); Кимрское (1929—1936); Новоторжское (1920—1936); Осташковское (1920—1937); Ржевское (1930—1936); Старицкое (до 1926 г.).

ТОБОЛЬСКАЯ и Тюменская (до 1937 г. Т. и Сибирская; 1937—1990 управлялась преосвященным Омско-Тюменской кафедры).

Викариатства: Березовское (1917—1924); Курганское (1924—1934).

до 1937 г.

Томская и Алтайская.

Викариатства: Барнаульское (до 1927); Кузнецкое (1924—1929).

ТУЛЬСКАЯ и Белевская (1919—1920 Т. и Веневская; 1920—1944 Т. и Одоевская).

Викариатства: Белевское (1920—1937); Веневское (1928—1933); Епифанское (1920—1922); Ефремовское (1924—1929); Каширское (до 1926 г.); Новосильское (1920—1924).

УЛЬЯНОВСКАЯ и Мелекесская (до 1923 г. Симбирская и Сызранская; 1923—1944 У.; 1944—1959 У. и Мелекесская; 1959—1988 присоединена к Куйбышевской епархии).

Викариатства: Алатырское (до 1934 г.); Ибресинское (1924); Мелекесское (1929—1935); Сызранское (1923—1928).

УФИМСКАЯ и Стерлитамакская (до 1928 г. У. и Мензелинская; 1928—1944 У. и Давлекановская; 1945—1952 У. и Башкирская).

Викариатства: Аскинское (1923—1926); Байкинское (1923—1928); Белебеевское (1920—1937); Бирское (1922—1928); Давлекановское (1922—1928); Златоустовское (1917—1931); Мензелинское (1923—1924); Саткинское (единоверческое, после 1917 г.— 1937); Староуфимское (1922—1925); Стерлитамакское (1922—1929); Усть-Катавское (1925—1926).

1946

ХАБАРОВСКАЯ и Приамурская (1946—1958 Х. и Владивостокская; 1958—1988 присоединена к Иркутской епархии; 1988—1990 Х. и Владивостокская; 1990—1993 Х. и Благовещенская).

ЧЕБОКСАРСКАЯ и Чувашская.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ и Златоустовская (1918—1926 Ч. и Троицкая; 1926—1935 Ч. и Миасская; 1935—1947 упразднена; 1947—1960 Ч. и Златоустовская; 1960—1988 присоединена к Свердловской епархии).

Викариатства: Троицкое (1925—1931).

1934—1937

Череповецкая.

ЧИТИНСКАЯ и Забайкальская (до 1920 г. Забайкальская и Нерчинская; упразднена в 1937—1993 гг.; восстановлена в 1994 г.).

Викариатства: Селенгинское (до 1923 г.).

1995

ЭЛИСТИНСКАЯ и Калмыцкая.

1993

ЮЖНОСАХАЛИНСКАЯ и Курильская.

ЯКУТСКАЯ и Ленская (1937—1992 упразднена; 1993—1995 Я. и Вилюйская).

Викариатства: Колымское (1926—1928).

1927—1932

Ялуторовская (Тюменская обл.).

ЯРОСЛАВСКАЯ и Ростовская.

Викариатства: Любимское (1922—1928); Романовское (1921—1927); Ростовское (1920—1935); Рыбинское (до 1930 г.); Тутаевское (1930—1932); Угличское (до 1963 г.).

Украина

1994

БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ и Богуславская.

1933

ВИННИЦКАЯ и Могилев-Подольская (1933—1943 В.; 1943—1945 В. и Каменец-Подольская; 1945—1995 В. и Брацлавская).

1993

ГЛУХОВСКАЯ и Конотопская.

1994

ГОРЛОВСКАЯ и Славянская.

ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ и Криворожская (до 1921 г. Екатеринославская и Мариупольская; 1921—1925 Екатеринославская и Новомосковская; 1925—1992 Д. и Запорожская).

Викариатства: Александровское и Петропавловское (1917—1932); Бахмудское (Артемовское) (1921—1922); Криворожское (1928—1930); Мариупольское (1919—1924); Приазовское и Таганрогское (1917—1919).

ДОНЕЦКАЯ и Мариупольская (1945—1990 Д. и Ворошиловградская; 1990—1992 Д. и Луганская).

1946—1959

Дрогобычская и Самборская.

1940

ЖИТОМИРСКАЯ и Новоград-Волынская (до 1994 г. Ж. и Овручская).

1992

ЗАПОРОЖСКАЯ и Мелитопольская.

1946

ИВАНО-ФРАНКОВСКАЯ и Коломыйская (до 1957 г. Станиславская и Коломыйская).

КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКАЯ и Городокская (до 1945 г. Подольская и Брацлавская; 1945—1954 Подольская и Проскуровская; 1955—1992 Хмельницкая и К.-П.).

Викариатства: Балтское (до 1922 г.); Винницкое (до 1933 г.); Могилевское (1921—1922); Проскуровское (1921—1923, 1927—1932); Староконстантиновское и Изяславское (1922—1923); Ушицкое (после 1917 г.— 1922).

КИЕВСКАЯ и Галицкая.

Викариатства: Белоцерковское (1921—1924); Бершадское (1926—1930); Богуславское (1921—1926); Вышгородское (с 1997 г.); Звенигородское (1921—1923); Каневское (до 1933 г.); Новоград-Волыньское (1931—1937); Переяслав-Хмельницкое (с 1954 г.); Радомысльское и Чернобыльское (1923—1929); Сквирское (1925); Таращанское (1926—1928); Уманское (до 1990 г.); Черкасское (до 1932 г.); Чигиринское (до 1932 г.).

КИРОВОГРАДСКАЯ и Александрийская (1942—1943 К. и Николаевская; 1944—1946 викариатство Одесской епархии; 1947 К. и Чигиринская; 1947—1949 К. и Николаевская; 1949—1950 присоединена к Одесской епархии; 1950—1962 викариатство Одесской епархии; 1994—1995 К. и Новомиргородская).

ЛУГАНСКАЯ и Старобельская (1944—1945 Ворошиловградская).

Луцкая и **ВОЛЫНСКАЯ** (до 1922 г. В. и Житомирская; 1922—1923 В. и Кременецкая; 1923—1940 В. и Житомирская; 1940—1941 В. и Луцкая; 1941—1943 В. и Житомирская; 1944—1945 В. и Луцкая; 1945—1990 В. и Ровенская).

Викариатства: Бельничское (1923—1925); Бердичевское (1921—1922, 1941—1942); Владимиро-Волыньское (до 1943 г.); Камень-Каширское (1925—1935); Ковельское (1941—1942); Коростенское (1922—1931); Кременецкое (до 1934 г.); Луцкое (1922—1944); Острожское (до 1942 г.); Полонское (1923—1931).

ЛЬВОВСКАЯ и Дрогобычская (1941—1988 Л. и Тернопольская).

1945

МУКАЧЕВСКАЯ и Ужгородская.

1993

НИКОЛАЕВСКАЯ и Вознесенская.

1993

ОВРУЧСКАЯ и Коростенская.

Викариатство: Брусиловское.

ОДЕССКАЯ и Измаильская (1928—1944 Херсонская и О.; 1944—1946 Херсонская и Николаевская; 1946—1947 О. и Кировоградская; 1947 — после 1959 г. О. и Херсонская).

Викариатства: Ананьевское (1923—1924); Балтское (1957—1958); Белгород-Днестровское (1960—1961); Зиновьевское (1930—1931); Кировоградское (1944—1946; 1950—1962); Николаевское (до 1944 г.); Новомиргородское (до 1923 г.); Тираспольское (1921—1922).

ПОЛТАВСКАЯ и Кременчугская (до 1928 г. П. и Переяславская).

Викариатства: Лубенское (1920—1927); Переяславское (1922); Пирятинское (1925—1927); Прилукское (до 1928 г.); Роменское (1927—1931).

1990

Ровенская и **ОСТРОЖСКАЯ**.

Симферопольская и **КРЫМСКАЯ** (до 1928 г. Таврическая и Симферопольская; 1928—1936 К.; 1936—1944 упразднена).

Викариатство: Керченское (1924—1928); Мелитопольское (1923—1924); Севастопольское (до 1924 г.); Феодосийское (1921—1930); Ялтинское (1922—1927).

1945

СУМСКАЯ и Ахтырская.

1991

ТЕРНОПОЛЬСКАЯ и Кременецкая.

Викариатство: Почаевское.

1994

ТУЛЬЧИНСКАЯ и Брацлавская.

ХАРЬКОВСКАЯ и Богодуховская (до 1945 г. Х. и Ахтырская).

Викариатства: Андреевское (1925—1926); Волчанское (1918—1919); Лебединское (1917—1919); Старобельское (до 1924 г.); Сумское (до 1935 г.).

ХЕРСОНСКАЯ и Таврическая (до 1926 г. Х. и Одесская; 1927—1928 Х. и Николаевская; 1928—1944 Х. и Одесская; 1944—1946 Х. и Николаевская; 1946—1947 присоединена к Одесской и Кировоградской; 1947 — после 1959 г. Одесская и Х.).

Викариатства:; Елисаветградское (до 1926 г.).

1955

ХМЕЛЬНИЦКАЯ и Шепетовская (1955—1993 Х. и Каменец-Подольская).

1994

ХУСТСКАЯ и Виноградовская.

1992

ЧЕРКАССКАЯ и Каневская.

ЧЕРНИГОВСКАЯ и Нежинская (1932—1944 Ч. и Носовская).

Викариатства: Борзенское (после 1917 г.— до 1923 г.); Глуховское (1923—1925); Городнянское (1922—1927); Козелецкое (1924—1936); Конотопское (1923—1926); Нежинское (1944); Новгород-Северское (до 1926 г.); Сосницкое (1920—1922); Стародубское (до 1933 г.).

1941

ЧЕРНОВИЦКАЯ и Буковинская (до 1945 г. Ч. и Хотинская).

Белоруссия

БРЕСТСКАЯ и Кобринская (1943—1944 Полесская и Б.; в 1944 г. Б.; в 1949—1989 входила в Минскую епархию).

1992

ВИТЕБСКАЯ и Оршанская.

ГОМЕЛЬСКАЯ и Жлобинская.

ГРОДНЕНСКАЯ и Волковысская (до 1940 г. Г. и Брестская; 1940—1942 Г. и Барановичская; 1942—1943 Г. и Белостокская; 1945—1948 Г. и Барановичская; 1948—1950 Г. и Лидская; 1951—1955 Г. и Брестская; 1956—1995 упразднена).

Викариатства: Белостокское (до 1919 г.); Брестское (1941—1942).

МИНСКАЯ и Слуцкая (до 1928 г. М. и Туровская; 1928—1935 М.; 1941—1989 М. и Белорусская; 1990—1992 М. и Гродненская).

Викариатства: Бобруйское (1953—1961); Борисовское (1926—1927); Мозырское (1923—1928, 1942—1945); Пинское (1980—1989); Слуцкое (до 1927 г.); Туровское (1928—1931).

1989

МОГИЛЕВСКАЯ и Мстиславская.

Викариатства: Гомельское (до 1945 г.); Оршанское (1926—1927).

НОВОГРУДСКАЯ и Лидская.

ПИНСКАЯ и Лунинецкая (1918—1922 П. и Новогрудская; 1922—1942 Полесская и П.; 1945—1946 П. и Брестская; 1946—1949 П. и Лунинецкая; 1949—1950 П. и Полесская; 1950—1959 П. и Лунинецкая; 1959—1989 упразднена).

ПОЛОЦКАЯ и Глубокская (до 1935 г. П. и Витебская; 1936—1989 упразднена; 1989—1992 П. и Витебская).

Викариатства: Велижское (1923—1928); Двинское (1918).

ТУРОВСКАЯ и Мозырская.

Казахстан

АЛМААТИНСКАЯ и Семипалатинская (до 1927 г. Верненская; 1927—1937 А. и Туркестанская; 1937—1945 упразднена; 1945—1990 А. и Казахстанская).

Викариатства: Петропавловское (1956—1957); Пишпекское (1926—1929).

УРАЛЬСКАЯ и Гурьевская (1908—1926 У. и Николаевская; 1926—1932 У. и Покровская; 1933—1989 упразднена).

Викариатства: Пугачевское (1924—1931).

1990

ЧИМКЕНТСКАЯ и Акмелинская (1990—1993 Ч. и Целиноградская).

Среднеазиатские республики

ТАШКЕНТСКАЯ и Среднеазиатская (1923—1937 Туркестанская и Т.; 1937—1944 упразднена).

Викариатства: Семиреченское и Верненское (1917—1927); Пишпекское (1926—1929).

Молдова

1945—1955

Измаильская и Белградская.

КИШИНЕВСКАЯ и всей Молдовы (К. и Хотинская; К. и Бессарабская; К. и Молдавская).

Викариатства: Аккерманское (до 1919 г.); Дубоссарское (1995).

1921—1949

Тираспольская.

Латвия

1936—1943

Елгавская (б. Митавская).

РИЖСКАЯ и всей Латвии (Р. и Митавская; Р. и Латвийская).

Викариатства: Ревельское (до 1919 г.); Ерсийское; Модянское.

Литва

Виленская и ЛИТОВСКАЯ.

Викариатство: Ковенское (до 1944 г.).

Эстония

ТАЛЛИНСКАЯ и всей Эстонии (1950—1951 викариатство Ленинградской епархии; Т. и Эстонская).

Викариатства: Печерское (1920—1940).

СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ АМЕРИКА

до 1963 г.

Алеутская и Североамериканская (1963—1970 Нью-Йоркская и Алеутская).

Викариатства: Аляскинское (до 1970 г.); Аргентинское (1943—1952); Бруклинское (до 1970 г.); Вашингтонское и Аляскинское (1934—1939); Канадское (до 1920 г.); Питтсбургское (до 1918 г.); Филадельфийское (1968).

с 1948 г.

АРГЕНТИНСКАЯ и Южноамериканская (1948—1963 А.).

1947—1963

Нью-Йоркская.

1930—1958

Сан-Францисская и Калифорнийская.

1933—1954

Североамериканский экзархат.

1944—1954

Филадельфийская и Карпаторосская.

1956—1970

Эдмонтонская и Канадская.

1954—1970

Экзархат Северной и Южной Америки.

1970

Экзархат Центральной и Южной Америки.

ЯПОНИЯ

1969—1971

Киотоская.

1971—1990

Седнайская.

ТОКИЙСКАЯ и Японская (до 1941 г. Японская; 1947—1967 г.).

КИТАЙ

1946—1962

Восточноазиатский экзархат.

1918—1962

Пекинская и Тяньцзынская (Пекинская и Китайская).

Викариатства: Тяньшанское (1950); Ханькоуское (1920—1937); Шанхайское (1919—1964).

1920—1956

Харбинская (1931—1955 Харбинская и Маньчжурская).

Викариатства: Синьцзянское (1935—1941); Хайларское (1934, 1944—1946); Цицикарское (1941—1952).

ПОЛЬША

Варшавская (до 1923 г. Варшавская и Привисленская; 1923—1948 Варшавская и Вольнская).

Викариатства: Белостокское (до 1919 г.); Бельское (до 1922 г.); Люблинское (1922, 1933—1948).

до 1944 г.

Холмская и Люблинская.

ФИНЛЯНДИЯ

1945—1957

Гельсингфорская.

до 1957 г.

Карельская и Финляндская (до 1925 г. Финляндская и Выборгская).

Викариатство: Сортавальское (1923—1957).

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

7.09.1945—31.01.1990

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЭКЗАРХАТ.

Викариатство: Венское (июнь — октябрь 1946 г.).

1936

БРЮССЕЛЬСКАЯ и Бельгийская.

Викариатства: Роттердамское (1965—1972).

1972

Гаагская и НИДЕРЛАНДСКАЯ.

1953—1960

Клишійская.

1960

КОРСУНСКАЯ.

Викариатства: Медонское (1960—1968); Цюрихское (1971—1993).

1945—1946

Ниццкая.

1962

СУРОЖСКАЯ.

Викариатства: Керченское (1991); Сергиевское (1957).

1946—1948, 1960—1990

СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКИЙ ЭКЗАРХАТ.

1971—1992

Баденская и Баварская.

1924

БЕРЛИНСКАЯ и Германская (1960—1990 Б. и Среднеевропейская; 1990—1994 Б. и
Лейпцигская).

*Викариатства: Западногерманское (1966—1971); Лужское (июнь 1962 — ноябрь 1962),
Тегельское (1965—1966).*

1946

ВЕНСКАЯ и Австрийская (1949—1961 упразднена).

1970

СЕВЕРОГЕРМАНСКАЯ (1971—1992 Дюссельдорфская).

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

1946—1950

Восточнословацкая.

1950—1951

Михайловская.

1949—1951

Оломоуцко-Брненская.

1949—1951

Пражская.

1950—1951

Прешевская.

1946—1949

Чешско-Моравская.

Архиереи Русской Православной Церкви (1917—1997)

Список составлен в Церковно-научном Центре «Православная энциклопедия» по кн.: Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Erlangen, 1979—1989. 6 т.; Иоанн (Снычев). Топография архиерейских кафедр русской православной церкви периода с 1893 г. по июнь 1963 г. Куйбышев, 1963 (машинопись); Общий алфавитный список православных и раскольнических епархий 1917—1946 гг. // Губонин М. Е. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917—1943. М., 1994.; Иоанн (Снычев), митр. Состав Российской Православной Церковной иерархии. 1962—1994. Куйбышев; СПб., 1973—1994. Отсутствие данных о служении и гибели части епископата за 1920—1940-е гг. обусловлено современным состоянием исследования и публикации архивных материалов и следственных дел репрессированных священнослужителей. В наст. список не включены лица, получившие хиротонию в раскольничьих или схизматических группировках, а также в других православных Церквах (кроме случаев, когда они воссоединялись с Московской Патриархией). В данном списке приняты следующие специальные сокращения: Конст. П. — Константинопольский Патриархат; МП — Московская Патриархия; РПЦ — Русская Православная Церковь (Московский Патриархат); РПЦЗ — Русская Православная Церковь за рубежом (карловацкий раскол); ПАЦ — Польская Автокефальная Церковь (неканоническая до 22.06.1948).

- Тихон** (Белавин) с 13.08.1917 митр. Московский и Коломенский; с 21.11.1917 Патриарх Московский и всея России; с 16.05.1922 по 15.06.1923 в заключении; † 7.04.1925.
- Сергий** (Страгородский) с 10.08.1917 архиеп. Владимирский и Шуйский; с 28.11.1917 в сане митрополита; с 16.06.1922 в обновленческом расколе; 27.08.1923 принес публичное покаяние; с 18.03.1924 митр. Нижегородский; с 10.12.1925 Заместитель патриаршего Местоблюстителя; с 30.11.1926 в заключении; с 27.03.1927 вновь вступил в права Заместителя патриаршего Местоблюстителя; с 27.04.1934 Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский; с 11.09.1943 Патриарх Московский и всея Руси; † 15.05.1944.
- Алексий** (Симанский) 28.04.1913 хирот. во еп. Тихвинского, вик. Новгородской епархии; с февр. 1921 г. еп. Ямбургский, вик. Петроградской епархии; 1922–1925 в ссылке; с авг. 1926 г. архиеп. Хутынский; с 18.05.1932 митр. Старорусский; с 11.08.1933 митр. Новгородский; с 5.10.1933 митр. Ленинградский; с 1943 г. митр. Ленинградский и Новгородский; с 15.05.1944 патриарший Местоблюститель; с 4.02.1945 Патриарх Московский и всея Руси; † 17.04.1970.
- Пимен** (Извеков) 17.11.1957 хирот. во еп. Балтского, вик. Одесской епархии; с 26.11.1957 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 23.11.1960 в сане архиепископа; с 16.03.1961 архиеп. Тульский и Белевский; с 14.11.1961 митр. Ленинградский и Ладожский; с 9.10.1963 митр. Крутицкий и Коломенский; с 18.04.1970 патриарший Местоблюститель; с 2.06.1971 Патриарх Московский и всея Руси; † 3.05.1990.
- 3.09.1961 хирот. во еп. Таллинского и Эстонского; с 23.06.1964 в сане

- Алексий** (Ридигер) архиепископа; с 25.02.1968 в сане митрополита; с 29.07.1986 митр. Ленинградский и Новгородский, управ. Таллинской епархией; с 10.06.1990 Патриарх Московский и всея Руси.
- Аввакум** (Боровков) 28.11.1922 хирот. во еп. Старо-Уфимского, вик. Уфимской епархии; расстрелян 15.10.1937.
21.09.1923 хирот. во еп. Иваново-Вознесенского; с 1.10.1929 еп. Алмаатинский; с 1.04.1930 еп. Сызранский; с 1931 г. епархией не управ.; с 27.03.1934 еп. Калужский и Боровский; с 2.04.1936 в сане архиепископа; расстрелян 23.11.1937.
- Августин** (Беляев) 20.02.1992 хирот. во еп. Львовского и Дорогобычского.
- Августин** (Петерсон) 29.03.1936 хирот. в сане митрополита Рижского и всей Латвии; с 1940 г. епархией не управ.; с 1946 г. в юрисдикции РПЦЗ; † 4.10.1955.
в 1927 г. упом. как еп. Луганский, принадлежал к «григорианскому» расколу.
- Августин** с 27.06.1915 еп. Острожский, вик. Волынской епархии; с 1920 г. в сане архиепископа; с 1922 г. архиеп. Волынский и Житомирский; с 1929 г. в ссылке; расстрелян 27.11.1937.
- Авраамий** (Дернов) 3.09.1923 хирот. во еп. Уржумского; с кон. 1923 г. епархией не управ.; с 22.02.1929 еп. Глазовский; с 1931 г. на покое; с 9.05.1935 еп. Глазовский (вторично); с 7.01.1937 в сане архиепископа; † 1939 г. в заключении.
- Авраамий** (Чурилин) 22.02.1926 хирот. во еп. Сызранского, вик. Ульяновской епархии; с 19.09.1928 еп. Нолинский, вик. Вятской епархии; с 20.10.1928 еп. Скопинский, вик. Рязанской епархии; с 30.06.1930 на покое; с 16.09.1931 еп. Марийский, вик. Нижегородской епархии; с 8.05.1935 еп. Пензенский; с 8.06.1936 на покое; расстрелян 12.01.1938.
- Агапит** (Борзаковский) 12.12.1921 хирот. во еп. Дмитровского, вик. Московской епархии; с 15.11.1923 временно управлял Брянской епархией; с 25.05.1924 еп. Брянский; с 4.06.1930 еп. Стародубский; с 22.11.1933 еп. Новоторжский, вик. Калининской епархии; с 1934 г. в сане архиепископа; † 1938.
- Агапит** (Вишневецкий) с 4.10.1911 еп. Екатеринославский и Мариупольский; с 1918 г. в сане архиепископа; † 1924 [1925].
- Агафангел** (Преображенский) с 22.12.1913 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 1917 г. в сане митрополита; † 16.10.1928.
- Агафангел** (Саввин) 16.11.1975 хирот. во еп. Винницкого и Брацлавского; с 9.09.1981 в сане архиепископа; с 10.04.1989 в сане митрополита; с сент. 1991 г. на покое; с 1992 г. митр. Одесский и Измаильский.
- Агафодор** (Преображенский) с 6.05.1907 еп. Ставропольский; с 1918 г. в сане архиепископа; позже в сане митрополита; † 1920.
в 1922 г. хирот. во еп. Канадского; 27.07.1939 лишен сана; с 1944 г. восстановлен в сане архиепископа; в 1947 г. временно управ. Алеутской и Североамериканской епархией; с 1953 г. заместитель патриаршего экзарха в Америке; с 30.07.1954 на покое; † 29.04.1956.
- Адриан** (Анцыно- до 1922 г. хирот. во еп. Ушицкого, вик. Каменец-Подольской епархии; с

- Чекунский)** 1922 г. в обновленческом расколе.
- Александр (Белозер)** в 1925 г. хирот. во еп. Таганрогского, вик. Ростовской епархии; с 1930 г. еп. Барнаульский; † 1932.
- Александр (Виноградов)** 26.01.1947 хирот. во еп. Житомирского и Овручского; с 13.12.1949 на покое; † 19.11.1951.
- Александр (Иноземцев)** 4.06.1922 хирот. во еп. Люблинского; с кон. 1922 г. еп. Пинский и Полесский; с 1942 г. в «Автокефальной Украинской Церкви»; в 1944 г. эмигрировал в Германию; † 1948.
- Александр (Кудряшов)** 23.07.1989 хирот. во еп. Даугавпилского, вик. Рижской епархии; с 27.10.1990 еп. Рижский и Латвийский; с дек. 1992 г. еп. Рижский и всей Латвии; с 25.02.1994 в сане архиепископа.
- Александр (Малинин)** в 1928 г. хирот. во еп. Нолинского, вик. Вятской епархии; дальнейших сведений нет.
- Александр (Могилев)** 27.09.1989 хирот. во еп. Костромского и Галичского; с 25.02.1994 в сане архиепископа.
- Александр (Надеждин)** 04.03.1919 хирот. во еп. Кашинского, вик. Тверской епархии; с марта 1921 г. еп. Вологодский; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 15.07.1931 без покаяния.
- Александр (Немоловский)** с 6.07.1916 еп. Канадский; с 1918 г. еп. Алеутский и Североамериканский; с 1921 г. выехал в Константинополь, затем на Афон; с 11.12.1936 архиеп. Брюссельский и Бельгийский Конст. П.; с 1940 г. в немецкой тюрьме; с 1945 г. вернулся в МП и поставлен архиеп. Берлинским и Германским; с 16.11.1948 архиеп. Брюссельский и Бельгийский; с 28.11.1959 в сане митрополита; † 11.04.1960.
- Александр (Паулус)** в 1918 (18.12.1920) хирот. во еп. Порховского; с 1920 г. (1923) архиеп. Эстонский и Ревельский; в августе 1923 г. перешел в юрисдикцию Конст. П. и возведен в сан митрополита; 30.03.1941 возвратился в МП и был принят в сущем сане; в 1942 г. отпал в эстонскую схизму; в 1944 г. эмигрировал; † 18.10.1953.
- Александр (Петровский)** 30.10.1932 хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; с 25.08.1933 еп. Винницкий; с 20.05.1937 архиеп. Харьковский; с 1938 г. епархией не управ.; † 24.05.1940 в тюрьме.
- Александр (Похвалинский)** 26.06.1922 хирот. во еп. Павловского, вик. Нижегородского; с 26.09.1929 еп. Богородский, вик. Нижегородской епархии, временно управ. Нижегородской (Горьковской) епархией; с 2.10.1932 еп. Подольский, вик. Московской епархии; с 20.10.1932 еп., позже архиеп., Богородский, вик. Нижегородской епархии; с 11.02.1934 на покое; с 24.07.1937 в заключении.
- Александр (Раевский)** 26.01.1923 хирот. во еп. Севастопольского, вик. Таврической епархии; уклонился в обновленчество; в 1924 г. через покаяние принят в сущем сане; с 1924 г. еп. Керченский, временно управ. Таврической епархией; с 20.03.1928 еп. Рыльский; с 08.07.1930 еп. Кустанайский; с 06.01.1931 еп. Сухиничский, вик. Калужской епархии; с 25.09.1931 еп. Златоустовский, вик. Свердловской епархии; с 23.10.1932 еп. Каменский, вик. Донской епархии, временно управ. Донской епархией; с 16.02.1933 управ. Бакинской епархией; с 11.08.1933 еп. Елабужский; с 15.03.1934 еп.

Кустанайский; с 30.10.1935 еп. Актюбинский; с сент. 1936 г. еп. Петропавловский; с 16.10.1936 еп. Могилевский; с 3.09.1937 епархией не управ.

Александр
(Соколов) в 1921 хирот. в еп. Старорусского, вик. Новгородской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.

Александр
(Тимофеев) 14.10.1982 хирот. во еп. Дмитровского, вик. Московской епархии; с 9.09.1986 в сане архиепископа; с 12.08.1992 на покое; с 26.02.1994 архиеп. Майкопский и Армавирский; с 18.07.1995 архиеп. Саратовский и Вольский.

Александр
(Толстопятов) 21.08.1933 хирот. во еп. Алмаатинского; с 17.07.1936 на покое; с сентября 1943 еп. Молотовский и Соликамский; с 22.02.1945 в сане архиепископа; † 23.09.1945.

Александр
(Торопов) 21.09.1932 хирот. во еп. Кинешемского, вик. Костромской епархии; с 26.08.1935 еп. Юрьево-Польский, но на кафедре не был; с 24.09.1935 еп. Липецкий, вик. Орловской епархии; с 13.11.1935 по 23.01.1936 управ. Воронежской епархией; с 20.02.1936 еп. Рыбинский; с 20.12.1936 в заключении; расстрелян 9.10.1937.

Александр
(Трапицын) с 29.05.1912 еп. Вологодский и Тотемский, управ. епархией до 1921 г.; с 1928 г. архиеп. Самарский (Куйбышевский); с 1933 г. епархией не управ.; 5.02.1935–3.07.1935 еп. Пугачевский; расстрелян 14.01.1938.

Александр
(Чекановский) в 1921 г. хирот. во еп. Бердичевского, вик. Киевской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 1939 г. без покаяния.

Александр
(Щукин) 23.08.1923 хирот. во еп. Лысковского, вик. Нижегородской епархии; с 31.12.1931 еп. Болховский, вик. Орловской епархии; с 3.01.1934 в сане архиепископа; с 30.09.1935 архиеп. Курский, но в Курск не поехал; с 18.03.1936 архиеп. Ржевский, вик. Калининской епархии; с 5.06.1936 архиеп. Тульский; с сент. 1936 архиеп. Семипалатинский; в авг. 1937 г. арестован; расстрелян 30.10.1937.

Александр упом. после 1918 г. как еп. Сергачевский, вик. Нижегородской епархии; † ок. 1926 г.

Алексий
(Баженов) с 1917 г. еп. Елизаветградский, вик. Одесской епархии; с 1921 г. еп. Тираспольский, временно управ. Одесской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.

Алексий
(Бельковский) с 9.12.1909 еп. Великоустюжский, вик. Вологодской епархии; с 1924 г. на покое; † 1938.

Алексий (Буй) 19.12.1923 хирот. во еп. Велижского, вик. Полоцкой епархии; с 1924 г. еп. Петропавловский, вик. Омской епархии; с 1925 еп. Семипалатинский, вик. Омской епархии; 1926–1927 гг. еп. Мичуринский; 1927 г. еп. Шацкий; с дек. 1927 г. еп. Уразовский, вик. Воронежской епархии; в 1929 г. арестован; расстрелян 3.11.1937.

Алексий (Ван дер Менсбрюгге) 1.11.1960 хирот. во еп. Медонского, вик. экзарха РПЦ в Западной Европе; с 30.07.1968 еп. Филадельфийский, вик. Нью-Йоркской епархии; с 5.04.1970 в сане архиепископа; с 10.04.1970 на покое; с 1.12.1970 архиеп. Северогерманский; с 24.02.1971 архиеп. Дюссельдорфский; с 27.04.1979 на покое; † 27.01.1980.

8.05.1921 хирот. во еп. Звенигородского, вик. Киевской епархии; с 1923 г.

- Алексий**
(Готовцев) еп. Серпуховской, вик. Московской епархии; с февр. 1926 г. по апр. 1927 г. временно управ. Московской епархией; с апр. 1927 г. еп. Рыльский, вик. Курской епархии; с 1932 г. епархией не управ.; † 1936.
- Алексий**
(Громадский) 21.04.1922 хирот. во еп. Луцкого, вик. Волынской епархии; с 20.04.1923 еп. Гродненский; с 3.06.1926 в ПАЦ в сане архиепископа; с 15.04.1934 архиеп. Волынский; в 1940 г. возвратился в юрисдикцию МП; 8.05.1943 убит.
- Алексий**
(Дехтерев) 12.02.1950 хирот. во еп. Пряшевского; с 22.11.1955 временно управ. Виленской епархией; с 22.11.1956 еп. Виленский и Литовский; с 25.07.1957 в сане архиепископа; † 19.04.1959.
- Алексий**
(Дородницын) с 30.07.1914 архиеп. Владимирский; с 1917 г. епархией не управ.; с 1918 г. под запретом; † 1919, принеся покаяние.
- Алексий**
(Житецкий) 1.12.1919 хирот. во еп. Боровского, вик. Калужской епархии; † 17.10.1924.
- Алексий**
(Замараев) 9.11.1921 хирот. во еп. Бежицкого, вик. Орловской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Алексий**
(Коноплев) 21.07.1956 хирот. во еп. Пермского и Соликамского; с 14.03.1957 еп. Лужский, вик. Ленинградской епархии; с 14.11.1961 еп. Тульский и Белевский; с 25.02.1964 в сане архиепископа; с 27.01.1966 архиеп. Рижский и Латвийский; с 8.10.1966 архиеп. Краснодарский и Кубанский; с 19.04.1978 архиеп. Калининский и Кашинский; с 9.09.1981 в сане митрополита; † 7.10.1988.
- Алексий**
(Кузнецов) с 20.03.1917 еп. Сарапульский, вик. Вятской епархии; с 1918 г. еп. Сарапульский (правлящий); с 1927 г. в сане архиепископа; в 1931–1932 и в 1935 гг. временно управ. Свердловской епархии; с 22.11.1933 архиеп. Пензенский; с 27.03.1934 архиеп. Тобольский; с 14.05.1934 архиеп. Сарапульский, но в управ. вступил с 22.10.1935; в дек. 1937 г. арестован; расстрелян 9.01.1939.
- Алексий** (Кутепов) 1.12.1988 хирот. во еп. Зарайского, вик. Московской епархии; с 30.12.1988 в сане архиепископа; с 20.07.1990 архиеп. Алмаатинский и Казахстанский (с 30.01.1991 Алмаатинский и Семипалатинский).
- Алексий** (Орлов) 3.06.1923 хирот. во еп. Бугумильского, вик. Самарской епархии; с 1923 г. в обновленческом расколе; с 1924 г. после покаяния еп. Курганский; с 16.09.1937 еп. Мамалыжский, вик. Сарапульской епархии; с 11.02.1931 еп. Енотаевский; с 5.06.1931 еп. Сызранский; с 24.08.1931 еп. Омский; с 11.08.1933 в сане архиепископа; с авг. 1935 г. епархией не управ.
- Алексий**
(Палицын) 28.03.1926 хирот. во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с 1941 г. архиеп. Волоколамский; с 1942 г. архиеп. Куйбышевский и Сызранский; † 8.04.1952.
- Алексий**
(Пантелеев) 6.02.1927 хирот. во еп. Сан-Францисского; позднее еп. Аляскинский; с 1947 г. архиеп. Омский и Тарский (Омский и Тюменский); † 4.09.1948.
- 20.05.1935 хирот. во еп. Каширского; в 1936 г. еп. Серпуховской; с 5.08.1937 еп. Вологодский; с 16.08.1937 еп. Егорьевский, вик. Московской епархии; с 1.09.1937 еп. Ивановский; с 1938 г. в расколе; с 1939 г. запрещен в священнослужении и предан архиерейскому суду; с дек. 1940 г. прощен и назначен еп. Тульским; с 1941 г. архиеп. Кишиневский; с 1942 г. архиеп.

- Алексий** (Сергеев) Уфимский; с сент. 1942 г. архиеп. Рязанский; с 11.07.1943 управ. Калужской и Тульской епархиями; с мая 1944 г. архиеп. Ярославский; с 13.01.1941 архиеп. Курский и Белгородский; с 3.06.1948 архиеп. Челябинский и Златоустовский (указу не подчинился); с 2.07.1948 на покое; с 24.08.1948 архиеп. Челябинский и Златоустовский; с 17.03.1950 архиеп. Калининский и Кашинский; с 29.07.1954 на покое; с 14.03.1957 архиеп. Алмаатинский и Казахстанский; с 20.02.1958 на покое; † 6.04.1968.
- Алексий** (Фролов) 19.08.1995 хирот. во еп. Орехово-Зуевского, вик. Московской епархии.
- Алексий** в 1918 г. хирот. во еп. Волчанского; † 1919.
- Алипий** (Погребняк) 6.10.1991 хирот. во еп. Донецкого и Славянского; с 8.12.1992 на покое; с 29.07.1994 еп. Горловский и Славянский.
- Алипий** (Хотовицкий) 15.06.1958 хирот. во еп. Полтавского и Кременчугского; с 14.08.1961 еп. Днепропетровский; с 14.11.1961 еп. Полтавский и Кременчугский; с 30.03.1964 еп. Винницкий и Брацлавский; с 24.04.1966 в сане архиепископа; с 11.11.1975 на покое; † 30.05.1977.
- Амвросий** (Гудко) с 14.02.1914 еп. Сарапульский, вик. Вятской епархии; с 18.03.1917 на покое; расстрелян 4.08.1918.
- Амвросий** (Казанский) 2.02.1920 хирот. во еп. Кременецкого, вик. Волынской епархии; [?]; с 1929 г. еп. Мелекесский, вик. Ульяновской епархии; † 28.04.1933.
- Амвросий** (Либин) 1.07.1929 хирот. во еп. Лужского, вик. Ленинградской епархии; с 1.07.1936 сведений нет.
- Амвросий** (Полянский) 22.10.1918 хирот. во еп. Винницкого; с 1922 г. еп. Каменец-Подольский; в 1925 г. арестован; † 1931.
- с 1917 г. еп. Елецкий, вик. Орловской епархии; с 1921 г. еп. Брянский; с 1923 г. еп. Рязанский; с 15.11.1923 на покое; с 1925 г. еп. Сергиевский, вик. Московской епархии; с 25.04.1928 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 28.11.1928 архиеп. Вологодский; в 1931–1933 гг. епархией не управ.; с 26.05.1934 архиеп. Пугачевский, вик. Саратовской епархии; с 14.05.1934 архиеп. Муромский; с 12.11.1935 епархией не управ.; † в 1937 г. в заключении.
- Амвросий** (Сосновцев) 1918–1926 еп. Мстерский.
- Амвросий** (Щуров) 18.10.1977 хирот. во еп. Ивановского и Кинешемского; с 25.02.1991 в сане архиепископа.
- Амфилохий** (Скворцев) в 1922 г. хирот. во еп. Мелекесского, вик. Уфимской епархии; с 1923 г. епархией не управ.; с апр. 1928 г. еп. Донской и Новочеркасский; с 1929 г. еп. Енисейский и Красноярский; с 1930 г. самовольно покинул епархию; основал скит; расстрелян 1.09.1937.
- Анастасий** (Александров) с 1914 г. еп. Ямбургский, вик. Петроградской епархии; † 23.06.1918.
- Анастасий** (Грибановский) с 6.05.1916 архиеп. Кишиневский и Хотинский; с 1919 г. в эмиграции; в 1938–1964 гг. глава РПЦЗ; † 22.05.1965.
- Анастасий** (Меткин) 11.12.1988 хирот. во еп. Казанского и Марийского (с 11.07.1993 г. Казанский и Татарстанский); с 25.02.1996 в сане архиепископа.

- Анатолий** (Бусел) в 1948 г. хирот. во еп. Измаильского; с 27.12.1951 еп. Каменец-Подольский; † 10.03.1953.
- Анатолий** (Гладкий) 28.10.1993 хирот. во еп. Ровенского и Острожского; с 27.07.1995 еп. Глуховский и Конотопский.
- Анатолий** (Грисюк) с 11.07.1914 еп. Чистопольский, вик. Казанской епархии; с 1922 г. еп. Самарский и Ставропольский; 1924–1927 в Соловецком лагере; с 1928 г. архиеп. Одесский; с 21.10.1932 в сане митрополита; 1934–1935 управ. Харьковской епархией; в июле 1936 г. арестован; † 23.01.1938 в лагере.
- Анатолий** (Каменский) с 30.07.1914 еп. Томский и Алтайский; с 1923 г. еп. Иркутский; † 20.09.1925.
- Анатолий** (Кузнецов) 3.09.1972 хирот. во еп. Вилкенского и Литовского; с 3.09.1974 еп. Звенигородский, вик. Московской епархии; представитель РПЦ при Патриархе Антиохийском; с 16.11.1979 еп. Уфимский и Стерлитамакский; с 20.07.1990 еп. Керченский, вик. Сурожской епархии (Великобритания); с 25.02.1993 в сане архиепископа.
- Анатолий** (Соколов) 21.09.1919 хирот. во еп. Енотаевского, вик. Астраханской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Анатолий** упом. в 1927 г. как еп. Ибресинский, вик. Сибирской епархии; в «григорианском» расколе.
- Андрей** (Горак) 18.04.1990 хирот. во еп. Львовского и Дрогобычского; 14.07.1992 лишен сана.
- Андрей** (Комаров) 31.12.1923 хирот. во еп. Балашовского, вик. Саратовской епархии; 14.01.1924–6.03.1926 временно управ. Саратовской епархией; с 26.07.1926 еп. Новоторжский, вик. Тверской епархии; с 29.01.1928 еп. Петровский, вик. Саратовской епархии; с 12.11.1928 еп. Вильский, вик. Саратовской епархии; с 28.10.1929 временно управ. Астраханской епархией; с 13.10.1933 еп. Астраханский; с 3.01.1934 в сане архиепископа; с 27.04.1939 на покое; с 12.09.1941 архиеп. Куйбышевский и Сызранский; с 9.12.1941 архиеп. Саратовский; с 28.05.1942 архиеп. Горьковский и Арзамасский; с 13.06.1942 архиеп. Саратовский; с 26.08.1942 архиеп. Казанский, но на епархии с окт. 1944 г.; с 14.04.1944 архиеп. Днепропетровский и Запорожский; † 17.07.1955.
- Андрей** (Одинцов) с 1919 г. еп. Мариупольский, вик. Екатеринославской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Андрей** (Солнцев) 7.11.1932 хирот. во еп. Пугачевского, вик. Куйбышевской епархии; с 26.04.1934. еп. Чистопольский, вик. Казанской епархии; с 17.09.1935 еп. Сергачский, вик. Горьковской епархии; с 30.11.1935 еп. Бугурусланский; с 20.12.1936 еп. Рыбинский; † 12.01.1937.
- Андрей** (Сухенко) 25.02.1947 хирот. во еп. Черновицкого и Буковинского; с 9.02.1954 еп. Винницкий и Брацлавский; с 17.10.1955 еп. Черниговский и Нежинский; с 22.09.1956 в сане архиепископа; с 2.10.1961 на покое; с 16.12.1969 архиеп. Омский и Тюменский; с 2.02.1972 на покое; † 17.06.1973.
- Андрей** (Ухтомский) с 22.12.1913 еп. Уфимский и Мензелинский; 25.08.1925 перешел в старообрядчество; † 1944.
- Андроник** в 1926 г. хирот. во еп. Мамадышского, вик. Казанской епархии; †

- (Богословский)
Андроник
(Никольский) 26.01.1928.
с 1915 г. архиеп. Пермский и Соликамский; 20.06.1918 замучен.
- Антоний** (Блум) 30.11.1947 хирот. во еп. Сергиевского, вик. экзарха Московского Патриархата в Западной Европе; с 10.10.1962 архиеп. Сурожский; с 27.01.1966 в сане митрополита и экзарх Западной Европы; с 5.04.1974 освобожден от обязанностей Экзарха Западной Европы, с оставлением митр. Сухожским.
- Антоний**
(Быстров) с 17.01.1910 еп. Вельский, вик. Вологодской епархии; с 1921 г. еп., затем архиеп., Архангельский; † 16.07.1932 в тюрьме.
- Антоний**
(Вакарлик) 12.02.1965 хирот. во еп. Смоленского и Дорогобужского; с 7.10.1967 еп. Симферопольский и Крымский; с 31.05.1973 еп. Черниговский и Нежинский; с 6.09.1974 в сане архиепископа; с 25.02.1992 в сане митрополита.
- Антоний**
(Варжанский) 25.08.1963 хирот. во еп. Виленского и Литовского; с 25.08.1963 в сане архиепископа; † 27.05.1971.
- Антоний**
(Демянский) в 1921 г. хирот. во еп. Тихвинского, вик. Новгородской епархии; с 1927 г. сведения отсутствуют.
- Антоний**
(Завгородний) 25.06.1975 хирот. во еп. Ставропольского и Бакинского; с 9.09.1987 в сане архиепископа; † 4.12.1989.
- Антоний**
(Кротевич) 14.08.1944 хирот. во еп. Житомирского и Овручского; с 1946 г. еп. Костромской и Галичский; с 25.02.1952 в сане архиепископа; с 16.11.1953 на покое; с 9.02.1954 архиеп. Тульский и Белевский; с 16.03.1961 митр. Минский и Белорусский; с 5.07.1961 на покое; с 12.01.1962 митр. Орловский и Брянский; с 28.05.1963 на покое; с 30.03.1964 митр. Ивановский и Кинешемский; с 27.01.1966 митр. Тульский и Белевский; с 7.07.1966 на покое; с 28.11.1968 митр. Тамбовский и Мичуринский; с 8.07.1970 на покое; † 21.11.1973.
- Антоний**
(Марценко) в 1925 г. хирот. во еп. Камень-Каширский; с 1935 г. еп. Гродненский; с 1937 г. на покое; 1941–1944 еп. Херсонский и Одесский; с 1946 г. после покаяния архиеп. Орловский и Брянский; в том же году архиеп. Тульский и Белевский; с 1.04.1952 епархией не управ.; † 1952.
- Антоний**
(Масендич) 19.03.1994 хирот. во еп. Барнаульского и Алтайского.
- Антоний**
(Мельников) 31.05.1964 хирот. во еп. Белгород-Днестровского, вик. Одесской епархии; с 25.05.1965 еп. Минский и Белорусский; с 9.10.1965 в сане архиепископа; 9.09.1975 в сане митрополита; с 10.10.1978 митр. Ленинградский и Новгородский; † 29.05.1986.
- Антоний**
(Миловидов) 6.06.1925 хирот. во еп. Усть-Катаевского, вик. Уфимской епархии; с 1925 г. еп. Троицкий, вик. Челябинской епархии; с 25.04.1926 перешел в старообрядчество; с 1927 г. после покаяния вновь еп. Троицкий, вик. Челябинской епархии; с 27.04.1928 еп. Бугумильский, вик. Казанской епархии; с 16.06.1932 еп. Енисейский и Красноярский; с 3.05.1934 еп. Ачинский; с 9.09.1935 еп. Омский; в нояб. 1936 г. арестован; дальнейшие сведения отсутствуют.

- Антоний**
(Москаленко) 13.10.1985 хирот. во еп. Переяслав-Хмельницкого, вик. Киевской епархии; с 30.12.1986 еп. Черновицкий и Буковинский; с 1990 г. на покое; с 31.01.1990 еп. Уральский и Гурьевский; с 25.02.1997 в сане архиепископа.
- Антоний**
(Панкеев) 27.08.1924 хирот. во еп. Мариупольского, вик. Днепропетровской епархии; с 21.11.1933 еп. Белгородский; расстрелян 1.06.1938.
- Антоний**
(Пельвецкий) 24.02.1946 хирот. во еп. Станиславско-Коломыйского; † 3.02.1957.
- Антоний**
(Покровский) 29.09.1930 хирот. во еп. Аляскинского; с 1934 еп. Аляскинский и Вашингтонский, вик. экзарха Патриарха Московского в Америке; с 1938 г. в сане архиепископа; † 19.04.1939.
- Антоний**
(Романовский) 17.11.1924 хирот. во еп. Ереванского, вик. Сухумской епархии; с 1927 г. на покое; с 27.02.1929 еп. Донской; с 1931 г. епархией не управ.; с 1935 г. еп. Ставропольский и Донской; 08.12.1935–15.01.1937 временно управ. Сталинградской епархией; с 1937 г. на покое; с 14.09.1943 архиеп. Ставропольский и Пятигорский; с мая 1945 г. архиеп. Ставропольский и Бакинский; с 25.02.1962 в сане митрополита; † 7.11.1962.
- Антоний** (Фиалко) 27.07.1992 хирот. во еп. Переяслав-Хмельницкого, вик. Киевской епархии; с 1993 г. еп. Хмельницкий и Шепетовский.
- Антоний**
(Флоренсов) с 11.02.1898 на покое (б. еп. Вологодский); † 20.02.1918 .
- Антоний**
(Храповицкий) с 16.08.1917 архиеп. Харьковский и Ахтырский; с 28.11.1917 в сане митрополита; с 30.05.1918 митр. Киевский и Галицкий; с 1919 г. в эмиграции; глава РПЦЗ; 22.06.1934 Синодом РПЦЗ запрещен в священнослужении; † 10.08.1936.
- Антоний**
(Черемисов) 22.04.1989 хирот. во еп. Виленского и Литовского; с 26.01.1990 еп. Тобольский и Тюменский; с 20.07.1990 еп. Красноярский и Енисейский.
- Антонин**
(Грановский) с 5.01.1917 на покое; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 14.01.1927 без покаяния.
- Аполлинарий**
(Кошевой) 22.10.1917 хирот. во еп. Рыльского, вик. Курской епархии; с 1918 г. еп. Белгородский, вик. Курской епархии; с 1919 г. в эмиграции; с 31.8.1921 управ. Североамериканской епархией; с 1927 г. еп. Североамериканский и Сан-Францисский; с 14.05.1929 в сане архиепископа; † 19.06.1933.
- Аполлос**
(Ржаницын) 19.12.1927 хирот. во еп. Тотемского, вик. Вологодской епархии; с 11.08.1931 еп. Архангельский; с 2.02.1937 еп. Моршанский; с 26.08.1937 еп. Тульский; дальнейшие сведения отсутствуют.
- Аристарх**
(Николаевский) 1.03.1920 хирот. во еп. Оренбургского; 1922–1923 в ссылке в Нарымском крае; с 12.01.1924 в сане архиепископа; с 1924 г. архиеп. Тамбовский; с авг. 1924 г. архиеп. Свердловский; с дек. 1924 г. архиеп. Пензенский; с 10.10.1925 г. архиеп. Курганский; с дек. 1925 г. архиеп. Челябинский; с 14.05.1926 г. архиеп. Оренбургский; с 1927 г. архиеп. Уфимский; с 1928 г. архиеп. Фрунзенский; с 1930 г. архиеп. Калужский; с нояб. 1930 г. на покое; с 29.08.1931 архиеп. Боровичский, вик. Новгородской епархии; с 9.08.1933 епархией не управ.; с нояб. 1933 г. архиеп. Сарапульский; с 14.12.1937 уволен за штат; дальнейшие сведения отсутствуют.
- Аристарх** 29.07.1990 хирот. во еп. Гомельского и Мозырского; с 1992 г. еп.

- (Станкевич)**
Аркадий
(Афонин) Гомельский и Жлобинский.
21.04.1991 хирот. во еп. Магаданского и Камчатского; с 22.02.1993 еп. Южно-Сахалинский и Курильский.
17.03.1924 хирот. во еп. Кунгурского, вик. Пермской епархии; с 23.01.1929 еп. Омский; с 23.10.1930 еп. Чебоксарский; с 27.05.1931 на покое; с 30.09.1935 еп. Мелекесский, управ. Ульяновской епархией; с 22.10.1935 на покое; расстрелян 3.11.1937.
- Аркадий**
(Остальский) 15.09.1926 хирот. во еп. Лубенского, вик. Полтавской епархии, епархией не управ., был в ссылке; в 1937 г. назначен на Бежецкую кафедру, но назначения не принял; расстрелян 29.12.1937.
- Арсений**
(Денисов) 19.09.1927 хирот. во еп. Марийского, вик. Нижегородской епархии; в 1928–1929 гг. еп. Ефремовский, вик. Тульской епархии; с марта 1931 г. еп. Каширский, вик. Московской епархии; с дек. 1931 епархией не управ.
с 8.06.1914 еп. Серпуховской, вик. Московской епархии; с 1931 г. под арестом и в ссылке; расстрелян 27.09.1937.
- Арсений**
(Епифанов) 5.10.1989 хирот. во еп. Ладожского, вик. Ленинградской епархии; с 20.07.1990 еп. Истринский, вик. Московской епархии; с 25.02.1997 в сане архиепископа.
- Арсений**
(Крылов) 26.08.1945 хирот. во еп. Калининского и Великолуцкого; с 17.03.1950 еп. Уфимский и Башкирский (с 31.07.1952 Уфимский и Стерлитамакский); с 17.11.1953 еп. Черниговский и Нежинский; с 29.07.1954 на покое; с 11.11.1954 еп. Костромской и Галичский; с 17.09.1956 на покое; † 26.05.1962.
с 7.09.1917 еп. Приазовский и Таганрогский, вик. Екатеринославской епархии; с 1918 г. управ. Ростовской епархией; 1920–1922 еп. Ростовский (на Дону); с 6.06.1925 управ. Минской епархией; с 1.11.1927 архиеп. Ставропольский; с 25.11.1927 архиеп. Сталинградский; с 25.06.1930 архиеп. Крымский; с 27.07.1932 на покое; с 17.09.1935 назначен архиеп. Семипалатинским, но назначения не принял по болезни; † 19.12.1937.
- Арсений**
(Смоленец) 27.08.1924 хирот. во еп. Прикаспийского и Бакинского; управ. епархией до 1928 г.; с 30.12.1931 еп. Оренбургский; с 8.10.1936 епархией не управ.; с 22.05.1937 на покое; дальнейших сведений нет.
- Арсений**
(Стадницкий) с 29.11.1917 митр. Новгородский и Старорусский; 1922–1923 в ссылке; с 11.08.1933 митр. Ташкентский; † в янв. 1937 г.
- Арсений**
(Чеговец) в 1918 г. хирот. во еп. Канадского; управ. епархией до 1920 г.; † до 1925 г.
30.07.1917 хирот. во еп. Лужского, вик. Петроградской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе; 4.12.1923 принес покаяние, принят в сущем сане, но к управ. не допущен; с 19.05.1928 еп. Олонецкий; с 3.04.1930 еп. Тобольский; с 7.01.1937 в сане архиепископа; дальнейшие сведения отсутствуют.
- Артеми**
(Ильинский)
- Артеми**
(Кищенко) 4.02.1996 хирот. во еп. Гродненского и Волковысского.
- Артем** 28.03.1932 хирот. во еп. Петропавловского, вик. Омской епархии; с 11.07.1933 еп. Бугурусланский, вик. Самарской епархии; с 30.09.1935 еп.

- (Евстратов) Елецкий, вик. Орловской епархии; с 19.10.1935 еп. Орловский; с 1937 г. достоверных сведений нет.
- Афанасий**
(Кудюк) 31.08.1980 хирот. во еп. Пинского, вик. Минской епархии; с 28.03.1984 еп. Пермский и Соликамский; с 25.02.1995 в сане архиепископа.
- Афанасий**
(Малинин) 8.11.1920 хирот. во еп. Чебоксарского, вик. Казанской епархии; с 3.09.1923 еп. Спасский, вик. Казанской епархии; с апр. 1926 г. еп. Чебоксарский, вик. Казанской епархии; с 24.04.1929 в сане архиепископа; с 1930 г. архиеп. Казанский и Свияжский; с 23.03.1933 архиеп. Ташкентский; с 11.08.1933 архиеп. Саратовский; с 30.09.1935 епархией не управ.; † 14.05.1939 в ссылке.
- Афанасий**
(Молчановский) в 1925 г. хирот. во еп. Сквирского, вик. Киевской епархии; дальнейших достоверных сведений нет.
- Афанасий**
(Сахаров) 17.06.1921 хирот. во еп. Ковровского, вик. Владимирской епархии; многократно арестовывался, ссылался в лагеря; † 15.10.1962.
- Боголеп** (Анцух) 9.11.1963 хирот. во еп. Мукачевского и Ужгородского; с 5.02.1965 еп. Переяслав-Хмельницкий, вик. Киевской епархии; 25.05.1965 еп. Кировоградский и Николаевский; с 9.09.1974 в сане архиепископа; с 6.10.1977 на покое; † 13.05.1978.
- Борис** (Вик) 2.04.1944 хирот. во еп. Нежинского, вик. Черниговской епархии; с апр. 1945 г. еп. Черниговский и Нежинский; с 13.01.1947 еп. Саратовский и Вольский; с 4.03.1949 еп. Чкаловский и Бузулукский; с 26.09.1950 еп. Берлинский и Германский; с 24.10.1951 в сане архиепископа; с 11.11.1954 архиеп. Алеутский и Североамериканский, экзарх Северной и Южной Америки; с 25.02.1956 архиеп. Херсонский и Одесский; с 25.02.1959 в сане митрополита (экзарх Северной и Южной Америки до 16.06.1962); † 16.04.1965.
- Борис**
(Воскобойников) 7.03.1936 хирот. во еп. Кинешемского, вик. Костромской епархии; с 1.07.1936 еп. Ивановский; расстрелян 6.12.1937.
- Борис**
(Лентовский) в 1921–1922 гг. хирот. во еп. Пензенского и Саранского; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 1931 г. без покаяния.
- Борис** (Рукин) 17.11.1923 хирот. во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с дек. 1925 г. в «григорианском» расколе; в 1934 г. покончил с собой, покаяния не приносил.
- Борис** (Скворцов) 21.02.1965 хирот. во еп. Рязанского и Касимовского; † 11.08.1972.
- Борис** (Соколов) в 1919 г. хирот. во еп. Рыбинского, вик. Ярославской епархии; с 1923 г. еп. Рязанский и Зарайский; † 21.02.1928.
- Борис** (Шипулин) с 12.02.1915 еп. Чебоксарский, вик. Казанской епархии; с 1918 г. еп. Киренский, вик. Иркутской епархии; с 1921 г. еп. Уфимский; с 1927 г. в сане архиепископа; с 15.09.1927 архиеп. Тульский; 1927–1934 епархией не управ.; с 8.05.1935 архиеп. Томский; с 27.05.1935 епархией не управ.; с 28.02.1936 архиеп. Ташкентский; † 1937.
- Вадим** (Лазебный) 4.02.1990 хирот. во еп. Иркутского и Читинского (с 21.04.1994 г. Иркутский и Ангарский).
- 25.07.1976 хирот. во еп. Уфимского и Стерлитамакского; с 16.11.1979 еп.

- Валентин**
(Мищук) Звенигородский, вик. Московской епархии; представитель РПЦ при Патриархе Антиохийском; с 26.06.1985 еп. Тамбовский и Мичуринский; с 12.05.1987 еп. Владимирский и Суздальский; с 30.12.1988 в сане архиепископа; с 27.10.1990 архиеп. Корсунский; с 19.02.1992 архиеп. Гродненский и Волковысский; с 26.02.1994 архиеп. Бакинский, вик. Ставропольской епархии; с 18.07.1995 на покое.
- Валериан** (Рудич) 25.05.1921 хирот. во еп. Проскуровского, вик. Подольской епархии; с 16.09.1923 еп. Ржевский, вик. Тверской епархии; с 4.03.1924 еп. Смоленский; с 1924 г. в заключении; с 28.04.1928 еп. Рославльский, вик. Смоленской епархии; с 11.05.1928 еп. Шадринский, вик. Пермской епархии; с 30.04.1930 еп. Ржевский; с 29.10.1930 еп. Бакинский; с 16.09.1931 еп. Кирилловский; с янв. 1934 в ссылке; дальнейших достоверных сведений нет.
- Варлаам**
(Борисевич) 13.05.1945 хирот. во еп. Винницкого и Брацлавского; с янв. 1946 г. еп. Волынский и Ровенский; с 3.06.1948 еп. Каменец-Подольский и Проскуровский; с 27.12.1951 еп. Измаильский и Болградский; с 1.02.1955 еп. Хмельницкий и Каменец-Подольский; с 5.09.1956 еп. Мукачешский и Ужгородский; с 25.02.1957 в сане архиепископа; с 5.07.1961 архиеп. Минский и Белорусский; с 5.08.1963 на покое; † 9.05.1975.
- Варлаам**
(Ильюшенко) 22.10.1972 еп. Переяслав-Хмельницкий, вик. Киевской епархии; с 18.03.1977 еп. Черновицкий и Буковинский; с 30.12.1986 еп. Волынский и Ровенский; с 9.09.1987 в сане архиепископа; † 17.09.1990.
- Варлаам** (Козуля) в 1926 г. тайно хирот. во еп. Бершадского; в 1928 г. управ. Винницкой епархией; 1931–1934 епархией не управ.; с 27.03.1934 еп. Златоустовский, вик. Свердловской епархии; с 23.08.1934 еп. Сарапульский, вик. Кировской епархии; с 17.01.1935 еп. Осинский, вик. Молотовской епархии; с 27.05.1935 еп. Марийский, вик. Горьковской епархии; с 29.01.1937 еп. Сызранский; с 23.05.1937 еп. Оренбургский и Тургайский; расстрелян 10.10.1937.
- Варлаам**
(Лазаренко) упом. после 1917 г. как еп. Лебединский; с 1919 г. еп. Майкопский, вик. Кубанской епархии; с 1927 г. на покое.
- Варлаам**
(Новгородский) 18.06.1919 хирот. во еп. Соликамского, вик. Пермской епархии.
- Варлаам**
(Пикалов) 9.05.1921 хирот. во еп. Новосильского, вик. Тульской епархии; с 24.08.1924 еп. Ефремовский, вик. Тульской епархии; с 11.03.1925 еп. Каширский, вик. Тульской епархии; с 4.11.1926 на покое; с 25.07.1935 еп. Рыбинский; с 8.03.1936 в сане архиепископа; 1942–1943 архиеп. Свердловский; с июля 1943 г. на покое; † в июне 1947 г.
- Варлаам**
(Ряшенцев) с 13.01.1913 еп. Гомельский, вик. Могилевской епархии; с 3.09.1923 еп. Псковский и Порховский; с 13.07.1927 еп. Пермский; с 11.11.1927 на покое; в 1929 г. арестован; † 20.02.1942 г. в лагере.
- Варнава** (Беляев) 16.02.1920 хирот. во еп. Печерского, вик. Нижегородской епархии; с 1922 г. на покое; с мая 1933 по май 1936 г. в заключении; на епархию не вернулся; † 16.05.1963.
- Варнава** (Кедров) 30.11.1976 хирот. во еп. Чебоксарского и Чувашского; с 9.09.1984 в сане архиепископа.

- Варнава**
(Накропин) с 7.03.1917 на покое (б. архиеп. Тобольский и Сибирский); † 13.04.1924.
- Варсонофий**
(Вихвелин) с 13.11.1913 еп. Каргопольский, вик. Олонецкой епархии; с 1922 г. еп. Никольский, вик. Вологодской епархии; с 1924 г. на покое; † 6.08.1934 в ссылке.
- Варсонофий**
(Гриневич) 30.12.1945 хирот. во еп. Гродненского и Барановичского; с 18.11.1948 еп. Семипалатинский и Павлодарский; с 31.10.1950 еп. Чкаловский и Бузулукский; с 16.11.1953 на покое; с 29.07.1954 еп. Калининский и Кашинский; с февр. 1956 г. в сане архиепископа; † 13.03.1958.
- Варсонофий**
(Лебедев) 8.01.1917 хирот. во еп. Кирилловского, вик. Новгородской епархии; расстрелян 15.09.1918.
- Варсонофий**
(Лузин) 12.04.1926 хирот. во еп. Спасского, вик. Казанской епархии; с 24.04.1929 управ. Иркутской епархией; с 25.07.1930 еп. Владивостокский; расстрелян 9.09.1937.
- Варсонофий**
(Судаков) 8.02.1991 хирот. во еп. Саранского и Мордовского.
- Варфоломей**
(Ващук) 24.02.1990 хирот. во еп. Вольнского и Ровенского; с 10.04.1990 еп. Вольнский и Луцкий; с 1992 г. еп. Николаевский и Вознесенский; с 1993 г. еп. Сумской и Ахтырский; с 27.07.1995 еп. Ровенский и Острожский; с 23.11.1995 в сане архиепископа.
- Варфоломей**
(Гондаровский) 26.05.1963 хирот. во еп. Угличского, вик. Ярославской епархии; с 29.05.1963 еп. Саратовский и Волгоградский; с 22.12.1964 еп. Венский и Австрийский; с 7.07.1966 еп. Тульский и Белевский; с 20.03.1969 еп. Кишиневский и Молдавский; с 11.10.1972 еп. Ташкентский и Среднеазиатский; с 9.09.1973 в сане архиепископа; с сент. 1987 г. архиеп. Орловский и Брянский; † 21.03.1988.
- Варфоломей**
(Городцов) 18.05.1942 хирот. во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с 19.05.1942 в сане архиепископа; с 26.02.1943 архиеп. Новосибирский и Барнаульский; с 10.07.1947 управ. Владивостокской епархией; с 24.04.1949 в сане митрополита; † 1.06.1956.
- Варфоломей**
(Ремов) 28.07.1921 хирот. во еп. Сергиевского, вик. Московской епархии; с 9.07.1934 в сане архиепископа; 17.06.1935 приговорен к расстрелу.
- Василий** (Беляев) 29.06.1925 хирот. во еп. Спасо-Клепиковского, вик. Рязанской епархии; 1927–1929 еп. Елецкий, вик. Орловской епархии; в 1931 г. еп. Бутурлинский; † после 1931 г.
- Василий**
(Богдашевский) с 6.08.1914 еп. Каневский, вик. Киевской епархии; с 1925 г. в сане архиепископа; † 25.02.1933.
- Василий**
(Богоявленский) с 5.10.1916 архиеп. Черниговский и Нежинский; замучен 27.08.1918.
- Василий**
(Васильцев) 1.10.1989 хирот. во еп. Кировоградского и Николаевского; с 1992 г. еп. Кировоградский и Новомиргородский; с 28.07.1994 в сане архиепископа; с 27.12.1994 архиеп. Кировоградский и Александровский.
- 16.08.1924 хирот. во еп. Горно-Алтайского, вик. Новосибирской епархии; в 1925 г. еп. Пинежский, вик. Архангельской епархии; 1925–1926 еп.

- Василий**
(Дохтуров) Яранский, вик. Вятской епархии; в 1926 г. еп. Вытегорский, вик. Олонецкой епархии; в 1927 г. еп. Каргопольский, вик. Олонецкой епархии; уклонился в «иосифлянскую» оппозицию.
- Василий**
(Зеленцов) 12.08.1925 хирот. во еп. Прилуцкого, вик. Полтавской епархии; с 1927 г. епархией не управ.; расстрелян 9.02.1930.
- Василий**
(Златолинский) 2.12.1990 хирот. во еп. Симферопольского и Крымского; с 27.07.1992 еп. Запорожский и Мелитопольский.
- Василий** (Зуммер) в 1921 г. хирот. во еп. Суздальского, вик. Нижегородской епархии; † 24.12.1923.
- Василий**
(Кривошеин) 14.06.1959 хирот. во еп. Волоколамского, вик. Московской епархии; с 31.05.1960 еп. Бельгийский и Брюссельский; с 21.07.1960 в сане архиепископа; † 22.09.1985.
- Василий** (Осборн) 7.03.1993 хирот. во еп. Сергиевского, вик. Сурожской епархии.
- Василий**
(Преображенский) 14.09.1921 хирот. во еп. Кинешемского, вик. Костромской епархии; с 1926 г. еп. Вязниковский, вик. Владимирской епархии; † 12.08.1945 в ссылке.
- Василий**
(Ратмиров) в 1921 г. хирот. во епископа; уклонился в обновленческий раскол и снял сан; в 1941 г. принес покаяние, принят в сане епископа и назначен на Калининскую кафедру; с сент. 1944 г. архиеп. Минский и Белорусский; с 13.08.1947 на покое; † ок. 1980 г.
- Василий** (Шуан) 30.05.1957 хирот. во еп. Пекинского; † 3.01.1962.
- Вассиан**
(Веретенников) 20.09.1926 хирот. во еп. Саткинского; с марта 1937 г. епархией не управ.; † 14.11.1938.
- Вассиан**
(Пятницкий) 8.08.1921 хирот. во еп. Егорьевского, вик. Московской епархии; с 8.04.1923 на покое; с 1925 г. в григорианском расколе; принес покаяние и с 22.06.1927 еп. Козловский; с 9.04.1930 архиеп. Тамбовский и Шацкий; 20.02.1936 арестован; † 27.12.1940 в ссылке.
- Венедикт**
(Алентов) 7.03.1921 хирот. во еп. Вяземского, вик. Смоленской епархии; с 1927 г. епархией не управ.; с 22.09.1934 еп. Арзамасский, вик. Нижегородской епархии; с 12.03.1935 еп. Рыбинский, вик. Ярославской епархии; с 20.02.1936 еп. Тамбовский и Мичуринский; с 1936 г. в сане архиепископа; с 1937 г. епархией не управ.; расстрелян в 1937 г.
- Венедикт**
(Бобковский) 17.03.1941 хирот. во еп. Брестского, вик. Гродненской епархии; перешел в Белорусскую «автокефальную» Церковь; с апр. 1942 г. архиеп. Гродненский и Белостокский; с 1944 г. в эмиграции в Германии; † 3.09.1951.
- Венедикт**
(Плотников) 15.08.1920 хирот. во еп. Кронштадтского, вик. Петроградской епархии; с 18.12.1925 епархией не управ.; с 1931 г. управ. Вологодской епархией; с 4.04.1933 в сане архиепископа; с 16.06.1933 архиеп. Вологодский; с 5.10.1933 архиеп. Новгородский; с авг. 1936 г. на покое; с 20.12.1936 архиеп. Казанский и Свияжский; с февр. 1937 г. епархией не управ.; с 23.05.1937 на покое; расстрелян осенью 1937 г.
- Венедикт**
(Пляскин) 30.01.1946 хирот. во еп. Хабаровского и Владивостокского; с 10.07.1947 на покое; с 3.06.1948 еп. Петрозаводский и Олонецкий; с 4.03.1949 на покое; в 1956 г. и 1961–1962 управ. Омской епархией; с 13.06.1962 на покое; †

30.04.1976.

Венедикт
(Поляков)

18.02.1947 хирот. во еп. Кишиневского и Молдавского; с 3.06.1948 еп. Ивановский и Кинешемский; с 25.02.1953 в сане архиепископа; с 23.07.1956 архиеп. Житомирский и Овручский; с 8.09.1958 на покое; † дек. 1963 г.

Вениамин
(Воскресенский)

в 1921 г. хирот. во еп. Романовского, вик. Ярославской епархии; с 1927 г. еп. Рыбинский, вик. Ярославской епархии; с 1930 г. еп. Тутаевский, вик. Ярославской епархии; † 5.10.1932 в заключении.

Вениамин
(Глебов)

13.09.1920 хирот. во еп. Рославльского, вик. Смоленской епархии; с 1927 г. епархией не управ.; с 1928 г. сведений нет.

Вениамин
(Иванов)

14.08.1933 хирот. во еп. Петропавловского, вик. Омской епархии; с янв. 1936 г. епархией не управ.; с 23.09.1936 еп. Саратовский; расстрелян в окт. 1937 г.

Свт. Вениамин
(Казанский)

с 6.03.1912 архиеп. Петроградский и Ладожский; с 13.08.1918 в сане митрополита; расстрелян 13.08.1922.

Вениамин
(Милов)

4.02.1955 хирот. во еп. Саратовского и Балашовского; † 2.08.1955.

Вениамин
(Муратовский)

с 1.05.1915 архиеп. Симбирский и Сызранский; с 13.07.1920 архиеп. Рязанский и Зарайский; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 6.05.1930 без покаяния.

Вениамин
(Новицкий)

15.07.1941 хирот. во еп. Пинского; с авг. 1942 г. еп. Полтавский; с 1945 г. на покое; с 22.11.1956 еп. Омский и Тюменский; с 21.02.1958 архиеп. Иркутский и Читинский; с 31.05.1973 архиеп. Чебоксарский и Чувашский; † 14.10.1976.

Вениамин
(Пушкарь)

21.09.1992 хирот. во еп. Владивостокского и Приморского.

Вениамин
(Тихоницкий)

14.12.1942 хирот. во еп. Кировского и Слободского; с 1945 г. в сане архиепископа; † 2.04.1957.

Вениамин
(Троицкий)

в 1929 г. еп. Стерлитамакский; после 1929 г. арестован и сослан.

Вениамин
(Федченков)

10.02.1919 хирот. во еп. Севастопольского, вик. Таврической епархии; 1919–1920 еп. Армии и Флота войск юга России; с 1920 г. в эмиграции; один из организаторов РПЦЗ; с 3.12.1927 воссоединился с МП; с 19.04.1932 в сане архиепископа; с 1933 г. управ. епархией МП в США; с 22.11.1933 архиеп. Алеутский и Сан-Францисский, экзарх РПЦ в США; с 14.07.1938 в сане митрополита; с 21.08.1947 митр. Рижский; с 27.03.1951 митр. Ростовский и Новочеркасский; с 28.11.1955 митр. Саратовский и Балашовский; с 20.02.1958 на покое; † 4.10.1961.

Вениамин
(Фролов)

15.11.1923 тайно хирот. во еп. Байкинского, вик. Уфимской епархии; дальнейших сведений нет.

Викентий
(Морарь)

2.09.1990 хирот. во еп. Бендерского, вик. Кишиневской епархии; с 18.07.1995 еп. Абаканский и Кызылский.

Виктор
(Богоявленский)

в 1919 г. хирот. во еп. Барнаульского; с 1923 г. архиеп. Омский; † 2.11.1928.

- Виктор (Олейник)** 4.12.1988 хирот. во еп. Калининского и Кашинского (с 19.07.1990 Тверской и Кашинский); с 25.02.1996 в сане архиепископа.
- Виктор (Островидов)** 26.12.1919 хирот. во еп. Уржумского, вик. Вятской епархии; с 1923 г. еп. Глазовский, управ. Вятской епархией; с 1927 г. еп. Шадринский, вик. Свердловской епархии; с 1928 г. в Соловецком лагере; † 2.05.1934 в ссылке.
- Виктор (Пьянков)** 25.03.1990 хирот. во еп. Тапасского, вик. Таллинской епархии; с 20.07.1990 еп. Подольский, вик. Московской епархии.
- Виктор (Святин)** 6.11.1932 хирот. во еп. Шанхайского; с февр. 1933 г. еп. Пекинский и Китайский; с сент. 1938 г. в сане архиепископа; с 1945 г. воссоединился с РПЦ; с 31.05.1956 архиеп. Краснодарский и Кубанский; с 20.06.1961 в сане митрополита; † 18.08.1966.
- Викторин (Беляев)** 3.06.1973 хирот. во еп. Пермского и Соликамского; с 3.09.1974 еп. Венский и Австрийский; с 13.05.1975 еп. Алексинский, вик. Тульской епархии; с 11.07.1977 еп. Тульский и Белевский; с 19.04.1978 еп. Виленский и Литовский; с 9.09.1982 в сане архиепископа; с 10.04.1989 на покое; † 17.03.1990.
- Виссарион (Зорин)** в сент. 1923 хирот. во еп. Симбирского (Ульяновского); перешел в «григорианский раскол».
- Виссарион (Стретович)** 24.08.1992 хирот. во еп. Коростенского, вик. Житомирской епархии; с 1993 г. еп. Овручский и Коростенский.
- Виталий (Введенский)** 15.08.1920 хирот. во еп. Епифанского, вик. Тульской епархии; с мая 1922 г. в обновленческом расколе; 2.03.1944 принес покаяние; с 1944 г. архиеп. Тульский и Белевский; с 1946 г. архиеп. Дмитровский, вик. Московской епархии; † 25.03.1950.
- Свт. Владимир (Богоявленский)** с 23.11.1915 митр. Киевский и Галицкий; убит 7.02.1918.
- Владимир (Горьковский)** 5.09.1927 хирот. во еп. Богучарского, вик. Воронежской епархии; с 6.03.1928 еп. Керченский, вик. Таврической епархии; с 1.03.1929 еп. Акмолинский, вик. Петропавловской епархии; с 1929 г. еп. Вяземский, вик. Смоленской епархии; с 29.07.1932 еп. Каменецкий, управ. Донской епархией; с 21.03.1933 еп. Ржевский, вик. Калининской епархии; с 11.08.1933 еп. Кунгурский, вик. Кировской епархии; с 22.10.1935 еп. Ульяновский; арестован 28.07.1937.
- Владимир (Иким)** 30.07.1985 хирот. во еп. Подольского, вик. Московской епархии, настоятель подворья РПЦ в Карловых Варах; с 21.07.1988 зам. пред. ОВЦС; с 20.07.1990 еп. Ташкентский и Среднеазиатский; с 25.02.1991 в сане архиепископа.
- Владимир (Кантарян)** 21.07.1989 хирот. во еп. Кишиневского и Молдавского; с 4.04.1990 в сане архиепископа; с 21.12.1992 в сане митрополита; с 2.12.1994 митр. Кишиневский и всей Молдовы.
- Владимир (Кобец)** 7.03.1948 хирот. во еп. Порховского (с 1949 г. Изборского); с 30.12.1949 глава Русской миссии в Иерусалиме; с 27.12.1951 еп. Житомирский и Овручский; с 20.04.1954 в сане архиепископа; с 23.07.1956 на покое; † 24.01.1960.
- 30.12.1962 хирот. во еп. Звенигородского, вик. Московской епархии; с

30.03.1964 еп. Воронежский и Липецкий; с 5.02.1965 еп. Подольский, вик. Московской епархии, представитель РПЦ при Патриархе Антиохийском; с 19.11.1966 еп. Кировский и Слободской; с 7.10.1967 еп. Берлинский и Среднеевропейский, экзарх в Средней Европе; с 20.10.1967 в сане архиепископа; с 1.12.1970 архиеп. Ростовский и Новочеркасский; с 31.05.1973 архиеп. Иркутский и Читинский; с 17.04.1975 архиеп. Владимирский и Суздальский; с 24.04.1980 архиеп. Краснодарский и Кубанский; с 12.05.1987 архиеп. Псковский и Порховский (с 4.04.1990 Псковский и Великолуцкий); с 25.02.1992 в сане митрополита; с 23.02.1993 митр. Ростовский и Новочеркасский; с 27.12.1995 митр. Санкт-Петербургский и Ладужский.

Владимир
(Котляров)

с 10.01.1915 архиеп. Пензенский и Саранский; Поместным Собором 1917–1918 гг. лишен сана и в связи с дальнейшим неподчинением отлучен от Церкви.

Владимир
(Путята)

9.07.1966 хирот. во еп. Звенигородского, вик. Московской епархии; с 28.11.1968 еп. Переяслав-Хмельницкий, вик. Киевской епархии; с 20.03.1969 еп. Черниговский и Нежинский; с 18.04.1973 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 9.09.1973 в сане архиепископа; с 16.07.1982 митр. Ростовский и Новочеркасский; 28.03.1984–19.02.1990 экзарх Западной Европы; с 27.05.1992 митр. Киевский и всей Украины.

Владимир
(Сабодан)

с 18.03.1910 на покое (б. еп. Екатеринбургский); с 1921 г. архиеп. Екатеринославский; в 1926 г. в «григорианском» расколе; † 27.11.1931.

Владимир
(Соколовский-Автономов)

с 3.06.1907 еп. Белостокский, вик. Гродненской епархии; с 1917 г. в эмиграции; с 1918 г. управ. Гродненской епархией; с 1923 г. в сане архиепископа; с 1923 г. отстранен от управ. Гродненской епархией польскими властями и выслан во Францию; 10.06.1930 врем. управ. русскими церквами в Западной Европе; с 9.03.1946 перешел в Конст. П.; † 1959.

Владимир
(Тихоницкий)

с 31.01.1900 еп. Острогожский, вик. Воронежской епархии; в 1923 г. упом. как митр. Воронежский; † 1925.

Владимир
(Шимкович)

20.03.1927 хирот. во еп. Барнаульского; с 28.11.1933 еп. Сергачский, вик. Горьковской епархии; с 22.11.1934 еп. Чувашско-Чебоксарский; с 1938 г. на покое.

Владимир
(Юденич)

31.10.1932 хирот. во еп. Новоград-Волынского, вик. Киевской епархии; с 23.10.1934 еп. Сумский, вик. Харьковской епархии; с 1935 г. в ссылке; в 1936 г. еп. Яранский, вик. Кировской епархии; дальнейших сведений нет.

Вячеслав
(Шкурко)

26.05.1920 хирот. во еп. Осташковского, вик. Тверской епархии; с 1923 г. в Соловецком лагере; более епархией не управ.; † 31.07.1958.

Гавриил
(Аблымов)

с 26.01.1916 еп. Барнаульский, вик. Томской епархии; с 1919 г. еп. Акмолинский; с 1922 г. в обновленческом расколе; в 1923 г. принес покаяние; с 1924 г. архиеп. Ямбургский (Кингисепский), вик. Ленинградской епархии; с дек. 1927 г. архиеп. Полоцкий и Витебский; с 1928 г. на покое; † 1938.

Гавриил
(Воеводин)

3.09.1923 хирот. во еп. Клинского, вик. Московской епархии, но на епархии

Гавриил

- (Красновский) не был; дальнейших сведений нет.
- Гавриил**
(Огородников) 29.08.1948 хирот. во еп. Хабаровского и Владивостокского; с 11.08.1949 еп. Вологодский и Череповецкий; с 27.07.1959 еп. Астраханский и Енотаевский; с 26.02.1960 в сане архиепископа; с 15.09.1960 архиеп. Ташкентский и Среднеазиатский; † 28.02.1971.
- Гавриил**
(Стеблюченко) 23.07.1988 хирот. во еп. Хабаровского и Владивостокского; с 25.03.1991 на покое; с 21.04.1994 еп. Благовещенский и Тынденский.
- Гавриил** (Чепур) с 22.11.1911 еп. Акерманский, вик. Кишиневской епархии; с 1918 г. еп. Челябинский и Троицкий; эмигрировал в Югославию.
- Гедеон** (Докукин) 22.10.1967 хирот. во еп. Смоленского и Вяземского; с 2.02.1972 еп. Новосибирский и Барнаульский; с 9.09.1977 в сане архиепископа; 9.09.1987 в сане митрополита; с 26.01.1990 митр. Ставропольский и Бакинский; с 26.02.1994 митр. Ставропольский и Владикавказский.
- Геннадий**
(Туберозов) с 20.03.1914 еп. Нарвский, вик. Петроградской епархии; с 1919 г. еп. Псковский и Порховский; † 1922.
- 30.01.1922 хирот. во еп. Елабужского, вик. Вятской епархии; с 1925 г. еп. Малмышский; с 16.09.1927 еп. Курганский, вик. Тобольской епархии; с 2.01.1928 еп. Мелекесский, вик. Самарской епархии; с 1929 г. еп. Нолинский, вик. Вятской епархии; с 1934 г. еп. Златоустовский, вик. Свердловской епархии; в 1937 г. был под арестом; в 1938 г. еп. Вологодский и Тотемский; с сент. 1940 г. на покое; † 17.02.1947.
- Георгий**
(Анисимов)
- Георгий** (Грязнов) 23.04.1989 хирот. во еп. Челябинского и Златоустовского; с 27.12.1996 еп. Людиновский, вик. Калужской епархии.
- Георгий** (Делиев) 26.12.1926 хирот. во еп. Богуславского, вик. Киевской епархии; 1923–1928 врем. управ. Киевской епархией; 1926–1928 еп. Таращанский; с 1928 г. еп. Днепропетровский; с 1937 г. взят под арест и убит в тюрьме.
- Георгий**
(Садковский) 13.08.1933 хирот. во еп. Камышинского, вик. Саратовской епархии; с 24.08.1933 еп. Вольский, вик. Саратовской епархии; с 16.10.1935 на покое; с янв. 1947 г. еп. Великолуцкий и Торопецкий; с 10.07.1947 еп. Порховский, вик. Псковской епархии; с 27.02.1948 на покое; † 4.03.1948.
- Георгий**
(Ярошевский) с 6.07.1916 еп. Минский и Туровский; с 25.04.1918 в сане архиепископа; с 1919 г. в эмиграции; возглавил ПАЦ; убит 8.02.1923.
- Герасим**
(Строганов) в 1918 г. хирот. во еп. Балтского, вик. Каменец-Подольской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Гервасий**
(Малинин) 28.08.1923 хирот. во еп. Архирского, вик. Ставропольской епархии; с 7.10.1923 еп. Рыбинский, вик. Ярославской епархии; с 14.07.1925 еп. Ростовский и Угличский; с 30.07.1925 в обновленческом расколе; 3.04.1932 публично отрекся от Церкви.
- Герман** (Аав) 8.07.1922 хирот. во еп. Финляндского и Выборгского Конст. П.; 7.05.1957 воссоединился с РПЦ; с 1.07.1960 на покое; † 14.01.1961.
- Герман** (Вейнберг) 19.10.1926 хирот. во еп. Масальского, вик. Калужской епархии; с 23.01.1929 г. еп. Богумильский, вик. Самарской епархии; с 3.04.1930 еп. Алмаатинский; с 11.08.1933 сведений нет.
- 31.12.1924 хирот. во еп. Ибрессинского, вик. Ульяновской епархии; с 1927

- Герман** (Коккель) г. еп. Бугумильский, вик. Самарской епархии; с 1927 г. еп. Бугурусланский; с 1928 г. еп. Кузнецкий, вик. Томской епархии; с 1929 г. еп. Томский и Алтайский; с нояб. 1930 г. еп. Омский и Павлодарский; с 14.07.1931 еп. Никольско-Уссурийский, управ. Приморской епархией; с 1932 г. еп. Барнаульский и управ. Бийско-Алтайской епархией; с 19.09.1932 еп. Благовещенский, с 1935 г. на покое; расстрелян 12.11.1937.
- Герман** (Косолапов) в 1918 г. хирот. во еп. Вольского, вик. Саратовской епархии; расстрелян в авг. 1918 г.
- Герман** (Моралин) 28.03.1993 хирот. во еп. Якутского и Вилюйского; с 27.12.1995 еп. Якутский и Ленский.
- Герман** (Ряшенцев) 14.09.1919 хирот. во еп. Волоколамского, вик. Московской епархии; с 13.06.1928 еп. Вязниковский, вик. Владимирской епархии; епархией не управ., был в Усть-Сысольском лагере; с 1936 г. в ссылке на Севере; † 1937.
- Герман** (Тимофеев) 6.12.1968 хирот. во еп. Тихвинского, вик. Ленинградской епархии; с 25.06.1970 еп. Венский и Австрийский; с 3.09.1974 еп. Виленский и Литовский; с 19.04.1978 еп. Тульский и Белевский; с 9.09.1983 в сане архиепископа; с 29.07.1986 архиеп. Берлинский и Среднеевропейский, экзарх Средней Европы (с 1990 г. Берлинский и Лейпцигский); с 30.01.1991 архиеп. Волгоградский и Камышинский.
- Гермоген** (Долганов) с 8.03.1917 еп. Тобольский; утоплен 29.06.1918.
- Гермоген** (Кожин) 18.02.1946 хирот. во еп. Казанского и Чистопольского; с 1948 г. в сане архиепископа; с 19.10.1949 архиеп. Краснодарский и Кубанский; с 19.05.1954 митр. Алеутский и Североамериканский; † 3.08.1954.
- Гермоген** (Максимов) с 1918 г. еп. Аксайский, вик. Донской епархии; с 1922 г. в эмиграции; с 1942 г. возглавил «Хорватскую Православную Церковь»; расстрелян сербскими партизанами в 1945 г.
- Гермоген** (Орехов) 25.12.1966 хирот. во еп. Подольского, вик. Московской епархии; с 25.06.1971 еп. Виленский и Литовский; с 25.08.1972 еп. Калининский и Кашинский; с 9.09.1977 в сане архиепископа; с 19.04.1978 архиеп. Краснодарский и Кубанский; † 27.01.1980.
- Глеб** (Покровский) 23.12.1923 хирот. во еп. Михайловского, вик. Рязанской епархии; с 4.04.1925 епархией не управ.; с 19.10.1928 на покое; с 8.07.1932 еп. Соликамский, вик. Пермской епархии; с 16.06.1933 еп. Пермский; с 9.07.1934 в сане архиепископа; с 1935 г. архиеп. Свердловский; расстрелян 3.11.1937.
- Глеб** (Савин) 2.08.1990 хирот. во еп. Симферопольского и Крымского; с 12.08.1992 еп. Полоцкий и Глубокский; с 28.12.1996 на покое.
- Глеб** (Смирнов) 9.05.1976 хирот. во еп. Орловского и Брянского; с 9.09.1978 в сане архиепископа; † 25.07.1987.
- Григорий** (Вербицкий) после 1918 г. упом. как еп. Борзенский; † ок. 1923 г.
- Григорий** 27.09.1956 хирот. во еп. Дрогобычского и Самборского; с 21.05.1959 еп. Черновицкий и Буковинский; с 19.09.1960 еп. Львовский и Тернопольский;

- (Закаляк) с 15.10.1964 еп. Черновицкий и Буковинский; с 26.10.1964 на покое; с 5.02.1965 архиеп. Мукачевский и Ужгородский; с 18.03.1977 на покое; † 10.02.1984.
20.03.1922 хирот. во еп. Ветлужского; в 1926 г. еп. Печерский, вик.
- Григорий** (Козлов) Нижегородской епархии; после 1926 г. в заключении; в 1936 г. упом. как еп. Уфимский; расстрелян в июне 1937 г.
14.09.1923 хирот. во еп. Петропавловского, вик. Омской епархии; с 16.01.1924 в Соловецком лагере; с 1926 г. еп. Вольский, вик. Саратовской епархии; с 14.09.1927 еп. Суздальский, вик. Владимирской епархии; с 14.06.1929 еп. Новоторжский, вик. Калининской епархии; с кон. 1929 г. еп. Бежецкий, вик. Калининской епархии; с 39.01.1937 еп. Барнаульский и Бийский; с 27.07.1937 сведений нет.
- Григорий** (Лебедев) 2.12.1923 хирот. во еп. Шлиссельбургского, вик. Петроградской епархии; с февр. 1928 г. на покое; в 1937 г. арестован; 17.09.1937 расстрелян.
- Григорий** (Лисовский) в 1922 г. хирот. во еп. Лубенского; с 1923 г. архиеп. Полтавский; с 1926 г. в сане митрополита; † 17.03.1927.
- Григорий** (Соколов) с 11.07.1910 еп. Краснослободский, вик. Пензенской епархии; с 1917 г. в сане архиепископа; с 14.01.1922 на покое; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Григорий** (Чирков) 13.09.1987 хирот. во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с 25.02.1997 в сане архиепископа.
- Григорий** (Чуков) 14.10.1942 хирот. во еп. Саратовского; с 15.10.1942 в сане архиепископа; с мая 1944 г. архиеп. Псковский и Порховский; с 7.09.1945 митр. Ленинградский и Новгородский; † 5.11.1955.
- Григорий** (Яцковский) с 1917 г. еп. Екатеринбургский; с 1922 г. в сане архиепископа; в дек. 1925 г. основал т. н. «григорианский» раскол; † 26.04.1932 без покаяния.
- Гурий** (Апалько) 4.08.1996 хирот. во еп. Новогрудского и Лидского.
25.08.1946 хирот. во еп. Ташкентского и Среднеазиатского; с 25.02.1952 в сане архиепископа; с 28.01.1953 архиеп. Саратовский и Сталинградский; с 31.07.1954 архиеп. Черниговский и Нежинский; с 19.10.1955 архиеп. Днепропетровский и Запорожский; с 21.05.1959 митр. Минский и Белорусский; с 19.09.1960 митр. Ленинградский и Ладожский; с 14.11.1961 митр. Симферопольский и Крымский; † 12.07.1965.
- Гурий** (Кузьменко) 31.07.1994 хирот. во еп. Житомирского и Новоград-Волынского.
26.01.1920 хирот. во еп. Алатырского; с 1920 г. под арестом; с июля 1923 управ. Петроградской епархией; с февр. 1924 г. архиеп. Иркутский; с 1924 г. под арестом и в Соловецком лагере; с 2.08.1930 архиеп. Суздальский; с 1931 г. отстранен от управления; с 1932 г. под арестом; расстрелян в 1938 г..
- Гурий** (Шалимов) 14.01.1993 хирот. во еп. Корсунского.
- Дамаскин** (Бодрый) 18.10.1972 хирот. во еп. Тамбовского и Мичуринского; с 3.09.1974 еп. Вологодский и Велико-Устюжский; с 4.10.1979 еп. Полтавский и Кременчугский; с 26.06.1985 еп. Мукачевский и Ужгородский; † 1.07.1989.

- Дамаскин** (Малюта) 9.08.1940 хирот. во еп. Житомирского; с 1941 г. еп. Черновицкий и Хотинский; с 1943 г. еп. Каменец-Подольский; с 1944 г. в заключении, где и скончался.
- Дамаскин** (Цедрик) 14.09.1923 хирот. во еп. Стародубского, вик. Черниговской епархии; с 1925 г. под арестом; с 1929 г. в Соловецком лагере; с 1933 г. на свободе; с 1934 г. в ссылке; с 1936 г. в Карагандинском лагере; расстрелян 10.09.1937.
- Дамиан** (Воскресенский) 29.04.1918 хирот. во еп. Переяславского; 1920–1927 в тюрьме и ссылке; с 1927 г. архиеп. Полтавский и Переяславский; с 1928 г. архиеп. Курский и Обоянский; с 1932 г. в лагере; † в 1940-х гг. в заключении.
- Дамиан** (Говоров) с марта 1916 г. еп. Ереванский, вик. Грузинской епархии; с 3.07.1917 еп. Петровский, вик. Саратовской епархии; с 1920 г. в эмиграции; † 19.04.1936.
- Дамиан** (Марчук) 2.04.1961 хирот. во еп. Черновицкого и Буковинского; с 15.10.1964 еп. Львовский и Тернопольский; с 10.09.1965 в сане архиепископа; с 8.10.1965 архиеп. Волынский и Ровенский; с 30.12.1986 на покое; † 5.06.1987.
- Даниил** (Троицкий) 17.04.1921 хирот. во еп. Болховского, вик. Орловской епархии; с 1924 г. епархией не управ.; с 1927 г. еп. Шадринский, вик. Свердловской епархии; с 1928 г. еп. Рославльский, вик. Смоленской епархии; с авг. 1931 г. еп. Орловский; с дек. 1931 г. еп. Брянский; с 3.01.1934 в сане архиепископа; † 1934 г. в заключении.
- Даниил** (Шерстенников) в 1920 г. хирот. во еп. Читинского, вик. Забайкальской епархии; с 1928 г. еп. Охотский, вик. Владивостокской епархии; † 1.02.1932.
- Даниил** (Юзвюк) в 1942 г. хирот. во еп. Ковенского, вик. Литовской епархии; с мая 1944 г. в сане архиепископа; с 30.12.1945 воссоединился с МП, назначен архиеп. Пинским и Брестским; с 31.10.1950 епархией не управ.; с 1956 г. на покое; † 27.08.1965.
- Димитрий** (князь Абашидзе) с 6.05.1915 архиеп. Таврический; с кон. 20-х гг. на покое, принял схиму с именем Антоний; † дек. 1943 г.
- Димитрий** (Беликов) в 1920 г. хирот. во еп. Омского, возведен в сан архиепископа; с 1923 г. архиеп. Томский; уклонился в «григорианский» раскол.
- Димитрий** (Вербицкий) 31.10.1931 хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; с 1921 г. еп. Белоцерковский; с 1924 г. еп. Уманский; с 1925 г. в сане архиепископа; с апр. 1930 г. архиеп. Киевский; † 1.02.1932.
- Димитрий** (Вознесенский) в 1934 г. хирот. во еп. Хайларского (Китай); с 1944 г. в сане архиепископа; с сент. 1946 г. на покое; † 31.01.1947.
- Димитрий** (Вологодский) 6.05.1923 хирот. во еп. Минусинского, вик. Енисейской епархии; 1933–1935 в заключении; с 24.07.1935 еп. Минусинский, вик. Енисейской епархии; с 17.03.1936 в сане архиепископа; с 1937 г. в заключении.
- Димитрий** (Галицкий) в 1923 г. хирот. во еп. Старобельского, вик. Харьковской епархии; с 1925 г. еп. Пирятинский, вик. Полтавской епархии; с 1927 г. еп. Проскуровский, вик. Подольской епархии; † 11.09.1932.
- Димитрий** (Градусов) 24.01.1943 хирот. во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с 24.08.1943 еп. Ульяновский; с 1944 г. еп. Рязанский и Шацкий; с 1945 г. в сане архиепископа; с 13.01.1947 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 31.07.1954 на покое; 4.04.1956 принял схиму с именем Лазарь; † 10.04.1956.
- с 18.05.1914 еп. Можайский, вик. Московской епархии; с 13.04.1923 еп.

- Димитрий**
(Доброседов) Ставропольский; с июня 1923 г. еп. Бакинский; с 26.09.1923 еп. Козловский; с 1925 г. архиеп. Донской; с 1927 г. архиеп. Пятигорский; с 13.05.1932 на покое; с 27.06.1932 архиеп. Пятигорский; с 19.09.1932 на покое; с 16.06.1933 архиеп. Калужский; с 23.03.1934 еп. Можайский, вик. Московской епархии; с 1937 г. в заключении; расстрелян 21.09.1937.
- Димитрий**
(Дроздов) 23.07.1989 хирот. во еп. Полоцкого и Витебского; с 12.08.1992 еп. Витебский и Оршанский.
- Димитрий**
(Капалин) 4.11.1990 хирот. во еп. Тобольского и Тюменского.
- Димитрий**
(Локотко) в 1924 г. упом. как еп. Тюменский; с 1927 г. под арестом и в ссылке; более на епархию не возвращался; † в 60-х гг.
- Димитрий**
(Любимов) 30.12.1925 хирот. во еп. Гдовского, вик. Ленинградской епархии; с дек. 1927 г. епархией не управ.; с 1929 г. в заключении; † после 1937 г.
- Димитрий**
(Маган) 11.06.1942 хирот. во еп. Днепропетровского и Запорожского; с дек. 1943 г. управ. Донецкой епархией; по окончании Великой Отечественной войны в эмиграции; † 1.04.1970.
- Димитрий**
(Поспелов) 24.09.1923 хирот. во еп. Темниковского, вик. Тамбовской епархии; с 1926 г. в заключении; с 27.06.1934 еп. Яранский; с 20.02.1936 еп. Скопинский; с 1936 г. на покое; † 8.12.1952.
- Димитрий**
(Сперовский) с 17.06.1917 на покое (б. еп. Рязанский); с 1919 г. архиеп. Старорусский; † 1921.
- Дионисий**
(Валединский) с 21.04.1913 еп. Кременецкий, вик. Волынской епархии; с 1919 г. в эмиграции; с 1922 г. архиеп. Волынский и Кременецкий ПАЦ; с 27.02.1923 митр. Варшавский; с 22.06.1948 принят в общение с РПЦ; † 15.03.1960.
- Дионисий**
(Дьяченко) 7.12.1947 г. хирот. во еп. Питсбургского и Западной Вирджинии; с 17.12.1956 еп. Чикагский; с 5.01.1957 воссоединился с РПЦ, назначен еп. Нью-Йоркским; с 1957 г. в сане архиепископа; с 14.12.1958 архиеп. Сан-Францисский и Калифорнийский; с 1960 г. на покое; † 12.09.1967.
- Дионисий** (Лукин) 20.03.1966 хирот. во еп. Роттердамского, вик. Брюссельской епархии; с 18.08.1972 на покое; † 23.02.1976.
- Дионисий**
(Прозоровский) с 16.12.1916 еп. Кустанайский; с 1922 г. еп. Челябинский; 1924–1925 в заключении; с 1926 г. еп. Оренбургский; с 29.11.1928 архиеп. Феодосийский, вик. Таврической епархии; с 25.06.1930 архиеп. Иркутский; с 16.06.1933 на покое; с 3.09.1933 архиеп. Минусинский; с 3.01.1934 архиеп. Ачинский и Минусинский; с 3.05.1934 архиеп. Уфимский; с янв. 1936 г. архиеп. Ростовский (на Дону); с 1936 г. в заключении.
- Дионисий**
(Сосновский) с 13.11.1914 еп. Измаильский, вик. Кишиневской епархии; убит в 1918 г.
- Дометиан**
(Горохов) 1.08.1928 хирот. во еп. Арзамасского, вик. Нижегородской епархии; с 3.10.1932 по 3.10.1935 под запретом; дальнейших сведений нет.
- Донат** (Щеголев) 14.06.1956 хирот. во еп. Бийского, вик. Новосибирской епархии; с 14.03.1957 еп. Свердловский; с 8.08.1957 еп. Великолуцкий и Торопецкий; с 26.12.1957 еп. Балтский, вик. Одесской епархии; с 8.09.1958 еп. Новосибирский и Барнаульский; с 5.05.1961 еп. Костромской и Галичский; с 5.07.1961 на покое; с 25.11.1965 еп. Калужский и Боровский; 9.09.1971 в

сане архиепископа; с 17.04.1975 на покое; † 27.10.1979.

12.06.1955 хирот. во еп. Кременецкого; с 19.08.1955 г. еп. Пряшевский

Дорофей (Филипп) (Чехословацкая Православная Церковь); с 25.10.1964 митр. Пражский и Чехословацкий.

Досифей (Иванченко) 9.05.1959 хирот. во еп. Нью-Йоркского; с 22.02.1963 еп. Бруклинский; с 5.04.1970 в сане архиепископа; с 10.04.1970 на покое; † 1984.

Досифей (Протопопов) с 25.08.1917 еп. Саратовский; с 1922 г. под арестом; до 1930 г. возведен в сан архиепископа; с 1930 г. на покое; † 12.03.1942.

Евгений (Бережков) с 11.07.1914 еп. Костромской и Галичский; с 1918 г. епархией не управ.; † 1922.

Евгений (Ждан) 31.05.1987 хирот. во еп. Тамбовского и Мичуринского; с 25.02.1991 в сане архиепископа.

Евгений (Зернов) с 11.07.1914 еп. Приамурский и Благовещенский; с 30.11.1923 в сане архиепископа; с 27.08.1923 под арестом; 1924–1926 в Соловецком лагере; 1926–1929 в ссылке; с 26.08.1930 архиеп. Белгородский; с 1931 г. архиеп. Котельнический, вик. Вятской епархии; с 8.09.1933 архиеп. Вятский и Слободской; с 3.05.1934 митр. Горьковский; с 1935 г. в заключении; расстрелян 20.09.1937.

Евгений (Кобранов) 27.03.1926 хирот. во еп. Муромского; с 15.09.1927 еп. Балашевский, вик. Нижегородской епархии; с 14.12.1927 еп. Ростовский, вик. Ярославской епархии; с 22.11.1933 уволен на покой; расстрелян в окт. 1937 г.

Евгений (Мерцалов) с 14.06.1912 еп. Юрьевский, вик. Владимирской епархии; с 1919 г. еп. Олонецкий; убит ок. 1920 г.

Евгений (Решетников) 16.04.1994 хирот. во еп. Верейского, вик. Московской епархии.

Евдоким (Мещерский) с 29.07.1914 архиеп. Алеутский и Североамериканский; с 1919 г. архиеп. Нижегородский; с 16.07.1922 в обновленческом расколе; † 10.05.1935 без покаяния.

Евламий (Краснокутский) 30.09.1917 хирот. во еп. Александровского и Павлоградского, вик. Днепропетровской епархии; † 1922.

Евлогий (Георгиевский) с 14.05.1914 архиеп. Волынский и Житомирский; с 1919 г. в эмиграции; с марта 1921 г. управ. русскими западноевропейскими приходами; с 10.06.1930 уволен от управления; с 1931 г. в юрисдикции Конст. П.; 2.09.1945 воссоединился с РПЦ; † 8.08.1945.

Евлогий (Марковский) 23.07.1942 хирот. во еп. Винницкого; с 1943 г. в эмиграции; † 24.03.1951.

Евлогий (Смирнов) 11.11.1990 хирот. во еп. Владимирского и Суздальского; с 25.02.1995 в сане архиепископа.

Евмений (Хорольский) 28.02.1954 хирот. во еп. Черновицкого и Буковинского; с 9.12.1958 архиеп. Житомирский и Овручский; † 25.08.1967.

Евсевий (Гроздов) с 17.04.1912 еп. Псковский и Порховский; с 25.04.1918 в сане архиепископа; с 1924 г. управ. Нарвской епархией; † 12.08.1929.

Евсевий с 6.05.1906 архиеп. Владивостокский и Приморский; с 1920 г. митр.

- (Никольский) Крутицкий; † 18.01.1922.
15.03.1920 хирот. во еп. Яранского, вик. Вятской епархии; с 1922 г. еп. Ставропольский и Кубанский; с 1923 г. еп. Ейский; с 1923 г. в заключении; с 1927 г. еп. Забайкальский и Нерчинский; с 27.03.1930 в сане архиепископа; с 3.04.1930 архиеп. Шадринский; с дек. 1930 г. в заключении; расстрелян 5.11.1937.
- Евсевий**
(Рождественский) 1.04.1984 хирот. во еп. Алмаатинского и Казахстанского; с 20.07.1990 еп. Куйбышевский и Сызранский; с 25.02.1991 в сане архиепископа; с 23.02.1993 архиеп. Псковский и Великолуцкий.
- Евстратий**
(Подольский) 20.11.1949 хирот. во еп. Кировоградского, вик. Херсонской епархии; с 17.03.1950 еп. Кировоградский и Николаевский; с 27.12.1951 еп. Сумской; с 13.07.1958 на покое; † 30.07.1972.
- Евфимий** (Лапин) с 26.01.1916 еп. Якутский и Вилюйский; с 1920 г. еп. Олонецкий и Петрозаводский; с 1924 г. в ссылке в Нарымском крае.
- Евфимий** (Шутак) 28.08.1989 хирот. во еп. Мукачевского и Ужгородского; с 16.07.1996 в сане архиепископа.
- Елевферий**
(Богоявленский) с 1917 г. управ. Литовской епархией; с 28.06.1928 архиеп. Литовский и Виленский; с 24.12.1930 врем. управ. русскими западноевропейскими приходами; † 31.12.1940.
- Елевферий**
(Воронцов) 10.08.1943 хирот. во еп. Ростовского и Таганрогского; с 5.04.1946 архиеп. Пражский и Чехословацкий, экзарх МП; с 18.07.1948 в сане митрополита; с 28.11.1955 митр. Ленинградский и Новгородский; с 1.01.1957 митр. Ленинградский и Ладожский; † 27.03.1959.
- Елевферий**
(Козорез) 15.02.1991 хирот. во еп. Чимкентского и Целиноградского; с 19.07.1993 еп. Чимкентский и Акмолинский.
- Ермоген** (Голубев) 1.03.1953 хирот. во еп. Ташкентского и Среднеазиатского; в 1956 и 1958 гг. управ. Алмаатинской епархией; с 28.08.1958 в сане архиепископа; с 15.09.1960 на покое; с 13.06.1962 архиеп. Омский и Тюменский; с 29.05.1963 архиеп. Калужский и Боровский; с 25.11.1965 на покое; † 7.04.1978.
- Ефрем** (Ефремов) 7.04.1932 хирот. во еп. Яранского, вик. Вятской епархии; с 1.01.1934 в заключении; с 7.12.1936 еп. Саранский; с нач. 1937 г. в заключении; с 1.09.1937 еп. Курский; с 13.10.1937 в заключении; † 14.11.1941.
- Ефрем** (Кицай) 13.02.1996 хирот. во еп. Криворожского и Никопольского.
- Ефрем** (Кузнецов) с 20.11.1916 еп. Селенгинский, вик. Забайкальской епархии; 2.06.1918 арестован; расстрелян 5.09.1918.
- Захария** (Лобов) 22.09.1923 хирот. во еп. Нижне-Чирского, вик. Донской епархии; 1923–1926 в Соловецком лагере; с 1928 г. еп. Новоторжский, вик. Тверской епархии; с 1928 г. еп. Бежицкий, вик. Тверской епархии; с 4.04.1928 в сане архиепископа; с 1929 г. архиеп. Воронежский; с 25.11.1935 в Соловецком лагере.
- Зиновий**
(Дроздов) с 22.05.1918 еп. Тамбовский и Шацкий; с 1920 г. в сане архиепископа; с 1923 г. в заключении; † 1941.
- Зиновий**
(Красовский) 9.12.1943 хирот. во еп. Лысковского, вик. Горьковской епархии; с 1946 г. еп. Горьковский и Арзамасский; с 18.11.1948 на покое; † 4.07.1954.

Зосима (Остапенко)	24.12.1995 хирот. во еп. Элистинского и Калмыцкого.
Зосима (Сидоровский)	с 10.08.1914 еп. Киренский, вик. Иркутской епархии; с сент. 1922 г. архиеп. Енисейский и Красноярский; в 1923 г. снял сан и вступил в брак; позже уклонился в обновленческий раскол.
Иаков (Акксерсдаик)	19.09.1965 епископ РПЦЗ; 20.08.1972 принят в РПЦ в сущем сани с титулом «Гаагский и Нидерландский»; с 12.06.1979 в сани архиепископа; с 30.12.1987 на покое; † 26.07.1991.
Иаков (Заика)	2.02.1947 хирот. во еп. Винницкого и Брацлавского; с 18.11.1948 еп. Черниговский и Нежинский; с 17.11.1953 на покое; † 18.03.1983.
Иаков (Карп)	27.09.1936 хирот. во еп. Елгавского; с 1942 г. в сани архиепископа; † 13.10.1943.
Иаков (Маскаев)	19.03.1923 хирот. во еп. Орского; с 31.07.1924 еп. Оренбургский; с 2.01.1928 еп. Курганский, вик. Тобольской епархии; с 1928 г. еп. Осташковский, вик. Тверской епархии; с 6.02.1929 еп. Балашовский, вик. Саратовской епархии; с 4.04.1933 еп. Барнаульский; с 1935 г. в сани архиепископа; с 1936 г. под арестом; † 29.08.1937.
Иаков (Немоловский)	6.05.1922 хирот. во еп. Старо-Константиновского и Изяславского, вик. Подольской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.
Иаков (Панчук)	14.12.1990 хирот. во еп. Почаевского, вик. Тернопольской епархии; 11.06.1992 лишен сана.
Иаков (Пятницкий)	с 10.12.1910 архиеп. Казанский и Свияжский; † 1922.
Игнатий (Демченко)	3.09.1961 хирот. во еп. Хмельницкого и Каменец-Подольского; с 12.01.1962 еп. Черниговский и Нежинский; с 16.11.1962 еп. Кировоградский и Николаевский; с 25.05.1965 на покое; † 5.10.1981.
Игнатий (Садковский)	5.04.1920 хирот. во еп. Белевского, вик. Тульской епархии; с 1923 г. в Соловецком лагере; с 3.02.1933 еп. Скопинский, вик. Рязанской епархии; с 20.02.1936 епархией не управ.; † 27.01.1938 в ссылке на Севере.
Иероним (Захаров)	3.12.1944 хирот. во еп. Кишиневского и Молдавского; с 13.01.1947 еп. Рязанский и Касимовский; с 27.02.1948 еп. Ижевский и Удмуртский; с 31.07.1952 еп. Куйбышевский и Сызранский; с 31.05.1956 еп. Орловский и Брянский; с 12.01.1962 архиеп. Ростовский и Новочеркасский; † 14.12.1966.
Иерофей (Афонин)	в 1923 г. хирот. во еп. Шадринского, вик. Екатеринбургской епархии; с авг. 1924 г. еп. Никольский, вик. Вологодской епархии; в мае 1928 г. смертельно ранен при аресте.
Иерофей (Померанцев)	26.12.1919 хирот. во еп. Юрьевского, вик. Владимирской епархии; с 1923 г. еп. Иваново-Вознесенский, вик. Владимирской епархии; с 1923 г. в обновленческом расколе.
Иерофей (Соболев)	29.07.1991 хирот. во еп. Балахнинского, вик. Нижегородской епархии.
Иларию (Ильин)	5.03.1944 хирот. во еп. Дмитровского, вик. Московской епархии; с мая 1944 г. еп. Ульяновский и Мелекесский; с 28.12.1945 еп. Чебоксарский и

- Иларион**
(Бельский) Чувашицкий; с 22.02.1950 в сане архиепископа; † 14.04.1951
10.1924 хирот. во еп. Каргопольского, 1926–1927 еп. Поречский, вик.
Смоленской епархии; с 1927 г. в Соловецком лагере; с 1931 г. на
Беломорканале; с 1935 г. в ссылке; арестован в 1937 г.
- Иларион**
(Кочергин) 13.11.1949 хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; с 22.07.1950 еп.
Мукачевский и Ужгородский; с 5.09.1956 еп. Хмельницкий и Каменецкий;
с 14.08.1961 на покое; † 24.11.1965.
- Иларион**
(Прохоров) 30.09.1945 хирот. во еп. Сумского и Ахтырского; с 27.12.1951 еп.
Кировоградский и Николаевский; с 17.11.1953 еп. Уфимский и
Стерлитамакский; с 25.02.1957 в сане архиепископа; с 9.12.1959 архиеп.
Ивановский и Кинешемский; с 29.05.1963 архиеп. Омский и Тюменский; с
9.10.1963 архиеп. Уфимский и Стерлитамакский; с 7.10.1967 архиеп.
Ростовский и Новочеркасский; с 16.12.1969 архиеп. Пензенский и
Саранский; с 25.06.1970 на покое; † 27.01.1973.
- Иларион**
(Троицкий) 25.05.1920 хирот. во еп. Верейского, вик. Московской епархии; с 6.06.1923
в сане архиепископа; с дек. 1923 г. в Соловецком лагере; † 28.12.1929 в
заключении.
- Иларион**
(Шукало) 29.09.1991 хирот. во еп. Ивано-Франковского и Коломыйского; с 1992 г. еп.
Херсонский и Таврический; с 23.11.1995 в сане архиепископа; с 12.10.1996
архиеп. Донецкий и Мариупольский.
- Илиан** (Востряков) 25.11.1979 хирот. во еп. Солнечногорского, вик. Московской епархии; с
16.06.1982 еп. Калужский и Боровский; с 20.07.1990 еп. Тобольский и
Тюменский; с 27.10.1990 на покое; с 27.03.1991 еп. Серпуховской, вик.
Московской епархии, настоятель подворья РПЦ в Карловых Варах; с
27.12.1995 освобожден от обязанностей настоятеля подворья РПЦ в
Карловых Варах; с 17.02.1997 на покое.
- Илия** (Бабин) в 1929 г. хирот. во еп. Кудымкорского, вик. Пермской епархии; † 9.04.1931.
- Илия-Мар**
(Геваргизов) с 1914 г. еп. Супругамский и Урмийский; с 1921 г. в РПЦЗ; † 1928.
- Иннокентий**
(Бобцов) 5.12.1920 хирот. во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с 1922 г. в
обновленческом расколе.
- Иннокентий**
(Бусыгин) в 1920 г. упом. как еп. Каменский, вик. Донской епархии; с дек. 1925 г. в
«григорианском» расколе.
- Иннокентий**
(Васильев) 26.01.1992 хирот. во еп. Хабаровского и Благовещенского; с 28.12.1993 еп.
Хабаровский и Приамурский; с 18.07.1995 еп. Дмитровский, вик.
Московской епархии; с 11.10.1996 еп. Читинский и Забайкальский.
- Иннокентий**
(Зельницкий) 30.01.1949 хирот. во еп. Винницкого и Брацлавского; с 27.12.1951 еп.
Курский и Белгородский; с 25.02.1957 в сане архиепископа; с 8.12.1958
архиеп. Ростовский и Новочеркасский; с 16.03.1961 архиеп. Архангельский
и Холмогорский; с 16.11.1962 архиеп. Тамбовский и Мичуринский; †
10.03.1968.
- Иннокентий**
(Клодецкий) 14.06.1931 хирот. во еп. Белгородского, вик. Курской епархии; с 30.12.1931
еп. Каширский, вик. Московской епархии; с 22.11.1933 еп. Серпуховской,
вик. Московской епархии; с 6.09.1934 еп. Каширский, вик. Московской
епархии; с 1935 г. в заключении; расстрелян в 1937 г.

- Иннокентий**
(Кременский) с 2.09.1917 еп. Вольский, вик. Саратовской епархии; † после 1918 г.
- Иннокентий**
(Леоферов) 13.12.1953 хирот. во еп. Кировоградского и Николаевского; с 28.08.1958 архиеп. Алмаатинский и Казахстанский; с авг. 1960 г. на покое; с 23.11.1960 архиеп. Калининский и Кашинский; † 6.09.1971.
- Иннокентий**
(Летяев) 7.11.1921 хирот. во еп. Клинского, вик. Московской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе; в июне 1923 г. принес покаяние; с 15.10.1923 еп. Ставропольский и Кубанский; с 20.08.1926 еп. Краснодарский и Кубанский; с 1.10.1927 еп. Ростовский, вик. Ярославской епархии; с 2.11.1927 еп. Подольский, вик. Московской епархии; с 18.05.1932 еп. Владимирский и Суздальский; с 5.02.1935 архиеп. Харьковский; с 1936 г. в заключении, где и скончался.
- Иннокентий**
(Никифоров) 30.11.1925 хирот. во еп. Семипалатинского, вик. Омской епархии; с 22.08.1928 еп. Семипалатинский и Устькаменогорский; с 18.03.1936 еп. Орловский; в дек. 1936 г. арестован; † в 1938 г. в заключении.
- Иннокентий**
(Поспелов) в 1928 г. еп. Яранский, вик. Вятской епархии; 1933–1934 еп. Алатырский, вик. Ульяновской епархии.
- Иннокентий**
(Пустынский) с 1917 г. еп. Ташкентский; с 1918 г. в сане архиепископа; с 1923 г. в обновленческом расколе; с марта 1923 г. на покое.
- Иннокентий**
(Сокаль) 10.05.1959 хирот. во еп. Смоленского и Дорогобужского; с 15.10.1964 на покое; † 14.05.1965.
- Иннокентий**
(Соколов) с 3.04.1905 еп. Бийский, вик. Томской епархии; с 1919 г. архиеп. Бийский и Алтайский; с 1924 г. епархией не управ.; † 14.08.1937.
- Иннокентий**
(Солодчин) с 2.05.1915 на покое (б. Приамурский); † 23.10.1919.
- Иннокентий**
(Сперанский) 27.05.1923 хирот. во еп. Старорусского; с 29.04.1931 еп. Орловский; с 31.12.1931 на покое; с 1947 г. временно управ. Красноярской епархией; с 1956 г. на покое; † 2.11.1969.
- Иннокентий**
(Тихонов) 28.02.1922 хирот. во еп. Ладожского, вик. Петроградской епархии; с дек. 1925 г. на епархии не был; с 30.08.1930 еп. Благовещенский; с 19.09.1932 на покое; с 19.10.1937 еп. Старорусский, вик. Новгородской епархии; с янв. 1937 г. архиеп. Харьковский; с 23.03.1937 архиеп. Винницкий; в нояб. 1937 г. арестован и погиб в заключении.
- Иннокентий**
(Фигуровский) с 3.06.1902 еп. Переславский, вик. Владимирской епархии; с марта 1918 г. архиеп. Пекинский; † 28.06.1931.
- Иннокентий**
(Шестопаль) 5.10.1994 хирот. во еп. Тульчинского и Брацлавского.
- Иннокентий**
(Ястребов) с сент. 1917 г. еп. Полоцкий и Витебский; с 1920 г. в сане архиепископа; с 1926 г. архиеп. Ставропольский; с 1927 г. архиеп. Астраханский; † 22.05.1928.
- Иоаким**
(Благовидов) в 1921 г. хирот. во еп. Алатырского, вик. Ульяновской епархии; 1923–1926 в Соловецком лагере; в 1928 г. архиеп. Ульяновский; † 4.12.1929.
- Иоаким**
(Левицкий) с 6.05.1916 архиеп. Нижегородский и Арзамасский; убит в 1918 г.

- Иоанн** (Алексеев) 25.12.1955 хирот. во еп. Таллинского и Эстонского; с 14.08.1961 архиеп. Горьковский и Арзамасский; с 25.05.1965 на покое; † 16.06.1966.
- Иоанн** (Боднарчук) 23.10.1977 хирот. во еп. Житомирского и Овручского; с 13.09.1989 на покое; 14.11.1989 лишен сана.
- 1.08.1923 хирот. во еп. Березовского, управ. Тобольской епархии; с 4.08.1924 еп. Воткинский, вик. Сарапульской епархии; с апр. 1926 г. еп. Суздальский, вик. Владимирской епархии; с 13.07.1927 еп. Шацкий, вик. Тамбовской епархии; с 27.02.1929 еп. Уральский и Покровский; с авг. 1930 г. еп. Курганский, вик. Тобольской епархии; с 23.10.1931 под арестом; с 21.06.1943 архиеп. Сарапульский; с 19.11.1943 архиеп. Ижевский; с 14.02.1945 архиеп. Уфимский; с 18.11.1948 на покое; с 4.06.1953 архиеп. Ульяновский и Мелекесский; с 21.05.1959 на покое; † 27.02.1968.
- Иоанн** (Булин) в 1929 г. хирот. во еп. Нарвского, вик. Таллинской епархии; в 1933 г. устранен от управ., выехал в Белград; с 1941 г. возвратился в Эстонию; с 1944 г. в ссылке в Сибири; пропал без вести.
- Иоанн** (Василевский) в 1923 г. хирот. во еп. Бронницкого, вик. Московской епархии; с 1927 г. еп. Воскресенский, вик. Московской епархии; † 4.03.1931.
- 28.12.1958 хирот. во еп. Подольского; с 30.06.1960 еп. Среднеевропейский, экзарх в Средней Европе; с 22.08.1961 в сане архиепископа; с 16.06.1962 архиеп. Алеутский и Североамериканский, экзарх Северной и Южной Америки; с 22.02.1963 архиеп. Нью-Йоркский и Алеутский; с 3.08.1963 в сане митрополита; с 7.10.1967 митр. Ярославский и Ростовский; с 26.12.1984 на покое; † 25.03.1989.
- Иоанн** (Вендланд) 23.02.1943 хирот. во еп. Рижского; с сент. 1944 г. в эмиграции, перешел в РПЦЗ; † 1.09.1978.
- Иоанн** (Гарклава) 6.08.1923 хирот. во еп. Моршанского, вик. Тамбовской епархии; с 23.01.1929 еп. Кунгурский; с 30.06.1930 в заключении.
- Иоанн** (Георгиевский) с 16.10.1916 еп. Новгород-Северский, вик. Черниговской епархии; с 1923 г. еп. Конотопский, вик. Черниговской епархии; в 1927 г. упом. на покое.
- Иоанн** (Доброславин) 22.11.1962 хирот. во еп. Кировского и Слободского; † 17.11.1966.
- Иоанн** (Иванов) в 1924 г. хирот. во еп. Раненбургского; в 1926 г. упом. как принесший покаяние за уход в «григорианский» раскол; в 1927 г. упом. на покое.
- Иоанн** (Киструссский) 24.10.1954 хирот. во еп. Жатецкого (Чехословакия); с 17.05.1956 митр. Пражский и всей Чехословакии; с 1965 г. на покое; † 5.06.1975.
- Иоанн** (Кухтин) 9.12.1941 хирот. во еп. Ковельского, вик. Волынской епархии; с 1942 г. еп. Брестский и Кобринский; с 1943 г. архиеп. Полесский и Брестский; с 1945 г. настоятель Свято-Владимирской церкви в Мариенбаде; с 1946 г. еп. Пермский; с 31.05.1956 архиеп. Алмаатинский; с 14.04.1957 архиеп. Челябинский и Златоустовский; с 15.07.1959 на покое; с 16.03.1961 архиеп. Костромской и Галичский; с 5.05.1961 на покое; † 12.10.1985.
- Иоанн** (Лавриненко) с 13.09.1916 еп. Краснодарский и Кубанский; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Иоанн** (Левицкий) 23.03.1923 хирот. во еп. Мозырского, вик. Минской епархии; 1928–1931 еп. Туровский; 1932–1933 еп. Рыльский; дальнейших сведений нет.
- Иоанн** (Пашин) в 1923 г. хирот. во еп. Егорьевского, вик. Московской епархии; в 1927 г.

- Иоанн** (Петропавловский) упом. на покое (б. еп. Феодосийский, вик. Таврической епархии) и под запретом; дальнейших сведений нет.
- Иоанн** (Поммер) с 20.09.1917 еп. Старицкий, вик. Тверской епархии; с 22.04.1918 еп. Пензенский; с 1921 г. архиеп. Рижский и Митавский; 12.10.1934 убит.
- Иоанн** (Попов) 4.04.1993 хирот. во еп. Белгородского, вик. Курской епархии; с 18.07.1995 еп. Белгородский и Старооскольский.
- Иоанн** (Поярков) в дек. 1922 г. хирот. во еп. Давлекановского, вик. Уфимской епархии; с 1928 г. еп. Уфимский и Давлекановский; с 2.04.1931 в сане архиепископа; † 17.01.1933.
- Иоанн** (Разумов) с 30.11.1953 еп. Костромской и Галичский; с 11.11.1954 еп. Псковский и Порховский; с 5.03.1959 еп. Берлинский и Германский; с 21.07.1960 еп. Псковский и Порховский; с 25.02.1962 в сане архиепископа; с 9.09.1972 в сане митрополита; с 12.05.1987 на покое; † 13.01.1990
- Иоанн** (Смирнов) с апр. 1917 г. архиеп. Рязанский и Зарайский; † 1919.
- Иоанн** (Снопко) 13.12.1996 хирот. во еп. Переяслав-Хмельницкого, вик. Киевской епархии.
- Иоанн** (Снычев) 12.12.1965 хирот. во еп. Сызранского, вик. Куйбышевской епархии; с 20.03.1969 еп. Куйбышевский и Сызранский; с 1976 г. в сане архиепископа; с 20.07.1990 митр. Ленинградский и Ладужский; с 7.09.1991 Санкт-Петербургский и Ладужский; † 2.01.1995.
- Иоанн** (Соколов) 29.09.1928 хирот. во еп. Орехово-Зуевского, вик. Московской епархии; с 25.09.1929 еп. Кимрский, вик. Калининской епархии; с 17.03.1931 еп. Орехово-Зуевский, вик. Московской епархии; с 14.05.1934 еп. Подольский, вик. Московской епархии; с 4.09.1934 еп. Егорьевский, вик. Московской епархии; с янв. 1936 г. еп. Волоколамский, вик. Московской епархии; с 17.07.1936 еп. Брянский; с окт. 1936 еп. Вологодский и Тотемский; с 23.05.1937 архиеп. Архангельский; с 1938 г. на покое; с нояб. 1941 г. архиеп. Ульяновский; с 1.08.1942 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 12.02.1944 митр. Киевский и Галицкий, экзарх Украины; с 30.03.1964 на покое; † 29.03.1968.
- Иоанн** (Тимофеев) 25.07.1993 хирот. во еп. Йошкар-Олинского и Марийского.
- Иоанн** (Троянский) 11.12.1922 хирот. во еп. обновленческими архиереями старого поставления; в 1925 г. принес покаяние и принят в сущем сане; с 3.03.1925 еп. Акмолинский, вик. Омской епархии; с 9.03.1932 еп. Рыбинский; с 22.11.1932 на покое; с 27.05.1935 еп. Великолуцкий и Торопецкий; с янв. 1936 еп. Осташковский, вик. Тверской епархии; с 23.06.1937 в заключении; расстрелян 4.09.1937.
- Иоанн** (Широков) 4.11.1929 хирот. во еп. Марийского, вик. Нижегородской епархии; с 2.07.1931 еп. Чебоксарский; с 29.07.1931 еп. Марийский; с 16.09.1931 еп. Волоколамский, вик. Московской епархии; с 3.05.1934 еп. Муромский, вик. Горьковской епархии; с 14.05.1934 еп. Орехово-Зуевский, вик. Московской епархии; с янв. 1936 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 19.07.1936 еп. Волоколамский, вик. Московской епархии; с 27.04.1937 в заключении, где и погиб.
- 22.01.1922 хирот. во еп. Задонского, вик. Воронежской епархии; упом. до

- Иоанн** 1923 г.
- Иоанн** упом. после 1917 г. как еп. Саткинский, вик. Уфимской епархии.
- Иоанн** 15.11.1928 хирот. во еп. Глазовского, вик. Вятской епархии; дальнейших сведений нет.
- Иоанникий**
(Дьячков) с 30.11.1916 еп. Олонецкий и Петрозаводский; † 1918.
- Иоанникий**
(Кобзев) 13.12.1988 хирот. во еп. Славянского, вик. Одесской епархии; с 19.02.1990 еп. Донецкий и Ворошиловградский, с 3.05.1990 Донецкий и Луганский; с окт. 1991 еп. Луганский и Старобельский; с 1993 г. в сане архиепископа.
- Иоанникий**
(Попов) 1.10.1931 хирот. во еп. Камышинского, вик. Саратовской епархии; с 24.06.1933 на покое; с 21.02.1937 еп. Рыбинский; † 1942.
- Иоанникий**
(Соколовский) 21.10.1921 хирот. во еп. Бахмутского; с дек. 1924 г. еп. Омский; с марта 1925 г. епархией не управ.; перешел в «лубенский», а затем в «григорианский» расколы; лишен сана.
- Иоанникий**
(Сперанский) 27.05.1923 хирот. во еп. Старорусского; с 29.04.1931 еп. Орловский; с 31.12.1931 в заключении; в 1941 г. выслан в Красноярск, где в 1947 г. врем. управ. Красноярской епархией; с 1956 г. на покое; † 2.11.1969.
- Иоанникий**
(Чанцев) в 1922 хирот. во еп. обновленческими архиереями старого поставления; в 1924 г. принес покаяние и принят в сущем сане; с 1924 г. еп. Акмолинский, вик. Петропавловской епархии; с 21.10.1932 еп. Кунгурский (правлящий); † 1.04.1933.
- Иоанникий**
(Чекановский) 16.05.1921 хирот. во еп. Бобровского, вик Воронежской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Иоасаф** (Жевахов) 6.07.1926 хирот. во еп. [Дмитриевского](#), вик. Курской епархии; с 1926 г. в заключении; с 19.09.1932 еп. Пятигорский; с 29.06.1934 еп. Могилевский; с 1936 г. епархией не управ.; расстрелян 4.12.1937.
- Иоасаф**
(Журманов) 13.08.1944 хирот. во еп. Симферопольского и Таврического; с 9.04.1946 еп. Тамбовский и Мичуринский; с 4.02.1955 в сане архиепископа; с 8.08.1968 на покое; † 18.03.1962.
- Иоасаф** (Калистов) с 20.03.1917 еп. Дмитровский, управ. Московской и Варшавской епархиями; с 15.01.1918 архиеп. Коломенский и Можайский, вик. Московской епархии; † 1918.
- Иоасаф** (Лелюхин) 17.08.1958 хирот. во еп. Сумского и Ахтырского; с 21.05.1959 еп. Днепропетровский и Запорожский; с 14.08.1961 еп. Винницкий и Брацлавский; с 25.02.1964 в сане архиепископа; с 30.03.1964 митр. Киевский и Галицкий, экзарх Украины; † 24.04.1966.
- Иоасаф**
(Овсянников) 30.10.1966 еп. Пермский и Соликамский; с 31.05.1973 еп. Ростовский и Новочеркасский; с 9.09.1977 в сане архиепископа; † 2.04.1982.
- Иоасаф** (Рогозин) 28.10.1923 хирот. во еп. Мензелинского, вик. Уфимского епархии; с 1923 г. в обновленческом расколе; в 1924 г. принес покаяние; с 1924 г. еп. Владивостокский; с 1924 г. еп. Кашинский, вик. Тверской епархии; с 1925 г. уклонился в обновленческий раскол; 10.06.1931 лишен сана обновленцами за _деспотизм и нетрезвость.
- 12.07.1920 хирот. во еп. Мамадышского, вик. Казанской епархии; с 1922 г.

- Иоасаф** (Удалов) еп. Чистопольской, вик. Казанской епархии; с 1929 г. в лагере в Сибири; с 1936 г. на свободе; 13.12.1937 арестован; расстрелян 2.12.1937.
2.05.1921 хирот. во еп. Кашинского, вик. Тверской епархии; с 1922 г. уклонился в обновленческий раскол; в 1923 г. принес покаяние; с 9.10.1923
- Иоасаф** (Шишковский-Дрылевский) еп. Малоярославецкий, вик. Калужской епархии; в 1927 г. упом. как еп. Могилевский; с 22.08.1928 на покое; с 25.09.1928 еп. Сызранский; с 3.04.1930 еп. Серпуховской, вик. Московской епархии; с 22.11.1933 еп. Можайский, вик. Московской епархии; с 23.03.1934 еп. Брянский; с 1935 г. в сане архиепископа; † 15.12.1935.
24.07.1942 хирот. во еп. Луцкого, вик. Волынской епархии; с 6.06.1943 еп. Кременецкий и Дубенский; с 14.02.1954 еп. Измаильский; с 5.04.1946 на покое; с 29.07.1946 еп. Лысковский, вик. Горьковской епархии; с 7.12.1950
- Иов** (Кресович) еп. Великолуцкий и Торопецкий; с 20.07.1951 еп. Чебоксарский и Чувашский; с 28.01.1953 еп. Казанский и Чистопольский; с 25.02.1954 в сане архиепископа; с 26.12.1957 архиеп. Казанский и Марийский; с марта 1960 г. на покое; с 23.10.1967 архиеп. Уфимский и Стерлитамакский; с 16.10.1973 архиеп. Ивановский и Кинешемский; † 4.12.1977.
в 1920 г. хирот. во еп. Вольского, вик. Саратовской епархии; с 1922 г. еп. Пятигорский и Прикумский; с 1926 г. еп. Усть-Медведицкий, вик. Донской епархии; с 1927 г. еп. Мстерский, вик. Владимирской епархии; † 20.04.1933.
- Иов** (Рогожин) 3.01.1975 хирот. во еп. Зарайского, вик. Московской епархии, управ. приходами РПЦ в Канаде и США; с 19.07.1976 зам. пред. ОВЦС; с 12.04.1982 в сане архиепископа; с 30.11.1988 архиеп. Костромской и Галичский; с 14.09.1989 архиеп. Житомирский и Овручский; с 5.10.1994 архиеп. Одинцовский, вик. Московской епархии; с 27.12.1996 архиеп. Челябинский и Златоустовский.
- Иов** (Тывонюк) 5.07.1964 хирот. во еп. Астраханского и Енотаевского; с 27.02.1968 еп. Ставропольский и Бакинский; † 1.06.1975.
- Иона** (Зырянов) 25.10.1992 хирот. во еп. Астраханского и Енотаевского.
- Иона** (Карпухин) 16.01.1926 хирот. во еп. Велижского, вик. Полоцкой епархии; с 1926 г. в заключении.
- Иона** (Лазарев) 19.03.1944 хирот. во еп. Воронежского; с февр. 1945 г. архиеп. Воронежский и Острогжский; † 26.05.1945.
- Иона** (Орлов) 23.04.1989 хирот. во еп. Переяслав-Хмельницкого, вик. Киевской епархии; с сент. 1991 г. на покое; с 1992 г. еп. Белоцерковский, вик Киевской епархии; с 1994 г. еп. Глуховский и Конотопский; с 28.07.1994 в сане архиепископа; с 27.07.1995 архиеп. Сумской и Ахтырский.
- Ионафан** (Елецких) 28.11.1965 хирот. во еп. Тегельского, вик. Среднеевропейского экзархата; с 7.10.1967 в сане архиепископа; с 7.10.1967 архиеп. Нью-Йоркский и Алеутский, экзарх Северной и Южной Америки; с 10.04.1970 на покое; с 8.06.1970 архиеп. Тамбовский и Мичуринский; с 11.10.1972 архиеп. Кишиневский и Молдавский; с 12.05.1987 на покое; † 21.05.1990.
- Ионафан** (Кополович) в 1921 г. хирот. во еп. Валдайского, вик. Новгородской епархии; с 1927 г. в
- Иосиф** (Невский)

- Иосиф (Орехов)** ^{законоснени} 9.09.1945 хирот. во еп. Воронежского и Острогожского; с 22.02.1950 в сане архиепископа; с 25.02.1959 в сане митрополита; † 14.01.1961.
с 15.03.1909 еп. Угличский, вик. Ярославской епархии; с 1920 г. архиеп. Ростовский, вик. Ярославской епархии; 1920–1925 врем. управ. Новгородской епархией; с 29.08.1926 митр. Ленинградский; с 17.09.1927 митр. Одесский и Херсонский, но назначения не принял; с 27.03.1928 запрещен в священнослужении; арестован и выслан в Казахстан; расстрелян 20.11.1937.
- Иосиф (Савраш)** 4.08.1957 хирот. во еп. Станиславского и Коломыйского; с 5.02.1965 в сане архиепископа; с 12.10.1982 на покое; † 5.06.1984.
14.11.1932 хирот. во еп. Таганрогского, вик. Ростовской епархии; с 1943 г. на епархии не был, неоднократно репрессирован; с 12.11.1956 еп. Петропавловский, вик. Алмаатинской епархии; с 14.03.1957 еп. Петропавловский и Кустанайский; с 25.02.1958 в сане архиепископа; с 15.09.1960 архиеп. Алмаатинский и Казахстанский; с 25.02.1968 в сане митрополита; † 4.09.1975.
- Иосиф (Чернов)** 14.11.1932 хирот. во еп. Таганрогского, вик. Ростовской епархии; с 1943 г. на епархии не был, неоднократно репрессирован; с 12.11.1956 еп. Петропавловский, вик. Алмаатинской епархии; с 14.03.1957 еп. Петропавловский и Кустанайский; с 25.02.1958 в сане архиепископа; с 15.09.1960 архиеп. Алмаатинский и Казахстанский; с 25.02.1968 в сане митрополита; † 4.09.1975.
- Иосиф** упом. в 1935 г. как еп. Темниковский, вик. Саранской епархии.
16.08.1992 хирот. во еп. Белоцерковского, вик. Киевской епархии; с 22.12.1992 еп. Донецкий и Славянский; с 29.07.1994 еп. Донецкий и Мариупольский; с 3.05.1996 на покое.
- Ипполит (Хилько)** 14.09.1925 хирот. во еп. Киренского, вик. Иркутской епархии; с 1928 г. еп. Камышинский, вик. Саратовской епархии; с 1931 г. еп. Бугурусланский, вик. Оренбургской епархии; с 19.10.1933 еп. Курганский; с 22.11.1943 еп. Сергачевский, вик. Горьковской епархии; с 17.09.1935 еп. Бугурусланский, вик. Оренбургской епархии; с нояб. 1936 г. по 21.01.1937 епархией не управ.; с 9.02.1937 еп. Пензенский; с дек. 1937 в заключении.
- Ираклий (Попов)** 16.07.1917 хирот. во еп. Березовского, вик. Тобольской епархии; 1918–1922 управ. Тобольской и Сибирской епархией; 1923–1925 еп. Якутский; 1925–1926 еп. Велико-Устюжский и Усть-Вымский; с окт. по дек. 1926 г. еп. Ставропольский и Кубанский; в 1931 г. еп. Пермский; † 1.03.1933
30.01.1966 хирот. во еп. Мюнхенского и Западногерманского; с 24.02.1971 еп. Баденский и Баварский; с 9.09.1972 в сане архиепископа; с 13.03.1975 архиеп. Венский и Австрийский; с 9.09.1986 в сане митрополита; с 6.10.1995 на покое.
- Иринарх (Синеоков-Андреевский)** 27.07.1975 хирот. во еп. Уфимского и Стерлитамакского; с 19.07.1976 еп. Серпуховский, вик. Московской епархии, управ. приходами в Канаде и США; с 16.07.1982 архиеп. Алмаатинский и Казахстанский; с 28.03.1984 архиеп. Харьковский и Богодуховский; с 13.09.1989 архиеп. Львовский и Тернопольский; с 10.04.1990 архиеп. Ровенский и Острожский; с 19.10.1993 архиеп. Днепропетровский и Криворожский; с 27.07.1996 архиеп. Днепропетровский и Павлоградский.
- Ириней (Зуземель)** 27.01.1923 хирот. во еп. Кушвинского, вик. Свердловской епархии (единоверческой); с 2.11.1923 еп. Мензелинский; с 26.05.1924 еп. Мамалыжский, вик. Сарапульской епархии; с 19.02.1925 еп. Елабужский, вик. Сарапульской епархии; с янв. 1926 г. в «григорианском» расколе; в мае
- Ириней (Середний)**

- (Шульмин)** 1926 г. принес покаяние; с 1929 г. еп. Елабужский, вик. Казанской епархии; с 1930 г. еп. Бугурусланский; 1930–1934 еп. Мамадышский; с 1934 г. еп. Пензенский; с 21.05.1935 еп. Куйбышевский; расстрелян в 1937 г. 28.11.1954 хирот. во еп. Угличского, вик. Ярославской епархии; † 21.10.1960.
- Исайя (Ковалев)**
- Исидор (Богоявленский)** 22.06.1947 хирот. во еп. Таллинского и Эстонского; † 18.12.1949.
- Исидор (Кириченко)** 19.06.1977 хирот. во еп. Архангельского и Холмогорского (с 26.06.1985 Архангельский и Мурманский); с 12.05.1987 еп. Краснодарский и Кубанский; с 10.04.1989 в сане архиепископа; с 26.02.1994 архиеп. Краснодарский и Новороссийский.
- Исидор (Колоколов)** с 8.03.1917 на покое (б. еп. Михайловский, вик Рязанской епархии); убит в 1918 г.
- Иувеналий (Масловский)** с 28.07.1917 еп. Тульский и Белевский; с 17.10.1923 архиеп. Курский и Обоянский; с янв. 1925 г. в Соловецком лагере; с 10.05.1928 архиеп. Рязанский и Зарайский; с 22.01.1936 в заключении; расстрелян 25.10.1937.
- Иустин (Мальцев)** 8.01.1945 хирот. во еп. Вологодского и Череповецкого; с нач. 1949 г. еп. Псковский и Порховский; с 20.10.1949 еп. Казанский и Чистопольский; † 4.04.1950.
- Кассиан (Ярославский)** 26.03.1961 еп. Угличский, вик. Ярославской епархии; с 14.05.1963 архиеп. Новосибирский и Барнаульский; с 20.05.1964 архиеп. Костромской и Галичский; с 30.11.1988 на покое; † 20.03.1990.
- Киприан (Зернов)** 6.08.1961 хирот. во еп. Подольского, вик. Московской епархии; с 14.11.1961 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 5.08.1963 в сане архиепископа; с 20.05.1964 архиеп. Берлинский и Среднеевропейский, экзарх Среднеевропейский; с 23.06.1966 на покое; † 5.04.1987.
- Киприан (Комаровский)** с 4.12.1911 еп. Семипалатинский, вик. Омской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе; в 1923 г. принес покаяние, арестован, заключен в Соловецкий лагерь; с 13.11.1925 еп. Владивостокский; с 1927 г. в сане архиепископа; с 15.09.1927 архиеп. Нижне-Ундинский, вик. Иркутской епархии; с 19.07.1929 на покое; с 23.10.1932 архиеп. Златоустовский, вик. Уфимской епархии; с авг. 1933 г. архиеп. Ижевский и Златоустовский; с 11.06.1934 архиеп. Вятский; с 5.08.1937 в заключении.
- Кирилл (Васильев)** в 1923 г. хирот. во еп. Любанского, вик. Новгородской епархии; после 1924 г. еп. Маловишерский; принял схиму с именем Макарий; убит 1.04.1944.
- Кирилл (Гундяев)** 14.03.1976 хирот. во еп. Выборгского, вик. Ленинградской епархии; с 9.09.1977 в сане архиепископа; с 26.12.1984 архиеп. Смоленский и Калининградский; с 25.02.1991 в сане митрополита.
- Кирилл (Ильинский)** 13.06.1921 хирот. во еп. Тотемского, вик. Вологодской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе.
- Кирилл (Поспелов)** 1.04.1944 хирот. во еп. Пензенского и Саранского; с 1944 г. еп. Ташкентский и Среднеазиатский; с 20.06.1940 еп. Ивановский и Шуйский; с 27.01.1947 еп. Пензенский и Саранский; с 25.02.1951 в сане архиепископа; † 18.12.1953.

- Кирилл (Смирнов)** с 6.05.1913 архиеп. Тамбовский и Шацкий; с 19.03.1918 митр. Тифлиссский и Бакинский; с 1919 г. в заключении; с сер. 1920 г. митр. Казанский и Свияжский; с апр. 1922 г. в ссылке; с дек. 1929 г. запрещен в священном служении; расстрелян 20.11.1937.
- Кирилл (Соколов)** 9.12.1921 хирот. во еп. Феодосийского; с 1922 г. еп. Любимский, вик. Ярославской епархии; с 1924 г. еп. Нижне-Ундинский, вик. Иркутской епархии; с 1925 г. еп. Ейский, вик. Ростовской (на Дону) епархии; с 1926 г. еп. Саранский, вик. Пензенской епархии; с 7.09.1927 еп. Краснослободский, вик. Пензенской епархии; с 24.08.1924 еп. Пензенский; с 13.01.1931 в заключении; расстрелян 31.08.1937.
- Климент (Капалин)** 8.08.1982 хирот. во еп. Серпуховского, вик. Московской епархии, до 23.03.1987 управ. приходами РПЦ в Канаде и США; с 19.05.1989 в сане архиепископа; с 20.07.1990 архиеп. Калужский и Боровский.
- Климент (Перестюк)** 23.10.1966 хирот. во еп. Свердловского и Курганского; с 9.09.1977 в сане архиепископа; с 8.08.1980 на покое; † 14.05.1986.
- Константин (Булычев)** с 6.05.1915 архиеп. Могилевский и Мстиславский; с 1922 г. в обновленческом расколе; затем принес покаяние; 22.12.1925 уклонился в «григорианский» раскол.
- Константин (Горянов)** 16.06.1991 хирот. во еп. Новогрудского, вик. Минской епархии; с 19.02.1992 еп. Новогрудский и Лидский; с 17.07.1996 еп. Тихвинский, вик. Санкт-Петербургской епархии.
- Константин (Дьяков)** 8.09.1924 хирот. во еп. Сумского, вик. Харьковской епархии; с 12.11.1927 архиеп. Харьковский и Ахтырский, экзарх Украины; с 18.05.1932 в сане митрополита; с 26.06.1934 митр. Киевский, экзарх Украины; † 10.11.1937 в тюрьме.
- Константин (Хомич)** 12.04.1987 хирот. во. еп. Пинского, вик. Минской епархии; с 6.07.1989 еп. Пинский и Брестский; с 19.02.1990 еп. Брестский и Кобринский; с 25.02.1995 в сане архиепископа.
- Корнилий (Попов)** с 5.07.1915 еп. Рыбинский, вик. Ярославской епархии; с 15.02.1921 еп. Сумской, вик. Харьковской епархии; с сент. 1922 г. в обновленческом расколе; 4.12.1943 принес покаяние, принят в сущем сане и назначен еп. Сумским и Ахтырским; с февр. 1945 г. в сане архиепископа; с 13.04.1945 архиеп. Виленский и Литовский; 1945–1947 управ. Рижской епархией; с 18.11.1948 архиеп. Горьковский и Арзамасский; с 25.02.1955 в сане митрополита; с 14.08.1961 на покое; † 27.10.1966.
- Корнилий (Соболев)** 30.09.1917 хирот. во еп. Каширского, вик. Тульской епархии; с 1920 г. еп. Новосильский, вик. Тульской епархии; с 1921 г. еп. Вязниковский, вик. Владимирской епархии; с 1923 г. в заключении и ссылке; с 1926 г. еп. Владимирский и Суздальский (в течение месяца); в том же году еп. Свердловский и Ирбитский (номинально, будучи в заключении и ссылке); † 16.04.1933.
- Корнилий (Якобс)** 15.09.1990 хирот. во еп. Таллинского, вик. Патриарха Московского и всея Руси; с 11.08.1992 еп. Таллинский и Эстонский; с 29.04.1993 еп. Таллинский и всей Эстонии; с 25.02.1995 в сане архиепископа.
- Кронид** 19.09.1992 хирот. во еп. Днепропетровского и Криворожского; † 6.09.1993.

- (Мищенко)
Лаврентий
(Князев)** в нач. 1917 г. хирот. во еп. Балахнинского, вик. Нижегородской епархии; расстрелян 6.11.1918.
- Лазарь (Швец)** 18.04.1980 хирот. во еп. Аргентинского и Южноамериканского; с 20.06.1985 в сане архиепископа; с 26.06.1985 архиеп. Ивано-Франковский и Коломыйский; с 4.10.1985 архиеп. Аргентинский и Южноамериканский, экзарх Центральной и Южной Америки; с 10.04.1989 архиеп. Тернопольский и Кременецкий; с 11.02.1991 архиеп. Одесский и Измаильский; с 1992 г. архиеп. Симферопольский и Крымский.
- Лев (Церпицкий)** 1.11.1987 хирот. во еп. Ташкентского и Среднеазиатского; с 20.07.1990 еп. Новгородский и Старорусский; с 25.02.1995 в сане архиепископа.
- Лев (Черепанов)** 26.01.1923 хирот. во еп. Нижне-Тагильского; с 1924 г. в ссылке; с 1927 г. еп. Алмаатинский; с 1929 г. под арестом; с 11.08.1933 еп. Ставропольский; арестован в 1934 г.
- Леонид
(Антощенко)** 26.06.1927 хирот. во еп. Переславского, вик. Владимирской епархии; с 1932 г. еп. Александровский, вик. Владимирской епархии; с 17.01.1935 еп. Кунгурский; с марта 1937 еп. Марийский; † 1937 (?).
- Леонид (Лобачев)** 7.06.1953 хирот. во еп. Астраханского и Сталинградского; с 9.02.1954 еп. Пензенский и Саранский; с 22.03.1960 еп. Калужский и Боровский; с 9.05.1960 в сане архиепископа; с 19.07.1962 на покое; с 14.05.1963 архиеп. Калужский и Боровский; с 29.05.1964 архиеп. Харьковский и Богодуховский; † 28.07.1967.
- Леонид (Поляков)** 11.06.1959 хирот. во еп. Курского и Белгородского; с 9.04.1962 еп. Можайский, вик. Московской епархии; с 29.05.1962 в сане архиепископа; с 4.08.1963 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 20.05.1964 архиеп. Пермский и Соликамский; с 8.10.1966 архиеп. Рижский и Латвийский; с 9.09.1979 в сане митрополита; † 8.09.1990.
- Леонид (Скобеев)** 12.07.1920 хирот. во еп. Ковровского, вик. Владимирской епархии; с 1921 г. еп. Верненский; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 19.01.1932.
- Леонтий (Бондарь)** 10.08.1956 хирот. во еп. Бобруйского, вик. Минской епархии; с 5.05.1961 еп. Новосибирский и Барнаульский; с 14.05.1963 еп. Оренбургский и Бузулукский; с 9.09.1971 в сане архиепископа; с 25.02.1992 в сане митрополита.
- Леонтий
(Вимпфен)** с 2.09.1917 еп. Енотаевский; расстрелян 23.06.1919.
- Леонтий
(Гудимов)** 14.01.1962 хирот. во еп. Подольского, вик. Московской епархии; с 22.12.1964 еп. Волынский и Ровенский; с 8.10.1965 еп. Симферопольский и Крымский; с 7.10.1967 еп. Харьковский и Богодуховский; с 25.02.1968 в сане архиепископа; с 1.12.1970 архиеп. Берлинский и Среднеевропейский, экзарх в Средней Европе; с 18.04.1973 на покое; с 31.05.1973 архиеп. Симферопольский и Крымский; с 10.04.1989 в сане митрополита; с 19.02.1990 митр. Херсонский и Таврический; † 16.03.1992.
- Леонтий
(Матусевич)** 3.09.1922 хирот. во еп. Коростенского, вик. Волынской епархии; с 1923 г. в обновленческом расколе; принес покаяние; † 23.12.1942 в заключении.
- Леонтий** 6.05.1944 хирот. во еп. Архангельского и Холмогорского; с 25.02.1952 в

- (Смирнов) с 28.01.1917 еп. Орловский и Севский; с мая 1917 г. на покое; расстрелян 4.09.1918.
- Леонтий**
(Устинов) 24.04.1922 хирот. во еп. Печерского, вик. Нижегородской епархии; 24.07.1924 вступил в гражданский брак; в 1925 г. лишен сана, монашества и исключен из клира.
- Леонтий**
(Филиппович) 26.11.1941 хирот. во еп. Бердичевского, вик. Волынской епархии; с 1941 г. управ. Житомирской епархией; перешел в «Украинскую автокефальную Церковь»; † 2.07.1971.
- Лоллий**
(Юрьевский) в 1921 г. хирот. во еп. Могилевского, вик. Подольской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе; принес покаяние; † 11.02.1935.
- Лонгин** (Талыпин) 11.10.1981 хирот. во еп. Дюссельдорфского; с 10.04.1989 в сане архиепископа; с 23.12.1992 архиеп. Клинский, вик. Московской епархии, настоятель Покровского ставропигиального храма в Дюссельдорфе.
- Лука** (Войно-Ясенецкий) 12.05.1923 хирот. во еп. Ташкентского и Туркестанского; с 1923 г. в ссылке; с 25.01.1925 еп. Ташкентский и Туркестанский; с нояб. 1927 г. в ссылке; с осени 1942 г. архиеп. Красноярский; с янв. 1944 г. архиеп. Тамбовский и Мичуринский; с мая 1946 г. архиеп. Симферопольский и Крымский; † 11.06.1961.
- Макарий**
(Гневушев) с 28.01.1917 еп. Орловский и Севский; с мая 1917 г. на покое; расстрелян 4.09.1918.
- Макарий** (Даев) 14.05.1944 хирот во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с 25.02.1951 в сане архиепископа; † 13.01.1960.
- Макарий**
(Звездов) 16.05.1926 хирот. во еп. Торопецкого, вик. Псковской епархии; с 1926 г. еп. Великолуцкий, вик. Псковской епархии; с 15.09.1927 еп. Муромский, вик. Владимирской епархии; с 1928 г. в сане архиепископа; с февр. 1933 г. архиеп. Ирбитский; с 8.03.1933 архиеп. Свердловский; с 3.05.1934 архиеп. Вятский; с 11.06.1934 архиеп. Свердловский; с 20.06.1935 в заключении.
- Макарий**
(Знаменский) 25.07.1920 хирот. во еп. Васильсурского, вик. Нижегородской епархии; с 1922 г. в заключении; в 1927 г. упом. как еп. Краснослободский, вик. Пензенской епархии; дальнейших сведений нет.
- Макарий**
(Ильинский) 13.10.1935 хирот. во еп. Бостонского (Северная Америка); с 26.01.1946 воссоединился с МП; с 15.05.1946 в сане архиепископа; с 31.10.1947 экзарх в США; с 31.07.1952 в сане митрополита; † 12.11.1953.
- Макарий**
(Кармазин) в 1921 г. хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; с 1925 г. еп. Екатеринославский (Днепропетровский); с 1927 г. епархией не управ.; расстрелян 20.11.1937.
- Макарий**
(Оксиюк) 22.04.1945 хирот. во еп. Львовского и Тернопольского; с 3.06.1948 в сане архиепископа; с 15.05.1951 в юрисдикции Польской Автокефальной Церкви; с 8.07.1951 митр. Варшавский и всей Польши; † 2.03.1961.
- Макарий**
(Опоцкий) 14.09.1922 хирот. во еп. обновленческими епископами старого поставления; после покаяния с марта 1924 г. еп. Череповецкий; основал сектантское общество и был отлучен от Церкви; принес покаяние; † не ранее 1937 г.
- Макарий** (Павлов) с 28.01.1917 еп. Владикавказский и Моздокский; уклонился в обновленческий раскол.

Макарий (Парвицкий; «Невский»)	с 20.03.1917 на покое (б. митр. Московский); † 16.02.1926.
Макарий (Свистун)	7.06.1970 хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; до 26.12.1974 управ. приходами РПЦ в Канаде и США; с 9.09.1979 в сане архиепископа; с 12.10.1982 архиеп. Ивано-Франковский и Коломыйский; с 26.06.1985 архиеп. Аргентинский и Южноамериканский, экзарх Центральной и Южной Америки; с 4.10.1985 архиеп. Ивано-Франковский и Коломыйский; с 20.03.1990 на покое; с 20.07.1990 архиеп. Клинский, вик. Московской епархии, управ. приходами РПЦ в США, а затем и в Канаде; с 19.02.1992 освобожден от управ. приходами РПЦ в США и Канаде; с 4.10.1994 архиеп. Винницкий и Могилев-Подольский.
Максим (Бачинский)	13.05.1944 хирот. во еп. Луцкого; с 1944 г. еп. Винницкий и Каменец-Подольский; с дек. 1945 г. еп. Лысковский, вик. Горьковской епархии; с мая 1946 г. еп. Измаильский и Болградский; с 10.06.1947 еп. Великолуцкий и Торопецкий; с 1948 г. на покое; дата † неизвестна.
Максим (Жижиленко)	в 1924 г. хирот. во еп. Овручского; с 1928 г. еп. Серпуховской; с 1929 г. в Соловецком лагере; расстрелян 18.02.1931.
Максим (Кроха)	26.03.1972 хирот. во еп. Аргентинского и Южноамериканского; с 15.12.1973 на покое; с 26.12.1974 еп. Омский и Тюменский; с 9.09.1984 в сане архиепископа; с 29.07.1986 архиеп. Тульский и Белевский; с 6.06.1989 архиеп. Могилевский и Мстиславский.
Максим (Руберовский)	в 1923 г. хирот. во еп. Полонского, вик. Вольнской епархии; с 1929 г. еп. Вольнский; арестован после 1936 г.; расстрелян 23.11.1937.
Максимилиан (Лазаренко)	10.04.1993 хирот. во еп. Вологодского и Великоустюжского.
Мануил (Лемешевский)	23.09.1922 хирот. во еп. Лужского; с 2.02.1924 под арестом; с 25.04.1928 еп. Серпуховской, вик. Московской епархии; с 31.01.1930 в заключении; с 14.02.1945 еп. Чкаловский и Бузулукский; с 1946 г. в сане архиепископа; с 5.09.1948 в заключении; с 21.12.1955 врем. управ. Чебоксарской епархией; с 7.02.1956 архиеп. Чебоксарский и Чувашский; с 22.03.1960 архиеп. Куйбышевский и Сызранский; с 25.02.1962 в сане митрополита; с 25.11.1965 на покое; † 12.08.1968.
Мануил (Павлов)	14.08.1990 хирот. во еп. Петрозаводского и Олонецкого.
Марк (Бакулдин)	в 1920 г. хирот. во еп. Владивостокского; с 1922 г. в заключении.
Марк (Боголюбов)	5.11.1922 хирот. во еп. Стерлитамакского; с 1929 г. еп. Приморский и Владивостокский; с 1930 г. еп. Забайкальский и Читинский; † 24.03.1935.
Марк (Петровцы)	28.07.1988 хирот. во еп. Кременецкого, вик. Львовской епархии; с 28.12.1988 еп. Тернопольский и Кременецкий; с 10.04.1989 еп. Аргентинский и Южноамериканский; с 1.11.1993 еп. Каширский, вик. Московской епархии, управ. приходами РПЦ в Канаде.
Марк (Тужиков)	3.09.1995 хирот. во еп. Хабаровского и Приамурского.
Марк (Шавыкин)	2.02.1969 хирот. во еп. Сан-Францисского; с 10.04.1970 на покое; с 11.08.1970 еп. Ладожский (титулярный); с 29.12.1983 на покое; †

13.01.1989

в 1923 г. хирот. во еп. Новоград-Северского, вик. Черниговской епархии; с

Матфей (Храмцев) 1926 г. еп. Городнянский, вик. Черниговской епархии; с 1930 г. еп. Брянский и Севский; † 7.04.1931.

Мелетий (Заборовский) с 26.01.1916 еп. Забайкальский и Нерчинский; с 1929 г. еп. Харбинский; с 1939 г. митр. Харбинский и Маньчжурский; † 6.04.1946.

Мелитон (Соловьев) 26.07.1970 хирот. во еп. Тихвинского, вик. Ленинградской епархии; с 24.04.1980 в сане архиепископа; † 4.11.1986.

Мелхиседек (Аверченко) 13.06.1925 хирот. во еп. Андреевского; уклонился в обновленческий раскол; в 1926 г. принес покаяние; с мая 1926 г. еп. Уразовский; с окт. 1926 г. еп. Пишневский, вик. Туркестанской епархии; с 17.10.1929 в заключении; с 1931 г. еп. Курганский; с 19.11.1933 в заключении.

Мелхиседек (Лебедев) 17.06.1965 хирот. во еп. Вологодского и Великоустюжского; с 7.10.1967 еп. Венский и Австрийский; с 25.06.1970 еп. Пензенский и Саранский; с 9.09.1976 в сане архиепископа; с 10.10.1978 архиеп. Берлинский и Среднеевропейский, экзарх в Средней Европе; с 26.12.1984 архиеп. Свердловский и Курганский; с 28.02.1994 архиеп. Брянский и Севский.

Мелхиседек (Николин) 26.09.1920 хирот. во еп. Каширского, вик. Тульской епархии; с мая 1922 г. в обновленческом расколе; в 1944 г. принес покаяние.

Мелхиседек (Паевский) с 17.06.1917 еп. Ладожский, вик. Петроградской епархии; с 1919 г. еп. Минский и Туровский; в июле 1923 г. провозглашен «митр. Минским и Белорусским», главой «Автономной Белорусской Церкви»; с янв. 1926 г. в «григорианском» расколе; в июне 1926 г. принес покаяние, сложил титул митрополита; с 1928 г. архиеп. Енисейский и Красноярский; † 17.05.1931.

Мефодий (Абрамкин) 27.06.1924 хирот. во еп. Ранненбургского, вик. Тамбовской епархии; с 6.02.1931 еп. Бугурусланский; с 27.04.1931 еп. Бутурлинский, вик. Воронежской епархии; с 8.03.1933 еп. Пятигорский; с 17.03.1936 в сане архиепископа; с окт. 1937 в заключении.

Мефодий (Герасимов) с 1918 г. архиеп. Оренбургский и Тургайский; с 1919 г. в эмиграции; с 1920 г. архиеп. Харбинский; с 1929 г. в сане митрополита; † 11.10.1929.

Мефодий (Красноперов) с 6.11.1914 еп. Петропавловский, вик. Омской епархии; убит 4.02.1921.

Мефодий (Мензак) 29.08.1962 хирот. во еп. Вольнского и Ровенского; с 22.12.1964 еп. Черновицкий и Буковинский; с 7.10.1967 еп. Вологодский и Великоустюжский; † 23.10.1974.

Мефодий (Немцов) 27.04.1980 хирот. во еп. Иркутского и Читинского; с 16.07.1982 еп. Воронежский и Липецкий; с 26.06.1985 в сане архиепископа; с апр. 1988 г. в сане митрополита.

Мефодий (Петровцкий) 30.07.1994 хирот. во еп. Хустского и Виноградовского.

Мисаил (Крылов) с 21.09.1917 на покое (б. еп. Олонецкий); † после 1918 г.

Митрофан (Абрамов) с 5.07.1916 еп. Сумской, вик. Харьковской епархии; † 20.06.1918.

Митрофан (Афонский) с 20.03.1914 еп. Подольский и Брацлавский; † 1920.

- Митрофан**
(Гринев) 27.06.1921 хирот. во еп. Аксайского; 1923–1927 в Соловецком лагере; с 16.09.1927 еп. Алатырский, вик. Ульяновской епархии; с 29.10.1930 еп. Ульяновский; с 16.07.1933 на покое; с 12.11.1935 еп. Арзамасский (правящий); с 1937 г. в заключении.
- Митрофан**
(Гутовский) 5.07.1953 хирот. во еп. Бобруйского, вик. Минской епархии; с 28.11.1955 еп. Орловский и Брянский; с 31.05.1956 еп. Куйбышевский и Сызранский; † 12.09.1959.
- Митрофан**
(Загорский) с 1917 г. еп. Муромский, вик. Владимирской епархии; с янв. 1919 г. еп. Михайловский, вик. Рязанской епархии; † февр. 1919 г.
- Митрофан**
(Краснопольский) с 1918 г. архиеп. Астраханский; расстрелян 21.06.1919.
- Митрофан**
(Огиенко) в 1924 г. упом. как еп. Прикаспийский и Бакинский.
- Митрофан**
(Поликарпов) 7.01.1924 хирот. во еп. Бугумильского, вик. Казанской епархии; с 1927 г. еп. Бутурлинский, вик. Воронежской епархии, † 9.12.1934.
в окт. 1924 г. хирот. во еп. Болховского, вик. Орловской епархии; с 1925 г. в «григорианском» расколе; в 1932 г. принес покаяние; с 1933 г. еп. Старооскольский; с 27.07.1935 еп. Полтавский; с марта 1937 еп. Одесский; † 1939.
- Митрофан**
(Русинов) с 1915 г. архиеп. Донской и Новочеркасский; с 1922 г. в сане митрополита; с 1926 г. в «григорианском» расколе; † после 1928 г.
- Михаил**
(Богданов) с 11.07.1914 еп. Самарский и Ставропольский; с 1918 г. в эмиграции; с 1919 г. еп. Владивостокский; † 1925.
4.12.1953 хирот. во еп. Чкаловского и Бузулукского (с 7.12.1957 еп. Оренбургский и Бузулукский); с 23.11.1960 еп. Казанский и Марийский; с 25.02.1963 в сане архиепископа; с 7.10.1967 архиеп. Уфимский и Стерлитамакский; с 23.10.1967 архиеп. Казанский и Марийский; с 25.07.1975 на покое; † 21.10.1976.
- Михаил**
(Воскресенский) с 1915 г. архиеп. Гродненский и Брестский; с 1921 г. управ. Киевской епархией; с 1924 г. митр. Киевский и экзарх Украины; 1925–1927 в заключении; † 30.03.1929.
- Михаил**
(Ермаков) с 3.07.1911 еп. Александровский, Ставропольской епархии; с 1920 г. в эмиграции; † 1925.
- Михаил**
(Краснодемянский) в 1920 г. хирот. во еп. Арзамасского, вик. Нижегородской епархии; с 1928 г. в заключении.
- Михаил**
(Кудрявцев) 25.02.1946 хирот. во еп. Дрогобычского и Самборского; † 9.10.1955.
- Михаил**
(Мельник) 6.11.1966 хирот. во еп. Тихвинского, вик. Ленинградской епархии; с 30.07.1968 еп. Астраханский и Енотаевский; с 9.09.1977 в сане архиепископа; с 27.12.1979 архиеп. Вологодский и Великоустюжский; с 10.04.1993 на покое.
- Михаил**
(Мудьюгин) с 13.10.1922 обновленческий епископ; 5.11.1943 принес покаяние; с 12.02.1944 еп. Архангельский; с 27.01.1947 еп. Ивановский и Шуйский; с 19.07.1947 на покое; дата † неизвестна.
- Михаил**
(Постников)

- Михаил**
(Расковалов) 3.04.1993 хирот. во еп. Курганского и Шадринского.
- Михаил**
(Рубинский) 29.04.1945 хирот. во еп. Херсонского и Николаевского; с 1947 г. еп. Кировоградский и Чигиринский; с 12.05.1947 на покое; с 28.02.1948 еп. Великолуцкий и Торопецкий; с 31.10.1950 на покое; † 29.12.1962.
13.12.1953 хирот. во еп. Лужского, вик. Ленинградской епархией, управ. патр. приходами в Финляндии; с 11.11.1954 еп. Старорусский, вик. Ленинградской епархии; с 1.02.1955 еп. Вяземский; затем еп. Смоленский и Дорогобужский; с 1.08.1957 еп. Берлинский и Германский; с 5.03.1959 еп. Ижевский и Удмуртский; с 8.08.1961 еп. Тамбовский и Мичуринский; с 16.11.1962 еп. Ставропольский и Бакинский; с 25.02.1965 в сане архиепископа; с 27.02.1968 архиеп. Воронежский и Липецкий; с 11.10.1972 архиеп. Вологодский и Великоустюжский; с 3.09.1974 архиеп. Тамбовский и Мичуринский; † 25.04.1985.
- Михаил** (Чуб) с 1913 г. на покое (б. еп. Уфимский); † 3.02.1931.
- Михей** (Алексеев) 17.12.1993 хирот. во еп. Ярославского и Ростовского; с 25.02.1995 в сане архиепископа.
- Михей** (Хархаров) с 9.10.1917 еп. Севастопольский; с 11.12.1917 на покое; с 1922 г. в обновленческом расколе; 3.06.1931 принес покаяние; с 5.10.1931 еп. Уральский; с 27.12.1932 на покое; с 11.08.1933 еп. Вяземский; с 17.03.1936 в сане архиепископа; с 29.10.1937 епархией не управлял.
- Модест** (Никитин) 4.03.1956 хирот. во еп. Великолуцкого и Торопецкого; с 8.08.1957 еп. Свердловский и Ирбитский; с 21.02.1958 еп. Омский и Тюменский; с 27.07.1959 еп. Вологодский и Череповецкий; с 15.10.1964 еп. Вологодский и Великоустюжский; с 25.02.1965 в сане архиепископа; с 25.05.1965 архиеп. Горьковский и Арзамасский; с 14.01.1966 на покое; с 7.10.1967 архиеп. Кировский и Слободской; с 25.03.1978 на покое; † 2.04.1978.
- Мстислав**
(Волонсевич) с 9.02.1918 еп. Енисейский и Красноярский; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 8.05.1940 без покаяния.
- Назарий**
(Андреев) с 31.01.1910 еп. Черкасский, вик. Киевской епархии; 1919–1921 управ. Киевской епархией; с 1925 г. архиеп. Тобольский; с 1928 г. на покое.
- Назарий** (Блинов) с 28.09.1917 на покое (б. архиеп. Херсонский); с 1920 г. архиеп. Курский и Обоянский; с 1923 на покое; с 1925 управ. Курской епархией; † 2.07.1928.
- Назарий**
(Кириллов) с 17.04.1912 еп. Архангельский и Холмогорский; с 1918 г. в сане архиепископа; с 1921 г. архиеп. Харьковский и Ахтырский; с 1924 г. в сане митрополита; с 1924 г. в заключении; с 1927 г. управ. Воронежской епархией; с 1927 г. на покое; † 7.04.1933.
- Нафанаил**
(Троицкий) 29.06.1947 хирот. во еп. Петрозаводского и Олонецкого; с 3.07.1948 еп. Тираспольский; с 7.06.1949 еп. Кишиневский и Молдавский; с 25.02.1956 в сане архиепископа; с 3.08.1963 в сане митрополита; † 9.03.1969.
- Нектарий**
(Григорьев) хирот. во еп. Саратовского и Вольского 26.03.1994, † 19.11.1994.
- Нектарий**
(Коробов) 3.06.1924 хирот. во еп. Велижского, вик. Полоцкой епархии; с 1925 г. еп. Яранский, вик. Вятской епархии; с 1927 г. на покое; 1929–1930 в Соловецком лагере; † 1939.
- Нектарий**
(Трезвинский)

- Неофит** (Коробов) 25.04.1927 хирот. во еп. Городецкого, вик. Нижегородской епархии; с 19.07.1929 еп. Ветлужский; с авг. 1937 г. в заключении; расстрелян в нояб. 1937 г.
- Неофит** (Следников) с 16.10.1917 еп. Старобельский, вик. Харьковской епархии; † 1918.
- Нестор** (Анисимов) с 16.10.1916 еп. Камчатский и Петропавловский; с 1921 г. в эмиграции; с 1933 г. в сане архиепископа; с окт. 1944 г. воссоединился с РПЦ; с 6.04.1946 митр. Харбинский и Маньчжурский; 1948–1956 в лагерях; с 18.07.1956 митр. Новосибирский и Барнаульский; с 8.09.1958 на покое; с 9.12.1959 врем. управ. Кировоградской епархией; с 1960 г. митр. Кировоградский и Николаевский; † 4.11.1962.
- Нестор** (Сапсай) 6.03.1994 хирот. во еп. Петропавловского и Камчатского.
- Нестор** (Сидорук) 14.10.1945 хирот во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; с 24.10.1945 еп. Ужгородский и Мукачевский; с 3.06.1948 еп. Курский и Белгородский; † 1.10.1951.
- Нестор** (Тугай) 6.12.1953 хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; с 11.11.1954 еп. Переяслав-Хмельницкий; с 16.03.1961 еп. Харьковский и Богодуховский; с 30.03.1964 еп. Черниговский и Нежинский; † 17.02.1969.
- Никандр** (Викторов) 22.09.1946 хирот. во еп. Цицикарского, вик. Харбинской епархии; с 1952 г. еп. Харбинский и Маньчжурский, управ. Восточноазиатским экзархатом; с 7.02.1956 еп. Курский; с 1956 г. еп. Архангельский и Холмогорский; с 25.02.1957 в сане архиепископа; с 16.03.1961 архиеп. Ростовский и Новочеркасский; † 16.08.1961.
- Никандр** (Вольянников) 27.02.1949 хирот. во еп. Бийского, вик. Новосибирской епархии; с 31.07.1952 еп. Омский и Тюменский; † 8.06.1957.
- Никандр** (Коваленко) 7.08.1988 хирот. во еп. Звенигородского, вик. Московской епархии, представитель РПЦ при Патриархе Антиохийском; с 26.12.1995 освобожден от обязанностей представителя РПЦ при Патриархе Антиохийском; с 17.02.1997 на покое.
- Никандр** (Феноменов) с 1918 г. архиеп. Крутицкий; с 15.04.1922 в заключении; с нояб. 1925 митр. Одесский; с 1927 г. митр. Ташкентский и Туркестанский; † 18.02.1933 (?).
- Никанор** (Кудрявцев) в 1921 хирот. во еп. Богородского (единоверческого), вик. Московской епархии; † 30.10.1923.
- Никанор** (Юхимюк) 30.11.1979 хирот. во еп. Подольского с направлением в юрисдикцию Чехословацкой поместной Церкви до 29.11.1987; с 6.07.1989 еп. Сумской и Ахтырский; с 1993 г. архиеп. Каменец-Подольский и Городокский; † 4.04.1997.
- Никита** (Делекторский) 29.04.1924 хирот. во еп. Бугумильского; 1926–1927 еп. Орехово-Зуевский, вик. Московской епархии; 1927–1928 еп. Нижнетагильский; расстрелян 19.11.1937.
- Никита** (Прибытков) 23.01.1924 хирот. во еп. Кузнецкого; с 1924 г. еп. Рубцовский; с 1927 г. еп. Бийский; с 07.11.1934 еп. Мамалыжский; с 22.05.1935 еп. Белевский, вик. Тульской епархии; расстрелян 3.01.1938.
- Никита** (Стягов) 6.12.1923 хирот. во еп. Боровичского, вик. Новгородской епархии; с 27.12.1934 в сане архиепископа; † 6.08.1936.

- Никифор**
(Богословский) в 1922 г. хирот. во еп. Городнянского, вик. Черниговской епархии; уклонился в обновленческий раскол.
- Никифор**
(Ефимов) 21.03.1926 хирот. во еп. Хабаровского; с 25.04.1928 еп. Котельнический, вик. Вятской епархии; с 31.01.1929 еп. Пятигорский; с дек. 1930 г. в заключении; расстрелян 1.09.1937.
- Никифор**
(Никольский) 8.06.1931 хирот. во еп. Волоколамского, вик. Московской епархии; с кон. 1931 г. еп. Кимрский, вик. Калининской епархии; с 7.12.1936 архиеп. Калининский; с 1937 г. в заключении; † 9.02.1942.
- Никифор**
(Осташевский) 15.09.1924 хирот. во еп. Новосибирского; с 1927 г. в сане архиепископа; с 18.04.1932 митр. Новосибирский и Барнаульский; † 17.04.1937.
- Никодим**
(Воскресенский) в 1925 г. упом. как еп. Демянский, вик. Новгородской епархии.
- Никодим**
(Гонтаренко) 31.08.1942 хирот. во еп. Краснодарского; † 22.01.1948.
- Никодим**
(Кононов) с 15.11.1913 еп. Белгородский, вик. Курской епархии; расстрелян 11.01.1919.
- Никодим**
(Кротков) с 16.11.1911 еп. Чигиринский, вик. Киевской епархии; с 1921 г. еп. Таврический и Симферопольский; с 1922 г. в сане архиепископа; с 1922 г. в заключении; с 10.06.1932 архиеп. Костромской; с дек. 1936 г. в заключении; † 21.08.1938 в тюрьме.
- Никодим** (Ротов) 10.07.1960 хирот. во еп. Подольского, вик. Московской епархии; с 23.11.1960 еп. Ярославский и Ростовский; с 10.06.1961 в сане архиепископа; с 3.08.1963 в сане митрополита; с 5.08.1963 митр. Минский и Белорусский; с 9.10.1963 митр. Ленинградский и Ладужский; с 7.10.1967 митр. Ленинградский и Новгородский; † 5.09.1978.
- Никодим** (Руснак) 10.08.1961 хирот. во еп. Костромского и Галичского; с 21.04.1964 еп. Аргентинский и Южноамериканский; с 25.02.1968 в сане архиепископа; 10.04.1970–6.10.1977 экзарх Центральной и Южной Америки; с 2.07.1970 на покое; с 1.12.1970 архиеп. Харьковский и Богодуховский; с 23.11.1983 архиеп. Львовский и Тернопольский, с 9.04.1985 в сане митрополита; с 30.12.1988 митр. Львовский и Дрогобычский; с 13.09.1989 митр. Харьковский и Богодуховский.
- Никодим** в 1923–1925 гг. хирот. во еп. Барнаульского, вик. Томской епархии; † 1926.
- Николай**
(Амасийский) 9.12.1922 хирот. во еп. Пугачевского обновленческими архиереями; в кон. 1923 г. принес покаяние; назначен еп. Пугачевским; с 21.01.1924 еп. Кустанайский; с дек. 1927 г. вновь еп. Пугачевский; с 17.11.1931 еп. Ейский, вик. Ставропольской епархии; с 22.11.1933 еп. Ростовский (на Дону); с 1934 г. в сане архиепископа; с 1935 г. епархией не управ.; с 1936 г. на покое; в 1944 эмигрировал; † 1945.
- Николай**
(Браиловский) в 1921 г. хирот. во еп. Черкасского; † 1925.
- Николай**
(Бычковский) 28.07.1971 хирот. во еп. Курского и Белгородского; с 5.09.1974 еп. Пермский и Соликамский; с 9.09.1974 в сане архиепископа; † 3.06.1981.

- Николай** (Голубев) в 1925 г. хирот. во еп. Ветлужского, вик. Нижегородской епархии; с 1929 г. еп. Кинешемский, вик. Костромской епархии; † 22.11.1929.
- Николай** (Грох) 16.07.1992 хирот. во еп. Ковельского, вик. Бологской епархии; с 29.07.1992 еп. Ивано-Франковский и Коломыйский.
- Николай** (Добронравов) 31.07.1921 хирот. во еп. Звенигородского, вик. Московской епархии; с 1923 г. архиеп. Владимирский и Суздальский; с 10.12.1925 в заключении; расстрелян 10.12.1937.
- Николай** (Еремин) 17.12.1953 хирот. во еп. Клишуйского; с 11.11.1954 в сане архиепископа и назначен экзархом МП в Западной Европе; с 5.01.1960 митр. Корсунский; с 14.01.1963; † 23.01.1985.
- Николай** (Ипатов) 28.05.1917 хирот. во еп. Златоустовского; с 16.09.1927 еп. Мелекесский, вик. Самарской епархии; с 1928 г. еп. Воткинский, вик. Сарапульской епархии; с февр. 1930 г. еп. Ижевский и Воткинский; с июня 1931 в заключении; † 2 9.08.1938.
- Николай** (Караулов) 8.10.1923 хирот. во еп. Вельского, вик. Вологодской епархии; в 1927 г. на покое; † 17.04.1932.
- Николай** (Кенарский) в 1919 г. хирот. во еп. Лукояновского, вик. Нижегородской епархии; † осенью 1920 г.
- Николай** (Клементьев) 23.06.1924 хирот. во еп. Сестрорецкого, вик. Ленинградской епархии; с 1925 г. епархией не управ.; с 11.08.1933 еп. Великоустюжский; с 9.07.1934 в сане архиепископа; с 1936 г. в заключении.
- Николай** (Коноплев) в 1918 г. хирот. во еп. Петровского, вик. Саратовской епархии; с 1922 г. на покое; с кон. 1924 г. перешел в старообрядчество.
- Николай** (Кутепов) 10.09.1961 хирот. во еп. Мукачевского и Ужгородского; с 9.10.1963 еп. Омский и Тюменский; с 16.12.1969 еп. Ростовский и Новочеркасский; с 1.12.1970 еп. Владимирский и Суздальский; с 9.09.1972 в сане архиепископа; с 17.04.1975 архиеп. Калужский и Боровский; с 11.06.1977 архиеп. Горьковский и Арзамасский (с 2.10.1990 Нижегородский и Арзамасский); с 25.02.1991 в сане митрополита.
- Николай** (Лейсман) в 1920 г. хирот. во еп. Печерского, вик. Эстонской епархии; с 1933 г. в сане архиепископа; с 1940 г. на покое; † 1947.
- Николай** (Логвинов) 17.06.1929 хирот. во еп. (кафедра неизвестна); дальнейших сведений нет.
- Николай** (Могилевский) 26.10.1919 хирот. во еп. Стародубского, вик. Черниговской епархии; с 1920 г. еп. Сосницкий, вик. Черниговской епархии; с 6.08.1923 еп. Каширский, вик. Тульской епархии; с 19.10.1923 управ. Тульской епархией; с 8.05.1925 в заключении; с 16.09.1927 еп. Орловский; с апр. 1931 в заключении; с 1941 г. в сане архиепископа; с 5.06.1945 архиеп. Алмаатинский и Казахстанский; с февр. 1955 г. в сане митрополита; † 25.10.1955.
- Николай** (Муравьев-Уральский) 29.03.1931 хирот. во еп. Кимрского, вик. Тверской епархии; в тот же день арестован; с 10.06.1932 еп. Рыбинский; с 12.05.1933 еп. Муромский, вскоре арестован; с 3.05.1934 на покое; † 30.03.1961.
- Николай** (Никольский) 26.09.1921 хирот. во еп. Елецкого; в 1927 г. в заключении; с сент. 1927 еп. Вязниковский, вик. Владимирской епархии; с 1927 г. принадлежал к «даниловской» оппозиции; † 21.04.1928.

- Николай** (Орлов) в 1921 г. хирот. во еп. Нижнечирского, вик. Донской епархии; † 1922.
- Николай** (Парфенов) 17.03.1923 тайно хирот. во еп. Аткарского, вик. Саратовской епархии; с 1925 г. на покое; † 20.01.1939 г. в тюрьме.
- Николай** (Пирский) 3.01.1923 хирот. во еп. Кобелянского, вик. Полтавской епархии; с 1927 г. еп. Роменский, вик. Полтавской епархии; с 1931 г. архиеп. Новоградволинский; с 13.05.1932 архиеп. Полтавский; † 9.06.1935.
- Николай** (Позднев) в июле 1921 хирот. во еп. (кафедра неизвестна); † 23.08.1934.
- Николай** (Покровский) в 1919 г. хирот. во еп. (кафедра неизвестна); с 1919 г. еп. Вятский и Глазовский; с 1922 г. архиеп. Тобольский; с 1925 г. архиеп. Псковский; с 1927 г. на покое; с дек. 1930 г. архиеп. Пермский; с 1931 г. архиеп. Полоцкий и Витебский; с февр. 1933 г. архиеп. Ижевский и Воткинский; † 18.07.1933.
- Николай** (Саяма) 10.12.1967 хирот. во еп. Токийского и Японского; с 10.04.1970 еп. Можайский; с 29.07.1986 на покое; с 16.05.1996 архиеп. Раменский, вик. Московской епархии.
- Николай** (Сузделовский) в 1923 г. хирот. во еп. Бельничского, вик. Волынской епархии; уклонился в «григорианский» раскол.
- Николай** (Феодосьев) 3.04.1960 хирот. во еп. Чебоксарского и Чувашского; с 9.09.1971 в сане архиепископа; † 22.09.1972.
- Николай** (Чуфаровский) 21.05.1944 хирот. во еп. Полтавского и Кременчугского; с 23.05.1944 еп. Волынский и Луцкий (с 1945 г. Волынский и Ровенский); с 3.01.1946 еп. Ижевский и Удмуртский; с 30.10.1947 еп. Астраханский и Сталинградский; с 12.12.1947 еп. Орловский и Брянский; с 19.10.1949 еп. Ростовский и Новочеркасский; с 27.03.1951 еп. Рязанский и Касимовский; с 25.02.1959 в сане архиепископа; с 1.06.1963 на покое; † 7.03.1967.
- Николай** (Шкрумко) 21.07.1985 хирот. во еп. Звенигородского, вик. Московской епархии, представитель РПЦ при Патриархе Антиохийском; с 23.03.1987 еп. Орехово-Зуевский, вик. Московской епархии; с 20.05.1987 в сане архиепископа, управ. приходами РПЦ в Канаде; с 30.01.1991 архиеп. Владивостокский и Приморский; с 12.08.1992 на покое; с 25.03.1993 архиеп. Ижевский и Удмуртский.
- Николай** (Юрик) 31.10.1965 хирот. во еп. Львовского и Тернопольского; с 18.04.1966 в сане архиепископа; с 17.06.1971 в сане митрополита; с 23.11.1983 на покое; † 1.10.1984.
- Николай** (Ярушевич) 25.03.1922 хирот. во еп. Петергофского, вик. Ленинградской епархии; с 1935 г. архиеп. Петергофский (правлящий); с 1936 г. управ. Новгородской и Псковской епархиями; с 1940 г. архиеп. Волынский и Слуцкий; с 9.03.1941 в сане митрополита; с 15.07.1941 митр. Киевский и Галицкий; с 28.01.1944 митр. Крутицкий; с 27.03.1947 митр. Крутицкий и Коломенский; с 19.09.1960 освобожден от управ. епархией; † 13.12.1961.
- Никон** (Васин) 31.03.1996 хирот. во еп. Задонского, вик. Воронежской епархии.
- Никон** (Васюков) 26.08.1990 хирот. во еп. Уфимского и Стерлитамакского.
- 24.02.1946 хирот. во еп. Сергиевского; в 1946 г. вышел из юрисдикции МП

- Никон** (Гревс) и примкнул к «феофилофской» группировке; запрещен в священнослужении; † 11.06.1983.
- Никон** (Дегтяренко) 6.12.1924 хирот. во еп. Могилевского; с 5.10.1927 еп. Енисейский; с 3.02.1928 на покое.
- Никон** (Лысенко) 12.03.1959 хирот. во еп. Уфимского и Стерлитамакского; с 9.10.1963 еп. Воронежский и Липецкий; с 30.03.1964 на покое; † 24.05.1972.
- Никон** (Миронов) 21.07.1993 хирот. во еп. Задонского, вик. Воронежской епархии; с 26.02.1994 еп. Екатеринбургский и Верхотурский.
- Никон** (Петин) 21.05.1944 хирот. во еп. Ворошиловградского; с 1945 г. еп. Донецкий и Ворошиловградский; с 19.08.1951 в сане архиепископа; † 16.04.1956.
- Никон** (Пурлевский) 14.04.1920 хирот. во еп. Рыльского, вик. Курской епархии; с 1921 г. еп. Белгородский, вик. Курской епархии; в 1922 г. уклонился в обновленческий раскол; в марте 1924 г. принес покаяние; с кон. 1924 г. еп. Белгородский; в 1925 г. арестован; с 16.04.1930 еп. Бакинский; с 06.11.1930 еп. Ржевский; с 01.11.1933 архиеп. Архангельский; с 05.06.1937 архиеп. Казанский; расстрелян 27.12.1937.
- Никон** (Рождественский) с 6.07.1916 на покое (б. архиеп. Вологодский); † 30.12.1918.
- Никон** (Фомичев) 26.08.1962 хирот. во еп. Выборгского, вик. Ленинградской епархии; с 16.11.1962 еп. Лужский, вик. Ленинградской епархии; с 3.08.1963 еп. Рижский и Латвийский; с 27.01.1966 еп. Архангельский и Холмогорский; с 11.06.1977 еп. Калужский и Боровский; с 9.09.1977 в сане архиепископа; с 16.07.1982 архиеп. Пермский и Соликамский; с 28.03.1984 на покое; † 13.04.1995.
- Нифонт** (Сапожков) в янв. 1947 г. хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; с 18.11.1948 еп. Уфимский и Башкирский; с 17.03.1950 еп. Житомирский и Овручский; † 7.10.1951.
- Нифонт** (Солодуха) 19.03.1990 хирот. во еп. Хмельницкого и Каменец-Подольского; с 1992 г. еп. Луцкий и Волынский; с 28.07.1993 в сане архиепископа; с 3.05.1996 архиеп. Луцкий и Берестечковский; с 27.07.1996 архиеп. Луцкий и Волынский.
- Нифонт** (Фомин) с 1918 г. еп. Балашевский; с 1919 г. еп. Череповецкий; с 1920 г. еп. Царицынский; с 1922 г. еп. Могилевский; с 1925 г. еп. Царицынский; с мая 1927 г. еп. Вязниковский; с сент. 1929 г. еп. Владивостокский.
- Онисим** (Пылаев) 15.03.1926 хирот. во еп. Красно-Бакинского; с 13.04.1926 еп. Воткинский; с дек. 1927 г. в заключении; с 22.11.1933 еп. Тульский; расстрелян 27.02.1937.
- Онисим** (Фестинатов) 27.08.1944 хирот. во еп. Владимирского и Суздальского; с 25.02.1956 в сане архиепископа; † 31.10.1970.
- Онисифор** (Пономарев) 27.02.1945 хирот. во еп. Пинского и Брестского; с окт. 1945 г. еп. Калужский и Боровский; с 22.03.1960 на покое; с 30.05.1964 в сане архиепископа; † 8.10.1966.
- Онуфрий** (Березовский) 9.12.1990 хирот. во еп. Черновицкого и Буковинского; с 28.07.1994 в сане архиепископа.
- 22.01.1923 хирот. во еп. Елизаветградского, вик. Одесской епархии; в 1924

- Онуфрий** (Гагалюк) г. арестован; с 1926 г. в заключении; с 31.11.1929 еп. Старооскольский; с 27.06.1933 на покое; с 11.08.1933 еп. Белгородский, управ. Курской епархией; с 22.11.1933 еп. Курский; с 30.01.1934 в сане архиепископа; расстрелян 1.06.1938.
- Паисий** (Самчук) 21.07.1988 хирот. во еп. Орловского и Брянского (Орловский и Ливенский); с 25.02.1996 в сане архиепископа.
- Павел** (Борисовский) с 23.04.1916 еп. Суздальский, вик. Владимирской епархии; с 13.05.1921 еп. Вятский; с 1924 г. в сане архиепископа; с 21.01.1929 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 18.05.1932 в сане митрополита; с 21.08.1937 епархией не управ.; † в июле 1938 г.
- Павел** (Введенский) 21.11.1922 хирот. во еп. Никольско-Уссурийского, вик. Владивостокской епархии; с 6.09.1923 еп. Мелекесский, вик. Самарской епархии; с 16.09.1927 еп. Златоустовский; с 30.07.1928 еп. Калужский; с 29.11.1928 еп. Оренбургский; с 30.12.1931 епархией не управ.; с 30.08.1933 на покое; с 3.04.1935 еп. Моршанский; † 27.01.1937.
- Павел** (Вильковский) с 1917 г. еп. Михайловский, вик. Рязанской епархии; с янв. 1919 г. еп. Бакинский, вик. Грузинского экзархата; с 1924 г. еп. Оханский, вик. Пермской епархии; с 1927 г. еп. Минский; с окт. 1930 г. в сане архиепископа; с 13.12.1930 архиеп. Пятигорский; † в мае 1933 [1934] г.
- Павел** (Волков) 17.07.1922 хирот. во еп. Керженского (единоверческого), вик. Нижегородской епархии; дальнейших сведений нет.
- Павел** (Гальковский) 5.07.1921 хирот. во еп. Бузулукского; с 15.09.1927 еп. Егорьевский; с 31.03.1929 еп. Ивановский; с 9.04.1830 в сане архиепископа; с 1935 г. в сане митрополита; с 1936 г. в заключении; расстрелян 28.11.1937.
- Павел** (Гольшев) 7.07.1957 хирот. во еп. Пермского и Соликамского; с 15.09.1960 еп. Астраханский и Енотаевский; с 25.02.1964 в сане архиепископа; с 23.06.1964 архиеп. Новосибирский и Барнаульский; с 11.10.1972 на покое; † 21.01.1979.
- Павел** (Дмитровский) 3.10.1937 хирот. во еп. Нарвского «Эстонской Автокефальной Церкви»; в 1939 г. воссоединился с МП; с 25.12.1942 в сане архиепископа; с марта 1945 г. архиеп. Таллинский и Эстонский; † 1.02.1946.
- Павел** (Ивановский) с 1918 г. еп. Вяземский, вик. Смоленской епархии; † 1919.
- Павел** (Колосов) в 1921 г. хирот. во еп. Елизаветградского, вик. Харьковской епархии; с 1923 г. на покое; † 1925.
- Павел** (Лебедь) 17.04.1997 хирот. во еп. Вышгородского, вик. Киевской епархии.
- Павел** (Кратиров) в 1921 г. хирот во еп. Старобельского, вик. Харьковской епархии; с 1922 г. на покое.
- Павел** (Крылов) в 1927 г. упом. как еп. Новохоперский, вик. Воронежской епархии.
- Павел** (Мелентьев) в 1936 г. хирот. во еп. Брянского; впоследствии перешел в унию.
- Павел** (Павловский) 19.03.1917 хирот. во еп. Пинежского, вик. Архангельской епархии; с 1921 г. в заключении; с 1926 г. еп. Уральский и Покровский; с 2.04.1929 еп. Челябинский; с 11.08.1931 еп. Енисейский и Красноярский; с 4.04.1933 в сане архиепископа; с 11.06.1933 архиеп. Иркутский; † 24.11.1937 в тюрьме.

- Павел**
(Пономарев) 22.03.1992 хирот. во еп. Зарайского, вик. Московской епархии, управ. приходами РПЦ в США и временно в Канаде; 2.11.1993 освобожден от управ. приходами РПЦ в Канаде.
- Павел** (Поспелов) с 1918 г. еп. Козловский, вик. Тамбовской епархии; с 1923 г. еп. Шацкий, вик. Тамбовской епархии; † 1925.
- Павел**
(Флоринский) 31.03.1924 хирот. во еп. Пугачевского, вик. Уральской епархии; с 3.09.1931 еп. Покровский, вик. Уральской епархии; † 14.10.1940.
- Павел** (Чистяков) 4.05.1931 хирот. во еп. Новоторжского, вик. Калининской епархии; с 30.12.1931 еп. Съзранский; с 14.04.1932 еп. Юрьевский; с 10.06.1932 на покое; с 4.04.1933 еп. Сергачский, вик. Нижегородской епархии; с 28.11.1933 в заключении; с февр. 1936 еп. Ижевский и Удмуртский, с 1937 г. в заключении, † 20.08.1938.
- Павлин**
(Крошечкин) 2.05.1921 хирот. во еп. Рыльского, вик. Курской епархии; с 14.10.1926 еп. Полоцкий; с 1.12.1930 еп. Пермский; с 2.12.1930 еп. Боровский; с 30.09.1931 еп. Калужский; с 16.06.1933 архиеп. Могилевский; с янв. 1936 г. на покое; расстрелян 3.11.1937.
- Паисий**
(Образцов) 26.08.1944 хирот. во еп. Брестского; с 1944 г. еп. Саратовский и Сталинградский, а затем еп. Саратовский и Вольский; с 13.01.1947 еп. Черниговский и Нежинский; с 19.06.1947 еп. Ивановский и Кинешемский; с 3.06.1948 еп. Брестский и Кобринский; с 18.11.1948 еп. Гродненский и Брестский; с 28.02.1949 еп. Гродненский и Лидский; с 13.12.1949 на покое; с 31.10.1950 еп. Пинский и Лунинецкий; с 15.11.1952 еп. Ульяновский и Мелекесский; с 28.01.1953 на покое; † 29.10.1953.
- Палладий**
(Добронравов) с 1918 г. еп. Сарапульский и Елабужский; с 1919 г. на покое; † 1922.
- Палладий**
(Каминский) 30.03.1947 хирот. во еп. Полтавского и Кременчугского; с 15.11.1952 еп. Вольнский и Ровенский; с 23.07.1956 архиеп. Львовский; с 31.05.1960 архиеп. Оренбургский и Бузулукский; с 14.05.1963 архиеп. Рязанский и Касимовский; с 5.02.1965 архиеп. Воронежский и Липецкий; с 8.02.1968 архиеп. Житомирский и Овручский; с 6.10.1977 на покое; † 6.06.1978.
- Палладий**
(Соколов) в окт. 1919 г. хирот. во еп. Астраханского и Енотаевского, возведен в сан архиепископа; † в дек. 1919 г.
- Палладий**
(Шерстенников) 14.12.1930 хирот. во еп. Бужского, вик. Казанской епархии; с 1933 г. еп. Ржевский, вик. Смоленской епархии; с 1935 г. еп. Ржевский, вик. Калининской епархии; с 1936 г. еп. Олонецкий и Петрозаводский; с 1937 г. еп. Калининский; с 1938 г. в сане архиепископа; с 29.10.1947 архиеп. Семипалатинский и Павлодарский; с 18.11.1948 архиеп. Омский и Тюменский; с 21.02.1949 архиеп. Иркутский и Читинский; с 20.02.1958 архиеп. Саратовский и Вольский; с 14.07.1959 архиеп. Саратовский и Сталинградский; с 29.05.1963 архиеп. Орловский и Брянский; с 25.02.1968 в сане митрополита; † 23.04.1976.
- Палладий**
(Шиман) 8.02.1987 хирот. во еп. Переяслав-Хмельницкого, вик. Киевской епархии; с 30.11.1988 еп. Ижевский и Удмуртский; с 25.03.1993 на покое; с 21.04.1994 еп. Читинский и Забайкальский; с 11.10.1996 на покое.

Памфил (Лясковский)	26.12.1921 хирот. во еп. Стародубского, вик. Черниговской епархии; с 6.03.1928 еп. Бугучаровский, вик. Воронежской епархии; затем еп. Россошанский, вик. Воронежской епархии; с 13.08.1930 еп. Уральский; с 17.08.1931 еп. Чебоксарский; с 2.10.1932 еп. Богородский; с 20.10.1932 еп. Подольский; с 11.08.1933 еп. Краснодарский и Кубанский; 10.01.1936 покончил с собой.
Панкратий (Кашперук)	28.04.1946 хирот. во еп. Каменец-Подольского и Проскуровского; с 3.06.1948 еп. Волынский и Ровенский; с 15.11.1952 еп. Львовский и Тернопольский; с 23.07.1956 архиеп. Волынский; с 9.07.1962 на покое; † 13.07.1972.
Пантелеимон (Долганов)	17.05.1987 хирот. во еп. Архангельского и Мурманского; с 27.12.1995 еп. Ростовский и Новочеркасский; с 25.02.1996 в сане архиепископа.
Пантелеимон (Кутовой)	2.05.1993 хирот. во еп. Балтийского, вик. Смоленской епархии.
Пантелеимон (Максунов)	в 1928 г. хирот. во еп. Владивостокского и Камчатского; † 11.02.1932 в заключении.
Пантелеимон (Митрюковский)	19.08.1975 хирот. во еп. Казанского и Марийского; с 30.11.1988 на покое; † 28.01.1993.
Пантелеимон (Рожновский)	с 1918 г. еп. Пинский и Новогрудский; в 1922 г. в ссылке; с 1940 г. еп. Гродненский и Барановичский; с 1941 г. архиеп. Минский и Белорусский; с марта 1942 г. в сане митрополита; с мая 1942 г. епархией не управ.; † 30.12.1950.
Пантелеимон (Романовский)	25.07.1992 хирот. во еп. Кицманского, вик. Черновицкой епархии; с 1993 г. еп. Глуховский и Конотопский; с 1994 г. г в распоряжении Софрония, еп. Черкасского; с 29.07.1994 еп. Вольнянский, вик. Запорожской епархии; с 9.08.1995 еп. Брусилковский, вик. Овручской епархии.
Пантелеимон (Рудык)	16.03.1941 хирот. во еп. Львовского; 1945–1959 в сане архиепископа на разных кафедрах в РПЦЗ; с 5.03.1959 воссоединился с МП; с 8.08.1958 архиеп. Эдмонтский и Канадский; † 2.10.1968.
Парфений (Брянских)	16.05.1921 хирот. во еп. Новомиргородского; с 1923 г. еп. Ананьевский, вик. Одесской епархии; с 1925 г. в заключении; с 1928 г. на покое.
Парфений (Левицкий)	с 1917 г. на покое (б. архиеп. Тульский); с 1920 г. архиеп. Полтавский и Переяславский; † 1921.
Пахомий (Кедров)	с 1917 г. еп. Черниговский; с 29.11.1923 в сане архиепископа; с 1927 г. в заключении; † 11.11.1937.
Петр (Гасилов)	21.12.1922 хирот. во еп. Саткинского, вик. Уфимской епархии; с 11.02.1924 еп. Осинский, вик. Пермской епархии; с 1932 г. епархией не управ.; с 26.06.1934 еп. Сызранский; с авг. 1936 г. епархией не управ.; с 29.01.1937 на покое.
Петр (Зверев)	15.02.1919 хирот. во еп. Балахнинского, вик. Московской епархии; с 1920 г. еп. Старицкий, вик. Калининской епархии; с дек. 1925 г. в сане архиепископа; с 1926 г. в заключении; † 9.02.1928.
Петр (Киреев)	в 1922 г. хирот. во еп. Переяславского, вик. Полтавской епархии; † 1922.
Петр (Карпусюк)	24.07.1992 хирот. во еп. Туровского и Мозырского.

- Петр** (Л'Юилье) 12.09.1968 хирот. во еп. Корсунского; с 12.06.1979 в сане архиепископа; с 16.11.1979 архиеп. Бруклинский, вик. Нью-Йоркской епархии (Автокефальная Православная Церковь в Америке).
- Щмч. Петр** (Полянский) 25.09.1920 хирот. во еп. Подольского, вик. Московской епархии; с 1923 г. в сане архиепископа; с 1924 г. митр. Крутицкий и Коломенский; с 12.04.1925 Местоблюстителю патриаршего престола; с 10.12.1925 в заключении; расстрелян 10.10.1937 г.
- Петр** (Пэдерару) 1.09.1990 хирот. во еп. Бельцкого, вик. Кишиневской епархии; 5.10.1992 запрещен в священнослужении.
- Петр** (Руднев) 5.11.1928 хирот. во еп. Сергиевского, вик. московской епархии; с 25.09.1929 еп. Коломенский; с 4.10.1933 еп. Самарский; с 9.07.1934 в сане архиепископа; с 1938 г. в заключении; расстрелян 3.11.1937.
- Петр** (Савельев) 30.09.1923 хирот. во еп. Стерлитамакского, вик. Уфимской епархии обновленческими архиереями старого поставления; 4.08.1924 принес покаяние и принят в сущем сане; с 1927 г. еп. Сергачский, вик. Горьковской епархии; с 28.10.1932 еп. Пятигорский; с 8.03.1933 еп. Моршанский; с 3.04.1935 еп. Кунгурский; с 27.01.1937 еп. Свердловский; с сент. 1937 епархией не управ.
- Петр** (Соколов) 18.03.1923 хирот. во еп. Сердобского, вик. Саратовской епархии; с 1923 г. еп. Вольский, вик. Саратовской епархии; с 1928 г. еп. Камышинский; с 13.08.1930 еп. Могилевский; с 5.09.1930 еп. Сталинградский; с 16.04.1933 в сане архиепископа; с 12.11.1935 архиеп. Воронежский; с окт. 1936 в заключении; † 16.05.1937.
- Петр** (Федосихин) после 1930 г. хирот. во еп. (кафедра неизвестна); в 1935 г. упом. как епископ.
- Пимен** (Белоликов) еп. Семиреченский и Верненский; убит в 1918 г.
- Пимен** (Пегов) с 1918 г. еп. Подольский и Брацлавский; с 1921 г. в сане архиепископа; с 1922 г. в обновленческом расколе; в 1935 г. принес покаяние и назначен архиеп. Подольским и Брацлавским; † 1942.
- Пимен** (Хмелевский) 10.01.1965 хирот. во еп. Саратовского и Волгоградского; с 9.09.1977 в сане архиепископа; с 30.01.1991 архиеп. Саратовский и Вольский; † 10.12.1993.
- Питирим** (Волочков) 19.12.1995 хирот. во еп. Сыктывкарского и Воркутинского.
- Питирим** (Крылов) 4.06.1928 хирот. во еп. Волоколамского, вик. Московской епархии; с 1928 г. еп. Шуйский, вик. Иваново-Вознесенской епархии; с 25.09.1929 еп. Орехово-Зуевский, вик. Московской епархии; с 17.03.1931 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 18.05.1932 в сане архиепископа; с янв. 1936 г. архиеп. Велико-Устюжский; с 1937 г. в заключении.
- Питирим** (Нечаев) 23.05.1963 хирот. во еп. Волоколамского, вик. Московской епархии; с 9.09.1971 в сане архиепископа; с 30.12.1986 в сане митрополита.
- Питирим** (Окнов) с 6.03.1917 на покое (б. митр. Петроградский); † 25.03.1919.
- Питирим** 25.12.1941 хирот. во еп. Куйбышевского и Сызранского; с янв. 1942 г. еп. Калужский и Боровский; с 1943 г. еп. Курский и Белгородский; с февр. 1945 г. в сане архиепископа; с 13.01.1947 архиеп. Минский и Белорусский; с

- (Свиридов) февр. 1955 г. в сане митрополита; с 21.04.1959 митр. Ленинградский и Ладужский; с 19.09.1960 митр. Крутицкий и Коломенский; † 10.08.1963.
- Питирим**
(Старинский) 26.08.1992 хирот. во еп. Хмельницкого и Каменец-Подольского; с 1993 г. еп. Николаевский и Вознесенский.
- Платон** (Кульбуш) в янв. 1918 г. хирот. во еп. Ревельского, вик. Рижской епархии; † 14.01.1919.
- Платон**
(Лобанков) 18.07.1970 хирот. во еп. Аргентинского и Южноамериканского; с 24.02.1971 еп. Самаркандский, вик. Ташкентской епархии; с 11.10.1972 еп. Воронежский и Липецкий; † 27.10.1975.
- Платон** (Петров) в 1920 г. хирот. во еп. Уманского, вик. Киевской епархии; † 1921. с 13.08.1917 митр. Тифлиссский и Бакинский; с 22.02.1918 митр. Херсонский и Одесский; с 1920 г. в эмиграции; с сент. 1923 г. управ. Североамериканской епархией; с 16.09.1924 уволен от управ.
- Платон**
(Рождественский) Североамериканской епархией, но указа не исполнил; 16.08.1933 запрещен в священнослужении; † 20.04.1934; 19.04.1946 запрещение посмертно снято.
- Платон** (Руднев) 1.10.1923 хирот. во еп. Богородского, вик. Московской епархии; † в янв. 1936 г.
- Платон**
(Тихомиров) упом. в 1928 г. как врем. управ. Тульской епархией.
- Платон**
(Удовенко) 16.12.1973 хирот. во еп. Аргентинского и Южноамериканского; с 6.10.1977 в сане архиепископа, экзарх Центральной и Южной Америки; с 20.03.1980 на покое; с 8.08.1980 архиеп. Свердловский и Курганский; с 26.12.1984 архиеп. Ярославский и Ростовский; с 2.11.1993 архиеп. Аргентинский и Южноамериканский.
- Поликарп**
(Приймак) 19.07.1957 хирот. во еп. Кировского и Слободского; с 16.11.1962 еп. Архангельский и Холмогорский; с 27.01.1966 еп. Ивановский и Кинешемский; с 30.07.1968 еп. Пензенский и Саранский; с 16.12.1969 на покое; † 23.07.1989.
- Поликарп**
(Тихонов) в 1920 г. хирот. во еп. Лукояновского, вик. Нижегородской епархии; 1925–1927 еп. Ардатовский, вик. Нижегородской епархии.
- Порфирий**
(Гулевич) 25.06.1928 хирот. во еп. Криворожского, вик. Днепропетровской епархии; с 5.09.1930 еп. Зиновьевский, вик. Одесской епархии; с 11.08.1931 еп. Крымский; с окт. 1936 г. в заключении; расстрелян 2.12.1937.
- Прокл** (Хазов) 18.10.1987 хирот. во еп. Тихвинского, вик. Ленинградской епархии; с 13.09.1989 еп. Ульяновский и Мелекесский.
- Прокопий** (Титов) с 30.08.1914 еп. Елисаветградский, вик. Херсонской епархии; с 1919 г. еп. Николаевский, вик. Одесской епархии; с 1921 г. еп. Одесский и Херсонский; с июня 1925 в сане архиепископа; с 27.11.1925 епархией не управ.; в 1927 г. упом. как архиеп. Херсонский и Николаевский; расстрелян 23.11.1937.
- Рафаил** (Березин) 29.10.1944 хирот. во еп. Калининского и Великолуцкого; † 15.05.1945.
- Рафаил**
(Гумилевский) 13.09.1924 хирот. во еп. Александровского, вик. Ставропольской епархии; с 1925 г. в заключении.
- 16.04.1950 хирот. во еп. Таллинского, вик. Ленинградской епархии; с

- Роман** (Танг) 20.12.1955 еп. Лужский, вик. Ленинградской епархии; с 23.07.1956 еп. Ивановский; с 9.12.1958 еп. Курский и Белгородский; с 21.05.1959 архиеп. Виленский и Литовский; † 18.07.1963.
- Ростислав** (Девятов) 28.11.1993 хирот. во еп. Магаданского и Чукотского.
- Руфим** (Троицкий) в 1925 (1926) г. хирот. во еп. Саткинского, вик. Уфимской епархии; уклонился в старообрядчество.
30.03.1969 хирот. во еп. Переяслав-Хмельницкого, вик. Киевской епархии; с 2.02.1972 еп. Черновицкий и Буковинский; с 18.03.1977 еп. Мукачевский и Ужгородский; с 26.06.1985 еп. Полтавский и Кременчугский; с 4.04.1990 в сане архиепископа; † 25.02.1992.
- Савва** (Бабинец) 12.09.1995 хирот. во еп. Красногорского, вик. Московской епархии.
с 8.09.1914 еп. Кинешемский, вик. Костромской епархии; с 1919 г. еп. Нерехтский, вик. Костромской епархии; с 1920 г. еп. Костромской; с 1922 г. в обновленческом расколе; в июле 1923 г. принес покаяние и оставлен на той же кафедре; в сент. 1923 г. вновь в обновленческом расколе; в нач. 1924 г. принес покаяние и оставлен еп. Костромским; с 1929 г. в заключении; † 1934.
- Савва** (Волков) 16.10.1977 хирот. во еп. Кировоградского и Николаевского; с 14.09.1989 на покое; † 3.02.1992.
- Севастиан** (Вести) 5.03.1972 хирот. во еп. Подольского, вик. Московской епархии, представитель РПЦ при Патриархе Антиохийском; с 17.04.1975 еп. Иркутский и Читинский; с 9.09.1979 в сане архиепископа; с 24.04.1980 архиеп. Владимирский и Суздальский; с 12.05.1987 архиеп. Кишиневский и Молдавский; с 13.05.1987 в сане митрополита; с 7.07.1989 митр. Тульский и Белевский.
- Севастиан** (Пилипчук) 8.09.1928 хирот. во еп. Моршанского, Тамбовской епархии; с марта 1933 г. еп. Арзамасский; с 1935 г. в заключении.
- Серапион** (Фадеев) с 19.03.1918 еп. Полоцкий и Витебский; с сент. 1918 г. управ. Тверской епархией; с 1919 г. еп. Тверской и Кашинский; с 1922 г. в сане архиепископа; с 24.03.1924 в сане митрополита; с 15.06.1928 митр. Саратовский; с 11.08.1933 митр. Казанский и Свияжский; с 15.11.1936 на покое; расстрелян 2.12.1937.
- Серапион** (Шевалеевский) 4.02.1923 хирот. во еп. (кафедра неизвестна); с 1932 г. в обновленческом расколе.
- Серафим** (Александров) в 1920 г. хирот. во еп. Крестецкого, вик. Новгородской епархии; с 1922 г. еп. Маловишерский, вик. Новгородской епархии; † в окт. 1927.
- Серафим** (Афанасьев) в 1917 г. хирот. во еп. (кафедра неизвестна); с 1927 г. еп. Колымский, вик. Якутской епархии; с 1929 г. еп. Якутский и Вилюйский;
- Серафим** (Велицкий) 13.12.1975 хирот. во еп. Алмаатинского и Казахстанского; † 14.04.1982.
- Серафим** (Виноградов) с 1917 г. на покое (б. еп. Екатеринбургский); † 1921.
- Серафим** (Гачковский) 1.08.1994 хирот. во еп. Белоцерковского и Богуславского.
- Серафим** (Голубятников)

(Зализницкий)

3.05.1931 хирот. во еп. Покровского, вик. Саратовской епархии; с 3.09.1931 еп. Пугачевский, вик. Саратовской епархии; с 27.07.1932 на покое; с 19.10.1932 еп. Мелекесский, управ. Ульяновской епархией; с 29.06.1934 управ. Чувшко-Чебоксарской епархией; с 22.11.1934 еп. Читинский и Забайкальский; с 17.01.1935 уволен от управ.; с 9.09.1935 еп. Красноярский и Ачинский; с 1.04.1936 на покое; с сент. 1936 еп. Актюбинский и Кустанайский; с 4.09.1937 сведений нет.

Серафим
(Зборовский)

Серафим
(Звездинский)

15.12.1919 хирот. во еп. Дмитровского, вик. Московской епархии.

Серафим
(Игнатенко)

после 1917 г. хирот. во еп. Новооскольского, вик. Курской епархии; после 1927 г. епархией не управ.

Серафим
(Кокотов)

17.12.1934 хирот. во еп. Гомельского, но епархией не управ.; с 27.05.1935 еп. Томский; с 31.05.1936 на покое; расстрелян 3.04.1938.

Серафим
(Коровин)

5.04.1925 хирот. во еп. Кунгурского, вик. Пермской епархии обновленческими архиереями старого поставления; с 1927 г. после покаяния назначен еп. Ялуторовским, вик. Тобольской епархии; † 8.08.1932.

Серафим
(Лукиянов)

с 11.08.1917 врем. управ. Финляндской епархией; с 17.01.1918 еп. Финляндский и Выборгский; с 1920 г. в сане архиепископа; с 1921 г. глава автономной Православной Церкви в Финляндии; с 1923 г. сведен с кафедры за нежелание переходить в юрисдикцию Константинопольской Церкви; с 1927 г. в РПЦЗ; 31.08.1945 воссоединился с МП; с 9.08.1946 экзарх Западной Европы в сане митрополита; с 15.11.1949 на покое; † 18.02.1959.

Серафим
(Мещеряков)

с 11.12.1915 на покое (б. архиеп. Иркутский и Верхотурский); с 1922 г. архиеп. Костромской и Галичский; с 16.07.1922 в обновленческом расколе; в 1924 г. принес покаяние; 1924–1927 в Соловецком лагере; с 29.06.1927 архиеп. Тамбовский; с 28.01.1928 архиеп. Ставропольский; с 19.04.1932 в сане митрополита; с 11.08.1932 на покое; † 1932.

Серафим
(Никитин)

8.07.1962 хирот. во еп. Курского и Белгородского; с 25.02.1968 в сане архиепископа; с 25.06.1971 митр. Крутицкий и Коломенский; с 11.06.1977 на покое; † 22.04.1979.

Серафим
(Остроумов)

с 18.08.1917 еп. Орловский и Севский; с 29.05.1924 в сане архиепископа; с 1.11.1927 архиеп. Смоленский и Дорогобужский; с 1936 г. в заключении; расстрелян 28.11.1937.

Серафим
(Протопопов)

9.01.1924 хирот. во еп. Колпинского, вик. Петроградской епархии; 1924–1926 в Соловецком лагере; с 30.11.1926 еп. Колпинский; с 27.04.1928 еп. Аксайский, вик. Донской епархии; с 27.07.1928 еп. Сызранский; с 25.09.1927 еп. Стерлитамакский, вик. Уфимской епархии; с 23.11.1928 еп. Бакинский; с 3.04.1930 еп. Рыбинский; с 29.11.1932 на покое; с 27.03.1934 управ. Челябинской епархией; с 3.08.1935 управ. Елецкой и Липецкой епархией; с 30.09.1935 архиеп. Орловский; с 19.10.1935 архиеп. Елецкий и Задонский; с 6.03.1937 сведений нет.

Серафим
(Родионов)

19.12.1971 хирот. во еп. Цюрихского, вик. экзарха в Западной Европе; с 19.05.1989 в сане архиепископа; с нояб. 1993 г. на покое.

- Серафим**
(Руженцов) 12.03.1919 хирот. во еп. Михайловского, вик. Рязанской епархии; с мая 1919 г. еп. Муромский, вик. Владимирской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 3.03.1935 без покаяния.
- Серафим**
(Самойлович) 2.02.1920 хирот. во еп. Угличского, вик. Ярославской епархии; с 1924 г. в сане архиепископа; с 30.11.1926 до 27.03.1927 был заместителем Местоблюстителя в период ареста митр. Сергия; с 1932 г. в ссылке; расстрелян 9.11.1937.
- Серафим**
(Силичев) 25.10.1921 хирот. во еп. Александровского и Павлоградского, вик. Екатеринославской епархии; с 1922 г. в обновленческом расколе; 12.06.1924 принес покаяние и назначен еп. Сызранским, вик. Симбирской епархии; с 1925 г. еп. Рыбинский; с 1926 г. еп. Подольский, вик. Московской епархии; с 6.07.1927 еп. Азовский, вик. Ростовской (на Дону) епархии; с 27.10.1927 еп. Ростовский (на Дону); с 24.04.1929 в сане архиепископа; с 17.11.1931 в заключении; с 3.05.1934 архиеп. Свердловский; с 30.09.1935 архиеп. Саратовский; расстрелян 15.09.1937.
- Серафим**
(Соболев) 1.10.1920 хирот. во еп. Лубенского, вик. Полтавской епархии; в апр. 1921 г. назначен еп. Богучарским, управ. приходами в Болгарии; † 26.02.1950.
- Серафим**
(Тихонов) 18.10.1978 хирот. во еп. Пензенского и Саранского; с 4.04.1990 в сане архиепископа; с 30.01.1991 архиеп. Пензенский и Кузнецкий.
- Серафим**
(Трофимов) 3.02.1923 хирот. во еп. Аксинского, вик. Уфимской епархии; с июня 1926 г. еп. Бирский, вик. Уфимской епархии; с 26.03.1929 еп. Яранский; с 9.03.1932 еп. Великоустюжский; с 11.08.1933 еп. Хабаровский; с 1933 г. в заключении.
- Сщмч. Серафим**
(Чичагов) с 1918 г. митр. Варшавский и Привисленский; с февр. 1928 г. митр. Ленинградский; с сент. 1933 г. на покое; расстрелян 11.12.1937.
- Серафим**
(Шамшин) 16.03.1936 хирот. во еп. Читинского и Забайкальского; с 31.05.1936 еп. Томский; с авг. 1937 г. в заключении.
- Серафим**
(Шарапов) 14.04.1946 хирот. во еп. Ростовского и Таганрогского; с 30.10.1947 еп. Ульяновский и Мелекесский; с 15.11.1952 еп. Полтавский и Кременчугский; с 20.02.1958 на покое; † 22.08.1959.
- Серафим** (Юшков) 15.08.1924 хирот. во еп. Саранского, вик. Пензенской епархии; с 12.07.1925 еп. Лукьяновский, вик. Нижегородской епархии; с 25.09.1929 еп. Кузнецкий; с 22.10.1935 на покое.
- Сергий**
(Анисимов) в 1928 г. хирот. во еп. Кургановского, вик. Тобольской епархии.
- Сергий** (Васильев) 29.08.1931 хирот. во еп. Демянского, вик. Новгородский епархии; † 1937.
- Сергий**
(Васильков) 25.05.1926 хирот. во еп. Челябинского и Миасского; с 1927 г. в заключении, затем в ссылке; с 10.10.1933 еп. Томский; с 9.07.1934 в сане архиепископа; с 8.05.1935 архиеп. Новосибирский; с 5.05.1937 сведений нет.
- Сергий**
(Воскресенский) 29.10.1933 хирот. во еп. Коломенского, вик. Московской епархии; с 1934 г. еп. Бронницкий, вик. Московской епархии; с февр. 1938 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 8.10.1937 в сане архиепископа; с марта 1941 г. митр. Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии; убит 28.04.1944.
- Сергий**

- (Генсицкий) 17.02.1991 хирот. во еп. Тернопольского и Кременецкого.
30.10.1955 хирот. во еп. Старорусского, вик. Ленинградской епархии; с 22.11.1956 управ. Новгородской епархией; с 1959 г. еп. Новгородский и Старорусский; с 25.02.1963 в сане архиепископа; с 23.10.1967 на покое; † 16.06.1982.
- Сергий** (Голубцов)
- 23.04.1927 хирот. во еп. Серпуховского; с 3.04.1928 еп. Олонецкий и Петрозаводский; с 5.05.1928 еп. Полтавский; с 9.04.1930 в сане архиепископа; с 21.03.1932 архиеп. Киевского; с 26.06.1934 архиеп. Харьковский; с 23.10.1934 архиеп. Вышгородский; с 5.02.1935 архиеп. Владимирский; с 18.04.1936 в заключении; с 1941 г. архиеп. Можайский; с 1942 г. архиеп. Горьковский и Арзамасский; † 4.10.1943.
- Сергий** (Гришин)
- в окт. 1924 г. хирот. во еп. Нарвского, вик. Петроградской епархии; с 1927 г. в «иосифлянской» оппозиции; 30.12.1927 запрещен в священнослужении; с 1930 г. в заключении, где и скончался.
- Сергий** (Дружинин)
- 4.08.1922 хирот. во еп. Севастопольского, вик. Таврической епархии; с 1923 г. еп. Мелитопольский, вик. Таврической епархии; 1924–1925 управ. Самарской епархией; с 1925 г. епархией не управ.; с 1927 г. в сане архиепископа; с 25.09.1929 архиеп. Елецкий; с 1935 г. на покое; расстрелян 20.11.1937.
- Сергий** (Зверев)
- 31.10.1927 хирот. во еп. Детскосельского, вик. Ленинградской епархии; с 30.12.1927 еп. Кингисеппский, вик. Ленинградский епархии; с 3.08.1928 еп. Шлиссельбургский; с 13.11.1929 еп. Лодейнопольский; с 22.11.1933 еп. Рыбинский; с 1934 г. в заключении; † 1937.
- Сергий** (Зенкевич)
- 25.12.1921 хирот. во еп. Яранского, вик. Вятской епархии; уклонился в обновленческий раскол.
- Сергий** (Корнеев)
- 17.04.1921 хирот. во еп. Бельского, управ. Холмской епархией; в 1922 г. выслан польскими властями в Чехословакию; с 1922 г. викарий митр. Евлогия; с 17.04.1946 в сане архиепископа; с 7.06.1946 архиеп. Венский, вик. Западноевропейского экзархата; с окт. 1946 г. экзарх Среднеевропейских православных Церквей МП; с 16.11.1948 архиеп. Берлинский и Германский; с 26.09.1950 архиеп. Казанский и Чистопольский; † 18.12.1952.
- Сергий** (Королев)
- 14.08.1955 хирот. во еп. Новороссийского; с 17.09.1956 еп. Костромской и Галичский; † 15.06.1959.
- Сергий** (Костин)
- после 1917 г. хирот. во еп. Краснохолмского; † 16.04.1955.
- Сергий** (Кудрявцев)
- 1.09.1923 хирот. во еп. Радомышльского, вик. Киевской епархии; с 1928 г. еп. Бершадский, вик. Киевской епархии; с 1930 г. еп. Бузулукский, вик. Самарской епархии; с 22.11.1934 назначен еп. Ливенским, но в управ. не вступал; с 9.02.1935 еп. Рыльский; с 16.10.1935 еп. Вольский; с 1.04.1936 еп. Ачинский; с 4.11.1937 в заключении.
- Сергий** (Куминский)
- после 1922 г. хирот. во еп. Прилукского; уклонился в лубенский раскол.
- Сергий** (Лабунцов)
- с 21.01.1917 еп. Семиреченский, вик. Туркестанской епархии; 1923–1926
- Сергий** (Лавров)

- [Петров])
 врем. управ Ташкентской епархией; с 6.02.1927 в обновленческом расколе;
 женился
 15.08.1944 хирот. во еп. Кировоградского, вик. Одесской епархии; с 1946 г.
 еп. Одесский и Кировоградский (затем Одесский и Херсонский); с
 30.10.1947 еп. Ростовский и Таганрогский; с 24.02.1948 еп. Ростовский и
 Новочеркасский; с дек. 1949 еп. Житомирский и Овручский; с 17.03.1950
- Сергий** (Ларин)
 еп. Гродненский и Брестский; с 1.02.1951 на покое; с 1.04.1952 еп.
 Тульский и Белевский; с 9.02.1954 еп. Астраханский и Сталинградский; с
 27.07.1959 еп. Омский и Тюменский; с 3.04.1961 архиеп. Пермский и
 Соликамский; с 10.10.1962 архиеп. Берлинский и Среднеевропейский; с
 20.05.1964 архиеп. Ярославский и Ростовский; † 12.09.1967.
- Сергий**
 (Мельников)
 16.11.1925 хирот. во еп. Любимского, вик. Ярославской епархии; с 1927 г.
 епархией не управлял; † 12.12.1934.
- Сергий**
 (Никольский)
 23.03.1925 хирот. во еп. Ефремовского, вик. Тульской епархии; с 1927 г. еп.
 Бузулукский, вик. Самарской епархии; † 16.05.1930.
- Сергий** (Петров
 Стефан)
 с 22.12.1913 еп. Сухумский; с 1917 г. в эмиграции; † 11.01.1935
- Сергий** (Петров
 Сергей)
 13.03.1960 хирот. во еп. Белгород-Днестровского, вик. Одесской епархии; с
 16.03.1961 еп. Воронежский и Липецкий; с 9.10.1963 архиеп. Белорусский
 и Минский; с 25.05.1965 архиеп. Херсонский и Одесский; с 17.06.1971 в
 сане митрополита; † 4.02.1990.
- Сергий**
 (Полеткин)
 5.05.1989 хирот. во еп. Азовского, вик. Ростовской епархии; с 23.02.1993 еп.
 Самарский и Сызранский.
- Сергий** (Смирнов)
 19.11.1944 хирот. во еп. Смоленского и Дорогобужского; с 5.04.1955 на
 покое; † 16.08.1957.
- Сергий** (Соколов)
 10.12.1995 хирот. во еп. Новосибирского и Бердского.
- Сергий**
 (Тихомиров)
 с 19.05.1912 еп. Японский; с 1921 г. в сане архиепископа; с 1931 г. в сане
 митрополита; с 4.09.1940 на покое; † 11.08.1945.
- Сергий** (Фомин)
 30.01.1983 хирот. во еп. Солнечногорского, вик. Московской епархии; с
 23.09.1988 в сане архиепископа.
- Сильвестр**
 (Братановский)
 с 9.10.1917 еп. Верейский, вик. Московской епархии; с мая 1920 еп.
 Пермский; с 1925 г. архиеп. Вологодский; с 1928 г. архиеп. Калужский; †
 29.09.1932.
- Сильвестр**
 (Ольшевский)
 с 14.06.1915 еп. Омский и Павлодарский; с 1918 г. в сане архиепископа; †
 26.02.1920.
- Симеон** (Бычков)
 30.03.1947 хирот. во еп. Лужского, вик. Ленинградской епархии; †
 30.06.1952.
- Симеон** (Ду)
 30.07.1950 хирот. во еп. Тянь-Цзиньского; с 26.09.1950 еп. Шанхайский;
 погиб во время «культурной революции» в 60-х гг.
- Симеон**
 (Михайлов)
 17.12.1923 хирот. во еп. Чебоксарского; с нач. 1926 г. в «григорианском»
 расколе; в мае 1926 г. принес покаяние; с 8.06.1927 еп. Вольский; с
 25.09.1928 еп. Златоустовский; с 12.06.1921 еп. Ижевский; с 13.05.1932 еп.
 Каменский, вик. Донской епархии; с 22.11.1933 еп. Сарапульский; с
 14.05.1934 еп. Пугачевского; с 5.02.1935 еп. Челябинский; с 3.07.1935 еп.
 Свердловский; с 12.11.1935 еп. Муромский; с 23.10.1937 на покое.

- Симеон**
(Шостацкий) 4.05.1996 хирот. во еп. Владимиро-Волынского и Ковельского.
- Симон**
(Виноградов) 17.09.1922 хирот. во еп. Харбинского; с 1931 г. архиеп. Пекинский и Китайский; † 24.02.1933.
- Симон** (Гетя) 3.10.1993 хирот. во еп. Тихвинского, вик. Санкт-Петербургской епархии; с 27.12.1995 еп. Мурманский и Мончегорский.
- Симон**
(Ивановский) 24.03.1924 хирот. во еп. Кременецкого, вик. Волынской епархии; с 15.04.1939 еп. Острожский, вик. Волынской епархии ПАЦ; с 24.03.1941 в сане архиепископа; воссоединился с РПЦ; 1942–1944 архиеп. Черниговский и Нежинский; с 1945 г. архиеп. Полтавский; 1947–1955 епархией не управ.; с 17.10.1955 архиеп. Винницкий и Брацлавский; с 14.08.1961 на покое; † 15.02.1966.
- Симон** (Ишунин) 11.04.1987 хирот. во еп. Брюссельского и Бельгийского; с 25.02.1994 в сане архиепископа.
- Симон** (Новиков) 14.10.1972 хирот. во еп. Рязанского и Касимовского; с 9.09.1978 в сане архиепископа.
- Симон** (Шлеев) 3.06.1918 хирот. во еп. Охтинского (единоверческого); с 1920 г. еп. Уфимский; † 12.09.1921.
- Синезий** (Зарубин) 13.06.1926 еп. Острогжский, вик. Воронежской епархии; с дек. 1926 г. еп. Колымский, вик. Якутский; с 1928 г. еп. Ижевский; с 26.02.1930 на покое; † 1937 в тюрьме.
- Смарагд** (Яблоков) после 1917 г. во еп. Скопинского, вик. Рязанской епархии; с 1927 г. в «григорианском» расколе.
- Софроний**
(Арефьев) 10.06.1919 хирот. во еп. Семиреченского и Верненского; с 1920 г. еп. Якутский и Вилюйский; с 1922 г. в обновленческом расколе; с 1923 г. в Соловецком лагере; с 1924 г. принес покаяние; с 14.12.1927 еп. Великоустюжский; с 24.04.1929 в сане архиепископа; с 9.03.1932 архиеп. Ирбитский; с 13.02.1933 архиеп. Уфимский; с 3.03.1934 архиеп. Олонецкий; с 11.05.1934 архиеп. Свердловский; с 11.06.1934 архиеп. Ижевский; с февр. 1936 г. архиеп. Краснодарский; с мая 1937 г. в заключении; расстрелян 26.12.1937.
- Софроний**
(Будько) 16.03.1991 хирот. во еп. Томского, вик. Новосибирской епархии; с 1.11.1993 еп. Кемеровский и Новокузнецкий.
- Софроний**
(Дмитрук) 9.08.1992 хирот. во еп. Черкасского и Коневского.
- Софроний**
(Иванцов) 7.02.1946 хирот. во еп. Ульяновского; с 4.08.1946 еп. Красноярский, вик. Новосибирской епархии; † 24.12.1947.
- Софроний**
(Старков) 10.04.1922 хирот. во еп. Селенгинского, вик. Забайкальской епархии; с 1923 г. в обновленческом расколе; в авг. 1923 г. запрещен в священнослужении; в кон. 1923 г. принес покаяние; 1923–1930 в Соловецком лагере; с 1932 г. еп. Арзамасский, вик. Нижегородской епархии; † 22.10.1932.
- Стефан**
(Андриашенко) 28.04.1924 хирот. во еп. Александровского, вик. Днепропетровской епархии; с 13.12.1933 еп. Рьльский; с 9.07.1934 в сане архиепископа; с 9.05.1935 архиеп. Арзамасский; † 1935.

- Стефан** (Бех) в 1921 г. хирот. во еп. Ижевского, вик. Сарапульской епархии; с 1923 г. на покое; † 13.04.1933
- Стефан** (Виноградов) 25.09.1926 хирот во еп. Оршанского, вик. Могилевской епархии; с 28.10.1927 еп. Малоярославецкий, вик. Калужской епархии; с 23.01.1929 еп. Масальский, вик. Смоленской епархии; с 20.11.1929 еп. Сухиничский; с 1929 г. в заключении; с 1931 г. еп. Рославльский, вик. Смоленской епархии; с 3.07.1935 еп. Пугачевский, вик. Саратовской епархии; с 1935 г. в заключении; упом. в мае 1936 г.
- Стефан** (Гнедовский) в 1923 г. во еп. Кирсанского, вик. Тамбовской епархии; с 1926 г. еп. Енотаевский, вик. Астраханской епархии; с 1928 г. еп. Каширский, вик. Московской епархии; с марта 1931 г. еп. Волоколамский, вик. Московской епархии; † 15.04. 1931.
- Стефан** (Знамировский) 30.08.1924 хирот. во еп. Шадринского, вик. Свердловской епархии; с 16.09.1927 еп. Калужский; с 1927 г. в оппозиции к митр. Сергию; с 27.07.1928 на покое с запрещением в священнослужении; с 24.04.1929 еп. Вятский; с 16.06.1933 еп. Ульяновский; с 5.10.1933 еп. Вологодский; с 23.03.1934 в сане архиепископа; с окт. 1936 г. в заключении; предположительно, расстрелян 17.11.1941.
- Стефан** (Корзун) 4.03.1990 хирот. во еп. Пинского и Лунинецкого.
- Стефан** (Никитин) 2.04.1960 хирот. во еп. Можайского, вик. Московской епархии; с 9.04.1962 на покое; † 28.04.1963.
- Стефан** (Проценко) 26.08.1926 хирот. во еп. Козелецкого, вик. Черниговской епархии; с 28.10.1932 еп. Черниговский; 1936–1942 в заключении; с 1942 г. еп. Уфимский; с 10.11.1942 в сане архиепископа; с 25.08.1944 архиеп. Полтавский и Кременчугский; с 5.06.1945 архиеп. Харьковский и Богодуховский; с 25.02.1959 в сане митрополита; † 6.10.1960.
- Тарасий** (Ливанов) 19.11.1931 хирот. во еп. Уссурийского; с 1932 г. еп. Барнаульский; расстрелян в 1937 г.
- Тимон** (Русанов) в 1926 г. хирот. во еп. Кустанайского, вик. Оренбургской епархии; † 1930.
- Тимофей** (Шретер) в 1938 г. хирот. во еп. Люблинского, вик. Варшавской епархии ПАЦ; с 1944 г. еп. Холмский; с 1945 г. архиеп. Белостокский и Бельский; 21.06.1948 принят в общении с МП; с 22.06.1948 архиеп. Польской Автокефальной Церкви.
- Тихон** (Василевский) с 2.09.1917 на покое (б. архиеп. Курский); с 1923 г. в обновленческом расколе; † 17.07.1926 без покаяния.
- Тихон** (Емельянов) 19.08.1990 хирот. во еп. Новосибирского и Барнаульского; с 16.07.1995 еп. Бронницкий, вик. Московской епархии.
- Тихон** (Лященко) 15.04.1924 хирот. во еп. Берлинского; в 1938 г. покинул Германию; † 11.02.1945
- Тихон** (Никаноров) с 13.05.1913 архиеп. Воронежский; убит 9.01.1919.
- Тихон** (Оболенский) с 1918 г. архиеп. Уральский и Николаевский; с 1924 г. в сане митрополита; † май 1926 г.
- 16.11.1925 хирот. во еп. Демянского, вик. Новгородской епархии;

- Тихон** (Рождественский) 16.09.1927 еп. Великолуцкий; 1930–1934 в заключении; с 8.05.1934 еп. Череповецкий (правлящий); с 1937 г. в заключении.
24.06.1924 хирот. во еп. Усть-Медведского, вик. Донской епархии; с 1925 г. в «григорианском» расколе; в 1926 г. принес покаяние; с кон. 1926 г. в «григорианском» расколе; 17.12.1931 принес покаяние; с 29.06.1932 еп. Ижевский; с 13.02.1933 еп. Ковацкий и Витебский; с 27.06.1935 еп. Полтавский; с марта 1937 г. еп. Одесский; дальнейших сведений нет.
- Тихон** (Русинов) 4.02.1996 хирот. во еп. Архангельского и Холмогорского.
- Тихон** (Тихомиров) 23.03.1920 хирот. во еп. Череповецкого, вик. Новгородской епархии; с 1924 г. еп. Кирилловский, вик. Новгородской епархии; с 1927 г. на покое; † 26.03.1955.
- Тихон** (Шарапов) 9.03.1925 хирот. во еп. Гомельского, вик. Могилевской епархии; с 10.12.1925 в заключении; с 17.07.1936 еп. Алмаатинский; арестован и расстрелян 3.10.1937.
- Товия** (Остроумов) 27.11.1944 хирот. во еп. Свердловского и Челябинского; с 12.05.1947 еп. Свердловский и Ирбитский; с 25.02.1953 в сане архиепископа; с 14.03.1957 архиеп. Молотовский; † 5.05.1957.
- Трифон** (Туркестанов) с 2.06.1916 на покое (б. еп. Дмитровский, вик. Московской епархии); с 1923 г. в сане архиепископа; с 14.07.1931 в сане митрополита; † 14.07.1934.
- Трофим** (Якобчук) 4.11.1922 хирот. во еп. Бирского, вик. Уфимской епархии; с нояб. 1923 г. еп. Сызранский; с кон. 1924 г. на покое.
- Уар** (Шмарин) 20.08.1926 хирот. во еп. Липецкого (правлящий); с 17.09.1935 на покое; убит 23.09.1938.
- Сщмч. Фаддей** (Успенский) с 21.12.1908 еп. Владимиро-Волынский, вик. Волынской епархии; с 1922 г. архиеп. Астраханский; с 27.06.1927 архиеп. Пятигорский; с 27.10.1927 архиеп. Саратовский; с 1928 г. архиеп. Калининский и Кашинский; с 18.10.1936 архиеп. Костромской; с 1937 г. в заключении; расстрелян 1.01.1938.
- Феодор** (Власов) в 1922 г. тайно хирот. во еп. Новозыбковского; † 19.12.1924.
- Феодор** (Гаюн) 5.08.1992 хирот. во еп. Почаевского, вик. Тернопольской епархии; с 17.04.1997 еп. Каменец-Подольский и Городский.
- Феодор** (Лебедев) с 16.10.1917 еп. Прилукский; † 1919.
- Феодор** (Маковецкий) в 1921 г. хирот. во еп. Масальского, вик. Калужской епархии; † 1926.
- Феодор** (Поздеевский) с 1917 г. на покое (б. еп. Волоколамский, вик. Московской епархии); глава т. н. «даниловской оппозиции»; с 1922 г. в ссылке; с авг. 1923 в сане архиепископа; с 1924 г. в заключении; 1925–1937 в ссылке; расстрелян 23.10.1937.
- Феодор** (Смирнов) 23.09.1935 хирот. во еп. Пензенского; с сент. 1936 г. епархией не управ.; с нач. 1937 г. в заключении; расстрелян 4.09.1937.
- Феодор** (Текучев) в 1943 г. хирот. во еп. Аргентинского; с июля 1952 г. еп. Сан-Францисский и Калифорнийский; с нояб. 1956 г. на покое; † 3.04.1985.
- Феодор** 23.03.1924 хирот. во еп. Устюжского, вик. Новгородской епархии; с 1926 г. на покое; с 1.03.1929 еп. Новоторжский, вик. Тверской епархии; с 3.04.1930

- (Яцковский) еп. Олонецкий и Петрозаводский; с 9.07.1934 в сане архиепископа; с 30.11.1935 архиеп. Псковский; с 11.08.1936 архиеп. Владимирский; с 3.03.1937 сведений нет.
- Феодосий**
(Вощанский) 22.07.1926 хирот. во еп. Винницкого, вик. Подольской епархии; с 9.05.1928 еп. Лужский, вик. Ленинградской епархии; с 24.04.1929 еп. Могилевский; с апр. 1933 г. еп. Краснодарский; с 1933 г. в заключении; † 1937.
- Феодосий**
(Ганецкий) 18.05.1920 хирот. во еп. Коломенского, вик. Московской епархии; с 1929 г. сведений нет.
- 4.07.1967 хирот. во еп. Переяслав-Хмельницкого, вик. Киевской епархии; с 7.10.1967 еп. Полтавский и Кременчугский; с 7.09.1978 в сане архиепископа; с 4.10.1979 архиеп. Вологодский и Великоустюжский; с 27.12.1979 архиеп. Астраханский и Енотаевский; с 19.02.1990 архиеп. Хмельницкий и Каменец-Подольский; с 20.03.1990 архиеп. Ивано-Франковский и Коломыйский; с сент. 1991 г. архиеп. Винницкий и Брацлавский; с 1992 г. архиеп. Полтавский и Кременчугский.
- Феодосий** (Дикун) 14.10.1933 хирот. во еп. Николаевского, вик. Одесской епархии; с 23.05.1937 еп. Курский; с авг. 1937 г. еп. Костромской; с 26.08.1937 в заключении.
- Феодосий**
(Кирика) авг. 1945 хирот. во еп. Черновицкого и Буковинского; с 12.12.1947 еп. Кировоградский и Николаевский; с 21.10.1949 на покое; с 16.11.1953 еп. Архангельский и Холмогорский; с 17.02.1956 на покое; † 27.05.1980.
- Феодосий**
(Коверницкий) 02.11.1969 хирот. во еп. Токийского; в наст. время архиеп. Токийский, мирт. всей Японии.
- Феодосий**
(Нагашима) 22.06.1958 хирот. во еп. Калининского и Кашинского; с 22.03.1960 еп. Пензенский и Саранский; с 25.02.1964 в сане архиепископа; с 30.07.1968 архиеп. Ивановский и Кинешемский; с 16.10.1973 архиеп. Уфимский и Стерлитамакский; † 3.05.1975.
- Феодосий**
(Погорский) 2.12.1962 хирот. во еп. Черниговского и Нежинского; с 30.03.1964 еп. Полтавский и Кременчугский; с 7.10.1967 еп. Черновицкий и Буковинский; с 2.02.1972 еп. Смоленский и Вяземский; с 9.09.1978 в сане архиепископа; с 26.12.1984 архиеп. Берлинский и Среднеевропейский, экзарх в Средней Европе; с 29.06.1986 архиеп. Омский и Тюменский; с 26.01.1990 архиеп. Омский и Тарский; с 25.02.1997 в сане митрополита.
- Феодосий**
(Процюк) 2.02.1923 хирот. во еп. Прилукского; с 1923 г. в обновленческом расколе.
- Феодосий**
(Сергеев) с 1918 г. архиеп. Смоленский и Дорогобужский; с 1919 г. в эмиграции; с 1922 г. архиеп. Виленский и Лидский ПАЦ; с 1939 г. на покое; † 1942.
- Феодосий**
(Феодосиев) 11.04.1921 хирот. во еп. Гжатского, вик. Смоленской епархии; с 1927 г. на покое; † 17.03.1936.
- Феофан**
(Березкин) с 1918 г. архиеп. Полтавский и Переяславский; с 1919 г. в эмиграции; † 19.02.1940.
- Феофан** (Быстров)
- Феофан**
(Гаврилов) с 1917 г. еп. Курский и Обоянский; с 1919 г. в эмиграции.
- Феофан** 11.01.1987 хирот. во еп. Каширского, вик. Московской епархии; с 25.12.1991 еп. Берлинский и Лейпцигский; с 23.12.1993 еп. Берлинский и

- (Галинский) Германский; с 25.02.1996 в сане архиепископа.
- Феофан**
(Еланский) 23.04.1934 хирот. во еп. Красноярского; с 1935 г. в заключении.
- Феофан**
(Ильминский) в 1917 г. хирот. во еп. Соликамского, вик. Пермской епархии; замучен 11.12.1918.
- Феофан**
(Семеняко) 13.12.1930 хирот. во еп. Минского; с 9.07.1934 в сане архиепископа; с 1935 г. в заключении.
- Феофан** (Туляков) с 6.07.1916 еп. Калужский; с 16.09.1927 архиеп. Псковский и Порховский; с 12.11.1935 митр. Горьковский и Арзамасский; 25.07.1937 арестован; расстрелян 4.10.1937.
- Феофил**
(Богоявленский) 8.03.1920 хирот. во еп. Новоторжского, вик. Тверской епархии; в 1924 г. в заключении; с 1927 г. еп. Кубанский и Черноморский; расстрелян 8.04.1933.
- Феофил**
(Булдовский) 1.01.1923 хирот. во еп. Лубенского; основал раскольническое движение; 25.12.1924 лишен сана и отлучен от Церкви.
- Феофил**
(Пашковкий) 3.12.1922 хирот. во еп. Чикагского; с 23.11.1934 под запретом в священнослужении; † 27.06.1950 под запретом.
- Феофилакт**
(Клементьев) с 1918 г. еп. Елисаветпольский; с 1919 г. еп. Прилукский; с 1922 г. в обновленческом расколе; † 5.01.1923 без покаяния.
- Филарет**
(Вахромеев) 24.10.1965 хирот. во еп. Тихвинского, вик. Ленинградской епархии; с 14.05.1966 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 9.09.1971 в сане архиепископа; с 18.04.1973 архиеп. Берлинский и Среднеевропейский, экзарх в Средней Европе; с 15.04.1975 в сане митрополита; с 10.10.1978 митр. Минский и Белорусский; 12.10.1978–28.03.1984 экзарх в Западной Европе; с 13.11.1989 митр. Минский и Гродненский, экзарх всей Белоруссии; с 19.02.1992 митр. Минский и Слуцкий.
- Филарет**
(Денисенко) 4.02.1962 хирот. во еп. Лужского, вик. Ленинградской епархии; 16.06.1962–10.10.1962 викарий Среднеевропейского экзархата; с 16.11.1962 еп. Венский и Австрийский; с 22.12.1964 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 14.05.1966 архиеп. Киевский и Галицкий, экзарх Украины; с 1968 г. в сане митрополита; с 1991 г. лишен сана за раскольническую деятельность; с февр. 1997 г. отлучен от Церкви.
- Филарет**
(Карагодин) 11.03.1991 хирот. во еп. Астраханского и Енотаевского; с 13.08.1992 еп. Дмитровский, вик. Московской епархии; с 18.07.1995 еп. Майкопский и Армавирский.
- Филарет** (Лебедев) 9.05.1948 хирот. во еп. Рязанского и Касимовского; с 25.02.1951 в сане архиепископа; † 24.05.1958.
- Филарет**
(Линчевский) 2.12.1923 хирот. во еп. Черкасского и Чигиринского; с 13.05.1932 еп. Винницкий; с 27.03.1934 архиеп. Уманский; с 23.10.1934 архиеп. Вольнский и Житомирский; с 19.06.1937 сведений нет; † 21.11.1941.
- Филарет**
(Никольский) с 24.05.1916 на покое (б. архиеп. Астраханский); с 1920 г. архиеп. Самарский; † 1921.
- Филарет** в 1926 г. хирот. во еп. Борисовского, вик. Минской епархии; в 1927 г. упом. как еп. Бобруйский, вик. Минской епархии; глава движения Белорусских

- (Раменский) автокефалистов.
- Филипп**
(Гумилевский) 29.11.1920 хирот. во еп. Ейского, вик. Ставропольской епархии; с 1923 г. в заключении и в ссылке; с 1927 г. еп. Звенигородский, вик. Московской епархии; с 1931 г. епархией не управ.; с 1933 г. в заключении; † 9.09.1936.
- Филипп** (Перов) 1.11.1920 хирот. во еп. Валуйского, вик. Воронежской епархии; с 29.11.1923 еп. Нижнеломовский, вик. Пензенской епархии; с 1927 г. еп. Пензенский; с 23.01.1929 еп. Саранский (правлящий); с 23.03.1934 в сане архиепископа; с 2.02.1937 архиеп. Сталинградский и Астраханский; дальнейших сведений нет.
- Филипп**
(Ставицкий) с 6.08.1916 еп. Аляскинский; с 5.10.1920 еп. Смоленский; уклонился в обновленческий раскол, но принес покаяние; с 13.06.1928 еп. Астраханский; с 1929 г. епархией не управлял; с 30.08.1933 на покое; с 23.02.1937 архиеп. Омский; с авг. 1937 епархией не управ.; с дек. 1943 г. архиеп. Астраханский; † 12.12.1952.
- Флавиан**
(Дмитрюк) 20.04.1958 хирот. во еп. Свердловского и Ирбитского; с 9.12.1958 еп. Свердловский и Курганский; с 7.07.1966 еп. Горьковский и Арзамасский; с 25.02.1968 в сане архиепископа; † 3.03.1977.
- Флавиан** (Иванов) из обновленческих лжеархиереев; принес покаяние; 8.01.1945 хирот. во еп. Краснодарского и Кубанского; с 19.0.1949 еп. Орловский и Брянский; с 28.11.1955 архиеп. Ростовский и Каменский; † 7.10.1958.
- Флавиан**
(Сорокин) 1.01.1924 хирот. во еп. Котельнического, вик. Вятской епархии; с 14.12.1927 еп. Балашовский; с 18.12.1928 еп. Веневский; с 22.11.1933 сведений нет.
- Фостирий**
(Максимовский) 9.11.1930 хирот. во еп. Томского; с 1933 г. еп. Сызранский; с 26.06.1934 ушел на покой; † в дек. 1937 в заключении.
- Фотий**
(Маньковский) упом. после 1917 г. как еп. Тульчинский; уклонился в обновленческий раскол.
- Фотий**
(Пурлевский) 8.09.1935 хирот. во еп. Читинского; с 18.03.1936 еп. Семипалатинский; с окт. 1936 г. еп. Сергачский, вик. Горьковской епархии; с авг. 1937 г. еп. Омский; † 1937.
- Фотий** (Тапиро) из обновленческих лжеархиереев; принес покаяние; 12.07.1943 хирот. во еп. Кубанского и Краснодарского; с 1944 г. еп. Херсонский и Николаевский; с февр. 1946 г. в сане архиепископа; с 12.12.1947 архиеп. Одесский; с 18.11.1948 архиеп. Виленский и Литовский; с февр. 1950 г. по 26.10.1951 экзарх в Западной Европе; с 27.12.1951 архиеп. Львовский и Тернопольский; † 20.08.1952.
- Хризостом**
(Мартишкин) 23.04.1972 хирот. во еп. Зарайского, вик. Московской епархии; с 3.09.1974 еп. Курский и Белгородский; с 9.09.1977 в сане архиепископа; с 26.12.1984 архиеп. Иркутский и Читинский; с 26.01.1990 архиеп. Виленский и Литовский.
- Хрисанф**
(Клементьев) 12.02.1925 хирот. во еп. Соликамского, вик. Пермской епархии; † 1930.
- Хрисанф** (Чепиль) 23.04.1978 хирот. во еп. Кировского и Слободского (с 1993 г. Вятский и Слободской); с 9.09.1988 в сане архиепископа; с 21.04.1994 архиеп.

Вятский и Слободской.

Хрисогон
(Ивановский)

12.01.1931 хирот. во еп. Юрьевопольского, вик. Владимирской епархии; с 14.04.1932 еп. Кишиневский; с 8.06.1932 еп. Юрьевопольский, вик. Владимирской епархии; с 17.03.1937 еп. Владимирский; † 1938.

Ювеналий
(Килин), в схиме
Иоанн

16.02.1935 хирот. во еп. Синьцзянского РПЦЗ; с мая 1941 г. еп. Цицикарский; с окт. 1945 г. воссоединен с МП; с 1946 г. еп. Шанхайский; с янв. 1947 г. на покое; с 12.05.1947 еп. Челябинский и Златоустовский; с 3.06.1948 еп. Иркутский и Читинский; с 21.02.1949 архиеп. Омский и Тюменский; с 31.07.1952 архиеп. Ижевский и Удмуртский; † 28.12.1958 приняв схиму с именем Иоанна.

Ювеналий
(Машковский)

12.04.1920 хирот. во еп. Павловского, вик. Нижегородской епархии; с авг. 1922 г. еп. Ардатовский; с 1922 г. в обновленческом расколе; 9.05.1935 принес покаяние; с 21.02.1936 назначен еп. Брянским, но в управление не вступил, а вновь уклонился в обновленческий раскол; в 1943 г. принес покаяние.

Ювеналий
(Поярков)

25.12.1965 хирот. во еп. Зарайского, вик. Московской епархии; с 20.03.1969 еп. Тульский и Зарайский; с 17.06.1971 в сане архиепископа; с 27.04.1972 в сане митрополита; с 11.07.1977 митр. Крутицкий и Коломенский.

Ювеналий
(Тарасов)

16.11.1975 хирот. во еп. Воронежского и Липецкого; с 16.07.1982 архиеп. Иркутский и Читинский; с 26.12.1984 архиеп. Курский и Белгородский; с 23.02.1993 архиеп. Курский и Рьльский.

Юстиниан
(Овчинников)

1.09.1995 хирот. во еп. Дубосарского, вик. Кишиневской епархии.

Основные события церковной и государственной истории новейшего периода

Основные события истории Русского государства, включая государственную политику по отношению к Церкви

1917, 2 марта

Отречение императора Николая II от престола.

Образование

Временного

правительства во главе с князем Г. Е. Львовым

1917, 3 марта — 25

июля Обер-прокурор

Св. Синода В. Н. Львов

1917, 3–4 июля

Большевистский бунт в

Петрограде **1917, 14**

июля Издание закона

«О свободе совести»

1917, 25 июля — 5

августа Обер-прокурор

Св. Синода А. В.

Карташов

1917, 27–31 августа

Выступление генерала

Л. Корнилова **1917, 25**

октября Захват власти

в Петрограде

большевиками и

левыми эсерами.

Образование

Советского

правительства

(Совнаркома) во главе с

В. И. Лениным

1918, 6/19 января

Разгон Учредительного

собрания **1918, 20**

января (2 февраля)

Издание декрета «Об

Основные события истории Русской Церкви

1917, 2 марта Явление иконы Пресвятой Богородицы «Державная» в с. Коломенском

1917, 5 июля Указ Св. Синода о созыве Поместного Собора **1917, 15 августа — 1918, 7 (20) сентября** Поместный Собор Православной Российской Церкви

1917, 28 октября Убиение прот. Иоанна Кочурова. Начало большевистского террора против Церкви **1917, 28 октября**

Постановление Поместного Собора о восстановлении патриаршества

1917, 5 ноября Избрание Патриарха Московского и Всероссийского в храме Христа Спасителя

1918, 19 января (1 февраля) Послание Св. Патриарха Тихона, анафематствовавшее всех проливающих невинную кровь **1918, 25**

отделении Церкви от государства и школы от Церкви»

1918, 3 марта Брестский мир: капитуляция России перед Германией

1918, 12 марта Переезд советского правительства в Москву

1918, 4–10 июля V Всероссийский съезд Советов. Принятие Конституции РСФСР

1918, 16 июля Расстрел императора Николая II и царской семьи в Екатеринбурге

1918–1922 Гражданская война

1919, 14 февраля Издание наркоматом юстиции постановления об организованном вскрытии мощей

1920, 20 апреля Постановление Совнаркома о закрытии Троице-Сергиевой лавры

1921, март Введение новой экономической политики

1921–1922 Голод в Поволжье

1922, 26 февраля Декрет об изъятии церковного имущества

1922, 26 апреля — 8 мая Московский процесс против священнослужителей

1922, 9 мая — 1923, 25 июня Св. Патриарх Тихон под арестом

1922, 29 мая — 5 июля Петроградский процесс

января (7 февраля) Убиение сщмч. Владимира, митр. Киевского

1918, 18 марта Послание Св. Патриарха Тихона с осуждением Брест-Литовского мирного договора

1918, 18 апреля Постановление Собора о канонизации сщмч. Иосифа Астраханского и свт. Софония Иркутского

1918, 26 августа Восстановление Собором памяти всех святых, в земле Российской просиявших

1918, ноябрь Сибирское церковное совещание в Томске

1919, май Юго-Восточный русский церковный Собор в Ставрополе

1919, 8 октября Послание Св. Патриарха Тихона в день памяти прп. Сергия Радонежского

1921, 23 октября «Хиротония» в киевском Софийском соборе Василия Липковского — начало самосвятского раскола

1921 Предоставление автономии православным Церквям в Эстонии, Финляндии, Латвии и Польше

1921, август Образование Св. Патриархом Тихоном Всероссийского церковного комитета помощи голодающим

1921, 21 ноября — 2 декабря I Русский Всеаграничный церковный Собор в Сремских Карловцах

1922, 12 мая Назначение Заместителем Патриарха митр. Ярославского Агафангела (Преображенского)

1922, 16 мая Образование обновленческого ВЦУ

1922, 13 августа Расстрел сщмчч. митр. Вениамина, архим. Сергия (Шеина) и мчч. Юрия

Новицкого и Иоанна Ковшарова

против
священнослужителей
во главе с митр.
Петроградским
Вениамином
(Казанским)

1922, 30 декабря
Образование СССР

1923, 29 апреля — 9 мая I «собор» обновленцев

1924, 21 января
Смерть В. И. Ленина
1925 У власти в
большевистской партии
и государстве
триумvirат Сталина,
Бухарина и Рыкова
1925, 10 декабря Арест
патриаршего
Местоблюстителя
митр. Петра **1926,**
ноябрь — 1927, март
Пребывание
Заместителя
Местоблюстителя
митр. Сергия в
заключении

1924, 15 апреля Послание Патриарха Тихона о каноническом
осуждении деятелей обновленческого раскола **1925, 7 апреля**
Кончина Св. Патриарха Тихона **1925, 12 апреля** Митр. Крутицкий
Петр (Полянский) приступил к исполнению обязанностей патриаршего
Местоблюстителя **1925, 17 сентября** Незаконное провозглашение
автокефалии Польской Церкви **1925, 1 октября** II «собор» обновленцев
1925, 14 декабря Митр. Нижегородский Сергей (Страгородский)
приступил к исполнению обязанностей Заместителя патриаршего
Местоблюстителя **1925, 22 декабря** Образование Временного высшего
церковного совета (ВВЦС) во главе с архиеп. Екатеринбургским
Григорием (Яцковским) **1925** Открытие Богословского института в
Париже **1926, 7 июня** Составление «Памятной записки» узников
Соловецких лагерей **1926, ноябрь — 1927, март** Временное
исполнение обязанностей Заместителя Местоблюстителя митр.
Петроградским Иосифом (Петровых) (ноябрь—декабрь 1926 г.) и
архиеп. Угличским Серафимом (Самойловичем) (декабрь 1926 — март
1927 г.) **1927, 18 мая** Образование Временного Патриаршего
Священного Синода **1927, 29 июля** Издание «Декларации»
Заместителем Местоблюстителя и Временным Патриаршим Синодом

1929, 8 марта Издание
постановления ВЦИК и
СНК о религиозных
объединениях **1929—**
1931 Массовое
закрытие церквей **1929—**
1933 «Раскулачивание»
и коллективизация
1931, 5 декабря
Взорван храм Христа
Спасителя
1932—1933 Голод на
Украине, Северном
Кавказе, в Поволжье и
Казахстане **1934, 1**
декабря Убийство С.
Кирова, начало
массовых репрессий
1934—1935 Массовые

1930, 10 июля Увольнение митр. Евлогия от должности
управляющего западноевропейскими приходами и назначение
управляющим митр. Елевферия **1931—1935** Издание «Журнала
Московской Патриархии»

1934, 27 апреля Временный Патриарший Синод удостоил митр.
Сергия титула «Блаженнейший митрополит Московский и
Коломенский» **1935, 18 мая** Упразднение Временного Патриаршего
Синода

аресты архипастырей, священнослужителей и мирян

1936, 5 декабря Принятие «сталинской» Конституции СССР

1937, 23 февраля — 5 марта Пленум ЦК ВКП(б), санкционировавший массовый террор

1937–1939 Массовые репрессии против священнослужителей и верующих, массовое закрытие церквей

1939, 23 августа Советско-германский пакт о ненападении

1939, 30 ноября — 1940, 12 марта Советско-финская война

1939–1940 Присоединение к СССР Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Северной Буковины и Бессарабии

1941, 22 июня — 1945, 9 мая Великая Отечественная война

1943, 4 сентября Встреча И. В. Сталина с патриаршим Местоблюстителем митр. Сергием, а также митр. Алексием и Николаем в Кремле

1943, 8 октября Образование Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР

1945, 8 августа — 2 сентября Война СССР с Японией

1946 Начало

1936, 22 декабря «Акт о переходе прав и обязанностей Местоблюстителя патриаршего престола к Заместителю патриаршего Местоблюстителя» митр. Сергию

1937, 10 октября Расстрел патриаршего Местоблюстителя сщмч. Петра

1938, август II Собор Русской Зарубежной Церкви в Сремских Карловцах

1939–1940 Возвращение в юрисдикцию Московской Патриархии епархий Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии

1941, 22 июня Послание митр. Сергия о защите Отечества

1943, 8 сентября Архиерейский Собор и избрание Святейшего Патриарха Сергия

1943, сентябрь Возобновление издания «Журнала Московской Патриархии»

1943, 10 ноября Возобновление канонического общения Русской и Грузинской Православных Церквей

1944, 15 мая Кончина Святейшего Патриарха Сергия

1944, 15 мая — 1945, 4 февраля Местоблюститель патриаршего престола митр. Ленинградский Алексий

1944, июнь Возобновление духовного образования в Русской Православной Церкви

1945, 31 января — 2 февраля Поместный Собор Русской Православной Церкви. Избрание Патриарха Алексия I

1945, 4 февраля Интронизация Святейшего Патриарха Алексия I

1946, 8–9 марта Львовский Собор — воссоединение униатов Галиции с Русской Православной Церковью

холодной войны

1948, 22 июня Дарование автокефалии Польской Православной Церкви **1948, июль** Празднование 500-летия автокефалии Русской Церкви. Совецание глав и представителей поместных православных Церквей **1949, 28 августа** Воссоединение закарпатских униатов с Православной Церковью в Ужгороде **1951, 23 ноября** Дарование автокефалии Чехословацкой Православной Церкви

1953, 5 марта Смерть И. В. Сталина **1953, сентябрь** Избрание Н. С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС **1955–1957**

Освобождение из лагерей большинства репрессированных, в том числе репрессированных священнослужителей и мирян **1956, февраль** XX съезд КПСС. Доклад Н. С. Хрущева о «культе личности» Сталина

1959–1964 Массовое закрытие церквей, монастырей, духовных школ. Репрессии против священнослужителей

1960, 16 февраля Выступление Святейшего Патриарха Алексия I на конференции советской общественности за разоружение

1964, 14 октября Пленум ЦК КПСС, смещение Н. С. Хрущева. Во главе страны Л. И. Брежнев и А.Н. Косыгин

1959, 30 декабря Постановление Священного Синода об извержении из сана и отлучении от Церкви ренегатов **1961, 30 марта** Решение Священного Синода о вступлении Русской Церкви во ВСЦ **1961, 18 июля** Архиерейский Собор в Троице-Сергиевой лавре. Реформа приходского управления

1970, 10 апреля Дарование автокефалии Православной Церкви в Америке и восстановление канонического общения с Японской Автономной Церковью. Причисление к лику святых равноап. Николая

(Касаткина), просвятителя Японии **1970, 17 апреля** Кончина Святейшего Патриарха Алексия I **1970, 18 апреля — 1971, 3 июня** Местоблюститель патриаршего престола митр. Крутицкий и Коломенский Пимен **1971, 30 мая — 2 июня** Поместный Собор Русской Православной Церкви. Избрание Святейшего Патриарха Пимена **1977, 6 октября** Канонизация свт. [Иннокентия Московского](#)

1979, декабрь — 1989, февраль Война в

Афганистане с участием советских войск **1982, декабрь** Смерть Л. И. Брежнева **1982–1985** Ю. В.

Андропов и К. У.

Черненко —

генеральные секретари ЦК КПСС **1985, 11**

марта Избрание М. С. Горбачева

Генеральным

секретарем ЦК КПСС **1986, 27 апреля** Авария

на Чернобыльской АЭС

1983, май Передача Церкви московского Свято-Данилова монастыря

1987 Возобновление иноческой жизни во Введенской Оптиной

пустыни

1988, 5–12 июня Празднование 1000-летия Крещения Руси. **1988, 6–9 июня** Поместный Собор Русской Православной Церкви. Принятие Устава об управлении Русской Православной Церкви. Канонизация святых **1988** Возобновление иноческой жизни в Киево-Печерской Успенской лавре

1989, 26 марта Выборы

Съезда народных

депутатов СССР **1989,**

декабрь Легализация униатской Церкви на

Украине. Начало

униатской агрессии

1990, март Избрание

М. С. Горбачева

Президентом СССР

1990, 1 октября

Принятие Закона СССР

«О свободе совести и

религиозных

организациях» **1990, 25**

октября Принятие

закона РСФСР о

свободе

вероисповеданий

1989, 9–11 октября Архиерейский Собор. Канонизация свв.

Патриархов Иова и Тихона **1990, 30–31 января** Архиерейский Собор

1990, 3 мая Кончина Святейшего Патриарха Пимена **1990, 6–10 июня**

Поместный Собор Русской Православной Церкви. Избрание

Святейшего Патриарха Алексия II. Канонизация св. прав. Иоанна

Кронштадтского **1990, 25–27 октября** Архиерейский Собор в Свято-

Даниловом монастыре. Дарование самостоятельности Украинской

Православной Церкви

1991, 12 июня

Избрание Б. Н. Ельцина Президентом РСФСР

1991, 19–21 августа

Путч ГКЧП и его подавление

1991, 8 декабря

Договор в Беловежской пуще о роспуске СССР и создании СНГ

1991, 25 декабря М. С. Горбачев сложил с себя полномочия президента СССР. Прекращение существования СССР

1993, 21 сентября — 4 октября

Конфликт между Президентом России и законодательной властью

1993, 12 декабря

Принятие на референдуме новой Конституции России и избрание Федерального собрания

1994, декабрь — 1996, август

Военные действия в Чечне

1996, 3 июля Переизбрание Президентом России Б. Н. Ельцина

1991, 11 января Вторичное обретение мощей прп. Серафима Саровского

1991 Возобновление иноческой жизни в Серафимодивеевском монастыре

1992, 22 февраля Обретение мощей св. Патриарха Тихона

1992, 31 марта — 5 апреля Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Канонизация сщмч. митр. Владимира, митр. Вениамина и иже с ним пострадавших, прмцц. вел. кнг. Елисаветы и Варвары, прпп. Кирилла и Марии

1992, 27 мая Архиерейский Собор Украинской Православной Церкви в Харькове в связи с раскольническими действиями митр. Филарета (Денисенко)

1992, 11 июня Архиерейский Собор Русской Православной Церкви по делу митр. Филарета. Извержение из сана митр. Филарета и еп. Иакова (Панчука)

1994, сентябрь Начало восстановления храма Христа Спасителя в Москве

1994, 29 ноября — 2 декабря Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Канонизация свт. Филарета (Дроздова) и сщмч. Александра (Хотовицкого) и Иоанна (Кочурова)

1995 Возобновление иноческой жизни в Александро-Невской лавре

1997, 18–23 февраля Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Канонизация сщмч. митр. Петра, Серафима и архиеп. Фаддея.

Анафематствование и извержение из сана раскольников

Хронологический список явлений Пресвятой Богородицы и Ее прославления в знамениях, чудесах и иконах Русской Православной Церкви

1943 — Явление Пресвятой Богородицы митр. Гор Ливанских Илие Караму с обетованием победы России в Великой Отечественной войне.

1943, август — Явление Пресвятой Богородицы во время сражения на Курской дуге.

1988, 16 ноября — Начало мироточения Казанской иконы Пресвятой Богородицы во Введенском соборе Оптиной пустыни.

1989 — Начало богослужения в Успенском соборе Московского Кремля.

1991, 18 июля — Священный Синод благословил возобновление Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря Нижегородской епархии — четвертого удела Пресвятой Богородицы. 23 июля — 1 августа 1991 г. состоялось перенесение из Москвы в Дивеево честных мощей прп. Серафима, которое возглавил Святейший Патриарх Алексий II.

1991, 15 августа — Возвращение Русской Православной Церкви новгородского Софийского кафедрального собора и чудотворной Новгородской иконы Пресвятой Богородицы «Знамение».

1991—1992 — Начало богослужений в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

1992 — Амурский областной краеведческий музей возвратил Русской Православной Церкви (Благовещенская епархия) чудотворную Албазинскую икону Пресвятой Богородицы.

1992, апрель — Икона Пресвятой Богородицы «Умиление», келейная прп. Серафима, возвращена в Дивеевскую обитель.

1992, 26 мая — Начало источения мира в Троицком соборе рижского Свято-Троицкого Сергиева женского монастыря от икон: Смоленской Божией Матери, прп. Сергия Радонежского, арх. Михаила, прп. Иоанна Лествичника, «Всех скорбящих Радосте», Введение во храм Пресвятой Богородицы и других.

1992, сер. июня — Начало источения мира в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы г. Уфы от икон: Спасителя, Иверской иконы Пресвятой Богородицы афонского письма, прп. Серафима Саровского, иконы Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших» афонского письма, иконы Пресвятой Богородицы Табынская, иконы «Усекновение главы св. Иоанна Предтечи», иконы апостолов Петра и Павла.

1993, февраль — В возрождающийся Успенский Княгинин женский монастырь в г. Владимире возвращена чудотворная Боголюбская икона Пресвятой Богородицы.

1993, 7 апреля — Патриарх Московский и всея Руси Алексий II впервые после 1918 г. совершил богослужение в Благовещенском соборе Московского Кремля.

1993, 3 октября — В воскресенье в Богоявленском кафедральном соборе Святейшим Патриархом Алексием II в сослужении с членами Священного Синода при многотысячном участии верующих были совершены Божественная литургия и молебен перед чудотворным Владимирским образом Пресвятой Богородицы специально доставленным из Третьяковской галереи в связи с политическим кризисом в стране. Святейший Патриарх коленопреклоненно прочитал перед иконой молитву свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, «О спасении державы Российския и утолении в ней раздоров и нестроений».

1993, 4 ноября — В день праздника Казанской иконы Пресвятой Богородицы Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил и возглавил первое богослужение в воссозданном на Красной площади Казанском соборе (построен в 1635 г. князем Димитрием

Пожарским в память об избавлении Москвы от иноземного нашествия и о прекращении смуты в России).

1993, 17 декабря — Чудотворная Толгская икона Пресвятой Богородицы возвращена из музея в Толгский женский монастырь Ярославской епархии при посещении Патриархом Московским и всея Руси Алексием II Ярославской епархии.

1993, 18 декабря — Истечение слез из иконы Пресвятой Богородицы в селе Боян Черновицкой области.

1994, 3 июня — В день праздника Владимирской иконы Пресвятой Богородицы чудотворная икона на время богослужения была перенесена из Третьяковской галереи в Успенский патриарший собор Московского Кремля.

1994, (июнь?) — Начало мироточения двух икон Пресвятой Богородицы в женском Скоропослушницком монастыре, что в г. Печора (Республика Коми) Архангельской епархии.

1994, 2 июля — Начало мироточения от Казанской иконы Пресвятой Богородицы, находящейся в приделе новомучеников Казанской церкви с. Пучково Нарофоминского р-на Московской обл.

1994, 11 декабря — Начало мироточения икон свт. Николая и Христа Спасителя в Никольском храме с. Завьялово в Удмуртии.

1995, 8 (26 августа) сентября — В Москве в связи с празднованием 600-летия Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы состоялся крестный ход из Кремля в Сретенский мужской монастырь, который возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

1995, 26(13) октября — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил восстановленные в центре Москвы Иверскую часовню и Воскресенские ворота. К этому дню со Святой горы Афон был доставлен в Москву список Иверской иконы Пресвятой Богородицы, написанный иером. Лукой с древнего чудотворного образа, находящегося в Иверском монастыре.

1996, 10 августа — В день празднования Смоленской иконы Пресвятой Богородицы в Сантахамина (Хельсинки, Финляндия) состоялась церемония возвращения списка Смоленской иконы Божией Матери на памятник 63 российским матросам и солдатам, погибшим 10—11 августа 1855 г. при бомбардировке крепости Свеаборг англо-французским флотом, когда крепостная артиллерия и корабли Балтийского флота предотвратили прорыв неприятельских кораблей в Финский залив.

Действующие монастыри Русской Православной Церкви (на 1 марта 1997 г.)

Алмаатинская епархия

1993

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Усть-Каменогорске.
Серафимо-Феогностовская Аксайская мужская пустынь.

Архангельская епархия

Антониево-Сийский мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в д. Сия.

Женский мон. во имя св. ап. Иоанна Богослова в г. Архангельске.

Мужской мон. во имя св. прав. Артемия Веркольского в д. Верколе.

Соловецкий мужской мон. в честь Преображения Господня (ставропигиальный).

Астраханская епархия

1994

Мужской мон. во имя св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в г. Астрахани.

Барнаульская епархия

1994

Димитриевский мужской мон. в г. Алейске.

1994

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в г. Барнауле.

1995

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Яровое.

Женский мон. во имя св. вел. кн. Александра Невского в г. Бийске.

1995

Женский мон. при церкви в честь Богоявления в г. Камень-на-Оби.

1994

Мужской мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в с. Коробейниково.

1996

Свято-Иоанновский женский мон. в с. Кислуха.

Скит в честь Иверской иконы Пресвятой Богородицы в с. Ребриха.

Белгородская епархия

Женский мон. во имя свв. жен-мироносиц Марфы и Марии в с. Зимовеньки; при нем скит.

Брестская епархия

Мужской мон. при храме во имя св. Афанасия в с. Аркадия.

Брянская епархия

Мужской мон. в честь Свенской иконы Успения Пресвятой Богородицы в п. Супонево.

Одринская женская пустынь во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских.

Площанская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, мужской мон.

виленская епархия

Женский мон. во имя св. равноап. Марии Магдалины в г. Вильнюсе.

Мужской мон. в честь Сошествия Святого Духа на апостолов в г. Вильнюсе.

Винницкая епархия

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Браилове.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Шаргороде.

Витебская епархия

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы при Ильинском храме в г. Орше.
Кутеинский мужской мон. в честь Богоявления в г. Орше.

Владивостокская епархия

1995

Марфо-Мариинская женская обитель во имя св. прмц. вел. кнг. Елисаветы в г. Владивостоке.

Николаевский мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в п. Горные Ключи.
Южно-Уссурийский женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Линевици.

Владимирская епархия

Боголюбский женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Женский мон. в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Киржач.

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Суздале.

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Александрове.

Женский мон. во имя прп. Евфросинии Суздальской в г. Суздале.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Новое.

Зосимова пустынь в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы около п. Арсаки.

Княгинин женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Владимире.

Космин мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Небылое.

Лукианова пустынь, мужской мон., в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Мужской мон. в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Муроме.

Мужской мон. в честь Всемилоствитого Спаса в г. Муроме.

Мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Владимире.

Мужской мон. во имя свт. [Василия Великого](#) в г. Суздале.

Никольский мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Гороховце; при нем скит в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение».

Новодевичий женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Муроме.

Островная женская пустынь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Покрове.

Свято-Георгиевский скит во имя прп. Сергия Радонежского в г. Гороховец.

Скит в честь Покрова Пресвятой Богородицы на Нерли в п. Боголюбово.

Стефано-Махрицкий женский мон. в честь Святой Троицы в с. Махра.

Волгоградская епархия

Богородице-Ахтырский женский мон. в с. Гусевка.

Женский мон. в честь Вознесения Господня в г. Дубовка.

Кременецкий мужской мон. в честь Вознесения Господня в п. Клецкий.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в м. Каменный Брод.

Свято-Духовский мужской мон. в г. Волгограде.

Усть-Медведицкий мужской мон. в честь Преображения Господня в г. Серафимовичи.

Вологодская епархия

Спасо-Прилуцкий Димитриев мужской мон. в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня в г. Прилуки.

Волынская епархия

Женский мон. в честь Сретения в с. Михновка.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Мильцы.

Святогорский женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Зимно (ставропигиальный к Киеву).

Воронежская епархия

Алексеево-Акатов женский мон. в честь Воскресения Господня в г. Воронеже.

Мужской мон. в честь Вознесения Господня в с. Костомарове.

Мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Задонске.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Дивногорье.

Мужской мон. во имя прп. Серафима Саровского в с. Новомакарове (строится).

Тихоновский женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живородный Источник» в г. Задонске.

Тихоновский Тюнинский женский мон. в честь Преображения Господня в г. Задонске.

Толшевский женский мон. в честь Преображения Господня в п. Графское.

Вятская епархия

Женский мон. в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в с. Пиксур.

Женский мон. в честь Преображения Господня в г. Вятке.

1995

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Николаевское.

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Вятке.

Трифонов мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Вятке.

Глуховская епархия

Молченский Печерский мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Путивле.

Глинский мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы (Глинская пустынь) в с. Сосновка.

Гомельская епархия

Женский мон. в честь Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы в г. Гомеле.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Гомеле.

Горловская епархия

Святогорский мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Славяногорске.

Гродненская епархия

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Гродно.

Днепропетровская епархия

1996

Мужской мон. во имя сщмч. Владимира, митр. Киевского, в г. Верхнеднепровске.

Самарский женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Новомосковске.

Донецкая епархия

Женский мон. в честь Касперовской иконы Пресвятой Богородицы в г. Макеевке.

Екатеринбургская епархия

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Верхотурье.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Туринске.

Мужской мон. во имя Всемилоственного Спаса в г. Екатеринбурге.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Верхотурье.

1994

Ново-Тихвинский женский мон. в г. Екатеринбурге.

1995

Женский мон. во имя св. вмч. Пантелеимона в г. Краснотурьинске.

1995

Мужской мон. во имя новомучеников Российских в г. Алапаевске.

1996

Мужской мон. в честь Воздвижения Креста Господня в г. Екатеринбурге.

Житомирская епархия

Мужской мон. в честь Преображения Господня в с. Тригорье.

Мужской мон. во имя св. вмч. Георгия в п. Городница.

Запорожская епархия

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Приморском.

Мужской мон. во имя прп. Саввы Освященного в с. Терпение.

Ивановская епархия

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Дунилово.

Женский мон. при храме в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Иваново.

Тихонова пустынь во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских в с. Тимирязево.

Шартомский мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Введенье.

Ивано-франковская епархия

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Тустань.

Ижевская епархия

1993

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Каменное Заделье.

1994

Женский мон. в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы при храме свв. апп. Петра и Павла в с. Люк.

1994

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Перевозное.

1996

Мало-Серафимовский женский мон. в с. Русский Пычас.

иркутская епархия

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в г. Иркутске.

Йошкар-олинская епархия

Женский мон. во имя свв. жен-мироносиц в с. Ежове.

Казанская епархия

Богородичная Седмиозерная пустынь в честь Вознесения Господня близ г. Казани.

Женский мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в г. Елабуге.

Макарьевский мужской мон. в честь Вознесения Господня в г. Свияжске.

Мужской мон. в честь Пресвятой Богородицы в п. Раифа.

Мужской мон. во имя св. Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня, в г. Казани.

Калужская епархия

Женский мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в г. Калуге.

Мужской мон. в честь Нерукотворного Образа Спасителя в г. Клыково.

Мужской мон. во имя прп. Тихона Калужского в с. Лев Толстой.

Пафнутьев Боровский мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Черноостровский женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Малоярославце.

1996

Амвросиевская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, женский мон., в п. Шамордино (ставропигиальный).

Оптина пустынь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы (ставропигиальный), в г. Козельске; при ней скит в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Пустынь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, женский мон., в с. Барятино.

Кемеровская епархия

Серафимовский женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Кольчугино.

Киевская епархия

Голосиевская пустынь в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Киеве.

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Киеве.

Ионовский мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Киеве.

Киево-Печерская лавра в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Мужской мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Киеве.

Мужской мон. в честь Преображения Господня в с. Княжичи.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Киеве (Китаевская пустынь).

Флоровский женский мон. в честь Вознесения Господня в г. Киеве.

Кировоградская епархия

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Кировограде.

Кишиневская епархия

Женский мон. в честь Вознесения Господня в с. Жабка.

1995

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радосте» в с. Веверице.

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Речула.

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Рудь.

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Каларашовка.

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Кушиловка.

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Табора.

Женский мон. во имя св. вмч. Георгия в с. Суручены.

Женский мон. во имя св. вмч. Димитрия в с. Варзарешты.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Николаевка.

Михайловский мужской мон. в с. Киштельница.

Мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Куркъ.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Сахарна.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Гырбовец.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Каприяна.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Фрумоаса.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Цыганешты.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы (скит) в с. Цыпово.

Мужской мон. во имя св. пророка Божия Илии в с. Никорены.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Добружа.

Ново-Нямецкий мужской мон. в честь Вознесения Господня в с. Кицканы.

Хынковский женский мон. во имя св. вмц. Параскевы Пятницы в с. Бурсук.

Мужской мон. в честь Вознесения Господня в с. Гыржавки.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Кондрице.

Скит Припичень-Куркъ во имя св. вмч. Димитрия в с. Припичень.

Костромская епархия

Авраамиевский мужской мон. в честь Положения пояса Пресвятой Богородицы в с. Ножкино.

Анастасьинский женский мон. в честь Богоявления в г. Костроме.

Ипатьевский мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Костроме.

Макариево-Унженский женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Макарьево.

Паисиево-Галичский женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Галиче.

Пустынь в честь Успения Пресвятой Богородицы, женский мон., в с. Тетеринском.
Сыпанов Пахомиево-Нерехтский женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Троица.

1993

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» при Вознесенском соборе в г. Костроме.

Макариево-Писемский женский мон. в с. Макарий-на-Письме.

Краснодарская епархия

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Кореновске.

Женский скит во имя св. равноап. Марии Магдалины в станице Роговской.

Свято-Духов мужской мон. в г. Тимашевске.

Красноярская епархия

Мужской мон. в честь Преображения Господня в г. Енисейске.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в п. Туруханске.

1995

Женский мон. в честь Иверской иконы Пресвятой Богородицы в г. Енисейске.

Женский мон. при Благовещенском храме в честь Благовещения г. Красноярска.

Криворожская епархия

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Днепродзержинске.

Курганская епархия

Женский мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Далматово.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Далматово.

Курская епархия

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Курске.

Коренная пустынь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в п. Местечко Свобода.

Мужской мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в г. Курске.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Рыльске.

Луганская епархия

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радосте» в г. Старобельске.

Львовская епархия

Мужской мон. во имя прп. Онуфрия Великого в г. Львове (восстанавливается).

Магаданская епархия

Мужской мон. в г. Магадане.

Майкопская епархия

Женский мон. во имя свв. жен-мироносиц Марфы и Марии в г. Апшеронске.

Минская епархия

Мужской мон. в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в д. Малые Ляды.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Жировичи (ставропигиальный к Минску).

Могилевская епархия

Женский мон. в честь Вознесения Господня в д. Барколабово.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Могилеве.

Московская епархия

Белопесочный женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Ступино.

Бобренов мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Старое Бобреново.

Владычный женский мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Серпухове.

Волоколамский Иосифов мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Теряеве (ставропигиальный).

Высоцкий мужской мон. в честь Зачатия Пресвятой Богородицы в г. Серпухове.

Давидово-Вознесенская пустынь, мужской мон., в п. Новый [Быт.](#)

Женский мон. в честь Зачатия Пресвятой Богородицы в Москве (ставропигиальный).

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Москве (ставропигиальный).

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Хотьково (ставропигиальный).

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Москве (ставропигиальный).

Женский мон. во имя свв. блгвв. кнн. Бориса и Глеба в д. Аносино (патриаршее подворье).

Иерусалимский женский мон. в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня в с. Лукине (ставропигиальный).

Мужской мон. в честь Донской иконы Пресвятой Богородицы в Москве (ставропигиальный).

Мужской мон. в честь Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, в Москве (ставропигиальный).

Мужской мон. во имя прп. Даниила Столпника в Москве (ставропигиальный).

Мужской мон. во имя свв. блгвв. кнн. Бориса и Глеба в г. Дмитрове.

Мужской мон. во имя свт. Петра, митрополита Московского, в Москве (Патриаршее подворье).

Ново-Голутвинский женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Коломне.

Новодевичий женский мон. в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы в Москве.

Ново-Иерусалимский мужской мон. в честь Воскресения Христова (ставропигиальный).

Новоспаский мужской мон. в честь Преображения Господня в Москве (ставропигиальный).

Саввин Сторожевский мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Звенигороде (ставропигиальный).

Сергиева лавра в честь Святой Живоначальной Троицы, мужской мон., в г. Сергиевом Посаде (ставропигиальный), при ней скит в честь Черниговской иконы Пресвятой Богородицы.

Старо-Голутвинский мужской мон. в честь Богоявления в г. Коломне.

Угрешский мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Дзержинском (ставропигиальный).

1995

Покровско-Васильевский мужской мон. в г. Павловом Посаде.

1996

Александровский женский мон. в с. Маклакове.

Бородинский женский мон. в честь Нерукотворенного Образа Спасителя в с. Семеновском.

Лужецкий Ферапонтов мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Можайске.

Мужской мон. во имя св. вмц. Екатерины в г. Видное-2.

Мукачевская епархия

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Домбоки.

Женский мон. во имя свв. равноап. Мефодия и Кирилла в с. Свалява.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Мукачево.

Серафимовский женский мон. в с. Приборжавском.

Нижегородская епархия

Георгиевский женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Абабково.

Женский мон. в честь Иверской иконы Пресвятой Богородицы в г. Выкса.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Арзамасе.

Мужской мон. в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Нижнем Новгороде.

Мужской мон. в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы в с. Оранки.

Печерский мужской мон. в честь Вознесения Господня в г. Нижнем Новгороде.

Прп. Макария Желтоводского женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в п. Макарьево.

Серафимо-Дивеевский женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в п. Дивеево.

Николаевская епархия

Михайловский женский мон. в с. Пелагеевка.

Новгородская епархия

Валдайский Святоозерский мужской мон. в честь Иверской иконы Пресвятой Богородицы.

Варлаамо-Хутынский женский мон. в честь Преображения Господня в п. Хутынь.

Вяжицкий женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Новгороде (ставропигиальный).

Мужской мон. во имя св. вмч. Георгия в г. Новгороде.

Перынский женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Новгороде.

Новосибирская епархия

Мужской мон. в честь Воздвижения Креста Господня в с. Малиновка.

Покровский Александро-Невский женский мон. в п. Кольвань.

Овручская епархия

Женский мон. во имя свт. Василия Великого в г. Овруче.

Одесская епархия

Женский мон. в честь Преображения Господня в с. Борисовка.

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Александровка.

Женский мон. во имя арх. Михаила в г. Одессе.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Одессе.

Мужской мон. во имя св. вмч. Пантелеимона в г. Одессе.

Мужской мон. во имя св. пророка Божия Илии в г. Одессе.

Омская епархия

1994

Женский мон. в честь Живоносного Креста Господня в п. Ачаире.

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Самохвалово.

1995

Женский мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в г. Омске.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Большекулаче.

Орловская епархия

Женский мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Орле.

Женский мон. во имя св. равноап. Марии Магдалины в с. Никольском.

Пензенская епархия

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Пензе.

Сканов женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в п. Наровчат.

Пермская епархия

1995

Белогорский мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Калинино.

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Перми.

Стефанов мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Перми.

1996

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Николаевском.

Трифонова женская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в п. Верхне-Чусовские Городки.

Петрозаводская епархия

Важеозерский женский мон. в честь Преображения Господня.

Муромский мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы близ д. Гакугса.

Пинская епархия

Женский мон. во имя св. вмц. Варвары в г. Пинске.

Полоцкая епархия

Евфросиниевский женский мон. во имя Пресвятой Богородицы в г. Полоцке.

Полтавская епархия

Женский мон. в честь Воздвижения Креста Господня в г. Полтаве.

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в п. Козельщина.

Мужской мон. в честь Преображения Господня в с. Мгарь.

Псковская епархия

Крыпецкий мужской мон. во имя св. ап. Иоанна Богослова.

Псково-Печерский мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Печоры.

Святогорский мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в п. Пушкинские Горы.

Снетогорский женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Пскове.

Рижская епархия

Мужской мон. в честь Сошествия Святого Духа на апостолов в г. Екабпилсе.

Сергиев женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Риге.

Женская пустынь в честь Преображения Господня (часть Рижского монастыря).

Ровенская епархия

Женский мон. в честь Волынской иконы Пресвятой Богородицы в с. Серники.

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в п. Гоща.

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Билево.

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Дермань.

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Корец (ставропигиальный).

Ильинский женский мон. в с. Городок.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Межиричи.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Липки.

Ростовская-на-Дону епархия

Донской мужской мон. в станице Старочеркасской.

Женский мон. в честь Иверской иконы Пресвятой Богородицы в г. Ростове-на-Дону.

Рязанская епархия

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в п. Солотча.

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в п. Выша.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Рязани.

Мужской мон. во имя св. ап. Иоанна Богослова в с. Пощупово.

Мужской мон. во имя св. вмч. Димитрия Солунского близ г. Скопина.

Чернеевский мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Старочернееве.

Самарская епархия

Женский мон. в честь Иверской иконы Пресвятой Богородицы в г. Самаре.

Мужской мон. в честь Вознесения Господня в г. Сызрани.

Санкт-петербургская епархия

Коневецкий мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Лавра в честь Святой Живоначальной Троицы и св. блгв. кн. Александра Невского, мужской мон., в Санкт-Петербурге.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы близ д. Зеленец.

Мужской мон., пустынь в честь Святой Живоначальной Троицы и прп. Сергия, Радонежского чудотворца, в Санкт-Петербурге.

Новодевичий женский мон. в честь Воскресения Христова в Санкт-Петербурге.

1994

Валаамский мужской мон. в честь Преображения Господня (ставропигиальный).

Женский мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, близ д. Оять.

Женский мон. во имя прп. Иоанна Рыльского в Санкт-Петербурге (ставропигиальный).

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Тихвин.

Саранская епархия

Санаксарский мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Темников.

1994

Мужской мон. во имя св. ап. Иоанна Богослова в г. Саранске.

1994

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Большое Чуфарово.

Параскево-Вознесенский женский мон. в с. Пайгарм.

1994

Женский мон. в честь Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы в с. Курилово.

Женский мон. во имя св. равноап. кнг. Ольги в г. Инсар.

Ключевская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, мужской мон. в п. Тургенево.

Мужской мон. в честь Преображения Господня в п. «Учхоз».

1996

Варсанофиевский женский мон. в с. Покровские Селищи.

Саратовская епархия

Алексеевский скит, женский мон., в г. Саратове.

Симферопольская епархия

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радосте» в п. Насыпны.

Женский мон. во имя св. вмц. Параскевы Пятницы.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Бахчисарае.

Мужской мон. во имя св. вмч. Георгия Победоносца в г. Севастополе.

Мужской мон. во имя свв. бесср. Космы и Дамиана в г. Алуште.

Мужской мон. во имя сщмч. Климента, папы Римского, в г. Севастополе.

Новоспасский скит во имя сщмч. Климента, папы Римского, в г. Севастополе.

Смоленская епархия

Герасимо-Болдинский мужской мон. в честь Святой Троицы в д. Болдино.

Женский мон. во имя св. Иоанна, Предтечи Господня, в г. Вязьме.

Мужской мон. в честь Преображения Господня в г. Рославле.

Сумская епархия

Боголюбский женский мон. в г. Белополье.

Сыктывкарская епархия

Женский мон. в честь Воздвижения Креста Господня в п. Кылтово.

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Скоропослушница» в г. Печоре.

Мужской мон. во имя арх. Михаила в с. Усть-Вымь.

Мужской скит в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Важкурья.

Стефано-Афанасиевский женский мон. в с. Вотча.

Стефано-Ульяновский мужской мон. в честь Святой Троицы в п. Ульяново.

1996

Серафимовский женский мон. в с. Иб.

таллинская епархия

Пюхтицкий женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы близ д. Куремяэ (ставропигиальный).

Тамбовская епархия

Женский мон. в честь Вознесения Господня в г. Тамбове.

Мужской мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в г. Тамбове.

Ташкентская епархия

Никольский женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Ташкенте.

1996

Мужской мон. во имя св. вмч. Георгия Победоносца в г. Чирчике.

Тверская епархия

Женский мон. в честь Вознесения Господня в п. Оршино.

Женский мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в г. Вышний Волочек.

Женский мон. во имя св. вмч. Екатерины в г. Твери.

Мужской мон. во имя свв. блгвв. кнн. Бориса и Глеба в г. Торжке.

Нило-Столобенская Осташковская пустынь, мужской мон., в честь Богоявления.

1994

Женский мон. в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Бежецке.

Клобуков мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Кашине.

Тернопольская епархия

Женский мон. в честь Богоявления Господня в г. Кременце.

Лавра в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Почаеве, мужской мон. (ставропигиальный к Киеву).

Свято-Духовский скит Почаевской лавры в г. Почаев-скит.

Тобольская епархия

Женский мон. во имя св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Мужской мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в п. Абалак.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Тюмени.

томская епархия

Богородицкий Алексиевский мужской мон. в г. Томске.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в п. Могочино.

1993

Мужской скит в честь Преображения Господня в с. Волок.

Тульская епархия

Женский мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в с. Колюпаново.

Мужской мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Жабынь.

Мужской мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Новомосковске.

Щегловский женский мон. во имя Пресвятой Богородицы в г. Туле.

Тульчинская епархия

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Немирове.

туровская епархия

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Хойники.

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в д. Юровичи.

Ульяновская епархия

1994

Женский мон. при храме арх. Михаила в с. Комаровка.

Мужской мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в с. Жадовка.

Уральская епархия

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Уральске.

Уфимская епархия

Женский мон. в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Уфе.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Стерлитамаке.

Харьковская епархия

Мужской мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Харькове.

Херсонская епархия

Бизюков мужской мон. во имя сщмч. Григория в с. Красный Маяк.

Хмельницкая епархия

Женский мон. в честь Преображения Господня в с. Головчинцы.

Мужской мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Городище.

Хустская епархия

Женский мон. в честь Вознесения Господня в с. Чумалево.

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Липча-мон.

Женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в с. Угля.

Женский мон. во имя ап. Иоанна Богослова в с. Копашнево-Поляна.

Женский мон. во имя арх. Михаила в с. Драгово-Забродь.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Хуст-Городилове.

Мужской мон. во имя св. Иоанна, Предтечи Господня, в с. Бедевля.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Иза-Карпутлаш.

Чебоксарская епархия

Женский мон. в честь Преображения Господня в г. Чебоксары.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Алатырь.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Чебоксары.

Новодевичий женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Алатырь.

Челябинская епархия

1993

Свято-Воскресенский мужской мон. в д. Иструть.

Женский мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в г. Троицке.

Черкасская епархия

Жаботинский мужской мон. во имя прп. Онуфрия Великого в с. Чубеевка.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Лебедин.

Красногорский женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Золотоноше.

Матронинский женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Мельники.

Мужской мон. во имя прп. Онуфрия Великого в с. Гарбузин.

Мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Трехтемирово.

Черниговская епархия

Елецкий женский мон. в честь Успения Пресвятой Богородицы в г. Чернигове.

Женский мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в с. Густынь.

Женский мон. во имя св. вмч. Георгия в с. Даневка.

Женский мон. во имя святых жен-мироносиц «Леорда» в с. Нижние Петровцы.

Мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Домница (восстанавливается).

Черновицкая епархия

Женский мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Черновцы.

Женский мон. во имя св. вмч. Иоанна Сучавского на хуторе Слатина.

Женский мон. во имя св. прав. Анны на Анниной горе в с. Вашковцы.

Мужской мон. в честь Вознесения Господня в с. Банчены.

Мужской мон. во имя св. ап. Иоанна Богослова в с. Крещатик.

Мужской мон. «Гореча» в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Черновцы.

Чимкентская епархия

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших» в г. Акмолинске.

Якутская епархия

1996

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Якутске.

Ярославская епархия

Алексеевский женский мон. в г. Угличе.

Женский мон. в честь Рождества Пресвятой Богородицы в г. Ростове Великом.

Спасо-Яковлевский Димитриев мужской мон. в г. Ростове Великом.

Толгский женский мон. в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы в г. Ярославле.

1994

Данилов мужской мон. в честь Святой Живоначальной Троицы в г. Переславль-Залесском.

Женский мон. в честь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Бычково.

Женский мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в г. Переславль-Залесском.

Мужской мон. во имя прп. Никиты Столпника в г. Переславль-Залесском.

Мужской мон. во имя свв. блгвв. кнн. Бориса и Глеба в п. Борисоглебский.

Мужской мон. во имя свт. Николая, архиеп. Мир Ликийских, в с. Сольба.

Спасо-Геннадиев мужской мон. в честь Преображения Господня в с. Слободка.

Корсунская епархия (Франция)

1993

Мужской мон. во имя прп. Силуана Афонского в м. Сен-Марс де Локне.

Женский мон. в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в д. Траверс Марсенат.

Женский мон. в честь Корсунской иконы Пресвятой Богородицы в д. Грассак Думерак.

Скит в честь Святого Духа, мужской мон., в г. Мениль Сен-Дени.

Горненский женский мон. в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы в г. Иерусалиме (Израиль).

Примечания

Карташов А. В. Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 15.

Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. М., 1994 [репринт с изд.: М., 1918]. Т. 2. С. 155—156.

Там же. С. 157.

Там же. С. 165.

Там же. С. 188.

Там же. С. 194.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 268.

Деяния. Т. 1. Вып. 2. С. 54—55.

Там же. С. 60—61.

Там же. С. 102—103.

Там же. Т. 2. С. 75.

Там же. Т. 2. С. 83.

Там же. № 43—45.

Деяния. Т. 2. С. 182.

Там же. С. 97—98.

Там же. С. 113.

Там же. С. 151—152.

Там же. С. 253.

Там же. С. 227.

Там же. С. 229.

Там же. С. 356.

Там же. С. 294.

Там же. С. 283.

Там же. С. 383.

Там же. С. 430.

Там же. С. 291.

Там же. С. 377.

Там же. С. 258.

Там же. С. 399.

Там же. С. 408—409.

Там же. С. 304—305.

Там же. С. 341.

Там же. С. 270.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 278.

Деяния. Т. 3. С. 83.

Там же. С. 89.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 280.

Деяния. Т. 3. С. 180—181.

Там же. С. 145.

Там же. С. 186.

Там же. С. 45.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 301.

Деяния. Т. 3. С. 110.

Там же. С. 118.

Вострышев М. Божий избранник. М., 1990. С. 55—57.

Антоний (Храповицкий), митр. Письма. Jordanville, 1988. С. 67.

Деяния. Т. 3. С. 135.

Там же. Т. 4. С. 14.

Там же. С. 14—15.

Там же. С. 19—25.

Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918. М., 1994 [репринт с изд.: М., 1918]. Вып. 2. С. 6—7.

Деяния. Т. 4. С. 106 (2-й пагинации).

Там же. С. 165 (1-й пагинации).

Евлогий. Путь моей жизни. С. 282.

Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 55—57.

Деяния. Т. 5. С. 232.

Там же. Т. 6. С. 212.

Собрание определений и постановлений. Вып. 1. С. 18.

Там же. С. 18—19.

Там же. С. 19.

Там же. С. 20.

Там же. С. 25—33.

Там же. Вып. 2. С. 3.

Там же. Вып. 3. С. 3—4.

Там же. С. 13.

Там же. Вып. 2. С. 22.

Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М., 1918. Т. 9. Вып. 1. С. 41.

Там же. С. 66.

Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 61.

Там же. Вып. 4. С. 31—43.

Там же. С. 47.

Там же. С. 28—30.

Там же. С. 23.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 « Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 70.

Там же. С. 74—75.

Гидулянов П. В. Отделение Церкви от государства. Сборник документов. М., 1924. С. 362. П. 12.

АКТЫ. С. 100.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 287.

Церковные ведомости. 1918. № 13—14.

Там же. № 7—8.

АКТЫ. С. 103—104.

Там же. С. 107—108.

Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М., 1996. С. 237.

Цит. по: *Регельсон*. Трагедия Русской Церкви С. 46—47.

Там же. С. 46, 216.

Польский М. Новые мученики Российские. Jordanville, 1957. Т. 1. С. 282—283; т. 2. С. 315—316.

Там же. Т. 2. С. 97—99.

Там же. Т. 1. С. 73—74.

Там же. Т. 2. С. 130—131.

Там же. С. 185—186.

Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917—1922 // Вестник РХД. 1979. № 128. С. 293.

АКТЫ. С. 149—151.

Нежный А. Допрос Патриарха // Российская газета. 20—21 января 1994.

Кандидов Б. Церковно-белогвардейский Собор в Ставрополе в мае 1919. М., 1930. С. 31—34.

Там же. С. 60.

Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 245—246.

АКТЫ. С. 160—161.

Там же. С. 163—164.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 264.

АКТЫ. С. 169.

Там же. С. 158.

Там же. 1920. № 9—12.

Там же. № 6—8.

АКТЫ. С. 165.

Гидулянов. Отделение Церкви. С. 27.

Русская Православная Церковь 988—1988. Очерки истории. М., 1988. Вып. 2. С. 24.

Одинцов М. И. Государство и Церковь. 1917—1938. М., 1991. С. 24—25.

Там же. С. 25.

Революция и Церковь. 1920. № 6—8.

АКТЫ. С. 181.

Там же. С. 177.

Там же. С. 190.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191—194.

Нежный. Допрос Патриарха.

Там же.

Там же.

Там же.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 277.

Нежный. Допрос Патриарха.

Живая церковь. 1922. № 2.

Сергий (Ларин), еп. Обновленческий раскол // Вестник русского Западноевропейского патриаршего экзархата. Париж, 1964. № 45. С. 36.

Там же. С. 36.

Известия. 1922. 14 мая.

Сергий (Ларин). Обновленческий раскол. С. 37.

Там же.

Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1990. Кн. 4—5. С. 291.

Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты. М.; Kusunacht, 1996. С. 23.

Введенский А. И. Церковь и революция. Пг., 1923.

Живая церковь. 1922. № 2.

Сергий (Ларин). Обновленческий раскол. С. 52

Там же. С. 54—56.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 97—98.

Криптон К. Защита канонов православия. 1922—1925 // Вестник РХД. 1979. № 128. С. 234.

Там же. С. 220.

Польский. Новые мученики. Т. 1. С. 44.

Там же. С. 47.

Там же. С. 52.

Там же. Т. 2. С. 293—294.

Там же. Т. 1. С. 55.

Революция и Церковь. 1923. № 1—3.

Польский. Новые мученики. Т. 2. С. 294—295.

Никон (Рклицкий), еп. Жизнеписание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, б. г. Т. 6. С. 128—129.

Валентинов А. Черная книга. Париж, 1927. С. 19.

Введенский. Церковь и Революция. С. 7.

Живая церковь. 1922. № 6—7.

Труды первого съезда, или собора «Союза церковного возрождения». М., 1925. С. 11.

АКТЫ. С. 219—221.

Труды первого съезда. С. 9.

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1923 г. (бюллетени). С. 11—12.

АКТЫ. С. 224.

Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970. С. 242.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 6. С. 118—119.

Там же. С. 83—84.

Вострышев. Божий избранник. С. 123; см. также: Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 325.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 6. С. 139.

Там же.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 323.

Там же. С. 321.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 6. С. 150.

АКТЫ. С. 280—281.

Цит. по: *Вострышев*. Божий избранник. С. 126.

Там же. С. 136.

Там же. С. 136—137.

АКТЫ. С. 283.

Там же. С. 286—287.

Там же. С. 291.

Шишкин. Сущность. С. 249.

Краснов-Левитин А. Воспоминания: Рук Твоих жар. Тель-Авив, 1979. Т. 2. С. 210—214.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 343.

Безбожник. 1924. № 2.

Частный архив.

Шишкин. Сущность. С. 254.

Цит. по: *Регельсон*. Трагедия Русской Церкви. С. 360.

АКТЫ. С. 322—324.

Цит. по: Труды первого съезда. С. 11.

Шишкин. Сущность. С. 258—259.

Голос православной Украины. 1925. № 1—2.

АКТЫ. С. 350.

Там же. С. 337.

Вострышев. Божий избранник. С. 144.

Там же.

Там же. С. 369.

Там же. С. 372.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 376—377.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 94.

Цыпин В. История Русской Православной Церкви. М., 1994. С. 70.

АКТЫ. С. 361—363.

Василий Виноградов. О некоторых важнейших мерах последнего периода жизни и деятельности Патриарха Тихона. Мюнхен, 1959, С. 42.

Елевферий (Богоявленский) митр. Неделя в Патриархии // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Материалы по истории Церкви. М., 1995. Кн. 5. С. 173—318.

АКТЫ. С. 413—417.

Там же. С. 362—363.

Там же. 1925. № 6.

Там же.

Краснов-Левитин А. Воспоминания: В поисках нового града. Тель-Авив, 1980. Т. 3. С. 128.

АКТЫ. С. 418—421.

Голос православной Украины. 1925. № 21.

Там же.

Поместный Собор Православной Российской Церкви в г. Москве 1—10 октября 1925 г. и его решения по вопросу о ликвидации церковного разделения. Самара, 1925.

Голос православной Украины. 1925. № 21.

Об этом см.: *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996. Кн. 2. С. 342—366.

Польский. Новые мученики. Т. 1. С. 137—138.

Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники. Кн. 2. С. 350.

Там же. С. 474—475.

ЦПА. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 775. Л. 39.

АКТЫ. С. 421—422.

Там же. С. 422.

Там же.

Там же. С. 424—426.

Там же. С. 427.

Там же. С. 431.

Там же. С. 436—437.

Там же. С. 447—448.

Цит. по: *Регельсон*. Трагедия Русской Церкви. С. 130—133.

АКТЫ. С. 457—458.

Там же. С. 460.

Там же. С. 462.

Там же. С. 465.

Там же. 469.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 110—111.

АКТЫ. С. 477.

Там же. С. 477—478.

Там же. С. 474—475.

АКТЫ. С. 500—507.

Вострышев М. Следственное дело № 36960 // ЖМП. 1993. № 3. С. 16.

АКТЫ. С. 489—490.

Там же. С. 492.

Там же. С. 499.

Там же. С. 509—513.

Там же. С. 679.

Граббе Г., прот. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Jordanville, 1961. С. 88.

Крестный путь русской иерархии. Из писем протопресвитера В. Виноградова // Вестник РХД, 1987. № 150. С. 252—253.

АКТЫ. С. 420.

Там же. С. 587—601.

Там же. С. 500—507.

Цит. по: Вестник РХД. 1990. № 158. С. 64—65.

АКТЫ. С. 287.

Там же. С. 534.

Там же. С. 517.

Там же. С. 520—521.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 436.

Виноградов В., прот. Положение Церкви в СССР и за границей. Нью-Йорк, 1950. С. 45.

Польский. Новые мученики. Т. 2. С. 73—74.

Иоанн (Снычев), архим. Материалы по иосифлянскому расколу. Б. м., б. г. Фонд МДА. Т. 2. С. 281—284 [машинопись].

Он же. Церковные расколы в Русской Церкви 20—40-х годов XX столетия. Сортавала, 1993. С. 152—153.

Под властью темных сил. Сборник [машинопись]. Б. г. С. 64. Об этом письме см. также: *Регельсон*. Трагедия Русской Церкви С. 440.

Иоанн (Снычев). Материалы. Т. 2. С. 285—288.

Он же. Церковные расколы. С. 161—164.

АКТЫ. С. 539—540.

Там же. С. 544—545.

Иоанн (Снычев). Церковные расколы. С. 166—167.

АКТЫ. С. 548—551.

Там же. С. 560—561.

Там же. С. 581.

Польский. Новые мученики. Т. 2. С. 5.

АКТЫ. С. 575.

Иоанн (Снычев). Церковные расколы. С. 214—216.

АКТЫ. С. 573—574.

Там же. С. 576—577.

Там же. С. 603—604.

Там же. С. 610.

Там же. С. 619—620.

Там же. С. 638.

Там же. С. 645.

Там же. С. 646.

Там же. С. 648.

Там же. С. 651—657.

Там же. С. 678.

Там же. С. 691—692.

Одинцов. Государство и Церковь. С. 33—34.

Там же. С. 45.

Козаржевский А. Ч. Церковноприходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 11/12. С. 22—23.

Общая газета. 16—22 августа. 1997.

Руденко М. Святитель Иларион, архиепископ Верейский // Православная беседа. 1992. № 6—7. С. 22—24. См. также: Вестник РХД. 1981. № 134. С. 227—235.

Иоанн (Снычев). Церковные расколы. С. 207—208.

Там же.

Краснов-Левитин. Рук Твоих жар. С. 164.

Китеж. 1930. № 1. С. 1.

Куроедов В. А. Религия и Церковь в Советском государстве. М., 1982. С. 89—90.

АКТЫ. С. 682—689.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 407.

АКТЫ. С. 689—692.

Цит. по: *Романюк С.* Москва: Утраты. М., 1992.

Там же. С. 214—216.

Цит. по: *Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники. Кн. 1. С. 47—85.

Цит. по: *он же*. Я теперь не умру... // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 1. С. 27—30.

Вострышев М. Заключение № 114 // Московский церковный вестник. 1992. № 18/19. С. 16.

Дамаскин (Орловский). Я теперь не умру. С. 30.

Вострышев. Крестный Путь моей жизни. С. 16.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 487.

Там же. С. 486.

Козаржевский. Церковноприходская жизнь. С. 26—28.

АКТЫ. С. 699—700.

Там же. С. 700—702.

Цит. по: *Бычков С.* Обвинительное заключение // Московский церковный вестник. 1993. № 4. С. 15.

Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные архиереи с 1893 по 1965 год. Куйбышев, 1966 [самиздат]. Т. 1. С. 187.

Жураковский А., свящ. Материалы к житию. Paris, 1984. С. 156—157.

Польский. Новые мученики. Т. 2. С. 289.

Там же. С. 287.

Дамаскин (Орловский), иером. Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий // Наука и религия. 1993. № 9. С. 13.

АКТЫ. С. 155.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 314.

АКТЫ. С. 173.

Патриарх. М., 1993. С. 7.

АКТЫ. С. 177.

Там же.

Там же.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 227—228.

АКТЫ. С. 178—179.

Там же. С. 184.

Цит. по: Heyer Friedrich. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Кц Іп, 1953. S. 137—138.

АКТЫ. С. 320—321.

См.: Heyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 143.

Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 1990. С. 325.

См.: Heyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 146 (прим. 66).

Ibidem. S. 147 (прим. 71).

Русское слово. Варшава, 1936. № 101.

Цит. по: *Попов А.* Пора проснуться! СПб.; Париж, 1993. С. 20.

Там же. С. 18.

Слово. 14 сентября 1936 г.

Там же. № 307.

Попов. Пора проснуться! С. 77.

Там же. С. 54—55.

Цит. по: Попов. С. 60—65.

Там же. С. 63.

Афанасий (Мартос). Беларусь. С. 264.

См.: *Попов*. Пора проснуться! С. 36—52.

Русское слово. 1936. № 150.

Цит. по: Heyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 154—155 (прим. 102).

Ibidem. S. 154 (прим. 101).

Попов. Пора проснуться! С. 69—70.

Попов. Пора проснуться! С. 74.

Цит. по: Heyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 162.

Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. М., 1995. Кн. 1. С. 324.

Граббе. Правда о Русской Церкви. С. 87.

Одинцов. Государство и Церковь. С. 504.

Цит. по: *Регельсон*. Трагедия Русской Церкви. С. 504.

Цит. по: *Дамаскин (Орловский)*. Мученики и исповедники. Кн. 1. С. 140—180.

Польский. Новые мученики. Т. 2. С. 88—94.

Там же. С. 78—82.

Дамаскин (Орловский). Мученики и исповедники. Кн. 1. С. 142, 231—233.

Там же. С. 179.

Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Воспоминания // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 12. С. 54—55.

Польский. Новые мученики. Т. 2. С. 121.

Подробнее: см.: *Иоанн (Снычев), митр.* Митрополит Мануил (Лемешевский). СПб., 1993. С. 180—185.

Свенцицкий А. Б. Отец Александр Хотовицкий. С. 1—2 [машинопись].

Польский. Новые мученики. Т. 2. С. 166—168.

Там же. С. 210—212.

Рар Г. (Ветров А.). Плененная Церковь. Франкфурт-на-Майне, 1954. С. 105—106.

Дамаскин (Орловский). Мученики и исповедники. Кн. 1. С. 231—232.

Граббе. Правда о Русской Церкви. С. 86—87.

Польский. Новые мученики. С. XVII.

Грaббе. Пpавдa o Pусскoй Цeркви. С. 88.

Юрин А. Под маской религии. М., 1939.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. (Сборник документов). М., 1943. С. 3—5; Правда о религии в России. М., 1942. С. 15—17.

Правда о религии. С. 85.

Там же. С. 87—88.

Там же. С. 290 (вкладыш).

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 6—7.

Патриарх Сергей. С. 238.

Краснов-Левитин. Рук Твоих жар. С. 77.

Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. С. 8—10.

Там же. С. 12.

Там же. С. 81.

Там же. С. 24—25.

Там же. С. 27.

Там же. С. 29—31.

Там же. 37—38.

Там же. С. 47.

Там же. С. 48—50.

Там же. С. 70—71.

Там же. С. 56.

Краснов-Левитин. Рук Твоих жар. С. 66.

Патриарх Сергей. С. 240.

Там же. С. 93.

Правда о религии. С. 7—12.

Афанасий (Мартос). Беларусь. С. 271.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 510.

Там же.

Афанасий (Мартос). Беларусь. С. 291.

Heyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 174.

Ibidem. S. 176.

Феодосий (Процюк), архиеп. Обособленческие движения в православной Церкви на Украине с 1917 по 1943 г. [Машинопись]. Смоленск, 1978—1979. Т. 4. С. 607.

Цит. по: Нeyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 175.

Феодосий (Процюк). Обособленческие движения Т. 5. С. 254.

Правда о религии. С. 129—135.

Там же. С. 137—140.

Там же. С. 141—142.

Феодосий (Процюк). Обособленческие движения. Т. 4. С. 685.

Там же. С. 690—691.

Цит. по: Heyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 184—185.

Ibidem.

Феодосий (Процюк). Обособленческие движения. Т. 4. С. 701—703.

См.: Heyer. Die Orthodoxe Kirche. S. 208.

Афанасий (Мартос). Беларусь. С. 288.

Регельсон. Трагедия Русской Церкви. С. 511.

Московский церковный вестник. 1994. № 6 (103).

Там же. Запись беседы, составленная Г. Г. Карповым, дополняет рассказ А. Левитина-Краснова. Содержание ночной беседы в Кремле он мог знать со слов ее участника митрополита Николая // *Краснов-Левитин. Рук Твоих жар*. С. 106—107.

Цит. по: ЖМП. 1943. № 1. С. 5.

Краснов-Левитин. Рук Твоих жар. С. 108.

ЖМП. 1943. № 1. С. 7—8.

Там же. С. 9—10.

Там же. С. 17—18.

Там же. С. 16.

Там же. С. 13.

Там же. С. 14.

Там же. № 2. С. 8.

Там же. С. 9—10.

Там же. № 3. С. 11.

Там же. № 2. С. 25.

Там же. С. 3—5.

Там же. № 3. С. 3—4.

Там же.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годах. СПб., 1995. С. 116.

Там же. № 4. С. 24—25.

Там же. 1944. № 3. С. 11—12.

Патриарх Сергей. С. 228.

Феодосий (Процюк). Обособленческие движения Т. 4. С. 736—737.

ЖМП. 1944. № 4. С. 4.

Патриарх Сергей. С. 208—209.

Там же. С. 53—54.

Там же. С. 213.

Там же. С. 255—256.

Там же. С. 234.

Там же. С. 235.

Патриарх Сергей. С. 232—233.

Там же. С. 263—264.

Там же. № 7. С. 3—4.

Цит. по: Патриарх Сергей. С. 296.

ЖМП. 1945. № 4. С. 5.

Там же. 1944. № 12. С. 5.

Там же. С. 5—6.

Там же. С. 6.

Там же. С. 17.

Там же. 1945. № 2. С. 36.

Там же. С. 41—42.

Положение об управлении Русской Православной Церковью. М., 1945. С. 2.

Там же. С. 4.

Там же.

Там же.

ЖМП. 1945. № 2. С. 49.

Там же. С. 51.

Там же.

Там же. С. 51—52.

Там же. С. 53.

Там же. С. 60.

Там же. С. 5—7.

Там же. 1945. № 3. С. 21—22.

Там же. № 5. С. 10—11.

См.: *Алексеев В.* «Штурм небес» отменяется: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 198.

Там же. С. 202.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт духовного исследования. М., 1990. Т. 1—2. С. 93.

Краснов-Левитин. Рук Твоих жар. С. 196—201.

Шкаровский. Русская Православная Церковь. С. 152—154.

За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд (Хроника семьи Зерновых. 1921—1972). Париж, 1973.
С. 325—326.

Шкаровский. Русская Православная Церковь. С. 151—152.

Гордун С., свящ. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // ЖМП. 1993. № 1. С. 45.

Там же. С. 45.

Там же. С. 46.

ЖМП. 1946. № 5. С. 60.

Гордун. Русская Православная Церковь. № 1. С. 47.

Там же. С. 47.

Краснов-Левитин. Рук Твоих жар. С. 194—196.

Там же. С. 194—196.

Левитин-Краснов, Шавров. Очерки по истории. С. 655.

Свенцицкий А. Б. Воспоминания московского прихожанина // ЖМП. 1994. № 4. С. 118.

Краснов-Левитин. Рук Твоих жар. С. 198—200.

Manuil (Lemesevskij). Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Eslangen, 1979.
Bd 1. S. 418.

Цит. по: *Григоренко А.* Уния в истории Украины-Руси: Краткий исторический очерк. Новосибирск, 1991. С. 80.

Цит. по: *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 260.

Алексий, Патр. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. М., 1948. Т. 1. С. 123.

ЖМП. 1946. № 4. С. 24.

Там же. С. 31.

Там же. С. 37.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 262.

ЖМП. 1945. № 9. С. 29—30.

Там же. № 11. С. 17.

Цит. по: *Скурат К. Е.* История поместных православных Церквей. М., 1994. Т. 2. С. 237.

ЖМП. 1948. Специальный номер. С. 26—27.

ЖМП. 1948. № 1. С. 5.

Алексеев. «Штурм небес». С. 200.

Цит. по: *Алексеев*. «Штурм небес». С. 206.

Там же. С. 206.

Рар. Плененная Церковь. С. 103.

Там же. С. 100.

Краснов-Левитин. В поисках нового града. С. 180.

Он же. Рук Твоих жар. Т. 2. С. 283—284.

Гордун. Русская Православная Церковь. № 1. С. 45.

Там же. С. 45—46.

Шкаровский. Русская Православная Церковь. С. 150—151.

Там же. С. 145—147.

ЖМП. 1952. № 5. С. 22—24.

Цит. по: *Алексеев*. «Штурм небес». С. 210.

Там же. С. 213.

ЖМП. 1955. № 3. С. 31.

Там же. 1945. № 7. С. 40.

См.: *Гордун*. Русская Православная Церковь. № 1. С. 48—49.

Там же. 1958. № 2. С. 56.

Цит. по: *Константинов Д., прот.* Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). New-York, 1967. С. 75—76.

Гордун. Русская Православная Церковь. № 1. С. 47.

Там же. С. 47.

Там же. 1958. № 6. С. 67—73.

Там же. С. 2.

Там же. С. 73—78.

Там же. С. 78.

Цит. по: *Алексеев*. «Штурм небес». С. 221.

Там же. С. 224.

Там же. С. 228.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 19.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 285.

Там же. С. 285.

Там же. С. 15.

Manuil (Lemesevskij). Die russischen orthodoxen Bischöfe. Bd 3. S. 282.

Цит. по: *Поспеловский*. Русская Православная Церковь. С. 288.

Там же. С. 14.

Струве Н. Из глубины. Париж, 1967. С. 269.

Никон, игум. Письма духовным детям. 2-е изд. Paris, 1988. С. 92.

Там же. № 3. С. 33—35.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 290.

Краснов-Левитин. В поисках нового града. С. 94.

Гордун. Русская Православная Церковь. № 2. С. 23.

Там же. № 2. С. 15.

Василий (Кривошеин), архиеп. Из воспоминаний о Соборе 1971 г. // Вестник РХД. 1986. № 147. С. 222.

Гордун. Русская Православная Церковь. № 2. С. 19.

Там же. С. 19.

Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1996. С. 199.

См.: *Поспеловский*. Русская Православная Церковь. С. 295.

Там же. С. 296—297.

ЖМП. 1961. № 8. С. 5—6.

Там же. С. 6.

Там же. С. 7.

Алексеев. «Штурм небес». С. 236.

Там же. С. 237.

Гордун. Русская Православная Церковь. № 2. С. 16.

Там же. № 2. С. 20.

Ардов М., прот. Мелочи архи-, прото- и просто иерейской жизни. М., 1995. С. 230.

Там же. С. 233.

Manuil (Lemesevskij). Die russischen orthodoxen Bischöfe. Bd 1. S 420.

Там же. S. 421.

ЖМП. 1961. № 10. С. 11.

Там же. 1962. № 9. С. 5.

Там же. 1961. № 5. С.

Там же. С.

Там же. 1962. № 9. С. 14—16.

Там же. № 11. С. 9—10.

Алексеев. «Штурм небес». С. 242.

См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 65—66.

Алексеев. «Штурм небес». С. 243.

См.: Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 74—77.

Там же. С. 77.

Цит. по: *Цытин. История. С. 167.*

См.: *Эллис Джеймс*. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. London, 1990. С. 17.

Патриарх. М., 1993. С. 15.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 312.

Там же. С. 313.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

Алексеев. «Штурм небес». С. 244.

Там же. С. 244.

Там же.

Там же.

Ардов. Мелочи. С. 200.

Там же. С. 30.

Там же.

Там же. С. 31.

Цит. по: Правда о религии в России. М., 1942. С. 98—99.

Цит. по: *Цытин. История. С. 175.*

Ардов. Мелочи. С. 199.

Там же.

Цит. по: Русская Православная Церковь. 988—1988. Вып. 2. 1917—1988 гг. М., 1988. С. 75.

ЖМП. 1970. № 7. С. 11.

Вече. 1971. № 2. 1020. С. 33—47; № 3. 1108. С. 62—67.

Там же. С. 221.

Там же. С. 214.

ЖМП. 1971. № 8. С. 22—24.

Там же.

ЖМП. 1971. № 8. С. 23—24.

ЖМП. 1971. № 7. С. 28—29.

Там же. С. 44.

Там же. С. 45.

Там же. С. 69.

Поместный Собор Русской Православной Церкви. 30 мая — 2 июня 1971. М., 1972. С. 126—129.

Там же. С. 129—131.

Там же. № 8. С. 48.

Там же. № 9. С. 22.

ЖМП. 1972. № 2. С. 14—15.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 127.

Там же. С. 128—129.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1988. С. 21.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 111.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 366.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 141—142.

Там же. С. 142.

Там же. С. 142—143.

Там же. С. 147—148.

Там же. С. 151.

Там же. С. 152—153.

Там же. С. 154—155.

ЖМП. 1978. № 3. С. 10—11.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 362.

Там же.

Там же. С. 283.

Там же. С. 278.

Там же. С. 279.

Там же. С. 291.

Там же. С. 281.

Там же. С. 297—298.

Там же. С. 298.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 373—374.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 361.

Литературная Россия. 19 января 1990.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 129—134.

ЖМП. 1976. № 4. С. 7—13.

Архив Московской Патриархии.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 203.

Там же. 1983. № 8. С. 49.

Русская мысль. № 3725. 20 мая 1988.

Там же.

Поместный Собор 1988 года. С. 23.

Там же. С. 281.

Там же. С. 290.

Там же. С. 377.

Там же. С. 28.

Там же. С. 37.

Там же. С. 61.

Там же. С. 57—58.

Там же.

Там же. С. 396.

Там же. С. 397.

Там же. С. 392—393.

Там же. С. 412.

Там же. С. 417.

Там же. С. 418.

ЖМП. 1988. № 9. С. 24—25.

Там же. С. 12.

Там же. № 2. С. 32—33.

Там же. № 5. С. 4.

Там же. С. 9—12.

Там же. С. 7.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 418.

Там же. 1957. № 12. С. 19.

Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания и обращения. 1957—1977. М., 1977. С. 52.

Там же. № 9. С. 17.

Там же. С. 30.

Там же. № 10. С. 28.

Там же. № 9. С. 31.

Там же. С. 33.

Там же. С. 10.

Там же. С. 19.

Там же. С. 21.

Патриарх. С. 6—7.

Там же. С. 12.

Там же. С. 13.

Патриарх. С. 13—14.

Там же. С. 15—16.

Там же. С. 16.

Там же. С. 9.

Там же. С. 11.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 280.

Там же. С. 284.

Там же. С. 288.

Архив Российского фонда мира.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 404.

Там же. С. 10—11.

Там же. 1990. № 12. С. 2.

Известия. 15 января 1991 г.

Там же. 28 мая 1991 г.

Там же. № 10. С. 9.

Там же. С. 2.

Там же. С. 3.

Патриарх. С. 40.

Там же. № 20.

Там же. 1992. № 1.

Патриарх. С. 133.

Там же. С. 140.

Там же. № 4. С. 7.

Там же. № 6. С. VII.

Там же. С. X.

Там же. № 7. С. 15.

Там же. С. 18.

Там же. № 8. С. 6.

Там же. С. 7.

Там же. № 6. С. XII.

Там же. С. XIII-XV.

Там же.

Там же.

Там же. С. XI-XII.

Архив Московской Патриархии. Материалы архиерейского Собора 11 июня 1992 г.

Русская мысль. № 3936. 3 июля 1992.

Радонеж. Январь 1997. № 1 (45). С. 5.

Официальная хроника. 1993. № 6. С. 48.

Там же. С. 9.

Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на епархиальном собрании духовенства Москвы 23 декабря 1994 года. М., 1995. С. 21.

Там же. С. 23—24.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 29 ноября — 2 декабря 1994 года.
Документы. Доклады. М., 1995. С. 23.

Там же. С. 31.

Там же. С. 84.

Там же. С. 29.

Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на епархиальном собрании 21 декабря 1995 года. М., 1996. С. 15.

Там же. С. 15—16.

Там же. С. 19.

Там же.

Радонеж. Ноябрь 1996. № 25—28. С. 2.

Архиерейский Собор 1994 года. С. 55.

Обращение Святейшего Патриарха. С. 14.

Архив Московской Патриархии. Архиерейский Собор 1997 года. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. С. 8.

Там же. С. 19.

Там же. С. 30—31.

Там же. С. 31.

Там же.

Там же. С. 31—32.

Там же. С. 33.

Там же. С. 34.

Там же. С. 40.

Там же. С. 43, 45.

Архив Московской Патриархии. Архиерейский Собор 1997 года. Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. С. 2.

Там же. Доклад митрополита Минского и Слуцкого Филарета. С. 14—15.

Там же. С. 10.

Там же. С. 11.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 361, 363.

Антоний (Храповицкий). Письма. С. 81.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 370.

АКТЫ. С. 175.

Антоний. Письма. С. 83—84.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 397.

Там же.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 6. С. 31.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 397.

Новое время. 1 марта 1922 г. № 254.

Антоний. Письма. С. 86.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 402.

Антоний. Письма. С. 86.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 7. С. 35.

Там же. С. 37.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 616.

Там же. С. 453.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 6. С. 166—167.

Граббе. Правда о Русской Церкви. С. 198.

Там же.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 6. С. 164—165.

Цит. по: *Поспеловский*. Русская Православная Церковь. С. 126.

Там же.

Стратонов И. А. Русская церковная смута (1921—1931) // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 123.

Поспеловский. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 238.

Рар. Плененная Церковь. С. 22—23.

Церковный вестник. 1927. № 3. С. 4—5.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 619—620.

Никон (Рклицкий). Жизнеописание блаженнейшего Антония. Т. 7. С. 218—219.

Там же.

Антоний. Письма. С. 106—107.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 598—599.

Там же. С. 623.

Архив ОБЦС.

Там же.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 623.

Там же. С. 625—626.

Там же. С. 627.

Там же. С. 623.

Архив ОБЦС.

Там же.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 627.

Антоний. Письма. С. 238.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 394.

АКТЫ. С. 309.

Цит. по: *Поспеловский*. Русская Православная Церковь. С. 247.

Антоний. Письма. С. 114.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 630.

Там же. С. 632.

Там же.

Антоний. Письма. С. 258—262.

Цит. по: *Цытин. История. С. 214.*

Евлогий. Путь моей жизни. С. 643.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 249.

Там же. С. 250.

Цит. по: *Антоний*. Письма. С. 19.

Там же. С. 22.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 39—40.

Зеньковский Василий, прот. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995. С. 210—211.

Антоний. Письма. С. 129.

Деяния Второго всезарубежного Собора. Белград, 1939. С. 490—550.

Цит. по: *Троцкий*. О неправде. С. 95.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 203.

Там же. С. 224.

Правда о религии. С. 290—292. (вкладыш).

Евлогий. Путь моей жизни. С. 664.

Там же. С. 665.

Там же. С. 666.

Церковная жизнь. 1 апреля 1942 г. № 4. С. 51.

Граббе. Правда о Русской Церкви. С. 189.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 219.

Григорий (Граббе), еп. Завет святого Патриарха. М., 1996. С. 333.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 667—668.

Там же. С. 666—667.

ЖМП. 1945. № 9. С. 9—12.

Там же. С. 13.

Там же. С. 5—6.

Троцкий. О неправде. С. 98.

Там же.

Цит. по: *Граббе*. Правда о Русской Церкви. С. 147.

Цит. по: *Поспеловский*. Русская Православная Церковь. С. 252.

Грaббе. Пpавдa о Русской Церкви. С. 156—157.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 239.

Митрофан, еп. Хроника одной жизни. М., 1995. С. 281.

Там же. С. 312.

Цит. по: *Поспеловский*. Русская Православная Церковь. С. 235.

Там же. 28 сентября 1974 г. № 18.

Русская мысль. 2 сентября 1988. С. 12.

Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 2. С. 385—386.

Митрофан. Хроника. С. 358.

Там же.

О религии и Церкви. М., 1981. С. 115.

Цит. по: Сосуд избранный. История российских духовных школ. 1882—1932. СПб., 1994. С. 234.

Там же. С. 258.

Там же. С. 265.

Там же. С. 259.

Цит. по: *Журавский А. В.* Казанская Духовная Академия в последний период ее существования // Материалы Казанской юбилейной историко-богословской конференции. 17—19 октября 1995 г. Казань, 1996.

Цит. по: Сосуд избранный. С. 283—284.

Кирилл, архиеп. Богословское образование в Петербурге-Петрограде-Ленинграде // БТ. Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. 1986. С. 21.

Евлогий. Путь моей жизни. С. 447.

Там же. С. 448.

Там же. С. 451—452.

Там же. С. 450.

Вечерняя Москва. 16 сентября 1994.

ЖМП. 1944. № 7. С. 11—12.

Питирим, архиеп. В единении традиции и актуальности // БГ Московская Духовная Академия. 300 лет. 1986. С. 25.

Цит. по: *Гордун*. Русская Православная Церковь. № 1. С. 46.

Патриарх Сергей. С. 394.

Цит. по: *Питирим*. В единении. С. 32.

Там же. С. 33.

ЖМП. 1946. № 10. С. 12.

Там же. 1991. № 4. С. 32.

Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. 1. С. 719—720.

Цит. по: *Шкаревский*. Русская Православная Церковь. С. 163—164.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 271.

Там же. С. 270.

О религии и Церкви. М., 1981. С. 115.

Цит. по: *Алексеев*. «Штурм небес». С. 219.

Гордун. Русская Православная Церковь. № 2. С. 21.

Поспеловский. Русская Православная Церковь. С. 300.

Там же. С. 15.

Поместный Собор 1988 года. С. 361—362.

Там же. С. 391.

Там же. 1991. № 4. С. 32—33.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября — 2 декабря 1994 г. М., 1995. С. 175.

Там же. С. 2.

Степанов В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 2. С. 17.

Поместный Собор 1988 г. С. 331.